This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.10

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

1-го Резервнаго
БИБЛІОТЕКА
Сапернаго Батальона.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ
В. М. Лаврова

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при немъ съ 15 декабря сего года

открывается НОТНАЯ торговля,

сначала только для **иногородних**ъ.

Ноты могутъ быть высылаемы какъ за наличныя деньги, такъ и съ наложеннымъ платежомъ.

Выписывающихъ покорнѣйше просятъ обозначать имя автора и opus сочиненія.

По соглашенію редакціи
„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ"
и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ",

въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова принимается подписка въ разсрочку на

„Настольный Энциклопедическій Словарь"
изд. Т-ва Гранатъ и К°.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ. „Настольный Энциклопедическій Словарь" издается на бумагѣ двухъ разборовъ: обыкновенной (тонкой веленевой) и лучшей (плотной веленевой).

ЦѢНА: полному изданію на обыкн. бумагѣ: безъ перепл. 37 руб., въ изящн. коленкоров. перепл. (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) 40 руб.; на лучшей бумагѣ: безъ переплета 44 руб. 80 коп., въ изящномъ коленкор. переплетѣ 48 руб.

За пересылку прилачивается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Съ 1 марта 1896 г. цѣна будетъ повышена.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ при подпискѣ 5 руб. и, предоставивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впредь до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.-е. 35 руб. за экз. на обыкн. бум. и 43 руб. за экз. на лучшей бум.) и стоимость пересылки (для обыкн. бум. 4 руб., для лучш. бум. 4 руб. 80 коп.); 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. или каждые три мѣсяца по 6 р., впредь до полной оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (30 руб. за экз. на обыкн. бум., 38 руб. за экз. на лучш. бум.) и стоимости пересылки (для обыкн. бум. 4 руб., для лучш. 4 руб. 80 коп.). 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., а 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Сниковъ съ картинъ классическихъ художниковъ" (4 серіи по 9 сниковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковые будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ“

Н. М. Астырева.

Второе, дополненное изданіе редакціи журнала „РУССКОЙ МЫСЛИ“, съ портретомъ автора.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Пересылка по разстоянію. Подписчики «РУССКОЙ МЫСЛИ» пользуются 10% уступки.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова.

(Москва, Большая Никитская, домъ № 2—24).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. М. Лаврова

(уголъ Б. Никитской и Леонт. пер., д. №. 2—24)

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ

НА СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Чарльза Дарвина и Добролюбова

Изданіе О. Н. Поповой.

Также на СЕОВЩУЮ ИСТОРІЮ ЛИТЕРАТУРЫ І. Шерра.

Изданіе Байкова и К°.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

предпринимаетъ новое изданіе, которое будетъ выходить подъ названіемъ

„БИБЛІОТЕКА РУССКОЙ МЫСЛИ“.

Въ составъ этого изданія войдутъ беллетристическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, и популярныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Въ теченіе года выйдутъ отъ 15 до 20 книжекъ. Первая книжка

ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ,

повѣсть ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА,

переводъ **В. М. Лаврова,**

вышла и продается **въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова,**

уголъ Б. Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

Цѣна 40 коп.

Въ слѣдующія книжки войдутъ произведенія *М. Н. Альбова, К. С. Баранцевича, В А Гольцева, М. Конопницкой, М. С. Корелина, В. Косякевича, Вас. Ив. Немировича-Данченко, Э Ожешковой, М. Н. Ремезова, К. М. Станюковича. А. Шиманьскаго, А. П. Чехова* и другихъ.

Объявленія.

Новый иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„ВСХОДЫ".

24 книги въ годъ.

Будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа — книгой большого формата—отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ—въ два столбца, съ многочисленными рисунками и разнообразнымъ матеріаломъ, б) 15-го—небольшой изящной книжкой—отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, содержащей въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное. Ближайшее участіе въ редакціи будетъ принимать извѣстная писательница для дѣтей А. Н. Анненская.

Въ журналѣ „ВСХОДЫ", будетъ помѣщаться ежемѣсячно: 1) отдѣлъ для маленькихъ дѣтей и 2) для родителей — критическій указатель дѣтской литературы. Кромѣ того, подписчики получатъ книгу беллетристическаго или научно-популярнаго содержанія, въ видѣ безплатнаго приложенія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА:

Цѣна 5 руб. въ годъ, съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи, за границу 8 руб.
Разсрочка допускается слѣдующая: 3 руб. при подпискѣ и 2 руб. къ 1-му маю.

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, д. 25, кв. 5, въ редакціи журнала „МІРЪ БОЖІЙ".

Издательница А. Давыдова. Редакторъ П. Голиковскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

НА

V-й годъ изданія. „Міръ Божій", V-й годъ изданія.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 22—25 печ. листовъ.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее: По беллетристикѣ: „Но новому пути" — романъ Д. Н. Мамина-Сибиряка; „Матросикъ"—разсказъ К. Станюковича; „Мишурисъ"— разсказъ И. Потапенка; „Въ водоворотѣ"—изъ исторіи великой французской революціи, Ю. Безродной; „Подъ игомъ"—романъ И. Вазова, переводъ съ болгарскаго; „За Атлантическимъ океаномъ"—путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки по Америкѣ, Кживицкаго, переводъ съ польскаго. Научныя сочиненія и статьи: „Шекспиръ и Бѣлинскій" — проф. Н. Стороженко; „А. Ѳ. Писемскій" — Ив. Иванова; „Люди и факты новой европейской культуры"—Ив. Иванова; „Герой современной легенды"— Ив. Иванова; „Рёскинъ и его ученіе"—Д. Коропчевскаго; „Очерки по исторіи русской культуры"—Н. Милюкова; „Свободна ли человѣческая личность"—прив.-доц. Г. Челпанова; „Экономическіе этюды" — прив.-доц. М. Туганъ-Барановскаго; Очерки Гр. Джаншіева; „Сила тяжести и давленіе, какъ условіе существованія животныхъ"— проф. А. Никольскаго; „Вольфгангъ Гёте" — Даудена, „Развитіе профессій" — очерки Спенсера. „Исторія цивилизаціи"—Дюкудре, средніе и новые вѣка; „Основныя идеи зоологіи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнихъ временъ до Дарвина"—Эдмона Періэ; „Наши тайные друзья и враги"— популярныя лекціи по бактеріологіи, Фарадея Франкланда, и проч.

Постоянные отдѣлы: Разныя разности: 1) На родинѣ, 2) За границей, 3) Критическія замѣтки, 4) Библіографія, 5) Новости иностр. литературы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой 7 р., безъ доставки 6 р., за границу—10 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ редакціи—Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. РАЗСРОЧКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ: при подпискѣ 4 руб., остальные 3 руб. къ первому іюля и черезъ казначеевъ.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. Острогорскій.

ЭнцИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ),

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО,

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки).
С. А. Венгеровъ (исторія литературы).
Проф. А. И. Воейковъ (географія).
Проф. Н. И. Кареевъ (исторія).
А. И. Сомовъ (изящн. искусства).

Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.).
Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство).
Владиміръ Соловьевъ (философія).
Проф. Н. Ѳ. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 31 полутомъ. Всего полутомовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно русскими учеными и спеціалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно. Значительная часть русской географіи обрабатывается членами географическихъ экспедицій, посѣтившими съ научными цѣлями описываемыя ими мѣстности. Для каждой губерніи и области дается спеціальная карта. Кромѣ географ. картъ приложены разнообразныя иллюстраціи, служащія наглядной составной частью энциклопедическаго цѣлаго.

Заявленія о подпискѣ принимаются: въ редакц. журн. *Русская Мысль* и *Вопросы Философіи и Психологіи* и въ книжн. магазин. *Новаго Времени*, Вольфа, Карбасникова, Салаева, Клюкина и др.

Допускается разсрочка на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ трехъ рублей. Правительственныя и частныя учрежденія задатка не вносятъ.

ИЗДАТЕЛИ: *Ф. А. Брокгаузъ* (Лейпцигъ).
И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

Русская Мысль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ
НА
ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ
„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

1-го декабря вышла XII-я книжка.

I. ПРОЗРѢЛА. Повѣсть. *П. Боборыкина.*—II. ПУСТАЯ ЧАША. Стих. *Д. Мережковскаго.*—III. РУССКІЕ ЮРИСТЫ ВЪ БЕРЛИНѢ. Проф. И. *Фойницкаго.*—V. ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ. Ром. *Ѳ. Сологуба.*—V. ВОПРОСЫ САМООБРАЗОВАНІЯ. *Отъ Редакціи.*—Международное право, какъ предметъ самообразованія. Проф. *Л. Камаровскаго.*—VI. „QUO VADIS“. Романъ *Генрика Сенкевича.*—VII. СУДЪ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ НАРОДА. *М. Стивалк.*—VIII. СМЕРТЬ ТЭНТАЖИЛЯ. Драма *Мориса Метерлинка.* Перев. съ франц. *Е. Летковой.*—IX. ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ МОЕГО ОТЦА. *Паолы. Ломброзо.*—X. ПОМѢШАТЕЛЬСТВО ТОРКВАТО ТАССО И БАЙРОНА (Переводъ съ рукописи). *Ц. Ломброзо.*—XI. ИСТОРІЯ, А НЕ ЛЕГЕНДА. *Влад. Каренина.*—XII. СОНЕТЪ. *Н. Минскаго.*—XIII. ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.—XIV. ПѢСНЯ. Стихотв. *З. Гиппіусъ.*—XV.—ПО ГАЛИЛЕѢ. *П. Корженевскаго.*—XVI. ВОДОЧНАЯ МОНОПОЛІЯ И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ. *П. Кузнецова.*—XVII. ИЗЪ ИНТИМНОЙ ПЕРЕПИСКИ. *А. И. Герцена.*—XVIII. ПОЗДНО. Стих. *К. Бальмонта.*—XIX. СОВРЕМЕННАЯ „МОЛОДАЯ ГЕРМАНІЯ“. *А. Браунера.*—XX. КАРЬЕРА СТРУКОВА. Повѣсть. *А. Эртеля.*—XXI. ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ (Oscar Wilde) *А. Волынскаго.*—XXII. НА ЗАПАДѢ. ***. ОТДѢЛЪ II. I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. ЧРЕЗПОЛОСНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ. *Г. Десятова.* II. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. *Л. Прозорова.*—III. ТРЕТІЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗООЛОГИЧЕСКІЙ КОНГРЕСЪ. Проф. *В. Шимкевича.*—IV. ЗЕМСКІЯ ДѢЛА. *М. Петрова.*—V. ВЪ СИБИРИ. *Н. Арефьева.*—VI. ДѢЛА И ДНИ. „Жиды“ въ Европѣ и „жиды“ въ Россіи.—Патріотизмъ „всероссійскаго купечества“.—Реформа биржи и биржевой кризисъ *М. Петропавловскаго.*—VII. КРИТИКА.—VIII. БИБЛІОГРАФІЯ.—IX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Недостатки устройства прокурорскаго надзора и слѣдственной части.—Вопросъ о полицейскихъ штрафахъ.—Проектъ новаго устава крестьянскаго банка.—Арендованіе казенныхъ земель.—Объ ограниченіи фабричнаго рабочаго дня.—X. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. А. И. Чупровъ. *П. Кузнецова.*—С.-Петербургскій комитетъ грамотности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Годъ:	½ года:	¼ года:
Съ пересылкою.	13 р. 50 к.	7 р.—к.	3 р. 50 к.
За границей.	15 „—„	8 „— „	4 „— „

Допускается РАЗСРОЧКА. Для учащихъ и учащихся льготныя условія.

Новые годовые подписчики „Сѣвернаго Вѣстника“ на 1896 годъ получатъ вмѣстѣ съ № 1 журнала на 1896 г. первый томъ ром. Генрика Сенкевича „Quo vadis?“ (все напеч. въ журналѣ за 1895 годъ) въ видѣ безплатнаго приложенія. Статьи, начатыя печатаніемъ въ концѣ 1895 г.: повѣсть А. Эртеля «Карьера Струкова» и «Вопросы самообразованія» также будутъ безплатно разосланы новымъ подписчикамъ.

Главная контора: Спб., Троицкая, 9; отдѣленіе конторы—въ Москвѣ въ кн. магазинѣ К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1895.

~~Slav 80.11~~
P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	АРІАДНА. (Разсказъ).—А. П. Чехова.	1
II.	ПРИНЦИПЪ ПОШАТНУЛСЯ. (Изъ записокъ хуторянина). — П. И. Слѣпцова	27
III.	МАРЧЕЛЛА. Романъ мистрисъ Уордъ. Переводъ съ англійскаго А. С. М. *Окончаніе.*	42
IV.	ЮБИЛЕЙ. (Не совсѣмъ обыкновенная исторія). *Окончаніе.*— М. Н. Альбова.	84
V.	МРАКЪ.—А. Н. Погорѣлова	141
VI.	КАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ временъ Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе*	174
VII.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—К. Д. Бальмонта	224
VIII.	КУСТАРНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ БАНКЪ ПЕРМСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА. *Окончаніе.*—Ив. Х. Озерова	1
IX.	РАСТЕНІЯ И МУРАВЬИ. (Біологическій очеркъ).—М. И. Голенкина.	16
X.	НАПАДЕНІЕ И ЗАЩИТА.—П. Н. Обнинскаго	36
XI.	ВОЙНА У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ. (*Ch. Letourneau*: «La guerre dans les diverses races humaines»). *Окончаніе.*—И. Н. К. .	46
XII.	ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ И ЕГО ОППОНЕНТЫ. *Окончаніе.*—А. А. Кизеветтера.	72
XIII.	КУЛЬТУРНЫЕ МОТИВЫ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.—Т. И. Полнера.	94
XIV.	ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII И XIX СТОЛѢТІЙ. *Продолженіе.*—П. Н. Милюкова	110
XV.	КАКЪ НЕ СЛѢДУЕТЪ ПОНИМАТЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬ У РИМСКИХЪ ЮРИСТОВЪ.—Ю. С. Гамбарова	152
'.	ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . .	173

Стр.

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Исполненіе государственной росписи на 1894 годъ. — Положеніе русской сахарной промышленности. — Синдикатъ сахарозаводчиковъ. — Положеніе 20 ноября объ урегулированіи сахарнаго производства. — Дѣятельность крестьянскаго земельнаго банка въ 1894 г. — Проектъ законодательной нормировки рабочаго времени въ промышленныхъ заведеніяхъ. — Расширеніе по министерству юстиціи о сокращеніи дѣлопроизводства. — Новыя данныя о кустарныхъ промыслахъ. — Второй съѣздъ по техническому профессіональному образованію. — Отчетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ 192

XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. А. Г. 216

XIX. ЧЕСТВОВАНІЕ А. И. ЧУПРОВА. — Ред. 223

XX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Честь*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Германа Зудермана. Переводъ Виктора Крылова; *Власть тьмы, или коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, Л. Н. Толстого. Ан. — Музыкальная хроника. А. Б. 225

XXI. ВОЗРАЖЕНІЕ Г. УМѢРЕННОМУ КОНСЕРВАТОРУ. — Московскаго обывателя 241

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика. — Критика и публицистика. — Философія, психологія и педагогика. — Исторія. — Путешествія. — Статистика — Естествознаніе. — Изданія для народа. — Справочныя книги. II. Періодическія изданія: «Русское Богатство», *октябрь*. — «Сѣверный Вѣстникъ», *ноябрь*. — «Вѣстникъ Европы», *ноябрь*. — «Дѣтское Чтеніе», *ноябрь и декабрь*. III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1895 г. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1895 г. 605

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 710

АРІАДНА.

(Разсказъ).

На палубѣ парохода, шедшаго изъ Одессы въ Севастополь, какой-то господинъ, довольно красивый, съ круглою бородкой, подошелъ ко мнѣ, чтобы закурить, и сказалъ:

— Обратите вниманіе на этихъ нѣмцевъ, что сидятъ около рубки. Когда сойдутся нѣмцы или англичане, то говорятъ о цѣнахъ на шерсть, объ урожаѣ, о своихъ личныхъ дѣлахъ; но почему-то, когда сходимся мы, русскіе, то говоримъ только о женщинахъ и высокихъ матеріяхъ. Главное—о женщинахъ!

Лицо этого господина было уже знакомо мнѣ. Наканунѣ мы возвращались въ одномъ поѣздѣ изъ-за границы и въ Волочискѣ я видѣлъ, какъ онъ во время таможеннаго осмотра стоялъ вмѣстѣ съ дамой, своей спутницей, передъ цѣлою горой чемодановъ и корзинъ, наполненныхъ дамскимъ платьемъ, и какъ онъ былъ смущенъ и подавленъ, когда пришлось платить пошлину за какую-то шелковую тряпку, а его спутница протестовала и грозила кому-то пожаловаться; потомъ по пути въ Одессу я видѣлъ, какъ онъ носилъ въ дамское отдѣленіе то пирожки, то апельсины.

Было немножко сыро, слегка покачивало, и дамы ушли къ себѣ въ каюты. Господинъ съ круглою бородкой сѣлъ со мной рядомъ и продолжалъ:

— Да, когда русскіе сходятся, то говорятъ только о высокихъ матеріяхъ и женщинахъ. Мы такъ интеллигентны, такъ важны, что изрекаемъ однѣ истины и можемъ рѣшать вопросы только высшаго порядка. Русскій актеръ не умѣетъ шалить, онъ въ водевилѣ играетъ глубокомысленно, такъ и мы: когда приходится говорить о пустякахъ, то мы трактуемъ ихъ не иначе, какъ съ высшей точки зрѣнія. Это недостатокъ смѣлости, искренности и простоты. О жен-

щинахъ же мы говоримъ такъ часто потому, мнѣ кажется, что мы неудовлетворены. Мы слишкомъ идеально смотримъ на женщинъ и предъявляемъ требованія, несоизмѣримыя съ тѣмъ, что можетъ дать дѣйствительность, мы получаемъ далеко не то, что хотимъ, и въ результатѣ неудовлетворенность, разбитыя надежды, душевная боль, а что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Вамъ не скучно продолжать этотъ разговоръ?

— Нѣтъ, нисколько.

— Въ такомъ случаѣ позвольте представиться,—сказалъ мой собесѣдникъ, слегка приподнимаясь,—Иванъ Ильичъ Шамохинъ, московскій помѣщикъ нѣкоторымъ образомъ... Васъ же я хорошо знаю.

Онъ сѣлъ и продолжалъ, ласково и искренно глядя мнѣ въ лицо:

— Эти постоянные разговоры о женщинахъ какой-нибудь философъ средней руки, вродѣ Макса Нордау, объяснилъ бы эротическимъ помѣшательствомъ, или тѣмъ, что мы крѣпостники и прочее, я же на это дѣло смотрю иначе. Повторяю: мы неудовлетворены, потому что мы идеалисты. Мы хотимъ, чтобы существа, которыя рожаютъ насъ и нашихъ дѣтей, были выше насъ, выше всего на свѣтѣ. Когда мы молоды, то поэтизируемъ и боготворимъ тѣхъ, въ кого влюбляемся; любовь и счастье у насъ—синонимы. У насъ въ Россіи бракъ не по любви презирается, чувственность смѣшна и внушаетъ отвращеніе, и наибольшимъ успѣхомъ пользуются тѣ романы и повѣсти, въ которыхъ женщины красивы, поэтичны и возвышенны, и если русскій человѣкъ издавна восторгается рафаэлевской Мадонной, или озабоченъ женской эмансипаціей, то, увѣряю васъ, тутъ нѣтъ ничего напускного. Но бѣда вотъ въ чемъ. Едва мы женимся, или сходимся съ женщиной, проходитъ какихъ-нибудь два-три года, какъ мы уже чувствуемъ себя разочарованными, обманутыми; сходимся съ другими, и опять разочарованіе, опять ужасъ, и въ концѣ-концовъ убѣждаемся, что женщины лживы, мелочны, суетны, несправедливы, неразвиты, жестоки, — однимъ словомъ, не только не выше, но даже неизмѣримо ниже насъ мужчинъ. И намъ, неудовлетвореннымъ, обманутымъ, не остается ничего больше, какъ брюзжать и походя говорить о томъ, въ чемъ мы такъ жестоко обманулись.

Пока Шамохинъ говорилъ, я замѣтилъ, что русскій языкъ и русская обстановка доставляли ему большое удовольствіе. Это оттого, вѣроятно, что за границей онъ сильно соскучился по родинѣ. Хваля русскихъ и приписывая имъ рѣдкій идеализмъ, онъ не от-

зывался дурно объ иностранцахъ, и это располагало въ его пользу. Было также замѣтно, что на душѣ у него неладно и хочется ему говорить больше о себѣ самомъ, чѣмъ о женщинахъ, и что не миновать мнѣ выслушать какую-нибудь длинную исторію, похожую на исповѣдь.

И въ самомъ дѣлѣ, когда мы потребовали бутылку вина и выпили по стакану, онъ началъ такъ:

— Помнится, въ какой-то повѣсти Вельтмана кто-то говоритъ: «вотъ такъ исторія!» А другой ему отвѣчаетъ:—«нѣтъ, это не исторія, а только интродукція въ исторію». Такъ и то, что я до сихъ поръ говорилъ, есть только интродукція, мнѣ же собственно хочется разсказать вамъ свой послѣдній романъ. Виноватъ, я еще разъ спрошу: вамъ не скучно слушать?

Я сказалъ, что не скучно, и онъ продолжалъ:

— Дѣйствіе происходитъ въ Московской губерніи, въ одномъ изъ ея сѣверныхъ уѣздовъ. Природа тутъ, долженъ я вамъ сказать, удивительная. Усадьба наша находится на высокомъ берегу быстрой рѣчки, у такъ называемаго быркаго мѣста, гдѣ вода шумитъ день и ночь; представьте же себѣ большой старый садъ, уютные цвѣтники, пасѣку, огородъ, внизу рѣка съ кудрявымъ ивнякомъ, который въ большую росу кажется немножко матовымъ, точно сѣдѣетъ, а по ту сторону лугъ, за лугомъ на холмѣ страшный, темный боръ. Въ этомъ бору рыжики родятся видимо-невидимо и въ самой чащѣ живутъ лоси. Я умру, заколотятъ меня въ гробъ, а все мнѣ, кажется, будутъ сниться раннія утра, когда, знаете, больно глазамъ отъ солнца, или чудные весенніе вечера, когда въ саду и за садомъ кричатъ соловьи и дергачи, а съ деревни доносится гармоника, въ домѣ играютъ на роялѣ, шумитъ рѣка—и все это сливается въ такую музыку, что хочется и плакать, и громко пѣть. Запашка у насъ не большая, но выручаютъ луга, которые вмѣстѣ съ лѣсомъ даютъ тысячъ около двухъ ежегодно. Я у отца единственный сынъ, оба мы люди скромные, и этихъ денегъ плюсъ еще отцовская пенсія совершенно хватало. Первые три года по окончаніи университета я прожилъ въ деревнѣ, хозяйничалъ и все ждалъ, что меня куда-нибудь выберутъ. Главнымъ же образомъ дома удерживала меня любовь. Я былъ сильно влюбленъ въ одну необыкновенно красивую, обаятельную дѣвушку. Была она сестрой моего сѣда, помѣщика Котловича, прогорѣвшаго барина, у котораго въ теплицахъ были ананасы, замѣчательные персики, громоотводы, фонтанъ посреди двора и въ то же время ни копѣйки денегъ. Онъ ничего не дѣлалъ, ничего не умѣлъ, былъ какой-то кволый, точно

сдѣланный изъ пареной рѣпы; лѣчилъ мужиковъ гомеопатіей и занимался спиритизмомъ. Человѣкъ онъ, впрочемъ, былъ деликатный, мягкій и не глупый, но не лежитъ моя душа къ этимъ господамъ, бесѣдующимъ съ духами и лѣчащимъ бабъ магнетизмомъ. Во-первыхъ, у умственно не свободныхъ людей всегда бываетъ путаница понятій и говорить съ ними чрезвычайно трудно, и, во-вторыхъ, обыкновенно никого они не любятъ, съ женщинами не живутъ, а эта таинственность дѣйствуетъ на впечатлительныхъ людей непріятно. И наружность его мнѣ не нравилась. Онъ былъ высокъ, толстъ, бѣлъ, съ маленькой головой, съ маленькими блестящими глазами, съ бѣлыми пухлыми пальцами. Онъ не жалъ вамъ руку, а мялъ. И все онъ бывало извиняется. Проситъ что-нибудь—извините, даетъ—тоже извините. Что же касается его сестры, то это лицо совсѣмъ изъ другой оперы. Надо вамъ замѣтить, что въ дѣтствѣ и въ юности я не былъ знакомъ съ Котловичами, такъ какъ мой отецъ былъ профессоромъ въ N., и мы долго жили въ провинціи, а когда я познакомился съ ними, то этой дѣвушкѣ было уже двадцать два года, и она давно успѣла и институтъ кончить и пожить года два-три въ Москвѣ, гдѣ богатая тетка вывозила ее въ свѣтъ, и успѣла даже надѣлать долговъ и поссориться съ этой теткой. Когда я познакомился и мнѣ впервые пришлось говорить съ ней, то меня прежде всего поразило ея рѣдкое красивое имя, Аріадна. Оно такъ шло къ ней! Это была брюнетка, очень худая, очень тонкая, гибкая, стройная, чрезвычайно граціозная, съ изящными, въ высшей степени благородными, чертами лица. У нея тоже блестѣли глаза, но у брата они блестѣли холодно и слащаво, какъ леденцы, въ ея же взглядѣ свѣтилась молодость, красивая, гордая молодость. Она покорила меня въ первый же день знакомства и не могло быть иначе. Первыя впечатлѣнія были такъ властны, что я до сихъ поръ не разстаюсь съ иллюзіями, мнѣ все еще хочется думать, что у природы, когда она творила эту дѣвушку, былъ какой-то широкій, изумительный замыселъ. Голосъ Аріадны, ея шаги, шляпка и даже отпечатки ея ножекъ на песчаномъ берегу, гдѣ она удила пескарей, вызывали во мнѣ радость, страстную жажду жизни. По прекрасному лицу и прекраснымъ формамъ я судилъ о душевной организаціи, и каждое слово Аріадны, каждая улыбка восхищали меня, подкупали и заставляли предполагать въ ней возвышенную душу. Она была ласкова, разговорчива, весела, проста въ обращеніи, поэтично вѣрила въ Бога, поэтично разсуждала о смерти и въ ея душевномъ складѣ было такое богатство оттѣнковъ, что даже своимъ

недостаткамъ она могла придавать какія-то особенныя милыя свойства. Такъ, она не понимала, что значитъ нельзя, и если бывало захочетъ чего-нибудь, то не слушаетъ никакихъ разсужденій, а только глядитъ вамъ черезъ плечо куда-то въ пространство и напѣваетъ что-то въ полголоса, точно не слышитъ. Ужь если захотѣла, то подавай ей тотчасъ же, во что бы то ни стало. Препятствій для нея не существовало. Положимъ, понадобилась ей новая лошадь, а денегъ нѣтъ,—ну, что-жь за бѣда? Можно продать что-нибудь, или заложить, а если прикащикъ божется, что ничего нельзя ни продать, ни заложить, то можно содрать съ флигелей желѣзныя крыши и спустить ихъ на фабрику, или въ самую горячую пору погнать рабочихъ лошадей на базаръ и продать тамъ за безцѣнокъ. Эти необузданныя желанія порой приводили въ отчаяніе всю усадьбу, но выражала она ихъ съ такимъ изяществомъ, что ей въ концѣ-концовъ все прощалось и все позволялось, какъ богинѣ или женѣ цезаря. Любовь моя была трогательна и ее скоро всѣ замѣтили: и мой отецъ, и сосѣди, и мужики. И всѣ мнѣ сочувствовали. Когда, случалось, я угощалъ рабочихъ водкой, то они кланялись и говорили:

— Дай Богъ вамъ жениться на котловичевой барышнѣ.

И сама Аріадна знала, что я ее люблю. Она часто пріѣзжала къ намъ верхомъ или на шарабанѣ и проводила иногда цѣлые дни со мною и съ отцомъ. Съ моимъ старикомъ она подружилась, и онъ даже научилъ ее кататься на велосипедѣ,—это было его любимое развлеченіе. Помню, какъ однажды вечеромъ они собрались кататься и я помогалъ ей сѣсть на велосипедъ, и въ это время она была такъ хороша, что мнѣ казалось, будто я, прикасаясь къ ней, обжигалъ себѣ руки, я дрожалъ отъ восторга, и когда они оба, старикъ и она, красивые, стройные, покатили рядомъ по шоссе, встрѣчная вороная лошадь, на которой ѣхалъ прикащикъ, бросилась въ сторону, и мнѣ показалось, что она бросилась оттого, что была тоже поражена красотой. Моя любовь, мое поклоненіе трогали Аріадну, умиляли ее, и ей страстно хотѣлось быть тоже очарованною, какъ я, и отвѣчать мнѣ тоже любовью. Вѣдь, это такъ поэтично!

Но любить по настоящему, какъ я, она не могла, такъ какъ была холодна и уже достаточно испорчена. Въ ней уже сидѣлъ бѣсъ, который день и ночь шепталъ ей, что она очаровательна, божественна, и она, опредѣленно не знавшая, для чего собственно она создана и для чего ей дана жизнь, воображала себя въ будущемъ не иначе, какъ очень богатою и знатною, ей грезились балы, скачки, ужины, роскошная гостиная, свой salon и цѣлый рой графовъ, кня-

зей, посланниковъ, знаменитыхъ художниковъ и артистовъ, и все это поклоняется ей и восхищается ея красотой и туалетами... Эта жажда власти и личныхъ успѣховъ и эти постоянныя мысли все въ одномъ направленіи расхолаживаютъ людей, и Аріадна была холодна: и ко мнѣ, и къ природѣ, и къ музыкѣ... Время, между тѣмъ, шло, а посланниковъ все не было, Аріадна продолжала жить у своего брата спирита, дѣла становились все хуже, такъ что уже ей не на что было покупать себѣ платья и шляпки и приходилось хитрить и изворачиваться, чтобы скрывать свою бѣдность.

Какъ нарочно, когда она еще жила въ Москвѣ у тетки, къ ней сватался нѣкій князь Мактуевъ, человѣкъ богатый, но совершенно ничтожный. Она отказала ему на-отрѣзъ. Но теперь иногда ее мучилъ червь раскаянія: зачѣмъ отказала. Какъ нашъ мужикъ дуетъ съ отвращеніемъ на квасъ съ тараканами и, все-таки, пьетъ, такъ и она брезгливо морщилась при воспоминаніи о князѣ и, все-таки, говорила мнѣ:

— Что ни говорите, а въ титулѣ есть что-то необъяснимое, обаятельное...

Она мечтала о титулѣ, о блескѣ, но, въ то же время, ей не хотѣлось упустить и меня. Какъ тамъ ни мечтай о посланникахъ, а все же сердце не камень и жаль бываетъ своей молодости. Аріадна старалась влюбиться, дѣлала видъ, что любитъ, и даже клялась мнѣ въ любви. Но я человѣкъ нервный, чуткій; когда меня любятъ, то я чувствую это даже на разстояніи, безъ увѣреній и клятвъ, тутъ же вѣяло на меня холодомъ, и когда она говорила мнѣ о любви, то мнѣ казалось, что я слышу пѣніе металлическаго соловья. Знаете, теперь продаютъ такихъ искусственныхъ пѣвчихъ птицъ. Аріадна сама чувствовала, что у нея не хватаетъ пороху, ей было досадно на себя, и я не разъ видѣлъ, какъ она плакала. А то, можете себѣ представить, она вдругъ обняла меня порывисто и поцѣловала,—это произошло вечеромъ, на берегу,—и я видѣлъ по глазамъ, что она меня не любитъ, а обняла просто изъ любопытства, чтобы испытать себя: что, молъ, изъ этого выйдетъ. И мнѣ сдѣлалось страшно... Я взялъ ее за руки и проговорилъ въ отчаяніи:

— Эти ласки безъ любви причиняютъ мнѣ страданіе!

— Какой вы рохля!—сказала она съ досадой и отошла.

По всей вѣроятности, прошелъ бы еще годъ-два, и я женился бы на ней, тѣмъ и кончилась бы эта исторія, но судьбѣ угодно было устроить нашъ романъ по иному. Случилось такъ, что на нашемъ горизонтѣ появилась новая личность. Къ брату Аріадны пріѣхалъ

погостить его университетскій товарищъ Лубковъ, Михаилъ Ивановичъ, милый человѣкъ, про котораго кучера и лакеи говорили: «за-анятный господинъ!» Этакъ средняго роста, тощенькій, плѣшивый, лицо, какъ у добраго буржуа, не интересное, но благообразное, блѣдное, съ жесткими холеными усами, на шеѣ гусиная кожа съ пупырышками, большой кадыкъ. Носилъ онъ pince-nez на широкой черной тесьмѣ, картавилъ, не выговаривая ни *р*, ни *л*, такъ что, напримѣръ, слово «сдѣлалъ» у него выходило такъ: сдѣвавъ. Онъ былъ всегда веселъ, все ему было смѣшно. Женился онъ какъ-то необыкновенно глупо, двадцати лѣтъ, получилъ въ приданое два дома въ Москвѣ, подъ Дѣвичьимъ, занялся ремонтомъ и постройкой бани, разорился въ пухъ, и теперь его жена и четверо дѣтей жили въ «Восточныхъ номерахъ», терпѣли нужду, и онъ долженъ былъ содержать ихъ,—и это ему было смѣшно. Ему было 36 лѣтъ, а женѣ его уже 42,—и это тоже было смѣшно. Мать его, чванная, надутая особа съ дворянскими претензіями, презирала его жену и жила отдѣльно съ цѣлою оравой собакъ и кошекъ, и онъ долженъ былъ выдавать ей особо по 75 рублей въ мѣсяцъ; и самъ онъ былъ человѣкъ со вкусомъ, любилъ позавтракать въ Славянскомъ Базарѣ и пообѣдать въ Эрмитажѣ, денегъ нужно было очень много, но дядя выдавалъ ему только двѣ тысячи въ годъ, этого не хватало, и онъ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ по Москвѣ, какъ говорится, высунувъ языкъ, и искалъ, гдѣ бы перехватить взаймы,—и это тоже было смѣшно. Пріѣхалъ онъ къ Котловичу, какъ говорилъ, для того, чтобы отдохнуть на лонѣ природы отъ семейной жизни. За обѣдомъ, за ужиномъ, на прогулкахъ онъ говорилъ намъ про свою жену, про мать, про кредиторовъ, судебныхъ приставовъ и смѣялся надъ ними; смѣялся надъ собой и увѣрялъ, что, благодаря этой способности брать взаймы, онъ пріобрѣлъ много пріятныхъ знакомствъ. Смѣялся онъ, не переставая, и мы тоже смѣялись. При немъ и время мы стали проводить иначе. Я былъ склоненъ больше къ тихимъ, такъ сказать, идиллическимъ удовольствіямъ; любилъ уженье рыбы, вечернія прогулки, собиранье грибовъ; Лубковъ же предпочиталъ пикники, ракеты, охоту съ гончими. Онъ раза три въ недѣлю затѣвалъ пикники, и Аріадна съ серьезнымъ, вдохновеннымъ лицомъ записывала на бумажкѣ устрицъ, шампанскаго, конфектъ и закусокъ и посылала меня въ Москву, конечно, не спрашивая, есть ли у меня деньги... А на пикникахъ тосты, смѣхъ и опять жизнерадостные разсказы о томъ, какъ стара жена, какія у матери жирныя собачки, какіе милые люди кредиторы...

Лубковъ любилъ природу, но смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто

давно уже извѣстное, притомъ, по существу стоящее неизмѣримо ниже его и созданное только для его удовольствія. Бывало, остановится передъ какимъ-нибудь великолѣпнымъ пейзажемъ и скажетъ: «Хорошо бы здѣсь чайку попить!» Или нѣжно погладитъ барашка и — «Хорошо бы тебя, каналью, зажарить!» Однажды увидѣвъ Аріадну, которая вдали шла съ зонтикомъ, онъ кивнулъ на нее и сказалъ:

— Она худа, и это мнѣ нравится. Я не люблю полныхъ.

Меня это покоробило. Я попросилъ его не выражаться такъ при мнѣ о женщинахъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и сказалъ:

— Что же въ томъ дурного, что я люблю худыхъ и не люблю полныхъ?

Я ничего ему не отвѣтилъ. Потомъ какъ-то, будучи въ отличномъ расположеніи и слегка на-веселѣ, онъ опять завелъ разговоръ на эту щекотливую тему.

— Я замѣтилъ, вы Аріаднѣ Григорьевнѣ нравитесь,—сказалъ онъ,—удивляюсь вамъ, что вы зѣваете.

Мнѣ стало неловко отъ этихъ словъ, и я, смущаясь, высказалъ ему свой взглядъ на любовь и женщинъ.

— Не знаю,—вздохнулъ онъ.—По-моему, женщина есть женщина, мужчина есть мужчина. Пусть Аріадна Григорьевна, какъ вы говорите, поэтична и возвышенна, но это не значитъ, что она должна быть внѣ законовъ природы. Вы сами видите, она уже въ такомъ возрастѣ, когда ей нуженъ мужъ или любовникъ. Я уважаю женщинъ не меньше вашего, но думаю, что извѣстныя отношенія не исключаютъ поэзіи. Поэзія сама по сабѣ, а любовникъ самъ по себѣ. Все равно, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ: красота природы сама по себѣ, а доходъ съ лѣсовъ и полей самъ по себѣ.

Аріадна говорила мнѣ про него:

— Если бы вы знали, какая ужасная женщина его жена! Жена и мать выжимаютъ изъ него послѣдніе соки. Вотъ вы живете подъ крылышкомъ отца и никогда не бывали въ такомъ положеніи. Бѣдный Лубковъ! — вздыхала она.—Бѣдный Лубочекъ! Онъ разсказываетъ о своихъ несчастіяхъ со смѣхомъ, а мнѣ его такъ жаль!

Когда я и Аріадна удили пескарей, Лубковъ лежалъ тутъ же на пескѣ и подшучивалъ надо мной или училъ меня, какъ жить.

— Удивляюсь, сударь, какъ это вы можете жить безъ романа!—говорилъ онъ.—Вы молоды, красивы, интересны, — однимъ словомъ, мужчина первый сортъ, а живете по-монашески. Охъ, ужъ

эти мнѣ старики въ 28 лѣтъ! Я старше васъ почти на десять лѣтъ, а кто изъ насъ моложе? Аріадна Григорьевна, кто?

— Конечно, вы,—отвѣчала ему Аріадна.

И когда ему надоѣдало наше молчаніе и то вниманіе, съ какимъ мы глядѣли на поплавки, онъ уходилъ въ домъ, а она говорила, глядя на меня сердито:

— Въ самомъ дѣлѣ, вы не мужчина, а какая-то простокваша. Мужчина долженъ увлекаться, безумствовать, дѣлать ошибки, страдать... Женщина проститъ вамъ и дерзость, и наглость, но она никогда не проститъ этой вашей разсудительности.

Она не на шутку сердилась и продолжала:

— Чтобы имѣть успѣхъ, надо быть рѣшительнымъ и смѣлымъ. Лубковъ не такъ красивъ, какъ вы, но онъ интереснѣе васъ и всегда будетъ имѣть успѣхъ у женщинъ, потому что онъ не похожъ на васъ, онъ мужчина...

И даже какое-то ожесточеніе слышалось въ ея голосѣ. Однажды за ужиномъ она, не обращаясь ко мнѣ, стала говорить о томъ, что еслибы она была мужчиной, то не кисла бы въ деревнѣ, а поѣхала бы путешествовать, жила бы зимой гдѣ-нибудь за границей, напримѣръ, въ Италіи. О, Италія! Тутъ отецъ мой невольно подлилъ масла въ огонь; онъ долго разсказывалъ про Италію, какъ тамъ хорошо, какая чудная природа, какіе музеи! У Аріадны вдругъ загорѣлось: желаніе ѣхать въ Италію! Она даже кулакомъ по столу ударила и глаза у ней засверкали: ѣхать!

И начались затѣмъ разговоры, какъ хорошо будетъ въ Италіи,— ахъ Италія, ахъ да охъ — и такъ каждый день, и когда Аріадна глядѣла мнѣ черезъ плечо, то по ея холодному и упрямому выраженію я видѣлъ, что въ своихъ мечтахъ она уже покорила Италію со всѣми ея салонами, знатными иностранцами и туристами и что удержать ее уже невозможно. Я совѣтовалъ обождать немного, отложить поѣздку на годъ-два, но она брезгливо морщилась и говорила:

— Вы разсудительны, какъ старая баба.

Лубковъ же былъ за поѣздку. Онъ говорилъ, что это обойдется очень дешево и что онъ тоже съ удовольствіемъ поѣдетъ въ Италію и отдохнетъ тамъ отъ семейной жизни. Я, каюсь, велъ себя наивно, какъ гимназистъ. Не изъ ревности, а изъ предчувствія какого-то страшнаго, необычайнаго, я старался, когда было возможно, не оставлять ихъ вдвоемъ, и они подшучивали надо мной; напримѣръ, когда я входилъ, дѣлали видъ, что только что цѣловались и т. п. Я не дурно пѣлъ и игралъ на роялѣ, но теперь эти

мои козыри потеряли свою силу, меня уже не слушали; каждую ночь мнѣ снились разсказы про жену и кредиторовъ, снилась широкая тесьма отъ pince-nez, и съ ужасомъ я видѣлъ, какъ мое сокровище, моя Аріадна удалялась отъ меня куда-то въ пропасть.

Но вотъ въ одно прекрасное утро является ко мнѣ ея пухлый, бѣлый братъ — спиритъ и выражаетъ желаніе поговорить со мной на-единѣ. Это былъ человѣкъ безъ воли; несмотря на воспитаніе и деликатность, онъ никакъ не могъ удержаться, чтобы не прочесть чужого письма, если оно лежало передъ нимъ на столѣ. И теперь въ разговорѣ онъ признался, что нечаянно прочелъ письмо Лубкова къ Аріаднѣ.

— Изъ этого письма я узналъ, что она въ скоромъ времени уѣзжаетъ за границу. Милый другъ, я очень взволнованъ! Объясните мнѣ Бога ради, я ничего не понимаю!

Когда онъ говорилъ это, то тяжело дышалъ, дышалъ мнѣ прямо въ лицо, и отъ него пахло вареной говядиной.

— Извините, что я посвящаю васъ въ тайны этого письма,— продолжалъ онъ,—но вы другъ Аріадны, она васъ уважаетъ; быть можетъ, вамъ извѣстно что-нибудь. Она хочетъ уѣхать, но съ кѣмъ? Господинъ Лубковъ тоже собирается съ ней ѣхать. Извините, но это даже странно со стороны господина Лубкова. Онъ— женатый человѣкъ, имѣетъ дѣтей, а между тѣмъ объясняется въ любви, пишетъ Аріаднѣ *ты*. Извините, но это странно!

Я похолодѣлъ, руки и ноги у меня онѣмѣли и я почувствовалъ въ груди боль, какъ будто положили туда трехугольный камень. Котловичъ въ изнеможеніи опустился въ кресло и руки у него повисли, какъ плети.

— Что же я могу сдѣлать?—спросилъ я.

— Внушить ей, убѣдить... Посудите: что ей Лубковъ? Пара ли онъ ей? О, Боже, какъ это ужасно, какъ ужасно!—продолжалъ онъ, хватая себя за голову.—У нея такія чудесныя партіи, князь Мактуевъ и... и другіе. Князь обожаетъ ее и,—впрочемъ, вы не вѣрите въ это,—не дальше, какъ въ среду на прошлой недѣлѣ его дѣдъ Иларіонъ, — духъ его мы вызвали,—положительно, какъ дважды два, подтверждалъ, что Аріадна будетъ его женой. И вдругъ... О, Боже мой... Я не перенесу этого... Извините...

Послѣ этого разговора я не спалъ всю ночь, хотѣлъ застрѣлиться. Утромъ я написалъ пять писемъ и всѣ изорвалъ въ клочки, потомъ рыдалъ въ ригѣ, и кучеръ пристыдилъ меня. Я взялъ у отца денегъ и уѣхалъ на Кавказъ съ чувствомъ трехугольнаго камня въ груди и довольный, что уѣзжаю внезапно, не простившись.

Конечно, женщина есть женщина, и мужчина есть мужчина, но все это не такъ просто въ наше время и не могу же я, согласитесь, я, культурный человѣкъ, одаренный сложною духовною организаціей, объяснять свое сильное влеченіе къ женщинѣ только тѣмъ, что формы тѣла у нея иныя, чѣмъ у меня. Грязная, животная любовь не согласна съ моимъ человѣческимъ достоинствомъ и невыносима для моего чувства. Мнѣ хочется думать, что боровшійся съ природой человѣческій геній боролся и съ ней, какъ съ врагомъ, и побѣдилъ ее, опутавъ цѣлою сѣтью иллюзій братства и любви; и для меня уже это не просто отправленіе моего животнаго организма, какъ у собаки, или лягушки, а настоящая любовь, когда каждое объятіе бываетъ одухотворено чистымъ сердечнымъ порывомъ и уваженіемъ къ женщинѣ. Отвращеніе къ животному инстинкту, которое воспитывалось вѣками въ сотняхъ поколѣній, унаслѣдовано мною съ кровью и составляетъ часть моего существа, и ссли я теперь поэтизирую любовь, то это такъ же естественно и необходимо, какъ то, что мои ушныя раковины неподвижны и что я не покрытъ шерстью. Вѣроятно, подобно мнѣ мыслитъ большинство культурныхъ людей, такъ какъ въ настоящее время отсутствіе въ любви нравственнаго и поэтическаго элемента третируется уже, какъ явленіе атавизма; говорятъ, что оно есть симптомъ вырожденія и многихъ помѣшательствъ. Правда, поэтизируя любовь, мы предполагаемъ въ тѣхъ, кого любимъ, достоинства, какихъ у нихъ часто не бываетъ, а это служитъ для насъ источникомъ постоянныхъ ошибокъ и постоянныхъ страданій. Но ужъ лучше, по моему, страдать, чѣмъ успокоивать себя на томъ, что женщина есть женщина, а мужчина есть мужчина.

Въ Тифлисѣ я получилъ отъ отца письмо. Онъ писалъ, что Аріадна Григорьевна такого-то числа отбыла за границу съ намѣреніемъ прожить тамъ всю зиму. Черезъ мѣсяцъ я вернулся домой. Была уже осень. Каждую недѣлю Аріадна присылала моему отцу письма на душистой бумагѣ, очень интересныя, написанныя прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Я того мнѣнія, что каждая женщина можетъ быть писательницей. Аріадна очень подробно описывала, какъ ей не легко было помириться съ своей теткой и выпросить у нея на дорогу тысячу рублей и какъ долго она отыскивала въ Москвѣ одну свою дальнюю родственницу, старушку, чтобъ уговорить ее ѣхать вмѣстѣ. Это излишество подробностей очень ужъ отдавало сочиненностью, и я понялъ, конечно, что никакой у нея спутницы не было. Немного погодя, и я получилъ отъ нея письмо, тоже душистое и литературное. Она писала, что соску-

чилась по мнѣ, по моимъ красивымъ, умнымъ, влюбленнымъ глазамъ, дружески упрекала, что я гублю свою молодость, кисну въ деревнѣ въ то время, какъ могъ бы, подобно ей, жить въ раю, подъ пальмами, вдыхать въ себя ароматъ апельсиновыхъ деревьевъ. И подписалась такъ: «брошенная вами Аріадна». Потомъ дня черезъ два другое письмо въ томъ же родѣ и подпись: «забытая вами». У меня мутилось въ головѣ. Любилъ я ее страстно, снилась она мнѣ каждую ночь, а тутъ еще «брошенная», «забытая»—къ чему это? для чего?—а тутъ еще деревенская скука, длинные вечера, тягучія мысли насчетъ Лубкова... Неизвѣстность мучила меня, отравляла мнѣ дни и ночи, стало невыносимо... Я не выдержалъ и поѣхалъ.

Аріадна звала меня въ Аббацію. Я пріѣхалъ туда въ ясный, теплый день послѣ дождя, капли котораго еще висѣли на деревьяхъ, и остановился въ томъ же громадномъ, похожемъ на казарму dépendance'ѣ, гдѣ жили Аріадна и Лубковъ. Ихъ не было дома. Я отправился въ здѣшній паркъ, побродилъ по аллеямъ, потомъ сѣлъ. Прошелъ мимо австрійскій генералъ, заложивъ руки назадъ, съ такими же красными лампасами, какія носятъ наши генералы. Провезли въ колясочкѣ младенца и колеса визжали по сырому песку. Прошелъ дряхлый старикъ съ желтухой, толпа англичанокъ, ксендзъ, потомъ опять австрійскій генералъ. Поплелись къ будкѣ военные музыканты, только что пріѣхавшіе изъ Фіуме, со сверкающими трубами; заиграла музыка. Вы бывали когда-нибудь въ Аббаціи? Это грязный славянскій городишка съ одною только улицей, которая воняетъ и по которой послѣ дождя нельзя проходить безъ калошъ. Я такъ много и всякій разъ съ такимъ умиленіемъ читалъ про этотъ рай земной, что когда я потомъ, подсучивъ брюки, осторожно переходилъ черезъ узкую улицу и отъ скуки покупалъ черствыя груши у старой бабы, которая, узнавъ во мнѣ русскаго, говорила «читиры», «давадцать», и когда я въ недоумѣніи спрашивалъ себя, куда же мнѣ, наконецъ, идти и что мнѣ тутъ дѣлать, и когда мнѣ непремѣнно встрѣчались русскіе, обманутые такъ же, какъ я, то мнѣ становилось досадно и стыдно. Тутъ есть тихая бухта, по которой ходятъ пароходы и лодки съ разноцвѣтными парусами; отсюда видны и Фіуме, и далекіе острова, покрытые лиловатою мглой, и это было бы картинно, если бы видна бухту не загораживали отели и ихъ dépendance'ы нелѣпой мѣщанской архитектуры, которыми застроили весь этотъ зеленый берегъ жадные торгаши, такъ что большею частью вы ничего не видите въ раю, кромѣ оконъ, террасъ и площадокъ съ бѣлыми сто-

ликами и черными лакейскими фраками. Тутъ есть паркъ, какой вы найдете теперь во всякомъ заграничномъ курортѣ,—паркъ, гдѣ прозябаетъ тропическая и оранжерейная флора, не ароматная, не красивая, жесткая, и лишь одиночками тамъ и сямъ стоятъ старые грустные платаны, или буки, уцѣлѣвшіе съ того времени, когда еще не было здѣсь этихъ глупыхъ, развратныхъ казармъ. И темная, неподвижная, молчаливая зелень пальмъ, и геометрически строгія линіи аллей и круговъ, и ярко-желтый песокъ на нихъ, и ярко-зеленыя скамьи, и блескъ ревущихъ солдатскихъ трубъ, и красные лампасы генерала — все это надоѣдаетъ въ десять минутъ. А, между тѣмъ, вы обязаны почему-то прожить здѣсь десять дней, десять недѣль! Таскаясь поневолѣ по этимъ курортамъ, я все болѣе убѣждался, какъ неудобно и скупо живется сытымъ и богатымъ, какъ вяло и слабо воображеніе у нихъ, какъ не смѣлы ихъ вкусы и желанія. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ людей болѣе ограниченныхъ въ своихъ желаніяхъ и въ правѣ свободнаго выбора, какъ всѣ эти горбоносые банкиры, принцы, контессы и бароны и наши русскіе von Jaschtschikoff и de-Prianikoff, которые послушно, какъ школьники, гуляютъ по песочку и могутъ питаться, развлекаться и наслаждаться природой не иначе, какъ только по прейскуранту содержателей отелей, бывшихъ лакеевъ, обкрадывавшихъ когда-то своихъ господъ. И во сколько разъ счастливѣе ихъ тѣ старые и молодые туристы, которые, не имѣя денегъ, чтобы жить въ отеляхъ, или изъ ненависти къ пышнымъ паркамъ и бѣлымъ манишкамъ лакеевъ, живутъ, гдѣ придется, любуются видомъ моря съ высоты горъ, лежа на зеленой травѣ, ходятъ пѣшкомъ, видятъ близко лѣса, деревни, наблюдаютъ обычаи страны, слышатъ ея пѣсни, влюбляются въ ея женщинъ...

Пока я сидѣлъ въ паркѣ, стало темнѣть и въ сумеркахъ показалась моя Аріадна, изящная и нарядная, какъ принцесса; за нею шелъ Лубковъ, одѣтый во все новое и широкое, купленное, вѣроятно, въ Вѣнѣ.

— Что же вы сегдитесь? — говорилъ онъ.— Что я вамъ сдѣлалъ?

Увидѣвъ меня, она вскрикнула отъ радости и, еслибъ это было въ паркѣ, навѣрное, бросилась бы мнѣ на шею; она крѣпко а мнѣ руки и смѣялась, и я тоже смѣялся и едва не плакалъ волненія. Начались разспросы: какъ въ деревнѣ, что отецъ, лъ ли я брата и проч. Она требовала, чтобы я смотрѣлъ ей въ а, и спрашивала, помню ли я пескарей, наши маленькія ссоры, ки...

— Въ сущности, какъ все это было хорошо! — вздохнула она. — Но мы и здѣсь живемъ не скучно. У насъ есть много знакомыхъ, дуся. Завтра я представлю васъ здѣсь одному русскому семейству. Только, пожалуйста, купите себѣ другую шляпу,—эта у васъ какая-то странная.— Она оглядѣла меня и поморщилась.— Аббація не деревня,— сказала она.— Тутъ надо быть комильфо.

Потомъ мы пошли въ ресторанъ. Аріадна все время смѣялась, шалила и называла меня милымъ, хорошимъ, умнымъ и точно глазамъ своимъ не вѣрила, что я съ ней. Такъ просидѣли мы часовъ до одиннадцати и разошлись очень довольные и ужиномъ, и другъ другомъ. На другой день Аріадна представила меня русскому семейству: «сынъ извѣстнаго профессора, нашъ сосѣдъ по имѣнію». Говорила она съ этимъ семействомъ только объ имѣніяхъ и урожаяхъ, и при этомъ все ссылалась на меня. Ей хотѣлось казаться очень богатой помѣщицей и, право, это ей удавалось. Держалась она превосходно, какъ настоящая аристократка, какою, впрочемъ, она и была по происхожденію, какъ свѣтская, избалованная барышня, не знающая счета деньгамъ.

— Но какова тетя! — сказала она вдругъ, глядя на меня съ улыбкой.— Мы съ ней немножко поссорились и она укатила въ Меранъ. Какова?

Потомъ, когда мы гуляли съ ней въ паркѣ, я спросилъ:

— Про какую это вы тетю говорили давеча? Что еще за тетя?

— Это ложь во спасеніе,— разсмѣялась Аріадна.— Они не должны знать, что я безъ спутницы.— Послѣ минутнаго молчанія она прижалась ко мнѣ и сказала: — Голубчикъ, милый, подружитесь съ Лубковымъ! Онъ такой несчастный! Его мать и жена просто ужасны. Еслибъ я встрѣтила когда-нибудь его мать и жену, о я бы ихъ отчитала!

Она говорила Лубкову *вы* и, уходя спать, прощалась съ нимъ такъ же, какъ со мной, «до завтра», и жили они въ разныхъ этажахъ,— это подавало мнѣ надежду, что все вздоръ и никакого романа у нихъ нѣтъ, и, встрѣчаясь съ нимъ, я чувствовалъ себя легко. И когда онъ однажды попросилъ у меня триста рублей взаймы, то я далъ ему ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Каждый день мы гуляли и только гуляли. То бродили по парку, то ѣли, то пили... Каждый день разговоры съ русскимъ семействомъ. Я мало-по-малу привыкъ къ тому, что если я войду въ паркъ, то непремѣнно встрѣчу старика съ желтухой, ксендза и австрійскаго генерала, который носилъ съ собою колоду маленькихъ картъ и, гдѣ только можно было, садился и раскладывалъ пасьянсъ

нервно подергивая плечами. И музыка играла все одно и то же. Дома въ деревнѣ мнѣ бывало стыдно отъ мужиковъ, когда я въ будни ѣздилъ съ компаніей на пикникъ или удилъ рыбу, такъ и здѣсь мнѣ было стыдно отъ лакеевъ, кучеровъ, встрѣчныхъ рабочихъ; мнѣ все казалось, что они глядѣли на меня и думали: «Почему ты ничего не дѣлаешь?» И этотъ стыдъ я испытывалъ отъ утра до вечера, каждый день. Странное, непріятное, монотонное время; разнообразилось оно развѣ только тѣмъ, что Лубковъ бралъ у меня взаймы то сто, то пятьдесятъ гульденовъ, и отъ денегъ вдругъ оживалъ, какъ морфинистъ отъ морфія, и начиналъ шумно смѣяться надъ женой, надъ собой, или надъ кредиторами. Вообще же за границей онъ былъ немножко задумчивъ и угнетенъ какой-то заботой.

— Плохо мнѣ спится здѣсь, за границей,—говаривалъ онъ.— Чортъ бы побралъ эти семейныя дѣла. Дядя сообщилъ женѣ и матери мой адресъ и обѣ онѣ бомбардируютъ меня телеграммами и письмами.

Но вотъ пошли дожди, стало холодно. Мы поѣхали въ Италію и я телеграфировалъ отцу, чтобы онъ, Бога ради, прислалъ мнѣ въ Римъ переводомъ рублей восемьсотъ. Мы останавливались въ Венеціи, въ Болоньи, во Флоренціи и въ каждомъ городѣ непремѣнно попадали въ дорогой отель, гдѣ съ насъ драли отдѣльно и за освѣщеніе, и за прислугу, и за отопленіе, и за хлѣбъ къ завтраку, и за право пообѣдать не въ общей залѣ. Ѣли мы ужасно много. Утромъ намъ подавали кофе, но не просто по стакану кофе, а café complet, т.-е. съ молокомъ, масломъ, булками, подковками; въ часъ завтракъ: мясо, рыба, какой-нибудь омлетъ, сыръ, фрукты и вино. Въ шесть часовъ обѣдъ изъ восьми блюдъ, съ длинными антрактами, въ теченіе которыхъ мы пили пиво и вино. Въ девятомъ часу чай. Передъ полуночью Аріадна объявляла, что она хочетъ ѣсть и требовала ветчины и яицъ въ смятку. Съ ней за компанію ѣли и мы. А въ промежуткахъ между ѣдой мы бѣгали по музеямъ и выставкамъ, съ постоянною мыслью, какъ бы не опоздать къ обѣду или завтраку. Любить искусство нельзя съ полнымъ желудкомъ, и еслибъ я былъ художникомъ, то презиралъ бы тѣхъ, го ѣстъ за табльдотомъ. Впослѣдствіи, когда я, серьезно заинтересовавшись искусствомъ, сталъ читать и посѣщать галлереи, я же не обѣдалъ, а питался только рѣдиской и хлѣбомъ и чувствовалъ себя легко и свободно, какъ на крыльяхъ, а съ Лубковымъ и ріадной я тосковалъ передъ картинами, меня тянуло домой полеть, я утомлялся, искалъ глазами стула и лицемѣрно повторялъ

за другими: «Какая прелесть! Сколько воздуху!» Мы, какъ сытые удавы, обращали вниманіе только на блестящіе предметы, окна магазиновъ загипнотизировывали насъ, и мы восхищались фальшивыми брошками и покупали массу ненужныхъ, ничтожныхъ вещей.

То же было и въ Римѣ. Тутъ шелъ дождь, дулъ холодный вѣтеръ. Послѣ жирнаго завтрака мы поѣхали осматривать храмъ Петра и, благодаря нашей сытости и, быть можетъ, дурной погодѣ, онъ не произвелъ на насъ никакого впечатлѣнія, и мы, уличая другъ друга въ равнодушіи къ искусству, едва не поссорились Нѣтъ, повторяю, путешественники не должны ѣсть.

Пришли отъ отца деньги. Я отправился получать ихъ, помню, утромъ. Со мной пошелъ и Лубковъ.

— Настоящее не можетъ быть полнымъ и счастливымъ, когда есть прошлое,— сказалъ онъ.— У меня отъ прошлаго остался на шеѣ большой багажъ. Впрочемъ, будь деньги, все бы не бѣда, а то яко нагъ, яко благъ... Вѣрите ли, у меня осталось только во семь франковъ,—продолжалъ онъ, понижая голосъ,—между тѣмъ, я долженъ послать женѣ сто и матери столько же. Да и здѣсь надо жить. Аріадна, точно ребенокъ, не хочетъ войти въ положеніе и соритъ деньгами, какъ герцогиня. Для чего она вчера купила часы? И, скажите, для чего это намъ продолжать разыгрывать изъ себя какихъ-то паинекъ? Вѣдь, то, что она и я скрываемъ отъ прислуги и знакомыхъ наши отношенія, обходится намъ въ сутки лишнихъ 10—15 франковъ, такъ какъ я занимаю отдѣльный номеръ. Для чего это?

Острый камень повернулся у меня въ груди. Неизвѣстности уже не было, все уже было ясно для меня, я весь похолодѣлъ и тотчасъ же у меня явилось рѣшеніе: не видѣть ихъ обоихъ, бѣжать отъ нихъ, немедленно ѣхать домой...

— Сходиться съ женщиной легко,— продолжалъ Лубковъ,— стоитъ только раздѣть ее, а потомъ какъ все это тяжело, какая ерунда!

Когда я считалъ полученныя деньги, онъ сказалъ:

— Если вы не дадите мнѣ тысячу франковъ взаймы, то я долженъ буду погибнуть. Эти ваши деньги для меня единственный рессурсъ.

Я далъ ему и онъ тотчасъ же оживился и сталъ смѣяться надъ своимъ дядей, чудакомъ, который не могъ сохранить въ тайнѣ его адреса. Пріѣдя въ отель, я уложился и заплатилъ по счету. Оставалось проститься съ Аріадной.

Я постучался къ ней.

— Entrez!

Въ ея номерѣ былъ утренній безпорядокъ: на столѣ чайная посуда, недоѣденная булка, яичная скорлупа; сильный, удушающій запахъ духовъ. Постель была не убрана и было очевидно, что на ней спали двое. Сама Аріадна недавно еще встала съ постели и была теперь во фланелевой блузѣ, не причесанная.

Я поздоровался, потомъ молча посидѣлъ минуту, пока она старалась привести въ порядокъ свои волосы, и спросилъ, дрожа всѣмъ тѣломъ:

— Зачѣмъ... зачѣмъ вы выписали меня сюда за-границу?

Повидимому, она догадалась, о чемъ я думаю; она взяла меня за руку и сказала:

— Я хочу, чтобы вы были тутъ. Вы такой чистый!

Мнѣ стало стыдно своего волненія, своей дрожи... А вдругъ еще зарыдаю! Я вышелъ, не сказавши больше ни слова, и, часъ спустя, уже сидѣлъ въ вагонѣ. Всю дорогу почему-то я воображалъ Аріадну беременной, и она была мнѣ противна, и всѣ женщины, которыхъ я видѣлъ въ вагонахъ и на станціяхъ, казались мнѣ беременными и были тоже противны и жалки. Я находился въ положеніи того жаднаго, страстнаго корыстолюбца, который вдругъ открылъ бы, что всѣ его червонцы фальшивы. Чистые, граціозные образы, которые такъ долго лелѣяло мое воображеніе, подогрѣваемое любовью, мои планы, надежды, мои воспоминанія, взгляды мои на любовь и женщину,— все это теперь смѣялось надо мной и показывало мнѣ языкъ. Цѣлый рой вопросовъ, надоѣдливыхъ, какъ мухи, на которые отвѣчаешь тоже вопросами, неотвязчиво кружился въ моемъ мозгу. Аріадна,— спрашивалъ я съ ужасомъ,—эта молодая, замѣчательно красивая, интеллигентная дѣвушка, дочь сенатора, въ незаконной связи съ такимъ заурядным, неинтереснымъ человѣкомъ? Но почему же ей не любить Лубкова?—отвѣчалъ я себѣ.—Чѣмъ онъ хуже меня? О, пусть она любитъ, кого ей угодно, но зачѣмъ лгать? Но съ какой стати она должна быть откровенна со мной? И такъ далѣе, все въ такомъ родѣ, до одурѣнія. И, въ то же время, вспоминая про свои послѣднія поѣздки, я говорилъ себѣ: «Эка тебя носитъ! Эка тебя носитъ!» А въ вагонѣ было холодно. Ѣхалъ я въ первомъ классѣ, но тамъ сидятъ по-трое на одномъ диванѣ, двойныхъ рамъ нѣтъ, наружная дверь отворяется прямо въ купе,—и я чувствовалъ себя, какъ въ колодкахъ, стиснутымъ, брошеннымъ, жалкимъ, и ноги страшно зябли, и, въ то же время, то и дѣло приходило на память, какъ обольстительна она была сегодня въ своей блузѣ и съ распущенными волосами, и такая сильная ревность

вдругъ овладѣвала мной, что я вскакивалъ отъ душевной боли и сосѣди мои смотрѣли на меня съ удивленіемъ и даже страхомъ.

Дома я засталъ сугробы и двадцати-градусный морозъ. Я люблю зиму, люблю, потому что въ это время дома, даже въ трескучіе морозы, мнѣ бывало особенно тепло. Что за наслажденіе, надѣвши полушубокъ и валенки, въ ясный морозный день дѣлать что-нибудь въ саду или на дворѣ, потомъ читать у себя въ жарко-натопленной комнатѣ, или сидѣть въ кабинетѣ отца передъ каминомъ, или мыться въ своей деревенской банѣ. Только вотъ если нѣтъ въ домѣ матери, сестры или дѣтей, то какъ-то жутко бываетъ въ зимніе вечера и кажутся они необыкновенно длинными и тихими. И чѣмъ теплѣе и уютнѣе, чѣмъ поэтичнѣе воетъ вѣтеръ въ трубахъ, тѣмъ сильнѣе чувствуется это отсутствіе. Въ ту зиму, когда я вернулся изъ-за границы, вечера были длинные-длинные, я сильно тосковалъ и отъ тоски не могъ даже читать; днемъ еще туда-сюда, то снѣгъ въ саду почистишь, то куръ и телятъ покормишь, а по вечерамъ—хоть пропадай. Я воображалъ Аріадну въ объятіяхъ Лубкова и вопросы, все одни и тѣ же, на которые я отвѣчалъ себѣ каждый день все одно и тоже, толкались въ моемъ мозгу, быстро смѣняя другъ друга,—и какъ я страдалъ, если бы вы знали!

Прежде я не любилъ гостей, теперь же бывалъ имъ радъ, такъ какъ зналъ, что непремѣнно будетъ разговоръ объ Аріаднѣ. Часто пріѣзжалъ спиритъ Котловичъ, чтобы поговорить о сестрѣ, и иногда привозилъ съ собой своего друга князя Мактуева, который былъ влюбленъ въ Аріадну не менѣе моего. Сидѣть въ комнатѣ Аріадны, перебирать клавиши ея піанино, смотрѣть въ ея ноты, для князя было уже потребностью, онъ не могъ жить безъ этого, а духъ дѣда Иларіона продолжалъ предсказывать, что рано или поздно она будетъ его женой. У насъ обыкновенно князь сидѣлъ подолгу, этакъ отъ завтрака до полуночи, и все молчалъ; молча выпивалъ бутылки двѣ-три пива и только изрѣдка, чтобы показать, что онъ тоже участвуетъ въ разговорѣ, смѣялся отрывистымъ, печальнымъ, глуповатымъ смѣхомъ. Передъ тѣмъ, какъ уѣхать домой, онъ всякій разъ отводилъ меня въ сторону и говорилъ въ полголоса:

— Когда вы видѣли въ послѣдній разъ Аріадну Григорьевну? Здорова ли она? Я думаю, ей тамъ не скучно, а?

Наступила весна. Надо было ходить на тягу, потомъ сѣять яровыя и клеверъ. Было грустно, но уже по-весеннему: хотѣлось мириться съ потерей. Работая въ полѣ и слушая жаворонковъ, я спрашивалъ себя: не покончить ли ужь сразу съ этимъ вопросомъ личнаго счастья, не жениться ли мнѣ безъ затѣй на простой крестьян-

ской дѣвушкѣ? Какъ вдругъ въ самый разгаръ работъ получаю письмо съ итальянскою маркой. И клеверъ, и пасѣка, и телята, и крестьянская дѣвушка — все разлетѣлось, какъ дымъ. На этотъ разъ Аріадна писала, что она глубоко, безконечно несчастна. Она упрекала меня, что я не протянулъ ей руку помощи, а взглянулъ на нее съ высоты своей добродѣтели и покинулъ ее въ минуту опасности. Все это было написано крупнымъ нервнымъ почеркомъ, съ помарками и кляксами, и видно было, что она торопилась писать и страдала. Въ заключеніе, она умоляла меня пріѣхать и спасти ее.

Опять меня сорвало съ якоря и понесло. Аріадна жила въ Римѣ. Пріѣхалъ я къ ней поздно вечеромъ и, когда она увидѣла меня, то зарыдала и бросилась мнѣ на шею. За зиму она нисколько не измѣнилась и была все такъ же молода и прелестна. Мы вмѣстѣ поужинали и потомъ до разсвѣта катались по Риму, и все время она разсказывала мнѣ про свое житье-бытье. Я спросилъ, гдѣ Лубковъ.

— Не напоминайте мнѣ про эту тварь!—крикнула она.—Онъ мнѣ противенъ и гадокъ!

— Но, вѣдь, вы, кажется, любили его,—сказалъ я.

— Никогда! На первыхъ порахъ онъ казался оригинальнымъ и возбуждалъ жалость — вотъ и все. Онъ нахаленъ, беретъ женщину приступомъ, и это привлекательно. Но, дуся моя, не будемъ говорить о немъ. Это печальная страница моей жизни. Онъ уѣхалъ въ Россію за деньгами — туда ему и дорога! Я сказала, чтобъ онъ не смѣлъ возвращаться.

Она жила уже не въ отелѣ, а на частной квартирѣ изъ двухъ комнатъ, которыя убрала по-своему вкусу, холодно и роскошно. Послѣ того, какъ уѣхалъ Лубковъ, она задолжала своимъ знакомымъ около пяти тысячъ франковъ, и мой пріѣздъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ для нея спасеніемъ, такъ какъ продолжать жить въ долгъ было уже невозможно. Я разсчитывалъ увезти ее въ деревню, но это мнѣ не удалось. Она тосковала по родинѣ, но воспоминаніе о пережитой бѣдности, о недостаткахъ, о заржавленной крышѣ на домѣ брата вызывало въ ней отвращеніе, дрожь, и когда я предлагалъ ей ѣхать домой, она судорожно сжимала мнѣ руки и говорила:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я тамъ умру съ тоски!

Затѣмъ любовь моя вступила въ свой послѣдній фазисъ, въ свою послѣднюю четверть.

— Будьте прежнимъ дусей, любите меня немножко,—говорила Аріадна, склоняясь ко мнѣ.—Вы угрюмы и разсудительны, боитесь отдаться порыву и все думаете о послѣдствіяхъ, а это скучно. Ну,

прошу васъ, умоляю, будьте ласковы!... Мой чистый, мой святой, мой милый, я васъ такъ люблю!

Я сталъ ея любовникомъ. По крайней мѣрѣ, съ мѣсяцъ я былъ какъ сумасшедшій, испытывая одинъ восторъ. Держать въ объятіяхъ молодое, прекрасное тѣло, наслаждаться имъ, чувствовать всякій разъ, пробудившись отъ сна, ея теплоту и вспоминать, что она тутъ, она моя Аріадна,—о, къ этому не легко привыкнуть! Но я, все-таки, привыкъ и мало-по-малу сталъ относиться къ своему новому положенію сознательно. Прежде всего, я понялъ, что Аріадна, какъ и прежде, не любила меня. Но ей хотѣлось любить серьезно, она боялась одиночества, а, главное, я былъ молодъ, здоровъ, крѣпокъ, она же была чувственна, какъ всѣ вообще холодные люди — и мы оба дѣлали видъ, что сошлись по взаимной страстной любви. Затѣмъ я понялъ кое-что и другое.

Жили мы въ Римѣ, въ Неаполѣ, во Флоренціи; поѣхали было въ Парижъ, но тамъ намъ показалось холодно, и мы вернулись въ Италію. Мы всюду рекомендовались мужемъ и женой, богатыми помѣщиками, съ нами охотно знакомились, и Аріадна имѣла большой успѣхъ. Такъ какъ она брала уроки живописи, то ее называли художницей и, представьте, къ ней это очень шло, хотя таланта не было ни малѣйшаго. Спала она каждый день до двухъ, до трехъ часовъ; кофе пила и завтракала въ постели. За обѣдомъ она съѣдала супъ, лангуста, рыбу, мясо, спаржу, дичь, и потомъ, когда ложилась, я подавалъ ей въ постель чего-нибудь, напримѣръ, ростбифа, и она съѣдала его съ печальнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ, а проснувшись ночью, кушала яблоки и апельсины.

Главнымъ, такъ сказать, основнымъ свойствомъ этой женщины было изумительное лукавство. Она хитрила постоянно, каждую минуту, повидимому, безъ всякой надобности, а какъ бы по инстинкту, по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ воробей чирикаетъ или тараканъ шевелитъ усами. Она хитрила со мной, съ лакеями, съ портье, съ торговцами въ магазинахъ, со знакомыми; безъ кривлянья и ломанья не обходился ни одинъ разговоръ, ни одна встрѣча. Нужно было войти въ нашъ номеръ мужчинѣ,—кто бы онъ ни былъ, гарсонъ или баронъ,—какъ она мѣняла взглядъ, выраженіе, голосъ, и даже контуры ея фигуры мѣнялись, и что ни слово, что ни улыбка, то тонкая политика. Если бы вы видѣли ее тогда хоть разъ, то сказали бы, что болѣе свѣтскихъ и болѣе богатыхъ людей, чѣмъ мы, нѣтъ во всей Италіи. Ни одного художника и музыканта она не пропускала, чтобы не налгать ему всякаго вздора по поводу его замѣчательнаго таланта.

— Вы такой талантъ! — говорила она сладко-пѣвучимъ голосомъ.—Съ вами даже страшно. Я думаю, вы должны видѣть людей насквозь.

И все это для того, чтобы нравиться, имѣть успѣхъ, быть обаятельной! Она просыпалась каждое утро съ единственною мыслью: «нравиться!» И это было цѣлью и смысломъ ея жизни. Еслибы я сказалъ ей, что на такой-то улицѣ, въ такомъ-то домѣ живетъ человѣкъ, которому она не нравится, то это заставило бы ее серьезно страдать. Ей каждый день нужно было очаровывать, плѣнять, сводить съ ума. То, что я былъ въ ея власти и передъ ея чарами обращался въ совершенное ничтожество, доставляло ей то самое наслажденіе, какое побѣдители испытывали когда-то на турнирахъ. Моего униженія было не достаточно и она еще по ночамъ, развалившись, какъ тигрица, не укрытая,—ей всегда бывало жарко,—читала письма, которыя присылалъ ей Лубковъ; онъ умолялъ ее вернуться въ Россію, иначе клялся обокрасть кого-нибудь или убить, чтобы, такимъ образомъ, добыть денегъ и пріѣхать къ ней. Она ненавидѣла его, но его страстныя, рабскія письма волновали ее. О своихъ чарахъ она была преувеличеннаго мнѣнія; ей казалось, что если бы гдѣ-нибудь въ многолюдномъ собраніи увидѣли, какъ хорошо она сложена и какого цвѣта у нея кожа, то она побѣдила бы всю Италію, весь свѣтъ. Эти разговоры о сложеніи, о цвѣтѣ кожи оскорбляли меня, и, замѣтивъ это, она, когда бывала сердита, чтобы досадить мнѣ, говорила всякія пошлости и дразнила меня, и дошло даже до того, что однажды на дачѣ у одной дамы она разсердилась и сказала мнѣ:

— Если вы не перестанете надоѣдать мнѣ вашими поученіями, то я сейчасъ же раздѣнусь и голая лягу вотъ на эти цвѣты!

Я страдалъ. Часто, глядя, какъ она спитъ или ѣстъ, или старается придать своему взгляду наивное выраженіе, я думалъ: для чего же даны ей Богомъ эта необыкновенная красота, грація, умъ? Неужели для того только, чтобы валяться въ постели, ѣсть и лгать, лгать безъ конца? И въ этомъ обжорствѣ, въ лукавствѣ, въ желаніи постоянно нравиться, я видѣлъ,—простите опять за ученое слово,—печальное явленіе атавизма. Передо мной была лукавая раба, ведущая подпольную борьбу со своимъ притѣснителемъ мужчиной, — это была женщина каменнаго періода или свайныхъ построекъ. И въ умственномъ отношеніи тоже это была настоящая самка. Она была умна, очень хитра, находчива, но не развита. Спорить съ ней было невозможно, потому что логически мыслить она не умѣла. Ея умъ былъ блестящимъ, поскольку онъ былъ хи-

простью, въ тѣхъ же случаяхъ, когда она не хитрила, приходилось изумляться ея невѣжеству и дикости. Она боялась трехъ свѣчей, тринадцатаго числа, приходила въ ужасъ отъ сглаза и дурныхъ сновъ, о свободной любви и вообще свободѣ толковала, какъ старая богомолка, увѣряла, что Болеславъ Маркевичъ лучше Тургенева; но она была дьявольски хитра и остроумна, и въ обществѣ умѣла казаться очень образованнымъ, передовымъ человѣкомъ. Хитрость, эта основная сила ея, выручала ее всюду и никогда не измѣняла ей.

Затѣмъ, и жестока была Аріадна, какъ дикарка. Ей ничего не стоило даже въ веселую минуту оскорбить прислугу, убить насѣкомое; она любила бои быковъ, любила читать про убійства и сердилась, когда подсудимыхъ оправдывали. Назначайте женщинъ судьями и присяжными, и оправдательныхъ приговоровъ не будетъ вовсе. Благодаря нашимъ знакомствамъ, мнѣ приходилось встрѣчаться со многими женщинами, русскими и иностранками, я присматривался къ нимъ отъ нечего дѣлать, изучалъ ихъ и, въ концѣ-концовъ, убѣдился, что всѣ онѣ, какъ капли воды, похожи на мою Аріадну. Въ каждомъ взглядѣ, въ жестѣ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ бантикѣ и чолкѣ на лбу я чувствовалъ лукавство, умственное убожество, чувственность, жестокость. Насколько мужчины-европейцы утѣшали и восхищали меня своею культурностью, настолько женщины оскорбляли своимъ рѣзкимъ консерватизмомъ, своею отсталостью и ясно выраженнымъ стремленіемъ назадъ, въ область мрака. Въ нихъ я чуялъ серьезнаго врага, я возмущался, и бывали минуты, когда мнѣ казалось, что если бы съ Марса свалилась глыба и погребла подъ собой весь этотъ прекрасный полъ, то это было бы актомъ величайшей справедливости.

При той жизни, какую вели я и Аріадна, намъ много нужно было денегъ. Бѣдный отецъ высылалъ мнѣ свою пенсію, всѣ свои доходишки, занималъ для меня, гдѣ только можно было, и когда онъ однажды отвѣтилъ мнѣ «non habeo», я послалъ ему отчаянную телеграмму, въ которой умолялъ его заложить имѣніе. Немного погодя, я попросилъ его взять гдѣ-нибудь денегъ подъ вторую закладную. То и другое онъ исполнилъ безропотно и выслалъ мнѣ всѣ деньги до копѣйки. А Аріадна презирала практику жизни, ей не было никакого дѣла до всего этого и, когда я, бросая тысячи франковъ на удовлетвореніе ея безумныхъ желаній, крихтѣлъ, какъ старое дерево, она съ легкой душой напѣвала «Funiculi» или «Addio bella Napoli». Мало-по-малу я охладѣлъ къ ней и сталъ стыдиться нашей связи. Я не люблю беременности и родовъ, но теперь

уже мечталъ иногда о ребенкѣ, который былъ бы хотя формальнымъ оправданіемъ нашей жизни. Чтобы не опротивѣть себѣ окончательно, я сталъ посѣщать музеи и галлереи и читать книжки, мало ѣлъ и бросилъ пить. Этакъ гоняешь себя на кордѣ отъ утра до вечера, оно какъ будто на душѣ легче.

Надоѣлъ и я Аріаднѣ. Кстати же люди, у которыхъ она имѣла успѣхъ, были все средніе люди, посланниковъ и салона попрежнему не было, денегъ не хватало, и это оскорбляло ее и заставляло рыдать, и она объявила мнѣ наконецъ, что пожалуй она не прочь бы и въ Россію. И вотъ мы ѣдемъ. Въ послѣдніе мѣсяцы передъ отъѣздомъ она усердно переписывалась со своимъ братомъ, у нея, очевидно, какіе-то тайные замыслы, а какіе—Богъ вѣсть. Мнѣ уже надоѣло вникать въ ея хитрости. Но мы ѣдемъ не въ деревню, а въ Ялту, потомъ изъ Ялты на Кавказъ. Теперь она можетъ жить только въ курортахъ, а еслибъ вы знали, до какой степени я ненавижу всѣ эти курорты, какъ въ нихъ мнѣ бываетъ душно и стыдно! Мнѣ бы теперь въ деревню, къ своимъ бычкамъ и уткамъ. Мнѣ бы теперь работать, добывать хлѣбъ въ потѣ лица, искупать свои ошибки. Теперь я чувствую въ себѣ избытокъ силъ и мнѣ кажется, что, напрягши эти силы, я выкупилъ бы имѣніе въ пять лѣтъ. Но вотъ, какъ видите, осложненіе. Здѣсь не заграница, а Россія матушка, приходится подумать о законномъ бракѣ. Конечно, увлеченіе уже прошло, любви прежней нѣтъ и въ поминѣ, но, какъ бы ни было, я обязанъ на ней жениться. Принципъ прежде всего.

Шамохинъ, взволнованный своимъ разсказомъ, и я спускались внизъ и продолжали говорить о женщинахъ. Было уже поздно. Оказалось, что онъ и я помѣщались въ одной каютѣ.

— Пока только въ деревняхъ женщина не отстаетъ отъ мужчины,— говорилъ Шамохинъ,—тамъ она такъ же мыслитъ, чувствуетъ и такъ же усердно борется съ природой во имя культуры, какъ и мужчина. Городская же, буржуазная, интеллигентная женщина давно уже отстала и возвращается къ своему первобытному состоянію, наполовину она уже человѣкъ-звѣрь и, благодаря ей, очень многое, что было завоевано человѣческимъ геніемъ, уже поругано; женщина мало-по-малу исчезаетъ, на ея мѣсто садится первобытная самка. Эта отсталость интеллигентной женщины угрожаетъ культурѣ серьезной опасностью; въ своемъ регрессивномъ движеніи она старается увлечь за собой мужчину и задерживаетъ его движеніе впередъ. Это несомнѣнно.

Я спросилъ: зачѣмъ обобщать, зачѣмъ по одной Аріаднѣ судить

обо всѣхъ женщинахъ? Съ полною искренностью я замѣтилъ ему, что во всѣхъ тѣхъ слояхъ русскаго общества, которые доступны моему наблюденію, мнѣ приходится встрѣчать не мало женщинъ образованныхъ, вполнѣ интеллигентныхъ, великодушныхъ, проникнутыхъ благородными стремленіями, женщинъ, которыя мыслятъ и работаютъ нисколько не хуже мужчинъ. Уже одно стремленіе женщинъ къ образованію и равноправію половъ, которое я понимаю, какъ стремленіе къ справедливости, само по себѣ исключаетъ всякое предположеніе о регрессивномъ движеніи. Но Шамохинъ едва слушалъ меня и недовѣрчиво улыбался. Это былъ уже страстный, убѣжденный женоненавистникъ, и переубѣдить его было невозможно.

— Э, полноте!—перебилъ онъ.—Учиться въ институтѣ тремъ языкамъ и алгебрѣ и потомъ, вступая въ жизнь, не знать, что дѣлать съ этими языками и алгеброй—какое это образованіе? Къ тому же онѣ хитры, страшно хитры, и я не вѣрю въ это стремленіе къ образованію. Тутъ желаніе нравиться и больше ничего. Впрочемъ, не буду спорить,—есть между ними образованныя, какъ есть образованные скворцы и попугаи; между ними, согласенъ, не трудно найти искусную фельдшерицу, или піанистку, но найдите мнѣ справедливую, не жестокую, логически разсуждающую женщину! Что же касается равноправія половъ, то это, извините, одно только недоразумѣніе. Разъ женщина видитъ во мнѣ не человѣка, не равнаго себѣ, а самца и всю свою жизнь хлопочетъ только о томъ, чтобы понравиться мнѣ, то-есть завладѣть мной, то можетъ ли тутъ быть рѣчь о полноправіи? Охъ, не вѣрьте имъ, онѣ очень, очень хитры! Мы, мужчины, хлопочемъ насчетъ ихъ свободы, но онѣ вовсе не хотятъ этой свободы и только дѣлаютъ видъ, что хотятъ. Ужасно хитрыя.

Мнѣ уже было скучно спорить и хотѣлось спать. Я повернулся лицомъ къ стѣнкѣ.

— Да-съ,—слышалъ я, засыпая.—Да-съ. А всему виной наше воспитаніе, батенька. Въ городахъ все воспитаніе и образованіе женщины въ своей главной сущности сводятся къ тому, чтобы выработать изъ нея человѣка-звѣря, то-есть чтобы она нравилась самцу и чтобы умѣла побѣдить этого самца. Да-съ,—Шамохинъ вздохнулъ.—Нужно, чтобы дѣвочки воспитывались и учились вмѣстѣ съ мальчиками, чтобы тѣ и другіе были всегда вмѣстѣ. Воспитаніе должно быть, главнымъ образомъ, философское. Надо воспитывать женщину такъ, чтобы она умѣла, подобно мужчинѣ, сознавать свою неправоту, а то она, по ея мнѣнію, всегда права. Вну

шайте дѣвочкѣ съ пеленокъ, что мужчина, прежде всего, не кавалеръ и не женихъ, а ея ближній, равный ей во всемъ. Пріучайте ее логически мыслить, обобщать, и не увѣряйте ее, что ея мозгъ вѣситъ меньше мужского и что поэтому она можетъ быть равнодушна къ наукамъ, искусствамъ, вообще культурнымъ задачамъ. Мальчишка - подмастерье, сапожникъ или маляръ, тоже имѣетъ мозгъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ взрослый мужчина, однако же, участвуетъ въ общей борьбѣ за существованіе, работаетъ, страдаетъ. Надо также бросить эту манеру ссылаться на физіологію, на беременность и роды, такъ какъ, во-первыхъ, женщина родитъ не каждый мѣсяцъ; во-вторыхъ, не всѣ женщины родятъ и, въ-третьихъ, нормальная деревенская женщина работаетъ въ полѣ наканунѣ родовъ—и ничего съ ней не дѣлается. Женщина должна одѣваться, какъ мужчина, и стыдиться наготы, какъ мужчина. Губную помаду, пудру, папильотки, всю эту мерзость, конечно, за бортъ. Затѣмъ должно быть полнѣйшее равноправіе въ обыденной жизни. Если мужчина подаетъ дамѣ стулъ, или поднимаетъ оброненный платокъ, то пусть и она платитъ ему тѣмъ же. Я ничего не буду имѣть противъ, если дѣвушка изъ хорошаго семейства поможетъ мнѣ надѣть пальто или подастъ мнѣ стаканъ воды... Да-съ.

Больше я ничего не слышалъ, такъ какъ уснулъ. На другой день утромъ, когда мы подходили къ Севастополю, была непріятная сырая погода. Покачивало. Шамохинъ сидѣлъ со мной въ рубкѣ, о чемъ-то думалъ и молчалъ. Мужчины съ поднятыми воротниками пальто и дамы съ блѣдными, заспанными лицами, когда позвонили къ чаю, стали спускаться внизъ. Одна дама, молодая и очень красивая, та самая, которая въ Волочискѣ сердилась на таможенныхъ чиновниковъ, остановилась передъ Шамохинымъ и сказала ему съ выраженіемъ капризнаго, избалованнаго ребенка:

— Жанъ, твою птичку укачало!

Потомъ, живя въ Ялтѣ, я видѣлъ, какъ эта красивая дама мчалась на иноходцѣ, и за ней едва поспѣвали какіе-то два офицера, ...какъ она однажды утромъ, во фригійской шапочкѣ и въ фартучѣ, писала красками этюдъ, сидя на набережной, и большая толпа стояла поодаль и любовалась ею. Познакомился и я съ ней. Она крѣпко-крѣпко пожала мнѣ руку и, глядя на меня съ восхищеніемъ, благодарила сладко-пѣвучимъ голосомъ за то удовольствіе, какое оставляю ей своими сочиненіями.

— Не вѣрьте,—шепнулъ мнѣ Шамохинъ,—она ничего вашего не читала.

Какъ-то передъ вечеромъ, когда я гулялъ по набережной, мнѣ встрѣтился Шамохинъ; въ рукахъ у него были большіе свертки съ закусками и фруктами.

— Князь Мактуевъ здѣсь! — сказалъ онъ радостно. — Вчера пріѣхалъ съ ея братомъ спиритомъ. Теперь я понимаю, о чемъ она тогда переписывалась съ нимъ! Господи!—продолжалъ онъ, глядя на небо и прижимая свертки къ груди,—если у нея наладится съ княземъ, то, вѣдь, это значитъ свобода, я могу уѣхать тогда въ деревню, къ отцу!

И онъ побѣжалъ дальше.

— Я начинаю вѣровать въ духовъ!—крикнулъ онъ мнѣ, оглядываясь.—Духъ дѣда Иларіона, кажется, напророчилъ правду! О, если бы!

На другой день послѣ этой встрѣчи я выѣхалъ изъ Ялты, и чѣмъ кончился романъ Шамохина, мнѣ неизвѣстно.

Антонъ Чеховъ.

ПРИНЦИПЪ ПОШАТНУЛСЯ.

(Изъ записокъ хуторянина).

Стояль іюль. Въ поляхъ шла уборка. Запоздалые докашивали свою рожь. Большинство возило снопы на гумна. Солнце уже склонялось къ горизонту; тѣни становились длиннѣй и длиннѣй. Жаръ начиналъ спадать,—дышать становилось легче, запахъ резеды казался сильнѣй.

Я сидѣлъ на террасѣ и просматривалъ, только что привезенныя съ почты, письма и газеты. Воробей беззаботно и весело попрыгивалъ по барьеру, искоса поглядывая на мой стаканъ чаю. Вдругъ онъ вспорхнулъ и перелетѣлъ на кленъ, спускавшій на террасу свою густо-сочную темно-зеленую листву.

И на террасу взошелъ мой прикащикъ Акимъ.

Онъ имѣлъ видъ въ конецъ раздосадованнаго и взволнованнаго человѣка.

— Воля тутъ будетъ ваша, Николай Евграфовичъ, а я ужъ просто и не знаю, что мнѣ тутъ дѣлать,—заговорилъ онъ.

— Что случилось?—спросилъ я.

И, взглянувъ на Акима, только тутъ замѣтилъ нѣкоторую небрежность въ его костюмѣ. Этотъ костюмъ состоялъ изъ чернаго жилета съ серебряными часами, которые я подарилъ ему за долговременную службу, и манчестеровыхъ, достаточно-таки потертыхъ шароваръ, заправленныхъ въ сапоги. И вотъ, костюмъ этотъ оказался не въ порядкѣ: одна шаровара была, по обыкновенію, заправлена въ сапогъ, а другая, разодранная въ нѣсколькихъ мѣстахъ болталась поверхъ сапога и представляла собою чрезвычайно комичный видъ.

— Вотъ поглядите, Николай Евграфовичъ, извольте только видѣть,—волновался Акимъ, теребя разодранную шаровару и

разсматривая ее съ такимъ видомъ, будто онъ ее сейчасъ лишь увидалъ,—собачонкой травить! Я-те, постой, затравлю!

— Да въ чемъ дѣло?

— И ужъ сказать-то какъ не знаю! Миронъ на меня собаку натравилъ. Совсѣмъ было затравилъ, спасибо палка была. Я ему сказываю: не ѣзди. Такъ нѣтъ же тебѣ, ѣдетъ и шабашъ! Хоть ты съ нимъ что хочешь дѣлай! Воля тутъ будетъ ваша, Николай Евграфовичъ, а только такъ этого дѣла никакъ невозможно оставить, повадки имъ давать не слѣдуетъ. А то съ ними и сладу никакого не будетъ!... Мнѣ что? Мнѣ дѣло не въ штанахъ, а въ правилѣ! Положено правило и соблюдай его, на то оно—правило.

Я начиналъ понимать, въ чемъ дѣло.

Дорогъ, по которымъ мужики наши должны были ѣздить на свои поля, было двѣ. Одна изъ нихъ шла черезъ мой хуторъ, черезъ мою плотину, по моей землѣ; другая—огибала мой участокъ. Такъ какъ послѣдняя дорога была много длиннѣе первой, то, естественно, мужики ѣздили по моей дорогѣ. Но бѣда была въ томъ, что дорога шла въ одномъ мѣстѣ черезъ вспаханную уже нами подъ рожь будущаго года землю. И вотъ, чтобы сократить еще болѣе и безъ того короткую дорогу, мужики стали ѣздить прямикомъ черезъ пашню. Проѣхалъ одинъ, проѣхалъ другой, и образовалась новая дорога. Я противъ этого собственно ничего не имѣлъ, но Акимъ смотрѣлъ на это иначе. Въ этомъ отъѣзжаніи мужиками пашни онъ усматривалъ чуть ли не похищеніе нашей собственности.

— Какъ, мы развѣ для того, станемъ говорить, пахали, чтобъ они ѣздили? Развѣ имъ настоящей дороги нѣтъ?—размахивалъ онъ руками, что всегда дѣлалъ при разговорѣ, для вящей убѣдительности.

Но всѣ тѣ мѣры, которыя онъ принималъ къ предотвращенію отъ расхищенія нашихъ владѣній, ни къ чему не привели. Нарылъ онъ по наѣзженной по пашнѣ дорогѣ ямъ,—стали ямы объѣзжать, но опять-таки по пашнѣ. Пробовалъ просить не ѣздить, даже ругался при этомъ и руками размахивалъ убѣдительно. Обѣщали не ѣздить и... все-таки ѣздили. Тогда Акимъ рѣшилъ во что бы то ни стало подкараулить этихъ нарушителей «правила», караулилъ нѣсколько дней подрядъ, лежалъ даже въ придорожной канавѣ, но напрасно: мужики предупреждали одинъ другого и проѣзжали по настоящей дорогѣ, какъ бы и не догадываясь, зачѣмъ это торчитъ въ полѣ Акимъ Терентьичъ. А на утро опять оказывались по пашнѣ новые и новые слѣды.

— Ахъ, головушка ты моя горькая, ахъ, мошенники!—хлопалъ себя Акимъ по бедрамъ.

И опять подкарауливалъ.

Акимъ Кошелкинъ или, какъ всѣ его на деревнѣ звали, Акимъ Терентьичъ Кошелкинъ, жилъ у меня въ прикащикахъ давно. Мужикъ онъ былъ хорошихъ правилъ и съ сообразительною по-своему головой. Но главнымъ его достоинствомъ были его честность и безпредѣльная мнѣ преданность. Уѣзжая на зиму изъ деревни, я всю усадьбу, весь домъ оставлялъ на руки Акима. И весной, пріѣзжая на лѣто, заставалъ даже старыя перья, валявшіяся на письменномъ столѣ, прибранными и сохранными. И я зналъ, что у Акима ни одна моя копѣйка не уйдетъ на вѣтеръ, не пропадетъ ни одного снопа моей ржи. Постоянно распоряжаясь моимъ имуществомъ какъ своимъ, онъ никогда не употреблялъ мѣстоименій «мое», «ваше», а всегда «наше». У него все было «наше». Говоря о моихъ лошадяхъ и коровахъ, онъ говорилъ: «наши лошади, наши коровы», о домѣ—«нашъ домъ», о моей землѣ—«наша земля», о моихъ дѣтяхъ «наши дѣти» или даже еще: «наши съ вами, Николай Евграфовичъ, дѣти».

— Вотъ бы, Николай Евграфовичъ, нашимъ дѣтямъ эту лошадку купить,—говаривалъ онъ.

Съ мужиками съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ ко мнѣ въ прикащики, онъ совсѣмъ почти порвалъ всѣ свои прежнія отношенія и я зналъ, что для него на деревнѣ не существовало ни свата, ни брата. Были только кумовья. Но и тѣ не могли разсчитывать, чтобъ онъ сдѣлалъ имъ какое-нибудь снисхожденіе противъ «правила», въ силу кумовства.

Разъ одинъ изъ его кумовьевъ стянулъ у меня ломъ. Акимъ до тѣхъ поръ не успокоился, пока ломъ не нашелся, и сильно былъ недоволенъ тѣмъ, что я оставилъ его куму поступокъ этотъ безнаказаннымъ. Другой разъ другой его кумъ стянулъ ненарокомъ полвоза «нашего» сѣна. И его Акимъ притянулъ къ отвѣтственности.

Или еще одинъ фактъ.

Послалъ я какъ-то Акима вмѣстѣ съ другимъ прикащикомъ изъ другого моего имѣнія, весьма ловкимъ человѣкомъ, на ярмарку покупать рабочихъ лошадей. На ярмаркѣ они пять рублей издержали на себя, «на харчи».

— А какъ вы полагаете, Акимъ Терентьичъ, пять-то рублей ли надо разнести на покупки?—предложилъ обратною дорогой тотъ.

Но Акимъ вознегодовалъ.

— Какъ разнести? Для чего разносить? Какое такое есть право? Нѣтъ, ты, братъ, каждую барскую копѣйку туда и ставь, да она пошла... Такъ-то вотъ лучше, чѣмъ разносить!...

За такія качества его мужики не любили и рѣдкій о немъ говорилъ хорошо. Всѣ завидовали въ душѣ его положенію и при удобномъ случаѣ не прочь были наговорить о немъ такого, чего и не было.

У Акима были деньги—триста рублей. Сто рублей изъ нихъ онъ предназначилъ женѣ послѣ своей смерти, сто—дочери-невѣстѣ при выходѣ замужъ и сто оставилъ на себя—на поминовеніе души. Мнѣ очень многого стоило уговорить его положить эти деньги въ банкъ, а не держать дома. Его смущали проценты, которые должны были приносить деньги, отданныя въ банкъ; ему почему-то казалось, что брать эти проценты грѣшно и что если онъ ими воспользуется, то непремѣнно кого-то какъ-то обидитъ. И только недавно онъ уступилъ моимъ уговорамъ и положилъ свой «капиталъ» въ банкъ.

Эти триста рублей, которые онъ скопилъ за всю свою жизнь и дождался которыхъ уже съ сѣдиной въ бородѣ, составляли предметъ его гордости и онъ никогда ни отъ кого не скрывалъ, что деньги у него есть.

— А почему у меня вотъ и деньги?—говорилъ онъ.—Потому, милый человѣкъ, что не роскошествую, какъ иные прочіе. Тихо-то жить лучше. Живи крѣпче и будетъ человѣкъ живъ. А то у насъ теперь всѣ роскошную жизнь повели. Каждый долженъ свою цифру соблюдать и въ правилѣ жить. А наши пошли себѣ эти добрыя поддевки синя сукна справлять, сапоги въ семь рублевъ, да пахать въ нихъ, въ сапогахъ-то... рубахи тоже пунцовыя завели, шаровары разныя... А сбруи нѣтъ. Ѣхать—глядь: колесо не годится!

Положимъ, самъ Акимъ носитъ и пунцовыя рубашки, и манчестеровыя шаровары, и суконные жилеты съ кармашками, и даже суконную поддевку на мѣху завелъ, но ему это можно.

— Я вотъ,—говорилъ онъ,—слава Богу, и сытъ, и одѣтъ, и обутъ. Да почему же? Потому, что все, до послѣдней крохи вотъ, все заслуженное. Да и нельзя мнѣ кое-какъ-то ходить. Все же не кто-нибудь, а барскій прикащикъ, и должны меня потому понимать.

И вотъ вдругъ какой-нибудь Миронъ его, Акима, не «понимаетъ», знать его не хочетъ и не повинуется его прикащичьему авторитету.

Какъ же тутъ не взволноваться?

— Мнѣ дѣло не въ штанахъ,— повторяетъ Акимъ, заправляя продранную шаровару въ сапогъ (раньше онъ этого не сдѣлалъ, чтобы произвести на меня бо́льшее впечатлѣніе). — У меня ихъ, шароваровъ-то, и еще есть! А то обидно, что теперь, главное, за-

смѣютъ! Какъ, молъ, наша собака Акиму Кошелкину штаны рвала! Проходу теперь не дадутъ!...

Очевидно, авторитетъ Акима, какъ моего прикащика, такимъ курьезнымъ случаемъ былъ поколебленъ. Непремѣнно требовалось его возстановить. Поэтому, отложивъ въ сторону газеты, я взялъ фуражку и трость и мы вмѣстѣ съ Акимомъ сошли съ террасы и, миновавъ садъ и прудъ, вышли въ поле.

Солнце уже закатывалось. На горизонтѣ пролегла ярко-малиновая полоска, разливаясь по всему небу и постепенно переходя въ лиловый, алый, розовый, золотисто-желтый и голубой цвѣта. Тихо-спокойная гладь пруда, какъ въ зеркалѣ, отражала въ себѣ эти безконечно-разнообразные цвѣта неба, то отчетливо-рѣзкіе, то расплывчато-мягкіе, а послѣдніе лучи солнца, словно золотыя искры, и свѣтились, и мигали въ чуть-чуть дрожащихъ струяхъ воды, въ кругахъ, тамъ и тутъ тихо-плавно расходившихся, разбѣгавшихся по всему пруду отъ одного его берега и до другого.

Узкой и темной лентой вилась впереди насъ дорога, поднимаясь постепенно въ гору, то скрываясь въ лощинкахъ, то опять появляясь на буграхъ, капризно сворачивая то въ одну, то въ другую сторону съ прямой линіи. И далеко потянулось по обѣ ея стороны, словно золотомъ, солнечными лучами залитое, скошенное хлѣбное поле. Солнце словно привѣтъ прощальный посылало намъ передъ уходомъ на покой и золотило еще верхушки сложенныхъ въ крестцы сноповъ ржи. Но и сумерки уже не дремали. Дружно наступали онѣ, и все большая и большая полоса поля попадала въ ихъ власть и меркла, и темнѣла, словно погружаясь въ дремоту.

Наконецъ, мы подходимъ и къ нашей пашнѣ.

Акимъ, совсѣмъ было уже успокоившійся, при видѣ мѣста происшествія опять начинаетъ волноваться.

— Вотъ что хочешь, то съ ними и дѣлай!—разводитъ онъ руками.—Никакого, то-есть нѣтъ, на нихъ закона-порядка.

— Да что это за Миронъ такой?—спрашиваю я.—Хотя я и знаю почти всѣхъ нашихъ мужиковъ въ лицо, но Миронъ представ[illegible]тся мнѣ почему-то неясно.

— Вы его, должно быть, и не знаете, Николай Евграфовичъ, д[illegible]акъ оно и есть, не знаете. Да и гдѣ же вамъ ихъ всѣхъ эда[illegible]ъ мошенниковъ-то и знать, право слово! Такъ онъ негодный с[illegible]ричишка, Грунькинъ,—вотъ что еще съ Потапомъ возжается,—[illegible]ъ. Ну, озорникъ, темный.

[illegible]рунька пользуется на селѣ очень плохой репутаціей, и то об-

стоятельство, что «старичишка Миронъ» оказывается ея отцомъ, даетъ ему, въ моемъ представленіи, дурной оттѣнокъ.

— Вотъ вамъ крестецъ, вотъ вамъ другой!—хватаетъ тѣмъ временемъ, когда я дѣлаю свой выводъ о Миронѣ, Акимъ раскиданные противъ пашни наши снопы.—Два крестца, окоянные разбили. Я ему кричу: стой! А она какъ хлестнетъ по лошади.

— Кто она?

— Да Грунька-то его, маркграфиня! Ну, лошадь, конечно, въ сторону, вотъ сюда. Я къ ней. Тутъ собаченка проклятая откуда ни возьмись да за ногу меня, я, конечно, лошадь и выпустилъ. Она обернула да по крестцамъ по нашимъ и погнала! Да еще кричитъ: «ты насъ задерживать не смѣешь!»—вотъ какія слова, вѣдь, выговариваетъ, Николай Евграфовичъ! Воля, конечно, ваша, а только по-моему этого дѣла такъ никакъ нельзя оставлять.

Я вижу, дѣйствительно, два крестца нашей ржи разбитыми; вижу слѣдъ телѣги, заворачивающій вокругъ перваго крестца и пересѣкающій то мѣсто, гдѣ былъ второй; вижу, что слѣдъ этотъ идетъ не съ дороги, а какъ разъ съ пашни. Очевидно, это неуваженіе чужой собственности и еще очевиднѣе нарушеніе Акимо а авторитета. И въ виду такого явно возмутительнаго образа дѣйствій со стороны Мирона и его «маркграфини» (такъ почему-то ее зоветъ вся деревня) я невольно проникаюсь негодованіемъ обиженнаго и энергично иду дальше по дорогѣ, твердо рѣшивъ сдѣлать Мирону особенно строгое внушеніе.

— Вонъ и они ѣдутъ,—указываетъ мнѣ въ даль Акимъ.—Вонъ два воза-то. Впереди одинъ ѣдетъ,—это не ихній, а за нимъ, подальше-то, вонъ на сѣрой лошади, это они, межами ѣдутъ.

Я смотрю въ даль и, дѣйствительно, вижу три воза, но передній изъ нихъ ѣдетъ дорогой, а два заднихъ спускаются къ дорогѣ межами.

Медленно подвигаются они впередъ, и какъ разъ у лощины только, гдѣ имъ надо выѣхать на дорогу, мы ихъ встрѣчаемъ. На второмъ возу, высоко на снопахъ, возсѣдаетъ, вытянувъ впередъ ноги, Грунька. Голова ея повязана свѣтлымъ ситцевымъ платкомъ, изъ-подъ котораго на меня смотритъ обыкновенное некрасивое, но и дурное, ничѣмъ не выдающееся лицо, и только сѣрые глаза, бойкіе и дерзкіе, смотрятъ на насъ съ Акимомъ и словно смѣются.

— Вонъ она, маркграфиня-то, ишь возсѣдаетъ,—дѣлаетъ замѣчаніе Акимъ.

Самъ Миронъ въ длинной бѣлой рубахѣ, подпоясанной веревочкой, и въ лаптяхъ, шагаетъ около передняго воза. Онъ уже старикъ

Борода и усы его длинные и сѣдые. Спина порядкомъ согнулась. Изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей хитро разбѣгаются по сторонамъ такіе же, какъ и у Груньки, маленькіе глазки. Стороной, то забѣгая впередъ, то отставая, бѣжитъ желтенькая собачонка, нанесшая Акиму обиду.

Вотъ они, нарушители «правилъ», подрыватели авторитета.

И мы съ Акимомъ принимаемъ соотвѣтственно строгій видъ. А они уже чувствуютъ, что эта встрѣча ничего хорошаго имъ не обѣщаетъ. Миронъ снимаетъ шапчонку и останавливаетъ лошадь, Грунька на заднемъ возу тоже натягиваетъ веревочныя возжи и только одна собачонка, хотя и оставаясь въ почтительномъ отдаленіи, злобно на насъ косится и рычитъ.

— Что же это такое, Миронъ, —начинаю я сурово.—Развѣ ты ссориться со мною хочешь?

— Почто намъ ссориться, Николай Евграфовичъ,— отвѣчаетъ Миронъ миролюбиво,—мы тебѣ и такъ много благодарны, гдѣ же намъ ссориться, зачѣмъ ссориться.

— Какъ же ты собаку на Акима натравилъ? Развѣ это хорошо? Человѣкъ мое приказаніе исполняетъ, а вы на него собаку травите.

Миронъ совсѣмъ недружелюбно уже взглядываетъ на Акима.

— Никто на него и не травилъ. Самъ онъ ее раздразнилъ, вотъ что. Самъ свару зачалъ да самъ и жалится!

— Вретъ онъ, баринъ!—Вотъ провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ, вретъ, и не думали мы, — подаетъ голосъ съ своего воза «маркграфиня» Грунька.

Но я ее немедленно же останавливаю:

— Погоди, погоди, матушка! Я не съ тобой говорю.

А Акимъ между тѣмъ успѣлъ уже на обвиненіе Мирона поставить возраженіе.

— Какъ же это ты, Миронъ Мокѣичъ, говоришь, что не травилъ? Вотъ сейчасъ не травишь, она во-онъ гдѣ стоитъ. Стало быть натравилъ, коли она мнѣ штаны изорвала.

— А ты бы, Акимъ Терентьичъ, лошадь-то не хватался бы,— вѣчаетъ Миронъ.—А то, вѣдь, онъ насъ, баринъ, какъ сгрудилъ. пущаетъ ѣхать да и на тебѣ! И за что? Такъ, здорово живешь!

Тонъ Мирона—тонъ обиженнаго человѣка. Этотъ тонъ приволъ Акима въ негодованіе, и, словно плотина прорвалась въ вешнюю ду, онъ взмахиваетъ своими руками и восклицаетъ:

— Эхъ, ты, Миронъ, Миронъ! Старикъ ты, борода у тебя ная, а врешь. Сталъ бы я тебя ни съ того, ни съ сего задержи-

вать. Стало быть, за что-нибудь задержалъ. Вотъ за что я тебя задержалъ, Миронъ Мокѣичъ: не ѣзди по пашнѣ.

— Да я и не ѣздилъ, что ты кричишь напрасно-то.

— Какъ не ѣздилъ? А слѣдъ на что? Ты, можетъ, такъ думаешь, слѣдъ ничего не стоитъ. Нѣтъ, братъ, по немъ все видать.

— Дорогой ѣхать никому не заказано. Коли ежели дорога, такъ ты и задерживать не моги, не имѣешь права.

— Кто? Я то права не имѣю? Ну, это ты еще помолчи. Другой разъ что умнѣй сказать придумай.

Здѣсь я прерываю этотъ діалогъ и вставляю свое замѣчаніе.

— Нѣтъ, Миронъ, ты ошибаешься. Если я и позволилъ вамъ пользоваться этой дорогой, то только изъ одолженія. А если вы мнѣ за добро зломъ хотите платить, по пашнѣ начинаете ѣздить, такъ я эту дорогу сегодня же закрою.

— И правильно ваше слово, Николай Евграфовичъ,—восклицаетъ Акимъ.—И разговаривать съ ними много нечего, вернуть его на ту дорогу и все тутъ. Пять-то верстъ лишнихъ проѣхать для мужика много стоитъ.

Миронъ, очевидно, не ожидавшій такого рѣшенія, сразу смиряется и говоритъ покорно:

— Оно, конечно, ваша воля, Николай Евграфовичъ, на все ваша воля. Не прикажете,— будемъ тамъ ѣздить. Только это все онъ на насъ напраслину наводитъ.

— Да какая напраслина?—возвышаю и я голосъ.—Никакой я напраслины не вижу, а вижу только, что ты виноватъ, вотъ что я вижу...

— Никакой напраслины нѣтъ, нечего и болтать зря,—говоритъ и Акимъ.—Что тамъ разсуждать много, поворачивай да и поѣзжай назадъ. Другимъ, которые помоложе, да и тебѣ, старому дураку, наука будетъ.

— Да для чего ты, Акимъ Терентьичъ, меня ругаешь? Я тебѣ развѣ мальчикъ достался,—возвышаетъ опять голосъ и Миронъ и тоже начинаетъ размахивать руками.

— Развѣ я мальчикъ тебѣ,—повторяетъ онъ.

— Да потому и ругаю, что съ тобой еще хуже не въ примѣръ чѣмъ съ малымъ ребенкомъ. Разъ сказалъ, два сказалъ, гор взяло—ругать зачалъ!...

— И чего ты, Акимъ Терентьичъ, господъ развращаешь. Ни чего ты мнѣ допрежь того не говорилъ. Одно слово: покуражиться надъ нами тебѣ больно желательно.

— Ну, говори, говори,—я помолчу,—вставляетъ Акимъ.

— Мнѣ нечего говорить-то много. Я, Акимъ Терентьичъ, восьмой десятокъ живу. Мнѣ завтра помирать. А ты бахвалишься надо мной. Что я тебѣ сдѣлалъ? Другихъ же пущаешь. А я тебѣ поперекъ дороги сталъ, что ли...

Въ голосѣ Мирона начинаетъ дрожать жалостная нотка. Очевидно, вспомнивъ, что живетъ восьмой десятокъ, онъ вдругъ почувствовалъ себя еще болѣе обиженнымъ. Но Акимъ мало трогается этимъ доводомъ.

— А скажи мнѣ, старый ты человѣкъ, какъ ты смѣкаешь: я здѣсь управитель или нѣтъ?—спрашиваетъ онъ вызывающе. Хочу—пущу тебя по дорогѣ, хочу—нѣтъ. Хочу—пятерыхъ пущу, шестого—нѣтъ. И должонъ ты мнѣ повиноваться, потому что я къ этому приставленъ.

Вотъ онъ именно и есть — тотъ самый принципъ, который мы защищаемъ, думаю я при этихъ словахъ Акима.

— А я что же говорю?—опять обижается Миронъ.—То же и я говорю! Бахвалишься, куражишься надъ нами. Ну, и куражься Акимъ Терентьичъ, куражься, потому—воля твоя... Богъ съ тобой, куражься... Я—что? Я ничего. Только грѣхъ тебѣ будетъ.

Мнѣ чудятся въ голосѣ Мирона слезы. И, дѣйствительно, рукавомъ рубахи онъ смахиваетъ что-то съ глазъ.

Акимъ же обижается еще пуще и снова налетаетъ на Мирона пѣтухомъ и разговоръ переходитъ окончательно въ тотъ фазисъ, когда отчетливо слышны только отдѣльныя слова, рѣзкія выраженія, когда становится труднымъ уловить въ немъ логическую связь и успѣваешь только схватить его общій смыслъ.

Тѣмъ временемъ собачонка начинаетъ окончательно выходить изъ себя и все болѣе и болѣе приближается къ намъ. Злобно взвизгивая и лая и обнаруживая явное желаніе повторять давишнюю операцію съ Акимовыми шароварами; тщетно цыкаетъ на нее съ своего воза Грунька и не менѣе тщетно взываетъ къ разошедшемуся родителю.

— Тятенька, поѣдемте назадъ, тятенька!

Но тятенька не такъ-то легко поддается ея разумнымъ просьмъ и не дешево достается Акиму возстановленіе его поруганнаго ѣторитета.

Но вдругъ Миронъ замолкаетъ сразу, очевидно, истощивъ весь часъ доводовъ въ свое оправданіе и въ обвиненіе Акима, махаъ рукой и беретъ за узду свою лошаденку.

— Что же, я вернусь, пожалуй, мнѣ что!... Мнѣ все равно.

Мгновеніе онъ ждетъ, что я нарушу свое молчаніе и разрѣшу ему, все-таки, ѣхать по моей дорогѣ.

И мгновеніе же продолжается мое колебаніе.

Съ одной стороны, мнѣ жаль заставлять эту сѣдую бороду дѣлать пять верстъ крюку; жаль и лошаденки, понуро и безучастно стоящей, которой изъ-за нашихъ распрей, авторитетовъ и принциповъ придется протащить эти снопы лишнихъ пять верстъ.

Съ другой, въ силу принципа, никакъ нельзя разрѣшить Мирону ѣхать прямо, потому что тогда пошатнется не только авторитетъ Акима, но даже и мой.

— Говорить-то, скажутъ, онъ говоритъ, стращать-стращаетъ, а на дѣлѣ-то, все-таки, въ концѣ-концовъ простить.

Я знаю, что обо мнѣ это ужъ и такъ говорятъ и потому на этотъ разъ рѣшаю выдержать характеръ до конца.

И молчу.

А Акимъ тѣмъ временемъ, когда Миронъ заворачиваетъ назадъ своихъ лошадей, говоритъ:

— Такъ-то лучше. Не бойсь, будутъ знать правила! Правило для того и сказано, чтобъ его исполнять!...

Нѣкоторое время до меня доносится поскрипываніе колесъ Миронова воза, и мы идемъ молча.

— И правильно ваше слово, Николай Евграфовичъ,—нарушаетъ вдругъ молчаніе Акимъ.—Ничего теперь намъ къ примѣру и дѣлать не остается, какъ прикрыть эту дорогу.

Я что-то не помню, чтобъ я именно въ такой окончательной формѣ это говорилъ, но, рѣшивъ до конца быть твердымъ, говорю:

— Да и придется закрыть, съ ними ничего иначе не подѣлаешь.

И придя домой, посылаю Акима за старостой.

Сельскій староста нашъ еще недавно только поставленъ въ старосты и потому является ко мнѣ немедленно же, благо отъ моей усадьбы до села, какъ говорится, рукой подать.

Меня онъ застаетъ сидящимъ на привезенныхъ сегодня со станціи доскахъ. Нашъ деревенскій подрядчикъ-плотникъ, Василій Уралочкинъ, перекрываетъ мнѣ скотный дворъ, и мы разсуждаемъ с нимъ о томъ, какъ бы это намъ сдѣлать экономнѣе и хозяйственнѣе

Очевидно, дорогой Акимъ уже объяснилъ старостѣ, за каким дѣломъ я его зову, но, тѣмъ не менѣе, я ему объясняю, что так какъ мужики упорно не желаютъ «исполнять правилъ», иначе го воря, вопреки всякимъ мѣрамъ Акима, отъѣзжаютъ мнѣ пашню, т мнѣ и приходится дорогу закрыть.

— Конечно, я не хотѣлъ этого,—говорю я,—но они сами на это меня вынуждаютъ. Упорствомъ они себѣ же хуже дѣлаютъ. Потомъ и близокъ будетъ локоть, да не укусишь.

— Извѣстно, народъ темный, что и говорить, Николай Евграфовичъ,—соглашается староста.—Сами не знаютъ, что дѣлаютъ.

— Я много спускаю,—продолжаю я,—и долго терплю, но если ужъ меня выведутъ изъ терпѣнія своимъ упрямствомъ, то и я стану тоже упрямъ.

— Ваша правда, Николай Евграфовичъ.

— А только, Николай Евграфовичъ,—вставляетъ плотникъ Василій,—чѣмъ же другіе-то, къ примѣру, мы, будемъ здѣсь виноваты? Другіе прочіе безобразничаютъ, а намъ за нихъ въ отвѣтѣ быть. Насъ-то вамъ, Николай Евграфовичъ, кажись и не за что наказывать, вы насъ ужъ пощадите.

Говоритъ онъ тихо, съ улыбочкой щуря глаза и довольно убѣдительно. Но я пожимаю плечами.

— Ну, ужъ до этого мнѣ нѣтъ дѣла.

Староста, очевидно, давно уже собиравшійся что-то сказать, наконецъ, вздохнулъ и произнесъ многозначительно и серьезно:

— А я бы вамъ, Николай Евграфовичъ, то-есть, вотъ какой предлогъ сдѣлалъ.

— Ну?

— Чѣмъ всѣмъ намъ за одного или двухъ тамъ, скажемъ, озорниковъ вину нести, прикажите лучше Мирона посадить въ жегулевку. Я его сейчасъ и посажу.

Этотъ «предлогъ», очевидно, на всѣхъ произвелъ впечатлѣніе. Жегулевкой называлось особое отдѣленіе при волостномъ правленіи, родъ кануры, куда запирали «на высидку»?

Но больше всѣхъ пришелся этотъ предлогъ по сердцу Акиму. Онъ одобрительно качнулъ головой, развелъ многозначительно правою рукой въ воздухѣ, точно хотѣлъ сказать: «надо бы лучше, да некуда»,—и сказалъ:

— Правильны его слова, Николай Евграфовичъ! Чѣмъ другимъ въ отвѣтѣ ни за что быть, пусть онъ одинъ и отвѣчаетъ, потому какъ онъ одинъ виноватый. Не замай, ночку посидитъ.

Мнѣ же этотъ предлогъ не совсѣмъ понравился.

Хотя я и рѣшилъ уже, что Миронъ, въ силу принципа, такъ или иначе долженъ быть наказанъ за свои и своей «маркграфини» продерзостные поступки и слова, однако, засаживать его въ жегулевку совсѣмъ не входило въ мои намѣренія.

— Да, вѣдь, онъ старикъ,—сказалъ было я.

— Что-жъ, что старикъ,—возразилъ Василій.—Онъ хуже другого молодого. Съ нимъ тоже ухо-то ахъ какъ востро надобно держать.

— Онъ молодого-то еще и за поясъ заткнетъ,—добавилъ и Акимъ.

Я надѣялся еще, что хоть староста заступится за Мирона. Но и онъ не былъ о немъ хорошаго мнѣнія.

— Жалѣть его, Николай Евграфовичъ, не за что. Хуже его у насъ и обидчика, почитай, на селѣ нѣтъ, даромъ, что старый. Они со своей дочкой всѣ дѣла за одно обдѣлываютъ. Развѣ хорошій-то мужикъ сталъ бы такую дѣвку дома держать, а онъ ли ей не потакаетъ, онъ ли ее еще не покрываетъ! Никакъ нѣтъ, Николай Евграфовичъ, жалѣть его больно не стоитъ: не таковъ человѣкъ... Окромя пользы, ночь въ жегулевкѣ отсидѣть—никакого ему отъ того вреда не будетъ...

Наступилъ вечеръ.

Вы, жители шумныхъ городовъ, вы не знаете, вы не слышите чарующей тишины, обворожительной поэзіи нашей тихой, ясной и свѣтлой, голубовато-серебряной деревенской ночи! Такъ тихъ и безтрепетенъ воздухъ. Такъ спокойна и молчалива синева, охватившая даль. Такъ грустно-задумчивы дремлющія деревья сада... И тишина вокругъ, такая безмятежная тишина, что каждый ничтожнѣйшій звукъ, рождающійся въ ней, котораго днемъ вы еще и не успѣете услышать, какъ онъ утопаетъ уже и исчезаетъ въ массѣ другихъ звуковъ, теперь ясно и отчетливо доносится до вашего слуха...

Мы сидимъ съ женой на лѣстницѣ нашей террасы, спускающейся въ цвѣтникъ. Изъ него несется къ намъ запахъ резеды, левкоевъ и еще какихъ-то другихъ цвѣтовъ, названій которыхъ я не знаю. Воздухъ такъ тихъ и тепелъ, и прохладенъ въ одно и то же время. И такъ легко, такъ хорошо, такъ свободно-вольготно дышется въ эти іюльскіе вечера!

Я только что разсказалъ женѣ всю исторію съ Мирономъ. Она выслушала ее внимательно и спросила:

— И ты согласился и велѣлъ, чтобъ его посадили?

— Разумѣется, пришлось согласиться,—дѣлаю я ударѐніе на словѣ «пришлось».—Надо же поддержать Акима... И потомъ, ужъ изъ одного хотя бы принципа... Конечно, непріятно, но что же дѣлать,—добавляю я, понимая, что жена мнѣ не сочувствуетъ.

Но она молчитъ.

Замолкаю и я.

А вечеръ такъ чудно красивъ, ясенъ, благоухающъ, тихъ!...

Но—чу!—среди тишины я слышу разговоръ въ полголоса.

Отчетливо и ясно доносятся до насъ фразы сквозь отворенныя окна людской.

И вотъ, я слышу, говоритъ стряпуха Марѳа.

Она разсказываетъ:

— ... Вдовье дѣло — вовсе плохое дѣло,— слышу я.— Ужъ и мужикамъ-то о ту пору ѣсть было нечего, а намъ-то гдѣ ужъ! Зима лютая стояла... Поначалу коровенка была. Ну, знамо, дюже ее хотѣлось прокормить, крышу, почитай, всю раскрыли по осени. Ну, зима пришла, вовсе холодно стало... Жить просто стало не можно. Коровенка сдохла!... Вотъ и заболѣла моя Маша... А шелъ ей всего девятый годокъ. Заболѣешь, коли хлѣбъ черствый, да и то черезъ два дни на третій ѣшь! Вижу: плохо ей, горемычной... Восемь дней ничего не ѣла.

Вотъ я и спрашиваю:

— Доченька, чего желаешь?

А она говоритъ:

— Молочка, мамка.

Послала въ люди. Дали молочка. Принесли.

А она крестится.

— Доченька, ты что же?

— За лапшу, мамка... Поѣли и хорошо!

И опять крестится все... Такъ и не выпила молочка-то... Гляжу я на нее и говорю: «Что же, доченька, помирай,—пора...» Ну, и перекрестила ее...

Наступаетъ молчаніе. Разсказъ, очевидно, производитъ впечатлѣніе.

Кто-то шумно вздыхаетъ, а кучеръ Кузьма спрашиваетъ:

— Померла?

— Померла,— отвѣчаетъ Марѳа, и, когда она говоритъ одно это слово, я слышу ясно въ ея голосѣ слезы.

И мнѣ тоже становится тяжело.

И живо мерещится мнѣ эта «Маша», и чудятся еще другія, близко-близко видѣнныя, измученныя лица, къ счастью, уже минувшаго голоднаго года.

Но воцарившееся молчаніе опять нарушается.

— Божья воля, — произноситъ довольно громко пастухъ Ульянъ, — Божья воля, Кузьма, Костя - Кинстинтинъ, Акимъ Тевентьичъ!

Тонъ, которымъ онъ произноситъ это заключеніе, рѣшителенъ не терпитъ возраженій.

Изъ этого заключенія я вижу, что разговоръ ведутъ: Кузьма—кучеръ, Константинъ — ключникъ, Акимъ, Ульянъ — пастухъ и Марѳа. Остальные, значитъ, уже разошлись, потому что, я знаю, Ульянъ непремѣнно перечислилъ бы и ихъ въ своемъ заключеніи поименно. Это ужъ его такой обычай и правило. Только къ одному Константину онъ питаетъ почему-то особое расположеніе, такъ какъ всегда называетъ его обязательно двойнымъ именемъ: Костя-Кинстинтинъ.

— Божья воля, Кузьма, Костя-Кинстинтинъ, Акимъ Терентьевичъ, — произноситъ Ульянъ еще разъ и, очевидно, съ нимъ всѣ согласны, потому что молчаніе продолжается. Кто-то еще вздыхаетъ, и я слышу, какъ стучатъ деревянныя ложки одна о другую, которыя Марѳа собираетъ со стола. Затѣмъ раздаются чьи-то шаги по лѣстницѣ, кто-то сошелъ съ крыльца, и тишина воцаряется снова.

Мы по-прежнему молчимъ.

Эта Марѳина повѣсть меня смущаетъ. Ужъ не махнуть ли рукой, въ самомъ дѣлѣ, на принципъ, не послать ли сказать, чтобы выпустили Мирона, приходитъ мнѣ въ голову мысль.

Въ эту минуту передъ нами выростаетъ Надя, наша младшая дочь, послѣдній экземпляръ «нашихъ дѣтей» по выраженію Акима.

Надѣ восемь лѣтъ всего и, такъ какъ она послѣдняя, то, очевидно, уже—наша общая любимица.

— Папа!—остановилась она внизу лѣстницы.—Тамъ къ тебѣ пришелъ какой-то старикъ, хочетъ видѣть тебя, а Акимъ его не пускаетъ.

— Ну, что же,—отвѣчаю я спокойно,—значитъ, ему меня не надо видѣть, если Акимъ не хочетъ его пускать ко мнѣ.

— Онъ проситъ, папа, прощенья и...

Надя останавливается (я уже знаю для чего, чтобы проглотить слезинку,—она очень добрая дѣвочка).

— И, кажется, папа, мнѣ кажется... онъ плачетъ...

— Ну, хорошо, ступай играй,—говоритъ жена.

Но когда Надя съ самымъ беззаботнымъ уже личикомъ убѣгаетъ, мы опять молчимъ.

И вотъ опять доносится къ намъ со двора голоса.

— Что же, Акимъ Терентьичъ,—говоритъ Миронъ,—покуражился и прости... Грѣхъ тебѣ будетъ. Вѣдь, я, Акимъ Терентьичъ, не мальчикъ, борода видишь у меня какая; сегодня живу, завтра умру.

Акимъ отвѣчаетъ:

— Что же, Миронъ Мокѣичъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ, правильныя твои слова.

— Восьмой десятокъ я, Акимъ Терентьичъ, доживаю,— опять говоритъ Миронъ.—Смолоду въ жегулевкѣ не сиживалъ, а ты подъ старость меня посадить хочешь... Ну, что же, Акимъ Терентьичъ, обидѣлъ ежели я тебя чѣмъ, такъ прости! Опозорить не долго, только что тутъ хорошаго-то? Слышь, Акимъ Терентьичъ, прости!

— Непонятливый ты какой, какъ я на тебя погляжу, Миронъ Мокѣичъ, развѣ я тебя сажаю? Баринъ сажаетъ, не я.

— А коли баринъ, какъ сходи къ барину, доложи, что пришелъ-де Миронъ виниться, прощенья просить.

— И ходить нечего,—не проститъ. Да и что ужъ, Миронъ Мокѣичъ, ты больно боишься? Не на вѣкъ, вѣдь, сажаютъ, ночь всего и отсидишь, поутру выпустятъ!... Небойсь, давича не боялся разныя слова выговаривать!

— Акимъ Терентьичъ, слышь ты, я на колѣнкахъ вотъ прошу: прости ты, не позорь ты меня.

На минуту воцаряется молчаніе. Затѣмъ я слышу опять голосъ Мирона, но уже полный отчаянія.

— Кого же мнѣ теперича прощенія просить? Спасителя, что ли, Небеснаго?

Еще проходитъ нѣсколько молчаливыхъ минутъ. Я уже окончательно рѣшаюсь отмѣнить свое «наказаніе», когда на террасу съ другой лѣстницы входитъ и самъ Акимъ.

На немъ ужь сверхъ жилета клѣтчатый пиджакъ, волосы и борода его расчесаны.

— Чго, Акимъ?—дѣлаю я видъ, будто ничего не знаю.

Онъ улыбается и разводитъ руками.

— Да что, Николай Евграфовичъ! Пришелъ, вѣдь, прощенія просить... Ползитъ на колѣнкахъ посреди двора, ничего съ нимъ не подѣлаешь.

— Что же, простить надо?

Акимъ проводитъ рукой по усамъ, по бородѣ, вздыхаетъ тяжело и, махнувъ рукой, говоритъ рѣшительно:

– Да ужъ видно такъ, Николай Евграфовичъ. Богъ съ нимъ, не ѣдетъ... Можетъ, и такъ не забудетъ.

И когда Акимъ уходитъ, жена улыбается и говоритъ:

— Что же, твой «принципъ» пошатнулся?

— Разумѣется, пошатнулся,—говорю я и тоже улыбаюсь.

П. Слѣпцовъ.

МАРЧЕЛЛА*).

Романъ мистрисъ Уордъ.

X.

Возвратившись домой послѣ вечера у лэди Мастертонъ, Уартонъ до самаго разсвѣта просидѣлъ въ неподвижной позѣ у открытаго окна, захваченный потокомъ размышленій. Мысли о Марчеллѣ постоянно пересѣкались воспоминаніями о томъ предложеніи, которое онъ получилъ.

Дѣло было такъ. Онъ отправился на вечеръ къ лэди Мастертонъ въ настроеніи человѣка, которому угрожаетъ банкротство и который, подобно французу-преступнику, не хочетъ лишить себя удовольствія выкурить сигару и выпить рюмку водки передъ казнью. Никогда дѣла его не находились въ такомъ отчаянномъ положеніи; всѣ рессурсы были исчерпаны, и онъ зналъ, что черезъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ имущественнымъ крахомъ рушится его общественная и политическая карьера. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ онъ и не помышлялъ о томъ, чтобы сдѣлать предложеніе Марчеллѣ, но разсчитывалъ повидаться съ ней. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ завидѣлъ ее и подходилъ къ ней, его отозвалъ извѣстный адвокатъ Пирсонъ.

— Я имѣю порученіе, э-э! (что за несносный презрительный тонъ у этого человѣка!) переговорить съ вами, мистеръ Уартонъ по дѣлу о стачкѣ въ Дэмели. Угодно вамъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ?

И вслѣдъ за тѣмъ онъ изложилъ свое порученіе—съ циничною прямотой предложилъ Уартону подкупъ, впрочемъ, подсказывая ему на случай цѣлый рядъ тонкихъ и вполнѣ уважительныхъ отговорокъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

Пирсонъ говорилъ отъ лица фабрикантовъ, которые прекрасно понимали рѣшающее значеніе *Голоса Труда* и его издателя въ этой стачкѣ, и хотя фондъ, собранный газетой для поддержанія стачки, очевидно, истощался, тѣмъ не менѣе было несомнѣнно, что рабочіе уступятъ только тогда, когда имъ окончательно откажутъ въ поддержкѣ съ этой стороны. Въ такихъ обстоятельствахъ фабриканты рѣшили завести переговоры съ сильнымъ противникомъ и сообщить ему о предполагаемой реорганизаціи металлическаго производства и о тѣхъ выгодахъ, которыя современемъ выпадутъ при этомъ на долю рабочихъ. Пусть онъ знаетъ, что капиталисты ни въ какомъ случаѣ не согласятся на требованія рабочихъ, они скорѣе перенесутъ свои фабрики на континентъ. Предполагаемое регулированіе производства заключается въ учрежденіи синдиката, къ которому долженъ примкнуть и мистеръ Уартонъ, при чемъ онъ получаетъ десять учредительскихъ паевъ по 2,000 фунт. каждый.

И теперь наединѣ съ самимъ собой, вспоминая объ этомъ, Уартонъ содрогнулся всѣмъ тѣломъ, кровь бросилась ему въ лицо, какъ будто онъ получилъ ударъ кнута.

Черезъ нѣсколько минутъ молчанія, онъ бросилъ на Пирсона мрачный, загадочный взглядъ, чувствуя, что пульсъ его бьется быстрѣе.

— Мистеръ Пирсонъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, какого рода предложеніе вы мнѣ дѣлаете?

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь, — торопливо заговорилъ тотъ,—обдумайте дѣло; ни въ какомъ случаѣ я не требую отъ васъ немедленнаго отвѣта. Условимся такъ: завтра воскресенье; если вы согласны принять предложеніе, приходите ко мнѣ въ понедѣльникъ утромъ—вотъ и все. Я буду дома все утро и тогда могу дать вамъ всѣ разъясненія, какія вы пожелаете. А теперь я долженъ идти.

Машинально Уартонъ пошелъ за нимъ.

— Скажите,—вдругъ сказалъ онъ,—Георгъ Денни имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ этому предложенію?

Пирсонъ постоялъ нѣкоторое время въ раздумьи.

— Георгъ Денни? Депутатъ отъ Вестроппа? Нѣтъ, я не имѣлъ съ нимъ никакого дѣла въ данномъ случаѣ.

Вошедши въ чайную комнату, онъ разглядѣлъ Альда Рэборна, разговаривающаго съ лэди Винтербурнъ, и высокую бѣлую фигуру Марчеллы и направился къ ней.

Онъ совершенно ясно сознавалъ, что ему былъ предложенъ подкупъ въ самой наглой и безстыдной формѣ, и онъ выслушалъ это предложеніе самымъ спокойнымъ образомъ. Ему нанесено было

оскорбленіе, которое унизило его въ собственныхъ глазахъ и вмѣстѣ раскрыло, что люди понимающіе нисколько не заблуждаются на его счетъ.

Онъ не скрывалъ отъ себя также, что собственно говоря онъ почти согласился; подкупъ былъ принятъ, рискованный шагъ сдѣланъ. Что же касается денежной стороны, онъ былъ въ большомъ выигрышѣ, и мало-по-малу мысли его направились на выгодныя стороны соглашенія и черезъ нѣсколько минутъ, какъ всегда, онъ уже почти приспособился къ своему новому положенію.

Результатомъ этого тревожнаго состоянія духа и презрѣнія къ себѣ была сцена объясненія съ Марчеллой: онъ инстинктивно искалъ страсти, чтобы забыться отъ мукъ новой, тяжелой передряги.

Продолжая размышлять дальше, онъ началъ находить новые аргументы въ подкрѣпленіе перемѣны фронта и съ наслажденіемъ слѣдилъ за изобрѣтательной работой своего ума: отступленіе *Голоса Труда* съ позиціи будетъ обставлено солидными резонами.

Каковы шансы сохраненія этого дѣла въ тайнѣ? Конечно, фабриканты менѣе заинтересованы въ этомъ, чѣмъ онъ, и безспорно, съ этой стороны, ему грозитъ опасность, но съ другихъ сторонъ ему грозятъ еще болѣе значительныя непріятности, и онъ выбираетъ меньшую. Мысль о встрѣчѣ съ бывшими врагами и, главнымъ образомъ, съ Денни, мучительно жгла его; но, какъ человѣкъ дѣла, онъ отбросилъ отъ себя всѣ страхи и щепетильность.

Теперь какъ быть съ Кравеномъ? Съ нимъ предстоятъ затрудненія. Нужно будетъ телеграфировать ему, чтобъ онъ явился сюда въ понедѣльникъ.

А Марчелла! Передъ ней не трудно будетъ вывернуться и оправдать новую точку зрѣнія: она не сочувствовала тому упорству, съ которымъ газета поддерживала стачку.

Въ концѣ-концовъ, онъ такъ вошелъ въ свою роль, что совершенно добросовѣстно сталъ считать себя принципіальнымъ сторонникомъ синдиката, проводникомъ справедливаго и систематически обдуманнаго предпріятія ради общественной пользы.

И успокоившись на этомъ, онъ сѣлъ и написалъ горячее письмо Марчеллѣ.

Конечно, трудно покорить эту необузданную натуру. Но т[р]удность предстоящей борьбы воодушевляла его, ея сопротивленіе д[ѣ]йствовало на него вызывающе. Ее нужно взять, чего бы это ни ст[о]ило! Теперь у него есть средства, чтобы прожить съ семьей п[р]илично. И въ воображеніи онъ уже гордился красавицей-женой.

На другой день онъ написалъ передовую статью для *Го[лоса]*

Труда, въ которой опытный взглядъ могъ разглядѣть одинъ подозрительный пунктъ—всего одинъ, отмѣчавшій поворотъ въ направленіи газеты. Приходилось приступать къ выполненію условія немедленно, ибо фабриканты, уже потерпѣвшіе громадные убытки, ни въ какомъ случаѣ не согласились бы тянуть дѣло въ угоду Уартону. А, между тѣмъ, ему крайне важно было бы выиграть хоть двѣ недѣли: черезъ двѣ недѣли назначено было собраніе депутатовъ рабочей группы для избранія лидера, и перемѣна его отношенія къ стачкѣ, конечно, тотчасъ станетъ извѣстна и оттолкнетъ отъ него многихъ. Необходимо соблюдать большую осторожность, дѣйствовать осмотрительно.

Въ понедѣльникъ около 11 часовъ Уартонъ уже входилъ въ пріемную Пирсона. При взглядѣ на его визитную карточку по лицу знаменитаго адвоката пробѣжала невольная усмѣшка, но онъ тотчасъ принялъ серьезный видъ, и минуту спустя два авгура бесѣдовали между собою о дѣлѣ съ полнѣйшимъ соблюденіемъ приличій.

Только когда Уартонъ потребовалъ письменнаго ручательства за сохраненіе тайны, Пирсонъ на этотъ разъ позволилъ себѣ открыто улыбнуться.

— Неужели вы думаете, милѣйшій мистеръ Уартонъ, что такія вещи разглашаются? Лучшею гарантіей должны служить для васъ обстоятельства самого дѣла. Что же касается до письменнаго документа, позволю себѣ дать вамъ совѣтъ: долговременный опытъ убѣдилъ меня, что въ подобныхъ щекотливыхъ дѣлахъ лучше не закрѣплять ничего на бумагѣ.

Подъ конецъ свиданія Уартонъ быстро повернулся къ своему собесѣднику и коротко спросилъ:

— Откуда вы узнали, что мнѣ нужны деньги?

Пирсонъ шутливо приподнялъ брови.

— Знаете ли, милѣйшій мистеръ Уартонъ, на свѣтѣ можно узнать все, чего пожелаешь. Я не хочу васъ торопить ни въ какомъ случаѣ, но долженъ предупредить, что я очень стѣсненъ временемъ. Не позволите ли порѣшить дѣло немедленно?

Уартонъ почувствовалъ внезапный приливъ злобы и ненависти этому человѣку, позволяющему себѣ такое безцеремонное обращеніе съ нимъ, депутатомъ изъ Брукшира. Но приходилось съ этимъ мириться, и черезъ двадцать минутъ онъ выходилъ изъ квартиры Пирсона съ документами въ карманѣ, по которымъ немедленно могъ получить въ банкирской конторѣ 8 тысячъ фунтовъ. Остальные двѣ тысячъ должны были быть выданы ему по исполненіи обязательства.

Но онъ направился не къ банкиру, а въ редакцію *Голоса Труда*, гдѣ долженъ былъ ожидать его Кравенъ. При видѣ его высокой фигуры и озабоченнаго лица, Уартонъ почувствовалъ себя непріятно.

Кравенъ держалъ въ рукахъ послѣдній номеръ газеты.

— Надѣюсь, это не значитъ,—сказалъ онъ, поздоровавшись,—что газета мѣняетъ направленіе?

При этомъ онъ указалъ на подозрительное мѣсто въ статьѣ Уартона; тонкія черты лица его дрожали отъ волненія.

— Садитесь, поговоримъ, — сказалъ Уартонъ, притворяя дверь,—ради этого я и вызвалъ васъ.

Онъ предложилъ Кравену сигару, но тотъ отказался, закурилъ и сѣлъ у письменнаго стола, указавши Кравену стулъ напротивъ. Минутами Уартонъ испытывалъ мучительное ощущеніе своего туго набитаго кармана и былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но какого-нибудь смущенія или замѣшательства не было и слѣда.

Разговоръ продолжался около часа. Кравенъ исчерпалъ все: и доказательства, и просьбы, но когда Уартонъ разоблачилъ передъ нимъ рѣшительно свою новую точку зрѣнія, раздраженію и отчаянію его не было предѣловъ. Сцены голоданія и всякаго рода лишеній, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, казались ему мученичествомъ. И эти люди добивались только двухъ вещей—возможности вести болѣе сносное существованіе и права составлять союзы. За удовлетвореніе этихъ требованій онъ готовъ бороться всѣми силами и даже пожертвовалъ бы своею жизнью, если бы понадобилось. Онъ указывалъ на то, что слѣдующія двѣ или три недѣли являются самымъ критическимъ періодомъ въ исторіи стачки,—если помочь рабочимъ пережить это время, можно быть увѣреннымъ въ побѣдѣ; есть несомнѣнные признаки того, что фабриканты склоняются къ уступкамъ. Онъ ничего не имѣетъ противъ синдиката, если требованія рабочихъ будутъ предварительно удовлетворены; въ противномъ случаѣ синдикатъ можетъ стать новымъ орудіемъ стѣсненій.

Если бы Кравенъ не былъ вентуристомъ и другомъ Марчелла, Уартонъ не сталъ бы съ нимъ много церемониться, но теперь приходилось употребить все искусство, чтобы прилично обставить свою измѣну. Онъ съ особеннымъ усиліемъ напиралъ на нѣкоторыя «приватныя свѣдѣнія» о томъ, что, въ случаѣ продолженія стачки, многіе фабриканты собираются или закрыть фабрики, или перенести ихъ на континентъ.

— Я знаю, что стачка держится только благодаря поддерж

Голоса Труда. Но я пришелъ къ заключенію, что отвѣтственность слишкомъ тяжела, я не могу нести ее на себѣ.

Кравенъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Вы понимаете ли,—горячо заговорилъ онъ,—что положеніе рабочихъ въ этомъ производствѣ *постыдно*, а вы хотите бросить ихъ опять въ тѣ же условія, которыя составляютъ *позоръ* и *поношеніе* для Англіи?

Уартонъ не отвѣчалъ. Кравенъ весь дрожалъ отъ волненія; на минуту въ немъ мелькнуло подозрѣніе, что тутъ дѣло не чисто, но онъ тотчасъ отбросилъ его.

— Вы, конечно, понимаете, — заговорилъ онъ, взявши шляпу,—что при такихъ условіяхъ я не могу больше оставаться корреспондентомъ *Голоса Труда*. Вамъ придется обратиться къ кому-нибудь другому.

— Я чрезвычайно сожалѣю объ этомъ, но, само собою разумѣется, я вполнѣ понимаю васъ,—сказалъ Уартонъ съ изысканною любезностью.—Я надѣюсь, однако же, что вы не окончательно покидаете насъ. У меня масса всякой работы и вполнѣ подходящей для васъ.

Кравенъ колебался нѣкоторое время. Первымъ его движеніемъ было рѣзко оборвать и отказаться; но потомъ онъ вспомнилъ о женѣ, о новенькомъ, маленькомъ хозяйствѣ, заведенномъ на скопленные гроши, вспомнилъ о томъ, что онъ скоро будетъ отцомъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ,—я подумаю и напишу вамъ.

Разставшись съ Кравеномъ, Уартонъ отправился къ банкиру, уладилъ свои денежныя дѣла, заплатилъ нѣкоторые долги, затѣмъ отправился въ парламентъ. Тамъ подали ему письмо отъ Марчеллы.

«Забудьте, пожалуйста, все, что вы говорили мнѣ вчера вечеромъ. Я думаю, что это будетъ лучше для насъ обоихъ. Впрочемъ, если вы не согласны и требуете отвѣта,—мнѣ нужно время, чтобы хорошенько обдумать. Только недавно я поняла всю чудовищность моего прошлогодняго поведенія. Теперь я не хочу больше такъ ломать ни свою собственную, ни чужую жизнь. Ужаснѣе всего для меня *неопредѣленность*; а между тѣмъ простыя, непосредственныя и ясныя чувства мнѣ теперь недоступны; мнѣ горько и стыдно признавать себя исковерканной, но это, къ сожалѣнію, такъ.

«Поэтому мнѣ необходимо разобраться. Вы, конечно, знаете, что ваше дѣло, ваши жизненные задачи и планы чрезвычайно меня привлекаютъ. Но я уже не принимаю теперь такъ безусловно на вѣру всѣ ваши слова, какъ въ прошломъ году. Впрочемъ, разница

во мнѣніяхъ имѣетъ для меня теперь гораздо меньше значенія, чѣмъ прежде. Мнѣ кажется, я даже могу имѣть друга, съ которымъ мы будемъ сходиться во всемъ, кромѣ взглядовъ. Мнѣ достаточно было бы сознавать, что вы всею душой предаетесь общественному дѣлу, и я бы способна была оцѣнить въ васъ и любоваться тѣмъ, чего не могу раздѣлять. Но какъ разъ въ этомъ пунктѣ,— будемъ говорить откровенно,—заключается недоумѣніе. Почему вы допускаете такую массу противорѣчій? Зачѣмъ вы толкуете о бѣдныхъ, о трудѣ, о самопожертвованіи, а, между тѣмъ, вращаетесь въ кругу праздныхъ богачей? Вы говорите ихъ языкомъ; вы осмѣиваете то, что они осмѣиваютъ, вы перенимаете ихъ точку зрѣнія. О, съ какимъ восторгомъ я отдала бы свою жизнь человѣку съ правдивымъ сердцемъ и умомъ, съ какою рабскою преданностью я служила бы ему. Трудно найти человѣка слабѣе меня: мнѣ необходима опора, и притомъ опора чистая и свѣтлая, которую бы я могла уважать и которой бы стала слѣпо повиноваться.

«Итакъ, подождите, пока внутренній голосъ мнѣ скажетъ что-нибудь опредѣленное,—это необходимо столько же для васъ, сколько для меня. Если же вы будете настаивать на свиданіи теперь же, я принуждена буду немедленно положить всему конецъ».

— Что за странное существо — современная женщина!—сказалъ про себя Уартонъ, больно задѣтый ея письмомъ.—Я объясняюсь ей въ любви, а она въ отвѣтъ спрашиваетъ меня, почему я допускаю вещи, несовмѣстимыя съ моими политическими убѣжденіями, подвергаетъ меня, такъ сказать, моральному допросу. Неужели доброе старое ars amandi погибло безвозвратно?

Слѣдующіе дни были для Уартона временемъ безпрерывной борьбы съ нѣсколькихъ фронтовъ заразъ и потребовали отъ него страшнаго напряженія силъ. Онъ долженъ былъ объясняться съ вождями стачки, въ палатѣ, и прямо и косвенно онъ былъ предметомъ ожесточенныхъ нападокъ своей партіи; въ газетахъ это событіе тоже подвергалось оживленнымъ толкамъ.

Среди этой яростной травли Уартонъ обнаружилъ необыкновенную ловкость. Съ Беннетомъ и другими товарищами-депутатами онъ разыгралъ довольно дерзкую штуку: онъ соглашался, что рискуетъ своею популярностью, отступаясь отъ стачки въ такой критическій моментъ, и предоставлялъ имъ считать себя въ высокой степени независимымъ человѣкомъ, не поступающимся ничѣмъ во имя своихъ убѣжденій. Въ то же время онъ говорилъ рѣчи въ провинціи, печаталъ въ газетахъ статьи и вносилъ въ парламентъ

предложенія въ пользу рабочихъ, въ разсчетѣ на то, чтобы замаскировать свое отступничество.

Черезъ десять дней стачка прекратилась; рабочіе, несмотря на всю свою злобу и раздраженіе, принуждены были уступить, и проектъ синдиката былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ. Подведя итоги, Уартонъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что онъ скорѣе выигралъ, чѣмъ проигралъ: за нимъ утвердилась репутація человѣка самостоятельнаго, ведущаго твердо свою линію, независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній.

XI.

На слѣдующій день около шести часовъ вечера Марчелла возвратилась домой послѣ вторичнаго обхода своихъ паціентовъ.

Она смотрѣла блѣдной и истомленной. Внутренняя борьба послѣднихъ двухъ недѣль досталась ей тяжело, и, однако, рѣшеніе, хотя намѣчалось въ ея душѣ, не было ей совершенно ясно.

Въ ящикѣ ея письменнаго стола лежало недоконченное письмо,—если она пошлетъ его сегодня вечеромъ, завтра въ условленный часъ Уартону не зачѣмъ будетъ приходить къ ней. Впрочемъ, онъ, конечно, будетъ добиваться личныхъ переговоровъ.

Солнце сѣло, наступила темнота, а она продолжала все такъ же сидѣть въ подавленномъ состояніи духа, которое отражалось и въ ея поникшей позѣ, и въ усталыхъ чертахъ лица. Она презирала самоё себя. Она очень хорошо понимала низменность тѣхъ импульсовъ, которые влекли ее къ Уартону. За мимолетную вспышку чувственности она расплачивалась теперь мучительною реакціей—какимъ-то нравственнымъ оцѣпенѣніемъ. Всего досаднѣе было сознавать, что она дала Уартону поводъ присвоить надъ собой право, и она предвидѣла, что безъ борьбы онъ отъ нея не отступится.

Энергичный стукъ въ дверь заставилъ ее вскочить. Она отперла и увидала Антонія Кравена,—онъ былъ блѣденъ, взволнованъ, капли пота струились по его лицу.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами,— сказалъ онъ безъ всякаго предисловія.—Видѣли вы вечернія газеты?

— Нѣтъ,—отвѣчала Марчелла испуганно.—Я только что собралась посылать за ними. Что случилось?

Онъ развернулъ газету, бывшую у него въ рукѣ, и дрожащими пальцами указалъ на статью: *Бурная сцена въ нижней палатѣ. Собраніе представителей рабочихъ.*

Марчелла прочитала: «Сегодня въ 2 часа пополудни въ парла-

ментѣ собрался комитетъ изъ депутатовъ отъ рабочаго населенія, чтобъ организоваться въ особую партію и выбрать вождя. По общему ожиданію, выборъ долженъ былъ пасть на депутата изъ Брукшира Уартона. Можно себѣ представить возбужденіе собранія, когда послѣ короткой, сочувственной рѣчи депутата Беннета поднялся депутатъ Вилькинсъ и сдѣлалъ цѣлый рядъ поразительныхъ разоблаченій относительно личной честности депутата Уартона. Въ общемъ они сводятся къ слѣдующему: во время послѣдней стачки въ Дэмели мистеръ Уартонъ получилъ отъ фабрикантовъ крупную сумму въ 20 тысячъ фунтовъ для поддержанія своей газеты *Голосъ Труда*. Такимъ образомъ, перемѣна политики *Голоса Труда*, приведшая къ прекращенію стачки, обязана исключительно подкупу въ самой гнусной формѣ. Впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, было грандіозное. Дебаты продолжаются, корреспонденты удалены; но мы надѣемся сегодня же представить полный отчетъ о засѣданіи».

Газета выпала изъ рукъ Марчеллы.

— Что же это значитъ?—спросила она.

— Совершенно то, что вы здѣсь прочли, — сказалъ Антоній нервно и съ нетерпѣніемъ. — Теперь мнѣ нужно кое-что сказать вамъ,—сказалъ онъ, садясь.—Вы познакомили Людовика съ Уартономъ; я знаю, вы думали оказать ему услугу, такъ какъ вы въ дружбѣ съ Уартономъ. Поэтому мы считаемъ себя обязанными сказать вамъ, что эта статья написана нами, Людовикомъ и мной.

— Вами?—машинально повторила она.—Но, вѣдь, Людовикъ продолжалъ работать для газеты,—я сама его убѣдила.

— Я знаю. Мы не сами раскрыли это, но одинъ изъ нашихъ друзей. Правда, у Людовика давно были подозрѣнія; но теперь, благодаря счастливой случайности, въ нашихъ рукахъ несомнѣнные факты.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ разсказалъ, какъ молодой Денни случайно, въ пылу политическаго спора вывѣдалъ отъ своего отца тайну, какъ тотъ, раздраженный похвалами Уартону со стороны сына, вытащилъ компрометтирующій документъ о подкупѣ и далъ ему прочесть. Спохватившись, онъ обязывалъ сына сохранять это дѣло въ строгомъ секретѣ, но молодой человѣкъ рѣшительно объявилъ отцу, что онъ считаетъ своею нравственною обязанностью немедленно сообщить объ этомъ выдающимся членамъ рабочей группы чтобы предупредить избраніе Уартона лидеромъ партіи, и на другой же день разсказалъ все Вилькинсу.

— Людовикъ теперь въ палатѣ,—продолжалъ Антоній,— онъ хотѣлъ зайти сюда. Я жду его съ минуты на минуту.

Марчелла закрыла лицо руками, какъ бы въ состояніи глубокаго страданія.

— Я слышу шаги Людовика,—сказалъ Антоній, вскочивъ съ мѣста.—Можно его впустить?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ быстро заковылялъ на своихъ костыляхъ и толкнулъ дверь. Людовикъ вошелъ. Марчелла машинально встала. Всматриваясь своими близорукими глазами, Людовикъ подошелъ къ ней.

— Я знаю, мы передъ вами виноваты, — заговорилъ онъ. — Мы знали, что это должно огорчить васъ, но совершенно не успѣли предупредить васъ. Все произошло такъ быстро и неожиданно, а, между тѣмъ, медлить разоблаченіемъ было невозможно въ виду общественныхъ интересовъ.

Когда онъ вошелъ, лицо его сіяло торжествомъ побѣды и жаждой мести, но когда онъ взглянулъ на Марчеллу, его взглядъ вдругъ принялъ робкое, почти виноватое выраженіе. Только наканунѣ Антоній высказалъ ему подозрѣніе объ отношеніи Марчеллы къ Уартону. Хотя Людовикъ не вполнѣ вѣрилъ этому, но сомнѣніе и теперь шевелилось въ его сердцѣ. «Неужели я нанесъ мучительный ударъ ей, всегда старавшейся помочь мнѣ?»—думалъ онъ.

Антоній нетерпѣливо дернулъ его за плечо.

— Что же произошло, Людовикъ? Разсказывай!

— Сейчасъ собраніе разошлось,— отвѣчалъ Людовикъ коротко.—Продолжалось оно около пяти часовъ. Разумѣется, между Уартономъ и Вилькинсомъ завязался ожесточенный споръ. Затѣмъ Беннетъ взялъ назадъ свое предложеніе и отклонилъ свою кандидатуру,—онъ совсѣмъ убитъ; онъ питалъ всегда особенную симпатію къ Уартону и всѣми силами хлопоталъ объ его избраніи. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ препирательствъ, Моллой былъ выбранъ главой партіи.

— Прекрасно!—воскликнулъ Антоній.

— Онъ защищался?—спросила Марчелла глухимъ голосомъ.

— О, да. Онъ говорилъ, но не произвелъ никакого впечатлѣ-
я. Общее мнѣніе таково, что рѣчь его необыкновенно слаба. Отъ
го ожидали большаго. Но онъ, повидимому, совсѣмъ растерялся.
омѣ того, Вилькинсъ привелъ еще цѣлый рядъ его мошенниче-
ихъ продѣлокъ въ другихъ сферахъ, такъ что онъ провалился
ончательно.

— И, вы думаете, никогда не поднимется? — быстро спросила
рчелла

— Во всякомъ случаѣ среди нашей партіи. Я не знаю, какъ къ нему относятся другіе.

На нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе. Въ сумракѣ они едва различали другъ друга, и Марчелла, пользуясь этимъ, не сдерживала силъ; сердце ея болѣзненно сжималось. Вдругъ Антоній вскочилъ: наружная дверь отворилась.

— Людовикъ, это *онъ!*

— Вы дома, барышня? — спросила Минта Гордъ, просовывая въ дверь свою голову.—Вотъ господинъ желаетъ васъ видѣть.

Уартонъ продвинулся впередъ и остановился въ изумленіи, завидя три фигуры.

Въ эту минуту Минта Гордъ зажгла газъ, и Марчелла никогда не могла забыть его вида: его молодой, стройной и сильной фигуры и выраженія отчаянія въ лицѣ, зловѣщаго блеска глазъ. Она пошла ему на встрѣчу. Но ее остановилъ Антоній.

— Прощайте, миссъ Бойсъ!

Она машинально пожала руку Антонію и Людовику, и тѣ вышли.

— Вы поторопились разсказать исторію! — сказалъ Уартонъ, когда Людовикъ проходилъ мимо него.

Презрѣніе и злоба кипѣли въ немъ, но онъ сохранялъ наружное спокойствіе.

— Да,—сказалъ Кравенъ спокойно.—Теперь вашъ чередъ.

Какъ только дверь за ними затворилась, — Уартонъ подошелъ къ Марчеллѣ и взялъ ее за руку.

— Они уже успѣли вамъ все разсказать? Ахъ!

Его взглядъ упалъ на вечернія газеты. Затѣмъ онъ нащупалъ стулъ и бросился въ него. Откинувшись на спинку и заложивши руки за голову, онъ выпрямился, закрылъ глаза и глубоко вздохнулъ. Въ первый разъ она видѣла его такимъ обезкураженнымъ, разбитымъ. Даже его нервы не выдержали возбужденія пятичасовой борьбы. Глаза округлились и ввалились, брови сдвинуты; щеки, покрытыя блѣдностью и красными пятнами, потеряли свою юношескую округлость; всѣ черты обострились и вытянулись, и какъ бы по всему лицу прошло разрушительное дыханіе бури. При взглядѣ на него, Марчелла невольно содрогнулась.

— Скажите, пожалуйста, что васъ принудило поступить такъ?— спросила она, будучи не въ состояніи заговорить о чемъ-нибудь другомъ.

Воспоминанія о только что пережитыхъ тяжелыхъ сценахъ уни женія и поруганія противъ воли толпились у него въ головѣ, и он не сразу отвѣчалъ:

— Зачѣмъ я это сдѣлалъ? Зачѣмъ?

Онъ не договорилъ и схватился обѣими руками за голову. Потомъ вдругъ поднялся.

— Не можете ли вы мнѣ дать стаканъ чаю?—сказалъ онъ.

Марчелла пошла въ кухню и распорядилась. Пока кипятили воду и приготовляли чай, Уартонъ сидѣлъ у стола, положивши голову на руки и не замѣчая ничего, что происходило вокругъ.

Онъ принудилъ себя утолить голодъ и жажду, и когда физическія силы нѣсколько возстановились, онъ мало-по-малу овладѣлъ собой.

Марчелла почувствовала его руку, нервную, сильную, на своей рукѣ.

— Вамъ я долженъ сказать всю правду.

Онъ опять опрокинулся назадъ, заложилъ ногу за ногу, закрылъ глаза и началъ разсказывать исторію *Голоса Труда*.

Онъ говорилъ превосходно. Очевидно, онъ много разъ пересказывалъ ее себѣ. Онъ изображалъ свой поступокъ результатомъ двухъ вліяній, съ одной стороны, все возраставшихъ долговъ и нужды въ деньгахъ, съ другой — все укрѣплявшагося убѣжденія, что поддерживать стачку не только безполезно, но прямо вредно для самихъ рабочихъ.

— И какъ разъ въ то время,—продолжалъ онъ,—когда я пришелъ къ убѣжденію, что газета идетъ по ложному пути и что необходимо ее вывести, но не зналъ, какъ это устроить, пришло предложеніе отъ синдиката. Я очень ясно сознавалъ, что мнѣ нужно отказаться, иначе я ставилъ на карту всю свою карьеру. Между тѣмъ, они увѣряли меня, что рабочіе выиграютъ отъ учрежденія синдиката, и доказывали, что я своею дѣятельностью могу окончательно подорвать металлическое производство въ Англіи. Что же касается денегъ, существуетъ обычай, что, когда основывается крупное предпріятіе, люди, содѣйствующіе этому, получаютъ извѣстное вознагражденіе. Въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, это случается на каждомъ шагу. Я лично вовсе не одобряю этой системы. Но посудите сами: мнѣ угрожало банкротство, съ которымъ должна была рушиться вся моя политическая будущность; нервы у меня были разбиты до послѣдней степени, я потерялъ умъ, психическое равновѣсіе и былъ самъ не свой, когда Пирсонъ предложилъ мнѣ дѣло.

«Пирсонъ!—подумала Марчелла. Она вспомнила его фигуру.—Кстати, это было *тогда*, на вечерѣ у лэди Мастертонъ!»—болѣзненно мелькнуло у нея въ головѣ.

— Ну, что же вы скажете на это?—спросилъ онъ вдругъ измѣнившимся голосомъ. — По вашему лицу я вижу, что вы мнѣ не вѣрите, что вы уже заранѣе осудили меня: тѣ двое успѣли васъ настроить. Но мнѣ кажется, отъ васъ, именно—отъ васъ, больше чѣмъ отъ кого-нибудь другого, я имѣю право разсчитывать не на одну только справедливость, но и на нѣкоторое снисхожденіе.

Дрожь пробѣжала по ней. Очевидно, онъ намекаетъ на хорошо памятныя ей сцены въ Меллорѣ; губы ея тряслись.

— Нѣтъ,—смущенно заговорила она,—я стараюсь оправдать васъ. Я вижу, что давленіе обстоятельствъ было очень сильно.

— И замѣтьте, пожалуйста, причины, — гордо проговорилъ онъ,—которыя поставили меня въ такое стѣсненное положеніе.

Она вопросительно взглянула на него, въ ея глазахъ выразилось сочувствіе. Если бы въ эту минуту, въ порывѣ искренняго раскаянія, онъ излилъ передъ ней жалобы на противорѣчія и слабости своей натуры,—трудно сказать, къ чему бы привела эта сцена. Несмотря на негодованіе, Марчелла чувствовала къ нему состраданіе, и минутами ей казалось, что его пораженіе и несчастье болѣе привлекаютъ ее, чѣмъ успѣхъ. Она готова была многое простить ему, вспоминая объ его увлеченіи карточною игрой, о широкихъ привычкахъ, объ его расточительныхъ друзьяхъ.

Онъ подмѣтилъ искру жалости въ ея глазахъ и продолжалъ тѣмъ же самоувѣреннымъ тономъ:

— Вспомните, что я никогда не былъ богатъ, что мать спустила всѣ сбереженія отца на разныя общественныя дѣла, что мы съ ней пускались на всевозможныя предпріятія въ нашемъ имѣніи, что мои расходы, какъ члена парламента, очень широки, и что я цѣлый капиталъ вложилъ въ изданіе *Голоса Труда*. Собственно говоря, меня разорила эта газета,—то дѣло, за которое она стоитъ. И я никогда не получалъ помощи отъ своей партіи, да и отъ кого же?—тамъ все бѣдняки. Я все долженъ былъ выносить на своихъ плечахъ, а борьба была непосильна для одного! Послѣднее время на меня надвигались всевозможныя невзгоды, я разрывался на части, чтобы выпутаться. Наконецъ, наступилъ кризисъ,—мое дѣло, вся моя карьера, все должно погибнуть. Враги мои подстерегли этотъ моментъ: я безразсудно попался въ ловушку. Теперь они жестоко воспользовались моею слабостью!

И тонъ, и жесты его были очень рѣшительны и настойчивы. Ему представлялось, что съ такою женщиной, какъ Марчелла, нужно «идти на проломъ». Помимо страсти, которую видъ Марчеллы возбудилъ въ немъ, онъ хотѣлъ покорить ее, вырвать изъ-подъ

вліянія Кравеновъ еще и для того, чтобы съ ея помощью добиться реабилитаціи своего имени.

Но онъ плохо разсчиталъ! Каждое его слово теперь рѣзало слухъ Марчеллы, какъ фальшивая нота. Она готова была оказаться ангеломъ-спасителемъ для человѣка слабаго и потерпѣвшаго, который бы безпощадно бичевалъ себя за паденіе и искренно, и довѣрчиво прибѣгалъ къ великодушію ея женскаго сердца. Но этотъ общественный дѣятель, разорившійся такъ благородно, вслѣдствіе безкорыстной дѣятельности, совсѣмъ не трогалъ ее.

Но прежде, чѣмъ она успѣла вымолвить слово, онъ уже былъ на колѣняхъ у ея ногъ.

— Марчелла, отвѣчай мнѣ! Ты видишь, я разбитъ, я страдаю, будь женщиной, приди и помоги мнѣ!

Онъ схватилъ ея руки. Она пыталась высвободить ихъ.

— Нѣтъ,—сказала она горячо и рѣшительно,—это невозможно. Я написала вамъ раньше, чѣмъ вы пришли, раньше, чѣмъ я услыхала объ этомъ дѣлѣ. Пожалуйста, отпустите меня!

— О, я требую объясненія,—сказалъ онъ, все еще сжимая ея руки; волненіе его достигло крайнихъ предѣловъ.—Почему это невозможно? Однажды въ откровенную минуту вы сказали, что вы мнѣ глубоко благодарны за то, что я многому научилъ васъ, помогъ вамъ. Вы не можете отрицать, что мы съ вами до нѣкоторой степени связаны! Конечно, вы свободны. Но, все-таки, я считаю себя вправѣ сказать вамъ: вы жаждете сдѣлать добро — придите и спасите человѣка, который взываетъ къ вамъ, который чистосердечно сознается, что онъ совершилъ гнусный проступокъ, помогите ему загладить вину!

Она вдругъ вскочила, употребивши всѣ усилія освободиться отъ него; онъ тоже всталъ, мрачный и блѣдный.

— Когда я говорила вамъ тѣ слова,—воскликнула она,—я обманывала себя, мы съ вами оба дѣйствовали безразсудно, забыли объ обязательствѣ, которое должно было сдержать, остановить насъ. Нѣтъ, нѣтъ! Никогда я не буду вашею женой. Мы измучили бы другъ друга, отравили жизнь другъ другу!

Въ ея глазахъ блестѣли слезы отчаянія: по контрасту она помнила о томъ, что могло бы быть, но что—увы! теперь потеряно для нея навсегда.

— Припомните, — сказалъ онъ, опять подступая къ ней,— дь, вы подали мнѣ надежду. Эти два фанатика вооружили васъ отивъ меня, они опутали вашъ умъ.

Она съ достоинствомъ взглянула на него.

— Мнѣ кажется, мои письма должны были предупредить васъ,—сказала она просто.—Если бы ничего не случилось, и вы пришли ко мнѣ завтра, окруженный успѣхомъ, вы бы получили тотъ же отвѣтъ. Правда, сегодня я чувствовала минутами колебанія, но это потому, что я не рѣшалась къ вашимъ страданіямъ прибавить еще новыя. Теперь все это прошло, и я знаю, что дѣлать. *Я не люблю васъ*, это для меня несомнѣнно, и значитъ, не могу слѣдовать за вами.

— Да, меня предупредили не одни ваши письма,—заговорилъ онъ, окончательно теряя самообладаніе, — мнѣ кажется, я кое-что самъ вижу! Вы сожалѣете о прошломъ годѣ. Это ясно изъ вашего собственнаго письма. Вамъ хотѣлось бы вернуть прошлое, вновь занять положеніе, отъ котораго вы отказались. Что-жъ? — это совершенно естественно и понятно! Современемъ, когда я немножко оправлюсь отъ удара, я думаю, можно будетъ принести вамъ второе поздравленіе! А теперь...

Она тихо вскрикнула и вдругъ разразилась истерическими рыданіями. Смущенный и испуганный, онъ пытался успокоить ее, просилъ извиненія, но она отшатнулась отъ него рѣзкимъ движеніемъ.

— Вы были со мной не откровенны,— сказала она съ такимъ выразительнымъ взглядомъ, что онъ опустилъ глаза,—но меня вызываете на откровенность. Да, *я раскаиваюсь!*—она тяжело дышала.— Двѣ послѣднія недѣли я пыталась обмануть себя, старалась убѣжать отъ своего горя, — и въ тотъ вечеръ, когда вы говорили мнѣ о своемъ чувствѣ, — съ какимъ бы восторгомъ я отдала все на свѣтѣ, лишь бы почувствовать себя счастливой и отъ полнаго сердца сказать вамъ «да». Я настраивала себя на это. Но даже тогда, хотя я чувствовала себя безконечно несчастной и одинокой, и тогда въ глубинѣ души я сознавала, что это невозможно! Если вы предполагаете, если вамъ хочется предполагать,— что у меня есть надежды и планы, и низкіе, и совершенно безразсудные,—я, конечно, не могу вамъ запретить. Но мнѣ кажется, я никому не подала повода думать такъ о себѣ, Мистеръ Уартонъ.— Собравши послѣднія силы, она протянула ему руку.—Прошу васъ, простимся какъ слѣдуетъ. Съ самаго начала наши отношенія были ложны, ненормальны. Я благодарна вамъ за все, что вы сдѣлали и всегда буду благодарна. Я надѣюсь,—о, безъ сомнѣнія,—что вы выберетесь изъ этого тягостнаго положенія. Мнѣ очень досадно, что невольно приходится отягчать вамъ и безъ того трудное для васъ время. Я съ удовольствіемъ сдѣлала бы все, что можно, но это внѣ моихъ силъ. А теперь разстанемся. Уже поздно.

Съ налитыми кровью глазами, онъ стремительно двинулся, схватилъ шляпу и быстро вышелъ.

Она опустилась на стулъ въ изнеможеніи и долго просидѣла неподвижно, закрывъ лицо руками. Но въ ея ушахъ звучалъ другой голосъ.

— *Ты причинила мнѣ большія страданія. Не дай Богъ тебѣ испытать что-нибудь подобное.*

Ей доставляло мучительное наслажденіе опять и опять перебирать эти слова и уязвлять ими свое больное сердце, какъ бы поворотами ножа.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Черезъ три дня послѣ окончательнаго объясненія съ Уартономъ, Марчелла сидѣла въ маленькой квартиркѣ Голлена. Онъ только что возвратился въ Лондонъ, чувствовалъ себя очень плохо, но съ жаромъ приготовлялся къ чтенію публичныхъ лекцій.

Пробѣгая газету, Голленъ вдругъ остановился въ изумленіи и тотчасъ передалъ ее Марчеллѣ. Тамъ въ отдѣлѣ личныхъ извѣстій и сообщеній Марчелла прочла слѣдующее:

«Мистеръ Гарри Уартонъ, депутатъ отъ западнаго Брукшира, вступаетъ въ бракъ съ лэди Селиною Фаррель, единственною дочерью лорда Альрсфорда. Обрядъ вѣнчанія совершится, вѣроятно, не ранѣе будущей Пасхи. А тѣмъ временемъ мистеръ Уартонъ, разстроившій въ послѣднее время свое здоровье чрезвычайно напряженною работой, по совѣту докторовъ отправится на востокъ въ Кохинхину. Между прочимъ, онъ предполагаетъ изслѣдовать развалины тамошнихъ храмовъ».

— Вы знали что-нибудь объ этомъ? — спросилъ Голленъ съ тѣмъ притворнымъ равнодушіемъ, съ которымъ задаются щекотливые вопросы.

— Ничего,— спокойно отвѣтила она. — Это для меня совершенно неожиданно, тѣмъ болѣе, что двѣ недѣли тому назадъ мистеръ Уартонъ дѣлалъ мнѣ предложеніе.

Голленъ не могъ скрыть радости и стремительно вскочилъ со стула.

— И вы отказали ему?

Она кивнула головой и въ это же время съ досадой почувствовала, что, противъ ея воли и разсудка, къ глазамъ ея подступили слезы.

Голленъ подошелъ къ ней.

— Позвольте мнѣ пожать вамъ руку, — сказалъ онъ, конфузясь своей бурно прорвавшейся горячности. —Боже, какой я идіотъ! Теперь больше ни слова о немъ; хочу васъ спросить только о лэди Селинѣ. Вы знаете ее?

— Да, я видѣла ее раза два или три.

— Въ какомъ она родѣ? Что, она крѣпкая, сильная? Можетъ она поколотить его при случаѣ?

— О, нѣтъ. Она вполнѣ приличная, элегантная дѣвица лѣтъ тридцати пяти, очень самоувѣренна въ своихъ сужденіяхъ и черезчуръ носится со своимъ «папа».

— А, понимаю,—сказалъ Голленъ разочарованно.—Значитъ, она будетъ заботиться только о томъ, чтобъ онъ не побилъ ее. А каковы ея политическіе взгляды?

— Ея отецъ, лордъ Альрсфордъ, былъ обойденъ при составленіи послѣдняго кабинета: отсюда происходитъ ея будированіе.

— Альрсфордъ? Этотъ тупой, выжившій изъ ума старикъ, который натворилъ массу нелѣпостей въ палатѣ лордовъ?... Несомнѣнно, Уартонъ перейдетъ теперь въ консервативный лагерь.

Марчелла молчала; ей все еще трудно было спокойно говорить объ Уартонѣ, о его низкомъ образѣ дѣйствій.

А Голленъ въ шутливыхъ мечтахъ представлялъ себѣ обѣленнаго Уартона, сидящимъ въ самоувѣренной позѣ на скамьѣ консерваторовъ, пускающимъ въ ходъ свои старыя остроты, лишь съ небольшими измѣненіями, и вообще чувствующимъ себя вполнѣ хорошо. Онъ тотчасъ про себя рѣшилъ написать сегодня же Рэборну и поздравить его съ новымъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ ихъ партіи и, между прочимъ, намекнуть о томъ, что ему сообщила Марчелла.

Возвратившись домой, Марчелла нашла телеграмму отъ матери: «Твоему отцу стало вдругъ хуже. Пріѣзжай немедленно». Въ тотъ же день поздно ночью она уже была въ Меллорѣ. Здѣсь дни протекали для нея томительно между угасавшимъ раздражительнымъ отцомъ и замкнутой въ себѣ матерью.

Извѣстіе о смерти лорда Максвеля очень опечалило ее. Но еще болѣе тревожило ее то, что она не получала никакихъ вѣстей Голленъ, о состояніи его здоровья, о томъ, какъ прошла его лекц и предназначавшіеся послѣ нея дебаты. Людовикъ Кравенъ об щалъ сообщить ей подробный отчетъ объ этой лекціи, и между тѣм до сихъ поръ она оставалась въ полной неизвѣстности.

Однажды вечеромъ она сидѣла у потухавшаго камина въ г стиной въ грустномъ раздумьи. Вдругъ среди тишины раздал

звонокъ у наружной двери, затѣмъ шаги, и Вильямъ съ значительнымъ видомъ доложилъ:

— Лордъ Максвель!

Во мракѣ она видѣла только его высокую фигуру, замѣтила, какъ онъ вдругъ на мгновеніе остановился, завидѣвши ее, затѣмъ она почувствовала его руку въ своей; удивленіе, которое выразилось на ея лицѣ въ первый моментъ, тотчасъ разсѣялось, какъ только она взглянула на его серьезное и взволнованное лицо.

— Простите, что я такъ поздно,—сказалъ онъ.—Но я боялся, что вы еще ничего не знаете о нашихъ печальныхъ событіяхъ, и рѣшилъ заѣхать. Вы не читали отчета о лекціи въ газетахъ?

— Нѣтъ, я нарочно искала во вчерашнихъ и нынѣшнихъ газетахъ и ничего не нашла.

— Да, было въ радикальныхъ газетахъ. Мы думали, что вы прочли. Но такъ какъ отъ васъ не было ни строчки, то Эдуардъ и его сестра стали сомнѣваться, что вы знаете, и я отправился. То была ужасная, раздирающая сцена, и Эдуардъ очень боленъ.

— Вы его перевезли къ себѣ въ замокъ? — сказала она съ дрожью въ голосѣ и тяжело дыша. — Какъ онъ перенесъ дорогу? Разскажите все; садитесь, пожалуйста.

Онъ сѣлъ противъ нея, огонь отъ камина освѣщалъ глубокій трауръ его платья и страдальческое выраженіе лица.

— Все это вышло такъ странно, такъ чудовищно, что я съ трудомъ могу возстановить,—заговорилъ онъ.—Началось прекрасно. Зала была полна. Предсѣдательствовалъ Беннетъ, и Эдуардъ чувствовалъ себя хорошо. Послѣдніе дни у него былъ чрезвычайно болѣзненный видъ, но онъ увѣрялъ, что сталъ лучше спать, и что мы съ сестрой напрасно такъ безпокоимся о немъ. Только что онъ началъ, для меня стало ясно, что аудиторія настроена къ нему враждебно. И самъ онъ, очевидно, все болѣе и болѣе сознавалъ это. Его нѣсколько разъ прерывали, въ толпѣ слышалось глухое недовольство, и я началъ замѣчать, такъ какъ сидѣлъ недалеко, что онъ смущенъ,—онъ чувствуетъ, что связь съ аудиторіей у него порвана. По настроенію толпы было ясно, что весь интересъ ихъ средоточивался не на лекціи, а на тѣхъ преніяхъ, которыя должны были за ней послѣдовать. Они готовы были отдать ему его часъ, ни минуты больше. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые, сидѣвшіе около ня, слѣдили за часами, съ нетерпѣніемъ дожидаясь своей очере-. Повидимому, слова его не производили на нихъ ни малѣйшаго ечатлѣнія. Онъ былъ для нихъ только объектомъ для нападеній, чи жаждали, чтобъ онъ палъ подъ ихъ ударами. Я никогда не

видалъ собранія, которое было бы такъ единодушно настроено и приготовлялось къ борьбѣ съ такимъ фанатическимъ ожесточеніемъ! Оставалось всего нѣсколько минутъ до конца, и я уже началъ радоваться, что все благополучно обошлось, какъ вдругъ его голосъ дрогнулъ. Я и до сихъ поръ не знаю, что произошло,—вѣроятно, страшное напряженіе, усталость, полный неуспѣхъ его рѣчи—все это такъ надломило его, что онъ потерялъ равновѣсіе, забылъ, кто передъ нимъ, и началъ родъ публичной исповѣди, признанія вслухъ, о себѣ, о своей жизни, о взглядахъ, надеждахъ, главнымъ образомъ, о своихъ религіозныхъ мечтаніяхъ относительно рабочихъ, о будущности Англіи,—я никогда ничего подобнаго не слыхалъ отъ него,—вы знаете, какъ онъ сдержанъ. Вы не можете себѣ представить,—онъ невольно передернулся отъ ужаса,—какъ было тяжело, какъ мучительно тяжело было слушать эту задушевную рѣчь среди злобной, яростной толпы, съ нетерпѣніемъ ожидавшей, когда онъ кончитъ. Я видѣлъ, какъ многіе начали переглядываться и пересмѣиваться. Они не могли понять, зачѣмъ онъ это говоритъ, имъ казалось это «безсмысленной болтовней», какъ выразился одинъ около меня. Я досталъ клочекъ бумаги и написалъ Беннету, чтобъ онъ остановилъ Эдуарда. Но, повидимому, Беннетъ совсѣмъ растерялся,—онъ обернулся ко мнѣ и покачалъ головой. Наконецъ его часъ прошелъ, и толпа начала кричать и свистать ему.

Марчелла вскрикнула отъ ужаса.

— Это была самая ужасная сцена, какую я когда-либо видѣлъ,—сказалъ онъ просто, но глубоко прочувствованнымъ голосомъ.—Возбужденная и разъяренная толпа,—безъ малѣйшаго пониманія и сочувствія,—смѣялась, надругалась надъ нимъ,—и среди нея онъ, блѣдный какъ смерть, выкрикивающій свои странныя признанія, какимъ-то высокимъ, не своимъ голосомъ!... Какъ разъ въ ту минуту, когда я всталъ, чтобы подойти къ нему, и Беннетъ поднялся. Но было уже поздно: онъ упалъ къ нашимъ ногамъ!

Марчелла невольно всхлипнула.—Какой ужасъ! Это настоящее мученичество!

— Правда, это было мученичество, — сказалъ онъ глухим голосомъ.—И подумать только, что онъ нѣсколько лѣтъ подряд держалъ эти большія собранія въ своихъ рукахъ, а теперь, так какъ онъ противорѣчитъ имъ, не потакаетъ ихъ страстямъ,—н какого вниманія, никакой пощады, — одна слѣпая, дикая злоб Они считаютъ его теперь измѣнникомъ—это выше всякаго сомн нія. Ахъ, какъ это вышло все трагически!

Черезъ минуту молчанія онъ продолжалъ:

— Мы перенесли его въ сосѣднюю комнату. Къ счастію, среди слушателей нашелся докторъ. Онъ констатировалъ упадокъ дѣятельности сердца и анэмію мозга. Затѣмъ мы отвезли его домой. Всю ночь онъ бредилъ; но вчера онъ пришелъ въ себя и попросилъ отвезти его куда-нибудь въ деревню. Мы пригласили двухъ докторовъ, взяли больничную карету и сегодня въ три часа пріѣхали въ замокъ. Докторъ Кларкъ осмотрѣлъ его здѣсь и нашелъ, что онъ можетъ прожить всего нѣсколько недѣль, можетъ быть, даже дней.

Марчелла отвернулась въ сторону, стараясь скрыть свое волненіе, и приложила платокъ къ глазамъ. Потомъ какимъ-то таинственнымъ чутьемъ она поняла, что Альдъ думаетъ уже не о Галленѣ, а о ней.

— Онъ чрезвычайно желаетъ видѣть васъ,—сказалъ онъ, наклоняясь къ ней; но я знаю, что у васъ въ домѣ серьезно больной. Простите, что я не справился о здоровьи мистера Бойсъ. Надѣюсь, ему лучше?

Хотя онъ говорилъ въ высшей степени вѣжливымъ и любезнымъ тономъ, но чувствительное ухо Марчеллы уловило въ послѣднихъ словахъ какую-то холодность.

— Благодарю васъ, ему нѣсколько лучше. Когда удобнѣе пріѣхать къ вамъ?

— Лучше всего завтра, около 6 часовъ, если вамъ можно. Эдуардъ назначилъ этотъ часъ. Моя тетка просила передать вамъ, что она будетъ очень рада.

Онъ остановился. Они оба почувствовали себя неловко. Ей хотѣлось бы поговорить съ нимъ о его дѣдѣ, но она не рѣшалась.

Когда онъ вышелъ, она предалась горькимъ размышленіямъ о своемъ умирающемъ другѣ.

II.

На другой день Голленъ полулежалъ въ креслѣ у открытаго ...на въ кабинетѣ Альда. Послѣ дождливой погоды наступили ясные, тихіе осенніе дни.

— Посмотри,—сказалъ онъ вошедшему Альду, «какъ природа ыбается мнѣ на прощанье».

Альдъ пожалъ ему руку и сѣлъ около него.

— Ты оставишь эту комнату въ неприкосновенномъ видѣ?— росилъ Голленъ нѣсколько времени спустя.

— Непремѣнно.

— Я очень радъ. Какъ много воспоминаній связано у меня съ ней! Сколько горячихъ споровъ мы вели съ тобой здѣсь! Сколько зародилось здѣсь плановъ, въ которые я вовлекъ и тебя, и ты никогда не упрекалъ меня за неудачу. Да, въ общемъ, я почти и не зналъ неудачъ,—до этой послѣдней окончательной и безповоротной.

Но выраженіе лица его не было мрачно: онъ слегка улыбался.

— Но я уже выстрадалъ этотъ ударъ,—продолжалъ онъ опять,—я примирился съ нимъ. Я вижу, что я утратилъ свое значеніе,—еслибъ я и продолжалъ жить, я бы не могъ выдерживать борьбы, не могъ вести и прежней жизни. Новое теченіе отбросило меня. Тѣ, къ которымъ я расположенъ всею душой и которымъ хотѣлъ бы служить, оттолкнули меня отъ себя. А къ тѣмъ, которые теперь зовутъ меня къ себѣ, у меня не лежитъ сердце. И такъ, я удаляюсь во время.

— Говори все, что хочешь.

— Получилъ ты газету и письмо, которое я послалъ тебѣ въ Женеву? Какъ тебѣ понравилась эта новость?

— Да, я очень этому порадовался,—отвѣчалъ Альдъ.—Она избавилась отъ большой опасности.

Голленъ пристально смотрѣлъ на него.

— Она теперь свободна, Альдъ,—это очень благородная натура, и послѣдніе два года—жизнь и смерть многому ее научили. Вѣдь, ты продолжаешь ее любить? Почему ты не хочешь сдѣлать попытку?

Альдъ замѣтилъ волненіе на лицѣ своего умирающаго друга и готовъ бы былъ отдать все на свѣтѣ, лишь бы успокоить и порадовать его, но въ то же время быть неискреннимъ и обмануть его въ такую минуту было для него немыслимо.

— Я скажу тебѣ, почему,—началъ онъ.—Прежде всего я не имѣю ни малѣйшаго повода предполагать, что наши отношенія теперь были бы иными, чѣмъ два года тому назадъ. Она была очень любезна со мной, когда мы встрѣчались въ Лондонѣ. Она даже высказала сожалѣніе о своемъ прошломъ образѣ дѣйствій и выразила желаніе, чтобы мы опять были друзьями. Со временемъ, можетъ быть, я и могъ бы...—сказалъ онъ, смотря въ сторону.—Но видишь, во всемъ этомъ еще нѣтъ ничего, что бы поощряло меня къ дальнѣйшимъ шагамъ. Я вижу теперь, моею роковою ошибкою было въ прошломъ году то, что я готовъ былъ довольствоваться тѣмъ немногимъ, что она мнѣ давала; мало того, я былъ ей благодаренъ, несказанно благодаренъ за малѣйшій знакъ расположенія и вниманія. А ея натура такова, что она, въ любви по край

мѣрѣ, требуетъ или всего, или ничего, и никогда сама не будетъ счастлива и другому не дастъ счастья, пока не будетъ предана безраздѣльно. Такъ что еслибы теперь изъ состраданія или раскаянія она захотѣла возстановить со мной прежнія отношенія, съ моей стороны было бы въ высшей степени безтактно пойти ей на встрѣчу. Такой бракъ былъ бы униженіемъ для меня и тягостью для нея. Съ ней нужно быть требовательнымъ, нужно взять всю ея душу цѣликомъ. Если она ее отдастъ, тогда только можно узнать ея любовь.

Голленъ слушалъ внимательно. Въ его головѣ носились смутныя воспоминанія, образы, которые, казалось, противорѣчили тому, что утверждалъ Альдъ; но они не принимали рѣзкой, осязательной формы, и деликатная душа Голлена не рѣшалась тревожить Альда незрѣлыми возраженіями, зная, какой роковой смыслъ пріобрѣтаютъ слова умирающаго.

Они долго сидѣли молча. Сумерки спустились надъ окрестностью. Голленъ вдругъ сталъ прислушиваться. «Это навѣрно она,—сказалъ онъ,—приведи ее сюда».

Альдъ побѣжалъ внизъ, встрѣтилъ Марчеллу и впустилъ ее къ Голлену.

Осторожно ступая, съ сильно бьющимся сердцемъ, подошла она къ нему. При тускломъ свѣтѣ свѣчей она не могла хорошо разглядѣть его лица, но тѣмъ не менѣе тотчасъ почувствовала, что онъ близокъ къ концу.

— Вы не будете бранить меня?—сказалъ онъ слабымъ голосомъ.—Вы и Сузя предостерегали меня, но я настоялъ на своемъ. Такъ вышло лучше.

Она сѣла на низкій стулъ около него и прикоснулась губами къ его холодной рукѣ; въ отвѣтъ онъ пожалъ ея руку.

— Какъ жаль, что меня тамъ не было,—сказала она.

— Напротивъ, я очень радъ. Я бы мучился за васъ. Въ первый моментъ, когда я пришелъ въ себя, я былъ въ отчаяніи. Недовѣріе къ себѣ и отвращеніе къ жизни овладѣли мной. Но теперь все это прошло какъ-то само собой, безъ всякихъ усилій съ моей стороны, и я чувствую себя легко и спокойно.

Чтобы не дать ему говорить, Марчелла начала быстро передавать ему разныя домашнія новости, разсказывала объ отцѣ, матери, о себѣ,—все, что могла набрать. Какъ досадно казалось ей занимать всѣми этими мелочами его высокую душу на порогѣ передъ великою тайной.

Такъ какъ онъ все молчалъ, закрывши глаза,—она стала

осматривать комнату, хорошо знакомый ей кабинетъ Альда. На письменномъ столѣ, среди груды книгъ и бумагъ, стоялъ портретъ Голлена; прежде тутъ же рядомъ стоялъ ея собственный портретъ,—теперь его не было. Все остальное было въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде,—цвѣты, книги, газеты, и тысячи мелкихъ подробностей, говорившихъ о его вкусахъ, характерѣ, и терзавшихъ теперь ея сердце напоминаніемъ о невозвратной потерѣ.

Повернувшись къ Голлену, она замѣтила, что онъ открылъ глаза и готовится что-то сказать ей. Она пододвинулась къ нему.

— Я чувствую,—сказалъ онъ,—что силы мои быстро падаютъ.—Позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ, во имя моей любви къ вамъ и къ *нему*. Мнѣ казалось, что въ послѣднее время ваши чувства измѣнились. Можете вы мнѣ сказать это, или, можетъ быть, я требую слишкомъ много? Скажите, могли ли бы вы возстановить прошлое?

Онъ все еще держалъ ея руку въ своей и другой рукой вдругъ обнялъ ее. Она смотрѣла испуганно, губы у нея тряслись; затѣмъ она склонила голову на ручку кресла, какъ будто ей трудно было говорить объ этомъ.

Онъ встревожился и съ сожалѣніемъ проговорилъ какъ бы про себя:

— Ахъ, мнѣ не слѣдовало спрашивать, это было жестоко съ моей стороны.—Умирающіе часто бываютъ тиранами.

Онъ даже началъ извиняться.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала она, пересиливая себя,—не говорите этого.—Я очень рада именно вамъ сказать все, что у меня на душѣ.

Радостная улыбка засвѣтилась на лицѣ Голлена.

— Въ такомъ случаѣ исповѣдайтесь.

И Марчелла повѣдала ему свои сердечныя муки.

Его лицо сіяло тихой, таинственной радостью. Но затѣмъ вдругъ силы его начали быстро падать, онъ замолкъ и закрылъ глаза. Чуть слышно, съ стѣсненнымъ сердцемъ Марчелла вышла изъ комнаты, въ которую за ней слѣдомъ вошли миссъ Голленъ, Альдъ и сидѣлка.

Голленъ больше не приходилъ въ сознаніе, и тайна Марчелла сошла съ нимъ въ могилу.

III.

— Кажется, почта пришла,—сказала мистрисъ Бойсъ Марчеллѣ.

— Мама, позволь я схожу за письмами.

— Нѣтъ, благодарю; мнѣ все равно нужно идти.

Мистрисъ Бойсъ встала и медленными шагами направилась къ гостинницѣ. Марчелла смотрѣла ей вслѣдъ, на ея фигуру въ глубокомъ траурѣ, мелькавшую среди пышныхъ кустовъ герани и розъ.

Онѣ сидѣли въ знаменитомъ саду гостинницы капуциновъ въ Амальфи. Двѣ недѣли тому назадъ мистеръ Бойсъ скончался въ Неаполѣ. И матери, и дочери пришлось пережить очень тяжелое время. Марчелла все-таки находила нѣкоторое нравственное удовлетвореніе въ самоотверженномъ уходѣ за больнымъ отцомъ въ качествѣ сидѣлки. Но она съ ужасомъ думала о матери. У той не было ничего, что могло бы утишить и смягчить ея горе. Хотя отношенія между супругами состояли въ постоянной нѣмой борьбѣ и несогласіяхъ, но въ то же время они до конца были страстно привязаны другъ къ другу. Ежеминутные мелкіе стычки и споры, источникъ которыхъ коренился въ отдаленномъ прошломъ, обострились въ послѣдніе годы и привели мистрисъ Бойсъ къ преждевременному увяданію: волосы у нея совершенно посѣдѣли, и она смотрѣла старухой.

Послѣ похоронъ въ Неаполѣ мистрисъ Бойсъ написала своему повѣренному, чтобъ онъ выслалъ ей копію съ духовнаго завѣщанія и сообщилъ о состояніи ихъ дѣлъ. Затѣмъ по просьбѣ Марчеллы она согласилась провести нѣсколько дней въ Амальфи.

Марчелла смотрѣла на свое положеніе съ отчаяніемъ. Послѣ смерти Голлена она чувствовала себя болѣе одинокою, чѣмъ когда-либо. Она знала, что мать ее не любитъ, что онѣ совсѣмъ чужды другъ другу, и что мистрисъ Бойсъ не только не думаетъ сблизиться съ ней, но, повидимому, намѣревается жить отдѣльно отъ нея. Она была попрежнему сосредоточена въ себѣ, холодна и недосягаема.

— Марчелла! — послышался голосъ мистрисъ Бойсъ, — иди сюда, есть письма.

«Это духовное завѣщаніе», — подумала Марчелла. Вошедши въ комнату, она была поражена встревоженнымъ видомъ матери.

— Марчелла, въ духовномъ завѣщаніи есть одно мѣсто, которое, я думаю, взволнуетъ и огорчитъ тебя. Твой отецъ вставилъ это, не посовѣтовавшись со мной. Посмотри, кромѣ меня душеприказчикомъ назначается лордъ Максвель.

Марчелла мгновенно поблѣднѣла.

— Лордъ Максвель? — заговорила она растерянно. — Лордъ Максвель — Альдъ? Что же это значитъ, мама?

Мистрисъ Бойсъ передала Марчеллѣ копію съ завѣщанія и пись-

мо отъ повѣреннаго, мистера Френчъ, въ которомъ онъ сообщаетъ, что передъ отъѣздомъ изъ Англіи въ Италію мистеръ Бойсъ написалъ лорду Максвелю письмо, запечаталъ и передалъ ему, съ просьбой переслать по назначенію тотчасъ послѣ его смерти. «Это порученіе я выполнилъ,—пишетъ мистеръ Френчъ.—Мнѣ извѣстно, что покойный мистеръ Бойсъ не справлялся предварительно о согласіи лорда Максвеля. Но, безъ сомнѣнія, онъ скоро дастъ свое согласіе, и тогда можно будетъ представить духовное завѣщаніе къ утвержденію».

— Мама, какъ *могъ* папа это сдѣлать?—спросила Марчелла глухимъ, подавленнымъ голосомъ.

— Развѣ онъ не говорилъ съ тобой объ этомъ въ Меллорѣ?

— Ни слова,—отвѣтила Марчелла и стала безпокойно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.—Онъ только говорилъ мнѣ о своемъ желаніи, чтобъ отношенія между нами опять возстановились, и спрашивалъ меня, согласна ли я, чтобъ онъ написалъ объ этомъ лорду Максвелю. Я отвѣчала, что между нами все кончено, и навсегда. Лордъ Максвель совершенно отказался отъ этой мысли и, по всей вѣроятности, скоро женится на другой. Я сказала ему, что если онъ напишетъ хоть слово, я убѣгу отсюда,—это унизительно для насъ всѣхъ. И вдругъ *теперь*, послѣ всего этого...

Она остановилась и имѣла совершенно обезкураженный видъ.

— Что ему за дѣло до насъ и нашихъ дѣлъ?—опять заговорила она.—Очевидно, онъ не желаетъ знать меня; а мы его принуждаемъ вступить съ нами въ ближайшія отношенія. Что папа написалъ ему въ томъ письмѣ? Охъ, это невыносимо! Мы должны скорѣе отъ себя написать ему.

И она закрыла глаза руками въ порывѣ отчаянія и униженія.

— Во всякомъ случаѣ, намъ слѣдуетъ подождать его письма,—сказала мистрисъ Бойсъ,—оно должно прійти завтра утромъ.

— Конечно, онъ согласится,—жалобно заговорила Марчелла.—Отказаться въ подобномъ случаѣ—совершенно ему несвойственно. Но, мама, ты должна ему написать. И я напишу и буду просить его отказаться. Неужели мы сами не можемъ устроить свои дѣла? Ахъ, но какъ рѣшился папа!—съ горечью воскликнула она опять.

Между тѣмъ, въ памяти мистрисъ Бойсъ проносился цѣлый рядъ подобныхъ безтактныхъ и неделикатныхъ по отношенію къ ней поступковъ, отъ которыхъ она страдала всѣ двадцать слишкомъ лѣтъ ихъ совмѣстной жизни.

— Ты прочитала завѣщаніе до конца?—спросила мистрисъ Бойсъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Марчелла опять взяла въ руки бумагу и начала машинально перечитывать.

— Мама! — вдругъ сказала она, ярко вспыхнувъ. — Въ немъ нѣтъ никакого упоминанія о тебѣ. Неужели на твою долю не оставлено ничего?

— Нѣтъ, — спокойно отвѣчала мистрисъ Бойсъ. — Въ этомъ нѣтъ никакой надобности. У меня есть свои средства. Мы жили же на нихъ, пока твой отецъ не получилъ Меллора. Съ меня совершенно достаточно.

— Неужели ты можешь думать, — воскликнула Марчелла, дрожа всѣмъ тѣломъ, — что я завладѣю всѣмъ имуществомъ отца и не оставлю ничего тебѣ? Думать такъ — оскорбительно и для меня, и для тебя, — гордо прибавила она.

— Нѣтъ, — сказала мистрисъ Бойсъ со своею обычною холодностью. — Ты совсѣмъ не такъ представляешь себѣ дѣло. Съ Меллоромъ связано у меня много тяжелыхъ воспоминаній, и я не желаю имѣть къ нему никакого отношенія. Самое мѣсто ненавистно мнѣ. Наконецъ, я сама убѣдила твоего отца избавить меня отъ Меллора и предоставить меня самой себѣ.

Марчелла быстро вскочила со стула и бросилась на колѣна передъ матерью.

— Мама, неужели ты рѣшила бросить меня теперь, когда мы съ тобой остались однѣ на свѣтѣ? Почему ты поступаешь со мной не какъ съ дочерью, а какъ съ чужой?

— Не будемъ дѣлать изъ этого трагедіи, моя милая, — сказала мистрисъ Бойсъ, слегка касаясь руки Марчеллы. — Обсудимъ спокойно. Такъ же какъ у тебя, у меня есть свои интересы, которые бы мнѣ хотѣлось удовлетворять. Часть года я желала бы проводить въ Лондонѣ, повидаться со старыми друзьями, можетъ быть, возобновить отношенія и съ родными. Наконецъ, послѣ долгаго промежутка, мнѣ хотѣлось бы пожить для себя, почитать, посмотрѣть, что дѣлается на свѣтѣ.

Взглянувши на мать, Марчелла замѣтила лихорадочный блескъ въ ея голубыхъ глазахъ, который открылъ ей новую сторону въ загадочномъ характерѣ мистрисъ Бойсъ.

— Само собой разумѣется, — продолжала мистрисъ Бойсъ, — мы съ тобой будемъ видаться и даже нѣкоторое время жить вмѣстѣ. Я думаю, что при такихъ условіяхъ мы будемъ больше цѣнить другъ друга. Ты знаешь, я не держусь предразсудковъ, поэтому я знаю, ты можешь взять себѣ компаньонку, которая будетъ тебѣ гораздо полезнѣе и пріятнѣе меня.

Слезы брызнули изъ глазъ Марчеллы.

— Мама, зачѣмъ ты меня удалила изъ дома съ дѣтства? Это было несправедливо, жестоко съ твоей стороны. А теперь ты уходишь отъ меня какъ разъ въ такую минуту, когда я больше всего нуждаюсь въ твоей помощи! Ты думаешь, что я удовлетворюсь новымъ обезпеченнымъ положеніемъ, возможностью приняться за осуществленіе своихъ плановъ. Но нѣтъ, одна я не могу взяться за это. Другое дѣло, если бы ты была возлѣ меня, еслибъ я могла любить тебя и заботиться о тебѣ,— о, тогда я съ энергіей предалась бы своему дѣлу. Вѣдь, это единственно возможное для меня счастье. По всей вѣроятности, я никогда не выйду замужъ. Видишь, мы обѣ съ тобой несчастны и одиноки. А ты говоришь такія страшныя вещи,— что мы съ тобой разлучимся!

Голосъ ея дрогнулъ; она смотрѣла на мать со страстной мольбой.

Мистрисъ Бойсъ продолжала сидѣть въ той же неподвижной позѣ.

— Перестанемъ говорить объ этомъ,—сказала она наконецъ.— Если хочешь, я отложу свое рѣшеніе на нѣсколько мѣсяцевъ.

И она сдѣлала движеніе, чтобы встать. Но Марчелла, заливаясь слезами, обхватила ея ноги.

— Мама! Сжалься надо мной, полюби меня,— ты одна у меня во всемъ мірѣ!

И Марчелла принялась цѣловать ее съ бурной нѣжностью.

Вечеромъ Марчелла торжествовала первую побѣду. Мистрисъ Бойсъ позволила ей уложить себя на диванъ и читать вслухъ. Еще удивительнѣе было то, что мистрисъ Бойсъ заснула тутъ же въ присутствіи Марчеллы.

На другой день утромъ мистрисъ Бойсъ передала Марчеллѣ письмо:

«Многоуважаемая мистрисъ Бойсъ! Сегодня утромъ я получилъ черезъ вашего повѣреннаго, мистера Френчъ, письмо, написанное ко мнѣ мистеромъ Бойсъ въ ноябрѣ прошлаго года. Онъ проситъ меня въ немъ быть его душеприкащикомъ; какъ я слышалъ отъ мистера Френчъ, онъ называетъ меня и въ своемъ завѣщаніи. Мистеръ Френчъ спрашиваетъ также, согласенъ ли я, и проситъ сообщить объ этомъ вамъ.

«Позвольте мнѣ по этому поводу обратиться къ вамъ съ нѣсколькими словами. Въ своемъ трогательномъ письмѣ мистеръ Бойсъ ссылается на старинную дружбу между нашими семьями и на то что подобныя услуги въ прежнее время зачастую оказывались и

другъ другу. Но позвольте васъ увѣрить, что въ подобномъ напоминаніи не было никакой надобности. Если я могу быть чѣмъ-нибудь полезенъ вамъ или вашей дочери, и вашъ покойный супругъ, и вы не могли сдѣлать мнѣ большаго удовольствія, какъ воспользоваться мной.

«Естественно, что я не безъ колебаній принимаю на себя эти обязанности. Я слышалъ отъ мистера Френча, что наслѣдницей и владѣтельницей Меллора является миссъ Бойсъ. Если она имѣетъ что-нибудь противъ моего участія, разумѣется, я немедленно отстранюсь, но мнѣ не хочется вѣрить, чтобъ она лишила меня удовольствія оказать ей эту маленькую услугу.

«Въ заключеніе не могу удержаться, чтобы не высказать моей глубокой симпатіи къ вашей семьѣ. Надѣюсь, что вы и дочь ваша не будете спѣшить возвращеніемъ домой, если для вашего здоровья полезнѣе оставаться въ Италіи: по вашимъ указаніямъ мы съ мистеромъ Френчъ можемъ устроить ваши дѣла.

«Примите увѣреніе въ моей искренней преданности.

Максвель».

— Тебѣ трудно будетъ, моя милая, отвѣчать на такое письмо отказомъ,—сухо сказала миссъ Бойсъ.

— Надо будетъ поду[illegible],—сказала Марчелла, раскраснѣвшись отъ смущенія и отъ волненія, и вышла.

Въ своей комнатѣ она на тысячу ладовъ придумывала отвѣтъ Альду. Конечно, нельзя было отвѣчать отказомъ. Но какъ написать такъ, чтобы не показаться черезъ-чуръ ликующей и навязчивой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать ему понять, что его дружеское участіе принимаютъ и платятъ ему тѣмъ же?

IV.

Въ холодный и вѣтряный день въ концѣ марта Альдъ сидѣлъ въ библіотекѣ замка и пересматривалъ одно запутанное и скучное дѣло. Взглянувши на часы, онъ замѣтилъ, что пора было отправляться въ Меллоръ. Такъ какъ Франкъ Ливенъ выразилъ желаніе сопровождать, то Альдъ послалъ лакея разыскать его, а самъ одошелъ къ окну и предался невеселымъ думамъ.

Въ его новомъ положеніи особенно непріятно дѣйствовалъ на него контрастъ между маленькимъ міркомъ его дѣдовскихъ владѣній, со всѣми старинными традиціями и почти феодальнымъ церемоніаломъ, и шумнымъ міромъ общественной и умственной жизни его предѣлами. Какъ бы онъ ни желалъ, онъ не могъ отрѣшить-

ся отъ своихъ господскихъ правъ внутри своихъ владѣній. Въ глазахъ мѣстнаго населенія онъ былъ самымъ важнымъ человѣкомъ округа, ихъ неизбѣжнымъ властелиномъ и патрономъ. Онъ признавалъ, что это положеніе отвѣчаетъ дѣйствительной практической потребности. Но на почвѣ этой потребности, за нѣсколько поколѣній, выросло такое раболѣпіе, такая сословная обособленность, что современный культурный человѣкъ съ трудомъ можетъ примириться съ этимъ. Какъ разъ въ эту минуту, стоя передъ окномъ съ наморщенными бровями, Альдъ съ досадой думалъ о томъ, что ему приходится постоянно, въ тысячѣ безсмысленныхъ мелочей, разыгрывать изъ себя важнаго барина.

Между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, онъ не былъ демократомъ по убѣжденіямъ и не вѣрилъ въ благодѣтельность правленія «невѣжественной массы», но, конечно, понималъ, что міръ идетъ къ торжеству демократіи, и что рано или поздно господство будетъ принадлежать не образованному меньшинству, а тѣмъ людямъ и движеніямъ, за которыми будетъ стоять масса. При очевидномъ преобладаніи уже въ настоящее время во всѣхъ сферахъ демократическихъ идей и нравовъ, архаическая обстановка его домашней жизни, феодальные порядки замка казались ему смѣшными. Напримѣръ, онъ очень хорошо зналъ, что еслибъ въ своемъ наслѣдственномъ королевствѣ онъ пригласилъ къ обѣду секретаря какого-нибудь рабочаго союза, то это было бы сочтено за величайшую милость, между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, дѣло секретаря гораздо болѣе важно и интересно, чѣмъ его собственное.

Такимъ образомъ, онъ находилъ очень немного привлекательныхъ сторонъ, обыкновенно связываемыхъ съ богатствомъ и знатностью. Съ другой стороны, у него было въ высшей степени развито чувство долга, свои обязанности помѣщика онъ ставилъ выше всего, и потому отказался отъ лестныхъ предложеній министерства, бросилъ политику и посвятилъ себя исключительно деревенской жизни. Онъ началъ цѣлый рядъ перемѣнъ и улучшеній въ своемъ имѣніи; прежде всего, школьныя зданія были всѣ перестроены и расширены; кромѣ того, онъ очень былъ занятъ проектомъ общеобразовательныхъ курсовъ для взрослыхъ.

Нельзя сказать, чтобы дѣло это, оторвавшее его отъ политической дѣятельности и отъ книгъ, было ему вполнѣ по душѣ; многое казалось ему въ высшей степени скучнымъ и тягостнымъ. А, между тѣмъ, онъ сознавалъ, что онъ совершенно не имѣетъ тѣхъ свойствъ, которыя его дѣда сдѣлали популярнымъ; онъ узналъ, что лично его цѣнили мало, его самоотреченіе и неустанная работа

пользу фермеровъ принимались какъ должное, какъ необходимый порядокъ, заведенный дѣдомъ. Ко всему этому надо прибавить, что онъ чувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ, послѣ разрыва съ Марчеллой и смерти Голлена.

Единственнымъ свѣтлымъ лучомъ въ его однообразной сѣренькой жизни было за послѣднее время письмо мистера Френчъ. Приложенное при этомъ письмо мистера Бойсъ, конечно, его очень удивило, но въ то же время возможность стать ближе къ Марчеллѣ, видѣть ея теперешнюю жизнь очень обрадовала его. Онъ опасался только одного, какъ отнесется Марчелла къ желанію своего отца; поэтому онъ рѣдко писалъ съ такой старательностью, какъ письмо къ мистрисъ Бойсъ.

Ея любезный отвѣтъ, заключавшій въ себѣ благодарность отъ нея и отъ дочери за его готовность услужить имъ, доставилъ ему большое удовольствіе. Онъ перечитывалъ его нѣсколько разъ, стараясь найти въ немъ признаки участія Марчеллы.

Наконецъ, явился Франкъ Ливенъ, и они оба отправились пѣшкомъ въ Меллоръ. Марчелла съ матерью только что вернулись изъ Италіи, и Альдъ отправлялся къ нимъ въ первый разъ для дѣловыхъ переговоровъ.

Дорогой Франкъ съ пафосомъ разсказывалъ о своихъ охотничьихъ подвигахъ. При случайномъ упоминаніи имени Уартона Франкъ спросилъ:

— Кстати, ты слышалъ, что онъ возвратился?

— Да, я читалъ сегодня объ этомъ въ *Times*,—сухо отвѣтилъ Альдъ.

— А я сегодня получилъ письмо отъ сестры, гдѣ она пишетъ, что его свадьба назначена въ іюлѣ, и что лэди Селина изображаетъ его мученикомъ и святымъ, толкуетъ о несправедливомъ «преслѣдованіи», о томъ, что грубіяны не съумѣли оцѣнить его, и тому подобный вздоръ. Онъ не пригласитъ насъ съ тобой на свадьбу—ты увидишь. Это какая-то странная исторія. Ты знаешь Вилли Фолліота? Онъ служилъ въ гусарахъ, а въ послѣднее время былъ постояннымъ завсегдателемъ клуба, гдѣ игралъ съ Уартономъ въ карты. Такъ онъ разсказывалъ мнѣ: прошлымъ лѣтомъ онъ однажды пошелъ гулять въ Пиккадилли въ 12 ть часу ночи; вдругъ Уартонъ хватаетъ его сзади за плечо. Въ первую минуту онъ подумалъ, что Уартонъ пьянъ или съ ума сошелъ. По его словамъ, онъ никогда не видалъ человѣка въ такомъ растерзанномъ видѣ. «Пойдемте со мной,—сказалъ ему Уартонъ,—поговоримъ, я просто готовъ удавиться». Конечно, Вилли спрашиваетъ, что случилось. «Я

женюсь!»—сказалъ Уартонъ.—На это Вилли замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ онъ очень жалѣетъ молодую дѣвушку. «*Молодую!*»—воскликнулъ Уартонъ такимъ тономъ, какъ будто онъ собирался побить своего собесѣдника. Затѣмъ выяснилось, что онъ только что сдѣлалъ предложеніе лэди Селинѣ. Это было послѣ той знаменитой перепалки въ палатѣ—въ тотъ самый вечеръ. Когда они пришли въ квартиру Вилли, Уартонъ велъ себя какъ сумасшедшій. Здѣсь ему пришла въ голову идея отправиться въ Сіамъ, и онъ уговорилъ Вилли поѣхать съ нимъ.

— О, современемъ онъ будемъ однимъ изъ свѣтилъ въ нашей партіи,—сказалъ Альдъ грустно.—Я слышалъ, что на будущей недѣлѣ онъ уже созываетъ митингъ для обсужденія консервативной программы о рабочихъ.

— Я вижу миссъ Бойсъ впереди,—вдругъ воскликнулъ Франкъ.

Альдъ вдругъ встрепенулся, выпрямился и сталъ всматриваться. Впереди, на дорогѣ къ Меллору, на которую они только что повернули, стояла Марчелла. Она наклонилась зачѣмъ-то къ землѣ и, повидимому, не замѣтила ихъ. Въ эту минуту косой лучъ солнца освѣтилъ ея наклоненную фигуру, свѣжую траву у ея ногъ и подснѣжники, которые она рвала.

Завидѣвши ихъ, Марчелла пошла имъ на встрѣчу. Она была въ глубокомъ траурѣ; букетъ подснѣжниковъ, который она держала въ рукахъ, отчетливо выдѣлялся на черномъ фонѣ; солнце, пробиваясь сквозь молодую листву, играло въ ея глазахъ и освѣщало прекрасное выразительное лицо.

Они не встрѣчались со времени похоронъ Голлена: это была первая мысль, которая имъ обоимъ пришла въ голову, и Альдъ почувствовалъ это въ ея рукопожатіи, между тѣмъ какъ она, кромѣ того, хотѣла выразить ему благодарность за письмо къ матери.

Франкъ, зная, что они должны переговорить о дѣлахъ, оставилъ ихъ и отправился въ старую библіотеку.

— Лордъ Максвель,—обратилась Марчелла къ Альду нѣсколько смущеннымъ тономъ,—не пойдемъ ли мы съ вами въ залу. Мама сошла бы внизъ, но она думаетъ, что, можетъ быть, можно обойтись безъ нея.

— Разумѣется, мы можемъ рѣшить съ вами вдвоемъ,—сказалъ Альдъ.

Они прошли въ залу и сѣли по краямъ маленькаго столика, на который Альдъ выложилъ разные документы и бумаги. Въ первую минуту, когда они очутились одни, Марчелла испытала острое чувство неловкости.

Но скоро обращеніе Альда разсѣяло всѣ эти чувства. Съ обычной ясностью и краткостью онъ изложилъ передъ ней дѣло. Оно было несложно, и она вполнѣ соглашалась съ его мнѣніями. Затѣмъ Альдъ записалъ нѣкоторыя ея желанія, отложилъ бумаги для подписи ея матери, и дѣло было окончено.

Но когда обязательные разговоры были исчерпаны и представлялась возможность заговорить о чемъ-нибудь другомъ, имъ обоимъ стало жутко. Эта старинная, большая комната, свидѣтельница многихъ радостныхъ сценъ въ прошломъ, вызывала въ немъ цѣлый рой мучительныхъ воспоминаній.

Наконецъ, она прервала молчаніе нерѣшительнымъ тономъ:

— Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами еще объ одной вещи. Я хотѣла бы продать вотъ эти желѣзнодорожныя акціи.

Она указала на лежавшій передъ ней свертокъ бумагъ.

— Зачѣмъ?—удивился Альдъ.—Онѣ стоятъ очень высоко и, по всей вѣроятности, поднимутся еще.

— Я знаю это. Но мнѣ нужны сейчасъ деньги, для того, чтобы перестроить жилища фермеровъ. Я вчера уже говорила съ подрядчикомъ, и мы составили приблизительный разсчетъ. Я начала также работы по проведенію новаго водопровода, а это будетъ стоить довольно дорого.

— Хорошо; но неужели вы не можете производить эти расходы изъ ежегоднаго дохода съ имѣнья, не трогая капитала?

— Вѣдь, я пользуюсь только половиной доходовъ,—сказала Марчелла съ легкою улыбкой.

— А, это вы устроили по взаимному соглашенію съ вашей матерью?

— О, нѣтъ,—сказала Марчелла съ выраженіемъ досады,—мама ничего не хочетъ брать съ меня или съ имѣнья. У нея есть свои маленькія средства, и она хочетъ жить со мной только часть года.

Интонація ея голоса глубоко тронула Альда.

— Только часть года?—съ удивленіемъ спросилъ онъ.—Развѣ миссисъ Бойсъ не будетъ постоянно жить въ Меллорѣ.

— Нѣтъ, она съ удовольствіемъ никогда бы не заглядывала сюда,—взволнованно заговорила Марчелла,—и будетъ пріѣзжать только ради меня. Ей ужасно тяжело достался тотъ годъ, когда была въ Лондонѣ.

Взглянувши на него, она разсчитывала встрѣтить въ его глазъ холодный упрекъ за то, что она бросила своихъ родителей, вмѣсто того увидала очень сочувственный взглядъ.

— Да, жизнь мистрисъ Бойсъ была не легка,—сказалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ.

Марчелла почувствовала, что слезы выступили у нея на глазахъ, достала платокъ и незамѣтно ихъ вытерла. Вдругъ мысли ея приняли совершенно другой оборотъ. Ею овладѣло дикое желаніе разсказать ему о домашнихъ отношеніяхъ, о своемъ печальномъ дѣтствѣ, не согрѣтомъ ничьею лаской. Въ глубинѣ души ей казалось, что въ прошломъ заключается объясненіе и оправданіе того недостатка деликатности, чувства долга и вообще воспитанности, который она проявила въ такихъ грубыхъ формахъ по отношенію къ Альду.

Но вдругъ она вспомнила, что она потеряла право входить съ нимъ въ интимныя бесѣды, вспомнила о Бетти Макдональдъ, о томъ, что она какъ разъ теперь гоститъ въ замкѣ,—и она отказалась отъ своего намѣренія и сидѣла молчаливая въ своей обычной позѣ съ наклоненною головой и сложенными на колѣнахъ руками.

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, о вашихъ планахъ,—сказалъ Альдъ.

— О, это совершенные пустяки,—торопливо заговорила она.— Я боюсь, что они вамъ покажутся невыполнимыми, можетъ быть, даже совсѣмъ нелѣпыми. Такъ какъ я совершенно одинока и не рискую никѣмъ, то, мнѣ кажется, я могу позволить себѣ экспериментъ. Четыре тысячи фунтовъ въ годъ—гораздо больше того, что я на себя трачу, что я *имѣю право* на себя тратить. Во-первыхъ, я хочу сохранить этотъ домъ, позаботиться объ его украшеніи, такъ чтобы передать его моимъ преемникамъ въ самомъ лучшемъ видѣ. Я думаю также держать въ немъ довольно много прислуги, во-первыхъ, для того, чтобы сохранять его въ порядкѣ, а во-вторыхъ, для того, чтобы сдѣлать изъ него мѣсто сборищъ для всего окрестнаго населенія, безъ всякаго различія сословій. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ онъ служилъ для развлеченій и для обмѣна мыслей для всѣхъ насъ, но главнымъ образомъ для бѣдняковъ. Такъ какъ всѣ въ имѣніи болѣе или менѣе, тѣмъ или другимъ способомъ, участвовали въ созданіи этого дома, то я и хочу сдѣлать его общимъ достояніемъ, пусть всякій считаетъ его своею собственностью, гордится имъ. Но здѣшнее населеніе не можетъ и думать о развлеченіяхъ, раньше чѣмъ не будетъ поставлено въ лучшія условія жизни. Вы знаете, здѣсь заработная плата очень низка,—ниже, чѣмъ у васъ,—прибавила она конфузясь: «она равняется 11—12 шиллингамъ въ недѣлю, старики получаютъ только половину. Мы разсчитали съ мистеромъ Кравеномъ, что если прибавить по 5 ш

линговъ въ недѣлю на каждаго рабочаго, то это намъ будетъ стоить двѣ тысячи въ годъ.

— Вы знаете,—сказалъ онъ, улыбаясь,—что вамъ труднѣе всего будетъ склонить къ этому фермеровъ.

— Я знаю. Но я предварительно всѣхъ ихъ соберу. Я говорила объ этомъ съ мистеромъ Френчъ; конечно, онъ считаетъ меня полоумной, но далъ мнѣ хорошій совѣтъ. Я предложу имъ возобновить контракты съ нѣкоторыми льготами, что, разумѣется, соблазнитъ ихъ, а затѣмъ потребую съ нихъ, чтобы взамѣнъ пониженныхъ арендныхъ платежей они повысили заработную плату своимъ рабочимъ.

Она вопросительно смотрѣла на него.

— Подумали ли вы о томъ, что вамъ, можетъ быть, придется иногда, наприм., въ неурожайные годы, сбавлять арендную плату? Обезпечили вы себя чѣмъ-нибудь на эти случаи?

— Конечно,—съ жаромъ проговорила она.—Я буду жить очень скромно и откладывать все, что можно. Я всею душой предана этому плану. Очень рѣдко представляется такая возможность которая выпала мнѣ на долю, обыкновенно, людей отвлекаютъ другія обязанности, боязнь риска. Самый настоятельный вопросъ современнаго экономическаго строя, какую долю продукта долженъ получать рабочій отъ капиталиста. Несомнѣнно, этотъ процентъ долженъ современемъ повыситься, и я только предупреждаю этотъ моментъ.

Вдругъ она остановилась.

— Теперь я попрошу васъ,—продолжала она,—высказать мнѣ всѣ возраженія, какія вы можете привести. Вы, навѣрно, много думали о подобныхъ вопросахъ.

— Да, довольно много,—отвѣчалъ онъ и началъ развивать съ обычною ясностью возраженія нѣкоторыхъ экономистовъ противъ подобнаго плана. Но Марчеллу не столько интересовало то, что онъ говорилъ, а то, какъ онъ говорилъ. Въ его рѣчи она различала характерные для него два голоса: голосъ идеалиста, постоянно обузлываемый и осмѣиваемый голосомъ наблюдателя и ученаго. Годъ му назадъ подобная рѣчь вызвала бы въ ней раздраженіе и нерпѣніе, но теперь за ораторомъ она прислушивалась къ человѣку.

Послѣ его возраженій она «все-таки оставалась при своемъ ѣніи». Эти возраженія ей были не новы, и она сокрушила ихъ ѣ своимъ одушевленіемъ.

— Я самъ,—сказалъ онъ наконецъ нѣсколько смущеннымъ омъ, какъ онъ всегда говорилъ о себѣ,—плачу рабочимъ на два

или на три шиллинга больше, чѣмъ фермеры моего имѣнья; кромѣ того, у насъ есть вспомогательный фондъ. Но опасности, связанныя съ полнымъ переустройствомъ условій труда, представляются мнѣ настолько серьезными, что я не рѣшаюсь дѣлать дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи. Мнѣ иногда кажется, что при такого рода экспериментахъ выиграютъ одни фермеры!

Она горячо протестовала. Онъ съ восхищеніемъ любовался ея прежнею рѣшительностью, упорствомъ, великодушіемъ, хорошо знакомымъ ему самоувѣреннымъ закидываніемъ головы назадъ и драматическими жестикуляціями.

Наконецъ онъ рѣшился высказать ей еще возраженіе, которое считалъ необходимымъ привести, ради всесторонняго и серьезнаго обсужденія вопроса.

— Вы должны,—заговорилъ онъ, не глядя на нее,—еще подумать о тѣхъ, которые будутъ здѣсь послѣ васъ; еще болѣе вы должны подумать о своемъ замужствѣ раньше, чѣмъ вы рѣшитесь такъ или иначе распорядиться своимъ состояніемъ.

На нее эти слова подѣйствовали какъ струя холода, она сочла себя оскорбленной, между тѣмъ какъ онъ думалъ добросовѣстно выполнить свой долгъ.

— Я не нахожу, чтобы мнѣ слѣдовало думать объ этомъ, во всякомъ случаѣ не въ такой связи,—сказала она гордо. И, поднявшись со стула, она стала собирать бумаги.

Мгновенно волшебство было нарушено, очарованіе исчезло. Онъ почувствовалъ, что аудіенція окончена.

Въ суровомъ молчаніи двинулась Марчелла черезъ рядъ комнатъ къ библіотекѣ, гдѣ дожидался Франкъ Ливенъ; Альдъ послѣдовалъ за нею.

V.

— Миссъ Бойсъ, можно войти?

Это былъ голосъ Франка Ливена. Марчелла сидѣла одна въ библіотекѣ. Людовикъ Кравенъ, который былъ ея секретаремъ и управляющимъ, только что отъ нея вышелъ, и она просматривала ворохъ счетовъ и квитанцій.

— Войдите,—сказала она, испуганная необычнымъ видомъ и голосомъ Франка, и взглянула на него вопросительно.

Франкъ осторожно затворилъ за собой массивную дверь, и по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ ней, она вглядывалась въ его раскраснѣвшееся лицо и удивлялась странному выраженію радости и вмѣстѣ страха.

Она невольно попятилась назадъ.

— Скажите, случилось что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего,—запыхавшись проговорилъ онъ.—Но мнѣ нужно разсказать вамъ одну вещь, и я не знаю—какъ, можетъ быть совсѣмъ не слѣдуетъ разсказывать. Я бѣжалъ почти всю дорогу отъ замка.

Онъ едва переводилъ дыханіе; она пододвинула ему стулъ и съ замираніемъ сердца ждала, что онъ скажетъ.

— Дѣло касается лорда Максвеля,—заговорилъ онъ, смотря въ сторону.—Мы съ нимъ сейчасъ гуляли; онъ ушелъ и не подозрѣваетъ, что я побѣжалъ къ вамъ. Но меня непреодолимо потянуло разсказать вамъ. Обѣщайте, что вы не будете на меня сердиться.

Онъ нерѣшительно и робко взглянулъ на нее.

— Пожалуйста, только поскорѣе,—полушепотомъ сказала она, между тѣмъ какъ ея щеки и губы поблѣднѣли.

— Хорошо. Сегодня утромъ я былъ совсѣмъ какъ помѣшанный. Бетти со вчерашняго дня не сказала со мной ни слова. Она все время съ нимъ, и миссъ Рэборнъ вчера не разъ дала мнѣ понять, что я становлюсь имъ поперекъ дороги. Понятно, я не могъ нынче ночью заснуть ни минутки и сегодня все утро пропадалъ изъ дома. Затѣмъ послѣ завтрака я подошелъ къ нему и попросилъ его пойти со мной гулять. Онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня,—должно быть, у меня былъ порядочно дикій видъ. Онъ согласился, и мы пошли въ паркъ. Тутъ я ему все выложилъ. Не помню, что я говорилъ ему, но должно быть много вздора. Но какъ бы тамъ ни было я спросилъ его, какъ онъ относится къ Бетти, думаетъ ли онъ на ней жениться,—потому что для всякаго ясно, что миссъ Рэборнъ объ этомъ хлопочетъ. Когда онъ услыхалъ это, онъ какъ бы остолбенѣлъ; я замѣтилъ, что онъ страшно разсердился.—Какое ты имѣешь право предлагать мнѣ такіе вопросы?— сказалъ онъ строго. Я совершенно растерялся и сболтнулъ, что мнѣ пришло въ голову. Я сказалъ, что всѣ говорятъ объ этомъ: спроси кого хочешь, Винтербурновъ, миссъ Бойсъ,—они всѣ такъ думаютъ. —Миссъ Бойсъ!—повторилъ онъ,— миссъ Бойсъ думаетъ, что я женюсь на Бетти Макдональдъ?—Я не зналъ, что сказать, потому что почувствовалъ, что я напрасно упомянулъ ваше имя. Онъ сѣлъ на траву и долго не говорилъ ни слова. Наконецъ, онъ сказалъ:—«Я не понимаю, Франкъ, какъ ты или другіе могутъ заблуждаться на счетъ моей дружбы съ Бетти. Во всякомъ случаѣ, увѣренъ, что сама она понимаетъ дѣло правильно. Я тебѣ совѣ-

тую, пойди къ ней и спроси ее прямо, какъ она къ тебѣ относится. Хотя правду сказать, по моему, ты ея не стоишь. Что же касается меня,—сказалъ онъ съ такимъ выраженіемъ лица, что мнѣ просто хотѣлось провалиться сквозь землю,—надѣюсь, что мы съ тобой всегда будемъ друзьями, и ты не злоупотребишь моимъ довѣріемъ: такъ знай, для меня существуетъ только одна женщина, которую я могу любить, и ты знаешь кто она». И затѣмъ тотчасъ онъ ушелъ. Мнѣ показалось неловко идти за нимъ, я остался на травѣ и раздумывалъ. Вдругъ мнѣ показалось, что я необходимо долженъ вамъ все разсказать. Миссъ Бойсъ, подумайте, вѣдь, если вы сдѣлаете Альда счастливымъ, вы осчастливите и многихъ другихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣряю васъ.

Въ волненіи онъ съ трудомъ выговаривалъ слова.

Марчелла какъ бы окаменѣла, ея мертвенная блѣдность, наконецъ, встревожила его.

— Вы не сердитесь на меня?—спросилъ онъ.

Она отошла въ сторону и стала нервно перелистывать книгу, лежавшую на каминѣ.

— Я сейчасъ не въ состояніи говорить объ этомъ, — сказала она наконецъ съ усиліемъ,—какъ-нибудь послѣ.

— Я знаю, у васъ такъ много было потрясеній, — сказалъ онъ, взглянувши на ея траурное платье,—а я...

Она положила ему руку на плечо.

— Я совсѣмъ не сержусь. Мы съ вами поговоримъ въ другой разъ. А теперь идите къ Бетти.

Юноша вскочилъ и началъ собираться.

— Да, теперь пожалуй миссъ Рэборнъ и Бетти вернулись. Они ѣздили къ кому-то съ визитомъ. О, Бетти еще помучаетъ меня, прежде чѣмъ согласится.

— Бетти, повидимому, хорошо понимаетъ, какъ надо съ вами обращаться,— сказала Марчелла, слегка улыбаясь.— Но если она будетъ черезъ-чуръ упрямиться, пришлите ее ко мнѣ.

Въ порывѣ радости Франкъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ— онъ готовъ былъ обнять весь міръ.

Когда онъ ушелъ, Марчелла опустилась на стулъ и задумалас потомъ быстро подошла къ письменному столу, написала записк запечатала, отнесла въ переднюю и опустила въ почтовый ящик Въ этой запискѣ она просила Альда пріѣхать къ ней завтра д дѣловыхъ переговоровъ.

Счастье наполняло ее. Оно подняло въ ея душѣ все, что въ н было высокаго, идеальнаго, гуманнаго. Она знала, что съ завтра

няго дня она не будетъ одинока. Вся жизнь ея со всѣми впечатлѣніями и наблюденіями промелькнула въ ея головѣ, и хотя житейскій опытъ значительно измѣнилъ ея точки зрѣнія, но основныя ея стремленія остались тѣ же, и она поклялась всегда, поскольку хватитъ силъ, бороться за водвореніе лучшихъ и болѣе благородныхъ общественныхъ отношеній, всегда стараться доставить счастливое, независимое и честное существованіе тѣмъ, которые этого лишены. Но только не одна, ни въ какомъ случаѣ не одна! Она достаточно наглядѣлась на темныя и уродливыя стороны жизни, и ей хотѣлось забыться отъ нихъ въ сильномъ личномъ чувствѣ. Ея богатая натура горѣла страстнымъ стремленіемъ отдаться беззавѣтной, всепоглощающей любви.

Какъ долго тянется ночь. Скорѣе, скорѣе, я хочу слышать его шаги, я жажду молить его о прощеніи.

— Надѣюсь, что я не опоздалъ. Мнѣ кажется, ваши часы нѣсколько впереди. Вы назначили мнѣ въ 11?

Альдъ подходилъ къ Марчеллѣ, протянувши руку.

Марчелла пошла ему на встрѣчу. Она была вся въ черномъ, очень блѣдна, но у ворота былъ приколотъ пучокъ красной гвоздики.

— Я хотѣла,—заговорила она,—еще разъ поговорить съ вами о тѣхъ акціяхъ, какъ ихъ продать поскорѣе. Не можете ли вы мнѣ дать адресъ какого-нибудь лондонскаго банкира?

Онъ былъ видимо удивленъ.

— Конечно,—сказалъ онъ.—Если вы не хотите поручить это Френчу, я могу вамъ указать банкира, къ которому я всегда обращаюсь, или, можетъ быть, вы позволите мнѣ это устроить самому. Вы окончательно рѣшили ихъ продать?

— Да, окончательно,—машинально произнесла она.—И я думаю, что могу сдѣлать это сама. Напишите мнѣ, пожалуйста, адресъ банкира и прочитайте, что я вамъ написала—тамъ, на столѣ.

Она указала на письменный столъ и на бумаги, лежавшія на немъ, а сама тотчасъ повернулась и отошла къ окну.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ, затѣмъ подошелъ къ с лу, положилъ свою шляпу и перчатки и началъ читать.

— *Въ этой самой комнатѣ вы сказали мнѣ, что я причинила вамъ большія страданія. Но если виноватые просятъ прощенія, ихъ прощаютъ иногда. Передайте мнѣ какимъ-нибудь знакомъ, взглядомъ, что я могу просить у васъ прощенія. Если же нѣтъ, самое лучшее—уходите, не говоря ни слова.*

Она услыхала, какъ онъ вскрикнулъ. Но она не оборачивалась.

Она чувствовала только, что онъ подбѣжалъ къ ней, обхватилъ ее руками, и ея голова очутилась у него на груди.

— Марчелла, ты моя!—только могъ произнести онъ, и то такимъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ, что она едва могла разобрать.

И такъ онъ держалъ ее съ минуту или больше. Она плакала, его глаза тоже затуманились слезами, она слышала, какъ порывисто бьется его сердце.

Наконецъ, онъ поднялъ ея голову и посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Значитъ, вотъ о чемъ ты думала, когда я отчаявался, боролся съ собой и ничего не подозрѣвалъ. Дорогая моя, скажи, возможно ли это? Это твое лицо, твои губы?—и онъ нервно цѣловалъ ее.—Когда такъ быстро, въ одно мгновеніе, перейдешь отъ муки и тоски къ безконечной радости, то не находишь словъ.

И онъ приникъ къ ней головой, стараясь опомниться отъ душившаго его счастья.

Наконецъ, она съ улыбкой взглянула на него.

— Иди сюда,—сказала она и, взявши его за руку, отвела на другой конецъ комнаты.—Садись на этотъ стулъ, на которомъ ты сидѣлъ тогда.

Онъ сѣлъ въ недоумѣніи и раньше, чѣмъ онъ догадался, къ чему это клонится, она упала передъ нимъ на колѣни.

— Я разскажу тебѣ многое такое, чего ты отъ меня никогда не слыхалъ прежде,— начала она.— Ты долженъ выслушать мою исповѣдь и наложить мнѣ наказаніе. Ты долженъ бранить меня самымъ жестокимъ образомъ, иначе я потеряю къ тебѣ довѣріе.

Она улыбнулась сквозь слезы.

— Марчелла! — воскликнулъ онъ съ страданіемъ въ голосѣ, пытаясь встать со стула и поднять ее. — Неужели ты думаешь, что я допущу, чтобы ты стояла передо мной на колѣняхъ?

— Ты долженъ,— рѣшительно заявила она. — Хорошо, если это дѣлаетъ тебя черезчуръ несчастнымъ, я сяду на скамейку возлѣ тебя. Но, все-таки, ты выше меня — я у твоихъ ногъ, это тотъ самый стулъ, и ты не долженъ двигаться,—при этомъ она поцѣловала его руку,—до тѣхъ поръ, пока я выскажу все до послѣ няго слова.

И она начала свою исповѣдь—съ самыхъ первыхъ дней. Он часто хмурился, протестовалъ, но это не останавливало ее. Он подвергла безпощадному анализу свои отношенія къ нему и к Уартону, говорила о томъ легкомыслiи и безсердечіи, съ которым она порвала съ нимъ, о томъ эгоистическомъ равнодушіи и дан

презрѣніи, съ какимъ она относилась къ его чувствамъ, интересамъ, идеаламъ, — о той спокойной увѣренности, съ которой она воображала, что въ замужствѣ она всегда будетъ держать верхъ, затѣмъ о дѣйствительномъ горѣ и страданіи по поводу приговора надъ Гордомъ.

— Это было мое первое, настоящее испытаніе, — сказала она, — оно сдѣлало меня дикой, жестокой, но въ то же время оно помогло мнѣ перегорѣть, облагородило меня. Съ тѣхъ поръ я начала жить настоящею жизнью. Затѣмъ наступилъ день, когда мы разстались, потомъ годъ въ больницѣ, занятія въ качествѣ сестры милосердія и, наконецъ, вечеръ на террасѣ. Я думала о тебѣ, потому что уже чувствовала раскаяніе, потомъ гнетущее чувство одиночества, вліяніе Голлена—все это сложилось вмѣстѣ. Мнѣ хотѣлось, чтобы мы встрѣтились друзьями, чтобы ты обращался со мной такъ, какъ будто между нами ничего не произошло; я мечтала объ этомъ, какъ объ единственной отрадѣ и утѣшеніи. Но ты обошелся со мной холодно, ты ничего не забылъ и заставилъ меня нести на себѣ всю тяжесть своей вины.

Она взглянула на него: подернутые слезами глаза сіяли блаженною улыбкой. Онъ хотѣлъ обнять ее, остановить и ласками задушить это самобичеваніе, но она во что бы то ни стало хотѣла договорить и отстранила его.

— Въ этотъ самый вечеръ на террасѣ, хотя я была все время съ Уартономъ и пыталась убѣдить себя, что люблю его, въ сущности я въ первый разъ почувствовала, что люблю тебя. Развѣ не глупо и не досадно только тогда оцѣнить вещь, когда ее отняли? Словно ребенокъ, который становится милымъ и послушнымъ послѣ того, какъ его наказали.

Онъ не могъ дольше выносить. Онъ заключилъ ее въ свои объятія и, въ противовѣсъ къ ея признанію, сталъ говорить о своихъ чувствахъ, о мучительной тоскѣ, ревности и о невыносимыхъ терзаніяхъ на вечерѣ у лэди Мастертонъ.

— Голленъ былъ единственный человѣкъ, который меня вполнѣ понималъ,—сказалъ онъ,—онъ не сомнѣвался въ томъ, что я буду любить тебя до могилы. Съ нимъ я могъ говорить о тебѣ.

— Ты знаешь,—сказала Марчелла, отступивши отъ него и положивши ему руку на плечо,—я разсказала ему о себѣ въ день его смерти.

— Послѣ того, какъ ты вышла, онъ уже не приходилъ въ себя — сказалъ Альдъ растроганнымъ голосомъ. — Передъ смертью онъ подзывалъ меня въ себѣ, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ.

Если бы было можно, я бы полюбилъ тебя еще сильнѣе, дорогая, за то, что ты его порадовала въ такую минуту.

Онъ держалъ ея руку въ своей, оба они молчали. Образъ Голлена носился передъ ними.

Но мало-по-малу счастье, молодость, любовь взяли свое.

— Ты думаешь,—заговорилъ онъ,—я понимаю, какимъ образомъ я очутился здѣсь, на этомъ стулѣ, около тебя? Ты мнѣ все разсказывала старыя исторіи, а то, что относится къ настоящему, мнѣ совсѣмъ непонятно. Въ послѣдній разъ, прощаясь со мной, ты смотрѣла на меня такъ, какъ будто я совершилъ какую-то непростительную глупость и мнѣ лучше не показываться больше къ тебѣ на глаза. Объясни мнѣ, пожалуйста, переходъ отъ того мрака къ этому свѣту.

Она подняла голову, и взглядъ ея слегка омрачился.

— Ты заговорилъ со мной о «замужствѣ» и какимъ-то тономъ опекуна, благословляющимъ меня на бракъ съ другимъ. Развѣ я могла спокойно отнестись къ этому?

Онъ такъ радостно засмѣялся, что даже смутилъ ее.

— Такъ, мои немногія добродѣтели упали на мою же собственную голову,—сказалъ онъ и взялъ опять ее за руку.—Скажи же мнѣ, хорошо я сыгралъ свою роль? Мнѣ казалось, что у меня былъ черезчуръ дѣловой, оффиціальный тонъ. Впрочемъ, все это отступленія. Что я хочу знать непремѣнно и прежде всего, это—по какому побужденію ты написала мнѣ вчерашнее письмо?

— Съ кѣмъ ты гулялъ вчера послѣ завтрака?—спросила она, лукаво улыбаясь.

Онъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на нее.

— Ну, вотъ, если я разскажу это тебѣ, ты будешь совсѣмъ разочарованъ. Если бы Франкъ мнѣ не говорилъ ни слова и я обратилась бы къ тебѣ, повинуясь внутреннему влеченію, ты бы поставилъ мнѣ это въ большую заслугу. А теперь выходитъ, что я дожидалась какого-нибудь несомнѣннаго признака.

И подъ наплывомъ охватившаго ее чувства она склонила голову на его руку.

— Значитъ, это былъ Франкъ!—сказалъ онъ. Сейчасъ я видѣлъ его въ паркѣ подъ руку съ Бетти.

Онъ обнялъ ее и пристально смотрѣлъ ей въ глаза.

— Показать тебѣ, дорогая, — сказалъ онъ нѣжно, — что я всегда ношу съ собой?

И онъ вынулъ изъ бокового кармана маленькую черную кожаную книжку; когда онъ раскрылъ ее, она увидала свой портретъ

нарисованный перомъ однимъ изъ молодыхъ художниковъ, гостившихъ въ замкѣ. Она смотрѣла на портретъ съ радостью и съ грустью: онъ напомнилъ ей о ея холодности и эгоизмѣ, въ противоположность его преданности и постоянству. По на такомъ праздникѣ неумѣстно было упрекать себя въ чемъ бы то ни было. Смотря на него жалобно, умоляющими глазами, она протянула ему руку, какъ бы ожидая окончательнаго отвѣта на свои признанія, и чуть слышно прошептала:

— Простишь?

— Простить?—повторилъ онъ.—Могу ли я,—заговорилъ онъ съ экстазомъ,—прощать руку, которая меня спасаетъ, и голосъ, который меня возрождаетъ къ новой жизни? Придумай другое слово, дорогая моя жена!

А. М.

ЮБИЛЕЙ *).

(Не совсѣмъ обыкновенная исторія).

(Окончаніе).

Зала гудѣтъ, словно разворошеннный улей. Обѣдъ уже окончился. Лакеи убираютъ все со стола, который скоро обращается въ одну бѣлую, унылую плоскость, кое-гдѣ испещренную красными пятнами, будто слѣдами кровопролитнаго боя.

Супруги Опорковы, Грохотунская и фрау Думкеллеръ уѣхали. Драницынъ тоже уѣхалъ. Цыцарская съ мужемъ остались. Прочіе тоже всѣ налицо, разбившись на отдѣльныя группы.

Солидная часть общества удалилась въ тотъ небольшой кабинетъ, гдѣ происходило чтеніе адреса. Тамъ, на двухъ столахъ, устроился винтъ. Андрею Ардальонычу пришлось сидѣть противъ Кукиша, о. Братолюбову достался партнеромъ Абсцессъ. За другой столъ засѣли: о. Павелъ Оивейскій и Поплясухинъ, Клишѣ и Цыцарскій. Въ сторонѣ, за столомъ, на которомъ лежали давеча подарки юбиляру и адресъ, виднѣется мрачная тѣнь Антидорскаго, сидящаго въ одиночествѣ передъ бутылкою пива.

Въ залѣ, передъ каминомъ, образовалась живописная группа изъ разноцвѣтныхъ барышенъ, привезенныхъ на юбилей Бубенцовымъ, m-me Цыцарской и курчавой брюнетки въ палевомъ платьѣ. Имъ всѣмъ очень весело, благодаря стараніямъ занимающихъ ихъ Грохотунскаго и Бубенцова. Грохотунскій, совсѣмъ уже растрепавшійся и успѣвшій гдѣ-то вымазать локоть фрачнаго рукава в[ъ] чемъ-то бѣломъ, разсыпается передъ голубою и розовою. Вниман[іе] Бубенцова, красивые глаза котораго сдѣлались влажными и похо[жи] теперь на маслины, отдано преимущественно курчавой брюне[т]кѣ. M-me Цыцарская, предоставленная самой себѣ, раздѣляет[ъ] участіе въ веселіи тѣхъ и другихъ попеременно, помѣстивши[сь]

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

какъ разъ въ серединѣ. Она шуршитъ вѣеромъ, разражается смѣхомъ и безпрестанно восклицаетъ: «О Боже!» Помѣстившійся неподалеку отъ нихъ, въ уголку, на стулѣ, Антонъ, припавъ локтями себѣ на колѣни, пожираетъ глазами брюнетку. Отъ времени до времени онъ крутитъ усы и бросаетъ наблюдательный взглядъ на прежняго ея кавалера, истощеннаго юношу, котораго заполонили Скачковъ и К°, съ присоединеніемъ Орлянкина, познакомившагося съ ними подъ конецъ обѣда. Они составляютъ свою отдѣльную группу. Молодежь такъ и осталась на прежнихъ мѣстахъ, изображая собой теперь, за столомъ, какъ бы оазисъ въ пустынѣ. У нихъ очень шумно и весело. Лакей два раза смѣнилъ имъ пустыя бутылки на новыя, съ краснымъ крымскимъ виномъ. Истощенный юноша—уже въ значительномъ градусѣ, тѣмъ не менѣе, Скачковъ то и дѣло ему подливаетъ, хлопая его по плечу съ восклицаніемъ: «Вы лѣниво пьете, Цуцкинъ! Пейте, Цуцкинъ!» Судя по виду Антона, ему очень хотѣлось бы присоединиться къ этой компаніи, но, съ другой стороны, ему жаль разстаться со своимъ наблюдательнымъ пунктомъ, откуда отлично видно брюнетку въ палевомъ платьѣ, которая тянетъ его къ себѣ положительно неодолимыми чарами. Невдалекѣ, у окна, виденъ Думкеллеръ, въ группѣ товарищей-преподавателей, о которыхъ не было до сихъ поръ упомянуто, такъ какъ они ничѣмъ пока стоющимъ быть отмѣченнымъ на страницахъ этого правдиваго повѣствованія не выказались, и неизвѣстно, понадобятся ли намъ и впослѣдствіи. Они разсуждаютъ о дѣлахъ гимназическихъ, стоя въ кружокъ, со стаканами пива, которое наливаютъ они изъ бутылокъ, помѣщающихся на подоконникѣ, тогда какъ ихъ жены, о которыхъ было умолчано, по той же самой, изъясненной сейчасъ только, причинѣ, составили свой отдѣльный кружокъ и толкуютъ о совсѣмъ для насъ неинтересныхъ предметахъ.

Уѣхали всѣхъ раньше Опорковы, тотчасъ же, какъ только всѣ стали подниматься изъ-за стола. Надежда Тихоновна, у которой сердце было не на мѣстѣ все время, благодаря мысли о пресловутыхъ ключахъ, тихо, но непрерывно точившей ее, подобно червю, конецъ, заявила, что дольше она не въ силахъ терпѣть, и, ймавъ Прасковью Никифоровну, стала съ нею прощаться.

— Посидѣла бы немного еще...—замѣтила та.

— Нѣтъ! Совсѣмъ я измучилась!

Дѣйствительно, видъ у Опорковой былъ совершенно страдальческій, въ противоположность Прасковьѣ Никифоровнѣ, которая сіяла тихимъ тріумфомъ.

— Мы тоже долго здѣсь не останемся,—прибавила Прасковья Никифоровна,—право, вмѣстѣ и поѣхали бы!

— Нѣтъ!—тряхнула головой Опоркова.—Вся я разбита! Прощайте, мамаша... Папашу я ужъ безпокоить не стану (она взглянула въ ту сторону, гдѣ виднѣлся, весь испускавшій, можно сказать, свѣтозарные лучи, юбиляръ); ему, конечно, ужъ теперь не до насъ. Ну, да Богъ съ нимъ!... Я за него очень рада, только,—извините, мамаша,—прямо скажу: не ожидала я этого... Нехорошо съ его стороны! Ужъ вы меня извините!

— Что такое?—встревожилась Прасковья Никифоровна.

— Такъ...Ничего,—печально вздохнула Опоркова.—Конечно, сегодня для него радостный день, только, мнѣ кажется, все бы не слѣдовало забывать родственныхъ чувствъ. Напротивъ, я думаю!

— Съ ума ты, что ли, сошла?—всплеснула руками Прасковья Никифоровна.—Что такое случилось?

— Ничего не случилось,—опять вздохнула Опоркова и съ неожиданною силой воскликнула:—Стыдно папашѣ! стыдно, да! Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ! Вотъ что скажу я!

— Совсѣмъ ошалѣла!—пожала плечами, даже отступивъ отъ нея съ изумленіемъ, Прасковья Никифоровна.—Сказалъ онъ тебѣ что нибудь? Обидѣлъ, что ли, тебя?

— Ничего не обидѣлъ. Ну, да ужъ что говорить!... Самъ онъ вспомнитъ потомъ. Прощайте, мамаша. Да, вотъ еще что: вы лучше увезли бы его поскорѣе домой. Онъ, кажется, уже захмѣлѣлъ, а вы знаете, какъ ему это вредно... Прощайте! Пойдемъ!—обратилась она къ Ивану Демьянычу, который въ это время уныло прощался съ Прасковьей Никифоровной, и съ видомъ оскорбленнаго глубоко достоинства устремилась изъ залы.

— Да послушай ты, сумасшедшая,—бросилась было вслѣдъ за нею по корридору Прасковья Никифоровна (разговоръ происходилъ въ сторонкѣ, у выхода), но дочь даже не повернула къ ней головы, и мать только махнула рукой и вернулась обратно.

Облачившись въ швейцарской въ верхнее платье, Опорковы, послѣ долгихъ пререканій съ извощиками, которыхъ Надежда Тихоновна громогласно обозвала разбойниками, ужъ на Невском сѣли, наконецъ, и поѣхали.

Ѣхали долго въ молчаніи. Опоркова все время хранила вид оскорбленнаго достоинства. Иванъ Демьянычъ терялся въ дога кахъ. Только ужъ проѣзжая мимо Милютиныхъ лавокъ, Надеж Тихоновна разразилась наконецъ монологомъ:

— Скажите пожалуйста! Ха!... На насъ можно плевать?

Ну, ужъ нѣтъ, извините, папаша! На ногу себѣ наступать не позволю!

Изъ дальнѣйшихъ отрывочныхъ ея восклицаній выяснилась причина негодованія ея на отца, а именно то обстоятельство, что онъ не представилъ Опорковыхъ Андрею Ардальонычу, въ то время, когда знакомилъ его съ Прасковьей Никифоровной, чему Надежда Тихоновна придавала большое практическое значеніе.

— Довольно было бы тутъ же, кстати, сказать: «а вотъ, ваше пр-во, позвольте и съ дочерью моей познакомить». Просто! Ясно! Всякій другой на его мѣстѣ непремѣнно сдѣлалъ бы такъ! Самъ Хуторовскій при этомъ смотрѣлъ на меня. Я отлично это замѣтила! Очевидно, онъ ждалъ. И какъ мило поступилъ Грохотунскій, что въ своей рѣчи сказалъ и про насъ! Это умъ! Это тактъ! Я увѣрена, что онъ отлично все понялъ! Ну, папаша, теперь вы не скоро насъ дождетесь къ себѣ! Нѣ-ѣтъ! Пока мамаша не придетъ ко мнѣ первая—ни ногой! А ужъ и отчитаю-жъ я ей, только приди она! Все, все отчитаю! Все выпою!

Между тѣмъ, Прасковья Никифоровна ломала еще нѣсколько времени голову, стараясь рѣшить, что̀ могло обозлить ея Надю, но не пришла ни къ какимъ результатамъ и потому предала вопросъ этотъ забвенію. Изъ всего, что̀ та наговорила ей, болѣе всего былъ достоинъ вниманія Надинъ совѣтъ—увезти домой поскорѣе отца.

Дѣйствительно, состояніе Тихона Антоныча нельзя было назвать теперь совершенно нормальнымъ. На посторонній взглядъ, въ немъ ничего не замѣчалось особеннаго, но для всякаго, кто хорошо его зналъ, было ясно, что дѣло не ладно. Онъ былъ возбужденно, лихорадочно веселъ, лицо его стало багровымъ, а глаза—совсѣмъ круглыми. Да, необходимо было взять его, сію же минуту, домой.

Это было какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ залѣ царилъ полный хаосъ. Лакеи метались, убирая посуду, составлялась партія въ винтъ, мужчины тащили стулья для дамъ, кто кричалъ, кто хохоталъ, кто взывалъ, чтобы дали ему вина или пива.

— Домой?—воскликнулъ Тихонъ Антонычъ на заявленіе Прасковьи Никифоровны о томъ, что имъ пора ѣхать.—Теперь-то—домой? Леонидъ Иванычъ, послушай-ка! Стой-ка, послушай, братъ!—крикнулъ онъ Грохотунскому, съ которымъ онъ былъ теперь ужь на *ты*. Тотъ со стукомъ волокъ въ это время мимо него пару стульевъ для барышенъ.—Ха-ха-ха! Вотъ жена тутъ бунтуетъ. Ха-ха-ха! Тащитъ домой! Каково?

— Ни за что!—энергически потрясъ Грохотунскій въ отвѣтъ своею гривой, исчезая со стульями.

— Видишь? Не смѣю! Ха, ха, ха! Погоди, еще попрошусь. Андрей Ардальонычъ! Ваше превосходительство! Андрей Ардальонычъ! Вотъ тутъ жена у меня...—крикнулъ онъ было директору, который озабоченно совѣщался о чемъ-то съ Кукишемъ, Абецессомъ и о. Братолюбовымъ и, очевидно, его не слыхалъ, потому что они, въ ту же минуту, вмѣстѣ всѣ четверо пошли и скрылись за дверью.

— Уговорите его, Валерьянъ Алексѣичъ,—шепнула Прасковья Никифоровна молча слушавшему это все Феноменову.

— Послушай, поѣдемъ-ка, братъ,—обратился было тотъ къ Тихону Антонычу.

Но въ эту минуту раздалось восклицаніе:

— Здравствуйте, Тихонъ Антонычъ!

И передъ Тихономъ Антонычемъ возникъ, неизвѣстно откуда, словно съ неба свалился, красивый блондинъ съ бородой, котораго здѣсь до сихъ поръ не было и который, вѣроятно, сейчасъ только что сюда появился. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на Тихона Антоныча, улыбаясь загадочной, безмолвной улыбкой.

— Не узнаете меня, Тихонъ Антонычъ?

— Извините... я... вы... въ первый разъ...—лепеталъ въ недоумѣніи тотъ.

— Пересвѣтовъ. Теперь, можетъ, помните?

— Какъ? Боже мой! Пересвѣтовъ! Тотъ самый мальчикъ, который...

— Вотъ, вотъ, именно, «тотъ самый мальчикъ, который»...—засмѣялся красивый блондинъ.—Значитъ, не забыли меня?

— Господи! Да какъ же забыть. Боже мой! Пересвѣтовъ, котораго хотѣли исключить изъ гимназіи, а потомъ... Какъ сейчасъ помню все! «Мериносъ!» Ха, ха, ха!—восклицалъ и хохоталъ одновременно Тихонъ Антонычъ, пожимая горячо руки тому прежнему мальчику, съ курчавой шапкой волосъ и въ разорванномъ постоянно мундирчикѣ, который, въ эти послѣдніе дни, возникалъ не разъ въ его памяти, а теперь стоялъ передъ нимъ, улыбаясь, въ образѣ красиваго господина въ безукоризненномъ фракѣ, захохоталъ еще разъ сорвавшейся съ губъ его кличкѣ, отеръ слезы и кончилъ тѣмъ, что крѣпко его стиснулъ въ объятіяхъ и облобызалъ въ обѣ щеки.

— А теперь позвольте васъ познакомить съ женою моей,—сказалъ Пересвѣтовъ, и передъ Тихономъ Антонычемъ очутилась молодая, нарядно-одѣтая дама, съ блестѣвшимъ на платьѣ серебрянымъ знакомъ «Ж. В.»—Женщина-врачъ, честь имѣю представить.

— Которая проситъ включить и ее въ число вашихъ добрыхъ

друзей, Тихонъ Антонычъ,—сказала жена Пересвѣтова, сердечно сжимая руку Тихона Антоныча въ обѣихъ своихъ.—Заочно я уже знаю и люблю васъ давно!

Затѣмъ Тихонъ Антонычъ оказался вдругъ за столомъ—тѣмъ самымъ, на которомъ прежде стояла закуска; по правую руку его сидѣла жена Пересвѣтова, а наискось—самъ Пересвѣтовъ, который разливалъ по стаканамъ потребованную имъ бутылку шампанскаго, потомъ чокнулся и воскликнулъ, обращаясь къ женѣ:

— И ты тоже должна выпить за здоровье Тихона Антоныча, Женичка!

— Непремѣнно, André,—отвѣтила та.

Пересвѣтовъ затѣмъ разсказалъ, какъ онъ узналъ случайно о юбилеѣ и какъ въ ту же минуту изъ давняго прошлаго, живо, словно все это случилось вчера, возстали передъ нимъ годы дѣтства, гимназія и личность его, Тихона Антоныча, воспоминаніе о которомъ сохранялось всегда, какъ и воспоминаніе о томъ эпизодѣ его школьной жизни, который произвелъ тогда въ немъ, въ четырнадцатилѣтнемъ мальчишкѣ, цѣлый переворотъ всего душевнаго строя. Онъ радъ теперь случаю все это высказать. Онъ не пріѣхалъ сюда раньше нарочно, чтобы не въ оффиціальныхъ, торжественныхъ фразахъ, которыхъ, вѣроятно, много здѣсь до него было сказано, а просто, отъ сердца, вотъ такъ, какъ случилось теперь, съ глазу на глазъ, вспомнить съ нимъ, Тихономъ Антонычемъ, то милое, старое время и помянуть его, вмѣстѣ съ нимъ, добрымъ словомъ.

— Давнее, невозвратное время!—сказалъ Пересвѣтовъ.—Гдѣ всѣ прежнія лица? Умеръ Черновъ. Узналъ изъ газетъ и тоже о смерти Зеленскаго. А всѣ остальные неизвѣстно куда подѣвались! Теперь я смотрю вотъ и, за исключеніемъ очень немногихъ, вижу все незнакомцевъ.

Пересвѣтовъ оглянулся вокругъ и остановилъ вниманіе на группѣ у камина, гдѣ въ это время шли о чемъ-то горячія пренія. Всѣ принуждали къ чему-то брюнетку въ палевомъ платьѣ, а та трясла отрицательно курчавой своей головой и повторяла:

— Не могу я, увѣряю же васъ!

Грохотунскій бухнулся передъ ней на колѣни, съ громомъ вязанки дровъ, сброшенной на-земь.

— О, Боже!—вскричала со смѣхомъ Цыцарская.

— Юлія Павловна! Мы васъ умоляемъ!—вопіялъ Грохотунскій, молитвенно простирая руки къ брюнеткѣ.

— Да не могу я безъ нотъ! Ха, ха, ха! Встаньте вы! Что это за глупости!

— Умру, а не встану. Я ножку у васъ поцѣлую!—и Грохотунскій потянулся, дѣйствительно, намѣреваясь поймать кончикъ щегольской, украшенной розеткой туфельки, выглядывавшей изъ-подъ оборки палеваго платья брюнетки.

Та быстро вскочила и воскликнула, шлепнувъ слегка Грохотунскаго въ маковку:

— Ну, хорошо, только отстаньте вы... шутъ!

— Ура!—крикнулъ тотъ, поднимаясь съ колѣнъ, потомъ схватилъ стулъ, на которомъ сидѣла Юлія Павловна, и поволокъ его за нею къ піянино, куда направились и всѣ остальные. Бубенцовъ велъ подъ руки барышенъ. Группа преподавателей, съ Думкеллеромъ въ центрѣ, тоже двинулась отъ своего окошка съ бутылками пива ближе къ піянино. Антонъ всталъ въ уголокъ и впился хищно глазами, сдѣлавшимися уже совершенно соловыми, въ соблазнительный вырѣзъ на платьѣ пѣвицы.

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ,
Искры гаснутъ на лету...

запѣла Юлія Павловна, аккомпанируя себѣ на піянино. Въ залѣ умолкло. Въ кружкѣ Скачкова съ компаніей шумъ громкой бесѣды упалъ сразу до шепота.

— Ну, вотъ, барыня и спрашиваетъ въ темнотѣ этого мальчика: «сколько же лѣтъ тебѣ, душечка?» — слышалось тихо, какъ продолжалъ Мокряковъ разсказъ анекдота.

На прощанье, шаль съ каймою
Ты на мнѣ узломъ стяни!

въ свою очередь продолжала пѣвица, глядя при этомъ на не спускавшаго все время съ нея пристальныхъ глазъ Бубенцова...

— «Тридцать три!»—пискнулъ тоненькимъ голоскомъ Мокряковъ, заканчивая свой анекдотъ.

— Ха, ха, ха!—разразилась компанія. Ближайшіе изъ толпы, окружавшей піанино, съ негодованіемъ на нее оглянулись.

Кто-то мнѣ судьбу предскажетъ?

И все продолжая смотрѣть въ глаза Бубенцову, Юлія Павловна тряхнувъ курчавой своей головой, съ выраженіемъ настоящей цыганки, полнымъ задора и чувственной нѣги, пропѣла:

Кто-то завтра, соколъ мой,
На груди моей развяжетъ
Узелъ, стянутый тобой?

— Бр-раво!—взревѣлъ Антонъ изъ своего уголка, весь багр

вый и съ напружившимися на вискахъ, какъ веревки, словно передъ апоплексіей, жилами.

Ночью насъ никто не встрѣтитъ,
Мы простимся на мосту!

заключила тихимъ аккордомъ пѣвица, вскочила и отошла отъ піанино.

Въ ту же минуту ее окружили. Педагоги рукоплескали. Грохотунскій припалъ къ рукѣ Юліи Павловны губами. Бубенцовъ, играя глазами, принялся ей что-то нашептывать. Скачковъ съ компаніей, въ полномъ восторгѣ, усердно себѣ отбивали ладони.

— Прелесть, что за бабецъ!—шепталъ Мухоморовъ, освободившійся теперь окончательно отъ своей меланхоліи.

— Съ ногъ сшибательная!—согласился громко Скачковъ.

— Тише, господа, опять пѣніе,—сказалъ Мокряковъ.

Дѣйствительно, у піанино виднѣлись теперь миніатюрныя сестры. Голубая барышня слабымъ голоскомъ пѣла романсъ. Ей аккомпанировала барышня въ розовомъ.

— Ну, это другой коленкоръ!—заявилъ Мухоморовъ.

И бо-ольно!
И сла-а-адко!

высокимъ сопрано, готовымъ вотъ-вотъ сейчасъ оборваться, усердно выводила голубая пѣвица.

— Ну ее, къ чорту!—махнулъ рукой Мухоморовъ.

— Ничего тоже дѣвочка!—снисходительно сказалъ Мокряковъ.

— До первой лишь стирки!—сурово рѣшилъ Мухоморовъ!

Благополучно окончившія романсъ свой разноцвѣтныя барышни были тоже награждены апплодисментами. Хлопала имъ все та же безъименная гурьба педагоговъ, игравшая въ теченіе всего вечера роль «лицъ безъ рѣчей», которыя фигурируютъ въ каждой «обстановочной» пьесѣ, въ видѣ «народа»—если она «историческая», или просто «гостей»—если она «бытовая», и необходимы въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно, по ходу пьесы, изобразить движеніе массъ, и, въ качествѣ таковыхъ, все время добросовѣстно относились къ своему амплуа. Такъ какъ дальнѣйшихъ развлеченій пока не предвидѣлось, то они всей гурьбой двинулись опять къ подоконнику съ выкинутыми тамъ ими бутылками пива, а ихъ жены, каменѣвшія въ это время на стульяхъ, отдѣльнымъ кружкомъ, подъ предсѣдательствомъ Прасковьи Никифоровны, вернулись къ прерваннымъ своимъ разговорамъ.

Внѣ окружающаго, глухъ и слѣпъ ко всему, что происходитъ, остается одинъ Тихонъ Антонычъ. Пѣніе, музыка, рукоплесканія, крики, все это для него — одинъ безразличный, безсмысленный шумъ, въ которомъ нѣтъ ничего, что было бы достойно вниманія, напротивъ, все это только мѣшаетъ ему вести разговоръ съ Пересвѣтовымъ, и онъ совершенно увѣренъ, что и самъ Пересвѣтовъ тяготится такъ же, какъ онъ, и радъ былъ бы уйти куда-нибудь съ нимъ подальше отъ всей этой безсмыслицы, чтобы продолжать по душѣ съ нимъ бесѣду. А Тихону Антонычу, вѣдь, нужно такъ много сказать Пересвѣтову! Онъ долженъ ему объяснить, почему для него, старика, прожившаго вѣкъ тихо, скромно въ углу своемъ, котораго сегодня такъ безпримѣрно почтили, дороже всего, всякихъ рѣчей, поздравленій, подарковъ—одно только то, что вотъ онъ сидитъ теперь съ нимъ, Пересвѣтовымъ («*мериносомъ*, ха, ха! помните, какъ звали васъ, дорогой мой? простите!») и можетъ передъ нимъ излить все, что онъ перечувствовалъ за это послѣднее время! Вѣдь, му́ки-то сколько! Мыслей-то какихъ, самыхъ ужасныхъ! Что онъ такое? Безполезный, бременящій землю старикъ. Такъ онъ думалъ, и у Бога даже смерти просилъ. Но недавно онъ понялъ, вдругъ, сразу, словно что-то пронзило его,—онъ понялъ, что ничто, ничто не безполезно на свѣтѣ, и онъ самъ еще не совсѣмъ старый хламъ, и жизнь его не совсѣмъ прошла даромъ, — онъ узналъ давеча это, когда стоялъ тутъ, одинъ, вотъ передъ этимъ окномъ, и смотрѣлъ, какъ на небѣ свѣтятся звѣзды. И онъ о многомъ, многомъ передумалъ тогда! Онъ не можетъ развить это ясно, словъ у него такихъ нѣтъ, но онъ знаетъ, что Пересвѣтовъ его понимаетъ, и вотъ она, Евгенія Ѳедоровна, тоже его понимаетъ,—о, она-то ужъ непремѣнно, своей чуткой женской душой его понимаетъ («дайте ручку сюда, дорогая, хорошая! Я у васъ ее поцѣлую, вотъ такъ! Эхъ, и ручка-то, ручка какая!»), потому что кому, какъ не женщинѣ свыше дано постигать то неизъяснимое, тонкое, что кроется въ нашей душѣ и чему иногда нельзя найти словъ? И онѣ всѣ, всѣ таковы, и нѣтъ иного, болѣе вѣрнаго, безкорыстнаго друга, который можетъ болѣть за васъ сердцемъ и радоваться вашею радостью,—о, даже больше, больше гораздо,—и онъ это знаетъ, у него примѣръ на глазахъ—Прасковья Никифоровна, съ которой онъ прожилъ почти сорокъ лѣтъ, и вотъ она скажетъ сейчасъ же, при нихъ, какъ она мучилась вмѣстѣ съ нимъ эти дни, и что она теперь чувствуетъ. Она здѣсь, и онъ сейчасъ же ее позоветъ. «Прасковья Никифоровна! Прасковья Никифоровна! Гдѣ же она?»—заволновался Тихонъ Антонычъ.

Но, вмѣсто Прасковьи Никифоровны, къ нимъ подошелъ Валерьянъ Алексѣичъ.

Онъ только-что съ нею простился. Прасковья Никифоровна объявила ему, что не можетъ дольше здѣсь оставаться и уѣзжаетъ домой.

— Ужь поѣду одна, безъ него!—говорила Феноменову Прасковья Никифоровна, вызвавъ его въ корридоръ.—Съ Тихономъ Антонычемъ, видите сами, нѣтъ сладу! Не силкомъ же тащить его! Охъ, и боюсь я! Совсѣмъ онъ на себя не похожъ, никогда я его такимъ не видала! А и такъ разсудить—какъ же быть-то? Всякій, кого ни возьми, развинтился бы тоже! Живой человѣкъ! Что и было-то! Господи! Съ ума спятить можно! Я сама какъ чумная! Вотъ, говорю теперь съ вами, а у самой въ головѣ словно шарики прыгаютъ!

Дѣйствительно, видъ у нея былъ совсѣмъ необычный. Горделивое выраженіе тріумфа замѣнилось теперь отпечаткомъ какой-то подавленности, соединенной съ растерянностью. Видно было, что она вся разбита, измучена массой всѣхъ впечатлѣній, сыпавшихся на нее безпрерывно, какъ изъ мѣшка, цѣлый вечеръ, и ей настоятельно нужно придти въ себя, успокоиться, въ привычной своей обстановкѣ. Къ этому присоединилась еще тревога за мужа, почему она и вызвала за собой, въ корридоръ, Феноменова.

— Боюсь, заболѣетъ онъ у меня! Голубчикъ, Валерьянъ Алексѣичъ, ради Христа, поберегите его, присмотрите за нимъ безъ меня, да уговорите ѣхать домой. Удержите, чтобъ больше онъ не пилъ вина! На васъ моя вся надежда! Да какъ-нибудь шепните ему, чтобы онъ себѣ галстукъ поправилъ: орденъ совсѣмъ у него на ухо вылѣзъ. Ну, прощайте пока. Пожалуйста, еще разъ васъ прошу! Я и спать не стану ложиться, буду все ждать. Готово? Хорошо увязалъ? Ну, спасибо, дружокъ!

Послѣднее относилось къ лакею, который, тѣмъ временемъ, успѣлъ обвернуть газетной бумагой и перевязать крестъ на крестъ веревочкой папку, заключавшую адресъ, вмѣстѣ съ юбилейнымъ подаркомъ, и съ поклономъ ей подалъ этотъ, довольно тяжелый пакетъ, который Прасковья Никифоровна подхватила подъ мышку и медленно съ нимъ направилась къ выходу, а Валерьянъ Алексѣичъ вернулся обратно къ пирующимъ.

— Другъ! Это ты?—воззвалъ Тихонъ Антонычъ.—Гдѣ жена? Куда она спряталась? А, уѣхала домой, говоришь? Сейчасъ только уѣхала? Ну, и отлично! Христосъ съ ней, голубушкой! Утомилась, бѣдняжечка! Что такое? Что еще ты бубнишь? Просила, чтобъ я

тоже ѣхалъ домой? Чепуха! *Сегодня мой день*! Куда ты пошелъ? Погоди. Я хочу тебя познакомить. Евгенія Ѳедоровна, Андрей Николаичъ, позвольте васъ познакомить. Валерьянъ Феноменовъ, первѣйшій мой другъ! Превосходнѣйшій! Не правда ли, чучело? Только вы на это не обращайте вниманія. Онъ съ виду свирѣпъ, а на самомъ дѣлѣ—чудеснѣйшій. Ха, ха, ха, посмотрите, рожу-то, рожу-то какую онъ сдѣлалъ! Ха, ха, ха! Охъ, чучело, чучело! Ха, ха, ха! Ой, умру! Ха, ха, ха!

И Тихонъ Антонычъ упалъ головою на столъ, не въ силахъ долѣе выносить вида пріятеля, который обмѣнивался въ это время съ Пересвѣтовыми рукопожатіями, бормоча что-то сквозь зубы и съ такимъ выраженіемъ, будто готовъ былъ удавить ихъ обоихъ. Прохохотавшись и отерѣвъ съ лица слезы, Тихонъ Антонычъ стукнулъ кулакомъ по столу и крикнулъ пробѣгавшему мимо въ эту минуту лакею:

— Шампанскаго!

Съ нимъ дѣйствительно не было сладу! Онъ уцѣпился за фалду сюртука Феноменова и усадилъ его насильно на стулъ, потомъ схватилъ его руку и соединилъ ее съ рукой Пересвѣтова, убѣждая обоихъ, чтобъ они полюбили другъ друга; продѣлалъ ту же исторію съ рукой Евгеніи Ѳедоровны, заставляя Феноменова поцѣловать эту руку, и та выручила Валерьяна Алексѣича изъ этой бѣды только тѣмъ, что со смѣхомъ отняла отъ него свою руку. Когда лакей раскупорилъ и розлилъ по стаканамъ шампанское, онъ выпилъ залпомъ изъ своего почти половину, съ силой имъ стукнулъ о столъ, такъ что вино расплескалось, и крикнулъ: «Ура!» Затѣмъ обратилъ онъ вниманіе на Скачкова съ компаніей, которые о чемъ-то теперь шумѣли и спорили, причемъ прыщеватый юноша Цуцкинъ, совсѣмъ уже пьяный, стоялъ на ногахъ, шатаясь и опираясь руками о столъ, и качалъ своимъ длиннымъ носомъ чуть не надъ самымъ лицомъ Мокрякова, а тотъ, развалившись на стулѣ, смѣялся ему прямо въ глаза.

— В-вы н-не имѣете п-права... — заикаясь и заплетаясь, горячился блѣдный весь Цуцкинъ, ворочая слова, словно камни.- В-вы обругали меня де-декадентомъ!

— Ха, ха, ха, ну такъ что же?

— Я челородный благолѣкъ.

Тутъ шумъ усилился. Мокряковъ захохоталъ во все горло. Скачковъ воскликнулъ: «Благолѣкъ!... Превосходно!»—и захлопалъ в ладоши. Тычинкинъ увѣрялъ, что Цуцкинъ не такъ понялъ слов

Орлянкинъ его успокоивалъ. Мухоморовъ сказалъ коротко: «Вамъ пора спать!»

Тихона Антоныча это все восхитило.

— Молодежь! Горячая кровь! О чемъ споръ? Идите сюда, молодежь!

Сперва это произвело на нихъ мало воздѣйствія, но Тихонъ Антонычъ продолжалъ такъ настойчиво звать, что Скачковъ, Мокряковъ и Тычинкинъ подошли къ столу Пересвѣтовыхъ, бросивъ пьянаго Цуцкина, между тѣмъ какъ Мухоморовъ съ Орлянкинымъ остались его успокоивать.

Присутствіе новыхъ элементовъ придало бесѣдѣ пущее еще оживленіе. Тихонъ Антонычъ еще выпилъ шампанскаго—и все говорилъ, говорилъ... Онъ углубился въ воспоминанія прошлаго, разсказывалъ о первыхъ временахъ своей учительской дѣятельности, причемъ повѣдана была исторія съ Пересвѣтовымъ, вспоминалъ о прежнихъ товарищахъ. Рѣчь его лилась неудержимымъ потокомъ, нестройно, стремительно, съ шумомъ и пѣной, скача черезъ подводные камни, въ видѣ перебивавшихъ отъ времени до времени ее замѣчаній, которыя дѣлали слушатели и на которыя не обращалъ онъ вниманія, какъ не обращалъ онъ вниманія на тяготѣвшій все время на немъ неотводно взоръ Феноменова, съ выраженіемъ, способнымъ испепелить въ одно мгновеніе каждаго смертнаго, которому пришлось бы подвергнуться этому взору, или, по меньшей мѣрѣ, заставить его замолчать. Онъ все говорилъ, говорилъ, не замѣчая, что молодежь перестала ужъ слушать его, что между Скачковымъ и Мокряковымъ завязался какой-то отдѣльный свой разговоръ, что къ нимъ подошли Орлянкинъ и Мухоморовъ и что-то сказали имъ, послѣ чего тѣ встали и удалились всѣ вмѣстѣ, что, наконецъ, и Пересвѣтовъ съ женой обмѣнялись между собой вполголоса какими-то фразами, а затѣмъ тоже поднялись съ своихъ мѣстъ и стали прощаться, говоря, что имъ пора ѣхать.

Юлія Павловна тоже заявила желаніе ѣхать.

— Господа, кто-нибудь долженъ меня проводить, — сказала она, окидывая глазами образовавшуюся вокругъ нея группу.— Къ сожалѣнію, мой кавалеръ, кажется, теперь уже не въ силахъ на это.

Дѣйствительно, Цуцкинъ былъ совсѣмъ уже плохъ.

«Кто-то завтра, соколъ мой,
На груди моей развяжетъ
Узелъ, стянутый тобой?...»

съ выраженіемъ произнесъ Бубенцовъ, впиваясь пристальнымъ взоромъ въ брюнетку.—Ахъ, кто тотъ несчастный, котораго жестокій рокъ приведетъ...

— Вы, во всякомъ случаѣ, далеки отъ этой опасности,—прервала его та, скользнувъ глазами по повисшимъ на обоихъ локтяхъ его миніатюрнымъ фигуркамъ голубой и розовой барышенъ.

— Меня спасаютъ отъ этого Любовь и Вѣра.

— Опоры самыя крѣпкія... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, кто же проводитъ меня?

— Готовъ! На край свѣта!—воскликнулъ, пылая весь, Грохотунскій.

— А жена?... Нѣтъ, не хочу брать грѣха на душу! Да и что толку въ женатомъ?

— Я холостой! — выскочилъ впередъ вдругъ Антонъ. — Разрѣшите, сударыня! Готовъ съ вами хоть на сѣверный полюсъ! Клянусь! Какъ честной человѣкъ! Эхъ, прокачу!... То-есть такъ пр-рокачу... То-есть, мм!... — прорычалъ даже Антонъ, залихватски закрутивъ одинъ усъ и изподлобья, злодѣйски, смотря на брюнетку.

Та попятилась отъ него въ комическомъ ужасѣ, воскликнувъ со смѣхомъ:

— Богъ съ вами, вы для меня слишкомъ опасны!

— Можетъ быть, смѣю я предложить вамъ услуги?—молвилъ, съ скромнымъ поклономъ, Орлянкинъ.

— Очень рада! Мегсі, принимаю ихъ съ благодарностью,—отвѣтила палевая очаровательница и, сдѣлавъ общій поклонъ, направилась къ выходу, сопутствуемая своимъ кавалеромъ.

— Мм... чортова баба!—промычалъ самъ съ собою, имъ вдогонку, Антонъ.

Въ швейцарской Тихонъ Антонычъ трогательно прощался съ четой Пересвѣтовыхъ.

— Я увѣренъ, Тихонъ Антонычъ, что вы насъ посѣтите,—говорилъ ему Пересвѣтовъ.

— Непремѣнно должны посѣтить насъ, Тихонъ Антонычъ,—подтвердила жена его.

— Вы помните, что я далъ вамъ свою визитную карточку? На ней есть мой адресъ,—сказалъ опять Пересвѣтовъ.

— Вотъ она! Спрятана!

Тихонъ Антонычъ, не безъ труда, вытащилъ изъ бокового кармана визитную карточку и прочелъ вслухъ:

— «Андрей Николаевичъ Пересвѣтовъ, присяжный повѣр-ный». Помню, все помню! Ничто не забыто! Все памятно! И са-ой

этотъ счастливѣйшій день... И то, что прежній мой ученикъ, «мериносъ», черезъ двадцать лѣтъ вспомнилъ и почтилъ старика... Не умретъ никогда! Вотъ оно гдѣ! Навсегда! Запечатано! — Тихонъ Антонычъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ, потомъ заключилъ въ объятія свои Пересвѣтова и держа его въ нихъ, прильнувъ, въ то же время, головой къ плечу его, воскликнулъ растроганнымъ голосомъ:— Голубчикъ! Неужели такъ и разстанемся? Сейчасъ вотъ такъ и разстанемся?... А сколько въ душѣ... Эхъ!... Подарилъ бы часокъ еще... а! Подари, голубокъ! Евгенія Ѳедоровна! Золотая моя! Брилліантовая! Упросите его, чтобъ онъ подарилъ еще хоть часочекъ!... а? Дорогіе мои!

— Невозможно, Тихонъ Антонычъ, — возражалъ, съ трудомъ дыша, Пересвѣтовъ, котораго Тихонъ Антонычъ все не выпускалъ изъ объятій.—Вы помните, я говорилъ, что у насъ именинница... свояченица...сестра вотъ ея...Нужно къ ней...Она ждетъ.

— Ну, что-жъ...коли такъ...—горько вздохнулъ Тихонъ Антонычъ, отклоняясь отъ груди Пересвѣтова.—А, можетъ, она подождетъ?... А?... Еще подождетъ? Можетъ, она тоже добрая?

— Она очень добрая и хорошая дѣвушка, Тихонъ Антонычъ, и потому-то мы не хотимъ ее огорчать... Вотъ вы и съ ней познакомитесь... Такъ слышите, помните? Вы всегда у насъ гость дорогой! Такъ и знайте. Нашего сынишку увидите... Тоже и онъ «мериносъ», только пока еще маленькій!—прибавилъ Пересвѣтовъ со смѣхомъ.

Въ то время, какъ совершалось это изліяніе чувствъ, тутъ же, въ сѣняхъ, происходило другое прощанье. На деревянномъ диванчикѣ, въ барашковой шапочкѣ, сидѣла Юлія Павловна, Орлянкинъ держалъ на-готовѣ передъ ней въ распростертыхъ рукахъ мѣховую ротонду, а Грохотунскій, сбѣжавшій сверху за ними во слѣдъ, заявляя, что онъ непремѣнно долженъ проститься какъ слѣдуетъ, съ Юліей Павловной въ колѣнопреклоненной позѣ, надѣвалъ на ножки ея высокіе ботики. Совершалъ онъ это съ чувствительною церемоніей, состоявшей въ томъ, что, прежде чѣмъ ихъ обуть, онъ держалъ каждую въ рукахъ нѣсколько времени, любовался и прижималъ даже къ сердцу, восклицая восторженно:

— Сирена! Очаровательница! Отчего вы признаете лишь хо[л]одныхъ?

Юлія Павловна, смѣясь и сердясь одновременно, вырывала у [н]его свою ногу, крича:

— Да отстаньте вы! Скоро ли? Это, наконецъ, ужъ несносно!

— Ѣдемъ домой! Слышишь? — сурово говорилъ, между тѣмъ,

Валерьянъ Алексѣичъ, поймавъ юбиляра, въ то время, какъ тотъ, простившись окончательно уже съ Пересвѣтовыми, хотѣлъ войти въ залу.— И пить больше не смѣй! Ты совсѣмъ «помолодѣлъ» ужъ, я вижу! Ишь, галстукъ-то! Давай-ка сюда.—Феноменовъ, притиснувъ Тихона Антоныча въ уголъ, привелъ въ порядокъ его алую ленту съ орденомъ Анны, пробиравшимся теперь уже на самый затылокъ, потомъ ухватилъ его за бортъ фрака, какъ будто Тихонъ Антонычъ былъ воръ, котораго слѣдовало сейчасъ же доставить въ участокъ, а онъ самъ, Валерьянъ Алексѣичъ — накрывшій съ поличнымъ его полицейскій, и потащилъ къ двери на лѣстницу.—Ну, ѣдемъ домой! Побезобразничалъ, будетъ! Пора тебѣ спать!

— Домой? Теперь? — воскликнулъ Тихонъ Антонычъ. — Валерьянъ! Понимаешь ли ты, что говоришь-то?... Ѣхать домой, когда вся душа... Спать!... Да развѣ могу я заснуть?... Ну, хорошо, ладно, поѣдемъ! Только не спать, не домой, а просто на воздухъ... За городъ, да! Въ «Хижину дяди Тома» поѣдемъ! Я долженъ тебѣ разсказать... Знаешь ли ты, что я до сихъ поръ бродилъ какъ въ потьмахъ, какъ во снѣ?... Все, все сонъ вокругъ... и даже этотъ вотъ самый мой юбилей, если хочешь... даже ты самъ вотъ... все это сонъ, одни призраки!... Одно только и существуетъ на свѣтѣ, чего даже не знаешь, живешь дуракомъ цѣлый вѣкъ, а оно существуетъ, и вдругъ, сразу, тебѣ и откроется!... Вотъ и мнѣ оно тоже открылось, давеча, когда я стоялъ у окошка... Я увидѣлъ звѣзду... Ахъ, Валерьянъ!

— Ну, еще какую звѣзду тамъ!... Ѣдешь ты, что ли, или тащить тебя нужно за шиворотъ?

— Ты спрашиваешь, какую звѣзду... Эта звѣзда сіяла мнѣ съ неба и сказала вдругъ мнѣ... Эхъ, да не могу-жь я тебѣ сейчасъ объяснить!

И Тихонъ Антонычъ, упавъ на грудь Феноменова, внезапно залился слезами.

Въ большомъ кабинетѣ, гдѣ гремитъ раскатами хоръ, Тихонъ Антонычъ ораторствуетъ среди молодежи. Онъ сидитъ въ креслѣ, а слушатели его размѣстились полукругомъ, на стульяхъ. О чемъ говоритъ Тихонъ Антонычъ? Трудно отвѣтить. Съ одн стороны—это какой-то сложный, но безсвязный разсказъ, съ др гой—рядъ лирическихъ возгласовъ и отвлеченныхъ сентенцій, к торыми онъ старается въ чемъ-то убѣдить своихъ слушателей. Он весь кипитъ и горитъ чѣмъ-то, что проникаетъ все его существ и, вѣроятно, ему самому кажется глубоко-понятнымъ и трогате нымъ, но, говоря по всей справедливости, врядъ ли можетъ бы

уловимо для постороннихъ, въ теперешнемъ его изложеніи. Во всемъ этомъ Пересвѣтовъ занимаетъ главное мѣсто, и особенно жена его, Евгенія Ѳедоровна, которую онъ величаетъ ангельской женщиной. Тотчасъ же затѣмъ непосредственно переходитъ онъ къ своей Прасковьѣ Никифоровнѣ, которая оказывается добрымъ геніемъ всей его жизни.

— Гдѣ она? Гдѣ жена?— восклицаетъ Тихонъ Антонычъ, озираясь вокругъ, потомъ вспоминаетъ, что она ужъ уѣхала, и, наклонившись къ Тычинкину, сообщаетъ ему таинственнымъ шепотомъ:—Дома она... Устала, голубушка... Спитъ.— Затѣмъ онъ опрокидывается опять въ свое кресло, нахмуриваетъ брови и, пристально смотря на Тычинкина, говоритъ строгимъ тономъ:—А я вотъ здѣсь... пьянствую... старый безпутный дуракъ!—Тихонъ Антонычъ тяжко вздыхаетъ и нѣсколько времени покачиваетъ головой въ безмолвіи, какъ бы оплакивая предосудительное свое поведеніе, устремивъ горестный взоръ въ неопредѣленную даль, потомъ вдругъ хитро улыбается и, игриво подмигнувъ собесѣднику, спрашиваетъ:—Правда, голубчикъ, а?... Скажи мнѣ по совѣсти!

— Нисколько!—возражаетъ, отрицательно тряся головою, Тычинкинъ.

— Ну, и пусть! Все равно! Мнѣ можно простить. Можно, вѣдь, а?

— Несомнѣнно!—соглашается быстро Тычинкинъ.

Изъ всей юной компаніи онъ единственный его внимательный слушатель. Прочимъ Тихонъ Антонычъ, повидимому, давно уже надоѣлъ. Съ нѣкоторымъ еще интересомъ, хотя исключительно юмористическимъ, относится къ нему только Скачковъ. Когда Тихонъ Антонычъ сдѣлалъ воззваніе къ отсутствующей Прасковьѣ Никифоровнѣ, онъ толкнулъ въ бокъ Мокрякова и воскликнулъ со смѣхомъ:

— Потѣха!

Но Мокряковъ, очевидно, не солидаренъ съ Скачковымъ. Онъ пересталъ совсѣмъ слушать, о чемъ говоритъ Тихонъ Антонычъ, и весь отдался какой-то особенной, внутренно его грызущей заботѣ. По временамъ у него вырываются нетерпѣливые жесты, или, напротивъ, онъ разражается страшной зѣвотой, послѣ чего шепчетъ Скачкову:

— Ну, когда же этому будетъ конецъ? Ей-Богу, ужъ надоѣло!

— Погоди,—отвѣчаетъ ему тотъ вполголоса. (Они уже всѣ мы съ собою на *ты*).

— Я думаю, лучше ужъ всѣмъ намъ по домамъ, да и спать.

— Вздоръ! Непремѣнно поѣдемъ.

— Чего же мы ждемъ?!—волнуется опять Мокряковъ.—Чортъ съ нимъ, съ Тычинкинымъ! Чего онъ прилипъ къ старикашкѣ, понять не могу! Право, наплюемъ на Тычинкина, пусть его няньчится съ нимъ!

— Глупости! Всей компаніей не впримѣръ любопытнѣе!

— А Мухоморовъ поѣдетъ?

— Хотѣлъ.

Но въ настоящій моментъ Мухоморовъ, очевидно, ничего ужъ не хочетъ. Онъ сидитъ, разслабленно распустившись на стулѣ, не то спитъ, не то разбитъ апоплексіей. Глаза его тупо вытаращены и неподвижны, углы рта оттянуты книзу, но въ лицѣ еще брежжится слабая жизнь, посвященная, по всѣмъ видимостямъ, одному вопросу, который меланхолическій молодой человѣкъ мучительно теперь разрѣшаетъ:—повѣситься или утопиться?

Скачковъ обращаетъ на него внимательный взоръ, наклоняется и о чемъ-то его шепотомъ спрашиваетъ.

— Поѣдешь ты, что ли?—прибавляетъ онъ громко.

Мухоморовъ весь встряхивается, будто къ нему прикоснулись острою булавкой, и отвѣчаетъ съ удивительною живостью:

— Да, да, да! Ѣдемъ, ѣдемъ сейчасъ!

Онъ порывается съ мѣста и начинаетъ вставать, но такъ какъ всѣ пребываютъ пока неподвижны, разслабленно опять упадаетъ на стулъ, принимаетъ прежнее свое положеніе и погружается снова въ мучительное разрѣшеніе той же задачи:—повѣситься или утопиться?

Скачковъ глядитъ на него и разражается смѣхомъ. Мокряковъ также смотритъ на Мухоморова, потомъ переноситъ взглядъ на Тычинкина, съ негодованіемъ пожимаетъ плечами и шепчетъ Скачкову:

— Оба пьяны какъ стельки! Чувствую, что не будетъ тутъ толку! Убрать бы Сыча куда-нибудь къ чорту! Чего онъ не ѣдетъ домой?!

— Я почемъ знаю? Что ты ко мнѣ привязался?!

— Чего смотритъ этотъ чертище?!—шипитъ Мокряковъ, кипя уже злобой и устремляя ненавистный взглядъ на Феноменова, который сидитъ тутъ же, поодаль отъ всей этой группы, и не сводитъ своихъ мрачныхъ глазъ съ юбиляра.

Феноменовъ рѣшилъ про себя покориться всему, оставать здѣсь хотя бы даже до бѣлаго свѣта, еслибъ это потребовалось, но отнюдь не упускать Тихона Антоныча изъ-подъ своего наблюденія. Отвезти его скоро домой онъ ужъ отчаялся. На всѣ обращенныя къ нему убѣжденія Тихонъ Антонычъ отвѣчалъ рѣзкимъ от

зомъ, обнаруживая явные признаки бунта. Теперь Валерьянъ Алексѣичъ молча сидитъ, зловѣще смотритъ на всю молодую компанію и ждетъ, чѣмъ все это кончится.

А въ это время Тихонъ Антонычъ, положивъ обѣ руки на плечи своего неизмѣнно-терпѣливаго слушателя, патетически ему говорилъ:

— Ты съ сердцемъ, голубчикъ, я вижу... Стой, не возражай мнѣ!... Я все понимаю... Ты чувствуешь, что̀ во мнѣ происходитъ... Чувствуешь, а?

— Чувствую,—отвѣчалъ твердо Тычинкинъ.

— Ну, такъ вотъ что теперь я скажу тебѣ.—Тихонъ Антонычъ сдѣлалъ короткую паузу, и, пристально глядя въ глаза собесѣднику, какъ бы заранѣе наслаждаясь долженствующимъ получиться эффектомъ, объявилъ торжественнымъ тономъ и раздѣляя слова по слогамъ:—*До-мой се-го-дня я не-по-ѣ-ду!*

— Вотъ тебѣ клюква!—пробормоталъ Мокряковъ.

— Не поѣду!—твердо повторилъ Тихонъ Антонычъ.—А? Что ты скажешь на это?

— Гм... Почему?—съ философскимъ спокойствіемъ спросилъ собесѣдникъ.

— Душа преисполнена!—воскликнулъ Тихонъ Антонычъ.—Ты понимаешь, что я теперь совсѣмъ другой человѣкъ... Не могу я домой!... Что тамъ у меня?... Жена спитъ... Тришка въ клѣткѣ. Эхъ!... Могу я развѣ заснуть?... Не это мнѣ нужно! Душа нѣжная, кроткая, женская... душа, которая можетъ понять, что мнѣ, старику, нужно сочувствіе... глупому, пьяному... Да, самъ знаю, что пьянъ!... Можно простить меня, а?... Отвѣчай откровенно!

— Можно!—согласился Тычинкинъ.

— У тебя золотая душа!—обнялъ за шею Тычинкина Тихонъ Антонычъ и, приникнувъ къ плечу его, воскликнулъ восторженно:—Ѣдемъ! Ѣдемъ съ тобой! Ѣдемъ всѣ! всей компаніей!

— Куда?—въ одинъ голосъ спросили Скачковъ, Мокряковъ и Тычинкинъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ! сейчасъ!—пробормоталъ за себя Мухомо-ровъ и зашевелился на стулѣ, собираясь подняться.

— Къ нимъ, къ Пересвѣтовымъ, ѣдемъ! Къ Евгеніи Ѳедоровнѣ! Къ «Мериносу», доброму, славному моему «Мериносу» поѣдемъ! Къ свояченицѣ... Свояченица есть у него... Славная тоже!... Беременница сегодня она. Мальчишка у нихъ! Ѣдемъ!... И его то-

же возьмемъ, Валерьяна возьмемъ... Валерьянъ, ты тоже съ нами поѣдешь!... И не смѣй ничего говорить!... Баста! Сегодня мой день.

— Ѣдемъ!—подтвердилъ Мокряковъ.— Забирай Тычинкина, а я возьму Мухоморова. Боюсь, съ Сычомъ у насъ будетъ возня. Напрасно ты это придумалъ.

— Не безпокойся, все выйдетъ отлично! Главное, весело! Теперь, вѣдь, все равно, отъ него не отдѣлаешься.

— Ну, смотри, чтобы потомъ не раскаяться.

— Вздоръ! Ну, гайда!

Оба поспѣшно направились въ залу.

— Ѣдемъ, Тычинкинъ!

— Вставай, Мухоморовъ!

— Ѣдемте, братцы!—воскликнулъ Тихонъ Антонычъ, обнаруживая необыкновенную живость и даже стремительность. Онъ вскочилъ съ кресла и, обхвативъ за талію Тычинкина, прибавилъ:— Мы сядемъ вмѣстѣ!

Но тутъ вдругъ ноги его проявили наклонность идти въ разныя стороны, а потому Скачковъ и Тычинкинъ принуждены были подхватить его подъ руки. Не взирая на то, Тихонъ Антонычъ продолжалъ повторять, что они сейчасъ ѣдутъ, всѣ ѣдутъ, цѣлою компаніей, что стѣсняться имъ нечего, потому что онъ знаетъ людей, съ которыми ихъ всѣхъ познакомитъ, и имъ будетъ одно удовольствіе, потому что это люди особенные и т. д., все въ этомъ же родѣ.

Въ сѣняхъ онъ досталъ съ немалымъ трудомъ изъ кармана визитную карточку, врученную давеча ему Пересвѣтовымъ и представшую теперь въ довольно измятомъ и испачканномъ видѣ, и настоялъ, чтобы отъ него ее взяли, въ качествѣ указанія, куда нужно ѣхать... Затѣмъ вся компанія двинулась къ выходу.

Они были уже въ самыхъ дверяхъ, какъ съ улицы, прямо грудь въ грудь, имъ на встрѣчу ввалились въ швейцарскую трое какихъ-то субъектовъ. Одинъ былъ съ черною повязкой на правомъ глазу, другой рыжеватый, безъ всякихъ особыхъ примѣтъ, а физіономія третьяго скрывалась за поднятымъ кверху воротникомъ его шубы. Всѣ они были пьяные...

Мокряковъ съ многозначительнымъ видомъ толкнулъ подъ бокъ Скачкова и быстро спросилъ:

— Узнаёшь?...

Въ то время, когда вся компанія поочередно выходила на улицу, въ сѣняхъ происходилъ діалогъ.

— Гдѣ тутъ юбилей Промокаева? — спрашивалъ швейцарскій субъектъ съ черною повязкой.

— Не Промокаева, а Непромокаева,—сдѣлалъ поправку рыжеватый товарищъ.

— Я говорю—Промокаева!

— А я говорю—Непромокаева!

— Врешь ты, Смолёный!

— Самъ ты врешь, Яшка!...

VI.

— Изво-ощикъ!—завопилъ Мухоморовъ.

Справа и слѣва, съ ближайшихъ стоянокъ и изъ разныхъ пространствъ, примчалась и оцѣпила ихъ цѣлая стая извощичьихъ санокъ, немедленно поднявшая между собою борьбу, въ которой, однако, взялъ верхъ владѣлецъ четырехмѣстной кареты, предложившій за сходную плату отвезти всю компанію, куда ей будетъ угодно. Побѣда осталась за нимъ, и всѣ тотчасъ же принялись размѣщаться. Сперва былъ водворенъ Тихонъ Антонычъ, продолжавшій настаивать на своемъ желаніи сидѣть вмѣстѣ съ Тычинкинымъ. Но этотъ молодой человѣкъ, къ крайнему разочарованію и негодованію всѣхъ, неожиданно обнаружилъ намѣреніе покинуть компанію и ѣхать домой. Всѣ убѣжденія были безплодны, Тычинкинъ стоялъ на своемъ, оказывая большое упорство и заявляя прямое неодобреніе этой поѣздкѣ. Онъ даже возмущался этой поѣздкой, какъ могъ уразумѣть Тихонъ Антонычъ изъ краткаго діалога, который произошелъ между нимъ и Скачковымъ передъ дверцей кареты, въ то время, какъ всѣ остальные сидѣли уже на мѣстахъ, готовые тронуться въ путь.

— Но это, вѣдь, глупо!—воскликнулъ Скачковъ.

— Пусть будетъ глупо,—согласился Тычинкинъ.

— Не по-товарищески!

— Ну, и отлично.

— Чортъ съ тобой, коли такъ!—разразился Скачковъ и крикнулъ кучеру, бросаясь къ карету:—пошелъ!

Дверца съ трескомъ захлопнулась. Колеса зашуршали по подмерзшему снѣгу.

Тихонъ Антонычъ чувствовалъ себя хорошо. Мягкіе толчки и покачиванія, которые производила карета, разливали чрезвычайно пріятное разслабленіе во всемъ его тѣлѣ, словно его нѣжили и баюкивали. Міръ внѣшнихъ явленій еще давеча, въ залѣ, подернулся для него какимъ-то туманомъ. Онъ слышалъ и видѣлъ, что происходило вокругъ, но звуки, если они не отвѣчали тому, что

въ тотъ самый моментъ его занимало, лишены были связи и смысла, будто они шли издалека, изъ какого-то совсѣмъ посторонняго, нездѣшняго міра, а то, что происходило вокругъ, скользило и расплывалось, не оставляя послѣ себя впечатлѣнія, какъ тѣ внезапно являющіяся и быстро опять исчезающія курьезныя фигуры людей и прихотливыя сочетанія разноцвѣтныхъ узоровъ, которыя отпечатываетъ на бѣломъ экранѣ волшебный фонарь. Теперь, когда онъ очутился въ тѣсномъ и темномъ пространствѣ кареты, все это проступило въ его головѣ въ видѣ отдѣльныхъ отрывковъ только-что пережитаго сна, въ той же безсвязности и непослѣдовательности, въ какой чередуются въ усыпленномъ сознаніи настоящія грёзы...

Вспоминаются Тихону Антонычу пѣсни, а въ воображеніи возникаетъ тотчасъ Грохотунскій, который присѣдаетъ, притопываетъ и машетъ платкомъ, подавая знакъ хору. И Тихонъ Антонычъ пробуетъ запѣть, но вмѣсто того у него вылетаютъ какіе-то неопредѣленные, сиплые звуки.

Тихонъ Антонычъ прекращаетъ попытки усладить свой слухъ пѣніемъ и принимается думать о Грохотунскомъ. Ему представляется, какъ Грохотунскій стоитъ за столомъ и говоритъ ему рѣчь... Тихонъ Антонычъ хочетъ припомнить ее, эту рѣчь,—и не можетъ вызвать въ памяти ни единаго слова... Хоть убей, не помнится ни единаго слова! А Грохотунскій все стоитъ въ глазахъ неотвязно... Тихонъ Антонычъ вглядывается своимъ мысленнымъ окомъ въ его красное и покрытое потомъ лицо, въ его растрепанныя, посѣдѣлыя кудри—и видитъ на нихъ чепецъ съ лиловыми лентами, потому что это, въ сущности, не Грохотунскій, а Прасковья Никифоровна, которая стоитъ нагнувшись къ Тихону Антонычу и повязываетъ на немъ бѣлый галстухъ... Они стоятъ вдвоемъ, въ темномъ чуланѣ, и Прасковья Никифоровна мучится, стараясь повязать этотъ галстухъ, а Тихону Антонычу чувствуется очень неловко, тяжело и стѣснительно, потому что галстукъ просто давитъ, душитъ его, а, главное, онъ забылъ изъ-за него захватить съ собой свою «рѣчь»... «Рѣчь, гдѣ моя рѣчь?» — испуганно спрашиваетъ Тихонъ Антонычъ. «Она на тебѣ, я сейчасъ ее тебѣ повязала на шею», — отвѣчаетъ ему Прасковья Никифоровна. «Она не въ оффиціальныхъ, торжественныхъ фразахъ, а идетъ отъ души, отъ чистаго сердца,— говоритъ со своей стороны Андрей Ардальонычъ.— Хотите, мы съ вами въ «Хижину дяди Тома» поѣдемъ?» И Тихонъ Антонычъ видитъ, рядомъ съ самымъ лицомъ своимъ, пушистыя бакенбарды директора, которы

одною рукой охватываетъ его плотно за талію, точно собираясь вальсировать съ нимъ, а затѣмъ Тихонъ Антонычъ приподнимается быстро на воздухъ и тотчасъ же опять опускается словно куда-то проваливается... Кракъ!—дѣлаетъ всѣмъ нутромъ своимъ Тихонъ Антонычъ, а правая рука его инстинктивно пытаетъ ухватиться за Андрея Ардальоныча, но ловитъ пустое пространство, потому что Андрея Ардальоныча рядомъ съ нимъ нѣтъ, даже и совсѣмъ его не было, а Тихонъ Антонычъ попрежнему видитъ себя въ темномъ, холодномъ чуланѣ... Справа и слѣва какія-то широкія бѣлыя пятна... Вдругъ въ одномъ изъ нихъ блеснулъ яркій свѣтъ и на секунду прорѣзалъ лучомъ окружающій мракъ... Э, да, вѣдь, это онъ ѣдетъ въ каретѣ... Такъ, такъ! — соображаетъ, опамятываясь, Тихонъ Антонычъ. И въ подтвержденіе того, что онъ не ошибся, въ ту же минуту, въ противуположномъ бѣломъ пятнѣ опять появляется свѣтъ, врываясь широкимъ снопомъ въ темноту, потому что эти бѣлыя пятна—не что иное, какъ замерзшія окна кареты, въ которыя попадаютъ лучи отъ уличныхъ фонарей и каждый разъ озаряютъ того или другого изъ спутниковъ, сидящихъ въ каретѣ.

— Вьюга поднимается, завтра оттепель будетъ,— говоритъ чей-то голосъ.

— Я совершенно продрогъ,— замѣчаетъ другой.— Особенно скверно ногамъ... Отчего нѣтъ тутъ сѣна?... Мерзавцы!

Первый голосъ безмолвствуетъ. Тихонъ Антонычъ чувствуетъ, какъ все его тѣло плавно колышется то вправо, то влѣво и на фонѣ освѣтившагося опять въ эту минуту окошка онъ видитъ силуэты двухъ обращенныхъ другъ къ дружкѣ головъ. Одна въ шапкѣ, другая въ фуражкѣ. Шапка откидывается, фуражка ей кланяется; затѣмъ фуражка откидывается и шапка ей, въ свою очередь, кланяется... Въ то же мгновеніе Тихонъ Антонычъ всѣмъ туловищемъ плавно опадаетъ назадъ, а на него надвигается чье-то лицо, которое тотчасъ же уплываетъ обратно въ пространство, а Тихонъ Антонычъ теперь уже стремится впередъ, причемъ его голова посылаетъ глубокій поклонъ скрывшемуся во мракѣ лицу... Затѣмъ всѣ они четверо, въ разъ, дѣлаютъ туловищемъ винтообразное движеніе въ пространствѣ, какъ бы собираясь взвиться на оздухъ, и тотчасъ же всѣ, опять вразъ, поникаютъ къ сидѣньямъ и успокоиваются... Ощущеніе отнюдь не имѣющее въ себѣ ичего непріятнаго, даже напротивъ: оно похоже на то, будто они идятъ всѣ въ каютѣ удобнаго судна, совершая морскую прогулку...

Ж-ж-ж!... — раздается рядомъ неожиданный звукъ — не то свистъ, не то скрежетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будто кто-то бросаетъ въ окошко цѣлую пригоршню песку...

— Ишь, какъ задуваетъ...—замѣчаетъ опять чей-то голосъ.

Кто-то испускаетъ зѣвокъ... Другой голосъ спрашиваетъ:

— А старикашка заснулъ?

— Спитъ, какъ убитый...—отвѣчаетъ опять прежній голосъ.

«Про какого это старикашку толкуютъ они?» — соображаетъ Тихонъ Антонычъ. Вопросъ остается неразрѣшеннымъ, и потому онъ перестаетъ думать объ этомъ. Мысли его расплываются въ разныя стороны, какъ круги по поверхности гладкаго пруда, послѣ того, какъ въ него бросили камень, и Тихону Антонычу кажется, будто самъ онъ уходитъ въ нѣкую неопредѣленную даль, и лишь отъ времени до времени слышитъ отрывки какого-то, для него совсѣмъ непонятнаго, слабо долетающаго до ушей его изъ этой неопредѣленной дали разговора, который ведутъ тѣ же два прежніе знакомые голоса.

— Давно не видалъ ужъ Матильду...—говоритъ одинъ голосъ, тотъ самый, который задавалъ раньше вопросъ о таинственномъ «старикашкѣ».

— А по мнѣ хоть бы совсѣмъ ея не было! — отвѣчаетъ ему другой голосъ. — Удивляюсь, что ты находишь въ ней... Вотъ Розалія—дѣло другое!

— А по-моему, твоя Розалія—просто дрянь!

— Розалія? Ну, это ты врешь!

«Матильда... Розалія... о комъ это они говорятъ?» — думаетъ опять про себя Тихонъ Антонычъ. Продолженіе бесѣды для него ускользаетъ. Немного погодя, онъ слышитъ опять:

— Ноги—что тумбы... Глупа, какъ бревно.

— А у твоей кости да кожа.

— Не спорю, что не мѣшало бы ей быть немножко потолще... За то огонекъ, за то это самое, какъ говорятъ французы», «je ne sais pas quoi».

— Матильда очень эффектна въ малиновомъ.

Тихонъ Антонычъ перестаетъ опять слушать, такъ какъ въ воображеніи его возстаетъ таинственный образъ этой самой «Матильды», въ видѣ высокой женщины въ малиновомъ платьѣ со шлейфомъ и вѣеромъ въ правой рукѣ. Она идетъ плавною поступью, дѣлаетъ жестъ этимъ вѣеромъ. Тихонъ Антонычъ отлично видитъ его. Онъ широкій, усѣянъ мелкими блестками и увѣшанъ по краямъ колокольчиками. Когда она дѣлаетъ жестъ этимъ вѣеромъ,

локольчики звенятъ мелодически, т.-е. они, вѣрнѣе, поютъ. И онъ ѣдетъ къ этой Матильдѣ, которая живетъ въ большомъ домѣ съ колоннами, стоящемъ на вершинѣ горы, тотчасъ за Парголовымъ, а тамъ она сидитъ за піанино, окруженная толпою людей, и поетъ:

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ,
Искры гаснутъ на лету...

Впрочемъ, она теперь въ палевомъ платьѣ, волосы у нея круто завиты барашкомъ, и Тихонъ Антонычъ узнаетъ въ ней Юлію Павловну. Онъ продирается сквозь окружающую пѣвицу толпу, но дорогу ему преграждаетъ вдругъ Пересвѣтовъ, который спрашиваетъ его строгимъ тономъ: «А вамъ извѣстно, Тихонъ Антонычъ, что ваша супруга больна и ждетъ васъ?» — «Домой, домой, отпустите меня, ради Бога, домой!»—кричитъ въ ужасѣ Тихонъ Антонычъ и устремляется въ бѣгство, расталкивая локтями толпу, но толпа тоже бѣжитъ вмѣстѣ съ нимъ, а онъ бѣжитъ все впередъ, т.-е., въ сущности, ѣдетъ, въ непроницаемой тьмѣ, прямо подъ гору, и толпа бѣжитъ все время съ нимъ рядомъ, и ближе всѣхъ, бокъ-о-бокъ, Антонъ съ Антидорскимъ, тотчасъ же рядомъ съ ними бѣгутъ, часто-часто перебирая ногами, Абсцессъ и Думкеллеръ, все быстрѣе, быстрѣе, съ головокружительною скоростью, прямо въ зіяющую подъ ногами ихъ пропасть, и...

Тр-р-р!...

. . . . . .

Карета стоитъ. Передъ тѣмъ она нырнула въ ухабъ, выѣхала на ровное мѣсто и, прогремѣвъ колесами по голымъ булыжникамъ, остановилась.

Тихонъ Антонычъ ощущаетъ сквозь сонъ струю холоднаго воздуха, несущагося ему прямо въ лицо. Онъ открываетъ глаза. Дверца распахнута настежъ, и спутники его вылѣзаютъ одинъ за другимъ изъ кареты. Машинально слѣдуетъ примѣру ихъ и Тихонъ Антонычъ,—но въ ту же минуту налетаетъ нивѣсть откуда взявшійся вихрь и чуть не опрокидываетъ его обратно въ карету.

Метель бушуетъ во-всю, вздымая и крутя снѣжные вихри. На лицахъ она смела весь снѣгъ съ одной стороны, обнаживъ мостовую до голаго камня, а на другой сторонѣ взгромоздила изъ него цѣлыя горы... Вокругъ все бѣло. Карета бѣлая, лошади бѣлыя, кучеръ весь бѣлый... Кто-то изъ компаніи производитъ разсчетъ съ нимъ и, въ теченіе этого времени, успѣваетъ тоже сдѣлаться бѣлымъ.

— Всѣ на-лицо, господа?— задаетъ кто-то вопросъ, но звукъ его

голоса въ тотъ же моментъ на клочки разрывается вѣтромъ, и всѣ слова разлетаются въ противоположныя стороны.

— Идемъ!—говоритъ кто-то изъ компаніи.

Тихонъ Антонычъ пробуетъ сдвинуться съ мѣста, но тотчасъ же схватывается за ближайшаго спутника, въ то время, какъ прочіе борются съ налетѣвшимъ на нихъ ураганомъ, подставляя ему свои спины и плечи.

Только что вырванный изъ міра сонныхъ видѣній, Тихонъ Антонычъ чувствуетъ себя въ положеніи участника какой-то экспедиціи въ полярныя страны, подъ предводительствомъ, кажется, капитана Гатраса или кого-то другого изъ безконечной серіи нечеловѣчески отважныхъ героевъ, изображенныхъ въ романахъ Жюль-Верна... Вообще его состояніе до крайности смутно и странно. Онъ не знаетъ, гдѣ очутился, что̀ съ нимъ творится и чѣмъ все это кончится... Во всякомъ случаѣ, онъ ощущаетъ большую рѣшимость не отступать отъ другихъ ни на шагъ.

Одно только плохо: ноги не охотно ему повинуются, какъ это оказывается, когда онъ, вмѣстѣ со всѣми, начинаетъ брести, увязая въ сугробахъ. Изъ предосторожности онъ не покидаетъ чужого локтя, за который сперва ухватился.

Онъ видитъ передъ собою подъѣздъ какого-то дома, а надъ нимъ—освѣщенный фонарь. Этотъ фонарь залѣпленъ весь снѣгомъ, и огонь мерцаетъ только сквозь трещины.

«Хижина дяди Тома...» мелькаетъ сперва въ его головѣ... Въ видѣ воспоминанія какого-то давняго, полузабытаго сна, возстаетъ передъ нимъ ярко-освѣщенная зала, съ длиннымъ столомъ, въ формѣ глаголя, унизаннымъ многочисленнымъ обществомъ, тосты и рѣчи... вспоминается Грохотунскій, Андрей Ардальонычъ, о. Братолюбовъ... потомъ Пересвѣтовъ, Евгенія Ѳедоровна, ихъ разговоръ о свояченицѣ... Ага! онъ теперь понялъ, все понялъ, и даже въ одинъ мигъ протрезвѣлъ! Онъ, вѣдь, пріѣхалъ на именины свояченицы.

Дверь подъѣзда распахивается, и вся компанія съ шумомъ начинаетъ подниматься по лѣстницѣ. Тихонъ Антонычъ держится рукой за перила.

Прихожая, освѣщенная лампами... Лакей въ черномъ фракѣ..

— Пожалуйте!—привѣтливо говоритъ имъ лакей, бросаясь на встрѣчу, и съ большою услужливостью стаскиваетъ съ нихъ верхнее платье, а съ Тихона Антоныча, кромѣ того, и калоши, въ то время, какъ Тихонъ Антонычъ стоитъ, балансируя, и обнявъ за шею лакея.

Жарко, почти даже ду́шно, и Тихонъ Антонычъ чувствуетъ, какъ просвѣтлѣвшія было, за минуту передъ тѣмъ, въ головѣ его мысли заволакиваются снова туманомъ.

«Эхъ, чортъ возьми, а, вѣдь, я, все-таки, кажется, пьянъ!»—думаетъ Тихонъ Антонычъ.

Дверь изъ прихожей отворена настежъ въ большую, ярко-освѣщенную залу, откуда несутся звуки рояля, подъ топотъ и шарканье танцующихъ ногъ. Тамъ, какъ разъ, въ это время, танцуютъ кадриль, и видно, какъ движутся разноцвѣтныя пары.

Очевидно, тамъ все—веселящаяся отъ души молодежь, и то смутное чувство неловкости, которое испытываетъ, на первыхъ порахъ, Тихонъ Антонычъ, вслѣдствіе мелькнувшаго въ немъ на минуту сознанія, что онъ пріѣхалъ незваный, разсѣевается моментально, какъ дымъ. «Оно даже и лучше»,—рѣшаетъ Тихонъ Антонычъ,—сюрпризъ, неожиданность! То-то они удивятся!»

Скачковъ съ Мокряковымъ вошли уже въ залу. Вслѣдъ за ними идетъ Мухоморовъ, за локоть котораго придерживается Тихонъ Антонычъ, потому что, надо сознаться, на ногахъ онъ очень не твердъ. Ничего, только бы сѣсть, и все выйдетъ отлично! Кромѣ того, и съ головой его что-то неладно: она начинаетъ болѣть и кружиться, а мысли какъ-то разбѣгаются въ разныя стороны... Пустяки, все пройдетъ, только бы сѣсть!—успокоиваетъ себя Тихонъ Антонычъ, вступая съ Мухоморовымъ въ залу.

Но, въ ту же минуту, они принуждены оба попятиться, такъ какъ мимо нихъ пролетаютъ, въ припрыжку и съ хохотомъ, двѣ хорошенькихъ барышни, сцѣпившись локтями съ какимъ-то высокимъ молодымъ человѣкомъ. Они танцуютъ пятую фигуру кадрили, и ихъ визави, толстенькій господинъ съ пенснэ на носу, дѣлая со́ло, выкидываетъ ногами замысловатую штуку.

Весь воздухъ, можно сказать, напоёнъ беззаботнымъ весельемъ!

Тихонъ Антонычъ разыскиваетъ глазами хозяевъ. Но мимо него шумно проносятся пары, и въ ихъ пестрой сумятицѣ нельзя ничего различить.

Въ то время, какъ Тихонъ Антонычъ томится желаніемъ поскорѣе увидѣться съ Андреемъ Николаичемъ и Евгеніей Ѳедоровной, Мокряковъ и Скачковъ здороваются съ какою-то высокою, представительной дамой.

— Здравствуйте, мамаша! Какъ поживаете?—слышитъ Тихонъ Антонычъ.

«Что́ же это значитъ?»—думаетъ онъ, ошеломленный внезапнымъ открытіемъ. Строго говоря, страннаго нѣтъ ничего въ суще-

ствованіи на свѣтѣ этой «мамаши». Интересно лишь знать, чья она мать: самого Пересвѣтова, или жены его? Болѣе удивительно то обстоятельство, что Мокряковъ и Скачковъ оказываются съ нею знакомыми. «Однако, хороши гуси, нечего сказать! Ловко надули меня!—соображаетъ Тихонъ Антонычъ.—Но когда же и гдѣ успѣли они познакомиться?» Нѣтъ, онъ ровно ничего не можетъ понять!

Тѣмъ не менѣе, необходимо представиться ей. Тихонъ Антонычъ называетъ себя и выражаетъ свое удовольствіе по поводу случая, доставившаго ему столь пріятное съ нею знакомство.

Дама привѣтливо подаетъ ему руку и смѣется. У нея славное, энергическое лицо, со свѣжимъ, во всю щеку, румянцемъ, къ которому очень идутъ посеребренныя уже сѣдиною букли волосъ. Прическа у нея старомодная, и это еще больше идетъ къ ней. Тихонъ Антонычъ почтительно цѣлуетъ ей руку. Дама снова смѣется. Молодежь тоже смѣется. «Ишь, одурачили, да еще потѣшаются!»—думаетъ Тихонъ Антонычъ, впрочемъ, безъ всякаго гнѣва.

— Простите... сударыня... что пріѣхалъ... незванный...—говоритъ Тихонъ Антонычъ,—но я... такъ люблю... вашего... сына... Надѣюсь... что онъ... тоже... проститъ меня...

Фраза выходитъ безукоризненно-гладкая, но передъ каждымъ словомъ ея получается небольшая запинка, такъ какъ, прежде чѣмъ его выговорить, Тихонъ Антонычъ нѣсколько времени борется съ нѣкою тяжестью, которая давитъ языкъ его, и ощущеніе получается совершенно такое, какъ если бы ротъ его весь былъ наполненъ камнями. Эхъ, поскорѣе бы сѣсть!

— Ништево, ништево!—ободряющимъ тономъ говоритъ ему дама, трепля слегка по плечу, и смѣется. Скачковъ съ Мокряковымъ прямо-таки прыскаютъ со смѣху.

Ну, это, пожалуй, уже черезъ-чуръ! Барынька, повидимому, совершенно простая и обладаетъ веселымъ характеромъ, но что эти молокососы смѣются надъ нимъ, послѣ того, какъ его одурачили, становится уже непріятнымъ. Вѣдь, не шутъ же онъ имъ, въ самомъ дѣлѣ, достался!

Тихонъ Антонычъ строго нахмуривается, вытягиваетъ спину и грудь и съ достоинствомъ поправляетъ на шеѣ красную ленту съ орденомъ Анны... Наступаетъ неловкая пауза. Очевидно, молодежь, наконецъ, поняла, что ведетъ себя неприлично... Ну, и прекрасно!

— Пожальте въ гостиную!—нарушаетъ молчаніе дама и, сдѣлавъ впередъ два шага, отнидываетъ тяжелыя складки портьеры изъ темно-вишневаго бархата, подъ которою оказывается дверь въ сосѣднюю комнату.

Обои въ ней красныя, мебель вся красная, съ потолка спускается красный фонарикъ... Тихонъ Антонычъ съ наслажденіемъ опускается въ мягкое кресло передъ овальнымъ столомъ, отдѣляющимъ его отъ дивана, который, вѣроятно, тоже очень удобенъ и мягокъ.

— Прикажитъ подать вамъ вина?—спрашиваетъ съ участіемъ дама.

Вотъ это было бы кстати! Тихонъ Антонычъ съ удовольствіемъ выпилъ бы стаканчикъ вина! Онъ принимаетъ предложеніе ея съ благодарностью.

— Лафитъ съ лимонадомъ?—освѣдомляется дама.

— О, все равно... что прикажете...—отвѣчаетъ Тихонъ Антонычъ.

— Будетъ кушйть виноградъ? апельсинъ?—продолжаетъ спрашивать дама.

Тихонъ Антонычъ оказываетъ предпочтеніе винограду передъ апельсиномъ и всячески проситъ любезную даму не хлопотать для него, такъ какъ ему крайне совѣстно, что онъ доставляетъ столько ей безпокойства. Такъ какъ Пересвѣтовы до сихъ поръ еще не показываются, то онъ находитъ необходимымъ освѣдомиться, испытывая опять ощущеніе, словно весь ротъ его наполненъ камнями:

— А гдѣ же... наши... супруги?

— Супруги? Нѣтъ ихъ, супруги!—отвѣчаетъ весело дама.

— Какъ это... странно.

Тихонъ Антонычъ пытается разрѣшить про себя, что бы могло это значить, и задаетъ новый вопросъ:

— Я слышалъ... у васъ... молодая особа...

Онъ хочетъ прибавить: «именинница, съ которой я еще не знакомъ и хотѣлъ бы поздравить ее», но дама, не давъ ему кончить, восклицаетъ съ улыбкой:

— Молёдая особа! О, ja! Она чичасъ будетъ!

И, кивнувъ ему головой, она раздвигаетъ складки портьеры и исчезаетъ.

Тихонъ Антонычъ погружается въ глубокую думу. Во-первыхъ, надо сознаться, здѣсь очень просто и мило, и каждый, конечно, долженъ себя ощущать совершенно какъ дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему теперь совсѣмъ ясно, что симпатичная дама, которую, очевидно, нужно считать главою семьи, приходится Пересвѣтову тещей. Только никакъ онъ не думалъ, чтобъ Евгенія Ѳедоровна могла оказаться вдругъ нѣмкой! Но это все вздоръ; одно только странно, что

до сихъ поръ здѣсь нѣтъ Пересвѣтовыхъ... Что бы могло это значить?—принимается снова ломать себѣ голову Тихонъ Антонычъ, но мысли его опять разбѣжались въ разныя стороны, а потому онъ предпочитаетъ совсѣмъ не думать объ этомъ.

— Все разъяснится... все, все разъяснится...—шепчетъ Тихонъ Антонычъ.

Вдругъ ему кажется, что это шепчетъ не онъ, а кто-то другой... Онъ смотритъ направо, налѣво... Нѣтъ никого. Онъ одинъ. Куда же ушла молодежь?... А, она тамъ, въ залѣ, осталась, танцуетъ... Богъ съ ними, онъ никому не мѣшаетъ. Пусть танцуетъ себѣ молодежь, а онъ вотъ здѣсь посидитъ... Развѣ не хорошо ему здѣсь? Ему здѣсь отлично. Мягкое, прекрасное кресло... Чудесная комната... А они — пусть танцуютъ себѣ на здоровье... На то— молодежь... «Эхъ, молодежь, молодежь!» качаетъ головою въ задумчивости Тихонъ Антонычъ.

Изъ залы раздается въ это время знакомая пѣсня, подъ звуки рояля...

Веселая, прекрасная пѣсня! Тихону Антонычу очень хотѣлось бы ей подтянуть, но ему отлично извѣстно, что толку не выйдетъ.

А изъ залы, между тѣмъ, раздается веселая музыка вальса, съ акомпаниментомъ шарканья ногъ и шелеста платьевъ. Подъ мѣрный, ритмическій рядъ этихъ звуковъ Тихонъ Антонычъ поникаетъ на грудь головою и смыкаетъ глаза... Здѣсь, въ этой гостиной, такъ тепло и уютно, и красный фонарикъ льетъ сверху такой мягкій, умиротворяющій свѣтъ... Ему начинаетъ казаться, что его подхватили какія-то тихія волны, и несутъ его, и что-то шепчутъ ему, бережно его колыхая, нѣжно лаская и какъ бы баюкая...

Онъ вдругъ приходитъ въ себя отъ раздавшагося вблизи его шума.

Лакей ставитъ на столъ обширный подносъ. На немъ бутылка лафита, нѣсколько, положенныхъ бокомъ, лимонадныхъ бутылочекъ, ваза съ виноградомъ и яблоками и два широкихъ бокала.

— Вотъ она, молёдая особа!—говоритъ мать Евгеніи Ѳедоровны, дѣлая рукою указательный жестъ на виднѣющуюся рядомъ съ нею хорошенькую, стройную дѣвушку, одѣтую въ свѣтлое бальное платье.

Тихонъ Антонычъ догадывается, что передъ нимъ именинница. Онъ дѣлаетъ попытку встать съ кресла, но мать Евгеніи Ѳедоровны восклицаетъ, трепнувъ легонько его по плечу:

— Пожальста, пожальста, сидите!

Тихонъ Антонычъ принужденъ остаться на мѣстѣ. Именинни

подаетъ ему руку и опускается рядомъ съ нимъ въ кресло. Мать дѣвушки окидываетъ хозяйственнымъ окомъ столъ съ угощеніемъ, и между тѣмъ, какъ лакей въ это время трудится надъ откупориваньемъ бутылки лафита—и, очевидно, удовлетворенная этимъ осмотромъ, исчезаетъ изъ комнаты... Понятно, хлопотъ ей сегодня не мало!

Лакей, успѣвшій тѣмъ временемъ откупорить и разлить вино по бокаламъ, доливаетъ ихъ лимонадомъ и исчезаетъ, въ свою очередь, вслѣдъ за хозяйкой.

Тихонъ Антонычъ остается съ глазу на глазъ съ именинницей.

Дѣвушка беретъ одинъ изъ бокаловъ и, стукнувъ имъ о край бокала сосѣда, подноситъ къ устамъ. Тихонъ Антонычъ тотчасъ же беретъ свой бокалъ и выражаетъ свои пожеланія добраго здравія и всего лучшаго въ жизни. При этомъ онъ невольно долженъ признаться, что не имѣетъ до сихъ поръ чести знать ея имени.

— Меня зовутъ Лидой,—говоритъ именинница.

— То-есть, Лидія... Лидія Ѳедоровна?—поясняетъ Тихонъ Антонычъ.

— Просто Лида, — отвѣчаетъ его собесѣдница (у нея чрезвычайно нѣжный, мелодическій голосъ).

Наступаетъ молчаніе. Дѣвушка задумчиво смотритъ въ пространство.

Тихонъ Антонычъ чувствуетъ необходимость сказать отъ себя нѣсколько словъ, которыя могли бы послужить началомъ бесѣды, но совершенно не находитъ таковыхъ въ головѣ. Именинница молчитъ, какъ убитая. Кромѣ того, отъ времени до времени, она бросаетъ на Тихона Антоныча взгляды, которые лишаютъ его всякой бодрости. Выраженіе ихъ холодно, сурово и подозрительно, и ему начинаетъ казаться, что дѣвушка составила о немъ очень нелестное мнѣніе и осуждаетъ про себя его поведеніе. «Деликатная, строгая барышня,—дѣлаетъ выводъ Тихонъ Антонычъ,—неужели такъ ужъ замѣтно, что я совсѣмъ пьянъ?»... Онъ падаетъ духомъ. Пожалуй, его присутствіе ее оскорбляетъ? Эхъ, приходилъ бы скорѣе на выручку Андрей Николаичъ! И куда это, въ моментъ дѣлъ, онъ провалился?! — съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ужаса обы думаетъ Тихонъ Антонычъ. Онъ хочетъ предложить этотъ просъ молчаливой своей собесѣдницѣ и начинаетъ пріискивать головѣ выраженія, чтобы вопросъ получился въ изысканной, по зможности, формѣ, но изъ этого ничего не выходитъ. Вмѣсто го, онъ протягиваетъ руку къ бокалу и осушаетъ его залпомъ, на. Это все, что пока можетъ онъ сдѣлать.

Именинница медленно поднимаетъ глаза и произноситъ:

— Угостите меня апельсинчикомъ.

Тихонъ Антонычъ просіяваетъ въ одно мгновеніе ока. Очевидно, онъ не совсѣмъ еще упалъ во мнѣніи дѣвушки, она замѣтила, какъ обезкураженъ онъ холоднымъ ея обращеніемъ, и вотъ теперь желаетъ его ободрить.

Онъ, съ большою готовностью привести въ исполненіе желаніе барышни, пытается вылѣзть изъ кресла, но та замѣчаетъ, что можетъ распорядиться сама, вспархиваетъ съ мѣста, съ легкостью птички, и исчезаетъ.

«Пьянъ... И она видитъ, что пьянъ... Эхъ, какъ все это скверно!»—скорбно раздумываетъ Тихонъ Антонычъ, оставшись одинъ.

Лида возвращается скоро обратно, въ сопровожденіи лакея, который несетъ вслѣдъ за нею хрустальную вазу. Въ вазѣ горкой лежатъ апельсины. Поставивъ вазу на столъ, лакей удаляется.

Дѣвушка лущитъ апельсинъ, отдѣляетъ изъ него одинъ ломтикъ и протягиваетъ его ко рту Тихона Антоныча. Другою рукой она ему наливаетъ вина. Нѣтъ, она положительно милая, добрая дѣвушка и ничуть на него не сердита! Тихонъ Антонычъ жуетъ апельсинъ, выпиваетъ вино и начинаетъ испытывать, какъ нѣкое глубокое, умиленное чувство поднимается въ немъ изъ самыхъ нѣдръ его существа, сжимаетъ горло словно тисками и вызываетъ на глаза его слезы. Это и радость, и благодарность за то, что къ нему такъ снисходительны, и раскаяніе въ своемъ поведеніи, и жалость къ себѣ—все слилось въ этомъ чувствѣ...

— Вы на меня не сердитесь? Нѣтъ? — дрожащимъ, растроганнымъ голосомъ, произноситъ Тихонъ Антонычъ.

— За что?—освѣдомляется съ большимъ удивленіемъ дѣвушка.

— Что я такой... къ вамъ... пріѣхалъ?

— Вотъ ерунда!—восклицаетъ весело Лида.

— Пьяный... скверный... старикъ...—продолжаетъ себя бичевать Тихонъ Антонычъ.

— Ну, вотъ еще, глупости! Вы, папочка, милый!

И, близко наклонившись къ нему, Лида проводитъ рукой по его волосамъ, касаясь легонько щеки. Движеніе простое, наивное, чи[с]то ребяческое! При этомъ—такая маленькая, мягкая ручка! Тихо[н] Антонычъ, схвативъ и держа эту ручку въ своей, произноситъ п[о]-никновеннымъ, отеческимъ тономъ:

— Добрая, славная дѣвушка... Чистое, дѣтское сердце... [Да]й Богъ, чтобы вы... навсегда... остались такою.

Онъ привлекаетъ къ себѣ ее и цѣлуетъ съ нѣжностью въ лобъ, потомъ, помолчавъ, произноситъ со вздохомъ:

— Зачѣмъ злоупотреблять добротой? Утѣшили, успокоили меня, старика—и довольно. Идите... идите туда, къ молодымъ. Со мной тяжело вамъ... невесело. Правда? Веселитесь, танцуйте. Тамъ молодежь.

— Не хочу къ вашимъ товарищамъ!—возражаетъ категорически Лида.— Мнѣ хочется съ вами! Развѣ не нравится вамъ сидѣть со мной, папочка?

— Дитя... доброе, простое дитя!—качаетъ головой растроганный Тихонъ Антонычъ. Въ мысляхъ его смутною тѣнью скользитъ воспоминаніе о томъ, что онъ гдѣ-то ужъ слышалъ названныя сейчасъ имена. Но воспоминаніе это обрывается тотчасъ же восклицаніемъ Лиды, которая наливаетъ въ его бокалъ остатки вина изъ бутылки:

— Можно еще лафиту спросить? Можно, папочка, а? И я съ вами выпью!

— Къ чему эти вопросы? Развѣ сегодня не вы здѣсь хозяйка?—съ укоромъ замѣчаетъ ей Тихонъ Антонычъ.

— И конфетъ можно, да? Можно коробку конфетъ?

— Все, все можно... и вино... и конфеты... и все, что хотите!—съ доброй усмѣшкой надъ простодушіемъ дѣвушки отвѣчаетъ Тихонъ Антонычъ.

По распоряженію Лиды, лакей приноситъ новую бутылку лафита и коробку конфетъ. Дѣвушка разливаетъ вино по бокаламъ, чокается съ Тихономъ Антонычемъ и говоритъ ему:

— Пейте же, папочка! Что-жъ вы не пьете?

Тихонъ Антонычъ послушно исполняетъ слова ея. Такъ же послушно тянется онъ за предложенной ему Лидой конфеткой, которую держитъ она передъ нимъ двумя пальчиками. Но когда уже онъ готовъ ее взять, она отымаетъ со смѣхомъ конфетку и восклицаетъ:

— Нѣтъ! Я вамъ положу ее въ ротъ! Раскройте ротъ, папочка!

Тихонъ Антонычъ исполняетъ безпрекословно новую прихоть [illegible]луньи. Онъ разѣваетъ, елико возможно, свой ротъ и держитъ его [illegible] такомъ положеніи все время, пока веселая дѣвушка медленно [illegible] нему приближаетъ конфетку, вдругъ отымаетъ ее, опять при[illegible]ижаетъ и, помучивъ такъ нѣсколько времени Тихона Антоныча, [illegible] конецъ, опускаетъ ее ему въ ротъ. Продѣлавъ все это съ самымъ [illegible]ьезнѣйшимъ видомъ, она заливается смѣхомъ.

И Тихонъ Антонычъ тоже смѣется... Столько наивности, столь-

ко милой, ребяческой рѣзвости въ этой очаровательной дѣвушкѣ! Строгій иной моралистъ, пожалуй, назвалъ бы поведеніе ея фамильярнымъ, но Тихонъ Антонычъ не даромъ пожилъ на свѣтѣ, чтобы понять своимъ искушеннымъ въ житейскомъ опытѣ сердцемъ, что все это—лишь признакъ безхитростной, чистой души, не изломанной пока никакими условностями, простодушно отдающейся каждому своему впечатлѣнію, какъ ему отдается ребенокъ, еще не познавшій житейской грязи и лжи... И готовый послушно исполнить все, что̀ бы ни затѣяла съ нимъ продѣлать шалунья, Тихонъ Антонычъ долженъ сознаться, что *именно только теперь* въ первый разъ онъ можетъ сказать, съ полнымъ правомъ, положа руку на сердце, что онъ себя чувствуетъ «вновь помолодѣвшимъ душой»...

А въ залѣ опять играетъ рояль и нѣсколько женскихъ голосовъ поютъ хоромъ. Тихонъ Антонычъ вполнѣ равнодушенъ ко всему, что тамъ происходитъ. Что̀ можетъ быть лучше и выше того наслажденія, которымъ онъ теперь упивается всѣмъ своимъ существомъ? Забыть, что тебѣ давно идетъ седьмой десятокъ ужъ лѣтъ, что все, чѣмъ манитъ и радуетъ жизнь, осталось въ прошедшемъ и не можетъ никогда повториться, что впереди нѣтъ ничего, кромѣ холоднаго мрака могилы,—все, все это забыть и чувствовать, что ты способенъ шутить и дурачиться, хохотать самымъ беззаботнѣйшимъ образомъ и чуть не прыгать козломъ, ради только того, чтобы въ твоихъ ушахъ раздавался увлекательный смѣхъ прелестнаго молодого созданія, полуженщины, полуребенка, проникнутаго свѣтлою радостью жизни,—да ради этого лишь одного развѣ не стоитъ отдать все на свѣтѣ?... Ничего, ничего ему больше не надо! И никого ему больше не надо! Онъ радъ, что всѣ забыли о немъ, что никто не мѣшаетъ ему, радъ, что съ нимъ даже нѣтъ Пересвѣтовыхъ...

— Лида!—неожиданно раздается въ дверяхъ чей-то голосъ, и Тихонъ Антонычъ словно падаетъ съ неба на землю. Это голосъ матери Лиды. Голова ея на секунду просунулась между складокъ портьеры и скрылась.

Дѣвушка вскакиваетъ съ мѣста и исчезаетъ. Тихонъ Антонычъ опять остается одинъ.

Теперь, когда съ нимъ ея нѣтъ, все прежнее его настроеніе пропало безслѣдно. Словно та живая струя, которая заставляла трепетать его сердце и дѣйствовать мозгъ, сразу застыла, и онъ ощущаетъ, что какъ-то вдругъ весь усталъ и огасъ, въ головѣ вяло плетутся, безъ связи и толку, какія-то мысли, тѣни ли

обрывки рѣчей... Онъ знаетъ, что попалъ на именины сестры Евгеніи Ѳедоровны, той милой, очаровательной дѣвушки, которая здѣсь сейчасъ съ нимъ сидѣла, а, между тѣмъ, до сихъ поръ онъ еще не видалъ ни Андрея Николаича, ни Евгеніи Ѳедоровны, которыхъ не то какъ будто и нѣтъ здѣсь совсѣмъ, не то какъ будто они не желаютъ ему показаться, что̀ выходитъ похоже на то, будто онъ находится здѣсь самъ по себѣ, ни до кого нѣтъ ему дѣла, равно какъ и никому нѣтъ до него никакого положительно дѣла, что во всемъ этомъ, пожалуй, много есть страннаго и непонятнаго, начиная съ поведенія съ нимъ Скачкова и прочихъ товарищей, которые оказались знакомыми со здѣшнимъ семействомъ, но по какой-то причинѣ отъ него это скрыли... Словомъ, въ головѣ его поднимается цѣлая каша, въ которой Тихонъ Антонычъ не въ силахъ никакъ разобраться... И среди этой сумятицы всевозможныхъ мыслей начинаютъ шевелиться вопросы: чѣмъ все это кончится, долго ли придется еще пробыть ему здѣсь, и какими путями попадетъ онъ сегодня домой?... Онъ чувствуетъ, что начинаетъ теряться...

Изъ залы слышится снова пѣсня... Вдругъ шумъ, голоса, топотъ ногъ... Кричитъ мужской голосъ:

— Вы не смѣете драться!

— Макаръ, тащи его вонъ!!—рѣзко, пронзительно раздается крикъ изъ чьей-то женской груди...

Слышна, какъ будто, возня. Кого-то влекутъ, а тотъ изъ всѣхъ силъ упирается.

Что тамъ такое случилось? Непонятно, въ чемъ дѣло... Вѣроятно кто-то подвыпилъ и сдѣлалъ скандалъ... Тихону Антонычу становится жутко... Слава Богу, портьера быстро распахивается, и появляется Лида.

Ее невозможно узнать. Отъ прежняго беззаботно-веселаго выраженія не осталось и искры, личико ее искажено горемъ и гнѣвомъ, на глазахъ блестятъ слезы, грудь часто и бурно вздымается... Она бросается въ кресло и, спрятавъ голову въ руки, тяжело, прерывисто дышетъ...

— Что съ вами?—съ испугомъ спрашиваетъ Тихонъ Антонычъ.

Дѣвушка открываетъ свое облитое слезами лицо и, сквозь рыданія, восклицаетъ съ отчаяніемъ:

— Ни за что! ни за что! Утоплюсь, удавлюсь!... Я не каторжная тоже досталась!

— Голубушка, милая! что съ вами случилось?—пристаетъ

Тихонъ Антонычъ, между тѣмъ какъ сердце его сжимается отъ страха и жалости.

— Терпѣть его не могу! Ненавистенъ онъ мнѣ!...

— Кто такой?... Кто васъ обидѣлъ? Не мучьте меня! ангелъ безцѣнный мой!—умоляетъ Тихонъ Антонычъ.

Дѣвушка сидитъ нѣсколько времени молча, какъ бы приводя разстроенныя мысли въ порядокъ, потомъ начинаетъ разсказывать. Въ сущности, это рядъ короткихъ, отрывочныхъ фразъ, которыя вырываются безъ всякой послѣдовательности, сквозь обуревающее ее чувство волненія.

Онъ ждетъ разъясненія, но Лида, пріостановившись разсказывать, смотритъ со страхомъ на складки портьеры, потомъ неожиданно вскакиваетъ и, схвативъ Тихона Антоныча за руку, въ смятеніи шепчетъ:

— Идетъ... Будетъ сюда сейчасъ... Господи, за что я такая несчастная?

— Уйдемте, уйдемте отсюда,—лепечетъ Тихонъ Антонычъ, на котораго тоже напалъ паническій страхъ. Онъ совсѣмъ растерялся, въ предчувствіи какой-то неминучей бѣды. Неизвѣстно, въ чемъ дѣло, несомнѣнно одно, что Лидѣ угрожаетъ опасность, что во всемъ этомъ кроется какая-то драма... Онъ легко, почти безъ усилій, поднимается съ кресла и тоже начинаетъ метаться, шепча:

— Куда, куда, вы скажите?

— Сюда, идите за мной!—торопливо, вполголоса говоритъ ему Лида и, схвативъ за локоть, увлекаетъ въ другой конецъ комнаты, гдѣ оказывается дверь въ корридоръ. Она продолжаетъ влечь за собой Тихона Антоныча, который очутился теперь въ темнотѣ... Онъ машинально слѣдуетъ за своей повелительницей, движимый какою-то невѣдомою силой, которая придала твердость ногамъ его и поступи—бодрость... Правда, близость стѣны, о которую Тихонъ Антонычъ безпрестанно стукается правымъ плечомъ, оказываетъ ему большую услугу.

— Здѣсь!—слышитъ, наконецъ, онъ вполголоса произнесенное восклицаніе Лиды, и передъ нимъ вдругъ распахивается дверь въ небольшую, полуосвѣщенную комнату, куда дѣвушка его почт вталкиваетъ и, захлопнувъ тотчасъ же дверь, поворачиваетъ клю два раза въ замкѣ. Тихонъ Антонычъ видитъ передъ собою мягкі диванъ, дѣлаетъ къ нему два шага и упадаетъ на него, какъ м шокъ.

Въ углу, на туалетномъ столѣ, обтянутомъ до полу кисеей плоёной обшивкой, горитъ подъ розовымъ колпакомъ высокая л

па. Она немного притушена, но Лида повертываетъ кранъ у горѣлки, и комната вспыхиваетъ вся полнымъ свѣтомъ. На туалетномъ столѣ виднѣется французское зеркало, съ отраженіемъ лампы и цѣлой группой стеклянныхъ флакончиковъ. Наискосокъ отъ него окно съ гардинами и опущенной шторой. Рядомъ блестятъ овальныя рамки какой-то картины. На стѣнкѣ, у двери, бѣлѣется ворохъ развѣшанныхъ на гвоздикахъ юбокъ. Рядомъ—альковъ, съ плотно-опущенною темною занавѣсью, изъ-подъ которой выглядываютъ кончики стоящей рядкомъ пары щегольскихъ женскихъ туфелекъ съ голубыми розетками.

Тихонъ Антонычъ сидитъ и тупо, безсмысленно на все это смотритъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда онъ очутился здѣсь, въ этой комнатѣ, онъ вдругъ почувствовалъ, словно что-то его подхватило, качнуло и бросило на этотъ диванъ. Словно то была большая волна, которая нивѣсть откуда примчалась, обдала его, встряхнувъ весь мозгъ въ его головѣ, и исчезла безслѣдно. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ, тупо тараща глаза и не понимая, что̀ съ нимъ происходитъ. Что̀ это за комната и зачѣмъ онъ въ ней очутился? Что̀ ему хочетъ сказать эта дѣвушка?... Онъ смотритъ на Лиду и видитъ, что фигура ея какъ-то странно расплывается въ воздухѣ, то выростая, то уменьшаясь...

Она садится рядомъ съ нимъ, на диванъ, и принимается что-то разсказывать. Теперь она неподвижна, и Тихонъ Антонычъ видитъ отлично лицо ея, освѣщенное лампой, видитъ на немъ каждую черточку. Онъ слушаетъ, что̀ она ему говоритъ. Онъ очень внимательно слушаетъ, разбирая и понимая каждое слово. И, въ то же самое время, ему кажется, что все это происходитъ во снѣ, или въ какомъ-то новомъ, особенномъ мірѣ, или—нѣтъ, точнѣе сказать—будто онъ и она отдѣлены другъ отъ друга неизмѣримымъ пространствомъ, и слова ея идутъ изъ какой-то безпредѣльной дали,—несмотря на то, что онъ видитъ такъ ясно лицо ея и слышитъ такъ внятно изъ устъ ея каждое слово.

Лампа ровно мерцаетъ. Въ комнатѣ тихо. Извнѣ тоже не слышно малѣйшаго шума. Только гдѣ-то, въ трубѣ, плачетъ вѣтеръ, окномъ злится вьюга, да отъ времени до времени раздается ›угъ звукъ, будто кто-то бросаетъ въ оконныя стекла пригоршню ску.

То, что говоритъ ему Лида—длинный и сложный разсказъ, ›дая подробность въ которомъ ясна и отчетлива, но исходная ка и общая нить теряются въ неопредѣленномъ туманѣ. Таково,

по крайней мѣрѣ, получаемое Тихономъ Антонычемъ отъ него впечатлѣніе. Главный центръ всего—«проклятая жизнь», которую всѣ ведутъ въ этомъ домѣ, и отъ которой она, т.-е. разсказчица, порѣшила во что бы ни стало избавиться. И это можно устроить, потому что ей помогаетъ «Серёжинька», у котораго собственный домъ на Васильевскомъ островѣ, т.-е. не у него, въ сущности, а у матери, но онъ, все равно, будетъ его, когда та умретъ, и «Серёжинька» ее, т.-е. Лиду, «любитъ до страсти», а самъ онъ—очень хорошенькій, ну, словомъ, совсѣмъ херувимчикъ, съ маленькими черными усиками. Но онъ не можетъ пока ее взять, такъ какъ мать не даетъ ему ни гроша, а онъ самъ пока только приказчикъ въ чайномъ магазинѣ на Невскомъ. А пока «старая вѣдьма» ее поѣдомъ ѣстъ...

Тихонъ Антонычъ внимательно слушаетъ этотъ разсказъ, и ему кажется, что это—какая-то сказка, или исторія, случившаяся въ какомъ-то другомъ, невѣдомомъ мірѣ, и, странно, почему Лида вообразила себѣ, что ему есть до всего этого дѣло? А, между тѣмъ, выходитъ, вѣдь, такъ, что ему есть до этого дѣла, и онъ во всемъ этомъ даже замѣшанъ. Какъ? Почему?... Непонятно... Непонятно, зачѣмъ здѣсь эта Лида. Да и сама она ему теперь непонятна... Словно, ужь это теперь не она, а какая-то совершенно другая, посторонняя женщина, хотя у нея есть все то, что было у Лиды,—и то же бальное платье, и тотъ же голосъ, и то же лицо, съ темными невинными глазками, волнистою прядью свѣтло-русыхъ волосъ, спадающею отъ пробора къ виску, и маленькимъ розовымъ ротикомъ... Все это — то же, то самое, прежнее, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, будто все это — поддѣльное, взятое этою постороннею женщиной отъ настоящей той Лиды, которая куда-то исчезла, оставивъ здѣсь, вмѣсто себя, какое-то другое лицо...

Тихонъ Антонычъ ощущаетъ нѣкій смутный, паническій страхъ человѣка, очутившагося вдругъ въ лабиринтѣ, изъ котораго онъ не знаетъ, какъ выбраться... А вокругъ—тишина, и вѣтеръ завываетъ въ трубѣ, и за окномъ злится вьюга, а онъ самъ въ этой комнатѣ, откуда онъ не знаетъ дороги, и, вдобавокъ еще, зачѣмъ-то запертъ на ключъ... Онъ чувствуетъ, что весь цѣпенѣетъ, не в состояніи пошевелить даже пальцемъ, не въ состояніи произвест ни единаго звука, потому что языкъ его будто прилипъ, и губы н могутъ разжаться...

— Лидка! Чертёнокъ! Ты здѣсь? — раздается внезапно з дверью, которая вдругъ потрясается, словно кто-то снаружи дер гаетъ съ силой за ручку.

Голосъ мужской, сиплый и пьяный. Затѣмъ тотчасъ же слышатся звуки другого, женскаго, голоса, который съ нимъ споритъ, успокоиваетъ или убѣждаетъ:

— Никифоръ Семеничъ, пожальста! Уйдите, пожальста, Никифоръ Семеничъ!...

— Отвори, Лидка! Не спрячешься!—упорно стоитъ на своемъ прежній голосъ.

Лида стремительно схватываетъ за руку своего безмолвнаго слушателя, крѣпко стискиваетъ ее въ обѣихъ своихъ и шепчетъ ему быстро на ухо:

— Шш... Молчите, не говорите...

Но Тихонъ Антонычъ и такъ ничего не въ силахъ сказать... Мозгъ его поражается внезапною мыслью, которая производитъ дѣйствіе молніи, озаряющей ослѣпительнымъ свѣтомъ невѣдомый дотолѣ ландшафтъ, со всѣми подробностями, утопавшими среди кромѣшнаго мрака... *Онъ теперь понялъ все!*... Онъ не на именинахъ сестры Евгеніи Ѳедоровны, и Пересвѣтовы не могутъ здѣсь находиться, потому что ихъ нѣтъ теперь дома; они у этой самой сестры, которая живетъ отдѣльно отъ нихъ и адресъ которой они ему не давали.

Тихонъ Антонычъ сверхъестественнымъ напряженіемъ воли пытается сбросить оковы, все время державшія въ полонѣ его тѣло и мозгъ... Онъ схватывается стремительно съ мѣста, чтобы бѣжать безъ оглядки отсюда, но его снова подхватываетъ та давившняя большая волна, встряхиваетъ все его существо, встряхиваетъ и заливаетъ весь его мозгъ... Стѣны и потолокъ этой комнаты, со всѣмъ, что находится въ ней, плывутъ мимо него... Онъ дѣлаетъ руками отчаянное движеніе въ воздухѣ, но на него надвигается что-то большое и черное,—и Тихонъ Антонычъ ничего уже больше не видитъ, не слышитъ...

VII.

— Вставай!

Голосъ изъ мрака. Голосъ густой и басистый, но онъ для Тихона Антоныча кажется слаще райскаго пѣнія.

Онъ мечется, стонетъ и тяжко страдаетъ. Онъ спитъ крѣпкимъ сномъ, но сонъ этотъ исполненъ видѣній... Тѣло его цѣпенѣетъ въ полнѣйшемъ безчувствіи, но внутренній его человѣкъ — то существо, что̀ не знаетъ спокойствія и находится въ вѣчномъ движеніи, порою взлетая къ надзвѣзднымъ мірамъ, порою спускаясь до глу-

бочайшихъ нѣдръ преисподней,— мятется и борется съ темными силами, ищетъ спасенія и не видитъ его ни откуда... Онъ блуждаетъ въ призрачномъ мірѣ, лишенномъ ясно-очерченныхъ образовъ, звуковъ и красокъ. Это таинственный и туманный хаосъ безвыходныхъ лабиринтовъ и непроглядныхъ пучинъ, сумятица лицъ и фигуръ, и ужасныхъ, и странныхъ... Тутъ и отецъ, давнымъ-давно ужъ покоющійся, вмѣстѣ съ матерью, подъ общею плитой, въ одномъ изъ послѣднихъ разрядовъ Смоленскаго кладбища, и зять Иванъ Демьянычъ Опорковъ, весь голый, который говоритъ ему: «съ праздникомъ!», и лакей ресторана, подающій телеграмму Орлянкину, который, въ сущности, есть не кто иной, какъ Волшебновъ, покрытый косматою шерстью и подстерегающій тайно Тихона Антоныча на высокихъ лѣсахъ, окружающихъ какую-то строющуюся до неба церковь, куда Тихонъ Антонычъ зачѣмъ-то забрался и неминуемо долженъ быть сброшенъ на землю, хотя въ то же самое время онъ видитъ себя въ лабиринтѣ безконечнаго множества маленькихъ комнатъ, вѣрнѣе, клѣтушекъ, совершенно пустыхъ и соединенныхъ между собою дверями... Всѣ двери затворены, и Тихонъ Антонычъ открываетъ ихъ одну за другою, проходя ряды этихъ клѣтушекъ, все пустыхъ и закрытыхъ, и съ отчаяніемъ не видитъ конца имъ, между тѣмъ какъ въ самой послѣдней сидитъ взаперти Прасковья Никифоровна и взываетъ къ нему жалобнымъ голосомъ, а Тихонъ Антонычъ никакъ до нея не можетъ добраться. Но самое главное, самое страшное въ томъ, что его преслѣдуетъ человѣческій трупъ, совершенно окоченѣлый, холодный, но *съ живыми глазами*... Тихонъ Антонычъ все время не въ состояніи отъ него отдѣлаться. Трупъ лежитъ и заграждаетъ дорогу, идетъ съ нимъ бокъ-о-бокъ, стоитъ за спиною и не перестаетъ смотрѣть на него живыми глазами, а Тихонъ Антонычъ чувствуетъ, какъ самъ онъ цѣпенѣетъ отъ ужаса, но не въ состояніи его оттолкнуть, потому что всѣ члены его какъ бы парализованы, не въ состояніи крикнуть, потому что въ немъ нѣтъ даже голоса...

— Вставай!—слышитъ вдругъ Тихонъ Антонычъ. Это голосъ неизвѣстнаго избавителя-друга, и онъ въ одно мгновеніе ока разрушаетъ всѣ страшныя чары.

— Сейчасъ, сейчасъ!—откликается всѣмъ своимъ существомъ Тихонъ Антонычъ, стремясь на встрѣчу этому голосу, но члены его отказываются повиноваться крику души, и тѣло продолжаетъ лежать неподвижно. Онъ съ усиліемъ открываетъ глаза и тотчасъ же опять ихъ смыкаетъ... Тогда кто-то беретъ его подъ голову, подхватываетъ подъ поясницу, подымаетъ и приводитъ въ сидячую позу

Теперь глаза его совершенно открыты и видятъ передъ собой Феноменова. Онъ стоитъ въ кургузомъ своемъ пальтецѣ и косматой мѣховой своей шапкѣ, какъ будто явился только что съ улицы, и повторяетъ:

— Вставай!

Тихонъ Антонычъ сидитъ на кровати. Вокругъ—тусклый свѣтъ бѣлаго утра, слабо озаряющій стѣны невѣдомой комнаты и неожиданные совершенно предметы. Онъ упирается свѣшенными съ кровати ногами въ красный коверъ съ изображеніемъ тигра, на которомъ валяется пара разбросанныхъ въ безпорядкѣ женскихъ ботинокъ. Тутъ же стоятъ его сапоги. Прямо—диванъ, а на немъ брошено свѣтлое женское платье и рядомъ съ нимъ стелется по полу фрачная фалда, путаясь съ другими статьями его гардероба. Наискосокъ, на стѣнѣ, въ позолоченной рамѣ—картинка, изображающая зеленый пейзажъ съ обнаженною женщиной блѣдно-желтаго цвѣта, собирающеюся, должно быть, купаться.

— Одѣвайся и ѣдемъ!—произноситъ Валерьянъ Алексѣичъ.

Тонъ его суровъ, какъ всегда, и смотритъ онъ мрачно, но въ немъ теперь замѣчается какая-то сдержанность и говоритъ онъ въ полголоса, будто гдѣ-то вблизи находится трудно-больной или спящій, чей покой нужно беречь. У него крайне сосредоточенный видъ, словно онъ преисполненъ нѣкою заботой, которая гнететъ его духъ. Ни на что окружающее онъ не обращаетъ вниманія и на самого Тихона Антоныча взглядываетъ какъ-то украдкой и исподлобья, какъ бы избѣгая съ нимъ встрѣтиться взоромъ.

Тихонъ Антонычъ сидитъ истуканомъ, и глаза его совершенно безсмысленны, какъ и лицо, на которомъ незамѣтно ни малѣйшаго признака жизни. Можно подумать, что это не живой человѣкъ, а прекрасно сдѣланная изъ папье-машѐ кукла.

— Вставай же, вставай!—озабоченно повторяетъ ему Феноменовъ.

Но Тихонъ Антонычъ продолжаетъ сохранять неподвижность. Онъ только медленно обводитъ глазами всю комнату, отъ окошка къ дверямъ, и затѣмъ эти глаза останавливаются, какъ бы застывъ. И опять-таки можно подумать, что это не живые глаза человѣка, а сдѣланные очень похоже на настоящіе изъ фарфора или другого какого-нибудь матеріала и приводимые въ движеніе приспособленнымъ къ тому механизмомъ.

Дверь, на которую обращены эти глаза, отворяется и оттуда появляется фигура молодой женской особы съ сердитымъ и сонливымъ лицомъ, на которое падаетъ въ большомъ безпорядкѣ прядь

свѣтло-русыхъ волосъ. Она въ коротенькой юбкѣ и накинутомъ сверху платкѣ, изъ-подъ котораго виднѣются голыя до самыхъ плечъ руки. Раздраженнымъ голосомъ молодая особа что-то говоритъ Феноменову. Тотъ, не оборачиваясь, свирѣпо рычитъ ей:

— За все здѣсь заплачено, можете убираться къ чертямъ!

— Да я тутъ хочу быть!—взвизгиваетъ особа въ коротенькой юбкѣ.—Ишь, не пускаетъ! Вотъ еще новости!

— Вонъ!—возвышаетъ вдругъ голосъ Валерьянъ Алексѣичъ и дѣлаетъ шагъ по направленію къ двери. Молодая особа стремительно исчезаетъ за нею. Слышится только ея восклицаніе:

— Лохматое чучело! Чортъ!

Тихонъ Антонычъ нервически вздрагиваетъ, но не произноситъ ни слова. Онъ по-прежнему сидитъ истуканомъ и глаза его такъ же безсмысленно смотрятъ въ пространство.

Валерьянъ Алексѣевичъ поспѣшно приближается къ двери и поворачиваетъ ключъ два раза въ замкѣ. Потомъ онъ подходитъ къ кровати и беретъ сапоги. Изъ одного вываливается, произведя глухой стукъ о коверъ, какая-то красная штука, которая есть не что иное, какъ лента съ орденомъ Анны... Валерьянъ Алексѣичъ поднимаетъ ее и прячетъ въ карманъ, затѣмъ съ сапогами въ рукахъ становится на колѣни передъ пріятелемъ и принимается его обувать. Послѣ сапогъ наступаетъ чередъ панталонъ и прочихъ статей гардероба.

Во все это время Тихонъ Антонычъ пребываетъ безмолвенъ. Онъ послушно протягиваетъ, когда это нужно, то ногу, то руку, подставляетъ спину и плечи, облегчая Валерьяну Алексѣичу процессъ своего облаченія, но не произноситъ ни слова. Можно подумать, что онъ совершенно утратилъ даръ слова человѣческой рѣчи.

Наконецъ, совсѣмъ ужь одѣтый, Тихонъ Антонычъ поднимается на ноги. Валерьянъ Алексѣичъ накидываетъ ему на плечи шинель, нахлобучиваетъ на его побѣдную голову шапку, пододвигаетъ калоши (все это оказывается раньше уже сюда принесеннымъ) и, когда пріятель его окончательно готовъ тронуться въ путь, отпираетъ дверь въ корридоръ. Они минуютъ весь корридоръ, минуютъ красную комнату, минуютъ другую комнату, съ парой колоннъ посрединѣ и роялью вдали. Все цѣпенѣетъ уныло въ блѣдныхъ сумеркахъ тусклаго утра, среди пустоты и безмолвія спящаго царства. Валерьянъ Алексѣичъ идетъ впереди, Тихонъ Антонычъ плететс: за нимъ по пятамъ, безмолвно и безотчетно, какъ автоматъ, все съ тѣмъ же мертвенно-остановившимся взоромъ. Дверь на подъѣзд имъ отворяетъ субъектъ съ хмурымъ и соннымъ лицомъ, въ сѣро

курткѣ и опоркахъ на босу-ногу, въ которомъ Тихонъ Антонычъ могъ бы узнать вчерашняго лакея во фракѣ, подававшаго ему вино и дессертъ, но онъ не узнаетъ его, какъ не узнаетъ и тѣхъ стѣнъ, мимо которыхъ проходитъ, словно ничего этого не существуетъ въ дѣйствительности, словно все это только послѣднія грёзы какого-то долгаго, дикаго и страшнаго сна, отъ котораго его, наконецъ, разбудили.

На улицахъ слякоть. Валитъ тяжелыми хлопьями снѣгъ и, коснувшись плитъ тротуара, тотчасъ же таетъ. На мостовой, гдѣ ѣзда, онъ уже превратился въ грязную жижу.

Валерьянъ Алексѣичъ нанимаетъ извощика, на котораго Тихонъ Антонычъ покорно усаживается, бокъ-о-бокъ съ пріятелемъ.

Дорогою оба молчатъ. Тихонъ Антонычъ, съ неподвижнымъ, окаменѣлымъ лицомъ, безсмысленно смотритъ въ бѣлую мглу. Глаза Феноменова устремлены на дорогу, брови низко нахмурены, и на лицѣ лежитъ выраженіе сосредоточенной думы.

Онъ размышляетъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ послѣднимъ событіямъ.

Все произошло отъ того, что возня съ пьянымъ Антономъ, котораго съ немалымъ трудомъ удалось ему отправить домой отняла у него массу времени. Когда Валерьянъ Алексѣичъ вернулся въ залу, Тихона Антоныча тамъ уже не было. Хоръ уже прекратилъ свои упражненія и спускался вразсыпную по лѣстницѣ. Послѣ безуспѣшныхъ поисковъ Тихона Антоныча по всему корридору, съ захожденіемъ даже въ разные его закоулки, пришлось убѣдиться, что юбиляръ исчезъ безвозвратно. Куда онъ исчезъ, съ кѣмъ и когда, — никто не могъ дать Феноменову свѣдѣній. Грохотунскаго не было. Бубенцовъ, нѣсколько минутъ, какъ уѣхалъ. На-лицо былъ одинъ лишь Орлянкинъ да одинъ изъ запоздавшихъ участниковъ хора, сражавшійся въ прихожей съ калошами. Швейцаръ сообщилъ, что видѣлъ старичка, «сильно ужъ пьяненькаго», котораго велъ подъ руку молодой господинъ, «надо полагать, изъ студентовъ», и съ ними были еще господа, не то трое, не то, можетъ, и четверо, и всѣ они, кажется, куда-то ѣхали вмѣстѣ, причемъ старичокъ вынималъ и показывалъ визитную карточку и всѣхъ приглашалъ на именины къ кому-то. Какъ они вышли, швейцаръ уже не видалъ, такъ какъ занятъ былъ выпроваживаньемъ трехъ пьяныхъ господъ, которые ломились наверхъ, говоря, что пришли къ юбиляру, и онъ насилу отъ нихъ отвязался.

Феноменовъ былъ совершенно сбитъ съ толку. Несомнѣннымъ являлось одно, что Тихонъ Антонычъ уѣхалъ съ компаніей моло-

дежи; задача была въ рѣшеніи только вопроса: куда? Изъ его послѣднихъ, безсвязныхъ рѣчей, Валерьяну Алексѣичу вспомнилось блажное намѣреніе посѣтить Пересвѣтовыхъ, — намѣреніе, порожденное идеей объ именинахъ какой-то свояченицы, чему Феноменовъ не придалъ тогда большого значенія, такъ какъ, одновременно съ тѣмъ, онъ старался проникнуть въ смыслъ таинственныхъ совѣщаній между Скачковымъ и Мокряковымъ, изъ которыхъ онъ успѣлъ уловить только то, что они тоже куда-то собираются ѣхать. Принимая во вниманіе, что эти оба молодыхъ человѣка, будучи тоже уже значительно пьяными, не выразили Тихону Антонычу ни малѣйшаго сочувствія въ его странномъ намѣреніи, слѣдовало думать, что они постараются отъ него отвязаться, доставивъ благополучно домой. Къ этому склонялись догадки Валерьяна Алексѣича, и оставалось только окончательно себя успокоить, убѣдившись въ этихъ догадкахъ фактически, а потому Феноменовъ, не теряя болѣе времени, полетѣлъ на Пески.

Тамъ его ждало полнѣйшее разочарованіе. Прасковья Никифоровна, переодѣвшаяся изъ параднаго платья въ домашній капотъ, сидѣла одна передъ самоваромъ, который она, несмотря на позднее время, велѣла поставить, въ виду прибытія Феноменова съ мужемъ, и ждала ихъ съ большимъ безпокойствомъ. На столѣ, рядомъ съ принадлежностями чаепитія, красовался юбилейный подарокъ — чернильница, съ адресомъ въ плюшевой папкѣ, и глаза Прасковьи Никифоровны неподвижно покоились на этихъ предметахъ, на которые падалъ яркій свѣтъ лампы, между тѣмъ какъ мысли ея кружились въ хаосѣ самаго мрачнаго свойства.

— Какъ, вы одни? А гдѣ же Тихонъ Антонычъ?—былъ первый, тревожный вопросъ ея, при появленіи одного Феноменова.

Пришлось разсказать. По объясненію Валерьяна Алексѣича, слѣдовало думать, что Тихонъ Антонычъ на пути уже къ дому, и если его еще нѣтъ, то это могло случиться лишь потому, что ему попалась скверная извощичья кляча, или извощикъ повезъ его кружнымъ путемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ, съ минуты на минуту, пріѣхать. Оставалось только вооружиться терпѣніемъ.

Оба принялись дожидаться. Самоваръ затянулъ заунывную пѣсенку, за окномъ поднималась мятель, и въ трубѣ плакалъ вѣтеръ. Прасковья Никифоровна испускала глубокіе вздохи. Феноменовъ тоже чувствовалъ себя отвратительно. Тягостное молчаніе царило между обоими. Отъ времени до времени, Прасковья Никифоровна принималась прислушиваться, потомъ шепотомъ спрашивала:

— Слышите?... Будто кто-то подъѣхалъ.

Феноменовъ начиналъ тоже прислушиваться, а затѣмъ Прасковьѣ Никифоровнѣ приходилось признаться, что ей только послышалось.

Время текло съ ужасающею медленностью. Было далеко уже за полночь. Тихона Антоныча все еще не было.

Оставалось сдѣлать одно заключеніе, что онъ попалъ къ Пересвѣтовымъ. На томъ и рѣшили. Прасковья Никифоровна чувствовала себя совершенно измученной и нуждавшейся въ полномъ покоѣ. Для Феноменова не представлялось ни малѣйшаго смысла дольше сидѣть здѣсь. Они распрощались, причемъ Валерьянъ Алексѣичъ обѣщался на утро здѣсь побывать и навѣдаться насчетъ положенія дѣлъ.

Было еще раннее утро, значительно раньше поры, въ которую Феноменевъ привыкъ просыпаться, когда его разбудили. Разбудила его престарѣлая дама, нѣкая вдовствующая штабсъ-капитанша, у которой Валерьянъ Алексѣичъ снималъ миніатюрную комнатку, гдѣ онъ жилъ какъ въ футлярѣ, и тутъ же, у нея, столовался, тугова́тая на ухо и потому говорившая голосомъ, разсчитаннымъ на разстояніе, по крайней мѣрѣ, десятка-двухъ саженъ, а тотъ, къ кому адресовалось ея обращеніе, для удовлетворительнаго хода бесѣды, долженъ былъ отликаться соотвѣтственнымъ образомъ, чѣмъ устранялась малѣйшая возможность между ними секретовъ въ отношеніи всякаго посторонняго слушателя, — эта самая дама поразила его, какъ обухомъ, возгласивъ въ пространство полуотворенной двери, надъ самъ изголовьемъ постели погруженнаго въ сонъ Феноменова:

— Вставайте!! Васъ спрашиваютъ!!

— Кто?! — заоралъ въ свою очередь Валерьянъ Алексѣичъ, вскидывая съ подушекъ свою косматую голову.

— Дѣвка какая-то!! Ждетъ!!

«Дѣвкой» оказалась явившаяся къ нему отъ Прасковьи Никифоровны посланницей Дунька, которая во время этого краткаго діалога, стоя за дверью, вздрагивала въ ожиданіи долженствующей произойти сейчасъ ссоры, и съ испугомъ отпрянула отъ громогласной старухи, когда та, сдѣлавъ свое сообщеніе и удаляясь обратно отъ двери, крикнула ей:

— Жди!! Сейчасъ встанетъ!!

Вскорѣ затѣмъ, приглашенная въ комнату Феноменова, Дунька сообщила, что барыня велѣла сказать ему, что Тихона Антоныча о сихъ поръ еще нѣтъ, и что она, барыня, «ужасти какъ безпооится» и прислала ее, Дуньку, узнать, нѣтъ ли его здѣсь, у него, если нѣтъ, и онъ, т.-е. Валерьянъ Алексѣичъ, тоже не знаетъ,

гдѣ онъ, т.-е. Тихонъ Антонычъ, находится, то чтобы похлопоталъ и узналъ, гдѣ онъ можетъ быть, а она, Прасковья Никифоровна, будетъ ждать съ нетерпѣніемъ...

Таковъ былъ смыслъ сообщенія, переданнаго Феноменову Дунькой, въ большихъ попыхахъ, безсвязно, взволнованно, чѣмъ ясно сказывалось то отчаянное состояніе тревоги, въ которое погрузилъ домашнихъ своихъ Тихонъ Антонычъ.

Валерьянъ Алексѣичъ выслушалъ Дуньку, насупившись мрачно, какъ туча, и только сказалъ коротко:

— Хорошо!

Дунька помчалась обратно, а Феноменовъ тотчасъ умылся, одѣлся и, не пивъ даже чаю, устремился на розыски.

По его разсужденію, розыски эти слѣдовало начать по указаніямъ лицъ, которыя находились съ Тихономъ Антонычемъ въ послѣдній моментъ. А такъ какъ несомнѣнно былъ установленъ тотъ фактъ, что Тихонъ Антонычъ не разставался все время съ обществомъ Скачкова и К°, то слѣдовало думать, что нить находилась у нихъ. Всѣ они попали на юбилей, благодаря Грохотунскому. Значитъ, нужно было начать съ Грохотунскаго. Кстати, Валерьянъ Алексѣичъ зналъ его адресъ, хотя никогда у него не бывалъ. Феноменовъ, первымъ дѣломъ, къ нему и направился.

Грохотунскій ужъ бодрствовалъ, но отказался принять Феноменова. Онъ сидѣлъ въ халатѣ, съ головою, обвязанной, въ видѣ чалмы, полотенцемъ, намоченнымъ въ уксусѣ, и испускалъ тяжкіе стоны... Къ другимъ проявленіямъ своего бытія онъ пока не былъ способенъ. Къ Валерьяну Алексѣичу вышла жена его, имѣвшая еще болѣе угнетенный видъ, чѣмъ вчера, на торжественномъ вечерѣ. Феноменовъ заявилъ ей, что ему нужно. М-me Грохотунская ушла и снова вернулась съ отвѣтомъ, что мужъ ея не можетъ ему указать мѣстожительства ни одного изъ названныхъ Феноменовымъ лицъ, такъ какъ это ему самому неизвѣстно. Валерьянъ Алексѣичъ сказалъ, что ему это *необходимо* узнать во что бы ни стало. М-me Грохотунская посовѣтовала обратиться ему къ Бубенцову. Феноменовъ записалъ, гдѣ живетъ Бубенцовъ, поблагодарилъ и раскланялся. Въ переговорахъ своихъ онъ былъ суровъ, настойчивъ, но кратокъ.

Бубенцовъ обиталъ въ меблированныхъ комнатахъ на Невскомъ проспектѣ. Онъ еще спалъ и, по заявленію горничной дѣвушки, велѣлъ себя не будить. Валерьянъ Алексѣичъ заявилъ, что *нужно* его разбудить... Дѣвушка указала дверь его комнаты, снявъ съ себя всю отвѣтственность за могущіе произойти отъ того результаты.

На энергичный и повторенный нѣсколько разъ стукъ Феноменова въ дверь, изъ комнаты отвѣчало гробовое молчаніе. Валерьянъ Алексѣичъ потрогалъ за ручку. Дверь оказалась незапертой, а потому онъ, не теряя болѣе времени, отворилъ ее и вошелъ.

Комната имѣла обычный видъ меблированныхъ комнатъ, съ тѣмъ характеромъ неуютности и безпорядка, который съ перваго взгляда показывалъ, что хозяинъ ея — холостякъ, и живетъ здѣсь только налётомъ. На диванѣ валялась раскрытая книга съ разсыпанной пачкой полунабитыхъ папиросныхъ патроновъ. На письменный столъ попала жилетка, а рядомъ съ нею виднѣлась женская, черной лайки, перчатка. Комната была совершенно пуста, но откуда-то близко раздавался аппетитнѣйшій храпъ. Феноменовъ оглядѣлся вокругъ и увидѣлъ сзади себя темную занавѣсь, съ виднѣвшимся сбоку краемъ мраморнаго умывальнаго столика. Онъ отдернулъ въ сторону занавѣсь и обнаружилъ постель, на которой спалъ богатырскимъ сномъ Бубенцовъ.

Онъ спалъ на спинѣ, закинувъ одну руку подъ голову и, судя по глубоко-спокойному выраженію красиваго, молодого лица Бубенцова, грёзы его были самаго безмятежнаго свойства. Но это лицо тотчасъ же сморщилось, когда Валерьянъ Алексѣичъ потрясъ спящаго слегка за плечо, а глаза медленно раскрылись на Феноменова, посмотрѣли на него неподвижно-безсмысленнымъ взглядомъ и снова закрылись.

— Послушайте,—прогудѣлъ надъ нимъ басъ Феноменова.

— Отстаньте, не хочу простокваши...—пробормоталъ сквозь зубы въ отвѣтъ Бубенцовъ.

— Послушайте, вамъ говорятъ! — настойчивѣе повторилъ Валерьянъ Алексѣичъ.

Голова Бубенцова вскинулась быстро съ подушекъ и раскрывшіеся снова глаза, съ выраженіемъ дикаго ужаса, уставились въ виднѣвшуюся передъ ними фигуру. Фигура эта была длиннѣйшаго роста, съ косматой растительностью и въ огромнѣйшей шапкѣ.

— Съ добрымъ утромъ! — произнесла эта фигура.

Голова Бубенцова упала опять на подушки.

— Фу, чортъ, какъ вы меня испугали!

— Виноватъ,— прогудѣлъ Феноменовъ,— имѣю до васъ нужное дѣло...

И тотчасъ же, не входя въ объясненія, онъ объявилъ Бубенцову, что ему крайне необходимъ адресъ котораго-нибудь изъ четверыхъ молодыхъ людей, бывшихъ вчера на обѣдѣ.

— А чортъ ихъ знаетъ!—отвѣчалъ Бубенцовъ, закрывая гла-

за, какъ бы собираясь продолжать прерванный сонъ.—Мнѣ они неизвѣстны.

Валерьянъ Алексѣичъ замѣтилъ, что онъ имѣетъ причины интересоваться вопросами, куда они отправились съ вечера.

Бубенцовъ сонно отвѣтилъ, что этого онъ тоже не знаетъ, что послѣ обѣда онъ не обращалъ на нихъ совершенно вниманія, что, по всей вѣроятности, они отправились куда-нибудь «путаться»...

— Ну, да, теперь помню,—прибавилъ Бубенцовъ сквозь зѣвоту,—они собирались «ко львамъ»... Орлянкинъ тоже съ ними хотѣлъ...—и, раскрывъ вдругъ глаза, онъ съ недоумѣніемъ ими окинулъ все время стоявшаго передъ нимъ Феноменова.—Да вамъ-то что за дѣло до нихъ?

— «Ко львамъ»...—бормоталъ огорошенный Валерьянъ Алексѣичъ.—Это что же, звѣринецъ, что ли, какой?

Тутъ Бубенцовъ, разинувшій было ужъ ротъ, чтобъ аппетитно зѣвнуть, вдругъ разсмѣялся.

— Ха, ха, звѣринецъ... Ну, нѣтъ, не совсѣмъ... А вы развѣ не знаете?

— Не знаю,—мрачно отвѣчалъ Феноменовъ. Получивъ объясненіе, онъ еще мрачнѣе спросилъ: — А гдѣ они, эти «львы», обрѣтаются?

При этомъ вопросѣ Бубенцовъ оперся на локоть и снова окинулъ глазами, въ которыхъ выразилось уже теперь удивленіе, съ ногъ до головы Феноменова.

— Да что это вамъ такъ интересно? Наскандалили, что ли, они!

— Гдѣ эти «львы» обрѣтаются?—настойчиво повторилъ Валерьянъ Алексѣичъ.

Выслушавъ адресъ, причемъ лицо Феноменова приняло окончательно человѣконенавистнѣйшій видъ, Валерьянъ Алексѣичъ буркнулъ:

— Прощайте. Извините, что потревожилъ.

И, не прибавивъ больше ни слова, приподнявъ только свою косматую шапку, въ которой онъ стоялъ все время передъ Бубенцовымъ, Феноменовъ задернулъ опять занавѣску и сдѣлался въ ту же минуту невидимъ...

— Да послушайте вы, наконецъ,—крикнулъ было ему, с всѣмъ уже разгулявшійся, его собесѣдникъ, но ему отвѣчалъ тол ко стукъ захлопнутой двери.—Чортъ тебя побери, полоумное чу чело!—пробормоталъ Бубенцовъ, натягивая на себя одѣяло, съ на мѣреніемъ попытаться снова заснуть.

Очутившись на улицѣ, Феноменовъ чувствовалъ себя въ та

комъ состояніи, будто по головѣ его ошарашили. То, что въ видѣ догадки, сообщилъ ему Бубенцовъ, было самое худшее, что только возможно было представить. Ни на одно мгновеніе мысль о подобномъ не приходила ему еще въ голову! Положимъ, это могло оказаться и вздоромъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя было ничего оставлять безъ вниманія, все нуждалось въ провѣркѣ, все требовало необходимо разслѣдованія. Оставалось только ѣхать «ко львамъ». А потому Валерьянъ Алексѣичъ отбросилъ всѣ размышленія въ сторону и склонился предъ волей неодолимой судьбы. Онъ нанялъ извощика и поѣхалъ «ко львамъ».

. . . . . .

— Стой!—крикнулъ Феноменовъ извощику, обрывая нить своихъ думъ.

Санки остановились передъ подъѣздомъ длиннаго одноэтажнаго зданія съ вывѣской, на которой большими бѣлыми буквами по синему полю было начертано: «Семейныя бани».

— Вылѣзай,—произнесъ Валерьянъ Алексѣичъ.

Съ той же покорностью, съ которой онъ теперь дѣлалъ все, что Феноменовъ велѣлъ ему дѣлать, Тихонъ Антонычъ исполнилъ и это. Повидимому, въ немъ сохранилась одна лишь способность бессознательныхъ, машинальныхъ движеній. Феноменовъ расплатился съ извощикомъ, отворилъ дверь подъѣзда, пропустилъ впередъ своего безмолвнаго спутника, купилъ въ кассѣ билетъ, спросилъ что-то у встрѣтившагося имъ въ корридорѣ безбородаго парня въ бѣлой рубахѣ, который тотчасъ же отворилъ какую-то дверь—и Тихонъ Антонычъ очутился въ номерѣ бани.

Парень въ бѣлой рубахѣ, держа подъ-мышкою вѣникъ, принесъ простыню, мочало и мыло и подалъ это все Феноменову.

— Больше ничего не потребуется?—спросилъ въ заключеніе парень въ бѣлой рубахѣ.

— Ничего!—отвѣтилъ ему Феноменовъ и, когда тотъ ушелъ, обратился къ пріятелю:—Раздѣвайся! Можешь руками-то двигать?

Неловко, медлительно, все такъ же послушно и все такъ же безмолвно, Тихонъ Антонычъ принялся освобождать себя отъ одеждъ. Валерьянъ Алексѣичъ тоже сталъ раздѣваться, приходя на помощь къ пріятелю въ тѣхъ случаяхъ, когда его пальцы особенно туго справлялись съ какой-нибудь пуговицей. Скоро Валерьянъ Алексѣичъ, покрытый весь шерстью, принялъ видъ худощавой гориллы. Тихонъ Антонычъ, тоже успѣвшій раздѣться, съ своей жирненькой грудью и длинными, падавшими до плечъ кудерьками, сдѣлался отчасти похожъ на престарѣлую женщину. Онъ сидѣлъ, опу-

стившись всѣмъ туловищемъ и смотрѣлъ очень внимательно на виднѣвшійся въ рукѣ у Феноменова вѣникъ.

— Чего заглядѣлся?—сурово спросилъ его Валерьянъ Алексѣичъ.—Думаешь, драть тебя буду?

Тихонъ Антонычъ медленно поднялъ обѣ руки къ головѣ—и вдругъ, неожиданно, произнесъ, наконецъ, въ первый разъ, какое-то невнятное слово...

— Что?—спросилъ Феноменовъ.

— Голова...—прохрипѣлъ Тихонъ Антонычъ.

— Что голова?—спросилъ опять Феноменовъ.

— Болитъ...—прохрипѣлъ опять Тихонъ Антонычъ.

Онъ закрылъ руками лицо, и все его голое тѣло внезапно затряслось отъ рыданій.

— Боже мой, Боже мой!—всхлипывалъ Тихонъ Антонычъ, между тѣмъ какъ слезы обильнымъ потокомъ текли у него между пальцами, бѣжали по подбородку и шеѣ и орошали обнаженную грудь.— До чего дойти и унизиться... потерять все... все, все потерять... загрязнить, заплевать, чѣмъ должно было гордиться... сдѣлаться посмѣшищемъ, тряпкой... Не смѣть смотрѣть теперь людямъ въ глаза. Жалкій, старый дуракъ! Драть, драть меня надо. Правда твоя! Дери меня, дери, голубчикъ, Валерьянъ Алексѣичъ... больнѣе дери... я того стою!

— Ну, ну, довольно! Вставай!—топнувъ босою ногою, прикрикнулъ на него Феноменовъ, и Тихонъ Антонычъ въ ту же минуту умолкъ. Феноменовъ подхватилъ его подъ руку, поднялъ съ дивана и повелъ медленно въ баню, держа въ другой рукѣ вѣникъ. Онъ имѣлъ такой видъ, будто, дѣйствительно, собирался произвести надъ нимъ экзекуцію. Въ банѣ Валерьянъ Алексѣичъ окатилъ его изъ шайки водою, окатился и самъ, послѣ чего взвелъ его на полокъ и сурово промолвилъ:

— Ложись!

Проливая беззвучныя слезы, Тихонъ Антонычъ улегся ничкомъ на полокъ, а затѣмъ оттуда послышалось шлепанье вѣника по голому тѣлу.

Спустя нѣсколько времени, Валерьянъ Алексѣичъ свелъ обратно Тихона Антоныча, теперь совсѣмъ уже краснаго, внизъ, окатилъ его вновь, съ головы до ногъ, водою изъ шайки и привелъ в передбанникъ. Тамъ онъ накинулъ на него простыню и, въ заключеніе всего, не измѣняя прежняго суроваго тона, спросилъ:

— Ну, легче теперь?

— Легче,—прошепталъ Тихонъ Антонычъ. Лицо его остав

лось все еще скорбнымъ, но въ чертахъ, дѣйствительно, замѣчалось больше спокойствія. Немного погодя, онъ прибавилъ, что ему сильно хочется спать.

Оба, прежнимъ порядкомъ, принялись одѣваться, и, когда были готовы, все такъ же молча, вышли изъ бани. Феноменовъ, опять какъ и давеча, шагалъ впереди, а Тихонъ Антонычъ разслабленною поступью плелся за нимъ слѣдомъ. У подъѣзда оказался извощикъ, который и былъ ими тотчасъ же нанятъ.

Дорогой, опять какъ и давеча, пріятели не обмолвились между собою ни словомъ. Валерьянъ Алексѣичъ смотрѣлъ пристально въ землю. Тихонъ Антонычъ ушелъ всѣмъ лицомъ въ воротникъ своей старой шинели, вплоть до самаго околыша шапки, и погрузился въ дремоту. Сперва, на ухабахъ, онъ раскачивалъ головой въ разныя стороны, потомъ припалъ ею къ плечу Феноменова и оставался уже до конца въ такомъ положеніи.

Вдругъ онъ сильно клюнулся носомъ впередъ, вздрогнулъ и воззрился. Извощикъ стоялъ у воротъ его дома.

Тихонъ Антонычъ суетливо схватился съ сидѣнья, вылѣзъ изъ санокъ и устремился къ калиткѣ.

— Стой!—прогудѣлъ за нимъ басъ Феноменова, и Тихонъ Антонычъ въ ту же минуту застылъ на мѣстѣ, какъ вкопанный.

Валерьянъ Алексѣичъ расплатился съ извощикомъ, не торопясь подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Тихонъ Антонычъ, остановился и устремилъ глаза прямо въ лицо ему. Въ этихъ темныхъ, всегда сердитыхъ глазахъ, виднѣлось теперь что-то особенное...

— Слушай меня хорошенько, Тихонъ Антонычъ,—раздѣльно и медленно заговорилъ Феноменовъ.—Слушай меня въ оба уха и заруби у себя на носу. То, что тебѣ мерещилось сегодняшнею ночью, былъ только сонъ. *Ничего этого, въ сущности, не было.* Гдѣ и что съ тобой было—*тебѣ неизвѣстно.* Запомни это и знай навсегда! Ты *понялъ* меня?—выразительнымъ тономъ прибавилъ Валерьянъ Алексѣичъ.

— Понялъ,—прошепталъ, чуть слышно, Тихонъ Антонычъ.

— *Запомнилъ?*

— Запомнилъ.

— Ну, теперь двигайся!

Появленіе ихъ вышло цѣлымъ событіемъ. Дунька бросилась на встрѣчу къ хозяину съ такимъ выраженіемъ, будто онъ считался умершимъ и неожиданно ожилъ. Дружокъ заскакалъ, завизжалъ и заметался, какъ одурѣлый. Тришка прооралъ во все горло подрядъ цѣлыхъ три слова: «здравія желаю, на караулъ, съ праздникомъ!»

Изъ столовой вышла поспѣшно Прасковья Никифоровна, хотѣла было что-то сказать, но развела только руками и опустилась на стулъ, какъ бы задохнувшись. Затѣмъ она тотчасъ же поднялась снова на ноги и устремилась на встрѣчу.

Тихонъ Антонычъ медлительно, съ чувствомъ поцѣловалъ троекратно руку жены, оглядѣлся по комнатѣ, словно ища въ ней какихъ-то, долженствовавшихъ произойти въ отсутствіе его, перемѣнъ, опустился тяжело на диванъ и потупился.

— Наконецъ! Слава Богу!—воскликнула Прасковья Никифоровна.—Что съ тобой было, скажи мнѣ, ради Создателя?! Отчего у тебя мокрые волосы?...

Тихонъ Антонычъ молчалъ, не подымая глазъ отъ земли. Лицо его было разстроено, губы подергивались. Прасковья Никифоровна стояла и смотрѣла съ пытливою тревогой на мужа. Дунька тоже стояла и смотрѣла на барина изъ двери прихожей.

— Потомъ, потомъ все разскажетъ!—загудѣлъ Феноменовъ.—Пока ему слѣдуетъ спать. Уложите его, Прасковья Никифоровна! Это пока будетъ лучшее.

— Да, да... спать, спать,—пробормоталъ Тихонъ Антонычъ, подымаясь съ дивана, и направился въ спальню.

За нимъ послѣдовала Прасковья Никифоровна. Она помогла мужу раздѣться, уложила, укрыла его и вернулась затѣмъ къ Феноменову, горя нетерпѣніемъ знать, гдѣ провелъ эту ночь Тихонъ Антонычъ.

Свѣдѣнія оказались до чрезвычайности скудными. Тихонъ Антонычъ былъ увезенъ Грохотунскимъ, у котораго и нашелъ его Валерьянъ Алексѣичъ. Тихонъ Антонычъ очень нехорошо себя чувствовалъ, почему Валерьянъ Алексѣичъ счелъ полезнымъ свезти его въ баню. Теперь ему лучше, и пока единственное, что для него только требуется, это—дать ему выспаться. Разспрашивать его о вчерашнемъ будетъ совсѣмъ безполезно, такъ какъ Тихонъ Антонычъ ничего, какъ есть ничего абсолютно не помнитъ.

Окончивъ этотъ докладъ, Валерьянъ Алексѣичъ поспѣшилъ распроститься, несмотря на упрашиванья Прасковьи Никифоровн посидѣть еще хоть минуточку.

Домъ погрузился въ безмолвіе.

Прасковья Никифоровна тоже чувствовала себя утомленной несмотря на то, что крѣпко спала эту ночь. Она заснула тотчас же, какъ только ушелъ вчера Валерьянъ Алексѣичъ, заснула как камень, опущенный въ воду, и не имѣла никакихъ сновидѣні Проснулась она въ свое обычное время. И въ то же мгновеніе

стое мѣсто рядомъ съ ней на постели всколыхнуло въ ея головѣ все вчерашнее и погрузило опять въ состояніе жестокой тревоги... Дунька помчалась во весь духъ къ Феноменову, а Прасковья Никифоровна принялась снова терзаться. Возвращеніе Дуньки не принесло съ собой ничего утѣшительнаго, и Прасковья Никифоровна впала уже окончательно въ безмолвное и тупое отчаяніе. Но дѣла должны были идти своимъ чередомъ и она опять, какъ всегда, отправилась самолично на рынокъ. Эта прогулка ее немного разсѣяла и даже принесла съ собой нѣчто, имѣвшее дѣйствіе нѣсколькихъ капель животворной росы, освѣжившей немного ея истомленную душу. Прикащикъ въ мясной, гдѣ знали ее уже нѣсколько лѣтъ, поздравилъ Прасковью Никифоровну со вчерашнимъ событіемъ. О немъ было напечатано сегодня въ газетѣ, и всѣ въ лавкѣ только что о томъ толковали. Ей былъ показанъ и номеръ газеты. Тихонъ Антонычъ выписывалъ не эту, а другую газету, гдѣ о юбилеѣ ничего не было сказано, а потому Прасковья Никифоровна, вернувшись домой, послала тотчасъ же Дуньку на Слоновую улицу купить у газетчика указанный номеръ... Выхвативъ у Дуньки газету, Прасковья Никифоровна нетерпѣливо вооружилась очками и скоро нашла въ ней то мѣсто, гдѣ говорилось о юбилеѣ... Правда, сказано было немного (статья, разсчитанная въ оригиналѣ на цѣлый столбецъ, обратилась въ замѣтку изъ полутора десятка коротенькихъ строкъ), но упомянуты были и «дружная педагогическая семья», и «глубоко прочувствованная рѣчь юбиляра», сказано было объ адресѣ и о поднесенномъ юбиляру подаркѣ.. Съ сожалѣніемъ нужно отмѣтить то обстоятельство, что Непромокаевъ названъ былъ Промокаевымъ, и это было единственное, что нѣсколько портило все впечатлѣніе, но это былъ, конечно, пустякъ въ сравненіи со всѣмъ остальнымъ... Прасковья Никифоровна перечитала замѣтку нѣсколько разъ. Газета, въ которой она была напечатана, получила въ глазахъ Прасковьи Никифоровны живой интересъ, и она принялась читать ее всю. Она прочла политику, прочла фельетонъ (отрывокъ изъ какого-то *Таинственнаго умерщвленія герцогини*), прочла столичную хронику, прочла объявленія, и каждый разъ, прочтя то или другое, возвращалась опять къ той же замѣткѣ... Она могла бы теперь сказать ее всю наизусть. Газета сослужила ей великую службу, притупивъ на нѣсколько времени мучительное состояніе духа по поводу отсутствія мужа.

Вотъ и теперь, когда всѣ тревоги ея разрѣшились благополучнымъ концомъ, она взялась за газету, прилегла на диванъ и принялась перечитывать снова замѣтку. Она читала ее съ новымъ вку-

сомъ, потому что въ душѣ ея царствовалъ миръ и волноваться не было больше причинъ.

Мертвая тишина стояла вокругъ. На улицѣ снѣгъ все продолжалъ еще падать тяжелыми хлопьями. Бѣлый свѣтъ полудня походилъ на ненастныя сумерки.

Тришкѣ, задумчиво сидѣвшему въ клѣткѣ, надоѣло, повидимому, это безмолвіе. Онъ встряхнулся и заболталъ самъ съ собою, пересыпая со словами обычнаго своего лексикона тѣ новыя, которыя ему удалось заучить въ эти послѣдніе дни:

— «Юбилей, юбиляръ, накрывайте на столъ, попочкѣ кушать, здравія желаю, душа моя преисполнена...»

VIII.

Повѣствованіе наше окончено. Если исторія, названная въ подзаголовкѣ «несовсѣмъ обыкновенной», не оправдала ожиданій читателя, то автору ея остается только скорбѣть о томъ отъ глубины всего сердца, и особенно скорбѣть потому, что онъ не въ силахъ былъ сдѣлать иначе. Онъ былъ бы безмѣрно счастливъ и гордъ, еслибы обладалъ широкою кистью, которая, смѣлыми взмахами, могла явить восхищенному взору какой-нибудь яркій, выпуклый образъ, какую-нибудь свѣтлую, сильную личность, хотя бы вродѣ Лео Шпильгагена, что ли; но такъ какъ этого ему не дано, то, конечно, и нечего думать объ этомъ. Удѣлъ его — одно заурядное, мелкое, фонъ картинъ его тусклъ, фигуры будничны, сѣры, окрашены сумрачнымъ свѣтомъ, который смотритъ въ окно его комнаты, и ничего уже противъ того не подѣлаешь. Еще болѣе для него огорчительно то обстоятельство, что, вѣдь, дѣйствительно, нужно признать существованіе того же самаго солнца, которое льетъ на весь міръ свѣтъ и радость, существованіе яркихъ и крупныхъ фигуръ, которыя могутъ стоять образцами среди окружающей ихъ сѣрой, будничной массы, — только вотъ онъ-то, авторъ, не можетъ ихъ нигдѣ уловить, потому что таковымъ уже онъ уродился, и приходится ему на томъ успокоиться, ибо это въ немъ органическое, ибо онъ, въ этомъ смыслѣ, является «цвѣткомъ, возросшимъ на почвѣ ингерманландскихъ болотъ», какъ остроумно выразился не давно о немъ нѣкій критикъ, въ лицѣ котораго авторъ привыкъ почитать одного изъ наиболѣе глубокомысленныхъ и проницательныхъ критиковъ нашего благополучнаго времени.

Всѣ эти размышленія, пожалуй, совершенно излишни, и авторъ даже совсѣмъ не предполагалъ ихъ высказывать, но это случил

какъ-то невольно. А случилось это благодаря тому обстоятельству, которое заставило автора присовокупить еще эту послѣднюю, небольшую главу, въ чемъ также сперва не предвидѣлось надобности. А разъ уже это случилось, приходится, волей-неволей, прибавить еще нѣсколько строкъ о дальнѣйшей судьбѣ дѣйствующихъ лицъ этого безхитростнаго повѣствованія.

Первое мѣсто, конечно, по всей справедливости, принадлежитъ центральной фигурѣ.

Послѣ неожиданнаго и фантастическаго заключенія своего юбилея Тихонъ Антонычъ, вскорѣ послѣ того, какъ Феноменовъ его доставилъ домой, заболѣлъ серьезно и тяжко. Въ теченіе нѣсколькихъ дней жизнь его находилась даже въ опасности, но организмъ превозмогъ, и Тихонъ Антонычъ всталъ снова на ноги. Поправлялся онъ долго и трудно и только къ веснѣ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Болѣзнь на немъ не оставила какихъ-либо слѣдовъ, за исключеніемъ развѣ того, что онъ постарѣлъ какъ-то сразу на нѣсколько лѣтъ, да походка его утратила прежнюю бодрость. Онъ сталъ задумчивѣе, сосредоточеннѣе, неохотно выходилъ на прогулку и предпочиталъ сидѣть на одномъ мѣстѣ дивана, гдѣ вслѣдствіе этого образовался довольно глубокій провалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пріобрѣлъ большую наклонность къ тихимъ, копотливымъ занятіямъ, вродѣ дѣланья рамокъ, клейки коробочекъ и проч., но особенно онъ полюбилъ сооруженіе разныхъ построекъ изъ существующихъ въ продажѣ картонныхъ листовъ съ нарисованными отдѣльно на нихъ принадлежностями этихъ построекъ, такъ что, при помощи ножницъ и клейстера, можно въ теченіе нѣсколькихъ дней получить совершенно благоустроенный замокъ или швейцарскую хижину, съ крѣпко стоящими вокругъ нихъ на ногахъ обитателями, кустами, животными, даже, пожалуй, и представителями пернатаго царства.

Замѣчательно, что Тихонъ Антонычъ никогда не вспоминаетъ о своемъ юбилеѣ и даже тяготится, повидимому, когда о немъ вспоминаютъ другіе. Еще нужно упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ: онъ окончательно охладѣлъ къ прежнимъ своимъ занятіямъ съ Тришкой, даже совсѣмъ пересталъ съ нимъ разговаривать. Во время болѣзни такъ должно было случиться просто ужъ въ силу вещей. Но когда Тихонъ Антонычъ, поправившись, вышелъ въ первый разъ въ комнату, и Тришка привѣтствовалъ его какою-то фразой, хозяинъ его отвѣчалъ холоднымъ безмолвіемъ. Отсюда произошелъ тотъ результатъ, что Тришка, дѣлавшій было сначала попытки вести самъ съ собой бесѣды и не получая въ томъ поощре-

нія, сталъ подавать все рѣже и рѣже свой голосъ и кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ замолчалъ. Онъ проявлялъ признаки жизни лишь тѣмъ, что издавалъ иногда только свистъ или звукъ въ подражаніе скрипу ножа по тарелкѣ, но какихъ-либо словъ отъ него никто уже больше не слышалъ, и нужно было думать, повидимому, что пріобрѣтенная съ такими стараніями способность членораздѣльной человѣческой рѣчи утрачена имъ навсегда.

Взамѣнъ голоса Тришки теперь раздаются звуки другого, дѣтскаго голоса. Это—голосъ любимца Прасковьи Никифоровны, внучка Сережи, которому уже восемь лѣтъ. Онъ здѣсь поселился вскорѣ послѣ того, какъ Тихонъ Антонычъ сталъ поправляться, и это послужило большимъ облегченіемъ для дочери Нади, потомство которой успѣло съ тѣхъ поръ увеличиться новымъ членомъ женскаго рода (кстати сказать, ея недоразумѣніе съ матерью разрѣшилось самымъ благополучнѣйшемъ образомъ, и прежнія добрыя ихъ отношенія состоятъ опять въ прежней силѣ). Прасковья Никифоровна души не слышитъ въ пріемышѣ. Тихонъ Антонычъ тоже крѣпко любитъ его. Отрадно смотрѣть, какъ сидятъ они вмѣстѣ,—старый да малый. Тихонъ Антонычъ, погрузившись въ продавленное имъ мѣсто въ диванѣ, сосредоточенно вырѣзываетъ ножницами какую-нибудь принадлежность постройки. Сережа, съ затаеннымъ дыханіемъ, слѣдитъ за работой, участвуя въ ней по мѣрѣ своихъ дѣтскихъ силёнокъ: пододвигаетъ, по приказанію дѣдушки, баночку съ клейстеромъ, передаетъ ему то или другое, и проч. И трудно рѣшить, кто изъ обоихъ ихъ сильнѣе ощущаетъ то удовольствіе, которое доставляютъ имъ успѣшные результаты работы. Между Прасковьей Никифоровной и Тихономъ Антонычемъ давно рѣшено, что, по достиженіи узаконеннаго возраста, Сережа поступитъ въ приготовительный классъ той самой гимназіи, гдѣ прежде служилъ Тихонъ Антонычъ, и все дальнѣйшее воспитаніе мальчика должно пройти подъ ближайшимъ ихъ руководствомъ.

Необходимо сказать кое-что объ Антонѣ. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ остановиться на какомъ-нибудь родѣ дѣятельности, онъ, наконецъ, выбралъ искусство велосипедиста. Въ немъ онъ обнаружилъ большія способности и лихо теперь разъѣзжаетъ по улицамъ невской столицы. Онъ участвовалъ не разъ въ состязаніяхъ и получилъ даже знаки отличія. Недавно онъ готовился къ какой-то гонкѣ на призъ. Онъ завелъ себѣ и костюмъ, присвоенный его новому званію: женскіе чулки, башмаки, кургузую кофточку и фуражку въ видѣ кострюльки. Въ этомъ костюмѣ посѣтилъ онъ родителей, въ первый разъ, прошлымъ лѣтомъ. Вооб

онъ довольно часто къ нимъ пріѣзжаетъ, производя большую сенсацію, особенно среди встрѣчныхъ собакъ и мальчишекъ, на мирныхъ стогнахъ Песковъ, туго воспринимающихъ плоды несущагося впередъ неуклонно прогресса. Даже какой-то одинъ взрослый уже обыватель (правда, онъ былъ въ пьяномъ видѣ) запустилъ ему въ догонку упавшимъ какъ разъ съ проѣзжавшаго въ то время воза съ дровами полѣномъ. Во всемъ остальномъ Антонъ остался такимъ же. При встрѣчахъ съ Опорковымъ онъ хлопаетъ его по плечу и предлагаетъ давать уроки велосипеднаго спорта, а Иванъ Демьянычъ качаетъ на это лишь головой и усмѣхается своею горькою усмѣшкой человѣка, давно ужъ покончившаго всѣ земные разсчеты.

Попрежнему часто посѣщаетъ пріятеля Валерьянъ Алексѣичъ. Это имя напоминаетъ то обстоятельство, которое послужило причиной, заставившей автора написать эту главу. То былъ одинъ случай — неожиданный, небывалый, можно сказать, безпримѣрный. Валерьянъ Алексѣичъ, въ первый разъ, за все долголѣтнее знакомство съ Тихономъ Антонычемъ и Прасковьей Никифоровной, внезапно, въ присутствіи ихъ, *расхохотался!*

Происшествіе это случилось нынѣшнимъ лѣтомъ.

Былъ ясный вечеръ. Цѣлый день нестерпимо палившее солнце закатывалось. На улицахъ свирѣпствовала еще духота, но въ садикѣ, разбитомъ во дворѣ дома Непромокаемыхъ, стояла прохлада. Зимой этотъ садикъ совсѣмъ исчезалъ среди снѣжныхъ сугробовъ, и о существованіи его, пожалуй, было бы невозможно и догадаться, но лѣтомъ онъ являлъ изъ себя зеленую, тѣнистую кущу, въ видѣ нѣсколькихъ экземпляровъ березы, рябины и липы, окружавшихъ врытое въ землю невысокое бревнышко съ утвержденнымъ сверху его рядомъ дощечекъ, вслѣдствіе чего получился довольно удовлетворительный столъ. Сюда, въ этотъ вечеръ, вынесенъ былъ самоваръ со всѣмъ чайнымъ приборомъ, и вокругъ него засѣдали Прасковья Никифоровна съ Тихономъ Антонычемъ и Феноменовъ. Въ первый разъ еще, въ это лѣто, пили они чай на воздухѣ.

Чай былъ уже отпитъ. Прасковья Никифоровна перемывала посуду. Тихонъ Антонычъ и Валерьянъ Алексѣичъ только что сыграли въ пикетъ и пребывали въ безмолвіи. Феноменовъ, въ новой, широко сидѣвшей на немъ коломянковой парѣ, курилъ, слѣдя за расплывавшимися въ воздухѣ кольцами дыма. Тихонъ Антонычъ, въ своемъ всегдашнемъ халатѣ, смотрѣлъ неопредѣленно въ пространство, постукивая пальцами по столу. Отъ времени до времени, онъ обращалъ свой взоръ на Сережу, который, поодаль, присѣвши къ землѣ, устраивалъ огородъ посредствомъ втыкаемыхъ въ нее ма-

ленькихъ прутиковъ. Опустившійся на заднія лапы Дружокъ внимательно слѣдилъ за работой Сережи. Всю эту картину наблюдалъ издали Тришка, клѣтка котораго, по случаю прекрасной погоды, была вынесена тоже на воздухъ.

— Я думаю, нынѣшнимъ лѣтомъ, ремонтировать домъ! — нарушилъ внезапно молчаніе Тихонъ Антонычъ.

Прасковья Никифоровна подняла глаза отъ полоскательной чашки, взглянула на мужа, но ничего не сказала. Валерьянъ Алексѣичъ тоже взглянулъ на пріятеля и произнесъ только:

— Гм...

— Вставить новыя рамы, выкрасить стѣны, сдѣлать новую крышу... А?... Что ты скажешь на это?

— Гм...—произнесъ Феноменовъ.

— Хорошо бы еще и вотъ здѣсь, — Тихонъ Антонычъ обвелъ рукою вокругъ, — посадить нѣсколько кустиковъ... Выйдетъ прекраснѣйшій садикъ.

Тихонъ Антонычъ мечтательно взглянулъ на верхушки деревьевъ. Въ чащѣ рябины чирикнулъ, какъ бы въ отвѣтъ ему, воробей.

Солнце уже разсталось съ деревьями, освѣщая теперь стѣну дома, съ раскрытыми настежъ окошками, и добираясь до Тришки.

Вдругъ попугай зашевелился на перекладинѣ клѣтки и произнесъ какое-то слово. Было уже упомянуто, что онъ давно совсѣмъ пересталъ говорить. Всѣ обернулись въ ту сторону; даже Сережа, для котораго это обстоятельство являлось совершенною новостью, бросилъ свой огородъ и принялся смотрѣть на Тришкину клѣтку.

Тришка поползъ вверхъ по стѣнкѣ, усѣлся въ кольцо, качнулся на немъ раза два и очень явственно крикнулъ:

— «Молодѣю, молодѣю!»

— Что онъ кричитъ?—воскликнулъ, въ крайнемъ изумленіи Сережа.

— «Молодѣю душо-ой!»—опять крикнулъ Тришка.

Сережа во всѣ глаза глядѣлъ на него, стоя на мѣстѣ, какъ вкопанный.

Валерьянъ Алексѣичъ откинулся спиной на стулъ, и вдругъ по саду и по двору раздался его хохотъ. Тихонъ Антонычъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ то на него, то на Тришку.

— Ха, ха, ха!—грохоталъ Феноменовъ.—Ну-ка, ну-ка, еще!

— «Душо-ой...» — высокимъ фальцетомъ протянулъ опять Тришка и, спрыгнувъ съ кольца, поползъ по клѣткѣ внизъ головой.—«Вновь молодѣю душо-ой...»

— Ха, ха, ха, ха!—грохоталъ Феноменовъ.

Мих. Альбовъ

МРАКЪ.

I.

Было тусклое, дождливое осеннее утро. Въ «господскомъ» домѣ Верхъ-Камышинскаго завода, съ покосившимися полами, обвалившеюся штукатуркой лѣпныхъ потолковъ, съ голыми, ободранными стѣнами, на которыхъ блестѣло кое-гдѣ золото нѣкогда дорогихъ обоевъ,—угрюмо ходилъ изъ конца въ конецъ по длинному ряду комнатъ управляющій Камышинскими заводами, горный инженеръ Псалтыринъ. Онъ былъ мраченъ, какъ туча, и нервно крутилъ свои тощіе тараканьи усы. Что-то чрезвычайно скорбное, страдальческое ютилось въ рѣзкихъ складкахъ его измученнаго лица и въ большимъ сѣрыхъ глазахъ, упорно смотрѣвшихъ, но ничего не видѣвшихъ передъ собою. Иногда онъ подходилъ къ окну и, заложивъ за спину руки, долго стоялъ, не двигаясь и почти не сознавая окружающаго.

Дождь монотонно отбивалъ безпрерывную дробь, и водяныя струйки, какъ безконечныя слезы, торопливо сбѣгали внизъ по стеклу, перегоняя другъ друга. Изъ окна сквозь сѣрую мглу смутно виднѣлась заводская площадь и раскиданныя по ней безобразныя развалины заводскихъ строеній; кричная фабрика съ рухнувшею внутрь корпуса крышей, развалившаяся и размытая дождемъ доменная печь, покачнувшееся на бокъ зданіе бывшей заводской конторы съ зіяющими окнами безъ рамъ, голые черные остовы истлѣвшихъ заводскихъ сараевъ. Правѣе тускло мерцала поверхность обмелѣвшаго пруда; дальше, за нимъ мерещились неясныя, едва замѣтныя очертанія горъ.

Камышинскіе заводы давнымъ-давно бездѣйствовали (производительность ихъ умерла вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ) и представляли собою печальное зрѣлище. Заводскія строенія, потерявъ всякую цѣнность, превратились въ груды развалинъ, громадные

пруды обмелѣли, рудниковыя шахты засыпались землей и обросли лѣсомъ, навсегда умолкъ перекрестный стукъ кричныхъ молотовъ, грохотъ машинъ и могучіе вздохи доменныхъ печей. Всѣхъ заводовъ было пять, и весь Камышинскій горный округъ съ сотнями тысячъ десятинъ земли раскинулся на три уѣзда губерніи. Это громадное имѣніе съ тысячами крѣпостныхъ рабочихъ принадлежало когда-то большому барину, жившему постоянно въ Петербургѣ и за-границей, потомъ за милліонные долги сохранной казнѣ было взято въ казенное управленіе. Для казны заводы оказались, однако, сущею обузой, отъ которой она тщетно старалась отдѣлаться. Изъ года въ годъ заводы продавались съ торговъ, но охотниковъ купить не находилось. Между тѣмъ казна не только не получала съ заводовъ никакихъ дивидендовъ, но ежегодно несла убытки, достигавшіе въ послѣднее время даже для казны весьма значительной цифры. Доходы отъ продажи лѣса и сдачи въ аренду оброчныхъ статей были настолько ничтожны, что далеко не окупали земскихъ налоговъ и расходовъ по управленію. Впрочемъ, несмотря на невѣроятно низкую оцѣнку камышинскихъ земель для обложенія (лѣса, напримѣръ, были оцѣнены по 1 р. десятина), земскіе налоги не платились заводами съ основанія земства, и въ результатѣ образовались колоссальныя недоимки въ сотни тысячъ рублей. Всѣ усилія губернскаго и уѣздныхъ земствъ къ взысканію недоимки не привели ни къ чему. Поэтому земство такъ же, какъ и казна, было заинтересовано въ скорѣйшей продажѣ камышинскихъ имѣній. Не разъ возбуждались ходатайства о продажѣ ихъ по частямъ, небольшими участками, основываясь на выгодности такого способа для казны, для земства и для мѣстнаго населенія, но всѣ ходатайства не имѣли успѣха: казна непремѣнно хотѣла продать заводы въ однѣ руки. Между тѣмъ вѣроятность такой продажи все уменьшалась, потому что земская недоимка, съ каковой суммы назначались торги, возрастала, а цѣнность заводовъ быстро падала. Не предвидѣлось конца этой сказкѣ о бѣломъ бычкѣ, между тѣмъ заводы влачили жалкое существованіе. Постоянное безденежье давно стало хроническимъ недугомъ заводоуправленія. Служащіе, начиная съ заводскихъ смотрителей и кончая лѣсными сторожами, не получали жалованья по нѣсколько мѣсяцевъ, иногда по нѣсколько лѣтъ. Естественно они превратились въ хищную шайку грабителей. Расхищались послѣдніе остатки заводскаго имущества, безжалостно истреблялись лѣса, громадные пруды превращались въ грязныя лужи отъ порчи плотинъ, все шло къ одному концу—къ разоренію и гибели.

Псалтыринъ считался однако честнѣйшимъ человѣкомъ. И дѣйствительно, онъ не участвовалъ въ расхищеніи, хотя въ то же время не принималъ никакихъ мѣръ къ искорененію этого зла. Рѣшивъ, что другіе порядки невозможны, онъ давно на все махнулъ рукой: какъ идетъ, такъ и иди, лишь бы съ формальной стороны, на бумагѣ, все обстояло благополучно. Временами онъ проклиналъ свое положеніе, свое безсиліе, нелѣпые казенные порядки, неподатливость горнаго начальства, своихъ подчиненныхъ, нагло расхищавшихъ казенное добро, но дальше рѣчей, полныхъ желчи и раздраженія, не шелъ. Въ сущности онъ уже давно ко всему привыкъ, приглядѣлся, облѣнился и постепенно опускался все ниже и ниже.

Жилъ Псалтыринъ въ губернскомъ городѣ, въ заводахъ же бывалъ лишь наѣздомъ, по нѣсколько разъ въ годъ, и часто совершенно не зналъ, что тамъ творится.

На этотъ разъ онъ прибылъ въ Верхъ-Камышинскій заводъ по причинѣ одного не особенно значительнаго обстоятельства, жилъ здѣсь уже цѣлую недѣлю, изнемогалъ отъ бездѣйствія и скуки, брюжжалъ, наводя тоску на всѣхъ служащихъ, и никакъ не могъ придти къ тому или другому рѣшенію. А дѣло было вотъ въ чемъ. Три мѣсяца тому назадъ въ заводѣ произошелъ крупный пожаръ: сгорѣло 256 крестьянскихъ дворовъ. Земство ходатайствовало передъ казной о безплатномъ отпускѣ изъ заводской дачи по сту деревъ на каждаго погорѣльца. Ходатайство было уважено, причемъ указаніе мѣста для вырубки предоставлено было усмотрѣнію горнаго начальника, горный начальникъ предоставилъ это Псалтырину, а послѣдній въ свою очередь заводскому смотрителю Голубебу. Голубевъ назначилъ Соболевское урочище въ тридцати верстахъ отъ селенія, совершенно недоступное для вывозки лѣса. Погорѣльцы черезъ ходаковъ жаловались управляющему. Псалтыринъ, выслушавъ ходаковъ, раскипятился и обѣщалъ лично разобрать дѣло на мѣстѣ. Пріѣхавъ въ заводъ, онъ, однако, сразу почувствовалъ совершенную невозможность придти къ правильному и справедливому рѣшенію: дачи онъ совсѣмъ не зналъ и боялся быть обманутымъ съ одной стороны мужиками, съ другой — смотрителемъ завода Голубевымъ. Нѣсколько дней велись скучные и безтолковые разговоры съ погорѣльцами, которые толпами ходили въ «господскій» домъ и всѣ говорили одно и то же: «будьте добры, сдѣлайте божескую милость, заставьте за себя вѣчно Бога молить»; плакали, кланялись въ ноги, бранили смотрителя и превозносили добродѣтели Псалтырина, наконецъ стали грозить жалобой исправнику, гу-

бернатору и «вышнему правительству». Псалтыринъ брезгливо и недовѣрчиво относился къ причитанію мужиковъ о бѣдности и нуждѣ, тѣмъ болѣе, что между ними дѣйствительно были и такіе, которые не нуждались въ пособіи, и соображалъ, что если дозволить имъ, какъ они просили, вырубку изъ Сухого лога, то они непремѣнно заберутся и въ Епанчинъ боръ, а Епанчинъ боръ онъ берегъ пуще глаза и всегда, подъѣзжая къ заводу, издали любовался имъ. Онъ не зналъ, что Енанчинъ боръ давно уже вырубленъ, и осталась въ цѣлости одна лишь опушка со стороны большой дороги. Съ другой стороны, онъ былъ убѣжденъ, что если отказать мужикамъ и отвести Соболевское урочище, по указанію смотрителя, то вырубка все равно будетъ произведена не тамъ, а въ ближайшихъ мѣстахъ, можетъ быть, въ томъ же Епанчиномъ бору, съ вѣдома и разрѣшенія Голубева, который, какъ онъ узналъ стороной, уже и цѣну назначилъ — по 20 рублей съ двора за право рубить гдѣ угодно и сколько угодно.

Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, Псалтыринъ прикидывалъ такъ и этакъ, говорилъ и совѣтовался со всѣми: съ волостнымъ писаремъ, старшиной, съ мужиками, съ самимъ Голубевымъ. Послѣдній, впрочемъ, на все былъ согласенъ и даже, къ удивленію Псалтырина, совѣтовалъ удовлетворить мужиковъ.

— Да, вѣдь, тогда они весь Епанчинъ боръ вырубятъ!—возражалъ ему Псалтыринъ.

— Ужъ это какъ есть,—вяло и равнодушно соглашался Голубевъ.

— Что какъ есть?

— Вырубятъ.

— Такъ что же ты толкуешь—Сухой логъ?

— Можно уберегчи.

— Что?

— Можно стражу поставить въ бору. Не хитрость уберечь эко мѣсто.

Псалтыринъ пристально смотрѣлъ на Голубева съ намѣреніемъ угадать его сокровенныя мысли, но лицо послѣдняго было покрыто точно лакомъ непроницаемости и ничего не выражало.

«Онъ, кажется, не сомнѣвается, мерзавецъ, что все выйдетъ по его желанію,—думалъ Псалтыринъ:—а вотъ отведу Сухой логъ, нарочно Сухой логъ отведу». И говорилъ вслухъ:

— Ну, что жъ, отводи Сухой логъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ Голубевъ и безжизненною походкою удалялся изъ комнаты.

Но черезъ часъ Псалтыринъ отмѣнялъ свое рѣшеніе. Какъ только онъ оставался одинъ, въ его головѣ оказывалось столько аргументовъ противъ Сухого лога, что онъ звонилъ, звалъ Голубева и говорилъ ему: «Погоди, я еще подумаю».

Наконецъ, утомившись всею этою безтолковщиной и собственною своею нерѣшительностью и придя въ сквернѣйшее состояніе духа, Псалтыринъ распорядился не пускать къ себѣ мужиковъ. Мужики цѣлыми часами стояли безъ шапокъ у воротъ, мокли на дождѣ и все-таки давали о себѣ знать, посылая къ управляющему въ качествѣ представителей и ходатаевъ старшину, старосту, писаря или кого-нибудь изъ вліятельныхъ обывателей.

II.

Дождевыя струйки тоскливо одна за другой ползли по стеклу. Псалтырину казалось, что и мысли его, такія же скучныя, безцвѣтныя и однообразныя, вяло ползутъ безпорядочною вереницей. А въ сердцѣ гнѣздилась тоска, безотрадная, ноющая, какъ зубная боль.

Заслышавъ осторожные шаги въ корридорѣ, Псалтыринъ вздрогнулъ и быстро отошелъ отъ окна къ столу, нѣсколько разъ провелъ по лицу руками, стараясь стереть съ него скорбное выраженіе, и, что-то насвитывая, сталъ перелистывать бумаги съ притворно-дѣловымъ видомъ.

Въ дверяхъ показался Голубевъ или Иродъ, какъ его называлъ Псалтыринъ, и почтительно вытянулся, дожидаясь, когда его замѣтитъ управляющій. Тотъ, не поворачивая головы, какъ человѣкъ, не желающій отрываться отъ занятій, спросилъ:

— Чего тебѣ?

— Старшина пришелъ.

— Ну?

— Просится къ вамъ.

— Пусть войдетъ.

— Айда!—сказалъ Иродъ, обернувшись назадъ.

Вошелъ старшина, солидный и благообразный мужчина лѣтъ орока пяти, въ длинномъ сюртукѣ, съ знакомъ на груди. Помоившись на иконы, онъ низко поклонился, тряхнулъ головой и, переступивъ съ ноги на ногу, откашлялся. Псалтыринъ съ веселымъ, очти беззаботнымъ видомъ, шутливо обратился къ нему.

— Тихону Иванычу! его степенству! здравствуй, здравствуй!

Старшина еще разъ поклонился.

— Какъ ваше драгоцѣнное?

— Слава Богу, живемъ помаленьку.

— Ну, что скажешь? Голубевъ, подай стулъ.

Голубевъ подалъ стулъ. Старшина покосился на него, но не сѣлъ.

— Садись.

— Не безпокойтесь.

— Садись, садись.

Старшина крякнулъ, переставилъ стулъ ближе къ двери, раздвинулъ фалды сюртука и осторожно присѣлъ на край стула.

— Ну, что скажешь?

— Да что, все насчетъ того же.

— Насчетъ чего?

— Насчетъ тѣхъ дѣловъ.

— Какихъ дѣловъ?

— Насчетъ, то-есть... извините... насчетъ лѣсу.

— Что же насчетъ лѣсу?

— Желаю охлопотать у вашей милости... народишко... Плачутся—главная статья.... Жалость смотрѣть!... Сдѣлайте божескую милость, будьте настолько добры!

При этомъ старшина всталъ и низко поклонился.

— Скорбь—вотъ главная причина,—продолжалъ онъ:—сами подумайте—эдакое Господнее наказаніе!...

— Скорбь? Какое пристрастіе къ жалкимъ словамъ!... Скорбь!...

— Сдѣлайте Божескую милость! Строиться какъ теперь надо, время идетъ. По чужимъ дворамъ таскаются, по три, по четыре семьи жмутся въ одной избѣ,—жалость смотрѣть, а не то ли что...

— Ну, ладно: таскаются, скорбь. Такъ я-то что же?

— Просятъ бѣдность ихнюю пожалѣть.

— Ну, жалѣю и скорбь вашу раздѣляю. Понимаешь—жалѣю, скорблю?

— Конечно... за это благодаримъ.

— Ну, а дальше что?

— Будьте милосливы до конца, прикажите насчетъ лѣску.

— Вамъ было сказано: рубите, возите, стройтесь на даровщину, грабьте казну съ разрѣшенія высшаго начальства.

— Такъ-то такъ, только ежели съ Соболевскаго, такъ а что-жъ? Все одно, что ничего. Единаго бревна не вывезутъ: нѣтъ туда лѣтомъ проѣзду.

Псалтыринъ пожалъ плечами.

— Посмотрѣли бы вы,—продолжалъ старшина,—какъ лю-

живутъ: кто въ банѣ, кто въ амбарѣ, кто въ шалашикѣ изъ досокъ, такъ, вѣдь, это—Боже ты мой!... да съ малыми-то ребятишками на холоду, подъ дождемъ. Питаются Христовымъ именемъ. Ни дѣла, ни работы,—вся душа изболѣла. Вѣдь, это надо посмотрѣть.

Искреннія нотки въ рѣчи старшины раздражали Псалтырина. «Мерзавецъ, какъ заливается,—думалъ онъ,—а самъ первый міроѣдъ».

— Бабы-то совсѣмъ изошли слезами,—продолжалъ старшина,—мужики сами не свои, ходятъ, какъ оглашенные.

— Захаровъ, небось, тоже слезами изошелъ? Мужикъ бѣдный: тысячъ двадцать въ банкѣ лежитъ.

— Не о Захаровѣ рѣчь, не за него прошу.

— Нѣтъ, ужъ ты меня извини, Тихонъ Иванычъ, не вѣрю я твоимъ жалкимъ словамъ, вовсе не такой ты жалостливый человѣкъ, какимъ прикидываешься. А кто тому же Захарову выдалъ пособіе, не ты ли? Добрые люди собрали по подпискѣ для нищихъ-погорѣльцевъ, а ты что сдѣлалъ? Кому ты эти деньги раздалъ? Раздѣлилъ по дворамъ, а у Захарова четыре дома, такъ ты сколько ему отвалилъ? Бѣднякамъ полтинники да четвертаки, а Захарову рубли? Выдалъ Смирнову, выдалъ Ситникову, Живодерову, Волокитину, которые тысячными дѣлами ворочаютъ. А, правду ли я говорю?

Старшина былъ ошеломленъ такимъ неожиданнымъ оборотомъ въ разговорѣ. Онъ вдругъ вспотѣлъ, безпокойно зашевелился на мѣстѣ и виновато заморгалъ глазами.

— Что, не правду ли я говорю?

— Ахъ, Господи, какъ тутъ судить! Просили, какъ и мы, говорятъ, погорѣвшіе, и насъ Богъ убилъ... чтобъ безобидно всѣмъ... по-Божьи. Мнѣ что-жъ? Подумалъ, подумалъ я—ежели совѣсть позволяетъ, пусть берутъ.

— И тебѣ не стыдно? Пусть берутъ. Да, вѣдь, тебѣ, а никому другому была поручена раздача пособій нуждающимся? Понимаешь: нуждающимся? А ты кому раздалъ? Захаровъ нуждается? Живодеровъ нуждается? Эхъ, Тихонъ Иванычъ, Тихонъ Иванычъ! Вѣдь, [illegible]ъ деньги, что достались Захарову и другимъ, ты отнялъ у бѣдняковъ, у тѣхъ самыхъ бѣдняковъ, что теперь голодные и холодные [illegible]ыкаются безъ пріюта. Какъ же ты ихъ не пожалѣлъ? Какъ ты, [illegible]кой жалостливый человѣкъ, милостыню, поданную бѣднымъ людямъ Христа-ради, перехватилъ и отдалъ Захаровымъ и Живодеровымъ, которые сами, еслибъ захотѣли, могли бы всѣхъ прокормить, а?

Старшина, красный и потный, ежился и безъ всякой нужды сморкался въ платокъ. Псалтыринъ, взволнованный собственными словами, ходилъ по комнатѣ.

— Берите, коли совѣсть не зазритъ? Глупая, безсмысленная отговорка. Что тебѣ до ихъ совѣсти? Ты бы свою совѣсть спросилъ. Да и какая у нихъ совѣсть? Воры, грабители, кровопійцы, у нихъ совѣсть, гдѣ она? У нихъ совѣсти столько же, сколько вотъ у этого Ирода (Псалтыринъ кивнулъ головой въ сторону Голубева). Посмотри на это деревянное лицо,—есть у него совѣсть? Онъ человѣка задушитъ, и совѣсть въ немъ не пробудится, потому что ея нѣтъ. Звѣрье! Да, впрочемъ, ты даже и этого не сказалъ, что, молъ, коли совѣсть вамъ позволяетъ,—нѣтъ, ты говорилъ: надо и вамъ, потому и вы погорѣвшіе, надо по-Божьи, раздѣлить по дворамъ—святое дѣло, вотъ, что ты говорилъ. А тутъ «скорбь, смотрѣть невозможно», жалостный видъ на себя напустилъ. Эхъ, ты! А эти деньги? Ты думаешь, что богачи ихъ жертвовали? Не безпокойся. Милліонеръ Сумовъ отвалилъ два рубля, да Мотыгинъ — три, только и всего. Остальные все мелкота. Иной послѣдній рублишка подписалъ. А ты этотъ рубль отдалъ Захарову, мерзавцу, грабителю, котораго повѣсить мало.

— Далъ маху, что говорить!—молвилъ старшина.

— Вотъ почему я не вѣрю, чтобъ ты хлопоталъ о бѣднякахъ. Нѣтъ, не о нихъ ты хлопочешь, а все о тѣхъ же Захаровыхъ, Ситниковыхъ, Живодеровыхъ.

— Ну, ужъ это...

— Погоди, погоди. Во-первыхъ, получить даромъ сто деревъ—не баранья рожа, но не въ этомъ дѣло. Захарову надо не сто, а тысячу. Гдѣ онъ ихъ возьметъ? Надо купить, а тутъ онъ получитъ ихъ даромъ. Несчастные мужички, которые теперь съ горя голову потеряли и потому развѣваютъ грусть-тоску по кабакамъ, получатъ по сотнѣ деревъ для себя, а повезутъ къ Захарову, Захаровъ имъ только за перевозку заплатитъ. 250 дворовъ, по сотнѣ—25 тысячъ деревъ, а вывезутъ втрое больше—ужъ это вѣрно, и все Захарову, Ситникову, Смирнову, Живодерову, а бѣднякамъ лишь такъ, кое-что, крохи перепадутъ. Ты думаешь, я не знаю вашихъ порядковъ? Очень хорошо знаю. Пошелъ бы ты просить, кланяться, да жалкія слова говорить за голытьбу—какъ же! О тебя, можетъ быть, и просили, да ты на нихъ наплевалъ. Нѣт, не для нихъ ты пришелъ сюда. Говори прямо: Захаровъ да Живодеровъ послали тебя? Они тебѣ сказали: ступай, сходи къ старо

выжикѣ, что какъ волкъ на сѣнѣ сидитъ—ни себѣ, ни людямъ, попроси хорошенько, не пожалѣетъ ли голытьбу? Не такъ ли?

Старшина косилъ глаза и тяжело дышалъ.

— Ну, по-совѣсти: просилъ тебя Захаровъ?

— Просить-то просилъ, скажемъ, да только что... —началъ было старшина, но Псалтыринъ не далъ ему договорить.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ! Я такъ и зналъ!—вскричалъ онъ торжествующе и затѣмъ прибавилъ тономъ глубокой укоризны:—Эхъ, вы, люди, люди.

Старшина не пытался болѣе возражать. Наступило продолжительное молчаніе. Псалтыринъ, какъ маятникъ, ходилъ изъ угла въ уголъ. Старшина нѣсколько разъ откашливался, какъ бы собираясь начать говорить, но ограничивался тѣмъ, что встряхивалъ головой и вздыхалъ. Голубевъ точно приросъ къ мѣсту и безсмысленно хлопалъ глазами; казалось, онъ не слыхалъ ни одного слова и стоялъ тутъ только потому, что ему не разрѣшили уйти.

— Ну, надо это дѣло покончить! — наконецъ, проговорилъ Псалтыревъ, сморщившись, какъ отъ зубной боли.—Не нравится вамъ Соболевское урочище, выбирайте другое. Ну, вотъ, напримѣръ... Иродъ, дай карту.

Голубевъ, какъ тѣнь, неслышно отдѣлился отъ стѣны, подошелъ къ шкафу, досталъ громадной величины планъ дачи и развернулъ его на полу.

— Ну, вотъ вся дача передъ тобой, какъ на ладони,—говорилъ Псалтыринъ,— отводи мѣста, выбирай любое,—полная тебѣ воля. Ну, что же ты?

Старшина глядѣлъ на планъ и молчалъ.

— У Чернаго камня,—продолжалъ Псалтыринъ,—вотъ здѣсь, смотри: ты знаешь это мѣсто,—не возьмете, скажете: далеко, дорогъ нѣтъ, да я и самъ васъ туда не пущу. У Бобылька вырублено, на Сосновкѣ выгорѣло, по берегу Тунтора ни одного бревна не найдешь,—все на чисто разворовано, при благосклонномъ содѣйствіи заводскаго смотрителя. Не такъ ли, Иродъ?

— По Тунтору лѣсу быть не должно, такъ точно.

— А куда онъ дѣлся?

— Вырубили-съ.

— Кто вырубилъ?

— Вамъ хорошо извѣстно. Я всегда докладывалъ своевременно.

— Докладывалъ, своевременно! Дѣйствительно, докладывалъ, т ько не своевременно. Боже мой, самовольныя порубки, въ 20, в 30, въ 100 тысячъ деревъ, неизвѣстно кѣмъ учиненныя! Чу-

деса! Строили барки, плотили плоты, работали сотни рабочихъ, и обо всемъ этомъ только тогда стало извѣстно, когда барки и плоты уплыли, рабочіе разбрелись по домамъ и всякіе слѣды исчезли, кромѣ пней да голаго мѣста. О, Господи! Какъ земля тебя носитъ, Иродъ? Ну, хорошо. Дальше. Черная рѣчка—тоже для васъ не годится. Гдѣ же?

Старшина думалъ, что можно бы указать Ванькину Гарь, Медвѣжій Логъ и т. п., однако, молчалъ и тоскливо смотрѣлъ на ярко раскрашенную карту дачи. Молчаніе его начинало производить странное дѣйствіе на Псалтырина: мысли его невольно возвращались къ Сухому логу, о которомъ просили мужики, и ему стало казаться, что нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній отказывать въ ихъ просьбѣ и что всѣ доводы за отказъ лишены всякаго смысла. Впрочемъ, еслибъ старшина не молчалъ, а настаивалъ. Псалтыринъ нашелъ бы опять тысячу возраженій.

— Ну, что же ты молчишь?

— Воля ваша.

— Ну, однако?

— Да что... какъ хотите, такъ и дѣлайте.

— Странный ты человѣкъ, Тихонъ Иванычъ! Ну, а ты какъ думаешь, Иродъ?— обратился Псалтыринъ къ Голубеву: — можно имъ Сухой логъ отвести?

— Отчего нельзя? Можно.

— Да, вѣдь, самъ же ты говорилъ, что они тогда весь Епанчинъ боръ перепортятъ?

— Можно сторожей для охраны поставить.

— Сторожей, сторожей. Это мошенниковъ-то, воровъ, негодяевъ? За штофъ сами себя продадутъ. Будутъ пьянствовать, безобразничать, обирать мужиковъ — вотъ и все. Ужъ именно приставить козла караулить капусту.

— Какъ угодно. Мое дѣло сторона.

— Будто бы? А, говорятъ, кто-то ужъ и цѣну объявилъ по 20 рублей со двора, а?

Голубевъ чуть-чуть покраснѣлъ и нѣсколько глухо проговорилъ:

— Какую цѣну?

— За право вырубки лѣса изъ ближайшихъ мѣстъ, а?

— Не знаю-съ.

— Не слыхалъ?

— Не слыхалъ-съ.

— А ты не слышалъ, Тихонъ Иванычъ?

— Насчетъ чего-съ?

— Насчетъ того, что кто-то съ погорѣльцевъ просилъ по двадцати рублей за вырубку лѣса?

— Не знаю-съ... не слыхалъ-съ. Кто бы это? Не знаю-съ.

— Такъ, такъ. Не слыхалъ, не видалъ, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Охъ, хо-хо! Да, да.

Псалтыринъ опять сморщился, какъ отъ физической боли, и замолчалъ.

— Такъ вотъ что, Тихонъ Иванычъ,—сказалъ онъ, наконецъ, точно пробуждаясь отъ сна:—ты подумай еще, посовѣтуйся, а подумаешь, приходи... ну, хоть завтра утромъ часовъ въ десять. И я подумаю.

— Слушаю-съ.

— Пока до свиданія.

— Будьте здоровы.

— Съ Богомъ.

Старшина и Голубевъ вышли на крыльцо.

— Эко погодье!—сказалъ старшина.

Голубевъ посмотрѣлъ на сѣрое небо, на мокрыя крыши и ничего не отвѣтилъ.

— Что это, Господи, измаялъ разспросами!—началъ старшина,—докудовъ это?

— Прощайте,—лѣниво сказалъ Голубевъ и хотѣлъ идти.

— Погоди-ка-сь, постой на минутку,—удержалъ его старшина.—Ты бы того... что ли... этого...

— Чего?

— Какъ-нибудь того бы, а? Какого лѣшаго въ самомъ дѣлѣ.

— О чемъ ты?

— Да ты бы того... сбавилъ маленько, а?

— Чего сбавилъ?

— Ну, вотъ! Вѣдь, мы одинъ-на-одинъ. Ты бы по-Божьи... по пяти рубликовъ, а? Чудесное бы дѣло!

— Десять, меньше ни копейки.

— Ну?

— Вѣрно. Прощай.

— Да ты постой!

— Нечего стоять. До свиданья.

— Погоди-ко-сь, постой, говорю!... Пять бы.

— Некогда мнѣ.

— Да ты погоди! какого ляда. Больше шести не дадутъ.

— Дѣло ихнее.

— Ей-ей, не дадутъ, ни-ни.

— Я и не прошу.

— Знаю, что не просишь. Видишь, какая статья.

— И десять дадутъ, и двадцать дадутъ.

— Ни-ни, жаловаться хотятъ, вотъ, другъ ты мой, какая оказія.

— Я не боюсь.

— Знаю, что не боишься. Только опять же прикажетъ управляющій Сухой логъ отвести—вотъ и все. Тогда, братъ, самъ знаешь... А тутъ бы сегодня же и дѣло все порѣшили.

Голубевъ вдругъ засмѣялся сухимъ, деревяннымъ смѣхомъ, причемъ кожа на его лицѣ растянулась и сморщилась въ какія-то странныя и нелѣпыя складки.

— Пускай отводитъ,—сказалъ онъ:—мнѣ все равно. Не мытьемъ, такъ катаньемъ. Я ихъ протоколами доѣду.

Старшина въ недоумѣніи развелъ руками.

— Какъ же такъ, братецъ мой?

— А такъ.

— Ну, не знаю.

— А вотъ узнаете.

— Это вѣдь, тоже, братъ... какъ тебѣ сказать.

— Андрошка въ тюрьмѣ отсидѣлъ?

— Ну, отсидѣлъ, это вѣрно.

— А Пикараевъ?а Марчевъ? А за что?—не фордыбачь! Протоколъ, другой, третій—разъ, два, три, и готово! «Я и въ лѣсу не бывалъ». Врешь—былъ. Вотъ что. Понялъ?

— Такъ-то такъ.

— Прощай.

— Нѣтъ, постой-ка-сь. Погоди, говорю, слушай-ка. Вотъ что... видѣшь ли... ты бы поопасался маленько того.

— Чего поопасался?

— А того... такая штука, что разговоры идутъ нехорошіе.

— Какіе разговоры?

— Самъ знаешь, какой у насъ народъ... самый отчаянный.

— Ну?

— Ну, вотъ и идутъ разговоры. Говорятъ: «что Іонычу былъ то и ему будетъ». Это про тебя, значитъ.

Голубевъ поблѣднѣлъ: Іонычъ былъ вальдмейстеръ, котораго убили.

— Вотъ, братецъ ты мой,—продолжалъ старшина:—тоже и с народомъ надо сноровку. Самъ знаешь, какой у насъ народъ о чаянный, сущіе разбойники, будь они прокляты, варнаки!

— Кто это говорилъ?—помолчавъ, спросилъ Голубевъ.
— Мало ли кто.
— Я подамъ явку.
— О чемъ?
— А вотъ что ты говорилъ.
— Перекрестись! Я тебѣ ничего не говорилъ. Ничего не слыхивалъ, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Голубевъ подумалъ и сказалъ:
— Восемь.
— Ни-ни.
— Какъ хотите.
— Пять рублей и по рукамъ.
— Семь.
— Нѣтъ, и не говори.
— Ну, чортъ съ вами!
— По рукамъ?
— Ладно.

Голубевъ и старшина ударили по рукамъ и дружески распростились. Затѣмъ Голубевъ скрылся у себя во флигелѣ, а старшина, выйдя за ворота, зашагалъ подъ дождемъ черезъ площадь.

III.

На другой день утромъ Псалтыринъ проснулся разбитый и больной. Заснувъ лишь въ третьемъ часу ночи, онъ спалъ плохо и тревожно. Хмурясь и охая, онъ едва поднялся съ постели. Въ окно глядѣло хмурое, ненастное утро. Шумѣлъ вѣтеръ, въ окно хлесталъ дождь.

Маленькій, худенькій старичокъ съ безбородымъ лицомъ старой бабы, по прозванію «Марычъ», внесъ самоваръ. Марычъ занималъ при заводѣ совершенно фантастическую должность заводскаго чертежника, на самомъ же дѣлѣ служилъ на побѣгушкахъ, въ качествѣ не то лакея, не то разсыльнаго. Поставивъ на столъ самоваръ, Марычъ низко, по старинному, поклонился и пожелалъ Псалтырину добраго утра.

— Здравствуй, здравствуй, Марычъ, — разсѣянно сказалъ Псалтыринъ.

Марычъ подалъ ему платье и тщательно вычищенные сапоги, затѣмъ занялся приготовленіемъ чая. Исполнивъ все, онъ по-бабьи подперъ щеку рукой и съ благочестивымъ видомъ сталъ у порога въ ожиданіи разговоровъ. Противъ обыкновенія, Псалтыринъ, не

сказавши ни слова, усѣлся за чай. Согнувшись, съ выраженіемъ душевной муки въ неподвижно устремленныхъ глазахъ, онъ разсѣянно мѣшалъ ложечкой въ стаканѣ и машинально прислушивался къ прихотливо-тоскливой пѣснѣ потухающаго самовара. На улицѣ завывалъ вѣтеръ.

— Старшина дожидается, — сказалъ наконецъ, Марычъ, не выдержавъ тягостнаго молчанія.

— А?—переспросилъ Псалтыринъ.

— Старшина пришелъ.

— Старшина? какой старшина?... Ахъ, да... Ну, пусть войдетъ.

Черезъ минуту вошедшій старшина помолился на икону, поклонился и сказалъ:

— Чай съ сахаромъ!

— Здравствуй,— холодно отвѣчалъ Псалтыринъ.—Ну, что?

— Ничего-съ. Приказали прійти.

— Да, да, да... Ну, что-жъ ты придумалъ?

— Да что... На вашу милость положились.

— Ты говори толкомъ.

— Во всемъ безъ препятствія.

— Ничего не понимаю.

— Согласны сдѣлались мужички... Стало-быть, ежели на Соболевскомъ, къ примѣру, и на то согласились изъ вашей воли не выходить.

Псалтыринъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— На Соболевскомъ? Изъ моей воли не выходить? Что ты городишь?

— Такъ точно.

— Что это значитъ? Какъ на Соболевскомъ, ежели туда проѣхать нельзя? Вѣдь, самъ же ты увѣрялъ, что проѣхать никакъ невозможно?

— Ужъ, стало-быть, стараться будутъ какъ-нибудь.

— Чортъ знаетъ что!

Псалтыринъ, почуявъ опять какую-то каверзу, взволнованно заходилъ по комнатѣ. Лицо его покрылось красными пятнами.

— Что это значитъ? Скажи хоть разъ въ жизни правду безъ подвоховъ!—звонкимъ голосомъ закричалъ онъ.

— Говорятъ: ежели на Соболевскомъ, и на томъ безъ препятствія.

— Да ты скажи мнѣ: можно туда проѣхать?

— Кто его знаетъ, можно ли. Конечно, я, напримѣръ, не ѣ-

жалъ

— Стало-быть нельзя?

— Кто знаетъ! Можетъ, и проѣдутъ, благословясь.

— Да какъ проѣдутъ, когда нѣтъ дорогъ? Скажи мнѣ по совѣсти, отчего такая перемѣна?

— Развѣ ихъ поймешь! Хомутаются, хомутаются. Сами знаете, какой у насъ народъ. Галдятъ, галдятъ безо всякаго толку. Такъ и тутъ: пошумѣли, пошумѣли, а теперь «спасибо», говорятъ, «и на этомъ». Сами знаете, вамъ хорошо извѣстно о нашей необразованности.

— Все ты врешь. Не вѣрю я тебѣ ни на одинъ вершокъ. Марычъ! позови ходоковъ, что были у меня, Купріянова и Киселева. Живо.

— Въ волость бѣги, они въ волости сидятъ, — прибавилъ старшина.

Вскорѣ явились ходоки нѣсколько встревоженные.

— Что у васъ случилось? Какая васъ блоха укусила?—накинулся на нихъ Псалтыринъ.

Ходоки тревожно переглянулись, вопросительно взглянули на старшину и спросили:

— Насчетъ чего это?

— Старшина проситъ отвести Соболевское урочище,—такъ, говоритъ, общество желаетъ. Вѣрно это?

— Вѣрно.

— Но почему? что это значитъ?

— Время не терпитъ,—сказалъ Купріяновъ:— докудовъ тянуть? Ждали-ждали, просили-просили, конца-краю не видно! Осень на дворѣ,—не до зимы тянуть.

— Такъ. А если я вамъ Сухой логъ отведу, какъ вы сами просили, тогда какъ? ладно?

— На что лучше...—скороговоркой началъ было Киселевъ, но Купріяновъ не далъ ему договорить.

— Погоди, не мели!—сказалъ онъ сердито и затѣмъ обратился къ Псалтырину:—не путай ты насъ ради-Христа, отводи Соболевское: и тебѣ по нраву, и намъ по душѣ. Мы теперича согласны, больше ничего.

— Чудеса! Вчера слышать не хотѣли, а сегодня просите—что это такое? Объясните мнѣ ради Бога.

— Чего тутъ объяснять, баринъ? Ты самъ насъ уговаривалъ а Соболевскомъ. Мы согласны—больше ничего.

Псалтыринъ, неожиданно разсердившись, вышелъ изъ себя.

— Мерзавцы! — закричалъ онъ звонкимъ голосомъ, сверкая

глазами.—Предатели! Воръ на ворѣ, мошенникъ на мошенникѣ! Кому вѣрить, кого слушать? Самъ чортъ не разберетъ!... Я, впрочемъ, знаю, чьи это штуки! Я разберу! И я вамъ, все-таки, Сухой логъ отведу, мерзавцы!

Мужики, опустивъ глаза, притихли и съежились.

— Все-таки, Сухой логъ отведу. Да, такъ и знайте!... Марычъ, позвать ко мнѣ Ирода! позови этого негодяя!

Марычъ скрылся.

— Я знаю, чьи это штуки!... Предатели! Другъ друга съѣсть готовы, мошенники!... Есть ли въ васъ хоть что-нибудь человѣческое!—кричалъ Псалтыринъ, какъ изступленный.

Вернувшійся Марычъ доложилъ, что Голубевъ рано утромъ уѣхалъ на мельницу.

— Ага!... Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!... Ну, да хорошо, хорошо... не отвертится. А вы, милые люди,—обратился Псалтыринъ къ мужикамъ,—можете убираться вонъ, намъ разсуждать больше не о чемъ! Съ Богомъ!.. Съ Иродомъ въ стачку вошли—ясное дѣло. Вонъ!

Испуганные старшина и ходоки поспѣшно удалились.

Псалтыринъ, блѣдный, съ перекосившимся отъ гнѣва лицомъ, остался одинъ среди комнаты. Руки его нервно дрожали, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Въ комнату неслышно вернулся Марычъ съ злорадно-торжествующей улыбкой на лицѣ.—«Какъ онъ ихъ!... Такъ и надо, такъ и надо!»—думалъ онъ.

— Неужели я такъ малодушенъ и подлъ, что еще оставлю на службѣ этого наглаго негодяя?—говорилъ Псалтыринъ вслухъ.—Воръ, мошенникъ, грабитель!... Никогда. А ходоки, а старшина? Каковы негодяи!... Боже мой, какая подлость, какая грязь! Можно съ ума сойти!... Ну-ка ты, старая крыса! — обратился онъ къ Марычу: — разсказывай, какъ дѣло было...

Марычъ просіялъ. Съ таинственнымъ видомъ и фамильярной улыбкой сообщника онъ подошелъ ближе и заговорилъ, понизивъ голосъ до полушепота:

— Такое дѣло. Главная статья—запугалъ онъ ихъ протоколами. «Все одно,—говоритъ, — намъ изъ его воли не выйти, такъ ли, сякъ ли, а онъ насъ доймета».

— Кто это онъ.

— Старшина это про Ирода говоритъ: «запужаетъ онъ насъ», говоритъ, — протоколами: кто, говоритъ, больше кричалъ, съ того и зачнетъ».

— Какими протоколами?

— А по лѣсной части. Страсть они ихъ боятся! Былъ, не былъ въ лѣсу, тутъ всегда можно погубить человѣка. Ну, вотъ они и напуганы.

Псалтыринъ нашелъ, что въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Онъ вспомнилъ, какъ годъ тому назадъ былъ привлеченъ къ суду за самовольную порубку человѣкъ, давно умершій, какъ крестьянинъ Пустышевъ, проживши нѣсколько лѣтъ въ другой губерніи и вернувшись на родину, оказался по такому же дѣлу приговореннымъ къ тюремному заключенію и, за пропускомъ всякихъ сроковъ, долженъ былъ отбыть это наказаніе, вспомнилъ и многое другое.

— Ужасно, ужасно!—бормоталъ Псалтыринъ.

— На шести цалковыхъ порѣшили, — разсказывалъ между тѣмъ Марычъ:—пятнадцать просилъ, десять просилъ—не дали, уперлись. Ну, онъ и согласился на шесть.

«Съѣхалъ, однако, на шесть,—съ злорадствомъ подумалъ Псалтыринъ,—а не будь меня, и двадцать содралъ бы»

— Ироду-то только по пятишнѣ пришлось,—повѣствовалъ Марычъ,—а цалковый волостнымъ за хлопоты.

— Однако, по пяти рублей—тысячу двѣсти восемьдесятъ рублей. Ну, да хорошо, посмотримъ, какъ ты ихъ получишь, дьяволъ!

— Чего! Ужъ онъ получилъ. Вчера вечеромъ и деньги отдали; имъ страховка изъ земства вышла, такъ изъ страховки. Теперь въ разсчетѣ.

Псалтыринъ былъ пораженъ.

— А ты не врешь?—спросилъ онъ, остановившись передъ Марычемъ со сверкающими глазами.

Марычъ перекрестился.

— Вотъ ей-Богу... Разрази меня на мѣстѣ... Лопни мои глаза!...

— Слѣдовательно, самъ старшина изъ волостного сундука выложилъ деньги Ироду? Не можетъ быть!

— Провалиться на мѣстѣ!

— Великолѣпно! Я ихъ всѣхъ подъ судъ отдамъ, подлецовъ. Сходи за старшиной.

Марычъ, увидѣвъ, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, грусилъ.

— Не погубите... не выдайте меня... Узнаютъ, что я разсказалъ,—бѣда!...—забормоталъ онъ жалобно.

Взбѣшенный Псалтыринъ цыкнулъ на него, какъ на собаку, и Марычъ, проглотивъ какое-то слово, выбѣжалъ изъ комнаты.

Марычъ очень долго не возвращался. Надо думать, что онъ принужденъ былъ все разсказать старшинѣ, старшина совѣщался съ писаремъ. Псалтыринъ метался по комнатѣ, какъ звѣрь, въ нетерпѣніи заглядывая въ окно, и даже выбѣгалъ на крыльцо. Наконецъ, явился трепещущій Марычъ, за нимъ шелъ старшина. Послѣдній былъ нѣсколько блѣденъ, но холоденъ и суровъ, какъ человѣкъ рѣшившійся.

— Садитесь, садитесь, почтеннѣйшій,— насмѣшливо обратился къ нему Псалтыринъ.

— Не безпокойтесь. Мы постоимъ.

— Скажите, пожалуйста, страховыя деньги уже выданы погорѣльцамъ?

— Такъ точно, выданы.

— Когда?

— Вчерашняго числа.

— Полностью?

— Всѣ на очистку.

— Безъ всякихъ вычетовъ?

— Такъ точно. И росписки есть на всю сумму.

— Такъ-съ, и росписки есть. Прекрасно. Теперь слушай, что я тебѣ скажу. Ирода я увольняю сегодня же. Относительно взятки, которую ты ему выдалъ и себѣ взялъ изъ страховыхъ денегъ, будетъ произведено дознаніе. Я думаю, что мужики не будутъ покрывать Ирода и скажутъ всю правду, когда онъ уже не будетъ страшенъ. Тѣмъ паче, что я имъ отвожу Сухой логъ, какъ они сами просили. Понимаешь?

Старшина страшно поблѣднѣлъ, однако сумѣлъ сохранить на лицѣ выраженіе нѣкоторой твердости.

— Такъ-то, почтеннѣйшій,— продолжалъ Псалтыринъ язвительно,— не миновать тебѣ суда, не миновать. Иродъ скажетъ: не биралъ, не знаю, и писарь останется въ сторонѣ, а вотъ ужъ тыто какъ куръ во щи! Обдѣлали тебя, какъ дурака. И стоило ли огородъ городить? Изъ-за чего? Много ли на твою долю досталось? Во всякомъ случаѣ, пустяки,— рублей пятьдесятъ, самое большее—сто... Дуракъ ты, дуракъ!

Старшина, сдѣлавъ нѣсколько нетвердыхъ шаговъ впередъ вдругъ повалился Псалтырину въ въ ноги.

— Не погубите!...—крикнулъ онъ страннымъ голосомъ. Псалтыринъ испуганно отшатнулся.

— Перестань!... Какъ тебѣ не стыдно! — сказалъ онъ, подавляя въ себѣ брезгливое чувство. Но старшина выл и причита

какъ баба. Безсвязно и глупо выкрикивалъ онъ что-то о своемъ сиротствѣ, о малыхъ дѣтяхъ и женѣ, о своемъ неразуміи и темнотѣ, ползалъ, рыдалъ, бился головой о полъ. Когда, наконецъ, внявъ настойчивымъ приказаніямъ Псалтырина, онъ поднялся съ полу, по лицу его текли непритворныя слезы, смѣшанныя съ грязью, а лицо было измято и красно. Онъ продолжалъ всхлипывать и бормотать о прощеніи, о Божескомъ милосердіи, о малыхъ дѣткахъ.

— Ступай! Уходи, уходи! — говорилъ ему Псалтыринъ, отворачиваясь. Но старшина снова бросился въ ноги и снова заголосилъ.

— Я тебя вывести прикажу! — уже не владѣя собой, крикнулъ Псалтыринъ.

Старшина медленно поднялся, пересталъ причитать, утеръ лицо и, шатаясь, пошелъ къ двери.

— Вонъ! — вслѣдъ ему закричалъ Псалтыринъ, выходя изъ себя отъ подступившаго къ нему чувства жалости.

Старшина, выйдя на воздухъ, долго стоялъ на крыльцѣ безъ шапки въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Потомъ еще разъ утеръ глаза и лицо, нахлобучилъ шапку и направился во флигель узнать, когда вернется Голубевъ. Сверхъ всякаго ожиданія, Голубевъ оказался дома. Взглянувъ въ разстроенное лицо старшины, онъ сказалъ коротко:

— Ну, разсказывай.

Старшина, пересыпая рѣчь сѣтованіями и упреками, разсказалъ событія сегодняшняго утра. Голубевъ, не перебивая, выслушалъ все съ совершеннымъ спокойствіемъ.

— Бить тебя некому, дурака,—сказалъ онъ въ видѣ успокоенія. Старшина, въ самомъ дѣлѣ, успокоился въ значительной степени.

— Какъ же теперь? — спросилъ онъ.

— А все такъ же.

— Какъ?

— А такъ.

— Какъ же такъ?

— Да ты, въ самомъ дѣлѣ, думаешь, что онъ меня уволитъ?

— Сегодня же, говоритъ.

— Ну!

— Не уволитъ?

— Онъ у меня, какъ муха въ тенетахъ. Поершится, покричъ, поскачетъ, да съ тѣмъ и останется.

— Стало-быть, ничего не будетъ?

— Не безпокойся.

— Ну?... Ахъ, подь онъ къ лѣшему! Какъ напугалъ!

— Скоро запьетъ.

— Ну?

— Вѣрно. Ужъ я примѣчаю.

— Ахъ, шутъ те!...

— Запьетъ, опять начнетъ куралесить.

— А и задалъ же онъ мнѣ баню! Такую задалъ баню, что ну! Думаю, окончательно теперь подъ судъ, на скамью подсудимыхъ! — уже совсѣмъ весело говорилъ старшина. — Стало-быть, безъ сумлѣнія?

— Ступай съ Богомъ!

— Ахъ ты, Господи!... Вѣдь, совсѣмъ было я испугался... Ахъ, шутъ те!... Ну!...

И успокоенный старшина въ наилучшемъ настроеніи духа вернулся домой.

IV.

Въ пылу гнѣва Псалтырину представлялось увольненіе Ирода такимъ простымъ, необходимымъ и справедливымъ дѣломъ, что онъ не думалъ о его послѣдствіяхъ, но, по мѣрѣ того, какъ раздраженіе его проходило, начали выступать разнаго рода препятствія и неудобства. «Не уволишь, не уволишь,— ехидно шепталъ ему насмѣшливый голосъ,— гдѣ тебѣ! Безъ Ирода ты какъ безъ рукъ... Начнется томительная передача имущества, которая протянется недѣли, мѣсяцы... Иродъ будетъ тянуть, путать, запутаетъ и тебя... Откроются такія вещи... Тутъ только копни, какъ пойдетъ сюрпризъ за сюрпризомъ, и Богъ знаетъ еще, чѣмъ это можетъ кончиться... Иродъ—дѣлецъ, онъ все помнитъ, все знаетъ, а ты лѣнивъ и отвыкъ отъ труда,—гдѣ тебѣ съ нимъ бороться? А теперь ты съ нимъ какъ у Христа за пазухой...» «Дѣйствительно, дьявольская память, башка! — думалъ Псалтыринъ, и черезъ минуту опять твердилъ:—И, все-таки, необходимо уволить...» Вдругъ онъ вспомнилъ, что Иродъ не получалъ жалованья за пять лѣтъ, что при увольненіи надо его разсчитать, а касса пуста; вспомнилъ, что въ кассѣ не хватаетъ трехъ тысячъ, растраченныхъ имъ, Псалтыринымъ, въ разное время на неотложныя надобности, и что, если бы случилась внезапная ревизія, самому Псалтырину не миновать суда. Вспомнилъ, какъ не разъ въ подобныхъ случаяхъ выручалъ его Иродъ, вкладывая свои деньги...

«Ну, хорошо, положимъ, прогнать—не мудреная штука, но кѣмъ я его замѣщу? кто пойдетъ на триста рублей въ годъ? Писцы больше получаютъ!... Извольте найти толковаго и честнаго человѣка за триста рублей!... Найдутся охотники, словъ нѣтъ, но, вѣдь, такіе же мерзавцы и еще, кромѣ того, дураки... Воръ... Но какъ не воровать при такомъ содержаніи? Развѣ возможно человѣку семейному прожить на триста рублей хоть сколько-нибудь по-человѣчески?... И чего жалѣть добро, которое никому не принадлежитъ, о которомъ никто не заботится?... Смѣшно изображать собаку на сѣнѣ Богъ знаетъ для кого и для чего!... Говорятъ, Иродъ притѣсняетъ народъ. Но, вѣдь, это сущій вздоръ!... Будь здѣсь настоящій хозяинъ или хоть честный смотритель, взвыли бы всѣ въ одинъ голосъ, потому что, благодаря Ироду, населеніе пользуется многими льготами, и контрибуція его не столь обременительна... Онъ самъ живетъ и даетъ жить другимъ... Онъ будетъ уволенъ, кому станетъ лучше?—никому. Воръ, воръ... Но кто теперь не воръ? Гдѣ они, эти честные люди? Иродъ—мелкая сошка, нуль, ничтожество, безъ воспитанія, безъ образованія, развѣ можно его строго судить? Есть покрупнѣе его мерзавцы, и мы пожимаемъ имъ руки, свидѣтельствуемъ имъ свое глубочайшее почтеніе, знакомство съ ними считаемъ за особую честь... Да, да, это вовсе не такъ просто...»

Псалтыринъ ходилъ по комнатѣ, лежалъ на диванѣ, курилъ и бормоталъ съ негодованіемъ: «Ну, не мерзавецъ ли? Рвать съ нищихъ, съ погорѣльцевъ, съ несчастныхъ, отнимать послѣднюю рубашку»,—то думалъ черезъ минуту: «Развѣ онъ одинъ? Развѣ не вездѣ одно и то же: грабежъ, насиліе, безъ стыда, безъ совѣсти, безъ малѣйшей жалости къ человѣку!...»

Вечеромъ неожиданно явился Голубевъ и, поклонившись, скромно сталъ у дверей. Псалтыринъ страдальчески нахмурился, съежился и не зналъ, что сказать. Голубевъ самъ началъ разговоръ.

— Я до вашей милости,— сказалъ онъ.

— Что такое?

— Пришелъ посовѣтоваться. Меня Дубининъ на службу зоветъ. Шестьсотъ жалованья, мѣсто хорошее... Ужъ вы меня извините, хочу отъ васъ уходить.

— Что такое? Что ты городишь? — вскричалъ Псалтыринъ съ испугомъ и поблѣднѣлъ. — Почему? Что за причина?

— Причины никакой, а только что боюсь хорошее мѣсто пропустить. Сами знаете, я здѣсь только триста рублей получаю.

«Финтитъ, мерзавецъ,— мелькнуло у Псалтырина въ головѣ,

но онъ сейчасъ же подумалъ: — А если въ самомъ дѣлѣ уйдетъ? Отчего ему не уйти, если мѣсто хорошее?

— Привыкъ я здѣсь, положимъ, на родительскомъ мѣстѣ,— продолжалъ Иродъ кроткимъ голосомъ.— Что жалованье маленькое—и это бы ничего, только что нѣту больше никакой моей возможности...

— Какой возможности?

— Грозятся убить. Сами знаете, какой здѣсь народъ: пропадешь ни за копѣйку. Ужъ лучше уйти отъ грѣха.

— Убить?... Что за нелѣпость? За что? Почему?

— За что? Извѣстно, за мое за усердіе. Развѣ мало у насъ непріятностевъ? Изъ-за одного лѣсу, изъ-за покосовъ, изъ-за росчистей,—сущая бѣда! Я казенные интересы соблюдаю, такъ они меня за это съѣсть готовы. Вонъ теперь говорятъ: «Убьемъ,—говорятъ,—какъ собаку».

Псалтыринъ сталъ его уговаривать.

— Послушай, Иродъ, вѣдь, это же пустяки. Ты не первый годъ служишь, мало ли что говорятъ! Конечно, я тебя держать не могу: твоя воля, какъ хочешь, но если нуженъ мой совѣтъ, то не совѣтую. Что такое Дубининъ?—Кулакъ, самодуръ, Богъ его знаетъ, какъ онъ тамъ... А здѣсь ты дома, привыкъ къ дѣлу и къ тебѣ привыкли... Впрочемъ, какъ знаешь.

— Не придумаю, что и дѣлать,—говорилъ Иродъ, разыгрывая роль безпомощнаго человѣка. Наступило молчаніе. Псалтыринъ въ задумчивости ходилъ по комнатѣ, Иродъ терпѣливо стоялъ у дверей.

— Я понимаю, что триста рублей—ничтожное содержаніе,— началъ Псалтыринъ.—Ну, я постараюсь прибавить... ну, четыреста, пятьсотъ, можетъ быть...

Иродъ молчалъ.

— Подумай. Я не совѣтую, а тамъ какъ знаешь.

— Вчера мнѣ человѣкъ одинъ говорилъ: поберегайся,—говоритъ,—такъ и такъ, что Іонычу было, то и тебѣ.

— Вздоръ какой!—пробормоталъ Псалтыринъ, блѣднѣя.

— Ужъ вы отведите имъ Сухой логъ, прошу васъ изъ милости: дѣло будетъ безъ грѣха. Хотѣлось мнѣ поберечь это мѣстечко, но теперь самъ прошу.

Псалтырина точно что кольнуло. Онъ забылъ и о Сухомъ логѣ и о погорѣльцахъ, и теперь, вспомнивъ, нахмурился.

— Насчетъ Епанчина бора не безпокойтесь, укараулить его пустяшное дѣло.

— Ты мнѣ ручаешься?—спросилъ Псалтырйнъ, хотя хотѣлъ спросить другое.

— Будьте покойны. Самъ наблюдать буду.

— Ну, ладно. Дѣлай, какъ знаешь.

Псалтыринъ вдругъ почувствовалъ страшную усталость и въ изнеможеніи опустился на стулъ. Иродъ молчалъ, но не уходилъ.

— Вотъ вы все недовольны мной за разные непорядки,—началъ онъ какимъ-то фальшивымъ голосомъ,—и точно, я виноватъ, потому дѣйствительно непорядки. А только возможно ли за всѣмъ углядѣть? Дача большая, сторожей мало, какъ тутъ быть? Хоть разорвись, ничего не подѣлаешь.

— Знаю, знаю...

— Опять же, изволите говорить, сторожа мошенничаютъ... Я не скрываю, дѣйствительно не безъ грѣха, но какъ быть?... Жалованье маленькое, восемь рублей съ лошадью, тутъ рука не подымется взыскивать съ человѣка по закону.

— Да, да...

— А сколько напраслины терпишь, сколько разговоровъ!... Боже мой!...

Псалтыринъ страдальчески сморщился и тоскливо глядѣлъ въ черную темноту ночи. Ему не нравилась необычная болтливость Ирода и рѣзали ухо фальшивыя интонаціи его рѣчей. Голубевъ постоялъ еще минуты двѣ, поклонился и вышелъ. Псалтыринъ, съёжившись, блѣдный, худой, усталый, казался такимъ жалкимъ, больнымъ, безпомощнымъ существомъ. Долго сидѣлъ онъ, погруженный въ пучину мелочныхъ и вздорныхъ мыслей, наконецъ, сказалъ: «Ну, ладно. Не все ли равно? Наплевать!» И вдругъ, почувствовавъ облегченіе, обрадовался, что теперь онъ на свободѣ и можетъ ѣхать домой. «Завтра же утромъ на лошадей и къ вечеру дома», — думалъ онъ, и передъ нимъ радостно промелькнули на мгновеніе широкія, правильныя улицы большого города, свѣтлая, уютная столовая, жена, дѣти.

V.

Псалтыринъ не уѣхалъ, однако, ни на другой, ни на слѣдующій день. Ему не хотѣлось двинуться съ мѣста. Его грызла тоска и безотчетная тоска, которая по временамъ давила его, какъ кошмаръ, и которую онъ всегда пытался потопить въ винѣ. Онъ мало пилъ, почти не прикасался къ пищѣ, предаваясь мрачному отчаянію, и не пускалъ къ себѣ никого. Присутствіе людей его раздра-

жало, и малѣйшее противорѣчіе приводило въ ярость. Подъ вліяніемъ почти физическаго ощущенія страшной пустоты, все казалось ему отвратительною безсмыслицей. Тщетно перебиралъ онъ въ умѣ одно за другимъ, что могло бы возбудить въ немъ теплое чувство, на чемъ съ отрадой могла бы остановиться его измученная мысль: все представлялось холоднымъ, пустымъ, безсмысленнымъ, безотраднымъ, какъ мочала, а въ головѣ помимо его воли возникали все скверныя мысли, только усиливавшія хандру. Онъ пытался вспомнить свою молодость, свое дѣтство, но воспоминанія не доставляли ему ни отрады, ни утѣшенія. Онъ просто какъ-то представить себѣ не могъ, что онъ былъ когда-то молодъ, веселъ, остроуменъ, смѣлъ и жизнерадостенъ, исполненъ благихъ намѣреній и блестящихъ надеждъ впереди. Надежды, относившіяся къ благоденствію человѣческаго рода вообще и мѣстнаго населенія въ частности казались ему теперь возмутительнымъ лицемѣріемъ и самообманомъ, скрывавшихъ самое жалкое тщеславіе. Надежды не сбылись, но не потому, что населеніе оказалось не столько облагодѣтельствованнымъ, сколько обездоленнымъ, а потому, что сама иллюзія разрушилась и распалась на свои составныя части, блиставшій свѣточъ оказался простою гнилушкой, прошла молодость и съ нею все потухло, помертвѣло, и впереди одинъ мракъ и пустота. Если бы теперь удалось ему даже безъ всякихъ усилій, однимъ своимъ словомъ облагодѣтельствовать все населеніе, десятки тысячъ людей, чтобы не было голодныхъ, озлобленныхъ, темныхъ, обиженныхъ и несчастныхъ людей,—онъ чувствовалъ, что это не доставило бы ему никакого удовольствія. Что они ему? Они будутъ сыты, довольны,—чѣмъ ему оттого будетъ легче? Развѣ разсѣется оттого безотрадная пустота и эта гнетущая душу тоска? Да и зачѣмъ имъ быть сытыми? развѣ не все равно, сыты они или голодны? Развѣ не все равно, честные люди населяютъ землю или подлецы? Развѣ не одинаково то и другое безсмысленно и нелѣпо?

«Честность, честные люди,— думалъ онъ, — какія лакейскія, безтолковыя слова, придуманныя фарисеями для безмозглыхъ дураковъ и рабовъ! И гдѣ они, эти честные люди? Видѣлъ ли ты за всю свою жизнь это чудо свѣта, хотя бы одного по-истинѣ чес наго человѣка? Нѣтъ, ни разу за всю свою жизнь, хотя міръ к шитъ такъ называемыми честными людьми. Я тоже, вѣдь, честны человѣкъ, потому только, что, живя какъ тунеядецъ и паразитъ не укралъ ни одной копѣйки съ грубостью и наглостью мелка вора. Многія тысячи рублей израсходовало общество на мою вел колѣпную особу. За что? За гнусную комедію, которая на фа

сейскомъ языкѣ называется безпорочною службой. Но, можетъ быть, помимо службы, какъ образованный и просвѣщенный человѣкъ, я внесъ въ общество хоть каплю добра? Нѣтъ, изъ жалкой трусости, по непростительному равнодушію, я сознательно и безсознательно вредилъ благороднымъ стремленіямъ и хорошимъ дѣламъ и, плывя по теченію, потворствовалъ подлецамъ, лгалъ, драпируясь въ тогу безкорыстія и благонамѣренности, тогда какъ во всемъ руководился лишь мелкими и пошлыми мотивами, хвалился своими мнимыми заслугами, а все другое, что нельзя было скрыть, приписывалъ дѣятельности другихъ людей или общимъ условіямъ жизни... Лгалъ всю жизнь и буду лгать впредь до самой смерти... Дойдя до послѣдней степени паденія, я, однако, не утратилъ права называться честнымъ человѣкомъ и смотрѣть прямо людямъ въ глаза... Былъ ли я, по крайней мѣрѣ, хорошимъ семьяниномъ и старался ли въ дѣтяхъ воспитать людей? Нѣтъ, и здѣсь, какъ во всемъ остальномъ, я лицемѣрилъ и лгалъ. Я трепеталъ отъ страха при одной мысли, что изъ моихъ дѣтей могутъ выйти истинно-честные люди, и сдѣлалъ все, чтобы въ самомъ зародышѣ убить въ нихъ искру Божію. Глупѣйшіе предразсудки и ложь я внушалъ имъ, какъ святыню, а тѣ немногія истины, въ которыя вѣрилъ, пряталъ, какъ вредное заблужденіе»...

И вдругъ ему страстно захотѣлось упасть во прахъ и, признавши все свое ничтожество, молить о прощеніи, объ очищеніи и обновленіи духа... «О, еслибъ навѣрное знать, что есть высшее существо, высшая справедливость и разумъ, что, помимо людской, есть высочайшая милость и правда!»—шепталъ онъ поблѣднѣвшими губами и, ставъ передъ образомъ на колѣни, долго молился, стукаясь лбомъ о холодный полъ. Но молитва ему не помогала: онъ по-прежнему чувствовалъ себя оставленнымъ, брошеннымъ, одинокимъ, и, поднявшись съ полу, корчился въ мукахъ и ломалъ руки. Въ окна глядѣла безмолвная, черная ночь. Ему становилось страшно. Его пугала темнота растворенной двери, пропадавшихъ въ тѣни угловъ громаднаго дома и мракъ глядящей въ окна ночи. Въ ней мерещились ему неуловимые, но страшные призраки. Страхъ мерти и чего-то таинственнаго, неизвѣданнаго, и жуткое опасеніе, го вся усвоенная имъ иллюзія міросозерцанія, условнаго знанія іра, можетъ исчезнуть въ одно мгновеніе и передъ нимъ предста-ѣтъ то, что дѣйствительно есть, чего онъ не знаетъ, но смутно ѣдчувствуетъ, что оно ужасно, нелѣпо и безобразно, противно человѣческой природѣ,—оставляли въ немъ ощущеніе нервнаго ѣода. Широко раскрытыми глазами, въ оцѣпенѣніи, смотрѣлъ онъ

передъ собою и переживалъ странное ощущеніе, будто всѣ вещи видитъ въ первый разъ.

Минуту спустя припадокъ проходилъ, и онъ въ страшномъ изнеможеніи, обливаясь холоднымъ потомъ, опускался на стулъ, чувствуя, что надо скорѣе, какъ можно скорѣе, чѣмъ-нибудь занять себя, забыться, отвлечься отъ тѣхъ ужасныхъ образовъ, какіе лѣзли въ голову, и выйти изъ этого состоянія холоднаго ужаса, уйти отъ самого себя. Онъ съ усиліемъ пытался думать о пріятныхъ и веселыхъ вещахъ: о семьѣ, о клубѣ, о городскихъ увеселеніяхъ, о послѣднемъ концертѣ, но все представлялось ему отвратительно пошлымъ, безобразнымъ, чудовищнымъ... Клубная зала представлялась мрачною, грязною, какъ послѣдній трактиръ, съ запахомъ гнили и керосина, звуки оркестра — какимъ-то дикимъ завываніемъ, и всюду пошлыя, глупыя лица не людей, а скотовъ... Онъ видѣлъ жену и дѣтей, но они казались ему чужими, и когда онъ мысленно пытался отыскать въ нихъ знакомыя и милыя черты, въ груди вдругъ подымалась острая боль презрительнаго сожалѣнія. «Развѣ я ихъ люблю?—бормоталъ онъ.— Боже мой! я ихъ ненавижу!... я ихъ презираю... Говорятъ, у меня прекрасная жена, эта воплощенная кротость и долготерпѣніе... прекрасная жена... Да, она прекрасная жена, прекрасная мать... Она любитъ меня и дѣтей, во всемъ свѣтѣ только меня и дѣтей... Она обожаетъ насъ, какъ язычникъ обожаетъ солнце... А еслибъ она знала одну сотую, одну тысячную часть всѣхъ мерзостей, какія я совершилъ, еслибъ только она знала, можетъ быть, она съ отвращеніемъ отвернулась бы... впрочемъ, нѣтъ... она бы весь міръ обвинила, только не меня, я остался бы правъ и только несчастливъ и потому еще болѣе достоинъ любви,—такова логика идолопоклонства... О, Господи, Господи!... А дѣти? Я любилъ ихъ, пока они были малы и наивны, а съ тѣхъ поръ, какъ выросли и возмужали, во мнѣ засѣло скрытое недоброжелательство къ нимъ, ненависть, зависть... я не знаю, что это такое... Я ненавижу Катю за то, что она и душой, и тѣломъ такъ поразительно похожа на мать... Она читаетъ романы, вышиваетъ по канвѣ, танцуетъ на вечерахъ и тамъ ведетъ съ кавалерами поразительно глупые, но безукоризненно приличные разговоры, потомъ выйдетъ замужъ, станетъ вѣрною женой и матерью-насѣдкой, съ куринымъ умомъ, съ куриными хлопотами и заботами, съ наивнымъ эгоизмомъ... Пойдутъ дѣти, начнутся мелкія ссоры съ мужемъ, дрязги... Танцы, наряды, милые пустяки и любезныя рѣчи кавалеровъ должны будутъ усту-

пить другой, болѣе скучной матеріи, но все же они, только они, навсегда останутся единственною поэзіей жизни... Боже мой! какая страшная нелѣпость!... А сынъ, этотъ умѣренный и аккуратный Митя, который такъ прекрасно учится? Ему нѣтъ еще девятнадцати лѣтъ, а онъ уже на второмъ курсѣ горнаго института... Разсудительный, сдержанный, строго отличающій приличное отъ неприличнаго, должное отъ недолжнаго, онъ не попадется въ студенческую исторію, не заведетъ рискованныхъ знакомствъ, напротивъ, онъ уже теперь умѣетъ заводить полезныя связи, этотъ мальчишка. Поразительно невѣжественный и самоувѣренный, онъ обо всемъ судитъ съ кондачка, довольствуясь общими мѣстами, всегда холоденъ, ровенъ, какъ человѣкъ уже пожившій. Мое родительское сердце должно бы радоваться,—вѣдь, это осуществляется мечта моей жизни, вѣдь, я всегда желалъ его видѣть такимъ, застрахованнымъ отъ всяческихъ увлеченій, между тѣмъ отчего же сознаніе, что этотъ молодой старикъ, этотъ Молчалинъ—мой сынъ, наполняетъ мое сердце горечью и холоднымъ озлобленіемъ?... Я его ненавижу, я его презираю, этого чистенькаго, гладенькаго, надменнаго и ограниченнаго барченка, эту тупицу безъ сердца и безъ мысли... да, ненавижу, ненавижу... О, Боже! какъ мнѣ все опротивѣло и надоѣло!... И зачѣмъ эта ужасная, разрывающая душу тоска?...»

Онъ зналъ, что это болѣзнь, приближеніе запоя,—зналъ, что онъ неизбѣжно наступитъ, но еще боролся и надѣялся, авось, пройдетъ. Будь подъ руками водка, онъ бы немедленно запилъ, но водки не было, за ней надо было посылать, а что это значитъ—всѣ знали, и онъ боялся подавленныхъ улыбокъ Марыча и прислуги и той особенной торопливости въ исполненіи его приказаній, которою хотятъ показать, что они ничего не знаютъ и не подозрѣваютъ о томъ, что съ этого момента начнется нѣчто безобразное и унизительное. Когда наступитъ время, онъ, послѣ многихъ терзаній, скажетъ Марычу возможно непринужденнымъ тономъ: «Вотъ что, Марычъ, возьми на столѣ деньги и купи водки». Марычъ растеряется на минуту, заморгаетъ глазами, потомъ суетливо отвѣтитъ: «Слушаю-съ, сколько прикажите-съ? всѣ-съ?»—и съ особенною поспѣшностью въ движеніяхъ, не глядя на него, выйдетъ. Потомъ явится Иродъ съ графиномъ и закуской. «Въ кабакѣ водка нехорошая,—скажетъ онъ смущеннымъ голосомъ,—не угодно ли, у меня первый сортъ»,—и такъ же, не глядя въ лицо Псалтырина, чтобы не видѣть на немъ оттѣнка стыда, поспѣшно уйдетъ.

— Нѣтъ!—вскричалъ Псалтыринъ съ исказившимся отъ страданія лицомъ,— врете вы, изверги! Не позволю надъ собой издѣваться! не позволю!...

Но припадокъ бѣшеннаго протеста быстро проходилъ и Псалтыринъ со стономъ, въ изнеможеніи бросался внизъ лицомъ на кровать, подавленный горькимъ сознаніемъ, что съ роковою неизбѣжностью онъ долженъ будетъ всю чашу униженія выпить до дна.

VI.

Псалтыринъ запилъ. Красный, опухшій, съ безобразными щелями вмѣсто глазъ, съ мутнымъ, блуждающимъ взоромъ, немытый, нечесаный, полураздѣтый, онъ пилъ безъ просыпу уже пятыя сутки.

Окно было завѣшено, въ комнатѣ былъ страшный безпорядокъ: по полу валялись окурки, крошки хлѣба, всюду грязь, пыль, соръ. Изъ-подъ кровати глядѣли пустыя бутылки, подъ столомъ стояла початая четверть водки, на столѣ графинъ, рюмка, черный хлѣбъ и соль. Псалтыринъ въ припадкѣ самоуничиженія не позволялъ ни къ чему прикасаться.

— Пусть грязно, пусть грязно... Не трогать, не нужно! Чѣмъ больше грязи, тѣмъ лучше, такъ и подобаетъ... Свинство такъ свинство!—кричалъ онъ охрипшимъ голосомъ, странно размахивая руками и блуждая безсмысленнымъ взоромъ.

Онъ выкрикивалъ грязныя ругательства, горланилъ пѣсни, рыдалъ, кулакомъ билъ себя въ грудь и плакалъ пьяными слезами; въ промежуткахъ пилъ, закусывая однимъ чернымъ хлѣбомъ съ солью. Онъ гналъ всѣхъ и выносилъ только Марыча, который ему прислуживалъ.

Раннимъ утромъ, когда было еще почти темно, во дворъ неслышно въѣхала повозка, запряженная тройкою лошадей. Изъ нея вышли жена Псалтырина и сынъ Митя. Ихъ встрѣтилъ Голубевъ съ грустнымъ лицомъ и помогъ барынѣ выйти изъ экипажа. У ней было измятое и заплаканное лицо.

— Ну что?—спросила она.

— Не извольте безпокоиться.

— Спитъ?

— Не могу знать. Едва ли-съ.

— Ахъ, я позабыла васъ поблагодарить!... Благодарю васъ благодарю васъ.

Барыня протянула руку Голубеву, который сконфузился и пробормоталъ:

— Помилуйте-съ... счелъ долгомъ увѣдомить...

— Я вамъ такъ благодарна, такъ благодарна... Митя, иди осторожнѣе: онъ, можетъ быть, спитъ.

— Едва ли-съ,—повторилъ Голубевъ.

Барыня, Митя и Голубевъ осторожно вошли въ прихожую.

— Кто тамъ?—послышался хриплый голосъ Псалтырина.

Спавшій у дверей на тюфячкѣ Марычъ проснулся и смотрѣлъ на нихъ дикими, недоумѣвающими глазами. Барыня быстро прошла мимо его и вошла въ комнату. Митя раздѣлся въ прихожей при помощи Голубева и вошелъ твердымъ, рѣшительнымъ шагомъ. Голубевъ не посмѣлъ войти и остался въ прихожей.

Псалтыринъ лежалъ на диванѣ. Увидѣвъ жену, онъ приподнялъ голову.

— Ага! — сказалъ онъ, съ усиліемъ поднимаясь. — Донна-Анна!... Откуда ты, о донна-Анна?... Донесли! доложили!... Ага! и Митька здѣсь... Ну, полюбуйся, полюбуйся на родителя.

— Здравствуй, Саша! — сказала барыня, скоро и весело подходя къ нему, и хотѣла его поцѣловать. — Мы совсѣмъ тебя потеряли и такъ соскучились, что, не предупредивъ, рѣшились пріѣхать. Притомъ, ты ничего не писалъ, мы такъ безпокоились.

Псалтыринъ грубо отстранилъ ее рукой.

— Не зачѣмъ!—вскричалъ онъ и дрожащею рукой налилъ изъ графина водки, расплескавъ ее по столу.—Не зачѣмъ!—повторилъ онъ, выпивая рюмку и дѣлая странныя гримасы. Водка текла у него съ бороды на открытую волосатую грудь.

— Ты бы одѣлся, Саша, ты такой непрезентабельный.

— Не зачѣмъ! — съ пьянымъ упорствомъ твердилъ Псалтыринъ. — Вотъ запилъ... видишь? Ну, смотри, любуйся, какіе на мнѣ узоры написаны!... Грязенъ, какъ свинья! Ну, и что же?... Такъ и надо, такъ и надо.

— Мы хотѣли тебѣ сдѣлать сюрпризъ, пріѣхали, не предупредивъ, — говорила, между тѣмъ, жена съ беззаботнымъ видомъ, но едва сдерживая слезы.

Псалтыринъ захохоталъ.

— Сюрпризъ? Покорно благодарю.

— Мы хотѣли тебя звать домой, вѣдь, Митя на-дняхъ уѣзжаетъ.

— Съ Богомъ!

— Мама, раздѣнься,—сказалъ Митя.

— Ахъ, да, да... Хорошо, хорошо.

Барыня суетливо стала снимать съ себя шаль, шубу и калоши.

— А ты зачѣмъ здѣсь, щенокъ? — обратился Псалтыринъ къ сыну, который упорно, строго и презрительно-холодно смотрѣлъ на отца. Митя пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ.

— Не одобряете-съ? — продолжалъ отецъ.—Вижу, вижу, Митенька Козелковъ... Знаю, что вы неумолимо строги, господинъ Козелковъ, будущій помпадуръ... Ну, что дѣлать? Что дѣлать? Не взыщите!

— Дайте намъ чаю, мамѣ необходимо согрѣться, — распорядился Митя, обращаясь къ Ироду. На слова отца онъ не обратилъ никакого вниманія.

Вскорѣ подали самоваръ, сливки, масло и бѣлый хлѣбъ. Митя молча, съ видимымъ аппетитомъ, принялся за чай. Барыня, не переставая говорить, растерянно хлопотала около самовара. Руки у ней дрожали и голосъ прерывался отъ подступавшихъ слезъ, хотя говорила она все о веселыхъ и безобидныхъ вещахъ: о городскихъ новостяхъ, о какомъ-то Петрѣ Степанычѣ, который у нихъ былъ съ визитомъ, о театрѣ, о забавныхъ приключеніяхъ въ дорогѣ... Псалтыринъ, казалось, впалъ въ состояніе отупѣнія и не слушалъ. Когда руки его машинально протягивались къ графину, у жены вырывалось подавленное восклицаніе, и она какъ-то вся опускалась, но, быстро овладѣвъ собой, опять начинала весело и беззаботно болтать.

Напившись чаю, Митя заявилъ, что пора ѣхать домой.

— Дни короткіе, дорога плохая, — сказалъ онъ, — и такъ къ вечеру едва поспѣемъ домой.

Мать съ укоризною взглянула на сына.

— Погоди, дружокъ, нельзя же такъ вдругъ,—шепотомъ возразила она.

— Нечего тутъ миндальничать,—отвѣтилъ онъ громко.

Она испуганно взглянула на мужа и съ стремительною быстротой заговорила о чемъ-то постороннемъ.

— Маточка!—заговорилъ Псалтыринъ, точно пробуждаясь отъ сна.—Къ чему ты тараторишь? Какъ горохъ сыпишь...къ чему?.. Зачѣмъ эта ложь? Что, я ребенокъ, что ли?...Ты за мной пріѣхала такъ и говори: поѣдемъ, довольно безобразничать, а то «сюрпризъ»... Охъ, Боже мой!...

— Что же, поѣдемъ, голубчикъ.

— А вотъ не поѣду!... Ни за что!...

— Какъ не поѣдешь, Саша?

— Не поѣду!

— Положимъ, ты поѣдешь, отецъ,—вмѣшался Митя, блѣдный, съ блестящими отъ гнѣва глазами.

— Что-о?!

— Я тебѣ говорю, что ты поѣдешь.

— Ты говоришь?... Что же, ты силой меня повезешь, а?

— Если понадобится, то и силой.

— Митя, Митя! — съ ужасомъ заговорила мать.— Ради Бога, ради Создателя!...

Псалтыринъ поднялся на ноги и, сжавъ кулаки, весь затрясся отъ гнѣва.

Барыня бросилась къ мужу и, обнимая его, говорила:

— Ради Бога... Саша!... Милый!... Успокойся... Митя, уйди!

Но Митя не уходилъ и упорно смотрѣлъ на отца, гипнотизируя его взглядомъ.

— Уйди, уйди!—кричала ему мать.

— Мама, вспомни, что мы съ тобой говорили.

— Уйди, уйди!

Между тѣмъ, Псалтыринъ рвался изъ рукъ жены, размахивалъ руками и выкрикивалъ ругательства.

— Негодяй!... Щенокъ!... Какъ ты смѣешь?... Я тебя ненавижу, ненавижу!...—кричалъ онъ въ изступленіи.

Размахнувшись, онъ нечаянно ударилъ жену по лицу и, замѣтивъ, что она со стономъ ухватилась руками за ушибленное мѣсто, сразу опомнился. Съ внезапною нѣжностью онъ обнялъ и ловко посадилъ ее на диванъ.

— Прости, милая, — говорилъ онъ, цѣлуя ея руки. — Тебѣ больно?... Ну, прости, прости... Ну, я свинья... Господи! Что это?

— Ничего, ничего, пустяки, — отвѣчала она сквозь слезы, счастливая, что онъ ее приласкалъ.

Митѣ были невыносимы эти телячьи нѣжности и, насупившись, онъ отвернулся къ окну.

— У тебя, маточка, все же доброе сердце, доброе сердце,—говорилъ Псалтыринъ разслабленнымъ голосомъ, лаская жену.

— Поѣдемъ, голубчикъ,—говорила она.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, мнѣ все равно... все равно... Меня лько этотъ возмущаетъ... Митька... У-у, зелье!... Ты меня изни, я выпью... долженъ выпить... необходимо...

— Не пей, Саша.

— Нѣтъ, нѣтъ... только одну, только одну... ужъ ты позволь.

Псалтыринъ выпилъ рюмку и хотѣлъ налить другую, какъ

вдругъ Митя взялъ графинъ со стола и переставилъ на окно, сказавъ: «Довольно!»

Барыня страшно поблѣднѣла, ожидая, что сейчасъ разыграется дикая сцена. Однако, все обошлось неожиданно благополучно. Псалтыринъ какъ-то тупо посмотрѣлъ на рюмку, на переставленный графинъ, попытался что-то сказать, но, вмѣсто того, махнулъ рукой.

— Ну, хорошо... Ну, довольно,— пробормоталъ онъ, откидываясь на диванъ.

Черезъ полчаса Псалтырины сидѣли въ экипажѣ.

— До свиданья, до свиданья, — кивая головой и привѣтливо улыбаясь сквозь слезы, говорила барыня Голубеву, который безъ шапки стоялъ подлѣ экипажа и кланялся.

— До свиданья,— машинально повторялъ Псалтыринъ, также кивая головой и блуждая безсмысленнымъ взглядомъ.

— Трогай!—скомандовалъ Митя.

Лошади дернули. Отъ толчка голова Псалтырина мотнулась, какъ у новорожденнаго ребенка. Жена уложила его на подушку. Непролазная грязь, темно-синее, хмурое небо, холодный, насквозь пронизанный сыростью вѣтеръ, мокрые заборы, мокрыя крыши, черныя стаи галокъ на колокольнѣ, хмурыя лица встрѣчныхъ мужиковъ и бабъ—все казалось проникнутымъ безнадежною тоской, скукой, хандрой. Когда проѣзжали мимо толпы мужиковъ, собравшихся около волостного правленія, Псалтыринъ вдругъ высунулся изъ экипажа и закричалъ:

— Смотрите, православные, управляющаго везутъ! Смотрите...

Онъ не докончилъ фразы, потому что сильнымъ ударомъ въ грудь былъ отброшенъ назадъ, въ глубь экипажа. Ударившись затылкомъ о твердый остовъ повозки, онъ смотрѣлъ на сына помутившимся взоромъ, въ которомъ отразился такой чисто-животный испугъ, что Митѣ стало совѣстно и неловко. Барыня переполошилась, заохала, но, взглянувъ на кучера, опять сдѣлала видъ, что ничего особеннаго не произошло и поспѣшила замять происшедшую непріятность разговоромъ.

Такъ они ѣхали довольно долго. Псалтыринъ молчалъ и, казалось, о чемъ-то думалъ. Барыня поболтала и, наконецъ, умолкла. Митя, нахмуренный и строгій, сидѣлъ какъ истуканъ. Передъ глазами разстилались желтыя поля и зеленѣющія полосы озими, мимо быстро мелькали обнаженныя деревья и кусты. Повозка стала тихо спускаться съ горы. Вдругъ проглянуло солнце и яркими потоками свѣта залило дорогу, грязныя лужи, деревья, поля и синѣющ

впереди даль. Картина измѣнилась въ одно мгновеніе, вся окрестность словно очнулась отъ сна, внезапно принявъ веселый, смѣющійся, радостный видъ.

— Ахъ, солнышко, солнышко! Боже мой! Солнышко! — пронзительнымъ и дѣтски-радостнымъ голосомъ воскликнулъ Псалтыринъ, простирая руки, и, упавъ головой на подушку, всхлипывая, зарыдалъ, какъ дитя.

Между тѣмъ, солнце скрылось, и кругомъ опять все потускнѣло, принявъ прежній уныло-безотрадный, нахмуренный обликъ.

А. Погорѣловъ.

КАМО ГРЯДЕШИ? *)

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Римляне расположились въ великолѣпныхъ садахъ цезаря, когда-то принадлежавшихъ Домиціи и Агриппинѣ, на Марсовомъ полѣ, въ садахъ Помпея, Саллюстія и Мецената. Занято было все,— портики, зданія, предназначенныя для игры въ мячъ, роскошные лѣтніе дома и звѣринцы. Павлины, фламинго, лебеди и страусы, африканскія газели и антилопы, олени и серны, составляющіе украшенія садовъ, были зарѣзаны и съѣдены. Жизненные припасы прибывали изъ Остіи въ такомъ изобиліи, что по баркамъ и разнообразнымъ судамъ можно было, какъ по мосту, переходить съ одного берега Тибра на другой. Хлѣбъ продавался по баснословно-низкой цѣнѣ трехъ сестерцій, а неимущимъ и совсѣмъ задаромъ. Явились неизмѣримые запасы вина, оливокъ и каштановъ, съ горъ пригоняли каждый день все новыя и новыя стада воловъ и овецъ. Бѣдняки, до пожара прятавшіеся по переулкамъ Субуры и въ обыкновенное время умиравшіе отъ голода, теперь жили лучше, чѣмъ прежде. Опасеніе голода было устранено совершенно, но пр кратить разбои, грабежи и насилія оказывалось гораздо болѣ труднымъ. Кочевая жизнь обезпечивала безнаказанность ворамъ грабителямъ, тѣмъ болѣе, что они объявляли себя почитателями це заря и не жалѣли для него рукоплесканій, гдѣ бы онъ ни появля ся. Когда всѣ правительственныя учрежденія, въ силу самихъ о

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

стоятельствъ, закрылись, а вооруженной силы, которая могла бы прекратить безпорядокъ, оказывалось недостаточно, въ городѣ, населенномъ подонками всего міра, творились вещи положительно превосходящія человѣческое воображеніе. Каждую ночь происходили побоища, похищенія женщинъ и дѣтей. У porta Mugionis, гдѣ была стоянка стадъ, пригоняемыхъ изъ Кампаньи, дѣло доходило до настоящихъ сраженій, въ которыхъ погибали сотни людей. Каждое утро берега Тибра были усыпаны утопленниками; ихъ никто не погребалъ, тѣла быстро разлагались и наполняли воздухъ смрадомъ. Начались болѣзни; болѣе трусливые люди ожидали появленія какой-нибудь заразы.

А городъ все еще горѣлъ. Только на шестой день пожаръ, дойдя до Эсквилина, на которомъ нарочно разрушили огромное количество домовъ, началъ слабѣть. Но груды горящаго угля свѣтились еще такъ ярко, что народъ не хотѣлъ вѣрить близкому концу несчастія. И дѣйствительно, на седьмую ночь пожаръ вспыхнулъ съ новою силой въ домѣ Тигеллина, но не надолго, по отсутствію пищи. Только и тамъ, и здѣсь обваливались обгорѣлые дома, посылая къ небу столбы пламени и искръ. Но, мало-по-малу, пожарище начало сѣрѣть сверху, небо, послѣ захода солнца, перестало горѣть кровавымъ заревомъ и только во время ночи на огромной черной пустынѣ кое-гдѣ показывались синеватые огоньки, вырывающіеся изъ кучъ угля.

Изъ четырнадцати частей Рима остались только четыре, включая въ это число и Затибрскую,—остальныя пожрало пламя. Когда, наконецъ, груды угля покрылись пепломъ, то отъ Тибра до Эсквилина тянулось огромное сѣрое, унылое, мертвое пространство, на которомъ торчали ряды трубъ, на подобіе надгробныхъ колоннъ. Между этими колоннами днемъ сновали люди, разыскивающіе драгоцѣнныя вещи или кости дорогихъ существъ, а ночью выли собаки.

Вся щедрость и помощь, какую цезарь оказалъ народу, не могла удержать злословія и волненія. Удовлетворена была только толпа воровъ и бездомныхъ скитальцевъ, которые вволю могли ѣсть, пить и грабить. Но тѣ, кто потерялъ дорогихъ людей и свое достояніе, не дали себя подкупить ни открытіемъ садовъ, ни раздачей хлѣба, ни обѣщаніемъ игръ и подарковъ. Несчастіе было черезчуръ велико и черезчуръ необычайно. У кого еще тлѣла искра любви къ городу-отечеству, тотъ приходилъ въ отчаяніе при вѣсти, что старое имя «Roma» должно исчезнуть съ лица земли и что цезарь имѣетъ намѣреніе изъ пепла возстановить новый городъ

и дать ему имя Нерополь. Волна неудовольствія вздувалась и росла съ каждымъ днемъ, и, несмотря на лесть августіанъ, несмотря на ложь Тигеллина, Неронъ, болѣе чуткій, чѣмъ всѣ предшествующіе цезари, къ расположенію толпы, съ тревогой думалъ, что въ глухой борьбѣ на жизнь и смерть, какую онъ велъ съ патриціями и сенатомъ, у него можетъ оказаться недостатокъ въ поддержкѣ. Сами августіане были не менѣе встревожены,— каждое утро могло принести имъ гибель. Тигеллинъ думалъ о томъ, не призвать ли ему нѣсколько легіоновъ изъ Малой Азіи; Ватиній, который смѣялся даже тогда, когда его били по щекамъ, утратилъ хорошее расположеніе духа; Вителій потерялъ аппетитъ.

Другіе совѣщались между собою, какъ бы отвратить несчастіе; ни для кого не было тайной, что если бы какой-нибудь взрывъ смялъ цезаря, то, за исключеніемъ, можетъ быть, Петронія, ни одинъ августіанинъ не ушелъ бы живымъ. Именно ихъ вліянію и приписывали безумія Нерона, ихъ наушничеству — всѣ совершенныя имъ преступленія. Народъ ненавидѣлъ августіанъ чуть ли не больше, чѣмъ самого цезаря.

Начали думать, какъ бы сложить съ себя отвѣтственность за пожаръ города. Но для того, чтобы сдѣлать это, нужно было очистить отъ подозрѣній цезаря, иначе никто бы не повѣрилъ, что они не были виновниками преступленія. Тигеллинъ съ этою цѣлью совѣтовался съ Домиціемъ Афромъ и даже съ Сенекою, хотя и ненавидѣлъ его. Поппея также понимала, что гибель Нерона—смертный приговоръ для нея, и прислушивалась ко мнѣнію приближенныхъ къ ней лицъ и еврейскихъ священниковъ,— повсюду ходилъ слухъ, что она нѣсколько уже лѣтъ поклоняется Іеговѣ. Неронъ придумывалъ свои средства, иногда страшныя, иногда шутовскія, и попеременно то впадалъ въ страхъ, то забавлялся какъ ребенокъ, но по большей части жаловался на всѣхъ.

Однажды, въ домѣ Тигеллина, уцѣлѣвшемъ отъ пожара, шло долгое и безплодное совѣщаніе. Петроній высказалъ мнѣніе, чтобы, не обращая вниманія на всѣ непріятности, ѣхать въ Грецію, а потомъ въ Египетъ и Малую Азію. Путешествіе давно было рѣшено, зачѣмъ же его откладывать, когда въ Римѣ скучно и не безопасно.

Цезарь съ восторгомъ принялъ этотъ совѣтъ, но Сенека подумалъ немного и сказалъ:

— Поѣхать легко, но возвратиться будетъ трудно.

— Клянусь Геракломъ! — отвѣтилъ Петроній,— возвратиться можно во главѣ азіатскихъ легіоновъ.

— Я такъ и сдѣлаю! — воскликнулъ Неронъ.

Но Тигеллинъ началъ противиться. Самъ онъ придумать ничего не могъ,— приди ему въ голову подобная мысль, онъ непремѣнно огласилъ бы ее, какъ спасительное средство, но теперь ему нужно было, чтобы Петроній во второй разъ не оказался единственнымъ человѣкомъ, который въ тяжелую минуту можетъ спасти всѣхъ и все.

— Слушай меня, божественный!— сказалъ онъ,—этотъ совѣтъ гибеленъ. Прежде, чѣмъ ты доѣдешь до Остіи, начнется междуусобная война и,—кто знаетъ?—изъ живущихъ потомковъ божественнаго Августа не объявитъ ли себя кто-нибудь цезаремъ, а что сдѣлаемъ мы, если легіоны перейдутъ на его сторону?

— Постараемся, чтобъ не оставалось потомковъ Августа,— сказалъ Неронъ. Ихъ уже немного, освободиться отъ нихъ легко.

— Сдѣлать это можно, но развѣ только въ этомъ дѣло? Мои люди не дальше, какъ вчера, слышали въ толпѣ, что цезаремъ долженъ быть такой мужъ, какъ Тразеа [1]).

Неронъ закусилъ губы, потомъ поднялъ кверху глаза и сказалъ:

— Ненасытные и неблагодарные. Муки у нихъ достаточно, углей, на которыхъ они могутъ печь лепёшки, тоже,—чего имъ нужно больше?

На это Тигеллинъ сказалъ:

— Мести.

Наступило молчаніе. Вдругъ цезарь всталъ, воздѣлъ руки къ небу и началъ декламировать:

«Сердца жаждутъ мести, а месть жаждетъ жертвы».

Онъ забылъ обо всемъ и воскликнулъ съ прояснившимся лицомъ:

— Дайте мнѣ таблички и стиль [2]), я запишу этотъ стихъ. Луканъ никогда не сочинялъ ничего подобнаго. Замѣчаете вы, что этотъ стихъ въ одно мгновеніе пришелъ мнѣ въ голову?

— О, несравненный!—отозвалось нѣсколько голосовъ.

Неронъ записалъ стихъ и сказалъ:

— Да, месть жаждетъ жертвы!

И онъ окинулъ взглядомъ всѣхъ окружающихъ его.

— А еслибъ пустить слухъ, что Ватиній приказалъ поджечь ородъ и пожертвовать имъ народному гнѣву?

---

1) Paetus Thrasea—одинъ изъ благороднѣйшихъ римлянъ императорскаго періода;) былъ человѣкъ стараго римскаго духа, бывшій въ оппозиціи съ Нерономъ, за это ь былъ приговоренъ къ смерти и долженъ былъ открыть себѣ жилы.

2) Римляне писали на дощечкахъ, покрытыхъ тонкимъ слоемъ воска (tabulae cerae), посредствомъ стиля (stilus),—заостренной палочки металлической или костяной.

— Божественный! Да кто я такой?—воскликнулъ Ватиній.

— Правда! Нужно кого-нибудь побольше тебя... Вителія?

Вителій поблѣднѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, началъ смѣяться.

— Мой жиръ,—сказалъ онъ,—скорѣе могъ бы возобновить пожаръ.

Въ головѣ Нерона было совсѣмъ другое, онъ искалъ жертвы, которая, дѣйствительно, могла бы насытить гнѣвъ народа, и нашелъ ее.

— Тигеллинъ,—сказалъ онъ черезъ минуту,—это ты поджегъ Римъ!

Присутствующіе вздрогнули. Они поняли, что теперь цезарь пересталъ шутить и подошла минута, чреватая событіями.

Лицо Тигеллина судорожно сжалось, какъ у собаки, когда она собирается кусать.

— Я поджегъ Римъ по твоему приказанію,—сказалъ онъ.

И они начали смотрѣть другъ на друга, какъ два демона. Наступила такая тишина, что было слышно, какъ мухи пролетаютъ по атрію.

— Тигеллинъ,—отозвался Неронъ,—ты любишь меня?

— Ты знаешь это, господинъ.

— Пожертвуй собою для меня!

— Божественный цезарь,—отвѣтилъ Тигеллинъ,—зачѣмъ ты предлагаешь мнѣ сладкій напитокъ, который я не смѣю поднести къ своимъ устамъ? Народъ ропщетъ и волнуется,—ты хочешь, чтобъ и преторіанцы начали волноваться?

У всѣхъ присутствующихъ сердце сжалось тревогой. Тигеллинъ былъ префектомъ преторіанцевъ, и слова его прямо дышали угрозой. Самъ Неронъ понялъ это, и лицо его поблѣднѣло.

Въ это время вошелъ Эпафродитъ, отпущенникъ цезаря, и объявилъ, что божественная Августа хочетъ видѣть Тигеллина, что къ ней пришли люди, которыхъ префектъ долженъ выслушать.

Тигеллинъ поклонился цезарю и вышелъ со спокойнымъ и презрительнымъ лицомъ. Когда его хотѣли ударить, онъ показалъ, что такое онъ, и зная трусость Нерона, былъ увѣренъ, что владыка міра никогда не отважится поднять противъ него руку.

Неронъ сидѣлъ молча, но видя, что августіане ожидаютъ отъ него какого-нибудь слова, наконецъ, сказалъ:

— Я отогрѣлъ змѣю на своей груди.

Петроній пожалъ плечами, какъ будто бы хотѣлъ сказать, что у такой змѣи не трудно оторвать голову.

— Что ты скажешь? Говори, дай совѣтъ! — крикнулъ Неро

онъ замѣтилъ его движеніе,—я довѣряю одному тебѣ, потому что ты умнѣе всѣхъ ихъ и любишь меня.

У Петронія уже было на языкѣ: «назначь меня префектомъ преторіанцевъ, я выдамъ народу Тигеллина и въ одинъ день успокою городъ». Но природная лѣнь взяла верхъ надъ этимъ. Быть префектомъ преторіанцевъ—это значитъ носить на своихъ плечахъ особу цезаря и тысячи общественныхъ дѣлъ. Да и зачѣмъ ему эти хлопоты? Не лучше ли читать стихи въ своей роскошной библіотекѣ, лелѣять на своей груди Эвнику, перебирать пальцами ея золотистые волосы и наклонять свои губы къ ея коралловымъ устамъ? И онъ сказалъ:

— Я совѣтую ѣхать въ Ахайю.

— Ахъ,—отвѣтилъ Неронъ,—я ожидалъ отъ тебя большаго. Сенатъ меня ненавидитъ. Кто мнѣ поручится, что когда я выѣду, не поднимутъ ли знамя бунта противъ меня и не провозгласятъ ли цезаремъ кого-нибудь другого? Народъ прежде былъ вѣренъ мнѣ, но теперь пойдетъ за нимъ. Клянусь Гадесомъ, еслибъ у этого сената и этого народа была одна голова...

— Божественный, позволь сказать тебѣ, что, желая сохранить Римъ, нужно сохранить хоть сколько-нибудь римлянъ,—съ улыбкой сказалъ Петроній.

Неронъ началъ жаловаться:

— Какое мнѣ дѣло до Рима и до римлянъ! Меня слушали бы и въ Ахайи. А здѣсь меня окружаетъ только измѣна. Всѣ покидаютъ меня, и вы готовы измѣнить мнѣ! Я знаю это, знаю... Вы и не подумаете, что скажутъ о васъ грядущія поколѣнія, когда вы покинете такого артиста, какъ я.

Онъ ударилъ себя по лбу и воскликнулъ:

— Да... Среди этихъ заботъ и я забылъ, кто я!—и съ совершенно сіяющимъ лицомъ обратился къ Петронію:

— Петроній,—сказалъ онъ,—народъ ропщетъ, но еслибъ я взялъ лютню и вышелъ съ нею на Марсово поле, еслибъ пропѣлъ ту пѣснь, которую пѣлъ вамъ во время пожара, ты думаешь, я не взволновалъ бы ихъ этимъ пѣніемъ, какъ нѣкогда Орфей волновалъ дикихъ звѣрей?

На это Туллій Сенеціонъ, которому давно хотѣлось вернуться своимъ невольницамъ, сказалъ:

— Несомнѣнно, цезарь, еслибъ только тебѣ позволили начать.

— Ѣдемъ въ Элладу!—съ неудовольствіемъ сказалъ Неронъ.

Но въ эту минуту вошла Поппея, а за ней Тигеллинъ. Глаза ихъ присутствующихъ обратились на него: никогда никакой

тріумфаторъ не въѣзжалъ въ Капитолій съ такой гордостью, съ какою онъ предсталъ передъ цезаремъ.

Заговорилъ онъ медленно и раздѣльно, голосомъ, въ которомъ какъ будто слышался лязгъ желѣза:

— Выслушай меня, цезарь, ибо я могу сказать тебѣ: я нашелъ! Народу нужна месть и жертва, но не одна, а сотни и тысячи. Господинъ, развѣ ты не слыхалъ никогда, кто былъ Хрестосъ, тотъ, кого распялъ Понтій Пилатъ? Ты знаешь, что такое христіане? Не говорилъ я тебѣ объ ихъ преступленіяхъ и безчинныхъ обрядахъ, объ ихъ предсказаніяхъ, что огонь положитъ конецъ міру? Народъ ненавидитъ и подозрѣваетъ ихъ. Никто не видалъ ихъ въ храмахъ, ибо нашихъ боговъ они считаютъ злыми духами, ихъ нѣтъ и на Стадіи [3]), потому что они пренебрегаютъ ристалищами. Никогда ладони ни одного христіанина не почтили тебя рукоплесканіемъ. Никогда ни одинъ изъ нихъ не призналъ тебя богомъ. Они враги рода человѣческаго, враги Рима и твои враги. Народъ ропщетъ противъ тебя, но не ты, цезарь, повелѣлъ мнѣ поджечь Римъ и не я сжегъ его. Народъ требуетъ мести, пусть онъ получитъ удовлетвореніе. Народъ жаждетъ крови и игрищъ,—пусть получитъ это. Народъ подозрѣваетъ тебя, пусть его подозрѣнія обратятся въ другую сторону.

Сначала Неронъ слушалъ съ недоумѣніемъ, но, по мѣрѣ словъ Тигеллина, его актерское лицо начало измѣняться и поочередно принимать выраженіе то гнѣва, то горя, сочувствія или негодованія. Вдругъ онъ всталъ, сбросилъ съ себя тогу, воздѣлъ обѣ руки кверху и съ минуту оставался въ молчаніи.

Потомъ онъ заговорилъ голосомъ трагика:

— Зевсъ, Аполлонъ, Гера, Аѳина, Персефона и вы всѣ безсмертные боги! Отчего вы не пришли намъ на помощь? Чѣмъ несчастный городъ провинился передъ злодѣями, которые такъ безчеловѣчно сожгли его?

— Они враги человѣческаго рода и твои враги,—сказала Поппея.

Другіе начали поддерживать ее:

— Окажи справедливость. Покарай поджигателей! Сами боги хотятъ мести.

Неронъ сѣлъ, опустилъ голову на грудь и снова замолкъ, как будто злодѣйство, о которомъ услыхалъ онъ, оглушило его, т черезъ минуту махнулъ рукой и сказалъ:

— Какія кары и какія му́ки достойны такого преступленія?

---

[3]) Stadium—мѣсто, гдѣ люди состязались въ бѣгѣ.

Но боги вдохновятъ меня и при помощи силъ Тартара я предоставлю моему бѣдному народу такое зрѣлище, что онъ цѣлые вѣка будетъ вспоминать меня съ благодарностью.

Чело Петронія затуманилось. Онъ подумалъ объ опасности, какой могутъ подвергнуться Лигія и Виницій, и всѣ тѣ люди, ученіе которыхъ онъ отвергалъ, но въ невинности которыхъ былъ вполнѣ увѣренъ. Точно также ему пришло въ голову, что начнется одна изъ тѣхъ кровавыхъ оргій, какихъ невыносили глаза эстетика. Но прежде всего онъ сказалъ себѣ: «Я долженъ спасать Виниція: онъ съ ума сойдетъ, если та дѣвушка погибнетъ»,—и это соображеніе превозмогло всѣ остальныя, хотя Петроній хорошо понималъ, что начинаетъ такую опасную игру, въ которую еще не игралъ никогда.

Тѣмъ не менѣе заговорилъ онъ свободно и небрежно, какъ говорилъ всегда, когда критиковалъ или осмѣивалъ недостаточно эстетическій замыселъ цезаря и августіанъ.

— Такъ вы нашли жертву? Хорошо! Можете послать ее на арену или облечь въ «скорбную тунику». И это также хорошо. Но послушайте меня: у васъ власть, у васъ преторіанцы, у васъ сила,—будьте же искренни по крайней мѣрѣ тогда, когда васъ никто не слышитъ. Обманывайте народъ, но не самихъ себя. Отдайте народу христіанъ, приговорите ихъ къ какимъ угодно мученіямъ, но имѣйте отвагу сказать себѣ, что не они сожгли Римъ!... Вы называете меня arbiter elegantiarum, и я говорю вамъ, что не выношу пошлыхъ комедій. Ахъ, какъ все это напоминаетъ мнѣ балаганы около porta Asinaria, гдѣ актеры, для утѣхи пригородной сволочи, ломаютъ роли боговъ и царей, и послѣ представленія запиваютъ лукъ кислымъ виномъ или получаютъ въ награду побои. Будьте на самомъ дѣлѣ богами и царями, потому что, говорю я вамъ, вы можете себѣ позволить это. Что касается тебя, цезарь,—ты грозилъ намъ судомъ грядущихъ вѣковъ,—но вспомни, что они изрекутъ свое сужденіе и о тебѣ. Клянусь божественною Кліо! [4]) Неронъ, владыка міра, Неронъ богъ, сжегъ Римъ потому, что былъ также всесиленъ на землѣ, какъ Зевсъ на Олимпѣ; Неронъ-поэтъ такъ любилъ поэзію, что пожертвовалъ ей отчизною! Съ начала свѣта никто не сдѣлалъ ничего подобнаго, не осмѣлился ни на что подобное. Заклинаю тебя именемъ девяти Либетридъ [5]),—не отрекайся отъ такой славы, потому что пѣсни о тебѣ будутъ гремѣть до скончанія вѣковъ. Чѣмъ будетъ въ сравненіи съ тобой Пріамъ, Агамем-

[4]) Clio—одна изъ музъ.

[5]) Libethrides—музы.

нонъ, Ахиллъ, чѣмъ будутъ сами боги? Мало того, что сжечь Римъ дѣло хорошее,—это дѣло великое и необычайное! И кромѣ того я говорю, что народъ не подниметъ на тебя руку. Имѣй отвагу: остерегайся поступковъ, недостойныхъ тебя, ибо тебѣ грозитъ только то, что потомки могутъ сказать: «Неронъ сжегъ Римъ, но, какъ малодушный цезарь и малодушный поэтъ, изъ трусости отрекся отъ великаго дѣла и свалилъ вину на невинныхъ!»

Слова Петронія обыкновенно производили сильное впечатлѣніе на Нерона, но на этотъ разъ самъ Петроній не ошибался, что прибѣгаетъ къ послѣднему средству, которое при счастьи, пожалуй, можетъ спасти христіанъ, но еще легче можетъ погубить его самого. Но онъ не колебался,—дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ шло и о Виниціи, котораго онъ любилъ, и о рискѣ, которымъ онъ тѣшился. «Кости брошены [6]), — подумалъ онъ, — увидимъ, насколько въ этой обезьянѣ страхъ за свою шкуру перевѣситъ любовь къ славѣ».

И въ глубинѣ души онъ не сомнѣвался, что перевѣситъ страхъ.

Послѣ его словъ наступило молчаніе. Поппея и всѣ присутствующіе внимательно смотрѣли въ глаза Нерона, а тотъ началъ поднимать губы кверху, приближая ихъ къ самымъ ноздрямъ, какъ дѣлалъ, когда не зналъ, на что рѣшиться; наконецъ смущеніе и неудовольствіе выразились на его лицѣ.

— Господинъ,—воскликнулъ Тигеллинъ, когда увидалъ все это,—дозволь мнѣ удалиться. Твою особу обрекаютъ на гибель, притомъ тебя называютъ малодушнымъ цезаремъ, малодушнымъ поэтомъ, поджигателемъ и комедіантомъ,—а мои уши не могутъ выносить такихъ словъ.

— Проигралъ,—подумалъ Петроній, но, обратившись къ Тигеллину, смѣрилъ его взглядомъ, полнымъ презрѣнія большого патриція и изящнаго человѣка къ мелкому негодяю, и сказалъ:

— Тигеллинъ, это я тебя назвалъ комедіантомъ, да ты даже и теперь комедіантъ.

— Не потому ли, что я не хочу слушать твоихъ оскорбленій?

— Потому, что ты выказываешь безграничную любовь къ цезарю, а минуту тому назадъ угрожалъ ему преторіанцами. Это поняли всѣ мы, да и цезарь также.

Тигеллинъ, который не разсчитывалъ, чтобъ Петроній осмѣлился бросить на столъ подобныя кости, поблѣднѣлъ, потерялся и онѣмѣлъ. Но это была послѣдняя побѣда Петронія надъ его соперникомъ, потому что вслѣдъ затѣмъ Поппея сказала:

6) Разумѣется кости, употребляяшіяся для игры. Jacta alea est („кость брошена", т.-е. сдѣланъ ею ходъ), сказалъ Цезарь при переходѣ черезъ Рубиконъ.

— Господинъ, какъ ты можешь дозволять, чтобъ даже такая мысль могла зародиться въ чьей-нибудь головѣ, а тѣмъ болѣе, чтобъ кто-нибудь осмѣлился громко высказать ее въ твоемъ присутствіи.

— Покарай дерзновеннаго!—крикнулъ Вителій.

Неронъ снова поднялъ губы и, обративъ на Петронія свои стеклянные, близорукіе глаза, сказалъ:

— Такъ-то ты платишь за мою пріязнь?

— Если я ошибаюсь, докажи мнѣ это,—отвѣтилъ Петроній,—но знай, я говорю то, что повелѣваетъ мнѣ любовь къ тебѣ.

— Покарай дерзновеннаго!—повторилъ Вителій.

— Покарай!—подхватило нѣсколько голосовъ.

Въ атріи водворились шумъ и движеніе,—всѣ старались подальше отойти отъ Петронія. Отодвинулся отъ него даже Туллій Сенеціонъ, его постоянный товарищъ при дворѣ, и молодой Нерва, который до сихъ поръ былъ очень друженъ съ нимъ. Черезъ минуту Петроній остался на лѣвой сторонѣ атрія, и, съ улыбкой на устахъ, оправляя рукою складки тоги, ждалъ, что скажетъ или что предприметъ цезарь.

А цезарь сказалъ:

— Вы хотите, чтобъ я покаралъ его, но это мой товарищъ и другъ, и хотя онъ уязвилъ меня въ сердце, пусть будетъ ему извѣстно, что это сердце можетъ только... прощать друзьямъ.

— Я проигралъ и погибъ,—подумалъ Петроній.

Цезарь всталъ,—совѣтъ былъ оконченъ.

II.

Петроній отправился домой, а Неронъ и Тигеллинъ перешли въ атрій Поппеи, гдѣ ихъ ждали люди, съ которыми префектъ раньше велъ бесѣду.

Тамъ было два «равви» изъ-за Тибра, одѣтыхъ въ длинныя, торжественныя одежды, съ митрами на головахъ, молодой писецъ, ихъ помощникъ, и Хилонъ. При видѣ цезаря священники поблѣдѣли отъ волненія и, поднявъ руки до уровня плечъ, склонили головы.

— Привѣтъ тебѣ, монархъ монарховъ и царь царей,—сказалъ старшій,—привѣтъ тебѣ, цезарь, владыка земли, покровитель избраннаго народа, левъ среди людей, царство котораго точно свѣтъ солнечный, точно кедръ ливанскій, точно бальзамъ іерихонскій...

— Вы не почитаете меня богомъ?—спросилъ цезарь.

Священники побледнѣли еще сильнѣе; старшій снова заговорилъ:

— Господинъ, слова твои сладки, какъ плодъ виноградной лозы, какъ созрѣвшая фига, ибо Егова наполнилъ добротою твое сердце. Предшественникъ твоего отца, цезарь Кай, былъ жестокъ, но и его наши послы не называли богомъ, предпочитая самую смерть нарушенію требованій писанія.

— И Калигула приказалъ ихъ отдать львамъ?

— Нѣтъ, господинъ, цезарь Кай испугался гнѣва Еговы.

Священники подняли головы, потому что имя могучаго Еговы придало имъ отваги. Надѣясь на его силу, они смѣлѣе смотрѣли въ глаза Нерона.

— Вы обвиняете христіанъ въ томъ, что они сожгли Римъ?— допрашивалъ цезарь.

— Мы, господинъ, обвиняемъ ихъ только въ томъ, что они— враги писанія, враги рода человѣческаго и твои враги и что издавна они угрожали огнемъ Риму и міру. Остальное разскажетъ тебѣ человѣкъ, уста котораго не осквернялся ложью, потому что въ жилахъ его матери текла кровь избраннаго народа.

Неронъ обратился къ Хилону:

— Кто ты таковъ?

— Твой почитатель, Озирисъ, и, кромѣ того, убогій стоикъ.

— Я ненавижу стоиковъ,—сказалъ Неронъ,—ненавижу Тразею, ненавижу Музонія и Корнута. Мнѣ противна ихъ рѣчь, ихъ отвращеніе къ искусству, ихъ добровольная нужда и неряшество.

— Господинъ, у твоего учителя, Сенеки, тысяча столовъ изъ цитроваго дерева [1]). Пожелай только, и у меня ихъ будетъ вдвое больше. Я стоикъ по необходимости. Укрась, о лучезарный, мой стоицизмъ вѣнкомъ изъ розъ, поставь передо мною сосудъ съ виномъ, и я буду пѣть пѣсни Анакреона такъ, что оглушу всѣхъ эпикурейцевъ.

Нерону понравился эпитетъ «лучезарный». Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Ты нравишься мнѣ.

— Этотъ человѣкъ стоитъ столько золота, сколько вѣсит самъ.

Хилонъ отвѣтилъ:

---

1) Mensa citrea. Подъ citrus римляне разумѣли одно хвойное дерево (Thu articulata) изъ котораго въ концѣ республики и въ императорскую эпоху дѣлали ст лы, цѣнившіеся такъ высоко, что иногда одинъ такой столъ стоилъ дороже п помѣстья.

— Наполни, господинъ, мою чашку вѣсовъ твоею щедростью, иначе вѣтеръ унесетъ всю мою награду.

— Точно,—вставилъ цезарь,—онъ не перетянулъ бы Вителія.

— Увы, сребролукій, мое остроуміе не изъ свинца.

— Я вижу, что твое ученіе не запрещаетъ именовать меня богомъ.

— О, безсмертный! мое ученіе заключается въ тебѣ; христіане грѣшили противъ этого ученія, поэтому я и возненавидѣлъ ихъ.

— Что ты знаешь о христіанахъ?

— Позволишь ли ты мнѣ плакать, божественный?

— Нѣтъ,—сказалъ Неронъ,—это будетъ скучно.

— Ты трижды правъ, ибо очи, которыя зрѣли тебя, разъ навсегда должны отказаться отъ слезъ. Господинъ, защити меня отъ моихъ враговъ.

— Говори о христіанахъ,—сказала Поппеа съ оттѣнкомъ нетерпѣнія.

— Я начну, если повелишь, Изида,—отвѣтилъ Хилонъ.—Съ молодости я посвятилъ себя философіи и искалъ правды. Я искалъ ее и у древнихъ божественныхъ мудрецовъ, и въ академіи, и въ Аѳинахъ, и въ александрійскомъ Серапеумѣ. Услыхавъ о христіанахъ, я думалъ, что это какая-нибудь новая школа, въ которой я могу найти нѣсколько зернъ правды, и познакомился съ ними... на мое горе! Первымъ христіаниномъ, съ которымъ меня свела злая судьба, былъ нѣкто Главкъ, врачъ изъ Неаполя. Отъ него-то я современемъ узналъ, что они воздаютъ честь нѣкоему Хрестосу, который обѣщалъ имъ искоренить всѣхъ людей, разрушить всѣ города на землѣ и оставить только ихъ однихъ, если они помогутъ ему истребить всѣхъ сыновъ Девкаліона. Поэтому, о господинъ, они ненавидятъ людей, поэтому отравляютъ фонтаны, поэтому на своихъ сборищахъ мечутъ проклятія на Римъ и на всѣ храмы, гдѣ возносится хвала нашимъ богамъ. Хрестосъ былъ распятъ, но обѣщалъ имъ, что когда Римъ будетъ уничтоженъ огнемъ, онъ во второй разъ придетъ въ міръ и отдастъ имъ владычество надъ землей...

— Теперь народъ пойметъ, почему Римъ сгорѣлъ,—перебилъ Эллинъ.

— Онъ много уже понимаетъ, господинъ,— отвѣтилъ Хилонъ,—потому что я уже хожу по садамъ, по Марсову полю и поютъ. Но если вы хотите выслушать меня до конца, то поймете, какія соображенія заставляютъ меня опасаться мести. Врачъ Главкъ сначала не открывалъ мнѣ, что ихъ ученіе внушаетъ не-

— Кто оказываетъ тебѣ услугу, у того миска всегда полная.

— Ты не ошибаешься, философъ.

Но Поппеа не теряла изъ мысли своихъ враговъ. Увлеклась она Виниціемъ мимолетно, подъ вліяніемъ ревности, гнѣва и оскорбленнаго самолюбія, но тѣмъ не менѣе холодность молодого патриція жестоко уязвила ее и наполнила ея сердце обидой. Ужъ одно то, что онъ осмѣлился предпочесть ей другую, казалось ей преступленіемъ, взывающемъ объ отмщеніи. Что касается Лигіи, то она ненавидѣла ее съ первой минуты, когда ее встревожила красота этой сѣверной лиліи. Петроній, который говорилъ о черезчуръ узкихъ бедрахъ дѣвушки, могъ внушить что угодно цезарю, но не Августѣ. Опытная Поппеа съ перваго взгляда поняла, что во всемъ Римѣ только одна Лигія не только можетъ соперничать съ нею, но и побѣдить ее. И съ этой минуты она поклялась погубить ее.

— Господинъ,—сказала она,—отомсти за нашего ребенка.

— Спѣшите,—крикнулъ Хилонъ, — спѣшите, иначе Виниціи скроетъ ее. Я укажу домъ, куда они снова вернулись послѣ пожара.

— Я дамъ тебѣ десять человѣкъ,—иди сейчасъ же!—сказалъ Тигеллинъ.

— Господинъ, ты не видалъ Кротона въ рукахъ Урса. Если ты мнѣ дашь пятьдесятъ человѣкъ, я только издали покажу домъ. Но если вы не заключите въ темницу и Виниція, то я погибъ.

Тигеллинъ посмотрѣлъ на Нерона.

— Не лучше ли, божественный, сразу справиться съ дядей и съ племянникомъ?

Неронъ подумалъ съ минуту и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не сейчасъ!... Народъ не повѣритъ, если ему станутъ говорить, что Петроній, Виниціи или Помпонія Грецина подожгли Римъ. У нихъ были красивые дома. Теперь нужны другія жертвы, а на тѣхъ чередъ придетъ.

— Такъ дай мнѣ, господинъ, солдатъ, чтобъ они охраняли меня,— сказалъ Хилонъ.

— Объ этомъ озаботится Тигеллинъ.

— Ты пока переселишься ко мнѣ,—сказалъ префектъ.

Лицо Хилона озарилось радостью.

— Я выдамъ всѣхъ, только спѣшите, спѣшите!—кричалъ о хриплымъ голосомъ.

III.

Петроній, выйдя отъ цезаря, приказалъ нести себя на Карины. Его домъ, съ трехъ сторонъ огражденный садами, а спереди примыкающій къ площади, какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ отъ пожара.

По этому поводу другіе августіане, которые потеряли свои дома и богатыя произведенія искусства, называли Петронія счастливцемъ. Впрочемъ, о немъ давно говорили, что онъ—первенецъ Фортуны, а такъ какъ цезарь оказывалъ ему все большее и большее расположеніе, это мнѣніе казалось вѣроятнымъ.

Но теперь первенецъ Фортуны могъ развѣ размышлять о непостоянствѣ своей матери, или о ея сходствѣ съ Хроносомъ, пожирающимъ своихъ дѣтей.

— Еслибъ мой домъ сгорѣлъ,—говорилъ онъ самому себѣ,—а вмѣстѣ съ нимъ мои геммы, мои этрусскія вазы, александрійское стекло и коринѳская мѣдь, то можетъ быть Неронъ и забылъ бы свою обиду. Клянусь Поллуксомъ! Подумать, что отъ меня зависѣло въ настоящую минуту быть префектомъ преторіанцевъ!... Я объявилъ бы Тигеллина поджигателемъ,—онъ и есть поджигатель,—нарядилъ бы его въ скорбную тунику, выдалъ бы народу, спасъ бы христіанъ и отстроилъ бы Римъ. Кто знаетъ, не стало ли бы лучше порядочнымъ людямъ. Я долженъ былъ бы сдѣлать это, хотя бы по отношенію къ Виниція. Если бы дѣло черезчуръ тяготило меня, я уступилъ бы ему должность префекта, и Неронъ не пытался бы даже сопротивляться. Пускай потомъ Виниція окрестилъ бы всѣхъ преторіонцевъ, даже самого цезаря,—чѣмъ бы мнѣ это помѣшало!... Неронъ благочестивый, Неронъ добродѣтельный и милосердный... какое занятное было бы зрѣлище!

И его беззаботность была настолько велика, что онъ даже улыбнулся. Но черезъ минуту его мысль обратилась въ другую сторону. Ему показалось, что онъ въ Антіи, и что Павелъ Тарсянинъ говоритъ ему:

«Вы называете насъ врагами жизни, но отвѣть мнѣ, Петроній, еслибъ цезарь былъ христіаниномъ и дѣйствовалъ бы по нашему ченію, не была бы ваша жизнь болѣе вѣрною и безопасною?»

И, припомнивъ эти слова, Петроній продолжалъ разговаривать собою:

— Клянусь Кастеромъ! сколько ни убьютъ христіанъ, столько Павелъ найдетъ новыхъ; если міръ не можетъ стоять на подло-и, то Павелъ правъ... Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть міръ можетъ стоять на подлости, коль скоро стойтъ. Я самъ, который

учился не мало, еще не научился быть достаточно большимъ подлецомъ и поэтому мнѣ придется открыть жилы. Но, вѣдь, дѣло и должно было такъ окончиться, а если и не такъ, то какъ нибудь иначе. Жаль мнѣ Эвнику и мою мирренскую вазу, но Эвника свободна, а ваза пойдетъ со мной. Агенобарбъ не получитъ ее ни въ какомъ случаѣ... Также жалко мнѣ Виниція. Наконецъ, хотя мнѣ теперь было менѣе скучно, чѣмъ раньше,—я готовъ. На свѣтѣ есть прекрасныя вещи, но люди, по большей части, такъ гадки, что жизни не стоитъ жалѣть. Кто умѣлъ жить, тотъ долженъ умѣть умирать. Хотя я принадлежу къ августіанамъ, я былъ человѣкомъ болѣе свободнымъ, чѣмъ они тамъ допускаютъ.

И Петроній пожалъ плечами.

— Они тамъ можетъ быть думаютъ, что въ настоящую минуту мои колѣна дрожатъ и страхъ поднимаетъ волосы на моей головѣ, а я возвращусь домой, возьму ванну изъ фіалковой воды, потомъ моя златоволосая сама умаститъ меня и послѣ обѣда мы прикажемъ Антеміосу пѣть гимнъ, который онъ сложилъ въ честь Аполлона. Когда-то я самъ сказалъ: о смерти не стоитъ думать, потому что она сама думаетъ объ насъ безъ нашей помощи. Но была бы по истинѣ удивительная вещь, еслибъ существовали Елисейскія поля, а на поляхъ этихъ—тѣни. Эвника когда-нибудь пришла бы ко мнѣ и мы блуждали бы вмѣстѣ по лугамъ, поросшимъ асфоделомъ [1]). Я нашелъ бы лучшее общество, чѣмъ здѣсь... Что за шуты! Что за подлый сбродъ безъ вкуса и безъ лоска! Десятокъ arbitri elegantiarum не обратилъ бы этихъ Тримальхіоновъ въ порядочныхъ людей. Клянусь Персефоной, довольно мнѣ ихъ!

И онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что что-то уже разъединило его съ этими людьми. Онъ былъ хорошо знакомъ съ ними и зналъ раньше, что думать о нихъ, но теперь они показались ему какъ будто болѣе отдаленными и заслуживающими большаго презрѣнія. Дѣйствительно, довольно ему было ихъ!

Петроній началъ думать о своемъ положеніи. Благодаря своей проницательности, онъ понималъ, что гибель не грозитъ ему немедленно. Неронъ пока воспользовался подходящею минутой, чтобы высказать нѣсколько красивыхъ, возвышенныхъ словъ о друж[бѣ] и прощеніи и до нѣкоторой степени связалъ себя ими. Теперь он[ъ] будетъ искать предлога, а прежде, чѣмъ найдетъ его, можетъ про[йти] ти не мало времени. «Прежде всего онъ устроитъ игрища съ хр[истіанами]

---

[1]) Asphodelus—растеніе съ бѣлыми, очень пріятно пахнущими цвѣтами (Asphodelus ramosus въ ботаникѣ). По вѣрованію древнихъ, этимъ растеніемъ покрыты л[уга] въ подземномъ царствѣ.

стіанами, — говорилъ себѣ Петроній,—и только потомъ подумаетъ обо мнѣ, а если такъ, то не стоитъ ни заниматься этимъ, ни измѣнять порядка жизни. Бо́льшая опасность грозитъ Виницію.

И съ этой минуты онъ сталъ думать о Виниціи и о томъ, какъ спасти его.

Четверо рослыхъ виѳинцевъ быстро мчали носилки мимо развалинъ и обгорѣлыхъ печныхъ трубъ, которыми была усѣяна дорога, но Петроній приказалъ имъ бѣжать бѣгомъ, чтобы поскорѣй очутиться дома. «Инсула» Виниція сгорѣла, онъ жилъ у Петронія, и, по счастью, оказался дома.

— Ты видѣлъ сегодня Лигію?— спросилъ Петроній на порогѣ.

— Я только что возвратился отъ нея.

— Слушай же, что я скажу тебѣ, и не трать времени на распросы. Сегодня у цезаря рѣшено свалить на христіанъ вину въ поджогѣ Рима. Имъ грозятъ преслѣдованія и му́ки. Бери Лигію и бѣги тотчасъ же, хотя бы за Альпы или въ Африку. И спѣши, потому что отъ Палатина до Затибрской части ближе, чѣмъ отсюда.

Виницій настолько былъ солдатомъ, чтобы не тратить времени на излишніе вопросы. Онъ слушалъ съ нахмуренными бровями, съ лицомъ сосредоточеннымъ и грознымъ, но безъ страха. Очевидно, первымъ чувствомъ, которое пробуждалось въ его натурѣ при видѣ опасности, было желаніе борьбы и обороны.

— Иду,—сказалъ онъ.

— Еще слово. Возьми «капсу» [2]) съ золотомъ, возьми оружіе и горсть твоихъ христіанъ. Въ случаѣ необходимости, отбей Лигію.

Виниціи былъ уже за дверями атрія.

— Пришли мнѣ извѣстіе, — крикнулъ ему въ догонку Петроній.

Оставшись одинъ, онъ началъ ходить вдоль колоннъ, украшающихъ атрій, и думать о томъ, что можетъ произойти. Онъ зналъ, что Лигія и Линнъ послѣ пожара возвратились въ свой домъ, который, какъ и бо́льшая часть домовъ Затибрской части, уцѣлѣлъ отъ пожара. Это было неблагопріятное обстоятельство, — иначе ихъ трудно было бы найти среди толпы. Однако, Петроній разсчитывалъ, что на Палатинѣ никто не знаетъ, гдѣ они живутъ и, знаетъ, Виниціи во всякомъ случаѣ предупредитъ преторіанцевъ. А жетъ быть Тигеллинъ однимъ ударомъ захочетъ захватить какъ зможно большее количество христіанъ и долженъ будетъ растять свои силы на весь Римъ, то разбить преторіанцевъ на мелкіе

---

[2]) Capsa—деревянный футляръ цилиндрической формы.

отряды. «Если они пришлютъ за Лигіей не больше, какъ десять человѣкъ,—думалъ онъ,—то одинъ этотъ лигійскій гигантъ всѣмъ имъ поломаетъ кости,—а тамъ и Виницій подоспѣетъ съ помощью». И Петроній пришелъ въ лучшее расположеніе духа. Правда,—оказать вооруженное сопротивленіе преторіанцамъ почти то же самое, что начать войну съ цезаремъ. Петроній зналъ также, что если Виницій укроется отъ мести Нерона, то эта месть можетъ обрушиться на него, но мало заботился объ этомъ. Наоборотъ, мысль о томъ, какъ бы разрушить планы Нерона и Тигеллина, развеселила его. Онъ рѣшилъ не жалѣть на это ни денегъ, ни людей, а такъ какъ Павелъ Тарсянинъ еще въ Антіи обратилъ въ христіанство большое число его невольниковъ, то Петроній могъ быть увѣренъ, что въ дѣлѣ защиты христіанки онъ можетъ разсчитывать на ихъ готовность и самопожертвованіе.

Пришла Эвника и помѣшала ему думать дальше. При видѣ ея его непріятности и заботы исчезли безъ слѣда. Петроній забылъ о цезарѣ, о немилости, въ которую онъ попалъ, объ оподлѣвшихъ августіанахъ, о преслѣдованіи, грозящемъ христіанамъ, о Виниціи и Лигіи, и смотрѣлъ только на Эвнику глазами эстетика, очарованнаго чудными формами, и любовника, на котораго отъ этихъ формъ вѣетъ любовью. Эвника, одѣтая въ прозрачную фіолетовую одежду, называемую coa vestis [3]), сквозь которую просвѣчивало ея розовое тѣло, дѣйствительно, была прекрасна, какъ божество. Чувствуя, что ей удивляются, любятъ ее всею душою и вѣчно жаждущая ласки Петронія, Эвника раскраснѣлась, какъ будто была не его наложницей, а невинною дѣвочкой.

— Что скажешь, Харита [4])?—спросилъ Петроній и протянулъ ей руки.

Эвника, наклоняя къ нему свою голову, отвѣтила:

— Господинъ, пришелъ Антеміосъ съ пѣвцами и спрашиваетъ, хочешь ли ты его слушать сегодня?

— Пусть подождетъ. Онъ пропоетъ намъ за обѣдомъ, а мы будемъ слушать гимнъ Аполлону. Клянусь рощами Пафоса [5])! Когда я вижу тебя въ этой coa vestis, мнѣ все кажется, что это Афродита облеклась лазурью неба и стоитъ передо мною.

— О, господинъ!—сказала Эвника.

---

[3]) Coa vestis—„Косская одежда", т.-е. съ острова Коса. Такъ называлась о[дежда] легкая, тонкая, прозрачная одежда (нѣчто въ родѣ тюля), сквозь которую видно [розовое] тѣло. Носили ее по большей части куртизанки.

[4]) Харита—то же, что Грація.

[5]) Пафосъ—городъ на о. Кипрѣ, любимое мѣстопребываніе богини любви Афродиты.

— Поди сюда, обними меня и подставь мнѣ свои губы. Ты любишь меня?

— Больше я не любила бы и самого Зевса.

Она прижала свои губы къ его губамъ, дрожа отъ счастья въ его объятіяхъ.

Минуту спустя Петроній спросилъ:

— А еслибъ намъ пришлось разстаться?

Эвника со страхомъ посмотрѣла на него.

— Какъ, господинъ?

— Не бойся!... Видишь ли, кто знаетъ, не нужно ли мнѣ будетъ собираться въ далекое путешествіе.

— Возьми меня съ собой.

Петроній вдругъ перемѣнилъ предметъ разговора и спросилъ:

— Скажи мнѣ,—есть ли у насъ въ саду, на лужайкахъ, асфодели?

— Кипарисы и лужайки въ саду пожелтѣли отъ пожара, съ миртовъ опали листья и весь садъ кажется мертвымъ.

— Весь Римъ кажется мертвымъ, а вскорѣ будетъ настоящимъ кладбищемъ. Знаешь ли ты, что выйдетъ эдиктъ противъ христіанъ и начнутся преслѣдованія, во время которыхъ погибнутъ тысячи людей?

— За что ихъ будутъ карать, господинъ? Они люди добрые и тихіе.

— Именно за это.

— Тогда поѣдемъ на море. Твои божественныя очи не любятъ смотрѣть на кровь.

— Хорошо, но мнѣ сначала нужно выкупаться. Приходи въ элеотезій [6]) намастить мнѣ руки. Клянусь поясомъ Киприды! ты никогда еще не казалась мнѣ такой прекрасною. Я прикажу тебѣ сдѣлать ванну въ видѣ раковины, а ты будешь въ ней какъ драгоцѣнная жемчужина. Приходи, золотоволосая.

Петроній ушелъ, а часъ спустя онъ и Эвника въ вѣнкахъ изъ розъ возлегли за столъ, уставленный золотою посудою. Имъ услуживали мальчики, одѣтые амурами, а они пили вино изъ сосудовъ, обвитыхъ плющемъ, и слушали гимнъ, который пѣвцы пѣли подъ звуки арфъ. Какое дѣло Петронію, что вокругъ его дома торчатъ обгорѣлыя печныя трубы, а порывы вѣтра разносятъ вокругъ пепелъ сгорѣвшаго Рима? Онъ и Эвника были счастливы и думали

[6]) Elaeothesium—комната для умащенія.

только о любви, которая ихъ жизнь обращала въ какой-то божественный сонъ.

Но прежде, чѣмъ гимнъ окончился, въ залу вошелъ невольникъ, завѣдующій атріемъ.

— Господинъ,—сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалось безпокойство,—у дверей стоитъ центуріонъ съ отрядомъ преторіанцевъ и, по приказу цезаря, хочетъ видѣться съ тобой.

Пѣніе и звуки арфъ смолкли. Безпокойство сообщилось всѣмъ присутствующимъ, потому что цезарь въ сношеніяхъ съ друзьями обыкновенно не прибѣгалъ къ помощи преторіанцевъ и появленіе ихъ въ то время не предвѣщало ничего добраго. Только одинъ Петроній не выказалъ ни малѣйшаго волненія и сказалъ, какъ говоритъ человѣкъ, которому надоѣли вѣчныя приглашенія:

— Могли бы дать мнѣ спокойно пообѣдать.

Потомъ онъ обратился къ завѣдующему атріемъ:

— Впусти.

Невольникъ исчезъ за занавѣсью; минуту спустя послышались тяжелые шаги, и въ залу вошелъ знакомый Петронію сотникъ Аперъ, весь вооруженный, съ желѣзнымъ шлемомъ на головѣ.

— Благородный господинъ,—сказалъ онъ,—письмо отъ цезаря.

Петроній лѣниво протянулъ свою бѣлую руку, взялъ таблички, пробѣжалъ и спокойно подалъ ихъ Эвникѣ.

— Цезарь вечеромъ будетъ читать новую пѣснь изъ Троянъ и приглашаетъ меня придти,—сказалъ онъ.

— Я получилъ приказъ только отдать письмо, — отозвался сотникъ.

— Хорошо. Отвѣта не будетъ. Но, можетъ быть, ты отдохнулъ бы у насъ и выпилъ бы кратеръ вина?

— Благодарю тебя, благородный господинъ. Кратеръ вина я охотно выпью за твое здоровье, но отдохнуть не могу, — я на службѣ.

— Почему письмо приказали отдать тебѣ, вмѣсто того, чтобъ послать его съ невольникомъ?

— Не знаю, господинъ. Можетъ быть потому, что меня послали въ эту сторону по другому дѣлу,

— Я знаю,—сказалъ Петроній,—это насчетъ христіанъ.

— Да, господинъ.

— Преслѣдованіе давно началось?

— Нѣкоторые отряды посланы за Тибръ еще до полудня

Сотникъ сплеснулъ изъ чаши нѣсколько капель вина въ честь Марса, выпилъ и сказалъ:

— Да пошлютъ тебѣ боги того, что ты пожелаешь.

— Возьми себѣ этотъ кратеръ, — сказалъ Петроній и далъ знакъ Антеміосу оканчивать гимнъ Аполлосу.

— Мѣднобородый начинаетъ играть со мной и съ Виниціемъ,— сказалъ онъ самому себѣ, когда арфы зазвучали снова.—Я отгадываю его намѣренія. Онъ хотѣлъ меня напугать, когда посылалъ приглашеніе черезъ сотника. Вечеромъ будетъ разспрашивать, какъ я его принялъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не особенно ты обрадуешься, злобная и жестокая кукла. Я знаю, что обиды ты не забудешь, знаю, что гибель не минуетъ меня, но если ты думаешь, что я умоляюще буду смотрѣть тебѣ въ глаза, что ты замѣтишь на моемъ лицѣ страхъ и покорность, то ты ошибаешься.

— Господинъ, цезарь пишетъ «приходите, если желаете»,— сказала Эвника,—ты пойдешь?

— Я въ отличномъ расположеніи духа, могу даже слушать его пѣсни,—отвѣтилъ Петроній,—и пойду, тѣмъ болѣе, что Виницій не можетъ идти.

И послѣ обѣда и обычной прогулки онъ отдалъ себя въ руки невольницъ, которыя завили его волосы и сложили складки одежды, а часъ спустя, прекрасный, какъ божокъ, приказалъ нести себя на Палатинъ. Часъ былъ поздній, вечеръ тихій, теплый, мѣсяцъ свѣтилъ такъ сильно, что лампадаріи [7]), идущіе передъ носилками, погасили факелы. По улицамъ и среди развалинъ сновали пьяныя кучки людей, съ лавровыми и миртовыми вѣтками, которыя были сорваны въ цезарскихъ садахъ. Обиліе хлѣба и надежда на большія игрища наполняли сердце народа радостью. Въ однихъ мѣстахъ пѣли пѣсни, прославляющія «божественную ночь» и любовь, въ другихъ танцовали при свѣтѣ мѣсяца; невольники нѣсколько разъ принуждены были кричать, чтобъ очистили дорогу для «благороднаго Петронія», и тогда толпа раздвигалась, разражаясь криками въ честь своего любимца.

А Петроній думалъ о Виниціи и удивлялся, что отъ него нѣтъ никакихъ извѣстій. Онъ былъ эпикурейцемъ и эгоистомъ, но, проводя время то съ Павломъ Тарсянинomъ, то съ Виниціемъ, и слушая ихъ рѣчи о христіанахъ, немного измѣнился, хотя и самъ не замѣтилъ этого. Отъ нихъ на него повѣялъ какой-то вѣтеръ, который уронилъ въ его сердце какія-то невѣдомыя сѣмена. Помимо его

---

[7]) Lampadarius—рабъ, несшій свѣточъ предъ господиномъ на улицѣ.

собственной особы, его начали занимать и другіе люди. Къ Винищію онъ былъ всегда привязанъ, потому что въ дѣтствѣ сильно любилъ его мать, свою сестру, а теперь, принявъ участіе въ его дѣлахъ, смотрѣлъ на нихъ съ такимъ интересомъ, какъ будто на какую-нибудь трагедію.

Онъ не терялъ надежды, что Винищій явился раньше преторіанцевъ и убѣжалъ съ Лигіей, или, въ крайности, отбилъ ее, но желалъ бы быть увѣреннымъ, потому что предвидѣлъ, что ему придется отвѣчать на разные вопросы, къ которымъ лучше приготовиться заранѣе.

У дома Тиберія онъ остановился, вышелъ изъ носилокъ и черезъ минуту очутился въ атріи, уже наполненномъ августіанами. Вчерашніе друзья Петронія, какъ будто бы удивленные, что онъ удостоился приглашенія цезаря, еще сторонились отъ него, но онъ проходилъ мимо ихъ прекрасный, свободный, небрежный и настолько увѣренный въ себѣ, какъ будто бы самъ могъ раздавать милости. Нѣкоторые августіане начали тревожиться, не рано ли они начали выказывать ему свое пренебреженіе.

Цезарь, однако, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ Петронія и не отвѣтилъ на его поклонъ, притворяясь, что занятъ какимъ-то разговоромъ. За то Тигеллинъ приблизился къ нему и сказалъ:

— Добрый вечеръ, arbiter elegantiarum. Ты все еще утверждаешь, что Римъ подожгли не христіане?

Петроній пожалъ плечами, и, похлопывая его по спинѣ, какъ отпущенника, отвѣтилъ:

— Ты также хорошо, какъ и я, знаешь, что думать объ этомъ.

— Я не смѣю равняться съ твоею мудростью.

— До нѣкоторой степени ты правъ; въ противномъ случаѣ, если цезарь прочтетъ намъ новую пѣсню изъ Троика, ты, вмѣсто того, чтобъ кричать какъ павлинъ, долженъ былъ бы высказать какое-нибудь мнѣніе, и не глупое, конечно.

Тигеллинъ закусилъ губы. Онъ не особенно былъ радъ, что цезарь сегодня рѣшилъ пропѣть свою новую пѣсню, потому что это открывало поле, на которомъ никто не могъ соперничать съ Петроніемъ. И дѣйствительно, во время декламаціи Неронъ невольно, по старой привычкѣ, обращался въ сторону Петронія, внимательно наблюдая, что онъ можетъ вычитать на его лицѣ. А Петроній слушалъ, то утвердительно кивая головой, то напрягая вниманіе, точно онъ хотѣлъ удостовѣриться, такъ ли онъ слышитъ. Онъ то хвалилъ стихи, то осуждалъ ихъ, требовалъ поправокъ и большаг

изящества выраженій. Самъ Неронъ чувствовалъ, что другіе своими восторженными похвалами хотятъ лишь достигнуть личныхъ цѣлей и только одинъ Петроній интересуется поэзіей для самой поэзіи, одинъ знакомъ съ нею, и если что-нибудь похвалитъ, то можно быть увѣреннымъ, что стихи достойны похвалы. Мало-по-малу онъ началъ разговаривать съ нимъ, спорить, а когда, наконецъ, Петроній усомнился въ удачности одного выраженія, цезарь сказалъ:

— Ты увидишь изъ послѣдней пѣсни, зачѣмъ я употребилъ это выраженіе.

«А!—подумалъ Петроній,— значитъ, мы дождемся послѣдней пѣсни».

Не одинъ августіанинъ сказалъ при этомъ самому себѣ:

— Горе мнѣ! У Петронія будетъ время, онъ можетъ вернуть расположеніе цезаря и низвергнуть даже Тигеллина.

И они снова начали подступать къ нему. Но конецъ вечера былъ менѣе счастливъ; когда Петроній началъ прощаться, цезарь закрылъ глаза и спросилъ съ злобнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ радостнымъ лицомъ:

— А Виницій отчего не пришелъ?

Еслибъ Петроній былъ увѣренъ, что Виницій съ Лигіей уже за городскими воротами, то сказалъ бы: «Онъ женился съ твоего разрѣшенія и уѣхалъ», но, видя странную улыбку Нерона, отвѣтилъ:

— Твое приглашеніе, божественный, не застало его дома.

— Скажи ему, что я буду радъ видѣть его, — добавилъ Неронъ,—и еще скажи отъ меня, чтобъ онъ не забывалъ игръ, на которыхъ выступятъ христіане.

Эти слова обезпокоили Петронія: ему показалось, что они прямо относятся къ Лигіи. Онъ приказалъ нести себя какъ можно скорѣе, но это было не легко. Передъ домомъ Тиберія стояла густая и шумливая толпа, пьяная, какъ и раньше, но не поющая и танцующая, а взволнованная. Издали доносились какіе-то крики, которыхъ Петроній сразу не могъ различить, но которые все усиливались, росли и, наконецъ, слились въ одинъ дикій вопль:

— Христіанъ на арену!

Блестящія носилки августіанъ подвигались среди воющей толпы. Изъ глубины сгорѣвшихъ улицъ приливали все новыя волны народа и, заслышавъ этотъ крикъ, начинали повторять его. Отъ одного къ другому переходила вѣсть, что преслѣдованіе христіанъ началось съ полудня, что множество поджигателей уже схвачено, и скорѣ по улицамъ, по переулкамъ, лежащимъ въ развалинахъ,

вокругъ Палатина, по всѣмъ холмамъ и садамъ раздавался все болѣе и болѣе усиливающійся крикъ:

— Христіанъ на арену!

— Стадо!—съ презрѣніемъ повторялъ Петроній,—народъ, достойный цезаря!

И ему пришло въ голову, что государство, основанное на насиліи, на жестокости, о которомъ даже варвары не имѣли никакого понятія, на преступленіи и безумномъ развратѣ, не можетъ уцѣлѣть. Римъ былъ властелиномъ міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болячкою міра. На его гнилую жизнь падала тѣнь смерти. Объ этомъ не разъ говорилось даже среди августіанъ, но передъ глазами Петронія такъ ясно ни разу не представала та правда, что увѣнчанная цвѣтами колесница, на которой въ образѣ тріумфатора стоитъ Римъ,—колесница, влекущая за собой стада цѣлыхъ народовъ, стремится къ пропасти. Жизнь мірового города показалась Петронію какимъ-то шутовскимъ хороводомъ, оргіей, которая, однако, должна была скоро окончиться.

Теперь онъ понималъ, что только у однихъ христіанъ есть какія-то основы жизни. Но скоро отъ христіанъ не останется ни слѣда. А тогда что?

Шутовской хороводъ пойдетъ дальше подъ предводительствомъ Нерона, а когда Нерона не станетъ, найдется другой, такой же самый или еще хуже, потому что при такомъ народѣ и такихъ патриціяхъ не было никакого повода разсчитывать, чтобы нашелся кто-нибудь лучшій. Будетъ новая оргія, вдобавокъ еще болѣе грязная и омерзительная.

А длиться вѣчно оргія не можетъ, — послѣ нея нужно спать, хотя бы въ силу истощенія.

Думая объ этомъ, Петроній чувствовалъ, что и онъ ужасно измученъ. Стоитъ ли жить,— да и жить-то въ неизвѣстности,— для того только, чтобы смотрѣть на подобный порядокъ вещей? Геній смерти не менѣе прекрасенъ, чѣмъ геній сна, — и у него также крылья за плечами.

Носилки остановились у дверей дома, которыя тотчасъ же отворилъ бдительный придверникъ.

— Благородный Виницій возвратился?—спросилъ у него Петроній.

— Недавно, господинъ,—отвѣтилъ невольникъ.

«Значитъ, онъ не отбилъ Лигію», — подумалъ Петроній сбросивъ тогу, вбѣжалъ въ атрій.

Виницій сидѣлъ съ головою, опущенною чуть не до колѣнъ

при звукѣ шаговъ поднялъ свое окаменѣвшее лицо, на которомъ только одни глаза свѣтились лихорадочнымъ свѣтомъ.

— Ты пришелъ, когда уже было поздно?—спросилъ Петроній.

— Да. Ее взяли въ тюрьму передъ полуднемъ.

Наступила минута молчанія.

— Ты видѣлъ ее?

— Да.

— Гдѣ она?

— Въ Мамертинской тюрьмѣ.

Петроній вздрогнулъ и началъ смотрѣть на Виниція пытливымъ взглядомъ.

— Нѣтъ!—сказалъ Виницій.—Ее не ввергли въ Туліанъ [3]), ни даже въ среднюю тюрьму. Я заплатилъ сторожу, чтобъ онъ уступилъ Лигіи свою комнату. Урсъ легъ у порога и оберегаетъ ее.

— Отчего Урсъ не защитилъ ее?

— За ней явились пятьдесятъ преторіанцевъ. Наконецъ, Линнъ запретилъ ему сопротивляться.

— А самъ Линнъ?

— Линнъ умираетъ. Поэтому его не взяли.

— Что ты думаешь дѣлать?

— Спасти ее или умереть съ нею вмѣстѣ. И я вѣрю во Христа.

Виницій говорилъ какъ будто бы спокойно, но въ его голосѣ было что-то настолько раздирающее, что сердце Петронія дрогнуло отъ жалости.

— Я понимаю тебя,—сказалъ онъ,—но какъ ты хочешь спасти ее?

— Я подкупилъ сторожей, прежде всего, для того, чтобъ охранять ее отъ оскорбленій, а, во-вторыхъ, чтобъ они не мѣшали ей бѣжать.

— Когда это будетъ?

— Они сказали, что сейчасъ не могутъ выдать ее, потому что боятся отвѣтственности. Когда тюрьмы наполнятся множествомъ народа и когда счетъ узникамъ будетъ потерянъ, тогда они отдадутъ ее мнѣ. Но, вѣдь, это—крайность! Ты, ты спаси ее и меня! Ты другъ цезаря. Онъ самъ отдалъ ее мнѣ. Иди къ нему и спаси меня!

Вмѣсто отвѣта Петроній приказалъ невольнику принести два темныхъ плаща и два меча и обратился къ Винидію.

---

[3]) Самая нижняя часть тюрьмы, лежащая совсѣмъ подъ землею, съ однимъ отверстіемъ въ потолкѣ. Тамъ съ голоду умеръ Югурта.

— По дорогѣ я разскажу тебѣ все. А теперь накинь плащъ, возьми мечъ и пойдемъ въ темницу. Дай сторожамъ по тысячѣ, по двѣ, по пяти тысячъ сестерцій, чтобъ они сейчасъ же выпустили Лигію. Иначе будетъ поздно.

— Пойдемъ,—сказалъ Виницій.

И черезъ минуту они оба очутились на улицѣ.

— А теперь слушай меня,—сказалъ Петроній. —Я не хотѣлъ тратить времени. Съ сегодняшняго дня я въ немилости. Моя собственная жизнь виситъ на волоскѣ, и поэтому я ничего не могу сдѣлать. Хуже! я увѣренъ, что цезарь поступитъ вопреки моей просьбѣ. Еслибъ не то, развѣ я посовѣтовалъ бы бѣжать съ Лигіей или отбивать ее? Вѣдь, еслибъ тебѣ удалось уйти, гнѣвъ цезаря обратился бы на меня. Но сегодня онъ скорѣе исполнилъ бы твою просьбу, чѣмъ мою. Не разсчитывай, однако, на это. Освободи ее изъ тюрьмы и бѣги. Тебѣ ничего больше не остается. Еслибъ тебѣ не удалось, тогда прибѣгнемъ къ другимъ средствамъ. Теперь же ты знай, что Лигію заключили въ темницу не за одну только вѣру въ Христа. Ее и тебя преслѣдуетъ гнѣвъ Поппеи. Помнишь, ты оскорбилъ Августу тѣмъ, что отвергъ ее? Она знаетъ, что ты отвергъ ее для Лигіи, которую она возненавидѣла и такъ съ перваго взгляда. Она и раньше пыталась погубить ее и приписывала ея чарамъ смерть своего ребенка. Во всемъ, что случилось, видна рука Поппеи. Чѣмъ же иначе объяснить, что Лигія была схвачена прежде всѣхъ? Кто могъ указать домъ Линна? Я говорю тебѣ, что за ней слѣдили давно. Я знаю, что раздираю твою душу и лишаю послѣдней надежды, но я говорю это умышленно для того, что если ты не освободишь ее раньше, чѣмъ имъ придетъ въ голову, что ты примешь свои мѣры,—то вы погибли оба.

— Да, понимаю!—глухо отвѣтилъ Виниціи.

По случаю поздней ночи улицы были пусты, но и тутъ бесѣду патриціевъ прервалъ пьяный гладіаторъ, который наткнулся на Петронія, схватилъ его за плечо рукой и, обливая его своимъ пьянымъ дыханіемъ, забормоталъ охрипшимъ голосомъ:

— Христіанъ на арену!

— Мирмилонъ [9]),—спокойно сказалъ Петроній,—послушайся добраго совѣта, иди своею дорогой.

Пьяный гладіаторъ схватилъ его и другою рукой за плечо.

— Кричи вмѣстѣ со мной, иначе я сломаю тебѣ шею: христіанъ на арену!

---

[9]) Myrmillo - гладіаторъ особаго рода.

Для нервовъ Петронія этого крика уже было черезчуръ много. Съ минуты, какъ онъ вышелъ изъ Палатина, этотъ крикъ душилъ его, какъ кошмаръ, раздиралъ ему уши и теперь, когда онъ, кромѣ того, увидалъ еще надъ собою огромный кулакъ, мѣра его терпѣнія переполнилась.

— Другъ мой,—сказалъ онъ,—отъ тебя несетъ виномъ и ты мѣшаешь мнѣ.

И съ этими словами онъ всадилъ ему въ грудь по самую рукоятку короткій мечъ, которымъ вооружился, выходя изъ дому, потомъ взялъ Виниція подъ руку и продолжалъ, какъ будто ничего не случилось:

— Цезарь сегодня сказалъ мнѣ: «Скажи отъ меня Виницію, чтобъ онъ былъ на игрищахъ, на которыхъ выступятъ христіане». Понимаешь, что это значитъ? Они хотятъ устроить себѣ зрѣлище изъ твоего горя. Это дѣло обдуманное заранѣе. Если ты не сможешь теперь же вырвать Лигію, то... я не знаю!... Можетъ быть, Актея вступится за тебя,—но поможетъ ли это?... Твои сицилійскія земли могли бы искусить Тигеллина... Попытайся...

— Я отдамъ ему все, что у меня есть,—отвѣтилъ Виницій.

Съ Каринъ до Форума было не далеко и два патриція шли не долго. Ночь начинала блѣднѣть и стѣны замка все болѣе и болѣе выдѣлялись изъ мрака.

Вдругъ, когда они уже повернули къ Мамертинской темницѣ, Петроній остановился и сказалъ:

— Преторіанцы!... Поздно!

Дѣйствительно, темницу окружалъ двойной рядъ солдатъ. Разсвѣтъ серебрилъ ихъ шлемы и острія копій.

Лицо Виниція стало блѣдно, какъ мраморъ.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ.

Черезъ минуту они остановились передъ линіей солдатъ. Петроній обладалъ изумительною памятью и зналъ не только начальниковъ, но и чуть не всѣхъ солдатъ преторіи. Теперь онъ увидалъ начальника когорты и поманилъ его къ себѣ.

— Что это, Нигръ?—сказалъ онъ.—Вамъ приказано охранять т мницы?

— Да, благородный Петроній... Префектъ опасается, какъ бы н пытались отбивать поджигателей силой.

— Вы получили приказъ не впускать никого?—спросилъ Ви- н ій.

— Нѣтъ, господинъ. Заключенныхъ будутъ навѣщать ихъ з омые, и такимъ образомъ мы переловимъ многихъ христіанъ.

— Тогда впусти меня,—сказалъ Виниций.

И, стиснувъ руку Петронія, онъ шепнулъ ему:

— Повидайся съ Актеей, а я приду узнать, какой отвѣтъ она дала тебѣ.

— Приходи,—отвѣтилъ Петроній.

Въ эту минуту подъ землей и за толстыми стѣнами раздалось пѣніе. Пѣсня, сначала глухая и подавленная, все росла и росла. Голоса мужчинъ, женщинъ и дѣтей сливались въ одинъ согласный хоръ. Въ тихую предразсвѣтную пору вся темница начала звучать, какъ арфа. Но то не были голоса горя или отчаянія, — нѣтъ, въ нихъ слышались радость и тріумъ.

Солдаты съ удивленіемъ посматривали другъ на друга. На небѣ появились первые золотые и розовые отблески зари.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

I.

Крики: «христіанъ на арену!» раздавались во всѣхъ частяхъ города. Въ первое время не только никто не сомнѣвался, что они были истинными виновниками общаго несчастія, но никто и не хотѣлъ сомнѣваться, потому что казнь христіанъ должна была быть великолѣпной забавой для народа. Но на ряду съ этимъ распространилось предположеніе, что несчастіе не приняло бы такихъ ужасающихъ размѣровъ, еслибъ не гнѣвъ боговъ, поэтому во всѣхъ храмахъ были предписаны piacula, то-есть очистительныя жертвы. Справившись съ Сивиллиными книгами [1]), сенатъ устроилъ торжества и публичныя моленія Вулкану, Церерѣ и Прозерпинѣ. Матроны приносили жертвы Юнонѣ; цѣлая процессія знатныхъ женщинъ отправилась къ берегу моря, чтобы зачерпнуть воды и окропить ею статую богини. Замужнія женщины готовили пиръ богамъ Lectisternia [2]) и ночныя бдѣнія. Весь Римъ очищался отъ грѣховъ, приносилъ жертвы и умилостивлялъ безсмертныхъ. А въ это время среди развалинъ пролагали новыя ши-

---

1) Libri Sibyllini.—Римскій царь Тарквиній, по преданію купилъ у одной ста[рухи] книги, содержавшія въ себѣ предсказанія вѣщей Сивиллы. Въ 84 г. до Р. Х. [они] сгорѣли, но были возстановлены на основаніи сохранившихся изреченій ея. Съ эт[ими] книгами справлялись въ случаѣ какихъ-нибудь событій, грозившихъ бѣдою римск[ому] государству, и находили въ нихъ средства для умилостивленія боговъ и предот[вра]щенія угрожающаго несчастія.

2) Lectisternium—Праздникъ съ жертвоприношеніемъ богамъ, во время кото[раго] изображенія боговъ клали на особое ложе (lectus) и передъ ними на столѣ с[тав]или пищу.

рокія улицы и закладывали уже фундаменты великолѣпныхъ домовъ, дворцовъ и храмовъ. Однако, прежде всего, съ неслыханною поспѣшностью было приступлено къ постройкѣ огромныхъ деревянныхъ амфитеатровъ, въ которыхъ должны были умереть христіане. Тотчасъ же послѣ совѣта въ домѣ Тиберія проконсуламъ были разосланы приказы доставить дикихъ звѣрей. Тигеллинъ опустошилъ вивіаріи всѣхъ италійскихъ городовъ, не исключая самыхъ незначительныхъ. Въ Африкѣ по его совѣту были устроены огромныя облавы, въ которыхъ должно было принимать участіе все народонаселеніе. Слоновъ и тигровъ привозили изъ Азіи, крокодиловъ и гиппопотамовъ съ Нила, львовъ съ Атласа, волковъ и медвѣдей изъ Пиренейскихъ горъ, свирѣпыхъ псовъ изъ Гиберніи [3]), буйволовъ и громадныхъ туровъ изъ Германіи. По числу заключенныхъ въ темницы игрища своими размѣрами должны были превзойти все, что Римъ видѣлъ до сихъ поръ. Цезарь желалъ потопить воспоминаніе о пожарѣ въ крови и упоить ею Римъ, и никогда разливъ этой крови не обѣщалъ быть такимъ великолѣпнымъ.

Разлакомленный народъ помогалъ «вигиламъ» [4]) и преторіанцамъ въ преслѣдованіи христіанъ. Это не представлялось очень труднымъ,—христіане, пріютившись вмѣстѣ съ язычниками въ садахъ, громко исповѣдывали свою вѣру. Когда ихъ захватывали, они становились на колѣни, пѣли гимны и дозволяли брать себя безъ сопротивленія. Но терпѣливость еще болѣе усиливала гнѣвъ народа, который не понималъ ея источника и считалъ ее упорствомъ и закоренѣлостью въ преступности. Преслѣдователями овладѣло безуміе. Случалось, что чернь вырывала христіанъ изъ рукъ преторіанцевъ и разрывала ихъ въ куски, женщинъ за волосы тащили въ темницу, дѣтямъ разбивали голову о камни. Тысячи людей днемъ и ночью съ воемъ бѣгали по улицамъ. Возлѣ темницъ, вокругъ бочекъ съ виномъ, при свѣтѣ костровъ, устраивались вакхическія пиршества и танцы. Темницы были наполнены, но чернь и преторіанцы каждый день приводили новыя жертвы. Всякое милосердіе угасло. Казалось, люди разучились говорить и въ дикомъ безуміи запомнили только одинъ крикъ: «христіанъ на арену!» Наступили необычайно знойные дни, а ночи были такъ душны, какъ никогда: спертый воздухъ какъ будто былъ пропитанъ безразсудствомъ, кровью, преступленіями.

А этой переполненной мѣрѣ насилія соотвѣтствовала также переполненная мѣра жажды мученичества. Поклонники Христа шли

[3]) Hibernia—Ирландія.
[4]) Vigiles—ночная полиція въ Римѣ.

добровольно на смерть, или даже искали ее, пока ихъ не остановили суровыя приказанія старшинъ. По ихъ совѣту собранія начали уже происходить за городомъ, въ подземельяхъ по дорогѣ Аппія и въ пригородныхъ виноградникахъ, принадлежащихъ патриціямъ христіанамъ, изъ числа которыхъ пока еще никто не былъ захваченъ. На Палатинѣ отлично знали, что къ послѣдователямъ Христа принадлежатъ и Флавій, и Домицилла, и Помпонія Грецина, и Корнелій Пуденсъ, и Виницій. Самъ цезарь боялся, что чернь не поддастся наущенію, что такіе люди могли поджечь Римъ, а такъ какъ дѣло, прежде всего, шло о мнѣніи народа, то расправу съ патриціями отложили на будущее время. Говорили, что патриціевъ спасло вліяніе Актеи, но предположеніе это было невѣрно. Петроній, послѣ разлуки съ Виниціемъ, отправился къ Актеѣ просить ее вступиться за Лигію, но Актея отвѣтила только слезами; она жила въ горѣ и забвеніи, терпимая постольку, поскольку она пряталась отъ Поппеи и отъ цезаря.

Однако, она навѣстила Лигію въ темницѣ, принесла ей платье и пищу и тѣмъ болѣе обезпечила ее отъ оскорбленій, впрочемъ, и безъ того подкупленныхъ, тюремныхъ стражей.

Но Петроній, все-таки, не могъ забыть, что еслибъ не онъ и не его совѣты похитить Лигію изъ дома Авла, то теперь она не находилась бы въ темницѣ. Кромѣ того, ему хотѣлось выиграть игру съ Тигеллиномъ, и онъ не щадилъ ни времени, ни искусства. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ видѣлся съ Сенекой, съ Домиціемъ Афромъ, съ Криспиниллой, при помощи которой хотѣлъ воздѣйствовать на Поппею, съ Терпносомъ, съ Діодоромъ, съ прекраснымъ Пивагоромъ, наконецъ съ Алитуромъ и Парисомъ, которымъ цезарь обыкновенно не отказывалъ ни въ чемъ. При помощи Хризотемиды, которая теперь была любовницею Ватинія, Петроній старался заручиться даже и его помощью и разсыпалъ повсюду обѣщанія и деньги.

Но всѣ эти усилія остались безъ дѣйствія. Сенека, не увѣренный въ завтрашнемъ днѣ, началъ доказывать Петронію, что христіане, если они и не поджигали Римъ, должны погибнуть ради его пользы,—то-есть доказывать справедливость будущей рѣзни государственными соображеніями: Ватиній донесъ цезарю, что хотятъ подкупить, только одинъ Алитуръ,—сначала онъ враждебно относился къ христіанамъ, но теперь жалѣлъ ихъ,—осмѣлился напомнить цезарю о заключенной дѣвушкѣ и заступиться за нее. Но не получилъ ничего, кромѣ отвѣта:

— Неужели ты думаешь, что у меня душа меньше, "

Брута, который для пользы Рима не пощадилъ собственныхъ сыновей?

Когда Алитуръ передалъ слова цезаря, Петроній сказалъ:

— Если онъ уже сравнилъ себя съ Брутомъ, то Лигіи нѣтъ спасенія.

Жаль было ему Виниція; онъ боялся, какъ бы молодой патрицій не посягнулъ на свою жизнь. «Теперь,—говорилъ себѣ Петроній,—его поддерживаютъ хлопоты о ея спасеніи, она сама и его терзанія, но когда все обманетъ и послѣдняя искра надежды угаснетъ,—клянусь Кастеромъ! — онъ не переживетъ ее и пронзитъ себя мечомъ». Петроній понималъ, что можно кончить такъ, но не понималъ, что можно такъ любить и такъ страдать.

Съ своей стороны и Виниція дѣлалъ все, что могъ внушить ему его умъ, чтобы спасти Лигію. Онъ навѣщалъ августіанъ, и онъ, когда-то такой гордый, теперь вымаливалъ ихъ помощи. Онъ обѣщалъ Тигеллину свои сицилійскія земли, и все, что онъ захочетъ, но Тигеллинъ, опасаясь гнѣва Августы, отвѣчалъ отказомъ. Пойти къ самому цезарю, обнять его колѣна и умолять... и это не приведетъ ни къ чему. Виниція хотѣлъ прибѣгнуть и къ этому, но Петроній, услыхавъ о его намѣреніи, спросилъ:

— А если онъ откажетъ тебѣ, если отвѣтитъ шуткой или непристойною угрозой, что сдѣлаешь ты тогда?

Лицо Виниція исказилось отъ боли и бѣшенства.

— Да,—сказалъ Петроній,—я не совѣтую тебѣ. Ты отрѣжешь себѣ всѣ дороги.

Но Виниція сдержался и проводя рукой по лбу, покрытому холоднымъ потомъ, сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я христіанинъ!...

— Ты забудешь объ этомъ, какъ забылъ минуту тому назадъ. Ты имѣешь право погубить себя, но не ее. Вспомни, что испытала передъ смертью дочь Сеяна [5]).

Онъ не былъ совершенно искреннимъ, его больше занималъ Виниція, чѣмъ Лигія, но онъ зналъ, что ему ничѣмъ такъ не удержать племянника отъ рискованнаго шага, какъ представить ему, что онъ можетъ нанести непоправимый вредъ Лигіи.

Наконецъ, онъ былъ правъ, на Палатинѣ ожидали прихода молодого трибуна, и всѣ необходимыя мѣры предосторожности были не приняты.

---

[5]) L. Aelius Seianus—другъ императора Тиберія, впослѣдствіи казненный имъ. Что дочери, которая была удавлена рукой палача, Тацитъ сообщаетъ (*Лѣтопись*, V, гл. 9), что она прежде этого была a carnifice laqueum iuxta compressa.

Но мученія Виниція перешли все, что могутъ вынести человѣческія силы. Съ минуты, когда Лигія была заключена въ темницу, съ тѣхъ поръ, какъ ее осѣнилъ свѣтъ будущаго мученичества, Виниція не только полюбилъ ее во сто разъ больше, но чуть не началъ воздавать ей въ душѣ религіозныя почести, какъ неземному существу. А теперь при мысли, что это существо,—и любимое, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, святое,—онъ долженъ потерять, что кромѣ смерти ее могутъ ожидать муки, страшнѣе самой смерти, онъ чувствовалъ, какъ кровь застывала въ его жилахъ, какъ душа его обращалась въ одинъ стонъ, какъ мѣшались его мысли. По временамъ ему казалось, что въ его черепѣ—огонь, который сожжетъ его или разорветъ въ дребезги. Онъ пересталъ понимать, что дѣлается вокругъ него, пересталъ понимать, почему Христосъ, милосердный, Богъ, не приходитъ на помощь своему послѣдователю, почему почернѣвшія стѣны Палатина не провалятся сквозь землю, а вмѣстѣ съ ними Неронъ, августіане, когорты преторіанцевъ и весь этотъ городъ преступленія. Онъ думалъ, что не можетъ и не должно быть иначе и что все, на что смотрятъ его глаза, отъ чего ломается душа и рвется сердце, — все это сонъ. Но звѣриное рычаніе говорило ему, что это дѣйствительность, стукъ топоровъ, подъ которыми выростали арены, говорили ему, что это дѣйствительность, а все это, кромѣ того, подтверждалъ вой черни и переполненныя темницы. Тогда въ немъ содрогалась вѣра въ Христа, а это было новою мукой, можетъ быть, еще болѣе страшной.

А тѣмъ временемъ Петроній говорилъ ему:

— Вспомни, что испытала передъ смертью дочь Сеяна.

II.

Все обмануло. Виниція унизился до такой степени, что искалъ поддержки у отпущенниковъ и невольницъ цезаря и Поппеи, оплачивалъ ихъ лживыя обѣщанія, привлекалъ ихъ на свою сторону богатыми подарками. Онъ отыскалъ перваго мужа императрицы, Руфія Криспина, и выхлопоталъ отъ него письмо, подарилъ виллу въ Антіи сыну Поппеи отъ перваго брака, но тѣмъ только разгнѣвалъ цезаря, который ненавидѣлъ своего пасынка. Онъ посылал съ нарочнымъ гонцомъ письма ко второму мужу Поппеи, къ Отон въ Испанію, обѣщалъ ему все свое достояніе и самого себя и тол ко тутъ замѣтилъ, что онъ только игралище людей, и если бы п творился, что заключеніе Лигіи мало его интересуетъ, то скор освободилъ бы ее.

То же самое замѣтилъ и Петроній. А время шло день за днемъ. Амфитеатры были окончены. Раздавались даже тессеры, т.-е. билеты на входъ на ludus matutinus [1]). Но на этотъ разъ утреннее игрище, по поводу неслыханнаго числа жертвъ, должно было растянуться на цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы. Не знали даже, куда и дѣвать христіанъ, тюрьмы были биткомъ набиты, и въ нихъ свирѣпствовала горячка. «Puticuli», т.-е. общія ямы, въ которыхъ держали невольниковъ, тоже начали переполняться. Являлось опасеніе, какъ бы болѣзни не распространились по всему городу, и поэтому рѣшено было спѣшить.

Всѣ эти вѣсти доходили до ушей Виниція и гасили въ немъ послѣдніе лучи надежды. Пока было время, онъ могъ заблуждаться, что можетъ еще сдѣлать что-нибудь, но теперь и времени оставалось мало. Зрѣлища скоро должны были начаться, Лигія каждый день могла очутиться въ «cuniculum» [2]) цирка, а оттуда выходъ былъ одинъ — на арену. Виницій, не зная, куда ее забросила судьба и жестокость насилія, началъ обходить всѣ цирки, подкупать стражей и «бестіаріевъ», предъявляя къ нимъ требованія, которыхъ они не могли выполнить. Иногда онъ замѣчалъ, что старается лишь о томъ, какъ бы сдѣлать ея смерть менѣе страшною, и вотъ въ это-то время чувствовалъ, что въ его черепѣ, вмѣсто мозга, раскаленные уголья.

Онъ не думалъ пережить ее и рѣшилъ погибнуть съ нею вмѣстѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, понималъ, что горе можетъ изсушить въ немъ послѣднюю каплю жизни прежде, чѣмъ подойдетъ страшная минута. Его друзья, и Петроній въ томъ числѣ, также думали, что въ любой день передъ нимъ можетъ открыться царство тѣней. Лицо Виниція почернѣло и начало походить на тѣ восковыя маски, которыя хранились въ лараріяхъ. Въ его чертахъ застыло недоумѣніе, какъ будто онъ не понималъ, что случилось и что можетъ случиться. Когда кто-нибудь разговаривалъ съ нимъ, онъ безсознательнымъ движеніемъ поднималъ руки къ головѣ и, стискивая ладонями виски, смотрѣлъ на говорящаго испуганнымъ и пытливымъ взглядомъ. Ночи онъ, вмѣстѣ съ Урсомъ, проводилъ у дверей темницы Лигіи, а если она приказывала ему уйти и отдохнуть, онъ возвращался къ Петронію и до утра блуждалъ по атрію. Невольники часто видѣли, какъ онъ стоитъ на колѣняхъ, съ руками воздѣтыми кверху или лежитъ, припавъ лицомъ къ землѣ. Онъ молился Христу,—это была его послѣдняя надежда. Все обмануло! Лигію могло

[1]) Ludus matutinus—утреннее представленіе.

[2]) Cuniculum (или cuniculus)—подземный ходъ.

спасти только чудо, и Виниций бился челомъ о каменныя плиты и вымаливалъ чудо.

Но у него оставалось еще настолько сознанія, что онъ понималъ, что молитва Петра значитъ больше, чѣмъ его молитва. Петръ обѣщалъ ему Лигію, Петръ крестилъ его, Петръ самъ творилъ чудеса,—пусть и теперь онъ окажетъ ему помощь и спасетъ его.

И вотъ, однажды, ночью Виниций пошелъ разыскивать его. Христіане,—теперь осталось ихъ уже немного,—скрывались другъ отъ друга еще съ большею тщательностью, чтобы кто-нибудь изъ нихъ, болѣе слабый духомъ, не измѣнилъ имъ невольно или умышленно. Виниций, среди всеобщаго замѣшательства и разгрома, всецѣло занятый тѣмъ, какъ бы вырвать Лигію изъ темницы, потерялъ апостола изъ вида такъ, что со времени своего крещенія видѣлся съ нимъ только одинъ разъ, да и то еще до начала гоненія. Но, отправившись къ тому землекопу, въ хижинѣ котораго онъ былъ окрещенъ, молодой трибунъ узналъ, что за porta Solaria, въ виноградникѣ Корнелія Пуденса, сегодня состоится собраніе христіанъ. Землекопъ брался провести Виниція на это собраніе и увѣрялъ, что они встрѣтятъ на немъ и Петра.

Лишь только спустился мракъ, они вышли изъ дома, миновали городскія ворота, и, подвигаясь вдоль заросшихъ враговъ, достигли до виноградника, затерявшагося въ глухой и пустынной мѣстности. Собраніе происходило въ сараѣ, въ которомъ обыкновенно давили виноградъ. Уже на порогѣ Виниций услышалъ молитвенный шепотъ, а войдя увидалъ, при неясномъ свѣтѣ фонарей, нѣсколько десятковъ людей, стоящихъ на колѣнахъ и погруженныхъ въ молитву. Читалось что-то вродѣ эктиніи, а хоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ поминутно повторялъ: «Христосъ, помилуй!» Во всѣхъ голосахъ дрожала глубокая, раздирающая печаль и горе.

Петръ былъ здѣсь. Онъ стоялъ на колѣнахъ впереди всѣхъ, передъ деревяннымъ крестомъ, прибитымъ къ стѣнѣ сарая, и молился. Виниций издали различилъ его бѣлые волоса и поднятыя къ небу руки. Первою мыслью молодого патриція было протискаться сквозь толпу, броситься къ ногамъ апостола и крикнуть: «Спаси!»—но торжественность ли этой молитвы, или его слабость заставили его колѣна подогнуться и онъ, у самаго входа, началъ повторять со стономъ, сжимая руки: «Христосъ, помилуй!» Еслибъ онъ былъ въ полномъ сознаніи, то понялъ бы, что не въ его только мольбѣ слышится стонъ, не онъ только одинъ принесъ сюда свою скорбь, свое горе и свою тревогу. Въ этомъ сборищѣ не было ни одной человѣческой души, которая не утратила бы какое-нибудь дорогое суще

ство, и когда самые дѣятельные и отважные приверженцы новаго ученія были уже заключены въ темницу, когда каждую минуту распространялись все новые слухи о позорѣ и мукахъ, какимъ подвергались заключенные, когда размѣры несчастія превзошли всѣ предположенія, когда христіанъ осталась только одна горсть,— среди нихъ не было ни одного сердца, которое не поколебалось бы въ своей вѣрѣ и не вопрошало бы съ сомнѣніемъ: гдѣ Христосъ? Почему Онъ дозволяетъ, чтобы зло было сильнѣе Бога? Но теперь они еще съ отчаяніемъ молили Его о милосердіи, ибо въ каждомъ сердцѣ еще тлѣлась искра, что Онъ прійдетъ, сотретъ зло, низвергнетъ въ пропасть Нерона и будетъ властвовать надъ міромъ... Христіане еще всматривались въ Него, еще слушали Его, еще съ трепетомъ молились Ему. Виниціемъ, по мѣрѣ того, какъ онъ повторялъ: «Христосъ, помилуй!»—также началъ овладѣвать восторгъ, который онъ испыталъ когда-то въ хижинѣ фоссора. Они призываютъ Его изъ глубины горя, изъ бездны, Его призываетъ Петръ,— какая-нибудь минута,—небо разверзнется, земля содрогнется, и Онъ снизойдетъ, въ блескѣ несказанномъ, со звѣздами у ногъ Своихъ, милосердый, но и грозный, Онъ, Который, вознесетъ своихъ вѣрныхъ и повелитъ безднѣ пожрать ихъ гонителей.

Виницій закрылъ лицо руками и припалъ къ землѣ. И вдругъ его окружила тишина, какъ будто боязнь сковала всякое слово въ устахъ молящихся. Ему казалось, что должно что-то произойти, что наступила минута чуда. Онъ былъ увѣренъ, что когда подниметъ голову и откроетъ глаза, то увидитъ свѣтъ, отъ котораго слѣпнутъ очи смертныхъ и услышитъ голосъ, отъ котораго содрогаются человѣческія сердца.

Но тишина все продолжалась и только рыданія женщинъ нарушали ее.

Виницій поднялся и изумленными глазами оглядѣлся вокругъ.

Въ сараѣ, вмѣсто неземного блеска, слабо мигали огни фонарей, да лучи мѣсяца, врывающіеся сквозь отверстіе въ крышѣ, наполняли его серебристымъ свѣтомъ. Люди, стоящіе на колѣнахъ около Виниція, молча смотрѣли на крестъ глазами, полными слезъ, кое-гдѣ с. ышались рыданія, а извнѣ долеталъ осторожный свистъ стоящихъ н стражѣ. Въ это время Петръ обратился къ толпѣ и сказалъ:

— Дѣти, вознесите сердца къ Избавителю нашему и принеси- т Ему въ жертву свои слезы.

И онъ смолкъ.

Вдругъ среди присутствующихъ послышался женскій голосъ, п чный скорбной жалобы о безграничной боли.

— Я вдова, у меня былъ сынъ, кормилъ меня,—возврати его мнѣ, господинъ!

Опять наступила минута тишины. Петръ стоялъ передъ колѣнопреклоненною толпой, старый, изнуренный и въ эту минуту казался олицетвореніемъ слабости и безсилія.

Въ это время послышалась другая жалоба:

— Палачи обезчестили мою дочь,—и Христосъ допустилъ это!

Потомъ третья:

— Я осталась одна съ дѣтьми, а когда меня схватятъ, кто дастъ имъ воды и хлѣба?

— Линна сначала было оставили, а потомъ снова подвергли мукамъ, господинъ!

— Когда мы вернемся домой, насъ всѣхъ схватятъ преторіанцы. Мы не знаемъ, куда скрыться намъ!

— Горе намъ! Кто прикроетъ насъ?

Итакъ, въ тишинѣ ночной, одна жалоба слѣдовала за другою. Старый рыбакъ смежилъ очи, и его бѣлая голова тряслась надъ этимъ моремъ человѣческаго горя и тревоги. Опять воцарилось молчаніе, только стража потихоньку посвистывала за сараемъ.

Виницій вскочилъ, чтобы пробраться къ апостолу и потребовать отъ него помощи, и вдругъ точно увидалъ передъ собою пропасть и ноги его онѣмѣли. Что будетъ, если апостолъ признаетъ свое безсиліе, если подтвердитъ, что римскій цезарь могущественнѣе Іисуса Назорея? Отъ ужаса волосы дыбомъ поднялись на его головѣ; онъ почувствовалъ, что въ эту пропасть рухнетъ не столько остатокъ его надежды, но и онъ самъ, и его Лигія, и его любовь къ Христу, и его вѣра, и все, чѣмъ онъ жилъ,—останется только смерть и ночь—безбрежная, какъ море.

Петръ заговорилъ голосомъ такимъ тихимъ, что его едва можно было слышать:

«Дѣти мои! На Голгоѳѣ я видѣлъ, какъ Христа пригвождали ко кресту. Я слышалъ удары молота, видѣлъ, какъ воздвигли крестъ кверху, дабы всѣ смотрѣли на смерть Сына человѣческаго.

. . . . . .

«...И я видѣлъ, какъ ему прободали бокъ и какъ Онъ ум[illegible]ъ. И тогда, возвращаясь отъ креста, я взывалъ въ горести, какъ [illegible]ы взываете нынѣ: «Горе, горе! Господи! Ты Богъ,—почему же Ты [illegible]зволилъ смерти прикоснуться къ Себѣ, зачѣмъ уязвилъ сер[illegible]да тѣхъ, кто вѣрилъ, что пріидетъ царствіе Твое?»...

«...А Онъ, Господь нашъ и Богъ нашъ, — на третій [illegible]нь

воскресъ и былъ среди насъ, до тѣхъ поръ, пока въ великомъ сіяніи не вступилъ въ царствіе Свое.

«Мы же, познавши нашу малую вѣру, укрѣпились въ сердцахъ и отнынѣ сѣемъ сѣмя Его.

. . . . . .

Онъ обратился въ сторону, откуда послышалась первая жалоба, и заговорилъ уже болѣе сильнымъ голосомъ:

— На что вы жалуетесь?... Богъ самъ отдалъ себя на муку и смерть, а вы хотите, чтобъ Онъ защитилъ васъ отъ нея? Маловѣрные! Неужели вы не поняли Его ученія, неужели Онъ обѣщалъ вамъ одну земную жизнь? Онъ приходитъ къ вамъ и говоритъ вамъ: «Слѣдуйте пути Моему»; Онъ возноситъ васъ до Себя, а вы цѣпляетесь за землю руками и взываете: «Господи, спаси!»—Я—пѣснинка передъ Богомъ, но передъ вами апостолъ Божій и намѣстникъ, говорю вамъ во имя Христа: не смерть передъ вами, а жизнь, не муки, а неизреченное блаженство, не слезы и стоны, а ликованіе, не неволя, а царствованіе! Я, апостолъ Божій, говорю тебѣ, вдова: сынъ твой не умретъ, но возродится во славѣ на вѣчную жизнь,—и ты соединишься съ нимъ! Тебѣ, отецъ, у котораго палачи осквернили невинную дочь, я обѣщаю, что ты найдешь ее бѣлѣе лиліи Гоброна. Вамъ, матери, которыхъ оторвутъ отъ сиротъ, вамъ, печалующіеся, вамъ, которые будете смотрѣть на смерть дорогихъ вамъ,! удрученные, несчастные, встревоженные, и вамъ, кому нужно будетъ умереть, я, во имя Христа, говорю, что вы пробудитесь, какъ отъ сна, на счастливое бодрствованіе, какъ послѣ ночи въ минуту разсвѣта. Во имя Христа, да ниспадетъ пелена съ вашихъ глазъ и да разгорятся сердца ваши!

Онъ поднялъ руку, а христіане почувствовали, какъ новая кровь вливается въ ихъ жилы, какъ дрожь пробѣгаетъ по ихъ тѣлу,—передъ ними стоялъ уже не согбенный и удрученный старецъ, а гигантъ, который воздвигалъ ихъ души изъ праха и тревоги.

— Аминь!—воскликнуло нѣсколько голосовъ.

Глаза апостола свѣтились все большимъ блескомъ,—отъ него вѣяло силою, вѣяло величіемъ, вѣяло святостью. Головы молящихся склонились передъ нимъ, а онъ, лишь только все смолкло, продолжалъ:

— Сѣйте въ горѣ, дабы пожинали въ радости. Почему вы боитесь мощи зла? Надъ землею, надъ Римомъ, надъ городскими стѣнами—Господь, Который обитаетъ въ васъ. Камни увлажатся отъ слезъ, песокъ пропитается кровью, пропасти наполнятся вашими тѣлами, и я говорю вамъ: вы побѣдители! Господь идетъ раз-

рушить этотъ городъ злодѣянія, угнетенія и гордыни, а вы—воинство Его! И если Онъ самъ кровью и му́ками искупилъ грѣхи міра, то какъ же вы не хотите своею мукою и кровью искупить это гнѣздо нечестія!... Вотъ что Онъ возвѣщаетъ вамъ моими устами!

Онъ поднялъ руки, устремивъ кверху глаза. У христіанъ сердца почти перестали биться, они почувствовали, что апостолъ видитъ что-то, чего не могутъ видѣть ихъ смертные очи.

Лицо Петра измѣнилось и просвѣтлѣло. Онъ все смотрѣлъ въ небо, какъ будто онѣмѣлъ отъ восторга, но черезъ минуту его голосъ послышался вновь:

— Ты здѣсь, Господь,—и указуешь мнѣ пути Свои... Христосъ, какъ... не въ Іерусалимѣ, но въ этомъ градѣ сатаны Ты хочешь поставить Свой престолъ? Здѣсь, изъ этихъ слезъ и изъ этой крови, Ты хочешь соорудить Свою церковь? Здѣсь, гдѣ нынѣ владѣетъ Неронъ, должно стать вѣчное Царствіе Твое? О, Господь, Господь! И Ты повелишь этимъ людямъ, исполненнымъ тревоги, дабы изъ своихъ костей они сложили основаніе Сіону міра, а духу моему повелѣваешь взять власть надъ ними?... И Ты изливаешь источникъ крѣпости на слабыхъ, дабы они были сильны, и Ты приказываешь мнѣ пасти овецъ Твоихъ до конца вѣковъ... О, будь благословенъ! Ты, Который повелѣваешь намъ побѣждать... Осанна! Осанна!...

Тѣ, кто были тревожны, встали, въ тѣхъ, которые усомнились, влились струи вѣры. Въ одномъ мѣстѣ раздалось: «Осанна!»—въ другомъ—«pro Christe»! потомъ все стихло. Ясныя зарницы освѣщали внутренность сарая и лица, поблѣднѣвшія отъ волненія.

Петръ, погруженный въ видѣніе, еще долго молился, наконецъ очнулся, обратилъ къ толпѣ свое вдохновенное, свѣтлое лицо и сказалъ:

— Какъ Господь побѣдилъ въ васъ сомнѣніе, такъ и вы идите побѣждать во имя Его!

И хотя онъ уже зналъ, что они побѣдятъ, хотя зналъ, что̀ выростетъ изъ ихъ слезъ и крови, но голосъ его задрожалъ, когда онъ началъ осѣнять ихъ крестомъ.

— А теперь я благословляю васъ, дѣти мои, на муку, на смерть, на вѣчность!

Христіане окружили его съ крикомъ: «Мы готовы, но ты, свя той, скройся, ибо ты намѣстникъ Христовъ!» Они хватались за его одежды, а онъ возлагалъ руки на ихъ головы и осѣнялъ каж даго крестнымъ знаменіемъ, какъ отецъ креститъ дѣтей, которых посылаетъ въ далекій путь.

Народъ началъ выходить изъ сарая,—всякій спѣшилъ домой, а оттуда въ темницу и на арену. Мысли христіанъ уже отрѣшились отъ земли, души направили свой полетъ къ вѣчности; всѣ они шли, точно объятые сномъ или восторгомъ,—носители живущей въ нихъ силы, которая должна была противустоять силѣ и свирѣпости «звѣря».

Апостола взялъ Нерей, слуга Пуденса, и узкою тропинкой, скрытою въ виноградникѣ, повелъ къ своему дому. Но за ними шелъ Виницій, и, когда они дошли до хижины Нерея, молодой трибунъ вдругъ бросился къ ногамъ апостола.

Петръ узналъ его и спросилъ:

— Чего ты хочешь, сынъ мой?

Виницій, послѣ того, что слышалъ въ сараѣ, не смѣлъ уже ни о чемъ просить, только обнялъ обѣими руками ноги апостола, съ рыданіемъ прижался къ нимъ лбомъ и молча вымаливалъ у него милости.

Петръ сказалъ:

— Знаю. Взяли дѣвушку, которую любишь. Молись за нее.

— Господинъ!—простоналъ Виницій, еще крѣпче обнимая ноги апостола.—Господинъ! я ничтожный червь, но ты зналъ Христа,—ты моли Его, ты предстательствуй за нее.

Онъ дрожалъ отъ боли и бился лбомъ о землю. Онъ зналъ силу апостола, зналъ, что одинъ онъ можетъ возвратить ему Лигію.

Петръ тронулся его горемъ. Онъ вспомнилъ, что когда-то и Лигія, разгромленная словами Криспа, также лежала у его ногъ, вымаливая снисхожденія. Онъ вспомнилъ, что тогда поднялъ Лигію, утѣшилъ ее, и теперь поднялъ Виниція.

— Милый сынъ,—сказалъ онъ,—я буду молиться за нее, но помни, что я говорилъ тѣмъ, маловѣрнымъ, что самъ Богъ прошелъ черезъ крестную муку, и помни также, что послѣ этой жизни начинается новая, вѣчная...

— Я знаю!... Я слышалъ! — отвѣтилъ Виницій, вбирая воздухъ поблѣднѣвшими губами,—но видишь, господинъ... я не могу! Если нужно крови, моли Христа, чтобъ онъ взялъ мою... Я воинъ. Пусть Онъ удвоитъ, пусть утроитъ муки, предназначенныя ей,—я вынесу! Но пусть Онъ спасетъ ее! Вѣдь, это еще ребенокъ, господинъ, а Онъ могущественнѣе цезаря, — я вѣрю, могущественнѣе!... Ты самъ любилъ ее. Ты благословилъ насъ!... Вѣдь, это еще ребенокъ невинный...

Онъ снова опустился на земь, склонилъ лицо къ колѣнамъ апостола и началъ повторять:

— Ты зналъ Христа, господинъ! Ты зналъ, Онъ услышитъ тебя! Моли за нее!

Петръ сомкнулъ глаза и горячо молился.

На небѣ опять начали вспыхивать зарницы. Виницій при ихъ блескѣ всматривался въ уста апостола, ожидая приговора,—жизнь или смерть. Въ тишинѣ было слышно, какъ перепела перекликались въ виноградникѣ, да глухо стучали валяльныя мельницы у via Salaria.

— Виницій,—наконецъ, спросилъ апостолъ,—вѣришь ли ты?

— Господинъ, развѣ иначе я пришелъ бы сюда?

— Тогда вѣрь до конца, ибо вѣра двигаетъ горами. И хотя бы ты видѣлъ эту дѣвушку подъ мечомъ палача или въ пасти льва,— вѣрь, что Христосъ еще можетъ спасти ее. Вѣрь и молись Ему, а я буду молиться вмѣстѣ съ тобой.

Онъ поднялъ лицо къ нему и громко заговорилъ:

— Милосердый Христосъ, воззри на это скорбное сердце и утѣшь его! Христосъ милосердый, Ты молилъ Отца отнять отъ Твоихъ устъ горькую чашу, отними ее отъ устъ раба Твоего! Аминь!

Виницій протянулъ руки къ звѣздамъ и простоналъ:

— О, Христосъ! Я твой! Возьми меня за нее!

На западѣ небо начинало свѣтлѣть.

III.

Виницій, оставивъ апостола, шелъ по дорогѣ къ темницѣ съ сердцемъ, возрожденнымъ надеждой. Гдѣ-то, въ глубинѣ его души еще кричали отчаяніе и ужасъ, но онъ подавлялъ въ себѣ эти голоса. Ему казалось неправдоподобнымъ, чтобы предстательство намѣстника Божія и сила его молитвы остались безслѣдными. Онъ боялся отринуть надежду, боялся не вѣрить. «Я буду вѣрить въ милосердіе Его,— говорилъ онъ себѣ,— хотя бы увидѣлъ Лигію въ пасти льва». И при этой мысли, хотя душа его содрогалась и холодный потъ проступалъ на его вискахъ, онъ вѣрилъ. Теперь каждое біеніе его сердца было молитвой. Онъ начиналъ понимать, какъ это вѣра двигаетъ горами, потому что почувствовалъ въ себѣ к кую-то странную силу, которую не ощущалъ до сихъ поръ. Ему ка залось, что съ этою силой онъ можетъ сдѣлать то, чего вчера еще н могъ бы сдѣлать. Когда отчаяніе стономъ еще отзывалось въ е душѣ, онъ вспоминалъ эту ночь и это святое, старое лицо, съ м литвой обращенное къ небу. «Нѣтъ! Христосъ не откажетъ перв ученику своему, пастырю своихъ овецъ! Христосъ не откажетъ е

а я не усомнюсь!» И Виниций бѣжалъ къ темницѣ, какъ глашатай доброй вѣсти.

Но тутъ его встрѣтила неожиданность.

Преторіанская стража, смѣняющаяся у Мамертинской темницы, знала уже Виниція и обыкновенно не дѣлала ему никакихъ затрудненій, но на этотъ разъ цѣпь солдатъ не разступилась. Къ Виницію подошелъ сотникъ и сказалъ:

— Прости, благородный трибунъ, но сегодня мы получили приказъ не пропускать никого.

— Приказъ?—говорилъ Виниций и поблѣднѣлъ.

Солдатъ съ сочувствіемъ посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Да, господинъ. Приказъ цезаря. Въ темницѣ много больныхъ, можетъ быть, опасаются, какъ бы приходящіе не разнесли заразу по всему городу.

— Но ты говорилъ, что приказъ данъ только на сегодняшній день?

— Въ полдень смѣняютъ стражу.

Виниций замолчалъ и обнажилъ голову. Ему показалось, что его pileolus [1]) сдѣланъ изъ свинца.

Въ это время солдатъ приблизился къ нему и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Успокойся, господинъ. Стража и Урсъ наблюдаютъ за ней.

Онъ наклонился и во мгновеніе ока начертилъ на каменной плитѣ своимъ длиннымъ галльскимъ мечомъ фигуру рыбы.

Виниций пытливо посмотрѣлъ на него.

— И ты преторіанецъ?

— До тѣхъ поръ, пока я не буду тамъ, — сказалъ солдатъ и указалъ на темницу.

— И я поклоняюсь Христу!

— Да будетъ благословенно имя Его! Я знаю это, господинъ. Я не могу впустить тебя въ темницу, но если ты напишешь письмо, я отдамъ его стражамъ.

— Благодарю тебя, братъ!...

Онъ пожалъ руку солдата и ушелъ. «Pileolus» пересталъ свинцомъ давить его голову. Солнце поднялось изъ-за стѣнъ темницы, а вмѣстѣ съ его блескомъ въ сердцѣ Виниція начала вступать новая надежда. Этотъ солдатъ, христіанинъ, являлся для него какъ бы новымъ свидѣтельствомъ могущества Христа. Онъ остановился

---

[1]) Pileolus—войлочная шапочка (въ родѣ ермолки), покрывавшая только макушку, такъ что волосы спереди и сзади оставались свободными.

и, глядя на розовыя облака, нависшія надъ Капитоліемъ и храмомъ Юпитера-Статора, сказалъ:

— Господь, сегодня я не видалъ ея, но вѣрю въ Твое милосердіе.

Дома его ждалъ Петроній, который по обычаю, «обращая ночь въ день», недавно только возвратился. Тѣмъ не менѣе, онъ уже взялъ ванну и умастился передъ сномъ.

— А у меня есть новости для тебя,— сказалъ онъ.— Сегодня я былъ у Тулія Сенеціона, и цезарь былъ у него. Не знаю, почему Августѣ пришло въ голову привести съ собой маленькаго Руфа... Можетъ быть, для того, чтобы своею красотой онъ смягчилъ цезаря. Къ несчастью, ребенокъ заснулъ во время чтенія. Агенобарбъ увидалъ это, бросилъ въ него кубкомъ и тяжело ранилъ. Поппеа лишилась чувствъ. Всѣ слышали, какъ цезарь сказалъ: «надоѣлъ мнѣ этотъ ублюдокъ!» А это, ты знаешь, то же самое, что смертный приговоръ.

— Надъ августой тяготѣетъ кара Божія, — отвѣтилъ Виницій,—но къ чему ты говоришь это?

— Я говорю къ тому, что тебя и Лигію преслѣдовалъ гнѣвъ Поппеи, а теперь она, занятая своимъ горемъ, можетъ забыть свою месть и легче поддастся убѣжденію. Я увижу ее сегодня вечеромъ и буду говорить съ ней.

— Благодарю тебя. Ты сообщаешь мнѣ добрую новость.

— А ты возьми ванну и отдохни. Губы твои посинѣли, ты обратился въ какую-то тѣнь.

Но Виницій спросилъ:

— Тебѣ не говорили, когда назначенъ первый ludus matutinus?

— Черезъ десять дней. Но сначала очистятъ другія темницы. Чѣмъ больше намъ останется времени, тѣмъ лучше. Не все еще потеряно.

Петроній говорилъ то, во что самъ уже не вѣрилъ. Онъ отлично зналъ, что если цезарь, въ отвѣтѣ на просьбу Алитура нашелъ великолѣпно звучащій отвѣтъ, въ которомъ сравнивалъ себя съ Брутомъ, то для Лигіи уже нѣтъ спасенія. Изъ состраданія къ Виницію онъ скрылъ то, что слышалъ у Сенеціона, что цезарь и Тигеллинъ рѣшили выбрать для себя и своихъ друзей самыхъ красивыхъ [illegible] вушекъ-христіанокъ и обезчестить ихъ передъ муками, а остальныя должны быть предоставлены преторіанцамъ и бестіаріямъ [illegible] самый день игрищъ.

Зная, что Виницій ни въ какомъ случаѣ не захочетъ пережить Лигію, Петроній нарочно подкрѣплялъ въ его сердцѣ надежду [illegible]

первыхъ, изъ сочувствія къ нему, а, во-вторыхъ... для него, какъ для эстетика, было важно, чтобы Виницій умеръ прекраснымъ, а не такимъ, какъ теперь, съ лицомъ, почернѣвшимъ отъ скорби и безсонныхъ ночей.

— Сегодня я скажу августѣ, приблизительно, слѣдующее: спаси Лигію для Виниція, а я спасу для тебя Руфа. И я, дѣйствительно, думалъ объ этомъ. Съ Агенобарбомъ одно слово, сказанное въ соотвѣтственную минуту, можетъ или спасти, или погубить кого-нибудь. Во всякомъ случаѣ, мы выиграемъ время.

— Благодарю тебя,—повторилъ Виницій.

— Ты лучше отблагодаришь меня, если позавтракаешь и заснешь. Клянусь Аѳиной! Одиссей въ самыя трудныя минуты жизни думалъ о снѣ и о пищѣ. Ты цѣлую ночь провелъ въ темницѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Виницій.—Я пошелъ было туда, но оказалось, что изданъ приказъ, чтобы туда никого не допускали. Узнай, прошу тебя, приказъ этотъ отданъ на одинъ ли сегодняшній день или до самыхъ игрищъ.

— Я узнаю сегодня ночью и завтра утромъ скажу тебѣ, на долго ли и почему былъ отданъ такой приказъ. А пока, хотя бы Геліосъ съ горя спустился въ Киммерійскіе края [2]),— я иду спать, а ты послѣдуй моему примѣру.

Они разстались, но Виницій отправился въ библіотеку и сталъ писать письмо къ Лигіи.

Письмо это онъ отнесъ самъ и вручилъ христіанину-сотнику, который тотчасъ же отправился съ нимъ въ темницу. Черезъ минуту онъ возвратился съ отвѣтомъ Лигіи и обѣщаніемъ сегодня же доставить ея отвѣтъ.

Виницій не хотѣлъ возвращаться домой, сѣлъ на камень и рѣшилъ дождаться письма Лигіи. Солнце высоко взошло уже на небо. По Clivus Argentarius на Форумъ, какъ и прежде, плыли толпы народа. Перекупщики расхваливали свои товары, знахари предлагали проходящимъ свои услуги, граждане медленными шагами направлялись къ ространъ, чтобы слушать случайныхъ ораторовъ или обмѣниваться другъ съ другомъ свѣжими новостями. По мѣрѣ того, какъ жара становилась все сильнѣе, толпа празднаго народа прижималась подъ портики храмовъ, откуда ежеминутно съ шумомъ выметали стаи голубей, сверкая своими бѣлыми крыльями въ солнечномъ свѣтѣ и лазури.

Виниціи былъ страшно утомленъ и подъ говоръ толпы сомкнулъ

[2]) Киммерійцы — у Гомера народъ, живущій на крайнемъ Западѣ, находящійся постоянно во мракѣ, такъ какъ туда Геліосъ (солнце) никогда не проникаетъ.

глаза. Монотонные возгласы уличныхъ мальчишекъ, играющихъ въ мору, и мѣрные шаги солдатъ убаюкивали его ко сну. Онъ еще поднялъ голову, посмотрѣлъ на тюрьму, потомъ склонился къ краю каменной глыбы, какъ ребенокъ, который успокоивается послѣ долгаго плача, и уснулъ. И вдругъ его охватили видѣнія. Ему представилось, что онъ несетъ Лигію черезъ незнакомый ему виноградникъ, а передъ нимъ идетъ Помпонія Грецина со свѣтильникомъ въ рукахъ и свѣтитъ. Какой-то голосъ, напоминающій голосъ Петронія, кричитъ издалека: «возвратись!» — но онъ не обращаетъ на это вниманіе и идетъ дальше за Помпоніей, пока не доходитъ до хижины, на порогѣ которой стоитъ апостолъ Петръ. Тогда Виницій показываетъ ему Лигію и говоритъ: «господинъ, мы несемъ ее съ арены, но не можемъ разбудить, пробуди ее ты». Но Петръ отвѣчаетъ: «Христосъ самъ придетъ пробудить ее».

Потомъ образы начали мѣшаться. Виницій видитъ, какъ Неронъ и Поппеа держатъ на рукахъ маленькаго Руфа, и Петронія, обмывающаго его окровавленный лобъ, и Тигеллина, посыпающаго пепломъ столы, уставленные дорогими яствами, и Вителія, пожирающаго эти яства, и множество другихъ августіанъ, присутствующихъ на пирѣ. Онъ самъ возлежитъ рядомъ съ Лигіей, но между столами ходятъ львы и съ ихъ желтыхъ бородъ стекаетъ кровь. Лигія проситъ, чтобъ онъ вывелъ ее отсюда, но Виниціемъ овладѣваетъ такая слабость, что онъ не можетъ даже пошевельнуться. Затѣмъ видѣнія его стали еще безпорядочнѣй и, наконецъ, все потонуло въ совершенномъ мракѣ.

Изъ глубокаго сна его пробудилъ только солнечный жаръ и крики, которые раздавались возлѣ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ. Виниціи протеръ глаза: улица была полна людей, но два скорохода, одѣтыхъ въ желтыя туники, длинными тростниковыми палками раздвигали толпу, крича и очищая мѣсто для великолѣпныхъ носилокъ, которыя несли четверо сильныхъ египетскихъ невольниковъ.

Въ носилкахъ сидѣлъ человѣкъ въ бѣлой одеждѣ. Лицо его можно было разсмотрѣть съ трудомъ, потому что онъ весь углубился въ чтеніе какого-то папируса.

— Мѣсто для благороднаго августіанина! — кричали скороходы.

Но улица была такъ запружена, что носилки на время должны были остановиться. Тогда августіанинъ нетерпѣливо опустилъ свой папирусъ, выставилъ свою голову и крикнулъ:

— Разогнать этихъ негодяевъ! Скорѣй!

Вдругъ, замѣтивъ Виниція, онъ быстро откинулся назадъ и закрылъ лицо папирусомъ.

Виниціи провелъ рукой по лицу. Ему казалось, что онъ все еще спитъ.

Въ носилкахъ сидѣлъ Хилонъ.

Тѣмъ временемъ скороходы очистили дорогу, и египтяне могли двинуться, какъ вдругъ молодой трибунъ, который въ одну минуту понялъ многое, непонятное для него до сихъ поръ, приблизился къ носилкамъ.

— Привѣтъ тебѣ, Хилонъ!—сказалъ онъ.

— Молодой человѣкъ,—съ достоинствомъ и гордостью отвѣтилъ грекъ, усиливаясь придать своему лицу выраженіе спокойствія, котораго не было въ его душѣ,—здравствуй, но не задерживай меня, потому что я спѣшу къ своему другу, благородному Тигеллину.

Виниціи, схватившись за край носилокъ, наклонился къ Хилону и проговорилъ тихимъ голосомъ:

— Ты предалъ Лигію?

— Колоссъ Мемнона!—испуганно крикнулъ грекъ.

Но въ глазахъ Виниція не было угрозы, и страхъ стараго грека быстро прошелъ. Онъ вспомнилъ, что находится подъ покровительствомъ Тигеллина и самого цезаря, силъ, передъ которыми дрожитъ все, что его окружаютъ рослые невольники, а Виниціи стоитъ передъ нимъ безоружный, съ похудѣвшимъ лицомъ и станомъ, сгорбленнымъ отъ горя.

При этой мысли смѣлость снова вернулась къ нему. Онъ устремилъ на Виниція свои глаза, окаймленные красными вѣками, и также тихо отвѣтилъ:

— А ты, когда я умиралъ съ голоду, приказалъ меня бичевать.

На минуту они умолкли оба, потомъ послышался глухой голосъ Виниція:

— Я несправедливо поступилъ съ тобою, Хилонъ!

Тогда грекъ поднялъ голову, щелкнулъ пальцами, что въ Римѣ обыкновенно служило выраженіемъ презрѣнія, и сказалъ такъ громко, чтобъ всѣ могли слышать:

— Любезный, если у тебя есть просьба ко мнѣ, то приходи въ ой домъ, на Эсквилинѣ, пораньше утромъ, когда я принимаю свохъ гостей и кліентовъ.

Онъ махнулъ рукою, египтяне подняли носилки, а невольники ъ желтой туникѣ начали кричать, размахивая тростниками:

— Мѣсто для носилокъ благороднаго Хилона Хилонида! Мѣсто, ѣсто!

IV.

Лигія въ длинномъ, поспѣшномъ письмѣ навсегда прощалась съ Виниціемъ. Ей было извѣстно, что въ темницу уже никому нельзя приходить и что она увидитъ Виниція только съ арены. И вотъ она просила его, чтобъ узналъ, когда наступитъ ея очередь, и пришелъ бы на игрища, потому что она хочетъ еще разъ видѣть его при жизни. Въ ея письмѣ не было ни тѣни боязни. Лигія писала, что и она стремится къ аренѣ, на которой найдетъ освобожденіе. Ожидая прибытія Помпоніи и Авла, она умоляла, чтобы пришли и они. Въ каждомъ ея словѣ былъ виденъ восторгъ и то отрѣшеніе отъ жизни, въ которомъ жили всѣ заключенные въ темницѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непреоборимая вѣра, что вѣчная жизнь должна начаться только за гробомъ. «Теперь ли Христосъ освободитъ меня,—писала она,—или послѣ смерти, Онъ устами апостола соединилъ насъ, и я—твоя». Она умоляла, чтобъ онъ не жалѣлъ ее и не дозволялъ горю овладѣть собою. Для нея смерть не была прекращеніемъ брачнаго союза. Съ упованіемъ ребенка она увѣряла Виниція, что тотчасъ же послѣ мученія на аренѣ она скажетъ Христу, что въ Римѣ остался ея избранникъ, Маркъ, который тоскуетъ по ней всѣмъ сердцемъ. Она думала, что Христосъ можетъ быть дозволитъ ея душѣ на минуту возвратиться къ нему и сказать, что она жива, что мученія забыла, что она счастлива. Все ея письмо дышало счастьемъ и полной надеждой. Въ немъ заключалась только одна просьба, связанная съ дѣлами земными, чтобъ Виниціи взялъ со споліарія [1]) ея тѣло и похоронилъ, какъ свою жену, въ гробницѣ, гдѣ и самъ разсчитывалъ опочить современемъ.

Виниціи читалъ это письмо съ разрывающеюся душею, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему казалось невѣроятнымъ, чтобы Лигія могла погибнуть подъ зубами дикихъ звѣрей и чтобы Христосъ не смиловался надъ нею. Возвратившись домой, онъ отвѣтилъ, что каждый день станетъ приходить къ стѣнамъ Туліана и ждать, пока Христосъ не сокрушитъ эти стѣны и не отдастъ ее ему. Онъ приказывалъ ей вѣрить, что Христосъ можетъ даже освободить ее изъ цирка, что великій апостолъ молитъ Его о томъ, и что минута освобожденія близка. Новообращенный центуріонъ долженъ отнести [illegible] письмо завтра.

Но когда на слѣдующій день Виниціи пришелъ къ темницѣ, [illegible]никъ первый приблизился къ нему и сказалъ:

---

[1]) Spoliarium—мѣсто, куда стаскивали убитыхъ на аренѣ гладіаторовъ и [illegible] ихъ снимали одежду и оружіе.

— Господинъ, послушай меня. Христосъ, котораго ты позналъ, оказалъ тебѣ свою милость. Сегодняшнею ночью пришли отпущенники цезаря и префекта, чтобы выбрать христіанскихъ дѣвъ для поношенія. Они спрашивали и о твоей избранницѣ, но Господь низослалъ на нее горячку. Отъ нея умираютъ узники въ Туліанѣ, и отпущенники оставили Лигію. Уже вчера вечеромъ она была безъ памяти, и да будетъ благословенно имя Избавителя, потому что болѣзнь, которая избавила ея отъ позора, можетъ избавить ее и отъ смерти.

Виницій оперся рукою на нараменникъ солдата. Солдатъ продолжалъ:

— Благодареніе милосердію Господа. Линна схватили и подвергли мукамъ, но видя, что онъ умираетъ, отпустили его. Можетъ быть и ее отдадутъ теперь, а Христосъ возвратитъ ей здоровье.

Молодой трибунъ еще съ минуту оставался съ поникшей головой, потомъ поднялъ ее и тихо сказалъ:

— Да, сотникъ, Христосъ, который избавилъ ее отъ позора, избавитъ ее и отъ смерти.

Онъ до вечера просидѣлъ у стѣнъ темницы, потомъ возвратился домой и приказалъ слугамъ перенести Линна въ одну изъ своихъ подгородныхъ виллъ.

Но Петроній узналъ обо всемъ и рѣшилъ дѣйствовать дальше. Онъ еще раньше былъ у августы, а теперь отправился къ ней въ другой разъ. Засталъ онъ ее у ложа маленькаго Руфа. Ребенокъ съ разбитой головой бредилъ въ горячкѣ, мать защищала его съ отчаяніемъ и страхомъ въ сердцѣ. Если она и спасетъ его, то можетъ быть только для того, чтобъ онъ вскорѣ погибъ другою, болѣе страшною смертью.

Занятая исключительно своимъ горемъ, она не хотѣла даже слышать о Виниціи и Лигіи, но Петроній еще болѣе напугалъ ее. «Ты оскорбила пока еще неизвѣстное божество,—сказалъ онъ.—Ты, кажется, чтишь еврейскаго Егову, но христіане утверждаютъ, что Христосъ—его Сынъ. Подумай, не преслѣдуетъ ли тебя гнѣвъ Отца. Кто знаетъ, то, что случилось съ тобою, не ихъ ли месть, а жизнь Руфа не зависитъ ли отъ того, какъ ты поступишь?»

— Что же мнѣ дѣлать?—съ испугомъ спросила Поппеа.

— Испроси прощеніе у разгнѣваннаго божества.

— Какъ?

— Лигія больна. Повліяй на цезаря или Тигеллина, чтобъ ее [illegible]али Виницію.

А она съ отчаніемъ спросила:

— Ты думаешь, что я могу сдѣлать это?

— Ты можешь сдѣлать большее. Если Лигія выздоровѣетъ, то она должна идти на смерть. Ступай въ храмъ Весты и потребуй, чтобы virgo magna [2]) случайно оказалась возлѣ Туліана, когда узниковъ будутъ вести на казнь, и прикажи ей освободить эту дѣвушку. Великая весталка не откажетъ тебѣ въ этомъ.

— А если Лигія умретъ отъ горячки?

— Христіане говорятъ, что Христосъ мстителенъ, но справедливъ; можетъ быть ты смягчишь его однимъ своимъ добрымъ намѣреніемъ.

— Пусть онъ покажетъ мнѣ знаменіе, что исцѣлитъ Руфа.

Петроній пожалъ плечами.

— Божественная, я прихожу сюда не какъ посолъ, я только говорю тебѣ: будь въ мирѣ со всѣми божествами, римскими и иноземными.

— Я пойду,—надломленнымъ голосомъ сказала Поппеа.

Петроній глубоко вздохнулъ.

— Наконецъ-то удалось что-нибудь!—подумалъ онъ.

Теперь онъ разсказалъ все это Виницію и прибавилъ:

— Проси своего Бога, чтобъ Лигія не умерла отъ горячки; если она не умретъ, то великая весталка прикажетъ освободить ее. Сама августа будетъ просить ее объ этомъ.

Вининій посмотрѣлъ на него глазами, которые тоже свѣтились горячечнымъ блескомъ и отвѣтилъ:

— Ее освободитъ Христосъ.

Поппеа, которая, для спасенія Руфа, готова была сожигать гекатомбы [3]) всѣмъ богамъ міра, въ тотъ же вечеръ отправилась на Форумъ къ весталкамъ, поручивъ надзоръ за больнымъ ребенкомъ вѣрной невольницѣ, Сильвіи, которая и ее выняньчила.

Но на Палатинѣ приговоръ ребенку былъ уже отданъ, и лишь только носилки императрицы скрылись за Большими воротами, въ комнату, гдѣ лежалъ маленькій Руфъ, вошли два отпущенника цезаря. Одинъ бросился на Сильвію и заткнулъ ей ротъ, другой схватилъ мѣдную статую Сфинкса и однимъ ударомъ оглушилъ ее. Потомъ отпущенники приблизились къ Руфу. Томимый горячкой, ма-

---

[2]) Разумѣется старшая изъ Весталокъ, жрицъ богини Весты (но она называ[лась], впрочемъ, Virgo Vestalis Maxima). Весталки пользовались такимъ почетомъ, что [если] онѣ случайно встрѣчались съ преступникомъ, котораго вели для наказанія, то [по]слѣдній освобождался.

[3]) Hecatombe буквально—„жертва изъ ста быковъ“, а затѣмъ вообще бо[льшая] жертва.

чикъ, не отдавая себѣ отчета, что дѣлается вокругъ него, улыбнулся пришедшимъ и щурилъ свои прелестные глаза, какъ будто старался разглядѣть ихъ. Но они сняли съ няньки поясъ, такъ называемый «cingulum», захлестнули вокругъ него Руфа и начали душить его. Ребенокъ позвалъ мать и умеръ. Отпущенники завернули его въ одѣяло, сѣли на заранѣе приготовленныхъ лошадей и помчались въ Остію, гдѣ бросили трупъ въ море.

Поппеа не застала Великой Дѣвственницы,—та вмѣстѣ съ другими весталками была у Ватинія, и скоро вернулась на Палатинъ. Увидавъ пустую постель и застывшее тѣло Сильвіи, она лишилась чувствъ, а когда ее привели въ себя, начала кричать, и ея дикій крикъ раздавался всю ночь и весь слѣдующій день.

Но на третій день цезарь повелѣлъ ей предстать на пиръ и она, одѣвшись въ аметистовую тунику, пришла и сидѣла, съ каменнымъ лицомъ, златоволосая, молчаливая, чудная и зловѣщая, какъ ангелъ смерти.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Звуки прибоя.

Какъ глухъ сердитый шумъ
Взволнованнаго моря!
Какъ сводъ небесъ угрюмъ,
Какъ бьются тучи, споря!

О чемъ шумитъ волна,
О чемъ протяжно стонетъ?
И чья тамъ тѣнь видна,
И кто тамъ въ морѣ тонетъ?

Гремитъ морской прибой,
И дологъ вой упорный:
«Идемъ, идемъ на бой,
«На бой съ землею черной!

«Разрушимъ грань земли,
«Покроемъ все водою!
«Внемли, земля, внемли,
«Нашъ крикъ грозитъ бѣдою!

«Мы все зальемъ, возьмемъ,
«Поглотимъ жадной бездной,
«Громадой волнъ плеснемъ,
«Взберемся въ міръ надзвѣздный!

«Шуми, греми прибой!»
И стонутъ всплески смѣха.
«Идемъ, идемъ на бой!»
«На бой!» грохочетъ эхо.

К. Бальмонтъ.

Кустарно-промышленный банкъ пермскаго губернскаго земства *).

Помимо содѣйствія образованію артелей среди кустарей, кустарно-промышленный банкъ поставилъ своею цѣлью способствовать развитію кустарно-торговыхъ складовъ.

Мотивы, приведшіе его къ этому, были слѣдующіе: развитію кустарной промышленности, главнымъ образомъ, препятствуетъ *неорганизованность сбыта* и *дороговизна сырья*, такъ что выдача денежныхъ ссудъ является лишь полумѣрой въ дѣлѣ поднятія кустарной промышленности, пока рынки для сбыта издѣлій останутся тѣ же, и сырье будетъ закупаться по частямъ и по дорогой цѣнѣ. И слѣдствіемъ этой неорганизованности сбыта является часто мѣстное перепроизводство и нерѣдко крайній упадокъ мѣстныхъ цѣнъ на кустарныя издѣлія.

Неустойчивость сбыта—одинъ изъ существенныхъ тормазовъ къ тому, чтобы малосостоятельный кустарь могъ сдѣлаться самостоятельнымъ кустаремъ, и лишь широкая организація въ губерніи торговыхъ и сырьевыхъ кустарныхъ складовъ можетъ способствовать созданію, при пособіи банка, самостоятельныхъ кустарей. Пока же такой организаціи нѣтъ, задача банка—поставить на ноги мелкихъ кустарей, а также сдѣлать самостоятельными мастеровъ, работающихъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ,—во всей полнотѣ ея разрѣшена быть не можетъ, и были случаи, когда на вопросъ банка, желаютъ ли наемные рабочіе, работающіе у того или иного хозяина, сдѣлаться самостоятельными кустарями, они отказывались, ссылаясь на неустойчивость сбыта **).

Кромѣ того правленіе банка, выдавая теперь ссуды, согласно съ уставомъ банка, лишь кустарямъ кредитоспособнымъ, т.-е. представляющимъ банку обезпеченіе по возврату ссуды въ той или иной формѣ, вынуждает-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

**) См. въ „Заключеніяхъ правленія кустарно-промышленнаго банка по ходатайствамъ просителей, въ производствѣ промысла коихъ участвуютъ наемные рабочіе“ журналу совѣта банка за 24 октября 1894 г.), стр. 21 (печатное изд.).

ся отказывать въ ссудахъ тѣмъ, которые не могутъ представить достаточныхъ гарантій успѣшнаго возврата ссуды, т.-е., въ сущности, тѣмъ именно, которые наиболѣе нуждаются въ ссудѣ. Между тѣмъ при существованіи кустарно-торговыхъ складовъ всѣ и самые нуждающіеся кустари могли бы пользоваться ссудами изъ банка подъ залогъ своихъ готовыхъ издѣлій, не говоря уже о томъ, что черезъ эти склады могъ бы широко организоваться сбытъ готовыхъ кустарныхъ издѣлій и заготовка сырья оптомъ по дешевымъ цѣнамъ. Склады могли бы организовать сбытъ издѣлій не только по всей губерніи, но и внѣ губерніи, въ Сибири и т. д. Заготовка сырья оптомъ здѣсь имѣетъ и свои спеціальныя причины: дѣло въ томъ, что многіе здѣшніе металлургическіе заводы продаютъ кустарямъ желѣзо и другіе нужные имъ матеріалы, по мелочамъ, лишь по дорогой цѣнѣ, даже по болѣе высокимъ цѣнамъ, чѣмъ на Нижегородской ярмаркѣ, предпочитая всю свою выработку сбывать въ Нижній, такъ что кустарю является выгоднымъ вмѣстѣ съ желѣзомъ ѣхать въ Нижній, покупать его тамъ и снова везти къ себѣ на Уралъ. Но еслибы взяли въ свои руки заготовку сырья торговые склады, то, конечно, они могли бы не только получать его отъ заводовъ, но и со значительною скидкой.

А затѣмъ вообще, при существованіи кустарно-торговыхъ складовъ и при выдачѣ ссудъ подъ залогъ поступающихъ туда готовыхъ уже издѣлій, всѣ банковыя ссуды будутъ болѣе гарантированы, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь.

Такъ вообще мотивируетъ свое обращеніе правленіе банка къ уѣзднымъ земскимъ управамъ съ предложеніемъ, не найдутъ ли онѣ возможнымъ поставить на обсужденіе земскихъ собраній вопросъ объ учрежденіи такихъ складовъ; при этомъ правленіе банка проектируетъ слѣдующую общую организацію такихъ складовъ и такъ излагаетъ будущія цѣли и задачи послѣднихъ *): «Чтобы устраиваемые въ возможно большомъ числѣ склады кустарныхъ издѣлій и сырья въ уѣздахъ были организованы такъ, чтобы возможенъ былъ взаимный обмѣнъ издѣлій одного склада на издѣлія другого, т.-е. чтобы, напримѣръ, пермскій, оханскій или красноуфимскій складъ кустарныхъ издѣлій могъ принимать на комиссію издѣлія кунгурскихъ кожевниковъ, камышловскихъ скорняковъ, шадринскихъ пимокатовъ и проч. въ обмѣнъ на издѣлія кустарей своего района и т. д.

Устройство въ городѣ Ирбитѣ (на средства губернскаго земства) обширнаго склада кустарныхъ издѣлій, куда бы всѣ уѣздные склады, во времени ярмарки, могли бы отправлять свои запасы и избытки для перепродажи ихъ на рынки Сибири.

Устройство такого же склада въ городѣ Перми въ тѣхъ видахъ, что многія издѣлія, остающіяся нынѣ на мѣстахъ производства, въ уѣздахъ, и

---

*) Въ видахъ облегченія учрежденія такихъ складовъ банкъ вошелъ въ сношеніе съ московскимъ и вятскимъ кустарными складами и получилъ оттуда образцы заведенныхъ у нихъ счетныхъ книгъ.

ненаходящія себѣ тамъ сбыта, могли бы частью быть продаваемы въ Перми, а равно и пойти на низовые рынки, т.-е. вообще за предѣлы губерніи, какъ, напримѣръ, пихтовое масло красноуфимскихъ смолокуровъ, сапожный товаръ кунгурскихъ кустарей, сундуки невьянскихъ древодѣловъ и проч.

Облегченіе сношеній и соглашеній съ разными лицами и учрежденіями, могущими содѣйствовать сбыту мѣстныхъ кустарныхъ издѣлій, въ какихъ видахъ нынѣ учреждено при губернскомъ кустарномъ комитетѣ особое бюро *).

По предложенію правленія банка губернское земское собраніе единогласно вотировало, что для довершенія кустарно-промышленной организаціи необходимо учрежденіе губернскаго склада кустарныхъ издѣлій и постановило просить губернскій кустарный комитетъ разработать при участіи правленія банка къ слѣдующей сессіи собранія подробный проектъ такого склада.

Уѣздныя земства всѣ высказались въ пользу учрежденія такихъ складовъ и уполномочили уѣздныя управы кредитоваться въ томъ или иномъ размѣрѣ на этотъ предметъ въ кустарно-промышленномъ банкѣ, и въ послѣднемъ по ихъ просьбѣ открыты кредиты имъ на очень крупную сумму, такъ:

Верхотурской	уѣздной	управѣ	открытъ	кредитъ	въ	размѣрѣ	.	5,000 р.
Камышловской	»	»	»	»	»	»	.	10,000 »
Екатеринбургской	»	»	»	»	»	»	.	7,000 »
Красноуфимской	»	»	»	»	»	»	.	5,000 »
Пермской	»	»	»	»	»	»	.	20,000 »
Осинской	»	»	»	»	»	»	.	5,000 »
Оханской	»	»	»	»	»	»		1,000 »

Но пока управы не воспользовались открытымъ имъ кредитомъ, кромѣ красноуфимской управы, взявшей ссуду въ размѣрѣ 4,500 р. и кунгурской въ размѣрѣ 600 руб. Вообще надо сказать, земскія управы оказались очень инертными въ дѣлѣ открытія кустарныхъ складовъ. Пока открыто три склада при содѣйствіи банка, а именно: въ Кунгурѣ, Ирбитѣ и отдѣленіе красноуфимскаго склада при бисертскомъ обществѣ потребителей.

Но эта организація кустарно-торговыхъ складовъ можетъ принести кустарю существенную пользу лишь въ томъ случаѣ, если эти склады будутъ стоять близко къ нему, т.-е. если вся губернія въ ея промышленныхъ центрахъ покроется цѣлою сѣтью этихъ складовъ.

Конечно, создавать эту сѣть отдѣльныхъ складовъ съ отдѣльнымъ служащимъ персоналомъ было бы очень дорого, и естественно явилась мысль, не пріурочить ли ихъ уже къ какимъ-нибудь готовымъ учрежденіямъ уже съ готовымъ персоналомъ и выработанною торговою техникой, и, конечно,

*) Правленіе кустарно-промышленнаго банка 12 апрѣля 1894 г., № 171

сейчасъ же приходили на умъ лавки общества потребителей. Въ этомъ отношеніи Пермская губ. находится въ исключительно счастливыхъ условіяхъ: она покрыта цѣлою сѣтью потребительныхъ обществъ, въ ней болѣе 50 обществъ, не считая отдѣленій ихъ, а нѣкоторыя общества имѣютъ по 4—5 отдѣленій, слѣдовательно всѣхъ потребительныхъ лавокъ можно считать по губерніи 80—90.

Устройство такихъ складовъ и ихъ отдѣленій, говорится въ отчетѣ банка за 1894 г. *), при лавкахъ обществъ потребителей не только избавляло бы управы отъ заботъ по найму помѣщеній и пріисканіи благонадежныхъ и опытныхъ служащихъ, но кромѣ того въ значительной степени гарантировало бы успѣшный ходъ самаго дѣла, такъ какъ вполнѣ торговая операція организаціи потребительныхъ лавокъ сдѣлала бы возможнымъ изысканіе болѣе обширныхъ рынковъ сбыта для издѣлій нашихъ кустарей. Потребительскія лавки разныхъ райновъ губерніи могли бы обмѣниваться между собою издѣліями разнаго рода **), такъ какъ обыкновенно разнородные кустарные промыслы имѣютъ свои опредѣленные, иногда довольно рѣзко очерченные, районы, и въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ развиты, напримѣръ, скорняжный, чеботарный, древодѣльный или кузнечный промыслы, отсутствуютъ промыслы кружевной, пимокатный, маслобойный или смолокуренный и т. д.

Я уже говорилъ о той организаціи кустарно-торговыхъ складовъ, которую проектируетъ банкъ при посредствѣ уѣздныхъ земствъ, и теперь займусь только вопросомъ о пріуроченіи этихъ складовъ, гдѣ возможно, къ лавкамъ обществъ потребителей, и сейчасъ опишу удачный примѣръ такого пріуроченія при бисертскомъ обществѣ потребителей и послѣдствія этого какъ для самой лавки, такъ и для мѣстныхъ кустарей, а затѣмъ укажу и тѣ мѣры, которыя принимаются банкомъ въ цѣляхъ развитія этой организаціи.

Красноуфимское уѣздное земство, учредивъ у себя въ г. Красноуфимскѣ кустарный складъ, открыло отдѣленіе его при обществѣ потребителей, находящемся при бисертскомъ заводѣ, гдѣ былъ развитъ кустарный промыселъ, за послѣднее время пришедшій было въ сильный упадокъ, благодаря тому, что кустари вслѣдствіе неорганизованности сбыта и дороговизны сырья всецѣло попали въ руки скупщиковъ. Экономическій красноуфимскій комитетъ далъ упомянутому обществу потребителей въ ссуду 1,000 р., на которые послѣднее и организовало: 1) оптовую закупку желѣза и мелочную продажу его гвоздарямъ и 2) пріемъ на комиссію гвоздей отъ кустарей и выдачу имъ ссудъ.

Благодаря этимъ оптовымъ закупкамъ желѣза, послѣднее теперь обходится кустарямъ на 40% дешевле, чѣмъ прежде. Ссуды же выдаются ку-

---

*) Стр. 18.

**) Эту организацію мнѣ уже приходилось развивать. См. мою книгу *Общества потребителей*, стр. 150.

старямъ изъ склада сырьемъ, предметами продовольствія изъ лавки, или же деньгами,—послѣдними, главнымъ образомъ, на пріобрѣтеніе угля. Ссуды выдаются на 1—2 недѣли, послѣ чего кустарь приноситъ въ уплату уже изготовленныя имъ издѣлія и дополучаетъ разницу между ссудой и цѣной готовыхъ издѣлій, доставленныхъ имъ въ складъ.

Скупщики, ранѣе расплачиваясь предметами продовольствія, ставили послѣднія кустарямъ по очень высокой цѣнѣ: такъ сахаръ они цѣнили по 24 к. ф., тогда какъ теперь общество потребителей ставитъ его 18 к., муку въ 65—70 к., а теперь—48 к. Притомъ обществу потребителей удалось теперь завязать сношенія съ Сибирью, и если только позволятъ средства, то складъ надѣется сбывать свои произведенія даже въ Туркестанъ, откуда уже поступали заказы со стороны нѣкоторыхъ мѣстныхъ купцовъ. И такъ, кустари теперь пользуются ссудами, дешевымъ сырьемъ, дешевыми предметами продовольствія и организованнымъ сбытомъ готовыхъ издѣлій, и конечно, это, по словамъ г. Новицкаго (земскаго начальника и бывшаго предсѣдателя бисертскаго общества потребителей), повліяло чрезвычайно благодѣтельно на экономическое положеніе гвоздарей. «Около 300 семей,—говоритъ онъ,—теперь обезпечены, многія семьи бросили христорадничать. Даже работающіе у кулаковъ теперь стали получать ту же плату, какую получаютъ кустари отъ склада. Кустари ранѣе никакъ не могли выбиться изъ долговъ». «Такъ одинъ изъ кустарей клялся, что онъ ни разу не держалъ въ рукахъ своего собственнаго рубля, а при посредничествѣ лавки въ продолженіе трехъ недѣль, за покрытіемъ расходовъ, у него осталось еще двѣ трехрублевки» *). И комиссія, ревизовавшая бисертское отдѣленіе по порученію красноуфимскаго экономическаго комитета, и г. Новицкій единогласно приходятъ къ выводу, что «всѣ вышеупомянутыя операціи, т.-е. ссуды, закупка сырья, организація сбыта, дешевые предметы продовольствія, только тогда могутъ оказать такое благодѣтельное вліяніе, какое онѣ оказываютъ въ данномъ случаѣ, когда онѣ будутъ между собою тѣсно связаны, т.-е. когда складъ будетъ пріуроченъ къ потребительской лавкѣ».

Приведу нѣкоторыя цифровыя данныя о дѣятельности бисертскаго склада.

Уже съ 10 марта по 26 іюля 1894 года кассовый оборотъ кустарнаго склада достигъ 3,770 руб. 41 коп. Изъ этой суммы 646 руб. 53 к. было уплачено кустарямъ въ видѣ жизненныхъ припасовъ; на 1,938 руб. 98 коп. было уплачено кустарямъ за принятые отъ нихъ гвозди. Тысяча рублей, данная складу красноуфимскою уѣздною управой, успѣла обернуться въ 4 мѣсяца 4 раза. Недостатокъ оборотныхъ средствъ часто влекъ за собой потери для склада: такъ, наприм., приходилось гвозди сбывать въ Екатеринбургѣ въ обмѣнъ на товаръ, причемъ послѣдній приходилось

*) Изъ циркуляра банка отъ 10 сентября 1894 г.

брать по дорогой цѣнѣ и не всегда хорошаго качества *) (позднѣе складу изъ кустарнаго банка дано было черезъ посредство земства еще 2,000 руб.).

Изъ годичнаго отчета г. Новицкаго, предсѣдателя бисертскаго общества потребителей, видимъ, что складъ получилъ за годъ чистой прибыли 466 руб.

Отъ кустарей было принято въ теченіе года гвоздей на сумму 9,673 руб., а продано складомъ на 9,291 руб., и осталось гвоздей въ складѣ къ концу года только на 382 руб. Желѣза въ теченіе года складомъ было пріобрѣтено на 6,813 руб., кустарямъ желѣза было выдано въ ссуду на 6,278 руб., и осталось его въ складѣ на 535 руб. Жизненными припасами было выдано кустарямъ на 2,397 руб., а остальная часть была выдана наличными деньгами.

Чтобы дать понятіе, какая цифра кустарей пользовалась услугами склада, приведу слѣдующія данныя. Съ 12 сентября по 16 октября 1894 года услугами склада пользовалось 70 человѣкъ, съ 16 октября по 23 ноября—124, съ 23 ноября по 1 января 1895 г.—153 человѣка.

Складъ оказалъ самое благотворное вліяніе на весь гвоздарный промыселъ, который до того времени былъ въ полномъ упадкѣ, и не только онъ оказалъ вліяніе на лицъ, непосредственно пользующихся услугами его, но и на всѣхъ прочихъ кустарей. «Открытіе склада,—говоритъ г. Новицкій въ своемъ отчетѣ,—поставило дѣло въ такое положеніе, что кустари, продолжающіе работать на кулаковъ, получаютъ теперь ту же плату, какую получаютъ ихъ собраты въ кустарномъ складѣ».

И въ финансовомъ отношеніи, какъ мы сейчасъ видѣли, складъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Кустарный банкъ, въ виду хорошихъ результатовъ бисертскаго склада, обратился 10 сентября 1894 годи съ циркуляромъ въ уѣздныя земскія управы, гдѣ, знакомя ихъ съ дѣятельностью склада, просилъ уѣздныя земскія управы внести на разсмотрѣніе ихъ земскихъ собраній вопросъ о разрѣшеніи кредита на устройство такихъ же кустарныхъ складовъ при имѣющихся въ ихъ уѣздахъ обществахъ потребителей.

Соликамское земское собраніе, въ отвѣтъ на этотъ циркуляръ, уже открыло своей управѣ кредитъ въ кустарномъ банкѣ на 8,000 руб. для организаціи сбыта кустарныхъ издѣлій черезъ посредство обществъ потребителей (предположено давать въ ссуду по 1,000 руб. каждому обществу, которое согласится открыть у себя такой складъ) и поручило управѣ войти въ соглашеніе съ ними и разработать условія кредита и продажи кустарныхъ издѣлій. Соликамская уѣздная управа уже разослала по потребительнымъ обществамъ циркуляръ съ предложеніемъ принять на комиссію кустарныя издѣлія.

---

*) Взято изъ отчета комиссіи, ревизовавшей бисертское отдѣленіе красноуфимскаго склада по порученію красноуфимскаго экономическаго комитета. Копія этого отчета находится при дѣлахъ банка.

Тѣмъ не менѣе, пока дѣло организаціи кустарно-торговыхъ складовъ и ихъ отдѣленій при лавкахъ общества потребителей мало еще подвинулось, и кустарно-промышленный банкъ думаетъ войти въ губернское земское собраніе съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему прямо открывать кредитъ, безъ посредства уѣздныхъ земствъ тѣмъ потребительнымъ обществамъ, которыя откроютъ у себя отдѣленія кустарно-торговыхъ складовъ. Это разрѣшеніе поставитъ общества потребителей въ дѣлѣ организаціи сбыта кустарныхъ издѣлій внѣ произвола уѣздныхъ земскихъ собраній.

Я укажу на нѣкоторыя другія общества потребителей, которыя по собственному почину нашли выгоднымъ для себя закупать оптомъ у завода желѣзные обрѣзки и перепродавать ихъ кустарямъ, такова, наприм., лавка общества потребителей при Нижне-Сергинскомъ заводѣ: она закупаетъ у завода желѣзные обрѣзки по 80 к. и 1 р. за пудъ (два сорта) и перепродаетъ ихъ кустарямъ, накидывая на пудъ по 5 к.

Для обществъ потребителей эти операціи съ кустарями не менѣе выгодны, чѣмъ и для кустарей. Во-первыхъ, такимъ путемъ они получаютъ извѣстный коммиссіонный процентъ отъ продажи кустарныхъ издѣлій и перепродажи кустарямъ сырья, и, во-вторыхъ, они пріобрѣтаютъ себѣ среди кустарей обширный классъ покупателей для лавки: кустарь пріѣзжаетъ въ лавку, сдаетъ свои издѣлія въ нее и получаетъ деньги и, конечно, тутъ же, въ общественной лавкѣ, и покупаетъ нужные ему припасы продовольствія; такимъ образомъ, кліентела лавки, а, вмѣстѣ съ нею, и оборотъ послѣдней сильно поднимается, какъ это и имѣло мѣсто съ бисертскимъ обществомъ потребителей.

Большинство обществъ потребителей, когда я излагалъ имъ результаты дѣятельности бисертскаго склада, также высказались за коммиссіонную продажу тѣхъ или иныхъ кустарныхъ издѣлій.

Эта любопытная, новая и оригинальная дѣятельность обществъ потребителей пока еще въ зачаточномъ состояніи. Она только еще намѣчается, кое-гдѣ пробивается и только въ Бисертѣ она развилась болѣе широко.

Конечно, если только привьется эта новая функція къ обществамъ потребителей, то они, помимо своей непосредственной задачи, сыграютъ крупную роль въ дѣлѣ поднятія нашей кустарной промышленности, и пермскому банку удастся тогда поставить свое дѣло на прочную почву: онъ перейдетъ тогда отъ полумѣръ къ дѣйствительному дѣлу созданія контингента самостоятельныхъ кустарей и вообще поднятія кустарной промышленности Пермскаго края. Банкъ будетъ тогда доступенъ *для всѣхъ:* всѣ не имѣющіе никакого обезпеченія будутъ въ состояніи при намѣченной организаціи пользоваться ссудами изъ банка. Притомъ, кустари воспользуются тогда выгодами оптовыхъ закупокъ сырья для своего производства и выгодами широко организованнаго сбыта ихъ издѣлій безъ посредства скупщиковъ, въ руки которыхъ теперь попадаетъ большая доля ихъ заработка.

И общественныя лавки, т.-е. лавки, основанныя по приговору обществъ, не прочь принять участіе въ организаціи кустарныхъ складовъ. Такъ, въ

Ирбитскомъ уѣздѣ въ этомъ смыслѣ выразили свое согласіе двѣ лавки Чубаровской волости и Верхнеицинской. По проекту, лавки должны были на деньги, полученныя въ ссуду, покупать сырые матеріалы, нужные для кустарей, какъ-то: желѣзо, дерево, шерсть, шкуры, и этотъ матеріалъ продавать и раздавать въ ссуду кустарямъ. Подъ готовыя издѣлія лавки выдаютъ ссуду деньгами. Но уѣздныя земскія управы высказались отрицательно противъ этихъ складовъ подъ предлогомъ малаго развитія торговли въ означенныхъ селахъ. Проектъ организаціи складовъ при этихъ общественныхъ лавкахъ принадлежалъ агенту банка.

Чтобы болѣе обрисовать организацію банка, я скажу еще нѣсколько словъ объ управленіи его.

Дѣлами банка завѣдуютъ: а) правленіе банка, б) совѣтъ его и в) губернское земское собраніе. Правленіе банка состоитъ изъ директора и двухъ его товарищей, избираемыхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ лицъ, свѣдующихъ въ кредитномъ дѣлѣ и знакомыхъ съ положеніемъ кустарной промышленности, хотя бы лица эти и не принадлежали къ составу гласныхъ. На правленіи банка лежитъ общее веденіе дѣлъ банка въ точномъ согласіи съ уставомъ.

Совѣтъ банка состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ губернской управы и нѣсколькихъ членовъ, числомъ не менѣе 5, избираемыхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ; послѣдніе могутъ и не принадлежать къ составу гласныхъ. Совѣтъ является, главнымъ образомъ, наблюдательнымъ и ревизіоннымъ органомъ.

Къ обязанностямъ его относятся: 1) общее наблюденіе за ходомъ банковыхъ операцій, контроль дѣятельности правленія, повѣрки годовыхъ смѣтъ, отчетовъ и т. д., внезапныя ревизіи книгъ и дѣлопроизводства правленія;

2) разрѣшеніе ссудъ кустарнымъ предпріятіямъ, имѣющимъ наемныхъ рабочихъ;

3) отсрочка по взносамъ платежей, слѣдующихъ банку съ заемщиковъ;

4) разсмотрѣніе жалобъ на правленіе банка и нѣкоторые другіе вопросы.

Совѣтъ собирается разъ въ мѣсяцъ.

Высшій же контроль надъ банкомъ принадлежитъ губернскому земскому собранію; ему же принадлежитъ право составленія инструкцій совѣту и правленію банка, разрѣшеніе займовъ банку и опредѣленіе условій погашенія ихъ.

Изъ чистой прибыли отъ банковыхъ операцій отчисляется отъ 10 до 25%, по усмотрѣнію губернскаго земскаго собранія, на составленіе запаснаго капитала, который пополняется до $^1/_2$ основного капитала банка. Изъ остальной прибыли часть назначается, опять-таки по усмотрѣнію губернскаго земскаго собранія, на увеличеніе основного капитала банка и часть на разныя мѣропріятія къ поддержанію и развитію кустарной промышленности Пермской губ. Въ чемъ состоятъ эти послѣднія мѣропріятія, мы увидимъ ниже,

когда мнѣ придется говорить о распредѣленіи и цѣляхъ назначенія прибыли за первый операціонный годъ дѣятельности банка.

Познакомлю теперь въ нѣсколькихъ словахъ съ цифровымъ отчетомъ банка за первый годъ его дѣятельности.

Въ первый годъ было заявлено требованій относительно ссудъ отъ 448 кустарей-одиночекъ на сумму 79,650 руб. и 8 артелей на 4,500 руб., красноуфимской уѣздной управы въ размѣрѣ 4,500 руб., итого требованій заявлено 457 лицами и учрежденіями на сумму 88,650 руб.

Разрѣшено же 293 ссуды одиночкамъ-кустарямъ на сумму 33,670 руб., 4 артелямъ и товариществамъ на 2,280 руб. и красноуфимской уѣздной управѣ 4,500 руб. (изъ нихъ 2,500 руб. для красноуфимскаго кустарнаго склада и 2,000 для его бисертскаго отдѣленія).

Выдано же за этотъ 1894 годъ 231 ссуда кустарямъ на сумму 26,345 руб. и 3 артелямъ на 1,980 руб., красноуфимской управѣ 4,500 руб.; итого было выдано ссудъ на 32,851 руб., слѣдовательно $^1/_3$ основного капитала, и это несмотря на то, что фактически банкъ открылъ свои операціи лишь съ весны (выдача ссудъ начата была съ апрѣля, а до того времени администрація банка была занята общей организаціей дѣла), и свѣдѣнія о банкѣ, несмотря на всѣ принятыя мѣры къ его популяризаціи, распространялись крайне туго, по словамъ банка.

Надо замѣтить, что всѣ платежи по ссудамъ поступали въ срокъ и случаевъ просрочекъ и неуплатъ за весь 1894 г. не было *).

Валовая прибыль отъ банковыхъ операцій за 1894 г. равняется 6,867 руб. 54 коп., но изъ нихъ 3,602 руб. получено отъ процентовъ съ процентныхъ бумагъ основного капитала, 2,534 руб. съ доходовъ отъ курсовой разницы на бумаги и 730 руб., т.-е. только 10% всего дохода, отъ банковыхъ ссудъ.

Расходы же банка достигали 5,230 руб., при этомъ въ эту цифру включено и 540 руб., потерянныхъ банкомъ на конверсіи 5%-ныхъ бумагъ въ 4%-ныя. Расходъ, сравнительно съ тѣмъ огромнымъ количествомъ выданныхъ банкомъ ссудъ, какое мы видѣли, и съ тѣми кропотливыми изслѣдованіями, какія влечетъ за собою каждое заявленіе, а не только выдача, крайне ничтоженъ, и, конечно, экономіей въ своихъ расходахъ банкъ всецѣло обязанъ той сѣти агентовъ, которую онъ съумѣлъ сплесть вокругъ себя, и тому сочувственному отношенію, которое дѣятельность банка нашла среди населенія. Не будь агентуры, конечно, расходы банка возросли бы втрое-вчетверо.

Чистая прибыль банка за первый годъ равнялась 1,636 руб.; на что ее употребили,— а это въ данномъ случаѣ весьма характерно для оцѣнки банка, - это мы увидимъ дальше.

Любопытно отмѣтить, что изъ 231 ссуды, выданныхъ одиночкамъ кустарямъ, въ 129 случаяхъ послѣдніе совсѣмъ не пользуются ни трудомъ наемныхъ рабочихъ, ни учениковъ, въ 39 случаяхъ участвуютъ ученики, а

*) См. *Отчетъ*. Прилож. 4, стр. 6.

въ 63 участвуютъ какъ ученики, такъ и наемные рабочіе, но наемныхъ рабочихъ здѣсь всего 84 человѣка, а это ко всему числу работающихъ (619 чел.) въ семьяхъ, воспользовавшихся ссудами въ банкѣ, составляетъ только 13,5%.

По некредитоспособности отказано лишь въ 23 случаяхъ, на сумму 3,125 руб.

Итакъ, на первый годъ и со стороны матеріальнаго успѣха дѣятельность банка была довольно удачна; правда, прибыли своей онъ обязанъ чисто-случайнымъ обстоятельствамъ, разницѣ на курсѣ, но, вѣдь, банкъ и операціи свои началъ поздно, и мало еще свѣдѣній въ населеніи распространилось о немъ, а потому онъ могъ пустить въ оборотъ за первый годъ не болѣе $^1/_8$ своего основного капитала, а остальная часть его должна была лежать въ мертвомъ состояніи.

Но дѣятельность банка прогрессивно развивается, какъ объ этомъ даетъ понятіе сопоставленіе операцій банка за три истекшія полугодія.

	I полугодіе.	II полугодіе.	III полугодіе.	Всего за 3 полугодія.
Число заявленій. .	133	324	921	1,378
На сумму	31,430 р.	57,220 р.	114,538 р.	203,188 р.
Выдано ссудъ. . .	65	169	543	777
На сумму	8,420 р.	19,905 р.	54,518 р.	82,843 р.

Итакъ, и число заявленій, и число разрѣшенныхъ ссудъ за эти три полугодія идутъ, увеличиваясь въ правильной прогрессіи, гдѣ знаменатель прогрессіи равняется 3. Сумма же, въ размѣрѣ которой испрашивались ссуды и въ какомъ размѣрѣ онѣ дѣйствительно были выданы, отъ полугодія къ полугодію правильно удваивались.

Насколько быстро развиваются операціи банка, можетъ свидѣтельствовать такое сопоставленіе данныхъ: въ то время, какъ за весь прошлый годъ выдано было 234 ссуды на сумму 28,325 руб., въ 1895 г. только за 4 мѣсяца произведена была 331 выдача на сумму 35,797 руб. *).

Въ виду широкаго развитія банковыхъ операцій, по просьбѣ правленія и совѣта банка, губернское земское собраніе разрѣшило банку просить объ открытіи ему въ государственномъ банкѣ кредита въ размѣрѣ 172 тыс. руб. по пониженному, если можно, проценту, а въ текущемъ 1895 г. уполномочило банкъ черезъ губернскую земскую управу кредитоваться въ размѣрѣ до 50 тыс. руб. на условіяхъ текущаго спеціальнаго счета.

Какъ мы видѣли, операціи банка за первый годъ дали чистой прибыли 1,636 руб. Изъ этой суммы, согласно уставу, 25% было отчислено въ запасный капиталъ, 50% въ основной и 25% назначено на мѣропріятія по улучшенію кустарной промышленности и, между прочимъ, на выписку и распространеніе среди кустарей популярныхъ брошюръ по разнымъ отраслямъ кустарной промышленности.

---

*) См. балансъ на 1 мая 1895 г., стр. 9.

Правленіе банка, чтобы цѣлесообразнѣе употребить эти 25%, т.-е. 409 руб., запросило уѣздныя земскія управы о нуждахъ кустарной промышленности ихъ уѣздовъ и въ отвѣтъ имъ ассигновано изъ прибыли банка 75 руб. кунгурской земской управѣ на приглашеніе спеціалиста гончара «для обученія мѣстныхъ гончаровъ болѣе правильнымъ пріемамъ производства». Кунгурская управа просила еще пріобрѣсти для нея усовершенствованный станокъ самолетъ съ самопрялками и сновалками въ цѣляхъ ознакомленія кустарей съ лучшими способами тканья, и кустарно-промышленный банкъ взялъ на себя ⅓ этого расхода и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратился въ кустарный комитетъ при министерствѣ земледѣлія, не возьметъ ли тотъ на себя остальныя ⅔ расхода, но пока изъ комитета еще не получено свѣдѣній. Екатеринбургская управа на запросъ, обращенный къ ней, пожелала имѣть: 1) толковое руководство съ рисунками и чертежами по кузнечному производству и 2) альбомъ рисунковъ по ювелирному и каменнорѣзному дѣлу, а также для издѣлій изъ мрамора—памятниковъ и т. д. Кустарный банкъ постановилъ означенные предметы пріобрѣсти на счетъ своихъ прибылей для екатеринбургской управы.

Итакъ, кустарно-промышленный банкъ даетъ возможность кустарю пользоваться дешевымъ кредитомъ; но, мало того, кромѣ непосредственной выдачи ссудъ, онъ и косвенно повліялъ на пониженіе процентовъ: возможность для кустаря получить ссуду изъ кустарно-промышленнаго банка за небольшіе проценты заставляетъ сельскихъ кулаковъ значительно умѣрять свои требованія *). Таково же косвенное вліяніе и бисертскаго склада: благодаря помощи склада многіе кустари имѣютъ возможность работать при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: «кустари, продолжающіе работать на кулаковъ, получаютъ ту же плату, какую получаютъ ихъ собратья въ кустарномъ складѣ» **).

Конечно, такое широкое, прямое и косвенное, вліяніе банка на всю дѣятельность ростовщиковъ и скупщиковъ, спекулирующихъ на нужды кустарей, не преминуло вызвать и противодѣйствіе дѣятельности банка, успѣвшее уже обнаружиться со стороны сельскихъ властей, за которыми дѣйствуютъ, конечно, богатые скупщики и ростовщики. Сельскія власти, чтобы затруднить кустарямъ полученіе ссуды, слишкомъ затягиваютъ выдачу необходимыхъ удостовѣреній, грубо встрѣчаютъ заемщиковъ банка: «всякая дрянь лѣзетъ со своимъ дѣломъ», или же запугиваютъ просителей и поручителей, и подъ вліяніемъ этихъ запугиваній просители нерѣдко отказываются отъ полученія даже разрѣшенныхъ ссудъ, а поручители отказываются отъ поручительства. При этомъ сельскія власти рекомендуютъ кредитоваться по-старому у мѣстныхъ кулаковъ. Кустари неоднократно наталкивались, по ихъ разсказамъ, на такое противодѣйствіе при желаніи получить ссуду изъ банка.

---

*) *Отчетъ*, Прилож. 4, стр. 15.

**) Ibid.

Банкъ, какъ мы видимъ, и по идеѣ и по своей дѣятельности не только кредитное учрежденіе,—нѣтъ, онъ вообще стремится поднять промышленность: онъ самъ создаетъ тѣ средства, съ помощью которыхъ онъ будетъ работать надъ поднятіемъ кустарныхъ промысловъ въ губерніи, какъ это уже и выразилось въ распредѣленіи прибылей перваго года. Скажутъ, нельзя смѣшивать такія двѣ функціи. Почему? Кому лучше знать потребности кустаря, какъ не банку, соприкасающемуся съ кустаремъ въ минуту нужды. Просьба объ отсрочкѣ, благодаря неудачѣ въ сбытѣ, вслѣдствіе ли недостатка въ рынкахъ или дурной техники, или дурного качества сырыхъ матеріаловъ отъ неумѣлой заготовки ихъ и т. д.—все это должно вскрывать банку истинныя нужды кустарной промышленности и, конечно, банкъ сумѣетъ хорошо направить тѣ средства, которыя будутъ въ его рукахъ, на улучшеніе промышленности. Банкъ постоянно соприкасается съ жизнью, онъ непрерывно слѣдитъ за ней въ силу необходимости, и это гарантируетъ вѣрное пониманіе имъ нуждъ кустарной промышленности края, а слѣдовательно банкъ сумѣетъ лучше всего направить свои средства. И посмотрите, какъ онъ осторожно дѣйствуетъ: не полагаясь на свое знаніе, онъ спрашиваетъ уѣздныя управы о нуждахъ кустарей въ ихъ районѣ, принимаетъ во вниманіе и руководится этими указаніями при опредѣленіи цѣли назначенія своихъ денежныхъ средствъ.

Итакъ, резюмирую теперь сказанное.

Банкъ функціонируетъ съ порядочнымъ основнымъ капиталомъ, открытіе ссуды ему изъ государственнаго банка еще болѣе подниметъ его рессурсы и, конечно, это дастъ ему возможность широко развить свою дѣятельность.

Цѣль банка—*созданіе самостоятельнаго контингента кустарей и поднятіе ихъ экономическаго положенія*. Но банкъ самъ сознаетъ, что здѣсь одной выдачей ссудъ мало сдѣлаешь, и вполнѣ вѣрно называетъ это лишь *полумѣрой*, радикальною же мѣрой было бы созданіе сѣти кустарно-торговыхъ складовъ при уѣздныхъ управахъ и при лавкахъ обществъ потребителей. Это дало бы возможность *организовать сбытъ кустарныхъ издѣлій и расширить для нихъ рынокъ*, а затѣмъ можно было бы *организовать оптовую заготовку сырья по дешевой цѣнѣ* и такимъ путемъ сильно поднять заработокъ кустаря и широко разлить благодѣянія кредита въ массѣ нуждающихся кустарей, не стѣсняясь ихъ необезпеченностью и некредитоспособностью. Правда, въ этомъ направленіи банкъ наталкивается пока на инертность земскихъ управъ, и онъ уже въ видахъ ускоренія дѣла думаетъ обойти ихъ и войти въ непосредственныя сношенія съ правленіями обществъ потребителей.

Итакъ, теперь банкъ находится въ переходной стадіи: онъ выдаетъ ссуды, но сознаетъ, что это что-то не то, что это лишь «полумѣра».

Далѣе, въ тѣхъ же видахъ созданія класса самостоятельныхъ кустарей, банкъ содѣйствуетъ учрежденію вообще артелей и кое-что, какъ мы видѣли, ему удалось уже сдѣлать.

При этомъ банкъ заботится о заказахъ для артелей, о сбытѣ ихъ издѣлій,

о дешевой закупкѣ сырья для нихъ. Конечно, когда будетъ организованъ сбытъ при посредствѣ намѣченной банкомъ организаціи, то это дастъ сильный толчокъ развитію артелей: теперь, какъ мы видѣли, многіе отказываются вступать въ артель, боясь риска, связаннаго со сбытомъ издѣлій.

Это—одна сторона дѣятельности банка, другая—это забота о непосредственномъ развитіи кустарныхъ промысловъ, о поднятіи техники и объ обученіи кустарей лучшимъ пріемамъ производства и т. д.,—что банкъ будетъ дѣлать на счетъ своихъ прибылей, и развитіе его операцій вообще дастъ возможность широко развить и эту сторону его дѣятельности, и, быть можетъ, въ будущемъ кустарно-торговые склады сдѣлаются въ то же время и образцовыми музеями, гдѣ кустарь въ состояніи будетъ ознакомиться съ лучшею постановкой техники, съ моделями, образцами и т. д.

Повторяю еще разъ, что развитіемъ своей дѣятельности банкъ во многомъ обязанъ своей агентурѣ, и будущая роль его въ экономической жизни губерніи будетъ зависѣть отъ нея же. Агентура—вотъ что выгодно отличаетъ пермскій банкъ отъ государственнаго банка, по новому уставу также включившаго въ кругъ своихъ операцій выдачу ссудъ кустарямъ. Государственному банку никогда такъ не развить своей дѣятельности и не проникнуть со своею помощью въ глухіе уголки провинціи, районъ его дѣятельности будетъ узко очерчиваться около его центра и его отдѣленій. Государственный банкъ или долженъ будетъ создать такую же сѣть агентовъ, или долженъ будетъ превратиться лишь въ общій резервуаръ средствъ, распредѣлять которыя въ населеніи должны быть призваны другія учрежденія, какъ Пермскій банкъ, ссудо-сберегательныя товарищества и т. д.

Лучше всякихъ словъ относительная пригодность пермскаго кустарнаго банка и государственнаго для дѣла организаціи мелкаго кредита выясняется изъ сопоставленій размѣра операцій по мелкому кредиту этихъ двухъ учрежденій въ пермской губерніи за одинъ и тотъ же годъ.

Такъ «пермское отдѣленіе государственнаго банка за годовой почти періодъ (съ 22 сент. 1894 г. по 1 авг. 1895 г.) выдало мелкимъ промышленникамъ и ремесленникамъ, а въ томъ числѣ и кустарямъ 35 ссудъ на сумму 8,690 руб., и если предположить, что къ разряду кустарей можетъ быть отнесена даже половина указаннаго числа лицъ, то окажется, что помощью кустарнаго банка въ тотъ же срокъ воспользовалось число кустарей въ сорокъ разъ больше, чѣмъ помощью мѣстнаго отдѣленія государственнаго банка, и это несмотря на то, что послѣдній выдаетъ ссуды изъ 5½%, тогда какъ кустарный банкъ беретъ 8%, и что условія выдачи ссудъ изъ кустарнаго банка обставлены существенными требованіями касательно организаціи труда и гарантіи ссудъ и т. д.» (сообщено директоромъ банка г. Бернацкимъ).

Итакъ, что же теперь сказать о всей дѣятельности банка, о его задачахъ и постановкѣ дѣла?

Мнѣ думается, банкъ, расширяя кругъ своихъ задачъ, стоитъ на совершенно правильной почвѣ: помогать кустарю однѣми ссудами нельзя, корен-

ная помощь должна состоять въ закупкѣ сырья по дешевой цѣнѣ и организаціи сбыта, выданная же въ деньгахъ ссуда мало поможетъ кустарю, если онъ долженъ будетъ покупать сырье по дорогой цѣнѣ и убыточно сбывать свои издѣлія въ руки скупщиковъ, оставляя значительную часть стоимости издѣлій въ рукахъ послѣднихъ, а затѣмъ такой кредитъ огромной массѣ кустарей, а именно бѣднѣйшимъ, недоступенъ, а многіе просто отказываются отъ мысли сдѣлаться самостоятельными кустарями, боясь риска, неразрывно связаннаго со сбытомъ готовыхъ издѣлій при теперешней неорганизованности послѣдняго, а потому предпочитаютъ работать въ качествѣ наемныхъ у богатыхъ промышленниковъ. Дешевое сырье и организованный сбытъ издѣлій это conditio sine qua non не можетъ создаться прочный контингентъ самостоятельнаго кустарничества у насъ. Это вполнѣ понялъ банкъ, первоначально явившійся лишь въ качествѣ кредитнаго учрежденія, и ему надо поставить это въ заслугу, и въ этомъ лежитъ глубокое отличіе пермскаго банка отъ государственнаго, также имѣющаго цѣлью выдавать ссуды кустарямъ, и новый уставъ государственнаго банка вовсе не уничтожаетъ потребности въ организаціи особыхъ спеціальныхъ кустарныхъ банковъ съ цѣлями и задачами пермскаго,—напротивъ, сравненіе дѣятельности того и другого лишь подчеркиваетъ важное значеніе и настоятельную потребность въ послѣднихъ. Между тѣмъ, нѣкоторыя земства, имѣвшія въ виду учрежденіе такихъ же кустарныхъ банковъ, какъ и пермскій, съ введеніемъ новаго устава государственнаго банка отказались отъ этой мысли, будто бы теперь эта задача нашла уже свое осуществленіе въ этомъ государственномъ кредитномъ учрежденіи (таково костромское губернское земство).

Затѣмъ вполнѣ правильна мысль банка о самомъ способѣ организаціи сбыта кустарныхъ издѣлій, а именно—организовать этотъ сбытъ при помощи лавокъ обществъ потребителей: послѣднія поставлены на коммерческую ногу, обладаютъ обширными торговыми связями, такъ сказать коммерческимъ тактомъ, и въ то же время являются общественными учрежденіями съ общественными тенденціями, а потому они могутъ выполнить эту функцію гораздо лучше, чѣмъ земскіе торговые склады, а тѣмъ болѣе, чѣмъ частные торговые комиссіонеры. Земскіе склады часто вызываютъ нареканія своею рутинностью, неповоротливостью, неумѣньемъ вести торговлю; и, конечно, надо пожелать, чтобы губернское земское собраніе разрѣшило банку выдавать ссуду непосредственно лавкамъ обществъ потребителей для устройства при нихъ кустарныхъ складовъ. При широкомъ развитіи послѣднихъ по губерніи легко можетъ быть организованъ широкій взаимный обмѣнъ кустарныхъ издѣлій одной части губерніи съ другой; притомъ эти склады будутъ близки къ кустарю и послѣдній будетъ въ состояніи широко пользоваться ими.

Банкъ и съ другой стороны могъ бы съ пользой воспользоваться обществами потребителей: многія изъ нихъ приготовляютъ для себя платье и обувь и съ этою цѣлью имѣютъ особыхъ рабочихъ. Банкъ легко могъ бы

организовать изъ нихъ артели подъ контролемъ обществъ потребителей, выдавая, быть можетъ, даже артелямъ ссуды только подъ этимъ послѣднимъ условіемъ, и эти артели, опираясь на дешевый матеріалъ и организованный сбытъ издѣлій, конечно, были бы жизнеспособны.

Такимъ образомъ, въ пермскомъ промышленномъ банкѣ мы имѣемъ не только кредитное учрежденіе, притомъ далеко выше стоящее по своей организаціи государственнаго банка, но цѣлое учрежденіе съ широко и раціонально задуманнымъ планомъ дѣятельности для поднятія кустарной промышленности края. Мало того, банкъ служитъ здѣсь какимъ-то сильнымъ *ферментомъ* общественной дѣятельности: онъ будитъ земства, побуждая ихъ развивать свою дѣятельность въ сферѣ улучшенія быта крестьянъ, онъ же вызываетъ къ жизни дремавшія до того времени интеллигентныя силы въ провинціи, и эти новыя свѣжія силы усиленно работаютъ теперь въ тѣхъ же цѣляхъ. Конечно, о банкѣ нельзя еще судить по его результатамъ, но здѣсь дорога идея, и мы видимъ, какъ, благодаря самоотверженной дѣятельности лицъ стоящихъ во главѣ банка, эта идея постепенно воплощается въ жизни, а разумная организація даетъ намъ право надѣяться и на дальнѣйшій прогрессъ въ этомъ же направленіи.

При разсмотрѣніи дѣятельности банка за истекшіе $1^1/_2$ годъ получается впечатлѣніе, какъ будто бы мы находимся передъ только что начатой картиной, недюжинная идея которой намъ ясна, а нѣсколько смѣлыхъ штриховъ на полотнѣ, проведенныхъ рукой художника, намъ говорятъ о талантѣ послѣдняго.

И эта идея, и эти штрихи говорятъ намъ о томъ, чего мы вправѣ ждать, когда картина будетъ окончена, въ особенности если мы вспомнимъ тотъ фонъ, на которомъ она развернется, а въ этомъ отношеніи Пермскій край представляетъ благодатную почву: принципъ ассоціаціи здѣсь болѣе широко развитъ, чѣмъ гдѣ-либо внутри Россіи,—здѣсь много обществъ потребителей, общественныхъ лавокъ, ссудо-сберегательныхъ товариществъ; недавно организованы земледѣльческія артели, успѣвшія, повидимому, уже окрѣпнуть теперь. Здѣсь чувствуется живая, кипучая работа.

Таково значеніе пермскаго кустарно-промышленнаго банка, и каждая губернія у насъ, въ виду огромнаго значенія кустарной промышленности, должна была бы создать у себя такой же банкъ.

Итакъ, пожелаемъ же новому учрежденію полнаго успѣха и будемъ надѣяться, что оно найдетъ себѣ подражаніе и въ другихъ губерніяхъ у насъ и что въ скоромъ времени намъ, быть можетъ, придется здѣсь же говорить о такихъ же банкахъ, но лишь съ другими эпитетами, какъ-то: костромскомъ, вологодскомъ и т. д.

Ив. Озеровъ.

Растенія и муравьи.

(Біологическій очеркъ).

Споконъ вѣка, съ самаго начала появленія жизни, на землѣ ведется упорная война,—война, окончанія которой не будетъ, такъ какъ одна сторона принуждена постоянно нападать на другую ради поддержанія собственнаго существованія: это—война между растеніями и животными. Животныя нападаютъ, растенія стараются такъ или иначе защититься отъ нападенія и только лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ являются активными врагами животныхъ. Благодаря многовѣковой борьбѣ, у растеній выработались чрезвычайно разнообразныя и часто удивительныя приспособленія, позволяющія имъ отстаивать свое существованіе отъ нападеній могущественныхъ враговъ: шипы и колючки, покрывающіе листья, стебли и плоды столь многихъ растеній, жгучіе волоски крапивъ и многочисленныхъ другихъ растеній, горькіе и ядовитые соки, изъ которыхъ и человѣкъ добываетъ свои наиболѣе дѣйствительные яды (напримѣръ, стрихнинъ, кураре), извѣстны какъ средства защиты растеній отъ животныхъ и понятны каждому. Уже болѣе сложнымъ и менѣе на первый взглядъ понятнымъ приспособленіемъ для той же цѣли является раздражимость извѣстной стыдливой мимозы; однако, наблюденія безъ сомнѣнія доказываютъ, что быстро захлопывающіеся листочки мимозы спугиваютъ насѣкомыхъ, садящихся на листья, а шипы, стоящіе при основаніи каждаго листа, являются дѣйствительнымъ орудіемъ и противъ травоядныхъ животныхъ. Благодаря этимъ приспособленіямъ, нѣжная стыдливая мимоза, столь тщательно культивируемая у насъ, у себя на родинѣ принадлежитъ къ числу несноснѣйшихъ сорныхъ растеній и, напримѣръ, на Ямайкѣ заполонила всѣ плантаціи банановъ. Бѣдные негры принуждены поэтому при сборѣ банановъ надѣвать сапоги, такъ какъ даже ихъ подошва не выноситъ колючекъ мимозы.

Если уже раздражимость мимозы, какъ средство защиты отъ нападеній животныхъ, въ высокой степени интересна, то еще болѣе замѣчательнымъ приспособленіемъ со стороны растеній нужно, безъ сомнѣнія, считать оборонительный союзъ, заключаемый ими со своими врагами—животными же, именно нѣкоторыми муравьями, для защиты отъ другихъ животныхъ.

Безъ сомнѣнія, каждый читатель видѣлъ муравьевъ, бѣгающихъ по стволамъ деревьевъ; это обстоятельство не могло, конечно, ускользнуть и отъ вниманія ботаниковъ и зоологовъ, и дѣйствительно, уже въ XVI столѣтіи описывались случаи постояннаго и массоваго нахожденія муравьевъ на растеніяхъ, особенно тропическихъ. Однако, всего лишь 5 лѣтъ тому назадъ мы узнали, что передъ нами во многихъ случаяхъ имѣется дѣйствительно активный союзъ, заключаемый растеніями съ животными, и только лишь на дняхъ мы получили возможность выяснить главныя черты замѣчательно сложныхъ соотношеній, существующихъ между растеніями и муравьями.

Муравьи принадлежатъ, безспорно, къ числу наиболѣе интеллигентныхъ насѣкомыхъ, храбрость же ихъ и дѣйствительность ихъ массовыхъ нападеній, заставляющихъ нерѣдко отступать передъ этимъ маленькимъ врагомъ даже вѣнецъ творенія—человѣка, тоже давно извѣстны. И вотъ растенія приспособились къ нравамъ и обычаямъ этихъ храбрецовъ и въ концѣ-концовъ между обоими, первоначально, безъ сомнѣнія, враждовавшими, сторонами возникъ тѣсный союзъ, выгодный для обѣихъ сторонъ.

Въ нашихъ широтахъ случаи такого союза растеній и муравьевъ весьма рѣдки и выгоды его для растеній становятся очевидными лишь послѣ долгаго и внимательнаго наблюденія. Подъ тропиками иное дѣло: тамъ могущественные лучи солнца вызвали къ жизни роскошнѣйшую растительность и могущественныхъ животныхъ, и соотвѣтственно этому борьба между тѣми и другими ведется энергичнѣе. Подъ тропиками и былъ впервые открытъ этотъ удивительный фактъ союза растеній съ защищающими ихъ муравьями, и съ тѣхъ поръ изученіе этого явленія принадлежитъ къ числу почти непремѣнныхъ занятій ботаниковъ, посѣщающихъ тропическія страны.

Въ наукѣ союзъ, выгодный для обѣихъ сторонъ, получилъ названіе симбіоза-сожительства—названіе, предложенное извѣстнымъ ботаникомъ де-Бари; а такъ какъ въ нашемъ случаѣ въ этомъ союзѣ участвуютъ муравьи (myrmeca), то союзъ между растеніями и муравьями получилъ названіе мирмекосимбіоза, сами же сожительствующія съ муравьями растенія начали называться мирмекофильными. Очевидно, союзъ только тогда будетъ полезенъ растенію, если муравьи-союзники будутъ въ состояніи отражать нападенія если не всѣхъ, то хотя бы наиболѣе частыхъ и опасныхъ враговъ. Этому условію муравьи, конечно, вполнѣ удовлетворяютъ, а сожительствующіе съ растеніями обыкновенно оказываются необычайно воинственными и, кромѣ того, весьма нерѣдко укусы ихъ являются чувствительными даже для человѣка. Подъ тропинками муравьи, какъ истребители насѣкомыхъ, играютъ вообще несравненно болѣе важную роль, чѣмъ ихъ европейскіе собратья. Такъ, напримѣръ, извѣстный путешественникъ Бэтсъ разсказываетъ, что на Амазонкѣ почти на каждой экскурсіи въ лѣсъ можно встрѣтиться съ одной или нѣсколькими колоннами муравьевъ изъ рода Eciton. Обыкновенно передъ такой колонной, какъ авангардъ, перепархиваютъ стайки маленькихъ безпокойныхъ птичекъ, завидя которыхъ тузе-

мецъ немедленно обращается въ бѣгство, а не подозрѣвающій пока ничего европеецъ почти сейчасъ же оказывается осыпаннымъ безчисленнымъ количествомъ муравьевъ, яростно впивающихся въ его тѣло. При приближеніи муравьевъ весь міръ животныхъ приходитъ тоже въ движеніе и все, что можетъ, бѣжитъ въ паническомъ ужасѣ, малоподвижныя же насѣкомыя: пауки, черви, даже личинки въ гнѣздахъ земляныхъ осъ,—все уничтожается муравьями или ловится во время бѣгства названными птичками. Другіе муравьи не такъ воинственны, но за то нерѣдко ядъ ихъ сильнѣе, чѣмъ, наприм., и отличаются муравьи, сожительствующіе съ растеніями. Очевидно, что, взамѣнъ такой помощи, сожительствующее съ муравьями растеніе должно оказывать имъ, въ свою очередь, услуги, и притомъ достаточно важныя, чтобъ одинъ изъ злѣйшихъ, какъ мы увидимъ ниже, враговъ превратился въ друга. Услуга за услугу; даромъ, конечно, и муравьи не стали бы столь ревностно защищать растеніе. Предположеніе это вполнѣ оправдывается, такъ какъ у растеній, сожительствующихъ съ муравьями, оказывается, есть рядъ приспособленій, привлекающихъ муравьевъ и столь для нихъ выгодныхъ и пріятныхъ, что ради нихъ они нерѣдко съ опасностью жизни охраняютъ растеніе отъ гибели.

Приспособленія эти оказываются, по изслѣдованіямъ многочисленныхъ ботаниковъ, довольно разнообразными, но въ концѣ-концовъ ихъ можно свести къ тремъ формамъ сожительства растеній съ муравьями: или растеніе даетъ муравьямъ пріютъ, или оно даетъ имъ пищу, или, одновременно, и то и другое. Соотвѣтственно этому и муравьи или поселяются на растеніи, пока вблизи его есть для нихъ источники пропитанія, или лишь изрѣдка посѣщаютъ растеніе,—обыкновенно въ болѣе или менѣе опредѣленное время,—или же совсѣмъ не оставляютъ растенія во все время его жизни.

Наиболѣе широкимъ распространеніемъ пользуется случай, когда растеніе даетъ муравьямъ пищу, именно столь любимыя муравьями сахаристыя вещества въ видѣ меда или нектара.

Какъ извѣстно, выдѣленіе меда среди растеній чрезвычайно распространено; особенно обильно медъ выдѣляется въ цвѣткахъ, гдѣ онъ служитъ для привлеченія животныхъ, главнымъ образомъ, насѣкомыхъ—посредниковъ при перекрестномъ опыленіи. Здѣсь медъ выдѣляется особаго рода железками, такъ называемыми медовиками, иногда имѣющими особую яркую окраску и крупные размѣры. Совершенно такіе же медовики встрѣчаются, однако, и на другихъ частяхъ растеній, главнымъ образомъ, на листьяхъ, черешкахъ ихъ и на прилистникахъ. Въ другихъ случаяхъ медовики помѣщаются хотя и на цвѣткахъ, но не внутри ихъ, а снаружи, напримѣръ, на чашелистикахъ, на прицвѣтникахъ, у многихъ сложноцвѣтныхъ, напримѣръ, у подсолнуха, нѣкоторыхъ васильковъ, на листкахъ обвертки или поволоки, окружающей корзинку цвѣтковъ. Эти такъ называемые «внѣцвѣтковые» или «внѣбрачные» (т.-е. хотя и помѣщающіеся на цвѣткахъ, но не близъ половыхъ органовъ) медовики и служатъ для привлеченія му-

равьевъ. Значеніе такихъ медовиковъ долгое время оставалось совершенно непонятнымъ и дѣлались самыя противорѣчивыя предположенія для объясненія его, пока, наконецъ, непосредственныя наблюденія не разъяснили ихъ связи съ муравьями.

Въ настоящее время извѣстны многочисленныя наблюденія, безъ сомнѣнія, доказывающія, что, съ одной стороны, дѣйствительно муравьи тщательно отыскиваютъ такіе медовики и высасываютъ изъ нихъ медъ и что, съ другой стороны, такое нахожденіе муравьевъ на растеніи послѣднему не безвыгодно, такъ какъ муравьи очищаютъ его отъ различныхъ портящихъ листья гусеницъ, жуковъ, осъ и т. п. Приведемъ поэтому нѣкоторыя изъ числа наиболѣе интересныхъ наблюденій. Весьма многіе читатели видѣли, вѣроятно, нескончаемыя вереницы муравьевъ, ползающихъ внизъ и вверхъ по стволамъ, наприм., нашей обыкновенной осины. Если внимательно послѣдить за муравьями, то легко замѣтить, что они толпятся у нѣкоторыхъ частей листьевъ. Оказывается, что листья осины покрыты довольно многочисленными медовиками, выдѣляющими медъ, и муравьи его поѣдаютъ. Въ свою очередь муравьи отплачиваютъ осинѣ тѣмъ, что убиваютъ или прогоняютъ всѣхъ личинокъ и всѣхъ насѣкомыхъ, встрѣчающихся имъ во время ихъ бѣготни по листьямъ, и этимъ предохраняютъ листья отъ порчи. Стоитъ такъ или иначе прекратить муравьямъ доступъ къ листьямъ, и тотчасъ же начинается хозяйничанье портящихъ листья насѣкомыхъ. На первый взглядъ, конечно, польза, доставляемая растенію, ничтожна, тѣмъ болѣе, что при массовомъ появленіи вредныхъ насѣкомыхъ, какъ это было, наприм., въ 1892 и 1893 годахъ у насъ въ Россіи, муравьи не могутъ защитить растеній отъ порчи и уничтоженія листьевъ; но это ужъ случай необычный, въ обыкновенное же время муравьи дѣйствительно предохраняютъ листья отъ порчи, а такъ какъ листья чрезвычайно важные органы растеній, то даже и малая польза имѣетъ значеніе. Польза привлеченія муравьевъ становится гораздо очевиднѣе изъ интересныхъ опытовъ, произведенныхъ вѣнскими ботаниками Кернеромъ и Веттштейномъ. Они посадили 100 экземпляровъ довольно распространеннаго и у насъ на югѣ сложноцвѣтнаго растенія юринеи (Jurinea mollis); корзинки цвѣтковъ этого растенія снабжены многочисленными медовиками, помѣщающимися на листочкахъ обвертки и охотно посѣщаемыми муравьями. Къ 50 экземплярамъ этого растенія муравьи имѣли свободный доступъ, а 50 другихъ были имъ недоступны. Оказалось, что изъ первыхъ лишь 3 корзинки были испорчены особымъ жукомъ, выѣдающимъ молодые цвѣтки этого растенія, тогда какъ изъ 50 вторыхъ нетронутыми оказались лишь 27 корзинокъ. Очевидно, что небольшое количество меда, поѣдаемое муравьями, съ лихвой оплачивается такою дѣятельною защитой. Выгода привлеченія храбрыхъ муравьевъ, будетъ конечно, еще болѣе значительной подъ тропиками, гдѣ число враговъ растеній несравненно больше, чѣмъ у насъ. И дѣйствительно, число растеній, снабженныхъ внѣцвѣтковыми медовиками, подъ тропиками, особенно въ Южной Америкѣ, чрезвычайно велико. Тамъ во многихъ случаяхъ листья

сплошь усѣяны такими медовиками, имѣющими, къ тому же, нерѣдко яркую окраску, благодаря чему они бросаются въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи. Что эта яркая окраска имѣетъ въ виду тѣхъ же муравьевъ, доказалъ боннскій профессоръ Шимперъ слѣдующимъ простымъ и остроумнымъ способомъ: онъ срѣзалъ на листѣ всѣ медовики и вмѣсто нихъ раскладывалъ небольшіе кусочки цвѣтной (того же цвѣта, что и медовики) и бѣлой бумаги, пропитанной медомъ и водой. При этомъ ему удалось замѣтить, что муравьи первоначально отыскивали цвѣтные кусочки, безразлично—были ли они смочены водой или медомъ, и только при помощи вкуса различали воду отъ меда, такъ какъ въ первомъ случаѣ обыкновенно немедленно оставляли бумажку. Слѣдовательно муравьи при отыскиваніи медовиковъ главнымъ образомъ руководствуются зрѣніемъ и слѣдовательно скорѣе разыщутъ ярко покрашенные медовики, чѣмъ непокрашенные. Съ другой стороны, понятно, что чѣмъ легче муравьи будутъ находить дорогу къ меду, тѣмъ охотнѣе они будутъ посѣщать растеніе и тѣмъ ревностнѣе защищать его отъ непрошенныхъ гостей. Въ сущности говоря значеніе муравьевъ какъ защитниковъ растеній отъ порчи насѣкомыми, особенно гусеницами, извѣстно давно, и китайцы уже издавна утилизируютъ эти способности муравьевъ: въ нѣкоторыхъ южныхъ провинціяхъ Китая существуетъ обычай класть на культивируемые тамъ въ большомъ количествѣ апельсинныя деревья гнѣзда особыхъ живущихъ на деревьяхъ муравьевъ. Отдѣльныя деревья соединяются еще бамбуковыми палочками, по которымъ муравьи перебѣгаютъ съ дерева на дерево и отлично очищаютъ ихъ отъ всякихъ гусеницъ. Подобный же обычай существуетъ и въ нѣкоторыхъ областяхъ Италіи.

Уже этихъ примѣровъ достаточно, чтобы дать нѣкоторое понятіе о пользѣ, доставляемой муравьями растеніямъ. Въ свою очередь растенія приспособились къ муравьямъ, но какимъ образомъ шло это приспособленіе, какъ выработались эти медовики, сказать пока невозможно, хотя, конечно, нѣтъ недостатка въ гипотезахъ. Точно также является необъяснимымъ происхожденіе нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ частностей, наприм., различныхъ ложбинокъ и покрашенныхъ линій и точекъ на поверхности листьевъ, служащихъ, безъ сомнѣнія, муравьямъ для болѣе скораго отыскиванія пути къ медовикамъ.

Однако, нѣтъ правила безъ исключенія и не всѣ внѣцвѣтковые медовики служатъ для привлеченія муравьевъ въ цѣляхъ защиты отъ враговъ. Такъ, наприм., внѣцвѣтковые медовики имѣются у насѣкомоядныхъ растеній, наприм., у непентесъ. У нихъ медовики расположены по краямъ особыхъ кувшиновъ, въ которые превращаются пластинки листа, и точно также привлекаютъ вмѣстѣ съ другими насѣкомыми и муравьевъ. Но такъ какъ край кувшина, на которомъ расположены медовики, чрезвычайно гладокъ, то насѣкомыя легко соскальзываютъ внутрь кувшина и тонутъ въ наполняющей его жидкости; затѣмъ ихъ тѣла растворяются отчасти въ сокѣ, выдѣляемомъ особыми железками, и растворъ усваивается растеніемъ. Зна-

чить медовики хотя и служатъ растенію для привлеченія насѣкомыхъ, но совсѣмъ съ иными цѣлями. Такіе случаи, впрочемъ, крайне рѣдки.

Внѣцвѣтковые медовики выдѣляютъ жидкость, содержащую, главнымъ образомъ, сахаръ, т.-е. вещество, представляющее въ смыслѣ питательности значительную цѣнность для растенія. Но для привлеченія муравьевъ растенія жертвуютъ иногда еще болѣе цѣнными веществами, именно бѣлковыми. Насколько же эти вещества дороги растенію, видно уже, наприм., изъ того, что при листопадѣ всѣ бѣлковыя вещества переходятъ изъ листьевъ въ стволъ; то же самое происходитъ со всѣми органами, отдѣляющимися отъ растенія, конечно, если только это не сѣмена и не плоды. Растенію, слѣдовательно, не выгодно терять бѣлковыя вещества, а, между тѣмъ, извѣстны растенія, отдающія муравьямъ сравнительно очень значительныя количества бѣлковыхъ веществъ. Къ числу наиболѣе извѣстныхъ относятся виды рода тунбергія, живущіе на Явѣ и другихъ Зондскихъ островахъ; у нихъ особыя железки, помѣщающіяся вблизи цвѣтковъ, выдѣляютъ сахаристыя и бѣлковыя вещества, съ жадностью поѣдаемыя муравьями. И здѣсь была доказана польза такого приспособленія. Такъ, цвѣтки, посѣщавшіеся муравьями, всегда оказывались неиспорченными особыми пчелами, обыкновенно прокалывающими лепестки и ворующими изъ цвѣтковыхъ медовиковъ медъ, предназначенный для насѣкомыхъ, посредниковъ при опыленіи.

Нѣсколько менѣе распространенъ тотъ случай, когда растеніе даетъ муравьямъ пріютъ, хотя первоначально такихъ растеній указывались цѣлыя сотни. Но дѣло въ томъ, что муравьи, какъ извѣстно, и у насъ чрезвычайно иногда искусно отыскиваютъ разныя укромныя мѣста, особенно если есть чѣмъ поживиться, наприм., вареньемъ, сахаромъ и т. п.; подъ тропиками же, гдѣ число видовъ муравьевъ несравненно больше и гдѣ имъ больше приходится заботиться о безопасности своихъ гнѣздъ, многіе виды, живущіе небольшими обществами, охотно поселяются въ листьяхъ растеній, въ полыхъ стебляхъ и т. п. Полые же стебли, улиткообразные или кувшинообразные листья встрѣчаются у тропическихъ растеній сплошь и рядомъ, но вовсе не предназначены для жилища муравьямъ. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ говорить о сожительствѣ растенія съ муравьями нельзя. Къ числу такихъ мнимо-сожительствующихъ съ муравьями растеній относятся и два еще недавно наиболѣе знаменитыхъ мирмекофильныхъ растенія, болѣе чѣмъ два столѣтія тому назадъ открытыхъ ботаникомъ Румфіусомъ, описавшимъ ихъ какъ необычайную игру природы, какъ растенія-животныя, возникающія безъ сѣмянъ изъ муравьиныхъ гнѣздъ, именно мирмекодія и гиднофитумъ (Myrmecodia и Hydnophytum). Дѣйствительно, растенія по внѣшности представляютъ нѣкоторое сходство съ муравьиными гнѣздами, такъ какъ ихъ стебли (собственно подсѣменодольное колѣно) вздуты на подобіе рѣпы и достигаютъ почти полуаршина въ поперечникѣ. На этомъ шарообразномъ мясистомъ тѣлѣ какъ бы прикрѣпленъ небольшой стебель, несущій нѣсколько листьевъ. Внутри шаровидный стебель весь пронизанъ многочисленными ходами, въ которыхъ обыкновенно и по-

селяются муравьи. Конечно, съ перваго взгляда несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ растеніемъ въ высокой степени приспособившимся къ сожительству съ муравьями, но тщательныя наблюденія директора Бейтензоргскаго (на Явѣ) сада, Трейба, доказали противное. И мирмекодія, и гиднофитумъ—эпифиты, т.-е. растенія, живущія на стволахъ деревьевъ, и шаровидныя вздутія стеблей представляютъ ничто иное, какъ резервуары, въ которыхъ скопляется запасная вода; ходы же внутри ствола, вѣроятно, необходимы для провѣтриванія, для дыханія стебля. То же обстоятельство, что муравьи поселяются внутри этихъ стеблей, лишній разъ доказываетъ ихъ замѣчательную сообразительность; въ самомъ дѣлѣ, стебли обоихъ растеній представляютъ наиболѣе удобное для нихъ жилище, т.-к. ходы уже готовы, внутри растенія имѣется достаточная сырость и, съ другой стороны, нечего бояться быть смытыми потоками дождя,—опасность не маловажная въ области тропическихъ дождей; наконецъ, оба растенія многолѣтнія, слѣдовательно муравьи обезпечены на весьма продолжительное время жилищемъ. И такъ какъ только живое и растущее на стволѣ дерева растеніе можетъ имъ доставить всѣ названныя удобства, то муравьи дѣйствительно обыкновенно тотчасъ же оставляютъ растеніе, какъ только оно упадетъ на землю. Конечно, муравьи яростно защищаютъ свое растеніе-жилище, но врядъ ли растенію важна эта помощь, такъ какъ особыхъ какихъ-либо враговъ этихъ растеній на родинѣ ихъ (Папуазія и Зондскіе острова) не имѣется, да и муравьи оказываются довольно безобидными, — по крайней мѣрѣ, для человѣка.

Такимъ образомъ, мирмекодія и гиднофитумъ, еще десять лѣтъ тому назадъ считавшіяся наиболѣе типичными образцами сожительства растеній съ муравьями, оказывается, должны быть вычеркнуты изъ списка подобныхъ растеній. Обстоятельство это, конечно, побуждаетъ относиться съ большою осмотрительностью ко всѣмъ случаямъ, гдѣ растенія даютъ пріютъ муравьямъ. Тѣмъ не менѣе, извѣстны растенія, дѣйствительно выработавшія въ своихъ частяхъ особыя полости, предназначенныя для поселенія муравьевъ. Въ большинствѣ случаевъ это или улиткообразно-завитые листья, или вздутые черешки, снабженные — и это главный признакъ приспособленія со стороны растенія—особыми отверстіями или участками нѣжной, легко прогрызаемой муравьями ткани.

Какъ осторожно нужно относиться ко всякимъ заявленіямъ о мирмекофильности, показываетъ еще другое растеніе, тоже попавшее въ списокъ сожительствующихъ съ муравьями, Dischidia rafflesiana. Это, тоже эпифитное, растеніе имѣетъ двоякаго рода листья: одни—обыкновенные, другіе въ видѣ большихъ (до 11 сантим.) урнъ или мѣшковъ, снабженныхъ у черешка узкимъ отверстіемъ. Въ такихъ мѣшковидныхъ листьяхъ обыкновенно поселяются муравьи; слѣдовательно, сожительство какъ будто есть, и листья кажутся для этого приспособленными, ибо урны снабжены узкимъ отверстіемъ, какъ бы входомъ. На дѣлѣ же подобные листья служатъ для защиты отъ высыханія воздушныхъ корней растенія, врастающихъ въ по-

лость мѣшка, обильно тамъ развѣтвляющихся и, быть можетъ, улавливающихъ воду, выдѣляемую мѣшковидными листьями черезъ устьица, расположенныя на внутренней поверхности мѣшка. Такое приспособленіе, позволяющее растенію улавливать даже испаряемую имъ самимъ воду, безъ сомнѣнія, весьма полезно для эпифита, да еще, какъ оказывается, растущаго по сухимъ, знойнымъ мѣстамъ. Съ другой стороны, очевидно, что переходъ отъ растенія, подобнаго Dischidia, къ настоящему мирмекофильному растенію не великъ. Мы, однако, не будемъ останавливаться на этихъ растеніяхъ и перейдемъ къ описанію третьяго рода сожительства растеній съ муравьями, представляющаго и высшую степень его.

Такую, безъ сомнѣнія, высшую степень приспособленія растеній къ муравьямъ представляютъ случаи, когда растеніе даетъ имъ и пріютъ, и пищу, состоящую обыкновенно изъ сахаристыхъ и изъ бѣлковыхъ веществъ. Такимъ образомъ, существованіе муравьевъ является вполнѣ обезпеченнымъ и, разъ поселившись, они уже не имѣютъ надобности покидать растеніе за все время его существованія и, конечно, всѣми силами защищаютъ его отъ всякихъ непрошенныхъ посѣщеній. Случаевъ такого полнаго сожительства растеній съ муравьями извѣстно, однако, очень мало и несомнѣнными мирмекофильными растеніями являются только виды рода цекропія (Cecropia) и нѣкоторые виды акацій, какъ и цекропія, жителей Центральной или Южной Америки и отчасти Центральной Африки. Такая общность мѣстожительства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такая необычайная щедрость растеній, дающихъ муравьямъ и жилище, и столъ, заставляетъ предполагать, что и опасности, имъ угрожающія, особенно значительны; и это дѣйствительно такъ и оказывается: въ Южной и Центральной Америкѣ существуетъ грозный врагъ растеній и, къ удивленію, тоже муравьи. Такимъ образомъ, растенія при помощи муравьевъ защищаются отъ муравьевъ же, конечно, только другихъ родовъ и видовъ.

Какъ извѣстно, муравьи, обыкновенно болѣе или менѣе безобидные у насъ, подъ тропиками играютъ, какъ враги растеній и человѣка, иногда весьма выдающуюся роль и нерѣдко борьба съ ними становится не подъ силу и европейцу, даже вооруженному всѣми орудіями цивилизаціи. Въ нѣкоторыхъ же частяхъ Южной Америки вопросъ о борьбѣ съ муравьями является прямо-таки вопросомъ государственной важности, такъ какъ тамъ муравьи, объѣдающіе растенія, играютъ такую же роль, какую у насъ играютъ саранча, кобылка, кузька и т. п. Разница лишь та, что на и враги появляются лишь въ нѣкоторые годы въ грозномъ количествѣ, муравьи же, объѣдающіе въ Южной Америкѣ на растеніяхъ листья, ведутъ свою разрушительную дѣятельность цѣлый годъ и каждый годъ и нерѣдко являются истиннымъ бичомъ населенія, буквально безпомощнаго въ борьбѣ съ этимъ, казалось бы, ничтожнымъ врагомъ, оголяющимъ иногда въ нѣсколько дней крупныя плантаціи фруктовыхъ деревьевъ и уничтожающимъ всѣ овощи на огородѣ. Эти рѣжущіе листья муравьи получили отъ мѣстныхъ жителей названіе «носильщиковъ», такъ какъ отрѣзанные кусочки

листьевъ они уносятъ къ себѣ въ гнѣзда, причемъ держатъ ношу надъ головой. Чтобы дать понятіе, какова дѣятельность этихъ носильщиковъ, приведемъ слова знаменитаго знатока жизни муравьевъ, Томаса Бельта, подробно описавшаго ихъ въ своемъ сочиненіи *Натуралистъ въ Никарагуѣ*.

«Почти всѣ путешественники по Южной Америкѣ описываютъ опустошенія, производимыя рѣжущими муравьями; описываютъ ихъ бѣготню по хорошимъ дорожкамъ, проложеннымъ черезъ лѣсъ, ихъ неутомимость при опустошеніи деревьевъ, особенно ввезенныхъ видовъ, которыя они оставляютъ голыми и обезображенными, такъ какъ кромѣ средней жилки и нѣсколькихъ кусочковъ отъ листьевъ не остается ничего. Неисчислимо количество погубленныхъ ими молодыхъ насажденій апельсинныхъ, манговыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Сколько разъ на вопросъ, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не разводятъ фруктовыхъ деревьевъ, мнѣ отвѣчали: не стоитъ садить,—все равно муравьи съѣдятъ. Первое знакомство съ ними чужеземецъ легко сдѣлаетъ уже на опушкѣ лѣса, такъ какъ тотчасъ же натыкается на ихъ дорожки: одинъ отрядъ тащитъ кусочки листьевъ, приблизительно въ пятиалтынный величиной, причемъ кусочки листьевъ, захваченные челюстями, держатся надъ головой; другой отрядъ бѣжитъ въ другомъ направленіи, налегкѣ, но очевидно полный желанія взвалить на себя новую ношу листьевъ; слѣдуя за этимъ отрядомъ мы дойдемъ до молодыхъ деревьевъ и кустовъ, на которые и взбираются муравьи. Тамъ каждый муравей становится на край листа и своими ножницевидными челюстями вырѣзаетъ круглый кусочекъ, вращаясь около своихъ заднихъ ножекъ, какъ около центра. Когда кусочекъ уже почти отрѣзанъ, муравей еще сидитъ на немъ и кажется вотъ-вотъ свалится вмѣстѣ съ нимъ; но когда кусочекъ листа совершенно отдѣляется, то муравей, оказывается, ужъ держится одною заднею лапкой за край листа. Торопливо втягиваетъ онъ свою ношу на листъ, захватываетъ ее поудобнѣе челюстями и отправляется въ обратный путь. Если мы послѣдуемъ за нимъ, то увидимъ, что онъ присоединяется къ массѣ другихъ работниковъ и безъ промедленія бѣжитъ по гладко отдѣланной дорожкѣ, черезъ нѣкоторое время сливающейся съ другими, тоже полными снующихъ трудолюбивыхъ работниковъ, пока, наконецъ, дорога не достигнетъ 6—8 дюймовъ въ ширину, гдѣ толкотня, пожалуй, больше, чѣмъ на улицахъ въ Лондонѣ.

Пройдя нѣсколько сотъ футовъ, иногда больше полуверсты, муравей достигаетъ гнѣзда. Гнѣздо имѣетъ видъ широкаго низкаго холмика, изъ бурой глинистой почвы, около котораго убиты всѣ кусты и деревья, такъ какъ ихъ почки и листья постоянно объѣдались муравьями. Подъ высокими деревьями, въ густомъ лѣсу, муравьи не строятъ гнѣздъ, такъ какъ вѣроятно тамъ было бы затруднительно провѣтриваніе ходовъ ихъ жилищъ, а можетъ быть, чтобы избѣжать капели съ деревьевъ. Обыкновенно гнѣзда находятся на опушкахъ или на краю полянъ или у дорогъ. Многочисленные ходы, отъ половины до 8 дюймовъ въ ширину, ведутъ внутрь

холма; кромѣ того кругомъ него замѣчаются еще отдѣльные узкіе ходы, тоже ведущіе внутрь. При всѣхъ выходахъ можно замѣтить снующихъ муравьевъ, выносящихъ маленькіе комочки земли, которые они набрасываютъ на поверхность холма, постоянно поэтому растущаго и выглядывающаго постоянно совершенно новымъ и свѣжимъ.

Стоя близъ холма, легко замѣтить, что со всѣхъ сторонъ къ нему ведутъ дорожки муравьевъ, переполненныя трудолюбивыми работниками, несущими свою ношу листьевъ. Насколько можетъ видѣть глазъ, одна масса листьевъ за другой двигается по направленію къ гнѣзду и скрывается въ его темныхъ ходахъ. Выходящія, уже освободившіяся отъ ноши толпы муравьевъ скрываются между большими ношами, и только вблизи можно разглядѣть это обратное теченіе. Неутомимо трудящіяся массы производятъ своею силой удивительное впечатлѣніе, и невольно задаешь себѣ вопросъ: какіе лѣса могутъ сопротивляться такимъ пришельцамъ? Какъ возможно, что не съѣдена еще вся растительность земли? Очевидно, только тропическая природа съ ея гигантской и безпрерывной воспроизводительною способностью можетъ это выдержать. Что удивительнаго, что передъ лицомъ именно такого страшнаго врага растеніямъ пришлось прибѣгать ко всевозможнымъ средствамъ защиты, и вотъ нѣкоторыя растенія и наткнулись на возможность защищаться отъ нападенія носильщиковъ помощью другихъ, опасныхъ этимъ врагамъ, муравьевъ.

Тѣсный союзъ растенія съ муравьями, полное сожительство, обезпечивающее растенію постоянное присутствіе защитниковъ, выработалось, однако, только у немногихъ растеній. Эти американскія мирмекофильныя растенія особенно тщательно были изучены боннскимъ профессоромъ Шимперомъ. Изъ нихъ виды цекропія деревья съ простыми, полыми стволами, лишь на узлахъ, на манеръ бамбука, снабженными перегородками и несущими на вершинѣ лапчатые листья, нѣсколько схожіе съ листьями клена или лучше клещевины. Полые стволы употребляются мѣстными жителями для приготовленія дудокъ и трубъ, почему растеніе и получило названіе «трубнаго» дерева.

Вдоль каждаго междоузлія ствола идетъ небольшая ложбинка, начинающаяся отъ вышесидящаго листа, а въ верхней части ложбинки, немного ниже основанія листа, находится небольшое отверстіе, ведущее въ полость междоузлія. Стоитъ дотронуться до дерева, и тотчасъ же изъ каждаго отверстія выбѣгаютъ толпы муравьевъ, набрасывающихся на дерзкаго нарушителя ихъ покоя и довольно чувствительно дающихъ знать о своемъ присутствіи, о чемъ свидѣтельствовалъ уже въ 1648 году извѣстный ботаникъ Маркгравій. Нижнія междоузлія обыкновенно не содержатъ муравьевъ, и отверстія ихъ закрываются, благодаря разростанію коры. Разсматривая молодое междоузліе цекропіи, еще не имѣющее муравьевъ, легко замѣтить, что какъ разъ на мѣстѣ будущаго отверстія находится небольшое углубленіе, гдѣ ткань ствола остается долгое время очень тонкой и нѣжной. Въ этомъ самомъ мѣстѣ муравьиная самка прогрызаетъ отверстіе,

проползаетъ внутрь междоузлія и откладываетъ тамъ свои яички. Пищей ей служитъ нѣжная и питательная ткань, быстро растущая на мѣстѣ пораненія, затягивающая отверстіе и, въ случаѣ смерти самки, наполняющая всю полость. Молодые муравьи прогрызаютъ вторично извнутри на томъ же самомъ мѣстѣ отверстіе, черезъ которое и выходятъ наружу. Такимъ образомъ колонія основана. Пищу муравьи находятъ на нижней сторонѣ основаній черешковъ листьевъ, снабженныхъ волосистыми подушечками. На этихъ подушечкахъ между волосками образуются особыя тѣльца, названныя, по имени открывшаго ихъ бразильскаго ботаника Фритца Мюллера, мюллеровскими тѣльцами. Тѣльца, состоящія по анализамъ Шимпера главнымъ образомъ изъ жирныхъ и бѣлковыхъ веществъ, составляютъ, какъ оказывается, единственную пищу муравьевъ.

Населяющіе междоузлія цекропіи муравьи весьма малы и поэтому невольно является вопросъ, могутъ ли они защитить растеніе отъ нападенія крупныхъ и сильныхъ муравьевъ-носильщиковъ, главныхъ, какъ мы видѣли, враговъ растеній въ Южной Америкѣ. Непосредственные наблюденія и опыты показали однако Шимперу, что при каждой встрѣчѣ съ муравьями-защитниками муравьи-носильщики немедленно обращаются въ бѣгство. А что носильщики охотно рѣжутъ листья цекропіи, видно изъ того, что въ рѣдкихъ случаяхъ, когда на цекропіи нѣтъ колоній муравьевъ, листья ея всегда изрѣзаны; наоборотъ, растенія населенныя муравьями, даже стоящія у самыхъ гнѣздъ носильщиковъ, оказываются всегда съ цѣльными листьями.

Интереснымъ теперь является вопросъ, дѣйствительно ли растеніе приспособилось къ сожительству съ муравьями, не является ли поселеніе муравьевъ въ полости его ствола простою случайностью, какъ это мы и видѣли уже у мирмекодій? Противъ такого предположенія говоритъ уже присутствіе опредѣленнаго мѣста, гдѣ муравьи прогрызаютъ отверстіе, и еще болѣе присутствіе мюллеровскихъ тѣлецъ, содержащихъ важныя для растенія бѣлковыя вещества. Противъ этого говоритъ и сравненіе съ однимъ бразильскимъ же видомъ цекропіи, не содержащимъ муравьевъ и, тѣмъ не менѣе, недоступнымъ для носильщиковъ, отъ которыхъ растеніе защищается совсѣмъ инымъ способомъ: именно, у него стволъ покрытъ чрезвычайно скользкимъ восковымъ налетомъ, ползти по которому муравьи-носильщики не въ силахъ. Вмѣстѣ съ этимъ у названнаго вида нѣтъ ни углубленія, пробиваемаго муравьями, ни мюллеровскихъ тѣлецъ, въ данномъ случаѣ, конечно, безполезныхъ. Тотъ же фактъ, что даже у ближайшихъ родственниковъ сожительство съ муравьями отсутствуетъ, указываетъ, что такое приспособленіе растенія къ муравьямъ—явленіе, по всей вѣроятности сравнительно еще молодое.

Въ то время, какъ у цекропіи убѣжищемъ муравьямъ служитъ стволъ, у акацій для этой же цѣли служатъ шипы при основаніи листьевъ. Первоначальное назначеніе шиповъ, представляющихъ у акацій видоизмѣненные прилистники,—служить защитой отъ травоядныхъ животныхъ, и, пожалуй, нигдѣ мы не находимъ такого мощнаго развитія ихъ, какъ у акацій, гдѣ

они достигаютъ длины многихъ сантиметровъ и обладаютъ твердостью стали, что дѣлаетъ ихъ опасными не только для мелкихъ и слабыхъ травоядныхъ, но даже и для весьма крупныхъ. Совершенно иное устройство имѣютъ шипы у мирмекофильныхъ акацій; правда, они тоже достигаютъ длины 3—5 сантиметровъ и толщиною въ 1—$1^1/_2$ сантиметра, но внутри они полы, ихъ стѣнки тонки и столь слабы, что легко раздавливаются между пальцами,—строеніе для органовъ защиты, очевидно, слишкомъ несовершенное. Около вершины шипа находится отверстіе, ведущее въ полость его, гдѣ и поселяются муравьи. Акаціи имѣютъ перистые листья и у мирмекофильныхъ листочки, ближайшіе къ основанію листа, оканчиваются своеобразными утолщеніями, выдѣляющими, какъ и у цекропіи, жирныя и бѣлковыя вещества. Образованія эти носятъ названіе бельтовскихъ тѣлецъ и точно также поѣдаются муравьями. Кромѣ того, на черешкахъ листьевъ этихъ акацій находятся обыкновенные медовики, выдѣляющіе обильно медъ.

Такимъ образомъ, и здѣсь существованіе муравьевъ обезпечено, и они совсѣмъ не покидаютъ гостепріимнаго хозяина дома. Замѣтимъ при этомъ, что не всѣ муравьи знаютъ, повидимому, свойства этихъ растеній; какъ цекропіи, такъ и акаціи сожительствуютъ даже повидимому только съ однимъ видомъ муравьевъ и растенія, выведенныя изъ сѣмянъ, наприм., на Явѣ или въ Индіи и отлично тамъ растущія, остаются всегда безъ муравьевъ, хотя и бѣгающихъ снаружи по стволамъ и листьямъ, но не закладывающихъ колоній. Явленіе взаимнаго приспособленія выступаетъ, такимъ образомъ, съ еще большею ясностью.

На другихъ, болѣе или менѣе еще не совсѣмъ достовѣрныхъ случаяхъ подобнаго же рода сожительства растеній съ муравьями мы останавливаться не станемъ, изъ боязни утомить читателя, и перейдемъ къ другой сторонѣ соотношеній между муравьями и растеніями.

Читая у Бельта краснорѣчивыя описанія опустошеній, производимыхъ носильщиками, невольно спрашиваешь себя, для чего же нужны носильщикамъ такія массы листьевъ? Что они дѣлаютъ съ ними въ своихъ гнѣздахъ? Бельтъ въ своей книгѣ высказалъ предположеніе, что муравьи культивируютъ на листьяхъ особый грибъ, которымъ и питаются. Свое предположеніе Бельтъ не могъ, однако, подтвердить доказательствами, а само по себѣ оно казалось столь страннымъ, что не далѣе какъ въ 1887 году даже Шимперъ, знатокъ растительности Америки, отозвался о немъ, какъ о выходящемъ за предѣлы вѣроятнаго. И вотъ, весною прошлаго года появилась небольшая книга молодого нѣмецкаго ботаника Альфреда Мёллера, представляющая блестящее подтвержденіе предположенія Бельта.

Мёллеру, посланному въ Южную Америку для ботаническихъ изысканій Берлинскою академіей наукъ, не только удалось изучить жизнь рѣжущихъ листья муравьевъ, но открыть и другіе роды, тоже культивирующіе грибы; удалось изучить устройство и способъ постройки муравьями гнѣздъ, способъ культуры гриба и даже, что труднѣе всего, опредѣлить вполнѣ точно видъ культивируемаго гриба. При этомъ оказалось, что не всѣ му-

равьи въ искусствѣ культивировать грибы стоятъ на одной степени, такъ какъ у однихъ у гриба подъ вліяніемъ культуры выработались даже особыя формы, наиболѣе удобныя для использованія, другіе же муравьи не дошли до такого искусства и просто поѣдаютъ нити грибницы, стоятъ, слѣдовательно, на первыхъ ступеняхъ грибной цивилизаціи.

Изслѣдованія Мёллера столь интересны, бросаютъ такой яркій свѣтъ на удивительное разнообразіе жизненныхъ комбинацій въ сырыхъ и теплыхъ лѣсахъ тропической Америки и еще болѣе на замѣчательную сообразительность муравьевъ, что мы позволимъ себѣ передать вкратцѣ ихъ суть.

Скажемъ первоначально нѣсколько словъ о различныхъ формахъ муравьевъ, надъ которыми производилъ свои наблюденія Мёллеръ. Онъ различилъ цѣлыхъ три рода съ цѣлой дюжиной видовъ; виды эти онъ называетъ муравьями-носильщиками, волосистыми муравьями и бугорчатыми (Atta, Apterostigma и Cyphomyrmex). Изъ нихъ только виды перваго рода рѣжутъ листья и строятъ большія гнѣзда. Если уже по описанію Бельта можно судить объ ихъ изумительной дѣятельности, то Мёллеру удалось найти еще болѣе поразительныя черты сообразительности этихъ животныхъ. Особенно изумительнымъ является трудъ муравьевъ-носильщиковъ, если мы прослѣдимъ путь, который приходится пробѣжать муравью съ ношей въ челюстяхъ, превышающей иногда въ три раза его собственный вѣсъ. Бѣжать съ кускомъ листа въ челюстяхъ, торчащимъ притомъ вверхъ среди травы и неровностей почвы, было бы слишкомъ неудобно, и поэтому муравьи-носильщики тщательно отдѣлываютъ свои дорожки, часто изумительные образцы дорожнаго искусства. Всѣ носильщики—хорошіе землекопы; своими сильными челюстями они вырываютъ одинъ кусочекъ земли за другимъ и складываютъ изъ нихъ валы по обѣимъ сторонамъ дороги. Этого мало: на открытыхъ мѣстахъ, если это позволяетъ почва, дорожки почти всегда покрыты сводомъ, выводимымъ по всѣмъ правиламъ архитектурнаго искусства. Своды эти, дѣлающіе дорогу совершенно невидимой, строятся медленно и осторожно и муравьи долго ворочаютъ каждый комочекъ земли, каждую песчинку, пока установятъ ее въ надлежащее мѣсто. Значеніе этихъ галлерей до сихъ поръ, впрочемъ, неизвѣстно, такъ какъ муравьи довольствуются часто и непокрытыми дорогами, да къ тому же почти не имѣютъ враговъ, отъ которыхъ нужно было бы скрываться. Столь тщательно выстроенная дорога подвергается, конечно, всевозможнымъ напастямъ: уже каждая капля дождя производитъ порчу, животныя же и люди разрушаютъ часто значительные участки; поэтому требуется постоянный и, притомъ, немедленный ремонтъ. Такой ремонтъ и производится спеціальными рабочими, не носящими листьевъ, но все время бѣгающими по дорогѣ. Проходящій человѣкъ разрушилъ подошвой цѣлыхъ два вершка дороги, придавивъ, конечно, и нѣсколько десятковъ муравьевъ; по обѣ стороны разрушеннаго участка немедленно начинается растерянная бѣготня носильщиковъ, вдругъ потерявшихъ путь. Но вотъ подбѣгаютъ путейцы, освидѣтельствуютъ разрушеніе, и начинается дѣятельное исправленіе пу-

ти. Съ обѣихъ сторонъ подбѣгаютъ толпы помощниковъ, и въ полчаса путь исправленъ. На первый взглядъ можно подумать, что при этомъ царствуетъ полное согласіе въ дѣйствіяхъ всѣхъ муравьевъ, но этого, однако, нѣтъ и, какъ ни странно, муравьи оказываются совершенно неспособными работать сообща: каждый, повидимому, только и думаетъ, что о своей личной работѣ, не обращая вниманія на остальныхъ. Поэтому стоитъ двумъ муравьямъ захватить одинъ и тотъ же кусочекъ земли, дерева, и начинается безсмысленное подергиванье его въ разныя стороны, пока одинъ изъ ухватившихъ не пересилитъ другого и не оттянетъ препятствія съ дороги. То же самое и съ муравьями-носильщиками: каждый бѣжитъ съ своей ношей, нисколько не обращая вниманія на товарищей, нерѣдко перебѣгая черезъ нихъ и опрокидывая и ихъ, и ношу. Но масса муравьевъ такъ велика, всѣ они такъ единодушно стремятся къ одной и той же цѣли, что, какъ никакъ, несмотря даже на отсутствіе согласованности единичныхъ усилій, результатъ оказывается изумительнымъ.

Спѣшимъ, однако, прибавить, что далеко не всѣ муравьи столь ревнивы въ исполненіи своихъ обязанностей; увы, по наблюденіямъ Мёллера, лѣнь, мать всѣхъ пороковъ, прокралась въ среду и этихъ образцовыхъ труженниковъ, и сплошь и рядомъ, особенно болѣе мелкія и шустрыя особи, предпочитаютъ вмѣсто того, чтобъ или исправлять дорогу, или носить кусочки листьевъ—взбираться на нихъ и, такимъ образомъ, кататься на своихъ болѣе крупныхъ и сильныхъ собратьяхъ

На открытыхъ мѣстахъ устроить дорогу сравнительно легко; не то въ лѣсу, особенно тропическомъ, гдѣ на каждомъ шагу муравьямъ попадаются непреодолимыя препятствія. Поэтому, часто муравьи дѣлаютъ большіе обходы, взбираются на деревья, пользуются каждымъ сучкомъ и листомъ для переходовъ и безъ того уже длинный путь удлиняется еще болѣе. Надо удивляться способности носильщиковъ ориентироваться въ случаѣ, если наступитъ перерывъ въ пути: обыкновенно черезъ нѣсколько минутъ новый путь отысканъ и шествіе продолжается. Такимъ образомъ, пробѣгая въ часъ приблизительно 25 метровъ, муравей съ ношей достигаетъ своего гнѣзда (отстоящаго нерѣдко на 3—4 сотни метровъ отъ опустошаемаго дерева), гдѣ и скрывается.

Гнѣзда свои носильщики устраиваютъ или прямо въ землѣ, или подъ корой упавшихъ деревьевъ, между корнями ихъ и т. п. Внутри гнѣзда находится рыхлая, мягкая, сѣроватая масса, пронизанная многочисленными ходами и напоминающая по виду грубую губку. Въ этой массѣ сидятъ и ползаютъ муравьи и въ безпорядкѣ лежатъ яйца, личинки и куколки. Эта грибчатая масса и есть «грибной садъ» муравьевъ,—садъ, въ которомъ они производятъ свои культуры. У нѣкоторыхъ муравьевъ-носильщиковъ грибной садъ иногда имѣетъ до метра въ поперечникѣ, у другихъ же муравьевъ значительно меньше.

Уже при поверхностномъ наблюденіи можно замѣтить, что верхняя часть грибного сада окрашена иначе, чѣмъ нижняя, именно въ синевато-черный

цвѣтъ, и муравьи особенно дорожатъ именно этими синевато-черными частями сада, такъ какъ при разрушеніи гнѣзда раньше всего собираютъ именно эти части. Съ помощью лупы можно разглядѣть, что эта масса состоитъ изъ безчисленнаго числа маленькихъ комочковъ, пронизанныхъ и оплетенныхъ бѣлыми нитями гриба, связывающими отдѣльные комочки между собою. На поверхности сада можно замѣтить бѣлыя, округлыя тѣльца, около $^1/_4$ миллиметра въ поперечникѣ; на самыхъ верхнихъ, молодыхъ частяхъ ихъ еще нѣтъ, но на старыхъ они чрезвычайно многочисленны и придаютъ саду нѣсколько сѣроватый оттѣнокъ. Эти комочки, Мёллеръ называетъ ихъ «рѣпками», и составляютъ, какъ оказывается, исключительную пищу муравьевъ и образованы особыми шаровидно-вздувающимися и переплетающимися между собою нитями гриба.

Однако, лишь послѣ цѣлаго года упорнаго труда, Мёллеру удалось доказать, что эти «рѣпки» дѣйствительно составляютъ единственную пищу муравьевъ, и даже болѣе, что муравьи-носильщики потеряли вообще способность питаться чѣмъ-либо инымъ. Для этого онъ сажалъ муравьевъ въ стеклянные сосуды и предлагалъ имъ всевозможныя съѣдобныя вещества, напримѣръ, сахаръ, плоды, листья; но муравьи упорно ничего не трогали и умирали голодною смертью. Совсѣмъ иное, если имъ давались бѣлые комочки грибовъ: муравьи ихъ немедленно уничтожали и жили въ неволѣ неопредѣленно долгое время.

Мёллеру удалось даже наблюдать, какъ ѣли муравьи эти грибные клубочки: для этого онъ заставлялъ муравья голодать нѣсколько дней и затѣмъ на концѣ иголки подавалъ ему грибной комочекъ; бѣдный голодный муравей охотно бралъ изъ рукъ подачку, усердно принимался за ея уничтоженіе и позволялъ разсмотрѣть, какъ онъ ворочалъ комочекъ лапками, откусывая одинъ кусочекъ за другимъ, пока весь кусочекъ не исчезалъ въ его желудкѣ.

При этомъ Мёллеру удалось подмѣтить странное явленіе, что муравьи одного рода ѣли грибъ, культивируемый другимъ видомъ того же рода, но умирали голодною смертью, если имъ предлагался грибъ, культивируемый муравьями другого рода. Такъ, напримѣръ, муравьи-носильщики охотно ѣли грибъ, культивируемый другими видами носильщиковъ же, но не дотрогивались до гриба, культивируемаго волосистыми или бугорчатыми муравьями, и обратно.

При микроскопическомъ изслѣдованіи такихъ клубочковъ Мёллеръ нашелъ, что они состоятъ изъ массы нитей, такъ называемыхъ гифъ гриба, окончанія которыхъ шаровидно-вздуты и наполнены густою протоплазмой, содержащей, какъ извѣстно, всѣ вещества, необходимыя для поддержанія жизни животнаго.

Послѣ нѣкоторыхъ опытовъ Мёллеру удалось наблюдать и самый процессъ устройства муравьями своего сада, для чего онъ садилъ муравьевъ вмѣстѣ съ обломками сада въ особые стеклянные сосуды, куда насыпалъ сырого песку, для поддержанія необходимой для муравьевъ влажности,

и клалъ свѣжіе листья. Муравьи обыкновенно довольно скоро принимались за дѣло: прежде всего они тщательно собирали всѣ кусочки стараго сада и складывали изъ нихъ новый; затѣмъ принимались рѣзать положенные имъ свѣжіе листья и строить изъ нихъ новые слои сада. Дѣлается это такъ: муравей откусываетъ кусочекъ листа и, держа его въ переднихъ лапкахъ, челюстями искалываетъ его въ теченіе цѣлой четверти часа. При этомъ кусочекъ неустанно ворочается во всѣ стороны. Послѣ такого пережевыванія кусочекъ листа превращается въ темный комочекъ и всѣ клѣтки ткани листа оказываются разорванными. Такой комочекъ муравей несетъ на садъ и прикрѣпляетъ его къ ряду другихъ подобныхъ же комочковъ, изъ которыхъ сперва строится валъ, а затѣмъ цѣлый сводъ, такъ что весь садъ состоитъ изъ массы построенныхъ другъ на другѣ сводовъ; этимъ и объясняется его губчатое строеніе. Приложивъ свой комочекъ листа, муравей плотно притискиваетъ его къ остальнымъ, причемъ пускаетъ въ ходъ и голову, и ножки. Такимъ образомъ почва для гриба готова, и, дѣйствительно, уже по прошествіи нѣсколькихъ часовъ весь комочекъ оказывается насквозь пронизаннымъ нитями гриба, растущаго необычайно быстро, и уже на другой день на вновь сложенныхъ частяхъ сада появляются бѣлые комочки—рѣпки, поѣдаемыя муравьями.

Вмѣстѣ съ постройкою новыхъ частей сада не кончаются, однако, заботы муравьевъ, такъ какъ грибной садъ нуждается въ постоянномъ провѣтриваніи и, главное, въ тщательномъ уходѣ за чистотой культивируемаго гриба. И чистота культуры муравьевъ является буквально поразительной: при всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ Мёллеръ всегда находилъ въ садахъ муравьевъ совершенно чистыя культуры одного и того же гриба. Человѣку, незнакомому съ устройствомъ, такъ называемыхъ, «чистыхъ культуръ» грибовъ и бактерій, въ настоящее время столь распространенныхъ и въ техникѣ, а въ медицинѣ особенно, вышеприведенный фактъ не говоритъ ничего, но достаточно будетъ одного примѣра, чтобы показать всю трудность полученія подобныхъ чистыхъ культуръ.

Вкусъ и другія качества пива зависятъ, между прочимъ, въ весьма сильной степени отъ сорта употребляемаго дрожжеваго грибка; поэтому пивные заводы Германіи, Бельгіи, Даніи, славящіеся своимъ пивомъ, въ настоящее время употребляютъ для различныхъ сортовъ пива различные сорта дрожжей въ чистыхъ культурахъ. И вотъ какія предосторожности принимаются при приготовленіи такихъ культуръ. Если получено небольшое количество дрожжевого грибка съ желаемыми (пока, конечно, приблизительно) свойствами, тогда его переводятъ въ болѣе крупные сосуды, наполненные до извѣстной высоты сусломъ; при этомъ, прежде всего, сусло въ сосудахъ кипятится въ теченіе нѣсколькихъ часовъ для того, чтобъ убить всѣ попавшіе туда зародыши другихъ грибовъ; при охлажденіи воздухъ проходитъ въ сосудъ черезъ рядъ трубочекъ, наполненныхъ ватой, задерживающей всѣ зародыши постороннихъ организмовъ. Затѣмъ сосудъ съ сусломъ и сосудъ съ чистой культурой ставятся подъ особый стеклянный кол-

пакъ, снабженный отверстіями, куда плотно входятъ руки экспериментатора. Внутренность колпака, поверхность сосудовъ, руки экспериментатора смачиваются слабымъ растворомъ сулемы; затѣмъ тщательно прокаленною платиновой иголкой или трубочкой экспериментаторъ переноситъ часть чистой культуры въ обезпложенный питательный растворъ. И эта процедура повторяется при каждомъ перенесеніи грибка изъ одного сосуда въ другой. Казалось бы, здѣсь должна быть абсолютная чистота; между тѣмъ, бываетъ, что значительное число культуръ оказывается загрязненной посторонними организмами.

Сравнимъ теперь съ такой тщательной культурой гриба человѣкомъ способъ культуры муравьями-носильщиками. Припомнимъ только, что они рѣжутъ листья, уже навѣрно загрязненные пылью, затѣмъ кусочки листьевъ несутся въ гнѣздо, трутся, конечно, о землю, о листья, падаютъ на землю, на гніющія части растеній и животныхъ; въ гнѣздѣ они, при пережевываніи, ворочаются лапками муравьевъ, конечно, тоже не претендующими на абсолютную чистоту; припомнимъ, что все это происходитъ въ тропическомъ климатѣ, при высокой температурѣ и во влажномъ воздухѣ, т.-е. при условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для развитія всѣхъ грибовъ, и тогда невольно удивимся искусству муравьевъ, ухитряющихся на площади длиною въ полтора метра сохранять чистую культуру только одного гриба. Чѣмъ и какъ поддерживается чистота культуры гриба у муравьевъ, Мёллеру объяснить не удалось. Правда, онъ предполагаетъ, что муравьи, особенно мелкія особи, довольно многочисленныя въ садахъ, постоянно «выпалываютъ» садъ, но въ чемъ состоитъ это выпалываніе, и какъ могутъ отличать муравьи нити или споры культурнаго гриба отъ посторонняго, если они только дѣйствительно выпалываютъ эти посторонніе споры, сказать съ достовѣрностью пока невозможно. Можетъ быть, при выпалываніи муравья руководствуются вкусомъ и обоняніемъ, и это предположеніе является, дѣйствительно, наиболѣе вѣроятнымъ въ виду того факта, что муравьи различныхъ родовъ отличаютъ чужой грибъ отъ своего; но, конечно, это лишь одно предположеніе.

Вліяніе муравьевъ на грибъ проявляется, однако, и въ другихъ отношеніяхъ весьма рѣзко. Стоитъ, наприм., выбрать изъ сада всѣхъ муравьевъ, и тогда садъ, лишенный ухода, немедленно «запускается»: нити гриба, росшія прежде подъ вліяніемъ лапокъ и челюстей муравьевъ-садовниковъ только внутри стѣнокъ сада, немедленно даютъ воздушные побѣги, покрывающіе весь садъ первоначально какъ пухомъ, а затѣмъ быстро растущіе и превращающіе садъ въ дремучій лѣсъ грибныхъ нитей. Мёллеръ доставлялъ себѣ жестокое удовольствіе наблюдать борьбу между муравьями и культивируемымъ ими грибомъ. Для этого онъ оставлялъ въ саду небольшое число ихъ, недостаточное, чтобы поддерживать садъ въ порядкѣ; въ первые дни муравьи бодро утаптывали и обкусывали подымающіяся нити, но въ то время, какъ они отдѣлывали одну часть сада, другая уже покрывалась нитями гриба, и вотъ обезсиленные, побѣжденные своимъ собствен-

нымъ культурнымъ растеніемъ, бѣдные муравьи бросали борьбу и забивались къ вертикальнымъ стѣнкамъ сосуда, спасаясь отъ тѣснящихъ ихъ грибныхъ нитей. Какое счастье, подумаешь, что человѣкъ не дошелъ еще до такого совершенства культуры растеній. А то что бы происходило съ производителями хлѣба, когда они и теперь поминутно изнемогаютъ подъ вліяніемъ избытка производительности надъ спросомъ.

Итакъ, муравьи носильщики, дѣйствительно, культивируютъ грибъ и, притомъ, всѣ виды одинъ и тотъ же. Мёллеру посчастливилось даже найти высшую форму гриба и опредѣлить, такимъ образомъ, его систематическое положеніе. Грибъ оказался довольно близкимъ родственникомъ нашихъ мухомора и поганокъ, принадлежащихъ къ наиболѣе высоко организованнымъ грибамъ.

Совершенно такіе же сады, какъ и муравьи-носильщики, устраиваютъ и муравьи волосистые и бугорчатые (роды Apterostygma и Cyphomyrmex), съ тою только разницею, что сады эти обыкновенно меньше, и виды культивируемаго гриба иные. Кромѣ того, оба названные рода не рѣжутъ листьевъ, и матеріаломъ для устройства сада имъ служатъ кусочки дерева, такъ называемая древесная мука, вытачиваемая жуками-точильщиками, извержения личинокъ, питающихся деревомъ и т. п. Всѣ эти вещества также тщательно измельчаются челюстями муравьевъ, изъ нихъ строится садъ, пронизываемый немедленно нитями гриба. Замѣчательно слѣдующее наблюденіе Мёллера: онъ предложилъ муравьямъ, содержавшимся въ неволѣ, вмѣсто дерева муку таніока, и муравьи, никогда, конечно, не имѣвшіе съ нею дѣла, тотчасъ оцѣнили ее, какъ превосходное питательное вещество для гриба, и тотчасъ пустили въ дѣло. Даже болѣе, въ случаѣ, если имъ давали муку таніока и древесную муку, собранную изъ разрушеннаго гнѣзда, то муравьи раньше всего набрасывались на таніоку.

Какъ волосистые, такъ и бугорчатые муравьи оказались тоже исключительно питающимися культивируемымъ грибомъ и потерявшими уже способность питаться чѣмъ-нибудь инымъ.

Если мы сравнимъ теперь формы культивируемыхъ грибовъ у различныхъ муравьевъ, то легко можно прослѣдить историческій ходъ развитія культурныхъ формъ гриба и опредѣлить степень культурнаго развитія муравьевъ. Ниже всего стоятъ муравьи бугорчатые. У культивируемаго ими гриба не выработалось еще особыхъ формъ: нити гриба, хотя и сплетаются уже въ особые клубочки, но одинаковой толщины, и клубочки сравнительно рѣдки и рыхлы; муравьи прямо откусываютъ отдѣльныя нити. Нѣсколько выше стоятъ волосистые муравьи, гдѣ у культивируемаго гриба нити уже сплетаются въ болѣе плотные клубочки и имѣютъ нѣсколько бо́льшую толщину, чѣмъ обыкновенныя; еще выше стоитъ одинъ видъ волосистыхъ муравьевъ, культивирующій грибъ уже съ выработанными клубочками, очень многочисленными и состоящими изъ концовъ нитей, утолщенныхъ въ видѣ цилиндровъ. Наконецъ, наиболѣе высокую степень представляютъ остальные носильщики, такъ какъ ихъ грибъ имѣетъ наиболѣе совершенные клубочки,

гдѣ всѣ нити шаровидно вздуты и наполнены густою протоплазмой; шаровидное же вздутіе концовъ нитей, конечно, должно считаться наиболѣе удобнымъ, такъ какъ здѣсь въ наименьшемъ объемѣ собрано наибольшее количество питательнаго вещества.

Такимъ образомъ, различные роды муравьевъ дѣйствительно стоятъ на разныхъ степеняхъ культуры. Но и различные виды одного и того же рода стоятъ не на одной степени; такъ, наприм., только одинъ видъ волосистыхъ муравьевъ имѣетъ грибъ съ клубочками изъ утолщенныхъ нитей, у остальныхъ такихъ нитей грибъ не образуетъ. А такъ какъ одинъ и тотъ же родъ муравьевъ культивируетъ, какъ это доказалъ Мёллеръ, одинъ и тотъ же видъ гриба, то очевидно эти утолщенныя нити и эти «рѣпки»—результатъ дѣятельности муравьевъ и получены путемъ искусственной культуры. Это послѣднее обстоятельство можетъ быть, конечно, легче всего объяснено различіемъ во времени, въ теченіе котораго грибъ подвергался культурѣ у различныхъ муравьевъ, такъ какъ трудно допустить, чтобъ это различіе культурныхъ формъ явилось результатомъ различія пріемовъ культуры гриба различными муравьями.

Вліяніе муравьевъ на грибъ сказалось еще и въ другомъ направленіи. Выше было сказано, что Мёллеру посчастливилось найти въ развитомъ состояніи на одномъ старомъ брошенномъ гнѣздѣ только грибъ муравьевъ-носильщиковъ. Грибъ этотъ оказался ярко покрашеннымъ и довольно значительной величины и тѣмъ не менѣе, несмотря на произведенныя затѣмъ самые тщательные поиски, въ дикомъ состояніи ни этотъ грибъ, ни культурные грибы волосистыхъ и бугорчатыхъ муравьевъ не были найдены. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи эти грибы раздѣляютъ участь и нашихъ культурныхъ растеній, у нѣкотораго числа которыхъ дикіе родичи тоже вымерли; съ другой стороны это обстоятельство несомнѣнно доказываетъ весьма значительную давность культуры грибовъ муравьями.

Мы не станемъ утруждать читателя приведеніемъ дальнѣйшихъ подробностей изъ жизни муравьевъ-садовниковъ, — подробностей весьма интересныхъ для спеціалистовъ какъ зоологовъ, такъ и ботаниковъ, но имѣющихъ меньшее отношеніе къ нашей темѣ. Прибавимъ, что вообще муравьи не ограничиваются культурой однихъ только грибовъ, и въ той же Америкѣ существуютъ муравьи, культивирующіе высшее растеніе, именно одинъ видъ злаковъ; къ сожалѣнію, о жизни этихъ послѣднихъ муравьевъ мы знаемъ очень мало, способы же культуры ихъ совсѣмъ неизвѣстны. Можно, однако, уже a priori сказать, что пріемы ихъ не будутъ столь сложными, какъ у муравьевъ-носильщиковъ, такъ какъ вообще культура низшихъ растеній представляетъ неизмѣримо большія трудности, а что касается до грибовъ, то, вѣдь, и человѣкъ дальше дрожжей да шампиньона еще почти что не ушелъ. Приведенный выше очеркъ имѣлъ вообще цѣлью дать лишь общую картину соотношеній между муравьями и растеніями и сдѣлать нѣсколько намековъ на способы изученія этихъ соотношеній. Торопимся прибавить, что и для спеціалистовъ біологовъ далеко еще не всѣ черты этой

картины ясны и, конечно, весьма и весьма многіе штрихи будутъ еще открыты съ теченіемъ времени. Думается, однако, что сказаннаго достаточно, чтобы дать понятіе о всемъ интересѣ такихъ біологическихъ изысканій, а также и объ одномъ изъ господствующихъ нынѣ направленій въ біологіи вообще, растительной въ частности. Понятнымъ также становится стремленіе біологовъ попасть подъ тропики; дѣйствительно, тамъ жизнь развивается свободно и мощно, все, что едва намѣчено въ нашихъ широтахъ, подъ тропиками выступаетъ рѣзко, выпукло и многія явленія растительной жизни въ нашихъ широтахъ получили совсѣмъ иное объясненіе изъ сравненія съ таковыми же явленіями подъ тропиками. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобъ окружающая насъ природа не имѣла уже никакого интереса, наоборотъ, какъ мы видѣли, и она представляетъ неисчерпаемый источникъ для наблюденій, а, слѣдовательно, и для чистаго наслажденія.

М. Голенкинъ.

Нападеніе и защита.

Не разъ въ своихъ юридическихъ монографіяхъ приходилось намъ касаться нѣкоторыхъ аномалій въ установленномъ дѣйствующимъ законодательствомъ «порядкѣ частнаго обвиненія», когда возбужденіе уголовнаго преслѣдованія законъ предоставляетъ на произволъ пострадавшаго лица, дозволяетъ прекращать дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ сторонъ и освобождаетъ прокурорскій надзоръ отъ одной изъ наилучшихъ его обязанностей—обязанности вступиться за обиженнаго, по тѣмъ или инымъ причинамъ неспособнаго отстоять свое, сильнѣйшимъ нарушаемое, право безъ посторонней помощи.

Касаясь этихъ аномалій, мы дѣлали это вскользь, мимоходомъ, лишь настолько, насколько эти указанія входили въ программу общей, посторонней имъ темы. Теперь, благодаря длинной вереницѣ оглашенныхъ и не опровергнутыхъ фактовъ *самаго возмутительнаго посягательства на личность человѣческую*, настало время остановиться на этомъ предметѣ подробнѣе и спеціально разсмотрѣть вопросъ: можетъ ли защита отъ подобныхъ посягательствъ оставаться въ зависимости отъ воли страдающаго лица, и насколько воля эта можетъ оказываться *свободной?*

I.

Въ ряду этихъ, оглашенныхъ печатью, не опровергнутыхъ фактовъ мы остановимся на одномъ, какъ наиболѣе типичномъ, совмѣщающемъ въ себѣ всѣ данныя для безошибочнаго рѣшенія вопроса. Сообщенъ этотъ фактъ газетою *Недѣля*, перепечатанъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, откуда мы и приводимъ дословно нижеслѣдующую выписку (№ 265 отъ 25 сентября).

Tempora mutantur et nos mutamur in illis. Въ самую глухую пору крѣпостного права помѣщики съ самыми тираническими вкусами если иногда и «жаловали изъ своихъ рукъ», то пожалованіе мотивировалось «запальчивостью и раздраженіемъ» и не переступало границъ «легкаго тѣлеснаго поврежденія»; когда же требовалось болѣе внушительное воздаяніе, то таковое поручалось исполнительнымъ чинамъ. Тургеневскій помѣщикъ, замѣ-

тивъ за обѣдомъ, что красное вино не нагрѣто, зоветъ буфетчика и потихоньку поручаетъ ему «насчетъ Ѳедора распорядиться», извинившись предварительно передъ собесѣдникомъ. Предводитель Юрловъ лично «руководитъ экзекуціей» и затѣмъ, когда жертва была уже нахлестана въ кровь, «схватываетъ ее за волосы и тычетъ лицомъ въ землю» (настоящій «coup de maître!»). Ни передъ кѣмъ не извиняясь, онъ «ѣздитъ по уѣзду» и *гордится тѣмъ, что выпоролъ мужика*. Въ былыя времена дворяне-помѣщики гордились древностью своего рода, своимъ хлѣбосольствомъ, подвигами предковъ и борзыми собаками; теперь представитель сословія, представляя собой на этотъ разъ господствующее въ немъ настроеніе, гордится тѣмъ, что «выпоролъ мужика»... «Всякому времени свой мужъ потребенъ».

Дѣйствительно, избіеніе смерда стало теперь какою-то миссіей, культомъ, имѣющимъ свой собственный печатный органъ, девизомъ, съ гордостью всѣмъ и каждому предъявляемымъ. Сѣкутъ въ волостныхъ судахъ, сѣкутъ на барскихъ конюшняхъ, сѣкутъ на фабрикахъ. Сѣкутъ и избиваютъ людей подкабальныхъ, беззащитныхъ *и потому совершенно безопасныхъ*. Несомнѣнно, что Власовъ и всѣ подобныя ему жертвы насилій и самоуправства жаловаться не будутъ: «развѣ что̀ подѣлаешь?»...

II.

И правда, ничего нельзя «подѣлать», пока дѣйствующее и давно уже устарѣвшее наше Уложеніе о наказаніяхъ будетъ преслѣдовать въ порядкѣ обязательнаго государственнаго обвиненія кражу *курицы*, несмотря на примиреніе сторонъ, и оставлять на произволъ пострадавшаго обжалованіе гнуснѣйшаго изъ посягательствъ на *личность человѣческую*, разрѣшая виновнику безотвѣтственно издѣваться надъ «образомъ и подобіемъ Божіимъ» во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ предполагаемый произволъ превращается въ неволю.

Здѣсь мы предвидимъ возраженіе читателя, не посвященнаго во всѣ тайны судебнаго процесса въ томъ его фазисѣ, который предшествуетъ гласному разбирательству дѣла на судѣ. Въ настоящемъ случаѣ,—скажутъ, пожалуй, намъ,—дѣло идетъ объ истязаніяхъ, сопровождавшихся условіями, требующими преданія суду не въ частномъ, а въ общемъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства. Что же изъ этого?—Пожалуй, и возбудится преслѣдованіе безъ частной жалобы, но врачебная экспертиза, какъ это постоянно случается при квалификаціи истязаній, сведетъ эти «истязанія» на «легкія поврежденія», преслѣдуемыя лишь частною жалобой, а такъ какъ таковой въ дѣлѣ не имѣется, то оно, не доходя до суда, будетъ «дальнѣйшимъ производствомъ прекращено». Если же экспертиза предварительнаго слѣдствія и выскажется за «истязанія», то экспертиза на судѣ,—когда всѣ слѣды этого истязанія успѣютъ совершенно изгладиться и вмѣсто физической боли у пострадавшаго останется на душѣ лишь вѣчный позоръ перенесеннаго оскорбленія, — медицина, такого недуга не

врачующая, выскажется въ союзѣ съ доводами защиты опять-таки за «легкія поврежденія»; они пройдутъ и въ отвѣтахъ присяжныхъ, и, въ концѣ-концовъ, *за отсутствіемъ жалобы*, объявляемый будетъ «объявленъ отъ суда свободнымъ». И такъ будетъ стоять дѣло, пока рѣшающую подсудность случая грань между «тяжкими» и «легкими» поврежденіями будутъ опредѣлять лишь физическими послѣдствіями, игнорируя, что подобная мѣрка, приличная для безсловесной твари, унизительна для человѣка, способнаго жестоко страдать и принижаться нравственно отъ ничтожнѣйшихъ поврежденій на тѣлѣ.

Порядокъ частнаго обвиненія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обвинитель слабѣе обвиняемаго, *у насъ*, въ смыслѣ защиты отъ нападенія, не имѣетъ ровно никакого значенія. Онъ умѣстенъ и цѣлесообразенъ тамъ, гдѣ достоинство человѣческой личности достаточно усвоено въ массахъ, гдѣ нѣтъ экономической зависимости, гдѣ собственноручная расправа является исключеніемъ и не составляетъ неизбѣжнаго историческаго наслѣдія или присущей нравамъ народа черты, гдѣ, наконецъ, существуетъ *фактическая* возможность для всѣхъ и каждаго возстановить свое попранное право. Но тамъ, гдѣ все это является лишь мечтательною задачей далекаго будущаго, — тамъ этотъ порядокъ оказывается фикціей, — жестоко насмѣшливою фикціей, и дальше мертвой буквы закона не идетъ. «Если тебя оскорбили, если надругались надъ тобой,—говоритъ эта мертвая буква,— иди жаловаться, и судъ возстановитъ твое право, воздастъ оскорбителю»... Это все равно, какъ еслибъ, отворивъ двери предъ неподвижнымъ паралитикомъ, сказать ему: «Иди, бѣгай,— ты свободенъ!» Вся разница здѣсь въ томъ, что у одного парализованы ноги, а у другого — воля, причемъ и тому, и другому одинаково необходима посторонняя помощь, чтобы воспользоваться предоставляемою свободой.

Пойдетъ ли обиженный жаловаться, если онъ видитъ, что судья и обидчикъ слились въ одно, ему безусловно враждебное существо, если онъ знаетъ, «что земскій начальникъ подчиненъ предводителю, что становой тоже не промѣняетъ барина на него, что онъ лишится мѣста, а у его родныхъ отымутъ землю», «что, вслѣдствіе всего этого, даже и при выигрышѣ дѣла, онъ и семья его очутятся въ положеніи изгнанныхъ и бездомныхъ паріевъ?! Если, въ *такомъ* положеніи обиженный не жалуется, то поступаетъ такъ не потому, что *не хочетъ* жаловаться, а потому, что *не можетъ* исполнить этого по обстоятельствамъ, внѣ его воли стоящимъ и отъ него отнюдь не зависящимъ. Въ такомъ положеніи исключается всякая возможность проявленія свободы воли, — свободы обжаловать свою обиду, и *въ такомъ точно* положеніи обрѣтается громадное большинство лицъ, пострадавшихъ отъ той или иной «властной руки».

Принципъ свободной воли достаточно развитъ въ нашемъ законодательствѣ и уголовномъ, и гражданскомъ, судебная практика еще болѣе расширила границы примѣненія этого принципа: внѣ его наличности всякое дѣяніе становится въ своихъ юридическихъ послѣдствіяхъ ничтожнымъ, пре-

ступленіе не вмѣняется въ вину, а гражданская сдѣлка объявляется недѣйствительною. На совершенно томъ же основаніи слѣдуетъ признать *недѣйствительнымъ* и подневольный, вынужденный отказъ потерпѣвшаго отъ предоставленнаго ему тѣмъ же законодательствомъ права жалобы. Не смѣя проявиться вовнѣ, жалоба, *тѣмъ не менѣе, существуетъ;* затаившись въ народѣ, «создавшемъ пѣсню, подобную стону», она тяжелымъ укоромъ звучитъ для общества и вопіетъ къ правосудію: въ избитомъ тѣлѣ остается опозоренной душа человѣческая, и что за потрясающая драма совершается въ этой душѣ, когда страдальцу представляется альтернатива—пожаловаться и потерять мѣсто, раззорить родныхъ, или молча стерпѣть кровную обиду, ничѣмъ незаслуженное надругательство!

III.

Въ такомъ освѣщеніи является намъ субъективная сторона вопроса. Но онъ имѣетъ еще и другую—объективную.

Дѣйствующее Уложеніе о наказаніяхъ до сихъ поръ хранитъ еще въ себѣ не мало архаическихъ положеній, «преданій старины глубокой». Съ тѣхъ еще временъ, когда убійство человѣка облагалось легкою денежною пеней, а воровъ казнили, и вплоть до нашихъ дней имущественный интересъ потерпѣвшаго отъ преступленія охраняется закономъ гораздо тщательнѣе и строже, нежели его личность, его человѣческое достоинство, его тѣлесная неприкосновенность. Вора, какъ бы незначительна ни была совершенная имъ кража, законъ преслѣдуетъ помимо воли (очень нерѣдко даже противъ нея) лица потерпѣвшаго; въ случаѣ осложненія кражи увеличивающими (большею частью формально) вину обстоятельствами вступаетъ въ дѣло прокуроръ—государственный обвинитель. Опозоренному тѣлеснымъ наказаніемъ человѣку предоставляется расправляться своими собственными рессурсами; велики эти рессурсы—хорошо, малы—онъ пропалъ.

Никогда еще вопросъ о цѣлесообразности порядка частнаго обвиненія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда слабѣйшему приходится обвинять сильнѣйшаго, и о необходимости законодательнаго пересмотра этого порядка не достигалъ такого значенія, какое пріобрѣтаетъ теперь, въ наше время. При крѣпостномъ правѣ онъ и не могъ возникнуть, а, по отмѣнѣ его, по отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стараго суда и иныхъ наслѣдій навсегда, какъ тогда казалось, отходившей старины, воскресшее къ новой жизни общество до того проникнуто было господствующимъ тогда «духомъ времени», что появленіе какихъ-нибудь господъ, вродѣ Протопопова, Юрлова или Михайлова оказывалось дѣломъ немыслимымъ. Собственноручная расправа оставалась до поры до времени лишь въ крестьянской средѣ, въ ея семейныхъ распряхъ, или подъ пьяную руку. Но вскорѣ, благодаря незабвенной заслугѣ нынѣ упраздненнаго мирового суда, и она вынуждена была значительно сократить размѣръ и районъ своего воздѣйствія. Затѣмъ настали иныя времена. Подъ усерднымъ руководствомъ преемниковъ бывшаго ми-

рового суда волостная Ѳемида реставрировала и оживила почти совсѣмъ позабытую розгу. Не довольствуясь отведеннымъ, легальнымъ застѣнкомъ,— «примѣръ заразителенъ»,—она скоро вышла изъ тѣсныхъ сѣней волостного правленія и пошла гулять по бѣлу-свѣту, проникая уже нелегально на фабрики и въ конюшни и замѣняясь, смотря по обстоятельствамъ, то палкой, то тросточкой, то хлыстомъ, а то и просто собственною десницей. *Нападеніе стало свободнымъ, защита сдѣлалась невозможной,* т.-е. произошло въ жизни нѣчто, какъ разъ противуположное тому, что составляетъ первѣйшую задачу всякаго уголовнаго закона. *Правовыя* гарантіи оказались въ плѣну у грубой *силы,* опирающейся то на превышенную власть, то на экономическую зависимость, то на дикую, ничѣмъ не рискующую, ничѣмъ не сдерживаемую саморасправу. Гордо поднявъ свою голову, она разжигаетъ сословный антагонизмъ, принижаетъ личность человѣческую, и свирѣпствуетъ эпидемически.

Кто же призванъ пока бороться съ нею на почвѣ права и законности?— Одинокій, разрозненный, безпомощный и темный «частный обвинитель».

Да! Одинокій, безпомощный и темный. Не много найдется у него заступниковъ и на сторонѣ, въ современномъ обществѣ, заступниковъ, хотя бы и платоническихъ. Одни говорятъ (и даже пишутъ), что такъ ему, Хаму, и надо, что иначе съ нимъ ничего не подѣлаешь; другіе, ссылаясь на Дарвина и Ницше, находятъ вполнѣ естественнымъ, если побѣждаетъ въ борьбѣ сильнѣйшая особь и погибаетъ слабѣйшая за неспособность приспособленія, третьи вѣрятъ въ прирожденную привиллегію «бѣлой кости» и ничего не имѣютъ противъ рабства и т. д. Заступниковъ не платоническихъ, а съ болѣе реальнымъ авторитетомъ, и того меньше: давно миновало время, когда освобожденный рабъ, замѣтивъ угрожающій жестъ своего прежняго властелина, смѣло осаждалъ его восклицаніемъ: «Драться, баринъ, нонѣ *не приказано!*» А въ рѣдкихъ случаяхъ неудачи тащилъ его къ мировому, и мировой сажалъ барина подъ арестъ или штрафовалъ деньгами.

Необходимо, слѣдовательно, возстановить и укрѣпить какъ въ оскорбителѣ, такъ и въ оскорбляемомъ, пошатнувшуюся вѣру въ то, что «драться и нынѣ не приказано»,

Какъ же, однако, сдѣлать это?

IV.

Общественные нравы составляютъ продуктъ очень сложной совокупности соціальныхъ, культурныхъ и физіологическихъ условій, между которыми законодательному воздѣйствію принадлежитъ одно изъ скромныхъ мѣстъ. Но выпадаютъ на долю человѣчества эпохи, въ которыя нельзя пренебрегать этимъ средствомъ. Эпохи эти называются «переходными» и знаменуются оскудѣніемъ и вырожденіемъ былого нравственнаго типа. Обычные факторы прогресса — школы, университеты, литература, общественные идеалы, утрачиваютъ свое вліяніе, отсутствуютъ или бездѣй-

ствуютъ въ смыслѣ факторовъ этого прогресса. Они уже не могутъ съ прежнимъ успѣхомъ бороться съ низменными инстинктами, съ оскудѣніемъ интереса къ высшимъ задачамъ, и оскудѣніе это мало-по-малу начинаетъ переходить въ озвѣреніе *). Личность человѣческая начинаетъ нуждаться въ «усиленной охранѣ». При такомъ положеніи уже нельзя съ спокойною совѣстью возлагать упованія на эти общіе и мощные, но теперь ушедшіе куда-то въ очень туманную даль факторы прогресса гуманитарныхъ стремленій.

И если въ подобныя эпохи приходится рекомендовать, какъ неизбѣжное, хотя и не безопасное средство, усиленіе уголовной репрессіи, чтобы хотя страхомъ дисциплинировать разнузданные аппетиты, то подобная репрессія и подавно можетъ быть допущена въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе остается безнаказаннымъ *единственно ради безпомощной слабости пострадавшаго отъ него* и когда въ силу такой безотвѣтственности ростетъ и множится число дерзающихъ на него. Да и не объ усиленіи уголовной репрессіи идетъ здѣсь рѣчь, а *о защитѣ беззащитнаго, объ укрощеніи «человѣка-звѣря», о возстановленіи силы уже существующаго закона.*

У нашего крестьянина много опекуновъ и званыхъ, и незваныхъ; но всѣ они охраняютъ его только отъ себя самого,—отъ его лѣни, нерадѣнія къ хозяйству, пьянства и т. п. пороковъ, болѣе предполагаемыхъ, нежели существующихъ въ дѣйствительности. Такихъ же опекуновъ, которые фактически защищали бы его отъ нападеній извнѣ, у него нѣтъ, а, между тѣмъ, этими-то нападеніями и вызываются, главнымъ образомъ, всѣ вышеуказанныя нежелательныя свойства. Если и трудно пока организовать всеобъемлющую опеку этого послѣдняго типа и защищать «сельскаго обывателя» отъ всяческихъ нападеній, то очень легко и просто защитить его, по крайней мѣрѣ, отъ нападеній на его личность, на его человѣческое достоинство.

Какъ въ исторіи нашего права, такъ и въ воззрѣніяхъ нашего народа мы найдемъ рѣшеніе вопроса о томъ, кто теперь, отвѣчая, кромѣ того, и требованіямъ современности, можетъ и долженъ явиться этимъ опекуномъ?

Великій преобразователь земли Русской, который въ началѣ своего царствованія простымъ работникомъ плотничалъ на голландскихъ верфяхъ, а въ концѣ его погибъ, спасая утопающихъ на Лахтѣ, много и любовно думалъ объ участи простого человѣка, угнетаемаго и беззащитнаго. Въ цѣляхъ его охраны онъ создалъ институтъ фискаловъ съ обширными полномочіями; институтъ этотъ долженъ былъ комплектоваться «изъ людей

*) По отзыву покойнаго Н. П. Колюпанова (*Русск. Вѣд.*, 1894 г.), извѣстнаго публициста и ветлужскаго предводителя дворянства, нашъ университетъ, этотъ, нѣкогда благодатный, разсадникъ гуманныхъ началъ, даетъ теперь дѣятелей, которые въ анти-гуманномъ отношеніи къ „сельскому обывателю“ своихъ участковъ далеко опередили прочихъ земскихъ начальниковъ изъ неуниверситетскихъ.

добрыхъ и правдивыхъ»; имъ, этимъ людямъ, поручалось «*взыскать всѣхъ безгласныхъ дѣлъ, также дѣлъ народныхъ (т.-е. простонародныхъ), за которыя нѣтъ челобитчика*». Этотъ первый въ Россіи починъ защитнаго надзора, благодаря многимъ бытовымъ условіямъ и, главнымъ образомъ, трудности въ пріисканіи въ то время «добрыхъ и правдивыхъ людей» для исполненія обязанностей, крайне тогдашнему высшему и чиновному обществу несимпатичныхъ, не принесъ ожидаемыхъ плодовъ. *Тѣмъ не менѣе,*—читаемъ мы въ книгѣ Н. В. Муравьева: «*Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности*», т. I-й, — *въ простомъ народѣ, у людей бѣдныхъ и зависимыхъ, вовсе не было столь непріязненнаго отношенія къ фискаламъ; напротивъ, здѣсь фискалы, исполняя свои обязанности, иногда служили бѣднымъ и угнетеннымъ единственною защитой противъ притѣснителей.* Въ исторіи фискальскаго надзора не мало ея примѣровъ, и она во всякомъ случаѣ должна быть поставлена фискаламъ въ заслугу, уменьшающую ихъ бытовыя вины». Если при всѣхъ вышеуказанныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при нравахъ и порядкахъ, унаслѣдованныхъ Петровскою Русью, учрежденный надзоръ, все-таки, служилъ «бѣднымъ и зависимымъ людямъ единственною защитою», то тѣмъ легче эти «бѣдные и зависимые люди» могутъ найти ее въ современной намъ прокуратурѣ.

«Наученный горькимъ опытомъ прошедшаго (цитируемъ того же автора), русскій человѣкъ предпочитаетъ примириться съ причиненнымъ *лично ему* вредомъ, или смолчать о совершившемся передъ нимъ причиненіи вреда другому, нежели выступить въ качествѣ жалобщика, заявителя, свидѣтеля. Будучи предоставлено самому себѣ подобное положеніе вещей повело бы къ полной безнаказанности преступленій; можно съ вѣроятностью предположить, что еслибы въ Россіи, подобно Англіи, господствовала система частнаго обвиненія, то упразднились бы гарантіи общественной и личной безопасности. Уголовная дѣятельность прокурорскаго надзора должна пополнить этотъ важный пробѣлъ нашего общежитія, созданный еще старымъ законодательствомъ, которое возлагало на нашу дореформенную прокуратуру особое попеченіе о «дѣлахъ, гласа по себѣ не имѣющихъ». Именно въ томъ и заключается высокое призваніе прокурора, чтобы взять въ свои руки уголовное преслѣдованіе изъ немощныхъ и неумѣлыхъ рукъ потерпѣвшаго и, представляя передъ судомъ интересы общества, фактически стать и поборникомъ отдѣльныхъ интересовъ того множества пострадавшихъ отъ преступленія его членовъ, которые, *безъ защиты ихъ государствомъ*, были бы *безпомощно отданы въ жертву* преступнымъ нарушеніямъ законнаго порядка. Эта точка зрѣнія близка и понятна русскому народу, и въ поддержаніи и укрѣпленіи ея прокуратурѣ слѣдуетъ видѣть одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ своего успѣха» (*Прокурорскій надзоръ*, стр. 504).

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ мы находимъ вѣрную и рельефную характеристику симпатичнѣйшей изъ обязанностей прокурорскаго надзора, въ которой обвинительная функція неразрывно слита съ защитною и ея

такъ непререкаемо освящается. Характеристика эта совершенно вѣрна основному гуманному духу Судебныхъ Уставовъ въ томъ ихъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ появились они 20 ноября 1864 года. Но отчего же составители ихъ, намѣчая границы публичнаго обвиненія, оставили за ними дѣла объ оскорбленіяхъ, насиліяхъ и самоуправствѣ, всецѣло ввѣривъ судьбу ихъ въ «немощныя и неумѣлыя руки потерпѣвшаго»?—Причина столько же ясна и проста, сколько и печальна для нашего времени: дѣйствительно, могъ ли умственному взору этихъ составителей предноситься скорбный образъ избитаго и окровавленнаго своимъ господиномъ раба въ тѣ свѣтлые и радостные дни, когда этотъ рабъ впервые почувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ, когда у него были вѣрные и чуткіе ко всякому его горю заступники? Онъ могъ явиться, этотъ скорбный образъ, развѣ какимъ-нибудь тяжелымъ кошмаромъ, приставшимъ изъ области безвозвратно минувшаго, съ тѣмъ, чтобъ исчезнуть при пробужденіи, и самое пылкое воображеніе не могло въ эти свѣтлые дни представить себѣ этотъ призракъ воплотившимся въ дѣйствительности. Но прошло 30 лѣтъ, и вмѣсто прежняго смѣлаго окрика: «драться нонѣ не приказано!»—мы слышимъ иной возгласъ, робкій и безнадежный: «Богъ съ нимъ! Развѣ что подѣлаешь?»...

Подобному возгласу не должно быть мѣста въ странѣ, гдѣ существуетъ и дѣйствуетъ прокурорскій надзоръ, а потому, отвѣчая требованіямъ времени и въ рамкахъ основной идеи института, всѣ дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ, насиліяхъ и самоуправствѣ, по которымъ *пострадавшій не въ состояніи «выступить жалобщикомъ»*, должны быть включены въ циклъ обязанностей этого института и вѣдаться окружными судами, а не мѣстными судебно-административными чинами и учрежденіями, пока организація этихъ учрежденій не подвергнется коренному пересмотру и составъ ихъ не очистится отъ фанатиковъ розги и тѣлеснаго насилія. Остальныя затѣмъ дѣла этой же категоріи, но съ сторонами равноправными и равномочными, когда обиженный, ничѣмъ не рискуя, можетъ обжаловать обиду, когда примиреніе обусловлено не безвыходною кабалой, а свободнымъ актомъ братскаго прощенія, или правомѣрной реабилитаціи,—такія дѣла должны, разумѣется, вѣдаться прежнимъ порядкомъ частнаго обвиненія, и всякое вмѣшательство прокуратуры окажется здѣсь излишнимъ, а въ иныхъ случаяхъ и стѣснительнымъ для участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ.

Такимъ образомъ, въ порядкѣ публичнаго обвиненія, помимо частной жалобы, будутъ вѣдаться дѣла объ оскорбленіяхъ дѣйствіемъ, насиліяхъ и самоуправствѣ, совершенныхъ надъ лицомъ, обвиняемому въ томъ, или иномъ отношеніи подчиненнымъ *), когда подъ давленіемъ страха мести,

*) Напримѣръ, хозяиномъ фабрики или помѣстья, ихъ управляющими, или прикащиками надъ фабричнымъ или сельскимъ рабочимъ, начальникомъ (въ частной службѣ) надъ служащимъ, господами надъ прислугою, кредиторомъ надъ должникомъ и въ т. п. случаяхъ, когда, какъ говорится *„бьютъ лежачаго“*.

лишенія заработка и т. п. оно не можетъ начать дѣло частною жалобой и вынуждено отказаться отъ своего законнаго права *).

Институтъ частнаго обвиненія зиждется на свободѣ воли пострадавшаго—обвинителя; тамъ, гдѣ ея нѣтъ, онъ невозможенъ, немыслимъ: предусматриваемая закономъ охрана личности превращается тогда въ ея эксплуатацію, преступную и беззащитную.

V.

Покончивъ съ доводами разума, обратимся къ голосу чувства. На этотъ разъ такой пріемъ окажется дозволительнымъ и законнымъ, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, оно вполнѣ гармонируетъ съ ними.

Развѣ конюхъ Власовъ не такой же живой человѣкъ, не такой же членъ общества, какъ и мы съ вами, читатель? Развѣ отъ подробностей его истязанія не горятъ со стыда наши щеки и не закипаетъ въ сердцѣ святое, но безсильное негодованіе противъ его безотвѣтственнаго мучителя? Развѣ «люди, объяснявшіе Власову, какъ и кому надо жаловаться», не были одушевлены тѣмъ же чувствомъ? А за ними и нами развѣ не стоятъ сотни, тысячи, милліоны «не изъятыхъ», обладающихъ, сверхъ этой общечеловѣческой нравственной чуткости, еще болѣе чувствительною спиной, ничѣмъ пока не защищенною?... Мы съ вами, читатель, не знаемъ г. Юрлова, ничего лично противъ него не имѣемъ, и если насъ такъ живо и глубоко оскорбляетъ его поступокъ, то не ради того единичнаго личнаго интереса, которымъ стимулируется жалоба въ порядкѣ частнаго обвиненія, а ради того коллективнаго, гражданскаго, честнаго чувства, ради того общественнаго императива, въ которыхъ слышится «гнѣвъ Божій» и которые являются мотивомъ въ институтѣ публичнаго государственнаго преслѣдованія, предпринимаемаго во имя «правъ человѣка». Здѣсь, въ этомъ *общномъ и объективномъ* чувствѣ, въ этомъ страстномъ исканіи правды помимо воли потерпѣвшаго, лежитъ, такъ сказать, *естественное*, исходящее изъ самой природы проступка и потому непререкаемое основаніе для изъятія всѣхъ подобнаго рода дѣлъ изъ «немощныхъ и неумѣлыхъ рукъ» частнаго обвинителя, безсильнаго воспользоваться существующимъ, но фиктивнымъ правомъ своимъ, и передачи ихъ заботамъ государственной власти.

---

*) Подобное изъятіе не будетъ какимъ-либо новшествомъ, чуждымъ дѣйствующему уложенію о наказаніяхъ: согласно примѣчанію къ гл. III. Разд. X, трактующей о нанесеніи ранъ, увѣчій, побоевъ, истязаній и иныхъ поврежденій въ здоровьѣ, „всѣ вообще дѣла о нанесеніи ранъ, увѣчій, или иного поврежденія въ здоровьѣ *при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній* начинаются *независимо отъ жалобы* того, который подвергся симъ ранамъ, увѣчью или поврежденію". Съ несравненно большимъ основаніемъ могутъ быть отнесены къ той же категоріи виновныхъ независимо отъ частой жалобы дѣлъ всѣ подобныя посягательства при эксплоатаціи промышленнаго, сельско-хозяйственнаго, или иного личнаго труда.

Итакъ, дѣла Власова и tutti quanti—не ихъ только личныя дѣла, а дѣла всего общества; гг. Юрловы позорятъ не ихъ только однихъ, а и все это общество, и если Власовы принуждены обстоятельствами молча переносить свой позоръ, то не можетъ такъ поступать все общество, т.-е. въ данномъ вопросѣ государство, конечною и высшею цѣлью котораго признается охрана слабыхъ противъ сильныхъ и права противъ произвола.

Государственное вмѣшательство сдержитъ, конечно, нападеніе и укрѣпитъ защиту; но всякая направленная къ тому мѣра будетъ значительно тормазиться до тѣхъ поръ, пока въ ряду дозволенныхъ, хотя бы и не обязательныхъ, видовъ налагаемаго судами наказанія будетъ фигурировать тѣлесное насиліе, которое одинаково губитъ и развращаетъ какъ того, кто ему подвергается, такъ и того, кто назначаетъ его.

П. Обнинскій.

Война у разныхъ народовъ *).

Война у мѣдно-красныхъ расъ. Происхожденіе жителей Полинезіи—довольно спорный вопросъ въ антропологіи. По всей вѣроятности,— замѣчаетъ авторъ это — потомки малайскихъ племенъ, слившіеся съ американскими выходцами. Острова Полинезіи находятся далеко не на одинаковой ступени цивилизаціи и тутъ особенно интересно прослѣдить различныя стадіи войны. У ново-зеландцевъ она носитъ дикій, свирѣпый характеръ: это—погоня за человѣческимъ мясомъ, санкціонированная религіей. Боги Новой Зеландіи—людоѣды, имъ нужна человѣческая кровь. Но духъ завоеваній не проникъ еще сюда,—все сводится къ грабежу и разбою.

На другихъ островахъ начинаютъ уже склоняться въ эту сторону; классическою же страной завоеваній являются Сандвичевы острова. Въ началѣ нынѣшняго вѣка, гавайскій Наполеонъ, Тамсгамега, утвердилъ свое господство надъ всѣмъ архипелагомъ. Но крайняя жестокость полинезійскихъ завоевателей плохо вязалась съ идеей покоренія. Вмѣсто того, чтобъ облагать побѣжденныхъ данью, они грабили ихъ безпощадно и разоряли до тла. Только на Сандвичевыхъ островахъ начали уже сознавать всю нелѣпость такихъ дѣйствій и ограждали побѣжденныхъ отъ насилія грубой толпы. Жестокіе нравы Полинезіи показываютъ намъ, какъ мало смягчали первобытныя религіи военный пылъ дикарей, какъ, наоборотъ, онѣ разжигали ихъ страсти и потворствовали самой грубой жестокости, санкціонируя ее.

Вліяніе деспотическаго режима было здѣсь такъ же пагубно, какъ и въ Африкѣ. Благодаря ему, война обратилась въ рѣзню, предпринимаемую по капризу властелина. Не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ объ оружіи полинезійцевъ. Самымъ любимымъ ихъ оружіемъ было *patou-patou*, о которомъ такъ много разсказывали путешественники. Оно состоитъ изъ деревянной ручки и каменнаго клинка эллиптической формы, въ полтора фута длины. Лукъ здѣсь почти не употребляется, его замѣняютъ копье и праща. Метаніе камней довольно широко распространено у полинезійцевъ, что указы-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

ваетъ на ихъ родство съ древними мексиканцами. Полинезійцы почти не имѣютъ оборонительныхъ оружій, но за то имъ знакомо искусство фортификаціи.

Туземное населеніе Америки болѣе однообразно, чѣмъ въ Африкѣ и Полинезіи. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, американцы—монгольскаго происхожденія, ихъ колыбелью была Азія. Но нельзя отрицать здѣсь также европейскаго вліянія,—говоритъ Летурно.—Весьма возможно, что выходцы изъ Азіи слились съ европейскими эмигрантами еще въ ту отдаленную эпоху, когда сообщеніе между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ не было такъ трудно. Древніе народы Центральной Америки и краснокожіе индѣйцы представляютъ несомнѣнную смѣсь монгольской расы съ бѣлой и нѣсколько отличаются отъ жителей Южной Америки. Намъ придется разсмотрѣть ихъ въ отдѣльности.

На самой южной окраинѣ Америки живетъ бѣдный кочевой народъ—фиджійцы. Борьба за существованіе дается имъ крайне трудно, и они постоянно воюютъ другъ съ другомъ. Всѣ ихъ войны сводятся къ хищническимъ набѣгамъ и грабежу. По сосѣдству съ фиджійцами мы видимъ патагонцевъ, которые стоятъ гораздо выше ихъ въ умственномъ и соціальномъ отношеніи. Они живутъ кланами и избираютъ кацика на военное время. Ихъ оружіе—луки и стрѣлы. Хотя войны у нихъ ничтожны, но довольно часты. Въ качествѣ причинъ фигурируетъ главнымъ образомъ месть. Жители пампасовъ еще болѣе воинственны,—у нихъ прямо страсть къ войнѣ. Впрочемъ, это весьма понятно: вся злоба этихъ дикарей направлена, главнымъ образомъ, на своихъ естественныхъ враговъ—испанцевъ, и они до того ненавидятъ ихъ, что готовы сражаться съ ними при каждомъ удобномъ случаѣ. Война обратилась у нихъ въ главное занятіе жизни. Въ сраженіяхъ они употребляютъ большое копье и презираютъ луки, хотя послѣднее оружіе въ большомъ ходу у туземцевъ Америки. Жители Боливіи пользуются имъ въ широкихъ размѣрахъ и обладаютъ искусствомъ отравлять стрѣлы. Боливійцы продаютъ плѣнниковъ въ рабство. Бразильскіе карайбы нѣсколько отличаются отъ остальныхъ народовъ Южной Америки. У нихъ господствуютъ монархическій строй и наслѣдственная власть царьковъ. Войны ведутся безпрестанно, такъ какъ между племенами существуетъ наслѣдственная вражда; на непріятеля набрасываются безъ всякихъ предупрежденій и избиваютъ его безпощадно. Съ плѣнниками обращаются сперва мягко, кормятъ ихъ лучшими блюдами, даютъ имъ своихъ женъ, а затѣмъ убиваютъ и торжественно съѣдаютъ. Плѣнницъ заставляютъ работать до дня смерти. Очевидно, здѣсь начинаетъ уже зарождаться идея рабства.

Прежде, чѣмъ перейти къ краснокожимъ индѣйцамъ Сѣверной Америки, слѣдуетъ упомянуть объ одномъ оружіи, употребляемомъ въ Южной Америкѣ, которое указываетъ на родство американцевъ съ малайцами. Это оружіе—*sarbacane*, съ маленькими стрѣлами, отравленными ядомъ кураре. Оно до того смертоносно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совсѣмъ прекратилась война, благодаря ужасу, внушаемому этими стрѣлами.

Краснокожіе индѣйцы Сѣверной Америки не имѣли никакого понятія о *sarbacane;* все ихъ оружіе состояло изъ топора (tomagawk), пики, копій различныхъ величинъ и лука. У нихъ не было другихъ оборонительныхъ оружій, кромѣ деревянныхъ латъ и щита. Нѣкоторыя изъ ихъ племенъ возводили двойныя ограды вокругъ своихъ селъ,—въ этомъ состояло все ихъ искусство фортификаціи.

У краснокожихъ индѣйцевъ существовала цѣлая система военнаго воспитанія. Въ дѣтяхъ развивали главнымъ образомъ чувство собственнаго достоинства и силу воли. Ихъ никогда не били, съ дѣтства мальчиковъ пріучали стрѣлять изъ лука, бороться другъ съ другомъ и стойко выносить страданія. Въ зрѣломъ возрастѣ каждый мужчина становился охотникомъ и солдатомъ: онъ долженъ былъ кормить семью и защищать племя отъ враговъ. Спеціально-военнаго класса не существовало,—каждый былъ воиномъ. Изъ самыхъ низшихъ рядовъ можно было подняться на степень вождя,—все опредѣлялось количествомъ содранныхъ скальповъ. Ручной трудъ былъ у нихъ въ полномъ загонѣ. Сѣверные индѣйцы думали, что человѣкъ созданъ только для войны и охоты. Но не жадность, не страсть къ грабежу, не потребность въ рабахъ руководили ими, когда они подымали свое оружіе. Главною причиной войны было вторженіе на ихъ земли. Каждое племя имѣло свою территорію и всякое посягательство на нее вызывало горячій отпоръ со стороны собственниковъ. Кромѣ того, у нихъ было много наслѣдственныхъ враговъ, съ которыми приходилось сводить старые счеты. По воспитанію, по духу сѣверные индѣйцы были страстными воинами, но когда военныхъ героевъ стали окружать почетомъ и воспѣвать въ народныхъ пѣсняхъ, тогда развилась у нихъ любовь къ славѣ. Во имя этой славы они нерѣдко бросались на поле битвы и приносили оттуда свои трофеи.

Каждая большая война долго обсуждалась въ совѣтѣ. Непріятеля старались застигнуть врасплохъ. Впрочемъ, эти неблагородные пріемы были совершенно чужды рыцарскимъ нравамъ древнихъ индѣйцевъ. Гуроны и ирокезы объявляли войну врагамъ черезъ своихъ пословъ. Когда противники встрѣчались на полѣ битвы, случалось, что вожди ихъ предлагали покончить вражду поединкомъ, щадя кровь своихъ храбрыхъ солдатъ. Но это случалось довольно рѣдко; въ общемъ, военная тактика индѣйцевъ была дика и жестока. Съ плѣнными поступали двояко: ихъ или принимали въ число своихъ членовъ, или же убивали, подвергая жестокимъ пыткамъ. Судьбу плѣнныхъ обыкновенно рѣшали женщины: когда онѣ соглашались признать ихъ вмѣсто убитыхъ родственниковъ, тогда имъ оставляли жизнь. Но женщины чаще требовали мести и съ наслажденіемъ смотрѣли, какъ несчастныхъ жарили на медленномъ огнѣ. Жертва, не желая служить посмѣшищемъ враговъ, умирала геройскою смертью и не испускала ни одного крика.

У краснокожихъ племенъ существовалъ обычай заключать между собою мирные договоры до или послѣ войны. Договаривающіяся стороны сади

лись вмѣстѣ и, при пѣніи и пляскѣ народа, выкуривали «священныя трубки»,—тогда миръ былъ заключенъ. Расторгнуть его, не предупредивъ союзника, считалось святотатствомъ.

Перебирая вышеприведенные факты, мы видимъ, что въ Южной Америкѣ вся цѣль войны сводилась къ грабежу и насилію. Въ сосѣдствѣ Ореноко существовало еще людоѣдство. Съ плѣнниками поступали крайне жестоко. Впрочемъ, послѣдній обычай встрѣчается также и на сѣверѣ у краснокожихъ индѣйцевъ. Война носитъ у нихъ своеобразный характеръ: это смѣсь героизма и дикой жестокости. Она занимаетъ здѣсь первое мѣсто, является цѣлью жизни. Все толкаетъ ихъ въ эту сторону: наслѣдственные инстинкты, общественное мнѣніе, литература, религія. Богъ войны Арескуи великій духъ, его имя служитъ военнымъ крикомъ. Вѣроятно, въ отдаленную эпоху краснокожіе индѣйцы жили небольшими кланами, которые враждовали другъ съ другомъ. Въ средѣ группъ существовала тѣсная солидарность и обязывала членовъ мстить за смерть своихъ согражданъ. Возмездіе считалось законнымъ наказаніемъ за причиненный вредъ, но оно не всегда облекалось въ строго-юридическую форму; часто жажда мести переступала границу и давала просторъ самымъ дикимъ инстинктамъ человѣка. Такъ какъ враговъ было много,—побѣда надъ ними стала считаться подвигомъ. Общественное мнѣніе окружило побѣдителя почетомъ, и тогда-то зародилась идея военной славы, которая заразила міръ своимъ ядомъ и сослужила плохую службу человѣчеству.

Въ древнихъ монархіяхъ Центральной Америки война носила специфическій характеръ. Это не была уже дикая погоня за человѣческимъ мясомъ; она подготовлялась издалека и сообразовалась съ правилами военнаго искусства, которое начинало уже пріобрѣтать научную окраску. Право войны и мира принадлежало всецѣло монарху. Онъ былъ абсолютнымъ владыкой, полубогомъ. Въ силу своего божественнаго происхожденія этотъ монархъ являлся орудіемъ боговъ. Религіозное рвеніе побуждало его истреблять невѣрныхъ или обращать ихъ на путь истины. Всѣ войны въ Мексикѣ и Перу облечены религіознымъ характеромъ; но между ними есть существенное различіе. Мексика воюетъ во имя требованій своего кроваваго культа. Ея боги—каннибалы: нужно напоить ихъ кровью, чтобы снискать ихъ милость. Потому-то нравы ацтековъ такъ безпощадно-жестоки. Плѣнныхъ благоговѣйно приносятъ въ жертву, а затѣмъ съѣдаютъ. Вассаловъ держатъ въ подчиненіи, облагаютъ ихъ данью и вербуютъ у нихъ лучшихъ солдатъ.

Инки, сыны солнца, посланники неба, имѣли другую цѣль: они стремились къ пропагандѣ великихъ религіозныхъ и нравственныхъ истинъ. Ацтеки подъ видомъ религіи преслѣдовали часто легкую наживу и удовлетвореніе своихъ грубыхъ аппетитовъ. Инки же не были людоѣдами; они сражались за идеи, они жаждали быть просвѣтителями, а не разрушителями. На ихъ гербѣ красовалась не хищная птица, а небесная радуга. Они не только не давили побѣжденныхъ, но, наоборотъ, старались ихъ

слить со своими подданными. И такъ какъ въ царствѣ инковъ деспотизмъ носилъ патріархальный характеръ, такъ какъ цари пеклись о своихъ подданныхъ,—многія страны подчинялись имъ добровольно. Ацтеки не знали ничего подобнаго,—ихъ господство было страшно, и всякій предпочиталъ умереть, чѣмъ отдаться имъ въ руки.

Военные походы инковъ отличались рѣдкою мягкостью, рѣдкой не только у варварскихъ, но и у цивилизованныхъ народовъ. Исторія знаетъ много религіозныхъ войнъ, и это былъ самый ужасный бичъ для человѣчества. Наши крестовые походы имѣли всегда одну цѣль: истребить невѣрныхъ или обратить ихъ насильно на путь истины. Никто не думалъ объ улучшеніи ихъ судьбы и нравственности.

Если мы обратимся теперь къ монгольскимъ народамъ Азіи, то увидимъ еще разъ всѣ тѣ фазы, которыя проходитъ война съ теченіемъ вѣковъ. Эскимосы полярныхъ странъ совсѣмъ не знаютъ войны: условія окружающей среды не вынуждаютъ ихъ на борьбу другъ съ другомъ. Земли достаточно, кланы сохранили свой общинный строй, члены тѣсно сплочены для борьбы съ природой, тюленей въ Ледовитомъ океанѣ много, такъ что нѣтъ нужды истреблять другъ друга. Этотъ фактъ подтверждаетъ еще лишній разъ, что война отнюдь не прирождена человѣку, какъ утверждали ея защитники. Эскимосы вовсе не исключеніе изъ человѣческаго рода,—это такіе же люди, какъ и всѣ, и если они не воюютъ, то только потому, что ихъ не вынуждаютъ къ этому ни физическія, ни соціальныя условія окружающей среды. На Камчаткѣ, гдѣ они сильно размножились и стѣсняли другъ друга, война уже не рѣдкость. Въ большинствѣ случаевъ она носитъ здѣсь характеръ возмездія, но возмездія безпощаднаго: всѣ средства хороши для истребленія врага. При такихъ условіяхъ кланы давно уничтожили бы другъ друга, еслибъ они не познали цѣны рабства.

У туркменовъ, киргизовъ и калмыковъ война сводится къ легкой наживѣ. Убиваютъ для того, чтобы воспользоваться имуществомъ убитаго—это грабежъ en grand, санкціонируемый религіей. Вѣковая практика развила у монголовъ, расы довольно мирной по природѣ, страсть къ грабежу и разбою. Великіе монгольскіе завоеватели Чингисханы и Тамерланы, объединившіе подъ своею властью большинство татарскихъ ордъ, часто играли на этой струнѣ, и тогда-то начались ихъ кровавыя побѣды, ихъ громкія завоеванія, которыя ужаснули весь міръ. Но они вовсе не гнались за военною славой: имъ нужна была добыча, а не побѣдные лавры.

На ряду съ этими воинственными ордами есть мирныя монгольскія племена. Въ Тибетѣ и Бутанѣ подъ вліяніемъ гуманныхъ доктринъ буддизма война утратила свой характеръ наживы. Здѣсь нѣтъ постояннаго войска; защиту своихъ земель народъ ввѣряетъ далай-ламѣ. Въ случаяхъ же возстанія или нападенія образуется нѣчто вродѣ національной гвардіи. Конечно, не однѣ доктрины буддизма играли здѣсь роль: онѣ имѣли вліяніе потому, что не противорѣчили другимъ условіямъ народной жизни.

Изъ Тибета перенесемся въ Китай. Небесная имперія была долго оча-

гомъ цивилизаціи для сосѣднихъ странъ. Индо-Китай и Японія сдѣлали у нея много заимствованій, но не сумѣли доразвиться до ея взглядовъ на войну. Индо-Китайскія государства построены всѣ по образцу древнихъ военно-деспотическихъ монархій. Японія нѣсколько отличалась отъ деспотическихъ государствъ Индо-Китая. Здѣсь существовалъ феодальный строй съ цѣлою іерархіей большихъ и малыхъ вассаловъ. Несмотря на свое географическое положеніе, Японія была чрезвычайно воинственною страной. Японскіе короли давно зарились на Корею, предпринимали туда частые походы и, въ концѣ-концовъ, обложили ее данью. Но самой страшною язвой были здѣсь гражданскія войны. Обыкновенно онѣ разыгрывались между вассалами; но когда европейскіе миссіонеры познакомили Японію съ христіанствомъ, тогда она познала впервые весь ужасъ религіозныхъ войнъ. Въ 1562 году новообращенный христіанинъ, принцъ Окомура, объявилъ войну «демонамъ» и послалъ свои войска разрушать японскіе храмы и свергать идоловъ. Страстный протестъ народа былъ ему отвѣтомъ, вспыхнула ожесточенная война, въ которой погибли всѣ японскіе христіане. Противники внесли сюда всю нетерпимость фанатиковъ, какъ это всегда бываетъ при религіозныхъ войнахъ.

Но рядомъ съ Японіей есть страна, которая отрицательно относится къ войнѣ, называетъ ее соціальнымъ недугомъ. Въ настоящемъ она утратила всякую любовь къ военной славѣ. Эта страна — Китай. Всѣ произведенія китайскихъ мудрецовъ проникнуты антивоеннымъ духомъ. Одинъ изъ нихъ дошелъ до того, что предлагаетъ встрѣчать побѣдителей со слезами и воплями въ память о пролитой ими крови. И эти взгляды свойственны не только мудрецамъ, они находятъ горячее сочувствіе во всей странѣ. Но не всегда было такъ: въ свое время Небесная имперія воевала много,— Корея, Индо-Китай, Филиппинскія острова и др. были ея данниками. Это подтверждаетъ и религія: въ китайскомъ пантеонѣ существуетъ богъ войны—Коцап-ti. Теперь власть монарха ограничена классомъ ученыхъ, но прежде она была безгранична и заражена такъ же, какъ и вездѣ, завоевательною маніей.

Китайская легенда приписываетъ изобрѣтеніе первыхъ оружій древнему императору—Fo-hi. Сперва они были сдѣланы изъ дерева, затѣмъ изъ камня и, наконецъ, изъ желѣза,—это согласуется вполнѣ со всѣми данными археологіи. Вѣроятно, этому же императору принадлежала также иниціатива военныхъ укрѣпленій. Прежде въ Китаѣ существовала всеобщая воинская повинность. Теперь же здѣсь есть спеціальный классъ воиновъ; но, тѣмъ не менѣе, военныя власти подчинены гражданскимъ. Воспитаніе носитъ также гражданскій характеръ: здѣсь говорятъ о значеніи политики, законодательства, нравственности, но не объ искусствѣ владѣть оружіемъ. Достоинства полководца измѣряются степенью его учености и умѣньемъ приноравливаться къ обстоятельствамъ. Онъ долженъ знать, что война сама по себѣ очень скверная вещь, и щадить свое войско. Съ врагомъ не слѣдуетъ поступать жестоко: нужно цѣнить человѣческую кровь и кончать

дѣло какъ можно скорѣе, даже въ ущербъ своимъ интересамъ, даже покупая миръ цѣною денегъ. Съ плѣнниками слѣдуетъ обращаться мягко, но не оставлять ихъ безъ работы. Всѣ эти правила полны гуманности и здраваго смысла. Правда, Китайская имперія очень слаба въ военномъ отношеніи, но это составляетъ только гордость ея ученыхъ. До сихъ поръ мы не встрѣчали ничего подобнаго.

Подводя итоги всему сказанному о войнѣ у мѣдно-красныхъ расъ, мы видимъ здѣсь бо́льшее разнообразіе формъ и мотивовъ, чѣмъ у черныхъ народовъ. Эскимосы полярныхъ странъ совсѣмъ ея не знаютъ. У камчадаловъ война носитъ юридическій характеръ, облекаясь въ форму возмездія. Въ Новой Зеландіи, Южной Америкѣ и древней Мексикѣ она представляетъ погоню за человѣческимъ мясомъ, санкціонированную религіей, у туркменовъ же, калмыковъ и др. обращается въ дикій грабежъ, кражу людей и вещей.

По мотивамъ война краснокожихъ индѣйцевъ выше: тѣ воевали не для того, чтобъ ограбить, они хотѣли удовлетворить свою кровавую жажду славы.

Въ Индо-Китаѣ она была забавой царьковъ, въ Японіи—борьбой честолюбій и религіозной нетерпимости. Несмотря на всѣ свои ужасы, религіозная война, все-таки, выше каннибализма и грабежа. Въ древнемъ Перу она носила даже гуманный характеръ.

Но вотъ страна, гдѣ война утратила весь свой кровавый престижъ. Мы говоримъ о Китаѣ. Путемъ долгаго опыта китайцы дошли до сознанія, что счастье не въ военной славѣ, а въ просвѣщеніи. Мы не найдемъ нигдѣ столько здраваго смысла даже у высшихъ расъ.

Война у бѣлыхъ расъ. Самой древней изъ бѣлыхъ расъ является великая берберская раса. Послѣдняя заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ она играла большую роль въ образованіи южно-европейскихъ народовъ.

Родиной берберовъ была Сѣверная Африка. Еще въ доисторическую эпоху они создали высокую цивилизацію въ Египтѣ, весьма возможно, въ Этруріи и заселили югъ Европы. Предшественники грековъ и римлянъ, пеласги, по всѣмъ даннымъ науки, принадлежали къ берберской расѣ. Баскскій языкъ, которымъ говорили древніе народы Испаніи и Франціи, имѣетъ несомнѣнную связь съ группой берберскихъ языковъ.

Вторженія и завоеванія не мало способствовали уничтоженію этихъ народовъ; они слились съ побѣдителями и совершенно утратили свою первоначальную физіономію. Но въ Сѣверной Африкѣ берберы еще не исчезли: туземное населеніе отъ Мороко до Туниса состоитъ изъ народовъ берберской расы. Между ними есть и потомки древнихъ ливійцевъ и нумидійцевъ, которые такъ мужественно сражались съ римскими легіонами. Вопреки завоеваніямъ, великая берберская раса имѣетъ еще своихъ представителей въ лицѣ туареговъ и кабиловъ.

Канарскіе берберы доисторической эпохи, не пошли дальше каменнаго

вѣка. Ихъ оружіе состояло, главнымъ образомъ, изъ палки, снабженной острыми камнями, деревянныхъ копій и сабель, простыхъ камней и круглаго деревяннаго щита. Оружіе древнихъ ливійцевъ было еще болѣе примитивно, чѣмъ у жителей Канарскихъ острововъ; но за то они научились у карѳагенянъ и римлянъ укрѣплять свои города и ничуть не уступали имъ въ этомъ искусствѣ. У кабиловъ и туарегова мы встрѣчаемъ уже металлическое оружіе,—изрѣдка огнестрѣльное и лукъ, позаимствованный ими у негровъ Центральной Африки.

Военные нравы этихъ народовъ не лишены благородства. Они не строили козней своимъ врагамъ, съ плѣнными обращались мягко и самое большее заставляли ихъ пасти свои стада. Имъ была незнакома измѣна: когда европейцы нагло обманули ихъ, нарушивъ свой договоръ, они пришли въ глубокое изумленіе. Испанскіе иберійцы удивили римскихъ завоевателей своей стойкостью и полнымъ презрѣніемъ къ смерти. Правда, военная тактика нумидійцевъ обходилась не безъ хитрости и не особенно нравилась тяжелымъ римскимъ легіонамъ. Потомки древнихъ нумидійцевъ, туареги, сохранили эту же манеру сражаться, но имъ нельзя отказать ни въ мужествѣ, ни въ единодушіи. Послѣднія качества особенно сильно развиты у кабиловъ. Они интересны еще въ другомъ отношеніи: у нихъ сохранился демократическій режимъ, тогда какъ почти всѣ берберскіе народы жили монархическими и аристократическими группами. Берберскіе цари не разъ предпринимали войны для удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ стремленій. Демократическій же режимъ кабиловъ развилъ въ нихъ полное равнодушіе къ завоеваніямъ. Они признаютъ войну только въ формѣ законнаго возмездія за понесенныя утраты. Ихъ военная организація носитъ также вполнѣ демократическій характеръ: въ основѣ ея лежитъ полное равенство и солидарность членовъ, которое сообщаетъ имъ рѣдкое единодушіе.

Нѣкоторые обычаи кабиловъ составляютъ рѣзкій контрастъ съ свирѣпой жестокостью другихъ народовъ. У нихъ врагъ получаетъ защиту,—*anaïa*,—когда ее проситъ. Даже въ моментъ ожесточенной битвы можно спасти врага, укрывъ его своимъ плащомъ и обмѣнявшись съ нимъ оружіемъ. Плѣнники могутъ требовать *anaïa* во всякое время. Раненыхъ окружаютъ заботой, а къ женщинамъ и дѣтямъ относятся съ глубокимъ уваженіемъ.

Начало египетской цивилизаціи, самой древней изъ всѣхъ, было положено берберами. Исторія знакомитъ насъ съ Египтомъ въ періодъ его зрѣлости, когда онъ былъ организованъ въ формѣ теократической монархіи. Но не всегда было такъ: въ отдаленную эпоху египетскія провинціи (nomes) соотвѣтствовали охотничьимъ землямъ племенъ. Даже во времена монархіи онѣ не утратили еще свою автономію, являясь наслѣдственными владѣніями знатныхъ фамилій. Послѣднія находились въ вассальной зависимости отъ монарха, платили ему дань и поставляли войско. Только впослѣдствіи, когда монархическая власть прочно утвердилась въ Египтѣ,

началась административная централизація, провинціи были обращены въ округа, а вассалы замѣнены чиновниками. Старая феодальная аристократія, образовавшаяся изъ вождей первобытныхъ клановъ, уступила мѣсто военной кастѣ. Это войско состояло, главнымъ образомъ, изъ пѣхоты; конница встрѣчалась довольно рѣдко. На войнѣ употреблялось вооруженіе, существовавшее въ обиходѣ у всѣхъ древнихъ народовъ, за исключеніемъ одного оружія *harpé*, которое было свойственно только Египту. Послѣднее состояло изъ коротkаго загнутаго клинка, надѣтаго на длинную рукоятку, на подобіе китайскаго копья. Оно, вѣроятно, служило прототипомъ эѳіопскаго *troumbache*. Египетскій флотъ находился въ зачаточномъ состояніи, но за то искусство фортификаціи достигло здѣсь высокой для того времени степени совершенства. Египтяне окружали себя стѣнами и башнями, глубокими рвами и цѣлымъ рядомъ крѣпостей.

Монархъ былъ облеченъ здѣсь титуломъ генералиссимуса, какъ во всѣхъ монархическихъ странахъ. Да оно и понятно: монархія явилась всюду продуктомъ войны, и «первый царь былъ счастливымъ солдатомъ», по выраженію Вольтера. Въ царствѣ фараоновъ онъ пользовался особеннымъ, сверхъестественнымъ престижемъ.

Недалеко отъ Египта лежала страна, которая имѣла съ нимъ много сходства,—эта страна была Абиссинія. Нельзя, конечно, сравнивать нынѣшнюю Абиссинію съ древнимъ Египтомъ, но въ свое время они оказывали другъ на друга большое вліяніе,—слѣды этого вліянія можно видѣть еще и теперь. Когда Египетъ былъ феодальною монархіей, его военные нравы имѣли много общаго съ нравами Абиссиніи, но впослѣдствіи это сходство стало исчезать, благодаря тому, что Египетъ обратился въ абсолютную монархію.

Здѣсь можно прослѣдить ея постепенную эволюцію. Въ отдаленную эпоху населеніе Нижняго Нила жило небольшими кланами и племенами, которые часто воевали другъ съ другомъ. Вслѣдствіе частыхъ войнъ образовались здѣсь крошечныя монархіи съ царьками во главѣ, которые жадно набрасывались другъ на друга для удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ стремленій. Наконецъ, одному изъ нихъ удалось утвердить свое господство надъ остальными собратьями.

Вассалы были подчинены сюзерену, они платили ему дань и отбывали воинскую повинность; но онъ не могъ смирить ихъ окончательно: каждый изъ этихъ вассаловъ готовъ былъ поднять знамя мятежа противъ своего сюзерена. Войны не прекращались и чаще всего имѣли причиной недовольство сюзереномъ или соперничество вассаловъ. Но, въ концѣ-концовъ, монарху удалось одержать верхъ надъ ними, онъ сталъ абсолютнымъ владыкой и обратилъ своихъ вассаловъ въ простыхъ чиновниковъ. Право войны и мира перешло въ его руки, а царская власть получила божественное происхожденіе. Война стала зависѣть отъ каприза монарха, и онъ нерѣдко злоупотреблялъ ею во имя личныхъ интересовъ. Этотъ земной полубогъ, не стѣсняясь, давилъ свой народъ, сдѣлалъ изъ него раба,

подломилъ его энергію и тѣмъ самымъ подготовилъ гибель своему трону. Дряхлый и разслабленный Египетъ палъ подъ дружнымъ напоромъ вражескихъ силъ.

До сихъ поръ мы говорили только объ арійцахъ; обратимся теперь къ группѣ семитическихъ народовъ. Война носитъ у нихъ довольно своеобразный характеръ. У арабовъ можно прослѣдить постепенное преобразованіе тѣхъ мотивовъ, которые побуждали ихъ браться за оружіе. Въ эпоху клановъ эти мотивы были крайне грубы. Каждая группа жила только для себя и смотрѣла на своихъ сосѣдей, какъ на враговъ, которыхъ можно убивать и грабить. Пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, на нихъ нападали, убивали, грабили, уводили женщинъ, поджигали жилища,— словомъ, разоряли до тла. Эти разбойничьи походы считались подвигомъ, а ихъ зачинщики попадали въ рангъ героевъ. Частые набѣги развили у арабовъ страсть къ войнѣ. Поэты прославляли храбрость, дѣтей воспитывали въ военномъ духѣ,— война стала главнымъ занятіемъ жизни. Ради военной славы каждый готовъ былъ жертвовать собой. Однако, несмотря на всю грубость своихъ нравовъ, арабы не были лишены нѣкоторой нравственной высоты: въ средѣ ихъ клановъ существовала тѣсная солидарность, каждый стоялъ горой за своего собрата. Но вотъ явился пророкъ, который создалъ бога на подобіе султана и сдѣлалъ его господиномъ неба и земли. Какъ человѣкъ практическій, онъ не ограничился областью спекулятивнаго мышленія и связалъ свои идеалы съ жизнью. Онъ выдалъ себя за пророка, за представителя Аллаха на землѣ. По Корану, вся земля принадлежитъ Богу, его пророку и мусульманамъ. Аллахъ, владыка всего міра, послалъ его на землю и возложилъ на него миссію объединить всѣхъ вѣрующихъ. Они — законные собственники земли, остальные всѣ— узурпаторы, ихъ можно убивать и грабить. Въ сущности, Магометъ не создалъ ничего новаго, онъ только обобщилъ взгляды, существовавшіе у арабскихъ племенъ, расширилъ ихъ на цѣлый міръ и далъ имъ религіозную основу. Старыя грабительскія наклонности получили бо́льшій просторъ: кража, насиліе и разбой стали добрымъ дѣломъ. Вотъ гдѣ лежитъ причина быстраго успѣха ислама.

Всѣ варварскіе народы падки до чужого добра и равнодушны къ чужой жизни, но ни у одного изъ нихъ не было столько дикаго фанатизма въ борьбѣ съ врагомъ, какъ у арабовъ, ассиріянъ и евреевъ. Можетъ быть, это объясняется вообще страстностью ихъ темперамента. Впрочемъ, на первыхъ стадіяхъ развитія, какъ можно прослѣдить у арабовъ, когда религіозное чувство не было еще сильно развито, война сводилась къ простому грабежу: враговъ убивали, но не возводили въ принципъ убійство, не наслаждались смертью врага. Жажда крови выросла вмѣстѣ съ религіознымъ рвеніемъ. Всѣ представители другихъ религій обратились во враговъ, которыхъ нужно было уничтожить во имя Бога и спасенія. Семиты взяли на себя миссію погубить невѣрныхъ или обратить ихъ на путь ис-

тинный. Всѣ знаютъ, къ какимъ ужасамъ и кровавымъ насиліямъ приводятъ эти пресловутыя миссіи.

Греція не брала на себя никакихъ миссій: ея религіозному міросозерцанію былъ чуждъ духъ мрачной нетерпимости.

О предшественникахъ эллиновъ, пеласгахъ, мы знаемъ очень мало. Есть основаніе предполагать, что они, какъ и всѣ древніе народы Южной Европы, были уроженцами Сѣверной Африки, соплеменниками великой берберской расы. Первоначальные учрежденія и нравы эллиновъ сложились, несомнѣнно, подъ вліяніемъ пеласговъ, но каково было это вліяніе, въ какой мѣрѣ,—трудно сказать. Можетъ быть, греки унаслѣдовали отъ нихъ полумонархическій строй своихъ племенъ, о которомъ повѣствуютъ поэмы Гомера. Власть эллинскаго царя въ доисторическую эпоху не была абсолютна: онъ не могъ предпринять ни одного рѣшенія безъ участія народа. Онъ былъ жрецомъ, судьей, главнокомандующимъ, но не законодателемъ. Только на полѣ битвы его власть становилась безгранична.

Иліада и *Одиссея* изображаютъ намъ доисторическую Грецію со всѣми ея нравами и обычаями. Очевидно, въ эпоху Гомера война была главнымъ занятіемъ грековъ, а военная честь стояла выше всего. «Что будетъ со мною?—восклицаетъ Улиссъ, покинутый товарищами.—Позорно отступать передъ этими полчищами; но развѣ не жестоко умереть здѣсь одному?... Прочь колебанія! Только трусы отступаютъ; храбрые сражаются до конца, побиваютъ ли ихъ, или они побиваютъ».

Въ Греціи временъ Гомера война играла роль общественной функціи, и ея мотивы были нисколько не выше, чѣмъ у другихъ первобытныхъ народовъ. Здѣсь практиковались всѣ виды грабежа, начиная съ захвата земель и кончая кражей женщинъ. Древніе эллины не отличались также и гуманностью. Внутри племени существовала тѣсная солидарность, но за предѣлами его всякій былъ чужимъ, и ничего не стоило убить его или ограбить. Доисторическіе греки жили грабежомъ на морѣ или на сушѣ. Ремесло пирата вовсе не считалось у нихъ позорнымъ, а, наоборотъ, заслуживало уваженія. Даже во времена Солона существовала еще въ Аѳинахъ шайка пиратовъ.

Боги принимали живое участіе въ дѣлахъ смертныхъ, помогали имъ на войнѣ, но вовсе не думали объ ея прекращеніи: они стояли на томъ же нравственномъ уровнѣ, какъ и ихъ почитатели. Вооруженіе грековъ до того извѣстно, что не стоитъ на немъ и останавливаться; не мѣшаетъ, впрочемъ, сказать, что греки временъ Гомера переживали еще бронзовый вѣкъ, и потому все ихъ оружіе было сдѣлано изъ мѣди. Они одѣвались въ мѣдные шлемы и панцыри, но, на ряду съ этимъ, не пренебрегали самыми примитивными орудіями борьбы. Гекторъ съ Аяксомъ сражались камнями. Ихъ военныя укрѣпленія не имѣли также никакой оригинальности: стѣны рвы и башни — вотъ основной типъ греческой фортификаціи. У воиновъ временъ Гомера не было даже понятія о военной тактикѣ; ихъ сраженія обращались всегда въ безпорядочную свалку. По отношенію къ врагу о

проявляли массу жестокости. Ахиллъ хвастался тѣмъ, что «разрушилъ двѣнадцать городовъ, а одиннадцать изъ нихъ ограбилъ». Побѣжденныхъ убивали, издѣваясь надъ ихъ мольбами, или же брали въ плѣнъ и торжественно приносили въ жертву богамъ. Женщинъ и дѣтей дѣлили вмѣстѣ съ военною добычей. Когда онѣ были хороши, ихъ обращали въ наложницъ, но чаще продавали въ рабство.

Командованіе войсками, какъ мы уже говорили, принадлежало въ Греціи царю. Это давало ему прочную власть надъ подчиненными, и онъ подчасъ жестоко расправлялся съ ними. Но эти грубые нравы стали замѣтно смягчаться, когда эллинскія государства приняли республиканскій образъ правленія. Доисторическая Грецiя была варварской страной; когда же она вступила на путь исторіи, картина ея сильно измѣнилась. Но тутъ представляется затрудненіе,—замѣчаетъ авторъ. Грецiя никогда не была объединена; каждый ея городъ имѣлъ свои особенности. Возьмемъ изъ нихъ за образецъ,— говоритъ онъ,— два главныхъ города, Спарту и Аѳины, которые оспаривали другъ у друга гегемонію.

Воинственная монархическая Спарта представляетъ живое воплощеніе старой Греціи, тогда какъ просвѣщенныя демократическія Аѳины являются олицетвореніемъ прогресса во всѣхъ его видахъ. Родина Ликурга была создана для войны. Законодательство, воспитаніе и жизнь—все было направлено на развитіе ея военныхъ силъ. Государство рѣшало судьбу дѣтей: слабыхъ убивали, чтобы не нарушить гармонію цвѣтущихъ спартанскихъ войскъ. Сила характера цѣнилась выше всего, образованіе было доведено до minimum'a. Вся жизнь юношества проходила въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Въ немъ старались развить главнымъ образомъ послушаніе, мужество, настойчивость—качества необходимыя для хорошаго воина.

Общественные интересы ставились выше личныхъ, и личность всецѣло приносилась въ жертву обществу. Въ Спартѣ существовала всеобщая воинская повинность. Гражданская жизнь такъ тѣсно сливалась съ военной, что товарищи за обѣденнымъ столомъ становились товарищами по оружію: каждый столъ составлялъ отдѣльную военную группу. Потому-то эти сисситіи находились всегда подъ наблюденіемъ военоначальника.

Въ принципѣ спартанское войско должно было состоять изъ коренныхъ гражданъ страны, которые не занимались ни земледѣліемъ, ни ремеслами и не имѣли другихъ заботъ, кромѣ тѣлесныхъ упражненій, охоты и увеселеній. Но когда въ Спартѣ обнаружился недостатокъ людей, тогда пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію періэковъ и илотовъ. Плутархъ приписываетъ сокращеніе населенія частымъ войнамъ. Конечно, это имѣло отчасти значеніе, говоритъ Летурно, но корень зла лежалъ главнымъ образомъ въ скопленіи крупной собственности въ немногихъ рукахъ. Спарта возвеличилась, когда она приносила личность въ жертву обществу, и пала, когда у нея развился индивидуализмъ. Итакъ, въ силу крайней необходимости пришлось обратиться къ періэкамъ и илотамъ. Эти два класса состояли изъ покоренныхъ народовъ и занимались земледѣліемъ и ремеслами.

Спарта при ея политическомъ строѣ не могла обойтись безъ нихъ: они кормили своимъ трудомъ свободныхъ гражданъ. Вооружить ихъ было опасно,—но что же дѣлать? Періэки и илоты наполнили кадры спартанской арміи. De jure командованіе войсками принадлежало одному изъ царей; но de facto онъ дѣлилъ всегда это право съ эфорами или сенаторами, которые относились къ нему довольно враждебно. Среди войска царила строгая дисциплина, которая, впрочемъ, не такъ сильно обременяла гражданъ: лагерная жизнь спартанцевъ мало чѣмъ отличалась отъ обычной жизни,—Спарта и въ мирное время была большой казармой.

Для дальнихъ экспедицій употреблялись обыкновенно періэки и илоты, тогда какъ свободные граждане, основной нервъ страны, сохранялись для ея защиты. Спарта порвала всѣ связи съ доисторической Греціей: у нея была военная тактика и стратегія. Наканунѣ сраженія раздавались вдохновенныя рѣчи вождей, царь приносилъ жертву богамъ, бойцы вѣнчали себя цвѣтами и выступали, подъ звуки флейтъ, правильными рядами на поле битвы. Они сражались мужественно, но никогда не преслѣдовали врага, когда онъ обращался въ бѣгство. Если битва кончалась побѣдой, на полѣ сраженія воздвигалась тріумфальная арка.

Въ историческую эпоху нравы грековъ нѣсколько смягчились: убійство уступило мѣсто рабству; но грабежъ и опустошеніе завоеванной страны все еще практиковались. По окончаніи войны враги обыкновенно заключали миръ, какъ и въ цивилизованныхъ странахъ. Третейскій судъ въ международныхъ отношеніяхъ былъ также знакомъ грекамъ, но они рѣдко примѣняли его.

Если оставить въ сторонѣ рабство, спартанцы пользовались правами побѣды, какъ и цивилизованные народы, съ тою только разницей, что они во всемъ испрашивали совѣта у боговъ. Религія была здѣсь однимъ изъ средствъ войны. Нравственное и физическое воспитаніе создало спеціальный типъ людей, которые съ презрѣніемъ относились къ смерти и геройски умирали на полѣ битвы. Спарта жила только для войны и такъ усовершенствовалась въ этомъ искусствѣ, что одержала верхъ надъ Аѳинами. Но въ другихъ отношеніяхъ она стояла всегда ниже Аѳинъ.

Въ исторіи развитія, прогресса цивилизаціи Аѳины играли большую роль: онѣ подняли цѣлый рядъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ будетъ до тѣхъ поръ интересовать философовъ, пока не умретъ философія. Въ Аѳинахъ впервые человѣческій умъ достигъ своей зрѣлости, а, между тѣмъ, родина Перикла занимала такое ничтожное мѣсто на земномъ шарѣ. Истинное величіе народа, замѣчаетъ Летурно, зависитъ не отъ его матеріальныхъ силъ.

Хотя Аѳины много воевали,—въ этомъ сказалось вліяніе вѣка,—тѣмъ не менѣе, война не составляла у нихъ всего. Аѳиняне стремились создать не только хорошихъ солдатъ, но и людей. Государство почти не вмѣшивалось въ умственное развитіе гражданъ: оно предписывало въ общей формѣ преподаваніе въ школахъ музыки и гимнастики, но не навязывало ни

своихъ системъ, ни доктринъ. Музыка обнимала всѣ науки и искусства, находящіяся подъ покровительствомъ девяти музъ.

Физическое же воспитаніе государство взяло въ свои руки. Въ палестрахъ и гимназіяхъ дѣти занимались тѣлесными упражненіями и спортомъ. Какъ видно, военному воспитанію отводилось здѣсь большое мѣсто, однако, не въ ущербъ умственному развитію. Государство поощряло образованіе, но не руководило имъ. Свобода преподаванія способствовала умственному разнообразію аѳинянъ, они не были скроены всѣ по одному шаблону, какъ спартанцы. Солонъ хотѣлъ, чтобы въ войскѣ служили только богатые классы, но впослѣдствіи, въ силу необходимости, аѳинянамъ пришлось демократизировать свою армію и вооружить низшіе классы. Во время пелопонесской войны были призваны къ участію всѣ, кто только могъ сражаться. Впрочемъ, эти наборы en masse представляли исключеніе. Граждане должны были вооружаться на свой счетъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ войскѣ участвовали рабы, арсеналы снабжали ихъ оружіемъ. Аѳинская армія состояла главнымъ образомъ изъ пѣхоты; кавалерія составляла роскошь, и ея было мало. Содержаніе флота возлагалось на богатыхъ.

Аѳинское войско было подчинено всецѣло народному собранію: ему принадлежало право войны и мира и обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся средствъ, рекрутскаго набора, назначенія военачальниковъ и размѣровъ контрибуціи. Политика Аѳинъ по отношенію къ покореннымъ народамъ вовсе не была гуманна. Спарта никогда не облагала ихъ данью, она обязывала ихъ только къ введенію олигархіи. Аѳины же стремились всегда извлечь для себя денежную выгоду,—это была прежде всего торговая страна. Командованіе войсками принадлежало здѣсь въ древнія времена архонтамъ, подъ названіемъ военачальниковъ. Впослѣдствіи оно перешло въ руки коллегіи стратеговъ, избираемыхъ трибами. Иногда народное собраніе назначало, помимо представителей коллегіи, своихъ полководцевъ и давало имъ полномочія на неопредѣленное время. Эта выборная система генераловъ и офицеровъ составляла рѣзкій контрастъ съ европейскими обычаями. Выбранъ на постъ военачальника могъ быть каждый, кто обладалъ гражданскими правами и имѣлъ извѣстный имущественный цензъ. Солдаты съ готовностью повиновались своимъ избраннымъ вождямъ. Послѣдніе зависѣли всецѣло отъ своихъ избирателей и обязаны были давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ собранію. Конечно, при такихъ условіяхъ они дорожили симпатіями меньшой братіи и рѣдко позволяли себѣ обращаться съ нею грубо.

Все это мало похоже на дисциплину нашихъ войскъ, а, между тѣмъ, Аѳины много воевали и часто одерживали побѣды. Желѣзная дисциплина вовсе не нужна, когда члены войска развиты умственно, когда они сознаютъ свои обязанности и ратуютъ за общее дѣло.

Вооруженіе аѳинянъ мало чѣмъ отличалось отъ вооруженія спартанцевъ, и мы не будемъ на немъ останавливаться. Военная тактика имѣла у нихъ

теоретическое обоснованіе, а стратегія, хотя и не была еще такъ усовершенствована, но, все-таки, практиковалась на войнѣ подъ руководствомъ хорошихъ полководцевъ. Для воодушевленія войска прибѣгали къ нравственнымъ и религіознымъ воздѣйствіямъ.

Но каковы бы ни были формы войны, она, все-таки, является возвратомъ къ эпохѣ дикости. И въ этомъ отношеніи аѳиняне вовсе не представляли исключенія. Они злоупотребляли побѣдой, какъ и другіе народы. Грабежи и опустошенія побѣжденной страны служили общимъ правиломъ. Мужчинъ убивали, женщинъ и дѣтей обращали въ рабство. Въ сущности, аѳинскіи войны отличались отъ другихъ только по формѣ, но не по содержанію. Ихъ мотивы были такъ же грубы, какъ и вездѣ. Аѳины могли даже поспорить въ жадности со Спартою: онѣ нуждались въ данникахъ, которые платили бы имъ большую дань. Но аѳиняне облекали всегда свои войны въ болѣе благородныя формы, чѣмъ ихъ противники,—и въ этомъ ихъ заслуга. Аѳинскіе полководцы обращались съ подчиненными какъ со свободными людьми, а не съ рабами: они твердо помнили, что обязаны отчетомъ собранію.

Кромѣ того, въ Аѳинахъ были люди, которые начинали уже сознавать всю нелѣпость взаимной рѣзни. Ксенофонтъ мечталъ о вѣчномъ мирѣ, и онъ былъ не одинъ. Нравственныя воззрѣнія на войну стали измѣняться въ Греціи по мѣрѣ того, какъ она освобождалась отъ узкаго партикуляризма древнихъ вѣковъ. На первыхъ стадіяхъ развитія греческій городъ представлялъ коллективную группу, гдѣ царила полная солидарность, и первымъ долгомъ гражданина считалась безусловная преданность отечеству. Отсюда этотъ патріотизмъ, узкій и геройскій въ то же время, который недоступенъ намъ. Интересамъ отечества подчинено было все, даже нравственность: «Тотъ, кто не живетъ для общества и довольствуется самъ собой,—говоритъ Аристотель,—тотъ не можетъ назваться гражданиномъ,—это звѣрь или богъ». Но для того, чтобы вести свободную жизнь гражданина и предаваться общественнымъ дѣламъ, нужно было освободиться отъ мелкихъ будничныхъ заботъ. Греки не могли обойтись безъ рабовъ, и такъ какъ главнымъ источникомъ рабства являлась война, никому не приходило и въ голову осуждать ее.

Но съ теченіемъ времени взгляды эллинскаго общества, по крайней мѣрѣ, его лучшей части сильно измѣнились. Историки и философы стали высказывать отрицательное отношеніе къ войнѣ. Ѳукидитъ допускалъ ее только съ цѣлью обороны, когда остается выбирать одно изъ двухъ: быть побѣжденнымъ или побѣдить. Философы шли еще дальше; циническая школа не признавала отечества. Сократъ считалъ себя гражданиномъ міра. Стоики порвали всякую связь съ узкимъ патріотизмомъ античнаго міра. Эпиктетъ говорилъ, что всѣ люди—братья, и у нихъ одинъ отецъ—Богъ. Масса, конечно, не раздѣляла возвышенныхъ взглядовъ философовъ, но, очевидно, и въ ней началось уже броженіе: греческая философія явилась лишь выраженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ идей и стремленій, зародившихся въ

обществѣ. Она впервые высказала взгляды и чувства, которыя плохо вязались съ кровавыми принципами войны.

Всѣ расы, всѣ народы, прошедшіе передъ нами, обладали въ большей или меньшей степени страстью къ войнѣ. Но ни одинъ народъ не довелъ ее до такого совершенства, какъ римляне. Этотъ царь-народъ, какъ они любили себя величать, жилъ войною и для войны, систематизировалъ ее и создалъ цѣлые планы покореній. Громадны были римскія владѣнія, широко простиралось господство Рима, и это господство было куплено цѣной «крови и желѣза». Во времена Ромула, — если Ромулъ когда-нибудь существовалъ,—и его ближайшихъ преемниковъ римскій городъ напоминалъ своей монархической организаціей города древней Греціи. У него были свои рабы, плебеи и патриціи. Римъ былъ созданъ для послѣднихъ, и на нихъ лежала священная обязанность защищать его отъ враговъ. Одни патриціи несли военную повинность,—это была своего рода привилегія, такъ какъ она служила основой политическихъ правъ. Только въ случаяхъ крайней необходимости вооружали пролетаріатъ. Во время второй пунической войны пришлось даже обратиться къ рабамъ. Но послѣ Сервія Туллія, который подраздѣлилъ общество на шесть классовъ, не по рожденію, а по состоянію, система воинской повинности нѣсколько измѣнилась. Ее отбывали всѣ классы, за исключеніемъ шестого—пролетаріевъ; въ основу воинской повинности былъ положенъ извѣстный имущественный цензъ. Съ теченіемъ времени этотъ цензъ былъ пониженъ для того, чтобы дать доступъ пролетаріату. Въ 107 г. Маріи во время войны съ Югуртою призвалъ къ оружію всѣхъ гражданъ, независимо отъ ценза, и этотъ прецедентъ сдѣлался впослѣдствіи закономъ. Право войны и мира принадлежало сперва въ Римѣ, какъ и въ Греціи, царю совмѣстно съ сенатомъ. Царь былъ здѣсь такъ же, какъ и тамъ, жрецомъ, судьей и главнокомандующимъ. Его власть становилась безгранична только во время войны. Послѣ учрежденія республики право войны и мира перешло въ руки народнаго собранія и сената. Всѣ вопросы, касающіеся набора войскъ, количества легіоновъ и т. д., подвергались обсужденію законодательнаго собранія. Консулы и диктаторы представляли исполнительную власть, они обязаны были строго держаться буквы закона. Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ имъ предоставлялось право сзывать подъ знамена всѣхъ, кто только могъ владѣть оружіемъ. Войско дѣлилось на легіоны, а легіоны на когорты; оно состояло изъ пѣхоты и конницы. Патріотизмъ былъ въ Римѣ своего рода религіей, онъ составлялъ лучшую часть нравственности и воодушевлялъ солдатъ на полѣ битвы. Римъ, какъ и Спарта, обращалъ большое вниманіе на физическое воспитаніе юношества. На Марсовомъ полѣ происходили ежедневно тѣлесныя и военныя упражненія, въ которыхъ принималъ участіе весь цвѣтъ римской молодежи. Военная служба въ Римѣ, какъ всякая гражданская обязанность, не должна была оплачиваться. Но впослѣдствіи государство стало выдавать своимъ воинамъ небольшое жалованье, отъ двухъ до шести оболовъ въ день, смотря по роду службы. Легіонеры обязаны были вооружаться на

свой счетъ, и только въ случаяхъ общаго набора солдатамъ выдавалось оружіе изъ римскихъ арсеналовъ. Благодаря этому, вооруженіе римлянъ различалось по классамъ: высшіе классы были лучше вооружены, чѣмъ низшіе. Командованіе войсками принадлежало въ Римѣ консуламъ, но они не владѣли этимъ правомъ, какъ цари, а получали его отъ собранія. Консулы отдавали свои приказанія войску черезъ трибуновъ, которыхъ насчитывалось по шести на каждый легіонъ. Прежде эти трибуны назначались консулами, но впослѣдствіи они стали избираться народомъ, который сохранилъ надъ ними право контроля. Какъ консулъ, такъ и трибуны были отвѣтственны передъ собраніемъ за свои дѣйствія.

Въ Европѣ существуетъ предразсудокъ,—замѣчаетъ авторъ,—что выборная система военнаго начальства противорѣчитъ строгой дисциплинѣ. Какъ ошибоченъ этотъ взглядъ, можно судить по данному примѣру. Избраніе римскихъ консуловъ и трибуновъ нисколько не нарушало дисциплины войска,—наоборотъ, оно было скорѣе слишкомъ строго, чѣмъ распущенно. За всякимъ проступкомъ слѣдовало суровое наказаніе. Страхъ, стыдъ и любовь къ военной славѣ — вотъ что скрѣпляло ее. Серьезный дисциплинированный характеръ римскаго народа давалъ ему перевѣсъ надъ другими: въ немъ какъ-то странно сочеталась отвага съ осторожностью, и эти два качества помогли ему побѣдить весь міръ.

Римъ, который считалъ войну главнымъ занятіемъ жизни, пріобрѣлъ большое искусство въ дѣлѣ фортификаціи. Римскій лагерь представлялъ цѣлый укрѣпленный городъ. Военная тактика и стратегія достигли здѣсь высокаго для того времени совершенства. Римъ даже въ первые дни своей исторіи не начиналъ войны, не предупредивъ заранѣе врага. Начало борьбы сопровождалось торжественнымъ церемоніаломъ. Ни одинъ походъ не обходился безъ совѣта боговъ. Если они давали свое согласіе, тогда подымалось красное знамя, и полки собирались въ походъ. Полководцы вдохновляли солдатъ рѣчами, раздавался звукъ рога и команда къ оружію. Стратегическія комбинаціи, притворство, внезапные повороты, — все это было хорошо знакомо римскимъ полководцамъ. Но главнымъ условіемъ успѣха считалось строгое соблюденіе тайны: ни страхъ, ни дружба, ни любовь не могли у нихъ вынудить разъ задуманныхъ плановъ. Съ побѣжденными Римъ всегда расправлялся жестоко, какъ въ мрачную эпоху имперіи, такъ и въ свѣтлые дни республики. Его первые шаги ознаменовались страшными опустошеніями. Самнитянъ безпощадно истребляли, жгли и грабили ихъ города. Сулла велѣлъ казнить на Марсовомъ полѣ четыре тысячи плѣнниковъ. Убійства, грабежи и пожары свирѣпствовали среди окрестнаго населенія, какъ чума. «Комментарій» Цезаря есть не что иное, какъ длинный перечень убійствъ и грабежа. Онъ самъ былъ жестокимъ убійцей. Цезарь, по словамъ Плутарха, взялъ силой болѣе восьмисотъ городовъ, покорилъ болѣе трехсотъ націй, сражался въ теченіе своей жизни съ тремя милліонами враговъ, изъ которыхъ одинъ погибъ на полѣ битвы, а другой былъ обращенъ въ рабство. Титъ, прозванный «утѣшеніемъ человѣческаго рода», пре-

взошелъ даже Цезаря: одно взятіе Іерусалима стоило всѣхъ побѣдъ его знаменитаго предшественника. Кровь лилась здѣсь рѣкой, милліонъ жителей былъ перерѣзанъ и около милліона продано въ рабство.

Рабство и торговля рабами широко практиковались въ Римѣ. Сперва ихъ поставляли пираты, а затѣмъ завоеванія. Крупные собственники употребляли рабовъ для обработки своихъ латифундій. Съ ними обращались крайне жестоко: ихъ третировали, какъ вьючный скотъ, плохо кормили и взваливали на ихъ плечи непосильную работу. Покоренныя страны дѣлились на два рода: однѣ изъ нихъ обращались въ римскія провинціи подъ управленіемъ проконсуловъ; другія же становились союзниками Рима, сохраняя до извѣстной степени свою свободу. Въ пользу государства конфисковалась обыкновенно только одна часть покоренныхъ земель, чаще всего бывшія царскія владѣнія, но это вовсе не было обязательно. Фламиній, желая снискать милость народа, разрѣшилъ ему распоряжаться завоеванными землями и сгонять съ нихъ прежнихъ жителей. Этотъ вооруженный грабежъ пагубно отразился на римскихъ нравахъ и учрежденіяхъ: онъ подготовилъ почву для цезаризма.

Древній Римъ не могъ ужиться съ царскою властью, онъ предпочелъ аристократическую республику. Но этотъ Римъ обладалъ всегда однимъ порокомъ: онъ жилъ войною и для войны. Всѣ его силы были направлены на покореніе сосѣднихъ народовъ; онъ покорилъ ихъ и обратилъ въ орудіе новыхъ завоеваній. Расширяя свои владѣнія, Римъ утратилъ то, что составляло его силу. Границы отечества стали необъятны, отечество исчезло, исчезла и солидарность между гражданами, и чувство патріотизма, которое согрѣвало ихъ. Война обратилась въ грабежъ, въ длинный рядъ завоеваній. Непрерывныя войны создали привычку къ подчиненію, побѣды опьяняли солдатъ и вѣнчали полководцевъ. Республика пала по капризу перваго честолюбца. Этотъ честолюбецъ былъ Цезарь, герой, обремененный долгами, который искалъ въ войнѣ спасенія отъ кредиторовъ. Зачѣмъ нужна была Риму Галлія? Она и безъ того слилась бы съ нимъ подъ вліяніемъ его высшей цивилизаціи. Но Цезарь нуждался въ деньгахъ: его шестилѣтнее пребываніе въ Галліи—сплошной и постыдный грабежъ. Деньги руководили имъ всегда, во всѣхъ его предпріятіяхъ.

Конецъ хорошо извѣстенъ: республика пала, Августъ и его преемники приняли скромный титулъ imperator'а, но вложили въ него совсѣмъ другой смыслъ. Императоръ сдѣлался наслѣдственнымъ монархомъ съ абсолютною властью, а его консулы и намѣстники обратились въ простыхъ чиновниковъ, уполномоченныхъ царя и отвѣтственныхъ только передъ нимъ. Организація войска сильно измѣнилась: вмѣсто древнихъ легіоновъ образовалась регулярная армія. Наемники смѣнили патріотовъ, ихъ старались купить деньгами и сдѣлать покорнымъ орудіемъ правительства. Септимій Северъ, умирая, говорилъ своимъ дѣтямъ: «Обогатите, прежде всего, солдатъ, а объ остальномъ не думайте». Остальное было—трагическая гибель имперіи: она пала подъ дружнымъ напоромъ варваровъ. Это—грустная и поучительная исторія.

Обратимся теперь къ военнымъ нравамъ и обычаямъ доисторическихъ народовъ въ Европѣ. Когда исторія познакомила насъ впервые съ европейскими варварами, многіе изъ нихъ стояли не выше краснокожихъ индѣйцевъ. Каннибализмъ ирландскихъ племенъ, человѣческія жертвоприношенія германцевъ, сжиганіе плѣнниковъ у галловъ, скальпированіе у скиѳовъ и т. д.—все это свидѣтельствовало о существованіи такихъ же нравовъ и обычаевъ, какъ у дикарей всѣхъ расъ. Первобытные народы Европы страстно любили войну. Причиной вооруженныхъ столкновеній бывала иногда месть, но чаще всего грабежъ, кража скота и людей. У всѣхъ доисторическихъ народовъ Европы существовало рабство. Большинство изъ нихъ имѣло аристократическій режимъ и военныхъ вождей, готовыхъ обратиться въ наслѣдственныхъ монарховъ. Послѣдніе часто толкали народъ на поле битвы, такъ какъ имъ нужно было расширить свои владѣнія, обогатить казну и создать себѣ величіе. У славянъ можно прослѣдить шагъ за шагомъ зарожденіе и расширеніе монархіи путемъ завоеваній.

Въ Галліи и Германіи политическая эволюція не была еще закончена, но онѣ обѣ созрѣли уже для монархическаго режима. Подъ римскимъ владычествомъ Галлія быстро преобразилась въ монархію, а германская побѣда надъ Римомъ положила въ Германіи начало монархической власти.

Одной изъ главныхъ причинъ паденія колоссальной римской имперіи подъ напоромъ сравнительно небольшой кучки варваровъ была слабость имперской арміи. Тогда какъ древнія республики призывали къ оружію все взрослое населеніе страны, императоры учредили наемную армію, привыкшую повиноваться властямъ и равнодушную къ дѣламъ отечества. Эта армія сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на границахъ имперіи, и ея скромный составъ плохо гармонировалъ съ необъятными размѣрами послѣднихъ. Стоило побѣдить только это сопротивленіе—и передъ побѣдителемъ открывалась страна съ богатымъ, но неспособнымъ защитить себя населеніемъ. Германскія орды, жившія грабежомъ, основались въ Галліи въ качествѣ побѣдителей. Взятыя провинціи были раздѣлены, какъ военная добыча, но германскіе вожди не хотѣли нарушать ихъ монархическихъ привычекъ и ограничились тѣмъ, что стали неловко копировать римскихъ императоровъ. Эти вожди были еще воинственнѣе своихъ оригиналовъ, и война обратилась у нихъ въ страсть, потребность, они вѣчно воевали другъ съ другомъ. Паденіе имперской власти повело къ полной дезорганизаціи государственнаго механизма. Подчиненные утратили всякую способность управлять собою, и когда лопнула центральная пружина, наступилъ какой-то хаосъ. Не было ни традиціонныхъ правилъ, ни законовъ, ни организаціи,—все безпорядочно смѣшалось въ одну массу. Меровингскіе короли требовали безусловнаго подчиненія отъ своихъ подданныхъ, а въ противномъ случаѣ обѣщали имъ выколоть глаза. Право войны и мира всецѣло принадлежало имъ, и они злоупотребляли этимъ правомъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. У нихъ не было ни регулярныхъ армій, ни гарнизоновъ, сосредоточенныхъ на границахъ государства. Меровингская организація

войскъ составляла полную противоположность римской организаціи временъ имперіи. Меровингская армія напоминала національную гвардію, сзываемую подъ знамена только на время войны. Здѣсь существовала всеобщая воинская повинность. Солдаты не получали отъ казны ни жалованья, ни содержанія и промышляли на пути грабежомъ. Трудно описать словами, — говоритъ лѣтописецъ, — сколько убійствъ и опустошеній произвели они въ своей родной странѣ. По древне-германскому обычаю военная добыча дѣлилась между всѣми участниками экспедицій, но, разумѣется, львиная часть выпадала всегда на долю вождя. Утвердившись въ Галліи, франки сохранили военные нравы древнихъ германцевъ.

Эти разбойничьи инстинкты были еще сильнѣе развиты у сѣверныхъ германцевъ, скандинавовъ, которые стояли въ сторонѣ отъ римскаго вліянія.

Ихъ дикіе набѣги на Галлію и Британію представляютъ цѣлую систему хищничества; они долго были бичомъ для этихъ двухъ странъ. Промышляя грабежомъ на морѣ и на сушѣ, поклоняясь свирѣпому богу Одину, норманы не знали никакой узды. Подъ предводительствомъ своихъ морскихъ царей, викинговъ, они отправлялись въ море искать счастья и добычи. Галлія, лучше защищенная во времена римскаго господства и первыхъ франкскихъ королей, страдала не такъ сильно отъ ихъ набѣговъ, какъ Британія. Но впослѣдствіи, при слабыхъ преемникахъ Карла Великаго, она подвергалась участи Британіи. Нормандія была уступлена Роллону или Рольфу, и скандинавы раздѣлили ее между собою, какъ обыкновенную военную добычу, нисколько не заботясь о ея прежнихъ владѣльцахъ. Но, сдѣлавшись земельными собственниками, викинги быстро обратились въ феодальныхъ сеньоровъ, но до того жадныхъ и свирѣпыхъ, что несчастные подданные кончили возстаніемъ. Графъ Рауль д'Еврё подавилъ возстаніе, подвергнувъ зачинщиковъ жестокимъ пыткамъ. Имъ вырывали зубы и глаза, отрѣзывали руки, заливали горячимъ свинцомъ и т. д.

Въ лѣсахъ древней Германіи никогда не доходили до такого совершенства въ искусствѣ пытки. Полвѣка спустя, во время покоренія Англіи, повторились еще разъ кровавыя сцены насилія. Вильгельмъ Завоеватель заручился папскою буллой объ отлученіи отъ церкви его противника и слушалъ мессу наканунѣ гастингской битвы, получивъ благословеніе духовенства.

Его побѣда ознаменовалась страшными опустошеніями и кровопролитіями. Но алчность нормандскихъ герцоговъ превосходила даже ихъ жестокость. Они безсовѣстно ограбили саксонскую расу. Вильгельмъ провозгласилъ себя законнымъ преемникомъ прежнихъ королей и конфисковалъ все имущество побѣжденныхъ въ пользу побѣдителей. Побѣдители раздѣлили добычу соотвѣтственно своему положенію и заслугамъ. Саксы, были обложены податью. Право охоты перешло всецѣло въ руки Вильгельма; онъ завладѣлъ всѣми лѣсами и запретилъ въ нихъ охотиться подъ страхомъ наказанія. Но и побѣдители не получили владѣній, свободныхъ отъ повинностей. Вильгельмъ считалъ себя преемникомъ саксонскихъ королей и хотѣлъ на-

слѣдовать всѣ ихъ права. Такъ какъ они были феодальными монархами, то онъ требовалъ, чтобъ его вассалы несли всѣ тѣ повинности, которыя лежали на ихъ предшественникахъ, при прежнихъ короляхъ. Вильгельмъ строго проводилъ въ жизнь принципы феодальнаго режима, который родился на почвѣ войны: въ принципѣ лены отдавались на временное пользованіе за военныя услуги.

Крѣпостные играли на войнѣ роль пушечнаго мяса, заполняя ряды пѣхоты. Средневѣковое войско славилось главнымъ образомъ своею кавалеріей. Феодальные рыцари съ пренебреженіемъ относились къ пѣхотѣ, третируя ее en canaille. Тяжелое вооруженіе предохраняло ихъ отъ вражескихъ ударовъ, тогда какъ безоружные пѣхотинцы были предоставлены на волю судьбы. Такъ какъ въ средніе вѣка войны почти не прекращались, многіе изъ этихъ рыцарей нанимались со своею свитой и войскомъ на службу къ знатнымъ вельможамъ. Во время войны они получали отъ нихъ жалованье; въ мирное же время промышляли грабежомъ и разбоемъ.

Настоящіе рыцари не имѣли съ ними ничего общаго. Рыцарство—это поэзія среднихъ вѣковъ; оно возникло на почвѣ войны и идеализировало ее. Въ XI в., когда сынъ сеньора достигалъ совершеннолѣтія, его торжественно опоясывали шпагой и принимали въ число воиновъ. Вотъ первая фаза рыцарства. Мало-по-малу этотъ простой обычай сталъ обращаться въ учрежденіе; потребовалась предварительная подготовка и обученіе военному искусству на службѣ у кого-нибудь изъ старыхъ воиновъ. Пройдя этотъ искусъ, молодой человѣкъ могъ быть принятъ въ число рыцарей, что сопровождалось всегда торжественнымъ обрядомъ. Вначалѣ это былъ вполнѣ свѣтскій обрядъ, но впослѣдствіи церковь придала ему религіозный характеръ. Рыцарскій орденъ имѣлъ свою спеціальную мораль, главнымъ образомъ—военную. Онъ вступался за оскорбленныхъ, презиралъ ложь и измѣну, требовалъ честности и отваги въ борьбѣ. Эти черты настолько ему свойственны, что онѣ даже получили названіе рыцарскихъ. Все это было высоко и благородно,—замѣчаетъ Летурно,—но рыцарская мораль грѣшила однимъ недостаткомъ: она была обязательна только по отношенію къ лицамъ знатнаго происхожденія, оставляя въ сторонѣ массу. Возвышенная любовь рыцарей направлялась на представителей своей касты и, главнымъ образомъ, на дамъ. Но даже и подъ маской высокихъ чувствъ скрывался иногда самый грубый развратъ. Рыцари обязаны были защищать слабыхъ и угнетенныхъ, но они не щадили на полѣ битвы плохо вооруженной пѣхоты, которая не могла устоять противъ нихъ. Они были неуязвимы въ своихъ желѣзныхъ латахъ и гордились своимъ превосходствомъ. Средневѣковое оружіе мало чѣмъ отличалось отъ оружія древняго міра. Введеніе огнестрѣльнаго оружія ознаменовало новую эру. Вначалѣ оно было такъ плохо, что вызывало только насмѣшки, но впослѣдствіи, когда его усовершенствовали и научились имъ пользоваться, оно произвело революцію въ мірѣ военнаго искусства.

Средневѣковая война носила все еще свирѣпый характеръ. Рыцарская

и католическая мораль допускала всякія насилія на полѣ битвы. Если плѣнные были знатнаго происхожденія, съ ними церемонились; если же они, принадлежали къ массѣ, тогда ихъ не щадили. Во время крестовыхъ походовъ и альбигойскихъ войнъ, жестокость побѣдителей превышала всякую мѣру. Сколько кровавыхъ сценъ разыгралось въ стѣнахъ Іерусалима!

Прошлое и настоящее войны. Нашъ обзоръ причинъ и слѣдствій войны почти оконченъ,—говоритъ авторъ. Какъ мы видѣли, и животныя, и люди воюютъ другъ съ другомъ съ тою только разницей, что животныя не знаютъ хитрости и обмана, и всѣ мотивы ихъ дѣйствій предстаютъ передъ нами во всей своей наготѣ. Когда армія муравьевъ набрасывается на сосѣднюю колонію, чтобъ ограбить ея яйца, она не ищетъ высокихъ оправданій для своего грубаго насилія, не прикрывается ни честью, ни славой, ни религіей. Животныя одного вида воюютъ, но не охотятся другъ за другомъ, не съѣдаютъ своихъ ближнихъ. Эта скверная привычка существуетъ у нихъ довольно рѣдко, тогда какъ люди предпринимаютъ цѣлыя войны для того, чтобы полакомиться человѣческимъ мясомъ. Каннибализмъ—это первородный грѣхъ человѣчества. Но не всѣ дикіе народы ѣдятъ своихъ ближнихъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что на первыхъ стадіяхъ соціальнаго развитія люди вели скорѣе мирный, чѣмъ воинственный образъ жизни. Война облекалась у нихъ въ форму возмездія за понесенныя утраты. Эта форма сохранилась еще и теперь у нѣкоторыхъ народовъ Австраліи. Причиной войнъ бывали чаще всего: убійство, охота на чужихъ земляхъ, кража женщинъ и т. д.,—чисто индивидуальныя преступленія, продиктованныя голодомъ или половымъ инстинктомъ. Благодаря тѣсной солидарности, весь кланъ ополчался за своего оскорбленнаго собрата. Но такъ какъ эти возмездія повторялись слишкомъ часто, съ теченіемъ вѣковъ образовалась привычка, потребность въ войнѣ, которая росла все больше и больше вмѣстѣ съ ростомъ соціальнаго развитія. Имущество первобытныхъ клановъ было ничтожно, оно не могло привлекать побѣдителей, такъ какъ тутъ нечего было грабить. Но съ теченіемъ времени, когда дикари перешли къ скотоводству и земледѣлію, когда у нихъ появилась собственность, войны утратили свой юридическій характеръ и обратились въ грабежъ. Кража стала главною цѣлью вооруженныхъ столкновеній.

Во имя этой цѣли безпощадно проливали человѣческую кровь и грозили истребить другъ друга, еслибы не выступили на сцену другіе интересы, еслибы рабство не пришло на смѣну убійству. Впослѣдствіи этотъ грабежъ обратился и на недвижимое имущество, на землю. Тогда образовались большія государства и грабежи en grand съ потоками крови и страшными опустошеніями. Параллельно съ развитіемъ рабства шла политическая эволюція. Царская власть росла съ вѣками и получила въ глазахъ подданныхъ божественное происхожденіе. Великая эра завоеваній открылась именно въ тотъ періодъ, когда развились земледѣліе и рабство, а во главѣ общества

появились цари. Всѣ вышеизложенные факты краснорѣчиво говорятъ намъ, что мѣняются только формы войны, а сущность остается все та же,—это всегда возвратъ къ эпохѣ дикости, къ нашему кровавому прошлому. Конечно, дикарь сражается не такъ, какъ цивилизованный человѣкъ: онъ не вноситъ ни тонкихъ соображеній, ни комбинацій въ военное искусство, а бьетъ какъ попало. Чѣмъ цивилизованнѣе народы, тѣмъ лучше развита у нихъ военная техника. Огнестрѣльное оружіе произвело цѣлый переворотъ въ военномъ мірѣ. Употребленіе на войнѣ дорогихъ и сложныхъ машинъ повело къ образованію регулярныхъ армій вмѣсто средневѣковой милиціи, а это, въ свою очередь, способствовало большей централизаціи королевской власти: феодальный монархъ обратился въ абсолютнаго владыку, который не уступалъ восточнымъ деспотамъ. Деспотизмъ Людовика XIV простирался не только на массу, но и на высшіе классы: «Все, что находится въ предѣлахъ нашей власти,—говорилъ этотъ король-солнце,—принадлежитъ намъ». Когда королевская власть освободилась отъ всякой узды, и ей не приходилось считаться ни съ кѣмъ, она нерѣдко злоупотребляла правомъ войны и мира. Вмѣсто мелкихъ столкновеній между вассалами, организовались по капризу монарха цѣлыя военныя экспедиціи. Война обратилась въ ремесло, но ремесло почетное. Всякая другая профессія считалась позорной: военная честь стояла на первомъ планѣ. До революціи войны жестоко свирѣпствовали въ Европѣ. Пожары, грабежи, насилія практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Теперь научились болѣе утонченно убивать и эксплуатировать своихъ ближнихъ, но все это тотъ же грабежъ, хотя и въ приличныхъ формахъ. Наполеонъ возводилъ его въ принципъ: «Благодаря солдатамъ,—говорилъ онъ,—я пріобрѣтаю милліоны, благодаря милліонамъ нахожу солдатъ». Это какой-то заколдованный кругъ... Но каковы бы ни были формы войны, она является всегда отрицаніемъ самыхъ основныхъ принциповъ нравственности. Съ этомъ отношеніи цивилизованные народы не пошли дальше дикарей. Да оно и понятно: разъ побѣдитель присвоиваетъ себѣ право жизни и смерти надъ врагомъ, все остальное логически вытекаетъ отсюда. Въ XIX вѣкѣ общественная совѣсть стала просыпаться, заговорили другимъ языкомъ, но теорія не всегда вязалась съ практикой.

Если мы окинемъ взоромъ всю пеструю массу народовъ со временъ каменнаго вѣка до нашихъ дней, мы увидимъ, что люди много потрудились надъ истребленіемъ другъ друга, и, конечно, не ихъ вина, если человѣческій родъ сохранилъ свое существованіе.

А, между тѣмъ, есть даже и теперь защитники войны, которые поютъ ей дифирамбы. Они силятся доказать, что война—необходимая принадлежность человѣческаго рода, что ея дѣянія справедливы и благотворны. Намъ остается взвѣсить силу ихъ аргументовъ, — замѣчаетъ Летурно. Война говорятъ одни, существовала всюду и всегда, — поэтому она неизбѣжна Но, вѣдь, и каннибализмъ,— возражаетъ авторъ, — широко практиковался когда-то, а теперь онъ не внушаетъ ничего, кромѣ отвращенія. Рабство было распространено чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ, но тепе

отмѣнили его,—по крайней мѣрѣ, въ цивилизованныхъ странахъ. Почему же война должна составлять исключеніе въ силу того, что она существовала всюду и вездѣ?

Другіе, какъ Де-Местръ, приписываютъ ей божественное происхожденіе. Война, по его словамъ, это — Божье наказаніе, искупленіе грѣховъ. Смѣшно даже опровергать такія нелѣпости,—замѣчаетъ авторъ.

Война облечена въ юридическую форму,—говоритъ Прудонъ,—и потому она справедлива: это — споръ двухъ націй, какъ споръ двухъ тяжущихся сторонъ на судѣ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ аргументъ Гегеля: «все, что дѣйствительно, то разумно». Протесты совѣсти — чисто-субъективныя чувства, съ которыми не нужно считаться. Правда, ирокезы злоупотребляли правомъ побѣды, когда они съѣдали побѣжденныхъ, но въ принципѣ нѣтъ ничего несправедливаго въ поглощеніи однихъ націй другими,—побѣждаютъ всегда лучшія. Эти доводы такъ абсурдны, — замѣчаетъ авторъ, — что, приводя ихъ, тѣмъ самымъ опровергаешь. Не менѣе жалка аргументація Прудона, когда онъ говоритъ о полезности войны,—это чистая метафизика. Война,—утверждаетъ философъ,—есть «форма нашего разума, законъ души, условіе существованія». Народы создали себѣ религію силы, и на этой религіи силы, на этомъ божественномъ правѣ покоятся общества. Но, очевидно, сами защитники войны не довольствуются своими теоретическими доводами и указываютъ на практическую полезность войны. По мнѣнію Гегеля и Прудона, «она необходима для развитія человѣчества». Она даетъ практику нашимъ лучшимъ качествамъ, закаляетъ изнѣженные нравы, укрѣпляетъ государства, даетъ перевѣсъ лучшимъ и сообщаетъ всему жизнь, огонь, движеніе. Разобравъ эти доводы,— говоритъ авторъ,— мы увидимъ, что война нисколько не совершенствуетъ человѣка ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ, ни въ умственномъ отношеніи,—наоборотъ, она вредна для общества. Въ Спартѣ и Аѳинахъ не война, а гимнастика создала здоровый типъ людей. Она же способствовала только физическому вырожденію націй, отнимая у нихъ лучшій цвѣтъ молодежи и подставляя ихъ подъ смертельные удары. Что же касается психическихъ сторонъ, то нельзя не понять, что высшія изъ нихъ, разумъ и воля, не могли развиться при режимѣ пассивнаго подчиненія. Излишне добавлять, что наши лучшія чувства, любовь и состраданіе къ ближнему, въ корнѣ противорѣчатъ принципамъ войны. Послѣдняя не только не облагораживаетъ человѣка, но, наоборотъ, развиваетъ его худшіе инстинкты, пріучаетъ къ грубости, жестокости, разврату, неуваженію къ чужой личности и собственности. Есть еще одна категорія философовъ, которая признаетъ все зло войны, но считаетъ его необходимымъ въ виду какихъ-то высшихъ благъ. Война, по ихъ мнѣнію, играла въ исторіи роль добраго генія: она объединяла націи, разрушала старое и творила на его развалинахъ новое. Давая перевѣсъ наиболѣе развитымъ народамъ, она являлась орудіемъ прогресса и историческаго подбора. Но неужели для этого необходимо,—спрашиваетъ Летурно,—чтобы двѣ сосѣд-

ихъ націи истребляли другъ друга? Въ животномъ мірѣ это еще понятно: тамъ истребленіе одной группы другою является однимъ изъ условій борьбы за существованіе. Но неужели въ просвѣщенномъ обществѣ нельзя создать столько средствъ для жизни, сколько необходимо, не прибѣгая къ кровавой рѣзнѣ?

Когда человѣчество направитъ все свое знаніе и огромныя средства, поглощаемыя войной, на производство полезныхъ продуктовъ, тогда наступитъ новая эра, и цивилизація пойдетъ быстрыми шагами впередъ.

Что же касается историческаго подбора, перевѣса лучшихъ на войнѣ, то достаточно привести нѣсколько примѣровъ для того, чтобы разубѣдиться въ этомъ. Развѣ Римъ былъ выше Греціи, а германскія орды выше Рима, когда они разгромили Римскую имперію? Въ исторіи найдется, можетъ быть, два-три примѣра, когда военные погромы были вознаграждены «кажущимися» благами. Я говорю «кажущимися», — замѣчаетъ Летурно,—потому что эти блага могли бы быть пріобрѣтены и мирнымъ путемъ, безъ рѣзни и крови. Напримѣръ, побѣдѣ норманновъ приписываютъ образованіе англійской націи. Но оно явилось вовсе не результатомъ побѣды, а продуктомъ медленнаго сліянія двухъ родственныхъ расъ, кельтовъ и германцевъ. Въ жилахъ саксовъ и норманновъ текла, въ сущности, одна кровь, и грубое вторженіе Вильгельма скорѣе замедлило, чѣмъ ускорило сліяніе этихъ двухъ народовъ. И безъ его вмѣшательства образовалась бы англійская нація. Однимъ изъ благъ войны считаютъ поглощеніе мелкихъ національностей и образованіе большихъ государствъ, — но что выигрываетъ отъ этого цивилизація? Умственнымъ центромъ древняго міра была не объединенная Италія, а разрозненная Грецію. Только впослѣдствіи, въ XII—XIV вѣкахъ, когда итальянскіе города пріобрѣли независимость, Италія стала очагомъ цивилизаціи. По этимъ фактамъ можно судить, какъ эфемерны блага войны, какъ ничтожны дѣянія великихъ завоевателей въ сравненіи съ тою массой зла и страданія, которую они несутъ съ собой.

Говорятъ еще, что у человѣчества образовалась потребность въ войнѣ,— инстинктъ, сложившійся вѣками, съ которымъ нельзя не считаться. Недаромъ создаютъ ей культъ и воспѣваютъ ея героевъ. Къ сожалѣнію, это правда,— замѣчаетъ Летурно,—культъ войнѣ и ея героямъ существуетъ въ нашемъ обществѣ. Онъ явился продуктомъ вѣкового воспитанія, грустнымъ наслѣдіемъ прошлаго. На зарѣ цивилизаціи и до нашихъ дней люди вѣчно сражались другъ съ другомъ. Воспитаніе разжигало этотъ искусственно-привитой инстинктъ, прикрывая весь ужасъ войны мишурною мантіей ея побѣдъ.

Но воспитанію пора перемѣнить дорогу. Когда оно сожжетъ все, чему поклонялось, и разовьетъ умы и чувства людей въ другомъ направленіи, тогда народятся новыя поколѣнія, которыя съ ужасомъ отвернутся отъ кроваваго прошлаго своихъ предковъ. Но гдѣ же найти, однако, радикальное средство противъ военной заразы?—спрашиваетъ авторъ.— Говорили, что развитіе промышленности утолитъ жажду крови, но это оказалось

жестокимъ заблужденіемъ. Блестящій разцвѣтъ промышленности не помѣшалъ нисколько рѣзнѣ. Въ 1870 г. Европа могла выставить, по статистическимъ даннымъ, семь милліоновъ войска, теперь оно достигло двѣнадцати съ половиной милліоновъ, а въ недалекомъ будущемъ грозитъ подняться до двадцати.

Развѣ это не возвратъ къ эпохѣ варварства?!

Для того, чтобъ уничтожить зло въ корнѣ, нужно парализовать самыя причины войны. Онѣ весьма разнообразны по своему характеру: тутъ есть и психическія, и политическія, и экономическія, и соціальныя. Одною изъ психическихъ причинъ является безразсудное поклоненіе военной славѣ; съ нею можно бороться путемъ воспитанія. Что же касается другихъ психическихъ причинъ, мести и ненависти, поселенной въ душахъ побѣжденныхъ, то онѣ могутъ исчезнуть лишь при условіи искупленія старыхъ грѣховъ.

Наступитъ тотъ счастливый день, когда болѣе просвѣщенное человѣчество съ ужасомъ отвернется отъ войны, какъ мы отворачивается теперь отъ каннибализма нашихъ предковъ.

И. К.

Иванъ Грозный и его оппоненты *).

III.

Съ половины XV вѣка московское правительство приступаетъ къ коренной переработкѣ государственныхъ порядковъ удѣльнаго происхожденія. Чѣмъ объясняется такая перемѣна московской политики? Почему московскіе князья превратились теперь въ разрушителей удѣльнаго режима? Мы только что указали одинъ, такъ сказать, отрицательный мотивъ этой перемѣны: съ уничтоженіемъ удѣльныхъ княжествъ московскимъ князьямъ уже не предстояло необходимости конкуррировать въ глазахъ населенія съ прочими князьями бережною охраной популярныхъ тогда удѣльныхъ правъ. Но были и другіе мотивы чисто-положительнаго свойства. Одинъ изъ нихъ косвеннымъ образомъ вытекъ изъ дальнѣйшаго роста религіозно-націоналистическаго міровоззрѣнія тогдашняго общества. Другой былъ созданъ тѣмъ своеобразнымъ направленіемъ, по которому пошло развитіе государственныхъ потребностей того времени.

Мы только что видѣли, какъ подъ напоромъ общественнаго мнѣнія московскій князь выросъ въ представителя общенародныхъ національныхъ интересовъ. Къ концу XV вѣка русское общественное сознаніе осложняется рядомъ новыхъ элементовъ. Идея обще-русскаго патріотизма разростается до грандіозныхъ размѣровъ идеи *панруссизма*. Русскіе публицисты начинаютъ провозглашать русскій народъ первымъ народомъ вселенной, избранникомъ Божіимъ, получившимъ отъ Провидѣнія преимущественное право на истинную божественную благодать. Громкія политическія событія содѣйствовали укорененію подобныхъ взглядовъ въ русскомъ обществѣ. Паденіе Константинополя, его подчиненіе власти «безбожныхъ агарянъ», занимало въ ряду этихъ событій первое мѣсто. Русское общество издавна привыкло смотрѣть на Византію, какъ на единственную колыбель истиннаго православія; этимъ религіознымъ значеніемъ Византіи русскіе объясняли себѣ и ея руководящую роль на православномъ Востокѣ. Взятіе Константинополя турками, разрушившее политическое существованіе Византіи, отнимало у нея, вмѣстѣ

*) *Русская Мысль*, кн. X.

съ тѣмъ, и прежнее значеніе религіознаго центра. Религіозное міросозерцаніе русскаго общества могло подсказать публицистамъ этого времени лишь одно объясненіе совершившемуся факту: событія отняли у Византіи ея руководящую роль потому, что греки отступили отъ истиннаго православія. Но это заключеніе послужило въ свою очередь посылкой для новаго еще болѣе знаменательнаго вывода. Съ паденіемъ Византіи единственною представительницей чистаго, древлего православія являлась Россія, къ ней, слѣдовательно, должна была перейти теперь принадлежавшая ранѣе Византіи религіозно-политическая гегемонія надъ всѣмъ православнымъ Востокомъ. Такимъ діалектическимъ путемъ въ русской публицистикѣ того времени сложилась новая теорія «третьяго Рима», впервые громко высказанная въ 1492 г. митр. Зосимой во вновь составленной имъ *Пасхаліи* на восьмую тысячу лѣтъ и окончательно формулированная старцемъ Филоѳеемъ. Два Рима пали (т.-е. Римъ и Константинополь), третій Римъ—Москва, четвертому не быть. Эта теорія, популярная въ обществѣ, скоро получила и оффиціальную правительственную санкцію. Мы встрѣчаемъ наименованіе Москвы третьимъ Римомъ въ такихъ оффиціозныхъ произведеніяхъ, какъ Степенная книга, и въ такихъ оффиціальныхъ документахъ, какъ Уложенная грамота объ учрежденіи въ Россіи патріаршества. Но если Москва—преемница Византіи, отсюда былъ неизбѣженъ и дальнѣйшій выводъ: московскій князь — тотъ же византійскій царь и по значенію своей политической роли и по внутренней сущности своей верховной власти. На московскаго князя должны были перейти теперь всѣ прерогативы византійскаго царя. «Нынѣ прославилъ Богъ въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христолюбиваго новаго царя Константина великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, *новаго царя Константина новому граду Константину—Москвѣ* и всей Русской земли и инымъ многимъ землямъ государя», читаемъ мы въ *Пасхаліи* Зосимы *). Нѣкоторыя событія позволяли дать этому новому взгляду на власть московскаго князя фактическое обоснованіе. Публицисты припомнили извѣстный эпизодъ въ Москвѣ съ митрополитомъ Исидоромъ послѣ возвращенія его съ Флорентійскаго собора, когда московскій князь выступилъ такимъ энергичнымъ поборникомъ «древлего благочестія и православной вѣры» и не поскупились на краснорѣчіе, чтобъ оттѣнить религіозные мотивы княжеской политики. Они видѣли въ этомъ эпизодѣ осуществленіе одной изъ основныхъ чертъ византійскаго политическаго идеала, по которой монархъ являлся воинствующимъ стражемъ правовѣрія. Паденіе татарскаго ига окончательно облегчало пріуроченіе къ русскому князю и второй черты византійскаго идеала истиннаго царя: полной неограниченности власти не только во внутреннихъ отношеніяхъ къ своимъ подданнымъ, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ къ иноземнымъ властителямъ. Согласно только что отмѣченной теоріи, Византія теряла главенство надъ православнымъ міромъ въ

*) *Дьяконовъ*: „Власть московскихъ государей“, стр. 66.

силу своего подчиненія турецкому игу. Но надъ Русью тяготѣло тоже иноземное, татарское иго.

Этотъ фактъ сильно кололъ глаза теоретикамъ не только какъ народное бѣдствіе, но и какъ логическій абсурдъ съ точки зрѣнія ихъ политической теоріи. Одни умышленно закрывали глаза на этотъ фактъ, не желая поступиться своею теоріей, другіе съ горечью указывали на него, какъ на ненормальное и случайное явленіе, которое во что бы то ни стало должно исчезнуть. Теперь оффиціальное паденіе ига окончательно освобождало публицистовъ отъ тяжелой необходимости снабжать этою непріятною оговоркой свои побѣдоносные и гордые теоретическіе выводы. Наконецъ, бракъ Ивана III на Зоѣ Палеологъ, племянницѣ послѣдняго Византійскаго царя, явился какъ бы символическимъ выраженіемъ идеи наслѣдованія московскими князьями исторической миссіи угасшаго византійскаго царства. Всѣ эти факты тщательно подбирались русскими публицистами того времени и такъ или иначе прилаживались къ подкрѣпленію и развитію основной темы ихъ трактатовъ. Затѣмъ, въ подспорье историческимъ фактамъ пускаются въ ходъ и историческія легенды. Создается настоящій циклъ легендъ объ одновременіомъ перемѣщеніи изъ Византіи на Русь различныхъ эмблемъ православной святости и верховной политической власти надъ всѣмъ православнымъ міромъ. Съ своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ излагаемая теорія нѣсколько модифицировалась. Въ переносѣ на русскаго князя власти византійскаго царя все еще ощущался значительный элементъ случайности: не будь нашествія турокъ на Византію и Русь по-прежнему должна бы была уступать Византіи пальму высшаго верховенства надъ православнымъ міромъ. И въ теорію была внесена поправка. Завоеваніе Константинополя турками было признано лишь внѣшнею формой, въ которую Промыслу угодно было облечь осуществленіе его исконныхъ предначертаній. Согласно этимъ предначертаніямъ, первому Риму и второму Риму-Царьграду было отмѣрено изначала опредѣленное время верховнаго господства надъ истиннымъ христіанствомъ; по истеченіи положенныхъ сроковъ должно наступить уже вѣчное безсрочное господство русскаго православнаго царства: «четвертому Риму не быть». Получалась цѣлая схема послѣдовательнаго перехода изъ страны въ страну гегемоніи надъ всѣмъ христіанствомъ, схема, если угодно, напоминающая по формѣ Гегелевскую схему кочеванія мірового духа по различнымъ націямъ.

Эта модификація окончательно завершила развитіе ученія о переходѣ на Русь исторической роли, нѣкогда принадлежавшей Византіи. Характернѣйшею отличительною чертой этого ученія слѣдуетъ признать тѣсное взаимное переплетеніе религіозныхъ и политическихъ идей. Присвоенная теперь Россіи *религіозная* миссія воинствующей охраны истиннаго православія существеннымъ образомъ осложняла въ глазахъ русскаго общества и чисто *политическое* международное положеніе Россіи: предѣлы московскаго единодержавія расширялись теперь далеко за границы объединенной Руси, в рукахъ московскаго князя сосредоточивалась религіозно-политическая ге

монія надъ всѣмъ православнымъ христіанствомъ. Московское правительство старается облечь эту мысль въ громкія, торжественныя формулы, въ которыхъ иногда можно даже разглядѣть отдаленные отблески идей, входившихъ въ составъ западнаго средневѣковаго идеала священной имперіи. Такъ, въ соборномъ утвержденіи вѣнчанія на царство Ивана IV послѣдній названъ «Государемъ всѣхъ христіанъ отъ востока, до запада и до океана» *).

Русское общество высоко цѣнило изложенную доктрину съ точки зрѣнія открываемыхъ ею блестящихъ перспективъ, заманчивыхъ для чувства національной гордости. Представленіе объ исключительной роли «Богомъ избраннаго народа»—вотъ что сообщало этой доктринѣ неотразимо-притягательную силу въ глазахъ русскаго общества, сдѣлало изъ нея наиболѣе популярную тему публицистической литературы. За всѣмъ этимъ для увлекавшагося большинства заслонилась другая существенная сторона того же ученія. Льстившее чувству народной гордости, то же ученіе направлялось своимъ остріемъ противъ наиболѣе дорогихъ для тогдашняго общества прерогативъ общественной свободы. Новая теоретическая постановка власти московскаго князя кореннымъ образомъ должна была повліять не только на международное положеніе Московіи, но и на внутреннія отношенія московскаго правительства къ управляемому имъ обществу. Въ качествѣ преемника византійскаго царя русскій князь долженъ былъ разсматриваться теперь, какъ земное орудіе божественной воли.

Отсюда вытекалъ рядъ практическихъ выводовъ, передъ совокупностью которыхъ *теряли raison d'être договорныя* отношенія удѣльной эпохи. Но представленіе о происхожденіи княжеской власти исключало всякую общественную инціативу въ установленіи взаимныхъ отношеній общества и правительства, слѣдовательно приводило къ полному отрицанію двухъ основныхъ устоевъ удѣльной свободы: *права ряда* и *права отъѣзда*; оно исключало, далѣе, всякую возможность свободной критики княжескихъ правительственныхъ дѣйствій («сваритеся съ княземъ никакъ нельзя» **), устанавливая отвѣтственность князя передъ однимъ Божествомъ,—слѣдовательно, приводило къ такому же отрицанію и третьяго права удѣльнаго общества, «*права совѣта*». Отвѣтомъ на княжескій гнѣвъ и даже на княжескую несправедливость должны быть кротость и смиреніе, ибо ропотъ противъ князя есть ропотъ противъ Бога, а княжеская жестокость—ничто иное, какъ божественная кара народныхъ прегрѣшеній. Такимъ образомъ, популярная въ обществѣ идея о наслѣдованіи Россіей политическаго и религіознаго значенія Византіи послѣдовательно приводила къ коренному отрицанію столь же популярнаго въ то время удѣльнаго общественнаго уклада. Правительство отнюдь не ограничивалось областью чистой теоріи. Оно приступило къ практической переработкѣ государственно-общественныхъ отношеній.

*) *Каптеревъ*: „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII ст.“, стр. 30.

**) *Дьяконовъ*, стр. 102.

Какую форму приняло практическое осуществленіе новыхъ политическихъ принциповъ? Здѣсь надо принять во вниманіе второй факторъ назрѣвавшаго переворота. Выводы, сдѣланные изъ иноземной теоріи, случайнымъ образомъ совпали съ практическими потребностями текущаго момента русской жизни; то были неотложныя потребности военной самообороны. Раньше уединенное, московское княжество, вобравъ въ себя всѣ прочіе удѣлы, стало теперь лицомъ къ лицу съ воинственными сосѣдями тогдашней Руси: татарами и литвой. Въ виду непрерывной военной опасности Москвѣ пришлось реорганизоваться на новыхъ началахъ. Подъ давленіемъ событій русское государственное устройство начинаетъ отливаться въ форму чисто-*военной монархіи*. Режимъ военнаго лагеря—плохая школа общественной свободы, а, между тѣмъ, милитаризмъ дѣлался коренною чертой нарождавшагося московскаго политическаго строя. Мы представили выше его отличительныя черты. Всѣ онѣ сводятся къ безповоротному отрицанію удѣльной старины.

Все это были явленія совершенно не входившія въ первоначальныя предположенія тѣхъ общественныхъ слоевъ, на плечахъ которыхъ московскіе князья утвердили свое политическое возвышеніе. Вотъ почему въ отвѣтъ на новое направленіе тотчасъ обозначается и новый знаменательный фактъ въ исторіи общественныхъ настроеній: *появляется антиправительственная оппозиція*. Разъ появившись, она быстро крѣпнетъ и обостряется въ своихъ проявленіяхъ. Дружина, еще недавно льнувшая ко двору московскаго князя, становится крамольною дружиной. Правительство признаетъ силу и опасность этого движенія. Князь вступаетъ въ упорную борьбу со своими «думцами и воями», которыхъ онъ съ такимъ усердіемъ собралъ вокругъ себя съ разныхъ уголковъ раздробленной удѣльной Руси, которымъ онъ посвящалъ иногда въ своихъ духовныхъ грамотахъ трогательныя признанія тѣсной солидарности *). Эта борьба, поднявшись съ половины XV вѣка, перешла затѣмъ и въ XVI вѣкъ, какъ одинъ изъ господствующихъ фактовъ нашей исторіи за весь ея до-Романовскій періодъ и, придавъ такой острый и болѣзненный характеръ процессу нарожденія новаго государственнаго порядка, разрѣшилась, затѣмъ, и не менѣе болѣзненнымъ эпилогомъ: такъ называемымъ «смутнымъ временемъ».

Такъ еще задолго до воцаренія Грознаго, еще съ половины XV вѣка, Москва уже начинала жить довольно лихорадочною жизнью. Не одинъ разъ столкновеніе партій грозило разрости въ междоусобную войну. Служилые князья, около которыхъ группировались теперь носители удѣльныхъ традицій, не разъ хватались за оружіе, московскій князь выступалъ на нихъ походомъ и только внезапный татарскій набѣгъ, грозя одинаковымъ разрушеніемъ и той, и другой сторонѣ, если не прекращалъ, то отсрочивалъ развитіе домашней распри. Усобицы перемежались съ дворцовым

*) *С. Г.*: „Грам. и догов.“. I, № 24. Воскрес. 1389 г.

революціями. Когда при Иванѣ III вспыхнула борьба двухъ дворцовыхъ партій, бояре вмѣшались въ эту борьбу и тотчасъ вплели свои политическія притязанія въ династическіе счеты двухъ вѣтвей княжескаго дома. Видная дружинная знать сплотилась вокругъ потомства первой жены Ивана III противъ партіи византійской ex-принцессы Софіи Палеологъ.

Отвѣтомъ на это возбужденное общественное броженіе явилась система правительственнаго террора. Пошли опалы и казни. Терроръ дѣлалъ свое дѣло. Иванъ III сломилъ двѣ самыя видныя боярскія фамиліи того времени: Ряполовскихъ и Патрикѣевыхъ—вождей только что упомянутаго дворцоваго заговора. Ряполовскому отрубили голову. Патрикѣевыхъ раскассировали по отдаленнымъ глухимъ монастырямъ. Смертная казнь дѣлается обычнымъ пріемомъ правительства. Случаи ея примѣненія учащаются. Княженіе Василія III ознаменовывается уже цѣлымъ рядомъ казней и жестокихъ политическихъ каръ. За попытки сопротивленія рубятъ головы, за крамольныя рѣчи рѣжутъ языки. Вмѣстѣ съ этимъ анти-правительственная оппозиція вступаетъ въ новый фазисъ.

Чувство недовольства и раздраженія уходитъ въ глубь общества, придавленное сверху, оно получаетъ скрытое подпольное распространеніе. Отважные мятежники превращаются въ озлобленно-тоскующихъ, разочарованныхъ пессимистовъ. Продолжительныя неудачи притупляютъ въ нихъ прежній вкусъ къ дѣйствію, прежнюю вѣру въ будущее. Скучающіе пессимисты, они собираются тайкомъ въ тѣсные кружки и здѣсь въ интимной бесѣдѣ хоронятъ изліянія своихъ оскорбленныхъ и озлобленныхъ чувствъ. Келья Максима Грека являлась, повидимому, однимъ изъ такихъ потаенныхъ центровъ сдавленной общественной оппозиціи *). Но тлѣющая искра этого оппозиціоннаго, такъ сказать, «удѣльнаго» направленія не потухала совершенно. Живучесть этого направленія тотчасъ же сказалась въ рядѣ довольно внушительныхъ движеній со стороны служилыхъ князей, лишь только умеръ Василій III, и во главѣ государства за малолѣтствомъ новаго князя стала женщина. Оппозиціонная партія разсчитывала на слабость новаго правительства, не ожидая, что регентство Елены Глинской быстро превратится въ диктатуру Телепнева-Оболенскаго. Шаги служилыхъ князей тотчасъ нашли себѣ сочувствующій отголосокъ среди населенія, такъ что, какъ говоритъ лѣтописецъ, «многіе московскіе люди поколебались» **).

Мы не намѣрены излагать здѣсь фактическое развитіе отношеній правительства и оппозиціи. Достаточно указать на то, что въ оба разсматриваемыя нами княженія Ивана III и Василія III со стороны правительства безостановочно шла усиленная организаціонная работа по переустройству государственнаго порядка на отмѣченныхъ выше новыхъ началахъ. Всѣ относящіяся сюда нововведенія встрѣчались то открытымъ сопротивлені-

*) *Акты археограф. экс.* I, № 172.

**) *Соловьевъ*: „Исторія Россіи", т. VI, гл. I.

емъ, то сдавленнымъ, глухимъ ропотомъ населенія. Правительственная реформа носила рѣзко принудительный характеръ. Такъ завязалась та взаимная борьба правительства и общества, которая была затѣмъ унаслѣдована и эпохой Ивана Грознаго. Вызванная первоначально реальными интересами, эта борьба пустила такіе глубокіе корни въ господствующее сознаніе и той, и другой партіи, отложила въ чувствахъ той и другой такъ много взаимнаго раздраженія, что ей уже невозможно было затѣмъ прекратиться безъ коренного измѣненія общихъ условій русской жизни. Она и тянется сплошною полосой черезъ весь XVI вѣкъ русской исторіи. *Борьба носила, такимъ образомъ, чисто-политическій характеръ.* Мы и остановимся теперь, насколько то позволяетъ состояніе источниковъ, на основаніяхъ *теоретической программы* анти-правительственной оппозиціи. Во-первыхъ, удѣльная оппозиція была недовольна самымъ фактомъ правительственнаго разрыва со стариной. Она была противъ реформы во всемъ ея объемѣ. Убѣгающее въ даль прошлое являлось въ ея глазахъ золотымъ вѣкомъ общественнаго благополучія. Берсень-Беклемишевъ, повидимому, самый дѣятельный ораторъ въ оппозиціонномъ кружкѣ, группировавшемся въ кельѣ Максима Грека, слѣдующимъ образомъ выразилъ это господствующее настроеніе своей партіи: «Максимъ господине, вѣдаеши и самъ и мы слыхали у разумныхъ людей, которая земля перестанавливаетъ обычаи свои и та земля не долго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи князь великій перемѣнилъ, ино на насъ котораго добра чаяти?» *). Въ этихъ словахъ выразилось, какъ будто, теоретическое провозглашеніе общественнаго застоя, отрицаніе самого принципа какой бы то ни было реформы, консерватизмъ для консерватизма. Мы думаемъ, однако, что не такова была исходная точка тогдашнихъ оппозиціонныхъ воззрѣній. Сущность оппозиціонной программы заключалась тогда не въ отрицаніи реформы вообще, а въ сознательной критикѣ именно текущихъ реформъ, поскольку послѣднія шли въ разрѣзъ съ основами удѣльнаго строя. Берсень протестуетъ противъ превращенія нѣкогда свободной дружины въ постоянный классъ служилыхъ людей, онъ протестуетъ противъ устраненія общества отъ прежняго участія въ политической дѣятельности, противъ уничтоженія удѣльнаго права «совѣта». «Прежде,—говоритъ онъ,—людей жаловали и старыхъ почитали, а теперь государь запершись самъ третей у постели дѣла дѣлаетъ». Уничтоженіе дружиннаго права «совѣта» естественно дѣлало невозможной какую бы то ни было открытую критику правительственныхъ дѣйствій: «Государь нашъ упрямъ,—говорилъ тотъ же Берсень,—и *встрѣчи* (возраженія) противъ себя не любитъ и кто ему встрѣчу говоритъ і онъ на того опаляется» **).

Представители дружины естественнымъ образомъ обрушивались своею критикой на тѣ именно проявленія новаго теченія, которыя затрогивали

*) *Акты археологич. экс.* I, № 172.

**) Ibid.

старинныя дружинныя прерогативы. Они протестовали, они обличали pro domo sua, устраненіе права «отъѣзда», устраненіе права «совѣта» — вотъ любимыя темы ихъ жалобъ. Но этимъ не ограничивалась сфера оппозиціонной критики вообще. Люди, болѣе вдумчивые въ смыслъ совершавшихся или назрѣвавшихъ перемѣнъ и менѣе заинтересованные лично въ оцѣнкѣ ихъ послѣдствій, брали вопросъ и глубже, и шире. Они понимали, что дѣло заключалось не въ одной принудительной правительственной ломкѣ старыхъ учрежденій, но въ общихъ, такъ сказать, «крѣпостническихъ» тенденціяхъ эпохи, одинаково проявлявшихся и въ правительственныхъ законодательныхъ мѣропріятіяхъ, и въ частно-хозяйственной практикѣ тѣхъ же бывшихъ дружинниковъ-землевладѣльцевъ. Параллельно съ процессомъ законодательнаго закрѣпощенія бывшей удѣльной дружины уже въ то время довольно усиленнымъ темпомъ шелъ процессъ экономическаго закрѣпощенія бывшаго удѣльнаго свободнаго крестьянства. Вдумчивые наблюдатели понимали, что оба эти процесса ведутъ къ одному конечному результату—переустройству прежнихъ государственно-общественныхъ отношеній; они понимали, что то же правительство своими мѣрами пойдетъ на встрѣчу экономическому закрѣпощенію крестьянства, пожнетъ его плоды въ цѣляхъ своего собственнаго плана новой государственной организаціи. Такъ и случилось, какъ извѣстно. Законодательство въ свое время санкціонировало крестьянскую закрѣпощенность, ввело этотъ назрѣвшій жизненный фактъ въ общую систему прочихъ государственныхъ установленій и сообщило ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, новое политическое назначеніе: закрѣпощенное крестьянство было сдѣлано тогда орудіемъ обязательнаго матеріальнаго обезпеченія службы столь же закрѣпощеннаго класса «служилыхъ людей». Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка этотъ конечный результатъ былъ еще далекъ отъ осуществленія. Но передовые умы вѣка его предчувствовали. Мы находимъ въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ публицистовъ того времени яркія обличительныя картины изъ области землевладѣльческой практики; среди отмѣчаемыхъ здѣсь золъ на первомъ планѣ всегда стоитъ экономическое порабощеніе крестьянства. Вотъ нѣкоторые весьма характерные въ этомъ отношеніи обращики. Вассіанъ Патрикѣевъ, талантливый публицистъ изъ лагеря «заволжскихъ старцевъ», пишетъ въ одномъ изъ своихъ полемическихъ посланій: «Мы сребролюбіемъ и несытостью побѣждени, живущія братія наша убогія *въ селехъ* нашихъ различными образы оскорбляемъ ихъ и *лесть на лесть и лихву на лихву на ихъ налагающе*, милость же нигде къ нимъ показующе, ихъ же *егда не возмогутъ отдати лихвы, отъ имѣній ихъ обнажахомъ* безъ милости, коровку ихъ и лошадку отъемше, самехъ же съ женами и дѣтьми далече отъ своихъ предѣлъ, аки скверныхъ, отгнахомъ, нѣкіихъ же и *княжеской власти* предавше, истребленію конечному положихомъ».

Здѣсь мѣтко установлена основная причина крестьянскаго закрѣпощенія: безвыходная задолженность крестьянства. Экономическое рабство быстро приводило въ то время къ утратѣ личной свободы. Вассіанъ продол-

жаетъ: «Аки своя душя възненавидяще, яко противу заповѣдей господьскихъ оплчающеся, обидимъ и грабимъ, продаваемъ крестьянъ, братій нашихъ и бичемъ ихъ истязуемъ безъ милости, аки звѣри дивіи на тѣлеса ихъ наскакающе» *). Много разъ съ необыкновенною настойчивостью и въ томъ же самомъ направленіи подымаетъ этотъ вопросъ въ своихъ различныхъ произведеніяхъ не однажды упомянутый выше Максимъ Грекъ. Онъ еще обстоятельнѣе и детальнѣе рисуетъ намъ постепенную подготовку крестьянскаго закрѣпощенія. Разъ завязавшаяся петля крестьянской задолженности затягивалась все туже и туже. «Нынѣ, — пишетъ Максимъ, — дерзаемъ мы на *бѣдныхъ селянехъ*, лихоимствующе ихъ тягчайшими росты и расхищающе ихъ, не могущихъ отдати заемое и наипаче тружающихся безпрестани и стражущихъ въ селѣхъ нашихъ»... Между тѣмъ, оттяжка уплаты сдѣланнаго однажды долга, наростаніе по немъ изнурительныхъ процентовъ вело въ свою очередь къ увеличенію его первоначальной цифры. Обычная неправда и хищеніе, по словамъ Максима Грека, заключаются въ томъ, чтобы «росты тягчайши о взаимнѣмъ серебрѣ по вся лѣта истязати бѣдныхъ селянъ и никогда же оставити имъ истину, многа ужѣ лѣта вземше и много сугубно многовременными росты». Эта затяжная задолженность у кредитора-землевладѣльца приводила, какъ извѣстно, къ фактическому уничтоженію права свободнаго перехода для должника-земледѣльца, чѣмъ и расшатывался также одинъ изъ устоевъ удѣльнаго порядка. Максимъ Грекъ отмѣтилъ въ своихъ сочиненіяхъ и это знаменательное явленіе: «Аще кто за послѣднюю нищету не можетъ дати готовый ростъ за пріидущій годъ, оле безчеловѣчія! другій ростъ истязуемъ отъ него, и аще не могутъ отдати, разграбимъ стяжанища ихъ... къ симъ же аще кто отъ нихъ изнемогъ тягостію налагаемыхъ имъ безпрестани отъ насъ трудовъ же и дѣланій, *восхощетъ инде нѣдѣ переселитися, не отпущаемъ его*, увы, *аще не положитъ* уставленный оброкъ, о немъ же толика лѣта жилъ есть въ нашемъ селѣ» **). Приведенные до сихъ поръ отрывки касаются монастырскаго землевладѣнія, и можно было бы думать, что заключающіяся въ нихъ стрѣлы обличенія направлены не столько вообще противъ отмѣчаемыхъ явленій землевладѣльческой практики, сколько противъ неблаговидныхъ стяжательныхъ поступковъ землевладѣльческихъ монастырей. Несомнѣнно и этотъ мотивъ имѣлъ для цитируемыхъ авторовъ въ высшей степени важное значеніе, въ особенности въ разгарѣ полемики о вотчинныхъ правахъ монастырей. Но Максимъ Грекъ нѣсколько разъ посылаетъ тѣ же самыя обличенія и по адресу свѣтскихъ, «мірскихъ» землевладѣльцевъ. Самое проникновеніе вышеотмѣченныхъ явленій въ сферу монастырскаго землевладѣнія Максимъ объясняетъ даже въ одномъ своемъ «словѣ» какъ разъ слишкомъ широкимъ распространеніемъ ихъ въ міру. Зло это такъ сильно преумножилось въ Русской землѣ, что, въ концѣ-кон-

*) *Православный Собесѣдникъ* 1863 г., III.

**) *Сочиненія Максима Грека*, II, стр. 94—95, 104, 131—132.

повъ, захватило своимъ тлетворнымъ дыханіемъ даже «преподобныхъ Божіихъ святителей и священниковъ, и архимандритовъ, и игуменовъ нашихъ» *). Правда, и въ этомъ случаѣ нашимъ авторамъ можно приписывать не политическіе, а филантропическіе мотивы. Однако, весьма знаменательно, что и Вассіанъ Патрикѣевъ, и Максимъ Грекъ всегда были окружены сторонниками политической оппозиціи, съ которыми ихъ соединяли весьма тѣсныя связи. А, между тѣмъ, въ разсматриваемую эпоху, какъ увидимъ, политическіе идеалы имѣли опредѣляющее, рѣшающее вліяніе на складъ всего міросозерцанія людей той или другой партіи, окрашивая въ извѣстный опредѣленный оттѣнокъ ихъ воззрѣнія даже и по такимъ вопросамъ, которые отстояли весьма далеко отъ сферъ чистой политики.

Съ другой стороны, люди того времени, подходившіе даже къ рабовладѣльческому вопросу съ чисто-филантропической точки зрѣнія, трактовали его иначе. Они ратовали за смягченіе суроваго обращенія съ подневольными людьми, настаивали на необходимости признавать въ нихъ христіанскую душу, нуждающуюся въ личномъ спасеніи, возставали въ силу этого противъ запрещенія рабамъ, оставляя своихъ господъ, идти въ монахи, но нигдѣ не поднимали своего голоса противъ самаго принципа личнаго порабощенія человѣка **), а, между тѣмъ, вопросъ о рабовладѣніи съ точки зрѣнія филантропической, конечно, долженъ былъ считаться еще болѣе острымъ и жгучимъ, чѣмъ вопросъ объ экономическихъ, хотя бы и безвыходныхъ затрудненіяхъ долгающаго крестьянства. Мы предполагаемъ отсюда, что и эти вышеприведенныя филиппики противъ нарождающагося крестьянскаго закрѣпощенія были внушаемы также сокрушеннымъ опасеніемъ разрушенія стариннаго, удѣльнаго, свободнаго общественнаго уклада. Этимъ восполнялись нѣсколько односторонніе заявленія дружинной оппозиціи.

Дружинники волновались чисто-политическими, правительственными реформами; люди, какъ Вассіанъ и Максимъ, поднимали соціальный вопросъ, ставя и его въ прямую связь съ вопросомъ политическимъ, какъ бы желая отмѣтить, что дружинники, протестуя противъ правительственной тенденціи дружиннаго закрѣпощенія, сами играютъ въ его же руку подготовленіемъ закрѣпощенія крестьянскаго.

Перебирая, такимъ образомъ, черту за чертой, подробность за подробностью среди условій вновь нарождающагося порядка, представители оппозиціи восходили, въ то же время, и до коренныхъ причинъ наступившаго переворота. Здѣсь совершенно основательно было отмѣчаемо и дѣйствіе мѣстныхъ суровыхъ условій, вытекавшихъ изъ необходимости постоянной военной самообороны и вліяніе иноземной, византійской, теоріи о взаимныхъ отношеніяхъ правителей и обществъ. И то, и другое, опять-таки, дѣлалось предметомъ горькихъ жалобъ и обличеній. Въ одномъ изъ сочиненій

*) Ibid., II, стр. 180, 206; ср. стр. 209—210.

**) *Хрущовъ*: „Сочиненія Іосифа Санина", стр. 90 — 94. Ср. *Щаповъ*: „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей" passim.

Максима Грека (*Слово, пространнѣе излагающе, съ жалостію, нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняю житія*) находимъ любопытное аллегорическое изображеніе страждущей Россіи въ видѣ удрученной женщины, сидящей на распутьи; облеченная въ черную одежду, она сидѣла, «наклонну имуща главу свою на руку... стоняща горцѣ и плачуща безъ утѣхи», со всѣхъ сторонъ ее окружали звѣри: «львы и медвѣди, и волцы, и лиси». Поэтическое изображеніе Россіи, на всѣхъ границахъ угрожаемой враждебными сосѣдями. Имя женщины было Василія, что значитъ царство. На вопросъ, что означаетъ ея тернистый путь и эти осаждающіе ее звѣри, она отвѣчала: «этотъ пустынный путь есть образъ окаяннаго сего послѣдняго вѣка, какъ уже лишеннаго благовѣрномудренныхъ царей, ревнителей Отца моего Небеснаго». Нынѣшніе цари ищутъ не того, чтобы прославить Вышняго праведными дѣяніями и благотвореніями, но «яко да себѣ расширяетъ предѣлы державъ своихъ, другъ на друга враждебнѣ ополчашеся, другъ друга обидяще и кровопролитію радующеся вкупѣ вѣрныхъ языкъ, другъ другу навѣтующе, аки звѣри дивіи всяческими лаяніи и лукавствы» *).

Въ «главахъ поучительныхъ начальствующимъ правовѣрно» Максимъ такимъ образомъ опредѣляетъ качества желательнаго царскаго совѣтника: «Дивна совѣтника и доброхотна твоему царствію оного возми, *не иже черезъ правду на рати и воеванія вооружаетъ тя*, но еже совѣтуетъ тебѣ миръ и примиреніе любити всегда со всѣми окрестными сосѣды богохранимыя ти державы» **). Хроническая война, безпрерывная мобилизація выставлялась, такимъ образомъ, однимъ изъ главныхъ основаній изнурительныхъ внутреннихъ потрясеній, а вопросы внѣшней политики, совершенно справедливо, считались главнымъ и важнѣйшимъ предметомъ правительственныхъ заботъ, исходною точкой всей дальнѣйшей правительственной системы. Въ то же самое время, однако, другой рядъ заявленій изъ среды оппозиціонной партіи приписываетъ рѣшающее значеніе въ возникновеніи всѣхъ непріятныхъ новшествъ греческому вліянію. Имя Софіи Палеологъ сдѣлалось чернымъ именемъ въ устахъ представителей оппозиціи. Не слѣдуетъ думать, что главною виной ея считали въ этомъ случаѣ ея пагубное *личное* вліяніе на великаго князя Ивана III. Еще важнѣе было то, что съ прибытіемъ Софіи получало сильную поддержку греческое вліяніе вообще, весь тотъ кругъ политическихъ идей и представленій, который, какъ мы видѣли выше, столь діаметрально расходился съ характеромъ политическаго міросозерцанія удѣльнаго общества. Не мудрено поэтому, что теперь въ глазахъ удѣльной партіи съ понятіемъ о грекахъ связывалось представленіе объ утратѣ всѣхъ дорогихъ ей прерогативъ. Эта партія взглянула,— и она была въ значительной степени права въ этомъ отношеніи,—на всѣ ненавистныя ей новшества, какъ на пересадку визан-

*) *Сочиненія Максима Грека*, II, стр. 335—336.

**) Ibid., стр. 162.

тійскихъ понятій и порядковъ на русскую почву. Эта точка зрѣнія какъ нельзя лучше выразилась въ извѣстномъ разговорѣ Берсеня-Беклемишева съ Максимомъ Грекомъ: «Какъ пришла сюда, — говорилъ Берсень,— мати великаго князя, великая княгиня Софья *съ вашими греки*, такъ наша земля замѣшалася и пошли нестроенія великія, *какъ у васъ въ Царьградѣ при вашихъ царехъ*» *).

Собирая воедино дошедшіе до насъ разрозненные голоса представителей оппозиціи, мы приходимъ, такимъ образомъ, къ весьма опредѣленнымъ заключеніямъ. Это не случайныя вспышки личнаго раздраженія или *временной неудовлетворенности* какими-либо частными, единичными явленіями, это—широкая, принципіальная критика всего правительственнаго курса въ его цѣломъ. Правда, эта критика не получила въ то время систематическаго и всесторонняго литературнаго выраженія. Можетъ быть, для этого не оказалось въ наличности подходящихъ литературныхъ силъ, можетъ быть, этому помѣшали неблагопріятныя для свободнаго обличенія внѣшнія условія. Тѣмъ не менѣе, для насъ несомнѣнно, что отмѣченная выше борьба двухъ политическихъ партій направлялась вполнѣ сознательными, теоретическими мотивами. Представлять ее слѣпой стычкой разгоряченныхъ страстей было бы совершенно незаслуженнымъ умаленіемъ ея истиннаго значенія. Но этого мало; поднявшаяся политическая борьба давала въ то время направляющій тонъ и всѣмъ другимъ отправленіямъ общественной мысли. Въ полномъ соотвѣтствіи съ двумя крупными политическими партіями,—назовемъ ихъ партіей закрѣпощенія и партіей удѣльной свободы,—складывались двѣ, если можно такъ выразиться, культурныя партіи іосифлянъ и «заволжскихъ старцевъ». Іосифляне льнули къ московскимъ правительственнымъ кругамъ (вождь этой партіи Іосифъ Волоцкій былъ усерднѣйшимъ литературнымъ популяризаторомъ византійской политической доктрины, лучшему ученику Іосифа м. Даніилу принадлежитъ ученіе *о страхѣ*, какъ объ основѣ нормальнаго политическаго порядка **); отдаленныя пустыни «заволжскихъ старцевъ» заключали въ себѣ, напротивъ, какую-то особенно притягательную силу для всѣхъ оппозиціонныхъ или опальныхъ элементовъ тогдашняго общества. Необыкновенная цѣльность общаго направленія лежитъ въ основаніи воззрѣній каждой изъ этихъ діаметрально противуположныхъ партій въ вопросахъ самаго различнаго содержанія. Это—два исключающія другъ друга міросозерцанія. Въ сущности, обѣ эти борьбы—и политическая, и культурная—составляли двѣ стороны одного и того же процесса, недаромъ мы находимъ у нихъ такъ много точекъ соприкосновенія. Ограничимся слѣдующимъ примѣромъ. Чѣмъ долженъ быть монастырь? Кажется, это вопросъ не особенно жгучій съ точки зрѣнія какой бы то ни было политической программы?

Въ глазахъ заволжцевъ—монастырь не что иное, какъ удобная арена

*) А. А. Э., I, № 172.

**) *Дьяконовъ*: „Власть московскихъ государей“, стр. 105.

для подвиговъ личнаго душевнаго спасенія. Между тѣмъ, для Іосифа Волоцкаго монастырь, прежде всего, одно изъ звеньевъ въ системѣ государственныхъ учрежденій. Въ своемъ взглядѣ на монастырь Іосифъ выступаетъ, по нашему мнѣнію, остроумнѣйшимъ толкователемъ московской политической системы. Передъ всепоглощающею силой государственнаго союза всякія общественныя соединенія теряютъ право на существованіе, разъ они не служатъ органомъ для несенія извѣстной государственной повинности—вотъ принципъ этой системы. Отсюда и монастырь долженъ получить свою обязательную государственную миссію: монастырь по Іосифу обязанъ служить для государства поставщикомъ способныхъ лицъ для занятія высшихъ постовъ духовной іерархіи. На выполненіе этой миссіи должны быть направлены всѣ подробности монастырской организаціи.

Мы достаточно видѣли теперь, какъ далеко разошлись воззрѣнія правительства и стремленія общества къ кануну царствованія Ивана Грознаго. Послѣ всѣхъ, только что приведенныхъ, соображеній намъ представляется праздымъ вопросъ о томъ, могла ли существовать у Грознаго реальная, а не фиктивная оппозиція. Согласимся, что по особенностямъ своей натуры Грозный былъ созданъ для кровожаднаго террора. Можно только сказать, что онъ родился въ моментъ достаточно подходящій для упражненія заложенныхъ въ немъ террористическихъ способностей. Не зачѣмъ было изобрѣтать воображаемыхъ враговъ. Разбитая на двѣ партіи, Россія заключала въ себѣ достаточно историческихъ прецедентовъ для дѣйствительной борьбы.

IV.

Теперь мы можемъ обратиться къ Ивану Грозному и его оппозиціи. Сличая теоретическіе profession de foi представителей враждующихъ сторонъ, мы замѣчаемъ, что новые борцы цѣпляются за старыя идеи и аргументы. Ничто не измѣнилось и не явилось ничего новаго. Передъ нами все та же, еще не разрѣшившаяся тяжба двухъ непримиримыхъ партій, двухъ несогласимыхъ программъ. Живая связь развертывающихся теперь событій съ лицами и фактами двухъ предшествовавшихъ княженій сквозитъ на каждомъ шагу, назойливо мечется въ глаза изслѣдователя.

Иванъ грозный—всецѣло выученикъ іосифлянъ. Онъ жаркій почитатель *Просвѣтителя* Іосифа Волоцкаго. Его царствованіе—время высокаго фавора іосифлянской партіи. Недаромъ, уже по смерти Грознаго царя іосифляне съ чувствомъ вспоминали объ этомъ времени, когда имъ «укоризны никакой не бывало и никто на нихъ не сказалъ безчестнаго слова» *). Съ другой стороны, литературный представитель оппозиціи Курбскій не менѣе тѣсно примыкаетъ къ партіи «заволжцевъ». Въ *Исторіи князя великаго московскаго* Курбскій не оставляетъ въ читателѣ никакихъ сомнѣній на-

*) Карамзинъ, т. VIII, примѣч. 394. *Тихонравовъ*: „Лѣтописи русской литерат.", т. V, стр. 142—143.

счетъ своихъ отношеній къ іосифлянамъ и заволжцамъ. Первыхъ онъ прямо мѣшаетъ съ грязью. Это — богатолюбивые иноки, льстивые потаковники царей и властей, развратные сластолюбцы, заботящіеся лишь о приращеніи своимъ монастырямъ богатствъ и имѣній. Напротивъ, заволжцамъ Курбскій не одинъ разъ посвящаетъ прочувствованныя хвалебныя строки. Онъ симпатизируетъ всему строю ихъ воззрѣній. Такъ, напримѣръ, онъ вполнѣ присоединяется къ ихъ нестяжательнымъ тенденціямъ. Но съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ онъ ихъ политическое оппозиціонное направленіе. За Волгой-рѣкой, — пишетъ Курбскій, — есть великіе монастыри, гдѣ живутъ «храбрые воины Христовы, иже воюютъ сопротивъ началъ властей темныхъ, міродержцевъ вѣка сего» *). Эти симпатіи и связи самымъ существеннымъ образомъ сказывались и на содержаніи тѣхъ идей, которыя полагались авторами въ основаніе ихъ публицистическихъ произведеній. Резюмируемъ эти идеи.

Самъ Грозный въ своихъ писаніяхъ — безпорядочныхъ, «многошумящихъ», тѣмъ не менѣе, съ полной опредѣленностью высказалъ свой политическій идеалъ. Мы перечислимъ сейчасъ тѣ составныя понятія, изъ которыхъ этотъ идеалъ сложился. *Единодержавіе, отрицаніе возможности какой бы то ни было оппозиціи, отвѣтственность передъ Богомъ за свой народъ, тиранія* — вотъ эти понятія. Въ своихъ посланіяхъ къ Курбскому Грозный пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы исторически установить спасительность единодержавія съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ. Онъ приводитъ длинный рядъ историческихъ примѣровъ, доказывающихъ вредъ отъ раздробленности государствъ. Мы уже знаемъ, что политическій догматъ единодержавія одинаково раздѣлялся какъ московскимъ правительствомъ, такъ и удѣльнымъ обществомъ. Но Грозный понимаетъ единодержавіе лишь при условіи неограниченнаго произвола. Въ началѣ его перваго посланія къ Курбскому Грозный приводитъ свои теоретическія оправданія деспотизма. Въ ходѣ его мыслей можно разчленить три самостоятельные, хотя и тѣсно между собою связанные аргумента: 1) аргументъ націоналистическій: доставшаяся князьямъ власть основывается на тѣхъ высокихъ заслугахъ, которыя они оказали странѣ доблестной военной обороной ея національной самостоятельности. Грозный упоминаетъ при этомъ: «храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже надъ безбожными нѣмцы побѣду показавшаго» и «хвалы достойнаго великаго государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными агаряны велику побѣду показавшаго»; 2) извѣстное уже намъ ученіе о «третьемъ Римѣ», о наслѣдственномъ, такъ сказать, переходѣ деспотизма на Русь изъ Византіи, «отъ грекъ»; 3) ученіе историческаго провиденціализма и, какъ выводъ отсюда, ученіе о богоустановленности власти. И военные тріумфы московскихъ князей и переходъ на Русь византійскаго величія — все это одинаково совершилось «Божіимъ изволеніемъ». «Отъ Бога данная

*) *Сказанія кн. Курбскаго*, т. I, стр. 51, 168.

мнѣ держава, отъ прародителей нашихъ», «да познаютъ люди единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго и отъ Бога даннаго имъ Государя», «азъ восхищеніемъ ли, или ратью, или кровію сѣлъ на государство? Народился есми Божіимъ изволеніемъ на царство». Эти и подобныя имъ заявленія щедро расточаются Грознымъ на каждой страницѣ его посланій. Идея богоустановленности власти сама въ себѣ заключаетъ уже отрицаніе законности какой бы то ни было антиправительственной оппозиціи. Власть богоустановленная есть власть абсолютная. «Жаловати есми своихъ холопей вольны, а и казнить ихъ вольны-жъ есмя», такъ формулируетъ Грозный сущность своей власти. Въ предѣлахъ земныхъ условій эта власть безгранична, ибо всякій «противляйся власти, Богу противится». Измѣнникъ—бѣсоугодникъ, Курбскій бѣгствомъ въ Литву погубилъ свою душу.

Вотъ тѣ историческіе и теоретическіе мотивы, которыми пользуется Грозный для оправданія самовластія и произвола. Но этого мало. Грозный включаетъ въ свою программу также и теоретическое оправданіе *тираніи* (пунктъ, на который до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія). Онъ развиваетъ мысль путемъ противуположенія дѣятельности правителя и дѣятельности инока. Царскій подвигъ иной, чѣмъ иноческій. «Иное свою душу спасти, иное многими душами и тѣлами пещися... постническое убо правленіе—подобно быти агнцу, не противну ничесому жъ... царское же правленіе требуетъ страха и запрещенія и обузданія и конечнѣйшаго запрещенія, по безумію злѣйшихъ человѣкъ лукавыхъ». Мы находимъ здѣсь, опять-таки, не оригинальную, но уже ранѣе высказанную м. Даніиломъ теорію *страха*, какъ основанія государственнаго порядка. Грозный усиленно подчеркиваетъ здѣсь не личный, а чисто-теоретическій мотивъ своихъ казней. Онъ сознательно относится къ своей политикѣ, какъ къ наслѣдственной, фамильной правительственной системѣ своего дома. Онъ пишетъ Курбскому, что тотъ своей измѣной погубилъ не только свою собственную душу, но и души своихъ прародителей: «понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому Государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу и, они, давъ свои души, и до смерти своей служили и вамъ своимъ дѣтемъ приказали служити и дѣда нашего дѣтемъ и ихъ внучатомъ». Правда, на-ряду съ этимъ упоминаются и личные мотивы ожесточенія въ тѣхъ прочувствованныхъ автобіографическихъ экскурсахъ, которые Грозный вставляетъ въ свои посланія, но въ общемъ ходѣ аргументаціи они занимаютъ во всякомъ случаѣ второстепенное, побочное мѣсто. Грозный объясняетъ необходимость тираніи прежде всего «безуміемъ злѣйшихъ человѣкъ», т.-е. наличностью оппозиціи. Здѣсь онъ постоянно твердитъ объ измѣнѣ боярской, о коварствѣ крамольныхъ потомковъ удѣльныхъ князей. «Извыкосте отъ прародителей своихъ измѣну чинить», жалуется Грозный, признавая, такимъ образомъ, и за оппозиціей такую же *наслѣдственную* политику, какъ и за самимъ собою. Самъ Курбскій, по словамъ Грознаго, потому такъ и «ядъ отрыгаетъ», что онъ—«рожденіе исчадія ехиднаго». Какъ Іудеямъ вмѣсто креста нужно обрѣзаніе, «такъ вамъ вмѣсто царскаго владѣнія потребно самовольство», пишетъ

Грозный по адресу бояръ *). Вотъ эти-то постоянныя полемическія выходки, направляемыя Грознымъ противъ бояръ, и привели, по нашему мнѣнію, съ одной стороны къ изданію гипотезы о боярско-олигархической оппозиціи, а съ другой стороны—къ отрицанію всякой оппозиціи въ виду того, что среди боярскихъ заявленій того времени изслѣдователи не нашли никакихъ проявленій олигархическихъ тенденцій. Мало того, въ этихъ заявленіяхъ можно открыть тенденціи прямо анти-олигархическія. Возбуждалъ же Курбскій вопросъ объ участіи въ дѣлахъ управленія «простого всенародства». И тѣмъ не менѣе оппозиція существовала, оппозиція сознательная, исторически сложившаяся, осязательно о себѣ заявлявшая.

Среди этой оппозиціи слѣдуетъ отмѣтить двѣ самостоятельныя струи. Каждая изъ нихъ исходила изъ особаго общественнаго слоя и имѣла въ прошломъ особые историческіе корни. Съ особенной яркостью встаетъ передъ нами ихъ взаимное противуположеніе изъ сравнительнаго изученія двухъ литературныхъ памятниковъ той эпохи: писемъ Курбскаго и апокрифической «Валаамской бесѣды». Одна струя можетъ быть названа княжеской, титулованной оппозиціей. Она развивалась среди потомковъ тѣхъ удѣльныхъ князей, которые вмѣстѣ съ ростомъ Москвы потеряли свою самостоятельность. Другая—можетъ быть названа дружинной. Эта выходила изъ среды потомковъ тѣхъ кочующихъ удѣльныхъ дружинъ, которыя нѣкогда наполнили московскій удѣлъ, предавъ московскому князю правительства своихъ удѣловъ, создали себѣ своеобразный и утопичный идеалъ московскаго единодержавія на началахъ удѣльной свободы и слишкомъ поздно сознали себя жертвами полной неосуществимости этого идеала. Въ политическихъ воззрѣніяхъ этихъ двухъ слоевъ замѣчается существенная разница. Оппозиціонная партія перваго оттѣнка, представленная въ письмахъ Курбскаго, помимо всѣхъ прочихъ особенностей московскаго порядка, не могла переварить уже одного факта политическаго объединенія Руси. Курбскій видитъ въ исторіи этого объединенія самую мрачную страницу нашего прошлаго. Тамъ ему мерещатся одни темныя злодѣянія московскаго княжескаго дома, этого «издавна кровопійственнаго рода», онъ негодуетъ на собирательную политику московскихъ князей, какъ на вѣроломное истребленіе князей удѣльныхъ, этихъ «единоплеменныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду Владиміра», «поморенныхъ различными смертьми». Всѣ симпатіи Курбскаго въ этой братоубійственной борьбѣ—на сторонѣ погибшихъ. «Тое племени княжата—продолжаетъ онъ—не обыкли тѣла своего ясти и крове братіи своей пити, яко есть нѣкоторымъ издавна обычай» **). Курбскій пишетъ, какъ одна изъ заинтересованныхъ сторонъ и притомъ—сторона потерпѣвшая. Его партія не ограничивалась одними ламентаціями. Повидимому, въ ея средѣ зрѣли планы отважныхъ попытокъ возстановить утраченную самостоятельность. Грозный обвиняетъ самого Курбскаго въ

*) *Сказанія Курбскаго*, т. II. стр. 36, 13—14, 21, 66, 111, 112, 18, 45, 40, 41, 20, 43.

**) *Сказанія Курбскаго* II, стр., 104—105, 127.

стремленіяхъ вернуть себѣ ярославское княжество своихъ предковъ. Г. Михайловскій считаетъ это обвиненіе клеветой на томъ основаніи, что исторія молчитъ о какихъ-либо активныхъ шагахъ Курбскаго въ этомъ направленіи *). Быть можетъ такъ. Во всякомъ случаѣ характерно, въ какую точку мѣтитъ клевета, въ какомъ отношеніи царь ждетъ опасности со стороны опальнаго эмигранта. Между тѣмъ, въ совсѣмъ близкомъ еще прошломъ имѣлись знаменательные прецеденты. Въ малолѣтство Грознаго, при матери его Еленѣ, другой эмигрантъ, князь Бѣльскій, дѣлалъ весьма внушительные активные шаги въ смыслѣ возстановленія въ свою пользу политической самостоятельности двухъ другихъ княжествъ: Бѣльскаго и Рязанскаго. Онъ сносился съ этою цѣлью съ Крымомъ и султаномъ, мечтая объ образованіи коалиціи противъ Россіи изъ Султана, Крыма и Литвы **). Совершенно иначе относилась къ факту московскаго единодержавія вторая фракція оппозиціи. Этотъ фактъ въ значительной степени былъ ея собственнымъ произведеніемъ. И она не отрекалась отъ своего созданія, хотя и успѣла горько разочароваться въ его послѣдствіяхъ. Мы встрѣчаемся съ выраженіемъ подобныхъ взглядовъ въ «Валаамской бесѣдѣ», памятникѣ несомнѣнно оппозиціонномъ. Въ прибавленіи къ бесѣдѣ преподобныхъ Сергія и Германа мы находимъ слѣдующія знаменательныя строки: «Подобаетъ христолюбивымъ царемъ и Богомъ избраннымъ, благочестивымъ и великимъ княземъ Русскія земли избранные воеводы своя и войско свое скрѣпити и *царство во благоденство соединити и распространити отъ Москвы сѣмо и овама, сюду и сюду...*» Не менѣе характерно заглавіе второго прибавленія къ той же бесѣдѣ: «Извѣтъ преподобнаго отца нашего Іосифа Волока-Ламскаго, новаго чудотворца Осипова монастыря повелѣніемъ Вышняго къ московскимъ великимъ княземъ, *како имъ одолѣти удѣльныхъ великихъ русскихъ князей* и попрати враговъ своихъ, исправити въ радость съ міромъ себя и войско свое и *соединити въ благоденство подъ собя вся русская земля* и распространити всюду и всюду» ***). Правда, сама эта приписка, такъ озаглавленная, не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ общихъ фразъ, призывающихъ московскихъ князей къ одолѣнію внутреннихъ враговъ, тѣмъ не менѣе сама по себѣ редакція вышеприведеннаго заглавія ярко обличаетъ политическія воззрѣнія составителей этого памятника.

Относясь столь различно къ факту политическаго объединенія Руси, обѣ фракціи оппозиціи совершенно согласно возстаютъ затѣмъ противъ того *военно-закрѣпощеннаго режима*, который былъ созданъ на Руси усиліями московскаго правительства. *Во-первыхъ, оппозиція указывала на крайнюю изнурительность этого режима для населенія.* Въ «посланіи къ православному старцу» Курбскій набрасываетъ мастерскую картину все-

*) *Критич. Опыты*, стр. 86—87.

**) *Соловьевъ*: „Ист. Россіи", т. VI, гл. I.

***) *Бесѣда преп. Сергія и Германа*, изд. Дружинина и Дьяконова, стр. 29, 31

общаго разгрома подъ гнетомъ правительственной эксплоатаціи. Всѣ обнищали. У воинства не хватаетъ не только коней и доспѣховъ, но даже «дневныя пищи», его «недостатки и убожества и бѣды и смущенія всяко словесство превзыде»... «купецкій чинъ» и земледѣльцы изнываютъ подъ бременемъ непомѣрныхъ даней, одну дань только что взяли, другую берутъ, за третьей посылаютъ, а четвертую уже замышляютъ. «Бѣдно видѣніе и умиленъ позоръ!»—восклицаетъ въ заключеніе авторъ; одно остается: или «безъ вѣсти бѣгуномъ изъ отечества быти», или «любезные дѣти своя и исчадія чрева своего въ вѣчныя работы предати», или, наконецъ, «своими руками смерти себѣ умышляти» *).

На тѣ же бѣдствія указываетъ и Валаамская бесѣда, гдѣ среди наставленій царю мы находимъ и слѣдующее: «подобаетъ и царемъ изъ міру съ пощадою сбирати всякіе доходы и дѣла дѣлати милосердно, а не гнѣвно, не по наносу» **). *Во-вторыхъ, оппозиція указывала и на несоотвѣтствіе общихъ основаній московскаго порядка съ ея политическими идеалами.* Оппозиція возставала противъ этого порядка во имя попранной имъ общественной свободы.

Такъ мы встрѣчаемъ здѣсь протесты противъ вѣчно-обязанной закрѣпощенности общества государству. Въ отвѣтъ на упреки Грознаго, который указывалъ на отъѣздъ Курбскаго, какъ на измѣну присягѣ, на клятвопреступленіе, Курбскій замѣчаетъ, что вынужденная присяга, лежащая въ основаніи всего московскаго порядка, не имѣетъ никакого внутренняго значенія, а слѣдовательно и весь порядокъ лишенъ устойчиваго основанія. Есть у васъ обычай,—пишетъ Курбскій,—«аще бы кто не присягнулъ, горчайшей смертью да умретъ», но всѣ мудрецы согласны въ томъ, что въ случаяхъ подневольной присяги и клятвы «не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ» ***). Здѣсь принципу московскаго закрѣпощенія противупоставляется принципъ свободнаго, договорнаго соглашенія, осуществлявшійся въ «рядѣ» удѣльной эпохи.

Далѣе, оппозиція настойчиво порицала устраненіе общественнаго участія въ теченіи государственной жизни. По этому вопросу мы опять-таки находимъ полное согласіе между Курбскимъ и авторомъ «Валаамской бесѣды». Въ посланіяхъ къ Іоанну Курбскій не одинъ разъ возвращается къ той мысли, что царь только тогда бывалъ счастливъ въ своихъ политическихъ начинаніяхъ, когда «со избранными мужи избраненъ бывалъ» и, наоборотъ, тотчасъ же утратилъ прежнее могущество, какъ только вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей, не боящихся говорить правду, окружилъ себя «прескверными паразитами и маньяками». Вся его «Исторія князя великаго московскаго»—не что иное, какъ памфлетъ на ту же самую тему. Курбскій рѣзко дѣлитъ исторію правленія Грознаго на два періода:

---

*) *Правосл. Собесѣдн.* 1863 г., кн. II.

**) *Бесѣда прп. Сергія и Германа*, стр. 21.

***) *Сказанія Курбскаго*, II, стр. 124—125.

одинъ—періодъ удачъ и славы, когда Грозный выслушивалъ мнѣнія мудрыхъ и благожелательныхъ совѣтниковъ, и другой—періодъ мрачныхъ бѣдствій и безплоднаго террора, когда Грозный отдѣлилъ дѣло правительства отъ дѣлъ земства. «Самому царю достоитъ быти яко главѣ и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды»—вотъ главный нравоучительный выводъ всего памфлета. Но этотъ совѣтъ по представленію Курбскаго отнюдь не носитъ на себѣ олигархическаго характера. «Царь,—пишетъ Курбскій,—долженъ искать добраго и полезнаго не только у «совѣтниковъ», т.-е. у профессіональныхъ «думцевъ», но и у «всенародныхъ человѣкъ», такъ какъ «даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по сидѣ царства, но по правости душевной» *). И такъ, Курбскій имѣетъ въ виду совѣщательное участіе въ дѣлахъ управленія *всего общества* въ лицѣ призванныхъ къ этому по своимъ внутреннимъ способностямъ людей. Валаамская бесѣда идетъ еще далѣе, представляя, вмѣсто общихъ поучительныхъ фразъ, опредѣленный проектъ широкаго земскаго представительства. Пожелавъ, какъ мы видѣли это выше, распространенія власти московскихъ князей отъ Москвы «сѣмо и овамо, сюду и сюду», неизвѣстный авторъ этой бесѣды высказывается затѣмъ о средствахъ, которыми это распространеніе могло быть достигнуто. Здѣсь-то онъ рисуетъ идеалъ систематически организованнаго участія общества въ дѣлахъ управленія. Онъ рекомендуетъ царю учредить «единомысленный вселенскій совѣтъ... *отъ всѣхъ градовъ своихъ* и *отъ упздовъ градовъ тѣхъ,* безо величества и безъ высокоумія гордости, Христоподобною смиренной мудростью, безпрестанно *всегда* держати погодно при собѣ и собѣ *ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день* ихъ добрѣ и добрѣ распросити царю самому... про всякое дѣло міра сего» **). Итакъ, вся земля, всѣ общественные классы (ото всякихъ мѣръ всякіе люди) должны быть призваны къ политической самодѣятельности. Здѣсь нѣтъ и тѣни олигархическихъ тенденцій, но, съ другой стороны, этотъ широкій и смѣлый планъ совмѣстной дѣятельности правительства и общества—развѣ не представлялъ собою рѣзкой оппозиціи правительственной политикѣ общественнаго закрѣпощенія? Онъ отрицалъ въ корнѣ всю систему московскаго порядка.

Сгруппировавъ литературныя заявленія различныхъ оттѣнковъ оппозиціи, указавъ историческій генезисъ вскрываемыхъ этими заявленіями идей, мы должны разсмотрѣть теперь нѣкоторыя соображенія, высказанныя по поводу ихъ писателями, отрицавшими существованіе при Грозномъ активнаго оппозиціоннаго теченія въ русскомъ обществѣ. Было высказываемо, во-первыхъ, то соображеніе, что всѣ эти заявленія оппозиціи въ сущности не шли дальше тогдашней дѣйствительности, что всѣ эти pia desideria опальныхъ публицистовъ въ сущности были уже осуществлены самимъ правительствомъ и успѣли превратиться въ несомнѣнные факты русской

*) *Сказанія Курбскаго,* II, стр. 148. I, стр. 53, 56—57.

**) *Бесѣда прп. Сергія и Германа,* стр. 30.

жизни. При этомъ указывали на земскій соборъ, какъ на оффиціальный органъ того самаго всенароднаго представительства, о которомъ мечтали публицисты. Это возраженіе не имѣетъ уже теперь прежней силы, послѣ того какъ, благодаря замѣчательному изслѣдованію проф. Ключевскаго о земскихъ соборахъ XVI столѣтія *), составъ ихъ представительства пересталъ быть загадкой. Мы знаемъ теперь, что эти соборы не были органомъ общественной самодѣятельности въ полномъ смыслѣ этого слова.

Иначе земскіе соборы явились бы какимъ-то непонятнымъ диссонансомъ въ общемъ строѣ тогдашняго закрѣпощеннаго государства. Между тѣмъ, по словамъ проф. Ключевскаго, политическимъ качествомъ соборнаго представителя «считалось не довѣріе къ нему представляемаго общества, а довѣріе правительства. Существеннымъ и непремѣннымъ условіемъ представительства считали не корпоративный выборъ представителя, а извѣстное административное его положеніе, соединенное съ властью и отвѣтственностью начальника. Представитель являлся на соборъ нестолько ходатаемъ извѣстнаго общества, уполномоченнымъ дѣйствовать по наказу довѣрителей, сколько правительственнымъ органомъ, обязаннымъ говорить за своихъ подчиненныхъ; его призывали на соборъ не для того, чтобы выслушать отъ него заявленіе требованій, нуждъ и желаній довѣрителей, а для того, чтобы снять съ него, какъ съ командира или управителя, обязаннаго знать положеніе дѣлъ на мѣстѣ, показаніе о томъ, что хотѣло знать центральное правительство, и обязать его исполнять рѣшеніе, принятое на соборѣ; съ собора онъ возвращался къ своему обществу не для того, чтобы отдать ему отчетъ въ исполненіи порученія, а для того, чтобы проводить въ немъ рѣшеніе, принятое правительствомъ на основаніи собранныхъ на соборѣ справокъ» **). И такъ, земскій соборъ не предоставлялъ обществу никакой иниціативы, общество и здѣсь оставалось при своей обычной роли чисто-пассивнаго воспріятія идущихъ сверху предначертаній. Въ этомъ ли состоялъ идеалъ Курбскаго и автора *Валаамской бесѣды*? Въ изображеніи бесѣды видны иныя черты, не похожія на историческіе соборы XVI в. Эти соборы были, какъ извѣстно, случайными собраніями, составлявшимися въ экстренныхъ случаяхъ по иниціативѣ правительства, между тѣмъ авторъ «бесѣды» говоритъ о постоянномъ совѣщательномъ органѣ, безпрерывно отправляющемъ свои функціи, предлагаетъ царю *«на всякъ день»* всякихъ людей «добрѣ и добрѣ распросити». Но если, такимъ образомъ, проектъ расходился съ дѣйствительностью въ столь существенномъ пунктѣ, то въ такомъ случаѣ мы уже не вправѣ предполагать у автора проекта тотъ самый планъ представительства, который былъ осуществленъ въ дѣйствительности. Въ этомъ сомнѣніи насъ подкрѣпляетъ еще болѣе заявленіе Курбскаго. Оно тоже идетъ въ разрѣзъ съ практикой земскихъ соборовъ XVI в. Какъ доказалъ проф. Ключевскій, практика этихъ соборовъ знала

*) *Русская Мысль* 1890 г., кн. I; 1891 г., кн. I—II.

**) *Русская Мысль* 1890 г. кн. I, стр. 169.

лишь «отвѣтственное представительство по административному положенію, а не полномочное представительство по общественному довѣрію» *), единственнымъ основаніемъ представительства являлась служебная годность представителя, которая опредѣлялась для служилаго человѣка личною выслугой, а для члена торгово-промышленнаго класса—имущественною состоятельностью, тогда какъ Курбскій толкуетъ о томъ, что необходимый для совѣта «даръ духа» дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царской, но «по правости душевной». Здѣсь сквозитъ мысль о иныхъ критеріумахъ для выбора представителя и о иныхъ путяхъ ея избранія. Очевидно, оппозиція не закрывала глазъ на земскіе соборы и не впадала въ какое-либо странное недоразумѣніе, требуя реформъ, уже давно осуществленныхъ, но она не могла удовлетвориться реформаторскою дѣятельностью правительства, такъ какъ эти реформы исходили изъ началъ, совершенно чуждыхъ ея политическому міровоззрѣнію.

Въ литературѣ было высказано еще одно соображеніе, направленное къ отрицанію наличности оппозиціонныхъ тенденцій въ обществѣ того времени. Мы не видимъ,—говорили сторонники подобнаго отрицанія,—среди этого общества никакихъ активныхъ шаговъ въ смыслѣ практическаго выраженія оппозиціонныхъ тенденцій, мы не видимъ активнаго протеста со стороны тѣхъ общественныхъ круговъ, на которые падали преслѣдованія Грознаго. Но, во-первыхъ, отсутствіе активнаго протеста нѣсколько преувеличено, благодаря привнесенію современныхъ понятій въ оцѣнку тогдашнихъ событій... Въ то время, напримѣръ, самый *отъѣздъ*, къ которому прибѣгъ Курбскій и который такъ возмутилъ Грознаго, вовсе не былъ пассивнымъ отказомъ отъ продолженія борьбы. Для того времени *отъѣздъ* имѣлъ значеніе чисто-активнаго осуществленія стариннаго удѣльнаго права, подтвержденнаго междукняжескими договорными грамотами удѣльной эпохи и затѣмъ насильственно ниспровергнутаго московскимъ правительствомъ. Во-вторыхъ, если шаговъ активнаго протеста встрѣчалось весьма мало, то не слѣдуетъ ли объяснять этого явленія не изъ отсутствія въ обществѣ оппозиціонныхъ элементовъ, но уже какъ результатъ энергичнаго правительственваго террора, придавившаго общественное сознаніе, понизившаго общественную инціативу. Однако, тотъ же терроръ давалъ и другіе результаты. Онъ обострялъ теоретическую оппозиціонную мысль, онъ доводилъ до крайностей ожесточеніе недовольныхъ элементовъ, онъ толкалъ русскую мысль на путь анархизма, какъ это выразилось, напримѣръ, въ ереси Ѳеодосія Косого. Можно быть различнаго мнѣнія о политической дѣятельности Грознаго, можно соглашаться съ тѣмъ, что онъ не всегда искалъ своихъ враговъ тамъ, гдѣ они дѣйствительно существовали, и не всегда попадалъ въ настоящую цѣль своими террористическими мѣрами. Но нельзя отрицать того, что въ то время политическая борьба являлась реальнымъ жизненнымъ фактомъ, а не какой-то фикціей чьего-то больног

*) Ibid., стр. 177.

воображенія. Весь XVI вѣкъ нашей исторіи наполненъ перипетіями этой борьбы. Мы старались указать на тѣ общія условія русской жизни, которыя ее породили. Это была борьба удѣльной свободы съ московскимъ закрѣпощеніемъ. Могутъ сказать, что ко времени Ивана Грознаго борьба была уже закончена, и побѣда осталась за московскимъ закрѣпощеніемъ. Правда, удѣльный политическій порядокъ лежалъ уже разбитымъ, но удѣльныя традиціи, удѣльное міровоззрѣніе,—если можно такъ выразиться,—просачивались на каждомъ шагу изъ-подъ новыхъ житейскихъ формъ, и пока такое положеніе вещей оставалось въ силѣ, правительство необходимо должно было ощущать подъ ногами довольно вулканическую почву.

А. Кизеветтеръ.

Культурные мотивы иностранной журналистики*).

II.

Сто лѣтъ назадъ Кантъ, уже дряхлѣющій физически, но попрежнему бодрый и сильный умственно, напечаталъ небольшую статью, посвященную имъ разработкѣ идеи вѣчнаго мира. Въ немногихъ словахъ великій мыслитель начерталъ здѣсь цѣлую программу международныхъ отношеній, и его слабѣющій голосъ, раздавшись на рубежѣ двухъ столѣтій, звучитъ до сихъ поръ примиряющимъ аккордомъ между космополитизмомъ XVIII вѣка и національностическими стремленіями нашего времени. Этому событію посвящена рѣчь Отто Пфлейдерера, произнесенная имъ 3 августа въ актовомъ залѣ Берлинскаго университета и напечатанная затѣмъ въ октябрьской книжкѣ *Deutsche Rundschau*.

Мысли статьи *Zum evigen Frieden*, явились, по мнѣнію этого оратора, дополненіемъ и развитіемъ Кантовской философіи исторіи, изложенной имъ еще въ 1784 г. въ знаменитой *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*. Каждое живое существо,—говоритъ здѣсь кёнигсбергскій ученый,—стремится, конечно, развивать всѣ свои естественныя наклонности. Такого гармоническаго развитія недостаетъ первобытному человѣку, дикія страсти котораго, достигнувъ своего апогея, дѣлаютъ жизнь въ одиночку невозможною и заставляютъ, наконецъ, отдѣльныя единицы искать спасенія и спокойствія въ гражданскомъ обществѣ. Но и въ предѣлахъ послѣдняго борьба всѣхъ противъ каждаго еще долго мѣшаетъ всестороннему развитію человѣческаго генія; тогда является правительство, почерпающее свою силу въ антагонизмѣ подданныхъ и устанавливающее мало-по-малу порядокъ и спокойствіе. На-ряду со смягченіемъ страстей и упорядоченіемъ человѣческихъ отношеній идетъ выработка наилучшихъ правительственныхъ формъ и мало-по-малу свободная личность, защищенная отъ всякихъ посягательствъ, становится способною участвовать вмѣстѣ со своими согражданами въ дѣлѣ разумнаго обновленія человѣчества. То же самое повторяется на болѣе широкой аренѣ международныхъ отношеній. Сначала интересы

*) *Русская Мысль*, кн. X.

отдѣльныхъ государствъ кажутся прямо противуположными, національныя страсти разыгрываются, въ политикѣ царятъ произволъ и насиліе, кровавыя и опустошительныя войны почти непрерывно смѣняютъ другъ друга. Но въ этомъ антагонизмѣ и національной исключительности лежитъ зерно будущаго объединенія человѣчества: цѣною ужасныхъ жертвъ отдѣльные народы начинаютъ понимать «благодѣянія мира»; истощая другъ друга, они приходятъ, наконецъ, къ необходимости установить въ международныхъ отношеніяхъ тотъ правопорядокъ, который царствуетъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ. И какъ ни далеки мы отъ такого положенія вещей, уже теперь здѣсь и тамъ замѣтны симптомы, знаменующіе непрерывное объединеніе человѣчества: просвѣтительныя идеи времени дѣлаются общимъ достояніемъ и становятся обязательными для людей, руководящихъ государственными дѣлами. Съ другой стороны, война стоитъ теперь столькихъ денежныхъ и человѣческихъ жертвъ, что не можетъ уже быть предпринята по капризу отдѣльнаго правителя. Наконецъ, экономическіе интересы всѣхъ культурныхъ государствъ земного шара настолько связаны другъ съ другомъ, что война между двумя народами необходимо должна отразиться на всѣхъ остальныхъ, а потому всѣ націи заинтересованы въ общемъ европейскомъ мирѣ. Итакъ, все идетъ къ уладженію международныхъ отношеній. Но въ какой формѣ должно совершиться послѣднее? Кантъ, не колеблясь, указываетъ на федерацію, какъ на единственную возможную форму объединенія. Отдѣльныя національности не должны и не могутъ быть уничтожены: каждая изъ нихъ, развиваясь самостоятельно, вноситъ въ общую сокровищницу человѣчества свою оригинальную и самобытную культуру; поэтому объединеніе всѣхъ народностей въ одно государство нежелательно; федерація же, оставляя свободу для самостоятельнаго развитія каждой націи, защитила бы слабаго противъ сильнаго, способствуя въ то же время сближенію всего человѣчества и его общему совмѣстному совершенствованію. Казалось бы, чего желать большаго? Великій мыслитель какъ бы предугадалъ національныя стремленія XIX столѣтія и въ своемъ проектѣ попытался слить ихъ съ тѣмъ, что подсказывалъ ему раціонализмъ его времени. Но не такъ думаетъ почтенный нѣмецкій гелертеръ. Не имѣя возможности прямо уличить Канта въ космополитизмѣ, онъ углубляется въ его помыслы и разыскиваетъ въ нихъ склонность къ этому тяжкому грѣху. Государство, какъ таковое, должно быть независимо, самостоятельно и свободно; всякое же объединеніе (даже въ формѣ федераціи) наложитъ на него нѣкоторую узду; самобытное его развитіе потерпитъ стѣсненіе... Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что Кантъ склоненъ пожертвовать національными интересами ради космополитическихъ утопій о вѣчномъ мирѣ? Положимъ, миръ—вещь весьма желательная, но ради него ни одинъ народъ не имѣетъ права поступаться своей самостоятельностью.

И для чего приносить столь ужасныя жервы? Вѣчный миръ—мечта, утопія философовъ: пока люди останутся людьми, всегда будутъ причины

для вражды и раздоровъ. Не лучше ли бросить эти мудрствованія и подумать о томъ, чтобы враги не застали врасплохъ дорогого отечества? А для этого лучшимъ средствомъ является современный военный режимъ. Какое величественное зрѣлище представляетъ, по мнѣнію оратора, могучій народъ, вѣчно стоящій подъ ружьемъ на сторожѣ своихъ интересовъ. Кто осмѣлится нарушить его покой? Кто помѣшаетъ ему всесторонне развивать свои духовныя и физическія силы? Да и, наконецъ, гдѣ разовьетъ онъ ихъ лучше, чѣмъ въ военной службѣ? Каждый закончитъ здѣсь вполнѣ свое воспитаніе: простонародье, отбывая воинскую повинность, пріучится къ чистотѣ, пунктуальности и порядку, а люди образованные разовьютъ свои физическія силы; тѣ и другіе научатся повиновенію, храбрости и подчиненію своихъ личныхъ желаній требованіямъ долга и чести. Таковы блага, доставляемыя современной цивилизаціей тѣмъ военнымъ режимомъ, на который постоянно жалуются близорукіе политики. *Volk in Waffen*—вотъ образъ, преслѣдующій мирнаго нѣмецкаго ученаго,—вѣроятно пруссака, поклонника Бисмарка и «патріота своего отечества». Комментаріи къ этимъ «идеямъ» безполезны: картина народовъ, стоящихъ подъ ружьемъ и пріучающихся къ пунктуальности и порядку, до того умилительна, что передъ нею смолкаютъ всѣ практическія соображенія. Замѣчу только, что это «завершеніе народнаго образованія» обходится довольно дорого: «стояніе подъ ружьемъ» стоитъ Европѣ 5 милліардовъ 303 милліона франковъ въ годъ (см. *Иностранное Обозрѣніе Русской Мысли* за ноябрь этого года). Съ другой стороны усвоеніе «пунктуальности, повиновенія и чистоплотности», повидимому, не легко дается германскому солдату: читатель помнитъ, конечно, прошлогднія разоблаченія *Vorwärts* и негодованіе нѣмецкаго общества по поводу обнаруженныхъ этою газетой порядковъ въ арміи... Наконецъ, «подчиненіе своихъ личныхъ желаній требованіямъ долга и чести», въ германской арміи прекрасно иллюстрируется извѣстнымъ ганноверскимъ процессомъ, обнаружившимъ много интересныхъ подробностей интимной жизни прусскихъ офицеровъ. Я остановился на воззрѣніяхъ Пфлейдерера потому, что они являются превосходной иллюстраціей къ настроенію прусскаго общества. Нѣмецкій профессоръ довелъ только до каррикатуры тѣ взгляды, которыми преисполнена берлинская толпа и которые дѣйствительно заставляютъ призадуматься надъ прочностью европейскаго мира.

Къ счастью, однако, Пруссія не составляетъ всей Германіи, и большинство нѣмцевъ прочтетъ, вѣроятно, довольно равнодушно ученыя глупости берлинскаго профессора. Послѣднія книжки иностранныхъ журналовъ могутъ служить отличнымъ показателемъ того настроенія, которое господствуетъ въ настоящій моментъ въ Европѣ. Нѣмцы снова переживаютъ свои побѣды надъ Франціей,—французы снова вспоминаютъ тѣ униженія, которымъ они подверглись 25 лѣтъ назадъ. Въ общемъ, однако, ликованія по сю сторону Рейна довольно умѣренны: чары Бисмарка потеряли, повидимому, свою власть надъ умами его соотечественниковъ, а многіе изъ нихъ съ грустью начинаютъ подводить окончательные итоги своихъ при-

былей и убытковъ. Съ другой стороны, идея реванша какъ будто нѣсколько поблекла по ту сторону Рейна и уже не составляетъ святая святыхъ каждаго француза. Однако, шовинистскія выходки не перевелись еще во Франціи: такъ, напримѣръ, политиканствующая m-me Аданъ, раздраженная довольно скромными въ сущности воспоминаніями нѣмцевъ о событіяхъ 1870 года, рѣшила испортить врагу юбилейное торжество и помѣстила въ своемъ журналѣ (*Nouvelle Revue*, 15 Octobre) анонимную статью подъ заглавіемъ *Jena et Auerstaedt*, 14 Octobre 1806. Эта женская шпилька едва ли больно уколетъ кого-нибудь въ Пруссіи: ужъ очень все это давно было и быльемъ поросло! Да и статья сама по себѣ также скучна, блѣдна и неинтересна, какъ все содержаніе напечатавшаго ее журнала: любая исторія XIX вѣка даетъ болѣе точный и обстоятельный разсказъ о событіяхъ 1806 г. *Со стороны* такія «патріотическія» выходки кажутся довольно смѣшными; мало того, онѣ производятъ прямо непріятное впечатлѣніе: всякое насиліе тяжело отзывается не только на потерпѣвшемъ, оно несомнѣнно дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на самого насильника; радостные клики терпимы еще въ самый моментъ одержанной побѣды, но когда пройдетъ достаточное количество времени, чтобы успокоиться и придти въ себя (а съ 1806 г., кажется, не мало воды утекло), слѣдуетъ подумать и о томъ крупномъ злѣ, которое несетъ съ собою побѣдителю каждая выигранная имъ битва. Англичане тоже торжествуютъ девяносто-лѣтнюю годовщину Трафальгара, но Альджернонъ Суинбёрнъ дѣлаетъ это, по крайней мѣрѣ, въ такихъ сильныхъ и чудныхъ стихахъ (*Nineteenth Century*, November, стр. 713—714), что содержаніе ихъ какъ-то блѣднѣетъ и тонетъ въ блескѣ образовъ и богатствѣ созвучій. Въ журналѣ же г-жи Аданъ quasi-патріотическая выходка является во всей своей неприглядной наготѣ. Нельзя отрицать, что неумѣстность подобныхъ побѣдныхъ кликовъ смутно начинаетъ сознаваться даже самими авторами патріотическихъ статей: торжествуя черезъ 25 и даже черезъ 90 лѣтъ свои національныя побѣды, они стараются доказать, что инициатива войны, а стало быть и вся за нее отвѣтственность цѣликомъ падаетъ на того самаго непріятеля, который потерпѣлъ пораженіе; добродѣтель, такимъ образомъ, торжествуетъ, а порокъ строго наказуется. Но всегда ли терпятъ виноватые? Какъ въ 1806 г., такъ и въ 1870 г.,— отвѣчаютъ авторы разбираемыхъ статей,—это было несомнѣнно такъ: Пруссія объявила войну Бонапарту и была за это строго наказана; съ другой стороны, событія 1870 г. явились лишь должнымъ возмездіемъ за аггрессивную политику Наполеона III. Такъ ли это въ дѣйствительности? Присматриваясь къ дѣятельности людей, «игравшихъ первую скрипку» въ политикѣ того времени, мы можемъ теперь уже различить тѣ незамѣтныя пружины, которыми приводились въ движеніе такія историческія маріонетки, какъ король Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій или второй императоръ французовъ. Ни тотъ, ни другой не желали и не могли желать войны; напротивъ, все говоритъ о боязни и неудовольствіи, съ какими оба эти государя произнесли, наконецъ, вызванное у нихъ рѣшительное слово. Я далекъ отъ мысли защи-

щать позорную политику берлинскаго двора и сдѣланныя имъ послѣ Аустерлица политическія ошибки; никому, съ другой стороны, не можетъ быть симпатична личность и дѣятельность Наполеона III; но причинъ войны, все-таки, надо искать въ другомъ мѣстѣ. Въ *Revue de Paris* отъ 15 сентября нынѣшняго года помѣщена статья графа Бенедетти, подробно излагающая возложенную на него 25 лѣтъ назадъ французскимъ правительствомъ миссію и всѣ тѣ событія въ Эмсѣ, Берлинѣ и Парижѣ, за которыми послѣдовало объявленіе войны. Сопоставляя разсказы французской дипломатіи и сдѣланныя три года назадъ заявленія Каприви въ германскомъ рейхстагѣ, мы, кажется, видимъ истиннаго виновника войны 1870 г. Систематичная, медленная и разсчитанная ея подготовка велась въ Берлинѣ съ самаго разгрома Австріи. Отдѣлавшись отъ послѣдней, Пруссія шла неуклонно къ объединенію Германіи подъ своимъ главенствомъ, но подобное объединеніе могло состояться только на полѣ битвы. Ничего привлекательнаго Пруссія того времени не имѣла предложить нѣмцамъ: реакціонная политика Бисмарка, солдатчина, безконечныя вооруженія и крупныя недоразумѣнія по поводу послѣднихъ между народомъ и правительствомъ—вотъ Пруссія до 1866 г. Понятно, что при такихъ условіяхъ партикуляризмъ, всегда игравшій нѣкоторую роль въ Германіи, проявлялся въ то время особенно сильно. Такимъ образомъ, Бисмарку для совершенія главнаго дѣла его жизни необходима была война, въ которой Пруссія со своею образцовою арміей явилась бы спасительницей отечества отъ нападенія посторонней могучей державы. И надо видѣть, съ какимъ тонкимъ разсчетомъ травилъ Бисмаркъ одряхлѣвшаго, отяжелѣвшаго и терпящаго цѣлый рядъ внутреннихъ неудачъ императора французовъ. Графъ Бенедетти шагъ за шагомъ слѣдитъ за іюльскими событіями; читая его статью, мы приходимъ къ убѣжденію, что до самой послѣдней минуты сохраненіе мира было возможно и даже весьма вѣроятно. Требованія Франціи были исполнены, принцъ Леопольдъ Гогенцоллернскій, кандидатуру котораго на испанскій престолъ Бисмаркъ припасъ, какъ послѣднее оскорбленіе Франціи, отказался отъ предложенной ему короны, и хотя Вильгельмъ I не согласился дать никакихъ гарантій на будущее время, весьма вѣроятно, что французское правительство удовлетворилось бы несомнѣннымъ желаніемъ короля мирно уладить дѣло. Казалось, всѣ планы Бисмарка разрушены; друзья мира во французскомъ парламентѣ уже поздравляли другъ друга; однако, радость ихъ, какъ извѣстно, была преждевременна: въ послѣднюю минуту Бисмаркъ рѣшился на фальсификацію депеши короля изъ Эмса, разослалъ по всей Европѣ сочиненное имъ извѣстіе объ оскорбленіи французскаго посла и сдѣлалъ объявленіе войны неизбѣжнымъ. Я не буду проводить здѣсь параллели между событіями 1806 и 1870 годовъ: читатель помнитъ, конечно, всю ту «игру», которою забавлялся Наполеонъ I: оцѣнивъ Пруссію двухсотъ-тысячною арміей съ лучшими своими полководцами во главѣ, онъ искусно воспользовался ошибками берлинскаго двора: униженному, осмѣянному и оскорбляемому со всѣхъ сторонъ Фридриху-Вильгельму оста-

вался одинъ выходъ, котораго только и добивался императоръ. Вообще политика «крови и желѣза», наглыхъ издѣвательствъ, дипломатическихъ обмановъ, притворства и лжи — сближаетъ эти двѣ яркія фигуры XIX столѣтія. Недавній неожиданный расцвѣтъ наполеоновской легенды во Франціи не много прибавилъ къ характеристикѣ перваго французскаго императора. Но патріотическія его возвеличенія вызвали безпристрастную критику въ другихъ странахъ. Такъ, напримѣръ, американскіе журналы дали нѣсколько работъ о Наполеонѣ. И въ *Harper's Monthly magazine*, и въ *Century* давно уже идутъ о немъ обстоятельные толки. Особенно заслуживаетъ вниманія жизнеописаніе Наполеона, составленное профессоромъ Слоаномъ (Sloane) и печатающееся съ января мѣсяца въ *Century*. Сочиненіе это задумано и начато уже давно, но, благодаря возродившемуся почему-то интересу къ наполеоновской эпохѣ, оно явилось въ общемъ, популярномъ *магазинѣ*, читаемомъ самою разношерстною публикой и расходящемся въ 500,000 экземплярахъ. И надо отдать справедливость редакціи: прекрасная работа профессора Слоана обставлена ею съ замѣчательною роскошью: текстъ буквально испещренъ массою прекрасныхъ рисунковъ... Безконечное число портретовъ и снимки съ лучшихъ картинъ европейскихъ художниковъ иллюстрируютъ эпоху до мельчайшихъ подробностей, а умѣлый подборъ источниковъ даетъ читателю блестящія характеристики дѣйствующихъ въ разсказѣ лицъ. Вотъ, напримѣръ, портретъ Наполеона, набросанный графомъ д'Антрегомъ еще въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Читатель увидитъ, что суровый обвинительный актъ, составленный противъ Наполеона Спенсеромъ (см. его *Stady of Sociology*), едва ли во многомъ расходится съ этимъ свидѣтельствомъ современника. «Бонапартъ — человѣкъ маленькаго роста съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и проницательными глазами; въ выраженіи его взгляда и рѣчи есть что-то жесткое, скрытное и вѣроломное. Вообще онъ молчаливъ, но когда затронуто его тщеславіе, становится очень разговорчивъ. Испорченная кровь вызываетъ общую болѣзненность, а покрывающіе все тѣло лишаи раздражаютъ и возбуждаютъ его. Онъ постоянно занятъ своими проектами и вовсе не даетъ себѣ отдыха. Спитъ онъ три часа въ сутки и принимаетъ лѣкарства только въ исключительныхъ случаяхъ. Этотъ человѣкъ хочетъ быть властелиномъ Франціи, а съ помощью послѣдней держать въ рукахъ Европу. Все прочее (даже теперешніе его успѣхи)—только средства для достиженія этой цѣли. Онъ крадетъ, напримѣръ, нисколько не скрываясь, и накопляетъ себѣ такимъ образомъ груды золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Но эти богатства важны для него только какъ орудіе борьбы. Ограбивъ государство до послѣдняго цента, онъ, не задумываясь, отдастъ милліонъ нужному ему человѣку. Если онъ видитъ, что такой субъектъ пылаетъ къ кому-нибудь ненавистью или помышляетъ о мести, Бонапартъ сдѣлаетъ все, чтобъ удовлетворить его. Онъ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы забрать въ свои руки полезнаго ему человѣка; при этомъ договоръ заключается обыкновенно съ двухъ словъ,—до такой степени умѣетъ онъ ладить съ людь-

ми. Но за то, заплативъ, онъ беретъ *всего* человѣка и, при малѣйшей попыткѣ послѣдняго къ самостоятельности, дѣлается его заклятымъ врагомъ; купивъ такимъ образомъ какого-нибудь предателя и выжавъ изъ него всѣ соки, онъ даже не особенно заботится о сохраненіи своего съ нимъ договора въ тайнѣ. Бонапартъ ненавидитъ королевскую власть, не выноситъ Бурбоновъ и эти чувства старается всѣми силами вдохнуть въ армію. Еслибы во Франціи, помимо него, царствовалъ король, человѣкъ этотъ приложилъ бы всѣ старанія, чтобы поставить его въ полную отъ себя зависимость и силою своего меча утвердить авторитетъ верховной власти; но еслибы король осмѣлился хоть въ чемъ-нибудь проявить свою самостоятельность, Бонапартъ, не задумываясь, этотъ самый мечъ вонзилъ бы ему въ сердце» (*Century,* June, 215). Надо помнить, конечно, что эта превосходная характеристика сдѣлана врагомъ Наполеона, не отличавшимся въ свою очередь особенными нравственными качествами. Тѣмъ не менѣе, профессоръ Слоанъ склоненъ считать ее справедливою. И, повидимому, историческія событія конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка ни въ чемъ не противорѣчатъ такому пониманію Бонапарта. Передъ нами въ самомъ дѣлѣ нигилистъ чистѣйшей воды — безъ убѣжденій, безъ совѣсти, даже безъ всякихъ идей и воззрѣній; ненасытное честолюбіе и тщеславіе, желѣзная энергія, блестящій, весь сосредоточенный на одномъ, практическій умъ и страстная, дѣятельная натура — вотъ все внутреннее содержаніе этого авантюриста, разыгравшаго столь печальную роль въ исторіи человѣчества. Если мы теперь поближе приглядимся къ графу Бисмарку, то найдемъ, что портретъ, сдѣланный искусною рукой д'Антрега, во многомъ, какъ двѣ капли воды, воспроизводитъ намъ желѣзнаго канцлера. Конечно, онъ не проявилъ ни въ чемъ того блестящаго военнаго дарованія, которое прославило Наполеона, контуры его гораздо грубѣе, въ немъ нѣтъ той экзальтаціи, того вдохновенія, которое охватывало въ рѣшительныя минуты французскаго императора; вообще графъ Бисмаркъ много проще, угловатѣе, здоровѣе. Но суть дѣла остается та же. Во всякомъ случаѣ трудно представить себѣ болѣе цѣльную, законченную и опредѣленную фигуру. И, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ о немъ высказываются мнѣнія прямо противоположныя. Я не удивляюсь, что прусскіе заводчики подносятъ ему въ день рожденія безконечно-длинныя гороховыя колбасы; прусскіе студенты устраиваютъ ему грандіозныя факельныя шествія, а прусскіе ученые (увы! даже такіе, какъ Геккель) превозносятъ до небесъ политику «крови и желѣза». Но вотъ за біографію Бисмарка берется американецъ, человѣкъ, стоящій совсѣмъ въ сторонѣ отъ обыденнаго германскаго Vaterland'a, и что же?... трудно представить себѣ болѣе восторженное, почтительное, мѣстами прямо влюбленное отношеніе къ желѣзному канцлеру, чѣмъ проявляетъ въ своей статьѣ этотъ «свободный сынъ свободнаго народа». «Вся жизнь Бисмарка,— говоритъ онъ (*Bismark. The strongest personality since Napoleon,*— by Th. Dodge. *Forum,* May, 272),— свидѣтельствуетъ объ его добросовѣстномъ отношеніи къ признаннымъ имъ правамъ народа» «Онъ

правда, не всегда послѣдователенъ, но происходитъ это отъ широты его воззрѣній». «Властность составляетъ, безъ сомнѣнія, характерную его черту, хотя врожденное чувство справедливости, конечно, сдѣлало бы его мягкосердечнымъ деспотомъ» (стр. 273). «Вообще, надо признать, что Бисмаркъ обладаетъ холоднымъ умомъ и теплымъ сердцемъ». Онъ—«лукавый врагъ всякаго обмана, подтасовки, пустыхъ разглагольствованій и позировки; это—человѣкъ дѣла; характеръ безхитростный и открытый...» Вотъ какіе комплименты преподносятся «желѣзному канцлеру» на страницахъ одного изъ лучшихъ американскихъ журналовъ. Съ другой стороны, есть попытки лишить графа Бисмарка всякаго значенія: его стараются изобразить намъ въ видѣ полупьянаго бурша, который, заломивъ свою шапку на затылокъ, вѣчно лѣзетъ со всѣми въ драку; въ политикѣ дѣлаетъ цѣлый рядъ грубѣйшихъ, непростительныхъ промаховъ и, только благодаря необыкновенной удачѣ и счастью, совершаетъ нѣсколько замѣчательныхъ дѣлъ. Таково воззрѣніе г. Сементковскаго, высказанное въ его только что вышедшей біографіи Бисмарка (Павленковское изданіе). Странно слышать такіе противорѣчивые отзывы объ одной изъ самыхъ несложныхъ и прямолинейныхъ фигуръ нашего времени. Точка зрѣнія м-ра Доджа остается довольно загадочной даже и послѣ внимательнаго прочтенія его статьи; очевидно, изъ своего прекраснаго далека джентльменъ этотъ склоненъ смотрѣть на европейскія событія съ чрезмѣрнымъ оптимизмомъ... Съ другой стороны, нельзя согласиться и съ г. Сементковскимъ. Работа его написана подъ замѣтнымъ вліяніемъ извѣстной статьи Писарева о Меттернихѣ. Но блестящая характеристика послѣдняго, сдѣланная мастерской рукой нашего знаменитаго публициста, похожа скорѣе на политическій памфлетъ, чѣмъ на серьезную историческую работу: человѣкъ, долгое время руководившій дѣлами всей Европы, не опираясь при этомъ даже на сколько-нибудь серьезную военную силу, не могъ быть и не былъ *только* ловкимъ камеръ-лакеемъ. Точно также и Бисмарка, при всей ненависти къ созданному имъ режиму, нельзя считать *только* грубымъ солдатомъ, вынесеннымъ случайною волной на поверхность государственной жизни и державшимся долгое время во главѣ германскаго народа только благодаря своей ограниченности, самоувѣренности и неразборчивости въ средствахъ. Не имѣя возможности вдаваться здѣсь въ подробный разборъ доводовъ г. Сементковскаго, я позволю себѣ только привести характеристику «актива» Бисмарка, сдѣланную въ 1894 г. однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе безпристрастныхъ его біографовъ. «Съ первой рѣчи, произнесенной имъ въ ландтагѣ 1847 г., необычайно ярко выступили впередъ всѣ тѣ особенности лично ему принадлежащихъ, и никому другому, пріемовъ въ борьбѣ съ врагами, все удивительное своеобразіе его ораторскаго темперамента, вся та страстность, соединенная съ необычайнымъ самообладаніемъ,—словомъ, всѣ тѣ свойства и качества этого могущественнаго, но жестокаго ума, которыя время все только болѣе и болѣе закаляло... Бисмаркъ—отнюдь не прирожденный ораторъ, но мало кто достигалъ своимъ словомъ такой силы впечатлѣнія. Онъ нисколько не заботился о красотѣ

своей рѣчи, онъ даже не старается убѣждать; для него важно одно—выразить во всей полнотѣ свою мысль и раздавить своихъ враговъ. Обладая живымъ и сильнымъ воображеніемъ, онъ умѣетъ находить необычайно сильные и мѣткіе образы, какъ молнія освѣщающіе вопросы... Съ необычайнымъ искусствомъ Бисмаркъ умѣетъ пользоваться своимъ не очень тяжелымъ литературнымъ багажомъ: вульгарная цитата, заимствованная изъ какого-нибудь опернаго либретто, сравненіе, выхваченное изъ трагедій Шекспира, стихъ Гёте или Шиллера превращаются у него въ острыя стрѣлы, пронизывающія его политическихъ враговъ, и въ злую насмѣшку надъ идеями и убѣжденіями его противниковъ. Если рѣчи его никогда не увлекали своимъ воодушевленіемъ, если у него нѣтъ ни одной рѣчи, дышащей горячею любовью къ народу, а тѣмъ болѣе къ человѣчеству, за то ни одинъ государственный человѣкъ не вызывалъ своимъ словомъ такихъ бурь, такого грома негодованія». Это—Бисмаркъ въ рейхстагѣ. Если, съ другой стороны, мы попытаемся опредѣлить, какому дѣлу посвящены были эти богатыя природныя дарованія, эта желѣзная, несокрушимая энергія, придется остановиться въ полномъ недоумѣніи. Самъ Бисмаркъ увѣрялъ, что онъ, прежде всего, «Mann des Königs» — служитель своего короля—и ничего болѣе. Дѣйствительно, помимо этого, трудно найти въ его жизни и дѣятельности малѣйшую тѣнь какого-нибудь принципа: здѣсь нѣтъ ни идей, ни убѣжденій, ни даже партійныхъ взглядовъ. Поэтому Н. К. Михайловскій, написавшій 20 слишкомъ лѣтъ тому назадъ блестящую и проницательную характеристику Бисмарка, имѣлъ полное основаніе свести все святая святыхъ этого человѣка на его «личную преданность прусскому королевскому дому». Событія послѣднихъ лѣтъ доказали, однако, что Бисмаркъ можетъ отрѣшиться отъ этой преданности такъ же легко, какъ и отъ всего другого. «Этотъ человѣкъ (припомнимъ характеристику д'Антрега) хочетъ быть властелиномъ Германіи, а съ помощью послѣдней держать въ рукахъ всю Европу. Все прочее — только средства для достиженія этой цѣли...» И выборомъ такихъ средствъ Бисмаркъ, какъ и Наполеонъ, нисколько не затрудняется: «Въ политикѣ,—говорилъ бывшій канцлеръ (см. *Forum*, Мау, цитиров. статья),—нѣтъ и не можетъ быть никакихъ принциповъ, ничего абсолютнаго; все здѣсь мѣняется по мѣсту и времени». Если мы обратимся затѣмъ къ концу приведеннаго нами выше изображенія «великаго» французскаго императора, то найдемъ ключъ и къ послѣднимъ фрондерскимъ выходкамъ Бисмарка. По весьма естественнымъ причинамъ честолюбіе прусскаго государственнаго дѣятеля не могло проявиться въ желаніи занять какой-нибудь вакантный престолъ; времена измѣнились; ему оставалось только «создать» императора германскаго и сдѣлаться необходимымъ для него сановникомъ. Тогда явилась на сцену «преданность прусскому королевскому дому» и прочее. Но «въ политикѣ нѣтъ ничего абсолютнаго», а когда молодой Вильгельмъ II проявилъ нѣкоторую самостоятельность, Бисмаркъ рѣшился «вонзить ему въ сердце» тотъ самый мечъ, который онъ, при другихъ обстоятельствахъ, клялся отдать на службу

своему государю. Будемъ надѣяться, что паденіе Бисмарка, его долгія неудачи во внутренней политикѣ и новыя вѣянія, охватившія на нашихъ глазахъ современную Германію, являются провозвѣстниками того лучшаго будущаго, о которомъ тщетно мечталъ еще сто лѣтъ назадъ великій нѣмецкій ученый. Но неужели вліяніе двухъ разнузданныхъ, не знающихъ себѣ удержу, натуръ можетъ оставить какой-нибудь слѣдъ въ судьбахъ человѣчества? Развѣ дѣянія ихъ не обусловлены заранѣе цѣлымъ рядомъ общихъ причинъ, развѣ они не являются лишь посредствующимъ звеномъ въ той сложной цѣпи явленій, которую мы называемъ исторіей? Говоря о Наполеонѣ и Бисмаркѣ, нельзя не остановиться на этихъ вопросахъ *): передъ нами двѣ наиболѣе рѣзко и опредѣленно очерченныя фигуры XIX столѣтія и, если *они* не могли повліять на судьбы народовъ, то, конечно, и никто не имѣетъ права претендовать на такое вліяніе.

Людскіе поступки, какъ и все въ мірозданіи, находятся въ полной зависимости отъ своихъ предшествующихъ. Но среди послѣднихъ существуетъ два разряда воздѣйствій: съ одной стороны, личность опредѣляется тѣми могучими факторами, которые общи всему человѣчеству; съ другой—спеціальною комбинаціей всевозможныхъ условій, выдвигающихъ на міровую сцену именно данную индивидуальность. Первые обусловливаютъ лишь *возможность* появленія и дѣятельности въ данный моментъ тѣхъ именно крупныхъ историческихъ фигуръ, которыя могутъ повліять на ходъ исторіи. Но самое нарожденіе геніальнаго человѣка зависитъ отъ спеціальныхъ причинъ и не обусловлено *необходимо* этими стихійными историческими теченіями. Когда эти два ряда *самостоятельныхъ* факторовъ встрѣчаются, на сцену выходитъ выдающаяся индивидуальность, которая можетъ оказать громадное, почти неизмѣримое вліяніе на ходъ дѣлъ человѣческихъ. Но, въ такомъ случаѣ, можетъ ли исторія сдѣлаться точной наукой? Что касается тѣхъ крупныхъ историческихъ теченій, о которыхъ шла рѣчь выше, она уже и теперь устанавливаетъ рядъ довольно точныхъ и непреложныхъ законовъ; но едва ли скоро она возвысится до того, что въ состояніи будетъ охватить общими формулами всю сложность историческихъ явленій. Конечно, встрѣча указанныхъ двухъ рядовъ причинности отнюдь не случайна и нельзя отрицать, что *когда-нибудь* мы доберемся до тѣхъ общихъ факторовъ, которые опредѣляютъ собою и возможность, и необходимость появленія въ данный моментъ именно данной личности, но пока мы еще очень далеки отъ этого. Пока историку остается только доискиваться причинъ крупныхъ историческихъ теченій и опредѣлять отношеніе къ нимъ выдающихся отдѣльныхъ личностей. Однако, многіе представители этой науки смотрятъ и до сихъ поръ на дѣло совершенно иначе. Таковъ, напримѣръ, недавно умершій нѣмецкій историкъ Генрихъ фонъ-Зибель. Фридрихъ Веберъ, посвящая ему въ своемъ капитальномъ трудѣ нѣсколько словъ, говоритъ,

*) Ихъ касается и Н. К. Михайловскій въ цитированной мною характеристикѣ Бисмарка.

между прочимъ: «При своей профессорской и политической дѣятельности онъ нашелъ достаточно свободнаго времени, чтобы написать *Исторію революціи*. Принимая во вниманіе, что послѣднее сочиненіе взяло 30 лѣтъ неустаннаго и непрерывнаго труда, мы читаемъ это довольно пренебрежительное замѣчаніе съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Съ нашей русской точки зрѣнія Генрихъ фонъ-Зибель является чистѣйшимъ типомъ нѣмецкаго ученаго, посвятившаго жизнь служенію наукѣ, страстно ее любившаго, терпѣливаго, методичнаго и работящаго почти до невѣроятія. Положимъ, онъ не оставался глухъ и къ другимъ жизненнымъ интересамъ. Общественная дѣятельность не разъ отрывала его отъ любимыхъ книжекъ, и архивная пыль не могла заслонить отъ него тѣхъ бурныхъ сценъ, которыя переживала Германія въ концѣ сороковыхъ годовъ нашего столѣтія. Тѣмъ не менѣе главнымъ интересомъ его жизни все-таки оставались научныя занятія; онъ до такой степени привыкъ имѣть дѣло съ историческими документами, что и на всѣ современныя ему событія выучился смотрѣть сквозь призму давно минувшихъ временъ. У насъ принято почему-то представлять себѣ нѣмецкаго профессора сухимъ педантомъ, вѣчно витающимъ въ заоблачныхъ сферахъ метафизическихъ, отвлеченныхъ задачъ, дѣтски-наивнымъ и безпомощнымъ въ вопросахъ практической жизни. Образъ этотъ вообще сильно устарѣлъ, но всего менѣе, конечно, подходитъ онъ къ Генриху Зибелю. Волна нѣмецкаго «Sturm und Drang» подхватила въ 1848 г. нѣсколько заплѣсневѣвшую университетскую науку и перенесла ее сразу изъ глухихъ и тихихъ университетскихъ уголковъ въ бурные центры тогдашней политической жизни. И надо отдать полную справедливость нѣмецкимъ ученымъ: они сумѣли занять почетное мѣсто среди дѣятелей этого труднаго времени, не оставляя при этомъ занятій любимою наукой. Благодаря такому «совмѣстительству» выработался, между прочимъ, особый типъ нѣмецкаго историка. Эти люди искали въ прошедшемъ указаній въ вопросахъ минуты; они брались за обработку тѣхъ именно темъ, которыя могли освѣтить имъ сколько-нибудь нарождавшіяся политическія проблемы; съ другой стороны, стоя близко къ жизни окружавшаго ихъ общества, они умѣли вносить въ архивныя изысканія тепло и краски современной имъ дѣйствительности. Изъ этихъ историковъ особенно выдѣлялись Дальманъ, Дройзенъ, Гервинусъ и Зибель. Одинъ за другимъ сходятъ они въ могилу, и на смѣну имъ идутъ люди другого закала. Тѣмъ интереснѣе отмѣтить при случаѣ дѣятельность этихъ послѣднихъ могиканъ доживающаго свой вѣкъ историографическаго теченія. *Deutsches Rundschau* (октябрь), а за нимъ *Revue des Deux Mondes* (1 novembre) посвящаетъ недавно умершему Зибелю солидныя статьи, излагающія очень обстоятельно его біографію. Я не буду слѣдить вмѣстѣ съ ними за всѣми подробностями монотонной жизни этого ученаго. Для русскаго читателя, полагаю, гораздо интереснѣе его внутренняя физіономія. Въ вопросахъ политики Зибель всегда придерживался весьма умѣреннаго либерализма; его мечтой была конституція, дарованная народу сверху и выдвигающая на первый планъ

такъ называемое «третье сословіе». Такого рода взгляды нѣмецкій историкъ проводилъ довольно энергично, усиленно агитируя въ 1848 г. противъ всеобщей подачи голосовъ и республиканскаго образа правленія. Благодаря всему этому, онъ не пользовался популярностью въ тѣ бурные дни, не попалъ во Франкфуртскій университетъ и не долго пробылъ въ гессенскомъ ландтагѣ. Тѣмъ не менѣе онъ всею душой участвовалъ въ политической жизни страны, мужественно исповѣдывалъ свои убѣжденія, пріобрѣлъ широкую извѣстность и послѣ большихъ праздниковъ принужденъ былъ обыкновенно вставлять выбитыя у него народомъ окна. Позднѣе (въ 1862—1864 годахъ) въ прусской палатѣ депутатовъ онъ выступилъ дѣятельнымъ противникомъ правительства, отстаивая противъ Бисмарка попранныя послѣднимъ конституціонныя начала. Тѣмъ не менѣе Зибель всю жизнь оставался пруссакомъ до мозга костей, ярымъ приверженцемъ объединенія Германіи подъ главенствомъ прусскаго короля и сердцемъ принималъ участіе въ кровавой политикѣ Бисмарка въ 1866—1870 гг. Два главныхъ историческихъ труда нѣмецкаго ученаго явились всецѣло отраженіемъ его политическихъ тенденцій. Въ 1848 г. онъ задумалъ напечатать брошюру и, изложивъ въ ней мрачныя событія великой французской революціи, предостерегалъ такимъ образомъ своихъ политическихъ противниковъ отъ чрезмѣрнаго, по его мнѣнію, увлеченія демократическими идеями. Эта брошюра разрослась въ грандіозное пяти-томное сочиненіе, печатавшееся съ 1853 по 1879 г., составившее славу автору и переведенное на главные европейскіе языки (въ томъ числѣ на русскій, хотя не въ полномъ объемѣ). Съ 1875 г. Зибель, поставленный Бисмаркомъ во главѣ прусскихъ государственныхъ архивовъ, сталъ мечтать о созданіи обширной исторіи нѣмецкаго народа. По канцлеръ указалъ ему на необходимость увѣковѣчить событія, сопровождавшія объединеніе Германіи, и съ этихъ поръ Зибель до конца жизни погруженъ былъ въ свою *Исторію основанія Германской имперіи*, VII томъ которой появился не задолго до его смерти. Въ сочиненіи этомъ авторъ со всею необузданностью прусскаго чиновника предается восхваленію Бисмарка и панегирикамъ его внѣшней политики. Національстическія стремленія заглушали въ немъ всѣ другія соображенія и вмѣсто объективнаго ученаго онъ является намъ въ этомъ послѣднемъ произведеніи прежде всего борцомъ за свои довольно узкіе и близорукіе политическіе идеалы. Впрочемъ, такимъ онъ былъ всегда. Еще двадцатилѣтнимъ юношей въ докторской диссертаціи Зибель категорически заявилъ, что исторія должна писаться cum ira et studia. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ своихъ второстепенныхъ работахъ и во множествѣ написанныхъ имъ журнальныхъ статей онъ неуклонно придерживался этого правила: разсказъ о событіяхъ прошлыхъ временъ является для него лишь освѣщеніемъ и выясненіемъ современныхъ вопросовъ, а взглядъ на послѣдніе опредѣлялся, конечно, его общимъ міросозерцаніемъ. Однако Зибель всю жизнь довольно искусно балансировалъ между требованіями объективнаго научнаго изслѣдованія и этою своею тенденціей: преобладающими чертами его

научныхъ трудовъ надо все-таки признать добросовѣстную, кропотливую разработку источниковъ, сурово-критическое къ нимъ отношеніе, совершенно самостоятельныя и почти всегда оригинальныя воззрѣнія на историческія событія и фигурировавшихъ въ нихъ дѣятелей. Еще большею, однако, узостью отличаются воззрѣнія Зибеля на философію исторіи. Въ 1854 г. онъ произнесъ въ Боннскомъ университетѣ рѣчь «о законахъ историческаго знанія» («Ueber die Gesetze des historischen Wissens»). Казалось бы, въ такомъ чисто-философскомъ вопросѣ должны были сказаться воззрѣнія его на то, что мы называемъ теперь соціологическими основами исторіи. Дѣйствительно Зибель упоминаетъ здѣсь о причинности въ историческихъ событіяхъ и даже сравниваетъ историческій методъ съ естественно-научнымъ. Но если мы вспомнимъ, что всего черезъ пять лѣтъ послѣ этого появился первый томъ знаменитаго творенія Бокля, то будемъ поражены той узостью и, если такъ можно выразиться, той философствующей ограниченностью, которую проявилъ въ этой рѣчи нѣмецкій ученый. Главнымъ факторомъ исторіи считаетъ онъ самобытную и самодовлѣющую человѣческую личность, съ которой именно и начинается цѣпь причинности. Освѣтить истинную природу того или другого дѣятеля, показать, какъ и подъ какими вліяніями выступилъ онъ на сцену исторической дѣйствительности, разыскать виновника каждаго событія, пережить съ нимъ всѣ перипетіи разсказываемой драмы и оцѣнить съ точки зрѣнія автора нравственные мотивы такого героя—вотъ въ чемъ заключается, по мнѣнію Зибеля, задача историка. Въ 18 № *Revue de Paris* закончена печатаніемъ юношеская переписка Ренана съ сестрою. Авторъ *Жизни Іисуса*, какъ извѣстно, родился и первые годы своего дѣтства провелъ въ тихомъ и скромномъ уголкѣ Бретани. Въ зрѣлую пору жизни онъ набросалъ портретъ бретонца, который можетъ служить прекрасною характеристикой главныхъ, существенныхъ основъ его характера. «Это племя,—говоритъ онъ,—робкое, сдержанное, замкнутое въ себя, повидимому, нѣсколько тяжеловѣсное, но способное глубоко чувствовать, крайне деликатное въ своей религіозности. Эта деликатность, составляющая отличительный признакъ кельтскаго племени, тѣсно связана съ его потребностью въ сосредоточеніи. Мало экспансивныя натуры обыкновенно бываютъ наиболѣе способны къ тому, чтобы сильно чувствовать: ибо чѣмъ глубже чувство, тѣмъ меньше наклонности оно имѣетъ къ тому, чтобы проявляться наружу. Отсюда проистекаетъ та симпатичная стыдливость, та трезвость, благородство и сдержанность, которыя одинаково далеки отъ риторики чувства, къ сожалѣнію, слишкомъ свойственной латинской расѣ, и отъ разсудочной наивности нѣмца... Кажущаяся сдержанность кельтскихъ народовъ, которую часто принимаютъ за холодность, проистекаетъ отъ этой внутренней работы, которая заставляетъ человѣка думать, что всякое чувство теряетъ половину своей цѣнности, когда его высказали; сердце не должно имѣть другого зрителя, кромѣ самого себя...» Но мать Ренана, такъ много повліявшая на развитіе своего знаменитаго сына, вовсе не была истою бретонкою: она влила въ

его жилы горячую кровь гасконцевъ, привила ему ихъ веселость, насмѣшливую иронію и оптимистическій взглядъ на все окружающее. Однако, гармоничное соединеніе этихъ двухъ началъ произошло уже впослѣдствіи. Въ эпоху упомянутой переписки Эрнестъ, учившійся въ духовной семинаріи въ Парижѣ, былъ запуганъ и придавленъ своимъ одиночествомъ: мать и старшій братъ его Алленъ остались въ Бретани, а любимая до обожанія сестра, Генріета, чтобъ увеличить средства семьи, рѣшилась въ 1840 году взять мѣсто гувернантки въ семьѣ графовъ Замойскихъ и поселилась на много лѣтъ въ глухой польской деревнѣ. Въ перепискѣ нѣтъ и слѣда той беззаботной веселости и спокойнаго, созерцательнаго величія, которыя были свойственны Ренану въ позднѣйшіе годы его жизни. Вотъ какъ описываетъ намъ молодого человѣка аббатъ Конья, одинъ изъ его товарищей по семинаріи: «Блѣдный и худощавый, онъ обладалъ большою головой на хиломъ тѣлѣ. Глаза его почти всегда были опущены. Робкій и неуклюжій, молчаливый вслѣдствіе постоянной задумчивости, онъ не принималъ никакого участія въ веселіи сверстниковъ и говорилъ только въ тѣсномъ кругу друзей. Къ непріятностямъ, неизбѣжно вытекающимъ изъ подобнаго настроенія присоединилась еще тоска по матери, горькія воспоминанія о родинѣ и уколы самолюбія, какіе ему приходилось испытывать въ новой обстановкѣ». Онъ плохо сходился съ товарищами и могъ отводить душу только въ длинныхъ письмахъ къ старшей сестрѣ, отъ которой у него не было секретовъ. Письма Ренана мало похожи на изліянія молодого француза: отъ нихъ вѣетъ нѣмецкою сантиментальностью и глубокою меланхоліей. Вначалѣ (въ 1842 году) молодой воспитанникъ семинаріи въ Исси является намъ не только глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, но и вполнѣ ортодоксальнымъ католикомъ. Однако, необходимость впослѣдствіи надѣть рясу уже въ это время смущаетъ его: желаніе отдать себя всего умственному труду, боязнь потерять въ лонѣ католической церкви свободу научнаго изслѣдованія высказываются уже въ первыхъ его письмахъ. И сестра не только не разубѣждаетъ его въ этихъ сомнѣніяхъ, но съ своей стороны тонко и деликатно старается выдвинуть передъ нимъ цѣлый рядъ еще не возникавшихъ въ его головѣ вопросовъ. Она ничего не рѣшаетъ: съ замѣчательнымъ тактомъ умѣетъ она только *поставить* вопросы и затѣмъ отойти въ сторону, въ полной надеждѣ, что искренній и умный ея братъ не уклонится отъ ихъ рѣшенія. Такимъ образомъ переписываются они три года. Мало-по-малу въ головѣ Ренана возникаютъ уже не одни только опасенія будущихъ стѣсненій: онъ даетъ волю своему разуму, и догматика католицизма распадается при первомъ прикосновеніи къ ней критической мысли. Тогда для него наступаютъ тяжелыя минуты: боясь разбить всѣ надежды своей благочестивой матери, онъ долго не рѣшается порвать съ воспитавшимъ его духовенствомъ, а, между тѣмъ, сроки его постриженія приходятъ и проходятъ одинъ за другимъ. Женственная, нерѣшительная натура Ренана не находитъ выхода изъ этого труднаго положенія. Но съ каждымъ новымъ письмомъ его муже-

ственной Генріеты въ немъ все болѣе и болѣе зрѣетъ рѣшимость покончить съ этими колебаніями. Она шлетъ ему деньги на жизнь въ Парижѣ, хлопочетъ о мѣстѣ для него въ Германіи, пишетъ письмо къ своимъ подругамъ и знакомымъ, чтобы облегчить ему первые шаги свѣтской жизни... Наконецъ, онъ рѣшается. Въ 1845 г. сбрасываетъ онъ съ себя послушническую рясу, выходитъ изъ семинаріи и принимается дѣятельно готовиться къ университетскому экзамену. Узнавъ о болѣзни Генріеты изъ случайнаго намека ея пріятельницы, онъ умоляетъ ее пріѣхать въ Парижъ и поселиться вмѣстѣ съ нимъ. На этомъ обрывается переписка. Она даетъ намъ довольно интересный образъ молодого Ренана, во многомъ отличающійся отъ того представленія, которое имѣется о знаменитомъ историкѣ у большинства читателей. Это до такой степени сложная и широкая фигура, что ее съ трудомъ можно уложить въ рамки нашихъ обыденныхъ представленій. Къ автору *Жизни Іисуса* надо подходить съ особою, для него одного созданною мѣркой. Его нельзя не уважать и не любить, но, съ другой стороны, съ нимъ нельзя почти ни въ чемъ согласиться. Онъ и самъ никогда не могъ твердо установиться на опредѣленныхъ воззрѣніяхъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ отъ въ своемъ *Магометѣ:* «Въ глазахъ критика, стоящаго среди бѣгущей и неуловимой дѣйствительности, нѣтъ ничего абсолютнаго въ человѣкѣ, носящемъ рядомъ съ печатью красоты и свое прирожденное пятно. Кто можетъ въ своихъ собственныхъ нравственныхъ ощущеніяхъ опредѣлить линію, отдѣляющую пріятное отъ ненавистнаго, безобразіе отъ красоты, ангельское видѣніе отъ сатанинскаго и даже, въ нѣкоторой степени, радость отъ горя? Такъ какъ религіи—самыя полныя произведенія человѣческой натуры, выражающія ее съ наибольшею цѣльностью, то онѣ настолько же подвержены ея противорѣчіямъ и не допускаютъ сужденій простыхъ и абсолютныхъ. Святой и негодный, прелестный и отвратительный, апостолъ и фокусникъ, небо и адъ подаютъ другъ другу руку, какъ видѣнія тревожнаго сна, когда поочередно появляются всѣ образы, скрытые въ извилинахъ фантазіи» (пер. г. Годлевскаго, *Ренанъ, какъ человѣкъ и писатель*, стр. 108—109). Такимъ «критикомъ, стоящимъ среди бѣгущей и неуловимой дѣйствительности», Эрнестъ Ренанъ является намъ въ своей юношеской перепискѣ; такимъ же во всемъ сомнѣвающимся скептикомъ оставался онъ и до конца своей жизни. Но этотъ скептицизмъ не воспрепятствовалъ ему въ наукѣ и политикѣ выдвинуть цѣлый рядъ несравненно болѣе гуманныхъ идей, чѣмъ тѣ, за которыя такъ ревностно бился благонамѣренный и честный Зибель. Метафизика и мистицизмъ Ренана нисколько не мѣшаютъ ему *въ предѣлахъ феноменальнаго* оставаться всегда на строго-научной почвѣ и положить въ основаніе своего міросозерцанія законосообразность всего существующаго. Избѣгая всякаго догматизма, онъ легко порвалъ съ боевыми націоналистическими идеями нашего времени и былъ всегда ярымъ противникомъ современнаго милитаризма. Съ необыкновенною проницательностью еще передъ началомъ войны 1870 г. Ренанъ предвидѣлъ ея послѣдствія. При первыхъ тревожныхъ вѣ-

стяхъ онъ вернулся изъ своего заграничнаго путешествія и, взволнованный, со слезами на глазахъ (см. *Ренанъ* Годлевскаго, стр. 111—112), говорилъ посѣтившему его Брандесу: «Никогда еще несчастный народъ не находился подъ властью подобныхъ дураковъ. Со стороны кажется, что императоръ лишился разсудка, но виноваты его приближенные,—вѣдь, это все низкіе льстецы. Подумать страшно, что всѣ труды людей науки и прогресса погибли отъ одного удара. Все рухнуло: симпатіи между двумя народами, взаимное пониманіе, полезный совмѣстный трудъ. Какъ подобная война убиваетъ всякую любовь къ истинѣ! Какая ложь, какая клевета другъ противъ друга въ теченіе, по крайней мѣрѣ, полувѣка будетъ признаваться за несомнѣнную истину между двумя враждебными народами! И эта ложь, подобно глухой стѣнѣ, разъединитъ ихъ. Какъ гибельно это отразится на умственномъ развитіи Европы! Сотни лѣтъ не хватитъ для возстановленія того, что честолюбцы разрушили въ одинъ день!»

Т. Полнеръ.

Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій *).

IV.

Первыя попытки приложить новыя философско-историческія идеи къ построенію и истолкованію русской исторіи сдѣланы были Полевымъ, Погодинымъ, Кирѣевскимъ и Чаадаевымъ. Собственно говоря, если бы мы захотѣли держаться строгой хронологической послѣдовательности, намъ пришлось бы излагать эти попытки въ порядкѣ какъ разъ обратномъ тому, въ которомъ мы перечислили названныя имена. Чаадаевъ, представитель старшаго, еще александровскаго поколѣнія, почерпнулъ изъ перваго источника свою философію исторіи. Онъ, правда, не переставалъ приспособлять ее, какъ увидимъ, ко взглядамъ новаго поколѣнія; но и новое поколѣніе до нѣкоторой степени восприняло вліяніе его теорій. Послѣдніе, наиболѣе продуманные плоды размышленій Чаадаева слились, такимъ образомъ, съ первыми, еще несовершенными продуктами мысли И. Кирѣевскаго. Въ свою очередь Кирѣевскій, едва только начали обрисовываться первыя, неясныя очертанія его будущей теоріи, уже успѣлъ передать ее совершенно не подготовленному философски Погодину. Наконецъ, обмолвки Погодина, не любившаго дѣлиться своимъ добромъ, послужили однимъ изъ источниковъ для вовсе не подготовленнаго научно Полевого, искавшаго un peu partout своихъ авторитетовъ въ ознакомленіи съ новыми вѣяніями.

Въ этомъ порядкѣ мы и должны были бы расположить свое изложеніе, еслибъ нашею главною задачей было — выяснить тѣ пути, которыми всѣ перечисленные представители новаго философско-историческаго направленія дошли до своихъ основныхъ идей. Но для насъ гораздо важнѣе тѣ результаты, которыхъ они достигли послѣ самостоятельной переработки этихъ идей. Результаты же эти, по отношенію къ цѣли, поставленной новымъ міровоззрѣніемъ, оказывались тѣмъ менѣе значительными, чѣмъ дальше стоялъ каждый изъ нихъ отъ источника и чѣмъ менѣе онъ былъ спосо-

*) *Русская Мысль*, кн. V.

бенъ къ самостоятельному философскому мышленію. Спеціальныя историческія познанія не могли въ данномъ случаѣ замѣнить философской подготовки. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ четырьмя рѣшеніями, постепенно отдаляющимися отъ поставленной цѣли, по мѣрѣ ослабленія первоначальнаго импульса. Мы предпочли перевернуть ихъ порядокъ и предоставить настоящимъ иниціаторамъ послѣднее слово. Это послѣднее слово послужитъ намъ естественнымъ переходомъ отъ подготовительнаго періода, который мы теперь изучаемъ, къ позднѣйшимъ, болѣе законченнымъ попыткамъ русской философско-исторической конструкціи.

Роль Н. А. Полевого въ исторіи русскаго просвѣщенія достаточно извѣстна. Знаменитый издатель передового и любимаго публикой журнала, потомъ забросанный грязью ренегатъ, потомъ всѣми забытый литературный поденщикъ, поочередно страдавшій отъ цензуры, какъ нигилистъ, отъ собратій по журналистикѣ, какъ отступникъ, и отъ спекулянтовъ книжнаго рынка, какъ ловкій поставщикъ ходкаго товара, Н. А. Полевой еще отъ автора *Очерковъ гоголевскаго періода* дождался безпристрастной оцѣнки своей общественной дѣятельности *). Гораздо менѣе выяснена роль Полевого въ исторіи русской исторической науки. Современные ему представители цеховой науки никакъ не могли допустить, чтобы купеческій сынъ, на ихъ глазахъ появившійся въ Москвѣ въ 1820 г. въ долгополомъ сюртукѣ, съ волосами обстриженными въ кружокъ и съ ухватками прикащика, въ какія-нибудь десять лѣтъ могъ сравняться съ ними въ учености и получить право не только поднимать свой голосъ въ спеціальныхъ вопросахъ, но и предпринять цѣлый переворотъ въ представленіяхъ объ общемъ ходѣ русской исторіи. Одной этой претензіи въ ихъ глазахъ было достаточно, чтобъ охарактеризовать безпримѣрную «наглость, шарлатанство, невѣжество» и т. д. ихъ дерзкаго конкуррента. Такимъ образомъ, пріемъ *Исторіи русскаго народа* былъ готовъ раньше, чѣмъ она появилась. Предварительныя рекламы и самоувѣренныя обѣщанія Полевого дали тогдашней критикѣ новую пищу. Когда вышли первые томы, на Полевого посыпался цѣлый градъ насмѣшекъ и обвиненій, въ которыхъ было гораздо больше раздраженія, чѣмъ основательности. Игнорировать *Исторію* Полевого стало признакомъ хорошаго тона среди тогдашняго поколѣнія ученыхъ. Послѣдующія же поколѣнія такъ основательно забыли о ней, что когда понадобилось опредѣлить ея значеніе въ развитіи русской исторической науки, задача оказалась нелегкой. Всѣ очень хорошо помнили въ Полевомъ неумолимаго «зоила», противника Карамзина; не разъ повторялось и то старое сужденіе, по которому *Исторія русскаго народа* затѣяна была исключительно въ пику автору *Исторіи государства Россійскаго*. Однако, безпристрастное наблюденіе не могло, наконецъ, не замѣтить, что

*) Полевому посвящена гл. 1-я *Очерковъ*, см. изданіе *М. Н. Чернышевскаго*. Спб., 1892 г. Тяжелая житейская обстановка Полевого ярко обрисовывается въ его *Дневникѣ* (см. *Историч. Вѣстникъ* 1888 г.).

въ реакціи противъ карамзинскаго направленія нельзя видѣть исключительно-отрицательныя черты, что въ ней былъ положительный и весьма серьезный смыслъ. Тогда прежній взглядъ на Полевого былъ замѣненъ другимъ, но также далеко не вполнѣ справедливымъ. Изъ простыхъ «зоиловъ» Полевой былъ повышенъ въ рангъ «критиковъ» и причисленъ къ другимъ представителямъ направленія, требовавшаго критическаго отношенія къ исторической традиціи. Все это направленіе получило названіе «скептической школы». Мы видѣли, однако, чѣмъ была скептическая школа въ дѣйствительности. Мы видѣли, что это была не реакція противъ Карамзина, оставшагося внѣ движенія исторической мысли, а дальнѣйшее развитіе шлецеровскаго направленія подъ вліяніемъ новыхъ идей европейской исторической школы. Мы видѣли, какъ далеко пошла настоящая «скептическая школа» въ отношеніи исторической традиціи, и какъ скоро была обнаружена солидными изслѣдованіями вся фантастичность ея ученыхъ выводовъ. Съ *этой* скептическою школой Полевой не имѣетъ ничего общаго. Онъ не только не идетъ такъ далеко, какъ ея представители, онъ даже не рѣшается идти такъ далеко, какъ шелъ Шлецеръ: онъ, напримѣръ, не признаетъ подложными договоры Олега и Игоря съ греками, онъ возстаетъ противъ утировки Шлецеромъ первоначальной дикости русскихъ *). Онъ, конечно, слышалъ про новые результаты исторической критики на Западѣ: Нибуру онъ посвящаетъ свою *Исторію,*— къ немалому удовольствію рецензентовъ **). Легенды нашей начальной лѣтописи онъ готовъ признавать легендами; но это не мѣшаетъ ему считать ихъ характерными для духа времени и излагать ихъ во всей полнотѣ, безъ всякихъ попытокъ раціоналистическаго объясненія. Такимъ образомъ, его *Исторія* начинается съ призванія Рюрика, а не съ XIII вѣка, какъ слѣдовало бы по теоріи скептиковъ. Ни одной ссылки на скептиковъ нельзя найти въ *Исторіи русскаго народа;* единственный разъ, когда Полевой на нихъ намекаетъ (въ одномъ изъ позднѣйшихъ томовъ), онъ дѣлаетъ это для того, чтобы привести «доказательство противъ людей, которые видятъ въ нашихъ лѣтописяхъ нелѣпыя сказки»; въ противоположность имъ, онъ готовъ даже вернуться къ шлецеровскому объясненію всего недостовѣрнаго въ лѣтописи,—позднѣйшими вставками переписчика ***). Понятно, что и у подлинныхъ скептиковъ Полевой не находитъ пощады. Съ негодованіемъ встрѣчаютъ они «это арлекинское описаніе народа русскаго, въ коемъ всѣ басни, обвивающія первый періодъ нашей отечественной исторіи, разсказываются уже не съ дѣтскою простотой (какъ въ лѣтописи), но съ буйнымъ велерѣчіемъ несомнительной увѣренности». Посвященіе Нибуру кажется имъ ничѣмъ не оправдываемымъ святотатствомъ. «Давно уже носятся *подозрѣ-*

*) *Ист. р. нар.*, т. II, стр. 147.

**) Этимъ Полевой „заранѣе лишилъ себя перстня",—замѣчаютъ люди, болѣе къ нему благорасположенные.

***) *Ист. р. нар.*, т. IV, стр. 82. Послѣдніе 3 тома изданы въ 1833 году. Ср. выше, § I этого отдѣла.

нія объ исторической цѣнности нашихъ лѣтописей между глубокомысленными испытателями отечественныхъ древностей *). Подозрѣнія сіи *скоро могутъ превратиться въ достовѣрность* и, конечно, дойдутъ до Нибура!... Что скажетъ онъ тогда о писакѣ, обезпокоившемъ его вниманіе истертою ветошью, выданною за свѣжій товаръ новаго фасона и лучшей доброты?» Подчеркнутыя слова помогаютъ намъ окончательно опредѣлить отношеніе Полевого къ скептической школѣ. Первый томъ *Исторіи русскаго народа* появился въ печати въ 1828 году, второй—въ началѣ 1830 г., третій—въ серединѣ 1830 г. Въ это время весь размѣръ «подозрѣній» Каченовскаго былъ извѣстенъ только въ университетской аудиторіи да въ редакціи *Вѣстника Европы;* а изъ его учениковъ, тогда еще студентовъ, ни одинъ не успѣлъ еще выступить съ разсужденіями, отличавшими «скептическую школу». Такимъ образомъ, Пушкинъ былъ вполнѣ правъ, не найдя въ рецензіи Надеждина «ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого издателя Каченовскаго,—мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители отечественной исторіи». Мы знаемъ, что отъ Каченовскаго такъ и не пришлось дождаться доказательства его «подозрѣній», а каковы были доказательства его учениковъ, мы видѣли выше.

Если несправедливо причислять Полевого къ скептикамъ на основаніи одной только общей имъ идеи «исторической критики», то еще несправедливѣе приписывать этой критикѣ предвзятую цѣль — перекроить русскую исторію по западно-европейскому шаблону, и считать Полевого исполнителемъ этой мнимой задачи скептической школы **). Конечно, Полевой находился подъ сильнымъ вліяніемъ современныхъ ему западно-европейскихъ образцовъ, особенно Тьерри ***) и Гизо ****); несомнѣнно также и то, что онъ искалъ,—и иногда очень удачно,—аналогій между явленіями русской и западно-европейской исторіи. Но поиски эти вытекали изъ общей идеи закономѣрности историческаго процесса, свойственной новому взгляду. «Здѣсь не было подражанія,—повторяетъ онъ нѣсколько разъ, указывая на историческія сходства,—но одинакія причины производили одинакія слѣдствія, измѣняясь только отъ различныхъ мѣстностей» *****). И послѣднія слова на-

*) Здѣсь Надеждинъ намекаетъ на Каченовскаго, въ журналѣ котораго напечатана его рецензія на Полевого (*Вѣстн. Евр.* 1830 г.).

**) Первое мнѣніе развивается проф. Иконниковымъ, второе—М. О. Кояловичемъ, считающимъ вообще *методику* западно-европейской науки неразрывно связанной съ ея положительнымъ *содержаніемъ*. См. *Исторію русскаго самосознанія* (изд. 2-е. Спб., 1893 г.), гл. IX.

***) Во взглядѣ на старинные историографическіе пріемы (предисловіе, т. II, стр. 140) и на правильный способъ возсозданія прошедшаго, въ идеѣ о значеніи народностей (т. II, стр. 85), на исторію городскихъ общинъ.

****) Во взглядѣ на элементы средневѣковой культуры (т. III, стр. 142), на характеръ древнѣйшаго законодательства (сравненіе варварскихъ правдъ съ Русскою Правдой), на противоположность средневѣковаго и современнаго общественнаго сознанія.

*****) *Ист. русск. нар.*, т. II, стр. 65, 85, 190; т. III, стр. 9.

поминаютъ намъ, что отысканіе *различій* было такою же или даже еще болѣе важною цѣлью для новой философіи исторіи, чѣмъ отысканіе сходствъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ далеко шелъ Полевой въ этомъ направленіи.

Исторія русскаго народа не была ни выраженіемъ скептическихъ, ни выраженіемъ западническихъ идей. Ея значеніе заключается въ томъ, что она была первою попыткой приложить новый философско-историческій взглядъ къ объясненію явленій русской исторіи. Самъ Полевой указывалъ на это значеніи своей *Исторіи;* но изъ современныхъ критиковъ никто не хотѣлъ признать за ней этой заслуги, кромѣ Булгарина *). Нельзя сказать, чтобъ особенно отчетливо и глубоко, но какъ бы то ни было Полевой усвоилъ себѣ основныя идеи шеллингизма въ ихъ приложеніи къ философіи исторіи. «Общество есть изображеніе человѣка,—такъ формулируетъ Полевой новые взгляды, — ибо общество есть собственно человѣкъ, помноженный на природу. Человѣкъ состоитъ изъ духа и тѣла; жизнь его есть борьба съ природой; цѣль борьбы скрыта за предѣлами міра; переходы борьбы составляютъ возрасты человѣка и періоды исторіи. Народы, какъ люди, родятся, ростутъ, мужествуютъ, старѣютъ и умираютъ, т.-е. бываютъ, какъ человѣкъ, дѣтьми, мужами и старцами. Каждое общество есть уже побѣда человѣческаго духа надъ природой. Таинственная мудрость Провидѣнія, въ судьбѣ народовъ видимая, состоитъ въ томъ, что именно въ свое время, въ своемъ мѣстѣ является народъ, для свершенія дѣла своего въ общей исторіи человѣчества» **). Изъ новыхъ, «вѣрныхъ идей объ исторіи», вытекаетъ и новый взглядъ на задачи историка. Вмѣсто національнаго самовозвеличенія онъ долженъ отыскивать мѣсто своего народа въ исторіи человѣчества; вмѣсто идеализаціи прошлаго онъ долженъ найти въ немъ причинную связь, сообщающую каждому моменту прошлаго характеръ всемірно-исторической необходимости. «Съ идеей *человѣчества* исчезъ для насъ односторонній эгоизмъ народовъ; съ идеей *земного совершенствованія* мы перенесли свой идеалъ изъ прошедшаго въ будущее и увидѣли прошедшее во всей наготѣ его... Уроки исторіи заключаются не въ частныхъ событіяхъ, которыя можемъ мы толковать и преображать по произволу, но въ общности, цѣлости исторіи, въ созерцаніи народовъ и государствъ, какъ необходимыхъ явленій каждаго періода». Такимъ образомъ, введеніе національной исторіи въ рядъ другихъ національныхъ исторій составляло первую задачу историческаго изложенія. Другою задачей становилось — представить различные моменты отдѣльной національной исторіи во взаимной связи. Обѣ задачи вытекали сами собой изъ «правильнаго взгляда на исторію»; новаго изученія фактовъ,—«частныхъ событій»,—не было надобности производить, чтобы приложить этотъ правильный взглядъ. «По моему мнѣнію, донынѣ столько уже приготовлено матеріаловъ для русской исторіи

*) „Никто еще не предпринималъ у насъ писать исторію въ духѣ критическо-философскомъ. Честь первенства принадлежитъ г. Полевому". О рецензіяхъ на *Исторію русскаго народа* см. *Барсуковъ*: „Жизнь и труды Погодина", т. III, стр. 39—46

**) *Ист. русск. нар.*, т. II, стр. 140—141.

собственно», что, при «знакомствѣ съ современными вѣрными идеями объ исторіи вообще»,—«можемъ отважиться писать нашу исторію» *). Такимъ образомъ, приложеніе новыхъ идей къ русской исторіи представлялось Полевому задачей столь же заманчивой, какъ легко выполнимой. Вотъ почему онъ такъ смѣло и самоувѣренно принялся за *Исторію русскаго народа*. Фактическое изслѣдованіе отступало для него на второй планъ; философское истолкованіе фактовъ, уже добытыхъ наукой, становилось главною цѣлью.

«Все должно быть рѣшаемо важностью роли, какую занимали или занимаютъ государство или народъ въ исторіи человѣчества» **). Какую же роль занимаетъ въ исторіи человѣчества Россія? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Полевой, прежде всего, старается доказать, что роль Россіи *совершенно различна* отъ роли европейскаго Запада въ прошломъ, и что таковой же она должна остаться и въ будущемъ. «Тѣ же германскаго и скандинавскаго происхожденія народы, одинаковой степени образованія, духа и религіи пришли на Ильмень, Днѣпръ, и на Луару, Тибръ и Гвадалквивиръ,— говоритъ Полевой, принимая норманнское происхожденіе русскаго государства.—Но по разницѣ того, что было древле, прежде нихъ, изъ одинакихъ событій явились слѣдствія различныя». На Западѣ германцы нашли античную культуру; на Востокѣ они очутились въ совершенно нетронутыхъ культурой мѣстахъ.

«Собратія преобразователей Европы на берегахъ Ильменя и Днѣпра не нашли ничего древняго: міръ самобытный, новый долженъ былъ раскрываться... то, что въ Европѣ совершилось *до варваровъ*, варвары только начали на Руси». «Вотъ главное различіе исторіи русскихъ земель отъ исторіи южныхъ земель европейскихъ» ***). Это различіе повело за собой и другія различія въ самомъ содержаніи историческаго прогресса. На Западѣ германцы переработали и преобразовали по-своему всѣ культурные элементы, оставленные античною жизнью; общественный и духовный строй древняго міра вышелъ изъ ихъ рукъ существенно измѣненнымъ. На Востокѣ (въ Византіи) монархія и церковь, политика и религія сохранили въ полной неизмѣнности свои старыя основы, и «народность славянъ, преодолѣвая народность варяговъ» (уже въ силу малочисленности послѣднихъ), подчинилась, послѣ непродолжительныхъ попытокъ борьбы съ Греціей, совершенно пассивно ея культурному вліянію. Такимъ образомъ, «единовластіе» и православіе сдѣлались съ самаго начала культурными идеалами «системы Востока». «Мы отвергаемъ всякое вліяніе Запада на русскія земли и—справедливо. Управляемые греческою политикой, когда получили уже самобытное существованіе, руссы даже враждебно и непріязненно смотрѣли на западъ... До XIII вѣка самобытный міръ феодализма варяжскаго,

*) *Ист. русск. нар.*, т. I, стр. XIX, XL.
**) *Ист. русск. нар.*, т. I, стр. XXVI.
***) *Ист. русск. нар.*, т. II, стр. 16—18.

перешедшій въ удѣльную систему (см. объ этомъ переходѣ ниже), рѣшительно принадлежалъ къ системѣ Востока, ограничивался ею и жилъ отдѣльною отъ Запада жизнью» *). Этотъ выводъ относительно древнѣйшаго прошлаго уполномочиваетъ Полевого сдѣлать подобное же заключеніе и относительно будущаго. «Будущая судьба Русской земли должна совершаться отдѣльно отъ жребія другихъ европейскихъ государствъ, когда, начавшись одинаково съ ними, сія земля разъединилась отъ нихъ вѣрою, нравами, исторіей своей въ теченіе *четырехъ* вѣковъ». И до самаго конца *Исторіи* Полевой продолжаетъ утверждать, что «будущее Россіи должно быть велико», что ей суждено «внести особую стихію духа въ Европу», что эта стихія будетъ «типомъ восточно-европейскаго образованія», завѣщаннаго Россіи умирающею Византіей **). Но это—рѣчи съ чужого голоса; самому Полевому онѣ нисколько не объясняютъ всемірно-исторической роли Россіи. И задавая самому себѣ рѣшительный вопросъ: «для чего сей исполинъ воздвигнутъ рукой Промысла въ ряду другихъ царствъ», Полевой не находитъ отвѣта. «Вотъ вопросы, для насъ неразрѣшимые! Мы, составляя собой, можетъ быть, только *введеніе* въ исторію нашего отечества, не разрѣшимъ сихъ вопросовъ» ***).

Итакъ, всемірно-историческая миссія Россіи осталась для Полевого загадкой. Гораздо болѣе удалось ему сдѣлать для выясненія внутренней связи періодовъ русской исторіи. Вооруженный новыми взглядами, онъ шагъ за шагомъ преслѣдуетъ старую историческую схему, которой заплатили дань всѣ наши историки, до Карамзина включительно.

Представленіе о Россіи, какъ о «государствѣ», съ самаго начала ея исторіи было, какъ мы знаемъ, основною аксіомой старой схемы. Принципіальное свое несогласіе съ этимъ взглядомъ Полевой выразилъ уже въ самомъ заглавіи своего сочиненія. «Я полагаю,—заявляетъ онъ въ предисловіи,—что въ словахъ *Русское государство* заключалась главная ошибка моихъ предшественниковъ. Государство русское начало существовать только со времени сверженія ига монгольскаго». До конца же XV вѣка существовало въ Россіи нѣсколько государствъ. «При такомъ взглядѣ измѣняется совершенно вся древняя исторія Россіи, и можетъ быть только *Исторія русскаго народа*, а не исторія *Русскаго государства*» ****).

Но какъ же мирится съ этимъ только что приведенное выше утвержденіе Полевого, что восточный общественный строй отличается отъ западнаго

---

*) *Ист. русск. нар.*, т. II, стр. 23—40. Ср. т. III, стр. 16, 20—21.

**) *Ист. русск. нар.*, т. V, стр. 10, 13; т. VI, стр. 11. Уже въ предисловіи (т. I, стр. XXX) Полевой признаетъ, что самое „измѣненіе Россіи, по идеямъ и по понятіямъ Европы", со времени Петра „ознаменовано первобытнымъ типомъ".

***) *Ист. русск. нар.*, т. I, XXVIII.

****) Какъ видимъ, названіе сочиненія *Исторіей русскаго народа* означало у Полевого лишь отрицаніе государственнаго единства древней Руси, и, слѣдовательно совсѣмъ не имѣло такого смысла, какъ часто думаютъ знакомые съ этою книгой по одному заглавію.

принципомъ «единовластія»? Мы видѣли, что Полевой считаетъ этотъ принципъ заимствованнымъ отъ Византіи, но въ то же время онъ находитъ его сроднымъ самому характеру славянъ и выводитъ изъ «азіатскаго» источника. «Образъ правленія патріархальный, ведущій къ единодержавію», представляется ему даже однимъ изъ доказательствъ любимой его мысли объ «индійскомъ происхожденіи славянъ» *). Такимъ образомъ, «единодержавіе» въ зародышѣ существуетъ уже въ самомъ началѣ исторической жизни. И это не только не противорѣчитъ воззрѣніямъ Полевого, но даже даетъ ему возможность найти въ основѣ русской исторической эволюціи то единство идеи, которое требуется философской теоріей. Онъ постоянно помнитъ, что «только непрерывнымъ преслѣдованіемъ главной идеи въ жизни народа исторія его дѣлается понятна и ясна» **). Этой главной идеей и становится для Полевого развитіе единовластія. Вся разница съ защитниками старой схемы заключается только въ томъ, что тѣ считаютъ единовластіе вполнѣ развитымъ уже въ началѣ исторической жизни, тогда какъ Полевой утверждаетъ, что «единовластіе не могло *съ тѣхъ временъ* установиться на Руси», и слѣдитъ за его постепеннымъ развитіемъ. Исходною точкой этого развитія служитъ утвержденіе на Руси норманнскаго «феодализма», т.-е. управленія посредствомъ дружинниковъ, болѣе или менѣе независимыхъ отъ князя-пришельца. Этотъ феодализмъ являлся отрицаніемъ «единовластія», и первые шаги князей должны были заключаться въ борьбѣ съ нимъ и въ замѣнѣ его другой системою. Такою системой явилось управленіе посредствомъ родственниковъ,—*система удѣловъ*, обладаемыхъ членами одного семейства, подъ властью старшаго вродѣ—*феодализмъ семейный*». Система удѣловъ явилась, такимъ образомъ, «необходимою ступенью, составлявшей переходъ отъ феодализма къ монаріи»; она была первымъ торжествомъ единовластія, къ которому сознательно стремились и Ольга, и Владиміръ Святой, и Ярославъ Мудрый. Понятно, какъ странно и «несправедливо» обвинять Владиміра и Ярослава «въ политической ошибкѣ»—въ раздѣлѣ Руси между сыновьями. Это была, по обстоятельствамъ времени, вовсе не ошибка, а вполнѣ цѣлесообразное политическое мѣропріятіе. «Феодализмъ вездѣ переходилъ въ систему удѣловъ, гдѣ монархія могла побѣждать его» ***). Такимъ образомъ, совершенно напрасно «донынѣ каждый русскій историкъ долгомъ почиталъ ужаснуться и погоревать послѣ смерти Ярослава». Думать, подобно Карамзину, что «древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе»,—значитъ вовсе не понимать хода русской исторіи. Первый періодъ этой исторіи не былъ періодомъ «могущества»; поэтому и второй нельзя считать періодомъ упадка. «Отличіе періода удѣловъ замѣчательно не излишествомъ бѣдствій, но особеннымъ противъ перваго періода ходомъ дѣлъ». Въ общемъ ходѣ русской исторіи онъ былъ не регрессомъ, а шагомъ впередъ. «Сей періодъ былъ

*) *Ист. р. нар.*, т. I, стр. 67 (2-е изд.).

**) *Ист. р. нар.*, т. VI, стр. 14.

***) *Ист. р. нар.*, т. II, стр. 37—38. Ср., т. I, стр. 275.

необходимъ для развитія жизненныхъ силъ по всѣмъ землямъ русскимъ,—силъ, сосредоточивавшихся до смерти Ярослава только въ Кіевѣ и Новгородѣ». Онъ «развился въ строгихъ, неизмѣняемыхъ, изъ самаго начала русскаго народа происшедшихъ условіяхъ, по коимъ Провидѣніе всегда правитъ судьбы царствъ и народовъ» *). «Пусть,—думали руссы XII столѣтія,—что послѣ смерти Ярослава самыя небесныя знаменія возвѣщали бѣдствія и ужасы. Немного надобно вниманія, если пожелаемъ видѣть, что первобытная исторія Руси приготовила» наступленіе періода удѣловъ. «Могло ли быть все это иначе? Никакъ: безполезна и ничтожна была бы исторія, еслибъ она не показывала намъ, что каждое изъ событій иначе быть не могло. Могъ ли варягъ понимать благость другого правленія, кромѣ феодальной? Могъ ли великій князь русскій не дѣлить областей сыновьямъ, чтобы задушить черезъ то феодализмъ? Состояніе общественности, духъ времени, образъ мыслей и понятій, географическія подробности, современныя событія въ странахъ окружавшихъ Русь должны были произвести именно то, что было на Руси» **).

Объяснивъ, такимъ образомъ, происхожденіе «семейнаго феодализма», Полевой продолжаетъ руководиться своей общей идеей—органическаго, постепеннаго и необходимаго развитія—и въ изображеніи дальнѣйшихъ судебъ удѣльной системы. «Прошедшее всегда чревато настоящимъ, какъ настоящее будущимъ; въ природѣ нравственной, также какъ и въ физической, нѣтъ перерывовъ». «Ничто не уничтожается, въ полномъ смыслѣ этого слова: все совершаетъ только переходы или измѣняется. Измѣненія... всегда бываютъ постепенны. Но, соображая двѣ крайнія точки переходовъ и измѣненій, мы видимъ такую разницу, что говоримъ о первой точкѣ бытія по отношенію къ послѣдней: она уничтожилась» ***). Исходною точкой удѣльнаго періода была «особенная система удѣловъ, составлявшихъ вмѣстѣ *нѣчто цѣлое*». Послѣднимъ результатомъ этого періода «явилась самобытная жизнь частей» ****). Видя ближайшую причину этой перемѣны въ «униженіи достоинства великаго князя», Полевой сосредоточиваетъ все вниманіе на исторіи междукняжескихъ отношеній и по многимъ своимъ наблюденіямъ въ этой части своей работы онъ является непосредственнымъ предшественникомъ органическихъ взглядовъ Соловьева и Кавелина. Изучая его фактическій разсказъ, невольно приходишь къ заключенію, что въ ближайшемъ поколѣніи ученыхъ *Исторію русскаго народа* гораздо больше читали, чѣмъ цитировали.

Первоначальную власть великаго князя Полевой изображаетъ очень близко къ родовой теоріи. Великій князь «преслѣдовалъ несправедливость и помогалъ обиженному. По его вѣдѣнію удѣльные князья должны были помогать другъ другу въ войнахъ. Онъ могъ лишить удѣла за неповиновеніе,

*) *Ист. р. нар.*, т. II, стр. 9—11, 277; т. III, стр. 7.
**) *Ист. р. нар.*, т. II, стр. 284—286.
***) *Ист. р. нар.*, т. II, стр. 19; т. V, стр. 14.
****) *Ист. р. нар.*, т. II, стр. 57; т. III, стр. 12—13.

могъ и перемѣнить удѣлы, но съ общаго согласія всѣхъ князей. Важнѣйшее условіе сего союза состояло въ томъ, что *старшій въ родѣ* долженствовалъ быть всегда великимъ княземъ. Посему *не сынъ* великаго князя наслѣдовалъ сей титулъ, но *братъ*; послѣ смерти братьевъ одного поколѣнія вступалъ на великое княженіе *старшій сынъ* старшаго изъ умершихъ братьевъ» *). Какъ извѣстно, первымъ ударомъ, нанесеннымъ этой системѣ, было, по родовой теоріи, исключеніе изъ старшинства—потомковъ братьевъ, не достигшихъ великокняжескаго престола (такъ называемыхъ «изгоевъ»). Полевой настойчиво указываетъ на факты, обнаруживающіе это явленіе; онъ только не даетъ имъ общаго названія. Въ то время, какъ Карамзинъ толкуетъ еще о трогательномъ единодушіи сыновей Ярослава, Полевой уже отмѣчаетъ, какъ постепенно накопляется горючій матеріалъ для усобицъ между его внуками. Онъ указываетъ на то, что въ періодъ «счастливой тишины» (по Карамзину) «три рода княжескія были обдѣлены дядями», что эта «явная несправедливость и преступленіе противъ порядка» вскорѣ опять повторилась и «еще одинъ родъ княжескій» былъ «исключенъ изъ числа князей русскихъ». Онъ даже предвосхищаетъ извѣстное Соловьевское наблюденіе, что Тмутаракань сдѣлалась «прибѣжищемъ обдѣленныхъ князей» **). Открывъ, такимъ образомъ, впервые истинный характеръ отношеній между сыновьями и внуками Ярослава, Полевой съ тою же проницательностью отмѣчаетъ и измѣненіе междукняжескихъ отношеній при потомкахъ Мономаха, къ которому онъ весьма не благоволитъ. Мономахъ «перенесъ систему наслѣдованія великаго княжества въ свой родъ». Это ограниченіе старшинства Мономаховымъ родомъ было вторымъ ударомъ, нанесеннымъ «семейному феодализму». *Мономаховичи сдѣлались причиной того, что уставъ наслѣдія разрушился* и... понятіе о *законности по старшинству* уничтожилось въ мнѣніи народномъ, только сила или удача рѣшали участь великаго княжества». Такимъ образомъ, «усиленіе дома Мономаховъ было первою причиной распаденія частей: потеряно было равновѣсіе» и «части феодальнаго государства, учрежденнаго Ярославомъ, совершенно распадались». «Хотя еще средоточіе ихъ, великое княжество, привлекало къ себѣ и соединяло сіи разрозненныя части, но онѣ видимо начинали жить своимъ отдѣльнымъ бытіемъ». «Система удѣловъ русскихъ совершенно потеряла свой первобытный характеръ» ***). Однако же, «мысль о великомъ княжествѣ» не могла исчезнуть сразу, и Полевой отмѣчаетъ послѣ смерти Юрія Долгорукова борьбу старой системы съ новой. «Старая система—преобладаніе надъ другими посредствомъ великаго княжества—занимала умы князей, принадлежавшихъ къ старому поколѣнію». Новая

*) *Ист. р. нар.*, т. II, стр. 84 — 86. Курсивъ въ подлинникѣ. „Откуда взялось право выбора старшаго въ родахъ княжескихъ на великое княженіе? — спрашиваетъ Полевой въ примѣчаніи и отвѣчаетъ: кажется, это былъ одинъ изъ коренныхъ законовъ русскихъ княжествъ".

**) *Ист. р. нар.*, т. II, стр. 295, 309, 311, 337.

***) *Ист. р. нар.*, т. II, стр. 418—419.

система «вела князей къ образованію отдѣльныхъ сильныхъ княжествъ; она сдѣлалась ясною для поколѣнія, къ коему принадлежитъ Андрей Боголюбскій». Ко времени нашествія монголовъ эта система восторжествовала. «Связь русскихъ княжествъ расторглась совершенно»; послѣдніе полвѣка передъ татарскимъ завоеваніемъ «были годами разрушенія, совершеннаго паденія русскихъ княжествъ»; «все было раздѣлено, все было частно» *).

Мы помнимъ, что по старой схемѣ монгольскій періодъ самъ собой вытекалъ изъ удѣльнаго. Онъ представлялся слѣдствіемъ «политической ошибки»—раздѣленія Руси и княжескихъ междоусобій. Полевой съ обычною рѣшительностью возстаетъ и противъ этого объясненія, которое оставляетъ мѣсто сожалѣніямъ и печалованіямъ. «Если бы Россія была единодержавнымъ государствомъ,—говоритъ Карамзинъ,—то она спаслась бы, вѣроятно, отъ ига татарскаго». Главною причиной ига оказывается, такимъ образомъ, то обстоятельство, что русскіе князья не хотѣли соединиться для отраженія татаръ. «Необходимо и здѣсь начать наше повѣствованіе опроверженіемъ,—заявляетъ Полевой.—Та же необходимость событій, какая раскрылась передъ нами въ удѣльномъ періодѣ, раскроется для насъ и въ послѣдовавшемъ затѣмъ періодѣ монгольскаго владычества надъ землями русскими». Если «необходимость» удѣльнаго періода выводилась Полевымъ изъ внутренней, органической связи русскаго общественнаго развитія, то «необходимость» монгольскаго ига объясняется для него всемірно-историческимъ сцѣпленіемъ событій. «Не простирая взора за предѣлы Руси,—какимъ-то *отвратимымъ* зломъ почитали (прежніе историки) сіи бѣдствія и горевали о судьбѣ Руси, увѣренные, что безъ междоусобій удѣльные Руссы могли бы разбить полчища монголовъ и отвратить грозу власти ихъ». Такъ смотрѣли на дѣло и современники татарскаго нашествія: «но мы, потомки отстрадавшихъ праотцевъ, съ безстрастіемъ разсматривая прошедшіе вѣка ихъ», должны смотрѣть шире и видѣть дальше. «Сіе движеніе человѣческихъ обществъ было ужасно, какъ ужасны буря, потопъ, землетрясеніе»; вся Азія всколыхнулась и «думать, что сила какого-нибудь Юрія или хитрость какого-нибудь Даніила могли отвратить сію грозу отъ земель русскихъ,—при переворотѣ всемірномъ не стараться узнавать въ прошедшемъ тайнъ человѣчества въ настоящемъ и будущемъ, скорбя только объ участи погибшихъ нашихъ праотцевъ,—было бы несообразно съ великимъ назначеніемъ исторіи». И Полевой старается разборомъ внутренней исторіи азіатскихъ переворотовъ «доказать неосновательность мнѣнія, будто нашествіе монголовъ было отвратимымъ зломъ». По его мнѣнію, даже Европа не могла бы оказать монголамъ достаточнаго сопротивленія, еслибы они захотѣли завоевать ее. Напрасно, поэтому, утверждать, будто Россія спасла Европу отъ монголовъ. «Конечно, не робость, не опасеніе неуспѣха удержали на Волгѣ сына Дмитріева. Силъ у него достало бы сломить Западную Европу». Но онъ былъ удержанъ собственными интересами въ

*) *Ист. р. нар.*, т. III, стр. 24—25, 105, 113; т. IV, стр. 17.

Азіи. Это же удержало татаръ и отъ окончательнаго порабощенія самой Россіи. «Что могло привлекать ихъ въ отдаленный, бѣдный сѣверъ, покрытый лѣсами и болотами, когда политическія выгоды требовали сторожи Востока, и когда властители бѣднаго, мрачнаго сѣвера покорствовали имъ, трепетали словъ ихъ?» Итакъ, Европа тѣмъ была спасена отъ Азіи, что... царство Чингисово образовалось по законамъ азійскихъ завоевательныхъ государствъ *).

Помимо всемірно-исторической необходимости татарскаго завоеванія, Полевой указываетъ также и внутреннюю необходимость его для самой Россіи; но на этотъ разъ его указанія имѣютъ другой характеръ, чѣмъ прежде. «Онъ былъ необходимъ, сей періодъ, необходимъ по таинственнымъ судьбамъ Провидѣнія, для того, чтобы переживъ оный, Русь явилась *самобытнымъ* государствомъ въ ряду другихъ государствъ». Въ періодъ удѣловъ «мы видѣли какое-то распаденіе цѣлости народной, какое-то стремленіе частностей къ самобытному образованію. Въ періодъ владычества монгольскаго найдемъ совсѣмъ другой порядокъ дѣйствій...; самобытныя частности будутъ исчезать постепенно...; въ одномъ мѣстѣ дѣйствій сохранится остатокъ древней Руси; все будетъ стремиться къ сему остатку прежняго, или, такъ сказать, къ сему зародышу новаго... Провидѣніе явитъ тамъ людей сильныхъ духомъ;... всѣ прежнія частности Руси постепенно будутъ ими соединяемы, а по глаголу Бога раздѣлятся воды отъ суши и будетъ свѣтъ—возстанетъ изъ русскихъ мелкихъ княжествъ великое Россійское государство». Почему все это такъ будетъ, мы не узнаемъ отъ автора. Вмѣсто объясненій начинаютъ все чаще встрѣчаться въ *Исторіи русскаго народа* ссылки на «Провидѣніе, умудряющее слѣпца, ведущее и слабыхъ и безсильныхъ къ величію». Правда, и въ этой части сочиненія Полевого встрѣчаются интересныя попытки отмѣтить постепенность и внутреннюю связь различныхъ моментовъ развитія государственности. Онъ указываетъ, наприм., какъ поколѣніе князей, ограничивавшихся рабскою покорностью передъ ханами, смѣнилось другимъ поколѣніемъ, начавшимъ эксплуатировать орду въ интересахъ усиленія собственной власти; какъ старая идея великаго княжества окончательно погибла и смѣнилась новымъ порядкомъ, при которомъ «выигрывали не родъ, не право, но сила и умъ»; какъ это господство сильнаго и ловкаго, при полномъ игнорированіи права и нравственности, «сдѣлалось причиной» поочереднаго усиленія «Переяславля, Твери и Москвы» **). Но рядомъ съ этимъ Полевой не устаетъ удивляться, «какъ чудно все устремлено было къ великой цѣли въ будущемъ», какъ кстати, «Провидѣнію угодно было сдѣлать именно Москву» мѣстопребываніемъ Калиты, надѣлить московскихъ князей долголѣтіемъ и обдѣлить ихъ чадородіемъ ***). Онъ повторяетъ, попреж-

*) *И. р. н.* т. IV, стр. 7—15, 94—104, 157, 160—161, 164—170; т. V, стр. 10.
**) *И. р. н.* т. IV, стр. 245, 251—253.
***) *И. р. н.* т. IV, стр. 310; т. V, стр. 23. 405; т. VI, стр. 14—18, 22—28.

нему, при случаѣ, что «новый, опять необходимый періодъ исторіи русской долженствовалъ произойти, какъ прежде, изъ самой сущности дѣлъ»; но читателю приходится уже вѣрить ему на слово *). Интересъ автора къ своему произведенію видимо слабѣетъ, по мѣрѣ того, какъ истощаются тѣ поправки, которыя онъ можетъ сдѣлать къ старой схемѣ съ помощью новыхъ философскихъ воззрѣній. По мѣрѣ того, какъ усиливается и торжествуетъ единодержавіе, взгляды Полевого все ближе и ближе подходятъ къ опровергаемой имъ схемѣ и, наконецъ, становятся вполнѣ съ ней тожественными. *Исторія русскаго народа* естественно кончается тамъ, гдѣ начинается исторія Русскаго *государства*. Эти внутренніе мотивы, какъ намъ кажется, еще лучше объясняютъ прекращеніе *Исторіи*, чѣмъ враждебный пріемъ первыхъ трехъ томовъ ея со стороны журнальной критики **).

Подводя итоги нашего разбора *Исторіи русскаго народа*, мы должны признать, что поправки Полевого, дѣйствительно, дѣлаютъ старую схему несравненно болѣе соотвѣтствующей новымъ понятіямъ о задачахъ исторической науки, чѣмъ она была прежде. Мы видѣли, какъ все личное, случайное устраняется Полевымъ изъ объясненій русской исторіи. Вмѣсто ряда ошибокъ, поведшихъ къ ряду бѣдствій и исправленныхъ возстановленіемъ исконнаго на Руси единодержавія, мы начинаемъ видѣть въ нашей исторіи рядъ періодовъ, необходимо слѣдующихъ одинъ за другимъ и неизбѣжно вытекающихъ изъ даннаго состоянія общества и изъ всемірно-историческихъ событій. Но этой подстановкой стихійныхъ мотивовъ вмѣсто личныхъ и ограничивается значеніе взгляда Полевого. Если и признать, что Полевому удалось въ значительной степени объяснить появленіе очереднаго княжескаго владѣнія и переходъ его въ отдѣльную княжескую собственность,—то и въ этомъ случаѣ основной идеей, руководившей его объясненіями, остается развитіе единовластія, т.-е. основа схемы, при всей значительности передѣлки, остается прежняя: исторія общества характеризуется исторіей власти. Но и исторія власти, какъ мы замѣтили, становится у него чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе удовлетворительной, пока, наконецъ, онъ не впадаетъ въ тотъ самый тонъ, за который такъ основательно порицалъ Карамзина.

Таковы результаты, полученные Полевымъ съ цѣлью *закономѣрнаго* объясненія русскаго историческаго процесса. Но современниковъ, раздѣлявшихъ теоретическіе взгляды Полевого, гораздо болѣе интересовали его выводы съ точки зрѣнія *всемірно-исторической*. Въ этомъ отношеніи попытка, сдѣланная *Исторіей русскаго народа*, кончилась полнѣйшею неудачей. Развитіе единовластія если и сообщало нѣкоторое единство и цѣльность общему ходу русской исторіи, то во всякомъ случаѣ не годилось

*) *И. р. н.* т. VI, стр. 24.

**) *Исторія русскаго народа* остановилась на 6-мъ томѣ, кончающемся переломомъ въ царствованіи Грознаго. Описаніе послѣдующаго царствованія Грознаго издано за-границей.

въ качествѣ основного начала, внутренней идеи, которая бы дала русской исторіи искомый всемірно-историческій смыслъ. На главный вопросъ, поставленный новою теоріей,—въ чемъ заключается всемірно-историческая роль русскаго народа,—Полевой былъ безсиленъ отвѣтить. Его широкіе планы поставить русскую исторію въ связь съ всемірной—разрѣшились, въ концѣ-концовъ, простыми синхронистическими сопоставленіями, разъяснявшими, въ лучшемъ случаѣ, только то, «какъ дѣйствія на Руси, повидимому отдѣльныя, были слѣдствіями или причинами событій, въ другихъ странахъ совершившихся» *). Но историческая роль Россіи въ «человѣчествѣ» оставалась, какъ мы видѣли, и послѣ *Исторіи русскаго народа*—загадкой.

Гораздо настойчивѣе Полевого стремится къ разрѣшенію этой загадки Погодинъ. Только въ этомъ смыслѣ онъ и можетъ считаться пошедшимъ дальше Полевого въ приложеніи новыхъ воззрѣній къ русской исторіи. Что же касается попытокъ закономѣрнаго объясненія,—въ этомъ отношеніи онъ стоитъ, какъ сейчасъ увидимъ, несравненно ниже Полевого.

Послѣ всего сказаннаго ранѣе нѣтъ надобности объяснять, почему въ нашемъ изложеніи оба непримиримые врага, литературные и ученые, оказались стоящими рядомъ. Оба исходятъ изъ одинаковыхъ философско-историческихъ взглядовъ; оба во имя этихъ взглядовъ начинаютъ рѣзкимъ протестомъ противъ карамзинской схемы, и оба, принявшись строить свою собственную схему, останавливаются на полдорогѣ. Въ шеллингистскомъ кружкѣ, къ которому принадлежитъ Погодинъ, философскія познанія Полевого цѣнились, правда, очень низко. Послѣдователи цѣльной нѣмецкой метафизики съ пренебреженіемъ отзывались о самоучкѣ, познакомившемся съ нею изъ французскихъ переложеній и увлекшемся, вслѣдствіе этого, эклектизмомъ Кузена. Но къ подлиннымъ источникамъ не было надобности и прибѣгать, чтобъ узнать новыя философско-историческія идеи *не хуже* Погодина и чтобы воспользоваться ими *лучше* его. Мы знаемъ, что философія исторіи шеллингизма успѣла уже сдѣлаться общимъ мѣстомъ къ тому времени, когда начали писать объ этомъ Полевой и Погодинъ. Не мудрено, что эти понятія у обоихъ оказались почти тожественными. Не ново было въ то время и отрицательное отношеніе къ карамзинской исторической схемѣ,—особенно къ изображенію въ ней древнѣйшаго періода русской исторіи. Такая близость исходныхъ точекъ зрѣнія сдѣлала Погодина особенно ревнивымъ къ ученому соперничеству Полевого. Онъ заботливо оберегалъ отъ него тѣ мысли, которыя считалъ «своими», и, узнавъ объ изданіи *Исторіи русскаго народа*, не могъ воздержаться, чтобы не выразить своей досады. «Мои мысли у него о первомъ періодѣ. Что дѣлать съ разбойникомъ! Я издалъ бы прежде,—помѣшали мнѣ»**).

*) *И. Р. Н.* т. I, стр. XLV.

**) *Барсуковъ*, т. II, стр. 336. Когда читалъ Полевой въ обществѣ исторіи и древностей свой рефератъ о собственныхъ именахъ въ договорахъ, Погодинъ безцеремонно остановилъ, заявивъ свой пріоритетъ и на выводы и даже на самую тему.

Прошло сорокъ лѣтъ со времени выхода первыхъ томовъ *Исторіи* Полевого. Погодинъ издалъ, наконецъ, и свою, давно ожидаемую, *Русскую Исторію*. И что же? На послѣднихъ страницахъ этого послѣдняго своего труда по древнѣйшему періоду онъ вернулся къ Карамзину *), тогда какъ *Исторія русскаго народа* приготовляла путь Соловьеву. Оба историка остановились на распутьи отъ стараго къ новому; но въ то время какъ Полевой почти доходилъ до органическаго взгляда историко-юридической школы, Погодинъ кончилъ свои размышленія неудачными попытками приспособиться если не ко взглядамъ, то по крайней мѣрѣ къ терминологіи славянофильства.

Какъ могъ выйти такой конецъ изъ такого начала? Одинъ изъ предшествующихъ критиковъ Погодина объяснялъ это быстрымъ движеніемъ науки, оставившей устарѣлаго ученаго далеко позади. «Всему виной время. Оно шло такъ быстро..., что Погодинъ не узналъ въ своихъ послѣдователяхъ продолжателей его же дѣла и испугался крайнихъ послѣдствій, выведенныхъ изъ критики карамзинскаго воззрѣнія». Вотъ почему онъ, «который еще такъ недавно былъ во главѣ новаго поколѣнія и велъ его противъ старой школы, теперь (1846 г.) уже является защитникомъ стараго противъ новаго и стоитъ на сторонѣ Карамзина, котораго недостатки онъ открывалъ и обличалъ такъ основательно и дѣльно» **). Матеріалы, опубликованные современнымъ біографомъ Погодина, даютъ намъ возможность отчетливѣе представить себѣ эту перемѣну. Дѣло въ томъ, что она далеко не была такъ значительна, какъ могло представляться Кавелину: тѣ архаическія черты, появленіе которыхъ критикъ отмѣчаетъ съ середины ученой карьеры Погодина, существовали уже въ самомъ ея началѣ ***).

Ibid. т. I, стр. 313. Послѣ одного разговора въ частномъ обществѣ онъ записываетъ: „Жалѣю, что Полевому сказалъ много дѣльнаго, которымъ сей воспользуется". Т. II, стр. 181.

*) *Древняя русская исторія до монгольскаго ига*, т. II, М. 1871 г., стр. 783: „между тѣмъ какъ духовная жизнь возвышалась и процвѣтала, пшеница Божія множилась на угобзенной нивѣ, впродолженіе двухъ сотъ лѣтъ по принятіи христіанства,—государственное устройство, утвержденное и возвеличенное единодержавіемъ, впродолженіе норманскаго періода, ослабѣвало постепенно, вслѣдствіе умноженія князей и раздробленія княжествъ, и наконецъ очутилось на краю гибели". Справедливость требуетъ прибавить, что въ *Русской исторіи* мирно уживаются обрывки самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, такъ что цитированная фраза не столько свидѣтельствуетъ о карамзинскихъ взглядахъ Погодина, сколько объ отсутствіи всякаго опредѣленнаго и выдержаннаго взгляда.

**) *Кавелинъ*, „Сочиненія", т. II, стр. 113,

***) Кавелинъ основывается, въ своемъ изображеніи смѣны погодинскихъ взглядовъ на хронологіи статей Погодина, какъ онѣ датированы въ I томѣ *Историко-критическихъ отрывковъ*. Онъ не могъ знать исторіи этихъ статей, какъ она выясняетъ изъ дневника Погодина, и принужденъ былъ положиться на „выставленные подъ разсужденіями" Погодинымъ „годы перваго ихъ напечатанія" и на его утвержденіе, что всѣ статьи „напечатаны въ томъ видѣ, какъ онѣ первоначально были напечатаны". Насколько новыя свѣдѣнія измѣняютъ дѣло, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Ст...

Мы говорили также, что уже въ свои философско-историческія размышленія двадцатыхъ годовъ Погодинъ внесъ своеобразныя черты, навсегда оставшіяся особенностью его «высшихъ взглядовъ». Источникъ этой своеобразности заключается, какъ намъ кажется, въ грубомъ злоупотребленіи сравненіями и уподобленіями,—сравненіями между разными народами и эпохами, уподобленіями между явленіями самыхъ различныхъ областей науки. Если шеллингистская натурфилософія злоупотребляла подобными сопоставленіями, то она имѣла, по крайней мѣрѣ нѣкоторое оправданіе въ своей основной аксіомѣ—объ однообразіи внутренней структуры всѣхъ вещей, о безконечномъ и все болѣе совершенствующемся воспроизведеніи основныхъ элементовъ и типовъ міросозданія (см. выше). Но, по мѣрѣ осложненія этихъ основныхъ типовъ, и тамъ сравненія дѣлались чѣмъ дальше, тѣмъ рискованнѣе и произвольнѣе. Понятно, что въ шеллингистской *философіи исторіи* произвольность эта достигла высшей степени; а въ рукахъ такого сомнительнаго энциклопедиста, какъ Погодинъ, сопоставленія прямо приняли характеръ какой-то смѣхотворной пародіи. *Исторіи государствъ идутъ параллельными линіями;* изъ этого положенія топорность мысли Погодина немедленно выведетъ вопросы: нельзя ли для каждаго государства отыскать человѣка или учрежденіе предназначенное для одной и той же цѣли? Въ Римѣ языческомъ были консулы, а въ Римѣ христіанскомъ что имъ будетъ соотвѣтствовать? Рыцари духовныхъ орденовъ! Въ древней исторіи многобожіе соотвѣтствовало многовластію (республикѣ),—не соотвѣтствуетъ ли въ новой единобожіе—единовластію? Въ Азіи есть Китай, въ Африкѣ ему соотвѣтствуетъ Египетъ,—а что должно соотвѣтствовать

О характерѣ Ивана Грознаго, датированная 1825 г., послужила Кавелину матеріаломъ для характеристики первоначальнаго, *свѣжаго* направленія Погодина. Статья *Параллель русской исторіи съ исторіей западно-европейскихъ государствъ относительно начала*, помѣченная 1845 г., послужила основаніемъ для изображенія осталости Погодина въ это время. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, первая статья, задуманная, правда, еще въ 1821 г. (*Барсуковъ*, т. I, стр. 113), осуществлена и въ первой редакціи лишь въ 1829 г., а въ позднѣйшей (съ прибавкой всей первой большой половины) въ 1833 г., и въ *послѣднемъ* видѣ напечатана въ *Отрывкахъ*. (Характеристика Полевого появилась въ этомъ же году). Напротивъ, *Параллель* задумана еще въ 1828 г. подъ вліяніемъ Кирѣевскаго (*Барс.* т. II, стр. 189: „К.“ разсказывалъ мнѣ планъ большого сочиненія своего о формѣ философіи для Россіи. Съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его. Во мнѣ зажглось желаніе написать отличительныя черты россійской исторіи, которыя должны примѣняться къ его сочиненію“. Ср., Ibid. 104); Погодинъ „писалъ на лоскуткахъ и складывалъ въ одно мѣсто и не замѣчалъ, какъ они копились“; а въ 1845 г. „какъ сталъ ихъ собирать и низать на нитки, такъ самъ удивлялся“, „былъ въ восторгѣ“ и нашелъ свои замѣчанія „драгоцѣнными“, а статью рѣшилъ „разослать къ членамъ государственнаго совѣта, умѣющимъ грамотѣ (*Барс.* т. VIII, стр. 114). Замѣтимъ, что Погодинъ вообще не легко разставался съ разъ придуманными фразами и любилъ ихъ повторять по нѣсколько разъ въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ. Въ *Русской исторіи* 1871 г. можно найти статьи 30-хъ годовъ, перепечатанныя въ неизмѣнномъ видѣ, а отдѣльные „афоризмы“ восходятъ даже за полвѣка ранѣе—къ двадцатымъ годамъ. Потому-то такъ много разнохарактернаго и противурѣчиваго скопилось въ этой книгѣ.

тому и другому въ Европѣ? «Христіанство введено вездѣ черезъ женщинъ. Но это, скажутъ, случай! Да, случай, одинокій. А одинокій, случай, есть законъ». Міръ сотворенъ въ шесть дней; но нравственный міръ управляется законами параллельными физическимъ; и такъ, «для нравственнаго міра (исторіи) есть свои шесть дней творенія: какой нынѣ день у насъ, въ мірѣ, въ томъ или другомъ государствѣ?» Событія, подобно животнымъ и растеніямъ, выростаютъ изъ своего сѣмени и даютъ плодъ. «Вотъ всѣ зерна,—они очень похожи между собою, но изъ одного вырастетъ дубъ, а изъ другого—пальма: такъ въ сходныхъ началахъ государствъ заключаются зародыши ихъ будущихъ видоизмѣненій». Гдѣ же искать зародышей государства? во Франціи—Парижъ, въ Пруссіи—Бранденбургъ, въ Россіи—Москва (скоро Погодинъ скажетъ: Рюрикъ и его династія). Такова почва, на которой создавались представленія Погодина объ общемъ ходѣ русской исторіи. Понятно, что нѣтъ ничего болѣе противоположнаго идеѣ закономѣрности, какъ это вызываніе отдѣльныхъ частностей изъ самыхъ разнородныхъ контекстовъ для цѣлей параллелизма. «Всякое событіе можно вырвать изъ общей цѣпи...; можно расковать всю цѣпь и отдѣлить кольца ея одно отъ другого», и разложить ихъ параллельно другимъ событіямъ изъ исторіи, изъ ботаники или зоологіи. Цѣль, слѣдовательно, достигнута, когда уподобленій найдено какъ можно больше. Итакъ—приступаемъ къ русской исторіи. «Европу можно раздѣлить исторически на двѣ главныя половины: западную и восточную. Первою возобладали племена нѣмецкія, во второй остались словенскія. Первая завоевана, вторая—занята. Въ первой пришлецы и туземцы; во второй—только туземцы. Въ первой феодализъ, во второй—удѣлы. Первая получила христіанскую вѣру изъ Рима, вторая—изъ Константинополя. По раздѣленіи церкви, первая осталась за папой, вторая—за патріархомъ. Государства западныя основаны на развалинахъ западной Римской имперіи, восточныя составились изъ областей—восточной, и странъ, прилежавшихъ къ ней. Въ государствахъ западныхъ исторія начинается преимуществомъ духовной власти надъ свѣтскою, въ славянскихъ искони духовная власть подчинялась государямъ, какъ и въ Константинополѣ». Далѣе, на Западѣ крестовые походы, а въ Россіи монгольское иго; на Западѣ реформація, въ Россіи Петръ Великій, и т. д. Многія изъ этихъ сравненій мы встрѣтимъ и у Полевого; но Полевой изъ каждаго сравненія старается сдѣлать выводъ. А что слѣдуетъ изъ сравненій Погодина? Позднѣе онъ отвѣтитъ, какъ сумѣетъ на этотъ вопросъ, приведя въ нѣкоторый порядокъ свою «параллель» съ помощью славянофиловъ; но теперь онъ умѣетъ сказать только одно: изъ этого слѣдуетъ,—или лучше, это слѣдуетъ изъ того,—что разныя исторіи, также какъ и произведенія природы, дѣлятся на роды и виды, по родовому сходству и по видовымъ различіямъ. Но гдѣ же причинная связь всѣхъ этихъ сходствъ и различій? Связь открывается именно въ параллелизмѣ и черезъ посредство параллелизма: чѣмъ больше параллельныхъ точекъ, тѣмъ несомнѣннѣе единство внутренней структуры; причины же этого единства скрыты отъ насъ

полное понятіе «связи и хода происшествій» есть понятіе объ «управленіи Божіемъ»— и едва ли доступно человѣку *).

Здѣсь мы подходимъ къ другой коренной чертѣ погодинской философіи исторіи. Закономѣрность и не нужна ему, въ сущности, потому что она замѣняется у Погодина цѣлесообразностью. Все происшедшее, съ этой точки зрѣнія, должно было быть такъ, какъ было; а такъ какъ Погодинъ уже раздѣлилъ всю цѣпь событій на отдѣльныя частности, то и всѣ эти частности долженствовали случиться, и въ своевременномъ появленіи Погодинъ видитъ воздѣйствіе свыше. Такимъ образомъ, теорія закономѣрности превращается въ полную противоположность себѣ: появленіе каждаго новаго кольца въ цѣпи есть новое чудо. И этого мало. Въ первомъ толчкѣ уже предусмотрѣнъ, какъ въ зародышѣ, послѣдній результатъ; поэтому, всѣ эти чудеса нужны исключительно для сохраненія зародыша въ его развитіи въ заранѣе предусмотрѣнный плодъ. Если Русское государство приняло то, а не другое направленіе, то причина должна, стало быть, заключаться въ качествахъ «сѣмени», «зародыша» Русскаго государства. Поэтому, чтобъ объяснить развитіе русской исторіи, Погодину нужно рѣшить только одно: какъ началось Русское государство.

Во всѣхъ этихъ «аѳоризмахъ» двадцатыхъ годовъ еще нѣтъ и намека на какую-нибудь установившуюся систему. Если въ нихъ и есть извѣстное единство, то это единство—источника, изъ котораго они заимствованы, и единство умственнаго склада, въ которомъ они преломились. Система начинаетъ складываться изъ того же, заранѣе припасеннаго, матеріала—не ранѣе тридцатыхъ годовъ. Поводомъ къ ея созданію была та перемѣна въ положеніи Погодина, о которой мы говорили раньше. Погодинъ сдѣлался оффиціальнымъ «защитникомъ историческаго православія» и посвятилъ свою спеціальную научную, а съ 1835 г. и профессорскую дѣятельность—реабилитаціи древнѣйшаго періода русской исторіи отъ «навѣтовъ скептиковъ», какъ тогда выражались. Въ это время (1835—1844), въ тѣсной связи съ профессорскими лекціями, было подготовлено Погодинымъ лучшее, что онъ сдѣлалъ для русской исторіи, его 7 томовъ *Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій*, остающихся до сихъ поръ незамѣнимымъ справочнымъ пособіемъ для занимающихся древнѣйшимъ періодомъ. Но это значеніе было пріобрѣтено *Изслѣдованіями* не благодаря присутствію теоретизирующей мысли, а, наоборотъ, благодаря ея полному отсутствію. Молодое поколѣніе ученыхъ совершенно основательно окрестило *Изслѣдованія* названіемъ «черновыхъ тетрадей» **). Какъ видно изъ *Русской Исторіи* 1871 года, Погодинъ до конца жизни остался вѣренъ тому взгляду на задачи ученаго

*) Всѣ примѣры и цитаты взяты изъ „Историческихъ аѳоризмовъ", восходящихъ, какъ мы знаемъ къ двадцатымъ годамъ. Послѣднее замѣчаніе сдѣлано въ 1821 г. (*Барсуковъ*, т. I, стр. 145).

**) Ср. *Бестужева-Рюмина*: „Біографіи и характеристики", стр. 256. Ср. также мою біографію Погодина въ *Исторической запискѣ о дѣятельности Импер. москов. археол. общества за первыя 25 лѣтъ существованія*. М., 1890 г.

изслѣдованія, какой мы встрѣчали въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ у Румянцева, у митрополита Евгенія и у самого Погодина въ эпоху студенчества. Простой пересказъ лѣтописи или внѣшняя, совершенно механическая систематизація лѣтописнаго содержанія по рубрикамъ—дальше этого Погодинъ не идетъ. Когда ему приходится разсматривать свое изложеніе, онъ или просто повторяетъ частности, или суммируетъ ихъ, называя это «математическимъ методомъ», или, наконецъ, какъ къ послѣднему рессурсу, прибѣгаетъ къ уподобленію, излюбленному пріему своихъ «афоризмовъ» *). Такимъ образомъ, и по складу ума и по характеру разъ усвоенныхъ воззрѣній на задачи науки, Погодину предстояло сдѣлаться очень полезнымъ черноработчимъ и сосредоточить всѣ свои силы на предварительной разработкѣ сырого матеріала. Онъ такъ и сдѣлалъ. Но для того, чтобы съ достоинствомъ поддерживать занятое имъ положеніе, ему нельзя было вовсе обойтись безъ «высшихъ взглядовъ». И онъ нашелъ эти взгляды въ арсеналѣ своихъ «афоризмовъ» и развивалъ ихъ все рѣшительнѣе, по мѣрѣ того, какъ выяснялась для него самого и для другихъ его оффиціальная роль. Въ концѣ 1830 г., по поводу польскаго возстанія, у Погодина явилась мысль «написать о правахъ Россіи на Литву и послать къ Бенкендорфу». Весной 1831 года эта мысль была осуществлена въ статьѣ *Историческія размышленія объ отношеніяхъ Польши къ Россіи*. Скоро Погодинъ получилъ отъ Бенкендорфа запросъ: «чего онъ желаетъ за статью о Польшѣ, которая читана и понравилась?» Первымъ движеніемъ Погодина было—оскорбиться. «Какъ, не считаютъ ли они меня продажнымъ? У меня опустятся руки теперь на статью объ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ **). Я говорилъ по внутреннему убѣжденію, а не изъ награды. Развѣ они не могли наградить безъ этого вопроса?» Но, затѣмъ, онъ нашелъ утѣшеніе въ томъ, что, значитъ, на него «не косо смотрятъ или, по крайней мѣрѣ, прямѣе». Наконецъ, онъ пришелъ къ заключенію: «но, вѣдь, предложеніе Бенкендорфа не такъ щекотливо, какъ кажется» ***). Черезъ десять лѣтъ, въ 1841 г., министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ предложилъ Погодину сдѣлаться директоромъ канцеляріи министровъ. Принявъ предложеніе, Погодинъ вызывался уже самъ—присоединить къ своимъ будущимъ служебнымъ обязанностямъ и слѣдующую: «приготовить нѣсколько молодыхъ людей на каѳедру русской исторіи, дать имъ одно направленіе, согласное съ намѣреніями правительства и, такимъ образомъ, надолго застраховать, сколько возможно, образъ мыслей и слѣдовательно дѣйствій будущихъ поколѣній» ****). Въ промежуткѣ Погодинъ былъ призванъ правительствомъ на каѳедру русской исторіи въ Московскомъ университетѣ съ пря-

*) Ср., наприм., сравненіе русской исторіи съ „рѣкой“ въ *Общемъ обозрѣніи* II т. *Русской Исторіи* (стр. 773–774).

**) Это упоминавшаяся ранѣе *Параллель*.

***) *Барсуковъ*, т. III, стр. 271—273.

****) *Барсуковъ*, т. VI, стр. 30.

мою цѣлью «начать новую эру» «въ духѣ православія, самодержавія и народности» *).

При такихъ условіяхъ Погодину пришлось, по необходимости, высказывать свои «высшіе взгляды» на ходъ русской исторіи. Всѣ почти статьи съ такими взглядами написаны «къ случаю». Такъ, «взглядъ на русскую исторію» (1832), поразившій Кавелина своимъ сходствомъ съ лекціями покойнаго Чеботарева,—читанъ, въ видѣ вступительной лекціи, въ присутствіи министра Уварова, который и остался очень доволенъ лекціей **). По желанію наслѣдника Погодинъ долженъ былъ написать ему затѣмъ «о важнѣйшихъ эпохахъ русской исторіи». Для этой цѣли онъ составилъ вступительное письмо, задержанное, впрочемъ, Строгановымъ по излишеству лирическихъ изліяній. По тому же поводу составлена была и статья о «формаціи государства», прочитанная въ томъ же году въ университетѣ въ присутствіи попечителя. Къ пріѣзду государя въ 1841 г. напечатана была статья *Приращеніе Москвы* ***).

Во всѣхъ этихъ «случайныхъ» статьяхъ русская исторія перестаетъ быть для Погодина предметомъ спеціальнаго изученія или простой научной популяризаціи: она становится предметомъ благоговѣйнаго удивленія или восторженнаго сердечнаго сочувствія. Исторіей всякаго народа руководитъ Провидѣніе, но русской исторіей въ особенности. Какъ велики, въ самомъ дѣлѣ, отличающія ее «достоинства». «Ни одна исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго». Сколько «случайныхъ» событій «долженствовали въ ней быть непремѣнно, чтобы россійская исторія получила тотъ видъ и характеръ, какой она имѣетъ». А какъ велика Россія! Сколько въ ней населенія! Какъ она разноплеменна! Сколько въ ней природныхъ богатствъ! Наконецъ, «что есть невозможнаго для русскаго государства?» «Одно слово, и цѣлая имперія не существуетъ, одно слово—стерта съ лица земли другая, слово — и вмѣсто нихъ возникаетъ третья отъ Восточнаго океана до Адріатическаго моря»! «Будущая судьба міра зависитъ отъ Россіи» и говоря словами Коляра, «не можетъ быть, чтобы такой великій народъ, на такомъ пространствѣ... не долженъ былъ сдѣлать ничего на пользу общую, Провидѣніе себѣ не противорѣчитъ. Все великое у него для великихъ цѣлей». Правда, «до сихъ поръ свѣтъ не видалъ словенъ на славной чредѣ», на которую исторія, «какъ будто на часы», высылаетъ народы, одинъ за другимъ, «служить свою службу человѣчеству». Но это-то и доказываетъ, что очередь теперь за ними, что «они должны выступить теперь на поприще, начать высшую работу для человѣчества и проявить благороднѣйшія его

---

*) Слова самого Погодина въ письмѣ къ попечителю гр. Строганову, и въ обращеніи къ посѣтившему его квартиру министру гр. Уварову. *Барсуковъ*, т. VIII стр. 98; т. VI, стр. 159.

**) *Барсуковъ*, т. IV, стр. 72—78. *Кавелинъ*, соч. т. II.

***) *Барсуковъ*, т. V, стр. 6—8, 165—176, 429; т. VI, стр. 4. Изъ статей, на которыя намъ не придется сослаться, отмѣтимъ еще статью о Петрѣ, цензурованную Уваровымъ и представленную государю. *Барсуковъ*, т. VI, стр. 5, 12.

силы». Но кто же изъ славянъ выступитъ «представителемъ всего славянскаго міра». «Сердце трепещетъ отъ радости... о, Россія! Не тебѣ ли?... о, если бы тебѣ! Тебѣ, тебѣ суждено довершить, увѣнчать развитіе человѣчества, представить всѣ фазы его жизни, блиставшія доселѣ порознь, въ славной совокупности». Но гдѣ же ручательство за это «будущее величіе» въ прошломъ? Въ отвѣтъ на это Погодинъ обращается къ своей «любимой мысли». «Исторія всякаго государства есть не что иное какъ развитіе его начала; настоящая и будущая его исторія такъ происходитъ изъ начала, какъ изъ крошечнаго сѣмени вырастаетъ то или другое огромное дерево, какъ въ человѣческихъ поколѣніяхъ правнуки сохраняютъ тончайшіе оттѣнки голоса или легчайшія черты тѣлодвиженія своихъ предковъ. Начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его *Исторіи*, и рѣшаетъ судьбу его на вѣки вѣковъ» *). Начало европейскихъ государствъ есть завоеваніе; начало русскаго—добровольное призваніе. Отсюда Погодинъ старается вывести всѣ основныя различія послѣдующей исторіи Россіи и Европы. Съ помощью славянофиловъ онъ сводитъ, затѣмъ, всѣ эти различія къ одной общей формулѣ: въ Россіи любовь и единеніе, въ Европѣ вражда и рознь. Разъ установлена такимъ образомъ важность *начала*, сама собой ясна и важность его сохраненія. Но начало для Погодина есть Рюрикъ; вопросъ объ его сохраненіи становится вопросомъ о личной судьбѣ представителей династіи. По смерти Рюрика младенецъ Игорь остается единственной «тонкой нитью», связывающей начало исторіи «съ послѣдующими происшествіями», и Погодинъ трепещетъ за судьбу Игоря. Олегъ бросилъ Новгородъ и Погодинъ снова трепещетъ: минута неизвѣстности! Сѣмя предано произволу вѣтровъ»! Но Провидѣніе несетъ его въ Кіевъ, гдѣ *должна* начаться русская исторія, чтобы не зависѣть отъ западной, какъ это могло бы случиться въ Новгородѣ. «Новая опасность»: Игорь убитъ древлянами; что если «какой-нибудь смѣльчакъ сядетъ на престолъ!» «Успокоимся»: Ольга имѣетъ характеръ мужескій. Нужно, чтобъ у ней былъ одинъ сынъ Святославъ, такъ какъ «рано начинаться удѣльнымъ княжествамъ». Но Святославъ напалъ на Болгарію: «зародышъ выкинутъ», «сѣмя перенесено на другую почву»; что если оно тамъ пуститъ ростки? «Болгаріи выпалъ жребій сдѣлаться Русью». «Какъ все зыбко!» Но успокоимся опять: Провидѣніе, какъ нарочно, посадило на византійскій престолъ воинственнаго Цимисхія, который отбросилъ назадъ, въ Россію, предназначенное ей «сѣмя». Такимъ образомъ, чудесно охранялась династія отъ приращенія. Но и прекратилась она не менѣе чудесообразно, чѣмъ охранялась. «Не пресѣкись родъ московскихъ князей, не было бы Романовыхъ, не было бы Петра». «Какова связь между смертью въ Угличѣ семилѣтняго царевича Димитрія, игравшаго въ тычку ножомъ, и реформаціей Петра! Послѣдняя не могла бы произойти такъ безъ перваго

*) Письмо Хомякову въ *Москвитянинѣ* 1848 г., т. VI. Цит. у *Барсукова*, т. X, стр. 484—490.

происшествія». Словомъ, и въ нашемъ прошломъ, «воображая событія, составляющія русскую исторію, сравнивая ихъ непримѣтныя начала съ далекими, огромными слѣдствіями, удивительную связь ихъ между собою, невольно думаешь, что перстъ Божій ведетъ насъ, какъ будто древле іудеевъ, къ какой-то высокой цѣли» *).

«И ни одного раза не пришло автору на мысль взглянуть на всѣ эти факты съ другой стороны, наоборотъ», замѣчаетъ Кавелинъ по поводу этого «историческаго мистицизма» **). Въ этомъ замѣчаніи чрезвычайно мѣтко схваченъ основный недостатокъ пріемовъ Погодина. Весь секретъ его философіи исторіи заключается въ томъ, что ему связь причины со слѣдствіемъ представляется навыворотъ, какъ связь цѣли со средствомъ. Естественный порядокъ явленій, такимъ образомъ, переворачивается: послѣдній моментъ представляется цѣлью, поставленной Провидѣніемъ, а все предыдущее становится необходимымъ средствомъ для осуществленія именно этой цѣли. Въ результатѣ, вмѣсто признанія *необходимости* русскаго историческаго процесса, является апоѳеозъ *случайности* его, не удовлетворившій, уже во время Погодина, ни своихъ, ни чужихъ. Западникъ и славянофилъ, Кавелинъ и Кирѣевскій одинаково возражали ему, что всякое различіе между призваніемъ и завоеваніемъ уничтожается, если не признавать за мѣстнымъ населеніемъ никакого участія въ созданіи государства. Если же признать, что мѣстныя условія сами по себѣ вызвали появленіе государства, тогда вопросъ о судьбѣ Рюрикова рода придется признать совершенно второстепеннымъ. На этомъ и настаивали: Кавелинъ—во имя идеи органичности историческаго развитія, а Кирѣевскій—во имя уваженія къ самодѣятельности народной стихіи. Возраженія послѣдняго намъ здѣсь особенно интересны, потому что они показываютъ, какъ, въ сущности, далекъ былъ Погодинъ отъ настоящаго славянофильства, несмотря на все желаніе къ нему приблизиться. «Народъ, который подчиняется спокойно первому пришедшему, который принимаетъ чуждыхъ господъ безъ всякаго сопротивленія, котораго отличительный характеръ составляетъ безусловная покорность и равнодушіе, и который даже отрекается отъ своей вѣры по одному приказанію чуждыхъ господъ,—не можетъ внушить большой симпатіи. Это былъ бы народъ, лишенный всякой духовной силы, всякаго человѣческаго достоинства, отверженный Богомъ; изъ его среды не могло бы никогда выйти ничего великаго». Такимъ образомъ, отъ подлинныхъ славянофиловъ Погодину пришлось услышать, что его представленія объ исторической роли Россіи не только не возвеличиваютъ, но даже оскорбляютъ русскій народъ. Пиша приведенныя строки, П. Кирѣевскій какъ будто видѣлъ предъ собой эти, болѣе откровенныя, выраженія Погодинскаго дневника (1826): «удивителенъ русскій народъ, но удивителенъ

*) Перечисленныя выше статьи въ *Историко-критическихъ отрывкахъ*, т. I, passim.

**) *Кавелинъ*, соч. т. II, стр. 124.

только еще въ возможности. Въ дѣйствительности онъ низокъ, ужасенъ и скотенъ» *). *Этого* Погодинъ не могъ сказать Кирѣевскому; онъ не могъ бы принять и мнѣнія Кавелина, что мирное подчиненіе князьямъ,—поскольку оно было мирнымъ,—явилось слѣдствіемъ не «любовности», а просто равнодушія населенія къ юридическимъ формамъ. Такимъ образомъ, онъ ограничился двумя отвѣтами, не совсѣмъ соотвѣтствующими другъ другу; и предыдущая выписка изъ дневника показываетъ намъ, который изъ нихъ былъ искреннимъ. Какъ представитель оффиціозныхъ «высшихъ взглядовъ», онъ отвѣчалъ П. Кирѣевскому: «отнимая у насъ *смиреніе* и *терпѣніе*, двѣ высочайшія христіанскія добродѣтели, коими украшается наша исторія, вы служите Западу». Въ качествѣ же спеціалиста ученаго онъ возразилъ: «Вы ищете у исторіи подкрѣпленій для вашей гипотезы, а я учусь у исторіи;... вы *даете* исторіи систему, а я *беру* у нея» и, слѣдовательно, не могу отрицать фактовъ. Въ этомъ противорѣчивомъ самооправданіи заключается самая лучшая характеристика положенія, занятаго Погодинымъ въ исторіи нашей науки. Теорія у него всегда плохо клеилась съ изученіемъ фактовъ, и изъ изученія фактовъ онъ не умѣлъ и не считалъ нужнымъ вывести никакой «системы». Единственная система, которую онъ считалъ нужнымъ защищать, вытекала не изъ историческаго изученія, а съ одной стороны, изъ философскихъ мечтаній юности, съ другой, изъ сознательнаго желанія *«сдѣлать россійскую исторію охранительницею и блюстительницею общественнаго спокойствія»* **).

При этихъ условіяхъ, Погодину, очевидно, оставалось уступить другимъ, болѣе способныхъ къ философскому мышленію и менѣе связаннымъ необходимостью—подгонять объясненіе прошлаго къ реабилитаціи настоящаго,—рѣшеніе вопроса о всемірно-исторической роли Россіи. Оба слѣдующіе мыслителя, которыми мы теперь займемся, не ищутъ болѣе доказательствъ всемірно-историческаго предназначенія Россіи въ ея прошломъ. Напротивъ, они исходятъ изъ мысли, что русская исторія не представляетъ никакихъ задатковъ для всемірно-историческаго будущаго. Они спрашиваютъ, поэтому, уже не о томъ, какое всемірно-историческое начало развивалось въ нашей исторіи, а о томъ, почему никакого подобнаго начала въ ней не существовало. Ихъ главною заботой становится открыть, чего намъ недоставало для того, чтобъ изучать роль въ всемірной исторіи, и какимъ способомъ можно пополнить недостающее.

Чего намъ недоставало, это Кирѣевскій рѣшалъ, также какъ и Полевой, съ помощью Гизо. Западно-европейская культура сложилась изъ трехъ элементовъ: христіанства, варваровъ и наслѣдія античнаго міра. «Ещ прежде X вѣка имѣли мы христіанскую религію; были у насъ и варвары... но *классическаго древняго міра недоставало* нашему развитію» ***).

---

*) *Барсуковъ*, т. II, стр. 17. Къ статьѣ Петра Кирѣевскаго (*Москвитянинъ* 1845 г. мы еще вернемся впослѣдствіи.

**) *Истор.-крит. отрывки*, т. I, стр. 16 (курсивъ въ подлинникѣ).

***) Статья *Девятнадцатый вѣкъ*, первая часть которой впервые напечатана бы

Отсутствіе культурной подготовки, какую давалъ классическій міръ, парализовало у насъ и вліяніе религіи. «Недостатокъ классическаго міра былъ причиной тому, что вліяніе нашей церкви, во времена необразованныя, не было ни такъ рѣшительно, ни такъ всемогуще, какъ вліяніе церкви римской». Прямымъ послѣдствіемъ этого было наше политическое порабощеніе. Римская церковь представляла объединяющій центръ, который спасъ западный христіанскій міръ отъ невѣрныхъ. «У насъ сила эта была не столь ощутительна..., вся Россія, раздробленная на удѣлы, не связанные духовно, на нѣсколько вѣковъ подпала владычеству татаръ, на долгое время остановившихъ ее на пути къ просвѣщенію». Какъ видимъ, татарское иго у Кирѣевскаго объясняется очень своеобразно: мы скоро встрѣтимъ эту мысль въ болѣе полномъ видѣ и увидимъ, что она взята совсѣмъ изъ другого круга идей, нежели московскій шеллингизмъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Дальнѣйшія слѣдствія вытекаютъ для Кирѣевскаго изъ только что приведеннаго. «Не имѣя довольно просвѣщенія для того, чтобы соединиться противъ (татаръ) *духовно*, мы могли избавиться отъ нихъ единственно *физическимъ*, матеріальнымъ соединеніемъ», — государственнымъ единствомъ. Итакъ, и политическое порабощеніе, и политическое объединеніе представляются Кирѣевскому результатомъ недостаточнаго духовнаго развитія древней Руси. Вызванная недостаткомъ просвѣщенія, потребность государственнаго сосредоточенія силъ, въ свою очередь, опять задержала развитіе образованности; Россія продолжала, по этой причинѣ, пребывать «въ томъ оцѣпенѣніи духовной дѣятельности, которое происходило отъ слишкомъ большого перевѣса силы матеріальной надъ силою нравственной образованности». Теперь, стало-быть, уже слабость духовнаго развитія явилась результатомъ усиленнаго государственнаго роста. Между тѣмъ, для Запада наступила пора воспріятія, эпоха возрожденія. «Такимъ образомъ, для новой Европы довершился кругъ полнаго наслѣдованія прежняго просвѣщенія человѣчества. Такимъ образомъ, новѣйшее просвѣщеніе не есть отрывокъ, но продолженіе умственной жизни человѣческаго рода» *).

Какимъ же образомъ намъ примкнуть къ этому непрерывному процессу духовной жизни человѣчества? Опереться для этого на зачатки духовнаго развитія старой Руси мы не можемъ: «это развитіе не могло имѣть успѣха *общечеловѣческаго*, ибо ему недоставало одного изъ необходимыхъ элементовъ всемірной прогрессіи ума (т.-е. античной культуры)». Усвоить *старое* просвѣщеніе Европы мы тоже не можемъ, потому что «старое просвѣщеніе связано неразрывно съ цѣлою системой своего постепеннаго развитія, и *чтобы быть ему причастнымъ, надобно пережить* всю прежнюю жизнь Европы. Остается одинъ исходъ—усвоить себѣ *новое* просвѣщеніе Европы. Дѣло въ томъ, что «европейская образованность является намъ

въ журналѣ Кирѣевскаго *Европеецъ* 1832 г. Всѣ дальнѣйшія ссылки сдѣланы на нее по *Сочиненіямъ* И. В. Кирѣевскаго. См. т. I, стр. 75.

*) *Сочиненія*, т. I, стр. 80.

въ двухъ видахъ: какъ просвѣщеніе Европы прежде» половины XVIII вѣка—и послѣ нея. «Новое просвѣщеніе противоположно старому и существуетъ самобытно». Сущность его состоитъ «въ требованіи бо́льшаго сближенія религіи съ жизнью людей и народовъ». Такъ какъ это просвѣщеніе ничего не имѣетъ общаго со старымъ, то «народъ, начинающій образовываться, можетъ заимствовать его прямо и водворить у себя безъ предыдущаго, непосредственно примѣняя его къ своему настоящему быту». Такимъ образомъ, практически дѣло рѣшалось вполнѣ благополучно: Россія могла воспитать себя къ всемірно-исторической дѣятельности путемъ непосредственнаго заимствованія романтическо-религіознаго настроенія, возобладавшаго, по мнѣнію Кирѣевскаго, въ Европѣ. Въ статьѣ Кирѣевскаго многое было не досказано, что только впослѣдствіи выяснилось изъ его позднѣйшихъ статей. Нельзя было понять, почему именно это романтическо-религіозное настроеніе болѣе всего подходитъ для Россіи, и что въ немъ заключается всемірно-историческаго. Но то, что было въ ней высказано, не могло не представляться подозрительнымъ съ точки зрѣнія новой теоріи. Кирѣевскому понадобилось по своему формулировать самые основные тезисы шеллингистской философіи исторіи, чтобы приспособить ее къ своему практическому рѣшенію. Мы указывали раньше, что роль отдѣльныхъ народовъ въ цѣломъ составѣ человѣчества понималась различными послѣдователями шеллингизма различно. Одни, заинтересовавшіеся преимущественно идеей закономѣрности въ исторіи, распространяли эту закономѣрность на всѣ существующіе и существовавшіе народы, какъ бы они ни были ничтожны. Другіе, съ точки зрѣнія цѣлесообразности, допускали, что только избранные народы участвуютъ въ общемъ ходѣ всемірно-историческаго развитія. Но для тѣхъ и другихъ было аксіомой, что каждый народъ развивается по присущему ему закону, изъ своего «сѣмени», и что развитіе его, на всемъ своемъ протяженіи, представляетъ недѣлимое, органическое цѣлое. При такомъ взглядѣ немыслимо было отдѣлять прошлое народа отъ его настоящаго и будущаго: «духъ» народа, если онъ въ немъ былъ, долженъ былъ сказаться уже въ его зародышѣ. Поэтому Кирѣевскому, который допустилъ для своей цѣли, что народъ безъ всемірно-историческаго прошлаго можетъ имѣть всемірно-историческое будущее,—нужно было и въ теорію внести соотвѣтственную поправку.

Изъ слѣдующей цитаты видно, какъ дѣлаетъ Кирѣевскій эту поправку къ извѣстному намъ философско-историческому взгляду. «Просвѣщеніе человѣчества развивается постепенно, послѣдовательно. Каждая эпоха человѣческаго бытія имѣетъ своихъ представителей въ тѣхъ народахъ, гдѣ образованность процвѣтаетъ полнѣе другихъ. Но эти народы до тѣхъ поръ служатъ представителями своей эпохи, покуда ея господствующій характеръ совпадаетъ съ господствующимъ характеромъ ихъ просвѣщенія. Когда же просвѣщеніе человѣчества, довершивъ извѣстный періодъ своего развитія, идетъ далѣе, и, слѣдовательно, измѣняетъ характеръ свой, тогда народы, выражавшіе сей характеръ своею образованностью, перестаютъ

быть представителями всемірной исторіи. Ихъ мѣсто заступаютъ другіе, коихъ особенность всего болѣе согласуется съ наступающею эпохой. Эти новые представители человѣчества продолжаютъ начатое ихъ предшественниками, наслѣдуютъ всѣ плоды ихъ образованности и извлекаютъ изъ нихъ сѣмена новаго развитія. Такимъ образомъ, (т.-е. посредствомъ послѣдовательныхъ передачъ «плодовъ», добытыхъ одними и *заимствуемыхъ* у нихъ другими народами) поддерживается «неразрывная связь и постепенный, послѣдовательный ходъ въ жизни человѣческаго ума... Просвѣщеніе одинокое, китайски отдѣленное, должно быть и китайски-ограниченное: въ немъ нѣтъ жизни, нѣтъ блага, ибо нѣтъ прогрессіи, нѣтъ того успѣха, который добывается только *совокупными* усиліями человѣчества» *). Итакъ, Кирѣевскій толкуетъ теорію *преемства* всемірно-исторической миссіи въ томъ смыслѣ, что передача этой миссіи совершается, такъ сказать, на ходу, при жизни народовъ, путемъ усвоенія однимъ изъ нихъ результатовъ жизни другого.

Но самая возможность такого усвоенія съ точки зрѣнія новой теоріи была болѣе чѣмъ сомнительна. Припомнимъ, что для тогдашней философіи исторіи вся жизнь народа резюмировалась «идеею». Пересадить «идею» значило—заставить пережить всю эту народную жизнь. Такую связь «идеи» съ исторической жизнью призналъ и самъ Кирѣевскій относительно «стараго просвѣщенія» Европы (до средины XVIII в. **). Но если «старое просвѣщеніе», по собственному утвержденію Кирѣевскаго, находилось въ неразрывной связи со «всей прежней жизнью» Европы и не могло быть заимствовано безъ повторенія всей этой жизни сызнова, то какъ же можно было утверждать относительно «новаго просвѣщенія» совершенно противоположное, т.-е. что оно ни въ какой связи со старымъ не стоитъ и можетъ быть заимствовано безъ всякаго затрудненія? Не ясно ли было, что это открытое нарушеніе принциповъ системы сдѣлано съ исключительною цѣлью связать европейское настоящее непосредственно съ русскимъ настоящимъ, и что единственнымъ связующимъ звеномъ между обоими послужила мысль Кирѣевскаго о господствѣ тамъ и здѣсь религіозной идеи? Чтобы вполнѣ удовлетворить требованіямъ теоріи, надо было бы найти «сѣмена» этой религіозной идеи въ русскомъ прошломъ и вывести русскую религіозную идею изъ русской исторіи, какъ ея органическій результатъ. Позднѣе это и было сдѣлано. Но, въ такомъ случаѣ, заимствованіе отъ Европы становилось совершенно излишнимъ: Россія могла своими силами завоевать себѣ всемірно-историческую роль. Если заимствованіе въ началѣ тридцатыхъ годовъ считалось необходимымъ, то это потому, что и прошлое русской ре-

*) *Сочиненія*, т. I, стр. 81—82.

**) Ср. признаніе Кирѣевскаго въ той же статьѣ, что „отъ самаго паденія Римской имперіи до нашихъ временъ просвѣщеніе Европы представляется намъ... въ безпрерывной послѣдовательности; каждая эпоха условливается предыдущей, и всегда прежняя заключаетъ въ себѣ сѣмена будущей, такъ что въ каждой изъ нихъ являются тѣ же стихіи, но въ полнѣйшемъ развитіи".

лигіозной идеи, и ея содержаніе очень еще неясно представлялось будущему основателю славянофильства. Но, въ такомъ случаѣ, чтобы быть послѣдовательнымъ, нельзя было останавливаться на мысли о простомъ заимствованіи; чтобъ усвоить европейскую идею, Россія, дѣйствительно, должна была «пережить всю прежнюю жизнь» Европы. Будущій защитникъ самобытной русской идеи не могъ, конечно, рѣшиться на такое самоотреченіе и, въ ожиданіи дальнѣйшаго выясненія собственныхъ мыслей, остановился на полдорогѣ. Другой, не менѣе выдающійся представитель философско-исторической мысли того времени, Чаадаевъ, смѣло пошелъ до конца; рѣшительное и безусловное отрицаніе всего русскаго прошлаго во имя русскаго будущаго было для него легко, потому что въ прошломъ онъ видѣлъ только «бѣлый листъ бумаги».

П. Я. Чаадаевъ снова возвращаетъ насъ къ александровской эпохѣ. Для поколѣнія тридцатыхъ годовъ его взгляды были уже, по выраженію Герцена, «голосомъ изъ гроба»; его умственный обликъ сложился въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ подъ впечатлѣніемъ грандіозныхъ событій, потрясавшихъ тогда Европу. Надо прибавить, что впечатлѣніе это было не одинаково въ разныхъ общественныхъ кругахъ, и что впечатлѣніе, вынесенное Чаадаевымъ, соотвѣтствовало тому кругу, которому онъ принадлежалъ по своему происхожденію и воспитанію. Племянникъ князей Щербатовыхъ (и внукъ русскаго историка по матери), прекрасно подготовленный дома, располагавшій большими связями и чрезвычайно удачно начавшій, на виду у двора, свою служебную карьеру, Чаадаевъ стоялъ близко къ тѣмъ сферамъ, которыя дѣлаютъ политику и въ которыхъ непосредственнѣе всего ощущаются ея результаты. Можно думать, что эта особенность положенія отразилась уже на характерѣ впечатлѣній, вынесенныхъ Чаадаевымъ изъ перваго знакомства съ Европой во время заграничныхъ походовъ 1813—1816 гг. Настроеніе немногочисленнаго и немногимъ доступнаго круга, въ которомъ вращался Чаадаевъ, не совсѣмъ соотвѣтствовало тому, которое вынесли изъ тѣхъ же заграничныхъ походовъ будущіе декабристы. Въ этомъ кругѣ не раздѣляли энтузіазма, вызваннаго въ большой публикѣ мнимымъ «союзомъ государей съ народами», потому что лучше могли судить о качествѣ этого союза; здѣсь лучше помнили и связь только что пережитыхъ событій, и въ низложеніи Наполеона торжествовали не побѣду народной свободы надъ деспотизмомъ, а пораженіе демократическаго цезаризма, созданнаго революціей. Разочарованія прошлаго были здѣсь гораздо сильнѣе надеждъ на будущее. Относясь скептически или враждебно къ мечтамъ о какой-то новой эрѣ политической свободы, люди этого круга не могли помириться съ крушеніемъ старой доброй традиціи и ждали всего не отъ писанныхъ конституцій, а отъ возстановленія старинной дисциплины общественной и нравственной. Надо думать, что уже тогда, во время освободительныхъ войнъ, это настроеніе вліятельныхъ сферъ и избранныхъ умовъ не осталось незамѣченнымъ Чаадаевымъ и произвело на него извѣстное впечатлѣніе. Вернувшись въ 1817 г. въ Петербургъ, онъ и здѣ

долженъ былъ застать въ высокопоставленныхъ сферахъ модное увлеченіе идеями католической реакціи, успѣвшее уже вызвать противъ себя въ это время репрессивныя мѣры со стороны правительства. Самый видный и самый блестящій изъ теоретиковъ реакціи, Жозефъ де-Местръ, уже 14 лѣтъ какъ жилъ въ Петербургѣ, въ качествѣ посланника низложеннаго Наполеономъ сардинскаго короля. Здѣсь онъ обдумывалъ свои, наиболѣе прославившія его потомъ произведенія (*Du Pape* и *Soirées de St.-Pétersbourg*); въ высшемъ обществѣ Петербурга онъ имѣлъ горячихъ поклонниковъ и особенно поклонницъ, нѣкоторыя изъ которыхъ обратились даже въ католичество; силой и оригинальностью своего ума, остроуміемъ и блескомъ своей бесѣды, благородствомъ своего личнаго характера онъ снискалъ себѣ всеобщее уваженіе и одно время имѣлъ сильное вліяніе на самого императора Александра, настойчиво перезывавшаго пьемонтскаго патріота на русскую службу. Чаадаевъ не успѣлъ подчиниться личному вліянію де-Местра, такъ какъ въ томъ же 1817 году послѣдній выѣхалъ изъ Россіи, но онъ долженъ былъ встрѣтиться со свѣжими слѣдами его вліянія, могъ познакомиться и съ идеями, пущенными имъ въ обращеніе, раньше чѣмъ были обнародованы сочиненія де-Местра, подготовленныя въ Петербургѣ (1820, 1821 гг.). Какъ бы то ни было, Чаадаевъ уже въ это время замѣтно отклоняется отъ общаго настроенія столичнаго офицерства. Можетъ быть, это различіе взглядовъ и подготовило тотъ кризисъ, который, немного лѣтъ спустя, перевернулъ всю дальнѣйшую судьбу Чаадаева. Какъ извѣстно, онъ взялъ на себя порученіе свезти имп. Александру I въ Троппау донесеніе о бунтѣ солдатъ Семеновскаго полка, въ которомъ самъ служилъ офицеромъ. Порученіе было очень щекотливое, такъ какъ Чаадаевъ не могъ обойти вопроса о роли товарищей, обвинявшихся въ подстрекательствѣ солдатъ противъ полкового командира. Исполненіе порученія, естественно, вызвало неблагопріятные для Чаадаева толки о его личныхъ мотивахъ и онъ счелъ долгомъ чести подать въ отставку *). Рѣшеніе это, закрывавшее для Чаадаева самыя блестящія перспективы, далось ему, повидимому, не легко; на всю жизнь у него осталось потомъ чувство неудовлетвореннаго самолюбія. Съ этихъ поръ Чаадаевъ предается исключительно удовлетворенію умственныхъ интересовъ и, прежде всего, отправляется въ продолжительное путешествіе за границу (1821—1825 гг.). Эта поѣздка довершаетъ то, что, по нашему предположенію, начато было и раньше: Чаадаевъ рѣшительно и сознательно примыкаетъ къ доктринѣ католической реакціи; де-Местръ и Бональдъ становятся его учителями, хотя онъ и не упоминаетъ о нихъ ни разу въ своихъ сочиненіяхъ **). Первые годы по возвращеніи

*) Такъ, по крайней мѣрѣ, изображаетъ дѣло *Жихаревъ*, близкій къ Чаадаеву человѣкъ, въ своей біографіи Чаадаева. *Вѣстн. Евр.* 1871 г. іюль и сентябрь.

**) О де-Местрѣ упоминается разъ въ частномъ письмѣ, гдѣ Чаадаевъ проситъ достать ему сочиненіе де-Местра о Бэконѣ. *Oeuvres*, стр. 190. Ср. ibid., стр. 184, любопытный намекъ на сношенія съ Балланшемъ, нѣсколько менѣе послѣдовательнымъ представителемъ того же направленія.

въ Россію были, повидимому, для Чаадаева самыми тяжелыми въ его жизни: онъ переходитъ въ это время отъ плана къ плану и ни на одномъ не останавливается; онъ дѣлаетъ попытки поступить на службу, потомъ пробуетъ поселиться въ деревнѣ, наконецъ окончательно и на всю жизнь поселяется въ Москвѣ, свободнымъ человѣкомъ, и начинаетъ писать. Въ 1829 г. возникаютъ знаменитыя *Письма о философіи исторіи*, доставившія автору столько терній и славы и навсегда обезпечившія ему мѣсто въ исторіи русской не только исторической, но и общественной мысли.

Въ *Письмахъ* Чаадаева и современниковъ, и позднѣйшихъ изслѣдователей интересовала, главнымъ образомъ, прикладная сторона. Для насъ они преимущественно интересны, какъ первая теоретическая попытка, поставившая вопросъ о національной и всемірно-исторической роли Россіи на ту почву, на которой этотъ вопросъ рѣшался затѣмъ теоретиками славянофильства. При всей своей смѣлости, попытка Чаадаева вовсе не такъ оригинальна, какъ кажется съ перваго взгляда; но и по продуманности мысли, и по блеску изложенія она далеко оставляетъ за собою всѣ тѣ, о которыхъ мы говорили раньше.

Основная концепція Чаадаева — традиціонно-христіанская. Въ этомъ смыслѣ она не нова не только у Чаадаева, но и у де-Местра; и если въ наше время, воспроизведенная вновь однимъ современнымъ писателемъ, она могла показаться оригинальной, то лишь по незнакомству большой публики съ этого рода вопросами, а также въ силу того наблюденія, приложеннаго Чаадаевымъ къ самому себѣ, что «часто старая истина, повторенная съ убѣжденіемъ, кажется новой». Единство вѣры, всемірная церковь, какъ средство, и возможно полное осуществленіе на землѣ христіанскаго идеала, какъ послѣдняя цѣль историческаго процесса,— обо всемъ этомъ мечтали, и не только мечтали, но ко всему этому стремились уже въ средніе вѣка. Но,— прибавимъ словами новѣйшаго біографа де-Местра — «сила идей не только въ нихъ самихъ, а также и въ томъ, какъ они изображены и какимъ способомъ пущены въ умственный оборотъ» *). Всѣ эти условія самымъ благопріятнымъ образомъ соединялись, чтобы дать силу идеямъ Чаадаева.

Имѣя въ виду свои основныя идеи, Чаадаевъ, прежде всего, самымъ рѣшительнымъ образомъ охраняетъ всякія другія попытки философско-историческаго объясненія исторіи. Больше всего достается отъ него тому направленію, которое надѣется найти объясненіе въ простомъ накопленіи фактовъ. По его мнѣнію, что-нибудь одно: или мы уже теперь имѣемъ достаточно фактовъ, или мы никогда не получимъ ихъ столько, сколько нужно, потому что память людская не можетъ же удержать *всѣхъ* фактовъ. «Чтобы все предчувствовать, фактовъ было больше, чѣмъ нужно, уже въ времена Моисея и Геродота; чтобы все доказать ихъ всегда будетъ мало». «Такъ какъ предметъ исторіи и средства узнать ее всегда остаются

*) *George Cohordan.* „Joseph de Maistre", 189.

тѣ же,— ясно, что кругъ историческаго опыта долженъ когда-нибудь замкнуться: приложенія не кончатся никогда, но къ правилу, разъ найденному, больше нечего будетъ прибавить». Такимъ образомъ, дѣло не въ собираніи фактовъ, а въ ихъ правильномъ истолкованіи *). Но ходячія истолкованія также не удовлетворяютъ Чаадаева. Нѣсколькими пренебрежительными строками онъ покачиваетъ съ направленіемъ, которое хочетъ извлекать изъ исторіи уроки нравственности. Направленіе, связывающее историческіе факты съ помощью идеи прогресса, болѣе останавливаетъ на себѣ его вниманіе, но и къ этому истолкованію онъ относится вполнѣ отрицательно. Факты не только не доказываютъ существованіе *непрерывнаго* и постояннаго прогресса, но, напротивъ, доказываютъ совершенно обратное. Цѣлыя цивилизаціи погибали безслѣдно; проекты культуры, добытые вѣками, обращались въ прахъ, и человѣкъ поднимался высоко на лѣстницѣ развитія какъ будто для того только, чтобы затѣмъ пасть еще ниже. Теорія постепеннаго совершенствованія исходитъ изъ мысли, что духъ человѣческій развивается самъ собой, въ силу присущаго ему динамическаго начала; это какъ бы «комъ снѣга, который ростетъ по мѣрѣ того, какъ катится». Но, въ дѣйствительности, «обычный ходъ человѣческихъ происшествій не можетъ не быть случайнымъ и произвольнымъ». Такимъ образомъ, «если въ потокѣ временъ мы, подобно другимъ, не усмотримъ ничего иного кромѣ человѣческаго разума и воли, вполнѣ свободной, то, сколько бы мы ни накопляли фактовъ въ памяти и какъ бы хитро ни выводили ихъ одинъ изъ другаго,— мы не найдемъ того, чего ищемъ въ исторіи. Этимъ путемъ мы будемъ въ ней видѣть все ту же человѣческую игру, которую въ ней видѣли прежде. Это будетъ все та же психологическая и динамическая исторія, о которой я только-что говорилъ,— исторія, которая хочетъ все объяснить личностью или воображаемымъ сцѣпленіемъ причинъ и слѣдствій». Такимъ образомъ и получится или «движеніе безъ цѣли и смысла», или гипотеза «естественнаго совершенствованія, присущаго человѣческой натурѣ» **).

«Итакъ, очевидно, что современная точка зрѣнія на исторію не можетъ удовлетворить мыслящаго ума. Несмотря на полезныя работы критики, несмотря на помощь, которую постарались оказать ей въ послѣднее время естественныя науки, исторія не смогла добиться ни того единства, ни того высокаго нравственнаго значенія, которыя вытекали бы изъ яснаго понятія о всеобщемъ законѣ, управляющемъ смѣной эпохъ».

Это единство, этотъ нравственный смыслъ даетъ исторіи *христіанство*— «историческое явленіе, совершенно не вытекающее ни изъ чего предыдущаго, совершенно независимое отъ естественнаго порядка возникновенія человѣческихъ идей въ обществѣ и не подчиненное какой бы то ни было причинной связи вещей (enchaînement nécessaire des choses)». Всеобщій за-

---

*) Oeuvres choisies de Pierre Tchaadaief, publiées pour la première fois par le *P. Gagarin*, de la compagnie de Jesus. Paris-Leipzig 1872, p. 51, 53, 88—89, 94.

**) *Oeuvres* pp. 50, 32, 61—63, 52, 70, 74, 91—92.

конъ, связывающій и осмысливающій всѣ моменты историческаго процесса—это «идея *провидѣнія*, управляющаго вѣками и ведущаго родъ человѣческій къ его окончательному предназначенію». Внѣ христіанства нѣтъ цѣльной и осмысленной исторіи. Предоставленный самому себѣ, человѣкъ можетъ подняться лишь до извѣстнаго уровня, и вслѣдъ затѣмъ ему угрожаетъ одичаніе. И этотъ слабый подъемъ и этотъ неизбѣжный упадокъ вытекаютъ изъ одной и той же причины — изъ того, что внѣ христіанства только одинъ *матеріальный интересъ* можетъ быть движущей причиной развитія. Вотъ почему погибли — и должны были необходимо погибнуть—древнія цивилизаціи; вотъ почему и современныя языческія націи съ незапамятныхъ временъ стоятъ на одной и той же неподвижной точкѣ. «Разъ матеріальный интересъ удовлетворенъ,— человѣкъ перестаетъ идти впередъ; хорошо, если онъ не идетъ назадъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ Греціи также какъ въ Индіи, въ Римѣ какъ въ Японіи вся работа мысли, какъ бы она ни была громадна, постоянно стремилась и стремится только къ одной цѣли; и поэзія, и философія, и искусство— все это предназначалось и предназначается для удовлетворенія физической стороны человѣка». «Только христіанское общество можетъ быть одушевлено настоящимъ *интересомъ мысли*», и въ этомъ заключается вся тайна христіанской цивилизаціи. Христіанская мысль направлена на нравственное совершенствованіе,—на постепенную работу «уничтоженія въ себѣ личнаго существованія и замѣны его существованіемъ, вполнѣ общественнымъ и безличнымъ». Такимъ образомъ, непрерывный прогрессъ, недоступный человѣческому обществу самому по себѣ, становится отличительною чертой общества христіанскаго. Это прогрессированіе можетъ кончиться только съ водвореніемъ на землѣ царства Божія: вотъ почему христіанскій прогрессъ не только непрерывенъ, но и безконеченъ. Въ пришествіе этого царства мы вѣримъ: вотъ почему мы можемъ быть увѣрены и въ томъ, что христіанская цивилизація не погибнетъ до скончанія вѣковъ, не смотря на какіе бы то ни было всемірно-историческіе перевороты. Наконецъ, согласно пророчеству, христіанство будетъ проповѣдано во всемъ мірѣ, всѣ національныя перегородки сокрушатся, и всѣ народности сольются въ единой вѣрѣ: вотъ почему полнота вѣры и единство церкви составляютъ послѣднюю цѣль всемірно-историческаго прогресса *).

Только съ этой высшей точки зрѣнія и можно дать вѣрную оцѣнку различныхъ періодовъ и явленій всемірной исторіи. Истинный всемірно-историческій характеръ имѣютъ лишь тѣ изъ нихъ, которые двигаютъ человѣчество впередъ; а двигаютъ его впередъ лишь тѣ, которые приближаютъ его къ достиженію вселенскаго идеала. Естественно, что при такомъ критеріи результаты оцѣнки получатся совсѣмъ не похожіе на обычныя сужденія о всемірно-историческихъ эпохахъ и лицахъ. Идеалы Сократа и Марка Аврелія совершенно стушуются передъ дѣятельностью Моисея и Да-

*) *Oeuvres*, 50, 62, 48, 64, 74—76, 90.

вида; языческая цивилизація античнаго міра не пойдетъ ни въ какое сравненіе съ христіанской цивилизаціей среднихъ вѣковъ. Чаадаевъ на находитъ достаточно словъ, чтобы заклеймить самодовольный матеріализмъ классической древности; какъ символъ изящнаго обмірщенія вѣры, мысли и чувства онъ выбираетъ Гомера и на его тлетворное вліяніе обрушивается съ раздраженіемъ неофита первыхъ вѣковъ христіанства. Напротивъ, средніе вѣка для него — это почти осуществленіе христіанскаго идеала. Вся Европа, несмотря на политическія перегородки и этнографическія различія, была тогда однимъ цѣлымъ и представляла единый христіанскій народъ, организованный единою церковью для достиженія соціальнаго идеала, поставленнаго христіанствомъ. Только реформація разорвала это единство и вернула общество къ эпохѣ языческаго разъединенія; она возстановила снова антагонизмъ національныхъ самосознаній, она пыталась лишить христіанское общество внѣшнихъ символовъ его духовнаго единства и думала замѣнить превосходную соціальную организацію католичества—идеей невидимой церкви: дѣйствительно, невидимой и существующей только въ воображеніи. Изъ этого бѣдствія, въ которое ввергла христіанскій міръ реформація и одновременная съ нею реставрація языческой старины (Возрожденіе),—можетъ вывести человѣчество только новое оживленіе религіозныхъ вѣрованій, признаки котораго Чаадаевъ замѣчаетъ въ современной ему Европѣ *).

Какое же положеніе занимаетъ Россія въ ряду явленій всемірной исторіи? Конечно, положеніе это должно опредѣляться тою долей участія, какую она принимала въ общей работѣ человѣчества надъ осуществленіемъ христіанскаго идеала. Но она не играла въ этой работѣ никакой роли. «До сихъ поръ слабость ли нашихъ вѣрованій, или несовершенство нашей догмы — держали насъ въ сторонѣ отъ этого общаго движенія, въ результатѣ котораго развилась и формулировалась соціальная идея христіанства; эта причина отбросила насъ въ категорію народовъ, которые только косвенно и очень поздно воспользуются полнымъ развитіемъ христіанства». «Мнѣ скажутъ: да развѣ мы не христіане и развѣ необходимо цивилизоваться именно такъ, какъ цивилизовалась Европа? Конечно, мы христіане, но вѣдь и абиссинцы — христіане. Конечно, можно цивилизоваться не по-европейски: вѣдь цивилизовалась же Японія,— да еще лучше чѣмъ Россія, если вѣрить одному изъ нашихъ соотечественниковъ. Но полагаете ли вы, что тотъ порядокъ вещей, о которомъ я только-что говорилъ (въ которомъ состоитъ высшее предназначеніе человѣчества), осуществится именно благодаря абиссинскому христіанству и японской цивилизаціи? Думаете ли вы, что нелѣпыя искаженія божескихъ и человѣческихъ истинъ помогутъ намъ низвести небо на землю» **)?

«Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлали мы въ то время, какъ на Западѣ, въ ре-

---

*) *Oeuvres*, 54—56, 64—65, 71, 79, 82—85, 93—116.

**) *Oeuvres*, 35—36, 82.

зультатѣ борьбы между дикой энергіей сѣверныхъ народовъ и высокой религіозной идеей, созидалось зданіе современной цивилизаціи? Направляемые злымъ рокомъ, мы искали нравственныхъ правилъ для своего воспитанія у жалкой, всѣми презираемой Византіи. Только что передъ тѣмъ честолюбивый умъ Фотія оторвалъ ее отъ всемірнаго братства: намъ досталась, такимъ образомъ, идея, искаженная человѣческой страстью». «Хотя мы и назывались христіанами, не не двигались съ мѣста въ то время, какъ христіанство совершало свое величественное шествіе по стезѣ, указанной ему божественнымъ Основателемъ... Словомъ, новыя судьбы человѣчества совершались не для насъ. Не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства». «Разобщенные», такимъ образомъ, «прихотью судьбы отъ всемірнаго движенія человѣчества, мы ничего не унаслѣдовали изъ идей, ставшихъ традиціей въ человѣческомъ родѣ»*). Но, въ то же время, мы ничего не вынесли и изъ собственной своей исторіи. Эта исторія не вылилась въ формы, характеризующія народную личность рѣзкими, неизгладимыми чертами; у насъ это было скорѣе какое-то «хаотическое броженіе элементовъ нравственнаго міра, подобное тѣмъ міровымъ переворотамъ, которые предшествовали современному состоянію нашей планеты». Мы не дожили до историческаго сознанія и не сохранили историческихъ воспоминаній; все прошлое осталось для насъ въ туманѣ, въ какомъ остаются раннія воспоминанія дѣтства; и изъ этого прошлаго наша жизнь вышла какой-то безформенной, расплывающейся, лишенной всякой индивидуальной физіономіи. Да и что другого можно было вынести изъ нашего прошлаго? «Сперва дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, потомъ жестокое, унизительное иноземное иго, черты котораго унаслѣдовала потомъ и туземная власть— вотъ грустная исторія нашей юности». Съ такимъ прошлымъ мы, въ сущности, были также чужды Востоку, какъ и Западу; Провидѣніе какъ будто забросило насъ и предоставило самимъ себѣ, нисколько не интересуясь нашей судьбой. «Одинокіе въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничему у него не научились; не бросили ни одной мысли въ сокровищницу человѣческихъ идей, ничѣмъ не содѣйствовали прогрессу человѣческаго ума и исказили все то, что намъ отъ него досталось». Словомъ, «въ духовномъ строѣ»— которымъ только и живетъ христіанская цивилизація — «мы составляемъ пробѣлъ» **).

Итакъ, наше прошлое безотрадно; слѣдуетъ ли изъ этого, что и наше будущее безнадежно? Чаадаевъ этого вовсе не утверждаетъ; онъ только указываетъ на то необходимое условіе, безъ соблюденія котораго Россія не можетъ примкнуть къ всемірно-историческому развитію христіанской цивилизаціи. «Не нелѣпо ли предполагать, какъ это обыкновенно дѣлается у насъ, что этотъ прогрессъ европейскихъ народовъ, совершавшійся столь медленно и подъ непосредственнымъ и очевиднымъ вліяніемъ единой ир-

*) *Oeuvres*, стр. 28—29, 30, 19.

**) См. все начало перваго письма, стр. 9—29. Ср. наблюденіе де-Местра и складомъ русскаго общества въ *Lettres et opuscules inédites*, т. I, стр. 367—368.

ственной силы (католичества), мы можемъ усвоить себѣ сразу, даже не дѣлая себѣ труда узнать, какъ онъ совершился?» Нѣтъ, «если мы хотимъ добиться одинаковаго положенія съ другими цивилизованными народами, то намъ слѣдуетъ, такъ сказать, повторить у себя все воспитаніе человѣческаго рода». Въ чемъ должно заключаться это воспитаніе, видно изъ предыдущаго. «Такъ какъ та сфера, въ которой живутъ европейцы, сложилась подъ вліяніемъ религіи, и такъ какъ только оставаясь въ этой сферѣ человѣчество можетъ достигнуть своего высшаго предназначенія, то ясно... что нужно всѣми мѣрами стараться оживить нашу вѣру, *дать намъ импульсъ истинно христіанскій*,— потому что тамъ все совершено христіанствомъ. Вотъ что я хотѣлъ сказать своимъ выраженіемъ, что намъ нужно сызнова начать воспитаніе человѣческаго рода» *). Несмотря на это поясненіе, мысль Чаадаева и тутъ остается недосказанной. Но несомнѣнно, что это—та же самая мысль, которую мы находимъ по отношенію къ Россіи и у его учителя де-Местра. Въ первомъ изъ своихъ писемъ къ Разумовскому о народномъ образованіи (1810) де-Местръ устанавливаетъ то же основное положеніе. «Вся современная цивилизація вышла изъ Рима; взгляните на карту: вездѣ, гдѣ останавливается римское вліяніе,—тамъ останавливается и цивилизація; это—міровой законъ». Въ Россіи нравственное развитіе было задержано двумя великими событіями: раздѣленіемъ церкви въ X вѣкѣ и татарскимъ нашествіемъ. Стало быть, Россіи нужно «наверстать потерянное время» — regagner le temps perdu. «Искра, перенесенная во время изъ другого мѣста (т.-е. изъ Рима) зажжетъ пламя наукъ **).

«Письма о философіи исторіи» носятъ на себѣ яркій отпечатокъ біографіи Чаадаева, когда они были написаны. Единство настроенія, ихъ проникающее, напоминаетъ намъ, что во время ихъ составленія авторъ, какъ онъ самъ призналъ впослѣдствіи, переживалъ самые тяжелые годы своей жизни; а единство мысли показываетъ, что, дѣйствительно, эти письма,— какъ опять таки призналъ авторъ ***), написаны были имъ «впродолженіе долгаго уединенія, наложеннаго на себя по возвращеніи изъ за-границы»,— когда всѣ его мысли были сосредоточены на впечатлѣніяхъ, вывезенныхъ изъ путешествія. Прошло нѣсколько лѣтъ, и пессимистическое настроеніе, водившее перомъ Чаадаева и диктовавшее ему «слишкомъ абсолютныя мысли, слишкомъ рѣзкія мнѣнія», въ значительной степени смягчилось; съ другой стороны, изъ своего уединенія онъ скоро вышелъ въ

---

*) *Oeuvres*, стр. 31, 19, 34—35.

**) *Lettres et opuscules inédites du comte Joseph de Maistre*, т. II, стр. 286—287. Это самое выраженіе (regagner le temps perdu) попадается однажды подъ перо Чаадаева. См. *Oeuvres*, стр. 159. Въ своихъ письмахъ Чаадаевъ еще яснѣе договариваетъ то, чего не могъ договорить въ статьяхъ, предназначавшихся для русской публики. Его симпатіи къ католицизму и стремленія къ соединенію церквей — выступаютъ здѣсь совершенно открыто.

***) *Вѣстникъ Европы*, неизданныя рукописи Чаадаева, письмо къ С(троганову?), стр. 86, 88.

люди и встрѣтился съ тѣмъ теченіемъ русской мысли, которое мы теперь изучаемъ. То и другое обстоятельство въ короткое время значительно измѣнило его теоріи. Въ шеллингистской философіи исторіи были стороны, которыя онъ легко могъ воспринять, и были другія стороны, съ которыми онъ никогда не могъ согласиться. Зная взгляды Чаадаева, мы легко поймемъ, что его не могли не привлекать всемірно-историческія перспективы новой теоріи и не могли не отталкивать ея національныя увлеченія. Теорія католической реакціи во многихъ пунктахъ совпадала съ исторической философіей шеллингизма. «Народы, цѣльные ихъ организмы и представлявшіе каждый свою особую идею, смѣна избранныхъ провидѣніемъ народовъ, соотвѣтствующая смѣнѣ представляемыхъ ими идей — все это были мысли вовсе не чуждыя и Чаадаеву, и самому де-Местру. Де-Местръ видѣлъ во Франціи свой избранный народъ будущаго, призванный оживить уснувшую вѣру и начать новую всемірно-историческую эпоху; Чаадаевъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ ожидать той же услуги человѣчеству и отъ своей родины. Но въ то же самое время онъ не могъ не негодовать на національное самолюбіе, приписывавшее себѣ достоинства избраннаго народа и считавшее осуществленнымъ въ прошломъ то, чего Чаадаевъ только еще надѣялся отъ будущаго. Такъ какъ, однако же, національное самомнѣніе и вѣра во всемірно-историческую миссію легко переходили одно въ другое и совмѣщались въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, большею частью хорошихъ знакомыхъ Чаадаеву, то ему было довольно трудно установить свое отношеніе къ новымъ московскимъ взглядамъ. То онъ опасался національнаго шовинизма, какъ естественнаго врага своей любимой идеи—о религіозномъ единеніи народовъ, то возлагалъ надежды на результаты національнаго самоанализа, какъ лучшаго средства узнать самихъ себя и радикально излечиться отъ своей національной гордыни. Это двойственное отношеніе къ модному увлеченію національностью мы встрѣчаемъ уже въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, 1834 или 1835 г., слѣдовательно раньше напечатанія перваго изъ *Писемъ* Чаадаева въ *Телескопѣ* (1836). «Въ настоящее время — пишетъ онъ, — у насъ происходитъ своеобразное движеніе умовъ. Стараются сфабриковать національность; а такъ какъ никакихъ матеріаловъ для этого не имѣется, то получится, конечно, совершенно искусственный продуктъ... Трудно предвидѣть пока, къ чему это приведетъ; можетъ быть тутъ въ основѣ кроется нѣчто доброе, что и обнаружится въ свое время; возможно, что предпринятый анализъ покажетъ, что намъ слѣдуетъ основывать наше будущее не на прошедшемъ, котораго у насъ нѣтъ, а на обдуманной оцѣнкѣ нашего положенія въ настоящемъ. Какъ бы то ни было, пока не выяснятся цѣли провидѣнія, эта тенденція кажется мнѣ истиннымъ бѣдствіемъ. Не грустно ли, скажите, видѣть, что въ тотъ моментъ, когда всѣ народы сближаются, всѣ мѣстныя и географическія особенности стушевываются, мы погружаемся въ себя и возвращаемся къ узкому патріотизму (à l'amour du clocher). Вы знаете, что, по моему мнѣнію, Россіи суждена великая духовная будущность; она должна разрѣшить нѣкогда всѣ вопросы

о которыхъ споритъ Европа. Поставленная внѣ быстраго потока, который такъ увлекаетъ умы, имѣющая возможность совершенно спокойно и безпристрастно взглянуть на все то, что такъ волнуетъ и тревожитъ сердца, она когда-нибудь найдетъ рѣшеніе человѣческой загадки. Но если эти тенденціи не прекратятся, мнѣ придется проститься съ моими надеждами: судите, какъ мнѣ это пріятно! Что мнѣ тогда останется дѣлать,—мнѣ, который любилъ свою родину только за ея будущее?» *).

Окончательнымъ толчкомъ къ пересмотру старыхъ взглядовъ послужила для Чаадаева гроза, разразившаяся надъ нимъ по поводу напечатанія его *Философическаго письма* **). Оффиціально объявленный сумасшедшимъ за мнѣнія, которыя онъ самъ уже не вполнѣ раздѣлялъ, онъ долженъ былъ отдать себѣ и другимъ отчетъ въ перемѣнѣ, совершившейся въ промежуткѣ шести лѣтъ, подъ вліяніемъ собственнаго душевнаго успокоенія и московскихъ теорій. Таково происхожденіе *Апологіи сумасшедшаго*,—произведенія оставшагося, какъ и *Письма о философіи исторіи*, неоконченнымъ, но тѣмъ не менѣе весьма характернаго для новыхъ воззрѣній Чаадаева. Вліяніе московскаго шеллингизма сказалось уже на самой терминологіи Чаадаева. Вотъ какъ формулируются теперь его старыя основныя положенія въ терминахъ новой философіи исторіи: «Исторія народа не есть простой рядъ фактовъ, смѣняющихъ другъ друга, а цѣпь идей, находящихся во взаимной связи. Фактъ долженъ объясняться идеей; въ событіяхъ должна проявляться и стремиться къ осуществленію какая-нибудь мысль, какое-нибудь начало». Подъ этимъ опредѣленіемъ подписался бы любой шеллингистъ, если бы въ устахъ Чаадаева оно имѣло значеніе общаго историческаго правила; но для него по прежнему, это только привилегированное исключеніе, примѣнимое лишь къ однимъ *христіанскимъ* народамъ, да и то не ко всѣмъ. Такимъ характеромъ внутренней необходимости и логичности отличается, по Чаадаеву, одна только исторія христіанской—и притомъ средневѣковой Европы.. «Посмотрите ка средневѣковую Европу, — говоритъ онъ, — тамъ нѣтъ событія, которое бы не было, такъ сказать, абсолютно необходимо... а почему? Потому что за каждымъ событіемъ вы найдете идею». «Я очень хорошо знаю, что не всякая исторія имѣетъ строгій, логическій ходъ этой дивной эпохи, въ теченіе которой развилось, подъ главенствомъ верховнаго принципа, христіанское общество; но такъ же вѣрно и то, что таковъ долженъ быть истинный характеръ историческаго развитія какъ отдѣльнаго народа, такъ и семьи народовъ,—и что національности, лишенныя подобнаго прошлаго, должны примириться съ мыслью, что *не въ исторіи*, не въ воспоминаніяхъ прошлаго слѣдуетъ имъ искать элементовъ дальнѣйшаго прогресса». Таково именно положеніе Россіи, «не имѣвшей подобной исторіи». «Положимъ, извѣстный

*) *Oeuvres*, стр. 172—173.

**) О запрещеніи *Телескопа* за статью Чаадаева и объ административныхъ карахъ по этому поводу см. у *Жихарева*, *Вѣстникъ Европы* 1871, № IX, и у *Барсукова*: „Жизнь Погодина“, т. IV, стр. 381—390.

народъ по стеченію обстоятельствъ, отъ него не зависѣвшихъ, вслѣдствіе географическаго положенія, вовсе не выбраннаго имъ добровольно, распространится на огромномъ пространствѣ, не сознавая, что дѣлаетъ; положимъ, что въ одинъ прекрасный день онъ окажется могущественнымъ народомъ: это, конечно, будетъ необыкновенное явленіе, и можно удивляться ему, сколько угодно; но что прикажете сказать о немъ исторіи? Вѣдь, въ сущности, это одинъ матеріальный, такъ сказать, географическій фондъ,— въ огромныхъ размѣрахъ, конечно, но и только. Исторія его возьметъ, запишетъ въ свои лѣтописи, потомъ захлопнется за нимъ,— вотъ и все. Настоящая исторія начнется для этого народа только съ того дня, когда онъ будетъ охваченъ идеей, которая ему ввѣрена, которую онъ призванъ осуществить, и когда онъ примется за ея осуществленіе съ тѣмъ инстинктивнымъ упорствомъ, которое помогаетъ народамъ выполнить свое предназначеніе» *).

Какъ видимъ, Чаадаевъ остался вѣренъ своимъ основнымъ принципамъ, переодѣвъ ихъ только въ новый философскій костюмъ. Но это нисколько не помѣшало ему сдѣлать значительныя уступки въ оцѣнкѣ русскаго прошлаго и, еще большія уступки во взглядахъ на русское будущее. Въ русскомъ прошломъ онъ не переставалъ видѣть «бѣлую бумагу»; но онъ готовъ былъ теперь признать смягчающія обстоятельства. «Конечно, было преувеличеніе въ этомъ обвинительномъ актѣ противъ великаго народа, вся вина котораго, въ концѣ-концовъ, сводится къ тому, что судьба забросила его далеко отъ всѣхъ цивилизацій міра; было преувеличеніемъ не признать, что мы произошли на свѣтъ на почвѣ не вспаханной и не засѣянной трудами предыдущихъ поколѣній; было преувеличеніемъ—не отдать справедливости этой смиренной, а иногда и героической церкви, которая одна утѣшаетъ насъ въ пустотѣ нашихъ лѣтописей». Итакъ, Чаадаевъ не хотѣлъ «удивляться» русской исторіи, вслѣдъ за Погодинымъ, но соглашался признать ея своеобразный характеръ и на причины этого своеобразія началъ отчасти смотрѣть глазами Кирѣевскаго. Уступая ему, онъ призналъ роль античнаго элемента въ европейской культурѣ, которому прежде приписывалъ только отрицательное значеніе, поставивъ рядомъ съ христіанскимъ элементомъ западной цивилизаціи—языческій, онъ этимъ самымъ ослабилъ значеніе католицизма въ образованіи современной Европы. Съ другой стороны, и русская отсталость могла объясняться теперь не недостаткомъ вѣры, а недостаткомъ культуры; а въ русской вѣрѣ Чаадаевъ соглашался признать, правда единственную, свѣтлую черту нашего прошлаго. Всѣ эти поправки не измѣнили его мнѣнія о tabula rasa русской исторіи и о бесформенности, неопредѣленности русской національной физіономіи. Но теперь въ этой неопредѣленности онъ видѣлъ лучшій залогъ свободнаго развитія въ будущемъ. Онъ призналъ, что «было преувеличеніемъ опечалит-

*) *Oeuvres*, стр. 134–137.
**) *Oeuvres*, стр. 149—150.

ся, хотя бы на минуту, за судьбу націи, создавшей могучую натуру Петра, универсальный умъ Ломоносова, граціозный геній Пушкина». И теперь онъ смѣло предрекалъ этой націи великую будущность, основанную на свободномъ и разумномъ выборѣ, не связанномъ никакими воспоминаніями прошлаго. «Я думаю,—заявлялъ онъ теперь,—что если мы пришли послѣ другихъ, то должны сдѣлать лучше другихъ, избѣгнуть ихъ ошибокъ, ихъ суевѣрій. Сводить наше назначеніе къ тому, что мы должны повторить цѣлый рядъ глупостей народовъ, менѣе насъ счастливыхъ, перетерпѣть съизнова весь рядъ ихъ несчастій,—значитъ имѣть странное представленіе о предназначаемой намъ роли... Я твердо убѣжденъ, что мы призваны разрѣшить большую часть проблемъ соціальнаго строя, завершить большую часть идей, возникшихъ въ старомъ обществѣ, и произнести приговоръ въ самыхъ важныхъ вопросахъ, занимающихъ человѣчество». Пустота нашего прошлаго не только не мѣшаетъ роли безпристрастныхъ судей и вершителей европейскихъ тяжебъ, а напротивъ именно она-то и дѣлаетъ возможнымъ исполненіе этой роли. «Большая часть вселенной подавлена своими преданіями, своими воспоминаніями: не будемъ завидовать ея узкому кругозору: въ сердцѣ большинства націй засѣло глубоко сознаніе прожитой жизни и тяготѣетъ надъ настоящимъ. Пусть ихъ борятся съ своимъ неумолимымъ прошедшимъ. Мы никогда не жили подъ роковымъ давленіемъ исторической ломки; воспользуемся же огромнымъ преимуществомъ—повиноваться только голосу просвѣщеннаго разума, зрѣлой воли: будемъ помнить, что для насъ нѣтъ безвозвратной необходимости; что мы, благодаря Богу, не стоимъ на крутомъ склонѣ, увлекающемъ столько другихъ націй къ невѣдомымъ судьбамъ; что намъ дана возможность измѣрять каждый шагъ, который мы проходимъ, обдумывать каждую идею, входящую въ наше сознаніе». Такимъ образомъ, «осуществленіе этого великаго будущаго, выполненіе этихъ блестящихъ судебъ будутъ именно результатомъ того особаго свойства русскаго народа, которое впервые было указано въ роковой статьѣ».

Эта послѣдняя черта продолжаетъ отдѣлять Чаадаева отъ московскихъ націоналистовъ, несмотря на все его сближеніе съ ними. Вмѣстѣ съ ними—и даже предвосхищая ихъ взгляды, онъ надѣется на «великое будущее» Россіи; но, въ противоположность имъ, онъ выводитъ это великое будущее изъ ничтожнаго прошлаго. Въ той же «апологіи», которая такими блестящими красками рисуетъ всемірно-историческое призваніе Россіи, мы найдемъ самыя рѣзкія нападки на «новую школу». «Къ чему намъ,—говорятъ (сторонники новой школы),—искать свѣта у западныхъ народовъ? Развѣ у насъ самихъ нѣтъ зародышей несравненно лучшаго общественнаго строя, чѣмъ западный? Къ чему было торопиться (заимствованіемъ)? Предоставленные самимъ себѣ, своему ясному уму, творческой силѣ, сокрытой въ нѣдрахъ нашей могучей натуры и особенно нашей святой вѣрѣ, мы скоро обогнали бы всѣ эти народы, обреченные лжи и заблужденію. И въ чемъ намъ завидовать Западу? Въ его религіозной борьбѣ, папствѣ, рыцарствѣ, инквизиціи? Есть чему завидовать! Развѣ Западъ,—родина наукъ и вся-

ческой мудрости? Извѣстно, что все это идетъ съ Востока. Вернемся же къ Востоку, съ которымъ мы повсюду соприкасаемся, откуда мы получили нѣкогда свою вѣру, законы, свои хорошія свойства,—словомъ, все, что сдѣлало насъ могущественнѣйшимъ народомъ въ мірѣ. Старый Востокъ погибаетъ: не мы ли его законные преемники? Въ нашей сферѣ сохранятся теперь его дивныя преданія и осуществятся великія и сокровенныя истины, завѣщанныя ему отъ начала вѣковъ». «Вы понимаете теперь,—заключаетъ Чаадаевъ эту характеристику,—откуда возникла разразившаяся надо мной буря; вы видите, что въ нашемъ національномъ мышленіи совершается настоящій переворотъ, состоящій въ страстной реакціи противъ просвѣщенія, противъ западныхъ идей,—того просвѣщенія и идей, которыя сдѣлали насъ тѣмъ, что мы есть, и плодомъ которыхъ является даже самая эта возстающая противъ нихъ реакція. Куда приведетъ насъ это первое дѣяніе эманципированной національной мысли? Богъ знаетъ! Но тотъ, кто любитъ свою родину, не можетъ не огорчиться глубоко этимъ отреченіемъ нашихъ наболѣе передовыхъ умовъ отъ того, что составляло наше величіе и нашу славу» *).

Современному читателю эта полемика должна показаться удивительно знакомой. Еще такъ недавно на нашихъ глазахъ повторился этотъ же споръ между приверженцами нашего національнаго прошлаго и пророками нашего всемірно-историческаго будущаго. Разложеніе славянофильства завершилось тою же борьбой между его составными элементами, съ которой началась его исторія. Но само славянофильство этого противорѣчія не знало. Національное было въ немъ такъ тѣсно связано съ всемірно-историческимъ, какъ того требовала шеллингистская философія исторіи. Въ неразрывномъ соединеніи того и другого и состояло отличіе славянофильской теоріи; отъ только что разсмотрѣнныхъ философско-историческихъ построеній. Ни одно изъ этихъ построеній не удовлетворило требованіямъ новой теоріи; а причиной неудачи было во всѣхъ нихъ именно отсутствіе связи между прошедшимъ и будущимъ Россіи, между національной исторіей и всемірно-исторической миссіей русскаго народа. Полевой и до нѣкоторой степени Погодинъ подмѣтили нѣкоторыя своеобразныя особенности русской исторіи и старались найти для нихъ закономѣрное объясненіе; но всѣ попытки вывести изъ этихъ русскихъ особенностей свойства нашей всемірно-исторической роли кончались у нихъ одними громкими фразами и реторическими фигурами. Напротивъ, Кирѣевскій и Чаадаевъ открыто признали невозможность найти въ русскомъ прошломъ задатки всемірно-историческаго будущаго; исходя изъ этого признанія, первый требовалъ заимствованія всемірно-историческихъ элементовъ изъ европейскаго настоящаго, второй—изъ европейскаго прошлаго. Но требованіе Кирѣевскаго явно противорѣчило теоріи; требованіе Чаадаева, хотя и удовлетворяло ей формально, но, въ сущности, исходило совсѣмъ изъ другихъ точекъ зрѣнія. Заговоривъ о не-

*) *Oeuvres*,, 139—140.

обходимости пережить чужую жизнь съ начала, а не съ середины, и объ особенной легкости этого для русскихъ въ виду того, что у нихъ, собственно, вовсе нѣтъ прошлаго,—Чаадаевъ очень искусно обратилъ въ свою пользу тѣ самыя затрудненія, которыя останавливали Кирѣевскаго. Но это было, все-таки, не окончательное рѣшеніе вопроса, а только остроумный обходъ его. Чтобы вполнѣ удовлетворить теоріи, надо было, во что бы то ни стало, найти внутреннюю связь между прошедшимъ и настоящимъ, доказать, что одно необходимо вытекаетъ изъ другого, и изъ этой необходимой связи частей одного и того же историческаго явленія вывести затѣмъ характеристику русскаго всемірно-историческаго идеала. Для Чаадаева, признававшаго необходимость только тамъ, гдѣ онъ предполагалъ непосредственное водительство Провидѣнія, это было особенно трудно. Нѣсколько лѣтъ спустя (1842 г.) онъ жаловался Шеллингу на московскую философію именно за то, что «ея фаталистическая логика, почти совершенно уничтожающая свободную волю, и во всемъ отыскивающая неумолимую необходимость, обращается на наше прошлое и готова превратить всю нашу исторію въ ретроспективную утопію, въ заносчивый апоѳеозъ русскаго народа» и т. д. *). Заодно съ народною спѣсью осуждены здѣсь Чаадаевымъ и новыя методическія требованія, въ силу которыхъ историческіе факты *всѣхъ* временъ и народовъ совершенно уравнивались передъ законами неумолимой исторической логики. Такимъ образомъ, самая суть новой философіи исторіи такъ и осталась для него непонятна. Это, однако, не мѣшаетъ намъ думать, что въ подготовкѣ славянофильской теоріи мысли Чаадаева сыграли очень значительную роль. Значеніе это становится очевиднымъ при внимательномъ разборѣ его отношеній къ И. Кирѣевскому. *Письма о философіи исторіи*, ходившія до напечанія по рукамъ знакомыхъ Чаадаева **), конечно, были извѣстны Кирѣевскому и приняты имъ во вниманіе, когда онъ писалъ свою статью о *Девятнадцатомъ вѣкѣ*. Взаимное пониманіе, установившееся между обоими серьезными мыслителями, было настолько полно, что послѣ запрещенія *Европейца* за статью Кирѣевскаго авторъ не усомнился ввѣрить свою защиту передъ начальствомъ Чаадаеву, а послѣдній не поколебался принять на себя эту щекотливую обязанность. Мемуаръ, написанный Чаадаевымъ для Кирѣевскаго и предназначавшійся для подачи Бенкендорфу, чрезвычайно любопытенъ въ томъ отношеніи, что хорошо оттѣняетъ сходныя черты взглядовъ того и другого и показываетъ, въ какихъ мнѣніяхъ оба могли сдѣлать уступки другъ другу. Мемуаръ исходитъ изъ мысли, что Россія и Европа совершенно различны по историческому развитію и, слѣдовательно, европейская культура (наприм., политическія учрежденія и т. п.) не можетъ быть *пересажена* на русскую почву. Эта исходная точка зрѣнія, дѣйствительно, обща какъ Кирѣевскому, такъ и Чаадаеву. Далѣе указываются средства *самостоятельнаго* развитія Россіи. Это, во

*) *Сочин.*

**) См. воспоминанія Свербеева о Чаадаевѣ въ *Русскомъ Архивѣ* 1868 г.

первыхъ, по Кирѣевскому, серьезное классическое образованіе, какъ способъ воспринять античную культуру, унаслѣдованную Западомъ и не дошедшую до Россіи. Чаадаевъ, согласившійся, что онъ «недостаточно оцѣнилъ стоимость» этого элемента въ своихъ *Письмахъ*, теперь отводитъ ему, отъ имени Кирѣевскаго, первое мѣсто: мы видѣли, что онъ призналъ значеніе классицизма и въ своей *Апологіи*. На послѣднемъ мѣстѣ поставлено то условіе самостоятельности русскаго развитія, которое для самого Чаадаева было первымъ, и это видно изъ того жара, съ которымъ онъ его защищаетъ. «Я желаю, — говоритъ онъ отъ лица Кирѣевскаго, — чтобы религіозное чувство пробудилось въ страхѣ, чтобы религія вышла изъ летаргіи, въ которую теперь погружена. Я думаю, что просвѣщеніе, которому мы завидуемъ у другихъ народовъ, было тамъ послѣдствіемъ вліянія религіозныхъ идей... Я не понимаю иной цивилизаціи, кромѣ христіанской». Это, наоборотъ, чисто Чаадаевскія идеи, но Кирѣевскій, въ свою очередь, былъ предрасположенъ въ ихъ пользу. Такимъ образомъ, изъ двухъ разныхъ точекъ ихъ мысли захватываютъ одно и то же содержаніе, и мы имѣемъ полное основаніе предположить, что эта взаимная близость есть плодъ взаимнаго соглашенія. И въ это соглашеніе Чаадаевъ внесъ во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ отъ него получилъ. Уже самая рѣзкость отношенія Чаадаева должна была послужить залогомъ для столь же рѣшительной реабилитаціи нашего прошлаго будущими славянофилами. Но этимъ отрицательнымъ вліяніемъ не ограничилось значеніе для нихъ теоріи Чаадаева. Мы видимъ, что сами по себѣ они уже были склонны приписывать религіозной идеѣ первенствующую роль въ развитіи культуры. Но Чаадаевъ едва ли не первый открылъ имъ глаза на общую связь идей христіанской исторической философіи, а только въ этой связи православная религіозная идея получила всемірно-историческое значеніе. Оставаясь вѣрнымъ своей старой системѣ, Чаадаевъ не могъ сдѣлать самъ этого послѣдняго вывода *), такъ

*) Когда этотъ выводъ былъ сдѣланъ, Чаадаевъ отнесся къ нему иронически. См. его письмо къ графу Сиркуру, замѣчательное по своей превосходно выдержанной иронія (*Неизданныя рукописи Чаадаева* въ *Вѣстникѣ Европы*): „Всѣ предводители литературнаго движенія, которое въ настоящую минуту у насъ происходитъ, при всемъ своемъ разногласіи въ другихъ вопросахъ, одинаково сходятся въ томъ, что мы—настоящій народъ Господень новыхъ временъ: точка зрѣнія, въ которой если хотите, нѣтъ недостатка въ нѣкоторомъ ароматѣ мозаизма, но въ которомъ, однако, вы найдете удивительную глубину, если обратите вниманіе на великолѣпную роль, которую церковь играла въ нашей исторіи и толпу нашихъ предковъ, увѣнчанныхъ его священнымъ нимбомъ. Мало того, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ умовъ нашихъ, котораго вы легко узнаете по этой чертѣ, недавно доказалъ со свойственной ему могущественною логикой, что христіанство, по своему принципу, возможно было только въ нашей соціальной средѣ, что оно могло въ совершенствѣ расцвѣсти только тутъ, потому что мы были единственный народъ въ мірѣ, прилично организованный для воспринятія его въ самой чистой его формѣ. Изъ этого слѣдуетъ, какъ вы видите, что, строго говоря, І. Х. могъ бы не разсылать своихъ апостоловъ по всей землѣ, и что одного апостола Андрея достало бы совершенно на выполненіе всей задачи, распредѣленной между ними. Конечно, само собою разумѣется, что от-

какъ онъ не могъ согласиться приписать *всѣмъ* историческимъ процессамъ одинаковую закономѣрность. То и другое сдѣлали уже представители слѣдующаго поколѣнія; въ послѣдовательномъ развитіи обоихъ поколѣній и состояла историческая философія славянофильства.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

кровенное ученіе, разъ достигнувшее полнаго своего развитія въ этой приготовленной для него средѣ, все-таки, можетъ продолжать свой ходъ для окончанія всемірной палингенезіи: стало быть, и вы можете до нѣкоторой степени питать надежду, что нѣкогда оно дойдетъ и до васъ. Иные найдутъ, можетъ быть, что было бы довольно трудно согласить все это съ вселенскою идеей христіанства, столь настойчиво исповѣдуемой въ другомъ полушаріи христіанскаго міра: но эта-то коренная разница между обоими ученіями и даетъ намъ преимущество передъ вами. Мы не осуждены, какъ вы, на вѣчную неподвижность, мы не окаменѣли въ догматѣ, какъ вы; напротивъ, наши вѣрованія допускаютъ самыя счастливыя и самыя разнообразныя приложенія христіанскаго принципа,—и особенно приложеніе его къ принципу національному: преимущество неизмѣримое, въ которомъ вы не можете намъ довольно завидовать. Нашъ любезный профессоръ (Шевыревъ) сказывалъ намъ наединѣ съ высоты своей каѳедры, съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія и самымъ звучнымъ своимъ голосомъ, что мы—избранный сосудъ, предназначенный сохранить въ чистотѣ евангельскій догматъ для передачи его въ данное время народамъ, созданнымъ менѣе счастливо, чѣмъ мы. Этотъ новый путь христіанства,—любопытное открытіе нашего тузеннаго разумѣнія,—будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, принято всѣми христіанскими исповѣданіями, какъ только они про него узнаютъ".

Какъ не слѣдуетъ понимать справедливость у римскихъ юристовъ.

Juventius Celsus Labeoni suo salutem. Non intelligo quid sit, de quo me consulueris, aut valide stulta est consultatio tua (L. 27 D. 28, 1).

Передъ нами книга, на заголовкѣ которой мы читаемъ: *Опытъ характеристики понятій aequitas и aequum jus въ римской классической юриспруденціи. Изслѣдованіе приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета.* Задача автора этой книги состоитъ въ опредѣленіи понятія aequitas,—которое переводится обыкновенно на русскій языкъ словомъ справедливость,—путемъ истолкованія всѣхъ тѣхъ рѣшеній римскихъ юристовъ, въ которыхъ встрѣчается ссылка на это понятіе (стр. 3). Эта задача, способная, по словамъ автора, «бросить новый свѣтъ на нѣкоторые спорные пункты догмы римскаго права» и «имѣющая сама по себѣ не меньшее значеніе для современной догматической науки права, чѣмъ все прочее наслѣдіе, полученное этою наукой отъ древняго Рима» (стр. 2),—признается авторомъ на послѣднихъ страницахъ его сочиненія (стр. 308—9) благополучно разрѣшенной и восполняющей въ этомъ разрѣшеніи «серьезный пробѣлъ въ современной литературѣ по римскому праву». Не предрѣшая вопроса, насколько это сужденіе самого автора о своемъ сочиненіи согласно съ дѣйствительностью, и оставляя въ сторонѣ, какъ второстепенный пунктъ, весьма спорную оцѣнку значенія избранной авторомъ темы для современной догмы права, заинтересованной въ ней, во всякомъ же случаѣ меньше, чѣмъ исторія римскаго права или исторія права вообще, мы обратимся прямо къ характеристикѣ пріемовъ, которыми пользуется г. Хвостовъ при разрѣшеніи своей задачи, и, въ связи съ этимъ, раскроемъ общій планъ предпринятой имъ работы.

I.

Казалось бы, что отъ романиста, который ставитъ предъ собой цѣль опредѣлить понятіе aequitas на основаніи римскихъ источниковъ и за-

еть съ самаго начала, что имъ «собранъ съ этою цѣлью съ возможно большею полнотой и подвергнутъ анализу весь наличный матеріалъ источниковъ, касающихся aequitas классическаго періода» (стр. 7), слѣдовало бы, прежде всего, ожидать правильной интерпретаціи этихъ источниковъ и такихъ выводовъ изъ нихъ, которые опирались бы твердо на добытые шагъ за шагомъ результаты интерпретаціи. Но вмѣсто такой интерпретаціи, оперирующей цѣлью закона и соображающей соціальныя состоянія, которымъ законъ приходитъ на помощь,—всякая иная интерпретація противорѣчила бы состоянію римскихъ источниковъ и поставленной авторомъ задачѣ,—и, вмѣсто строго обоснованныхъ на такой именно широкой интерпретаціи выводовъ, мы находимъ у г. Хвостова либо однѣ цитаты, изгнанныя въ примѣчанія, либо самые тексты источниковъ, приводимые или въ подлинникѣ, или въ переводѣ, для подтвержденія впередъ задуманныхъ и поставленныхъ апріорно положеній. Насколько эти цитаты, тексты и переводы приведены и исполнены правильно, и насколько они доказательны для положеній, въ пользу которыхъ г. Хвостовъ привлекаетъ ихъ къ своей работѣ, рѣчь объ этомъ будетъ идти ниже, при разборѣ содержанія этой работы. Теперь же мы характеризуемъ только съ внѣшней стороны способъ этой работы,—говорить въ примѣненіи къ ней о какомъ бы то ни было методѣ мы не считаемъ возможнымъ,— и отмѣчаемъ ту ея несомнѣнную особенность, что, задаваясь мыслью интерпретировать понятіе aequitas изъ римскихъ источниковъ, г. Хвостовъ вовсе не занимается этой интерпретаціей и ограничивается въ огромномъ большинствѣ случаевъ или простою ссылкой на источники, долженствующіе подтвердить его предвзятыя положенія, или,—и это только въ рѣдкихъ случаяхъ,—толкуетъ эти же источники чисто-формальнымъ образомъ, не изслѣдуя никогда ни соотвѣтствующихъ имъ фактическихъ состояній римской жизни, ни тѣхъ способовъ регулированія этихъ состояній, которые въ данное время и въ данномъ мѣстѣ способны были бы удовлетворить лучше всего потребности въ такомъ регулированіи. Ничего не измѣняютъ въ этомъ положеніи дѣла и скорѣе ухудшаютъ, чѣмъ улучшаютъ его, неоднократныя упоминанія о запросахъ гражданскаго оборота, о смѣнѣ натуральнаго хозяйства денежнымъ, объ измѣненіяхъ, внесенныхъ въ римскую жизнь пуническими войнами, о требованіяхъ общаго блага и т. д. (стр. 25—27, 33, 37—39, 263—265 и др.). Всѣ эти разсужденія, не дающія ничего, кромѣ общихъ мѣстъ, лишенныхъ опредѣленнаго и удовлетворяющаго научнымъ требованіямъ содержанія, заимствуются г. Хвостовымъ, по преимуществу, изъ элементарныхъ учебниковъ институцій и исторіи римскаго права, гдѣ они и занимаютъ подобающее имъ мѣсто, о которомъ не можетъ быть рѣчи въ ученомъ изслѣдованіи. А какъ не безопасны могутъ быть такія поверхностныя экскурсіи въ область исторіи и историческихъ категорій, это иллюстрируется намъ самимъ г. Хвостовымъ на 43 стр. его сочиненія, гдѣ названіемъ *историческаго переживанія* охарактеризовано не что иное, какъ *взглядъ* римскаго юриста Ульпіана, несогласный съ тѣмъ представленіемъ объ aequitas, на которомъ

въ данномъ случаѣ нашему автору угодно настаивать. Оставляя, однако, въ сторонѣ эти невинные сравнительно промахи и недостатки метода, которыми грѣшитъ, къ сожалѣнію, не одинъ нашъ авторъ, и которые должны быть въ значительной мѣрѣ поставлены на счетъ исторической неподготовленности и рутины въ дѣлѣ разработки римскаго права, мы спросимъ себя, стоитъ ли, по крайней мѣрѣ, г. Хвостовъ прочно на почвѣ этой рутины, т.-е. знаетъ ли онъ дѣйствительно римскіе источники и умѣетъ ли толковать ихъ, хотя бы, со стороны одного формально-логическаго значенія ихъ въ системѣ римскаго права. Но, предварительно разсмотрѣнія этого вопроса, мы остановимся нѣсколько минутъ еще на одномъ, близко связанномъ съ нимъ и имѣющемъ, можно сказать, преюдиціальное значеніе для оцѣнки всей работы г. Хвостова, вопросѣ объ ея планѣ, которымъ нарушаются, какъ это сейчасъ будетъ видно, элементарнѣйшія требованія формальной логики, не менѣе обязательныя для апріорнаго мышленія, какъ и для всякого другого.

Планъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Исходная точка автора — опредѣленіе римской aequitas въ смыслѣ равенства всѣхъ предъ закономъ (стр. 8). Этотъ общій принципъ формальнаго равенства распадается, по терминологіи г. Хвостова, на «частные принципы», которые, являясь «слѣдствіями общаго понятія, получаютъ названіе постулатовъ aequitatis требованій справедливости» (стр. 9). Руководящее значеніе между всѣми этими «частными постулатами», *вытекающими* изъ общаго принципа aequitas (стр. 275), приписывается авторомъ, во-первыхъ, принципу общаго блага и, во-вторыхъ, принципу независимости каждаго гражданина въ сферѣ его имущественныхъ правъ, причемъ оба эти принципа «*сводятся* къ одному общему принципу равенства всѣхъ предъ закономъ и составляютъ содержаніе понятія aequitas» (стр. 9). Наконецъ, каждый изъ руководящихъ принциповъ «aequitatis» распадается у автора на свои «частные постулаты» (стр. 18, 160), дающіе начало, въ свою очередь, еще болѣе частнымъ принципамъ, образующимъ въ своей совокупности подобіе родословнаго древа, которому недостаетъ только родства какъ физическаго, такъ и логическаго между его отдѣльными членами. Что̀ сближаетъ, наприм., между собой охраненіе существующаго права отъ всякаго измѣненія и стремленіе къ его постояннымъ измѣненіямъ и новообразованіямъ? Между тѣмъ, то и другое сводится авторомъ къ одному и тому же, построенному на началѣ общаго блага, постулату aequitas (стр. 16—17). Что̀ общаго, далѣе, между отвѣтственностью каждаго только за самого себя и отвѣтственностью за чужія дѣйствія, и какое отношеніе имѣютъ та и другая отвѣтственность къ независимости и самостоятельности каждаго гражданина въ его гражданскихъ правахъ? Между тѣмъ, объ̀ формы отвѣтственности слиты въ изложеніи г. Хвостова и разсматриваются какъ выраженія одного и того же постулата, требующаго самостоятельности и независимости гражданина (стр. 176—199). Что̀, затѣмъ, имѣютъ общаго между собой предупрежденіе правонарушеній и, такъ называемая, репрессія неосновательнаго

обогащенія съ тѣмъ же принципомъ самостоятельности и независимости личности? Между тѣмъ, нашъ авторъ подводитъ подъ дѣйствіе этого принципа не только упомянутыя сейчасъ явленія изъ области римскаго права, но и начала института negotiorum gestio, стоящія уже въ полномъ противоположеніи съ принципомъ независимости личности въ принадлежащей ей сферѣ имущественныхъ правъ (стр. 162—170, 223—276). Какимъ чудомъ, наконецъ, авторъ умозаключаетъ изъ общаго принципа равенства всѣхъ передъ закономъ къ двумъ своимъ основнымъ постулатамъ понятія acquitas, говоря нѣсколько разъ, что эти постулаты и сводятся къ тому общему принципу и выводятся изъ него,—тогда какъ мы несомнѣнно констатируемъ въ нихъ такіе признаки, которыхъ нѣтъ и не можетъ быть въ томъ общемъ понятіи, изъ котораго они выводятся, уже въ силу признаваемаго самимъ авторомъ чисто-формальнаго характера этого понятія. Объясненіе этого чуда, низвергающаго все зданіе современной логики, представляло бы не легкую задачу, если бы намъ не было извѣстно изъ исторіи догмы гражданскаго права нѣсколько случаевъ подобной же аберраціи логическаго мышленія.

Средневѣковая юриспруденція, разрабатывая римское ученіе о сервитутахъ, начала со времени Bartolus'a вводить въ него все, что какъ въ юстиніановскомъ Corpus juris, такъ и въ современныхъ ей источникахъ, означалось словомъ servitus. Этимъ путемъ она пришла къ тому, что подвела подъ понятіе сервитута не только рабство, но и еще совершенно невозможный и небывалый разрядъ сервитутовъ, названныхъ ею serv. ex jure divino и подраздѣленныхъ на 1) serv. ex vetere testamento, основанные на грѣхопаденіи человѣка, и 2) serv. ex novo testamento, выражающіе служеніе человѣка Богу. Эти категоріи сервитутовъ были введены въ знаменитое родословное древо сервитутовъ (arbor servitutum), перешедшее даже въ глоссированное изданіе Corpus juris и напоминающее въ извѣстной степени классификацію элементовъ aequitas у г. Хвостова. Но если еще старый Донель смѣялся надъ arbor servitutum глоссаторовъ и сравнивалъ ихъ пріемы работы съ тѣмъ, если бы кто-нибудь вздумалъ выставить общее понятіе taurus (быкъ) и, затѣмъ, расчленить его на такія составныя части: 1) волъ, 2) звѣзда и 3) гора, соединяя все это въ одно и то же общее для всѣхъ этихъ разнородныхъ предметовъ названіе,—то что сказать о классификаціи нашего автора, повторяющаго ошибки, которыя казались смѣшными уже три съ лишнимъ столѣтія тому назадъ?

Ознакомившись съ внѣшними пріемами и планомъ сочиненія г. Хвостова, мы могли бы на этомъ, строго говоря, оборвать разборъ этого сочиненія. Но въ виду заявленія автора о детальномъ изученіи имъ «всего наличнаго матеріала римскихъ источниковъ» по вопросу объ aequitas и о «достаточной обоснованности сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ» (стр. 7, 308) мы должны провѣрить эти заявленія автора, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ принципіально выдвигаемыхъ имъ положеніяхъ и охарактеризовать, кстати, его отношеніе къ существующей литературѣ по избранной имъ темѣ.

II.

Къ принципіальнымъ положеніямъ, суммирующимъ, по признанію самого автора, главный результатъ его работы, принадлежатъ, во-первыхъ, приведенное выше опредѣленіе понятія aequitas и, во-вторыхъ, утвержденіе о «цѣльности, строгой опредѣленности и строгой ограниченности» этого понятія въ источникахъ римскаго права (стр. 3, 8, 266, 308). Оба эти положенія, идущія въ разрѣзъ съ установленными въ литературѣ этого предмета воззрѣніями, принадлежатъ цѣликомъ г. Хвостову, хотя заявленному на страницѣ 8 пріоритету на опредѣленіе aequitas въ смыслѣ равенства всѣхъ предъ закономъ противорѣчитъ приписываніе на стр. 307 этого же опредѣленія Іерингу. Но мы увидимъ далѣе, что Іерингъ совершенно неповиненъ въ приписываемомъ ему воззрѣніи, и потому, не оспаривая ничуть пріоритетныхъ претензій нашего автора, мы посмотримъ, что онъ дѣлаетъ для доказательства своихъ основныхъ положеній.

Единственное мѣсто изъ дигестъ, приводимое г. Хвостовымъ, въ качествѣ «прямого подтвержденія» даннаго имъ опредѣленія aequitas, не заключаетъ въ себѣ, къ сожалѣнію, ни прямаго, ни косвеннаго подтвержденія этого опредѣленія. Это—l. 1, D. 2.2, находящая вполнѣ справедливымъ подчиненіе магистрата, отправляющаго судебно-законодательныя функціи (претора), тѣмъ положеніямъ права, которыя имъ самимъ творились и примѣнялись въ годъ его службы по отношенію къ другимъ. О равенствѣ всѣхъ предъ закономъ въ этомъ источникѣ не только не говорится, но и не можетъ говориться, такъ какъ и рѣчь-то въ немъ идетъ не о всѣхъ, а объ одномъ магистратѣ, котораго только и имѣется въ виду ограничить въ произвольномъ отправленіи его власти. Если же мы и допустили бы на минуту, что мысль Ульпіана, которому принадлежитъ настоящій текстъ, заключалась дѣйствительно въ томъ, въ чемъ ее усматриваетъ нашъ авторъ, а именно—«чтобы нормы права были для всѣхъ одинаковы»,—хотя, повторяемъ, Ульпіановское рѣшеніе вовсе не даетъ основанія для такого предположенія,—то и отсюда до опредѣленія aequitas въ смыслѣ равенства всѣхъ передъ закономъ было бы все-таки очень далеко. Мы не говоримъ уже о томъ, что для построенія на этомъ текстѣ новаго опредѣленія понятія aequitas нашему автору слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, сопоставить и провѣрить этотъ текстъ на другихъ рѣшеніяхъ какъ того же Ульпіана, такъ и прочихъ римскихъ юристовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они говорятъ объ aequitas и соединяютъ съ этимъ понятіемъ представленія, не имѣющія ничего общаго съ равенствомъ всѣхъ передъ закономъ. Г. Хвостовъ не дѣлаетъ ничего подобнаго и считаетъ, повидимому, свое опредѣленіе aequitas доказаннымъ одною ссылкой на приведенное выше мѣсто Ульпіана и сдѣланнымъ изъ него выводомъ при помощи нарушенія тѣхъ же законовъ логическаго мышленія, о которыхъ мы уже вели рѣчь при положеніи общаго плана его сочиненія. Покончивъ же съ Ульпіаномъ, г. Хвостовъ переходитъ безъ дальнѣйшихъ поясненій къ обозрѣ[illegible],

такъ называемыхъ имъ, «частныхъ принциповъ aequitatis», содержащихъ въ себѣ опять все, что угодно, только не равенство передъ закономъ. Съ этимъ послѣднимъ мы встрѣчаемся снова лишь въ двухъ заключительныхъ главахъ сочиненія г. Хвостова, гдѣ онъ резюмируетъ, въ такъ называемой имъ, «исторической перспективѣ» результаты своего предшествующаго изложенія и разбираетъ новую литературу по вопросу объ aequitas, дѣлая здѣсь двѣ новыя и столь же неудачныя, какъ и первая, попытки оправдать данное имъ въ самомъ началѣ опредѣленіе этого понятія.

Одну изъ этихъ попытокъ мы имѣемъ при разборѣ извѣстнаго сочиненія Фойгта: *Die Lehre vom j. naturale, aequum u. bonum u. j. gentium der Römer*, гдѣ г. Хвостовъ ставитъ въ большой упрекъ разбираемому имъ автору то, что этотъ послѣдній не воспользовался «такъ, какъ бы это слѣдовало», нѣсколькими очень интересными, по выраженію г. Хвостова, «*пассажами*» изъ сочиненій Цицерона. Въ этихъ «пассажахъ» — говоритъ намъ г. Хвостовъ,—«Цицеронъ не менѣе ясно, чѣмъ Ульпіанъ въ цитированной нами во главѣ нашего анализа источниковъ l. 1, pr. § 1. D. 2.2, указываетъ на то, что принципъ *aequitatis есть въ сущности принципъ* равенства всѣхъ передъ закономъ» (стр. 294). Болѣе внимательное чтеніе Фойгта, пользующагося вполнѣ установленною репутаціей лучшаго знатока римскихъ источниковъ по всѣмъ вопросамъ, особенно касающимся jus naturale, j. gentium и того, что носило въ римскомъ правѣ названіе aequum et bonum, показало бы г. Хвостову, что не Фойгтъ, а онъ самъ долженъ быть привлеченъ къ отвѣту за неумѣлое пользованіе Цицерономъ. То, что въ изложеніи Фойгта является связаннымъ тѣсно со всѣмъ философскимъ міросозерцаніемъ Цицерона и строго разграниченнымъ отъ чисто-юридическихъ представленій его объ aequitas,—это самое вырывается г. Хвостовымъ изъ своей естественной связи съ міросозерцаніемъ Цицерона и выдается какъ разъ за то, о чемъ цитируемыя изъ него мѣста вовсе не говорятъ, т.-е. за юридическое понятіе aequitas. Строгое разграниченіе между юридическимъ и не юридическимъ или философскимъ значеніемъ этого понятія составляетъ важную заслугу Фойгта, признанную за его классическимъ сочиненіемъ всею современной романистическою юриспруденціей,—а если г. Хвостовъ затемняетъ или, выражаясь точнѣе, не видитъ совсѣмъ этого различія (стр. 8), смѣшивая постоянно видовые признаки aequitas съ родовыми, и наоборотъ, то въ этомъ нужно видѣть, конечно, уже не заслугу, а недостатокъ пониманія результатовъ предшествующей нашему автору работы мысли. Противъ замѣчанія о необязательности для г. Хвостова воззрѣній Фойгта мы отвѣтили бы указаніемъ на неподлежащую спору обязательность пониманія этихъ воззрѣній, критическаго отношенія къ нимъ и, въ случаѣ несогласія съ ними, повѣрки, если не всего, то, по крайней мѣрѣ, главной части матеріала, на которомъ основаны эти воззрѣнія, пользующіяся общимъ признаніемъ. Что же дѣлаетъ съ ними нашъ авторъ? Вмѣсто пониманія, критики и опроверженія этихъ воззрѣній, мы находимъ только не мотивированные приговоры и крайне

сбивчивое и неточное изложеніе самой теоріи Фойгта (стр. 287—294), гдѣ совсѣмъ опускается какъ разъ то, что составляетъ центръ тяжести этой теоріи, а именно—различіе между общей (вульгарной), спеціальной (технически-юридической) и философской aequitas,—причемъ насчетъ общаго понятія отнесено то, что Фойгтомъ говорится только о видовомъ. Приведемъ, въ видѣ образчика критическихъ пріемовъ г. Хвостова, слѣдующее рѣшительное сужденіе его о Фойгтѣ. «Онъ положилъ массу труда на составленіе обширной монографіи и собралъ въ ней много цѣннаго матеріала. Тѣмъ не менѣе, для разрѣшенія нашего спеціальнаго вопроса о томъ, что разумѣли классическіе юристы подъ именемъ aequitas, Фойгтъ не даетъ почти *ничего*. Приступая къ изслѣдованію *juris boni et aequi* у римлянъ, Фойгтъ не позаботился путемъ старательнаго изученія всего матеріала, находящагося въ источникахъ, установить, что собственно нужно понимать подъ терминомъ *jus aequum* въ словоупотребленіи римскихъ юристовъ» (стр. 293).

Не говоря о противорѣчіи всего этого разсужденія съ приписаннымъ прежде Фойгту игнорированіемъ матеріала римскихъ источниковъ, мы замѣтимъ, что даже въ тусклой и неточной передачѣ нашего автора результаты сочиненія Фойгта вовсе уже не такъ безразличны для пониманія римской aequitas, какъ это утверждается г. Хвостовымъ, который и самъ бы избѣгнулъ многихъ недоразумѣній, если бы вдумался серьезнѣе въ эти результаты. При лучшемъ знаніи Фойгта и источниковъ римскаго права, г. Хвостовъ не упрекалъ бы, конечно, перваго въ недостаточномъ выясненіи понятія «jus aequum въ словоупотребленіи римскихъ юристовъ», такъ какъ ему было бы тогда извѣстно, что никакого jus aequum въ источникахъ классическаго и даже Юстиніанова римскаго права никогда не существовало, и что по этому ни римскіе юристы не могли прибѣгать и не прибѣгали никогда къ соотвѣтствующему этому понятію словоупотребленію, ни Фойгтъ не думалъ объ изслѣдованіи не существующаго «juris boni et aequi», занимаясь только понятіемъ aequitas въ его различныхъ проявленіяхъ. Точно также, если бы г. Хвостовъ зналъ, какъ слѣдуетъ, Фойгта, онъ не позволилъ бы себѣ еще нѣсколькихъ совершенно противныхъ дѣйствительности утвержденій, вродѣ того, наприм., что опредѣленію понятія aequitas посвящено Фойгтомъ лишь 22 страницы его монографіи, и что Фойгтъ не производитъ, будто бы, и «спеціальнаго анализа источниковъ для разрѣшенія поставленнаго вопроса, но идетъ путемъ совершенно апріорнымъ, отправляясь отъ нѣмецкаго понятія Billigkeit» (стр. 287). Выясненію понятія aequitas въ многообразныхъ формахъ его примѣненія посвящена значительная часть 1-го и 3-го томовъ сочиненія Фойгта, образующихъ въ совокупности около 2000 страницъ убористой печати, а упрекать Фойгта въ смѣшеніи aequitas съ нѣмецкой Billigkeit и въ недостаточномъ пользованіи источниками римскаго права, или говорить даже, что онъ вовсе не производитъ ихъ анализа,—можно только въ томъ случаѣ, если не знать совсѣмъ этого сочиненія или искажать намѣренно его содержаніе.

Утверждая, наконецъ (стр. 294), что Фойгтъ не воспользовался «такъ, какъ бы это слѣдовало» и тѣми данными, какія были въ его распоряженіи, «опять таки въ виду его общей капитальной ошибки въ планѣ всего изслѣдованія» и что и изъ «фрагментовъ» Цицерона «Фойгтъ не вывелъ для себя никакого *поученія*», г. Хвостовъ не разсматриваетъ нигдѣ ни плана изслѣдованія Фойгта, ни «фрагментовъ» Цицерона. Такимъ образомъ, онъ не показываетъ, почему эти «фрагменты» должны были привести Фойгта не къ тому выводу, къ какому онъ пришелъ отъ нихъ на основаніи ихъ всесторонняго изслѣдованія, а къ тому «поученію», какое дѣлаетъ за него нашъ авторъ, не предпринимающій, однако, съ этой цѣлью не только ни малѣйшаго изслѣдованія, но даже и попытки къ доказательству правильности выведеннаго имъ изъ двухъ или трехъ предложеній Цицерона «поученія». Само собою разумѣется, что въ указанныхъ условіяхъ нельзя и говорить о доказательности изреченій Цицерона,— если бы даже, вопреки никѣмъ еще не опровергнутымъ аргументамъ Фойгта, они относились и не къ одному философскому понятію aequitas,— для установленія этого понятія въ юридическомъ и желательномъ для нашего автора смыслѣ равенства всѣхъ предъ закономъ. Что касается перестановки источниковъ изъ одного мѣста на другое, при чемъ первоначальное мѣсто указано ихъ дѣйствительнымъ значеніемъ, а новое, отводимое имъ г. Хвостовымъ, ничѣмъ не мотивировано и противно ихъ настоящему смыслу, то понятно, что такая перестановка не можетъ дать ни доказательства, ни даже суррогата доказательства, или прибавить что-нибудь къ голословности сдѣланнаго нашимъ авторомъ опредѣленія понятія aequitas.

Еще менѣе доказательна, если только въ бездоказательности возможна какая-нибудь градація, другая попытка г. Хвостова—оправдать свое опредѣленіе aequitas ссылкой на большой авторитетъ Іеринга.

Неточность передачи цитируемаго автора переходитъ здѣсь въ прямое искаженіе, непростительное особенно по отношенію къ такому популярному писателю, какъ Іерингъ, и къ такому общераспространенному даже среди неюристовъ сочиненію, какъ его *Geist des römischen Rechts*. Приведемъ для обнаруженія этого искаженія относящійся сюда текстъ г. Хвостова и построчный переводъ соотвѣтствующаго мѣста изъ указаннаго сочиненія Іеринга.

«Изъ числа новѣйшихъ романистовъ, — пишетъ г. Хвостовъ, — мы знаемъ только одного, который высказываетъ въ общихъ чертахъ совершенно правильный взглядъ на сущность римской aequitas. Именно, Іерингъ въ I-ой ч. II-го т. своего *Geist des röm. R.* § 29 слѣдующимъ образомъ высказывается о нашемъ понятіи. Римская aequitas, *по его мнѣнію, есть не что иное, какъ принципъ равенства всѣхъ предъ закономъ.*—Древнее римское право, — продолжаетъ чрезъ нѣсколько строкъ г. Хвостовъ, цитируя Іеринга, — стремится не меньше, чѣмъ новое, къ установленію равенства (aequum jus, aequitas). Если же, тѣмъ не менѣе, древнее право часто является въ глазахъ позднѣйшихъ римскихъ поколѣній несправедливымъ

(summum jus, summa injuria), такъ что даже позднѣйшее право усвоива етъ выраженіе *aequum jus* только для себя, то это объясняется многими причинами» (стр. 307—308).

Посмотримъ теперь, что самъ Іерингъ говоритъ объ aequitas на цитируемыхъ нашимъ авторомъ стр. 91—92, 2-го тома своего знаменитаго сочиненія. «Равенство предъ закономъ, — читаемъ мы у Іеринга, — требуется идеей справедливости: равное по своей природѣ должно обсуждаться равнымъ образомъ и со стороны закона. Но что именно равно? Древнее римское право стремится не менѣе новаго къ равенству (aequum jus, aequitas), но какъ *безконечно различна* aequitas новаго римскаго права отъ того смысла ея въ древнемъ правѣ, въ которомъ Тацитъ называлъ законодательство 12 таблицъ finis aequi juris, т.-е. крайнимъ выраженіемъ равнаго права! Позднѣйшее право предъявило даже исключительную претензію на слово aequitas и, характеризуя себя имъ, какъ мягкое право, *именно словомъ aequitas противополагало себя строгому праву* (strictum jus) болѣе ранней эпохи. Приговоръ, произнесенный позднѣйшимъ правомъ, надъ болѣе раннимъ, выраженъ въ извѣстныхъ словахъ: summum jus, summa injuria: это — упрекъ, дѣлаемый первымъ второму въ томъ, что стремленіе къ равенству древняго права имѣло въ дѣйствительности своимъ послѣдствіемъ самое крайнее неравенство».

Гдѣ, спрашивается, въ этихъ словахъ «признаніе римской aequitas не чѣмъ инымъ, какъ принципомъ равенства всѣхъ передъ закономъ»? Іерингъ не только не даетъ такого опредѣленія aequitas, но и прямо дѣлаетъ его невозможнымъ указаніемъ на *безконечное различіе* aequitas новаго права, гдѣ она только и получила опредѣленное содержаніе, отъ того принципа древне-римскаго права, который былъ принципомъ математическаго равенства и велъ на практикѣ къ вопіющимъ неравенствамъ. Въ противоположность этой, наиболѣе характерной по воззрѣнію Іеринга, чертѣ древняго права, состоящей «въ неумолимомъ господствѣ абстрактнаго правила и въ рѣшительномъ отвращеніи ко всякаго рода индивидуализированію въ правѣ» (Іер., ibid, стр. 95), въ новомъ римскомъ правѣ выступаетъ ярко индивидуализирующая тенденція, воплощаясь въ исключеніяхъ изъ общаго правила, въ созданіи особыхъ нормъ для отдѣльныхъ случаевъ и въ предоставленіи широкаго простора судебному усмотрѣнію. На этомъ фундаментѣ и строится юридическое понятіе aequitas, по мнѣнію Іеринга, лишь въ третьемъ періодѣ исторіи римскаго права, которымъ Іерингъ вовсе не занимается въ своемъ сочиненіи, и даетъ поэтому не опредѣленіе этого понятія, а лишь отдѣльное указаніе на его индивидуализирующую тенденцію, з ключающую въ себѣ, во всякомъ случаѣ, не признаніе, а, напротивъ, по нѣйшее отрицаніе всенивелирующаго направленія древняго права. Такимъ образомъ, въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ его сочиненія и въ дал нѣйшемъ изложеніи рѣчь идетъ спеціально вовсе не объ aequitas, котор только противополагается математическому равенству древняго права, объ одномъ лишь этомъ равенствѣ древняго права, подтверждаемомъ ка

приведенными въ текстѣ словами Тацита, такъ и цитируемыми въ примѣчаніяхъ къ тому же тексту мѣстами изъ Цицерона и Тита Ливія. Если въ этихъ цитатахъ встрѣчаются слова aequum jus, jura exaequasse и т. д., то этими словами характеризуется то же начало формальнаго равенства древняго права, а совсѣмъ не юридическое понятіе aequitas, образовавшееся гораздо позднѣе. Поэтому нашъ авторъ снова погрѣшаетъ противъ истины, когда, заявляя сначала о своемъ согласіи съ Іерингомъ, онъ упрекаетъ его, затѣмъ, въ томъ, что, за исключеніемъ цитированныхъ выше свидѣтельствъ римскихъ писателей, онъ не привелъ никакихъ иныхъ доказательствъ изъ источниковъ «въ подтвержденіе того, что римляне подъ словомъ aequitas разумѣли дѣйствительно принципъ формальнаго равенства всѣхъ передъ закономъ». Приводимыя Іерингомъ свидѣтельства носятъ, по мнѣнію г. Хвостова, слишкомъ общій характеръ; потомъ всѣ они принадлежатъ не юристамъ, что̀ въ значительной мѣрѣ ослабляетъ аргументацію Іеринга и даетъ рѣшительный перевѣсъ надъ ней нашему автору, оперирующему юридическими источниками (стр. 308). Г. Хвостовъ воздержался бы, конечно, отъ этихъ неумѣстныхъ упрековъ и сопровождающаго ихъ самовосхваленія, еслибъ онъ былъ немного осторожнѣе въ выраженіи своихъ сужденій и помнилъ, что ему самому приходится опирать свое опредѣленіе aequitas на совершенно не юридическихъ изреченіяхъ Цицерона. Затѣмъ, и въ главѣ «о понятіи aequitas въ исторической перспективѣ» ему опять приходится ссылаться единственно на тѣ же мѣста изъ Ливія и Тацита, которыя приведены у Іеринга, для подтвержденія своей тоже основной, хотя и ни на чемъ не основанной—мысли, состоящей въ томъ, что руководящимъ принципомъ древне-римскаго права была «*та же самая aequitas*, которая опредѣляла содержаніе нормъ классическаго права» (стр. 263). Не останавливаясь на этой мысли, которая совсѣмъ не вытекаетъ изъ приведенныхъ въ ея доказательство и неосторожно заимствованныхъ у Іеринга свидѣтельствъ Тацита и Ливія, опровергаясь, притомъ, какъ предшествующимъ изложеніемъ, такъ и господствующимъ и ни мало не поколебленнымъ нашимъ авторомъ воззрѣніемъ на римскую aequitas,—мы обратимъ вниманіе по поводу своеобразнаго пониманія г. Хвостовымъ Іеринга еще на слѣдующее недоразумѣніе. Какимъ образомъ на Іеринга можетъ падать отвѣтственность за то или другое пользованіе источниками въ доказательство пониманія римской aequitas въ смыслѣ равенства передъ закономъ, когда такое воззрѣніе на aequitas ему было вполнѣ чуждо, и онъ ссылался на свои источники вовсе не въ виду того или другого опредѣленія этого понятія, а только для характеристики древняго римскаго права? И почему, излагая Іеринга, г. Хвостовъ подмѣниваетъ употребляемое имъ въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ слово aequitas своимъ излюбленнымъ «aequum jus», которое въ изложеніи Іеринга не только не совпадаетъ съ aequitas, но составляетъ ея противоположеніе? Вся послѣдняя глава сочиненія г. Хвостова, посвященная характеристикѣ современной литературы по опредѣленію aequitas, наполнена примѣрами подобнаго же искаженія мнѣній изла-

гаемыхъ имъ авторовъ, между которыми особенно достается Савиньи, Кирульфу и Лейсту, не считая извѣстнаго германиста Альбрехта, обвиняемаго неизвѣстно за что и въ написаніи памфлета, и въ третированіи своего учителя (Савиньи), и въ употребленіи чуть ли не кухонной латыни (стр. 278—381, 285—286, 295, 299—307). Но мы удовольствуемся приведенными уже образчиками оперированія г. Хвостова своими авторами и перейдемъ къ разсмотрѣнію второго изъ его основныхъ положеній.

III.

Положеніе, представляющее намъ понятіе aequitas въ римскомъ правѣ, какъ бы «единымъ, строго опредѣленнымъ и строго ограниченнымъ понятіемъ», не доказывается также нашимъ авторомъ ровно ничѣмъ. Скажемъ болѣе: оно усердно опровергается имъ самимъ и его собственнымъ изложеніемъ. Здѣсь мы не находимъ даже того commencement de la preuve par écrit, которымъ нашъ авторъ открываетъ свое опредѣленіе понятія aequitas, и вступаемъ, напротивъ, въ область разнороднѣйшихъ проявленій этого понятія въ римскомъ правѣ. Эти проявленія даже въ изложеніи нашего автора до такой степени разнородны и даже противорѣчивы, что имп исключается всякая мысль о возможности свести всѣ случаи, въ которыхъ приходится имѣть дѣло съ aequitas, къ какому бы то ни было единому юридическому понятію, и потому не удивительно, что подобная мысль не шла въ голову еще ни одному романисту, кромѣ г. Хвостова. Существующія опредѣленія aequitas въ смыслѣ справедливости, гуманности, индивидуализаціи законодательной и судебной дѣятельности, стремленія къ согласованію устарѣлыхъ положеній права съ новыми соціальными теченіями и т. д., изображаютъ намъ это понятіе только въ роли могущественнаго фактора правообразованія, но вовсе не того строго опредѣленнаго и ограниченнаго понятія, какимъ оно, можно сказать, впервые выступаетъ у нашего автора. Но и у него оно выступаетъ таковымъ только въ намѣреніи, а не въ исполненіи. Это мы и покажемъ сейчасъ на краткомъ обзорѣ содержанія 2-й и 3-й главъ настоящаго сочиненія, занятыхъ спеціальнымъ изложеніемъ двухъ основныхъ и множества изъ нихъ, по мнѣнію автора, вытекающихъ частныхъ постулатовъ aequitas.

Вторая глава посвящена первому постулату, формулируемому авторомъ слѣдующимъ образомъ: «aequitas требуетъ, чтобы право при опредѣленіи того, какія потребности въ какой формѣ должны получить юридическую охрану, стояло выше желаній и притязаній отдѣльныхъ лицъ и классовъ общества, и руководилось соображеніями общаго блага всѣхъ гражданъ» (стр. 10). На слѣдующей страницѣ г. Хвостовъ поясняетъ этотъ постулатъ такимъ образомъ: «право, если желаетъ избѣжать упрека въ несправедливости, должно руководиться *при распредѣленіи субъективныхъ правъ между гражданами* и вообще при опредѣленіи размѣра и рода защиты ихъ интересовъ *соображеніями общаго блага* всего гражданскаго общества. Это—единственный масштабъ» и т. д.

Прежде, чѣмъ идти дальше, мы сдѣлаемъ по поводу приведеннаго мѣста сочиненія г. Хвостова одно замѣчаніе. Не останавливаясь на болѣе чѣмъ странномъ предположеніи, приписывающемъ объективному праву совершенно неизвѣстную ему задачу «распредѣленія субъективныхъ правъ между гражданами»,—хотя это предположеніе выражено не случайно, а повторено нѣсколько разъ и въ другихъ мѣстахъ книги (стр. 10, 18, 76),—мы подчеркнемъ, напротивъ, въ качествѣ основного и проводимаго чрезъ все сочиненіе, то положеніе автора, что главнѣйшимъ постулатомъ,—по отношенію къ которому второй и всѣ остальные постулаты aequitas являются лишь необходимыми дополненіями и продолженіями (стр. 159—160),—служитъ не что иное, какъ начало общаго блага. Ставя это положеніе, г. Хвостовъ забываетъ, во-первыхъ, знаменитый и дѣлающійся банальнымъ уже со средней школы афоризмъ: salus populi suprema lex, — которымъ начало общаго блага признается, какъ извѣстно, руководящимъ не для отдѣльныхъ факторовъ и отраслей права, а для всего правоваго порядка во всѣхъ его развѣтвленіяхъ какъ въ публичномъ, такъ и въ гражданскомъ правѣ. Здѣсь, однако, дѣйствіе этого начала обнаруживается только въ связи съ постоянно измѣняющимися условіями жизни, требующими точнаго всякій разъ изслѣдованія всей конкретной обстановки установленія и примѣненія отдѣльныхъ положеній и институтовъ права. Между тѣмъ, нашъ авторъ нигдѣ не разсматриваетъ этихъ конкретныхъ условій, внѣ которыхъ принципъ общаго блага обращается въ простую форму, лишенную содержанія и не имѣющую въ правѣ никакого значенія. Во-вторыхъ, принимая начало общаго блага за главный постулатъ aequitas, г. Хвостовъ забываетъ также свое опредѣленіе этого понятія, которое оказывается гораздо уже вытекающаго изъ него, по его собственнымъ словамъ, постулата (стр. 91). Равенство всѣхъ предъ закономъ, неизвѣстное римлянамъ и провозглашенное въ первый разъ лишь въ декларации правъ человѣка и гражданина 1791 г., послѣ чего прошло еще болѣе полустолѣтія прежде, чѣмъ это начало успѣло проникнуть во всѣ дѣйствующія на Западѣ Европы законодательства,—это начало, въ противоположность принципу общаго блага, имѣетъ совершенно опредѣленное содержаніе, не зависящее отъ какихъ бы то ни было особыхъ или конкретныхъ условій существованія личности. Это теперь одно изъ такъ называемыхъ, абсолютныхъ правъ личности, откуда также нельзя выводить начало общаго блага, какъ нельзя выводить изъ понятія объ одномъ какомъ-нибудь видѣ понятіе о цѣломъ родѣ, или изъ одного какого-либо частнаго и вполнѣ опредѣленнаго явленія права—совершенно неопредѣленный и общій для всѣхъ областей права принципъ. Но г. Хвостовъ не считаетъ для себя, очевидно, обязательными общепризнанныхъ законовъ логики и, смѣшивая безпощадно римскую aequitas одновременно и съ равенствомъ предъ закономъ, и съ общимъ благомъ, относитъ, съ одной стороны, на счетъ aequitas все то, что въ римскихъ источникахъ сводится къ соображеніямъ объ общемъ благѣ, и, съ другой—подводитъ подъ это понятіе самыя разнообразныя

операціи и положенія права, которыя допускаютъ еще самое общее объясненіе подъ угломъ зрѣнія общаго блага, но не имѣютъ уже ничего общаго ни съ равенствомъ предъ закономъ, ни съ идеей единства и строгой опредѣленности понятія aequitas (см. всю 2-ю главу, стр. 12—159). Отсюда понятно само собою, какъ въ изложеніи г. Хвостова совмѣщается въ одномъ и томъ же понятіи aequitas и равенство всѣхъ предъ закономъ, и существованіе такихъ нормъ, «которыя создаются только для извѣстнаго класса лицъ» (стр. 18), причемъ въ подтвержденіе согласія этихъ нормъ съ aequitas приведенъ на первомъ планѣ какъ разъ такой источникъ, который говоритъ, что справедливость опеки надъ совершеннолѣтней женщиной—болѣе кажущаяся, чѣмъ вѣрная (стр. 19). Также само собою объясняется и подведеніе подъ aequitas такихъ разнохарактерныхъ видовъ юридической дѣятельности, каковы, напримѣръ, примѣненіе существующей нормы къ данному случаю, аналогія права, реформа стараго и созданіе новаго права (стр. 15—16) и, наконецъ, стоящее уже въ прямомъ противорѣчіи съ признаннымъ самимъ авторомъ творчествомъ юриспруденціи и, тѣмъ не менѣе, приписываемое той же aequitas—требованіе «не измѣнять характера предоставленнаго въ ихъ (юристовъ) распоряженіе законодательнаго матеріала» или «остерегаться *измѣнить* смыслъ и значеніе развиваемыхъ ею (юриспруденціей) нормъ» (стр. 17). Авторъ не пытается, впрочемъ, и объяснить указываемое противорѣчіе, ограничивая опять свою задачу перестановкой источниковъ изъ тѣхъ книгъ и титуловъ дигестъ, гдѣ они занимаютъ соотвѣтствующее имъ мѣсто, подъ свои искусственныя рубрики, ни мало не содѣйствующія установленію связи этихъ источниковъ съ занимающимъ авторомъ понятіемъ. Само собою разумѣется, что всѣ излагаемые г. Хвостовымъ постулаты, взаимно уничтожающіе другъ друга,—какъ и тѣ «операціи», посредствомъ которыхъ создаются нормы—новыя и, въ тоже время ничѣмъ не отличающіяся отъ старыхъ—сводятся къ источникамъ римскаго права только въ представленіи нашего автора. Если же онъ неустанно цитируетъ то одного, то другого римскаго юриста, положенія и заключенія его нисколько не становятся отъ того болѣе убѣдительными и ни мало не выигрываютъ даже въ логическомъ отношеніи. Цитаты г. Хвостова имѣютъ исключительно декоративное значеніе, и если онѣ могутъ вводить кого-либо въ заблужденіе, то, думается намъ, одного лишь автора. Такъ, напримѣръ, г. Хвостовъ утверждаетъ, что «оцѣнкѣ на основаніи aequitas подлежитъ также *система, въ которой располагаются нормы*, входящія въ составъ какого-либо законоположенія» (стр. 144). Онъ думаетъ, что «[въ] этомъ именно смыслѣ выражается Ульпіанъ въ l. 2 pr. D. 37, 11: *aequissimum ordinem* praetor secutus est» etc... Въ этихъ словахъ есть, какъ видно, заключеніе, есть и цитата. Тѣмъ не менѣе, заключеніе остается, все-таки, чудовищнымъ, и Ульпіанъ ничуть не причастенъ къ нему, несмотря даже на тѣ значительныя вставки, которыя введены г. Хвостовымъ въ текстъ римскаго юриста. Ульпіанъ совсѣмъ не говоритъ, что «система размѣщенія нормъ создается на основаніи aequitas»,—въ его текстѣ [и]

идетъ не о систематизаціи нормъ, а о порядкѣ, въ которомъ должно совершаться призваніе лицъ къ наслѣдованію.

Остановимся еще на одномъ заблужденіи, обнаруживающемъ, притомъ, чрезвычайную непослѣдовательность мысли нашего автора. На стр. 16 и 17 своего сочиненія онъ разсказываетъ намъ объ аналогіи права слѣдующее:

«Для того, чтобы дать полное выраженіе тому общему положенію права, которое скрывается за слишкомъ конкретно формулируемой законодательной нормой, они (римскіе юристы) *создаютъ рядъ такихъ же нормъ* и для другихъ случаевъ, подходящихъ подъ одну категорію со случаями, уже предусмотрѣнными законодателемъ». Чрезъ нѣсколько строкъ г. Хвостовъ повторяетъ, что этимъ путемъ «*создаются совершенно новыя нормы*, которыхъ не имѣлъ въ виду создать законодатель». Между тѣмъ, подъ параграфомъ, трактующимъ спеціально объ аналогіи права и озаглавленномъ не безъ участія тавтологическаго элемента: «детальная разработка и развитіе тѣхъ законодательныхъ идей, которыя заключаются въ существующемъ легальномъ элементѣ», мы читаемъ, что аналогія «*никакихъ новыхъ идей въ право не вводитъ*» и «имѣетъ своей цѣлью дать въ надлежащей *полнотѣ* (курсивъ автора) юридическое выраженіе идеямъ, недостаточно широко охваченнымъ умомъ закононадателя» (стр. 112). Характеризуя, далѣе, понятіе аналогіи, авторъ говоритъ: «Такъ какъ aequitas требуетъ, чтобы юридическую защиту получили всѣ тѣ интересы, которые съ точки зрѣнія общаго блага являются достойными ея, и чтобы формы и размѣры защиты были одинаковы для всѣхъ интересовъ, представляющихся съ той же точки зрѣнія *одинаковыми*, то задача юристовъ, примѣняющихъ и разбатывающихъ нормы права, состоитъ въ томъ, чтобы дать идеѣ, слишкомъ узко сознаваемой законодателемъ, подобающую ея значенію сферу примѣненія» (стр. 113). Наконецъ, предостерегая противъ распространенія аналогіи на всѣ случаи, подобные предусмотрѣнному законодателемъ случаю (стр. 119), г. Хвостовъ приходитъ къ такому мудрому выводу: «*Для одинаковыхъ случаевъ должны быть создаваемы одинаковыя нормы*, лишь насколько случаи эти, съ точки зрѣнія aequitas, являются дѣйствительно *одинаковыми*» (стр. 120).

Сопоставляя эти, внушенныя г. Хвостову непосредственнымъ наблюденіемъ надъ римскими источниками, мысли какъ между собою, такъ и съ тѣмъ, чѣмъ была аналогія права въ римской дѣйствительности, мы видимъ, что эти мысли страдаютъ, прежде всего, внутреннимъ противорѣчіемъ, а потомъ—и весьма смутнымъ представленіемъ о предметѣ, котораго онѣ касаются. Г. Хвостовъ признаетъ аналогію сначала созданіемъ права, а потомъ отрицаетъ это созданіе, становясь въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ противорѣчіе съ хорошо констатированными фактами исторіи римскаго права. Утверждая, далѣе, что аналогія примѣняется къ защитѣ тѣхъ только интересовъ, «которые являются одинаковыми», и что аналогическія нормы создаются только для дѣйствительно одинаковыхъ случаевъ, нашъ

авторъ забываетъ или не знаетъ, что какъ въ физическомъ мірѣ, такъ и въ правѣ не существуетъ двухъ вполнѣ равныхъ другъ другу или одинаковыхъ вещей. Вотъ почему положительное право, если не имѣть въ виду привиллегій, связываетъ всегда свои послѣдствія лишь съ отдѣльными, повторяющимися только въ цѣломъ рядѣ случаевъ, элементами жизненныхъ отношеній, которые, т.-е. эти элементы, и называются поэтому юридически - существенными элементами этихъ отношеній или ихъ юридическимъ основаніемъ. *Сходство* въ этихъ юридически - существенныхъ элементахъ или въ юридическомъ основаніи двухъ или нѣсколькихъ отношеній—есть все, о чемъ можетъ идти рѣчь не только при аналогіи, но и при непосредственномъ примѣненіи юридическихъ нормъ,—такъ что всѣ неоднократно повторяющіяся въ книгѣ нашего автора разсужденія объ одинаковыхъ интересахъ, одинаковыхъ случаяхъ и одинаковыхъ нормахъ оказываются основанными на чистомъ недоразумѣніи. То же самое нужно сказать и о формѣ, въ которой аналогія права представляется г. Хвостову, когда онъ говоритъ, что ею создается по отношенію къ существующей нормѣ *рядъ такихъ же нормъ* для параллельныхъ случаевъ. Справка, наведенная по любому учебнику римскаго или гражданскаго права, показала бы нашему автору, что какъ ни расходятся по настоящему вопросу мнѣнія юристовъ, но никому изъ нихъ аналогія не представлялась еще какъ созданіе «*новыхъ*» и, въ то же время, «*такихъ же нормъ*» какъ и существующая норма.

Если господствующее теперь мнѣніе видитъ вполнѣ основательно въ аналогіи созданіе права, то оно видитъ это созданіе лишь въ результатѣ аналогіи, а вовсе не въ ея юридической формѣ. Существеннѣйшая черта и отличіе этой формы отъ другихъ формъ правосоздающей дѣятельности юриспруденціи состоитъ именно въ томъ, что правосозданіе происходитъ здѣсь не путемъ установленія новыхъ нормъ, а путемъ одного лишь распространенія существующей уже нормы на новые случаи или такого обобщенія этой же нормы, которое можетъ быть обязательно только для даннаго конкретнаго случая и получитъ значеніе общей (абстрактной) нормы не иначе, какъ чрезъ посредство судебной практики или обычнаго права.

Укажемъ еще вскользь изъ 2-й главы сочиненія нашего автора на такія непростительныя подъ перомъ юриста ошибки, каковы, наприм., характеристика понятія dolus въ смыслѣ »намѣреннаго и сознательнаго вторженія въ чужія права» (стр. 30), или повторяемое много разъ увѣреніе, что устанавливаемымъ авторомъ требованіямъ aequitas должны удовлетворять не только органы, завѣдующіе созданіемъ и разработкой права, но и органы, примѣняющіе это право къ жизни (стр. 12—14, 77—8, 145 и др.), или еще утверждаемое на 24 стр., въ видѣ общаго правила, признаніе въ классическомъ римскомъ правѣ «юридической силы за всякимъ серьезнымъ и непротивнымъ нравственности и нормамъ права соглашеніемъ, независимо отъ того, въ какой внѣшней формѣ оно выразилось» (текстъ принадлежитъ автору). За первое и послѣднее изъ этихъ утвержденій самъ г. Хвостовъ былъ бы принужденъ выставить неудовлетворительную отмѣтк

на снисходительнѣйшемъ студенческомъ испытаніи по римскому праву,— а приписываніе римскому судьѣ (judex) законодательныхъ функцій и предъявленіе къ нему требованія—примѣнять право на основаніи неопредѣленныхъ соображеній объ общемъ благѣ—противорѣчатъ опять вполнѣ установленнымъ взглядамъ на отношеніе между преторомъ и судьей, — взгля дамъ, для устраненія которыхъ г. Хвостовымъ не предпринято ровно ничего.

Обращаясь теперь къ 3-й главѣ его сочиненія, посвященной изложенію второго постулата «aequitatis», который состоитъ, по нашему автору, въ томъ, «чтобы право предоставляло каждому субъекту полную самостоятельность и независимость въ сферѣ (его) субъективныхъ гражданскихъ правъ» (стр. 159), — мы не видимъ, чтобъ и изложеніе этого постулата подтверждало въ чемъ-нибудь представленіе объ aequitas, какъ о равенствѣ предъ закономъ и какъ объ единомъ и строго ограниченномъ юридическомъ понятіи. Мы находимъ здѣсь, напротивъ, еще большую, чѣмъ въ предшествующей главѣ, пестроту сочетанія разнороднѣйшихъ положеній и институтовъ, которыхъ пріурочиваніе къ понятію aequitas ведетъ къ заключенію не о цѣльности и опредѣленности, а о многообразіи и неопредѣленности этого понятія именно въ изложеніи нашего автора. Мы это покажемъ сейчасъ опять на краткомъ анализѣ содержанія настоящей главы.

Второй постулатъ aequitas, формулированный уже въ приведенной выше редакціи этого постулата, разбивается у нашего автора на слѣдующихъ 4 частныхъ постулата: A) предупрежденіе правонарушеній и устраненіе вредныхъ послѣдствій отъ состоявшихся правонарушеній; B) принципъ отвѣтственности каждаго члена общества только за самого себя; C) принципъ автономности воли каждаго субъекта права въ его гражданско-правовой сферѣ (это — почти буквальное воспроизведеніе въ видовомъ постулатѣ всѣхъ признаковъ родового); D) принципъ репрессіи неосновательнаго обогащенія (стр. 160 и оглавленіе).

Приступая къ спеціальному изложенію каждаго изъ этихъ постулатовъ, авторъ приводитъ, напримѣръ, подъ первымъ постулатомъ, говорящимъ о предупрежденіи правонарушеній, нормы какъ запрещающія, такъ и разрѣшающія самоуправство; затѣмъ,—рѣшеніе Гая въ l. 5 pr. D. 44, 7, гдѣ оправдываются возникающіе изъ института negotiorum gestio иски. Эти иски нашъ авторъ относитъ къ мѣрамъ предупрежденія правонарушеній благодаря только невѣрному переводу словъ negotia dispergere въ смыслѣ расхищенія имущества (стр. 163), несмотря на предостереженіе, дѣлаемое въ томъ же рѣшеніи и тѣмъ же Гаемъ, — не основывать вытекающихъ изъ neg. gestio исковъ на какомъ бы то ни было преступленіи или проступкѣ. Наконецъ, сюда же привлекается г. Хвостовымъ и положеніе, по которому «каждый долженъ держать свое слово», такъ какъ «недержаніе слова, — по его мнѣнію,—является такимъ же вторженіемъ въ область чужой сферы правъ, какъ насиліе, тайное похищеніе имущества» и т. д. и что «вся его (лица) свобода и автономія въ этой сферѣ сдѣлается иллюзорной, если

каждое *третье лицо* будетъ свободно въ перемѣнѣ рѣшеній, серьезно выражаемымъ имъ предъ *нашимъ субъектомъ правъ* и въ недержаніи данныхъ *послѣднему* и принятыхъ *послѣднимъ* обѣщаній» (стр. 166—71). Въ доказательство такого соотвѣтствія «съ точки зрѣнія aequitas» между недержаніемъ слова и воровствомъ, грабежомъ, разбоемъ и т. д., нашъ авторъ приводитъ (стр. 167—170) нѣсколько цитатъ, изъ которыхъ, какъ и слѣдовало ожидать, ни одна къ дѣлу не относится. Ни одинъ изъ указанныхъ г. Хвостовымъ текстовъ не говоритъ, что «недержаніе слова» приравнивается къ «насилію» или «тайному похищенію». Большинство изъ нихъ вовсе даже и не упоминаетъ о «недержаніи слова» (на стр. 168 — 170). Единственный источникъ, имѣющій отдаленное отношеніе къ «постулату aequitatis, требующему исполненія даннаго слова», приведенъ на стр. 167, но и этотъ текстъ совсѣмъ не содержитъ въ себѣ «нормы, узаконяющей необходимость исполненія договоровъ, *заключенныхъ съ другими лицами*». Такой нормы римское право не знало, и поэтому не удивительно, что ее не оказывается и въ цитируемой г. Хвостовымъ l. 3 § 1 D. 4. 8, гдѣ рѣчь идетъ не о договорѣ вообще, а только о *compromissum*, о томъ, когда и при какихъ условіяхъ преторъ можетъ побудить третейскаго судью къ исполненію его обязанностей.

Переходя къ другому постулату, выражающему «отвѣтственность каждаго члена общества только за самого себя», нашъ авторъ подводитъ здѣсь подъ одну и ту же aequitas отвѣтственность какъ за различныя степени вины, такъ и за дѣйствія, стоящія независимо отъ какой бы то ни было субъективной виновности (стр. 171 — 184), причемъ оказывается, что въ обоихъ случаяхъ приходится «*изглаживать*» (стр. 176, 198) послѣдствія правонарушительныхъ дѣйствій, и что «выливаніе вина на землю, бывшее общимъ правиломъ у «veteres», не представляется Ульпіану и Помпонію дѣйствіемъ особенно похвальнымъ» (стр. 188). Здѣсь же слиты въ общемъ изложеніи дѣйствія одного и того же постулата aequitas такіе противоположные принципы, какъ «никто не отвѣчаетъ за чужія дѣйствія» и «отвѣтственность за сдѣлки, заключенныя другими лицами, и правонарушенія, ими совершенныя» въ случаяхъ, такъ называемыхъ, actiones adjectitiae qualitatis и ноксальныхъ исковъ (стр. 176 — 198). Въ другомъ мѣстѣ книги г. Хвостова мы встрѣчаемся съ еще болѣе широкимъ признаніемъ отвѣтственности за чужія дѣйствія безъ всякаго отношенія къ вопросу о виновности и съ указаніемъ на параллельныя явленія въ современномъ правѣ, что не мѣшаетъ, однако, нашему автору относить эти явленія на счетъ того же единаго понятія aequitas, которымъ устанавливается принципъ отвѣтственности каждаго только за свои и, притомъ, только виновныя дѣйствія.

Мы не будемъ продолжать дальнѣйшаго обзора содержанія книги г. Хвостова, такъ какъ изложеніе двухъ остальныхъ постулатовъ aequitas и, въ особенности, постулата, на основаніи котораго преслѣдуется неосновательное обогащеніе одного лица на счетъ другого, представляетъ еще болѣе оши-

бокъ и противорѣчій, чѣмъ предшествующее изложеніе, и столь же очевидное свидѣтельство противъ заявляемаго и, въ то же время, уничтожаемаго самимъ авторомъ единства и цѣльности юридическаго понятія aequitas въ римскомъ правѣ. Для окончательной характеристики произведенія г. Хвостова будетъ полезнѣе дать нѣсколько примѣровъ обращенія его съ источниками и русскимъ языкомъ.

IV.

На стр. 88 книги г. Хвостова мы читаемъ: «Въ l. 3 § 7 D. 26, 10, Ульпіанъ, ссылаясь на aequitas, устанавливаетъ непримѣнимость accusationis suspecti tutoris въ томъ случаѣ, если опека, дающая поводъ къ иску противъ опекуна, уже кончилась, и есть лица, которыя могутъ предъявить къ опекуну a. tutelae».

Нуженъ явный умыселъ или полное отсутствіе юридическаго чутья, чтобы такъ исказить простой и несложный казусъ, разбираемый Ульпіаномъ. Неужели этотъ послѣдній могъ «устанавливать» особое правило, да еще съ ссылкой на aequitas, по поводу «непримѣнимости accusationis suspecti tutoris въ томъ случаѣ, когда опека уже кончилась?» Если опека кончилась, то, очевидно, безъ всякой aequitas, что устраненіе опекуна по его неблагонадежности непримѣнимо, и непримѣнимо просто потому, что опека уже кончилась! Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія не только тогда, когда, какъ думаетъ г. Хвостовъ, «есть лица, которыя могутъ предъявить къ опекуну actio tutelae», но и тогда, когда таковыхъ вовсе не оказывается. Такимъ образомъ, въ изложеніи нашего автора, правило, «устанавливаемое» Ульпіаномъ, является и непонятнымъ, и неожиданнымъ. Но вина за это падаетъ, во всякомъ случаѣ, не на римскаго юриста, который имѣетъ въ виду не тотъ случай, когда «опека уже кончилась», а тотъ, когда извѣстное лицо перестаетъ быть опекуномъ по одному основанію и снова дѣлается имъ по другому: aliquem desisse esse tutorem et rursum coepisse. Только въ этихъ условіяхъ становится понятнымъ и умѣстнымъ вопросъ, поставленный Ульпіаномъ: an suspectus postulari possit?

На стр. 230 мы имѣемъ слѣдующее изложеніе г. Хвостова:

«Одно изъ лицъ, призванныхъ къ наслѣдству, до вступленія въ наслѣдство, похоронило завѣщателя на свой счетъ по приказанію претора; оно не можетъ предъявить къ сонаслѣднику a. familiae erciscundae, ибо сдѣлало издержки еще не будучи наслѣдникомъ, рѣшаетъ Ульпіанъ въ l. 49 D. 10. 2; однако, «aequum erit utilem actionem» и т. д. Здѣсь опять искаженіе текста отъ начала до конца. Оставимъ въ сторонѣ то, что римскій юристъ вовсе не говоритъ того, что «лицо, призванное къ наслѣдству, *до вступленія въ наслѣдство,* похоронило завѣщателя». Это—произвольное дополненіе г. Хвостова и, сравнительно, неважное. Болѣе существенно слѣдующее: г. Хвостовъ говоритъ, что «лицо, призванное къ наслѣдству, похоронило завѣщателя *на свой счетъ*». Такой случай, конечно, возможенъ,

но Ульпіанъ, котораго слова передаетъ нашъ авторъ, имѣетъ въ виду другой случай,—именно, когда похороны были справлены *на счетъ самого завѣщателя*. Ульпіанъ указываетъ даже точно тотъ источникъ, изъ котораго были покрыты издержки по похоронамъ: для этого лицо, которому приказано преторомъ похоронить завѣщателя, продаетъ раба, *не своего, а раба, входящаго въ составъ наслѣдства*. Въ виду такихъ фактическихъ условій, ясно, что Ульпіану не было и основаній заниматься такимъ вопросомъ, рѣшеніемъ котораго заставляетъ его заниматься нашъ авторъ. Если лицо, похоронившее завѣщателя, не сдѣлало никакихъ издержекъ изъ собственнаго имущества, то само собою разумѣется, что оно не можетъ и требовать ихъ возмѣщенія,—и не потому не можетъ требовать такого возмѣщенія, что «сдѣлало,—какъ полагаетъ г. Хвостовъ,—издержки еще не будучи наслѣдникомъ», а потому, что вовсе ихъ не дѣлало. Чтобы показать, насколько чуждо г. Хвостову пониманіе вопроса, занимавшаго вниманіе римскаго юриста, для этого лучше всего привести слова самого Ульпіана—въ ихъ подлинномъ и неискаженномъ видѣ. Ульпіанъ рѣшаетъ слѣдующій казусъ: «лицо, назначенное въ части имущества наслѣдникомъ, получило отъ претора приказаніе похоронить завѣщателя. Для исполненія этого приказанія оно продаетъ раба, который въ завѣщаніи отпущенъ на волю, а самую продажу обезпечиваетъ договоромъ объ очисткѣ въ размѣрѣ двойной цѣны раба. Затѣмъ, продавецъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности на основаніи иска объ очисткѣ и (такъ какъ рабъ оказался свободнымъ человѣкомъ, котораго нельзя было продавать), вынужденъ былъ уплатить покупателю двойную стоимость раба. Отсюда возникаетъ вопросъ: можно ли вытребовать посредствомъ a. familiae erciscundae то, что было уплачено въ силу договора (стипуляціи) объ очисткѣ?»

Любопытна еще страница 258 нашего автора. Здѣсь что ни строчка, то курьезъ! Эта страница открывается положеніемъ: «если кто-либо начинаетъ процессъ противъ предъявленнаго къ нему притязанія», положеніемъ, которое заставитъ задуматься всякаго, даже и неюриста. Всякій знаетъ, что если «кто-либо начинаетъ процессъ», то начинаетъ его предъявленіемъ иска. Г. Хвостовъ утверждаетъ, напротивъ, что возможно начинать «процессъ противъ предъявленнаго притязанія», т.-е. противъ начатаго процесса. Одно изъ двухъ: это утвержденіе есть или новая, никому неизвѣстная, норма римскаго процессуальнаго права, или неудачный переводъ какой-либо плохо понятой нѣмецкой фразы.

Далѣе г. Хвостовъ говоритъ, что «отвѣтчикъ bonae fidei долженъ реституировать истцу право собственности на виндицируемый у него предметъ, если онъ закончилъ usucapio этого предмета уже послѣ начала процесса». Въ доказательство сдѣлана при этомъ ссылка на l. 35 D. 50. 16, гдѣ, само собою разумѣется, ничего подобнаго тому, что излагаетъ г. Хвостовъ, не содержится, да и не можетъ содержаться. Все, что говорится по этому поводу г. Хвостовымъ, можно было бы назвать юридическимъ абсурдомъ. Ни одинъ юристъ не пойметъ, какъ можно «закончить usucapio»...

дицируемаго предмета «*уже послѣ начала процесса*» когда начало процесса, какъ это извѣстно всякому, кто имѣетъ даже элементарныя свѣдѣнія о правѣ, прерываетъ теченіе давности. Не менѣе загадочной представляется, далѣе, возможность реституціи права собственности на виндицируемый предметъ лицомъ, которое «*закончило* usucapio этого предмета». Если лицо «закончило usucapio», и судья, все-таки, присуждаетъ его, что̀ дѣлаетъ г. Хвостовъ, «реституировать виндицируемый предметъ», то онъ постановляетъ или явно несправедливое или явно нелѣпое рѣшеніе. Наконецъ, недоумѣніе вызываетъ и то, что «отвѣтчикъ долженъ, по выраженію г. Хвостова, реституировать истцу *право собственности* на виндицируемый у него предметъ». Не можетъ это сдѣлать отвѣтчикъ, такъ какъ онъ не имѣетъ права собственности на виндицируемый у него предметъ. Съ другой стороны, истцу не приходится и требовать реституціи «права собственности», такъ какъ оно и безъ того принадлежитъ ему. Г. Хвостову должно быть извѣстнымъ, что на основаніи виндикаціи реституціи подлежитъ не право собственности, а только владѣніе, отчего и самый виндикаціонный искъ опредѣляется какъ искъ *невладѣющаго* собственника къ владѣющему *несобственнику*.

На этой же 258 страницѣ находимъ слѣдующій переводъ: «Сабинъ и Кассій думаютъ, что плоды, собранные послѣ начала процесса, должны быть предоставлены, для того, чтобы была реституирована causa». Написать русскими буквами латинское слово не значитъ еще сдѣлать переводъ. Что разумѣетъ г. Хвостовъ подъ выраженіемъ «реституирована causa?» Causa имѣетъ въ римскихъ источникахъ болѣе 30 значеній. Какое изъ нихъ примѣняетъ здѣсь г. Хвостовъ,—это остается неизвѣстнымъ. Можно только предполагать, что онъ не разумѣетъ подъ «causa» плодовъ, такъ какъ иначе его переводъ гласилъ бы слѣдующее: «плоды должны быть предоставлены для того, чтобы были предоставлены (реституированы) плоды».

Наконецъ, на стр. 249—250 мы читаемъ: «Предметомъ предоставленія являются незаконные проценты, долгъ изъ запрещенной игры, адвокатскій гонораръ свыше дозволеннаго размѣра». Сама по себѣ эта фраза не вызываетъ недоумѣній, но отъ нихъ нельзя освободиться, когда начинаешь провѣрять тексты, указанные г. Хвостовымъ: въ текстахъ, относящихся къ первымъ двумъ случаямъ (l. 26, § 1 D. 12. 6; l. 1. C. 3. 43), не оказывается необходимой для г. Хвостова ссылки на aequitas; въ текстѣ, относящемся къ третьему случаю, нѣтъ ни слова объ адвокатскомъ гонорарѣ (l. 23, § 1 D. 12. 6).

Если бы подобные промахи были единичными, можно было бы и не обращать на нихъ вниманія. Но въ томъ-то и дѣло, что при чтеніи книги г. Хвостова сплошь и рядомъ, почти на каждой страницѣ, наталкиваешься на неожиданности: или текстъ источника не относится къ дѣлу,—въ немъ не находится того, на что указываетъ авторъ,—или содержаніе текста совершенно неправильно передано и варварски искажено. Къ большому удивленію, приходится засвидѣтельствовать, что въ книгѣ г. Хвостова особенно

много,—мы считаемъ сотнями,—приведено цитатъ, въ которыхъ, несмотря на тщательную провѣрку, мы не могли открыть указываемой авторомъ ссылки на aequitas,—aequitas отсутствуетъ.

Въ заключеніе, приведемъ нѣсколько образцовъ слога г. Хвостова.

На стр. 57 мы находимъ слѣдующій переводъ одного римскаго текста: «Такъ какъ вы, на основаніи фидеикоммисса согласно декрету претора, *получили свободу и даже родили дѣтей* (курсивъ автора), то...» и т. д. На стр. 82 мы узнаемъ, что «умершая женщина получила свое приданое». На стр. 87 «мужъ побужденъ былъ къ своей просьбѣ или сильнымъ желаніемъ имѣть дѣтей или поведеніемъ самой жены». На стр. 94 мы слышимъ, что какая-то «первоначальная связь» излагаемаго авторомъ положенія ему неизвѣстна, На стр. 103 мы находимъ «лицо, сосланное изъ провинціи», На стр. 125 кредиторъ вступаетъ въ сдѣлку съ лавкой, а на стр. 156 лица, заключающія покупку дома, оказываются покупщикомъ и продавцомъ. На стр. 157 «два лица направляютъ свои правонарушенія не другъ противъ друга, но одно изъ нихъ или даже оба поступаютъ вопреки нормамъ», причемъ чрезъ нѣсколько строкъ говорится, что «эдиктъ претора устанавливалъ штрафной гражданскій искъ для лица, совершавшаго in jus vocatio противъ того, кто силой помѣшаетъ этому *предпріятію*». Примѣры подобныхъ и другихъ, несравненно болѣе тяжелыхъ и менѣе понятныхъ оборотовъ рѣчи въ книгѣ г. Хвостова могли бы быть въ значительной степени умножены, если бы мы не считали и приведенныхъ уже примѣровъ достаточно характерными для языка этой книги. Что же касается ея содержанія и значенія, то мы говорили о томъ и о другомъ слишкомъ достаточно для того, чтобы читатель могъ вывести изъ нашихъ словъ собственное заключеніе.

Ю. Гамбаровъ.

Очерки провинціальной жизни.

Если настойчивое преслѣдованіе цѣли отдѣльнымъ лицомъ увѣнчивается успѣхомъ въ большинствѣ случаевъ, то настойчивое преслѣваніе цѣли обществомъ увѣнчивается успѣхомъ всегда. Текущимъ примѣромъ изъ нашей русской жизни служитъ высшее женское образованіе. Энергичная дѣятельность общества въ этомъ дѣлѣ преодолѣваетъ всѣ препятствія, затрудненія и противодѣйствія и достигаетъ того, что какъ само признаніе права женщины на высшее образованіе, такъ и осуществленіе этого права все болѣе и болѣе расширяются. Къ дѣйствующимъ уже въ Петербургѣ высшимъ женскимъ курсамъ по наукамъ естественнымъ и историческимъ присоединяется медицинскій институтъ. Въ Казани профессорами университета возбуждено ходатайство о разрѣшеніи устроить высшіе женскіе курсы. Предполагается открыть два отдѣленія—историко-филологическое съ преподаваніемъ латинскаго и новыхъ языковъ и естественно-историческое съ математическимъ. Предполагается, что въ слушательницы могутъ быть зачислены окончившіе курсъ 7 классовъ гимназіи и имѣющія дипломъ объ окончаніи курса въ институтахъ. Иниціаторы дѣла не сомнѣваются въ полученіи разрѣшенія. Но еслибъ на означенное ходатайство почему-либо не послѣдовало отвѣта до предстоящаго января, то профессора предполагаютъ устроить въ такомъ случаѣ публичныя лекціи по тѣмъ же предметамъ и программамъ, что и на проектируемыхъ курсахъ.

Такія систематическія публичныя лекціи по естествознанію и математикѣ организованы уже осенью въ Одессѣ при новороссійскомъ обществѣ естествоиспытателей. Лекціи читаются профессорами университета. Въ первые же дни подписки на курсы она приняла, по словамъ *Одесскаго Листка*, такіе размѣры, что превысила въ четыре раза ожидавшійся комплектъ. Преобладающій контингентъ подписавшихся—женщины всѣхъ возрастовъ. Въ виду проявленнаго женщинами стремленія къ высшему образованію, одесскій попечитель, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, озабоченъ мыслью объ учрежденіи въ Одессѣ высшаго учебнаго заведенія спеціально для женщинъ. Для образованія постояннаго фонда на это дѣло, г. попечитель предлагаетъ обложить учащихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Одес-

ского округа (гдѣ 25 женскихъ гимназій) взносами отъ 1 до 2 рублей ежегодно.

Организуются также *высшіе женскіе курсы* въ Кіевѣ и Харьковѣ при главномъ содѣйствіи профессоровъ мѣстныхъ университетовъ. Въ Кіевѣ на это дѣло имѣется уже капиталъ въ $16^1/_2$ тысячъ.

Рядомъ съ систематическими высшими курсами, устроены въ Одессѣ общедоступные литературные вечера, разсчитанные, главнымъ образомъ, на публику изъ народа. Общедоступные литературные вечера представляютъ собою удачный выходъ изъ тѣхъ стѣсненій, какія существуютъ для публичныхъ народныхъ чтеній. Какъ извѣстно, крайне ограниченный выборъ произведеній, допускаемыхъ къ публичному чтенію въ народныхъ аудиторіяхъ, значительно тормазитъ правильное развитіе этого дѣла. Съ особенною силой печальныя послѣдствія этого ограниченія сказываются въ аудиторіяхъ большихъ городовъ, а также на фабрикахъ и заводахъ, гдѣ посѣтители аудиторій принуждены по нѣскольку разъ слушать одно и то же. Изъ этого затрудненія славянское благотворительное общество, устраивающее публичныя чтенія, вышло такимъ образомъ. Оно, на ряду съ обычными публичными чтеніями для народа, предприняло устройство общедоступныхъ литературныхъ вечеровъ. Вечера эти платные, отъ 10 к. и выше, причемъ три четверти всѣхъ мѣстъ сдѣланы 10-копѣечными. Лекторами явились преимущественно преподаватели гимназій и университета. Въ программу вечеровъ внесены были почти всѣ русскіе классики, нѣкоторые изъ иностранныхъ (Сервантесъ, Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ, Диккенсъ) и всѣ хрестоматіи, въ томъ числѣ и сборникъ Гербеля. Было испрошено у начальства дозволеніе дѣлать небольшія вступленія и объясненія, сообщать вкратцѣ содержаніе цѣлаго произведенія, изъ котораго читается отрывокъ, и пр. Въ составленіи программы на каждый вечеръ руководятся желаніемъ дать матеріалъ поразнообразнѣе. Вечера часто сопровождаются музыкой; явились солисты на скрипкѣ, на фортепіано, на цитрѣ, иногда составляются небольшіе квартеты, изрѣдка выступаютъ начинающіе пѣвцы и пѣвицы; наконецъ составился небольшой хоръ преимущественно изъ студентовъ. Огромное большинство мѣстъ 10-копѣечныя; около половины ихъ заняты обычною публикой нашихъ народныхъ чтеній: мастеровыми и мастерицами, мелкими торговцами и прикащиками, прислугой, учениками и ученицами народныхъ школъ и проч. Наиболѣе серьезную часть публики составляютъ взрослые мѣщане; болѣе шумную и вліятельную—ученики народныхъ школъ и подмастерья. Публика въ общемъ чрезвычайно благодарная и впечатлительная, хотя свободная и откровенная: если чтецъ недостаточно повы- шалъ голосъ,—акустическія условія залы изъ рукъ вонъ плохи,—съ за- нихъ рядовъ раздавались возгласы: *громче! не слышно!* Всякая остроумна фраза, наприм., изъ Гоголя, вызывала такой неудержимый смѣхъ, что и заражались и первые ряды, а иногда и самъ чтецъ; письмо Жуковскаго послѣднихъ минутахъ Пушкина у многихъ вызывало слезы; во время ч- нія даже очень извѣстныхъ ученикамъ пьесъ всѣ 700 человѣкъ слуш-

въ глубокомъ молчаніи, не перешептываясь, и всякаго сноснаго исполнителя награждали довольно дружными аплодисментами; музыкальные №№ всѣ безъ исключенія принимались съ глубокой благодарностью. Удержать полное вниманіе такой публики не талантливымъ, но громкимъ и осмысленнымъ чтеніемъ художественнаго небольшого стихотворенія ничего не стоило. Не трудно было сладить и съ классическою прозой: Гоголь всегда и вездѣ слушается съ удовольствіемъ хотя бы въ 20-й разъ; съ интересомъ слушали и разсказы Тургенева, наприм. *Бирюкъ, Пѣвцы*, и законченные отрывки изъ романовъ Диккенса (выбирались преимущественно вставочныя повѣсти, которыхъ такъ много въ его раннихъ романахъ). Выборъ произведеній для этихъ вечеровъ весьма обширный, особенно сравнительно съ репертуаромъ народныхъ аудиторій. Мѣстнымъ попечителемъ учебнаго округа разрѣшены для вечеровъ всѣ сочиненія Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Л. Толстого, Шиллера, Шекспира, Гёте и мн. др. русскихъ и иностранныхъ классиковъ. Разрѣшены, кромѣ того, многія изъ отдѣльныхъ произведеній Достоевскаго, Некрасова, Салтыкова, Гл. Успенскаго, Надсона, Чехова. Читаются также на вечерахъ и популярныя лекціи по научнымъ вопросамъ. Нельзя не пожелать,—заключаетъ газета,—чтобы подобные вечера получили распространеніе и за предѣлами Одессы. Насущная потребность въ нихъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, а возможность устройства ихъ показываетъ примѣръ только что названнаго города *).

Подъ заглавіемъ «Добрая вѣсть рабочему люду» *Минскій Листокъ* объявляетъ, что вечерніе и субботніе курсы для народа, учрежденіе которыхъ было до сихъ предметомъ одного только вожделѣнія, въ скоромъ времени станутъ въ городѣ Минскѣ совершившимся фактомъ. Открытіе курсовъ произойдетъ не позже января 1896 года. Городская дума ассигновала на этотъ предметъ восемьсотъ рублей. Остальная сумма, требуемая на поддержаніе курсовъ, пополняется путемъ единовременныхъ и періодическихъ пожертвованій. Цѣль курсовъ—доставить ремесленникамъ и, вообще, занимающимся какимъ-нибудь промысломъ, тѣ необходимыя техническія свѣдѣнія, которыя весьма важны для развитія и усовершенствованія въ народѣ ремеслъ. Наши ремесленники,—замѣчаетъ газета,—обучаются каждый своей спеціальности долго, очень долго, отъ пяти до десяти лѣтъ. Какимъ образомъ производится у насъ обученіе мальчиковъ въ разныхъ мастерскихъ, какія мастерства эти бѣдныя дѣти принуждены бываютъ проходить во все время своего служенія у эксплуатирующихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти хозяевъ—всѣмъ извѣстно. Ученіе имъ болѣе вколачивается, чѣмъ преподается. Вообще какъ бы долго они ни учились, они очень рѣдко получаютъ достаточное знаніе своего ремесла. Благодаря устраиваемымъ курсамъ, имъ будетъ возможно обдумывать свою работу, усовершенствовать спеціальность, что непремѣнно отразится и на получаемомъ ими вознагражденіи.

*) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ реферата, прочитаннаго проф. Кирпичниковымъ въ московскомъ комитетѣ грамотности.

Объ открытіи такихъ же курсовъ и объ успѣшной ихъ дѣятельности сообщаютъ изъ Кишинева и Николаева. При открытіи курсовъ въ Кишиневѣ разсчитывали имѣть аудиторію не болѣе, чѣмъ въ 40 человѣкъ. Но слушателей вдругъ явилось такое количество, что пришлось увеличить затраты и выработать совсѣмъ иную программу. При открытіи курсовъ явилось 78 мастеровыхъ, а черезъ двѣ недѣли количество ихъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ два раза. Всѣхъ слушателей на курсахъ въ истекшемъ учебномъ году было 149. По ремесламъ болѣе всего было маляровъ и живописцевъ—41. Потомъ идутъ столяры—31, слесаря—12, 3 портныхъ, 3 часовщика, 2 переплетчика, 6 кузнецовъ и т. д.

Въ Николаевѣ техническіе курсы для ремесленниковъ были открыты при мѣстномъ отдѣленіи Императорскаго техническаго общества. Занятія происходятъ въ вечерніе часы и по воскреснымъ днямъ и привлекаютъ такое большое число учащихся, что техническое общество возбудило ходатайство объ открытіи на 1896 годъ дополнительныхъ курсовъ. По представленію попечителя Одесскаго учебнаго округа курсы эти разрѣшены.

8 октября въ Кіевѣ было совершено торжественное освященіе народной аудиторіи, созданной трудами кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. «Въ нашей мѣстной жизни,—говоритъ кіевская газета *Жизнь и Искусство*,—это фактъ высокой важности: частный починъ, поддержанный общественною благотворительностью, создалъ первую въ Кіевѣ народную аудиторію. Привѣтствуя коммиссію народныхъ чтеній, вступающую въ 14-й годъ своей дѣятельности, съ успѣшнымъ окончаніемъ постройки, на которую положено столько труда, поздравляя ее съ дѣйствительною побѣдой, мы отъ души желаемъ ей самаго широкаго развитія ея дѣятельности. Сегодня каждый членъ коммиссіи испытаетъ, конечно, высокое наслажденіе, присутствуя при освященіи зданія, которое, выросши вполнѣ изъ «лепты трудовой», предназначено служить столь высокой цѣли, какъ просвѣщеніе народной массы. Всѣ жертвователи, какъ бы ни скромна была ихъ матеріальная помощь, порадуются осуществленію того дѣла, которому они содѣйствовали своею посильною помощью. Оцѣнить по достоинству это сооруженіе народной аудиторіи и тотъ рабочій людъ, который будетъ пользоваться ею въ интересахъ своего образованія. Въ торжествѣ освященія первой въ Кіевѣ народной аудиторіи мы видимъ торжество добраго частнаго почина, торжество общественной самодѣятельности!

Народная аудиторія построена въ той части города, гдѣ живетъ масса рабочихъ. Она представляетъ изъ себя красивое двухъ-этажное зданіе. По фасаду зданіе имѣетъ выступъ съ широкою парадною дверью. Изъ парадnаго входа вы вступаете въ широкій вестибюль; по лѣвой сторонѣ лѣстница на второй этажъ и мѣсто для вѣшалокъ, по правой просторная комната, отгороженная отъ вестибюля рѣшеткой,—это помѣщеніе будущей библіотеки. Изъ вестибюля широкая дверь ведетъ въ залу, которая имѣетъ въ вышину $3^1/_2$ саж., въ длину $11^1/_2$ и въ ширину $5^1/_2$ саж. Въ концѣ ея возвышается эстрада. Зала отдѣлана очень просто, но изящно. По

обѣимъ сторонамъ ея по четыре нижнихъ и по шести верхнихъ оконъ, всего въ залѣ 20 оконъ. Полъ вездѣ мозаичный, а на эстрадѣ паркетъ. Двери всѣ отдѣланы подъ темный дубъ и также отдѣлана деревянная панель въ вестибюлѣ. Зданіе освѣщается электричествомъ. Какъ зала, такъ и всѣ другія комнаты производятъ очень пріятное впечатлѣніе.

Рядомъ съ учебными учрежденіями для просвѣщенія народа въ послѣднее время начинаетъ возникать въ селахъ и народный театръ, какъ одно изъ разумныхъ средствъ для удовлетворенія духовныхъ потребностей рабочаго человѣка. Здѣсь зрителями, а зачастую и исполнителями являются крестьяне, рабочіе, вообще простой народъ. Въ провинціальной прессѣ, все чаще и чаще сообщающей о сельскихъ спектакляхъ, отмѣчается серьезное вниманіе къ сценѣ со стороны простого народа, глубокая напряженность зрителей, полнота выносимыхъ ими впечатлѣній, что характеризуется безконечными разговорами послѣ спектаклей по поводу видѣннаго и слышаннаго, наконецъ нетерпѣливое ожиданіе слѣдующаго представленія. Вотъ новые факты, иллюстрирующіе сказанное, сообщеніе о которыхъ мы нашли въ *Нижегородскомъ Листкѣ*.

Въ селѣ Кривцовѣ, Болховского уѣзда, Орловской губерніи, въ имѣніи М. А. Лавровой уже нѣсколько лѣтъ съ большимъ успѣхомъ даются народные спектали. Въ числѣ участниковъ фигурируютъ крестьяне, окончившіе курсъ въ мѣстной земской школѣ. Жители села Кривцова,—главнымъ образомъ, молодежь, прошедшая школу,—каждый разъ переполняютъ собою «зрительную залу» театра, устроеннаго въ большомъ сараѣ. Репертуаръ тщательно обдуманъ: онъ состоитъ по преимуществу изъ пьесъ Островскаго. Замѣчательно, что попытка постановки *Бориса Годунова*, разыгранаго нынѣшнимъ лѣтомъ, увѣнчалась большимъ успѣхомъ. Это слѣдуетъ объяснить хорошею подготовкой бывшихъ воспитанниковъ кривцовской школы. Вообще дѣло театра поставлено прочно и пользуется сочувствіемъ населенія. Въ непродолжительномъ времени имѣется въ виду отвести для спектаклей особое, болѣе обширное и удобное зданіе.

Въ селѣ Щучьемъ, Веневскаго уѣзда, Тульской губерніи, въ имѣніи гг. Черносвитовыхъ, для театральныхъ представленій отведенъ большой каменный, крытый желѣзомъ сарай, вмѣщающій до 300 человѣкъ зрителей; устроена сцена, написаны своими средствами декораціи, пріобрѣтены парики и гримировальныя принадлежности. Въ число дѣйствующихъ лицъ привлекаются наиболѣе способные изъ крестьянъ, кончающіе курсъ въ мѣстной школѣ. Интересно, что съ каждымъ слѣдующимъ спектаклемъ отношеніе населенія къ видѣнному становится все серьезнѣе и вдумчивѣе.

О серьезномъ отношеніи народа къ театру имѣется много свидѣтельствъ корреспондентовъ провинціальныхъ газетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ существующій опытъ народнаго театра показываетъ, что всего болѣе нравятся народу и сильнѣе привлекаютъ его вниманіе тѣ пьесы, которыя даютъ изображенія незауряднои, будничной жизни, а чего-либо выдающагося—трагическаго или комическаго. Народъ выходитъ изъ театра съ приподнятымъ, здорово

возбужденнымъ настроеніемъ. Представленія порождаютъ массу разсужденій, вопросовъ; и, такимъ образомъ, театръ является однимъ изъ важныхъ орудій народнаго просвѣщенія. Заслуживаютъ, поэтому, истинной признательности тѣ лица, которыя берутъ на себя заботу организовать народные спектакли.

Каждый мѣсяцъ печать приноситъ отрадныя извѣстія о ростѣ общественной самодѣятельности какъ въ области народнаго просвѣщенія, такъ и въ другихъ сферахъ. Въ ряду этихъ извѣстій надо поставить сообщеніе *Сибирскаго Вѣстника* объ учрежденіи въ Омскѣ общества вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ, направляющимся и водворяющимся въ предѣлахъ Степного края. Обществу этому, по уставу, предстоитъ дѣятельность болѣе широкая сравнительно съ дѣятельностью такихъ же обществъ въ Петербургѣ, Тюмени и Иркутскѣ. Расширеніе это будетъ состоять въ томъ, что общество на основаніи данныхъ, полученныхъ имъ отъ своихъ филіальныхъ отдѣленій и спеціальныхъ агентовъ, имѣющихъ быть въ разныхъ городахъ Степного генералъ-губернаторства, будетъ составлять возможно подробныя описанія участковъ, нарѣзанныхъ для переселенцевъ, а также маршруты, по которымъ бы переселенцы могли слѣдовать на выбранные ими земельные участки. Нечего говорить о томъ,—замѣчаетъ газета,—насколько полезно и необходимо внесеніе такого параграфа въ уставъ общества. Для переселенцевъ изъ внутреннихъ и южныхъ губерній Европейской Россіи Степной край составляетъ положительную terram incognitam. Очень часто въ представленіи ихъ Томская, Енисейская губерніи, Акмолинская и Семипалатинская области и даже иногда Восточная Сибирь не имѣютъ никакого различія, а всѣ вмѣстѣ объединяются подъ общимъ названіемъ «Сибирь». Значительное большинство переселенцевъ идетъ на «новыя мѣста», что называется, «на-обумъ», не зная, гдѣ имъ придется получить душевой надѣлъ. Партіи, которыя имѣли бы своего ходока и черезъ него получили болѣе или менѣе ясныя представленія о «новыхъ мѣстахъ», очень рѣдки. И если переселенцы бываютъ такъ мало освѣдомлены относительно того, куда, въ какую губернію или область надо имъ направить свой путь, то объ участкахъ, нарѣзанныхъ чинами переселенческихъ отрядовъ, они не могутъ имѣть ровно никакого понятія. Это послѣднее обстоятельство, между прочимъ, часто служитъ причиной того, что крестьяне-новоселы разочаровываются въ «новыхъ мѣстахъ» и идутъ обратно въ свои «старыя палестины». И дѣйствительно, попадая совершенно случайно на отведенные участки, они, естественно, не могутъ сообразоваться при выборѣ мѣстъ для поселенія ни съ климатическими ни съ топографическими, ни съ гидрографическими и другими сельско-хозяйственными условіями данной мѣстности. Недостатокъ воды, маловѣсье и даже безлѣсье, неблагопріятныя качества почвы и т. п.—все это служитъ одной изъ дѣйствительныхъ причинъ того, что переселенцы встрѣчаютъ нерѣдко на новыхъ мѣстахъ однѣ разбитыя надежды. Въ виду всего этого упомянутый параграфъ устава общества будетъ имѣть особенно

значеніе и пользу, и нужно надѣяться, что онъ не встрѣтитъ въ министерствѣ отказа въ своемъ утвержденіи. Организовавшееся общество нашло живое сочувствіе какъ въ средѣ мѣстнаго омскаго интеллигентнаго общества, такъ и въ другихъ городахъ Степного края. Въ Омскѣ членовъ набралось уже болѣе 100 человѣкъ, въ Петропавловскѣ до 20, въ Кокчетавѣ 8, въ Акмолахъ 19, въ Вѣрномъ около 20, а изъ Семипалатинска пока еще точныхъ свѣдѣній не получено, хотя изъ телеграфическихъ извѣстій видно, что и тамъ подписка идетъ успѣшно. Крупныя пожертвованія на образованіе капитала поступаютъ изъ разныхъ мѣстъ.

Обращаетъ на себя вниманіе также дѣятельность казанскаго общества трезвости, недавно праздновавшаго третью годовщину своего существованія. Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей,* солидарно съ корреспондентами другихъ газетъ, свидѣтельствуетъ, что за это небольшое время оно успѣло рѣшительно зарекомендовать себя съ наилучшей стороны. Въ числѣ 400 членовъ общества большинство — люди интеллигентные: профессора, чиновники, чины судебнаго вѣдомства и проч. Цѣли общества—просвѣтительно-филантропическія. Оно имѣетъ свою чайную-столовую и озабочено открытіемъ другой, ночлежный домъ, народную читальню въ 1,000 томовъ книгъ, составляетъ и издаетъ брошюры, ходатайствуетъ о разрѣшеніи издавать собственный органъ, въ текущемъ году открываетъ лѣчебницу. Дѣятельность общества выходитъ за предѣлы Казани: оно открыло отдѣлы въ нѣсколькихъ селеніяхъ и городахъ Казанской губ.; въ селѣ Богородскомъ построенъ домъ подъ школу садоводства, пчеловодства и огородничества; въ немъ помѣщается и читальня для народа. Всѣ изданія общества перепечатаны петербургскимъ обществомъ трезвости въ количествѣ 10,000 экз. каждое. Въ годичномъ, довольно многолюдномъ, собраніи было констатировано, что во все время существованія чайно-столовой никому изъ бѣдныхъ, обращавшихся къ предсѣдателю, который ежедневно посѣщалъ чайную, не было отказано въ обѣдѣ или чаѣ съ хлѣбомъ, причемъ чай давался только тогда, когда обѣды были уже израсходованы. Дѣла свои общество ведетъ на виду у всѣхъ, очень часто печатая въ мѣстныхъ газетахъ подробные отчеты о всякихъ денежныхъ поступленіяхъ и назначеніяхъ, о засѣданіяхъ комитета и вообще о всѣхъ своихъ работахъ.

Въ сферѣ культурной дѣятельности въ интересахъ народа различныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ замѣтно выступаетъ энергичная работа Н. В. Левитскаго, какъ организатора земледѣльческихъ артелей въ Херсонской губерніи. Н. В. Левитскій является душою происходящаго здѣсь движенія къ переходу отъ подворнаго участковаго хозяйства къ артельному,—движенія, вытекающаго изъ сознанія, что «одно только дружеское соединеніе для общей работы можетъ помочь крестьянамъ устроить ихъ хозяйственную и вообще общественную жизнь на началахъ справедливости и взаимной помощи». Подробная исторія возникновенія этого дѣла и ходъ его развитія напечатаны теперь въ газетѣ *Пріазовскій Край,* въ статьѣ, озаглавленной *Эпопея «культурной одиночки».* Вотъ нѣсколько свѣдѣній изъ этой статьи.

Николай Васильевичъ Левитскій, сынъ сельскаго священника, росъ въ деревнѣ; во время ученья въ гимназіи и университетѣ пріѣзжалъ въ деревню на каникулы, помогалъ отцу въ веденіи хозяйства и съ самаго ранняго возраста сталъ знакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ, присматриваться къ нему, входить во всѣ нужды мужика, а потомъ и искать средствъ для веденія болѣе раціональнаго хозяйства. Поселившись, по окончаніи университета, въ деревнѣ съ цѣлью заняться своимъ хуторскимъ хозяйствомъ, г. Левитскій, въ бесѣдахъ съ крестьянами, сталъ высказывать свою мысль объ артельномъ началѣ. Это было еще десять лѣтъ тому назадъ, причемъ многіе изъ крестьянъ согласились съ г. Левитскимъ, прійдя, на основаніи горькаго опыта, къ убѣжденію, что, дѣйствительно, только соединенными усиліями они могутъ пріобрѣтать и скотъ, и земледѣльческія орудія, и все необходимое для правильнаго веденія сельскаго хозяйства. Зароненная въ умы крестьянъ идея о земледѣльческихъ артеляхъ проявила первые признаки жизни въ 1887 году, когда къ г. Левитскому совершенно неожиданно явились сами крестьяне съ напоминаніемъ о его планѣ. Нѣкоторое время дѣло начинаетъ идти на ладъ, организація артелей близится къ осуществленію, но одно случайное обстоятельство снова заставляетъ отложить мысль объ артеляхъ до болѣе благопріятнаго момента: этимъ обстоятельствомъ явилось внезапное разореніе одного сочувствовавшаго дѣлу лица, обѣщавшаго дать средства на организацію артелей. Снова замираетъ на нѣсколько лѣтъ посѣянная г. Левитскимъ идея, но уже обращеніе къ нему въ 1887 году говорило аа то, что она пришлась по сердцу крестьянамъ. Наступили неурожайные годы, которые еще болѣе ярко показали безпомощность крестьянъ, еще болѣе выдвинули на первый планъ недостатки «карликовыхъ» хозяйствъ и дали новый толчокъ дѣлу организаціи артелей. И вотъ, въ сентябрѣ 1894 года, жители села Федваря, Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи, снова являются къ Н. В. Левитскому, прося его оформить вступленіе ихъ въ артель и раздобыть необходимыя для начала дѣла средства. Г. Левитскій собралъ 200 рублей, и эта незначительная сумма послужила основаніемъ для первыхъ артелей. Образовалось десять артелей, члены которыхъ заключили между собою договоръ, выработанный тѣмъ же Н. В. Левитскимъ. Этотъ договоръ подробно развиваетъ какъ мотивы перехода къ артельной обработкѣ общинныхъ участковъ, такъ и цѣли, какія преслѣдуетъ артель, а равно и условія договора. Главное достоинство этого договора,—какъ справедливо замѣчаетъ газета,—заключается въ томъ, что онъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ основными принципами, на которыхъ покоится община, не насилуя ихъ и представляя, такимъ образомъ, лишь высшую форму, въ которую, развиваясь, должна логически—послѣдовательно обратиться община. Организованныя артели вскорѣ обратили на себя вниманіе печати, ученыхъ, правительственныхъ лицъ. Г. Левитскій получилъ сочувственныя письма отъ министра земледѣлія А. С. Ермолова и министра финансовъ С. Ю. Витте, а также телеграмму отъ Его Императорскаго Высочества прин

Петра Ольденбургскаго, которому, вслѣдствіе высказаннаго имъ желанія, почтенный авторъ послалъ свой артельный договоръ. Казалось бы, такое благосклонное вниманіе къ артельному дѣлу лицъ, принадлежащихъ къ высшему правительству, должно было обезпечить артелямъ безпрепятственное распространеніе. Но, къ сожалѣнію, на практикѣ дѣло это встрѣчаетъ себѣ затрудненія со стороны такого начальства, какъ волостной старшина, волостной писарь и земскіе начальники. Послѣдніе видятъ въ организаціи артелей чуть ли не потрясаніе основъ и потому тормазятъ это благодѣтельное начинаніе, вмѣсто того, чтобъ оказывать ему поддержку. Только въ одномъ изъ нихъ и нашелъ себѣ поддержку г. Левитскій. Это—земскій начальникъ 5-го участка Александрійскаго уѣзда, г. Цыганковъ, служившій еще мировымъ посредникомъ перваго призыва и хорошо знакомый съ нуждами и положеніемъ русской деревни. Вотъ интересный документъ, выданный г. Цыганковымъ Н. В. Левитскому:

Удостовѣреніе. 1895 года мая 1-го дня. Дано сіе отъ меня, земскаго начальника 5-го участка Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи, присяжному повѣренному Николаю Васильевичу Левитскому въ томъ, что онъ, живши долго въ предѣлахъ завѣдываемаго мною участка, имѣвши собственную землю и ведя хозяйство, вполнѣ изучилъ духъ и нужды крестьянства и всегда съ живѣйшимъ участіемъ и добротой относился ко всѣмъ, постигавшимъ ихъ, невзгодамъ, прибѣгая съ помощью, совѣтами и участіемъ. Въ настоящее же время, съ разрѣшеніемъ для крестьянъ мелкаго сельскохозяйственнаго кредита, онъ выработалъ образецъ артельнаго договора для крестьянъ, найденный мною не только раціональнымъ вполнѣ, но и единственно способнымъ поднять благосостояніе селъ и деревень, безъ опасенія безполезно обременять государственный банкъ и съ существеннѣйшею пользой для разряда бѣдныхъ, обезсиленныхъ крестьянскихъ хозяйствъ; съ тѣхъ поръ онъ неослабно ратуетъ, какъ въ моемъ участкѣ, такъ и въ сосѣднемъ, 6-мъ, о развитіи артельнаго дѣла между крестьянами, принимая непосредственное участіе въ организаціи артелей и не оставляя крестьянъ ни въ одномъ случаѣ безъ наставленія и совѣта по ихъ хозяйственнымъ дѣламъ...

Успѣхъ основавшихся и дѣйствующихъ артелей повелъ къ тому, что въ настоящее время домъ г. Левитскаго осаждается желающими пріобщиться къ артелямъ, и организаторъ этого дѣла дѣятельно разыскиваетъ средства, необходимыя на первое обзаведеніе. Кромѣ земледѣльческихъ артелей, г. Левитскій занятъ также составленіемъ артелей ремесленныхъ, и пять изъ нихъ имъ уже учреждены. Портняжная и сапожная въ Елисаветградѣ и портняжная же въ Кривомъ Рогѣ работаютъ,—какъ сообщаетъ *Одесскій Листокъ*,—очень недурно. Но и эти артели, по словамъ газеты, испытываютъ странное къ себѣ отношеніе со стороны мѣстныхъ представителей власти. Въ то время, какъ министры выражаютъ свое полное сочувствіе артелямъ, и. д. полицеймейстера въ Елизаветградѣ распорядился сорвать вывѣску у портняжеской артели, и только послѣ объясненія съ г. Левитскимъ, доказавшимъ незаконность такого распоряженія, взялъ его обратно; въ Кривомъ Рогѣ артель была гонима мѣстнымъ становымъ приставомъ и тоже оставлена въ покоѣ лишь послѣ заступничества г. Левитскаго; въ Панчевской волости къ артелямъ очень не благоволитъ земскій

начальникъ, а панчевскій урядникъ даже арестовалъ одного изъ артельщиковъ только за то, что тотъ изъ одной артели привезъ въ другую извѣстія о положеніи артелей по отношенію къ ссудамъ. Г. Левитскій привлекаетъ урядника къ отвѣтственности за незаконное лишеніе свободы... Вотъ тѣ путы, на которыя наталкивается въ провинціи всякая незаурядная культурная работа. Не правда ли, куда больше силъ для общественной дѣятельности нужно имѣть русскому гражданину сравнительно съ гражданиномъ Западной Европы!

Распространеніе въ народѣ просвѣщенія, улучшеніе его экономическаго положенія, поднятіе его правоспособности—вотъ важнѣйшія задачи и важнѣйшія обязанности наши передъ народомъ. Темнота и бѣдность народа ведутъ къ тому, что надъ нимъ совершаются, и совершаются весьма часто вполнѣ безнаказанно, возмутительные акты безправія, и только благодаря печати беззаконія эти выплываютъ наружу, но, къ сожалѣнію, далеко не всѣ они попадаютъ въ печать. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ хорошихъ образчиковъ того, что продѣлывается надъ народомъ, продѣлывается не въ какой-нибудь глуши, а въ Нижегородской губерніи, въ пресловутомъ Лукояновскомъ уѣздѣ. Живетъ тамъ вліятельный землевладѣлецъ Анатолій Пушкинъ. Во время послѣдняго голода онъ былъ земскимъ начальникомъ и противодѣйствовалъ оказанію помощи голодному населенію. Выйдя изъ земскихъ начальниковъ, онъ изъявилъ желаніе быть церковнымъ старостой въ селѣ Большомъ Болдинѣ. Конечно, приходу, то-есть крестьянамъ и священнику, ничего больше не оставалось дѣлать,— разсказываетъ *Нижегородскій Листокъ*,—какъ избрать г. Пушкина и благодарить его за честь. Въ такомъ смыслѣ и былъ составленъ приговоръ, но при написаніи его новый церковный староста приказалъ опредѣлить себѣ вознагражденіе въ размѣрѣ 120 рублей въ годъ. Крестьяне, недоумѣвая, согласились. Недоумѣніе, однако, скоро разъяснилось: оказалось, что г. Пушкинъ и не намѣревался быть фактическимъ церковнымъ старостой, то-есть такимъ, который и свѣчи продаетъ, и за чистотой храма наблюдаетъ, и вообще заботится о церкви; г. Пушкинъ до этого и не думалъ снисходить, а возложилъ всѣ эти обязанности на своего садовника, Николаева, которому и началъ выдавать съ тѣхъ поръ общественные 120 р. въ годъ. Въ какомъ смыслѣ повліяло полученіе Николаевымъ оклада старосты на его садовническое жалованье, остается извѣстнымъ лишь г. Пушкину и еще самому Николаеву. Все это въ достаточной мѣрѣ удивляло почесывавшихъ затылки прихожанъ, но окончательно сразило ихъ извѣстіе, что ежегодно на «украшеніе храма» тратится 500 — 600 р. Г. Пушкинъ великодушно объявилъ крестьянамъ, что «украшеніе» произвелъ на свои деньги и что крестьяне должны отработать этотъ церковный долгъ. Нѣкоторые крестьяне попробовали было внести падающую на нихъ долю «украшеній», но какъ-то такъ случалось, что эти уплаты записывались въ подати и повинности, а долгъ за «украшеніе» все оставался неприкосновеннымъ. И вотъ прихожанъ вынудили отрабатывать на поляхъ церковнаго старосты. Крестьяне увѣряютъ,

что «украшеніе» обходится имъ ежегодно очень дорого, такъ какъ г. Пушкинъ дешево цѣнитъ труды и за 500 — 600 р. заставляетъ выжинать до 300 десятинъ овса и ржи. Такимъ образомъ и до сихъ поръ продолжаются «украшеніе» и «отработка». Крестьяне, если бы только смѣли, давно выбрали бы другого старосту и съ удовольствіемъ избавили бы отъ хлопотъ и г. Пушкина, и его садовника, но сдѣлать этого крестьяне не могутъ, и г. Пушкинъ все радѣетъ и радѣетъ о своемъ сельскомъ храмѣ. Къ заботамъ о храмѣ г. Пушкинъ до того внимателенъ, что «украшеніе» не довѣряетъ никому иному, какъ только своимъ же подрядчикамъ-молотильщикамъ. Этотъ фактъ,— говоритъ газета,— рисуетъ глубоко-печальную картину порабощенія мѣстнаго крестьянина героемъ голоднаго года. Г. Пушкинъ свободно распоряжается крестьянскими выборами въ церковные старосты, показывая, какъ при желаніи можно извратить идею крестьянскаго самоуправленія. Кто же можетъ поручиться, что, сегодня заставляя избирать себя въ церковные старосты, завтра тотъ же вліятельный землевладѣлецъ не понудитъ избрать своихъ клевретовъ въ старшины, въ старосты, въ земскіе гласные? Примѣровъ такого вмѣшательства въ крестьянскую жизнь и права сельскаго населенія не мало было уже опубликовано въ печати. Въ концѣ концовъ въ подобныхъ случаяхъ все крестьянское самоуправленіе оказывается совершеннѣйшею фикціей. По бумагамъ числится *избранный* сходомъ староста, а въ дѣйствительности оказывается проведенный въ старосты послушный клевретъ такого-то (имя рекъ) «землевладѣльца». Жаловаться часто некому, да и не умѣютъ крестьяне. Такъ чужой ставленникъ и сходитъ за своего избранника. А при помощи такихъ всегда готовыхъ къ услугамъ сельскихъ властей чего только не сдѣлаетъ ловкій человѣкъ!... И храмъ будетъ украшать подобно г. Пушкину, взимая за долгъ по украшенію недурной процентъ въ видѣ крестьянскихъ отработковъ. И ничего: будутъ мужики ждать, пока смилостивится непрошенный радѣтель и перестанетъ «украшать», а не смилостивится — будутъ отрабатывать».

А вотъ еще образчикъ отношеній къ народу, сообщенный въ *Недѣлю* изъ Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Недавно въ этотъ уѣздъ назначенъ новый земскій начальникъ, поручикъ запаса Павелъ Александровичъ Васильчиковъ. Вступленіе его въ должность на первыхъ же порахъ ознаменовалось нѣсколькими случаями жестокой кулачной расправы. Въ селѣ Синенькихъ, Вязьминской волости, произошелъ пожаръ въ то время, когда мѣстный сельскій староста вмѣстѣ съ выборными былъ въ полѣ, гдѣ происходилъ дѣлежъ общественныхъ луговъ. Прибывъ въ Синенькіе вскорѣ послѣ пожара, земскій начальникъ накинулся на старосту съ цѣлымъ градомъ отборнѣйшихъ ругательствъ за то, что тотъ не былъ на пожарѣ. Староста началъ было объяснять, что онъ не могъ быть на пожарѣ, такъ какъ производилъ въ это время дѣлежъ общественныхъ луговъ, но не успѣлъ онъ сказать нѣсколькихъ словъ въ свое оправданіе, какъ получилъ сильнѣйшій ударъ по лицу, который сшибъ его съ ногъ.

Староста поднялся съ земли, но тутъ на него посыпались новые удары отъ которыхъ все лицо его покрылось кровью. Этому въ значительной степени способствовало массивное желѣзное кольцо, которое носитъ г. Васильчиковъ на одномъ изъ пальцевъ правой руки. Избіеніе это происходило на улицѣ, среди села, на глазахъ цѣлой толпы народа. Мѣстный священникъ и другія лица, пріѣхавшія на пожаръ, передавали, что происшествіе это произвело на нихъ подавляющее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что избитый староста извѣстенъ за хорошаго, честнаго и домовитаго крестьянина. Послѣ описаннаго происшествія не только избитый, но и избившій должны были обратиться къ медицинской помощи: нанося побои старостѣ, г. Васильчиковъ сильно повредилъ себѣ кисть правой руки, вслѣдствіе чего принужденъ былъ отправиться въ усадьбу сосѣдняго помѣщика В. А. Волженскаго, гдѣ ему и была сдѣлана перевязка и положены компрессы. Однако, послѣ этого г. Васильчиковъ въ теченіе долгаго времени принужденъ былъ носить повязку на правой рукѣ, и въ такомъ видѣ засѣдалъ въ уѣздномъ съѣздѣ, причемъ на вопросъ своихъ сослуживцевъ о причинѣ перевязки лаконически отвѣчалъ: «ушибъ», но въ болѣе интимныхъ бесѣдахъ онъ не безъ торжества передавалъ подробности «происшествія» со старостой и особенно о томъ, какъ послѣдній «отъ перваго же удара слетѣлъ съ ногъ». Оправившись отъ побоевъ, староста поѣхалъ въ Петровскъ, чтобы написать и подать прошеніе на г. Васильчикова, но это почему-то долгое время ему не удавалось сдѣлать; тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ онъ, все-таки, отправилъ жалобу непосредственно на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Подобные факты приходится отмѣчать чуть ли не въ каждомъ изъ нашихъ очерковъ. Прошло уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ крѣпостное право уничтожено, но сильны еще привычки, чувства, взгляды того времени, и въ обращеніи съ народомъ весьма ярко проявляются слѣды рабской эпохи. Именно этой темы касается *Нижегор. Лист.* по поводу разбиравшагося недавно въ тверскомъ уѣздномъ съѣздѣ очень рѣдкаго въ судебной практикѣ дѣла: крестьянинъ Бурченковъ обвинялъ землевладѣльца и, увы! московскаго присяжнаго повѣреннаго Способина въ оскорбленіи дѣйствіемъ. Поводомъ къ возбужденію обвиненія послужили слѣдующія обстоятельства. Зимой, во время метели, по бѣжецкому тракту ѣхали на встрѣчу: съ одной стороны—повозки пяти крестьянъ съ Бурченковымъ впереди, съ другой—господскій экипажъ, везшій г. Способина. Еще издали послѣдній кричалъ мужикамъ остановиться и пропустить его лошадей, но они за бурей криковъ не слыхали, и вотъ барская тройка сталкивается съ первою клячей. По утвержденію Бурченкова, баринъ разсердился, принялся браниться и, наконецъ, ударилъ его на-отмашь въ шею. Фактъ этотъ подтвердили у земскаго начальника и четыре товарища Бурченкова. Тѣмъ не менѣе земскій начальникъ оправдалъ г. Способина. Бурченковъ перенесъ дѣло въ съѣздъ и здѣсь за обвиненіе г. Способина высказался въ своемъ заключеніи и товарищъ прокурора. Въ результатѣ, однако, — утвержденіе опра

дательнаго приговора земскаго начальника. Дѣло это привлекло въ залъ суда много простонародной публики, которую приговоръ этотъ, какъ было замѣтно, привелъ въ немалое смущеніе.

«Согласитесь,— говоритъ *Нижегородскій Листокъ*,— что въ судебной практикѣ подобнаго рода казусы—совершенно исключительны. Ежедневно на Руси имѣютъ мѣсто всякаго рода оскорбленія словами и дѣйствіемъ, всякаго рода безобразія, нарушающія такъ называемую свободу личности и ея неприкосновенность. И уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и уложеніе о наказаніяхъ краснорѣчиво угрожаютъ уголовною карой за преступленія противъ личности... Но уголовная кара виситъ себѣ преспокойно въ воздухѣ, и мечъ карающей Немезиды никогда не спускается на главы виновниковъ различныхъ правонарушеній... Несомнѣнно—это пережитки крѣпостного права. У учившагося въ университетѣ г. Способина течетъ въ жилахъ кровь крѣпостника, которая умиротворяется въ культурныхъ городахъ и «бунтуетъ» въ деревнѣ, гдѣ такъ сильно пахнетъ дореформеннымъ періодомъ, гдѣ мало свѣта, гдѣ невѣжество скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ и поглощаетъ законъ. Невѣжество тѣмъ и ужасно, что оно бродитъ около закона, хотя бы и гуманнаго, и никогда не находитъ его, потому что слѣпой не способенъ найти выхода и на широкомъ пути. Однимъ изъ яркихъ показателей нашей убыточной некультурности,— продолжаетъ газета,— является полное неуваженіе къ личности, иногда равносильное презрѣнію. Возьмите вы наше злоупотребленіе мѣстоименіемъ «ты». Какъ бы высоко образованы мы ни были, какія бы гуманныя идеи мы ни проповѣдывали, мы нашей прислугѣ, дворнику, сторожу, извощику неизмѣнно говоримъ «ты». Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что лишь небольшая горсть нашего образованнаго общества усвоила себѣ привычку употреблять по отношенію къ меньшему брату «вы». Въ этомъ отношеніи прислуга большихъ городовъ, пожалуй, культурнѣе насъ. Между собой она употребляетъ уже мѣстоименіе «вы» и требуетъ такого обращенія отъ равныхъ себѣ. Интеллигентъ съ легкою душой не задумываясь выругаетъ ту же прислугу самыми бранными словами и, конечно, глубоко возмутится, если прислуга вздумаетъ привлечь культурнаго человѣка къ уголовной отвѣтственности за оскорбленіе словами. Правда, среди нашего народа употребленіе мѣстоименія второго лица не имѣетъ оскорбительнаго значенія, но въ городахъ, да и въ грамотномъ меньшинствѣ деревни, это «ты» встрѣчаетъ уже противодѣйствіе и если кто поддерживаетъ грубую, жалкую привычку внѣшняго третированія личности, то только такъ называемая образованная публика, требующая по отношенію къ себѣ безусловнаго почтенія.

Приговору земскаго начальника и тверского уѣзднаго съѣзда,—заключаетъ газета,—мы нисколько не удивляемся. На немъ лежитъ печать нашей не культурности, все еще считающей мужика — временно-обязаннымъ барину и въ качествѣ такового повиннымъ соблюдать всѣ аппарансы повиновенія. Въ печати недавно былъ обнародованъ другой случай, аналогичный

выше приведенному. Купецъ Гальперинъ, пріѣхавъ на вокзалъ въ Одесс обратился къ жандармскому унтеръ-офицеру Таммонову, причемъ сказал ему «ты», на что Таммоновъ отвѣтилъ, что подобное обращеніе неумѣстн тогда Гальперинъ, обидѣвшись, воскликнулъ: «что ты за важная пти такая, не генералъ вѣдь». За это самое «ты» г. Гальперинъ и приговоре одесскимъ мировымъ судьей къ 8-дневному аресту».

О юридической безпомощности сельскаго населенія извѣстія получают отовсюду. Въ послѣдней почтѣ *Приазовскій Край* обращаетъ вниманіе юридическую безпощность населенія станицъ и хуторовъ Донской област Вопреки основному положенію нашего законодательства, по которому «н кто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона», жители Донской обл сти,—говоритъ газета,—какъ, впрочемъ, и громадное большинство дер венскаго люда необъятнаго нашего отечества,—не обладаютъ даже эл ментарными юридическими познаніями, столь необходимыми въ обихо самой незатѣйливой жизни. Весьма часто тѣ или другія имущественн сдѣлки, для дѣйствительности которыхъ необходимо облеченіе ихъ въ фор письменныхъ актовъ, заключаются въ средѣ казаковъ только словесн Если же коснуться практикуемыхъ въ нашихъ захолустьяхъ письменны актовъ, то огромный процентъ ихъ, съ точки зрѣнія гражданскаго пра окажется ничтожными документами. А, между тѣмъ, такимъ сдѣлкамъ те ные люди ввѣряютъ нерѣдко все свое достояніе, нисколько не подозрѣв при этомъ всей опасности своего положенія въ случаѣ, если заинтерес ванныя лица вздумаютъ опровергнуть законность подобныхъ актовъ суде нымъ порядкомъ. Далѣе, окружные суды часто отказываютъ въ утвержд нiи духовныхъ завѣщаній нашихъ станичныхъ обывателей изъ-за несобл денія какой-нибудь формальности, о которой мѣстные законовѣды и пон тія не имѣютъ,—напримѣръ, изъ-за недостаточнаго числа подписавших на завѣщаніи свидѣтелей или тому подобныхъ причинъ.

Если указанное зло,—продолжаетъ газета,—крайне прискорбно са по себѣ и обусловливается, главнымъ образомъ, невѣжественностью нас ленія, то оно пріобрѣтаетъ еще болѣе вредный характеръ потому, ч оно сильно поддерживается и освящается органами мѣстнаго казачья самоуправленія. На-ряду съ неправильными актами, совершенными бе участія должностныхъ лицъ, въ хуторахъ и станицахъ обращается мно ство документовъ, также незаконныхъ по своему существу или по форм но, несмотря на это, засвидѣтельствованныхъ хуторскими или станичны атаманами, станичными правленіями и полицейскими приставами. Эти дол ностныя лица безъ малѣйшаго колебанія снабжаютъ своими подписями печатями и домашніе договоры о продажѣ домовъ или виноградныхъ д довъ, и домашніе раздѣльные акты на недвижимыя имущества, и тѣ и другія сдѣлки отъ имени несовершеннолѣтнихъ, безъ участія ихъ попеч телей,—словомъ, всѣ рѣшительно акты, которые воспрещено соверша домашнимъ порядкомъ. Но само собой понятно, что подобнаго рода ак хотя и засвидѣтельствованные, остаются ничтожными, точно такъ же, ка

еслибъ они вовсе не были засвидѣтельствованы. Благодаря всему этому, количество незаконныхъ актовъ достигаетъ въ Донской области огромной цифры, а убытки, обиды и горе, которые несетъ отъ нихъ населеніе по своей юридической безпомощности, неисчислимы.

Въ послѣднее время дѣло объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, можно сказать, не сходитъ съ очереди и составляетъ предметъ ходатайства земскихъ собраній и другихъ общественныхъ группъ. Цѣлый рядъ земствъ единодушно высказался за отмѣну этого позорнаго наказанія, являющагося весьма часто орудіемъ для достиженія своекорыстныхъ цѣлей въ рукахъ денежной аристократіи деревни, т.-е. «богатѣевъ» и «міроѣдовъ», и служащаго такимъ образомъ одной изъ важныхъ причинъ деморализаціи современной деревни. Характерную рѣчь по этому предмету произнесъ предсѣдатель тамбовскаго земскаго собранія, мѣстный предводитель дворянства Петрово-Солавово. «Говорить въ настоящее время подробно о вредѣ розги,—сказалъ онъ,—совершенно излишне. Это все равно, что доказывать, что лѣтомъ тепло, а зимой холодно. Итакъ, я думаю, что земское собраніе безусловно согласится присоединить и свой голосъ къ тѣмъ многочисленнымъ голосамъ, которые въ настоящее время раздаются противъ тѣлеснаго наказанія. Въ моихъ рукахъ нѣсколько такихъ ходатайствъ отъ различныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Въ качествѣ представителей уѣзда, мы, конечно, не можемъ ставить вопроса объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія на общую почву. Въ такомъ случаѣ наше ходатайство было бы незаконнымъ. Но ничто не препятствуетъ намъ просить объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, кончившихъ курсъ въ школахъ нашего Тамбовскаго уѣзда. Я не скрываю отъ себя, что подобное, такъ сказать, сепаративное законоположеніе для одного только Тамбовскаго уѣзда не можетъ состояться. Но не менѣе вѣрно и то, что какъ цѣлое равно суммѣ всѣхъ своихъ частей, такъ и Россійская имперія равняется суммѣ своихъ уѣздовъ. Если бы эти уѣзды,—не скажу всѣ, но, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ,—высказались бы, каждый въ виду мѣстныхъ нуждъ и только самъ за себя,—въ пользу отмѣны тѣлеснаго наказанія,—удовлетвореніе мѣстныхъ ходатайствъ, въ то же время, разрѣшило бы и общій вопросъ. А такія ходатайства въ настоящее время сыплются дождемъ. И я предлагаю тамбовскому уѣздному земскому собранію войти въ установленномъ порядкѣ съ ходатайствомъ къ высшему правительству объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ земскихъ школахъ».—Предложеніе предсѣдателя было принято собраніемъ безъ преній, единогласно.

Интересное напоминаніе сдѣлано *Церковнымъ Вѣстникомъ* по поводу земскихъ и другихъ ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Извѣстно,—говоритъ газета,—что нынѣ дѣйствующій законъ для нѣкоторыхъ крестьянъ дѣлаетъ изъятія, а именно освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній, кромѣ получившихъ образованіе въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, всѣ отбывшіе воинскую повинность, гласные отъ крестьянъ и слу-

жащіе по выборамъ въ сельскихъ должностяхъ, достигшіе 70 лѣтъ, и всѣ женщины. Сверхъ того, въ льготный разрядъ освобожденныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній попали крестьяне, лишенные по суду особенныхъ правъ и преимуществъ. Они, по разъясненію сената 18-го мая 1873 г., изъемлются изъ подсудности волостному суду, а слѣдовательно и отъ розогъ, такъ какъ никакой другой судъ къ нимъ не можетъ приговорить. Такимъ образомъ, для того, чтобъ избавиться отъ позорнаго наказанія, надо совершить преступленіе, подсудное общимъ судебнымъ установленіямъ, которыя своимъ приговоромъ дадутъ крестьянину преимущество передъ его неопороченнымъ по суду сочленомъ.

При обсужденіи въ началѣ 60-хъ годовъ вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ особенно горячо ратовали сторонники ихъ за сохраненіе розогъ для солдатъ, заявляя, что немыслимо поддержаніе дисциплины безъ тѣлеснаго наказанія. Военному министру Д. А. Милютину съ трудомъ удалось добиться отмѣны позорящаго наказанія, причемъ онъ высказывалъ, что именно отмѣна тѣлеснаго наказанія, возвысивъ нравственное достоинство солдата, должна укрѣпить военную дисциплину. Свыше тридцатилѣтній опытъ, какъ извѣстно, вполнѣ подтвердилъ эти предположенія. Говоря объ этомъ опытѣ, общепризнанный авторитетъ въ военномъ дѣлѣ генералъ Драгомировъ высказываетъ въ журналѣ *Развѣдчикъ* слѣдующее положеніе: «никто не сомнѣвается въ томъ, что въ ряду средствъ, которыя употребляются, чтобы заставить человѣка дѣлать лежащее на немъ дѣло, *нѣтъ болѣе противнаго его нравственной природѣ*, какъ тѣлесное наказніе».

Въ первомъ послѣ лѣтнихъ каникулъ общемъ собраніи императорскаго вольнаго экономическаго общества было *единогласно* постановлено ходатайствовать объ освобожденіи крестьянскаго сословія вообще отъ тѣлесныхъ наказаній. Послѣдній вопросъ возбужденъ былъ въ собраніи вслѣдствіе постановленія петербургскаго комитета грамотности ходатайствовать объ избавленіи отъ розогъ лицъ, окончившихъ народныя школы. Совѣтъ общества, разсматривая это постановленіе, добавилъ его ходатайствомъ болѣе общаго характера—объ освобожденіи всего крестьянскаго сословія отъ позорнаго наказанія розгами. Собраніе, послѣ нѣсколькихъ горячихъ рѣчей Н. Ф. Анненскаго, А. Н. Бекетова, президента общества графа Гейдена и другихъ, единодушно высказалось за ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всего крестьянскаго сословія.

Дѣло объ уничтоженіи розогъ начинаетъ обсуждаться и на дворянскихъ собраніяхъ. Иниціатива принадлежитъ полтавскому губернскому собранію. Здѣсь, на послѣднемъ собраніи, были возбуждены два важныхъ вопроса—о введеніи въ губерніи всеобщаго обязательнаго обученія и объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ курсъ начальной школы. С предложеніемъ возбудить по обоимъ этимъ вопросамъ соотвѣтствующія ходатайства къ дворянскому собранію обратился бывшій полтавскій губернскій предводитель дворянства П. А. Устимовичъ. Указавъ въ своей рѣчи на важное значеніе и того и другого дѣла, г. Устимовичъ объяснилъ,—

возбужденіе ходатайствъ по такимъ вопросамъ составляетъ «нравственный долгъ» дворянства, «какъ одного изъ культурныхъ сословій Россіи». При обсужденіи предложенія г. Устимовича возникли сомнѣнія о возможности по закону представленія дворянскими собраніями подобныхъ ходатайствъ. На законности ихъ настаивали многіе и, между прочимъ, губернскій предводитель дворянства С. Е. Бразоль, который прочелъ относящуюся сюда статью закона и затѣмъ поставилъ на баллотировку вопросъ: считаетъ ли собраніе возможнымъ признать за собой право на подобныя ходатайства? Отвѣтъ большинствомъ голосовъ былъ данъ отрицательный.

Такой отвѣтъ полтавскаго дворянскаго собранія является результатомъ неправильнаго ограничительнаго пониманія имъ 163 статьи IX т. Свода Законовъ. Статья эта предоставляетъ дворянскимъ собраніямъ право ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ объ устраненіи неудобствъ, замѣчаемыхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ *общаго какого-либо постановленія*. Въ полтавскомъ собраніи совершенно вѣрно указывалось, что существованіе тѣлесныхъ наказаній для крестьянскаго населенія порождаетъ въ сферѣ мѣстнаго управленія не только неудобства, но и массу зла и деморализаціи. А потому дворянство имѣетъ не только право, но и обязанность заявить объ этомъ правительству. Можно думать, что вопросъ этотъ возникнетъ и на другихъ дворянскихъ собраніяхъ, которыя выскажутся за ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и тѣмъ покажутъ полтавскому собранію, что оно совершенно неправильно подвергло себя самоограниченію какъ въ своемъ правѣ, такъ и въ своей обязанности.

Тридцать лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ земскія учрежденія призваны къ попеченію о пользахъ и нуждахъ мѣстнаго населенія. Эти тридцать лѣтъ наполнены непрерывнымъ и плодотворнымъ трудомъ: создана земская народная школа, земская медицина, земскіе пути сообщенія, земское страхованіе. Работаетъ усердно земство и надъ той великой областью народной жизни, которая продолжаетъ пребывать въ самомъ печальномъ положеніи,—надъ областью экономической. Какъ при обсужденіи въ экстренныхъ земскихъ собраніяхъ извѣстной записки министра земледѣлія о выясненіи нуждъ сельско-хозяйственнаго промысла, такъ и при обсужденіи положенія народнаго хозяйства въ очередныхъ земскихъ собраніяхъ, собранія эти, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, указываютъ, что *при существующей земледѣльческой техникѣ* малоземелье является главною причиной разстроеннаго состоянія крестьянскаго хозяйства. Вслѣдствіе прироста населенія, количество надѣльной земли, приходящейся на душу, съ каждымъ годомъ уменьшается. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и производительность земли, плохо удобряемой по недостатку скота. Очевидно, мѣропріятія земства и правительства должны быть направлены какъ на усовершенствованіе земледѣльческой техники, такъ и на расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія. Но первое совершается всегда слишкомъ медленно и требуетъ, чтобъ у сельскаго населенія были средства для про-

изводства улучшеній. Гораздо скорѣе и рѣшительнѣе можно поправить экономическое положеніе народа вторымъ путемъ,—путемъ увеличенія площади владѣемой ими земли. Съ этой цѣлью земскія собранія ходатайствуютъ передъ правительствомъ о такой организаціи переселенческаго дѣла, которая открыла бы малоземельнымъ крестьянамъ широкую возможность переселяться въ Сибирь, а равно и на свободныя казенныя земли Европейской Россіи. Работа въ этомъ дѣлѣ должна быть раздѣлена между правительствомъ и земствомъ. Земство, имѣя свѣдѣнія о количествѣ населенія и надѣльной земли въ каждомъ селеніи своей губерніи и сообразуясь съ мѣстными условіями и желаніемъ крестьянъ, дѣлаетъ представленія о цѣлесообразности выселенія такого или иного процента домохозяевъ на отмежеванные и осмотрѣнные уже участки земли. Рядомъ съ широкой организаціей переселеній и заселенія казенныхъ земель въ Европейской Россіи, земства хлопочатъ также о возможно-широкомъ развитіи операціи крестьянскаго банка и о продажѣ крестьянамъ земель, остающихся за дворянскимъ банкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самарское губернское земское собраніе приняло предложеніе экономической коммиссіи ходатайствовать передъ правительствомъ: 1) о предоставленіи всѣмъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, не получившимъ полнаго надѣла, какъ цѣлымъ обществамъ, такъ равно и группамъ ихъ, права пріобрѣтать казенныя земли посредствомъ выкупа до полнаго надѣла по числу наличныхъ душъ мужского пола, опредѣленнаго положеніемъ 19 февраля 1861 г., съ предоставленіемъ права выбора участковъ въ своемъ уѣздѣ и по цѣнамъ, которыя должны опредѣлиться путемъ капитализаціи арендной платы за послѣдніе 10—15 лѣтъ, для какой цѣли всѣ участки, годные подъ поселенія, должны быть заблаговременно оцѣнены; 2) о предоставленіи уѣзднымъ земствамъ права снимать избранные ими казенные участки не съ торговъ и не по цѣнѣ послѣднихъ торговъ, а оставлять ихъ за собою на слѣдующіе сроки по цѣнамъ, которыя должны соотвѣтствовать сдаточнымъ цѣнамъ на сосѣдніе участки, повышаясь или понижаясь въ той же пропорціи, какъ повысились или понизились цѣны на послѣдніе, съ тѣмъ, чтобы расходы по завѣдыванію арендованными участками покрывались доходами съ нихъ и уѣздныя земства принимали на себя гарантію въ исправномъ платежѣ оброка и для этой цѣли вносили въ свои смѣты опредѣленныя суммы.

Рядомъ съ ходатайствами передъ правительствомъ о мѣрахъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, земства удѣляютъ для той же цѣли посильныя доли и изъ своихъ скудныхъ средствъ. Такъ, полтавское уѣздное собраніе еще въ прошлую сессію отчислило капиталъ въ 3,000 руб., чтобы ссудами изъ него оказывать одновременно помощь и переселяющимся въ далекія окраины Россіи, и остающимся на мѣстѣ малоземельнымъ, желающимъ купить землю у переселяющихся, но не имѣющимъ на это средствъ. Благодаря наличности такого капитала, въ истекшемъ году было совершено десять сдѣлокъ купли-продажи земли безъ содѣйствія мѣстныхъ кулаковъ. Переселяющіеся не разорялись отъ продажи своего клочка земли, остающіеся

на мѣстѣ получили возможность увеличивать свои слишкомъ малыя владѣнія и этимъ самымъ исправляли свое хозяйственное положеніе. Но въ виду того, что давать ссуды на покупку земли управа можетъ не меньше какъ на 2—3 года, то тѣхъ 3,000 руб., которыя ей были ассигнованы въ прошломъ году, окажется скоро недостаточно, и столь благое дѣло должно будетъ затормозиться, а потому управа въ настоящую сессію испросила себѣ для этой операціи еще 5,000 руб., на которыя земское собраніе изъявило свое согласіе.

Изъ числа другихъ мѣръ, необходимыхъ для поднятія земледѣльческаго промысла, земства на первомъ планѣ выставляютъ: реформу податной системы въ направленіи соотвѣтствія налога доходу, организацію дешеваго и доступнаго сельскому населенію кредита, распространеніе и усовершенствованіе кустарныхъ промысловъ, распространеніе ремесленнаго и сельскохозяйственнаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, земства обращаютъ вниманіе правительства на громадную задолженность крестьянства. Недоимки растутъ у сельскаго населенія съ каждымъ годомъ все больше и больше. А, между тѣмъ, система и размѣръ налоговъ остаются все тѣ же. Комиссія, избранная воронежскимъ земствомъ, считаетъ настоятельно необходимымъ отсрочку всѣхъ накопившихся за крестьянами недоимокъ впредь до послѣднихъ лѣтъ выкупной операціи, а также и пониженіе выкупныхъ платежей.

Кромѣ мѣръ спеціально экономическихъ, земства указываютъ и другіе, косвенные способы къ поднятію народнаго хозяйства. Въ числѣ ихъ весьма существеннымъ признается установленіе непосредственныхъ и прямыхъ сношеній органовъ земскаго самоуправленія съ министерствомъ земледѣлія. Наиболѣе простою формой такихъ непосредственныхъ сношеній было бы избраніе земскихъ представителей въ высшій сельско-хозяйственный совѣтъ.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Исполненіе государственной росписи за 1894 годъ. — Положеніе русской сахарной промышленности. — Синдикатъ сахароваводчиковъ. — Положеніе 20 ноября объ урегулированіи сахарнаго производства.—Дѣятельность крестьянскаго земельнаго банка въ 1894 г. — Проектъ законодательной нормировки рабочаго времени въ промышленныхъ заведеніяхъ.—Распоряженіе по министерству юстиціи о сокращеніи дѣлопроизводства.—Новыя данныя о кустарныхъ промыслахъ.—Второй съѣздъ по техническому профессіональному образованію. — Отчетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Государственный контроль представилъ въ государственный совѣтъ отчетъ по исполненію росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1894 годъ. Сравнивая доходы по росписи его съ исполненіемъ, мы получаемъ значительный излишекъ, который составляетъ въ сложности около 149 милліоновъ рублей. Косвенные налоги дали по всѣмъ 6 статьямъ очень крупные излишки, достигающіе въ итогѣ почти 100 милліоновъ. Первое мѣсто принадлежитъ таможенному доходу, который принесъ налогъ, вмѣсто предположенныхъ $129^2/_3$ милліоновъ—$183^3/_4$, т.-е. далъ избытокъ въ 54 слишкомъ милліона. Питейный доходъ далъ около $297^1/_2$ милліоновъ (противъ росписи на $29^1/_4$ милліоновъ болѣе) и даже сахарный достигаетъ $41^1/_4$ милліоновъ (вмѣсто предположенныхъ $30^1/_2$). Казенные имущества и капиталы занимаютъ второе мѣсто по превышенію поступившихъ доходовъ надъ смѣтными; превышеніе составляетъ почти 20 милліоновъ. Во главѣ этихъ поступленій стоитъ доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ: онъ далъ почти 116 милліоновъ, на 10 милліоновъ больше сравнительно со смѣтными. Лѣсной доходъ увеличился почти на 7 милліоновъ. Мы находимъ крупный перевѣсъ поступленій надъ росписью также и по выкупнымъ платежамъ: вмѣсто 82 милліоновъ они доставили почти 93 милліона. По отдѣлу правительственныхъ регалій мы находимъ скромное превышеніе дѣйствительно поступившихъ доходовъ надъ росписью: всего немного болѣе милліона; первое мѣсто принадлежитъ телеграфному и телефонному доходамъ, по которымъ мы находимъ излишекъ въ 420.000. Прямые налоги не обнаруживаютъ такихъ результатовъ: весь перевѣсъ поступленій надъ росписью составляетъ только 762.000 рублей, причемъ одна статья — сборъ съ торговли и про-

ловъ — даетъ излишекъ, а двѣ другія наоборотъ: доходъ отъ денежныхъ капиталовъ 862.000, а налоги поземельный и другіе—около 2 милліоновъ. Общій итогъ обыкновенныхъ доходовъ составитъ 1.153$^{3}/_{4}$ милліона, т.-е. уже далеко превыситъ милліардъ рублей.

Дѣйствительно произведенные расходы превысили расходы по росписи почти на 10 милліоновъ. Главное превышеніе расходовъ падаетъ на систему государственнаго кредита: она потребовала на 13 милліоновъ больше суммы, опредѣленной въ росписи. Второе мѣсто занимаетъ министерство путей сообщенія, на которое израсходовано почти $7^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей болѣе противъ росписи. Министерство финансовъ занимаетъ третье мѣсто: его расходъ превысилъ смѣтный почти на 2 милліона. По нѣкоторымъ отдѣламъ расходовъ могутъ быть отмѣчены сбереженія: они составили 1.200,000 по военному министерству, около 1 милліона по министерству государственныхъ имуществъ и менѣе значительныя суммы по нѣкоторымъ другимъ вѣдомствамъ. Общій итогъ расходовъ составляетъ 991 милліонъ рублей. т.-е. доходъ превысилъ расходы почти на 162 милліона.

Когда государственная роспись исполняется съ такимъ крупнымъ остаткомъ, то, съ точки зрѣнія финансовой, нужно признать достигнутые результаты вполнѣ удовлетворительными. Но могутъ удовольствоваться этимъ только при поверхностной оцѣнкѣ государственнаго хозяйства. Цѣль финансовой политики можно считать достигнутой только тогда, когда анализъ отдѣльныхъ статей государственныхъ доходовъ покажетъ, что есть, по крайней мѣрѣ, попытки провести въ финансахъ начало справедливости, а анализъ расходовъ привести къ заключенію, что широко удовлетворяются наиболѣе настоятельныя потребности народа. Приложивъ такую мѣрку къ даннымъ отчета государственнаго контроля за 1894 годъ, мы видимъ, что въ этихъ обоихъ отношеніяхъ остается желать очень многаго.

Вся система государственныхъ финансовъ представляетъ ту своеобразную особенность, что прямые налоги отступаютъ, сравнительно съ косвенными, на очень отдаленное мѣсто. Оффиціально къ косвеннымъ налогамъ только относятся доходы: питейный, табачный, сахарный, нефтяной, спичечный и таможенный. Но сюда нужно отнести также доходы съ паспортовъ, съ пассажировъ и грузовъ большой скорости, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, и съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ, т.-е. въ итогѣ около 18$^{3}/_{4}$ милліоновъ за 1894 годъ. Эти три вида доходовъ относятся къ пошлинамъ, но такъ какъ плательщикъ не получаетъ въ обмѣнъ за нихъ никакой спеціальной услуги отъ государства, то и слѣдуетъ отнести ихъ къ постояннымъ налогамъ. Сдѣлавъ такое причисленіе, мы получили за 1894 годъ общую сумму косвенныхъ налоговъ въ 600 милліоновъ рублей, тогда какъ сумма прямыхъ составляетъ только 102 милліона, т.-е. въ общей массѣ налоговъ косвенные составляютъ $^{6}/_{7}$, а прямые—$^{1}/_{7}$. Косвенные налоги въ высшей степени нарушаютъ основное требованіе финансовой политики о равномѣрномъ распредѣленіи податныхъ тягостей, а поэтому мы всегда высказывались противъ ихъ развитія и въ пользу усн-

ленія прямыхъ. Стоя на этой почвѣ, слѣдуетъ считать болѣе цѣлесообразными тѣ податныя системы, въ которыхъ косвенные налоги не занимаютъ такого выдающагося мѣста. Возьмемъ, наприм., Англію. Въ ней косвенное обложеніе очень развито, и акцизы, вмѣстѣ съ таможенными пошлинами, даютъ казнѣ болѣе 45 милл. фун. стер.; однако прямые налоги — поземельный, подомовый и подоходный — давая казнѣ больше 16 милл. фун., составляютъ не $^1/_7$ общей суммы налоговъ, какъ въ Россіи, а больше $^1/_4$. Франція справедливо считается финансистами страною наиболѣе развитаго косвеннаго обложенія. Однако и въ ней косвенные налоги даютъ казнѣ 2.038 милліоновъ франковъ, а прямые — 496 милліоновъ, т.-е. въ общей суммѣ податей прямыя занимаютъ немного менѣе $^1/_5$. Нѣтъ надобности ссылаться на германскія государства съ ихъ развитымъ прямымъ обложеніемъ. Мы считаемъ это очень крупнымъ недостаткомъ всей нашей податной системы. Помимо общаго, приведеннаго нами доказательства, мы имѣемъ и спеціальное, доставляемое фактами изъ жизни русскаго государственнаго хозяйства. Такими фактами служитъ, во-первыхъ, очень большое накопленіе недоимокъ, достигающее по нѣкоторымъ губерніямъ (Казанской, Самарской, Оренбургской) двух- и трехгодовому окладу и, во-вторыхъ, недоборы по прямымъ налогамъ въ 1894 году. Разъ есть на лицо такой фактъ и разъ одновременно возрастаютъ косвенные налоги, то есть живое доказательство того, что и существующіе прямые налоги, въ суммѣ очень незначительные, распредѣлены крайне неравномѣрно, что однѣ группы населенія поставлены очень благопріятно, могутъ увеличивать потребленіе сахару, табаку, заграничныхъ товаровъ и давать государственному казначейству все большую сумму, а другія находятся въ условіяхъ столь тягостныхъ, что не могутъ взносить и небольшую сумму податей, которыя лежатъ на нихъ. Вотъ задача первостепенной важности, надъ которой слѣдуетъ призадуматься нашему министерству финансовъ.

И въ отчетѣ о произведенныхъ расходахъ мы находимъ факты, которые даютъ мало утѣшительнаго. 149 милліоновъ перевѣса доходовъ надъ расходами были бы доказательствомъ блестящаго положенія дѣлъ, если бы широко удовлетворились матеріальныя и культурныя потребности народа. Но, вѣдь, мы видимъ совсѣмъ не то. Мы знаемъ, что земледѣліе есть главный промыселъ нашего отечества, что разнообразныя мѣры для его развитія (такія крупныя мѣры, какъ облѣсеніе и орошеніе степей, осушеніе болотъ, повсемѣстное устройство образцовыхъ фермъ) требуютъ ежегодно многомилліонныхъ затратъ, а на все министерство земледѣлія, совмѣстно съ расходами на государственныя имущества, было ассигновано по росписи 1894 года около 29 милліоновъ рублей, изъ которыхъ почти цѣлый милліонъ остался неизрасходованнымъ. Извѣстно, что кустарные промыслы нуждаются въ широкой и разносторонней поддержкѣ, которая безъ всякаго искусственнаго покровительства народной промышленности, требует ежегодно милліоновъ рублей, а между тѣмъ на нее расходуется тольк 80.000, въ составѣ скромнаго бюджета министерства земледѣлія. По м

нистерству юстиціи израсходовано 26 милліоновъ, и получился даже небольшой остатокъ, а между тѣмъ, тюрьмы повсюду, кромѣ, быть можетъ, столицъ и немногихъ городовъ, не могутъ похвалиться благоустройствомъ и далеко не соотвѣтствуютъ требованіямъ новѣйшей уголовной политики. Крайняя скудость средствъ, которыми располагаетъ министерство народнаго просвѣщенія, общеизвѣстна; всѣмъ извѣстно также, что если бы это министерство расходовало ежегодно не 22 милліона, а въ 3 раза болѣе, то потребность нашего народа въ образованіи все же не была бы удовлетворяема въ полномъ объемѣ.

Все сказанное побуждаетъ насъ сдѣлать выводъ, что крупное превышеніе доходовъ надъ расходами, обнаружившееся за 1894 годъ, вовсе не должно быть признаваемо фактомъ, который уже самъ по себѣ вызываетъ чувство удовлетворенности и отрады: нужно считаться съ руководящимъ началомъ, которое и должно лежать въ основаніи усиленной преобразовательной дѣятельности въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ. Эта дѣятельность должна выразиться, во-первыхъ, въ уменьшеніи какъ прямыхъ, такъ особенно косвенныхъ налоговъ, которые падаютъ на бѣднѣйшіе слои населенія и, во-вторыхъ, въ увеличеніи расходовъ, которые служатъ важнѣйшимъ матеріальнымъ и культурнымъ потребностямъ нашей родины.

Принимаются крупныя мѣры по нормированію сахарнаго производства. Народно-хозяйственное значеніе этой промышленности побуждаетъ насъ припомнить важнѣйшія факты изъ прошлаго этого производства въ Россіи и изъ его современнаго состоянія.

Начало сахарнаго производства въ Россіи относится къ первому десятилѣтію нынѣшняго вѣка. Первые заводы были невелики и, по своему устройству, первобытны. Только съ 30-хъ годовъ увеличивается ихъ производительность, выписываются изъ-за границы опытные сахаровары, и техника замѣтно совершенствуется. Къ половинѣ 50-хъ годовъ въ Россіи было уже 395 заводовъ, которые перерабатывали 2,6 милліоновъ берковцевъ свекловицы и изготовляли 800,000 пуд. песку. Всѣ эти заводы, обыкновенно очень небольшіе, были связаны съ сельскимъ хозяйствомъ. Но съ 60-хъ годовъ въ этой отрасли начали слагаться крупныя капиталистическія предпріятія. Въ 1880 году было добыто уже болѣе 12 милл. пудовъ сахарнаго песку и туземный сахаръ почти окончательно вытѣснилъ привозный. Теперь годичное производство песку превышаетъ 25 милл. пудовъ, на сумму слишкомъ 100 милл. рублей. По количеству вырабатываемаго сахара Россія заняла среди европейскихъ государствъ четвертое мѣсто. Всѣ песочно-сахарные и рафинадные заводы, числомъ 222, съ годовою производительностью около 190 милл. рублей, разбиты по тремъ районамъ: 50% общаго числа заводовъ приходится на юго-западныя губерніи, 30%—на центральныя и 20% на польскія. Ростъ свеклосахарной промышленности въ Россіи особенно рѣзко бросится въ глаза, если припомнимъ, что за по-

слѣднія 20 лѣтъ Австрія увеличила сахарное производство въ три раза, Франція только въ 1½ раза и Россія—въ 2½ раза.

Эти данныя какъ бы обязываютъ сдѣлать выводъ, что исторія сахарной промышленности служитъ блестящимъ доказательствомъ успѣховъ русскаго народнаго хозяйства. Но болѣе внимательное изслѣдованіе показываетъ, что это развитіе искуссвенно и что, наряду со многими темными сторонами, въ немъ можно отмѣтить немногое, способное сдѣлать честь предпріимчивости русскихъ сахарозаводчиковъ.

По мѣрѣ того, какъ устраивались сахарные заводы, правительство дѣлало ихъ предметомъ все болѣе усиленныхъ заботъ. Всѣ мѣропріятія, направленныя къ поддержанію этой отрасли, выражались, съ одной стороны, въ затрудненіи привоза заграничнаго сахара посредствомъ высокихъ таможенныхъ налоговъ, а съ другой—въ оплатѣ преміями сахара, вывозимаго за-границу. Вторая мѣра стала примѣняться съ 1871 года, когда сахарное производство было уже довольно развито и когда, по временамъ, наблюдался избытокъ сахару на внутреннемъ рынкѣ. Въ 1891 году былъ установленъ возвратъ акциза. Въ 1876 году возвращаемый акцизъ составлялъ уже 50 коп. съ пуда, тогда какъ, въ дѣйствительности, на пудъ сахару не падало больше 25 коп. акциза. А потому подъ скромнымъ терминомъ «возвратъ акциза» сахарозаводчики получали большую вывозную премію, вслѣдствіе которой вывозъ сахара значительно увеличился и дошелъ въ 1877 году почти до 4 милл. пудовъ. Въ 1885 году была установлена явная премія на вывозимый сахаръ въ размѣрѣ 1 рубля съ пуда. Выдача премій прекращена въ 1891 году, но въ этой промышленности установились такіе порядки, которые, какъ покажемъ ниже, позволяютъ сахарозаводчикамъ и самимъ, безъ помощи правительства, создавать для себя систему скрытыхъ премій.

Опираясь, при каждомъ шагѣ впередъ, на могущественную поддержку государства, наша сахарная промышленность, сама по себѣ, не можетъ похвалиться значительными успѣхами. Это производство имѣетъ для сельскаго хозяйства то значеніе, что облегчаетъ водвореніе усовершенствованныхъ системъ полеводства, даетъ въ видѣ отбросовъ, превосходный кормъ и способствуетъ развитію скотоводства. Этотъ процессъ постепенно совершался и въ Россіи, причемъ общая площадь земли, занятая свекловицей, превысила 300,000 десятинъ. Но самые способы воздѣлыванія свекловицы и измѣненіе къ лучшему ея сортовъ не испытали воздѣйствія со стороны сахарныхъ заводовъ. Это всего лучше доказывается тѣмъ, что сахаристость свеклы увеличивается очень медленно: въ Германіи за послѣднія 25 лѣтъ сахаристость поднялась съ 8,6% до 13%, а въ Россіи только до 10%.

Другимъ еще болѣе явнымъ доказательствомъ слабаго вліянія сахарныхъ заводовъ на бытъ всего населенія служитъ отношеніе этихъ заводовъ къ посѣвщикамъ свекловицы. Въ 70-хъ годахъ, когда цѣна сахара стояла очень высоко и въ Юго-западномъ краѣ было проведено нѣсколько желѣзныхъ дорогъ, въ эту сферу вступили люди, которые не имѣютъ

чего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ. Соединяясь въ товарищества, они торопливо строили заводы при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ не имѣли земли, кромѣ клочковъ, на которыхъ стояли зданія заводовъ. Теперь въ одномъ Юго-западномъ краѣ насчитывается 46 такихъ заводовъ. Первое время по возникновеніи эти заводы покупали свеклу отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, даже крестьянъ, и производили впечатлѣніе, какъ будто они способствуютъ крупнымъ и желательнымъ перемѣнамъ въ мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ. Но вскорѣ дѣло пошло совсѣмъ иначе. Едва были выстроены желѣзныя дороги, какъ эти заводы воспользовались выгодами своего положенія и дабы понизить цѣну свеклы, стали возить ее издалека; цѣна постепенно дошла до 90 коп. за берковецъ, къ явному убытку для посѣвщика. Посѣвщиками являются люди маленькіе, бѣдные, всегда нуждающіеся въ деньгахъ. Ихъ соблазняютъ большіе задатки отъ заводовъ, нерѣдко доходящіе до 80 руб. на десятину; попавъ въ сѣти кредита, посѣвщикъ обыкновенно уступаетъ свеклу за безцѣнокъ, нерѣдко съ большимъ убыткомъ для себя. Посѣвщики свеклы обыкновенно арендуютъ для этого землю вблизи линіи желѣзной дороги, рѣдко далѣе пяти верстъ. Заводу нѣтъ дѣла до того, успѣлъ ли посѣвщикъ выкопать всю свекловицу или нѣтъ: если выкопанное количество свеклы не покрываетъ задатка, который полученъ посѣвщикомъ отъ завода, то недостающее количество переносится долгомъ на будущій годъ и дѣлаетъ кабалу посѣвщика еще болѣе тяжелой: увеличеніе долга съ каждымъ годомъ все больше давитъ цѣны свекловицы. Положеніе безземельныхъ заводовъ потому очень выгодно, что, не воздѣлывая свекловицы, они могутъ дѣлать большіе обороты съ капиталомъ, сравнительно небольшимъ, при одномъ и томъ же количествѣ выпущеннаго сахара; заводъ, перерабатывающій свою свекловицу, нуждается въ капиталѣ вдвое большемъ, чѣмъ заводъ, который покупаетъ свеклу.

Заводы, перерабатывающіе собственную свекловицу, имѣютъ вліяніе на сельское хозяйство имѣнія, которое и даетъ заводу матеріалъ. Такъ какъ эти заводы не стоятъ въ сношеніяхъ со сторонними посѣвщиками, то и не окутываютъ ихъ сѣтями кредита, какъ безземельные заводы. Однако, это различіе еще не даетъ основаній къ тому, чтобы рѣзко нападать на коммерческіе заводы и считать заводы, воздѣлывающіе свекловицу, великимъ благодѣяніемъ для края. Если коммерческіе заводы закабаляютъ посѣвщиковъ свекловицы посредствомъ цѣлой системы задатковъ, то заводы второй группы пользуются для своихъ свекловичныхъ плантацій самымъ дешевымъ наемнымъ трудомъ и пріобрѣтаютъ его по крайне низкой цѣнѣ также умѣло проведенною системой наемки рабочихъ въ то время, когда крестьянамъ особенно нужны деньги для взноса податей и когда каждый рубль задатка вынуждаетъ ихъ очень дешево продавать трудъ. Съ точки зрѣнія народнаго хозяйства кабала имѣетъ одно и то же значеніе, служитъ ли предметомъ ея крестьянинъ, сторонній заводу и самостоятельно воздѣлывающій для него сырой матеріалъ, или же крестьянинъ, нанимаемый заводскою администраціей для того, чтобы воздѣлывать свекловицу на поляхъ завода.

Но между заводами обѣихъ группъ есть въ томъ отношеніи полное сходство, что трудъ на нихъ поставленъ хуже, чѣмъ въ большинствѣ отраслей обрабатывающей промышленности. Общее число рабочихъ достигаетъ 87,000, изъ которыхъ мужчины составляютъ 86%, женщины—11%, а дѣти 3%. Мѣсячная плата, на заводскомъ продовольствіи, обыкновенно весьма неудовлетворительномъ, составляетъ 5—16 рублей для мужчинъ, 3—10 для женщинъ и 4—9 для малолѣтнихъ. А гигіеническія условія рабочихъ и жилыхъ помѣщеній ниже всякой критики. По даннымъ относительно 9 сахарныхъ заводовъ Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, среднее количество воздуха на душу составляетъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ только 0,94 куб. саж., вмѣсто 2 куб. саж. На нѣкоторыхъ заводахъ оно составляетъ только 0,75, 0,58 и даже 0,50 куб. саж. Относительно несчастныхъ случаевъ сахарные заводы занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. По даннымъ, которыя г. Святловскій (въ книгѣ *Фабричный рабочій*, стр. 127—128) собралъ о 36 промышленныхъ заведеніяхъ, на 1,000 рабочихъ приходится за годъ 6,7 несчасныхъ случаевъ, а на сахарныхъ заводахъ гораздо больше средняго числа: гдѣ несчастные случаи рѣдки, тамъ ихъ приходится 10, 16, 26, 32, 34 на 1,000 рабочихъ, а на нѣкоторыхъ заводахъ число поднимается до невѣроятныхъ цифръ: 111 случаевъ на Вѣринскомъ, 116,5 на Кенинскомъ, 125 на Натальевскомъ, 176,4 на заводѣ Скилона, 196,7 на Гутянскомъ и 226,8 на заводахъ Борисовскихъ.

Вотъ въ немногихъ словахъ обстановка, которую создали сахарные заводы: они очень мало потрудились надъ усовершенствованіемъ техники, ничего не сдѣлали для роста благосостоянія народа, но очень усердно трудились и трудятся надъ его эксплуатированіемъ. Всѣ мѣры поощренія со стороны государства послужили для сахарной промышленности отличнымъ средствомъ къ увеличенію дивидендовъ и доставленія акціонерамъ возможности наживать милліонныя состоянія. На-ряду съ таможеннымъ покровительствомъ отличнымъ средствомъ для этого былъ синдикатъ сахарозаводчиковъ. Начало синдикату было положено въ 1886 году.

Когда правительство отклонило ходатайство сахарозаводчиковъ о новыхъ мѣрахъ для поддержанія производства и поставило имъ на видъ, что они должны улучшить условія производства собственными силами, такъ какъ, по докладу министра финансовъ комитету министровъ, «соглашеніе заводчиковъ между собой во имя ихъ общаго интереса могло бы принести существенную пользу дѣлу». Это соглашеніе и состоялось въ Кіевѣ весной 1887 года. Соглашеніе коснулось, прежде всего, той нормы, которая должна быть выпускаема на внутренній рынокъ. Эти нормы опредѣлялись среднимъ годичнымъ производствомъ каждаго завода за послѣднія 5 лѣтъ, за уче томъ 5%, или же количествомъ наибольшаго годового производства за годы 1881—1882 и 1885—1886, за вычетомъ изъ него 33⅓%. Весь сахаръ учтенный сверхъ этого для акциза, подлежитъ экспорту; подробности экспорта были подробно оговорены въ условіи. «Бюро представителей сахарозаводчиковъ въ Кіевѣ» сдѣлалось органомъ наблюдающимъ за исполненіе

всѣхъ условій. Соглашеніе, состоявшееся первоначально на одинъ годъ, было заключено въ четвертый разъ на 4-лѣтній срокъ, начиная отъ 1 сентября 1895 года. Новое соглашеніе вноситъ нѣкоторыя измѣненія, коснувшіяся, главнымъ образомъ, слѣдующихъ пунктовъ: 1) Члены синдиката обязаны образовать запасы сахару, 3 милліона пудовъ для всѣхъ участниковъ, съ обязательствомъ выпускать ихъ на внутренній рынокъ въ случаѣ чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ; 2) установлены maximum цѣны для лѣтнихъ и зимнихъ мѣсяцевъ (5 р. 25 к. и 5 р. за 1 пудъ) и 3) опредѣлено количество сахару, которое можетъ быть вывезено каждымъ заводомъ. Успѣшная дѣятельность синдиката сахарозаводчиковъ выразилась въ томъ, что первое соглашеніе (въ 1887—1888 годахъ) охватило 171 заводъ изъ 219, т.-е. 87%, а послѣднее (въ 1892—1893 годахъ) 203 изъ 224, т.-е. 91%. Цѣль нашего синдиката сахарозаводчиковъ крайне проста; она не осложняется никакими сторонними разсчетами и соображеніями: держать цѣну на внутреннемъ рынкѣ такъ высоко, чтобъ имѣть крупный дивидендъ. Излишнее производство грозитъ понизить цѣну, а вывозъ излишковъ за границу и продажа ихъ тамъ по цѣнѣ, которая оставляла бы хотя маленькую прибыль, невозможенъ, такъ какъ сахаръ производится за границей дешевле, чѣмъ въ Россіи; а потому цѣна русскаго сахара на туземномъ рынкѣ должна быть установлена такъ высоко, чтобъ она вознаграждала потребителей, если даже сахаръ, вывозимый за границу, будетъ продаваемъ тамъ безъ барыша или даже въ убытокъ. И эта цѣль достигнута: послѣдніе годы за границу вывозилось русскаго сахару по 6—7 милліоновъ пудовъ и продавалось по цѣнѣ гораздо низшей, чѣмъ на русскихъ рынкахъ. Однако, высокій maximum цѣны, установленный для Россіи, позволяетъ русскимъ сахарнымъ заводамъ покрывать убытки отъ продажи за границей и выдавать дивидендъ въ 20—35%. Но все это не удовлетворяетъ сахарозаводчиковъ.

Въ концѣ прошлаго года среди сахарозаводчиковъ опять стали раздаваться жалобы, что имъ грозитъ окончательное разореніе, если правительство не придетъ къ нимъ на помощь. Опасности угрожаютъ, будто бы, потому, что не всѣ заводчики участвуютъ въ синдикатѣ и что есть такіе, которые принимаютъ участіе, а затѣмъ отказываются исполнять его требованія, т.-е. нарушаютъ нормировку. Дабы это ходатайство не было окончательно лишено основанія, составители докладной записки сдѣлали разсчетъ, доказывающій, что сахарные заводы не только не дѣлали прибыли, но даже приносили убытки. Для этого дѣлаются и искусственныя вычисленія, которыя, по справедливому замѣчанію *Новаго Времени* (№ 7059, 1895 г.), вносятъ во все дѣло большую путаницу. «Вся таблица,— говорится въ названной газетѣ,—посвящена *пассиву* въ подробностяхъ, а активъ, какъ всегда, конечно, съ нимъ сходится въ балансѣ. Въ числѣ статей пассива показаны: основной капиталъ, прочіе капиталы, долгъ и прибыль. Въ числѣ отчисленій находятся слѣдующія рубрики: 1) въ счетъ прочихъ капиталовъ и т. д., 2) въ счетъ долговъ. Со вторыми отчисленіями

происходитъ что-то невообразимое,—долги въ результатѣ отчисленій на всю ихъ сумму цѣликомъ увеличиваются. Было, скажемъ, 200,000 долгу, опредѣлено отчислить изъ прибыли, положимъ, въ 50,000, и получается долгъ не въ 150,000, а въ 250,000. Такой пріемъ затемняетъ происхожденіе и дѣйствительную величину прибыли и въ то же время искусственно увеличиваетъ стоимость производства. Такъ какъ отчисленій въ счетъ капиталовъ и долговъ составляло не болѣе 30% всей прибыли, то послѣдняя и уменьшается на всю эту сумму. А вообще, большинство товариществъ принадлежатъ къ такимъ, у которыхъ прибыль составляетъ 40, 39, 33% на основной капиталъ». Вотъ соображенія, которыя побудили сахарозаводчиковъ ходатайствовать передъ правительствомъ о нормированіи его властью всего производства. Ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, и 20 ноября высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта на три періода сахароваренія (1895—1896, 1896—1897, 1897—1898) установлены слѣдующія правила. На каждый періодъ сахароваренія комитетомъ министровъ, по представленіямъ министра финансовъ, опредѣляются: количество сахару, потребнаго для внутренняго потребленія, количество обязательнаго запаса сахара на песочно-сахарныхъ и сахаро-рафинадныхъ заводахъ и предѣльныя цѣны сахара для внутренняго рынка, при которыхъ обязательный запасъ сахара остается неприкосновеннымъ, а равно условія, при которыхъ разрѣшается выпускъ сахара изъ запаса на внутренній рынокъ. Излишній, сверхъ неприкосновеннаго запаса, сахаръ можетъ быть выпускаемъ на внутренній рынокъ не иначе, какъ по предварительной оплатѣ дополнительнымъ налогомъ, акцизъ же за этотъ сахаръ подлежитъ уплатѣ на общемъ основаніи, какъ за сахаръ текущаго періода. Состоящій въ неприкосновенномъ запасѣ сахаръ не подлежитъ никакимъ платежамъ впредь до выпуска изъ завода. А выпускъ съ завода разрѣшается въ случаѣ поднятія на внутреннемъ рынкѣ цѣны сахара выше установленнаго предѣла. При вывозѣ за границу излишковъ сахара, послѣдній освобождается отъ оплаты акцизомъ и дополнительнымъ налогомъ. Но въ случаѣ такого возвышенія цѣнъ сахара на заграничныхъ европейскихъ рынкахъ, которое можетъ усиленно поощрять къ перепроизводству на отечественныхъ сахарныхъ заводахъ, министръ финансовъ имѣетъ право входить въ комитетъ министровъ съ представленіемъ объ уменьшеніи размѣра или о совершенномъ пріостановленіи на извѣстный срокъ льготы по освобожденію вывозимаго сахара отъ дополнительнаго налога. Таковы главныя положенія новаго закона.

Хотя законъ вводитъ въ нормированіе сахарнаго производства такія подробности, которыя не были извѣстны ранѣе, однако, существо дѣла остается неизмѣненнымъ. Какъ раньше синдикатъ собственными силами нормировалъ промышленность и старался воспрепятствовать перепроизводству, такъ теперь правительственная нормировка преслѣдуетъ ту же цѣль. Участіе правительства въ этомъ дѣлѣ имѣло бы народно-хозяйственное значеніе лишь въ томъ случаѣ, еслибъ были приняты мѣры къ удешевленію са-

хара и возможности для него стать болѣе распространеннымъ предметомъ потребленія, чѣмъ нынѣ. Такими мѣрами могли бы служить: 1) освобожденіе привознаго сахара отъ таможеннаго налога; 2) установленіе высшихъ предѣльныхъ цѣнъ для внутренняго рынка очень умѣренною цифрой; 3) обѣ мѣры могли бы быть комбинированы, такимъ образомъ, что былъ бы пониженъ таможенный налогъ на сахаръ (теперь взимается колоссальный таможенный налогъ въ 3 рубля съ пуда сахара-сырца и въ 4 рубля съ пуда рафинада) и нѣсколько понижены противъ нынѣшнихъ предѣльныя цѣны для внутренняго рынка. Каждое изъ этихъ мѣропріятій непосредственно понизило бы цѣну сахара для внутреннихъ потребителей, и косвенно понизило бы ее потому, что сахарные заводы, дабы воспрепятствовать рѣзкому паденію прибыли, приступили бы къ серьезнымъ техническимъ улучшеніямъ какъ въ заводскомъ дѣлѣ, такъ и относительно сортовъ воздѣлываемой свекловицы. Въ настоящее время потребленіе сахара въ Россіи совершенно ничтожно: оно не превышаетъ 10 фунтовъ на жителя, тогда какъ въ Австріи доходитъ до 18 фунтовъ, въ Германіи—до 24½, въ Соединенныхъ Штатахъ—до 70, въ Англіи—до 89½, въ Австраліи и Кубѣ—до 122 фунтовъ. Находясь на очень низкомъ уровнѣ, потребленіе сахара и возрастаетъ у насъ крайне медленно: за послѣднее десятилѣтіе (1885—1894) оно увеличилось въ Россіи на 14%, тогда какъ въ Германіи на 115%, во Франціи—на 177%, въ Бельгіи—на 265%. Нормированіе сахарнаго производства, не имѣя общенароднаго значенія и ограничиваясь только предѣлами этой промышленности, получило бы для нея общесоціальный характеръ, еслибъ были приняты серьезныя мѣры къ улучшенію быта рабочихъ, занятыхъ на сахарныхъ заводахъ: постановленія о томъ, чтобъ извѣстная и притомъ значительная доля прибыли употреблялась въ различныхъ формахъ на пользу рабочихъ, чтобы были устранены формы найма на работу, искусственно понижающія рабочую плату, чтобы были приняты разнообразныя мѣры къ охраненію здоровья работающихъ и проч. Въ этомъ случаѣ можно было бы разсматривать названныя правила какъ мѣру, которая имѣетъ въ виду охранять равномѣрно интересы капитала и труда, прилагаемыхъ къ сахарному производству. Если же эти правила не будутъ дополнены хотя нѣкоторыми изъ указанныхъ положеній, то доставятъ выгоды только сахарозаводчикамъ и осуществятъ завѣтныя мечты синдиката, который, опираясь только на начало самопомощи, не могъ дѣйствовать съ желаннымъ успѣхомъ.

Недавно вышелъ отчетъ о дѣятельности крестьянскаго земельнаго банка въ 1894 г. За этотъ годъ въ банкъ поступило 1,912 заявленій о ссудахъ; должно было быть пріобрѣтено 189,582 десятины за 9.617,655 руб. Совѣтъ банка выдалъ 1,680 ссудъ на 5.793,882 руб.; 85% означенной суммы выдано на 38½ лѣтъ. Изъ собственныхъ средствъ крестьянъ доплатилъ по ссудамъ банка 3.084,772 руб. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ было выдано на 568,068 руб. болѣе и куплено земли на 23,667 десятинъ болѣе.

Процессъ, наблюденный ранѣе—уменьшеніе покупокъ земли сельскими обществами и увеличеніе числа покупокъ товариществами—былъ замѣченъ и въ прошломъ году: въ 1894 году покупки сельскими обществами дали 11½% общаго числа, покупки товариществами 68%, а отдѣльными крестьянами—20½%. По числу сдѣлокъ, первыя мѣста принадлежатъ губерніямъ: Виленской (178 сдѣлокъ), Черниговской (152), Ковенской (141), Минской (140), Полтавской (137), Уфимской (136). Какъ въ предыдущіе годы, такъ и въ прошломъ было замѣчено, что дѣятельность крестьянскаго банка болѣе успѣшно развивается въ губерніяхъ съ подворнымъ или смѣшаннымъ землевладѣніемъ, нежели въ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ община. По количеству купленной земли, первое мѣсто принадлежитъ Уфимской губерніи, затѣмъ Смоленской, Московской и Минской. Среднее количество земли составляетъ на 1 душу: 1,75 десятины при покупкахъ сельскими обществами, 2,38 при покупкахъ товариществами и 4,27 десят. при покупкахъ отдѣльными крестьянами. А выданныя ссуды и доплаты на 1 душу составляли: 35 и 19 рублей въ первомъ случаѣ, 84 и 44 рубля во второмъ и 88 и 102 рубля въ третьемъ. Доплаты, по сравненію съ предыдущими годами еще болѣе увеличились: онѣ составляли 37,2% покупной цѣны противъ 34,3% въ 1893 г. По имущественному положенію покупщиковъ, первое мѣсто занимаютъ крестьяне съ душевымъ надѣломъ отъ 1½ до 3 десятинъ, ихъ было всего 35,393 души. Второе мѣсто принадлежитъ безземельнымъ и малоземельнымъ, которыхъ было 23,962 души. Наконецъ, крестьянъ, имѣвшихъ болѣе 3 десятинъ, было 21,292 души. Состоятельные крестьяне, съ надѣломъ болѣе 6 десятинъ (такихъ было 4,176 душъ) пріобрѣли въ среднемъ наиболѣе значительные участки: больше 3 десятинъ на душу: а самые мелкіе участки приходятся на группу съ 1½—3 десятиннымъ надѣломъ, ими куплено около 2 десятинъ на душу. Въ отчетѣ представляютъ значительный интересъ свѣдѣнія объ имуществахъ, которыя остались за банкомъ, вслѣдствіе безуспѣшности торговъ. За предыдущіе годы были очень часты случаи, что крестьяне, купивъ землю съ содѣйствіемъ банка, забрасывали ее. А потому банкъ началъ требовать все болѣе крупныхъ доплатъ. За 1894 г. въ собственность банка, вслѣдствіе неисправности заемщиковъ и безуспѣшности торговъ, поступило 8,332 десятины съ ссудою въ 470,938 рублей и недоплатами въ 120,000 руб. Между имѣніями, которыя остались за банкомъ, есть и такія, гдѣ покупщики сдѣлали весьма крупныя доплаты: такъ Мухановское товарищество въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ купило землю за 21,000 рублей, доплатило по ссудѣ въ 14,000 руб. изъ собственныхъ средствъ больше 6½ тысячъ, владѣло землею 8 лѣтъ и бросило ее съ долгомъ слишкомъ въ 15,000 руб. Этотъ и другіе подобные примѣры доказываютъ, что крупная доплата заемщиковъ изъ собственныхъ средствъ еще не всегда служитъ обезпеченіемъ, что кліенты банка будутъ исправными должниками. Просматривая данныя о продажѣ имѣній, которыя остались за банкомъ, мы видимъ, что эта операція не причинила ему убытковъ. Въ 1894 году за банкомъ оставалось около 108,000 десятинъ земли, съ дол-

гомъ до 6½ милліоновъ рублей. Самъ завѣдуя этими участками, банкъ потерялъ больше 200,000 рублей. Но продажа части этой земли (до 11,000 десятинъ въ теченіе 1894 года), преимущественно крестьянамъ, не только покрыла всѣ долги, лежавшіе на проданныхъ участкахъ, но и дала чистаго барыша около 20,000 рублей. За отчетный годъ крестьянскій банкъ имѣлъ 42 отдѣленія, изъ которыхъ 26 были самостоятельны, а 16 при отдѣленіяхъ дворянскаго банка. Общій итогъ расходовъ по содержанію служащихъ составляетъ до полумилліона, около 12,000 рублей на отдѣленіе. Такъ какъ многія отдѣленія банка имѣли очень небольшую дѣятельность, то расходъ на личный составъ долженъ быть признанъ очень крупнымъ.

Приведенныя цифры показываютъ, что прошлый годъ дѣятельности банка долженъ быть признанъ благопріятнымъ. Однако, нельзя пройти въ молчаніи мимо фактовъ, которые вызываютъ серьезныя сомнѣнія. Таковыми являются, прежде всего, крупныя доплаты заемщиковъ крестьянскаго банка изъ собственныхъ средствъ. Очень вѣроятно, нѣкоторые заемщики сдѣлали доплаты изъ накопленныхъ сбереженій; большинство же заняло у частныхъ лицъ. Мы не знаемъ, во что обошелся покупщикамъ частный кредитъ; но всѣ свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ относительно частнаго кредита въ деревняхъ, заставляютъ думать, что этотъ кредитъ не можетъ быть дешевъ. А потому хотя крестьянскій банкъ открываетъ кредитъ на льготныхъ условіяхъ, но крупныя доплаты являются для многихъ скупщиковъ тяжелыми гирями. Крупныя доплаты заемщиковъ, все болѣе входящія въ практику крестьянскаго банка, гораздо менѣе заслуживаютъ сочувствія, нежели требованіе доплатъ въ 15—18%, какъ то было обычно въ первые годы дѣятельности банка. И если изъ заемщиковъ, купившихъ землю съ небольшими доплатами, многіе оказались несостоятельными должниками, то это нужно приписывать не малымъ доплатамъ, а несогласованности операцій крестьянскаго банка съ переселенческимъ дѣломъ и искусственному возвышенію земельныхъ цѣнъ въ тѣхъ губерніяхъ (малороссійскія и среднія черноземныя), гдѣ была произведена большая часть покупокъ.

Насъ смущаетъ и другое обстоятельство: уменьшеніе числа покупокъ цѣлыми сельскими обществами. Въ товариществахъ, которыя преобладаютъ среди покупателей, можно усматривать новыя сельскія общины, члены которыхъ являются таковыми не въ силу случайности рожденія, а по сознательному подбору. Гдѣ въ товариществѣ, покупающемъ землю, могутъ быть отысканы такіе элементы, и тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ товарищество введетъ на купленной землѣ артельный трудъ, можно признать прогрессированіе общиннаго начала. Но мы опасаемся, что не таково будетъ большинство товариществъ: что, большею частью, образованіе товарищества есть первый шагъ на пути отъ общиннаго землевладѣнія къ частному, что они слагаются тамъ, гдѣ члены испытываютъ во многихъ отношеніяхъ тяготу жизни въ общинѣ, но, сохраняя привычки къ дѣйствію сообща, еще не переходятъ къ единоличной покупкѣ земли, тѣмъ болѣе, что покупка то-

вара обществомъ позволяетъ пріобрѣсти цѣлое имѣніе, въ составѣ котораго разныя угодья комбинируются въ одно стройное цѣлое. Чины крестьянскаго банка оказали бы большую услугу дѣлу изученія нашего крестьянскаго быта, еслибъ изслѣдовали составъ товариществъ и помогли выясненію вопроса о томъ, насколько члены товариществъ, по своимъ наклонностямъ и сельско-хозяйственнымъ навыкамъ, ближе къ общинному землевладѣнію, чѣмъ къ частной земельной собственности.

На очередь поставленъ вопросъ о законодательной нормировкѣ рабочаго времени въ русскихъ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Проектъ такой нормировки выработанъ лодзинскимъ отдѣленіемъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговли. Сущность проекта выражается въ слѣдующемъ: 1) Ночная работа съ 10 час. вечера до 4 час. утра запрещается во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя, по характеру своего производства, должны вести работу безъ всякихъ перерывовъ: доменныя печи, сахарные, винокуренные, пивоваренные заводы, стеклоплавильные, газовые и пр. Если сгорѣла часть фабрики, испортилась паровая машина или случилось происшествіе, которое лишаетъ часть занятыхъ на фабрикѣ рабочихъ ихъ обыкновеннаго заработка, то фабричная инспекція можетъ разрѣшить ночную работу на время, требующееся для приведенія фабрики въ прежнее состояніе, и тѣмъ промышленнымъ заведеніямъ, которыя въ обыкновенное время не имѣютъ права работать ночью. Въ предѣлахъ времени отъ 4 часовъ утра до 10 часовъ вечера продолжительность дневной работы для одной смѣны ограничивается: а) 10 часами во всѣхъ производствахъ, гдѣ рабочіе трудятся подъ землею, куда не достигаетъ солнечный свѣтъ; б) во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ не болѣе 12 часовъ, съ обязательнымъ перерывомъ не болѣе 1 часа для обѣда. 3) Въ тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, гдѣ нѣтъ необходимости непрерывно вести производство и гдѣ владѣльцы хотятъ вести его болѣе 12 часовъ въ день въ 2 смѣны рабочихъ, работа каждой смѣны не можетъ превышать 9 часовъ въ сутки въ предѣлахъ времени отъ 4 часовъ утра до 10 вечера. Проектъ предлагаетъ ввести всѣ эти ограниченія чрезъ 1 годъ по обнародованіи закона, дабы промышленники сумѣли приспособиться къ новому порядку. Еслибъ въ теченіе 5 лѣтъ обнаружилось, что эти правила полезнѣе для рабочихъ и не препятствуютъ развитію промышленности, то слѣдовало бы сократить рабочій день еще на 1 часъ и включить его въ предѣлы между 5 часами утра и 9 вечера.

Проектъ о сокращеніи рабочаго времени имѣетъ очень серьезное значеніе. Но малая склонность промышленниковъ примкнуть къ предложенію лодзинскихъ фабрикантовъ доказывается уже тѣмъ, что хотя проектъ былъ разосланъ многимъ лицамъ и учрежденіямъ, на него въ теченіе длиннаго ряда мѣсяцевъ поступило очень немного замѣчаній. Большею частью, замѣчанія послѣдовали со стороны тѣхъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій, которыя сочувствуютъ дѣлу и, относительно рабочаго дня, близки къ нормѣ,

предусмотрѣнной проектомъ. Изъ биржевыхъ комитетовъ на проектъ отозвались только два — нижегородскій и одесскій — и оба въ одобрительномъ смыслѣ. Первый считаетъ очень полезнымъ примѣненіе предлагаемыхъ мѣръ въ заводской и фабричной промышленности Поволжья. Одесскій же комитетъ ставитъ на видъ, что въ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ Одессы рабочій день не превышаетъ $10^1/_2$ и даже 10 часовъ, между 6 ч. утра и $6^1/_2$ ч. вечера, съ 2-хъ часовымъ перерывомъ для обѣда. При этомъ одесскій комитетъ высказался за то, что нѣтъ надобности запрещать ночную работу въ промышленныхъ заведеніяхъ, которыя, по своему благоустройству, удовлетворяютъ требованіямъ гигіены. Проектъ встрѣтилъ особенно горячее одобреніе со стороны правленія товарищества костромской льнопрядильни братьевъ Зотовыхъ. Правленіе считаетъ мѣры, приводимыя въ проектѣ, не только благодѣтельными, но и вполнѣ осуществимыми. Запрещеніе ночной работы вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Однако,— заявляетъ администрація этой фабрики,—и это не повлечетъ къ какимъ-нибудь крупнымъ невыгодамъ. Ночной трудъ въ производствахъ, перерабатывающихъ волокнистыя вещества, теперь уже не такъ распространенъ, какъ прежде. Женскій трудъ тѣсно связанъ съ мужскимъ, а такъ какъ въ 1886 году закономъ былъ запрещенъ ночной трудъ женщинъ и подростковъ, то многія фабрики вовсе прекратили ночную работу. Проектъ, ставшій закономъ, послужилъ бы дополненіемъ закона 1886 года и тѣмъ усилилъ бы его дѣйствіе. Многіе предприниматели, оставивъ ночной трудъ, расширятъ производство отчасти тѣмъ, что будутъ работать двумя 9-ти часовыми смѣнами. Сокращеніе же денного труда вызываетъ еще менѣе возраженій: сокращеніе заработковъ и вздорожаніе продуктовъ будутъ явленіями временными, скоро преходящими; эти пробѣлы будутъ вскорѣ пополнены большею интенсивностью труда и усовершенствованіемъ машинъ. Правленіе названной фабрики тѣмъ болѣе настойчиво высказывается за принятіе предлагаемыхъ мѣръ, что, при обработкѣ волокнистыхъ веществъ, преобладаютъ женщины и подростки, здоровье которыхъ страдаетъ отъ чрезмѣрнаго труда въ большей степени, чѣмъ здоровье мужчинъ.

Когда этотъ проектъ публично обсуждался въ Петербургѣ въ засѣданіи общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, то были голоса, поддерживавшіе его, но слышалось не мало заявленій, что фабричный трудъ не обременителенъ для рабочихъ, что нужно подождать съ нормировкою и т. д. А малое число голосовъ, отозвавшихся на предложеніе, которое исходитъ изъ Лодзи, даетъ основаніе заключить, что не слѣдуетъ особенно разсчитывать на поддержаніе этого проекта русскими промышленниками. А, между тѣмъ, самъ по себѣ, проектъ ставитъ очень умѣренныя требованія; они соотвѣтствуютъ порядку на русскихъ фабрикахъ и заводахъ, отличающихся наибольшимъ благоустройствомъ. Проектъ вводитъ 12-ти часовой день для большинства промышленныхъ заведеній, 11-ти часовой для тѣхъ отраслей, гдѣ работа особенно тяжела и, наконецъ, 10-ти часовой для горнаго дѣла, гдѣ трудъ производится въ подземномъ про-

странствѣ. Какъ далека эта норма отъ пожеланій, которыя высказываютъ многія партіи рабочихъ на Западѣ, требующія сокращенія труда до 8 часовъ въ сутки; какъ далека эта норма отъ рабочаго дня во многихъ отрасляхъ промышленности Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ работа продолжается $9^1/_2$, 9, а иногда и 8 часовъ. Лодзинскій проектъ производитъ впечатлѣніе тѣмъ болѣе скромнаго начинанія, что онъ дѣлаетъ уступку, въ смыслѣ допущенія ночной работы, для тѣхъ промышленныхъ заведеній, которыя, по условіямъ техники, должны вести производство безъ всякихъ перерывовъ. Такая уступка не представляетъ ничего новаго: мы встрѣчаемъ ее въ дѣйствующихъ фабричныхъ законахъ Западной Европы. Общественная жизнь даетъ много несообразностей и несправедливостей, и съ ними свыкаются наши внѣшнія чувства настолько, что мы примиряемся съ ними, какъ съ необходимыми явленіями. Въ данномъ случаѣ дѣлается уступка потому, что въ нѣкоторыхъ производствахъ съ длительными процессами перерывъ работы удорожаетъ продукты. Вздорожаніе продукта представляется настолько невыгоднымъ и даже разорительнымъ для предпринимателей, боязнь ослабить способность туземныхъ производителей соперничать съ иностранными такъ велика, что не возражаютъ противъ отмѣны ночного труда и даже противъ его сокращенія. А, вѣдь, здѣсь человѣкъ, работая ночью, приносится въ жертву барышу; именно *приносится въ жертву,* такъ какъ производства, для которыхъ дѣлаются исключенія,—сахарные заводы, стеклоплавильные, газовые, доменныя печи,—создаютъ для работающихъ обстановку крайне вредную для здоровья. Пора же подумать о томъ, что уменьшеніе прибыли предпринимателей и вздорожаніе продукта не есть основаніе для того, чтобы ночной трудъ считался нормальнымъ явленіемъ для значительной части рабочаго класса. Пора подумать, что непрерывность труда въ такихъ отрасляхъ есть дѣло необходимости прежде всего для капиталистовъ и предпринимателей. Мы находимъ повсюду факты, доказывающіе, что разумное вмѣшательство государства дѣлаетъ ненужными такіе обычаи, которые считаются необходимыми съ точки зрѣнія многихъ своекорыстныхъ людей. Когда государство или городское управленіе вырабатываетъ правила относительно пріостановки торговли въ праздники для всѣхъ или нѣкоторыхъ торговыхъ заведеній, то изъ среды торговцевъ слышатся жалобы, что они разорятся, что «отечество въ опасности». Когда установляются какія-либо ограниченія труда на фабрикахъ, то опять нѣтъ недостатка въ самыхъ мрачныхъ предсказаніяхъ. Но правило входитъ въ жизнь, сферы дѣятельности, на которыя оно распространяется, постепенно приспособляются къ новому порядку, и жалобы умолкаютъ. Мы, русскіе, привыкли къ тому, что поѣзда на желѣзныхъ дорогахъ движутся ночью, какъ и днемъ, и считали бы крайне неудобнымъ пріостановку движенія на ночь. А швейцарцы привыкли къ тому, что на большинствѣ желѣзныхъ дорогъ этой маленькой страны (законодательство которой о рабочихъ представляетъ много поучительнаго) нѣтъ движенія между 11 часами вечера и 5 часами утра. Не подлежитъ сомнѣнію, что такой порядокъ, чрезвычайно

благопріятный для желѣзно-дорожныхъ служащихъ, связанъ съ нѣ которыми невыгодами, замедляетъ пульсъ промышленности и торговой жизни и причиняетъ матеріальный ущербъ, однако страна переноситъ его. Такъ и при обсужденіи вопроса о томъ, насколько оправдывается удержаніе ночного труда во многихъ производствахъ, авторы проектовъ не должны мириться съ существующимъ фактомъ и считать необходимымъ то, что признается съ точки зрѣнія барыша, а усиленно работать надъ выясненіемъ того, въ какой мѣрѣ можно устранить это съ наименьшими матеріальными потерями для производства. Если въ отрасляхъ, гдѣ непрерывный процессъ оправдывается техническими особенностями производства, занято по ночамъ 100,000 рабочихъ, будетъ введенъ такой порядокъ, что будутъ работать только 50,000, то получится большое сбереженіе рабочихъ силъ, большой выигрышъ для населенія. А потому нужно напряженно трудиться надъ рѣшеніемъ задачи, какъ, если извѣстная часть труда должна быть выполняема по ночамъ, уменьшить эту долю. Даже небольшіе успѣхи въ этомъ направленіи очень отрадны, такъ какъ они поддерживаютъ надежду, что постепенно можно будетъ поставить въ самые тѣсные предѣлы ночную работу въ производствахъ, гдѣ она считается обычной и несократимою. Находя лодзинскій проектъ чрезвычайно умѣреннымъ, мы полагаемъ, что осуществленіе его было бы полезно, нѣсколько оградило бы отъ преждевременнаго изнуренія русскіе рабочіе классы.

Недавно министръ юстиціи обратился циркулярно къ старшимъ предсѣдателямъ и прокурорамъ судебныхъ палатъ, предсѣдателямъ и прокурорамъ окружныхъ судовъ и предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ съ предложеніемъ способствовать упрощенію канцелярскихъ порядковъ. «Въ дѣлопроизводствѣ судебныхъ установленій,—говоритъ циркуляръ,— замѣчается иногда излишняя сложность канцелярскаго порядка, проявляющаяся въ преувеличенномъ изобиліи формальностей, въ чрезмѣрномъ количествѣ составляемыхъ бумагъ, въ слишкомъ пространномъ и въ то же время не вполнѣ удовлетворительномъ ихъ изложеніи, съ ненужными повтореніями и длиннотами, а нерѣдко и съ не имѣющими прямого отношенія къ дѣлу вставками и добавленіями. Такой характеръ судебныхъ актовъ и должностной переписки судебнаго вѣдомства отнюдь не обусловливается закономъ, который требуетъ соблюденія лишь весьма немногихъ письменныхъ формъ судопроизводства». Развивъ далѣе въ подробностяхъ эти положенія, циркуляръ говоритъ о необходимости «самымъ рѣшительнымъ образомъ сократить по всѣмъ отраслямъ судебной службы общее количество отправляемыхъ и получаемыхъ бумагъ». Въ этихъ видахъ циркуляръ предлагаетъ: а) замѣнять особыя препроводительныя бумаги краткими надписями на препровождаемыхъ бумагахъ или дѣлахъ; б) при переходѣ дѣлъ по инстанціямъ ввести, вмѣсто препроводительныхъ бумагъ, простыя отмѣтки о переходѣ производства; в) надписями на возвращаемыхъ запросахъ замѣнить отвѣты особыми бумагами. Рекомендуется также не обращать особеннаго

вниманія на красоту почерка въ бумагахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ циркуляръ высказываетъ пожеланіе объ устраненіи тяжеловѣсныхъ устарѣвшихъ выраженій, которыя и отличаютъ такъ называемый «канцелярскій» слогъ, частыхъ титулованій, обращеній, формъ служебной вѣжливости. Словомъ, нужно устранять все то, что позволяетъ «читать между строкъ». Судебные акты по уголовнымъ, гражданскимъ и дисциплинарнымъ дѣламъ должны быть излагаемы съ возможною простотой. Большая часть этихъ актовъ должна удовлетворять условіямъ правильно построеннаго силлогизма, гдѣ юридическій выводъ подготовляется и оправдывается послѣдовательными посылками изъ фактическаго матеріала. При соблюденіи такихъ условій «писать кратко и вмѣстѣ правильно несомнѣнно гораздо труднѣе, чѣмъ излагать судебные акты длинно и сбивчиво. Но въ интересахъ службы судебнымъ дѣятелямъ важно выработать себѣ умѣнье перваго рода». Затѣмъ циркуляръ предлагаетъ пересмотрѣть всѣ способы регистраціи и отчетности, примѣняющіеся въ судебномъ вѣдомствѣ, и упразднить тѣ, которые не приносятъ пользы.

Циркуляръ министра юстиціи затрогиваетъ одно изъ больныхъ мѣстъ нашего управленія. Что наблюдается въ судебномъ вѣдомствѣ, то же можетъ быть съ неменьшимъ правомъ сказано и о другихъ. Частое напоминаніе объ этомъ начальствующихъ подчиненнымъ можетъ устранить нѣкоторые недостатки и нѣсколько упростить канцелярскіе порядки. Но серьезныя перемѣны къ лучшему могутъ быть слѣдствіемъ только очень крупныхъ перемѣнъ во всей постановкѣ государственной службы. Канцелярщина есть прямое слѣдствіе двухъ причинъ: 1) того, что есть должности, не вызываемыя важною потребностью, а создаваемыя для доставленія мѣстъ отдѣльнымъ лицамъ, которымъ нужно дать заработокъ, и 2) того, что на государственной службѣ состоитъ много людей совершенно бездарныхъ, неспособныхъ къ дѣлу, а умѣющихъ только писать пространныя, расплывчатыя, тяжеловѣсныя бумаги. Въ основаніи же этихъ обоихъ условій лежитъ недостаточное у насъ сознаніе долга, оцѣнка государственной службы не какъ важнаго призванія, а какъ источника кормленія для гражданъ. А потому борьба съ указаннымъ зломъ тѣмъ болѣе будетъ успѣшна, чѣмъ съ большею продуманностью будутъ создаваться новыя должности и чѣмъ болѣе при замѣщеніи должностей будутъ руководствоваться дарованіями назначаемыхъ.

Въ недавно напечатанныхъ *Отчетахъ и изслѣдованіяхъ по кустарной промышленности въ Россіи* помѣщена статья А. Н. Егунова *Кустарные промыслы въ Пермской губ. въ связи съ добывающею промышленностью*. Статья содержитъ интересные факты.

Въ Пермской губерніи находится 74 завода по желѣзодѣлательной промышленности. Несмотря на постоянно увеличивающійся спросъ въ Россіи на желѣзо и чугунъ, на удобства сбыта вслѣдствіе судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ, несмотря на разныя привиллегіи и выгоды, дарованныя госу-

дарствомъ этимъ заводамъ въ теченіе 200 лѣтъ, заводы не только не оказываютъ благотворнаго вліянія на окрестныхъ жителей въ видѣ поддержки мелкихъ промысловъ, но и сами жалуются на «кризисы», застой, безработицу. Главная причина этого явленія заключается, по мнѣнію г. Егунова, въ *непомѣрной дороговизнѣ уральскаго чугуна и желѣза*. Эта дороговизна искусственна. Уральскіе заводчики отсылаютъ на нижегородскую ярмарку лучшіе сорта желѣза, на мѣстѣ оставляютъ бракъ, который и продаютъ кустарямъ. На долю кустарей приходится желѣзо гораздо худшаго качества по той же цѣнѣ и даже дороже, чѣмъ его продаютъ на нижегородской ярмаркѣ. Товары, приготовляемые изъ плохого матеріала-брака, очень не прочны: топоръ, стоющій 35—50 коп., выдерживаетъ всего двѣ недѣли, пила въ 2½ руб. изнашивается за одну зиму и т. д. Если къ страшной дороговизнѣ матеріала прибавить и дороговизну доставки его, то сдѣлается понятнымъ, почему всѣ промыслы, въ которыхъ выдающуюся роль играютъ желѣзо, дерево и уголь, находятся въ совершенномъ упадкѣ. Падаютъ кустарные промыслы, падаютъ и заводы. Нѣкоторые изъ нихъ назначаются къ продажѣ за долги, другіе сами прекращаютъ свою дѣятельность за вырубкой лѣсовъ.

Хищническое истребленіе лѣсовъ—вотъ главное зло, отъ котораго страдаютъ сами заводы. Горная статистика показываетъ, что таможенное покровительство увеличило производство на Уралѣ чугуна и желѣза; но радоваться этому преждевременно, такъ какъ производство сопряжено съ хищническимъ истребленіемъ лѣсовъ. Уральское желѣзо высоко цѣнится въ Россіи и за границей; соперничать съ нимъ можетъ только шведское, такъ какъ оно выдѣлывается, подобно шведскому, на древесномъ топливѣ. Если же за его недостаткомъ пермское производство будетъ вынуждено перейти на каменный уголь, то желѣзо ухудшится, цѣнность его понизится и его вытѣснитъ съ рынка промышленность Криворожскаго бассейна. Еслибъ заводчики вникали въ сущность вещей, они поняли бы, какую будущность сами они готовятъ горнозаводскому дѣлу; они поняли бы, что, для предупрежденія зла, они должны въ собственныхъ интересахъ приложить всѣ старанія къ сохраненію лѣсовъ. Большинство не думало о завтрашнемъ днѣ, и чѣмъ выше поднималась пошлина на чугунъ и желѣзо, тѣмъ нещаднѣе истреблялись лѣса. Въ 1891 году уральскіе заводчики подраздѣлили свои заводы на лѣсистые, малолѣсные и безлѣсные. Оказалось, что изъ 74 заводовъ Пермской губерніи лѣсистыхъ — 32, малолѣсныхъ — 13, безлѣсныхъ — 29. Такимъ образомъ, то, въ чемъ уральскіе заводы видѣли свое благополучіе, сдѣлалось для нихъ источникомъ разоренія. Одни заводы прекращаютъ свою дѣятельность, а продолжающіе производство, вслѣдствіе дороговизны металловъ, не имѣютъ столько заказовъ, сколько могли бы выполнить. Такое состояніе горнаго промысла тяжело отразилось на крестьянскомъ хозяйствѣ губерніи. Кромѣ 621,150 человѣкъ заводскаго населенія, есть масса сторонняго люда, такъ или иначе прикосновеннаго къ заводамъ. По недостатку работы еще въ 80-хъ годахъ до 55,000 мастеровъ

и до 18,000 рабочихъ должны были перейти въ разрядъ кустарей и ремесленниковъ. А подворная перепись 1885—1887 гг. показала, что въ заводскомъ районѣ до 55% *живетъ подаяніемъ*.

Пермское губернское земство изслѣдовало причины упадка кустарнаго промысла въ Пермскомъ краѣ и свело ихъ къ слѣдующимъ: 1) къ запрещенію кустарямъ устраивать въ заводскихъ поселеніяхъ огнедѣйствующія заведенія, 2) къ несоотвѣтствующей лѣсистости края, 3) къ высотѣ пошлинъ на лѣсные матеріалы, 4) къ недостатку у кустарей средствъ для покупки металловъ. Въ 1888 году земство ходатайствовало о дозволеніи горнозаводскому населенію устраивать огнедѣйствующія заведенія, о пониженіи таксы на лѣсные матеріалы, о разрѣшеніи кустарямъ отпускать въ кредитъ металловъ изъ казенныхъ заводовъ. Ходатайство было отклонено горнымъ вѣдомствомъ. Огнедѣйствующія мастерскія разрѣшены были въ томъ случаѣ, если работа въ нихъ будетъ производиться на каменноугольномъ топливѣ; отпускъ лѣса по пониженнымъ цѣнамъ, какъ несоотвѣтствующій интересамъ казны, не былъ уваженъ, отпускъ же металловъ изъ горныхъ заводовъ могъ быть разрѣшенъ при круговой порукѣ товарищей, участвующихъ въ данномъ производствѣ. Но такъ какъ каменный уголь не настолько распространенъ въ Пермской губерніи, чтобы быть доступнымъ кустарямъ, а запрещеніе кустарямъ огнедѣйствующихъ заведеній не охраняетъ лѣсныхъ богатствъ ни отъ пожаровъ, ни отъ расхищеній, то было бы полезно: 1) отмѣнить законы, запрещающіе устройство мастерскихъ на древесномъ топливѣ, 2) направить дѣятельность заводовъ на приготовленіе такихъ предметовъ, на которые есть наибольшій спросъ, 3) обязать заводы продавать металлы и издѣлія по той цѣнѣ, по какой они обходятся заводамъ съ надбавкой 5%, 4) направить заводы на мѣстную продажу оптомъ и 5) разрѣшить заводамъ отпускать металлы кустарямъ подъ ихъ личный кредитъ съ разсрочкой платежа на извѣстные сроки. Такъ какъ потребителями здѣшнихъ кустарныхъ издѣлій являются мѣстные крестьяне, мало требовательные, то пермскія кустарныя издѣлія въ большинствѣ случаевъ не отличаются сколько-нибудь изящнымъ видомъ, находятъ малый сбытъ за предѣлами Пермскаго края. Заработки кустарей незначительны. Въ 1891 г. было вычислено, что въ Пермскомъ уѣздѣ 23,720 человѣкъ сельскаго населенія зарабатываютъ въ различныхъ промыслахъ 1,022,500 р. въ годъ, что въ среднемъ не превышаетъ 43 руб. 10 коп. на человѣка и это въ уѣздѣ, гдѣ болѣе всего распространены кустарные промыслы. Въ Дедюхинскомъ посадѣ населеніе, занимаясь исключительно соляннымъ промысломъ, зарабатываетъ на душу не болѣе 26 р. съ копѣйками. Они вѣчно въ долгахъ у скупщика или подрядчика. Они знаютъ, что на этихъ ссудахъ подрядчики наживаютъ рубль на рубль и знаютъ, что только у подрядчика и можетъ быть постоянная работа.

Нѣкоторые промыслы Пермской губерніи имѣютъ малый сбытъ среди мѣстнаго населенія. Такъ, въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, въ селѣ Мрамор скомъ насчитывается до 78 мастерскихъ съ 914 рабочими, обрабатываю

щими мраморъ, гипсъ и друг. Такія издѣлія могутъ имѣть сбытъ только тогда, когда они исполнены дешево и изящно. Такъ какъ они не отвѣчали этому условію, то земство устроило въ селѣ рисовальную школу, но эта мѣра, по недостатку хорошихъ учителей, не привела ни къ какому результату.

При губернскомъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствахъ были учреждены особые комитеты для содѣйствія сельскому хозяйству и кустарнымъ промысламъ. Дабы расширить сбытъ гранильныхъ издѣлій, комитетъ рѣшилъ устроить въ Петербургѣ складъ; для этой цѣли земство разрѣшило отпускать комитету въ теченіе 3 лѣтъ 1,000 р. для выдачи кустарямъ подъ ихъ издѣлія, такую же сумму дала мѣстная городская управа и 200 руб. прибавила ремесленная управа. Въ 1889 г. началась въ Петербургѣ торговля кустарными издѣліями, и что же оказалось? За 2 года было отослано разныхъ издѣлій на 6,299 р. 21 к., а продано всего на 2,191 р. 39 к. Петербургская публика, избалованная изящною работой и сравнительною дешевизной заграничныхъ издѣлій подобнаго рода, не охотно покупала отечественные продукты, тѣмъ болѣе, что многіе сорта вышли изъ употребленія. Несмотря на неудачу, земство рѣшило продлить торговлю гранильными издѣліями еще на три года. Въ 1893 году земская торговля на ярмаркахъ Ирбитской и Нижегородской была не вполнѣ успѣшна. Кустари были оповѣщены своевременно, но они отозвались очень сдержанно и товару было прислано на 1,166 р. а продано на 759 р. 87 к. На Нижегородскую ярмарку было послано товаровъ на 2,855 р., изъ нихъ продано на 2,027 руб. Почти тоже можно сказать о дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ земства, направленныхъ къ устраненію посредниковъ, при помощи устройства складовъ въ Перми и Красноуфимскѣ. Эти мѣропріятія, несмотря на похвальное усердіе и настойчивость земства помочь кустарямъ, отличаются весьма незначительными результатами; земству трудно соперничать съ лично заинтересованнымъ торговцемъ.

Производительныя артели, по мнѣнію г. Егунова, дѣйствуютъ успѣшно тамъ, гдѣ они возникли самостоятельно, ибо артель требуетъ много различныхъ условій, зависящихъ отъ личныхъ качествъ участниковъ. Вызванныя къ жизни искусственно, онѣ влачатъ жалкое существованіе или быстро разлагаются отъ внутреннихъ раздоровъ. Изслѣдованія кустарной промышленности Пермской губ. показали, что кустари больше всего нуждаются въ пріобрѣтеніи по возможно дешевой цѣнѣ сырыхъ матеріаловъ, желѣза, дерева,—которые они обрабатываютъ, далѣе они нуждаются и въ потребительныхъ обществахъ, которыя гарантировали бы ихъ отъ чрезмѣрныхъ переплатъ торговцамъ за разные товары. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ само населеніе устроило потребительныя общества, но за недостаткомъ средствъ, они имѣютъ мало кредита у оптовыхъ торговцевъ и не могутъ избавить кустарей отъ скупщиковъ и заводчиковъ. Наконецъ, выяснилось, что кустари нуждаются въ мелкихъ ссудахъ. Кредитъ изъ мелкихъ ссудныхъ кассъ, разсѣянныхъ по районамъ кустарныхъ промысловъ, можетъ быть

болѣе доступенъ кустарямъ, чѣмъ кредитъ изъ центральнаго учрежденія. Г. Егуновъ приводитъ бюджетъ прихода и расхода относительно 19 семействъ кустарей. Изъ нихъ 12 имѣютъ годового дохода меньше 300 р. каждое. Крайне скудное удовлетвореніе потребностей видно изъ того, что въ 7 семействахъ годовой расходъ каждаго на одежду и обувь составляетъ меньшее 30 руб., мяса потребляется въ годъ меньше 8 пудовъ.

Когда знакомишься съ такимъ угнетеннымъ положеніемъ кустарей и такими нуждами промысловъ, то еще болѣе убѣждаешься въ скупости задачъ кустарнаго комитета и недостаточности средствъ, которыми онъ располагаетъ.

На I съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію выдвинутъ былъ вопросъ о значеніи общаго образованія для успѣшнаго хода спеціальнаго обученія.

Опытъ Западной Европы и особенно Сѣверной Америки убѣдительно доказываетъ, что техническое и профессіональное образованіе, равно какъ и вообще развитіе промышленности мыслимо лишь при всеобщемъ развитіи грамотности, при правильной постановкѣ народной школы, при организаціи вспомогательныхъ учрежденій народныхъ библіотекъ, читаленъ, курсовъ и т. п., способныхъ помочь дальнѣйшему развитію взрослаго рабочаго. Безполезно доказывать, что въ Россіи мы страшно далеки отъ того, что сдѣлано въ другихъ государствахъ Западной Европы, и для каждаго ясно, что въ государствѣ, гдѣ до 70% неграмотныхъ, трудно говорить о возможности разумной постановки техническаго и профессіональнаго образованія. При такомъ значеніи вопросовъ общаго образованія для задачи, которую преслѣдуетъ съѣздъ, нельзя не порадоваться, что, повидимому, на настоящемъ съѣздѣ вопросъ этотъ будетъ постановленъ довольно широко. Средствомъ для этого является, прежде всего, матеріалъ, собранный со всей Россіи о степени развитія и положенія народнаго образованія въ отдѣльныхъ районахъ ея, о степени, слѣдовательно, подготовленности населенія къ воспринятію техническихъ, профессіональныхъ знаній, о воскресныхъ школахъ, библіотекахъ, народныхъ читальняхъ, какъ средствахъ восполненія знаній для взрослаго рабочаго, и, наконецъ, о вліяніи, какое оказала до сего времени грамотность на производительность труда русскаго рабочаго въ сельскомъ хозяйствѣ, на фабрикахъ, въ кустарномъ производствѣ.

Съѣзду предстоитъ обсудить дѣло постановки народнаго образованія въ примѣненіи къ техническому.

Среди вопросовъ, подлежащихъ обсужденію общей секціи съѣзда, мы находимъ много основныхъ и чрезвычайно важныхъ. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе:

1. Удовлетворительны ли существующія отношенія между различными типами техническихъ и профессіональныхъ школъ?

2. Должна ли существовать связь между школами общеобразовательными, съ одной стороны, и техническими и профессіональными—съ другой и въ какой формѣ такая связь возможна?

3. Каковъ долженъ быть объемъ и характеръ преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ въ техническихъ и профессіональныхъ школахъ, сравнительно съ соотвѣтствующими школами общеобразовательными?

4. Желательно ли сближеніе программъ общеобразовательныхъ предметовъ въ техническихъ и профессіональныхъ училищахъ различнаго типа, съ одной стороны, и въ соотвѣтствующихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ—съ другой?

5. Желательно ли разнообразіе программъ спеціальныхъ предметовъ въ техническихъ и профессіональныхъ училищахъ и извѣстный просторъ въ выработкѣ этихъ программъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ?

6. Значеніе народной школы и общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній вообще для развитія профессіональной дѣятельности въ странѣ.

7. Положеніе грамотности въ Россіи, какъ почва для распространенія профессіональныхъ знаній среди населенія.

8. Всеобщее обученіе, какъ существенно важное условіе для распространенія въ населеніи техническихъ и профессіональныхъ знаній.

9. Возможно ли и желательно ли общеобразовательной школѣ ставить кромѣ задачъ общаго образованія еще и задачи образованія техническаго и профессіональнаго?

11. Достоинства и недостатки сословныхъ профессіональныхъ учебныхъ заведеній.

12. Объ отношеніи попечителей и содержателей (лицъ и учрежденій) въ школѣ.

13. О многопредметности преподаванія.

14. Значеніе эстетическаго развитія учащихся и средства къ достиженію этого развитія.

15. О способахъ оцѣнки знаній учащихся по общеобразовательнымъ и спеціальнымъ предметамъ.

16. Въ какой степени цѣлесообразны въ нынѣ практикуемой формѣ вступительныя, переводныя и окончательныя испытанія?

25. Положеніе педагогическаго персонала въ казенныхъ, частныхъ и общественныхъ профессіональныхъ школъ.

29. О подготовкѣ педагогическаго персонала по предметамъ общеобразовательнаго и профессіональнаго образованія.

33. Какова должна быть общеобразовательная подготовка для поступленія въ среднія и высшія техническія и профессіональныя учебныя заведенія?

34. Каково должно быть еженедѣльное количество учебныхъ часовъ по общеобразовательнымъ предметамъ?

58. Объ устройствѣ развлеченій для учащихся рабочихъ (дѣтей и взрослыхъ). Значеніе и организація такихъ развлеченій, и мн. др.

Задачи, предстоящія обсужденію общей секціи съѣзда, интересны каждому педагогу, близки сердцу каждаго, кому дорога народная школа и

развитіе грамотности въ Россіи, а поэтому, вѣроятно, многіе изъ нихъ помогутъ общей секціи обсудить указаные выше вопросы.

При второмъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію,—его занятія начнутся съ 28 декабря,—учреждена секція воспитанія и обученія слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и другихъ ненормальныхъ дѣтей. Предсѣдательницей секціи состоитъ А. А. Адлеръ. Намъ сообщаютъ, что заявлено и представлено уже много рефератовъ по вопросамъ, которые намѣчены программами съѣзда (проф. Лесгафта: *О физическомъ образованіи слѣпыхъ* и *О развращеніи дѣтей ласками и наказаніями;* проф. Грота: *Психологія слѣпыхъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ;* приватъ-доцента Головина: *О причинахъ слѣпоты;* А. А. Адлеръ: *О типографіяхъ, библіотекахъ и музеяхъ для слѣпыхъ*, и мн. др.).

Вопросы о призрѣніи и обученіи дѣтей, отсталыхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, выдѣлены въ самостоятельную подсекцію, предсѣдателемъ которой состоитъ Г. И. Россолимо. Въ ея занятіяхъ примутъ участіе завѣдующіе двумя учрежденіями, которыя у насъ имѣютъ подобныя задачи: г-жа Тереза Плацъ (Рига) и докторъ Маляревскій (Петербургъ). Въ подсекцію поступило уже нѣсколько значительныхъ рефератовъ. Вопросы о призрѣніи и воспитаніи ненормальныхъ дѣтей впервые будутъ обсуждаться у насъ такъ широко и основательно. Съѣздомъ заинтересовались западно-европейскіе спеціалисты. Обѣщаетъ быть поучительною выставка работъ воспитанниковъ различныхъ учрежденій и коллекціи учебныхъ пособій. Изъ доставленныхъ намъ свѣдѣній оказывается, къ удивленію, что на этой выставкѣ и вообще въ секціи вовсе не участвуетъ *московское общество призрѣнія, воспитанія и обученія слѣпыхъ дѣтей.*

Отчетъ секретаря Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за время съ 10-го апрѣля по 2-е октября 1895 года.

Съ 10-го апрѣля по 2-е октября комитетъ Общества имѣлъ 12 засѣданій, въ которыхъ состоялось 223 постановленія по разнымъ ходатайствамъ, заявленіямъ и вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Общества.

Въ постановленіяхъ этихъ выразились нижеслѣдующія дѣйствія комитета:

1) *Выдача единовременныхъ пособій* 40 лицамъ: по 100 р.—пяти лицамъ; въ 60 р. одному; по 50 р.—семнадцати; по 30 р.—двумъ; по 25 р.—тринадцати; по 15 р.—двумъ и сверхъ того уплачено за содержаніе одного писателя въ больницѣ 90 р. и выдано 60 р. писателю, находившемуся въ одной изъ петербургскихъ больницъ и по выздоровленіи уѣхавшему на родину; всего на сумму 1,975 р.

2) *Назначеніе продолжительныхъ пособій* 4 лицамъ: на годъ, въ 180 р.—одному лицу и въ 120 р.—двумъ; на три мѣсяца, въ 45 р.—одному; всего на сумму 465 р.

3) *Выдача безсрочныхъ ссудъ* 15 лицамъ: въ 600 р.—двумъ; въ 300 р.—одному; въ 200 р.—одному; въ 150 р.—одному; въ 100 р.—четыремъ; въ 50 р.—тремъ; въ 30 р.—одному; всего на сумму 2,490 р.

4) *Выдача срочныхъ ссудъ* 10 лицамъ: въ 300 р.—одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 300 р.—двумъ, на 6 мѣсяцевъ; въ 250 р.—одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 200 р.—одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 200 р.—одному, на 5 мѣсяцевъ; въ 150 р.—одному, на 10 м[illegible]

сяцевъ; въ 150 р.—одному, на 3 мѣсяца; въ 100 р.—одному, на 10 мѣсяцевъ и въ 100 р.—одному, на 4 мѣсяца; всего на сумму 1,550 р.

5) *Предоставленіе стипендій* двумъ студентамъ харьковскаго университета и одному студенту петербургскаго университета.

6) *Уплата за слушаніе лекцій* на педагогическихъ курсахъ одной слушательницы.

7) *Уплата за воспитаніе и ученіе* 10 дѣтей и зачисленіе на открывающуюся въ будущемъ учебномъ году вакансію стипендіатки Общества въ гимназіи г-жи Таганцевой дочери одного писателя.

8) *Выдача на погребеніе* скончавшихся въ теченіе отчетнаго времени писателей роднымъ этихъ писателей; одному—31 р.; двумъ—по 50 р. и одному—25 р.

9) *Оказаніе неденежныхъ пособій.* Пособія эти заключались: въ сношеніи съ однимъ издателемъ по ходатайству писателя, которому издатель этотъ уплатилъ гонораръ не сполна и передача доставленной издателемъ доплаты по принадлежности; въ выдачѣ рекомендательнаго письма одной писательницѣ для полученія ей мѣста; въ сношеніи съ одной издательницей, оставившей безъ отвѣта запросы сотрудника о напечатаніи принятой уже ранѣе работы и передачи этому сотруднику объясненій издательницы; помѣщеніе одной писательницы на безплатное лѣченіе минеральными водами по ходатайству комитета; сношенія съ директоромъ одной больницы о положеніи находящагося въ этой больницѣ на излѣченіи писателя; въ медицинской помощи клиентамъ литературнаго фонда.

10) *Отклоненіе* 28 просьбъ 21 лица.

11) *Принятіе пожертвованій:* отъ Г. А. Джаншіева на образованіе капитала имени покойнаго д-ра Н. А. Бѣлоголоваго 100 р. и отъ начальницы женскаго учебнаго заведенія А. П. Шуйской предоставленія права Обществу помѣстить въ учебное заведеніе двухъ безплатныхъ приходящихъ учениць.

12) *Совершеніе довѣренности* д-ру А. В. Крылову на продажу имѣнія, завѣщаннаго Обществу покойною О. К. Палашковскою.

Изъ отчета казначея общества (общій выводъ).

Къ 20 октября было:

Капитала неприкосновеннаго	35,049 р. 93 к.	
Капиталовъ именныхъ.	279,765 „ 76 „	
Капитала ссуднаго	345 „ — „	
Переходящихъ суммъ	3,080 „ 85 „	318,241 „ 54 „
А за вычетомъ перерасхода расходн. капитала.		6,450 „ 25 „
		311,791 „ 29 „
Что вмѣстѣ съ числящимся за разными лицами по срочнымъ ссудамъ 2,655 р. представляетъ совокупность средствъ Общества въ.		314,446 „ 29 к.
Средства эти заключались:		
Въ процентныхъ бумагахъ	306,275 р. — к.	
Въ наличныхъ деньгахъ (на текущихъ счетахъ и въ кассѣ)	5,516 „ 29 „	
Въ долгахъ по срочнымъ ссудамъ. . . .	2,655 „ — „	
Итого . . .	314,446 р. 29 к.	

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Образованіе радикальнаго министерства было, какъ извѣстно, неодобрительно встрѣчено органами французской буржуазіи. Тѣмъ не менѣе кабинетъ Буржуа одержалъ уже рядъ парламентскихъ побѣдъ. Особенно важнымъ торжествомъ радикализма представляется умѣреннымъ республиканскимъ газетамъ принятіе прогрессивнаго налога на наслѣдства. *Temps*, обсуждая на другой день результаты парламентскаго засѣданія,—говоритъ слѣдующее: «Утверждать, что палата и правительство не внесли вчера ничего новаго въ наши законы, что принятая прогрессія ничтожна, что прогрессивный и регрессивный налоги въ дѣйствительности ничѣмъ не отличаются,—было бы чистѣйшей иллюзіей. Дѣло не въ томъ, велика или мала прогрессія, дѣло въ принципѣ; прогрессивный налогъ введенъ—маленькій, скромный,—но кто повѣритъ этой скромности? Онъ представляетъ изъ себя клинъ, который, проникнувъ въ зданіе нашей финансовой системы, долженъ современемъ ее ниспровергнуть».

Въ составъ новаго кабинета не вошелъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, Ганото. Ближайшею причиною отказа его сохранить свой портфель и въ министерствѣ Буржуа называютъ несогласіе на пересмотръ и измѣненіе договора съ Мадагаскаромъ. *Journal des Débats* рѣзко осуждаетъ Буржуа за то, что онъ не удержалъ такого даровитаго министра иностранныхъ дѣлъ и уступилъ давленію со стороны тѣхъ группъ, для которыхъ протекторатъ надъ Мадагаскаромъ кажется недостаточнымъ вознагражденіемъ за тяжелую военную экспедицію. Едва ли, однако, вопросъ о договорѣ съ Мадагаскаромъ былъ единственнымъ или даже главнымъ поводомъ для отказа Ганото вступить въ кабинетъ Буржуа. Центръ тяжести французской политики лежитъ въ сближеніи и союзѣ съ Россіей, образованіе же радикальнаго французскаго министерства могло быть встрѣчено здѣсь съ недовѣріемъ и несочувствіемъ. Какъ тонкій дипломатъ, Ганото могъ уклониться отъ отвѣтственности за внутреннюю политику новаго французскаго правительства и приберечь свой авторитетъ для грядущаго умѣреннаго кабинета.

Леонъ Буржуа, однако, и его товарищи ясно и рѣшительно заявили,

что внѣшняя политика Французской республики остается неизмѣнною, и за границею отнеслись совершенно спокойно къ появленію, въ первый разъ при третьей республикѣ, однороднаго радикальнаго кабинета.

Опасность для него можетъ возникнуть по неожиданному поводу. Пресловутый Артонъ, герой панамскихъ продѣлокъ, былъ немедленно разысканъ радикальнымъ кабинетомъ и по его требованію арестованъ въ Лондонѣ. Среди лицъ, прикосновенныхъ къ панамскому дѣлу, началась сильная тревога. Послѣдовали новыя разоблаченія, изъ которыхъ становится очевиднымъ, что бывшіе министры, Лубе и Рибо, не желали поимки Артона, а стремились только добыть отъ него компромметирующіе многихъ министровъ, сенаторовъ и депутатовъ документы. Никто не приписываетъ Лубе или Рибо какихъ-либо личныхъ соображеній въ этомъ дѣлѣ; но для государственныхъ людей личной честности мало, необходимы еще неуклонная общественная честность, достойное и энергическое служеніе правосудію, не взирая на интересы какихъ бы то ни было правительственныхъ лицъ или парламентскихъ дѣятелей. Кромѣ того, затушить такой *скандалъ* въ странѣ съ свободною печатью нѣтъ никакой возможности. Скандалъ вышелъ только очень продолжительнымъ и все болѣе и болѣе усложняется, и его новое усложненіе задѣваетъ нынѣшняго министра-президента и нынѣшняго министра юстиціи, такъ какъ первый изъ нихъ входилъ (непродолжительное время) въ составъ кабинета Лубе, а Рикаръ, по утвержденіямъ Артона, теперь, черезъ третье лицо, велъ съ нимъ переговоры объ условіяхъ, на которыхъ правительство могло бы получить документы этого панамиста. Разъясненія на этотъ счетъ, вѣроятно, будутъ скоро сдѣланы. Въ томъ фактѣ, что правительство, по требованію котораго арестованъ въ Англіи преступникъ, добиваясь его выдачи, старается въ то же время, чтобъ не ускользнули знаменитые документы, нѣтъ еще ничего предосудительнаго, если документы эти предназначаются не къ сокрытію, а къ обнародованію.

Какъ бы то ни было, всѣ эти переговоры, разоблаченія и недомолвки производятъ тягостное впечатлѣніе, и республикѣ давно пора очистить, какъ слѣдуетъ, свои правящія сферы и обуздать финансовыхъ дѣльцовъ.

Оставшійся не у дѣлъ Ганото выступилъ какъ публицистъ. Французская печать единогласно приписываетъ бывшему министру иностранныхъ дѣлъ двѣ статьи, появившіяся въ *Revue de Paris* *).

Первая изъ этихъ статей посвящена событіямъ на Востокѣ. Авторъ указываетъ на сильную биржевую панику, на тревожное движеніе въ дипломатическомъ мірѣ, происходившее недавно и не прекратившееся до сихъ поръ. Въ это время раздается голосъ одного только лорда Салисбюри, который произноситъ угрожающія по отношенію къ Турціи слова.

---

*) *En Orient* (*На Востокѣ*) и *Annexion ou Protectorat* (*Присоединеніе или протекторатъ*). Онѣ подписаны тремя *X*. (*Revue de Paris*, 1 Décembre).

Что все это значитъ? Дѣйствительно ли событія принимаютъ трагическій характеръ? Ганото этого не думаетъ. Онъ полагаетъ, что никто въ Европѣ не желаетъ нарушить миръ, что всѣ возникшія затрудненія вполнѣ возможно разрѣшить дипломатическимъ путемъ.

Существованіе въ Европѣ мусульманской Турецкой имперіи Ганото считаетъ аномаліей, и эта аномалія постоянно увеличивается: мусульманскій элементъ не можетъ приспособиться къ европейскому, а покоренные турками народы мало-по-малу оживаютъ и требуютъ себѣ права на историческое существованіе. Невеселая профессія быть въ настоящее время турецкимъ султаномъ. Ганото характеризуетъ нынѣшняго повелителя правовѣрныхъ какъ истиннаго турка, какъ благочестиваго мусульманина. По склонности или по размышленію, султанъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ на престолѣ (двадцать лѣтъ), прилагаетъ знаменитое аристотелевское правило: падающій государственный строй, чтобъ набраться новыхъ силъ, долженъ отодвинуться къ первоначальному принципу своего установленія. Султанъ Абдулъ-Гамидъ приложилъ всѣ старанія, чтобы возродить значеніе мусульманскаго калифа, падишаха, повелителя правовѣрныхъ. Утвердивши на этомъ основаніи свое безконтрольное личное правленіе, царствующій султанъ,—говоритъ Ганото,—обнаружилъ и трудолюбіе, и относительную мягкость, и какой-то инстинктъ, по которому онъ не попадалъ въ разныя дипломатическія ловушки. Но согласовать съ турецкимъ строемъ и мусульманскимъ господствомъ законные интересы христіанскихъ народностей не представляется ни малѣйшей возможности. И султану остается только тянуть кризисъ, затягивать дипломатическіе переговоры, обѣщать введеніе реформъ и не вводить ихъ на самомъ дѣлѣ. Возбужденіе въ христіанскомъ населеніи не успокоивается, и оно растетъ въ мусульманскомъ мірѣ.

Ганото почему-то считаетъ самымъ прискорбнымъ результатомъ послѣднихъ «волненій» (troubles,—такъ на языкѣ этого дипломата называются турецкія звѣрства) вмѣшательство Европы. Говоря о томъ, что Великобританія и другія державы усилили свой флотъ въ турецкихъ водахъ, авторъ прибавляетъ, что онъ вообще не любитъ морскихъ демонстрацій: онѣ или не имѣютъ никакого смысла, какъ при Дульчиньо, или ведутъ черезчуръ далеко, какъ при Александріи.

Въ концѣ-концовъ, Ганото остается оптимистомъ, и такъ какъ знать основанія этого оптимизма значитъ содѣйствовать миру, то онъ и сообщаетъ ихъ читателямъ. Французскій дипломатъ желаетъ, чтобъ турецкій кризисъ не принялъ международнаго характера, чтобъ султанъ остался господиномъ у себя. Для дипломатіи это, конечно, наиболѣе спокойный и легкій исходъ, но какъ же быть съ тою *аномаліей*, о которой говоритъ самъ Ганото, какъ спасти христіанское населеніе Турціи отъ грубаго административнаго произвола, отъ кровавыхъ вспышекъ дикаго мусульманскаго фанатизма? Ганото говоритъ, что надо успокоить населеніе въ Арменіи, въ Критѣ, въ Македоніи, необходимо, чтобы султанъ увѣрилъ державы въ искренности своихъ реформаторскихъ намѣреній, чтобы войска получ-

мудрыя и умѣренныя предписанія,—и если до весны будетъ все спокойно, то султанъ получитъ возможность справиться со всякими случайностями.

Признаемся: если статья дѣйствительно написана бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Французской республики, то его государственныя способности оказываются весьма преувеличенными. Онъ рекомендуетъ старую дипломатическую игру, въ которой онъ, быть можетъ, и очень искусенъ, но которая безсильна уменьшить страданія христіанскаго и фанатизмъ мусульманскаго населенія Турціи.

Если,—прибавляетъ Ганото,—турецкій кризисъ выйдетъ изъ сферы внутренняго вопроса и станетъ предметомъ международныхъ переговоровъ, то и тогда французскій дипломатъ не будетъ имѣть опасеній за нарушеніе мира. Въ этой увѣренности его укрѣпляетъ удачный исходъ вмѣшательства Россіи, Франціи и Германіи въ дѣла другого *больного человѣка*—Китая. Въ этомъ отношеніи мы согласны съ публицистомъ *Revue de Paris*, но какъ же согласить съ нимъ самимъ его утвержденіе, что самымъ прискорбнымъ послѣдствіемъ «волненій» въ Турціи было международное вмѣшательство въ ея дѣла?

Крупнымъ событіемъ во внутренней жизни Германіи является отставка прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ Келлера. Онъ былъ носителемъ интересовъ и любимцемъ консерваторовъ и реакціонеровъ, но его образъ дѣйствій, нарушавшій строгое понятіе о законности, вызвалъ, наконецъ, неудовольствіе имперскаго канцлера и другихъ министровъ. Императоръ согласился пожертвовать черезчуръ развязнымъ министромъ, и реакціонеровъ постигло весьма непріятное разочарованіе. Очень довольна удаленіемъ Келлера даже *National-Zeitung*, которая ставитъ бывшему министру въ вину, что онъ не умѣлъ пріобрѣсти уваженія со стороны образованнаго общества. Вождь свободомыслящихъ выражается гораздо рѣшительнѣе: «Меня,—пишетъ онъ, — не столько удивляетъ то, что фонъ-Келлера убрали, какъ то, что въ Германіи тринадцать мѣсяцевъ могъ продержаться такой министръ».

Въ парламентѣ отставка Келлера вызвала ироническія замѣчанія со стороны многихъ депутатовъ. Противъ административныхъ распоряженій бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, которыми запрещены рабочіе союзы, выступилъ съ обширною рѣчью Бебель. Онъ коснулся въ этой рѣчи и обвиненій соціалъ-демократической партіи въ отсутствіи патріотизма. Гоненія и процессы,—говорилъ Бебель,—признаются заслуженными, потому что эта партія осмѣивала чувства патріотовъ, торжествовавшихъ юбилей побѣдъ надъ Франціей. Имперскій канцлеръ даже выразился, что соціалъ-демократы остались въ данномъ случаѣ вѣрны своей программѣ, по которой самое понятіе отечества устарѣло, реакціонно. Если бы канцлеръ,—продолжалъ Бебель,—былъ лучше освѣдомленъ, онъ никогда не приписалъ бы соціалъ-демократамъ выраженій ихъ злѣйшихъ противниковъ — анархистовъ. Дѣйствительно ли

неодобрительное отношеніе къ празднествамъ побѣдъ надъ французами равносильно отсутствію любви къ отечеству? Нѣмецкое единство, нѣмецкая свобода—кѣмъ они пріобрѣтены, кто за нихъ боролся? «Въ 1848 году,—замѣчаетъ ораторъ,— мой другъ Либкнехтъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ Энгельсомъ и тысячами другихъ всѣмъ жертвовали для нѣмецкаго единства, а его не хотѣли тогда знать ни прусскіе юнкеры, ни Гогенцоллерны. Вспомните отвѣтъ Фридриха-Вильгельма депутаціи отъ національнаго собранія во Франкфуртѣ. Не мы одни, но и нынѣшніе націоналъ-либералы считались въ то время революціонерами за то, что мечтали и стремились къ объединенію Германіи».

Объясняя отношеніе соціалъ-демократовъ къ празднованію войны 1870—1871 годовъ, Бебель сказалъ, что его партія протестовала противъ этой войны. «Всѣ наши предсказанія сбылись: присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи оказалось проклятіемъ для Германіи и Европы, причиной невыносимой тяжести милитаризма, задержки культурнаго развитія».

Нельзя не согласиться съ Бебелемъ, что при нынѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ торжествовать побѣды надъ французами значило обострять недобрыя чувства ихъ къ нѣмецкому народу, значило поступать не по-христіански. «По основнымъ нашимъ убѣжденіямъ,—говорилъ Бебель,—мы не противники, а сторонники германскаго единства, которое составляетъ необходимое условіе экономическаго и общественнаго освобожденія. Наступитъ время,—предостерегаетъ депутатъ,—когда понадобится послѣдній солдатъ и послѣдній грошъ, и вы тогда будете счастливы, если можно будетъ тогда разсчитывать на насъ. Мы будемъ тогда на вашей сторонѣ,—не изъ любви къ вамъ, а къ себѣ».

Эти слова произвели въ парламентѣ сильное волненіе. Понятенъ смыслъ этого предсказанія. Надо надѣяться, однако, что Германіи не придется вести войну на два фронта, что чувство справедливости и той любви, которая возвѣщена Евангеліемъ, удержитъ европейскіе народы отъ кровавыхъ битвъ и возмутительныхъ опустошеній.

Въ Швейцаріи народное голосованіе отвергло законопроектъ, имѣвшій цѣлью централизацію военныхъ силъ республики. *Journal des Débats* считаетъ этотъ результатъ признакомъ пробужденія въ Швейцаріи федеральнаго духа, ослабѣвшаго-было въ послѣдніе годы. Сосредоточеніе военной власти для всего союза народъ призналъ несовмѣстимымъ съ кантональной самостоятельностью, съ федеративнымъ строемъ государства. Наканунѣ голосованія многія швейцарскія газеты предостерегали противъ принятія военнаго законопроекта. *Journal de Génève* писалъ, напримѣръ, слѣдующее «Замѣна кантоновъ военными округами, справедливо окрещенными *военными префектурами*, является главнымъ мотивомъ нашего противодѣйствія проекту. Мы настаиваемъ на томъ, что это нововведеніе имѣетъ политическую цѣль. Оно предназначено незамѣтнымъ образомъ перевести на

изъ федеративной системы въ систему префектуръ. Военные округи сдѣлаются затѣмъ страховыми, банковыми, желѣзнодорожными и т. д.».

Народное голосованіе поразило претензіи на милитаризмъ, которыя начали было развиваться и въ Швейцаріи. За учрежденіе военныхъ округовъ особенно стоялъ начальникъ военнаго федеральнаго департамента Фрей, который завелъ себѣ пышный плюмажъ и вообще торжественную обстановку. Народъ даже въ собственномъ кантонѣ полковника Фрея (Базель сельскій) рѣшительно отвергнулъ попытку централизировать управленіе арміей. Семнадцать кантоновъ высказались въ этомъ смыслѣ и только четыре за предложеніе (въ числѣ послѣднихъ Бернъ—42 тысячи голосовъ за и 27 тысячъ противъ, Цюрихъ—41 тысяча за и 25 тысячъ противъ). Любопытно, что на съѣздѣ стрѣлковъ въ Винтертурѣ одинъ изъ ораторовъ выразился такимъ образомъ: «Если мы, бернскій медвѣдь и цюрихскій левъ, пойдемъ вмѣстѣ, то мы сдѣлаемъ все, что пожелаемъ». Ноябрьское народное голосованіе,—замѣчаетъ швейцарскій корреспондентъ *Journal des Débats*,—явилось суровымъ отвѣтомъ названнымъ геральдическимъ звѣрямъ. Не лишено интереса, что бернскій корреспондентъ *National-Zeitung* оплакиваетъ неудачу, постигшую военный законопроектъ *).

Какъ извѣстно читателямъ, итальянцы потерпѣли въ Африкѣ серьезное пораженіе: отрядъ тысячи въ двѣ-три (точную цифру итальянское правительство не сообщаетъ) почти весь истребленъ абиссинцами. Это дало парламентской оппозиціи основаніе возобновить нападенія на политику колоніальныхъ приключеній и вообще на Криспи. Положеніе его, конечно, ухудшилось вслѣдствіе такой значительной военной неудачи, но парламентъ принужденъ будетъ согласиться на посылку большихъ подкрѣпленій и на большіе расходы для военныхъ дѣйствій противъ Абиссиніи. Въ единоборствѣ съ этою страной въ концѣ-концовъ Италія, разумѣется, останется побѣдительницей; но Кавалотти, Имбріани и ихъ единомышленники справедливо возмущаются тѣми жертвами, которыя приносятся маніи государственнаго военнаго величія. Въ то время, когда въ Сициліи масса населенія бѣдствуетъ, когда во многихъ другихъ областяхъ Итальянскаго королевства крестьяне и рабочіе терпятъ большія лишенія, правительство снаряжаетъ отдаленныя военныя экспедиціи и предпринимаетъ колоніальныя завоеванія. Выгоды отъ этихъ завоеваній сомнительны и во всякомъ случаѣ ихъ придется ждать, а кровь льется теперь и народъ, далеко не пользующійся благосостояніемъ, разоряется на милитаризмъ. Особенно возмутительна война, вносимая просвѣщенною націей въ чисто-корыстныхъ интересахъ, какъ это и происходитъ въ данномъ случаѣ. Мы всегда стараемся

---

*) Вопросъ о федерализмѣ и децентрализаціи продолжаетъ занимать западно европейское общественное мнѣніе. Въ ноябрѣ въ Парижѣ происходила интересная конференція по этимъ вопросамъ, устроенная М. Лима, португальскимъ государственнымъ дѣятелемъ, Летурно и Морисомъ Барресомъ. Въ конференціи принимали живое участіе г-жи Поль Минкъ и Шелига-Лёви (полька).

сказать по поводу текущихъ политическихъ событій нѣсколько словъ въ пользу мира и справедливости. Особенно умѣстно произнести ихъ теперь, когда вся христіанская Европа слышитъ, что на землѣ долженъ быть миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе.

В. Г.

P.S. Намъ доставлено нѣсколько №№ новой французской газеты—*Gazette Européenne* (*Европейская Газета*). Она выступаетъ съ заявленіемъ редакціи, имѣющимъ особый интересъ для насъ, русскихъ. Редакція находитъ, что послѣ провозглашенія министромъ иностранныхъ дѣлъ республики союза съ Россіей, какъ совершившагося факта, наступилъ благопріятный моментъ для изданія газеты, поддерживающей политику на базисѣ этого союза. *Gazette Européenne* говоритъ, что и Россія, и Франція извлекли уже выгоды изъ своего тѣснаго сближенія, что еще большія выгоды онѣ извлекутъ изъ него въ будущемъ. Главною заслугой франко-русскаго союза *Gazette Européenne* справедливо считаетъ охрану общеевропейскаго мира. Россіи и Франціи, при поддержкѣ Германіи, удалось достигнуть благополучнаго и соотвѣтствующаго ихъ интересамъ окончанія войны Японіи съ Китаемъ. Дружный образъ дѣйствій обѣихъ великихъ державъ является могущественнымъ факторомъ разрѣшенія турецкаго вопроса въ духѣ справедливости. Теперь возникла неожиданно новая опасность для мира: острый споръ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ съ Великобританіей изъ-за опредѣленія границъ Венецуэлы. Президентъ Кливелендъ выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ доктрины Монрое: Америка для американцевъ. Раздаются воинственныя рѣчи, дѣло доходитъ до военныхъ приготовленій. Быть можетъ и въ этомъ случаѣ могло бы благотворно сказаться вліяніе франко-русскаго союза, оберегающаго не только европейскій, но и міровой миръ.

Чествованіе А. И. Чупрова.

Въ нынѣшнемъ году исполнилась четверть вѣка ученой, публицистической и общественной дѣятельности профессора Московскаго университета Александра Ивановича Чупрова. Экономическіе труды его давно уже пріобрѣли почетную извѣстность. Гуманный профессоръ постоянно изучалъ явленія нашей народной жизни и чутко прислушивался къ ея запросамъ. Паденіе крѣпостническаго строя вызвало глубокія измѣненія во всѣхъ направленіяхъ и неизбѣжно повело къ дальнѣйшимъ перестройкамъ общественнаго быта. Александръ Ивановичъ Чупровъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ сосредоточивалась его публицистическая дѣятельность, помѣщалъ постоянно статьи по всѣмъ вопросамъ нашей экономической жизни, освѣщая эти вопросы свѣтомъ европейскаго знанія, постоянно имѣя главною цѣлью благосостояніе и просвѣщеніе русскаго народа. Правительство многократно призывало Александра Ивановича къ участію въ коммиссіяхъ, имѣвшихъ въ виду упорядоченіе желѣзно-дорожнаго хозяйства, улучшеніе продовольственнаго дѣла и т. п. Отношеніе Александра Ивановича къ студентамъ и слушательницамъ женскихъ курсовъ доставило ему искреннюю любовь со стороны учащейся молодежи и чувства горячей благодарности со стороны родителей.

Понятно поэтому, что мысль нѣкоторыхъ изъ друзей А. И. Чупрова ознаменовать его юбилей чѣмъ-либо достойнымъ его плодотворной дѣятельности встрѣтила живѣйшее сочувствіе. Александру Ивановичу былъ поднесенъ адресъ, прочтенный нашимъ знаменитымъ ученымъ профессоромъ И. М. Сѣченовымъ и покрытый многочисленными подписями. Адресъ поднесли бывшія слушательницы курсовъ В. И. Герье и петербургскіе почитатели московскаго профессора, юбиляру врученъ былъ подарокъ-альбомъ снимковъ съ лучшихъ картинъ европейскихъ галлерей (А. И. Чупровъ страстный любитель искусства). Комитетъ грамотности, членомъ котораго юбиляръ состоитъ съ 1866 года, по предложенію совѣта, въ закрытой баллотировкѣ, единогласно избралъ его почетнымъ членомъ. Совѣтъ кромѣ того, по постановленію комитета, привѣтствовалъ Александра Ивановича адресомъ.

3 декабря въ честь профессора Чупрова былъ данъ обѣдъ. Зала была переполнена. Юбиляра привѣтствовали профессора Московскаго, Петербургскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Новороссійскаго университетовъ, представители земства, печати, студенты юридическаго факультета Московскаго университета, студенты сельско-хозяйственнаго института (въ Петровскомъ-Разумовскомъ) и т. д. По иниціативѣ студентовъ, возникла мысль собрать деньги на стипендію имени Александра Ивановича въ Московскомъ университетѣ. Къ 3 декабря было собрано уже около десяти тысячъ, такъ что за обѣдомъ рѣшено основать стипендію и продолжать подписку, чтобъ устроить начальную школу имени А. И. Чупрова на мѣстѣ его родины.

Одушевленіе на обѣдѣ было необыкновенное. Такого праздника мы не помнимъ. Отъ души желаемъ достойному продолжателю славныхъ преданій Грановскаго долгіе годы украшать собою Московскій университетъ и русскую журналистику. *Ред.*

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: *Честь*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Германа Зудермана. Переводъ Виктора Крылова; *Власть тьмы, или коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, Л. Н. Толстого. Музыкальная хроника).

Въ нашей ноябрьской книжкѣ мы говорили о драмѣ Германа Зудермана *Родина*; едва прошелъ мѣсяцъ, и передъ нами новая комедія того же автора, *Честь*, въ которой развивается почти та же идея, что и въ первой пьесѣ, при внѣшней обстановкѣ почти тождественной. Тамъ, въ *Родинѣ*, молодая дѣвушка Магда уходитъ изъ родительскаго дома искать счастья на чужбинѣ и, вернувшись черезъ нѣсколько лѣтъ на родину, убѣждается въ томъ, что всѣ ея связи съ близкими людьми порваны различіемъ взглядовъ на основные принципы нравственности, традиціонные и незыблемые въ семьѣ подполковника Шварце, и въ обществѣ, къ которому принадлежитъ эта семья, и совершенно чуждые, непонятные тому замкнутому кругу, усвоенные молодою пѣвицей на широкомъ просторѣ артистическаго міра. Родные и близкіе, съ одной стороны, и дѣвушка-артистка, съ другой, такъ далеко расходятся въ понятіяхъ о «чести» и «долгѣ»,—эти слова мы сопоставляемъ умышленно,—что примиреніе становится совершенно невозможнымъ, несмотря на всѣ усилія пастора Гефтердинга. Тутъ по-своему обѣ стороны правы, и на этомъ построенъ истинно драматическій конфликтъ, долженствующій неизбѣжно привести къ катастрофѣ. Въ комедіи *Честь* молодой человѣкъ Робертъ Генеке (г. Южинъ) уѣзжаетъ изъ родительскаго дома искать счастья въ Индіи и, возвратившись черезъ нѣсколько лѣтъ, находитъ, что всѣ его связи съ родными порваны. Семья рабочихъ на фабрикѣ, состоящая изъ старика Генеке (г. Правдинъ), его жены (г-жа Полянская), ихъ дочерей, Августы (г-жа Уманецъ-Райская) и Альмы (г-жа Лешковская), и зятя Михальскаго (г. Гаринъ), мужа Августы, осталась совершенно такою же, какою она была до отъѣзда Роберта, а Робертъ тѣмъ временемъ пожилъ на широкомъ просторѣ, многому научился, обо многомъ подумалъ и на родину пріѣхалъ совершенно переродившимся человѣкомъ,—не простымъ уже рабочимъ, а образованнымъ человѣкомъ, самостоятельно ведущимъ въ качествѣ уполно-

моченнаго огромное торговое дѣло, другомъ графа фонъ-Трастъ-Саарберга (г. Ленскій), милліонера, «кофейнаго короля». Своихъ родныхъ, да, пожалуй, и свою «родину» онъ находитъ подъ «властью тьмы», извратившей всѣ понятія о «чести» и «долгѣ». «Власть тьмы» въ семьѣ Генеке проявляется въ томъ, что она благоговѣйно преклоняется передъ разжирѣвшимъ буржуа коммерціи совѣтникомъ Мюлингомъ (г. Рыбаковъ) и передъ его сынкомъ Куртомъ (г. Садовскій 2), представителемъ «буржуйской» молодежи. Родные Роберта, одни сознательно—сестра и зять, другіе—отецъ и мать, не видя въ томъ ничего дурного, потворствуютъ ухаживаніямъ молодого Мюлинга за хорошенькою и легкомысленною Альмой, съ восторгомъ принимаютъ подачки Курта, которыми онъ развращаетъ молодую дѣвушку, при купленномъ имъ содѣйствіи ея замужней сестры, устроившей имъ уютное гнѣздышко для интимныхъ свиданій въ своемъ домѣ съ согласія своего мужа. Въ этихъ ухаживаніяхъ и подачкахъ вся семья Роберта видитъ для себя не только выгоду, но и большую «честь», тогда какъ Роберту такое положеніе представляется унизительнымъ и позорнымъ, хотя онъ и не подозрѣваетъ еще, что его любимица, «маленькая» Альма, уже опозорена «хозяйскимъ» сынкомъ. Когда раскрывается настоящая сущность отношеній Альмы къ богатому купчику, отецъ и мать накидываются на «негодную дѣвчонку», бранятъ ее и колотятъ, поскольку это удобно для сцены, но тотчасъ же смягчаются, умиляются и приходятъ въ безграничный восторгъ, какъ только «господинъ коммерціи совѣтникъ» выдаетъ имъ сорокъ тысячъ марокъ «за безчестье» дочери, дабы откупиться отъ скандала, который грозитъ его сынку. Робертъ въ полномъ ужасѣ и не можетъ втолковать родителямъ и сестрамъ, что въ этой-то уплатѣ отступного и заключается верхъ безчестья. Старикъ Генеке, безпрерывно повторяющій: «я—честный работникъ»,—и вся семья его рѣшительно не могутъ понять такихъ тонкостей сына, набравшагося гдѣ-то на чужбинѣ безсмысленной, по ихъ мнѣнію, гордости, совершенно несовмѣстной съ ихъ бѣдностью. О томъ, что безчестье можетъ быть снято женитьбой Курта на Альмѣ, они и подумать не смѣютъ, о возвратѣ же сцапанныхъ денегъ они не хотятъ думать.

Такова часть пьесы, относящаяся къ семьѣ рабочихъ. Въ домѣ коммерціи совѣтника—иныя понятія о чести, буржуйскія и юнкерскія, ни чуть не воспрещающія богатымъ франтамъ соблазнять и опозоривать бѣдныхъ дѣвушекъ, потомъ откупаться отъ нихъ деньгами, но строго возбраняющія «неравные» браки. Тамъ считаютъ за безчестье для семьи, для цѣлаго сословія женитьбу Курта на дочери стараго Генеке или замужство Леоноры, дочери Мюлинга (г-жа Полякова), за Роберта Генеке, хотя молодые люди давно любятъ другъ друга. Въ этомъ «темномъ царствѣ» наживы и шегольства, преклоненія передъ капиталами и презрѣнія къ личному труду, Леонора является такимъ же «свѣтлымъ лучомъ», какъ Робертъ въ изображенномъ авторомъ кругу рабочихъ. Между тѣми и другими стоитъ резонирующій графъ Трастъ, deus ex machina пьесы и, повидимому,

выразитель мнѣній о «чести» самого автора. Мнѣнія эти сводятся къ двумъ основнымъ положеніямъ, которыя мы приводимъ текстуально со словъ графа Траста: «Никакой чести нѣтъ, а есть только *долгъ*». «Честь есть не что иное, какъ наша собственная тѣнь, отраженная солнцемъ общественнаго мнѣнія».—Въ молодости графъ Трастъ былъ блестящимъ кавалерійскимъ офицеромъ, проигралъ въ карты большую сумму, которой въ рукахъ у него не было, отецъ не далъ ему на уплату этого «долга чести», товарищи офицеры прислали молодому Трасту заряженный пистолетъ и, когда Трастъ не пожелалъ воспользоваться ихъ дружескимъ намекомъ на необходимость застрѣлиться, принудили «опозорившаго мундиръ» офицера выйти въ отставку. Трастъ посмѣялся надъ нелѣпостью предложеннаго товарищами способа возстановленія чести, уѣхалъ за море, пустился въ коммерцію и вернулся на родину милліонеромъ, «кофейнымъ королемъ». Въ торговомъ мірѣ и въ глазахъ коммерціи совѣтника Мюлинга графъ Трастъ поднялся такъ высоко, представляетъ собою такую силу, что о старомъ инцидентѣ не можетъ быть и помина. Но молодые офицеры и франты, поручикъ Брандъ (г. Рыжовъ), Штенгель (г. Грессеръ) и Куртъ Мюлингъ говорятъ Трасту въ глаза, что неуплатой карточнаго долга, повлекшею исключеніе изъ полка, графъ навсегда утратилъ право считаться честнымъ человѣкомъ и что съ такими господами дуэль невозможна. Трастъ отвѣчаетъ на все это насмѣшками. Трастъ даетъ Роберту сорокъ тысячъ марокъ, дабы онъ могъ возвратить Мюлингу деньги, взятыя старикомъ Генеке «за безчестье» дочери. При возвратѣ этой суммы, Куртъ высказываетъ подозрѣніе, что деньги наворованы Робертомъ у нихъ же во время завѣдыванія ихъ дѣлами въ Индіи. Этого послѣдняго оскорбленія Робертъ вынести не можетъ, выхватываетъ изъ кармана револьверъ, чтобы застрѣлить наглеца... Вбѣгаетъ Леонора, заслоняетъ собою брата, пистолетъ выпадаетъ изъ рукъ Роберта. Молодая дѣвушка объявляетъ, что любитъ товарища дѣтства, всюду пойдетъ за нимъ, станетъ его женой. Крики ужаса и негодованія Милюнга, а графъ Трастъ—тутъ какъ тутъ, настоящимъ «американскимъ дядюшкой», всѣхъ успокоиваетъ и примиряетъ заявленіемъ, что онъ дѣлаетъ Роберта своимъ компаньономъ и наслѣдникомъ своихъ милліоновъ. Общее ликованіе, Мюлингъ простираетъ объятія «кофейному королю» и своему будущему зятю.

Замыселъ автора мы считаемъ въ высшей степени интереснымъ, осуществленіе же его находимъ неудовлетворительнымъ. На самомъ дѣлѣ понятія о «чести» такъ спутаны всякаго рода предразсудками, такъ несходны въ разныхъ слояхъ и классахъ общества, такъ затемнены установившимися обычаями различныхъ кружковъ, что крайне трудно разобраться обстоятельно въ мудреныхъ вопросахъ, возникающихъ на каждомъ шагу въ повседневной жизни. Попытка нѣмецкаго драматурга разрѣшить или только уяснить дѣло вышеприведенными афоризмами графа Траста представляется намъ совершенно неудачною. Фраза о «чести» и «долгѣ» есть не что иное какъ игра словами, и отдѣлять эти два понятія одно отъ

другого, а тѣмъ болѣе подмѣнять одно другимъ,—во-первыхъ, нельзя, во-вторыхъ, ни на что не нужно, и въ общемъ это ни къ чему не приведетъ. Когда говорятъ: «долгъ меня заставляетъ», то, несомнѣнно, подразумѣвается «долгъ чести», или, иначе, «долгъ, налагаемый на меня понятіемъ о чести». Не можемъ мы признать правильнымъ и точнымъ мнѣніе, будто «честь» находится въ такой зависимости отъ «общественнаго мнѣнія», въ какую ее ставитъ г. Зудерманъ фразою, вложенною имъ въ уста милліонера. Еслибъ дѣло шло о «репутаціи» человѣка, тогда это было бы вѣрно, при условіи, однако, «репутаціи кружковой», которою обусловливается положеніе извѣстнаго лица въ данномъ обществѣ Мы согласились бы съ г. Зудерманомъ, если бы графъ Трастъ ограничился утвержденіемъ, что чувство и сознаніе «чести» есть наше личное достояніе, что «честь» мы въ себѣ самихъ носимъ и хранимъ и утратить можемъ только своими поступками, противными «чести» и «долгу», и что никто и никакими силами не можетъ отнять у насъ «чести», лишить насъ «чести». Сознаніе чести такъ присуще всему человѣчеству,—отчасти, вѣроятно, и животнымъ,—что проявленіе его мы видимъ во всѣхъ слояхъ общества и на всѣхъ ступеняхъ культуры. Говоря о «тѣни, отражаемой солнцемъ общественнаго мнѣнія», графъ Трастъ спутываетъ «честь» съ условными законами, которыми во всякомъ обществѣ и во всякомъ кружкѣ опредѣляется степень порядочности и респектабельности каждаго изъ членовъ такого кружка. При этомъ резоперъ-Стародумъ комедіи упускаетъ изъ виду, что, помимо всевозможныхъ и разнородныхъ условностей, существуютъ незыблемыя, независимыя ни отъ чьихъ мнѣній, основы чести, для всѣхъ одинаковыя и равнозначущія. Въ «честномъ работникѣ», старикѣ Генеке, жадность къ деньгамъ беретъ верхъ надъ чувствомъ чести, разныя житейскія соображенія заглушаютъ протестъ совѣсти, но только на время. И тутъ мы усматриваемъ еще одну капитальную ошибку драматурга въ томъ именно, что вся семья Генеке представлена такою, будто ни въ комъ изъ ея членовъ нѣтъ ни проблеска понятій объ истинной чести. А съ тѣмъ вмѣстѣ, въ силу обобщенія, допущеннаго авторомъ, получается такое впечатлѣніе, будто и весь рабочій классъ Германіи стоитъ на такомъ же низкомъ уровнѣ нравственности. Исключеніемъ является одинъ Робертъ, но его уже нельзя считать рабочимъ: изъ этого общественнаго слоя онъ давно ушелъ, усвоилъ себѣ иные взгляды и привычки, сблизившіе его съ высшимъ кругомъ людей, въ который онъ окончательно входитъ, при посредствѣ дружбы съ милліонеромъ-графомъ и женитьбы на дочери милліонера-коммерсанта. Авторъ легко могъ сдѣлать невозможнымъ невыгодное для нѣмецкихъ рабочихъ и, по существу, невѣрное обобщеніе нѣсколькими штрихами, введеніемъ на сцену одного лишняго лица изъ класса рабочихъ,—лица, которое немногими словами показало бы зрителямъ, что авторъ не имѣлъ въ виду, не желалъ давать повода къ обобщеніямъ. Разъ этого не сдѣлалъ такой опытный писатель, какъ Германъ Зудерманъ, мы вправѣ предполагать, что самъ онъ смотритъ на всю массу рабочихъ съ такимъ же буржуазнымъ

презрѣніемъ, какое къ нимъ выказываетъ коммерціи совѣтникъ Мюлингъ. Какъ бы ни была груба и невѣжественна масса рабочаго люда, въ ней, все-таки, живо и непоколебимо чувство чести, сдающееся лишь иногда подъ гнетомъ бѣдности и передъ соблазнами богатства. Но совершенно такого же рода уклоненія отъ прямаго пути, отчасти въ тѣхъ же самыхъ формахъ, отчасти въ нѣсколько прикрашенныхъ, мы видимъ на всѣхъ ступеняхъ общества. Исполненіе пьесы было во всѣхъ отношеніяхъ неровное. Не было той художественной стройности, которую называютъ «ансамблемъ» и къ которой мы такъ привыкли въ Маломъ театрѣ. Всѣхъ выдержаннѣе провелъ свою трудную роль г. Ленскій и своею игрой скрасилъ то, что есть несимпатичнаго въ личности графа Траста. Простотой и искренностью тона г. Ленскій прикрылъ нехорошіе парадоксы самодовольнаго резонера, привыкшаго на все смотрѣть съ высоты своего милліоннаго состоянія. Кромѣ того, мы можемъ отмѣтить нѣсколько моментовъ, переданныхъ, поистинѣ, образцово художественно,—таковы, напримѣръ, разсказъ старинной сказки и прощаніе Траста съ молодымъ Мюлингомъ и его товарищами. Къ слову объ этихъ товарищахъ: г. Рыжовъ былъ слишкомъ грубъ, а г. Грессеръ невозможно каррикатуренъ; выходки этихъ молодыхъ людей и всѣ ихъ алюры можетъ быть пригодны для фарса и отнюдь неумѣстны въ серьезной комедіи. На это надлежало бы обратить вниманіе режиссеру и разъяснить молодымъ артистамъ все неприличіе ихъ погони за хихиканьями театральныхъ «верховъ». Г. Садовскій 2-й весьма удовлетворительно справился съ ролью Курта Мюлинга, и вышло бы это еще лучше, еслибъ онъ не сбивался на тонъ своихъ товарищей. На первомъ представленіи не совсѣмъ ровна была игра г. Южина, была не выдержана та нѣжность и задушевность, съ которыми онъ относится къ своимъ старикамъ и къ любимицѣ-сестрѣ. Потомъ, на слѣдующихъ представленіяхъ, эти шероховатости сгладились,—какъ намъ передавали люди, пониманію и вкусу которыхъ мы вполнѣ довѣряемъ,—и высоко-даровитый артистъ нашелъ надлежащій тонъ, правильно выдержанный. Самымъ лучшимъ мѣстомъ въ исполненіи г. Южинымъ роли Роберта мы находимъ его объясненіе съ коммерціи совѣтникомъ и съ молодымъ Мюлингомъ, а самою красивою и изящно трогательною—сцену убѣжденій сестры вернуться къ тихой и скромной жизни. Тутъ у него съ г-жею Лешковской разыгранъ былъ восхитительный дуэтъ, какой только имъ двоимъ и по силамъ. Тутъ въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ движеніи и взглядѣ такъ и сказывается сама жизнь во всей непосредственной правдѣ. А, все-таки, мы вынуждены отмѣтить, что и г-жа Лешковская провела роль Альмы не ровно и передала не цѣльный образъ дочери «честнаго работника» Генеке. Вначалѣ она была слишкомъ «барышней», что совсѣмъ не ладится съ послѣдующими сценами и съ самою сущностью характера Альмы и ея положенія въ семьѣ рабочихъ. Въ концѣ рѣчи, уже не по винѣ артистки, а, вѣроятно, по милости авторской ремарки,—г-жа Лешковская слишкомъ долго вертится у зеркала, что выходитъ крайне однообразно и неестественно. Эту сцену безъ словъ надо вести

какъ-нибудь иначе, жизненнѣе, не придерживаясь рабски писаннаго текста пьесы. Г-жа Уманецъ-Райская была довольно типичною женой столяра, только и думающею о «благопріобрѣтеніи» всего, что можетъ подвернуться подъ руку. Вполнѣ типиченъ былъ и г. Рыбаковъ въ не особенно трудной, впрочемъ, роли коммерціи совѣтника. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать того же о г. Правдинѣ: съ начала до конца онъ переигрывалъ съ большимъ стараніемъ, по милости чего получилось не живое лицо, а уродливая фигура, ни на что не похожая. Про остальныхъ артистовъ и артистокъ мы ничего говорить не будемъ, такъ какъ уже сказали выше, что стройности въ исполненіи комедіи г. Зудермана не было.

Г-жа Никулина выбрала для своего бенефиса драму графа Л. Н. Толстого: *Власть тьмы, или коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть*. Мы не знаемъ, какими соображеніями обусловленъ выборъ уважаемой артистки, и остаемся отъ него въ большомъ недоумѣніи. Драму графа Толстого мы разбирать не станемъ потому, во-первыхъ, что произведеніе это не новое, давно оно всѣмъ извѣстно и всестороннимъ обсужденіямъ уже не разъ подвергалось; во-вторыхъ, и, главнымъ образомъ, потому, что для обстоятельнаго ея разбора совсѣмъ не мѣсто въ ежемѣсячной театральной хроникѣ. Для этого потребовалась бы цѣлая критическая статья, которая оказалась бы теперь несвоевременною, запоздавшею. И недоразумѣніе наше вызвано не самою драмою, по существу, а тѣмъ предположеніемъ, оправдавшимся на дѣлѣ, что она не по силамъ нашей драматической труппѣ Малаго театра. Не по силамъ же она потому, что некому на этой сценѣ играть крестьянскихъ бабъ и пахарей-мужиковъ. Въ такихъ пьесахъ, гдѣ бабы или мужики (какъ въ комедіи того же автора *Плоды просвѣщенія*) являются вводными, эпизодическими лицами,—на-короткѣ, такъ сказать,—многіе артисты очень хорошо справляются съ такими ролями. На малое время можно поддѣлаться подъ манеры и говоръ крестьянина, бабы, деревенской дѣвки, грузина, армянина и кого угодно. Но хорошо провести такого рода поддѣлку на протяженіи большой роли крайне трудно, а сдѣлать это двадцати лицамъ, цѣлой труппѣ—совершенно невозможно. И вотъ доказательнѣйшую демонстрацію такой-то невозможности мы видимъ на представленіяхъ *Власти тьмы* въ Маломъ театрѣ. Бываетъ такъ, что артистъ ставитъ въ свой бенефисъ пьесу, какъ гастролеръ, не задумываясь надъ тѣмъ, каково будутъ играть другіе артисты, лишь бы ему, самому бенефиціанту, была въ пьесѣ блистательная роль, въ которой онъ могъ бы отличиться, выказать всю силу своего дарованія и умѣнья. Этого мы и ждали отъ бенефиціантки, г-жи Никулиной, и дождались горькаго разочарованія: взятая ею роль Анисьи, щеголихи, останется навсегда самою неудачною ролью ея репертуара. Смотрѣть жалко на высоко-талантливую артистку, да и на всѣхъ артистовъ, какъ они выбиваются изъ силъ, чтобы изобразить «деревню», и достигаютъ лишь того, что притворяются крестьянами, ходятъ по сценѣ «ряженными», точно любители драматическаго искусства. И впечатлѣніе получается такое же, какъ на любительскихъ спе-

такляхъ,—впечатлѣніе большой скуки, неизбѣжный, по нашему мнѣнію, результатъ всякой дѣланности, притворства и фальши. Лучше всѣхъ была г-жа Садовская въ роли Матрены, жены Акима и матери Никиты, и г. Садовскій въ роли Петра, больного мужа Анисьи. Г. Садовскій былъ хорошъ по причинѣ, нами приведенной выше, т.-е. потому, что у него небольшая роль,—больного мужика, страдающаго физически и нравственно. А мы замѣчали, что сильныя страданія всѣхъ равняютъ, мужика и барина, для всѣхъ они одинаковы, и въ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ мало различій. Такимъ образомъ, роль Петра не представляетъ большихъ трудностей для умнаго и опытнаго артиста, не требуетъ отъ него даже особенно выдающагося таланта, чего, конечно, г. Садовскому не занимать стать у кого бы то ни было. Очень хороша была г-жа Садовская, во-первыхъ, потому, что она всегда играетъ, преимущественно, «простыхъ» женщинъ, близко подходящихъ къ типу крестьянокъ, и въ данномъ случаѣ недалеко отошла отъ привычнаго амплуа; во-вторыхъ, потому, что изображаетъ она старуху Матрену не настоящею крестьянкой черноземной губерніи, а «дошлую» бабу, почти знахарку, смахивающую отчасти на бывшую дворовую женщину. И прекрасно дѣлаетъ уважаемая артистка, что не гонится за точнымъ воспроизведеніемъ нетронутой черноземщины: ни содержанію пьесы, ни смыслу роли это не противорѣчитъ. Со своимъ пройдошествомъ Матрена должна была непремѣнно льнуть къ барскимъ домамъ, пробираться въ людскія, въ кухни и въ дѣвичьи, должна была «охаживать» семьи кабатчика, лавочника, урядника, вездѣ мастерить по-своему и отовсюду набираться ухватокъ и говору, выдѣлившихъ ее изъ бабьей толпы и сблизившихъ съ дворней. Почти то же можно сказать и про г. Музиля, игравшаго роль отставного солдата Митрича. Для остальныхъ исполнителей до невозможности трудная задача усложнилась еще тѣмъ, что имъ пришлось изображать не просто крестьянъ, а бабъ и мужиковъ опредѣленной мѣстности, а именно—Тульской губерніи и той округи, гдѣ находится имѣніе графа Л. Н. Толстого, т.-е. поддѣлываться подъ мѣстный говоръ. Само собою разумѣется, что усилія исполнить это отвлекали только вниманіе артистовъ отъ существа дѣла и, въ концѣ-концовъ, не привели ровно ни къ чему путному: съ мѣстнаго говора всѣ сбивались, и этимъ лишь подчеркивалось, что передъ публикой усердствуютъ «ряженые». Этнографія въ примѣненіи къ сценѣ—вещь хорошая и необходимая, но въ извѣстныхъ предѣлахъ. Мы читали въ газетахъ, что гг. Черневскій и Вальцъ ѣздили въ Ясную Поляну, привезли оттуда образцы костюмовъ, фотографіи, снимки видовъ, и по нимъ ставили пьесу. Поступили они прекрасно, такъ и слѣдовало для возможно тщательной постановки, чтобы по внѣшности, по крайней мѣрѣ, были на сценѣ бабы и дѣвки, а не пейзанки, и чтобы не вышло пестрой смѣси тульскаго съ рязанскимъ и калужскимъ, а тѣмъ паче—«французскаго съ нижегородскимъ». Очень недурно и то, что этнографически вѣрные костюмы показаны въ подходящей для нихъ обстановкѣ крестьянскихъ избъ, дворовъ и улицъ. Но этимъ и слѣдовало ограничиться, не пускаясь въ насиліе надъ говоромъ

артистовъ. Мы убѣждены, что изъ многихъ тысячъ зрителей, видѣвшихъ *Власть тьмы*, не найдется десятка такихъ знатоковъ, которые отличили бы тульскій говоръ отъ рязанскаго или тамбовскаго, и ни одного не найдется настолько привередливаго, чтобы требовать отъ исполнителей воспроизведенія мѣстныхъ особенностей говора. Вступивши на такой путь, можно зайти очень далеко, въ невылазныя дебри, гдѣ говорятъ «що», вмѣсто «что», «цулокъ», «цортъ», вмѣсто «чулокъ» и «чортъ» (граница Сапожковскаго и Шацкаго уѣздовъ), или: «чалковой» и «чапля», вмѣсто «цѣлковый» и «цапля» (граница Шацкаго и Моршанскаго уѣздовъ), или: «пойти у кабакъ уыпить полштоу» (Мещевскій уѣздъ)... Перечисляя лучшихъ исполнителей драмы графа Толстого, мы оказали бы большую несправедливость, если бы не упомянули объ ученицѣ-экстернѣ Егоровой, исполнявшей роль 9—10-ти лѣтней дѣвчонки, дочери Петра отъ перваго брака. Въ извѣстной сценѣ съ Митричемъ (2-я картана 4-го дѣйствія), составляющей варіантъ по напечатанному тексту пьесы, ученица Егорова поразительно правдиво и съ необыкновенною силой изображаетъ ужасъ ребенка, знающаго, что за стѣной убиваютъ новорожденнаго младенца. Что можетъ выйти изъ дѣвочки-артистки, какая изъ нея выработается актриса, предугадать нѣтъ никакой возможности, но въ настоящее время мы весьма за нее опасаемся. *Власть тьмы* даютъ почти черезъ день, и такою трепкой очень юныхъ нервовъ и далеко неокрѣпшей груди легко можно въ конецъ надорвать силы подросточка. Долгомъ считаемъ вступиться за нее и обратить вниманіе дирекціи на то, что необходимо и неотложно нужно подыскать кого-нибудь, кто могъ бы ее дублировать въ роли Анютки. Г-жа Музиль въ роли Акулины, дѣвки «дурковатой и крѣпкой на ухо», старшей сестры Анютки, была очень недурна въ первомъ дѣйствіи, пока находилась при отцѣ, какъ говорится, «въ черномъ тѣлѣ». Потомъ, сдѣлавшись въ свою очередь «щеголихой», она сбилась съ тона «дурковатости», и ея демонстративная грызня «сѣмячекъ» на авансценѣ (въ 3-мъ дѣйствіи) перешла надлежащую мѣру, превратилась въ рядъ гримасъ, ни чуть не похожихъ на то, какъ деревенскія дѣвки «забавляются гостинцами». Ясно, что г-жа Музиль не видала, какъ онѣ это дѣлаютъ въ дѣйствительности, — спокойно и неторопливо. «Богобоязненный мужикъ» Акимъ совсѣмъ не удался г. Макшееву, и изъ его пресловутаго «тае, тае» — ничего не вышло. Рѣчи его были сами по себѣ, а «тае» — само по себѣ; между слегка путающимися фразами и своеобразнымъ ихъ дополненіемъ не слышалось той естественной связи, въ силу которой они сливаются въ одно цѣлое и необходимое въ общей характеристикѣ простодушнаго человѣка, «взыскующаго» жизни «по-Божески, да по-правдѣ, чтобы, тае, какъ въ правилѣ»... Этому нельзя научиться и этого нельзя придумать и сдѣлать, это надо душой понять и прочувствовать всѣмъ своимъ «нутромъ»... Всѣ старанія вышеназванныхъ артистовъ и остальныхъ, перечислять которыхъ мы считаемъ лишнимъ, не спасли *Власти тьмы* отъ господства скуки, удручавшей зрителей, которые очень холодно относились къ драмѣ на второмъ ея представленіи. М

замѣтили, что изъ нея выключены нѣкоторыя разсужденія «богобоязненнаго мужика» Акима, относящіяся къ устройству городскихъ домовъ. Отъ этого пьеса нисколько не потеряла и, по нашему мнѣнію, она выиграла бы, если бы на сценѣ Малаго театра были бы такъ же точно выключены «ситные пироги съ горохомъ» и фраза о «поросятинѣ». До сихъ поръ мы этого въ Маломъ театрѣ не слыхивали и не ощущали ни малѣйшей потребности слышать. Смыслъ литературнаго и драматическаго произведенія ничего не выиграетъ и «реализма» въ немъ не прибудетъ отъ уснащенія его такими выраженіями, которыя и на деревенской-то улицѣ слышать непріятно. Г. Вальцъ, большой мастеръ, написавшій для драмы графа Л. Н. Толстого всѣ новыя декораціи, тоже постарался и даже немного перестарался: декораціи деревенской улицы и гумна вышли «зализанными», какъ говорятъ живописцы.

Ан.

Третье квартетное собраніе. Бетховенскій квартетъ G-dur, сочин. 18, № 2—принадлежитъ къ числу такихъ его произведеній, въ которомъ если онъ и не подражаетъ въ буквальномъ смыслѣ своимъ великимъ современникамъ, Гайдну и Моцарту, то во всякомъ случаѣ мало отступаетъ отъ ихъ манеры. Наиболѣе существенною новостью въ квартетѣ можно считать Scherzo, но и оно, въ особенности въ Trio, въ сущности только ускоренное въ темпѣ Menuetto. Болѣе оригинальнымъ по формѣ могло бы быть Adagio cantabille съ своимъ Allegro въ срединѣ этой части; но такъ какъ это Allegro и по тональности и по развитію частей скорѣе напоминаетъ какое-то Trio, то и въ общемъ вся эта часть производитъ впечатлѣніе невыдержанности настроенія. Первая же и послѣдняя части могутъ имѣть прототипомъ своимъ и гайдновскія произведенія. Такимъ образомъ, квартетъ если и не лишенъ красоты свойственной великому художнику, то во всякомъ случаѣ не имѣетъ силы бетховенскаго творчества.

Соната для альта и ф.-п. Антона Рубинштейна, имѣетъ эффектно построенныя темы, такія же гармоніи и модуляціонныя отклоненія, несоотвѣтственность формы съ содержаніемъ, требованіе аффектированнаго чувства при исполненіи съ преимущественнымъ значеніемъ ф.-п. надъ другимъ инструментомъ. Такое впечатлѣніе произвела на насъ эта соната, какъ сочиненіе. Но такъ какъ исполненіе въ ней видимо преимуществуетъ надъ содержаніемъ, то мы вправѣ были ожидать чего-нибудь необычайнаго отъ этого исполненія. Однако этого не случилось. Г. Соколовскій хорошій альтистъ, г. Самуэльсонъ порядочный піанистъ. Этого было мало для исполненія сонаты. Нужно было превосходнаго піаниста и пожалуй только порядочнаго альтиста, и соната произвела бы большое впечатлѣніе, а одной только старательности мало. D-moll-ный квартетъ Шуберта ясно указываетъ на то, что музыкальныя формы, окончательно вылившіяся въ опредѣленные типы, могутъ вмѣщать въ себя все новое и новое содержаніе, и что кажущаяся бѣдность ихъ стоитъ въ прямой зависимости отъ содержанія. Все

зависитъ отъ таланта композитора и свойства его музыкальной души, способной вызывать къ себѣ живые образы. Квартетъ новъ и оригиналенъ по содержанію и обще-принятыя формы ничуть не мѣшаютъ ему выказать типическія стороны шубертовскаго творчества.

Въ квартетѣ всѣ типическіе признаки шубертовскаго творчества: пластичность темъ, смѣлость модуляціонныхъ построеній, противопоставленіе мажора и минора, настойчивость въ проведеніи намѣченнаго ритма, и желаніе автора писать и писать безъ конца. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и мѣшало Шуберту ограничиваться опредѣленными рамками. Слушая ихъ, невольно приходишь къ заключенію, что онъ самъ не могъ справиться съ одолѣвающими его музыкальными образами. Квартетъ d-moll, въ этомъ отношеніи, если и не представляетъ особенно рѣзкаго исключенія, во всякомъ случаѣ можетъ быть причисленъ къ болѣе удачнымъ произведеніямъ по своей сжатости. Исполненіе этого квартета, а также и квартета Бетховена было только что удовлетворительнымъ.

Въ четвертомъ квартетномъ собраніи, мы присутствовали при исполненіи новаго квартета (C-dur, № 6) г. Танѣева. Композиторская дѣятельность г. Танѣева главнымъ образомъ проявляется въ созданіи образцовъ квартетной музыки и большой оперы *Орестейя*. Такую односторонность мы, конечно, приписываемъ личному вкусу г. Танѣева. Шестой квартетъ г. Танѣева дѣйствительно представляетъ изъ себя шедевръ. Въ немъ все есть: и прекрасное расположеніе темъ, и достойное проведеніе ихъ во всѣхъ голосахъ и изысканные гармоническія и модуляціонныя построенія, и контрапунктическая новость въ проведеніи мотивовъ, наконецъ, облечено все это въ подходящую форму. Только нѣтъ—непосредственнаго творчества и искренняго музыкальнаго чувства. Во всемъ видно много ума и техническихъ знаній, но слушатель остается холоднымъ и непричастнымъ тому, что изображается. Музыка чувствуется, а не познается, и если исполняется такое произведеніе, въ которомъ приходится больше анализировать, чѣмъ слушать, то, пожалуй, не всякій изъ посѣтителей музыкальныхъ собраній согласился бы на это. Совсѣмъ иное впечатлѣніе мы испытали слушая произведеніе Сенъ-Санса — септетъ для двухъ скрипокъ, альта, віолончели, контрабаса, трубы и ф.-п. Септетъ представляетъ изъ себя небольшую сюиту, начинающуюся прелюдіей и заканчивающуюся послѣ гавота слегка фугированнымъ Allegro. По содержанію эти небольшія пьесы не глубоки, но очень мило и изящно написаны. Присутствіе трубы правда, первое время нѣсколько шокируетъ слушателя, но впослѣдствіи впечатлѣніе сглаживается и характерный звукъ трубы, придаетъ всему сочиненію оттѣнокъ старины, когда выборъ инструментовъ при комбинированіи ихъ не отличался особеннымъ разнообразіемъ. Септетъ могъ бы съ удовольствіемъ слушаться, еслибъ не плохое исполненіе г. Шлецеръ ф.-п. партіи. Сама по себѣ ф.-п. партія очень легка, и ее сыграть можетъ всякій заурядный піанистъ. Чудный квинтетъ Моцарта G-moll № 3, для двухъ скрипокъ, двухъ альтовъ и віолончели, закончилъ этотъ вечеръ. Нигдѣ, кажется, геній Моцарта

выливался въ такой непосредственной простотѣ творчества, давая въ то же время глубокій интересъ общей сложности построенія. Какая-то милая беззаботность къ окружающимъ его музыкальнымъ образцамъ и въ то же время искреннее сердечное участіе къ нимъ. Этимъ вечеромъ закончилась первая серія квартетныхъ собраній. Наши квартетныя собранія по принципу—симпатичное и почтенное учрежденіе. Жаль только, что оно не всегда удовлетворяетъ своему назначенію служить образцомъ исполненія квартетной музыки. Г. Гржимали—хорошій музыкантъ и добросовѣстный преподаватель, но онъ далеко не можетъ быть авторитетомъ въ дѣлѣ веденія квартета. Для этого нужны и авторитетный музыкантъ и болѣе солидный скрипачъ.

Программа второго симфоническаго концерта отличалась разнообразіемъ, отсутствіемъ большихъ оркестровыхъ произведеній и участіемъ двухъ знаменитостей: скрипача г. Исайе и пѣвца г. Девойода. Разумѣется, присутствіе пѣвца и музыканта куда интереснѣе скучныхъ симфоній, авторы которыхъ давно уже переселились въ лету. *Молдава*, симфоническая поэма Смѣтаны, произведеніе патріотическое. Чехи—большіе патріоты, у насъ въ Россіи они говорятъ только по-чешски, а на родинѣ звуками изображаютъ красоты свой отчизны. Вотъ и въ симфонической поэмѣ изображается рѣка Молдава, на берегу которой и въ ней самой происходятъ разныя событія. Вначалѣ рѣка только журчитъ, что изображается флейтами, къ нимъ присоединяются кларнеты, движеніе усиливается и переходитъ въ струнный квартетъ. Появляется тема въ скрипкахъ, раздаются звуки роговъ: это—охота; затѣмъ слышатся свадебные мотивы, потомъ все затихаетъ. Съ модуляціей изъ G-dur въ As-dur, какъ сказано въ афишѣ, появляются луна и русалки. Послѣ луны и русалокъ возвращается первая тема, движеніе и звуки усиливаются, и передъ слушателями появляется во всемъ величіи рѣка Молдава. Въ заключеніе, мѣдными инструментами играется «мотивъ Вышеграда» — и произведеніе закончено. Таково приблизительно поэтическое содержаніе симфонической поэмы, а о чисто-музыкальной сторонѣ ея можно сказать, что, кромѣ вышеупомянутой модуляціи изъ G-dur въ As-dur все въ ней слабо и не интересно и исполненіе ея могло бы вполнѣ ограничиться одною Прагою. Вторымъ оркестровымъ нумеромъ исполнялось: антрактъ ко второй картинѣ, третьей части трилогіи *Орестейя* г. Танѣева. Мы уже говорили о г. Танѣевѣ, и намъ остается сказать, что и въ антрактѣ онъ не выказалъ себя съ новой стороны. Все сдѣлано хорошо, обдуманно, но въ общемъ ничего оригинальнаго не представляетъ. Мы не вполнѣ понимаемъ намѣренія познакомить публику съ цѣлымъ произведеніемъ, да еще съ очень большимъ, какова опера *Орестейя*, при помощи незначительнаго антракта. Знаменитый скрипачъ Эжень Исайе исполнилъ два большихъ произведенія: третій концертъ H-moll Сенъ-Санса и «шотландскую фантазію» Макса Буха. Исполненіемъ этихъ произведеній артистъ произвелъ на насъ довольно пріятное впечатлѣніе. Красивый, хотя и небольшой тонъ, хорошая техника и подвижной темпераментъ артиста дѣлали

свое дѣло, и мы готовы были признать г. Исайе выдающимся скрипачемъ. Но совсѣмъ другое впечатлѣніе мы вынесли изъ его собственнаго концерта, который онъ давалъ вмѣстѣ съ братомъ, піанистомъ Теофилемъ Исайе въ малой залѣ собранія. Нужно замѣтить, что въ послѣднее время въ музыкальномъ искусствѣ мы замѣчаемъ два рѣзкихъ явленія: композиторы все болѣе и болѣе склоняются къ музыкальной ариѳметикѣ въ своихъ сочиненіяхъ, а виртуозы-исполнители къ большей чувственности въ исполненіи кантилены, т.-е. пѣнія инструментальнаго. Музыкальное чувство зависитъ не отъ чувствованій самого артиста, а отъ степени его пониманія произведенія. Въ игрѣ г. Исайе мы слышимъ его личное чувствованіе и личный зной страсти, свойственной его натурѣ, но не чувство вложенное въ сочиненіе. Примѣромъ можетъ служить сыгранный имъ концертъ Вьетана E-dur, въ которомъ онъ положительно щеголяетъ страстностью натуры. Иначе мы не можемъ объяснить то tempo rubato, въ которомъ онъ игралъ весь концертъ (первую часть). Вѣдь, не недостатки техники заставляли его прибѣгать къ различнымъ ritenuto? Впрочемъ, въ этотъ вечеръ артисту не везло и у него все время растраивалась скрипка. Въ симфоническомъ вечерѣ онъ игралъ хорошо, можетъ быть и потому, что сами произведенія, исполненныя имъ, скорѣе походили на оркестровыя произведенія съ большимъ соло на скрипкѣ, слѣдовательно, сдерживали его отъ излишнихъ увлеченій. Піанистъ Теофиль Исайе — виртуозъ, ничего не представляющій и имѣетъ значеніе только брата знаменитости. Въ общемъ скрипачъ г. Исайе имѣлъ большой успѣхъ и нашелъ массу почитателей. Второю знаменитостью былъ пѣвецъ г. Девойодъ, спѣвшій арію Фоаса изъ перваго дѣйствія оперы *Ифигенія въ Тавридѣ* Глука и трудную и очень длинную заключительную сцену изъ муз. драмы *Валькирія* Вагнера. О достоинствахъ этого пѣвца, мы уже говорили въ прошлый сезонъ, а теперь прибавимъ только, что его выборъ пьесъ показываетъ серьезность направленія артиста, а хорошее исполненіе ихъ—большую музыкальность его. Концертъ въ общемъ имѣлъ успѣхъ, артисты биссировали, антрактъ изъ *Орестейи* тоже былъ повторенъ. Публики было обыкновенное количество.

Третье симфоническое собраніе русскаго музыкальнаго общества было посвящено памяти А. Г. Рубинштейна. Программа вечера состояла исключительно изъ его произведеній. Увертюра къ трагедіи Шекспира *Антоній и Клеопатра* представляетъ довольно наивную музыкальную характеристику, изображающую намъ въ четырехдольномъ тактѣ хитраго и воинственнаго Антонія и трехдольномъ—сладострастную царицу Востока, Клеопатру. Хитрость Антонія изображается посредствомъ хитрости А. Рубинштейна, помѣстившаго четырехдольную тему въ трехдольный тактъ (при разговорѣ съ Клеопатрой), а воинственность—посредствомъ трубъ. Красота и страстность царицы изображаются темою въ три четверти (довольно не интересною), появляющеюся въ темѣ E-dur, F-dur, Ges-dur и, наконецъ, въ G-dur для заключенія (увертюра написана въ тонѣ G-dur). Такое повышеніе темы по полутонамъ должно характеризовать женщину,

привыкшую больше лежать (такъ, по крайней мѣрѣ, изображаютъ ее всегда на картинахъ) и думать, чѣмъ дѣйствовать. Увертюра заканчивается торжествомъ трубъ, слѣдовательно, торжествомъ Антонія. Относительно самой музыки увертюры можно сказать, что она отличается общею страстностью, такъ свойственной рубинштейновской музѣ, хроматическими послѣдованіями и расплывчатостью въ изложеніи. Другое программное произведеніе, имѣющее въ виду то же музыкальную характеристику, это вторая часть ораторіи *Потерянный рай*. Произведеніе начинается инструментальнымъ вступленіемъ, долженствующимъ служить картиною хаоса. Тутъ весь вопросъ въ музыкѣ сводится къ тому, чтобы придерживаться болѣе продолжительное время одного тона или дѣлать почаще модуляціи. А. Г. дѣлаетъ модуляціи, хотя и не особенно важныя, и картина хаоса, такимъ образомъ, благополучно разрѣшается. Затѣмъ «одинъ голосъ», изображающій творческую силу, начинаетъ творить, и смотря по тому, что сотворится, играетъ и подходящая музыка и поютъ подходящіе хоры. Въ этой творческой дѣятельности дѣло доходитъ до созданія первой пары людей, при ихъ появленіи раздается тушъ, они радуются, что появились на свѣтъ, и прославляютъ творца, хоръ небесныхъ духовъ помогаетъ имъ въ этомъ, и сочиненіе оканчивается къ общему удовольствію. Г. Барцалъ, своимъ очень небольшимъ, но чрезвычайно медовымъ голосомъ, такъ сладко пѣлъ партію «одного голоса», что могъ бы разжалобить не только безразличную матерію, но даже любого рецензента и критика. Адамъ—г. Тартаковъ и Ева—г-жа Зарудная вели себя, какъ подобаетъ первымъ человѣкамъ, еще не познавшимъ добра и зла, слѣдовательно, и не умѣющимъ твердо интонировать интервалы. Хоръ небесныхъ духовъ, какъ не земныя созданія, пѣли сильно, а настроеніе у нихъ преобладало игривое. Дуэтъ третьяго дѣйствія изъ оперы *Маккавеи*, пѣтый г. Тартаковымъ (Іуда) и г-жей Зарудной (Ноэми) — исполненъ былъ въ музыкальномъ отношеніи небезукоризненно, чему отчасти мѣшала и сама рубинштейновская музыка, дающая мало возможности пѣть, а только произносить разныя музыкальныя фразы. Самымъ интереснымъ нумеромъ этого вечера былъ концертъ для ф.-п. (D-mol), сыгранный молодымъ піанистомъ Іосифомъ Гофманомъ. Этотъ молодой виртуозъ,—ему только еще девятнадцатый годъ,—обладаетъ музыкальною техникой и чрезвычайно осмысленной передачею исполняемаго имъ произведенія. Пока онъ производитъ впечатлѣніе феноменальнаго ребенка, разсуждающаго, какъ взрослый человѣкъ. Но во всякомъ случаѣ въ немъ скрывается сила, намекающая на будущаго геніальнаго исполнителя. Ученикъ своего отца, теоретика-преподавателя варшавской консерваторіи, онъ пользовался нѣкоторое время указаніями А. Г. Рубинштейна и своей игрою нѣсколько напоминаетъ его. Концертъ исполненъ былъ имъ если и небезукоризненно въ смыслѣ ровности настроенія, то во всякомъ случаѣ съ не ребяческою артистичностью. Много мѣшалъ общему впечатлѣнію громкій и неряшливый аккомпаниментъ оркестра. Мы слышали г. Гофмана въ его собственномъ концертѣ, данномъ въ большой залѣ дворян-

скаго собранія, переполненной публикой и еще разъ убѣдились, что передъ нами не вымуштрованное чудо, а непосредственный талантъ и будущій истинный художникъ. Единственно чего ему недостаетъ, это—зрѣлости чувствъ и большей солидности артистическаго вкуса, но это, разумѣется, все придетъ съ лѣтами. Разбирать его исполненіе мы считаемъ излишнимъ. Не учиться у него намъ нужно, Богъ дастъ доживетъ онъ и до учениковъ, а поощрять въ его стремленіи достигнуть идеала въ музыкальномъ искусствѣ, указывать его промахи въ немъ. Пусть будетъ ему примѣромъ всегда достойная дѣятельность другихъ музыкантовъ, принесшихъ пользу своему искусству, вообще, и дѣятельность его великаго учителя А. Г. Рубинштейна въ частности. Въ его концертѣ, между прочими произведеніями, мы слышали его варіацію на собственную тему и скажемъ по этому поводу слѣдующее: тема, пожалуй, для варіацій годится, но сами варіаціи носятъ слишкомъ виртуозный характеръ, такая пассажная обработка темы далека отъ варіаціоннаго стиля, имѣющаго свои законы и правила; виртуозный блескъ и шикъ еще не варьируютъ тему, точно также какъ и имитаціи не есть еще фуга. Въ заключеніе пожелаемъ ему совершенствоваться не только въ исполнительно-виртуозномъ направленіи, но и въ композиторскомъ.

Филармоническое общество для управленія своими концертами пригласило цѣлый рядъ дирижеровъ, но болѣзни г. Шостаковскій управлять оркестромъ не можетъ.

Первымъ концертомъ дирижировалъ г. Виноградскій, директоръ кіевскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго общества. Программа состояла изъ слѣдующихъ оркестровыхъ произведеній: Четвертой симфоніи Чайковскаго, баллады, ор. 38, г. Кюи, вступленія къ оперѣ *Хованщина*, Мусоргскаго, и эпизода изъ былины *Садко*, г. Римскаго-Корсакова. Затѣмъ пѣла г-жа Марчелла Зембрихъ арію изъ *Севильскаго цирюльника*, Россини, колыбельную пѣснь г. Иванова, *Весну* Р. Беккера и варіаціи Проха. Четвертая симфонія Чайковскаго принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Въ сущности это даже не симфонія въ строгомъ смыслѣ этого слова, а симфоническая поэма, въ которой сохраненъ только внѣшній обликъ симфоній. Впрочемъ такого мнѣнія мы и обо всѣхъ симфоніяхъ Чайковскаго. Въ той, о которой мы говоримъ, такая масса лиризма и всяческихъ отступленій отъ главнаго сюжета, что, кажется, Чайковскій при созданіи подобнаго произведенія болѣе заботился о личномъ своемъ настроеніи, чѣмъ о ясномъ и рельефномъ воплощеніи главныхъ идей сочиненія. Возьмемъ, наприм., первую часть, въ ней собственно говоря двѣ главныхъ мысли, Moderato con anima F-mol и Moderato assai quasi Andante—As-dur, которыя и транспонируются соотвѣтствующимъ образомъ. Но часть начинается интродукціей Andante sostenuto, которая приводитъ къ доминантѣ главнаго тона, откуда послѣ ферматы и паузъ и начинается изложеніе первой части. Вотъ это-та мысль интродукціи еще пять разъ повторяется въ первой части, указывая такимъ образомъ, что она играетъ немаловажную роль. Если къ этому прибавить эпизодически встрѣчающуюся мысль

Tempo del comincio, да замѣтить, что всѣ эти темы (мысли) развиты въ модуляціонномъ и ритмическомъ порядкѣ довольно самостоятельно, то въ общемъ получится чрезмѣрное разнообразіе настроеній, нарушающее цѣльность впечатлѣнія и правильный порядокъ въ развитіи мыслей. Разумѣется, многое изъ этого выкупается богатствомъ и красотою содержанія, своею, такъ сказать, собственною сутью, но все-таки симметрія и пропорціональность не соблюдены. Конечно въ одной части могутъ быть и четыре сюжета, но для этого нужно, чтобъ они логически вытекали другъ изъ друга. Всѣ остальныя части, изобилующія всевозможными красотами, имѣютъ тѣ же недостатки въ смыслѣ цѣльности настроеній. Лучшее впечатлѣніе производитъ Andante in modo di canzone и пожалуй Scherzo со своими знаменитыми pizzicato ostinato, если бы не слишкомъ констатирующіе Meno mosso и все послѣдующее до повторенія Scherzo. Послѣднюю часть Finale мы находимъ болѣе громоздкою, нежели сильною въ своемъ развитіи, какъ послѣдней части, и въ сущности встрѣчаемъ ту же пестроту настроеній, какъ и въ первой части, тему же «Во полѣ березынька стояла»—недостаточно мотивированной. Несмотря на всѣ кажущіеся намъ недостатки, симфонію мы все-таки находимъ въ высшей степени интереснымъ произведеніемъ и вполнѣ достойнымъ таланта великаго художника, какимъ былъ П. И. Чайковскій. Музыкальная картина «Садко» Н. А. Римскаго-Корсакова представляетъ превосходную звуковую иллюстрацію къ тому моменту, когда богатый купецъ и знаменитый гусляръ Садко, оставленный одинъ въ морѣ, попадаетъ на пиръ морского царя; отъ игры Садко расплясалось все подводное царство, начинается буря, которая топитъ корабли, и чтобы прекратить весь этотъ морской дебошъ, Садко рветъ струны на своихъ гусляхъ. По своей картинности и выпуклости изображаемаго это произведеніе настоящій перлъ программной музыки. Если же къ этому прибавить чудную оркестровку, такъ свойственную таланту Н. А. Римскаго-Корсакова (произведеніе вновь переоркестровано авторомъ и отлично издано музыкальнымъ магазиномъ Юргенсонъ),—то понятнымъ будетъ, какой восторгъ всегда возбуждаетъ въ публикѣ исполненіе (хорошее, разумѣется) этого произведенія.

Баллада г. Кюи намъ не понравилась. Это какое-то унылое переливаніе изъ пустого въ порожнее, да еще съ претензіями на оригинальность въ модуляціонныхъ построеніяхъ; инструментовано тоже довольно не интересно. Вступленіе «Хованщина» Мусоргскаго—это образецъ реальнаго направленія автора, старающагося изобразить «Разсвѣтъ на Москва рѣкѣ». Виденъ большой талантъ автора, но достигаетъ ли его произведеніе своей цѣли, это вопросъ другой. Г-жа Зембрихъ—пѣвица хорошая, но, увы, время беретъ свое и въ результатѣ получаются: форсированный звукъ голоса, тяжелая интонація и не безукоризненная техника. Если къ этому прибавить неподвижный репертуаръ пѣвицы, все еще пробавляющейся аріями изъ «Севильскаго цирюльника» и «Сонамбулы» (пѣтая на бисъ) и варіаціями Проха, то въ общемъ можно сказать, что пѣвица остановилась въ своемъ разви-

тіи. Дирижоръ г. Виноградскій представляетъ изъ себя заурядный типъ дилетанта.

Во второмъ филармоническомъ концертѣ между прочими произведеніями исполнялась симфонія D-dur Сгамбати, дирижировалъ г. Ивановъ. Симфонія представляетъ изъ себя довольно своеобразный замыселъ автора, желающаго соединить общую итальянскую мелодичность и пѣвучесть съ нѣмецкою сложностью въ обработкѣ мыслей. Но авторъ слишкомъ итальянецъ по мысли и по чувству, и нѣмецкое платье, взятое на-прокатъ, только стѣсняетъ. Онъ прекрасно могъ бы писать обще-извѣстнаго типа итальянскія оперы. Симфонія же, если взять примѣромъ классическіе образцы, требуетъ другого міросозерцанія и общечеловѣческихъ мыслей. Вслѣдствіе этого симфонію Сгамбати, въ лучшемъ смыслѣ, можно назвать оперой для инструментовъ и въ худшемъ попыткой Доницети или Беллини конкуррировать съ Бетховеномъ въ области симфонической музыки. Относительно самихъ мыслей автора симфоніи можно сказать, что онѣ довольно ординарны и не интересны, и что важность, которую онъ придаетъ имъ, кажется смѣшною. Дирижированіе симфоніей г. Ивановымъ, еще разъ подтвердило, что онъ плохой дирижоръ и что его подлаживанье подъ тактъ оркестра ни къ чему путному привести не можетъ. Баритонъ Маттіа Battистини пѣлъ каватину изъ «Фауста», эпиталаму изъ «Нерона» и арію изъ Тангейзера, пѣлъ хорошо и могъ бы пѣть вѣчно, такъ понравился публикѣ. Молодой скрипачъ г. Безекирскій — не безъ таланта, но у него нѣтъ настоящей школы, вслѣдствіе чего концертъ Вьетана онъ сыгралъ неровно во всѣхъ отношеніяхъ,—такъ играютъ самоучки. Произведеніе г. Безекирскаго (отца) «фантастическій эпизодъ для оркестра», которымъ управлялъ самъ авторъ,—такое сочиненіе, о которомъ и говорить не стоитъ,—ихъ пишутъ каждый день сотнями, но не всегда, къ счастью, исполняютъ передъ публикой. Публики на обоихъ концертахъ было очень много.

А. Б.

Возраженіе г. умѣренному консерватору.

Не привыкли мы, батюшка, истинно-русскіе люди, къ вашимъ европейскимъ тонкостямъ и уступочкамъ. По нашему, по старинному, хлѣбъ-соль ѣшь—да правду рѣжь *). Вы одобряете разрѣшеніе московской думы контролировать сумму въ 71 р. 40 к., признавая эту сумму *безобидною*. Но если вы допускаете, что можно контролировать расходъ въ семьдесятъ одинъ рубль,—какъ вы будете возражать противъ провѣрки издержекъ въ семьсотъ рублей, въ семь тысячъ рублей? Гдѣ тутъ остановиться? По вашему, вы предлагаете «компромиссъ»,—а по нашему это—преступленіе, это—отступничество отъ исконныхъ началъ, подъ сѣнью которыхъ росла и крѣпла Русская земля. И что такое всѣ эти «контроли»—государственные и иные? Простое обезьянство передъ Западомъ. Жила же наша матушка Русь «безконтрольно» до освобожденія крестьянъ и другихъ милыхъ господамъ либераламъ реформъ. Я недавно прочелъ во французско-русскомъ словарѣ г. Бастэнъ разоблаченіе истиннаго смысла этого словечка: *contrôler* значитъ вносить въ роспись, повѣрять, *клеймить*, *порочить*, *хулить*. Вотъ чего добиваются наши либералы, прикидываясь овечками, а публицисты, подобные г. Умѣренному консерватору, попадаются на эту удочку.

Нѣтъ-съ, либераламъ надо совсѣмъ зажать ротъ: опасность отъ нихъ далеко не миновала. Въ нашемъ лагерѣ любятъ говорить, что либераловъ мало, что народъ ихъ и знать не хочетъ. Къ счастью, это и до сихъ поръ еще справедливо, но почему? Потому что народъ нашъ безграмотенъ, суевѣренъ и послушенъ. Дѣло уже сильно поворчено земскими школами и надо принять крутыя мѣры, покуда не ушло время. А тутъ слышатся иныя рѣчи съ такой стороны, съ какой и не предполагаешь ихъ услыхать. *Русская Мысль* ужь сослалась въ своей полемикѣ съ *Гражданиномъ* и *Моск. Вѣд.* на *Церковный Вѣстникъ*. Меня такая ссылка озадачила, я пересмотрѣлъ эту газету, издаваемую при петербургской духовной

*) Г. Московскій обыватель, какъ и всѣ наши охранители дѣйствительно, *режутъ* правду, но зарѣзать ее имъ, конечно, не удается. *Ред.*

академіи, и пришелъ въ ужасъ. «Несомнѣнно,—прочелъ я въ *Церковномъ Вѣстникѣ* (№ 14, *Мнѣнія и отзывы*),—что только совокупной энергіей церкви, государства и общества можетъ быть съ вожделѣннымъ успѣхомъ двинуто такое великое и сложное дѣло, какъ народное образованіе». Глазамъ своимъ не вѣрю: какое это у насъ на Руси *общество?* Есть мѣщанское, есть сельское, есть акціонерныя,—но общество въ томъ смыслѣ, въ какомъ говоритъ о немъ *Церковный Вѣстникъ*, допущено быть не можетъ. Это новый либеральный подходецъ. *Общество* рядомъ съ государствомъ и церковью, да еще *съ совокупной энергіей*! Тысячу разъ правъ *Русскій Вѣстникъ* (ноябрь, *Современная лѣтопись*), когда говоритъ слѣдующее: «Искусственное ускореніе развитія грамотности путемъ образованія частныхъ обществъ, съ правомъ учреждать народныя школы, не соотвѣтствуетъ общему нашему учебному строю». Именно такъ; но я иду дальше и настаиваю на мысли о вредѣ распространенія народнаго образованія вообще, о чемъ говорилъ я въ первомъ моемъ письмѣ (*Русская Мысль*, октябрь).

Попустительство *Церковнаго Вѣстника* либераламъ приведенными словами не ограничивается. Въ *Мнѣніяхъ и отзывахъ* № 42 напечатаны слѣдующія строки, надлежащимъ мѣстомъ для которыхъ могли бы быть страницы *Русской Мысли, Русскихъ Вѣдомостей* или *Вѣстника Европы:* «Несомнѣнно, что система образованія, отрѣшеннаго отъ церковной почвы и разсчитаннаго исключительно на возможно большее сообщеніе знаній, безъ привитія добрыхъ навыковъ,—такая система страдаетъ односторонностью. Но точно также односторонняя и та система, которая стремится воспитывать одно чувство, пренебрегая образованіемъ ума. Мы не хотѣли бы вѣрить, что г. Рачинскій, бывшій профессоръ университета, стоитъ на сторонѣ этой послѣдней системы со всѣми ея крайностями, а между тѣмъ, сказанное имъ невольно заставляетъ этому вѣрить».

Это, видите, мы у мужика-то должны «образовывать умъ»! Да онъ, бестія, послѣ этого работать перестанетъ.

Нѣтъ, пора намъ бросить церемоніи съ Западомъ и съ нашими либералами, открыто признать, что плюемъ мы на европейскую науку, а либераламъ крикнуть: *цыцъ!* Никакого *общества* у насъ нѣтъ, а есть *публика* (по выраженію одного полицеймейстера) и *улица* (по выраженію *Моск. Вѣд.*). Ни публика, ни улица никакой *совокупной энергіи* обнаруживать не смѣютъ, а за порядкомъ въ публичныхъ мѣстахъ и на улицѣ смотритъ установленная власть. И разговаривать тутъ не о чемъ.

Московскій обыватель.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Декабрь 1895 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія, психологія и педагогика.—Исторія.—Путешествія.—Статистика.—Естествознаніе.—Изданія для народа.—Справочныя книги. II. Періодическія изданія: «Русское Богатство», *октябрь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *ноябрь*.—«Вѣстникъ Европы», *ноябрь*.—«Дѣтское Чтеніе», *ноябрь* и *декабрь*. III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1895 годъ. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1895 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія“ *И. Н. Кушнерева.*—„Наброски“. *А. А. фонъ-Риттера.*— „Разсказы и легенды“. *В. Фирсова.*

Сочиненія И. Н. Кушнерева. Съ портретомъ и факсимиле автора. Изданіе второе, дополненное очерками и разсказами, написанными послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія. Три тома. Москва, 1895 г. Цѣна за каждый томъ 1 р. 25 коп. И. Н. Кушнеревъ болѣе извѣстенъ какъ основатель превосходной типографіи и учредитель большого товарищества типо-литографскаго дѣла, чѣмъ какъ писатель-беллетристъ. Происходитъ это отъ двухъ причинъ: г. Кушнеревъ не написалъ ни одного большого романа, а ограничивался лишь маленькими „очерками и разсказами“, и его „очерки и разсказы“ появлялись въ печати такъ давно, что про нихъ многіе читатели успѣли забыть, отдавая свое вниманіе новымъ „очеркамъ“, представлявшимъ интересъ современности. Мы думаемъ, что авторъ хорошо сдѣлалъ, напомнивши о себѣ вторымъ изданіемъ своихъ сочиненій, напомнивши о томъ, что дѣлалось и какъ людямъ жилось при „до-реформенныхъ“ порядкахъ на Руси. Весьма полезно, необходимо даже, напоминать нашимъ склоннымъ къ забывчивости соотечественникамъ о гнусномъ житьѣ-бытьѣ „добраго стараго времени“, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые еще вѣрятъ такъ называемымъ „охранителямъ“, пытающимся умалить и извратить значеніе великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Про русское общество нельзя сказать, что „оно ничего не забыло и ничему не научилось“. Нѣтъ, оно не научилось ничему потому, что съ поразительною быстротой забыло всѣ безобразія крѣпостного права, стараго канцелярскаго суда, „милѣйшихъ“ исправниковъ, служившихъ по выбору дворянъ, усердствовавшихъ становыхъ, голодавшихъ засѣдателей, бывшихъ одновременно администраторами, слѣдователями и судьями, кормившихся на обывательскій счетъ и вершившихъ дѣла келейно, по-домашнему. Въ разсказахъ г. Кушнерева

мы имѣемъ большой и разнообразно составленный альбомъ картинъ и портретовъ дѣятелей „добраго стараго времени“, написанныхъ замѣчательно правдиво, съ точностью и простотой лѣтописца, передающаго лишь то, что онъ самолично видѣлъ и слышалъ или на себѣ испыталъ. Тѣхъ изъ молодыхъ читателей, которые, ознакомившись съ повѣствованіями г. Кушнерева, подумаютъ, вѣроятно: да могло ли все это происходить въ дѣйствительности, нѣтъ ли тутъ преувеличеній?—мы смѣемъ завѣрить, что авторъ ни однимъ штрихомъ не отступилъ отъ истины. Все это подлинно было, происходило точь-въ-точь такъ, какъ разсказано, совершалось у всѣхъ на глазахъ съ невѣроятною въ наше время откровенностью, при одобреніяхъ большинства тѣхъ, въ чьихъ рукахъ было право раздавать мѣста и должности въ мѣстномъ провинціальномъ управленіи. Хорошо сдѣлаетъ наша молодежь, если обратитъ вниманіе на *Сочиненія* И. Н. Кушнерева, въ которыхъ рѣшительно нѣтъ ничего „сочиненнаго“, а есть только правдиво записанное человѣкомъ, много видѣвшимъ и внимательно всматривавшимся въ происходившее передъ его глазами. Про дѣйствительность, изображенную авторомъ, отъ которой насъ отдѣляютъ всего 30 — 35 лѣтъ, нельзя даже сказать: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“,—такъ много въ этой дѣйствительности совершенно невѣроятнаго, особливо же въ томъ, что касается взглядовъ тогдашняго общества на изображаемые авторомъ порядки и событія, что касается общественнаго мнѣнія, спокойно уживавшагося съ самыми дикими проявленіями крѣпостничества и административно-судебнаго произвола... Прочитавши съ большимъ интересомъ разсказы г. Кушнерева, мы съ удивленіемъ остановились на заключительной его статьѣ, озаглавленной *Общее дѣло* и напечатанной въ концѣ третьяго тома. Въ ней авторъ говоритъ: „Мы хотимъ, чтобы правительство искоренило взяточничество и другія злоупотребленія чиновниковъ,—да развѣ правительство имѣетъ возможность услѣдить за нравственностью каждаго изъ тѣхъ, которые злоупотребляютъ данною имъ властью? Искоренить это зло ближе всего намъ самимъ: если мы не будемъ посягать на интересъ ближняго и не будемъ хлопотать... о собственныхъ выгодахъ, то, конечно, мы не будемъ имѣть нужды ни сами разоряться на взятки, ни соблазнять ими чиновниковъ. Для этого нужно *весьма немногое*, только пусть каждый сознаетъ правду, дѣйствуетъ по совѣсти и вѣдаетъ законы“. *Весьма немногаго* требуетъ г. Кушнеревъ отъ сто-милліоннаго народа! Да, вѣдь, еслибъ это *немногое* когда-либо оказалось въ наличности, тогда и взятокъ давать, и властью злоупотреблять было бы некому,— чиновники оказались бы ненужными, и добродѣтельные обыватели вкусили бы чисто-райское блаженство, „вѣдая“ только двѣ статьи закона: „люби ближняго твоего, какъ самого себя“ и „не желай ближнему твоему того, чего себѣ не желаешь“. Когда такія чудесныя времена наступятъ, тогда и задачи правительства измѣнятся кореннымъ образомъ, а до тѣхъ поръ для огражденія обывателей отъ посягательствъ на ихъ имущество и личность со стороны согражданъ и чиновниковъ, „которые злоупотребляютъ данною имъ властью“, необходимо требуется, чтобы правительство ограждало, искореняло и обществу давало широкую возможность раскрывать и обличать всякія злоупотребленія. Не можемъ мы также согласиться съ такимъ конечнымъ выводомъ автора: „Правительства могутъ преобразовывать учрежденія; преобразовывать же наши нравы можемъ только мы сами“. Изъ всѣхъ разсказовъ г. Кушнерева надлежитъ, по нашему мнѣнію, сдѣлать иной, болѣе ос

новательный выводъ, который слѣдовало бы формулировать такъ: впредь до наступленія царства правды и добродѣтели на землѣ правительства обязаны преобразовывать учрежденія, соображаясь съ потребностями, сознаваемыми лучшею, наиболѣе развитою частью общества, и давая преобразованіямъ такое направленіе, чтобъ они открывали наибольшій просторъ нравственному подъему всего народа.

Наброски. А. А. фонъ-Риттера. Москва, 1896 г. Цѣна 50 коп. Хорошенькая, миніатюрная книжка г. фонъ-Риттера заключаетъ въ себѣ одиннадцать маленькихъ разсказовъ, написанныхъ тепло и живо, легкимъ языкомъ, безъ вычуръ и претензій. Въ нихъ во всѣхъ сказывается доброе, гуманное чувство, иногда оттѣненное тихою грустью, порою граничащею съ сантиментальностью, но никогда не переходящею ни въ слезливость, ни въ слащавость. Болѣе другихъ „набросковъ" намъ понравились два, *Искра погасла* и *Для нихъ*, почти тождественные по содержанію, но заканчивающіеся совершенно различно, такъ что заключительные выводы получаются противоположные. Въ томъ и въ другомъ разсказѣ героиня, молодая женщина, нѣжно любившая мужа, остается вдовой съ двумя дѣтьми на рукахъ. Проходятъ годы, время сглаживаетъ горе, сердце женщины проситъ новой любви, хорошій и искренно любящій человѣкъ дѣлаетъ молодой женщинѣ предложеніе, обѣщаетъ замѣнить дѣтямъ отца... Въ первомъ случаѣ разговоръ дѣтей о томъ, что у нихъ будетъ новый папа, который ихъ баловать не станетъ, потому что онъ „чужой",— останавливаетъ молодую женщину отъ рискованнаго шага. „Нѣтъ, нѣтъ,— порывисто успокоиваетъ она дѣтей,—не будетъ у васъ чужого папы, не будетъ!" „Послѣдняя искра погасла",— заканчиваетъ авторъ свой разсказъ. Во второмъ случаѣ на молодую вдову съ дѣтьми надвигается страшная, безпощадная нужда, и героиня, несмотря на то, что поклялась мужу оставаться всегда вѣрною ему, соглашается на второй бракъ, рѣшается нарушить данную клятву, „для нихъ", для дѣтей, которымъ грозитъ гибель. А гибель въ той или иной формѣ грозитъ несомнѣнно не только дѣтямъ, но и самой молодой женщинѣ... и будетъ всегда грозить до тѣхъ поръ, пока для женщины остаются закрытыми почти всѣ способы получить честный заработокъ. Далеко не новую, но вполнѣ правдивую и грустную, исторію передаетъ авторъ въ разсказѣ *Пѣвичка*. Она, героиня разсказа, образованная дѣвушка, искала заработка и чуть не умерла съ голоду, и голодъ загналъ ее въ „хоръ". „И что же? Тѣ, которые отказывали ей въ поддержкѣ, когда она молила дать ей возможность заработать честно кусокъ хлѣба, теперь цѣлуютъ ея руки, ползаютъ у ея ногъ и, не жалѣя тысячъ, вымаливаютъ ея продажныя ласки. Тѣ, которые равнодушно проходили мимо нея, когда она голодная скиталась по улицамъ, теперь за счастье считаютъ угостить ее дорогимъ ужиномъ. Какой-то богатый идіотъ хотѣлъ даже на ней жениться, истративъ на нее массу денегъ, но она его прогнала... Ее никто не жалѣлъ, когда она съ голоду умирала, когда она была честная!..." И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока, вмѣсто солидныхъ и серьезныхъ знаній, дѣвушкамъ будутъ давать особливое женское образованіе, приспособляемое къ охраненію и развитію въ нихъ „женственности", принаровленное къ приготовленію ихъ спеціально „въ жены", по жестоко устарѣвшимъ рецептамъ. И вотъ, не попавшимъ въ жены остается едва ли не одинъ путь—отправляться въ „пѣвички" или во что-либо, немногимъ отъ того отличное. Осчастливленнымъ замужствомъ, но потомъ овдовѣвшимъ и оставшимся безъ

большихъ средствъ, нѣтъ другого спасенія отъ голодной смерти, да еще съ дѣтьми, и отъ проституціи „для нихъ", для дѣтей, какъ невольный выходъ замужъ вторично, хотя бы пришлось совершить при этомъ клятвопреступленіе. Какъ много горя, какъ много бѣдъ отойдетъ въ ту же область преданія, въ которую отошли мерзости крѣпостного права, когда и для нашихъ сестеръ и дочерей наступитъ счастливый день освобожденія отъ гнета спеціально „женственнаго" образованія и исключительно женскихъ профессій, сводящихся къ тремъ занятіямъ, оплачиваемымъ грошами: акушерки-фельдшерицы, конторщицы-продавщицы и учительницы.

Разсказы и легенды. В. Фирсова. Спб., 1896 г. Цѣна 1 руб. Въ этой книжкѣ напечатано три разсказа изъ нашей современной жизни и три мусульманскихъ легенды, которыя авторъ слышалъ отъ благочестивыхъ „ходжъ" въ русскихъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ. Разсказы довольно интересны, какъ небольшія жанровыя картинки, и читаются легко, хотя ничуть не выдаются оригинальностью изъ огромной массы всевозможныхъ очерковъ и эскизовъ, сыплящихся, точно изъ рога изобилія, на теперешній книжный рынокъ. Лучшимъ изъ нихъ мы считаемъ разсказъ *Бѣсъ попуталъ*, передающій тяжелый эпизодъ изъ послѣдней войны Россіи съ Турціей. Въ немъ ярко и правдиво изображено, до какого страшнаго озвѣренія доводитъ кровавая схватка съ врагами самаго кроткаго и сострадательнѣйшаго изъ нашихъ солдатиковъ, вообще замѣчательно добродушныхъ и жалостливыхъ. Охваченный въ пылу преслѣдованія непріятеля безумнымъ порывомъ сокрушать и рубить, очень добрый по натурѣ солдатикъ совершаетъ ненужное злодѣйство: расходилась рука и онъ зарубилъ саблей маленькую дѣвочку, безпомощно плакавшую на улицѣ, по которой мчался отрядъ кавалеріи въ погоню за бѣгущими турками. Какъ это могло случиться, солдатъ самъ не знаетъ и ничѣмъ инымъ объяснить не можетъ, какъ тѣмъ, что „бѣсъ попуталъ"... Въ восточныхъ легендахъ, передаваемыхъ г. Фирсовымъ, ученые муллы убѣжденно настаиваютъ на томъ, что всѣ войны происходятъ отъ козней и злыхъ ухищреній *шайтана*, главы бѣсовъ, который умудряется распалять зависть, алчность и взаимную непріязнь людей, пользуясь для этого такими моментами, когда Аллахъ отвращаетъ лицо свое отъ несчастныхъ, забывающихъ молитвою оградить себя отъ подстерегающаго ихъ „духа тьмы". Смыслъ послѣдней легенды, озаглавленной *Подвигъ Ахметъ-бека*, таковъ, что только истиннымъ просвѣщеніемъ *всего народа* можно оградить его отъ всякихъ суевѣрій, отдающихъ людей во „власть тьмы", которою пользуются въ корыстныхъ и честолюбивыхъ цѣляхъ мошенники, одурачивающіе невѣжественныхъ обывателей. Ахметъ-бекъ доказалъ своему доброму народу всю нелѣпость и зловредность суевѣрій, и народъ „прославилъ подвигъ и мудрость Ахметъ-бека". Всѣ „присягнули ему на вѣчную вѣрность и поклялись всячески содѣйствовать распространенію грамотности,—этого единственнаго оплота противъ суевѣрія. И стали съ тѣхъ поръ храбрые ургутинцы не только самымъ просвѣщеннымъ, но и самымъ счастливымъ народомъ, потому что просвѣщеніе дало имъ новыя силы въ стремленіи къ лучшему. Имя же Ахметъ-бека до сего дня съ уваженіемъ произносится горцами, и правленіе его считается самымъ лучшимъ временемъ въ лѣтописяхъ Ургуты". Такъ говорятъ мудрые „ходжи" въ далекихъ странахъ, лежащихъ за Каспійскимъ моремъ. Умныя рѣчи хорошо и послушать, но неизмѣримо лучше внимать мудрымъ совѣтамъ и въ точности имъ слѣдовать по обѣ стороны Каспійскаго моря.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Изъ литературы и жизни". *Е. И. Утина.*—Въ добрый часъ". Сборникъ въ пользу общ. вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Коломенской женской гимназіи.—„Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета Св. Владиміра".

Изъ литературы и жизни. Е. И. Утина. Спб., 1896 г. Два тома. Цѣна 3 руб. Имя такъ рано скончавшагося Е. И. Утина, одного изъ талантливѣйшихъ сотрудниковъ *Вѣстника Европы*, пользуется заслуженною извѣстностью и симпатіями. Его журнальныя статьи, этюды и замѣтки изданы теперь подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Къ первому тому приложенъ хорошій портретъ автора.

По справедливому замѣчанію К. К. Арсеньева, Утинъ „остался вѣренъ идеаламъ своей молодости и до конца былъ человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ, приверженцемъ движенія и свободы". Отличный знатокъ западно-европейской политической жизни и литературы, Утинъ написалъ превосходныя статьи о Гамбеттѣ и первомъ десятилѣтіи французской республики, о практической философіи XIX вѣка, выразившейся въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ князя Бисмарка (обѣ эти статьи вошли во второй томъ собранія его сочиненій). Весьма интересны также его письмо изъ Венеціи *Наканунѣ единства Италіи* и статья о Бёрне (первый томъ). Е. И. Утинъ выступалъ и какъ писатель-юристъ, и какъ литературный критикъ. Его разборъ *Подлиповцевъ* и *Гдѣ лучше* Рѣшетникова *(Задача новѣйшей литературы)* отличается выдающимися достоинствами. Объ основной идеѣ Утина, какъ критика, достаточно ясное понятіе даютъ слѣдующія его слова: „Изящная литература, не переставая быть изящною, точно также какъ и всякая другая, должна, главнымъ образомъ, служить живымъ общественнымъ интересамъ".

Съ большою пользой прочтутся и талантливо написанныя статьи: *Литература и народъ, Гмѣбъ Успенскій* и *Сатира Щедрина*. Е. И. Утинъ энергично вооружался противъ *безсмысленной игры въ противопоставленіе интеллигенціи и народа*. О Г. И. Успенскомъ критикъ говоритъ слѣдующее: „Безъ преувеличенія можно сказать, что своими произведеніями г. Успенскій много содѣйствовалъ уменьшенію того мрака, который скрывалъ отъ глазъ большинства образованнаго общества существенныя черты народнаго быта. Онъ намѣтилъ новые типы, характеры, но что, быть-можетъ, еще важнѣе,—онъ съ большимъ знаніемъ дѣла раскрывалъ передъ нами тѣ внутреннія стороны жизни народа, къ которымъ не имѣли возможности, повидимому, подступить писатели сороковыхъ годовъ".

Перечитывая статьи и очерки Е. И. Утина, кромѣ истинно бодрящаго впечатлѣнія, испытываешь и горькое чувство преждевременной утраты этого широко-образованнаго и даровитаго публициста.

Въ добрый часъ. Сборникъ въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Коломенской женской гимназіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. Изящно изданная и довольно объемистая книжка (около 300 стр.) составлена очень разнообразно и состоитъ главнымъ образомъ изъ беллетристическихъ и стихотворныхъ произведеній. Вы встрѣтите здѣсь около тридцати именъ болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей.

Но, несмотря на кажущуюся пестроту, сборникъ оставляетъ симпатичное впечатлѣніе и въ составленіи его видна опытная и заботливая

рука. Онъ предназначенъ, повидимому, для широкаго круга читателей изъ подростающаго поколѣнія. Поэтому въ немъ нѣтъ спеціальныхъ научныхъ статей, а въ выборѣ художественныхъ произведеній составитель руководился желаніемъ будить благородныя стороны въ душѣ читателей. Очень хороши разсказы Мамина-Сибиряка (*На огонекъ*), В. Микуличъ (*Дурочка*), Ф. Коппе и друг. Съ удовольствіемъ читается очеркъ Вас. Немировича-Данченко *Геркулесовы столбы*. Изъ нѣсколькихъ научно-популярныхъ статей интересна статья В. Острогорскаго, въ которой авторъ съ обычнымъ мастерствомъ характеризуетъ воззрѣнія Тургенева на русскую культурную женщину, и статья Д. Кайгородова (*Пауки-паутинники*). Сборникъ заслуживаетъ распространенія.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра. Спб., 1895 г. Цѣна 2 р. Помимо симпатичной цѣли, для которой изданъ сборникъ, онъ заслуживаетъ вниманія и по своему содержанію, довольно богатому и разнообразному. Какъ бы введеніемъ къ сборнику служитъ небольшая статья В. Гольцева, въ которой авторъ, останавливаясь надъ вопросомъ о разницѣ между молодежью былыхъ временъ и современною, приводитъ по этому поводу симпатичныя воспоминанія изъ школьныхъ годовъ своей жизни.

Почти половина книги состоитъ изъ статей научнаго характера; изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: статья Ѳ. Мищенко (*О судѣ присяжныхъ въ Англіи*), Г. Челпанова (*Зрѣніе и осязаніе*) и Мякотина (*Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 г.*); не лишенъ интереса отрывокъ изъ курса лекцій Грановскаго (*Задачи всеобщей исторіи*), съ предисловіемъ проф. П. Виноградова. Статья Н. Карѣева (*О сущности гуманитарнаго образованія*) представляетъ собой нѣсколько измѣненную публичную лекцію, читанную авторомъ въ Москвѣ. Остальная часть книги состоитъ изъ беллетристическихъ очерковъ, пользующихся извѣстностью нашихъ писателей (Баранцевичъ, Гаринъ, Мачтетъ, Н. Михайловскій и др.). Очень симпатиченъ разсказъ норвежскаго писателя Арнэ Гарборга, въ переводѣ М. Лучицкой. Вообще сборникъ составленъ обдуманно и удачно.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы Философіи и Психологіи“.—„Педагогическіе очерки“. *А. Л. Крылова.*

Вопросы Философіи и Психологіи, *ноябрь*. Ноябрьская книжка московскаго философскаго журнала отличается особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Въ ней выступаютъ и представители метафизической мысли, какъ А. А. Козловъ и В. С. Соловьевъ, и писатели другого направленія, какъ профессоръ М. С. Корелинъ, Л. Е. Оболенскій. Если одни изъ метафизиковъ идутъ по строго опредѣленному пути (Л. М. Лопатинъ въ статьѣ *Явленіе и сущность въ жизни сознанія*), то другіе мыслители того же лагеря ищутъ новыхъ путей. Весьма интересна въ послѣднемъ отношеніи статья Н. Я. Грота (въ той же ноябрьской книжкѣ) объ *Основаніяхъ экспериментальной психологіи*. Въ опредѣленіи *эксперимента* мы расходимся съ ученымъ авторомъ. По его мнѣнію, этотъ *экспериментъ* можетъ производить въ психологіи всякій. Н. Я. Гротъ называетъ *страннымъ недоразумѣніемъ* тотъ взглядъ, по которому настоящимъ психологомъ-экспериментаторомъ можетъ быть только физіологъ, мы же раздѣляемъ этотъ взглядъ. Впрочемъ, Н. Я. Гротъ кончаетъ слѣдующими примирительными сло-

вами: „... Назрѣло время для признанія и разработки совершенно самостоятельной науки—*экспериментальной психологіи*, а къ какому факультету будетъ причислена каѳедра этой науки и необходимая для нея лабораторія,—не все ли равно". Въ заключеніе статьи авторъ высказываетъ вполнѣ разумное и даже настоятельное педагогическое требованіе, которое, однако, никакъ не можетъ быть осуществленно при дѣйствующемъ университетскомъ уставѣ. „Экспериментальная психологія, какъ, впрочемъ, и всѣ философскія науки, должна быть,—говоритъ профессоръ Гротъ,—предметомъ преподаванія на всѣхъ факультетахъ: въ психологической подготовкѣ нуждаются и юристы, и медики, и натуралисты, и математики, и филологи, и историки".

Въ упомянутой выше статьѣ г. Оболенскаго *(Попытка научнаго примиренія моральныхъ разногласій)* читатель найдетъ не мало интересныхъ соображеній и замѣчаній. Авторъ придаетъ большое значеніе оживленнымъ толкамъ о вопросахъ нравственности. „Не зависитъ ли это,—говоритъ онъ,—отъ того, что мораль изъ области непосредственнаго чувства переходитъ все больше и больше въ область если и не чисто-умственную, то, во всякомъ случаѣ, въ область самосознательныхъ чувствованій, или, если вы позволите мнѣ это выраженіе, *чувствованій самоотчетныхъ*, провѣренныхъ мыслью и критикой?"

Г. Оболенскій признаетъ возможнымъ примиреніе между отрицателями морали, опирающимися на индивидуализмъ, и ея защитниками, опирающимися на коллективизмъ. Мы рекомендуемъ эту статью читателямъ, интересующимся вопросами морали.

Обширенъ и обстоятеленъ въ ноябрьской книжкѣ *Вопросовъ Философіи и Психологіи* критико-библіографическій отдѣлъ. Одну изъ рецензій (очень хорошую) мы отмѣчаемъ потому, что она трактуетъ о важномъ и въ общественномъ смыслѣ вопросѣ: рецензію на книгу г. Каптерева *Душевныя свойства женщины*. Не можемъ, кромѣ того, не возразить противъ утвержденія Н. Я. Грота (въ рецензіи на книгу Ледда), будто позитивизмъ погибаетъ, неовитализмъ торжествуетъ, метафизика возрождается. Талантливый и такъ много и настойчиво работающій философъ-метафизикъ впадаетъ въ данномъ случаѣ въ иллюзію, одною изъ причинъ которой является дѣйствительно значительное количественное увеличеніе метафизическихъ книгъ и статей. Такому увеличенію можно, впрочемъ, противопоставить несравненно болѣе значительный успѣхъ новыхъ изданій сочиненій Дарвина, Бокля и другихъ писателей, которыхъ къ метафизикамъ и неовиталистамъ причислить невозможно.

Къ ноябрьской книжкѣ журнала приложены протоколы Психологическаго общества и алфавитный указатель авторовъ и статей за шесть лѣтъ существованія *Вопросовъ Философіи* и *Психологіи*.

Педагогическіе очерки. А. Л. Крылова. Выпускъ первый. Новочеркасскъ, 1895 г. Цѣна 40 к. Очерки принадлежатъ перу инспектора народныхъ школъ одной изъ южныхъ губерній, который въ предисловіи называетъ ихъ плодами „глубоко-сердечнаго отношенія автора къ народной школѣ и ея дѣятелямъ". Изъ десяти очерковъ девять были уже напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ (*Народная Школа, Гимназія, Одесскій Листокъ* и др.). Въ наше время, болѣе чѣмъ когда-либо, интересно выслушать мнѣнія о различныхъ сторонахъ жизни народной школы, высказанныя человѣкомъ, по самымъ своимъ обязанностямъ близко къ ней стоящимъ. Отмѣтимъ наиболѣе интересные результаты наблюденій автора. Въ первой же статьѣ, трактую-

щей о томъ „какъ живутъ и что дѣлаютъ народные учителя?“ — мы находимъ указаніе, что въ тѣхъ „трущобахъ“, куда г. Крыловъ посылалъ учителей, онъ самъ былъ бы не въ состояніи жить, „потому что жить тяжело и уныло“. „Кромѣ священника и лавочника тамъ, вѣдь, *нѣтъ души живой*, которая могла бы привѣтливо отнестись къ учителю“. Возражать на это положеніе — безполезно, если принять въ разсчетъ, что почтенный авторъ очерковъ приравниваетъ далѣе положеніе учителя въ русской деревнѣ ни болѣе, ни менѣе какъ къ положенію Миклухи-Маклая *среди дикарей*, полковника Пржевальскаго среди „чуждыхъ ему народовъ“, Левингстона среди *совершенно дикихъ* народовъ и даже къ положенію „миссіонеровъ различныхъ христіанскихъ исповѣданій въ *невѣдомыхъ странахъ*“. При такихъ условіяхъ, конечно, и душа деревенскаго лавочника и даже, можетъ быть, кабатчика покажется „живой душой“, какъ это ни противно общепринятому мнѣнію. Первое время, — разсказываетъ авторъ, — большая часть учителей ужасно бѣдно обставлены. Нѣтъ у нихъ ни матраца, ни подушки, ни кровати, но при „трезвости и скромности поведенія“ учитель вскорѣ „обзаводится“ не только этими предметами, но даже и женой. Обзаведясь женой, учитель, по выраженію г. Крылова, „высматриваетъ“, что бы можно сдѣлать для улучшенія своего положенія. Одни пристраиваются къ богатымъ жителямъ и совмѣстно съ ними сѣютъ пшеницу и ленъ, другіе заводятъ пчелъ, третьи даютъ уроки дѣтямъ мѣстныхъ богачей, есть и такіе, которые занимаются рыболовствомъ (для продажи), одинъ содержитъ аптечку (?), „другой же просто занимается торговлей и *держитъ на имя жены лавку съ красными товарами*“ (!). Наиболѣе практичные заводятъ также катки для молотьбы хлѣба, причемъ выручаютъ сумму въ три раза превышающую жалованье, или строятъ амбаръ для ссыпки хлѣба и отдаютъ въ аренду. „Словомъ,—замѣчаетъ добродушно г. Крыловъ,—всякій изворачивается по мѣрѣ силъ и разумѣнія“. Далѣе узнаемъ, что въ мѣстныя школы грамотности пристраиваются въ учителя изгнанные за пьянство изъ правильно организованныхъ школъ. На стр. 11 авторъ говоритъ, что при тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыя поставлены учителя въ деревняхъ, требовать отъ нихъ многаго невозможно. Требованія и желанія, чтобы „учителя сближались съ народомъ, поучали его, способствовали улучшенію его жизни во всѣхъ отношеніяхъ, наставляли его даже въ хозяйствѣ, въ земледѣліи, въ скотоводствѣ и доставляли народу возможность познакомиться съ новыми отраслями хозяйства и новыми источниками доходовъ“—онъ называетъ фантазированіемъ, а на стр. 40 уже утверждаетъ, что, „по нашему мнѣнію, учителя должны быть образцовыми хозяевами, хорошими руководителями въ этомъ дѣлѣ своихъ односельчанъ“, а на слѣдующихъ страницахъ совѣтуетъ учителямъ знакомиться со всѣми проявленіями народной жизни и искоренять суевѣрія, оказывать медицинскую помощь и даже знакомить односельчанъ съ теченіемъ политическихъ дѣлъ и ходомъ міровыхъ событій по газетамъ. Которое же изъ этихъ противоположныхъ мнѣній слѣдуетъ считать за окончательное—неизвѣстно. Воспитанниковъ учительскихъ семинарій г. Крыловъ называетъ цвѣтами учительскаго сословія, и эти учителя „пишутъ въ большинствѣ неграмотно и не умѣютъ свободно излагать свои мысли на бумагѣ“, кромѣ того, „выносятъ изъ этихъ заведеній высокопарный языкъ, самомнѣніе, барскія замашки, недовольство своимъ положеніемъ“. „Эти люди, — продолжаетъ авторъ очерковъ,—скороспѣлки, безъ прочнаго фундамента, безъ основате-

ной теоретической подготовки, рѣдко могутъ идти впередъ, самоусовершенствоваться (стр. 29 и 30). И таковъ-то „цвѣтъ учительскаго сословія!“ На читателя нападаетъ уже мрачное уныніе, но послѣднему суждено быстро разсѣяться на страницахъ 84 и 85, гдѣ сообщается, что учительскія семинаріи, которыхъ авторъ насчитываетъ во всѣхъ учебныхъ округахъ, исключая Финляндію, 67 (въ томъ числѣ нѣсколько женскихъ), сослужили службу Россіи — и службу не малую: онѣ выпустили сотни людей разносившихъ грамоту и знанія въ отдаленнѣйшіе уголки нашего отечества, а затѣмъ на стр. 93: „учительскія семинаріи... сослужили православной церкви, русскому государству, русскому народу и русской школѣ великую службу“. Въ качествѣ инспектора народныхъ училищъ авторъ нерѣдко имѣлъ столкновенія съ членами земскихъ управъ, и это даетъ ему поводъ нападать довольно рѣшительно на земство, забывая, чѣмъ обязана у насъ ему народная школа. Въ этомъ случаѣ ему слѣдовало бы считаться съ отдѣльными представителями земства, а не съ земствомъ. Несмотря на всѣ эти противорѣчія и нѣкоторую односторонность взглядовъ, очерки г. Крылова заключаютъ въ себѣ не мало и цѣнныхъ практическихъ указаній, знакомство съ которыми весьма не безполезно для лицъ, руководящихъ дѣломъ народнаго образованія.

ИСТОРІЯ.

„Опытъ исторіи Харьковскаго университета“. *Проф. Д. И. Багалѣя.* — „Исторія Греціи со времени Пелопонесской войны“. — „Преображенское и окружающія его мѣста“. *П. В. Синицына.*

Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Проф. Д. И. Багалѣя (по неизданнымъ матеріаламъ). Томъ 1-й (1802 — 1815 гг.). Вып. 1-й. Харьковъ, 1894 г. Цѣна 1 р. 20 к. Харьковскій университетъ, какъ извѣстно, возникъ благодаря общественной иниціативѣ и матеріальной поддержкѣ мѣстнаго общества. Въ силу этого исторія его представляетъ особенный интересъ не только какъ крупное событіе въ исторіи русскаго просвѣщенія, но и какъ одинъ изъ фактовъ проявленія русской общественной жизни въ началѣ текущаго столѣтія. Важно при этомъ отмѣтить, что авторъ пользовался для своего труда богатымъ архивнымъ матеріаломъ, впервые имъ разобраннымъ. Настоящій выпускъ содержитъ въ себѣ собственно исторію основанія и открытія университета. Авторъ начинаетъ свой очеркъ изслѣдованіемъ культурнаго состоянія мѣстнаго общества, создавшаго университетъ. Здѣсь, прежде всего, нужно отмѣтить быстрый матеріальный успѣхъ г. Харькова, игравшаго дѣятельную посредническую роль на торговомъ пути изъ Москвы въ Новороссію. Сравнительно высокая степень матеріальной культуры способствовала развитію потребности въ грамотности и образованіи. Кромѣ того, мѣстное высшее общество, особенно же духовенство, сохранило извѣстный культурный запасъ традиціи югозападной кіевской образованности, явившейся результатомъ борьбы съ католицизмомъ; изъ Заднѣпровья же вынесены были церковныя братства и стремленіе къ устройству школъ. По приблизительному вычисленію автора, процентное отношеніе учащихся къ населенію въ Слободской украйнѣ въ 1-й половинѣ XVIII в. и теперь будетъ почти одинаково. Вообще стремленіе къ духовно-нравственному просвѣщенію обнаруживалось во всѣхъ слояхъ населенія. Выразителемъ идеаловъ

мѣстнаго общества и носителемъ знаній былъ знаменитый Григорій Саввичъ Сковорода, характеристикѣ котораго авторъ посвящаетъ нѣсколько любопытныхъ страницъ. Человѣкъ этотъ, представлявшій собою нѣчто вродѣ странствующаго университета, по мнѣнію автора, подготовилъ почву для Харьковскаго университета и былъ предшественникомъ В. Н. Каразина. Не лишена также значенія просвѣтительная дѣятельность Харьковскаго коллегіума, имѣвшаго довольно широкую программу и значительное количество учениковъ (до 800 ч.); первыя харьковскія литературныя произведенія принадлежатъ этому коллегіуму. Рядомъ съ духовною наукой и литературой со 2-й половины XVIII в. замѣтно дѣйствіе западно-европейской просвѣтительной стихіи, проникавшей сюда разными путями и обнаружившейся въ культурныхъ интересахъ слободско-украинскаго дворянства. Въ самомъ началѣ XIX в. мы находимъ тамъ литературный кружокъ, имѣвшій во главѣ А. А. Палицына, и въ числѣ членовъ своихъ В. Н. Каразина. Развивающаяся потребность въ образованіи повела къ открытію въ Харьковѣ въ 1797 г. главнаго народнаго училища съ широкою программой, приближающею его къ типу среднеучебныхъ заведеній. Извѣстный рескриптъ императора Александра I харьковскому губернатору, предлагавшій открытіе дворянскаго военнаго училища въ Харьковѣ, былъ встрѣченъ сочувственно и дворянство ассигновало для этой цѣли 100,000 руб. Но въ 1802 г. идея училища замѣнена была планомъ устройства университета; виновникомъ этой перемѣны былъ В. Н. Каразинъ, депутатъ слободско-украинскаго дворянства, подробный очеркъ дѣятельности котораго находимъ во 2-й главѣ. Пользуясь близостью къ престолу, этотъ замѣчательный дѣятель употребилъ всѣ старанія для достиженія своей идеи, и когда послѣ подтвержденія императоромъ привиллегій слободско-украинскаго дворянства послѣднее рѣшило ознаменовать это событіе устройствомъ какого-нибудь учрежденія, то, подъ вліяніемъ Каразина, возникла въ мѣстномъ обществѣ мысль объ университетѣ. Дворянство ассигновало для этой цѣли 400,000 руб., впослѣдствіи присоединились еще пожертвованія херсонскаго и екатеринославскаго дворянства (всего же 658 тыс.). Дальнѣйшая исторія открытія университета представляетъ неутомимую дѣятельность Каразина, всею душой отдавшагося этому дѣлу и справедливо признаваемаго истиннымъ виновникомъ учрежденія университета. Авторъ попутно приводитъ любопытные документы, которые подробно знакомятъ читателя съ ходомъ событій.

Исторія Греціи со времени пелопонесской войны. Библіотека для самообразованія, выпускъ II. Ц. 1 р. 75 к. Второй выпускъ *Библіотеки для самообразованія*, издающейся подъ редакціей гг. Бѣлкина, Виноградова, Грота, Коновалова, Милюкова, Соколова и Чупрова, составленъ очень удачно. Въ него вошли законченныя извлеченія изъ Ѳукидида и Ксенофонта, изъ сочиненій лучшихъ историковъ Греціи (Ранке, Курціусъ, Дройзенъ, Фишеръ, Гольмъ и др.). Сборникъ можетъ служить не только для самообразованія,—онъ является превосходнымъ пособіемъ при преподаваніи исторіи въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, будетъ весьма полезенъ и для студентовъ университета.

Въ приложеніи напечатанъ *Общій очеркъ образованія государствъ и союзовъ въ древней Греціи* (изъ Фишера). Этотъ очеркъ можетъ послужить введеніемъ къ книгѣ для лицъ мало знакомыхъ съ исторіей Греціи до пелопонесской войны. *Московскою коммиссіей по организа*

домашнюю чтенія для этого періода греческой исторіи указаны *Лекціи по исторіи Греціи* Аландскаго и *Очеркъ греческихъ древностей* Латышева.

Въ концѣ сборника напечатанъ указатель важнѣйшихъ терминовъ. Изданъ второй выпускъ *Библіотеки для самообразованія* такъ же отлично, какъ и первый, и найдетъ, вѣроятно, еще болѣе обширный кругъ читателей. Переводъ исполненъ образцово (подъ редакціей гг. Шамонина и Петрушевскаго).

Преображенское и окружающія его мѣста. Ихъ прошлое и настоящее. Составилъ и издалъ П. В. Синицынъ. Москва, 1895 г. Большой томъ въ 200 стр., прекрасной печати и роскошно изданный съ внѣшней стороны, снабженный карандашными рисунками художника Нестерова, содержитъ въ себѣ прекрасный текстъ, излагающій исторію знаменитаго села, игравшаго видную роль въ петровскую эпоху. Авторъ, описывая родное село, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на личности великаго преобразователя Россіи, его первыхъ работахъ въ Преображенскомъ, его забавахъ и расправахъ съ противниками нововведеній. Энергичный обликъ работника на тронѣ теряетъ до нѣкоторой степени свою привлекательность въ освѣщеніи г. Синицына. Факты насилій и неправды, черты характера Петра, своевольнаго и необузданнаго, доходившаго въ увлеченіи иногда до излишествъ, сгруппированы умѣлою рукой для того, чтобы еще сильнѣе оттѣнить ту суровую эпоху, когда личная жизнь цѣнилась мало и все приносилось въ жертву государственности. Особенно ярко выступаетъ тенденція автора при сравненіи Петра съ его предшественникомъ, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который положилъ основаніе Преображенскому и завелъ въ немъ многія нововведенія, заимствованныя съ Запада. Авторъ, отмѣчая существовавшее въ Россіи до Петра теченіе къ сближенію съ западной Европой, подчеркиваетъ его естественность и постепенность. Что же касается петровскихъ преобразованій, которыхъ г. Синицынъ касается только отчасти, поскольку они относятся къ описываемой имъ мѣстности, то даже въ простомъ перечисленіи ихъ слышится укоръ ревнителя нашей старины.

Несмотря на нѣкоторое пристрастіе къ той или другой эпохѣ, книга читается съ большимъ интересомъ, заключая въ себѣ не мало страницъ впервые появляющихся въ печати. Весьма любопытны эпизоды изъ раскольничьяго быта села Преображенскаго, исторія Преображенскаго кладбища и отношеніе къ нему администраціи. Очень подробно и съ провѣркой нашихъ изслѣдователей старины по документальнымъ даннымъ описываетъ г. Синицынъ различныя древности знаменитаго села и окружающихъ его: Краснаго села, Сокольниковъ, села Измайлова, Черкизова, Богородскаго, Семеновскаго и Покровскаго. Общее впечатлѣніе довершается художественно-исполненными рисунками г. Нестерова, въ духѣ нашей старины, съ оригинальными костюмами, постройками, своеобразнымъ, сумрачнымъ пейзажемъ Сѣвера.

Нельзя не пожелать успѣха составителю книги. Одинъ изъ знаменитыхъ нашихъ историковъ сказалъ оригинальный парадоксъ: мы плохо знаемъ свою родину, потому что очень ее любимъ. Отчасти это вѣрно, но едва ли не слѣдуетъ пожелать любви къ ней, основанной на изученіи ея прошлаго съ цѣлью подготовить лучшее будущее. Г. Синицынъ принесъ посильный трудъ въ первомъ направленіи, остается ему внести свою лепту и на осуществленіе второго.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Путешествіе Государя Императора на Востокъ". *Э. Э. Ухтомскаго.* — „Черезъ Черное море на Босфоръ". *П. П. Гнѣдича.* — „По Дунаю". „По Карпатамъ". *О. Пергамента.*

Путешествіе Государя Императора Николая II на Востокъ въ 1890 — 1891 гг. Авторъ-издатель кн. Э. Э. Ухтомскій. Иллюстрировалъ Н. Н. Каразинъ. Часть 4-я. С.-Петербургъ, Лейпцигъ. Ф. А. Брокгаузъ. 1895 г. Нынѣ благополучно царствующій Государь, будучи Наслѣдникомъ Всероссійскаго Императорскаго престола, совершилъ огромное и трудное путешествіе на дальній Востокъ черезъ Индѣйскій и Великій океаны, причемъ посѣтилъ главнѣйшіе города и мѣстности, лежавшіе на его пути въ Индіи, Сіамѣ, Китаѣ и Японіи. Затѣмъ изъ Владивостока черезъ всю необъятную Сибирь державный путешественникъ возвратился въ Петербургъ. Плаваніе совершено было на великолѣпномъ гигантѣ военнаго флота *Память Азова*. Путевой дневникъ велъ князь Э. Э. Ухтомскій и изъ записокъ этихъ, иллюстрированныхъ извѣстнымъ и высоко-талантливымъ художникомъ Н. Н. Каразинымъ, составилъ и издалъ пять интереснѣйшихъ томовъ въ очень большомъ форматѣ in 4°. Огромное число превосходныхъ иллюстрацій воспроизведено образцово геліогравюрой въ лейпцигскихъ мастерскихъ Ф. А. Брокгауза. Получилось роскошнѣйшее изданіе, могущее составить украшеніе любой богатой библіотеки. Князь Ухтомскій, записывая въ своемъ дневникѣ подробности торжественныхъ встрѣчъ, пріемовъ и проводовъ Высокихъ Путешественниковъ, не пропускаетъ случая отмѣтить выдающіяся событія изъ исторіи видѣнныхъ странъ, выяснить вліяніе таковыхъ событій на развитіе характера туземныхъ племенъ, подпавшихъ, по большей части, подъ власть иноземцевъ, среди которыхъ первое мѣсто, по обширности захватовъ и по алчности къ новымъ захватамъ, принадлежитъ англичанамъ. Авторъ—убѣжденный противникъ всякихъ насилій, а слѣдовательно и ярый противникъ англичанъ и ихъ политики въ Азіи, въ противовѣсъ которой кн. Ухтомскій охотно ставитъ чистонравственное обаяніе, пріобрѣтенное Россіей среди всѣхъ народовъ и племенъ, населяющихъ великій материкъ Востока. Истинный и разумный патріотизмъ автора никогда не переходитъ въ увлеченіе, соблазняющее нѣкоторыхъ соотечественниковъ нашихъ перспективами владычества надъ Индіей и надъ иными далекими странами. Авторъ хорошо сознаетъ тѣ опасности для господства европейцевъ на Индѣйскомъ океанѣ, которыми грозятъ имъ, съ одной стороны, мирно надвигающіяся рабочія силы китайцевъ, крѣпко сплоченныхъ въ національные тайные союзы, необыкновенно трудолюбивыхъ, бережливыхъ, поразительно способныхъ ко всякаго рода ремесламъ и торговымъ дѣламъ, а съ другой стороны—такъ же тихо и такъ же упорно развивающаяся пропаганда ислама, объединяющая разрозненныя племена общностью религіи, внушающей фанатическую ненависть ко всему инов-рному. Далеко не безосновательны эти опасенія кн. Ухтомскаго, такъ же точно, какъ вполнѣ справедливы, по скольку мы судить можемъ, взгляды автора на Китай и возможную для него будущность въ недалекомъ отъ насъ времени. Внимательно вчитываясь въ дѣльныя и мѣткія характеристики кн. Ухтомскаго, чувствуешь, что недавній по-громъ „Небесной имперіи" японцами не только не задержитъ внутр-

няго развитія Китая, а наоборотъ, способенъ только усилить его и ускорить, вывести четырехсотъ-милліонный народъ на такой путь, на которомъ Западной Европѣ едва ли можно будетъ съ нимъ бороться. Полны очень большого интереса и во многомъ очень новы разсказы о Сіамѣ и взгляды автора на желательныя къ нему отношенія со стороны Россіи, долженствующей, по мнѣнію кн. Ухтомскаго, всею силой своего политическаго могущества поддерживать независимость этого народа и охранять „Сіамъ для сіамцевъ". Путешествіе Русскаго Царевича, нынѣ Русскаго Царя, по справедливому мнѣнію автора, произвело огромное впечатлѣніе во всѣхъ посѣщенныхъ имъ странахъ и, несомнѣнно, окажетъ благотворное вліяніе на политику русскаго правительства, Державный руководитель который самолично ознакомился съ положеніемъ обширнѣйшихъ странъ, вся будущность которыхъ зависитъ отъ ихъ тѣснаго союза съ могучимъ и миролюбивымъ сосѣдомъ, не преслѣдующимъ никакихъ корыстныхъ цѣлей, не стремящимся ни къ какимъ насильственнымъ захватамъ. Живые, мѣстами блестящіе разсказы кн. Ухтомскаго заставили насъ пожалѣть о томъ, что въ нихъ слишкомъ мало мѣста дано описаніямъ быта и нравовъ видѣнныхъ имъ странъ. Причина тому довольно ясна, впрочемъ: тріумфальная часть путешествія взяла слишкомъ много времени для того, чтобы можно было удѣлить достаточно вниманія на повседневную жизнь народныхъ массъ. При нашихъ обычныхъ странствованіяхъ по чужимъ землямъ проводники, гиды и драгоманы въ значительной мѣрѣ затрудняютъ такого рода наблюденія, во сколько же разъ бо́льшими они оказываются при посѣщеніи далекихъ странъ, когда роль проводниковъ принимаютъ на себя сами ихъ радушные хозяева, государи, вице-короли и правители... Въ укоръ превосходному изданію кн. Ухтомскаго мы поставимъ то, что нѣкоторыя иллюстраціи не имѣютъ прямого отношенія къ тексту 4-го тома и многія изъ нихъ, очень любопытныя сами по себѣ, остались необъясненными, даже неизвѣстно откуда снятыми. Отсутствіе оглавленія затрудняетъ разыскиваніе въ книгѣ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ читатель пожелалъ бы вернуться ради нужныхъ ему справокъ. Промахъ этотъ легко поправимъ при изданіи пятаго тома. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отличнымъ дополненіемъ былъ бы подробный указатель (нѣчто вродѣ „catalogue rêsonné") вошедшихъ въ изданіе иллюстрацій.

Черезъ Черное море на Босфоръ. Путевыя замѣтки П. П. Гнѣдича, съ 60-ю иллюстраціями М. М. Далькевича. Изданіе Я. Ф. Маркса. С.-Петербургъ, 1896 г. Книжка г. Гнѣдича можетъ быть названа изящною во всѣхъ отношеніяхъ: написана она прекраснымъ языкомъ, живо передающимъ впечатлѣнія туриста, прокатившагося въ Константинополь „для собственнаго удовольствія",—благо недалеко отъ Одессы, стоитъ не дорого и очень интересно. *Путевыя замѣтки* отлично иллюстрированы рисунками талантливаго художника г. Далькевича, сдѣланными съ набросковъ самого г. Гнѣдича и съ привезенныхъ имъ фотографій. Изданіе сдѣлано весьма тщательно. У насъ почему-то принято сравнивать наши красивыя изданія съ заграничными и говорить о нихъ, въ видѣ высшей похвалы, что они не уступаютъ иностраннымъ изданіямъ. И г. Гнѣдичъ въ предисловіи заявляетъ: „Сравнивая настоящее изданіе съ иностранными описаніями Босфора, можно смѣло сказать, что оно ничѣмъ не уступаетъ своимъ западнымъ конкуррентамъ". Это совершенно справедливо, когда рѣчь идетъ только о внѣшности, и не совсѣмъ вѣрно, если сравнивать разсказы

о путешествіи г. Гнѣдича съ повѣствованіями о странствованіяхъ западныхъ туристовъ, въ особенности французовъ. Намъ пришлось, напримѣръ, недавно прочесть путешествіе г. Пьера Лоти (новаго французскаго академика) на Востокъ, по тѣмъ мѣстамъ, которыя мы сами только что передъ тѣмъ видѣли, и мы не узнали хорошо знакомыхъ намъ мѣстъ и сценъ изъ жизни ихъ обитателей, — такъ „по-своему" расписалъ ихъ „смѣлый" путешественникъ, вѣроятно, для приданія своему произведенію вящей занимательности и колоритности. Вотъ почему, „сравнивая настоящее изданіе съ иностранными описаніями Босфора", Константинополя, Скутари и Принцевыхъ острововъ, мы отдаемъ огромное предпочтеніе „замѣткамъ" г. Гнѣдича, совершенно правдивымъ, точнымъ и нисколько не уступающимъ въ колоритности полуфантастическимъ очеркамъ французовъ. Лично мы во многомъ не сходимся съ г. Гнѣдичемъ, но не сходимся только въ томъ, что касается впечатлѣній: г. Гнѣдичъ находитъ, что Константинополь „очарователенъ со стороны Мраморнаго моря, и всякій путешественникъ, приближающійся къ нему съ запада, вправѣ приходитъ въ восторгъ отъ развертывающейся передъ нимъ панорамы. Но туристъ, который подойдетъ къ Золотому Рогу со стороны Чернаго моря, немного *кривитъ душой* при пламенныхъ восклицаніяхъ о какой-то восточной сказкѣ и волшебной грёзѣ". Ни въ какомъ „криводушіи", хотя бы изъ оригинальности, мы не заподозрѣваемъ г. Гнѣдича, но, ничуть не „кривя душою", отдаемъ предпочтеніе виду, развертывающемуся передъ тѣми, кто подходитъ къ Константинополю съ Босфора. Большая или меньшая „очаровательность" того или другого вида зависитъ, прежде всего, отъ внѣшнихъ условій, при которыхъ мы на него смотримъ, отъ состоянія погоды, отъ часа дня, отъ освѣщенія, а затѣмъ и отъ собственнаго настроенія смотрящихъ, отчасти отъ вкуса, т.-е. отъ различія во вкусахъ, при одинаковомъ интеллектуальномъ развитіи. О томъ, съ какой стороны Константинополь очаровательнѣе, спора быть не можетъ: восхитителенъ онъ со всѣхъ сторонъ—съ моря, съ пролива, изъ Скутари и съ верхней площадки Семибашеннаго замка, откуда, впрочемъ, г. Гнѣдичъ его не видалъ. Нашъ туристъ попалъ въ Константинополь довольно неудачно, какъ разъ послѣ землетрясенія, сильно повредившаго многія зданія Стамбула и, между прочимъ, знаменитую мечеть Кахріэ-Джами, съ уцѣлѣвшими въ ней византійскими фресками и мозаиками XII вѣка. Къ сожалѣнію, г. Гнѣдичъ и ихъ не видалъ, такъ какъ доступъ въ поврежденную мечеть былъ строго запрещенъ. Говоримъ „къ сожалѣнію" потому, что это лишило насъ интересной главы въ „путевыхъ замѣткахъ" талантливаго автора. По милости того же землетрясенія мы не имѣемъ картины Большого базара, которая, вѣроятно, вышла бы не менѣе живою и яркою, чѣмъ описанія моста и Галаты.

Путевые очерки. По Дунаю. Нѣсколько дней въ столицѣ мадьяровъ. По Карпатамъ. О. Пергаментъ. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к

„Рѣшившись, хотя бы на время, вырваться изъ омута городской суетолоки", г. Пергаментъ „побросалъ свои книги, занятія и въ одинъ прекрасный день радостно вступилъ на палубу" парохода, отправляющагося изъ Одессы въ Галацъ. Въ неизмѣнно радостномъ настроеніи, пересаживаясь съ парохода на пароходъ, добрался г. Пергаментъ вверхъ по Дунаю до Буда-Пешта, походилъ по этой „столицѣ мадьяровъ" черезъ Карпаты отправился во-свояси. Путешествовалъ г. Пергаментъ очевидно, для развлеченія, чтобы только „вырваться изъ омута"... и

ѣздкой остался очень доволенъ, и чудесно,—этимъ и слѣдовало удовлетвориться, не пускаясь въ изображеніе ландшафтовъ словами. Нужно не малое мастерство для того, чтобы сдѣлать это пристойно кистью и красками, а чтобы разсказать ландшафтъ необходимъ уже большой талантъ,—разсказать же виды цѣлой рѣки, нѣсколькихъ городовъ и обширной горной области подъ силу развѣ только геніальному писателю. Ни геніальности, ни таланта у г. Пергамента не оказалось, и искупить такой недостатокъ никакъ не можетъ вычурность языка одесскаго туриста, производящая совсѣмъ обратное впечатлѣніе тому, на какое разсчитывалъ, повидимому, авторъ. „Какъ дивно хороши ночи на Дунаѣ!—восклицаетъ г. Пергаментъ.—Съ тихимъ рокотомъ, точно нѣжно воркуя, принимаетъ величавый Истеръ въ свои объятія таинственную ночь. Робко зажигается на небѣ первая звѣздочка и, словно ободренная этимъ примѣромъ, тотчасъ такая же лукаво подмигиваетъ ей въ отвѣтъ изъ темно-лазурнаго лона рѣки. Вотъ уже весь сводъ заискрился тысячами огоньковъ, цѣликомъ опрокидываясь въ рѣкѣ. Точно два неба: одно сверху, другое снизу. И плывешь среди этихъ двухъ бархатныхъ пологовъ, точно медленно уносишься на струяхъ тихо движущагося эѳира". „Словно священнодѣйствуя, принимаетъ рѣка въ объятія свои богиню мечтательной ночи". „Вся природа какъ-то безстрастна и спокойна. И кадитъ вся земля небу свой душистый ѳиміамъ въ этотъ таинственный часъ величаво торжествующей ночи". Въ саду Буда-Пешта „засиживается далеко за полночь житель мадьярской столицы, вдыхая опьяняющій запахъ *сладкихъ* акацій". Въ картинной галлереѣ „колоссальныя полотна во всю стѣну лишены всякаго художественнаго *исполненія*". Рѣка „Дунаецъ точно что-то обдумываетъ, точно къ чему-то готовится, и вдругъ, словно желая проскочить прежде, чѣмъ горы успѣютъ прихлопнуть его, онъ съ быстротою стрѣлы помчалъ свои пѣнящіяся воды. Но вотъ опасность миновала. Точно со вздохомъ облегченія, изливаетъ, тихо журча, свои воды Дунаецъ въ цвѣтущую равнину. Небо голубымъ пологомъ *любовно повисло* надъ землей, и солнце своимъ горячимъ свѣтомъ заливаетъ луга и нивы, словно радуясь мирной красотѣ, разлитой повсюду". Все—„точно", да „словно", напыщенныя уподобленія, вычурныя опредѣленія, по большей части не подходящія и не оригинальныя, напоминающія старинныя стихотворенія, и ни искры настоящей поэзіи, простой и искренней, ни признака картинности, а лишь рядъ претенціозныхъ страницъ, „лишенныхъ всякаго художественнаго исполненія",—таковы прескучные *Путевые очерки* г. Пергаментова.

СТАТИСТИКА.

„Сводный статистическій сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ переписямъ". *Благовѣщенскаго.*

Сводный статистическій сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ переписямъ. Томъ I. Крестьянское хозяйство. Составилъ Благовѣщенскій. Этотъ сводный сборникъ соединяетъ, въ формѣ довольно удобныхъ и однообразныхъ таблицъ, главнѣйшія данныя земско-статистическихъ переписей, произведенныхъ въ теченіе 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ. *Сборникъ* сводитъ результаты переписей по 123 уѣздамъ 22 губерній. Въ этихъ уѣздахъ описано 2,606 волостей, заключающихъ въ себѣ 54,447 общинъ, почти съ 3

милліонами крестьянскихъ дворовъ и съ 18 милліонами душъ обоего пола. Если имѣть въ виду, что каждый уѣздъ, каждая губернія и всѣ разряды крестьянъ приведены въ таблицахъ *Сборника* черезъ 101 графу, заключающія данныя о поселеніи, его грамотности, землевладѣніи, скотоводствѣ, промыслахъ, платежахъ, то станетъ понятнымъ, какая масса цѣнныхъ цифръ, полученныхъ, главнымъ образомъ, путемъ мѣстнаго изслѣдованія, сведены г. Благовѣщенскимъ и какой богатый матеріалъ для изученія крестьянскаго хозяйства заключаетъ въ себѣ разсматриваемый *Сборникъ*. Весьма понятно, какимъ серьезнымъ пособіемъ для разнообразныхъ справокъ и работъ можетъ служить книга г. Благовѣщенскаго, въ значительной степени долженствующая замѣнить собой сотни томовъ поуѣздныхъ и погуберскихъ земско-статистическихъ сборниковъ; понятно также, какъ важно уяснить, насколько такая замѣна дѣйствительно возможна.

Г. Благовѣщенскій пользовался лишь таблицами земско-статистическихъ сборниковъ, совершенно не касаясь ихъ обширныхъ текстовыхъ матеріаловъ, заключающихъ не только разработку и освѣщеніе табличныхъ данныхъ, но и сообщающихъ много тѣхъ фактовъ, добытыхъ мѣстными изслѣдованіями и иными путями. Такимъ образомъ, *Сводный сборникъ* не устраняетъ необходимости пользоваться текстовой частью земско-статистическихъ изданій. Отдѣлъ таблицъ использованъ съ весьма значительною полнотой, хотя обширный и особенно трудно поддающійся сравнительной сводкѣ отдѣлъ земельныхъ арендъ совершенно не затронутъ, что отмѣчено и самимъ авторомъ. Тѣмъ не менѣе сводная работа автора была громадна и при всѣхъ своихъ недостаткахъ—имѣетъ большое значеніе для разнообразныхъ справокъ по вопросамъ, касающимся жизни крестьянъ. Правда, подобную же сводку таблицъ земскихъ сборниковъ мы находимъ въ нѣсколько позже появившемся изданіи канцеляріи комитета министровъ *); въ немъ же взяты цифры изъ земскихъ изданій по 182 уѣздамъ, но собственно новыхъ уѣздовъ, которые и г. Благовѣщенскій охотно включилъ бы въ свой *Сводный сборникъ*, мы насчитали лишь 17; остальные же 43 уѣзда авторъ не включилъ сознательно, такъ какъ сплошныхъ подворныхъ переписей въ нихъ произведено не было (12 уѣздовъ Москов. губ., 12 уѣздовъ Казан. губ.), а иногда даже и вовсе не было въ нихъ мѣстныхъ изслѣдованій (11 уѣзд. Новгор. губ.) **), или же эти изслѣдованія, по мнѣнію автора, неудовлетворительны и ненадежны (8 у. Рязан. губ.)***). Сверхъ того, названное сейчасъ оффиціальное изданіе, не назначенное для продажи и доступное немногимъ, не заключаетъ въ себѣ также и нѣкоторыхъ данныхъ, сведенныхъ въ *Сборникѣ* г. Благовѣщенскаго (о грамотности, о крестьянскихъ платежахъ и недоимкахъ, о мірскихъ доходахъ и пр.).

Разсматриваемый нами *Сводный сборникъ* состоитъ изъ предисловія, поуѣздныхъ, погубернскихъ и поразрядныхъ таблицъ и изъ примѣчаній по каждой отдѣльной губерніи, введенной въ *Сборникъ*. Въ предисловіи и примѣчаніяхъ авторъ даетъ нѣкоторыя разъясненія о матеріалахъ, которыми онъ пользовался, и о пріемахъ, употреблявшихся имъ при сводкѣ. И дѣйствительно, такія разъясненія совершенно не-

*) *Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европ. Россіи.* Спб., 1894 г.

**) Тамъ же, стр. 374—377.

***) См. *Сводный сборникъ*, стр. IX и 224.

обходимы при сводкѣ, которая имѣетъ дѣло съ такимъ трудно сравнимымъ матеріаломъ, какой заключается въ земско-статистическихъ сборникахъ разныхъ губерній. Къ сожалѣнію, объясненія автора крайне недостаточны и несистематичны. Нельзя не согласиться съ нимъ, что его работу не слѣдуетъ считать чисто-компилятивной; по его выраженію, „правильнѣе назвать ее критической, ибо требовалось тщательное изученіе каждаго сборника, оцѣнка принятой въ немъ группировки, провѣрка всѣхъ итоговъ, анализъ каждаго малѣйшаго недоразумѣнія, исправленіе неточностей, ошибокъ и опечатокъ". Но на то, какъ всего этого добивался авторъ, въ его объясненіяхъ встрѣчаются лишь слабыя указанія; слѣдовало бы, напримѣръ, указать (хотя бы въ погубернскихъ „примѣчаніяхъ"), какъ удавалось ему достигать сравнимости данныхъ во всѣхъ сколько-нибудь сомнительныхъ случаяхъ. Всякому, кому приходилось имѣть дѣло съ земско-статистическими сборниками, ясна чрезвычайная трудность добыть по нѣкоторымъ вопросамъ удобосравнимыя данныя. Самъ авторъ, напримѣръ, отмѣчаетъ въ предисловіи, что достиженіе сравнимыхъ цифръ распредѣленія дворовъ по рабочему скоту „представляетъ уже массу подчасъ непреодолимыхъ затрудненій, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ фигурируетъ волъ", а, между тѣмъ, не видно, какой пріемъ употребленъ авторомъ, чтобы выйти изъ подобнаго затрудненія. Вообще, г. Благовѣщенскій не выясняетъ отдѣльныхъ случаевъ, не разъяснилъ читателю и тѣхъ общихъ основаній, какими самъ руководился для достиженія сравнимости цифръ въ сборникахъ по различнымъ губерніямъ. Благодаря этому, крайне мудрено сказать, насколько автору *Своднаго сборника* удалось добиться сравнимыхъ результатовъ во всѣхъ рубрикахъ таблицъ; съ этою цѣлью пришлось бы продѣлать почти ту же громадную работу, какую сдѣлалъ самъ авторъ. Не ставя себѣ такой задачи, мы отмѣтимъ здѣсь лишь наиболѣе существенное изъ того, что намъ удалось провѣрить.

Намъ пришлось встрѣтиться въ таблицахъ *Сборника* частію съ простыми недосмотрами (однако, повлекшими за собой довольно крупныя неточности), частію съ неполнымъ изученіемъ авторомъ земскихъ сборниковъ; къ этому же разряду дефектовъ *Сборника* можетъ быть отнесено и значительное число вопросительныхъ знаковъ и другихъ пропусковъ, означающихъ, что этихъ данныхъ нѣтъ въ первоисточникахъ. Встрѣтились намъ и слишкомъ смѣлые пріемы при раздѣленіи неясныхъ для автора мѣстъ земско-статистическихъ сборниковъ.

Самъ г. Благовѣщенскій считаетъ, что разработка данныхъ о промыслахъ является наиболѣе слабою частью его *Сборника*. Онъ объясняетъ это свойствомъ самаго матеріала и сложностью промысловой жизни, трудно укладывающейся въ табличныя рамки. Все это въ значительной степени такъ, но и помимо этого въ *Сводномъ сборникѣ* въ отдѣлѣ промысловъ встрѣчаются совершенно непонятные недосмотры составителя, могущіе сбить съ толку лицъ, пользующихся его данными, и требующіе свѣрки съ первоисточниками. Такъ, напримѣръ, въ „примѣчаніяхъ" по Черниговской губ. говорится, что въ таблицы пришлось включить лишь „семьи, имѣющія мѣстныхъ промышленниковъ, тогда какъ по другимъ губерніямъ въ эти графы заносились вообще промышленныя семьи". Въ примѣчаніяхъ же по Смоленской губ. говорится, что и здѣсь „внесены семьи, занимающіяся *мѣстнымъ* промысломъ". Хотя въ „примѣчаніяхъ" по Вятской губ. и не сказано, что здѣсь тоже взяты только мѣстныя промысловыя семьи, но, свѣряя данныя

Сводному сборнику съ первоисточникомъ *), оказывается, что и по Вятской губ. составитель поступилъ такъ же, тогда какъ по Смоленской губ. почему-то г. Благовѣщенскимъ взята сумма семей, имѣющихъ отхожихъ и мѣстныхъ промышленниковъ. Благодаря этому, не справляясь съ первоисточникомъ, можно подумать, что, напримѣръ, по Гжатскому уѣзду, почти всѣ семьи (21,442 изъ 21,995) занимаются мѣстными промыслами, тогда какъ, согласно первоисточнику, этотъ уѣздъ характеризуется отхожими заработками (въ отходъ идутъ 22,804 лица изъ 13,619 семей, а семей съ мѣстными заработками всего 7,823) **). Довольно крупные недосмотры встрѣчаются также въ графахъ о промыслахъ и по Петербургской губ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Птицы Россіи". *Проф. М. А. Мензбира.*—„Физіологія растеній". *Проф. В. И. Палладина.*—„Разсказы о птицахъ". Для юношества. *Проф. М. Богданова.*

Птицы Россіи. Проф. М. А. Мензбира. Т. I съ 253 рис. и т. II съ 284 рис. Москва, 1895 г. Ц. 10 р. Изданіе *Птицъ Россіи*, начатое въ 1893 г., заняло безъ малаго три года и вмѣсто обѣщанныхъ 1,200 страницъ разрослось болѣе, чѣмъ на 2,000. Такое увеличеніе объема книги стоитъ въ прямой связи съ обширностью ея содержанія. Въ совершенно законченномъ видѣ первый томъ начинается объемистымъ введеніемъ, содержащимъ, въ общедоступной формѣ, изложеніе свѣдѣній по анатоміи, систематикѣ, палеонтологической исторіи, географическому распространенію и біологіи птицъ, а также инструкцію для приготовленія птичьихъ шкурокъ. Затѣмъ слѣдуетъ систематическое, живое и образное описаніе всѣхъ птицъ, найденныхъ до сихъ поръ въ Европейской Россіи и на Кавказѣ съ таблицами для опредѣленія видовъ, съ указаніемъ географическаго распространенія каждаго вида, особенно въ Европейской Россіи, и описаніемъ образа жизни наиболѣе интересныхъ формъ. Въ концѣ приложенъ алфавитный указатель латинскихъ и русскихъ названій, что чрезвычайно облегчаетъ пользованіе книгой. Безъ преувеличенія можно сказать, что появленіе столь обширнаго труда проф. Мензбира составляетъ выдающееся явленіе въ исторіи изученія русской птичьей фауны и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что *Птицы Россіи* въ значительной степени оживятъ въ русской публикѣ интересъ къ орнитологіи, что особенно желательно въ виду глубокаго не только научно-теоретическаго, но и практическаго значенія этой науки. Внѣшность изданія книги проф. Мензбира почти безукоризненна. Прекрасная бумага, четкая печать и изящные рисунки заставляютъ удивляться ея дешевизнѣ и въ то же время желать ей возможно широкаго распространенія, въ особенности среди юныхъ любителей природы, которые найдутъ въ ней неисчерпаемый запасъ интересныхъ и поучительныхъ свѣдѣній о жизни птицъ, встрѣчающихся въ предѣлахъ Россіи.

Физіологія растеній. В. И. Палладина, проф. Императорскаго Харьковскаго университета. Изданіе 2-е, съ 32 рисунками въ текстѣ и одной фототипіей. Харьковъ, 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 к.

---

*) Сравни, напримѣръ, *Матеріалы по статистикѣ Вятской губ.*, т. IV, стр. 12 таблицы № 2.

**) См. *Сборн. статистич. свѣдѣній по Смолен. губ.*, т. III, стр. 400.

Въ свое время мы имѣли уже случай дать отзывъ о первомъ изданіи *Физіологіи растеній* проф. Палладина. Скорое появленіе второго изданія наглядно подтверждаетъ ея полнѣйшую пригодность, какъ краткаго пособія, при изученіи этого предмета. Значительно дополненная, она существенно выиграла въ своемъ содержаніи какъ по обилію, такъ и по свѣжести заключающагося въ ней матеріала. Въ такомъ видѣ трудъ проф. Палладина несомнѣнно будетъ пользоваться еще большимъ успѣхомъ, чѣмъ прежде, удовлетворяя не только потребностямъ университетскаго преподаванія, но и скромнымъ требованіямъ личнаго самообразованія.

Разсказы о птицахъ. Для юношества. Модеста Богданова, проф. С.-Петербургск. университета. Москва, 1895 г. Цѣна 75 к. Имя проф. Богданова, какъ талантливаго популяризатора, хорошо извѣстно въ Россіи. Всѣ его произведенія на различныя темы изъ жизни природы дышатъ горячею любовью къ ней, отличаются умѣньемъ возбуждать и привлекать къ ней симпатіи въ читателяхъ и всегда богаты содержаніемъ. *Разсказы о птицахъ* представляютъ собою сборникъ его статей, отмѣченныхъ тѣми же достоинствами. Юные читатели прочтутъ ихъ съ живѣйшимъ интересомъ и извлекутъ изъ нихъ не мало поучительнаго для себя, узнавъ поближе тотъ пернатый міръ, который населяетъ наши луга, поля и лѣса. Книжка снабжена нѣсколькими рисунками и издана вполнѣ опрятно, хотя цѣна ея не совсѣмъ умѣренна.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія общества распространенія народныхъ книгъ.

Кузнецъ Демидычъ и его потомство. Истор. разск. А. Сизовой. Ц. 5 к. Импер. Елизавета Петровна. С. Даль. Ц. 5 к. Великій печальникъ русской земли, св. Филиппъ митрополитъ. А. Сизовой. Ц. 10 к. Механикъ-самоучка Кулибинъ. А. Архангельской. Ц. 10 к. Два пугача, разск. для дѣтей. Н. Вучетича. Ц. 5 к. Маленькій скрипачъ. Разсказъ для дѣтей. Ц. 5 к. Три золотыхъ. Разсказъ для дѣтей. А. Соколинскаго. Ц. 5 к. Валетка (ссыльный). Разск. А. Ковалевской. Ц. 15 к. Отчетъ общества 1891—93 гг. „Общество распростран. полезн. книгъ“ существуетъ около тридцати пяти лѣтъ. Уставъ этого общества былъ оффиціально утвержденъ 3 марта 1861 г., т.-е. въ томъ же году, какъ и уставъ с.-петербургск. комитета грамотности. Существованіе того и другого началось въ моментъ высокаго подъема духа, охватившаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ всю Россію и выдвинувшаго на арену общественной дѣятельности столько свѣжихъ, живыхъ общественныхъ силъ и крѣпкихъ духомъ людей. Разумѣется, времена перемѣнчивы, и новыя вѣянія, особенно у насъ на святой Руси, чаще всего служатъ антитезисомъ вѣяній старыхъ. Теперь, когда спб. комитетъ грамотности сдѣлался достояніемъ исторіи,—кстати сказать, одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ изъ исторіи нашего общественнаго развитія,—полезно сопоставить его издательскую дѣятельность и его взгляды на задачи народной литературы съ издательскою дѣятельностью „Общества распространенія полезныхъ книгъ“. Это послѣднее общество имѣетъ свою физіономію, свое profession de foi, которое ясно видно изъ отчетовъ,

появляющихся болѣе или менѣе аккуратно каждый годъ, изъ *Краткаго очерка 25-лѣтней дѣятельности* этого общества.

„Общество распространенія полезныхъ книгъ“ основано по мысли А. Н. Стрекаловой, которая до сего времени принимаетъ въ немъ весьма дѣятельное участіе. Почтенная учредительница занималась изданіемъ книгъ *нравственно-назидательнаго* характера еще до основанія общества. Это послѣднее первоначально было задумано широко: оно имѣло въ виду „удовлетворять потребности многихъ (и всякихъ, не только изъ народа) читателей имѣть для себя доступныя по изложенію и не дорогія по цѣнѣ книги разнообразнаго содержанія“. Главною цѣлью своей общество поставило „развитіе и укрѣпленіе *здравыхъ нравственныхъ* понятій въ массѣ читающей публики“. Что касается до того, какія понятія считать здравыми и какія не здравыми, то и на этотъ счетъ общество формулировало свои взгляды довольно опредѣленно, устами покойнаго архипастыря (московскаго викарія) Леонида, который привѣтствовалъ общество за то, что оно „непрестанно заботится развивать свою дѣятельность на чистыхъ началахъ христіанской нравственности, что оно считаетъ начала вѣры и нравственности за просвѣтительныя основы жизни, разъясненіе которыхъ старается предлагать въ своихъ трудахъ“. Изъ отчетовъ мы узнаемъ, что на самомъ дѣлѣ цѣль общества суживается. „Цѣль нашего общества, — говоритъ отчетъ 1891 г., — посильно служить интересамъ народнаго просвѣщенія; истинное русское просвѣщеніе не должно и не можетъ развиваться внѣ православной церкви, исторической воспитательницы русскаго народа“ (стр. 4). Столь отчетливо формулированная цѣль, понятно само собою, — обусловливаетъ тотъ фактъ, что за все время существованія обществомъ издано не мало книжекъ, несомнѣнно весьма тенденціозныхъ и не имѣющихъ ничего общаго съ безпристрастною наукой. Какъ на одну изъ такихъ книжекъ, мы можемъ указать на книжку, составленную, какъ видно изъ отчета, нѣкіимъ г. Погожевымъ и носящую тенденціозное заглавіе *Какъ чудомъ строилась Русская земля*. Въ этой книжкѣ читателямъ-простолюдинамъ, которымъ она спеціально и предназначается, авторъ старается доказать, что русская исторія не что иное какъ сплошное чудо... Весьма понятно, такою постановкой вопроса русская исторія сразу исключается изъ числа наукъ и дѣлается отдѣломъ богословія. Въ своей книжкѣ авторъ не приводитъ тѣхъ соображеній, какія заставили его отнестись такимъ способомъ къ русской исторіи, но мы отнюдь не считаемъ себя вправѣ отнестись съ такимъ пренебреженіемъ къ русской исторической наукѣ, которая должна быть единой для всѣхъ, — какъ для барина, такъ и для мужика. Книжка г. Погожева не есть единственная въ своемъ родѣ. Помимо нея существуетъ и нѣсколько другихъ, проникнутыхъ тою же тенденціей, весьма характерно опредѣляющей физіономію фирмы. Къ числу другихъ характеристическихъ чертъ, опредѣляющихъ эту послѣднюю, слѣдуетъ отнести и ея своеобразный взглядъ на своего читателя,—взглядъ сверху внизъ, взглядъ чистаго господина на сѣраго мужика, на чернь непросвѣщенную, которой печной горшокъ дороже Аполлона Бельведерскаго, и которая не только не имѣетъ, но и не способна понимать нѣкоторыя общечеловѣческія чувства и идеи, вслѣдствіе чего эти послѣднія необходимо преподносить ей въ упрощенной, разжеванной формѣ, съ урѣзками, недомолвкам и сокращеніями, подобающими мужицкому званію... Къ фабрикаці книжекъ для мужика и для дѣтей и свелась постепенно дѣятельнос

„Общества распространенія полезныхъ книгъ“. Изъ того же взгляда на своего читателя сверху внизъ вытекаетъ и другой взглядъ,—смѣшеніе народной литературы съ дѣтской и проповѣдываніе мужикамъ самыхъ азбучныхъ истинъ прописной морали. Упрекаютъ нерѣдко *Посредникъ* въ томъ, что его книжки слишкомъ поучительны. Но поучительность посредниковскихъ изданій кажется живою водой сравнительно съ изданіями „Общества распростр. полезн. книгъ“. Здѣсь мы встрѣчаемъ такія поучительныя книжки, при чтеніи которыхъ становится щекотно въ горлѣ, словно при глотаніи тягучей патоки. *Никогда не поздно раскаяться*, *Милости хочу, а не жертвы*, *Вино человѣка сгубило*, *Совѣсть осудила*, *Одно только нужно*, *Послѣдствіе перваго поступка*, *Свѣтъ не безъ добрыхъ людей*,—такого рода заглавія мелькаютъ на каждомъ шагу въ спискѣ изданій общества. Но еще больше такихъ, въ которыхъ поучительно не заглавіе, а самое содержаніе книги. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что поучительный характеръ изданія общества сохраняютъ уже много лѣтъ, чуть ли не съ самаго его основанія, что многолѣтняя дѣятельность ничему не научила его руководителей, что успѣхи, сдѣланные народною литературой за послѣднее время, тоже какъ будто прошли для руководителей общества словно не замѣченными. Еслибъ это было не такъ, общество необходимо должно было бы измѣнить характеръ своихъ изданій, отбросить квасную и слащавую поучительность, вообще вдохнуть въ живое дѣло больше жизни, больше живой воды, и—позволяемъ себѣ думать это,—больше общественности. Знакомясь разомъ съ цѣлыми десятками изданій общества, съ его отчетами за послѣднее время, невольно выносишь изъ нихъ впечатлѣніе самое тяжелое, самое угнетенное, несмотря на все стараніе составителей отчетовъ придать обществу оттѣнокъ жизненности. Врядъ ли мы ошибемся, сказавъ, что больше всего души вложено въ дѣло самою основательницей общества,—г-жей Стрекаловой. Изъ отчетовъ мы узнаемъ, что въ обществѣ не мало наемныхъ служащихъ, но въ то же время очень мало членовъ,—по отчету 1892 г. всего 16 человѣкъ уплатили 10-рублевые членскіе взносы: сколько именно насчитываетъ общество членовъ,—изъ отчета 1893 г. совсѣмъ не видно *). Плохо видно и то, насколько дѣятельны эти члены. Общество работаетъ какъ-то келейно, глухо, совершенно чуждое той общественной жилки и того размаха, которымъ отличалась дѣятельность спб. и моск. комитет. грамотности. Мы видимъ здѣсь традицію, но не видимъ широкихъ жизненныхъ начинаній, не находимъ той чуткости къ народнымъ нуждамъ и къ злобамъ дня, которая такъ отличала дѣятельность вышеуказанныхъ комитетовъ. Судя по отчетамъ, дѣятельность общества какъ будто бы и разнобразна. При немъ въ 1893 г. состояли, во-первыхъ, книжный магазинъ для продажи, распространенія и разсылки книгъ, какъ изданныхъ обществомъ, такъ и другихъ учебныхъ, народныхъ, дѣтскихъ; во-вторыхъ, своя собственная типографія для печатанія собственныхъ изданій и заказовъ со стороны (съ оборотомъ болѣе 30,000), своя школа типолитографовъ для обученія мальчиковъ типо-литографскому искусству; при обществѣ состоитъ нѣсколько коммиссій,—изъ нихъ самая большая и дѣятельная—коммиссія народныхъ чтеній въ Москвѣ, затѣмъ коммиссіи по устройству библіотекъ при московскихъ больницахъ и тюрьмахъ, затѣмъ коммиссія безплатнаго снабженія бѣднѣйшихъ школъ

*) Въ 1892 г.—56 членовъ (въ спб. комитетѣ грамотности около 1,000).

книгами для чтенія и, наконецъ, коммиссія по устройству воскресныхъ дѣтскихъ читаленъ въ Москвѣ. Изъ всѣхъ этихъ коммиссій дѣйствительно проявляетъ жизнь первая: ею устроено было въ разныхъ пунктахъ въ 1893 г. 616 духовно-нравственныхъ бесѣдъ и 723 общеобразовательныхъ чтеній, на которыхъ перебывало, судя по отчету, болѣе 300,000 слушателей. Что касается до коммиссіи по устройству библіотекъ въ больницахъ и т. п., то въ 1893—94 г. ею разослано въ 13 мѣстъ всего 2,330 экз. (579 названій). Дѣтскую библіотеку съ 2 мая 1893 г. по 20 марта 1894 г. посѣтило всего 485 чел., и на это число приходится всего 997 посѣщеній (менѣе 2 на каждаго человѣка). Что касается до издательской дѣятельности, то за цѣлый годъ общество напечатало 25 названій книгъ и брошюръ (95,060 экз.) на сумму по продажной цѣнѣ 6,610 р. Сравнительно съ выдающеюся издательской дѣятельностью спб. комитета грамотности, нельзя не признать, что общество распр. полезн. книгъ дѣйствовало и на этомъ поприщѣ весьма вяло. Нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ черточекъ въ издательскомъ дѣлѣ, плохо рекомендующихъ всю его постановку. Такъ, напр., цѣна изданій общества весьма высока: листовка стоитъ 5 копѣекъ! Объясняется это отчасти тѣмъ, что общество печатаетъ свои изданія въ небольшомъ числѣ экземпляровъ (2,400—3,600, рѣдко болѣе 5,000). За иныя книжки оно платитъ удивительно курьезные гонорары (если только это не ошибка въ счетахъ, напримѣръ, за книжку г. Плечко *Китай городъ* заплачено 1 руб. 50 коп. (см. отчетъ 1892 г., стр. 37). Съ иными авторами общество расплачивается печатными экземплярами ихъ произведеній; но есть и такіе авторы, какъ еп. Агаѳадоръ, который въ 1893 г. получилъ за свою брошюру 362 руб. 58 коп. наличными (отчетъ 1893 г., стр. 51). Во всякомъ случаѣ, дороговизна изданій общества распространенія полезныхъ книгъ,—явленіе довольно характерное, особенно въ настоящее время, когда такіе издатели, какъ Жирковъ, Муриновъ и комитеты грамотности ухитряются издавать книги не дороже Сытина,—настоящаго виртуоза въ смыслѣ удешевленія народныхъ изданій. Замѣтимъ при этомъ, что дороговизна изданій общества распр. пол. книгъ не сопровождается ихъ изящной внѣшностью, и, во всякомъ случаѣ, имъ далеко до изданій спб. комитета грамотности. Что представляетъ изъ себя школа типографовъ,—изъ отчетовъ видно не достаточно ясно. Что касается до книжнаго магазина общества, то нельзя сказать, чтобъ онъ дѣйствовалъ оживленно: за цѣлый годъ онъ наторговалъ въ розницу на 7,153 р. 83 к., а за заказы, имъ исполненные, получилъ 11,546 р. 60 к. Принимая въ разсчетъ роскошное помѣщеніе магазина, штатъ его служащихъ и проч., безъ сомнѣнія не малые расходы, нельзя сказать, чтобы торговля на 18,700 руб. 43 к. была сумма достаточная на покрытіе всякихъ издержекъ. Оставляетъ желать много лучшаго и распространеніе книгъ. Объ этомъ послѣднемъ позволяютъ судить отчеты, гдѣ приведены цифровыя данныя о проданныхъ экземплярахъ 181 названія книгъ (изданій магазина общества). Изъ нихъ мы насчитали 11 такихъ, которыхъ продано въ теченіе цѣлаго года не болѣе 10 экземпляровъ *), 28 названій—менѣе 100, 43—отъ 100 до 500, 54—отъ 500 до 1,000, 37—отъ 1,00 до 2,000, только 8—болѣе 1,000, и ни одного—болѣе 3,600 (*Не бо жись*). Эти цифры позволяютъ сдѣлать выводъ, что громаднѣйшій изданій общества спокойно пребываетъ въ складѣ, что расходятся они

*) Изъ нихъ 5 названій, которыхъ въ году не продано *ни одного* экз.

какъ говорится, хуже худого. Въ результатѣ получается такая картина: кто-то издаетъ что-то поучительное, и это поучительное едва-едва ползетъ въ толпу читателей... Правда, иныя книжки выходятъ и 2-мъ и 3-мъ изданіемъ,—но это лишь потому, что общество терпѣливо ждетъ и смотритъ, какъ ѣдетъ улита... Общество распространяетъ книги и безплатно. Какъ это дѣлается, всѣ ли желающіе имѣютъ по крайней мѣрѣ *право* получить безплатно книги отъ общества, или лишь чрезъ его членовъ,—изъ отчетовъ этого не видно. Читая отчеты, сухіе, гладенькіе, вы тѣмъ не менѣе чувствуете, что за всѣми этими цифрами кроется что-то вялое, монотонное, если можно такъ выразиться, удивительно кислое и безжизненное. Вы чувствуете, что передъ вами какая-то канцелярія, въ которой что-то для кого-то дѣлаютъ чистые господа и готовые къ ихъ услугамъ „люди двадцатаго числа"— и не больше. Правда, кто-то и въ это общество старается что-то вдунуть, вложить нѣкоторымъ образомъ душу, но, какъ ни старается, ничего не выходитъ, да, кстати сказать, и не можетъ выйти, такъ какъ канцелярская рутина, узко-бюрократическая постановка поглотила собою и заглушила очень много живыхъ силъ... И этакую-то постановку нѣкоторые наши органы печати чуть ли не рекомендовали спб. и московскому комитетамъ грамотности!

Все предыдущее, мы надѣемся, въ достаточной степени характеризуетъ общій фонъ, на которомъ появляются отъ времени до времени изданія общества распространенія полезныхъ книгъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что на такомъ фонѣ кажутся болѣе тусклыми кое-какія и болѣе или менѣе свѣтлыя явленія. Изъ массы книжекъ, изданныхъ обществомъ за 35 лѣтъ его существованія, можно указать нѣкоторыя болѣе или менѣе недурныя. Такъ къ числу такихъ недурныхъ книжекъ слѣдуетъ отнести историческій разсказъ г-жи А. Сизовой *Великій печальникъ земли русской, св. Филиппъ, митрополитъ московскій*. Книжка написана довольно живо; великая несправедливость, совершенная представителемъ государства надъ представителемъ церкви, изображена передъ читателемъ довольно ясно и наглядно. Разумѣется, историческая правда была бы еще яснѣе, еслибы въ книжкѣ было объяснено, что такое земщина и что такое опричнина,—но, какъ извѣстно, въ историческихъ книжкахъ для народа не только нѣкоторыя объясненія, но и историческіе достовѣрные факты стали считаться съ нѣкоторыхъ поръ почему-то роскошью, неподходящей для мужика. Разумѣется, также, не автора въ томъ вина. Не дурно составлена г-жей А. Архангельской біографія Кулибина, хотя изъ такой же біографіи, составленной И. С. Ремезовымъ и стоющей тѣ же 10 копѣекъ, читатель крестьянинъ вынесетъ въ нѣсколько разъ больше. За то книжка С. П. Даль о *Елизаветѣ Петровнѣ* образецъ исторической трафаретки: здѣсь надпись, здѣсь факты, а тамъ дыра на дырѣ. Во всякомъ случаѣ, въ книжкѣ этой столько умолчаній, что причислить ее къ книжкамъ по русской исторіи по меньшей мѣрѣ странно. На стр. 17 говорится объ уничтоженіи тайной канцеляріи, а что это за канцелярія—не сказано ни слова. На стр. 8 недовольство царствованіемъ Анны Іоанновны сведено лишь къ недовольству нѣмцами, и т. д. Разсказъ А. Сизовой о *Кузнецѣ Демидычѣ* родоначальникѣ Демидовыхъ, не столько характеренъ отношеніемъ автора къ Демидовымъ, сколько его отношеніемъ къ рабочимъ. Объ этихъ послѣднихъ въ книжкѣ почти ничего не сказано, кромѣ того, что „тысячи крестьянъ, по милости царя, были приписаны къ заводамъ" и еще нѣсколько словъ... Разсказъ А.

Коваленской *Валетка* (изъ *Міра Божія* 1892 г.) ничѣмъ не отличается отъ массы подобныхъ ему сладчавыхъ и шаблонныхъ разсказовъ, на тему какъ чистый ребенокъ воздѣйствуетъ на душу закоренѣлаго злодѣя. При чтеніи этого разсказа намъ невольно припомнился,-- разумѣется, не къ пользѣ *Валетки*,—прекрасный и, главное, идейный разсказъ *Счастье Ивана Непомнящаго*. Къ числу шаблонныхъ же произведеній нужно отнести и дѣтскіе разсказы *Маленькій скрипачъ*, *Два пугача*, *Три золотыхъ*.

Въ заключеніе спросимъ „Общество распр. полезн. книгъ", не пора ли ему сбросить съ себя шаблонную канцелярщину, обновить себя свѣжими силами и двинуть дѣло изданія и распространенія дѣйствительно полезныхъ книгъ бодро, энергично.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Энциклопедическій словарь". *Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.*

Энциклопедическій словарь. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Полутомы 28, 29, 30 и 31. Спб., 1895 г. Двадцать восьмой полутомъ начинается объясненіемъ слова „Карданахи", тридцать первый полутомъ, прерывается на фамиліи „Кояловичъ". Лица, незнакомыя до сихъ поръ съ *Энциклопедическимъ словаремъ*, начатымъ подъ редакціей проф. И. Е. Андреевскаго и продолжающимся подъ редакціей К. К. Арсеньева и заслуженнаго профессора Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, изъ вышесказаннаго могутъ составить себѣ понятіе о большихъ размѣрахъ труда, въ редактированіи котораго, кромѣ названныхъ двухъ редакторовъ, принимаютъ участіе профессора: А. Н. Бекетовъ, А. И. Воейковъ, Н. И. Карѣевъ, Д. И. Менделѣевъ, В. Т. Скабичевскій, Н. Ѳ. Соловьевъ и такіе знатоки литературы, философіи и искусствъ, какъ С. А. Венгеровъ, Вл. С. Соловьевъ и А. Н. Сомовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ редактированіе всецѣло перешло въ руки гг. Арсеньева и Петрушевскаго, и они получили возможность не стѣсняться ранѣе заготовленнымъ и принятымъ матеріаломъ, *Словарь* получилъ большую стройность, въ немъ уже не появляется такихъ необъятныхъ статей, какъ носящая заглавіе *Банки*, загромоздившая собою чуть ли не треть полутома. Сжатость статей отнюдь не умаляетъ ихъ обстоятельности и, наоборотъ, возвышаетъ достоинство, дѣлая ихъ доступными большинству людей, обращающихся къ справочной книгѣ. Краткость объясненій не отнимаетъ характера монографій у такихъ статей, какъ *Катакомбы*, *Католичество*, *Кириллъ и Меѳодій*, *Китай*, *Кодификація*, всѣ статьи о *Классицизмѣ* и большинство статей, трактующихъ о техническихъ производствахъ (*Каучукъ*, *Керосинъ*, *Коксъ*, *Кожевенное производство* и др.). Въ столь огромномъ трудѣ, само собою разумѣется, дѣло не можетъ обойтись безъ пропусковъ, которые легко могутъ быть и будутъ, вѣроятно, какъ во всякомъ *Энциклопедическомъ Словарѣ*, дополнены въ концѣ изданія выпускомъ дополнительнаго тома. Усмотрѣнные нами пропуски въ объяснительномъ текстѣ такимъ способомъ исправлены быть не могутъ, такъ какъ на сущность объясненій они не имѣютъ вліянія и дѣлаютъ ихъ только не совсѣмъ полными. Напримѣръ, въ очень хорошей статьѣ *Карикатура*, при перечисленіи современныхъ русскихъ рисовальщиковъ, пропущено имя Чемоданова, подписывающаго свои шаржи „Лилинъ"; въ числѣ нынѣ „трудящихся рисовальщиковъ" названъ [illegible]

колай Чеховъ, давно и слишкомъ рано умершій очень талантливый карикатуристъ. Въ статьѣ *Кафли и изразцы*, при указаніяхъ, гдѣ таковые служатъ украшеніемъ зданій, не обозначено, что въ Константинополѣ и въ Скутари есть двѣ мечети,— одна изъ нихъ громадная „Султана Ахмета“,— вся внутренность которыхъ выложена изразцами. Совершенно пропущена знаменитѣйшая (съ сохранившимися въ ней христіанскими фресками и мозаиками) изъ мечетей Стамбула „Кахріэ-джами“. Въ статьяхъ *Керчь* и *Керченскія катакомбы* не упомянуто о томъ, что Керченскій музей былъ разграбленъ англичанами въ 1854 г., а Керченскія катакомбы „зарыты для охраненія ихъ отъ порчи“... Болѣе существеннымъ мы находимъ подъ словомъ *Киники* отсутствіе указанія, что у насъ принято говорить „циники“ и „цинизмъ“, а не „кинизмъ“ (стр. 77-я 29-го полутома). Конечно, подъ словомъ *Цинизмъ* будетъ сдѣлана соотвѣтствующая ссылка, но мы думаемъ, что и тутъ слѣдовало бы отмѣтить общепринятыя транскрипцію и произношеніе этихъ словъ. Энциклопедическіе словари составляются столько же для тѣхъ, кто ими пользуется ради справокъ, сколько и для людей, ищущихъ недостающихъ имъ знаній. Отсутствіе указаній, подобныхъ нами указанному, такихъ людей можетъ сбивать съ толку до тѣхъ поръ, пока словарь не будетъ доведенъ до той буквы, подъ которой найдется необходимый ключъ къ объясненію.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, *октябрь*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *ноябрь*.—„Вѣстникъ Европы“, *ноябрь*.—„Дѣтское Чтеніе“, *ноябрь и декабрь*.

Въ предыдущемъ обозрѣніи мы указывали на интересную статью г. Зака *Судьбы крестьянской общины въ Германіи*. Вопросъ о судьбѣ общины въ Германіи имѣетъ и для насъ интересъ очень широкій и разносторонній. Кромѣ его отношенія къ общему вопросу о сущности историческаго развитія, онъ имѣетъ и спеціальный интересъ для Россіи въ виду новыхъ споровъ о нашей общинѣ, о ея судьбѣ въ будущемъ, о ея значеніи для будущаго пути, по которому пойдетъ или должно пойти экономическое развитіе нашей родины. Судьба германской общины можетъ быть болѣе поучительна для насъ, чѣмъ судьба общины другихъ странъ, именно потому, что Германія позже другихъ странъ отдѣлалась отъ остатковъ своего „здороваго варварства“ (выраженіе Вейзенгрюна и извѣстнаго историка Лампрехта); тамъ процессъ паденія общины новѣе, онъ совершился чуть не на нашихъ глазахъ и оцѣнить и опредѣлить его слѣдствія, вплоть до созданія сильной рабочей партіи, на примѣрѣ Германіи можно съ большей рельефностью и доказательностью. Во второй своей статьѣ г. Закъ занимается вопросомъ о паденіи общины,— вопросомъ, который онъ называетъ однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ въ аграрной исторіи Германіи... Паденіе крестьянской общины,— говоритъ онъ,— въ высшей степени сложное явленіе, результатъ дѣйствія многихъ причинъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло со всей совокупностью средневѣковаго строя, самыя основы котораго подкапывались подъ общинные устои... Германская община держалась на общей маркѣ, составлявшей исходный пунктъ крестьянскаго самоуправленія и землепользованія. Наложить руку на общую марку значило посягать на самое существованіе общины. Уже въ очень раннюю пору пахатная земля дѣ-

лается индивидуальною собственностью, потомъ и другія угодья уходятъ изъ коллективнаго владѣнія. Такимъ образомъ, паденіе германской общины представляетъ долгій, мучительный процессъ; организмъ общины истощался медленно, его жизненные соки высасывались по частямъ, но онъ мужественно боролся съ судьбой... Что же, однако, расшатало устои германской общины? Прежде всего, война и, какъ ея результатъ, неравенство участковъ въ завоеванныхъ земляхъ. Далѣе, подражаніе чужимъ нравамъ, обычаямъ и порядкамъ, въ данномъ случаѣ римскимъ. Позже римское право стало орудіемъ обезземеленія и закрѣпощенія. Но оно дѣйствовало разрушительно и въ первоначальныя эпохи его рецепціи. Далѣе, постоянныя междоусобія, въ силу которыхъ возникала своего рода верховная власть одной общины надъ другой, что-то вродѣ сюзеренства. Но всѣ эти явленія не даютъ намъ надлежащаго ключа для объясненія происхожденія неравенства въ общинѣ. Дѣло въ томъ, что въ самой общинѣ существовалъ факторъ, подтачивающій общинное равенство. Это — принципъ „благородства крови“. Демократическій въ реальныхъ отношеніяхъ германецъ былъ аристократомъ по наклонностямъ. Издавна установился обычай выбирать вождей изъ среды аристократическихъ фамилій. Издавна знатныя семьи, въ силу господствующаго въ общинѣ потребительнаго принципа распредѣленія, получали больше земли, чтобъ имѣть возможность содержать челядь. При завоеваніяхъ вожди получали большіе участки. Иногда имъ удѣлялась и болѣе крупная доля въ общинныхъ земляхъ. Это было естественнымъ результатомъ военнаго характера германской жизни. Эти условія создали крупное земельное богатство верховныхъ особъ, имѣвшее роковое вліяніе на ходъ германской исторіи. Военные короли раздавали свои земли своимъ сподвижникамъ, но съ теченіемъ времени запасъ доменовъ истощился и очередь доходитъ до земель пустопорожнихъ, причемъ захватывались и такія земли, которыя уже были присвоены общинами. Раздача имѣній создала могущественное привиллегированное сословіе, которое вскорѣ добилось наслѣдственности леновъ и независимости отъ короля. Тогда оно обратило свои взоры къ свободнымъ общинамъ. Съ этихъ поръ начинается безстыднѣйшая работа, которую когда-либо видѣла исторія; она ведется то подпольно, то явно, путемъ насилія, захвата и грабежа. Въ этой разрушительной работѣ привиллегированнымъ насильникамъ пособили слѣдующія условія: 1) издавна существовавшая въ общинѣ свобода имущественныхъ сдѣлокъ. Въ возникновеніи такой свободы главную роль играли богатыя семьи общины, для которыхъ прежніе порядки были стѣснительны. Но эти порядки пустили такіе глубокіе корни въ общинной жизни, что знать имѣла мало шансовъ на побѣду. Но за нее была церковь; въ тѣ времена фанатизма и суевѣрія духовенству не трудно было добиться того, чтобы право даренія въ пользу церкви было свободнымъ. Съ теченіемъ времени свобода имущественныхъ сдѣлокъ становится общимъ правиломъ. 2) Рядомъ съ свободой отчужденія появляется огораживаніе земли и изъятіе ея изъ круговорота общинной жизни, отъ принудительной обработки. Естественнымъ послѣдствіемъ этого факта была идея о правѣ частной собственности на огороженную землю. Огораживаніе становится символомъ изъятія изъ общиннаго владѣнія. Свобода отчужденія и огораживаніе—два момента, разрушавшіе общинные обычаи въ отношеніи землепользованія. 3) Рядомъ съ этими экономическими факторами и въ одномъ съ ними направленіи дѣйствовалъ и факторъ политическій:

разрушеніе общинной автономіи. Тутъ главную роль играла власть государственная. Право утвержденія общинныхъ чиновниковъ превратилось въ право назначенія. Общинные суды тоже замѣняются государственными. Въ результатѣ явилось множество статутовъ, навязанныхъ общинамъ, идущихъ въ разрѣзъ съ коренными основами общинной жизни и направленныхъ къ одной цѣли—лишить общину послѣднихъ остатковъ самоуправленія. Старыя общинныя учрежденія не согласовались съ новой государственной организаціей и были приняты всѣ мѣры, чтобъ уничтожить крестьянское самоуправленіе. Этотъ процессъ продолжался много вѣковъ и завершился только въ XVIII вѣкѣ. И въ теченіе всего этого времени происходила самая беззастѣнчивая эксплоатація общинныхъ земель. Параллельно съ такимъ процессомъ паденія свободныхъ общинъ шелъ другой процессъ: закрѣпощеніе крестьянъ Это закрѣпощеніе представляетъ второй методъ уничтоженія общиннаго строя, дѣйствовавшій одновременно съ первымъ. (Напомнимъ читателю, что нѣкоторые изъ русскихъ изслѣдователей утверждали, что, наоборотъ, русская община своимъ происхожденіемъ обязана государству и особенно крѣпостному праву. Остатки такого воззрѣнія сохранились у насъ еще и теперь. Потому-то, по нашему мнѣнію, такъ и важно сравнительное изученіе судебъ общины у насъ и въ Германіи. Аналогія существуетъ поразительная, часто доходящая до полнаго сходства. Но дѣло въ томъ, что въ Германіи процессъ законченъ, а у насъ, продолжается. Мы еще дольше, чѣмъ Германія, сохранили остатки „варварства“. И это наше счастье.) Мауреръ называетъ крѣпостное право гробомъ для общиннаго строя, и, дѣйствительно, общины, не попавшія подъ власть помѣщика, долго сохраняли общинный строй. Въ Швейцаріи, тамъ, гдѣ помѣщичья власть исчезла, община воскресла, а тамъ, гдѣ она осталась, общинный строй погибъ. Это рельефно рисуетъ роль крѣпостного права въ паденіи общиннаго владѣнія (опять напомнимъ читателю, что, по мнѣнію многихъ славянофиловъ, у насъ общинный строй сохранился будто бы именно благодаря крѣпостному праву, и въ этомъ видѣли нѣкоторое оправданіе послѣдняго). Сравнивая тѣ роли, которыя играли въ паденіи общины духовенство и государственная власть,—говоритъ авторъ,—и помѣщики, мы можемъ сказать, что первые поставили общину у края наклонной площади, а вторые столкнули ее. Окончательно же ее доконала политика современнаго государства. Тутъ къ экономическимъ и практическимъ факторамъ историческаго процесса паденія общины присоединяется факторъ интеллектуальный, всегда появлявшійся въ процессѣ развитія позднѣе двухъ первыхъ. Такимъ факторомъ были экономическія и философскія теоріи XVIII вѣка (опять-таки такъ же, какъ у насъ въ 40-хъ годахъ и отчасти въ эпоху освобожденія). Нѣмецкіе экономисты требовали раздѣла общинныхъ земель. Сюда присоединилась и своеобразная историческая теорія, будто бы говорившая противъ общины. На основаніи этой теоріи, община—явленіе позднѣйшаго происхожденія, возникшее изъ частной собственности. Теорія объявляла общинное землевладѣніе противнымъ естественному праву и результатомъ феодализма. Такимъ образомъ, походъ противъ общины слился съ походомъ противъ феодализма въ защиту свободы и прогресса. (Любопытное переживаніе такихъ взглядовъ мы видимъ и въ наши дни у такъ называемыхъ псевдо-марксистовъ, и не только у насъ, а и въ той же Германіи. Припомните идейный разрывъ въ этомъ отношеніи, произошедшій не-

давно въ соціалъ-демократической партіи между молодыми и стариками.) Это ученіе соотвѣтствовало видамъ государственной власти, оно было усвоено государственными людьми и съ XVIII вѣка начинается рядъ мѣропріятій, клонившихся къ уничтоженію послѣднихъ остатковъ общиннаго землевладѣнія. Законодательство двухъ послѣднимъ вѣковъ нанесло послѣдній ударъ общинѣ. Вмѣсто того, чтобъ изслѣдовать общинные порядки, вникнуть въ принципы общинной жизни, оно руководилось абстрактными теоріями, не имѣвшими отношенія къ дѣйствительности. Реакція началась въ наши дни: поняли, какъ ошибочны были прежнія теоріи, но было уже поздно,—общины уже не существовало. Лучшіе знатоки сельскаго хозяйства и аграрной исторіи высказываются за возстановленіе общины (Мейтценъ, Мауреръ, Ганссенъ и даже Микель). Но не такъ-то легко возстановить разрушенное, тѣмъ болѣе, что съ измѣненіемъ экономической формы видоизмѣняются и психическіе факторы жизни и исторіи. Нѣмецкій крестьянинъ не тотъ, чѣмъ онъ былъ еще въ концѣ среднихъ вѣковъ и даже въ XVIII вѣкѣ. А, вѣдь, всѣ историческіе факторы: экономическій, политическій и интеллектуальный для успѣшности своего дѣйствія требуютъ извѣстной психологической среды. Мы въ этомъ отношеніи счастливѣе, если, конечно, сумѣемъ воспользоваться уроками и своего, и чужого прошлаго. Мы сохранили еще остатки своего „здороваго варварства“ и сохранили также извѣстную психологическую душевную складку, и не только въ народѣ, но и въ культурномъ обществѣ. Потому у насъ дѣятельность всѣхъ историческихъ факторовъ въ желательномъ направленіи въ значительной степени облегчается... Если только, повторяемъ, мы будемъ умны.

Статья г. Зака еще не кончена. Объ окончаніи ея не преминемъ сообщить читателямъ. Г. Лесевичъ продолжаетъ свою безспорно необходимую и, надѣемся, плодотворную борьбу противъ возрожденія метафизики. Пользуясь замѣтками одного французскаго студента, нѣкоего Бретона, онъ ведетъ читателя на родину метафизики, въ Германію, и указываетъ, что именно тамъ, на родинѣ, въ германскихъ университетахъ, „философы въ собственномъ смыслѣ“ пошли на убыль, а уровень философствованія въ области спеціальныхъ наукъ—на подъемъ. Саморазложеніе философіи, какъ отдѣльной науки, не только не положило конца философіи, но придало ей новую жизнь *(Французъ о современной нѣмецкой философіи)*. Высшее умозрѣніе,— разсказываетъ Бретонъ,— становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ; предаваясь ему, стараются скрыться, чуть не стыдятся. Послѣдній гегеліанецъ Михелетъ скончался прошлою зимой, его каѳедра занята психофизикомъ. Но за то „въ курсахъ отдѣльныхъ наукъ я нахожу философію въ изобиліи. Рѣдко случается, чтобы факультетъ не предложилъ одного или двухъ чтеній общаго характера,—такихъ, въ которыхъ профессоръ занимается опредѣленіемъ своей науки, изученіемъ ея принциповъ, ея метода и ея мѣста въ классификаціи наукъ. Между науками одного и того же порядка устанавливаются плодотворныя отношенія. Профессоръ нерѣдко переходитъ отъ одной спеціальности къ другой. Часто какой-нибудь экономистъ начинаетъ свой курсъ нѣсколькими лекціями по психологіи или логикѣ...“ Обособленная философія является въ Германіи лишенною своего содержанія, которое оказывается захваченнымъ спеціальными науками; поэтому убѣжденіе въ ненужности ея все болѣе и болѣе овладѣваетъ умами. Число представителей философіи въ собственномъ смыслѣ неизбѣжно убываетъ. Но изъ этого не

слѣдуетъ, чтобы какая-нибудь спеціальная наука, наприм. психофизика, стремилась замѣнить философію. На психофизику смотрятъ какъ на спеціальную науку, неразрывно связанную съ философіей, но, также какъ и всякая другая наука, не могущую поглотить философію. Г. Лесевичъ напоминаетъ, что проф. Милославскій еще въ половинѣ семидесятыхъ годовъ утверждалъ, что отъ, такъ называемой, метафизики остается теперь одно имя, что авторитетъ старыхъ философовъ и метафизиковъ упалъ и въ университетахъ, и въ образованномъ обществѣ. Метафизика въ университетахъ упала до того, что число слушателей у ея профессоровъ часто ограничивается тремя. Въ то время, когда г. Милославскій писалъ эти строки, полагали еще, что философія можетъ отождествиться съ теоріей познанія, съ психологіей или этикой, или со всѣми ими въ совокупности; тогда старались еще спасти ее. Теперь иллюзіи миновали; стало ясно, что философія, какъ отдѣльная наука, потеряла почву, что теорія познанія, психологія и этика должны быть тоже отнесены къ числу спеціальныхъ наукъ, что философіи остается или повторять высказанное другими науками, или вернуться къ апріорнымъ умозрѣніямъ и продолжать старую, проигранную метафизикой, битву. Нечего и говорить,—продолжаетъ почтенный авторъ,—что философскій характеръ спеціальныхъ наукъ не обязываетъ ученыхъ представлять законченныя философскія системы. Эрнстъ Махъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей научной философіи, говоритъ, что „высшая философія заключается въ допущеніи незаконченнаго міровоззрѣнія и предпочтеніи его мнимо-законченному". По словамъ Геринга, въ философіи „лучше остаться бѣднымъ, но честнымъ". И теперь еще многими теорія познанія и этика считаются науками по преимуществу философскими; но вотъ что говорятъ по этому поводу два спеціалиста въ этихъ отрасляхъ знанія — Риль и Лаасъ. Метафизика сравнительно съ наукой, по словамъ Риля, представляетъ устарѣлый, отсталый типъ мышленія. Убѣжденіе въ невозможности метафизическихъ системъ—одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ всеобщей теоріи науки. Это убѣжденіе не допускаетъ тратить умственныя силы на обсужденіе неразрѣшимыхъ, да и невѣрно поставленныхъ проблемъ. По мнѣнію Лааса, источникъ нравственныхъ сужденій слѣдуетъ искать не въ традиціи супранатурализма, а въ условіяхъ мѣста и времени,—не въ природѣ вещей, а въ сознаніи и въ чувствахъ человѣка. Потому этика должна быть *антропономною*. Всякое нравственное настроеніе развивается на почвѣ общественности. Разыскивая ихъ происхожденіе, мы доходимъ не до отвлеченныхъ положеній и врожденныхъ идей, а до потребностей и опыта. Этика должна ограничить себя разысканіемъ психологическаго и историческаго происхожденія и основы нравственныхъ законовъ и указаніемъ условій ихъ развитія. Не имѣя возможности перейти за предѣлы факта, этика не должна искать опоры ни въ метафизикѣ, ни въ какихъ иныхъ трансцендентныхъ доктринахъ. Что касается метафизики,—говоритъ Лаасъ,—то очевидна нелѣпость усилій, направленныхъ къ сведенію извѣстнаго на неизвѣстнаго и стремящихся къ возведенію хрупкаго зданія на колеблющемся грунтѣ.

Отъ философіи къ жизни. Г. А. К. въ своей корреспонденціи *Изъ Германіи* передаетъ содержаніе ряда лекцій проф. философіи Циглера: *Нѣмецкій студентъ въ концѣ XIX столѣтія*. Въ этихъ лекціяхъ Циглеръ касается вопроса о соціально-научныхъ студенческихъ обществахъ. Въ послѣдніе два года въ нѣмецкихъ университетахъ осно-

ванъ рядъ такихъ обществъ съ цѣлью знакомить членовъ съ явленіями общественной жизни. Реакціонное настроеніе теперь имѣетъ такую силу вездѣ въ Европѣ, что эти невинныя общества подвергаются преслѣдованіямъ. Циглеръ выражаетъ недоумѣніе и недовольство профессорами, которые не нашли въ себѣ энергіи отстаивать студенческія общества. „У кого хватитъ смѣлости,— говоритъ онъ,— лишить васъ возможности уже въ университетѣ учиться, знакомиться со всѣмъ тѣмъ, безъ чего немыслима теперь наша жизнь? Нѣтъ, окунитесь смѣло въ жизнь, взгляните открытыми глазами и яснымъ умомъ. Тотъ, кто совѣтуетъ вамъ оставить заботу о вопросахъ времени, кто старается всѣ ваши мысли и помышленія отодвинуть къ старымъ идеаламъ безмятежности, тотъ даетъ вамъ камень вмѣсто хлѣба". Далѣе онъ говоритъ объ участіи студентовъ въ жизни страны и указываетъ на возможность такого участія...

Г. Обнинскій въ своей коротенькой, но написанной съ тѣмъ драгоцѣннымъ юношескимъ пыломъ, который обыкновенно сохраняется до сѣдинъ, статьѣ *(Изъ области современной этики — маленькія дѣла)* указываетъ на примѣръ обществъ защиты дѣтей у насъ и за границей. У насъ это, несомнѣнно, только маленькое дѣло; въ Европѣ оно уже большое дѣло, и именно потому, что тамъ *раньше* маленькаго дѣла создались *великія* условія для полнаго его развитія. Стремленіе къ широкимъ задачамъ,—говоритъ почтенный авторъ,—вложено въ природу человѣка. Это сила, которой живетъ и движется міръ. И малыя, и великія дѣла одинаково свойственны человѣчеству, но только вторыя создаютъ исторію. Только равнодушіе и наивность могутъ вѣрить, что маленькія дѣла дадутъ великіе результаты. Да и что сказать о „маленькихъ людяхъ" и „незамѣтныхъ герояхъ", которымъ любой деревенскій кулакъ или урядникъ можетъ стать поперекъ дороги? Всѣ эти сестры милосердія, всѣ эти фельдшерицы, всѣ эти врачи-человѣколюбцы — святые люди, достойные благоговѣйнаго поклоненія; мы можемъ умиляться ихъ подвигами. Но нельзя же останавливаться на этомъ, нельзя же возглашать: не надо широкихъ задачъ и возвышенныхъ стремленій. Несправедливо, нечеловѣчно, неразумно проповѣдывать такимъ образомъ, хотя бы потому, что эти герои-жертвы тоже имѣютъ свои права и, прежде всего, право на свободу личной дѣятельности, на гарантіи своей личности. Маленькія дѣла могутъ идти успѣшно только тогда, когда имѣются и великія дѣла, когда впереди свѣтятся ясно поставленные идеалы и широкія задачи. Внѣ этого необходимаго условія маленькія дѣла будутъ велики только *субъективно* и никогда не сдѣлаются великими *въ смыслѣ общественнаго благополучія*. Они не могутъ возводиться въ самодовлѣющую программу общественной дѣятельности, не могутъ вести общество къ лучшему будущему. Для успѣха даже маленькихъ дѣлъ необходимы общественныя силы, преслѣдующія широкія задачи. Старая мудрость, гласящая: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, и которую съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи и лучшаго примѣненія пропагандируютъ намъ въ настоящее время оказывается непригодною прежде всего потому, что для осуществленія мудрой поговорки требуется все-таки, по крайней мѣрѣ гарантія этихъ самыхъ шестковъ, на которыхъ должны потихоньку да полегоньку распредѣлиться всѣ сверчки А достиженіе такой гарантіи, безъ сомнѣнія, есть уже великое или, по крайней мѣрѣ, большое дѣло.

Всякое большое дѣло дѣлается, однако, только при помощи чрезъ посредство общественнаго мнѣнія. Но какъ же быть, если об

щественное мнѣніе вообще оказывается безсильнымъ,—до того безсильнымъ, что, по словамъ г. Михайловскаго, въ наши тусклые, сѣрые дни требованія логической, нравственной и художественной благопристойности ослабѣли въ своемъ предупреждающемъ, устрашающемъ и карающемъ значеніи, что отдѣльныя мнѣнія всѣхъ не слагаются въ общественное мнѣніе, достаточно сильное, чтобы разнымъ безстыдникамъ стыдно стало. Въ этомъ безсиліи общественнаго мнѣнія, по мнѣнію г. Михайловскаго, и состоитъ характернѣйшая общая черта нашихъ дней. Люди здороваго ума и чувства есть, и ихъ даже не мало по нашему обиходу,—замѣчаетъ въ заключеніе г. Михайловскій,—но общества нѣтъ.

Несмотря на то, что къ положеніямъ, высказаннымъ почтеннымъ публицистомъ, можно бы было сдѣлать нѣкоторыя оговорки,—ну, хоть по поводу того, что напрасно г. Михайловскій утверждаетъ, будто въ Европѣ и декадентство, и изувѣрство имѣютъ историческую почву, а у насъ нѣтъ, что тамъ сложная пестрота и потому не одно, а нѣсколько обществъ и нѣсколько общественныхъ мнѣній, а у насъ не то,—такъ несмотря на то, что такія положенія могутъ представляться спорными, съ общими замѣчаніями г. Михайловскаго нельзя не согласиться. Общественное мнѣніе, дѣйствительно, въ наши тусклые дни есть или представляется особенно безсильнымъ, хотя желательно бы было узнать, когда у насъ оно не было безсильнымъ. Безстыдниковъ у насъ всегда было предостаточно, отъ Аскоченскаго и Скарятина въ эпоху освобожденія до патріотовъ своего отечества въ семидесятые годы. И никогда-то имъ не было стыдно. Теперь ихъ, пожалуй, побольше стало,—и даже по отношенію къ такимъ формамъ жизни, въ которыя раньше безстыдники не вторгались, вродѣ, наприм., „посвященій мнѣ и царицѣ Клеопатрѣ“. Побольше стало — это не значитъ, однако, чтобы безстыдники завладѣли всѣмъ полемъ общественной жизни и общественной дѣятельности, а, можетъ быть, значитъ именно то, о чемъ говоритъ г. Михайловскій по отношенію къ Европѣ, т.-е. что процессъ образованія у насъ разныхъ обществъ и разныхъ общественныхъ мнѣній подвинулся значительно впередъ. И вотъ выходитъ, что то общественное мнѣніе, представителями котораго являемся,—ну, хоть мы съ г. Михайловскимъ, — кажется безсильнымъ. Говоримъ—кажется, потому что дѣло, вѣдь, въ дѣйствительности-то совсѣмъ ужъ не такъ печально обстоитъ. Напомнимъ хоть бы о томъ единодушіи, съ которымъ отнеслись общество и общественное мнѣніе,—иначе, вѣдь, выразиться нельзя, — къ вопросу о соединеніи административной и судебной властей. Не замѣтить этого единодушія было невозможно для всякаго, кому приходилось поѣздить по нашимъ палестинамъ и потолковать съ людьми, принадлежащими къ разнымъ общественнымъ слоямъ. Разумѣется, улита ѣдетъ и когда-то будетъ. А пока вопросъ о дѣланіи, поставленный нами въ предыдущемъ обозрѣніи, остается открытымъ. Важно ужъ и то, что у насъ имѣются нѣкоторыя данныя для его рѣшенія.

Мы въ долгу предъ нашимъ читателемъ, такъ какъ давно уже не бесѣдовали съ нимъ о текущей беллетристикѣ. Кромѣ недостатка мѣста, на это имѣлась и такая важная причина, что и говорить-то было не о чемъ. Такъ скудна и мелка эта текущая беллетристика въ послѣднее время. Можетъ быть, это даже хорошій признакъ. Недавно умершій Дюма въ послѣдніе годы сомнѣвался въ возможности привлечь вниманіе публики беллетристическими произведеніями, потому что жизнь,

развивающаяся предъ читателемъ въ ежедневной прессѣ, куда интереснѣе всякаго романа. Мысль, повидимому, парадоксальная; но кто знаетъ, можетъ быть для нея кое-какія основанія и имѣются. Беллетристы—тоже люди, и люди интенсивно чувствующіе и мыслящіе. И именно потому, что они таковы, они и писать не могутъ въ эпохи ожиданія и, такъ сказать, нервнаго общественнаго состоянія. Тогда они молчатъ. И у насъ такихъ замолчавшихъ беллетристовъ найдется не мало, а еще больше такихъ, которые никакъ не могутъ уловить біенія общественнаго пульса и потому пишутъ вяло и неинтересно. Вотъ, наприм., г. Боборыкинъ. Писатель онъ умный, опытный и отзывчатый... Но послѣ того, какъ онъ написалъ свой неудачный романъ *Ходокъ*, онъ, очевидно, не знаетъ, на что ему нужно теперь отозваться, и пишетъ скучную и вялую повѣсть *Прозрѣла (Сѣверный Вѣстникъ)* на довольно-таки избитую тему о томъ, что въ любви и въ брачныхъ отношеніяхъ ничто: ни характеръ, ни красота, ни властолюбіе и самоувѣренность—не гарантируетъ женщину отъ несчастій, если она не позаботилась ранѣе пріобрѣсти, такъ сказать, основы существованія и независимости. Въ повѣсти г. Боборыкина вы видите два разбитыя существованія и по одинаковой, въ сущности, причинѣ, въ силу необезпеченности женщины, матеріальной и трудовой. Колымова, хорошаго человѣка, но физически некрасиваго, Квазимодо, бросаетъ жена и онъ сознаетъ, что такъ и должно было случиться, потому что женился онъ на красивой особѣ, не спрашивая ее объ ея чувствахъ къ нему; а она вышла за него замужъ потому, что ей нужно было пристроиться. И вотъ вспыхнуло чувство и жизнь Колымова разбита въ дребезги. Красавица Сергачева тоже вышла замужъ за богача золотопромышленника потому, что ей надо было пристроиться. Она женщина съ холоднымъ темпераментомъ, знавшая себѣ цѣну,—красавица и „первый номеръ“. Какъ первый номеръ, она не охотница дѣлить съ влюбленнымъ въ нее мужемъ его жизненныя заботы, и когда онъ живетъ на пріискахъ, она предпочитаетъ жить за границей или въ Крыму. Въ концѣ-концовъ мужъ ее бросаетъ и требуетъ развода, предлагая матеріальное обезпеченіе. Тогда она и „прозрѣла“, т.-е. поняла, что красота совсѣмъ не составляетъ гарантіи счастья. Надо предвидѣть, что она, несмотря на свою гордость и „первономерность“, возьметъ съ мужа деньги, ибо такой особѣ больше-то, пожалуй, и дѣлать нечего. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ же человѣкъ, въ теченіе десятка лѣтъ жившій однимъ сознаніемъ своей непреодолимости и „первономерности“, сразу сдѣлаться скромнымъ и трудолюбивымъ человѣкомъ. Ему приходится подчиниться суровымъ требованіямъ дѣйствительности, даже поступившись честью и самолюбіемъ. Въ этомъ его наказаніе. Какъ видите, идея повѣсти г. Боборыкина достаточно симпатична; но какъ все это старо, заѣзжено и вяло! И о чемъ тутъ бесѣдовать съ вами, читатель? И вся текущая беллетристика въ томъ же родѣ: чинно, благонамѣренно и скучно, — скучно до безчувствія. Нѣкоторые мудрые критики полагаютъ, что въ русской литературѣ происходитъ какое-то броженіе въ направленіи къ символизму, что идеалистическое вѣяніе все болѣе и болѣе захватываетъ русскіе таланты, что искусство переживаетъ переходную эпоху, что оно предчувствуетъ поэтическій экстазъ будущаго времени, когда воплотится въ совершенныхъ формахъ новая мистическая красота. Разумѣется, читателю приходится только ожидать, къ чему, наконецъ, приведутъ такія широковѣщательныя прорицанія, а пока онъ видитъ предъ собой или

сухія и вялыя попытки психологическаго анализа, или безпардонную дребедень съ обличительнымъ характеромъ, вродѣ не только психоза, но и прямо-таки безстыднаго произведенія г-жи Виницкой *(Бобровая шапка,—Русское Богатство)*, или, наконецъ, декадентскій бредъ, перепутанный съ грубымъ, преувеличеннымъ и пессимистическимъ натурализмомъ, вродѣ произведенія г. Сологуба *(Тяжелые сны,—Съверн. Вѣстникъ)*. Въ такой беллетристикѣ нѣтъ ни одной черты, ни одного штриха, которые могли бы затронуть читателя за живое, возбудить въ немъ если не настоящую художественную эмоцію, то, по крайней мѣрѣ, какую-нибудь новую и живую мысль. Съ горькою усмѣшкой и съ чувствомъ холоднаго презрѣнія онъ отворачивается отъ этихъ произведеній „какого-то броженія“ и идетъ къ тому, что можетъ занять его мысль и его чувство,—къ явленіямъ живой дѣйствительности.

Мы уже неоднократно говорили, что нашимъ беллетристамъ нельзя отказать въ талантливости. Можетъ быть, въ нашей литературѣ больше талантовъ, чѣмъ въ какой-либо другой изъ европейскихъ литера туръ. Но утѣшаться этимъ, однако, не приходится. Талантъ есть въ нѣкоторомъ родѣ пустой сосудъ, который можно наполнить любымъ содержаніемъ. И вотъ содержанія-то этого въ произведеніяхъ нашихъ беллетристовъ или совсѣмъ не оказывается, или оно весьма сомнительнаго свойства. Разумѣется, форма сосуда, болѣе или менѣе изящная, его окраска, болѣе или менѣе яркая, имѣютъ свою самостоятельную цѣнность; человѣчество хочетъ, чтобы здоровое и животворящее содержаніе искусства подносилось ему въ извѣстной красивой формѣ. И это не потому только, что въ душу человѣчества вложено вѣковѣчное стремленіе къ красотѣ, а на основаніи того общаго психологическаго закона, что одна художественная эмоція вызываетъ въ человѣкѣ большую или меньшую сумму другихъ родственныхъ эмоцій, одинъ художественный образъ сопутствуется большимъ или меньшимъ количествомъ ассоціированныхъ съ нимъ представленій и идей. И только такимъ путемъ достигается та жизненная и бьющая всѣми пульсами, играющая всѣми нервами полнота художественнаго произведенія, которая ставитъ его на одинъ уровень съ явленіемъ дѣйствительности. Тутъ то же, что съ человѣческимъ голосомъ. Каждая нота голоса сопутствуется большею или меньшею массой консонирующихъ, созвучащихъ тоновъ. И чѣмъ больше масса такихъ тоновъ, тѣмъ ярче, полнѣе и симпатичнѣе намъ голосъ пѣвца, тѣмъ болѣе магическое дѣйствіе онъ производитъ на насъ. Въ этомъ, собственно говоря, и заключается весь смыслъ настоящаго художественнаго символизма, въ отличіе отъ изысканнаго, ложнаго символизма нашихъ дней... Совершенно понятно, что при подобной точкѣ зрѣнія споръ объ искусствѣ для искусства, такъ много занимавшій нашихъ отцовъ и теперь вновь возродившійся, приводится къ простому недоразумѣнію. Съ одной стороны, излишне отстаивали форму въ ущербъ содержанію, а съ другой—были склонны забывать о нѣкоторой и несомнѣнной самоцѣнности формы. И, тѣмъ не менѣе, остается несомнѣннымъ, что форма, несмотря на свою самоцѣнность, играетъ меньшую роль въ искусствѣ сравнительно съ содержаніемъ; она, все-таки, остается пустымъ сосудомъ, хотя бы и очень изящной и очень яркой окраски. Въ художникѣ насъ привлекаетъ и всегда будетъ привлекать его содержаніе, какъ личности. Онъ тѣмъ дороже для насъ, чѣмъ шире, разностороннѣе, искреннѣе и одареннѣе могучими индивидуальными силами его личность, отражающаяся въ его произведеніи, чѣмъ

болѣе онѣ обладаютъ свойствомъ вызывать массы другихъ родственныхъ эмоцій. Само собою разумѣется, что въ искусство, кромѣ этихъ чисто-субъективныхъ элементовъ, входятъ и элементы объективные, интеллектуальные, идеи... И художественное произведеніе тѣмъ шире и полнѣе по своему дѣйствію, чѣмъ большее количество этихъ элементовъ входитъ въ него; такъ что вопросъ о самодовлѣющемъ искусствѣ, въ сущности говоря, или недоразумѣніе, или пустая игра словъ. Любопытно, что настоящіе художники постольку, поскольку они были художниками, всегда инстинктивно понимали это, хотя въ качествѣ философовъ часто утверждали противное и отстаивали искусство для искусства. Жоржъ-Зандъ въ одномъ своемъ романѣ говоритъ: *„поэтъ—это я.* То огненное сердце, которое выливается въ огненныхъ стихахъ—я не могу вырвать его изъ груди своей!“... „Что же такое поэзія? Не думаете ли вы, что это только искусство набирать слова?“... Въ томъ-то и дѣло, что для того, чтобы быть поэтомъ, надо имѣть огненное сердце и кромѣ того и еще нѣчто—огненный умъ, жгущій сердце огненными глаголами. А и сердце, и умъ не могутъ выйти изъ предѣловъ явленій дѣйствительности, изъ предѣловъ опыта и только къ нимъ могутъ примѣнять свой огонь, свой поэтическій пылъ. Субъективные и объективные элементы искусства сливаются въ одной общей и широкой сферѣ дѣйствительности, чуждой всякой мистики, хотя и не чуждой широкаго, естественнаго символизма. Никто, можетъ быть, въ нашей литературѣ не отстаивалъ съ такой энергіей и съ такимъ талантомъ самоцѣнности сосуда, какъ гр. А. Толстой. „Это ужасно,—пишетъ онъ Маркевичу,—какъ у насъ и въ Германіи въ послѣднее время отдалились отъ настоящей единой цѣли искусства, до какой степени его унизили, употребляя его какъ простое орудіе, чтобы доказать то или другое. Я, наконецъ, скажу что то, что хотятъ доказать, доказывается съ успѣхомъ лишь тогда, когда отказываются отъ желанія доказать, что художественное произведеніе, прекрасное само по себѣ, ненамѣренно доказываетъ всѣ истины лучше, нежели могутъ сдѣлать тѣ, что садятся за письменный столъ съ намѣреніемъ ихъ доказать посредствомъ художественнаго произведенія. Я утверждаю, что искусство не должно быть средствомъ, но оно въ себѣ содержитъ всѣ результаты, къ которымъ тщетно стремятся утилитаристы“. Это, какъ видите, очень грубая защита самоцѣнности сосуда и очень грубое описаніе процесса творчества людей, которые были склонны отрицать такую самоцѣнность. Дѣло въ томъ, что навряд ли когда-нибудь кто-нибудь изъ художниковъ, каковы бы ни были ихъ взгляды, садился за письменный столъ съ *намѣреніемъ* доказать что-нибудь. Въ такомъ случаѣ онъ не былъ бы и художникомъ. И тѣмъ не менѣе такое намѣреніе доказать было всегда присуще просто потому, что то, что доказывалось, было самимъ человѣкомъ-художникомъ, его личностью, было достояніемъ, выработаннымъ всей его жизнью, содержаніемъ всей его личности. И тогда, дѣйствительно, создавались художественныя произведенія большаго или меньшаго размѣра. Припомните, что именно въ то время, когда признавалось служебное значеніе искусства, у насъ и появлялись художественныя произведенія. Не говоря уже о старикахъ, въ то время допис вавшихъ свои мастерскія произведенія, у насъ появилась цѣлая плея большихъ и малыхъ художниковъ: Левитовъ, Помяловскій, Слѣпцо Успенскіе, Златовратскій. И подъ вліяніемъ тѣхъ же идей о служ ной роли искусства начинали писать и болѣе молодые беллетрис

Гаршинъ, Эртель, Каронинъ и рано умершій талантливый Новодворскій. Идея о служебности искусства, какъ видите, не мѣшала, хотя можетъ быть по своей формѣ она и не была вполнѣ правильной. Да это и понятно. У тѣхъ людей было то, что всего важнѣе въ искусствѣ — личное содержаніе, сильная индивидуальность. Самую лучшую иллюстрацію этой мысли даетъ самъ А. Толстой въ своей перепискѣ съ Маркевичемъ. Въ ней онъ только и дѣлаетъ, что рисуетъ и отстаиваетъ свою художественную индивидуальность, состоящую изъ выработанныхъ или полученныхъ имъ извнѣ идей, изъ его прирожденныхъ или пріобрѣтенныхъ склонностей, позывовъ и симпатій и антипатій. И вотъ его творчество, которымъ онъ, конечно, ничего не хотѣлъ доказывать, однако, доказывало, и доказывало именно то, что онъ хотѣлъ, т.-е. то, что онъ думалъ, чего онъ желалъ, къ чему онъ стремился,—иначе говоря доказывало, содержаніе его личности. Въ письмѣ его „къ другому лицу“ это выступаетъ еще рельефнѣе. Тутъ онъ даже безсознательно доходитъ до признанія служебной роли искусства, хотя отвергаетъ, конечно, грубую утилитарную форму этой идеи. „Смыслъ моей поэмы Донъ-Жуанъ былъ общечеловѣческій,— пишетъ онъ,—а содержаніе не только не относилось къ современнымъ вопросамъ, но заключалось именно въ любви къ прекрасному безъ всякаго примѣненія къ практической пользѣ. Это былъ случайный и невольный протестъ противъ практическаго направленія нашей беллетристики. Въ одномъ кругу ее сочли даже за неучтивость: что, молъ, когда дѣло идетъ о мировыхъ посредникахъ, онъ пришелъ толковать намъ о какомъ-то испанцѣ, который, можетъ быть, никогда и не существовалъ“. Это протестъ противъ идеи о служебной роли искусства въ ея грубой формѣ. Но тутъ же гр. Толстой даетъ такія разъясненія своихъ взглядовъ о роли искусства: „Отдавая полную справедливость непосредственнымъ двигателямъ отечественнаго преобразованія, ставя гражданскую дѣятельность весьма высоко, я не могу, однако, не упрекнуть враговъ искусства въ нѣкоторой близорукости и односторонности. Они какъ будто забыли, что броженіе вопросовъ, ихъ сильно занимающихъ, есть не что иное какъ примѣненіе къ жизни общихъ теоретическихъ истинъ, составляющихъ достояніе всего человѣчества. Уясненіе этихъ истинъ и приведеніе ихъ къ общему закону есть задача философіи, а облеченіе въ художественную форму—задача искусства. Законность и свобода, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознаніе народа; а оно зависитъ отъ развитія всѣхъ стремленій, удовлетвореніе которыхъ столько же важно для духовной стороны человѣка (безъ нея же никакое общество не мыслимо), сколько важны для его физической стороны воздухъ и пр. Чувство прекраснаго врождено всякому народу и можетъ быть задушено и подавлено въ немъ обстоятельствами не иначе, какъ въ ущербъ его нравственному совершенству. Тотъ народъ, въ которомъ оно развито сильно и полно, въ которомъ оно составляетъ потребность жизни, не можетъ не имѣть вмѣстѣ съ нимъ и чувства законности и чувства свободы. Онъ уже готовъ къ жизни гражданской и законодательству остается только освятить и облечь въ форму уже существующіе элементы гражданства“.

Мнѣнія, высказанныя гр. Толстымъ въ этомъ письмѣ, представляются намъ весьма спорными. Но дѣло не въ нихъ, а въ томъ, что и этотъ жрецъ чистаго искусства, горячо отстаивающій самоцѣнность пустаго

сосуда, въ сущности говоря, признаетъ, что безъ содержанія эта цѣнность, все-таки, не особенно высокая.

Сосудъ г. Ширкова, автора разсказа *Сази* (*Вѣстникъ Европы*), несомнѣнно, весьма высокаго качества. Онъ такъ изященъ, блещетъ такими яркими красками, такъ разукрашенъ не только простыми самоцвѣтами, но и подлинными драгоцѣнными камушками, что невольно привлекаетъ вниманіе. Мы не рѣшимся утверждать также, что онъ совсѣмъ пустой. Нѣтъ, содержимое въ немъ есть, но это содержимое весьма сомнительнаго свойства. Прежде всего наврядъ ли это содержимое можно признать вполнѣ оригинальнымъ. И въ формѣ и въ содержаніи разсказа г. Ширкова замѣтно довольно сильное вліяніе нашего великаго художника Толстого,—вліяніе, доходящее до подражанія даже въ языкѣ. Замѣтно и вліяніе новыхъ мистическихъ теченій нашей жизни, да притомъ довольно плохо продуманныхъ авторомъ и плохо приспособленныхъ къ сюжету разсказа. И, все-таки, форма блестящая и невольно притягиваетъ читателя. У автора большая сила изображенія и умѣнье возсоздавать образы и распредѣлять свѣтъ и тѣни. Нѣкоторыя мѣста, какъ, напримѣръ, смерть Сази, выписаны съ такой энергіей (хотя, къ сожалѣнію, нѣсколько растянуто), что, читая ихъ, трудно удержаться отъ симпатическихъ чувствъ состраданія. Такова форма. Каково же содержаніе, преподносимое читателю въ такой изящной, выработанной и энергичной формѣ?... Такъ какъ читатель, можно сказать, утопаетъ въ мутныхъ волнахъ журнальной беллетристики, то онъ легко могъ проглядѣть произведеніе г. Ширкова, и потому, волей-неволей, намъ приходится хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ передать его содержаніе.

Довольно видный чиновникъ, почти сановникъ, Григорій Сергѣевичъ Сермягинъ, женится на красивой и легкомысленной женщинѣ, которую онъ взялъ за красоту, не спрашивая ее, конечно, о любви. Самъ онъ страстно любитъ ее, да и вообще онъ образцовый семьянинъ и человѣкъ не столько добрый, сколько мягкотѣлый и простодушный. О служебныхъ его отношеніяхъ, о его взглядахъ и идеалахъ авторъ намъ ничего не сообщаетъ. Вообще Сермягинъ довольно типиченъ, но этотъ типъ столь же, очевидно, навѣянъ Карениным Толстого, хотя созданъ г. Ширковымъ, такъ сказать, въ пику Толстому и съ цѣлью реабилитаціи такого типа. Каренинъ—сухой карьеристъ и сухой доктринеръ-моралистъ, и любви ни въ комъ не возбуждаетъ и возбуждать не можетъ. Напротивъ, Сермягинъ, о служебной карьерѣ котораго мы только и знаемъ, что онъ очень дорожитъ ею и очень любитъ свою работу, такъ простодушенъ, что его всѣ любятъ, хотя и съ оттѣнкомъ нѣкотораго сожалѣнія и презрѣнія, какъ блаженнаго. Любятъ не только сослуживцы, подчиненные и курьеры, но даже и тотъ свѣтъ, въ которомъ онъ вращается, и который не очень-то склоненъ любить кого-нибудь, кромѣ себя, и что-нибудь, кромѣ своихъ пустыхъ наслажденій. До такой степени притягательны простодушіе Сермягина и его глуповатая, по всему лицу расплывающаяся улыбка, что онъ всюду желанный человѣкъ. Всѣ знаютъ о измѣнѣ его жены, о томъ, что ихъ дочка, Сази, въ которую Сермягинъ вложилъ всю свою душу, не его дочь, но это нисколько не разстраиваетъ ни семейнаго счастія Сермягиныхъ, ни отношенія къ нимъ свѣта. Наконецъ, Сермягинъ по случайно услышаннымъ словамъ, по загадочной запискѣ, по нѣкоторымъ соображеніямъ узнаетъ печальный секретъ. Узнаетъ и не трогается съ мѣста, ничего не измѣняетъ въ своей жизненной обстано-

кѣ. Отчасти по своему пониманію долга семьянина, отчасти по страстной любви къ дочкѣ, а всего болѣе по присущей ему апатичности и нежеланію вообще что-нибудь мѣнять и портить въ своей жизни. Онъ такой человѣкъ, который всему, чему угодно, способенъ подчиниться со смиреніемъ, лишь бы только ему оставили его Сази. Страсть его къ женѣ давно прошла, да наврядъ ли она при его покойномъ темпераментѣ и его мягкотѣломъ душевномъ складѣ и была когда-нибудь настоящею психическою страстью, а не просто позывомъ органически сильнаго, полнаго чисто-животныхъ соковъ человѣка. Во всякомъ случаѣ онъ терпитъ молча; молча несетъ наложенную на его плечи тяготу и кое-какъ налаживаетъ свою разрушенную жизнь. Анализъ его состоянія сдѣланъ г. Ширковымъ правдиво и ярко. Но жизнь, несмотря на всю добродѣтельность и любвеобильность Сермягина, все-таки, не налаживается. На его жену въ свою очередь налетаетъ шквалъ страсти. Легкомысленная бабенка увлекается красивымъ гвардейцемъ до такой степени, что бѣжитъ съ нимъ прямо съ бала. И когда Сермягинъ, опять-таки руководящійся отчасти своимъ идеаломъ, наполовину жизненнымъ, наполовину мистически-религіознымъ, о неразрушимости брака, а отчасти мыслью о той же Сази, отказываетъ ей въ разводѣ и предлагаетъ вернуться, такъ какъ онъ прощаетъ ей, то жена находитъ въ себѣ столько силы, что отказывается,—хотя гвардеецъ, очевидно, не прочь бы не расплачиваться бракомъ за свою ошибку, да и знатныя матушки и высшія сферы вмѣшиваются въ этомъ же смыслѣ и вообще настаиваютъ на прекращеніи скандала тѣмъ или инымъ путемъ, т.-е. или путемъ возвращенія къ мужу, или разводомъ и новымъ бракомъ. Дѣло оканчивается смертью Сази, лишенной матери, которой твердо убѣжденный въ своихъ добродѣтеляхъ Сермягинъ отказываетъ даже въ свиданіи съ дочкой, и за ней смертью самого Сермягина, который не въ состояніи пережить своей Сази, такъ какъ ему стало жить не зачѣмъ. Въ перспективѣ виднѣется наказаніе преступной и легкомысленной жены, которой гвардеецъ, вынужденный жениться на ней чуть не насильно, потомъ въ бракѣ задастъ жару... Какъ видите, сюжетъ разсказа г. Ширкова жизненъ, реаленъ и правдивъ. Мы уже говорили, что выписанъ разсказъ хорошо. Разсказъ производилъ бы довольно сильное впечатлѣніе, порождалъ бы настоящую художественную эмоцію, т.-е. возбуждалъ бы множество разнообразныхъ, но родственныхъ другъ другу образовъ, чувствъ и идей, если бы... Вотъ въ томъ-то и дѣло, что если бы...Мистическій ядъ, незамѣтно сочившійся въ фибрахъ разсказа, въ концѣ его ясно выступаетъ наружу и отравляетъ читателя. Вы подумайте только: этого добродушнаго простяка Сермягина, который въ теченіе всей своей жизни ничего не дѣлалъ кромѣ злыхъ ошибокъ, которыхъ нельзя назвать преступленіями только развѣ въ силу ихъ безсознательности; этого человѣка, который, въ сущности говоря, погубилъ не только себя, но и свою преступную жену, потому что женился на ней, руководясь простою чувственностью, и ни разу въ теченіе совмѣстнаго жительства не подумалъ о ея душевной жизни, ни разу не позаботился удержать и спасти ее (объ этомъ авторъ категорически заявляетъ); этого человѣка, наконецъ, который уморилъ единственное существо, которое онъ по настоящему любитъ, свою дочку Сази, уморилъ тѣмъ, что разбилъ ея маленькое сердечко, разлучивъ съ матерью, истрепалъ ея маленькія нервы, не давалъ ей дышать даже свѣжимъ воздухомъ изъ страха, чтобъ ее у него не украли, и потомъ,

само собой разумѣется, простудилъ въ первый же выѣздъ, такъ вотъ такого-то несчастненькаго простачка, который въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ возбудить только сожалѣніе, намъ преподносятъ... въ качествѣ чего бы, вы думали?—въ качествѣ истиннаго христіанскаго героя, дошедшаго до истинно-христіанской простоты и пониманія жизни, въ качествѣ образца для подражанія... „Это человѣкъ, за которымъ долговъ нѣтъ,—говоритъ авторъ устами нѣкотораго старичка Азимова.—Много ему было дано и онъ во всемъ послужилъ; взялъ все, что надо было взять, какъ умѣлъ, какъ Богъ далъ. Покуда была радость, онъ ничего другого слышать не хотѣлъ; тутъ же дано было и горе, но оно радости не мѣшало и онъ поэтому отъ него до поры отмахивался, потому что радость была главнѣе и онъ радость берегъ. А пришла печаль, онъ взялъ ее цѣликомъ, безъ остатка. Больно ему было и онъ, какъ простой человѣкъ, кричалъ, что больно—и такъ Богъ велѣлъ. Это тотъ же ропотъ боли человѣческой, который былъ и на крестѣ... И вся моя твоя, твоя моя... Вся жизнь его въ этихъ словахъ. Онъ все отдалъ, онъ все принялъ... умѣлъ любить и умеръ отъ любви... Она (Сази) была Божья и была дана ему на это... и онъ далъ ей всю свою любовь, безъ остатка... и только такой любовью человѣкъ можетъ быть прославленъ предъ Богомъ. И твоя моя и прославихся въ нихъ!“

Что же это, наконецъ, такое? До какихъ ужасовъ дойдемъ мы въ нашихъ блужданіяхъ по дебрямъ мистицизма? Онъ кричалъ отъ боли, какъ простой человѣкъ, и такъ Богъ велѣлъ. Да, это правда; отъ боли Богъ велѣлъ кричать, и чѣмъ громче, тѣмъ будетъ лучше. Но, вѣдь, Богъ велѣлъ человѣку и думать, и предвидѣть, и не дѣлать ошибокъ и злодѣяній. И въ чемъ же, наконецъ, критерій любви и приносимаго ею добра, какъ не въ томъ счастьи, которое человѣкъ долженъ разливать вокругъ себя—и чѣмъ шире, тѣмъ лучше? И какъ же можно разливать счастье, какъ не чрезъ посредство озареннаго свѣтомъ мысли чувства? Или въ самомъ дѣлѣ простому человѣку Богъ не повелѣлъ мыслить? Или въ самомъ дѣлѣ идеалъ простоты человѣческихъ отношеній заключается въ ихъ безсмысленности, въ ихъ животной непосредственности? Г. Ширковъ въ своемъ разсказѣ ставитъ вѣковѣчную проблему о существованіи зла въ мірѣ. И какъ онъ подѣтски, въ направленіи самаго первобытнаго антропоморфизма рѣшаетъ ее! Всю тяжесть этой проблемы онъ сваливаетъ на плечи Высшаго существа. И это Высшее существо представляетъ себѣ, какъ его представляетъ дикарь или ребенокъ, какъ капризнаго и самовольнаго младенца, которому, видите ли, для торжества высшей правды будто бы надобны смерть ни въ чемъ неповиннаго ребенка и наказаніе легкомыслія при посредствѣ того, что ему, этому легкомыслію-то, потомъ гусаръ задастъ... Да и вообще, махни на зло рукой и просто совершай необдуманныя и жестокія, потому что животныя, глупости и „прославишься въ нихъ“.

Дѣтское Чтеніе, *ноябрь*. Редакція, очевидно, задалась разумно цѣлью—привлечь къ участію въ дѣтской литературѣ лучшія силы на нашихъ писателей-художниковъ. Въ каждой книжкѣ журнала вы встрѣчаетесь съ такими именами, которыя привыкла уважать наша читающая публика. Въ ряду ихъ въ послѣднемъ выпускѣ слѣдуетъ отмѣтить г. Чехова, написавшаго разсказъ *Бѣлолобый*. Читая этотъ разсказъ невольно приходишь къ выводу о высокомъ значеніи настоящихъ призванныхъ писателей въ области дѣтской литературы. Эта литерату

много теряетъ отъ господства въ ней заказныхъ произведеній, писанныхъ не художниками слова, а досужими людьми, думающими, что писать для дѣтей можетъ всякій, кому угодно. Не обладая достаточно воображеніемъ, эстетическимъ вкусомъ, чутьемъ языка, пониманіемъ дѣтской натуры, сочинитель, пишущій по заказу, думаетъ, что весь секретъ его успѣха заключается въ хитро-сплетенномъ вымыслѣ. Онъ думаетъ также, что для дѣтей нужно непремѣнно писать только о дѣтяхъ. Не обладая должною наблюдательностью, каждый дѣтскій сочинитель заимствуетъ сюжеты у своихъ предшественниковъ, напоминая пословицу: воръ у вора дубинку укралъ.

Не то мы видимъ у писателей, обладающихъ истиннымъ творчествомъ. Если ихъ разсказы читаютъ дѣти, то это еще не значитъ, что они писались для дѣтей. Разсказъ, помѣщенный въ дѣтскомъ журналѣ, былъ бы всегда у мѣста и въ изданіи для взрослыхъ. Таковы помѣщенные въ ноябрьской книжкѣ очерки Чехова и Потапенка, а также прекрасное стихотвореніе молодого поэта г. Медвѣдева.

Сюжетъ г. Чехова необыкновенно простъ, несложенъ и даже трудно передаваемъ. Это—тонкая, занятная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно доступная для дѣтей психологія матери-волчицы. Не о дѣтяхъ написалъ и г. Потапенко. Его сюжетъ замѣчательно совпадаетъ съ сюжетомъ г. Чехова: у того волчица, а у него голодный волкъ. И, все-таки, никто не можетъ пожаловаться, чтобъ оба писателя повторяли другъ друга. Каждый даетъ свое. Изъ міра природы заимствовалъ свое стихотвореніе и г. Медвѣдевъ. Предметъ его вдохновенія — царство пернатыхъ—этихъ любимцевъ дѣтскаго мірка.

Умѣло взялась г-жа Лукашевичъ за пересказъ *Слѣпого музыканта* г. Короленка. Интересны и полезны по своему содержанію изложенныя г. Литвиненко кабардинскія сказанія о кавказскихъ вершинахъ: Эльбруса, Машука, Бештау. Съ удовольствіемъ прочтутъ дѣти статью, составленную г. Коропчевскимъ по Элизе Реклю: *Ручей и его исторія.*

Не только поименованныя, но и всѣ другія статьи читаются съ живымъ интересомъ и даютъ здоровую пищу „для сердца и разума“ дѣтей. Въ области дѣтской литературы журналъ достоинъ занять почетное мѣсто.

Въ только что вышедшей декабрьской книжкѣ помѣщена замѣчательно талантливая, блестящая сказка Е. Мамина-Сибиряка. Это — первоклассное произведеніе дѣтской литературы, — лучшее изъ всего, что намъ пришлось прочесть въ этой области въ теченіе послѣдняго года, а можетъ-быть и не одного только года. Озаглавлено это произведеніе такъ: *Сказочка про воронушку—черную головушку и желтую птичку — канарейку.*

Прекрасное, музыкальное стихотвореніе г. Величко *Изъ кавказскихъ напѣвовъ* проникнуто весеннимъ ароматомъ, чувствомъ искренняго преклоненія передъ величіемъ природы и здоровымъ, жизнерадостнымъ настроеніемъ. Такіе чудные стихи рѣдко пишутся для дѣтей. Для дѣтей пишутся плохіе стихи.

Разсказъ г. Потапенка *Голодъ*, оконченный въ этой книжкѣ, представляетъ собою цѣльную, стройную драму изъ жизни волка, въ которой авторъ мастерскимъ перомъ проводитъ идею о лютомъ голодѣ, какъ основной причинѣ всѣхъ золъ міра. Юное сердце не разъ сожмется отъ нѣжнаго чувства любви и жалости ко всему страдающему.

Въ наши дни, когда нѣкоторая часть молодежи слѣпо бросается въ омутъ декаденства и символизма, въ дѣтской литературѣ особенной

цѣны и уваженія заслуживаютъ тѣ произведенія, которыя внушаютъ дѣтямъ здоровое, жизнерадостное чувство. Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ и маленькій разсказецъ—миніатюра *Камень — валунъ* г. Соловьева-Несмѣлова.

Обращаетъ на себя вниманіе интересный разсказъ супруги нашего геніальнаго писателя, графини С. А. Толстой *Бабушкинъ кладъ*. Сюжетомъ послужило преданіе, относящееся къ эпохѣ 12-го года.

Въ разсказѣ есть черты, которыя принято называть толстовскими. Это—простота и искренность тона, любовь къ дѣтямъ и народу. Разсказъ интересенъ не для однихъ дѣтей.

Журналу, существующему подъ новою редакціей всего одинъ годъ и успѣвшему привлечь къ себѣ всѣ лучшія литературныя силы, нельзя не пожелать дальнѣйшаго успѣха и широкаго распространенія. Симпатичная его особенность заключается въ томъ, что онъ доступенъ не только для юныхъ читателей изъ интеллигентной сферы, но и для крестьянскихъ дѣтей — питомцевъ народной школы.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1895 годъ.

РЕЛИГІЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.—ПЕДАГОГИКА.

Бельтовъ, Н. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Кн. I, стр. 8.

Виндельбандъ. Философія Канта. Кн. IX, стр. 434.

Вопросы Философіи и Психологіи. Кн. I, стр. 7; кн. II, стр. 54; кн. IV, стр. 156; кн. VI, стр. 269; кн. X, стр. 490; Кн. XII, стр. 610.

Воспитаніе и обученіе, ежемѣсячный педагогическій листокъ, посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія. Кн. II, стр. 57.

Герценъ, А. Общая физіологія души. Кн. VIII, стр. 381.

Гойеръ, Г. Мозгъ и мысль. Кн. X, стр. 493.

Каптеревъ, П. Душевныя свойства женщинъ. Кн. XI, стр. 552.

Карѣевъ, Н. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Кн. IX, стр. 158.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. Кн. IX, стр. 433.

Крыловъ, А. Педагогическіе очерки. Вып. I, кн. XII, стр.

Леббокъ, Д. Какъ надо жить. Кн. VII, стр. 327.

Ледерле, М. (Изд.). Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія. Кн. IX, стр. 435.

Ломброзо, У. Геніальность и помѣшательство. Кн. X, стр. 494.

Маудсли, Г. Сонъ и сновидѣнія. Кн. VIII, стр. 382.

Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Кн. IX, стр. 435.

Педагогическіе курсы для учителей первой группы уѣздовъ Черниговской губ. Кн. VI, стр. 274.

Песковскій, М. Баронъ Н. А. Корфъ въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. Кн. VI, стр. 274.

Программы домашняго чтенія на первый годъ систематическаго чтенія. Кн. IX, стр. 434.

Пэйо, Ж. Воспитаніе воли. Кн. VI, стр. 272.

Рибо, Т. Современная германская психологія. Кн. X, стр. 492.

— О чувственной памяти. Кн. X, стр. 492.

Свѣчинъ, И. Опытъ изложенія началъ общечеловѣческой философіи. Кн. II, стр. 60.

Спиноза, Б. Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Кн. VII, стр. 324.

Фуллье, А. Декартъ. Кн. I, стр. 11.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. Кн. II, стр. 55.

Штевенъ, А. Изъ записокъ сельской учительницы. Кн. XI, стр. 553.

Adam, C. Bibliothèque de philosophie. Кн. V, стр. 222.

Binet, A. Introduction à la Psychologie expérimentale. Кн. II, стр. 58.

Hamon, A. Psychologie du Militaire professional. Кн. IX, стр. 436.

Paulhan, I. Bibliothèque de philosophie contemporaine. Joseph de Maistre et sa philosophie. Кн. I, стр. 9.

— Les Caractères. Кн. VII, стр. 325.

Roberty, E. Auguste Comte et Herbert Spencer. Кн. VI, стр. 270; кн. XI, стр. 550.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Андерсенъ. Собраніе сочиненій. Кн. VII, стр. 318.

Антеевъ, А. Живой портретъ и разсказы. Кн. VIII, стр. 374.

Апулей, Л. Золотой оселъ. Кн. VIII, стр. 376.

Бретъ-Гартъ. Собраніе сочиненій. Кн. VIII, стр. 376.
Быстренинъ, В. Житейскія были. Кн. I, стр. 2.
Величко, В. Записки духа. Кн. X, стр. 485.
Венгеровъ, С. Русская поэзія, Кн. V, стр. 209.
Вознесенскій, Л. Братья Шуйскіе. Кн. VIII, стр. 376.
Гнѣдичъ, П. Китайскія тѣни. Кн. X, стр. 487.
Гутмахеръ, И. Таганрогскіе мотивы Кн. III, стр. 105.
Гюго, В. Сочиненія. Кн. II, стр. 53.
— Собраніе стихотвореній. Кн. X, стр. 488.
Длусскій, К. Цвѣтокъ олеандра. Кн. XI, стр. 548.
Додэ, А. Маленькій приходъ. Кн. III, стр. 109.
Корневъ, А. Около золотого тельца. Кн. I, стр. 4.
Кушнеревъ, И. Сочиненія. Кн. XII, стр. 605.
Лаппо, Д. Бѣлорусскіе разсказы. Кн. IX, стр. 428.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Сибирскіе разсказы. Кн. I, стр. 1.
— Три конца. Кн. X, стр. 483.
Мережковскій, Д. Отверженный (Ром.). Кн. XI, стр. 545.
Михеевъ, В. Въ семьѣ и внѣ семьи. Кн. VII, стр. 216.
Наумовъ, Н. Въ глухомъ мѣстечкѣ. Кн. IX, стр. 428.
Немировичъ-Данченко, Вас. Маіоръ Бобковъ и его сироты. Кн. III, стр. 103.
— Воскресшія были. Очерки, разсказы, миражи. Кн. III, стр. 103.
Немировичъ-Данченко, Вл. Старый домъ (Мертвая ткань). Кн. IV, стр. 153.
Норманскій (Сигма). Оттуда. Разсказы. Кн. V, стр. 211.
По, Э. Баллады и фантазіи. Пер. К. Бальмонта. Кн. III, стр. 106.
— Таинственные разсказы. Пер. К. Бальмонта. Кн. XI, стр. 549.
Посредникъ (изд.). Къ чему жить? Сборникъ произведеній иностранныхъ авторовъ: Альгрена, Верга, Горнунга, Галеви, Киплинга, Лефлеръ, Ожешковой и др. Кн. IX, стр. 429.
Риттеръ, А. Наброски. Кн. XII, стр. 607.
Саловъ, И. Грёзы. Повѣсть. Кн. VII, стр. 315.
Свѣтловъ, В. Золоченая богема. Кн. VII, стр. 317.
— Кавказскія преданія и легенды. Кн. VII, стр. 317.
Сенкевичъ, Г. Семья Поланецкихъ. Кн. III, стр. 107.
Сеславинъ, Д. Первый сборникъ моихъ разсказовъ. Кн. V, стр. 210.
Скоттъ, В. Иллюстрированные романы. Кн. II, стр. 54.
Станюковичъ, К. Новые морскіе разсказы. Кн. II, стр. 53.
— Откровенные (Ром.). Кн. VIII, стр. 373.
Сѣрошевскій, В. Якутскіе разсказы. Кн. IV, стр. 154.
Тихонравовъ, Н. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина. Кн. IX, стр. 427.
Толстой, Л., гр. Сочиненія. Кн. IV, стр. 151.
Фирсовъ, В. Разсказы и легенды. Кн. XII, стр. 608.
Хинъ, Р. Макарка. Кн. IX, стр. 429.

Bibliothek der Gesammtliteratur. Der Revisor, Komödie von N. Gogol. Deutsch von F. Fiedler. Кн. IV, стр. 155.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

Брандесъ, Г. Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. Кн. IX, стр. 430.
Венгеровъ, С. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Кн. V, стр. 214.
Въ добрый часъ. Сборникъ въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Колом. жен. гимназіи. Кн. XII, стр. 609.
Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Кн. VII, стр. 321.
Карлетти, Т. Современная Россія. Кн. V, стр. 220.
Кривенко, С. На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. Кн. VI, стр. 263.
Лихачевъ, Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Кн. V, стр. 219.
Маркевичъ, А. И. А. Крыловъ и его басни. Кн. IX, стр. 430.
Обзоръ дѣятельности московскаго комитета грамотности. Кн. VIII, стр. 379.
Общество попеченія о народномъ образованіи въ г. Барнаулѣ. Кн. V, стр. 218.
Отчетъ о дѣятельности петербургскаго комитета грамотности за 1894 годъ. Кн. V, стр. 214.
Починъ. Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 годъ. Кн. V, стр. 213.
Пругавинъ, А. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Кн. IX, стр. 431.
Рубакинъ, Н. Этюды о русской читающей публикѣ. Кн. VI, стр. 267.
Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра. Кн. XII, стр. 610.

Свирскій, А. По тюрьмамъ и вертепамъ. Кн. VII, стр. 323.
Тверской, П. Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Кн. VII, стр. 321.
Утинъ, Е. Изъ литературы и жизни. Кн. XII, стр. 609.

---

de-Cyon, E. Etudes politiques. La Russie contemporaine. Кн. I, стр. 5.

ИСТОРІЯ.—АРХЕОЛОГІЯ.—БІОГРАФІЯ.—МЕМУАРЫ.

Автобіографія Гервинуса. Пер. Э. Циммермана. Кн. III, стр. 384.
Багалѣй, Д. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Кн. XII, стр. 613.
Барсуковъ, Н. Жизнь и труды Погодина. Кн. IV, стр. 161.
Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Кн. VI, стр. 276.
Буасскулъ, В. Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в. Кн. X, стр. 498.
Верещагинъ, В. Дѣтство и отрочество. Кн. VIII, стр. 387.
— На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Кн. XI, стр. 556.
Витевскій, В. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прошломъ его составѣ до 1758 г. Кн. XI, стр. 555.
Дерюжинскій, В. Habeas Corpus актъ и его пріостановка по англійскому праву. Кн. IX, стр. 441.
Исторія Греціи со времени пелопонесской войны. Библіотека для самообразованія. Вып. II. Кн. XII, стр. 614.
Лависса и Рамбо. Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Кн. XI, стр. 555.
Лакомбъ. Соціологическія основы исторіи. Кн. IX, стр. 442.
Лакуръ-Гайе, Ж. Историческія чтенія. Кн. VIII, стр. 385.
Лампрехтъ, К. Исторія германскаго права. Кн. III, стр. 110.
Лучицкій, И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. Кн. VII, стр. 328.
Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Кн. III, стр. 112.
Мюллеръ, А. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Кн. V, стр. 225.
Павленковъ, Ф. (Изд.). Жизнь замѣчательныхъ людей: Гракхи—Э. Гримма. Ротшильды — Е. Соловьева. Рембрандтъ—А. Калининой. Адольфъ Кетле—Райхесберга. Кн. III, стр. 113.
— Н. А. Добролюбовъ — Скабичевскаго, А. Кн. IV, стр. 166.
— Сервантесъ—Иомакіона. Кн. VII, стр. 330.
Павлиновъ, А. Исторія русской архитектуры. Кн. V, стр. 226.
Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. Кн. IV, стр. 165.
Петерсонъ, О. Семейство Бронтё. Кн. XI, стр. 557.
Полибій. Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Кн. VIII, стр. 382.
Сборникъ Императорскаго историческаго общества. Кн. XI, стр. 555.
Синицынъ, П. Преображенское и окружающія его мѣста. Кн. XII. стр. 615.
Смирнова, А. Записки. Кн. VIII, стр. 386.
Суворинъ, А. (Изд.). Сто великихъ людей. Дешевая библіотека. Кн. I—VI. Кн. II, стр. 61.
Филлиповъ, А. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Кн. VI, стр. 275.
Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Кн. X, стр. 500.
Чистовичъ, И. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Кн. XI, стр. 554.
Шенрокъ, В. Матеріалы для біографіи Гоголя. Кн. IV, стр. 165.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.—СТАТИСТИКА.

Берендтсъ, Э. Государственное хозяйство Швеціи. Кн. VI, стр. 276.
Благовѣщенскій. Сводный статистическій сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ переписямъ. Т. I. Крестьянское хозяйство. Кн. XII, стр. 619.
Бунге, Н. Очерки политико-экономической литературы. Кн. X, стр 501.
В. В. Очерки теоретической экономіи. Кн. II, стр. 61.
— Артель въ кустарномъ промыслѣ. Кн. II, стр. 68.
Волости и населенныя мѣста 1893 г. Кн. I, стр. 14.
Германская колонизація польскихъ провинцій Пруссіи. Кн. V, стр. 236.
Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Кн. X, стр. 506.
Главнѣйшія данныя поземельной статистики по обслѣдованію 1887 г. Кн. I. стр. 13.
Горнъ. Джонъ Ло. Опытъ изслѣдованія по исторіи финансовъ. Кн. IX, стр. 445.
Гофштетеръ, И. Доктринеры капитализма. Кн. V, стр. 233.
Денъ, В. Къ ученію о цѣнности. Кн. X, стр. 504.
Каменскій, Г. Государственное хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управле-

нія министерства тори 1887—88, 1892—93 гг. Кн. XI, стр. 559.
Кауфманъ, Р. Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ. Кн. VII, стр. 335.
Ланге, Ф. Рабочій вопросъ. Кн. IX. стр. 445.
Мальтусъ, Т. Опытъ закона о народонаселеніи. Пер. И. Вернера. Изд. Библіотеки экономистовъ. Кн. XI, стр. 562.
Мануиловъ, А. Аренда земли въ Ирландіи. Кн. V, стр. 229.
— Основы политической экономіи. Кн. IX, стр. 442.
Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Кн. I, стр. 12.
Миклашевскій, А. Деньги. Опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса. Кн. VI. стр. 278.
Рудневъ, С. Промыслы крестьянъ въ Европейской Россіи. Кн. II, стр. 69.
Смитъ, А. Сочиненія. Изд. Библіотеки экономистовъ. Пер. М. Щепкина. Кн. VII, стр. 335.
Статистика Россійской имперіи. Кн. VIII, стр. 391.
Ходскій, Л. Основы государственнаго хозяйства. Кн. V, стр. 231.
Эльсъ, О. Популярная политическая экономія. Кн. IX, стр. 442.

Bidoire, P. Tableau résumé du budget de l'Etat Français. Кн. V, стр. 235.
Guillaumin. Petite bibliothèque économique. Кн. VI, стр. 282.
Mahain, E. Les syndicats professionneles. Кн. II, стр. 65.
Quesnay, J. Tableau économique. Кн. IV, стр. 169.
Van-der-Smissen, E. La population, les causes de ses progrès et les obstacles qui en arrêtent l'essor. Кн. III, стр. 118.

Lux. Etienne Cabet und der ikarische Communismus, mit einer historischen Einleitung. Кн. I, стр. 14.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Васьковскій, Е. Учебникъ гражданскаго права. Кн. V, стр. 239.
Гольмстенъ, А. Юридическія изслѣдованія и статьи. Кн. X, стр. 508.
Градовскій, А. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Кн. IX, стр. 449.
Гуляевъ, А. Наемъ услугъ. Кн. IV, стр. 173.
Гурвичъ, Б. Задача уголовной политики Франца фонъ-Листа. Кн. VII, стр. 337.
Даневскій, В. Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформа. Кн. V, стр. 244.
Конторовичъ, Я. (Изд.). Юридическая библіотека. Кн. XI, стр. 568.
Мейеръ, Д. Русское гражданское право. Кн. V, стр. 239.
Отчетъ по главному тюремному управленію за 1893 г. Кн. X, стр. 510.
Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Кн. XI, стр. 564.
Соколовскій, П. Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву. Кн. IV, стр. 173.
Тарасовъ, И. Учебникъ науки полицейскаго права. Кн. IV, стр. 171.
Черновъ, А. Набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи. Кн. XI, стр. 566.
Шершеневичъ, Г. Учебникъ русскаго гражданскаго права. Кн. V, стр. 239.

Cosack, K. Das Staatsrecht des Grossenherzogthums Hessen. Кн. I, стр. 17.
Ehrenberg, V. Die deutsche Rechtsgeschichte und die juristische Bildung. Кн. IX, стр. 452.
Gareis, C. Über die Einfürung in das Studium der Rechtswissenschaft. Кн. IX, стр. 452.
Laband, P. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. Кн. I, стр. 17.
Stengel, K. Das Staatsrecht des Königreichs Preussen. Кн. I, стр. 17.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Алтайскій сборникъ. Изд. общества любителей изслѣдованія Алтая. Кн. III, стр. 114.
Гамовъ, И. Очерки далекой Сибири. Кн. VII, стр. 333.
Гнѣдичъ, П. Черезъ Черное море на Босфоръ. Путевыя замѣтки. Кн. XII, стр. 617.
Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Кн. VII, стр. 331.
Красновъ, А. По островамъ далекаго Востока. Кн. III, стр. 117.
— Основы землевѣдѣнія. Кн. VIII, стр. 389.
Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1891—93 гг. Кн. VIII, стр. 330.
Пергаментъ, О. Путевые очерки. По Дунаю. Нѣсколько дней въ столицѣ мадьяровъ. По Карпатамъ. Кн. XII. стр. 618.
Петри, Э. Путешествіе В. В. Юнкера по Африкѣ. Кн. XI, стр. 557.
Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая географія. Кн. I, стр. 11.
Сидоровъ, В. По Россіи. I. Волга.

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія отъ Валдая до Каспія. Кн. I, стр. 11.

Ухтомскій, Х., кн. Путешествіе Государя Императора Николая II на Востокъ въ 1890—91 гг. Кн. XII, стр. 616.

Финляндія въ XIX ст., изображенная въ словахъ и картинахъ финляндскими писателями и художниками. Кн. VI, стр. 276.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Базаровъ, А., и **Монтеверде, Н.** Душистыя растенія и эѳирныя масла. Кн. IX, стр. 456.

Богдановъ, М. Разсказы о птицахъ. Кн. XII, стр. 623.

Лидовъ, А. Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Кн. IX, стр. 456.

Ньюкомбъ, С., и **Энгельманъ, Р.** Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Кн. III, стр. 121.

Маевскій, П. Флора средней Россіи. Кн. VI, стр. 284.

Мензбиръ, М. Птицы Россіи. Кн. XII, стр. 622.

Палладинъ, В. Физіологія растеній. Кн. XII, стр. 622.

Покровскій, К. Путеводитель по небу. Кн. III, стр. 121.

Столѣтовъ, А. Введеніе въ акустику и оптику. Кн. V, стр. 245.

Хвольсонъ, О. Ученіе о движеніи и силахъ. Кн. IX, стр. 455.

Хрущовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Кн. XI, стр. 569.

Ostwald, W. Die wissenschaftlichen Grundlagen der Analitischen Chemie. Кн. IX, стр. 455.

МАТЕМАТИКА.

Объ основаніяхъ геометріи. Изд. физико-математическаго общества. Кн. I, стр. 19.

МЕДИЦИНА.

Альбрехтъ. Кормленіе дѣтей въ первый годъ жизни. Кн. XI, стр. 572.

Барацъ, В. Берегите глаза новорожденныхъ. Кн. XI, стр. 572.

Брюкке, Э. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кн. I, стр. 25.

Воронихинъ, Н. и **Анрепъ, В.** Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1895 г. Кн. II, стр. 75.

Гиппіусъ, А. Какъ поступать родителямъ при появленіи въ семьѣ острой заразительной болѣзни. Кн. III, стр. 122.

Гриневскій, А. Физическое воспитаніе въ школѣ. Кн. XI, стр. 572.

Демичъ, В. Очерки русской народной медицины. Кн. VII, стр. 343.

Какъ взростить здороваго ребенка (Совѣты и указанія молодымъ матерямъ). Кн. XI, стр. 572.

Кенигсбергеръ. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены. Кн. I, стр. 26.

Ковалевскій, П. Сифилисъ мозга и его лѣченіе. Кн. VIII, стр. 400.

Мокіевскій. Гигіеническія бесѣды. Кн. VII, стр. 343.

Подвысоцкій, В. Основы общей патологіи. Кн. II, стр. 75.

Риббингъ, С. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Кн. VIII, стр. 402.

Tedeschi. Пища маленькихъ дѣтей. Кн. XI, стр. 572.

Трояновскій, К. Здравоохраненіе личное и общественное. Кн. VI, стр. 285.

Уваровъ, М. Санитарное положеніе Тверской губ. Кн. II, стр. 16.

Фурнье, А. Лѣченіе сифилиса. Кн. I, стр. 25.

Шепердъ, Е. Матерямъ для дочерей. Кн. VI, стр. 287.

Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Кн. VIII, стр. 402.

Якубовичъ, В О пьянствѣ дѣтей и о вліяніи вина на дѣтскій организмъ. Кн. XI, стр. 572.

Эрисманъ, Ѳ. Второй годовой отчетъ Московской городской санитарной станціи, устроенной при гигіеническомъ институтѣ Импер. Моск. университета. Кн. I, стр. 22.

ТЕХНОЛОГІЯ.

Бикъ, А. Курсъ низшей геодезіи. Кн. X, стр. 513.

Блекслей, Т. Перемѣнные электрическіе токи. Кн. VIII, стр. 398.

Бобынинъ, В. Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. Кн. V, стр. 246.

Боровичъ, Л. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ. Кн. X, стр. 513.

Ванклинъ, А. Химія каменно-угольно-газоваго производства. Кн. X, стр. 515.

Веберъ, К. Плодовое и ягодное винодѣліе и его значеніе для Россіи. Кн. I, стр. 26.

— Практическое руководство по производству кирпича, черепицы, дренажныхъ трубъ, терракотовыхъ издѣлій и прочаго товара для архитектурнаго искусства. Кн. I, стр. 27.

— Корзиночное производство. Кн. I, стр. 29.

Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства Кн. VIII, стр. 398.

Кадіа, Е. и **Дюбостъ, Л.** Практическое руководство къ примѣненію электричества въ промышленности. Кн. II, стр. 74.

Каминскій, Н. Свѣтокопированіе. Кн. II, стр. 74.

Китаевъ, Н. Извлеченіе золота піанистымъ каліемъ въ Южной Африкѣ. Кн. X, стр. 515.

Коноваловъ, Д. Промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и современные пріемы химической технологіи. Кн. VII, стр. 339.

Коренблитъ, А. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Кн. IV, стр. 180.

Леонгардъ, А. Руководство для фабрикаціи чернилъ, ваксы, синьки и колесной мази. Кн. X, стр. 514.

Мартинсонъ, Т. Уксусъ. Скорая и медленная его фабрикація. Кн. XI, стр. 571.

Нестеровъ, Н. Карты фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ пояснительною запиской. Кн. VIII, стр. 397.

Нетыкса, М. Краткое руководство кузнечнаго дѣла, составленное для лицъ, начинающихъ работать, а также воспитанниковъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Кн. IV, стр. 179.

— Краткое руководство слесарнаго дѣла, составленное для лицъ, начинающихъ работать. Кн. IV, стр. 180.

— Техника черченія. Кн. V, стр. 247.

Никитинъ, К. Амбаръ и рига. Кн. IV, стр. 180.

Одесская школа десятниковъ по строительному дѣлу въ первые 18 мѣсяцевъ по ея учрежденіи. Кн. V, стр. 246.

Постниковъ, А. Основанія электротехники. Кн. II, стр. 73.

Рыловъ, М. Кожевенное производство. Кн. X, стр. 516.

— Практическое руководство къ выдѣлкѣ разнообразныхъ сортовъ и по различнымъ способамъ подошвенныхъ кожъ. Кн. XI, стр. 571.

Сулима, К. Несчастные случаи съ рабочими на свеклосахарныхъ заводахъ и мѣры предупрежденія ихъ. Кн. VIII, стр. 397.

Томковичъ, Е. Домашняя литографія. Кн. V, стр. 247.

Щепанскій, Ф. (Изд.). Политехническая библіотека. Кн. V, стр. 246.

— Ретушь и раскрашиваніе фотографій. Кн. X, стр. 515.

Эпштейнъ. Очеркъ физическихъ основаній электротехники въ общепонятномъ изложеніи. Кн. X, стр. 514.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Бекетовъ, В. Воронежская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Кн. IV, стр. 178.

Богдановъ, С. Иллюстрированный сельско-хозяйственный словарь. Энциклопедія сельскаго хозяйства. Кн. VII, стр. 341.

Бычихинъ, А. Состояніе огородничества на поляхъ, орошаемыхъ нечистыми водами г. Одессы. Кн. I, стр. 30.

Годовой отчетъ по мензелинской низшей сельско-хозяйственной школѣ 1-го разряда. Кн. VI, стр. 289.

Дьяковъ, В. Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1894 г. Кн. XI, стр. 570.

Золотаревъ, Л. Практическое значеніе сельско-хозяйственной литературы. Кн. X, стр. 518.

Измаильскій, А. Влажность почвы и грунтовая вода въ связи съ рельефомъ мѣстности и культурнымъ состояніемъ поверхности почвы. Кн. VI, стр. 288.

Исаковъ, М. Бесѣды дѣдушки Андрея объ уходѣ за домашнимъ скотомъ. Кн. X, стр. 517.

— Какъ и въ чемъ можно быть обманутымъ при покупкѣ лошадей. Кн. X, стр. 518.

Клоповъ, А. Обзоръ мукомольно-крупчатной промышленности въ Привольи въ 1892—93 гг. Кн. I, стр. 30.

Колосовъ, А. Оцѣнка имѣній. Кн. VII, стр. 343.

Куделька, Ф. Сахарная свекловица и ея культура. Кн. VIII, стр. 399.

Линдеманъ, К. О насѣкомыхъ, вредящихъ огороднымъ растеніямъ, и о мѣрахъ ихъ истребленія. Кн. II, стр. 78.

— О насѣкомыхъ, вредящихъ хлѣбнымъ зернамъ и мукѣ въ амбарахъ. Кн. II, стр. 73.

— О филоксерѣ и другихъ важнѣйшихъ врагахъ винограда и о мѣрахъ истребленія ихъ. Кн. VI, стр. 290.

— О насѣкомыхъ, вредящихъ лѣсамъ, и мѣры ихъ истребленія. Кн. X, стр. 518.

— О насѣкомыхъ, вредящихъ домашнимъ животнымъ и пчеламъ. Кн. XI, стр. 570.

Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади-кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Кн. VIII, стр. 399.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Полтавской губ. Кн. VI, стр. 289.

Мертваго, А. Не по торному пути. Изъ воспоминаній. Кн. VII, стр. 342.

Нестеровъ, А. Сахарный кленъ и клено-сахарное производство въ Сѣверной Америкѣ. Кн. VII, стр. 342.

Отчетъ по лѣсному управленію за 1893 г. Кн. IV, стр. 178.

Первый съѣздъ агрономовъ тамбовскаго губернскаго земства. Кн. X, стр. 518.

Результаты семилѣтнихъ опытовъ на опытномъ полѣ Полтавскаго губернскаго земства. Кн. VII, стр. 341.

Сборникъ свѣдѣній по плодоводству въ Закавказскомъ краѣ. Кн. X, стр. 517.

Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ

растеній на Кавказѣ. Кн. X, стр. 517.

Соболевъ, Н. Для чего устроенъ клинскій земскій опытный участокъ и что на немъ дѣлается. Кн. II, стр. 72.

Совѣтовъ, А., и Докучаевъ, В. Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. Кн. VI, стр. 289.

Соколовъ, А. Лошадь, строеніе ея тѣла и наружные признаки, опредѣляющіе здоровье, силу и годность ея къ работѣ. Кн. XI, стр. 570.

Сумцовъ, Н. Овраги, ихъ закрѣпленіе и облѣсеніе. Кн. II, стр. 73.

Томеро, А. Сельско-хозяйственныя страхованія. Кн. II, стр. 73.

Труды перваго областного съѣзда сельскихъ хозяевъ юго-восточной Россіи. Кн. I, стр. 29.

Труды экспедиціи, снаряженной лѣснымъ департаментомъ подъ руководствомъ пр. Докучаева. Кн. VIII, стр. 399.

Хамбергъ. О вліяніи лѣсовъ на климатъ Швеціи. Кн. II, стр. 71.

Шатерниковъ, М. Краткое описаніе жизни непарнаго шелкопряда и мѣры борьбы съ нимъ. Кн. II, стр. 72.

Шишкинъ, А. Сельско-хозяйственная экономія. Кн. IV, стр. 177.

Чуйковъ, Н. Курская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Кн. IV, стр. 178.

ИСКУССТВО.

Боклевскій, М. Типы изъ поэмы Н. В. Гоголя „Мертвыя души". Изд. Готье. Кн. IV, стр. 167.

Марксъ, А. 60 офортовъ профессора Ив. Ив. Шишкина. Кн. VIII, стр. 402.

Щегловъ, И. О народномъ театрѣ. Кн. IV, стр. 168.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Андреевская, В. Зайчикъ-Степанчикъ. Фантастич. разсказъ для самыхъ маленькихъ дѣтей. Изд. Битепажа. Кн. III, стр. 123.

— Киски-проказницы. Кн. III, стр. 123.

— Книжка-игрушка. Двѣнадцать разсказовъ для маленькихъ дѣтей. Кн. III. стр. 123.

— Лазутчикъ. Разсказъ изъ исторіи сѣверо-американской войны. Кн. III, стр. 123.

Астаховъ, И. Элементарные уроки русскаго правописанія. Кн. VI, стр. 291.

Битепажъ, Ф. (Изд.). Мамины сказки. Сборникъ лучшихъ сказокъ для дѣтей младшаго возраста по Францу Гофману, Гримму и Бехштейну. Кн. III, стр. 123.

— Басенка въ стихахъ. Кн. III, стр. 123.

— Сказка за сказкой. Сборникъ лучшихъ волшебныхъ сказокъ для дѣтей младшаго возраста по Гримму, Перрби и др. Кн. III, ст. 123.

Воскресенскій, Е. Темы и вопросы для письменныхъ упражненій на русск. яз. и литературныхъ бесѣдъ. Кн. VII, стр. 345.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Рождественская звѣзда. Кн. XI, стр. 577.

Дементьева, Н. Іоанна д'Аркъ. Кн. XI, стр. 576.

Еврипидъ. Трагедіи: Іонъ-Анкестида. Вакханки, пер. съ греч. Алексѣева. Кн. VII, стр. 346.

— Сцены изъ трагедіи Троянки. Пер. съ греч. О. Вейссъ. Кн. VII, стр. 347.

Женеврэ, А. Маленькій разнощикъ. Кн. III, стр. 125.

Игрушечка. Изд. Битепажа. Кн. III, стр. 123.

Ислентьевъ, В. Курсъ русскаго правописанія для начальныхъ народныхъ училищъ и школъ. Кн. IV, стр. 182.

— Сборникъ образцовъ систематическихъ диктовокъ по курсу русскаго правописанія и примѣрныя письменныя упражненія въ пересказѣ статей. Кн. IV, стр. 182.

Клейнъ. Астрономическіе вечера. Пер. съ нѣмецк. Изд. жур. „Міръ Божій". Кн. VIII, стр. 403.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Кн. III, стр. 125.

Костинъ, А. Элементарная практическая грамматика русскаго языка съ сборникомъ задачъ самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Кн. VI, стр. 292.

— Систематическій диктантъ по русскому языку. Кн. XI, стр. 574.

Лабулэ, Э. Голубыя сказки. Изд. А. Девріена. Кн. III, стр. 125; кн. VII, стр. 347.

Ледерлэ (Изд.). Послѣдній изъ рода Гортензіевъ. Разск. изъ римской жизни. Кн. III, стр. 126.

Леховскій, В. Настольная книга для учащихся. Кн. II, стр. 77.

Лукашевичъ, К. Хлѣбныя зерна.— Трубочистъ. 2 разск. для дѣтей. Кн. III, стр. 126.

Лялина, М. Путешествіе по Туркестану Н. А. Сѣверцова и А. П. Федченка. Кн. III, стр. 125.

Макарова, С. Суета-суетъ. Историч. пов. для юношества. Кн. I, стр. 31.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Сказки и разсказы для дѣтей младшаго возраста. Кн. XI, стр. 577.

— Акъ-Базатъ. Кн. XI, стр. 577.

Мечъ, С. Россія. Географ. сборн. для чтенія въ семьѣ и школѣ. Кн. XI, стр. 576.

Мироновъ, Н. Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку. Кн. VII, стр. 344.

Михайлова, А. За кулисами. Разсказъ. Кн. III, стр. 126.
Мусселіусъ, В. Русско-латинскій словарь. Кн. VII, стр. 346.
Тартюховъ, И. Курсъ начальной географіи. Кн. II, стр. 76.
Платѣевъ, Л. Хронологія. Кн. VIII, стр. 404.
Поповъ, В. Образовательныя игры и занятія въ дешевыхъ изданіяхъ. Кн. IX, стр. 458.
Потебня, А. Изъ лекцій по теоріи словесности. Кн. XI, стр. 575.
Прохоровъ, А. Вертикальное письмо. Кн. III, стр. 405.
Рогова, О. Ласточкино гнѣздо и др. разсказы для дѣтей. Кн. I, стр. 31.
Сиротъ, И. Практическіе курсы русскаго правописанія. Кн. IV, стр. 181.
Смирнова, В. Послѣ урока. 8 разск. для дѣтей. Кн. III, стр. 123.
Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. Маленькія дѣти. Разсказъ. Кн. XI, стр. 576.
Спиридоновъ, А. Географія Россійской имперіи для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Кн. VI, стр. 293.
Хвольсонъ, А. Ручеекъ. Разсказы для дѣтей изъ естественной исторіи и дѣтской жизни. Кн. III, стр. 125.
Чудиновъ. Русская классная библіотека. Вып. I. Слово о полку Игоря. Кн. IX, стр. 457.
Шельцель, К., и Непокойчицкій, И. Русская азбука. Кн. VIII, стр. 403.
Яхонтовъ, И. Родной языкъ. Кн. VI, стр. 290.

Fenelon. Les aventures de Télémaque fils d'Ulysse. Кн. VIII, стр. 404
Rollin. Biographie de Cimon. Кн. VI, стр. 293.
Schölzel, K. Deutsche Fibel oder Erstes Lesebuch. Кн. VIII, стр. 403.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Абрамовъ. Таинственный монахъ. Кн. XI, стр. 581.
Андерсенъ. Она никуда не годилась. Кн. VII, стр. 351.
— Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Кн. VII, стр. 351.
Аполловъ, А. Необыкновенный случай. Кн. VII, стр. 298.
Бажаевъ, Б. О полевомъ травосѣяніи въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Кн. IX, стр. 461.
Борисовъ, Н. Петръ Пахтусовъ. Кн. VIII, стр. 407.
Бѣдныя дѣти. Сборникъ разсказовъ. Кн. VI, стр. 298.
Бѣлая береза. Сборникъ. Кн. VI, стр. 298.
Бѣлевичъ, К. Лѣсное хозяйство. О сбереженіи лѣса и разведеніи лѣсныхъ деревьевъ. Кн. IX, стр. 461.
Валуева-Мунтъ, А. Авраамъ Линкольнъ. Кн. VIII, стр. 407.
Виноградовъ, Н. Что такое заразная болѣзнь и какъ себя отъ нея предохранить. Кн. IV, стр. 186.
Вовчокъ, М. Саша. Козачка. Одарка. Горпина. Сестра. Ледащая. Кн. III, стр. 130.
Гаршинъ, В. Трусъ. То, чего не было. Лягушка-путешественница. Гордая пальма. Сказаніе о гордомъ Аггеѣ. Кн. III, стр. 131.
Гоголь, Н. Сочиненія. Иллюстрированное народное изданіе. Кн. VI, стр. 298.
Голохвастовъ, К. Наталія, или русская женщина въ войну 1813 г. Кн. X, стр. 519.
Грековъ, К. Елизавета, ландграфиня тюрингенская. Кн. VI, стр. 297.
Грэндъ, С. Денщикъ Канъ.—Дженни, всему дому голова. Кн. VII, стр. 351.
Губановъ, Е. (Изд.). Громобой, новгородскій воевода. Истор. пов. — Панъ Твардовскій, польскій колдунъ. — Приключенія отставного солдата Архипа Кузьмича. Старинное народное преданіе. Кн. X, стр. 523.
Даровъ, А. Горячее сердце. Кн. VI, стр. 298.
Диккенсъ, Ч. Скряга Скруджъ. Кн. III, стр. 131.
Дмитріевъ. Новое удобреніе.—Покосы и пастбища. Кн. VII, стр. 353.
Добротворскій, П. Большакъ.—Простая душа. Кн. VII, стр. 347.
Домбровскій, Ф. Благочестивый пахарь. Кн. XI, стр. 579.
Дружининъ, Н. Какіе способы даетъ законъ для борьбы съ пьянствомъ. Кн. V, стр. 251.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. Изд. Моск. комитета грамотности. Кн. III, стр. 127; кн. IV, стр. 186.
Засодимскій, П. Въ метель и вьюгу. Свят. разск. Кн. VI, стр. 298.
Золотаревъ. О яблочномъ червѣ. Кн. VII, стр. 353.
Калмыкова, А. (Изд.). Праздники и зрѣлища у различныхъ народовъ.—Въ турецкой неволѣ.—Тяжкіе грѣхи темныхъ людей.—Крестьянское хозяйство и книга Я. А. Кн. V, стр. 251.
Козловъ, И. Наталья Долгорукая. Поэма. Кн. IV, стр. 183.
Кольцовъ, А. Избранныя стихотворенія. Кн. IV, стр. 183.
Королевъ. Геройскій подвигъ женщины-воина или гусарскій мундиръ. Кн. X, стр. 521.
Короваевъ, А. Совѣты беременнымъ и бабкамъ-повитухамъ. Кн. IX, стр. 462.

Круковскій, М. (Изд.). Рождественская ночь. — Корка хлѣба. — Нашелъ, гдѣ не искалъ. Кн. II, стр. 78.

Крыловъ. Басни. Кн. III, ст. 131.

Лаврскій, К. Лучшее средство противъ пожарныхъ бѣдствій. Наставленіе какъ строить дома и дѣлать крыши изъ глины съ соломой. Кн. IX, стр. 461.

Ледерле, М. (Изд.). Моя библіотека. Фритіофъ, изложилъ П. Борисова.—Путешествіе Ч. Дарвина въ передѣлкѣ М. Лялиной. Кн. VIII, стр. 408.

Малорусскія сказки. Сборникъ. Кн. VII, стр. 351.

Малымъ ребятамъ (кн. IV—VII). Кн. VI, стр. 298.

Мамаевъ, П. Полезныя и вредныя для человѣка животныя. I. Хомякъ, ласка, ежъ и кротъ. Кн. IV, стр. 186.

Маминъ, Д. Три друга. Кн. VI, стр. 298.

Международная библіотека г. Бейренсона и І. Юровскаго. Кн. V, стр. 248.

Мижуевъ, П. Ричардъ Кобденъ. Кн. VIII, стр. 406.

Мопассанъ, Г. Месть. Кн. VI, стр. 298.

— Семушкинъ отецъ и Веревочка. Кн. VII, стр. 347.

Морозовъ (Изд.). Бога бойтеся, царя чтите. Кн. XI, стр. 579.

Народный календарь. Кн. VII, стр. 353.

Невѣрный, Ж. Путешествіе на луну купца Труболетова. Кн. XI, стр. 581.

Некрасова, Е. Актеръ Яковлевъ.— Больше, чѣмъ родная. Кн. VII, стр. 352.

Некрасова, М. Бѣшеный волкъ. Быль. Кн. VII, стр. 351.

Немировичъ-Данченко, В. Избранныя стихотворенія. Кн. IV, стр. 183.

— Абдулка-музыкантъ.—Турчаночка. Кн. VI, стр. 298.

Нефедовъ, Ф. Безоброчный. Кн. III, стр. 131.

Никитинъ, И. Избранныя стихотворенія. Кн. IV, стр. 183.

Пасынковъ, Я. Простое слово о мудреной наукѣ. Кн. VII, стр. 352.

Пеккаторосъ, Г. (Изд.). Общедоступная библіотека. Серія I. Природа. № 1. Физическая географія. 2. Міръ животныхъ. 3. Явленія въ атмосферѣ. 4. Законы вселенной. Кн. VIII, стр. 409.

Плещеевъ, А. Избранныя стихотворенія. Кн. IV, стр. 183.

Плодовый садъ. Разведеніе и уходъ за нимъ. Кн. IX, стр. 461.

Посредникъ (Изд.). Пѣсни Германіи. Пѣсни Англіи и Америки. Кн. VI, стр. 296.

Потапенко, И. Шестеро. Кн. III, стр. 131.

— Земля. Кн. VI, стр. 296.

Праведный старецъ (Пов.). Кн. VI, стр. 297.

Прянишниковъ, П. (Изд.). Пила и Сысойка.—Иголка. Кн. VII, стр. 350.

Рахмановъ, В. О работахъ вредныхъ для здоровья и о томъ, какъ уберечь себя отъ нихъ. Кн. IX, стр. 462.

Рескинъ. Царь золотой рѣки. Кн. VII, стр. 351.

Рудинъ. Заразныя болѣзни, ихъ признаки. Уходъ за больными. Средство уберечься отъ заразы. Кн. IX, стр. 462.

Самойловъ, В. Спартакъ. Кн. VII, стр. 352.

Сборникъ избранныхъ произведеній русской поэзіи. Кн. VII, стр. 353.

Селивановскій, И. Сельско-хозяйственные разсказы. Кн. I, стр. 37.

Семеновъ, С. Страшное дѣло.—Шинтоносъ.—На свою голову.— Настасья Большенина. Кн. VI, стр. 298.

Сенкевичъ, Г. Мальчикъ-геркулесъ. Кн. VII, стр. 350.

Серебряковъ, Л. Кометы и падающія звѣзды. Кн. VII, стр. 352.

Сиротка Молли (Сборн.). Кн. VI, стр. 298.

Сиротская доля (Сборн.). Кн. VI, стр. 298.

Сперанскій. О дурной болѣзни. Кн. VII, стр. 353.

Суриковъ. Дѣтскіе годы.—Пѣсни горя-злосчастья. Кн. VI, стр. 296.

Толстой, Л. Хозяинъ и работникъ. Кн. VI, стр. 294.

Толстая, В. Дочь каторжника или изъ кузницы въ богатство (по Диккенсу). Кн. VI, стр. 297.

Федьковичъ, О. Какъ родные братья. Кн. VI, стр. 296.

Хавскій. На судъ присяжныхъ. Кн. VII, стр. 353.

Ч—кій. Митя (по Диккенсу). Кн. VII, стр. 351.

Черскій, Л. Св. Елизавета Тюрингенская. Кн. VIII, стр. 407.

„Читальня народной школы", журналъ для грамотныхъ крестьянъ и для учениковъ народныхъ школъ. Кн. I, стр. 31.

Шараповъ, С. (Изд.). „Восточные цвѣты". Избран. произведенія славянскихъ, мадьярскихъ, финскихъ, румынскихъ и греческихъ писателей въ русскомъ переводѣ. Кн. II. стр. 80.

Шевченко, Т. Работница. Кн. IV, стр. 185.

Юрьева, А. Отелло, венеціанскій арабъ, и прекрасная Дездемона или безуміе ревности (пов. по Шекспиру). Кн. VI, стр. 297.

Я. М. Обезьяны Стараго и Новаго Свѣта (по Брэму). Кн. VII, стр. 352.

Янишевскій. О воздухѣ. Кн. VII. стр. 352.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ И КАЛЕНДАРИ.

Бастенъ, И. Французско-русскій словарь. Кн. XI, стр. 582.

Брокгаузъ, Ф., и Ефронъ, И. Энциклопедическій словарь. Кн. III, стр. 132.

Гавкинъ, Н. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Кн. XI. стр. 583.

Гатцукъ А. Крестный календарь на 1896 г. Кн. X, стр. 524.

Гранатъ, А. и К°. Настольный энциклопедическій словарь. Кн. V, стр. 255.

Гурьевъ, Н., и Долгоруковъ, В. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Кн. X, стр. 523.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Кн. V, стр. 252.

Златогорскій, Н. Первый Западно Русскій справочный календарь на 1895 г. Кн. I, стр. 37.

Москвичъ, Г. Практическій путеводитель по Крыму. Кн. IV, стр. 189.

— Практическій путеводитель по Черному морю. Кн. VIII, стр. 409.

Отчетъ Императорской публичной библіотеки. Кн. XI, стр. 582.

Прянишниковъ, П. Народный календарь на 1895 г. Кн. I, стр. 37.

Ределинъ, М. Домъ и хозяйство. Кн. IV, стр. 187.

Ступинъ, А. Современный календарь на 1896 г. Кн. X, стр. 525.

Суворинъ, А. Вся Россія. Русская книга промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и администраціи. Торгово-промышленный адресъ-календарь Россійской имперіи. Кн. III, стр. 131

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1895 г.

Базилевскій, М. Іосифъ-Соломонъ Дельмедиго изъ Кандіи. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Балобанова, Е. Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Спб., 1896 г.

Барнардъ, Чарльсъ. Богатство отъ земли. М., 1895 г. Ц. 30 к.

Велецкій, С. Н. Полтавская губернская сельско-хоз. выставка 1893 года. Полтава, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Веревскій, Ф. А. Очеркъ литературной дѣятельности И. А. Крылова. Г. Немировъ, 1895 г.

Верещагинъ, В. В. Иллюстрированныя автобіографіи нѣсколькихъ незамѣчательныхъ русскихъ людей. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Наполеонъ I въ Россіи 1812 г. М., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— На сѣверной Двинѣ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Винаверъ, М. М. Къ вопросу объ источникахъ X тома свода законовъ. Спб., 1895 г.

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Нѣмцы. Спб., 1895 г. Ц. 40 к.

Волховская, Анна. Четыре малороссійскихъ разсказа. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Въ добрый часъ. Сборникъ въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Коломенской женск. гимназіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гнѣдичъ, П. П. Черезъ Черное море на Босфоръ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1896 г.

Гранатъ. Настольный энциклопедическ. словарь. Выпуски: 11, 12. 13, 14, 15. М. 1895 г.

Гринфельдъ, А. И., и Спичка, Ф. Ф. Уходъ за кожей и ея придатками. Спб., 1895 г.

Дебольскій, Н. Н. Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ. Спб., 1895 г.

Демме. Вліяніе алкоголя на дѣтскій организмъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Дюковъ, Е. Я. Что такое гомеопатія. Харьковъ, 1895 г. Ц. 25 к.

Eugen von Bergmann. Die Wirtschaftskrisen. Geschichte der National-oekonomischen Krisentheorien. Stuttgart. 1895.

Заринъ, Ф. Е. Стихотворенія. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Зеландъ, Н. Л. Здоровье и счастіе. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Земскій сборникъ Черниговск. губ. 1895 г. № 6-й. Черниговъ, 1895 г.

Казанская справочная книга за 1895 г. Изд. Иванова, годъ II-й. Казань, 1895 г. Ц. 30 к.

Кайданова. Школа. Харьковъ. Ц. 3 к.

Кауфманъ, Я. Дьявольская трель. Варшава, 1895 г. Ц. 20 к.

Кейръ, Ф. Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Кернъ, Э. Э. Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. Изд. 2-е. Тула, 1896 г. Ц. 1 р.

Кернеренко, Грыцько. Въ досужый часъ. Харьковъ, 1896 г. Ц. 50 к.

Клоссовскій, А. Труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи въ 1895 г. Вып. VII-й. Одесса, 1895 г.

— Лѣтописи метеорологической обсерваторіи.

Козьминъ. Списокъ врачей г. Казани. 1895 г. Ц. 30 к.

Kozlovsky, Vl. M. Klasyfikacya umiejetnosci. Varchava. 1896 г.

Коринескій, Аполлонъ. Черныя розы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Кропивницкый, М. Л. Полный сборникъ твореній.

Кузнецовъ - Красноярскій, И. П. Поѣздка г. Адріанова по южнымъ частямъ Томской и Енисейской губерній лѣтомъ 1883 г. Томскъ, 1895 г.

Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Ланге, К. Художественное воспитаніе въ дѣтской. Москва, 1895 г. Ц. 50 к.

Лебланъ, Рене. Основы земледѣлія. Спб., 1895 г.

Лейкинъ, Н. А. Тщеславіе и жадность. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Л. Г. Стихотворенія. Отклики жизни. Больныя души. Ипатія. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Лѣсеневичъ, В. М. Очерки изъ исторіи медицины. Вып. I-й. Кіевъ, 1895 г.

Максимовъ, Е. Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія. Спб., 1895 г.

Миловидовъ, А. И. Достопримѣчальныя села Тульской губ. В. I и II. Тула, 1895 г. Ц. по 35 к.

Миловановичъ. Дело лист за науку, книжевност и друштвени живот. Београд. 1895 г.

Михайловъ, Н. Ф. Отчетъ училищнаго совѣта за 1894—95 учебн. годы. М., 1995 г.

Народный календарь изд. Пряшникова. 1896 г. Ц. 20 к.

Нефедовъ, Ф. Святочные разсказы. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Новицкая, А. На краю свѣта. Харьковъ, 1895 г. Ц. 3 к.

Orzeszkowa, Eliza. Melancholicy Nowelle. 2 t. Warszava, 1896 г.

Отчетъ Тарской город. обществ. библіот. за 1892—94 г. Томскъ, 1895 г.

Отчетъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ, Томской губ., за 1894 г. Барнаулъ, 1895 г.

Отчетъ о дѣятельности Боровичскаго общества трезвости за 94 г. Г. Боровичи. 1895 г.

Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Омскѣ за 1894 г. 1895 г.

Отчетъ о дѣятельности комитета грамотности за 1894 г. и журналы засѣданій въ 1894—95 г. Москва, 1895 г.

Отчетъ о дѣятельности комитета грамотности за 1894 г. Москва, 1895 г.

Отчетъ о дѣятельности Новочеркасской коммиссіи народныхъ чтеній за 1893—95 г. Новочеркасскъ, 1895 г.

Павловскій, И. Я. Русско-нѣмецк. словарь. Изд. 3-е. Рига, 1895 г. Ц. въ 8 вып. 8 р.

Палладинъ, В. И. Анатомія растеній. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Покровская, М. И. О дѣтскихъ развлеченіяхъ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Преображенскій, А. Теорія словесности. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Пѣтуховъ, Е. В. О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII и первой четверти XIX-го вѣка. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 25 к.

— Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородка въ Нѣжинѣ. Спб., 1895 г.

Сборникъ въ пользу недостаточ. студентовъ университета Св. Владиміра. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Сементковскій, Р. И. Что новаго въ литературѣ?

Сибирскій сборникъ. Вып. III, годъ X. Иркутскъ, 1895 г.

Смирновъ, В. В. О внутренности земли. Изд. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 80 к.

Состояніе чистопольскаго общественнаго управленія и гор. Чистополя въ 1894 году. Казань. 1895 г.

Соколовъ, Н. Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Станюковичъ. Морскіе силуэты. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Страннолюбская, Е. Очерки начальнаго образованія въ Скандинав. странахъ.

С. Р. Братства. Харьковъ, 1895 г. Ц. 3 к.

Ухтомскій, Э. Э. Путешествіе Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича на Востокъ. Т. II, ч. 4-я.

Черняевъ, Н. И. О русскомъ самодержавіи. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Штейнгауэръ, И. С. Земля и небо. Спб., 1895 г. Ц. 10 к.

Списокъ не принятыхъ редакціей журнала «Русская Мысль» рукописей *).

Соколовскаго. Впечатлѣнія деревни.
Пашуканиса. О состояніи школъ въ уѣздахъ Москов. губ.
Александровой. Нѣмецкій поэтъ (Шерръ).
Пономарева. О болгарскомъ духовенствѣ.
Богатырева. 1) Нравствен. физіономія вашего общества. 2) Индивидуальн. и коллективн. начало въ русск. обществѣ.
Дойбина. Три разсказа: 1) Передержка. 2) Вернулась. 3) Отъ добра худа не ищутъ.
Егорова. Конецъ (Разсказъ).
Соборнова. Низшее народное сельскохозяйственное образованіе.
Пашковой, Лидіи. Маленькая замѣтка о французской жизни.
Троицкаго, П. М. Надѣленіе школъ землею.
Гронковскаго. Польскій домострой IX вѣка.
Левенецъ. На чужой сторонѣ. (Разсказы и нѣскол. стихотвореній.
Жураковскаго. Только бы не барышня (Переводъ съ польскаго).
Соколова, Г. А. По поводу толковъ о передачѣ земск. школъ духовенству.
Введенскаго, П. Впечатлѣнія и замѣтки.
Коробовой. Выбился на дорогу (Разсказъ).
Зобнина. Народныя чтенія въ деревнѣ.
Котляра. Благодѣтель.
Солоницкаго (Эскизы).
Урванцова. Вечеръ на Рождество.
Логвинской. Изъ серіи нов. разск. Катулла Мендеса: Чудовище Парижа.
Юрьева, С. А. Утопленница (Стихотвореніе).
Веселовскаго, В. В. Семинаристы (Поэма).
Васильева, А. Т. Колдунъ (Кавказское преданіе).
Малисъ. Фразеологія любви.
Алексѣева, П. С. Воспоминанія о Канадѣ.
Тыкоцкаго. Народное здравіе и организація земской врачебной помощи въ Смоленской губ.
Матэй. Сила солому ломитъ.
Барановскаго, проф. О вырожденіи рода человѣческаго.
Гіацинтова. Надсонъ.
Рщенко. Отецъ Діонисій (Разсказъ).
Скворцова, проф. Проба пера (Отрывокъ изъ автобіографіи).
Краевскаго, Д. Уѣздные очерки.
Назарова. Годъ студенческой жизни (Повѣсть).
Тулова. Нечаянный итогъ.
Стефановича. Роза (Сказка).
Кедосова. Разсказъ.
Базунова. Подъ утро (Этюдъ).
Григорьева, Л. Два очерка: Сумасшедшій и Охотникъ.
Коссоковскаго. Побирашки.
Городецкаго. Чѣмъ онъ будетъ?
Беккаревича. Лишняя спеціальность.
Шостака. Очерки деревенской жизни.
Велецкаго. Яко бы добро.
Виноградовой. Школьная жизнь (Разсказъ).
Иваницкаго. Изъ дневника молодой дѣвушки.
Лѣсницкой. Ищущій направленія въ жизни.
Рабиновича, М. Очерки арестантскихъ ротъ.
Старковскаго. Гриша.
Лорисъ-Меликова. Антропологія и философія.
Маслова. Зимняя сказка.
Шлейснера. Защита не по разуму и уколъ не по времени.
Вечтомова. Супружеская петля.
Вульферта. Зашек. о мѣр. поднятія народи. благосост.

---

*) Авторы приглашаются въ теченіе шести мѣсяцевъ получить свои рукописи лично или прислать марки на ихъ пересылку. По истеченіи шести мѣсяцевъ не востребованныя рукописи будутъ уничтожены.

Смѣлка. Письма о Сибири.
Карелина. О рентѣ.
Пасаманика. Теорія умственнаго развитія индивидуума.
Неждановой. Повѣсть.
Четверухина. Шабашъ (Очеркъ).
Ѳирсова. Письма о живой Италіи (письмо первое).
Сахацкаго. Замѣтки о земской школѣ.
Пиленко. Послѣ многихъ лѣтъ (Очерки).
Катина. Очерки изъ жизни учителя.
Шавердова. Голосъ епископа о свободѣ печати.
Андреева. Эконом. и домашн. бытъ жителей Братской волости.
Тищенко.
Вышинской. Мѣсяцъ на квартирѣ (Разсказъ).
Вадиковскаго. Изъ растрепан и полурастер. тетради Мартына Хлопушки.
Безобразовой. Десять лѣтъ назадъ (Воспоминанія).
Феденко. Письма двухъ госпожъ.
С. М. Какъ астаховцы землю прогуляли (Разсказъ).
— Въ Австріи.
Дидова. Экскурсія въ народъ (Разск.).
Самойло. Кагалъ (Драма).
Розанова. Изслѣдованіе идеи счастья, какъ идеи верховн. начала человѣческой жизни.
Осипова. Удивительныя карьеры.
Каневскаго, И. Я. Она вернется (Разсказъ).
Кулябки. Къ вопросу о реформѣ университетовъ; XIX вѣкъ; Памяти Тургеля и др.
Багалѣя. Памяти П. П. Чубинскаго.
Говоруха-Отрокъ. Юнкеръ Дубяга.
Линденбаумъ. Божья воля (Разск.).
Карпенко. Борисъ (Очеркъ).
Першибысова. Разсказы отца Пахомія.
Гельфготъ. Онъ и она.
Першибысова, Д. Т. Въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ.
Смирнова. Изъ исторіи русскаго раскола.
Грабенко. Какимъ путемъ народная школа можетъ пріобрѣсти вліяніе на народъ.
Сурміевича, М. О городскихъ банкахъ.
Нарилова. Какъ живетъ захолустье.
Невскаго. Нѣсколько словъ о знач. въ русск. литерат. произв. Н. А. Некрасова.
Зеленцова. Къ вопросу о положен. рабочихъ въ Россіи.
Давидовича. Коликова вѣра.
Тихоцкаго. Закавказскій транзитъ и наша съ ними конкурен. въ 1863—80 гг.
Фалькенштейнъ. Героиня затишья (Очеркъ изъ современной жизни.
Соколова. Азранъ (Восточное преданіе).
Г. Ѳ. Ѳеоктистъ Прохоровичъ Ненасытинъ.
Гогоцкаго. Два друга.
Сущинскаго. Въ дорогѣ.
Дробышевскаго. Два очерка изъ жизни въ глуши.
Лисовской. Скромный совѣтъ относительно увѣчныхъ зданія.
Каллистова, Ф. А. Записки младенца.
Скорбилина. Соль земли (Комедія).
Павлова, В. В. Можемъ ли мы избав. отъ пролетаріата.
Саблина, Г. Наше фабричное законодательство.
Суворова, П. Памяти Н. Г. Рубинштейна.
Верри. Историческія идеи Родбертуса.
Келпина. Политическіе альманахи во время революціи.
Ермолаева. Нѣсколько словъ по поводу нашихъ финансовыхъ затрудненій.
Ярошко. Очеркъ присоединен. Крыма.
Чеблакова. Мысли объ искусствѣ творчества.
Курбатова. Правовѣры (Изъ воспоминаній о Вологод. губ.).
Тимоѳеева. Надя (Повѣсть).
Сомова. Основы общественной психологіи.
Дерунова, Саввы Яковлева. Мысль земца.
Никифорова, Н. Россійская вѣра.
Зороастрова. Сказка маленькаго человѣка.
Батуева. Изъ прошлаго.
Рымаренка. Дорожный разговоръ.
Бернштейнъ. Два очерка.
Островскаго, Ант. Звонарь Ѳедька.
Петерникова. Скованный Прометей.
Покровской. Потрава.
Смирнова. Нѣсколько словъ о литер. вкусахъ.
Лопатина, В. Власть обстановки.
Межецкаго. Корреспондентъ.
Ціолковскаго. Графич. выраж. ощущеній.
Ѳедорова, Вл. С. Чѣмъ пособить бѣдѣ.
Пыпина. По поводу земскихъ пенсіонныхъ кассъ.
Успенскаго. Живая вѣра.
Лисицкаго. Дворецъ и домикъ.
Черноусова. Разсчетъ короткій.
Благовѣщенскій. Отработочн. арен.
Рясенка, А. Добрая душа.
Ѳирсова. Безъ воздуха.
Дадашевой. О. Ѳ. Миллеръ.
Козлова, П. А. Лирическія стих. творенія.
Мердера. Черезъ семь лѣтъ.
Круглова, Стихотворенія.
Мицкевича, Г. Письма изъ Пар

Орженецкаго. Онъ не зналъ о томъ.
Чекалина. Ист. лич. землевлад.
Хондзинскаго. Кто виноватъ.
Курганъ Яворскаго. Родной городъ.
Пичахчи. Дядя Ламбосъ.
Борисова. По Сибири.
Шеболдаева. Сельскій учитель.
Знаменцева. Обыкнов. исторія нашихъ дней.
Доможировой. Шаблонъ и жизнь.
Марина. Весенняя сказка.
Петрова. Соціальная жизнь.
Никифорова. Статистико-экономич. очерки.
Яроша. Мораль въ беллетристикѣ.
Перекрестова. Изъ стихотворенія: Образы и думы.
Стародубскаго. Во время каникулъ.
Тарноридскаго. Пастырь и овцы.
Өирсова. Рыцарь духа.
Стефановича. Нервы.
Егорова. Крестъ Егозичка.
Рашковича. Агонія.
Прохорова. Роковой шагъ.
Добротворскаго. Кровавый баринъ.
Каирова. Записки Гревиля.
Благовѣщенскаго, Пр. Г. Соврем. положеніе земледѣлія въ Россіи.
Смирнова, Ив. Крѣпостное право на Кавказѣ.
Радакова. Село Синеглинье.
Шумейко. Въ гаремѣ.
Лукина. Подвижница.
Іерусалимскаго. Кругомъ все въ обидѣ.
Долгорукова, Вс. Въ житейскомъ омутѣ.
Семенова. За минуту счастья.
Коганова. Сутки въ душевномъ отдѣленіи.
Давыдова. Жизнь—море.
Дубровскаго. Движеніе религіозной мысли въ Англіи.
Левашова. Въ новый приходъ.
Семенова. Графъ Толстой—нар. драмат.
Никольскій. Случай на мельницѣ.
Наливанской. Демонъ и ангелъ.
Водянскаго. Капля изъ моря житейскаго.
Базилевскаго. Вводить или не вводить въ Вятск. губ. чумо-убиваніе.
Жадовскаго. Къ вопросу о пользѣ естествознанія.
Пржевалинскаго, К. И. Смерть. Этюдъ Иги. Домбровскаго.
Алякритскаго, Н. И. Памяти Тихонравова.
Систова. Внѣземледѣльч. промыслы.
Игнатьева. Въ защиту народнаго просвѣщенія.
Булича. Недостатки нѣмецкихъ университетовъ.
Чуфрина. Наше скудоміе.
Бернштейна. Искушеніе.
Паперны. Очерки и картинки Яна Неруды.
Щепотьева. Крестьянская аренда въ черноземной полосѣ.
Неручева. Народная школа въ Бессарабіи.
Добротворскаго. Вдали отъ центровъ.
Маценка. Ѳомка Голышъ.
Матвѣева. Смерть Саула.
Волкова. Захолустныя картинки.
Велецкаго. Клинъ клиномъ вышибай.
Васильева. Тупицынъ.
Подгаецкаго. Новеллы.
Якимова. Переселеніе. Очеркъ изъ народной жизни.
Кожевникова. Правдивый человѣкъ.
Абрамовскаго. Вѣчная страница.
Дуброва. По поводу предполагаемыхъ реформъ.
Тинькова. Путникъ.
Номикосова. Пашковъ, его ученіе.
Махова. Къ нѣмому вопросу въ Россіи.
Гельма. Экономич. полож. Сураж. уѣз. Черниговской губ.
Бакунина. Ученіе о несвободѣ воли.
Дружинина. Въ силу порядка вещей.
М. З. Нѣсколько словъ объ апологіи литературнаго движенія.
Беллюстина. Ученье дѣвочекъ.
Новоселова. Нужно ли учить народъ пѣнію.
Завьялова. Опытъ обоснованія философіи реализма.
Беллюстина. Заботливость объ инородцахъ.
— Народныя сказанія болгаръ.
Поповичъ-Липовца. Неудавшаяся экспедиція.
Разсадина. Графъ П. Д. Киселевъ въ Парижѣ.
Голубева. Безбожное дѣло.
Иларіонова. Мариджъ.
Де-Волана. Среди славянства и мадьяризма.
Маркса. Сибирская ссылка.
Мунтянова. Волхонская барышня.
Чайковскаго. Искупила.
Котельникова. Прогрессъ.
Неручева. Очеркъ соврем. вопросовъ.
Залкинда.
Викторова. Статист. картина земск.-народной школы.
Зморовича. Любони.
Литвинова. Ночи.
Романовскаго. Удастся ли?
Кобелькова. Пропащій человѣкъ.
Пагирева. Связующая нить.
Муранова. Бывалое.
Горбунова. Отжившіе типы.
Боголюбова. Стихотворенія.
Галяштока. Забытые.
Повлова. Учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.
Дьякова. Двѣ встрѣчи и страница жизни
Житецкаго. Евреи въ Малороссіи.
Жакмонъ, Альфр. Петр. Первое русское появленіе въ Каргаѣ степи на Сыръ-Дарьѣ.

Риттиха. Чехи на Волыни.
Духанина. Общеобраз. военно-учебн. заведенія.
Шаха. Невоспитан. добрыхъ чувствъ.
Чалхушьяна. Желтый сводникъ.
Булыгина. На Кавказѣ.
Замыслова. Стихотвореніе.
Базилевскаго. Сонъ въ руку.
Метике. Неудачникъ.
Анисимова. Средь неурядицы.
Всеволжской. Маленькій лордъ.
Чирикова. За что?
Васильева. Живая покойница.
Сташевскаго. Крупп и его заводы.
Полевого. Царица.
Андреева. Лѣсной бродяга.
Аничкина. Общинники.
Меньщикова. Искательница счастья.
Предтеченскаго. Жена погубила.
Табаха. Невозвратное время.
Левицкаго. Фатеръ.
Оброманинова. Очерки мужицкой жизни.
Гредасова. Стихотворенія.
Буйко. О поэмѣ Мицкевича „Панъ-Тадеушъ".
Савинкова. Надо жить.
Коробьина. Самозванщина въ Европѣ.
Дидова. Одно обстоятельство.
— Изъ воспоминаній доктора.
Демидова. Братоубійство.
Косоротова. Изъ глубины минувшаго.
Остафьева. О невозм. экономич. положеніи новоселовъ-переселенцевъ при водвор. въ Сибири.
Доманскаго. Гизо и Бокль.
Попова, А. С. День изъ ряда годовъ.
Неручева. Результаты защиты виноградниковъ.
Полиновскаго. Весной.
Коптева. На зарѣ.
Гросицкаго. Проклятое счастье.
Шипова. Фр. Муаньо.
Беллюстина. Жидовствующій Ренанъ.
Садовскаго. Гамлетъ.
Бѣлицкаго Бытъ малолѣт. рабочихъ.
Нонне. Китайскій соціалистъ XI вѣка.
Скорнякова. Сибирскія ярмарки.
Александрова. Гальченокъ.
Арбузова. Новый годъ.
Бажина. Тѣнь.
Бисерской. Изгнанница.
Струве. Классическое образованіе.
Казицына. Петръ Амьенскій въ Римѣ.
Доводчикова. Ошибка въ фальшь не ставится.
Пассекъ. Свиданіе.
Жакмона. Карантины въ Тургайской области.
Бирюкова. Fatum.
Сассъ-Тисовскаго. Изосимъ.
Михѣева. Деревенская проза.
Казанцева. Случай.
Грунского. Двѣ фотографіи.
Бобчева. Албанцы и албанскій вопросъ.
Бернштейна. Записки рядового.
Клячина. Si-bémol.
Кудриченка. Варнакъ-Сенька.
Шлейснера. Кое-гдѣ черезъ край.
Бострома. Весенняя сказка.
Гереншейна. Обездоленные.
Разумова. Стихотвор.
Бакаллы. Погибшая.
Краморенка. Женщина.
Мурахиной. Малютка.
Франко. Русинскія сказки.
Гордика. Въ пучинѣ міра.
Горнштейна. Шопенгауеръ о женщинахъ.
Образцова. Плата (Святочный разк.).
Горчакова. Народная библіотека.
Острогорскаго, А. Бенефисы въ Александринскомъ театрѣ.
Правдинской. Не своимъ путемъ.
Гительсона. Опоздалъ (Разсказъ).
Стрѣльникова. Подсидѣлъ (Разск.).
Шлейснера. Отъ Кіева въ Полтавскую губ. и обратно въ Черкасы.
Добровольскаго, П. Изъ недавняго (6 очерковъ).
Березина, Н. Нищій у нищаго торбу укралъ.
Гредасова. Любовь (Разск. въ стих.).
Романовскаго. Къ исторіи русскаго просвѣщенія въ Закавказьѣ.
Свѣшникова. Ошибка.
Понсета. Отецъ зачумленныхъ.
Ярошевскаго, В. Крейцерова соната съ медицинской точки зрѣнія.
Сахаровой, А. О чешской беллетристикѣ.
Кузнецова, Н. О мірскихъ крестьянскихъ сборахъ.
Лившица, Л. Г. Письмо въ редакцію.
Иванова, А. П. Красота и украшенія у различныхъ народовъ.
Клоковой, О. Въ царствѣ разумнаго.
Козлова, А. О. Нѣсколько словъ о дѣтяхъ и женщинахъ.
Курбатовой. Два разсказа: То былъ лишь сонъ и Кити.
Слезскинскаго. Церковно-приходскія школы въ Новгородской губ.
Калашникова, В. А. Поэтъ (Преданіе).
Покорскаго, Н. Дядюшка Иванъ Степановичъ (Этюдъ).
Бердяевой, Е. Смерть и любовь (Новелла).
Овчинниковой. Не сошлись характерами (Повѣсть).
Никифорова, Н. Безумный (Психологическій этюдъ).
Семирада, Ивана. Жидъ арестантъ (Романъ).
Вучетича. Клоунъ (Очеркъ).
Фрей. Нервный бракъ.
Кукольника. Гофъ-Юнкеръ (Драма)
Вебере. Ф. Мартенсъ.
Ушакова. Новые люди.

Боголѣпова, С. Г. Мировые этюды и русскіе стансы.
Алафузова, Н. К. Князь Илико Маджвенашвили (Разсказъ).
Захарова, А. Д. Въ невѣдомый край.
Камиза. Изъ каникулярной переписки.
Григоровскаго, О. (псевдонимъ). Наброски.
Щелкова. Иванъ (Очеркъ).
Добина. Знакомый незнакомецъ (Разсказъ).
Гринкевича. Два очерка: Мечущаяся молодежь и Не причемъ.
Милицина. Талызинщина.
Иванова, Вл., свящ. Живи своимъ добромъ.
Іерусалимскаго. На свѣчи.
Соколича. Не судьба (Разсказъ).
Рушникова. Стихотворенія.
Стечкинъ. Нѣсколько словъ о ссыльныхъ Архангельской губ.
Гольдштейна. Предвыборная агитація въ германскомъ городкѣ.
Новикова. Роковая клятва.
Соколова, М. М. Скорбь юноши и совѣтъ мудреца.
Оленина. Незамѣтная жертва.
Рапопорта. Задачи научной философіи и отношеніе ея къ наукѣ.
Щеповалова. Изъ непризнанныхъ (Очеркъ).
Шрейдера, Г. И. Вопросы земельнаго найма.
Соколовскаго, І. М. Безъименный (Поэма).
Никольскаго, В. П. Человѣкъ говоритъ, мечется.
Смидовича. До ядра (Разсказъ).
Маевича. Этапнымъ путемъ отъ Владивостока до Иркутска.
Шестернина. Въ хромовой праздникъ.
Сырица. Въ Крыму (Разсказъ).
Стерьева. Зачѣмъ жить и какъ жить?
Добротворскаго, П. И. Первая милостыня (Разсказъ).
Киселева. Раздѣлъ.
Раикина. О соотношеніяхъ между свѣтомъ и электричествомъ. (Лекц. нр. Герца).
Моргулиса. Значеніе гипнотизма для юристовъ.
Певзнера. Джонъ Говардъ.
Орлова, А. Чѣмъ кончилъ Петровъ.
Карышева. Постылая жизнь (Очеркъ).
Уварова, М. С. На мели (Повѣсть).
Выборнова. Павелъ Васильевичъ Пышкинъ и Ив. Васил. Худышкинъ.
Маркова, Н. Другъ поэтъ О. С. Павлищева.
Годнева, свящ. Пѣсни о нелюбостяжательности.
Кайдановой (чрезъ С. Миропольскаго). Еще о книгѣ: Что читать народу?
Крандіевскій. Рабочее населеніе Петербурга.
Коннисскаго. Письма изъ юго-западнаго края.
Правдинской. Вѣщее слово.
Длугоборскаго. Кошмаръ.
Прыговой. Богоборецъ.
Любимова, П. Д. Онъ виноватъ (Разсказъ).
Калмычкова. Сулейманъ и легенда о немъ.
Жилина. Отверженная (Драмат. картинка въ 1 дѣйствіи).
Дубровскаго. Смѣна цивилизацій.
Трипольскаго. Сократить бы!
Вершинина. Стихотворенія.
Шкловскаго. На этапномъ дворѣ.
Калмыковой, А. М. Средняя школа въ Швеціи и Норвегіи.
Курбатова. По дорогѣ къ ней.
Неручева, М. В. Безотцовщина (Очерки).
Джетбысбаева. Іосифъ и Зулейка (Перев. съ персидскаго).
Сѣмашко. О развитіи ума.
Корчинскаго. Видѣніе весны.
Веденяпина. На разсвѣтѣ.
Проташинской. Призраки прошлаго (Разсказъ).
Звѣрева, А. Замѣтки бывш. учителя.
Мухина, Л. Нѣсколько мыслей о воспитаніи и образованіи.
Веселова. Фабричный Гамлетъ.
Арнольдъ. Къ вопросу о полож. судоход. на Черномъ и Азовск. моряхъ.
Селитренникова. Рядъ картинокъ.
Дзюбенка. Отъ Тифлиса до Арарата.
Миницкаго. Тангейзеръ.
Miklawiec, P. Z. Krajie Slourencow.
Цвѣтаева. Ив. Ник. Харламовъ.
Гальперина. Къ исторіи общиннаго землевладѣнія.
Ланге. Новое сочиненіе В. Вундта.
Лѣсеневича. Воспитанница (Драма).
Годнева. Дѣдъ Панфилъ (Разсказъ).
Кулаковскаго, М. Сонъ психопата.
Арцибушева. Исторія цивилизаціи медвѣжьяго поселка.
Лаврентьевой. Подъ соловьин. пѣснь.
Богомолова. Безъ заглавія.
Бабинцева. Кое-что о сиротск. судахъ.
Владимірской. Женское образованіе и наши женскія гимназіи.
Дубровскаго. Тенденціи рабочаго движенія на Западѣ.
Живило. Пьяница (Повѣсть).
Удальцевой. Трудный путь.
Спиглазова. Изъ жизни прошлаго.
Остафьева. Наша хлѣбная биржа.
Шульгина, К. Земское дѣло въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губ.
Ашкинази. Прусакъ смирный (Пов.).
Петровской. Этюдъ.
Шейермана. По поводу прекращенія хищнич. разработокъ каменнаго угля..
Ковалева. Стихотворенія.
Чешихинъ. Первая неудача.
Щепкина. Экономическій кризисъ въ Нидерландахъ.
Иваницкаго. Картина. (Разсказъ)

Фонъ-Витте. Грамотность въ войскахъ.
Чевяги. На родину.
Пинскаго. Призраки.
Зеленецкаго. Самъ наѣхалъ (Разск.).
Буханова. Окольной дорогой (Повѣс.).
Першина. Поиски золота и тайга.
Леонтьева, А. Лебединая пѣснь либерализма.
Тютюнникова. Судьба сжалилась (Повѣсть).
Шмакова. Вицлипуцли, поэма Гейне.
Остриковa. Безъ заглавія.
Раюнца. Исторія съ обыкновен. началомъ, но необыкн. концомъ (Разсказъ).
Егунова. Превращенная (Разсказъ).
Чикалиной. По поводу почти забытаго вопроса.
Александровскаго. Деревенская рыковщина.
Шапкина. Повѣсть (начало).
Аптекманъ. Переселенческое движеніе въ 1885 году.
Авдулина. Послѣдній разсказъ И. С. Тургенева.
Любошица. Письма заурядnаго читателя.
Верещагина, Гр. Два разсказа: Васильевъ вечеръ, Стенькина могила.
Смирнова, Евг. Замѣтка (Къ вопросу о переселеніи).
Хальмкова. Парадоксы.
Штепенко. Н. В. Гоголь и его комедія „Ревизоръ".
Ельникова. Обманутыя надежды (Комедія).
Клавдиной. Все въ жизни опаздываемъ.
Смирнова. Испытаніе.
Воронова. Попойка.
Булыгина. Пѣтухъ.
Новицкаго. О значеніи тепловыхъ силъ.
Чернова. Разладъ.
Черноусова. Къ вопросу семейныхъ раздѣловъ.
Михайлова. Изъ деревенской жизни.
Беккаревича. Четыре мелк. очерка.
Булыгина. Опоздалъ.
Лаврентьевой. Одинокая.
Нелюбовича. Участіе крестьянства въ содержаніи уѣздной полиціи.
Сироткина. Злополучная (Поэма).
Иванова, В. М. Двойной бракъ (Разсказъ).
Башинскаго. Муратовы (Разсказъ).
Яковлева, Н. Горькая доля.
Ѳирсова, Н. Н. Заштатные (Очеркъ Маріо Пратези).
Бѣлевскаго. Крупное и мелкое хозяйство Могилевской губ.
Поповой, Н. Правда ли она?
Зоханова. Сумасшедшій.
Туръ, К. Ив. Изъ дневника деревенскаго жителя.
Рубинскаго. На перепутьи.
Гурлянда. Марья Касьяновна.
Матюниной. Неудачница.
Успенской. Должиха.
Голумбовскаго. Къ вопросу о лѣсахъ на югѣ Россіи.
Ладыженской. Итоги (Романъ).
Романова. По рѣшенію волостнаго суда (Разсказъ).
Залѣсскаго. Прошлое.
Чуфарина. Стихотворенія.
Леонтьева. Понятіе прогресса.
Кузнецова, С. Смерть.
Заведеева. Ревизоръ ѣдетъ.
Гурлянда. Сказочка.
Матюшиной. Неудачница.
Чулкова. Не судьба (Романъ).
Танкова. Гарина Багурина (Повѣсть).
Опочинина, Е. Н. Отрывки изъ воспоминаній волостнаго старш. Васильева.
Балкашина, М. Перемѣна убѣжденія.
Казанцева, Н. В. Чайная роза (Этюдъ).
Грушевскаго, Г. И. Убійца случайный.
Рябинцева, Н. М. Быль.
Ростовцева, Д. И. Сонъ Ключарева (Новогодній разсказъ).
Косинова. И. Ф. Дикость.
Голубева, И. В. Школьникъ.
Салтырина, П. Моя.
Чудновскаго, С. А. Волостной судъ на Алтаѣ.
Лурьи, М. А. Школа и жизнь (Очер.).
Подкольскаго, В. Конецъ всему (Разсказъ).
Ротъ, М. Шпитомки (Разсказъ).
Ѳирсова, А. И. По дорогѣ въ русск. Ниццу.
Ульянова, Алексѣя Никол. Подъ Новый годъ (Разсказъ).
Спасскаго, Н. В. Послѣдній день отца Герасима (Очеркъ).
Шамакова, А. Два разсказа: О дѣвочкѣ, которая нашла своего отца и Публичный домъ.
Коханскаго, П. Прошлое (Романъ).
Гредасова, В. Месть (Преданіе).
Дидова, В. И. Месть (Стихотв.).
Родиславскаго, В. И. Изъ Лонгфелло.
Якубовича. П. Ф. Затерян. стих Лермонт. въ перев. Бодэнштедта.
Михѣева, В. Н. Доля Тришки.
Миклавецъ, П. Двойное вознагражденіе.
С. М. Боевые очерки Кавказа.
Зальцштейна, В. И. Откликъ с рынка (Разсказъ.
Палеологъ, С. А. Проклятый (Повѣсть съ новогреч.).
Якушевича. Чугунка (Очеркъ).
Бродскаго. Безъ устоя.
Мартикова. Фаустъ нашего времени.
Станиславскаго. Наши захолустные піонеры (Карт. изъ недав. прошл.)
Губченка. Послѣдній лучъ.

Иллювіева, П. Н. Иванъ Петровичъ Кунцевъ.
Де-Дюборъ, Ж. L'Evolution musicale.
Тверского, П. А. Умышленное и неумышленное непониманіе.
Устюжаниновъ, В. Н. Въ далекой Сибири.
Языкова, И. Больная мысль.
Гальковскаго, Н. М. Сербскія пѣсни.
Куликовскаго, Г. И. Изъ провинціальной печати.
Забѣлло, Н. Ф. Шалости земцевъ.
Дробягина, К. Е. О формѣ комплекаціи числа врем. и простран. съ природными явленіями.
Мытарева, И. М. Убѣжденіе Кузьмы.
Золотарева, С. А. Послѣ чтенія журналовъ.
Смирновой, К. Минуты увлеченія.
Хижнякова, П. И. Новый министръ.
Арендтъ, С. Прошло и не вернется.
Замарѣева, И. По-христіански (Разсказъ).
Козлова, А. А. Участь богатаго мѣщанина.
Склотовскаго, П. Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ.
Гуревича, І. А. Народничество въ Америкѣ.
Діомиди, Н. Н. Они уѣхали (Повѣст.).
Мазуренко, С. Наша армія, какъ разсадникъ грамоты.
Чернова, В. Философ. изъяны, доктрины экономическ. матеріализма.
Гринченка, Б. Д. Маркіанъ Шашкевичъ.
Василевскаго, Л. Современ. литерат. Галицкой Руси.
Яновскаго, В. П. Очерки народной школы.
Второва, П. Н. Стихотворенія.
Бабига, М. М. Картинки прошлаго.
Мартенсъ, Евг. Минута (Психологическій очеркъ).
Яроша, Ф. Рождественская елка у волка.
Болдырева, К. Г. Міроѣды.
Ватхона. Два сна.
Яхонтова, А. П. Послѣдняя сцена изъ Донъ-Жуана.
Будкевича, д-ра. Кукла (Повѣсть Болеслава Пруса).
Постниковой, В. Ф. Два пожара (Разсказъ).
Іерусалимскаго, А. Н. Взглядъ на законъ.
Цедербаума. Выброшенные жизнью.
Вѣловѣжскаго, В. И. На сахарномъ заводѣ.
Бакулина, А. Х. Отхожіе промыслы (Бытов. очеркъ).
Ланде, А. Любовь и право.
Антоновича. Къ вопросу о сельскохозяйств. кредитѣ.
Махониной, А. И. Нѣчто о бабьемъ царствѣ.
Ридингера, А. Н. Артемій Волынскій.
Бѣловскаго, И. С. Трудный выборъ (Повѣсть).
Тульчинскаго, Н. П. Усердіе не по разуму.
Шишкина, А. С. Попечители (Разск.).
Лурье, Осипъ. Матъ (Разсказъ).
Маценко, Вл. Въ эпидемію.
Карпинскаго, С. И. Домикъ на опушкѣ лѣса.
Ракитскаго, М. С. Одно изъ нуждъ нашего сельск. интеллигента.
Новицкаго, И. Н. Жакъ Дамуръ. Эмиля Золя.
Иноземцевой, А. Нюнька (Разск.).
Черкасова, Д. Письма пахаря.
Чистовскаго, В. Ф. Дунино счастье (Повѣсть).
Лозинскаго, Б. Легенда. Элизы Оржешко.
Князевскаго, П., свящ. Кто виноватъ.
Обручева, А. А. Робинзоновскіе идеалы русскихъ демократовъ.
Крыжановскій, П. Въ отпускѣ (Повѣсть).
Никонова, А. Ѳ. Въ лѣтнюю ночь. (Эскизъ).
Гутовскаго, В. А. Да, ночь была хороша.
Клеверова, К. (К. Пащенко). Землевладѣлецъ (Романъ).
Клюквина, М. Куплено дорогой цѣной (Повѣсть).
Сѣрова, В. Прогулка по кладбищу.
Лениной, О. Гр. Толстой и его предшеств. въ учен. о любви.
Кудринскаго, Ѳ. А. Покойники (Разсказъ).
Врупевича, М. Экономическ. теорія Achilla Doria.
Гальперина, М. А. Замѣтки по земледѣлію.
Мельника, А. Мелочи деревни.
Добровольскаго, А. Н. Мечта и жизнь (Драмат. разск.).
Козлова, Н. А. Непріятное происшествіе.
Буниной, А. А. Въ больницѣ.
Вербицкой, Л. С. На берегу Руданы.
Мацокина, П. Г. Кое-какія біологическ. данныя къ эконом. иллюзіямъ.
Богословской, М. В. Сквозь розовую призму.
Верцинской, С. А. Нераскаянная (Разсказъ).
Зибада, М. Письма къ кузинѣ.
Бронскаго, И. А. Доморощенные тактики и стратеги.
Моисеевой, А. М. На забытой могилѣ (Очеркъ).
Нобль, Л. Наука и женскій вопросъ.
Радцига. Библіогр. зам. о книгѣ Уэльса: „A Primed of Tariff Reform".

Максимова, Евг. Путевыя записки переселенца.
Мундель, Н. А. Губныя грамоты.
Рубинина, И. Жертвы золотого тельца.
Кёнигъ. Народная школа въ Пруссіи
Бѣлозерова, В. Х. Страница изъ жизни.
Карамзина, В. Г. Современныя идилліи.
Ѳедорова, В. С. Доходныя изгороди.
Барсука, А. И. Бычокъ.
Бѣльскаго, С. Ѳ. Мыслитель изъ Пустознаевки.
Буйневича, К. По поводу греко-латино грамат. обуч. въ наш. гимназ.
Жука, Н. П. О жизни и духѣ.
Лоначевской, О. И. Съ новымъ годомъ.
Василенка, Н. П. Новая секта и его послѣдователь.
Харкевича, С. И. Въ шестнадцать лѣтъ.
Боголѣпова, С. Что читать и какъ читать?
Каменской, В. Десятилѣтіе народныхъ чтеній.
Марченко, А. А. Русское слово.
Вишницкаго, И. И. Послѣ прочтенія Крейцеровой сонаты.
Попова, А. З. Отвѣтъ на повѣсть: Безъ мужей.
Тура, К. И. Злополучн. паровикъ или съ одного вола 3 шкуры.
Киселева, Н. В. Странникъ (Разск.).
Дзержковича. Несчастная.
Бадикова, П. Ѳ. Обзоръ дѣятельн. забайкальск. миссіи.
Замарнева, Ив. Современ. настроеніе поляковъ.
Лорія, Н. Н. Подъ звуки сонаты.
Березина, В. П. Нѣсколько словъ о значеніи кредита въ нашемъ хозяйствѣ.
Благообразова, А. Бурлакъ.
Кибальчича. Въ двухъ пансіонахъ.
Дембо, Ф. Главная характеристика французской литературы.
Полянской, Е. И. Педагогич. этюды.
Машина, А. Н. Шутка.
Штольценвальда. Договоръ.
Базинера, О. Ѳ. Изъ Лукреція.
Обтяжнова, В. Д. Отвѣтъ Провинціальному наблюдателю.
Успенскаго, Вл. И. Выучилъ.
Таирова, А. Къ вопросу объ организаціи земск. медиц. въ уѣздахъ.
Халина, Х. И. Въ виду возможности войны.
Лавровой, Софьи. Разсказы каменщика.
Рыбальскаго, Е., свящ. Виновенъ ли.
Недригайлова. Два вечера.
Орловскаго. Двѣ статуи.
Осадчаго. Сельская громада.
Безобразова. А—ская гимназія.
Кибальчича. Мужья и жены.
Порошина. Милочка.
Кузина. Встрѣча праздника.
Слѣпцова. Эрнестъ Ренанъ.
Павлова. Домой.
Длуговорскаго. Лунатикъ.
Александрова. Поздніе слезы.
Блюма. Неосторожность.
Есаулова. Въ силу традиціи.
Рузскаго. Глава изъ исторіи земли.
Витлера. Деньги. Эмиль Золя.
Анциферовой. Первый дебютъ
Миклашевскаго. Подъ Новый годъ.
Кречетова. Мой первый тигръ.
Раппопорта. Отверженный.
Горбатова. Изъ Лукреція.
Верещагина. Великорусск. повѣрья.
Слезскинскаго. Экономич. мѣропріятія земствъ.
Слезкиной. Людовикъ XIV.
Лившица. Три сна въ пустынѣ.
Харламова. Куміры.
Фоссъ. Современный Отелло.
Скибинскаго. Къ вопросамъ министр. внутреннихъ дѣлъ.
Барановскаго. Опытъ истор. изслѣд.
Яновской. Послѣдняя весна.
Корелина. Кружевной промыселъ.
Склотовскаго. Чья вина.
Севастьянова. Упущенная статья.
Рождественскаго. Три рукописи: 1) О Поликарпѣ. 2) Псаломщикъ. 3) Изъза двухъ пироговъ.
Полежаева. Чародѣй.
Рябинцева. Записки деревенск. обывателя.
Вейермана. Чья вина.
Булыгина. Васютинъ.
Семенова. Товарищи.
Гурвича. Исторія еврейской колонизаціи.
Марковскаго. Два года въ четырехъ стѣнахъ.
Пагирева. Неразумное чадо.
Гагина. Мужицкій бунтъ.
Тиличеева. Кондукторская служба.
Надежина. Жизнь въ деревнѣ.
Ле-Жюжъ. Шопенгауэръ и идеалъ.
Барыкова. Нашелъ выходъ.
Крыштофовича. Разсмъ.
Бекетова. Безъ отвѣта.
Полферова. Аламанъ.
Витовтова. Соврем. рус. скиталецъ.
Цакони. Польскій критикъ Спенсера.
Яковлева. Ал. Вас. Кольцовъ.
Скаловскаго. Село трудолюбія.
Налимова. Два слова о покойномъ Надсонѣ.
Николаева. Истор. справка къ предстоящимъ въ Москвѣ выставкамъ.
Мысовской. Стихотвореніе Поля Деруледа.
Лоначевской. Ученый воробей.
Руновой. Попечительскій день.
Калина. Въ черные дни.
Иванова. Чуваши Россіи.
Третьякова. Деревенскіе очерки

Карабельникова, С. И. Записки Ахмета Гемедъ бенъ-Саида.
Шитловскаго, К. Къ вопросу о научности марксизма.
Нечаева, А. Общій взглядъ на исторію научной мысли.
Бернацкаго, В. В. Разсказъ Божья заповѣдь и стихотвореніе.
Сиротинина, П. В. По поводу отзывовъ гр. Л. Н. Толстого о наукѣ.
Козина, Р. Рецензія на книгу д-ра Герцка: Движеніе.
Иванова, П. А. Отецъ (Разсказъ).
Скурата, Л. Н. Пустоцвѣтъ.
Введенскаго, П. В. Блюдечко (Разсказъ).
Катаева, Н. М. Планъ экономическ. и сельско-хозяйств. организацій.
Мергасова, Н. А. Стихотворенія.
Дмитріева, Ив. Наединѣ.
Лимана, Б. И. Рѣшился на грѣхъ (Перев. съ нѣм.).
Сократова, О. Поселенецъ (Разсказъ) и Настя (Разсказъ).
Шмуйлова, Вл. Льюсь Генри Мортанъ.
Небольсина, Д. В. Современныя жертвопринош. на Кавказѣ.
Винштока, В. Забытый юбилей.
Скворцова, П. Промышленность въ 1887—88, 1892—93 гг.
Дмитріева. Горячее сердце.
Корсакова, В. Двадцать пять лѣтъ назадъ.
Осадчаго, Т. И. На старомъ пепелищѣ.
Орловой (И. Неждановъ). Въ царствѣ мертвыхъ.
Прибыловскаго, Н. М. Весьма обыкновенная исторія (Разсказъ).
Лебедева, В. И. Народн. воззрѣн. въ обл. наукъ о здор. и больн. чоловѣкѣ.
Страшкевича, А. И. Требованіе соціальн. гарм., какъ принципъ морали.
Дмитріева, В. У. Ожесточенный (Повѣсть).
Вукрѣевой, С. П. Женское сердце (Повѣсть).
Коппъ, Л. Второй конгрессъ международн. соціолог. инстит.
Левкова, А. А. Пять статей: 1) Труженики печатнаго дѣла, 2) Пресса какъ тормазъ прогресса, 3) Сила печатнаго слова, 4) Хозяева печатнаго дѣла и 5) Дѣти-пустынники.
Сынковскаго, Ив. Свѣтозаровъ.
Лихутина, А. И. Неимущій.
Максимова, Н. Н. Воспоминанія.
Пекорскаго, Вл. Ѳ. (чрезъ С. И. Пекарскую). Ванька и стихоткорен.
Вендтъ, В. В. Музыка и этика.
Яковлева, А. И. Планъ отца Антонія (Повѣсть).
Максимовича. Тяжелая жизнь.
Гейнца. Политич. обозр. Америки за послѣдн. 6 мѣс. (отъ сентября 1881 г. до марта 1882 г.).
Семенова, С. Т. Въ день итоговъ (Очеркъ).
Князевскаго, П. А., свящ. Родимецкіе культуртрегеры.
Ченыкаева, А. Д. Картинки съ натуры.
Шереметевскаго, А. Стихотворен.
Розова, А. И. Сила практической психологіи.
Склотовскаго, П., врача. Совѣсть и званіе.
Левитскаго, М. А. О судебной карьерѣ.
Селиванова, Г. Т. Между воспитаніемъ и наказаніемъ.
Кривошея, Н. В. Галаки.
Португалова, І. В. Примиреніе, какъ раціонал. способъ разрѣшенія тяжбъ и неурядицъ.
Шелеметьевой, Ел. Ефремъ и его сироты.
Шамонинъ, С. Живая правда и мертвый законъ.
Скориченко, Г. Г., проф. Французскій врачъ.
Ясницкаго, А. А. Отъ Одессы до Владивостока.
Шумиловскаго, Л. И. Въ вагонѣ IV класса.
Тимотина, Вл. Душа побѣдила (Повѣсть).
Виландъ. Наброски изъ швейцарской литературы, Драмора.
Замельсона, И. Позитивизмъ.
Ляховскаго. Реализмъ любви.
Рейтлингера. Джонъ Морлей.
Шульгиной, Н. А. Озлобленный мученикъ. Поля Бурже.
Крыловой, К. Закатъ солнца.
Латышева. Одинъ изъ многихъ.
Рождественскаго, П. А. Заговоръ Пацци и Мирра. Альфіери.
Висѣклица. Истин. прич. эмигр. движ. въ Привисл. краѣ.
Моисеевой. На зарѣ (Этюдъ).
Туманова, кн. Кавказ. пальма, какъ источникъ государств. дохода.
Гурвича, Б. Болѣзненная любовь.
Ѳедорова. Что иногда сообщаютъ въ нашихъ учен. обществахъ.
Шиловскаго, А. Нѣсколько словъ о „Крейцеровой сонатѣ" Л. Н. Толстого.
Борисова, Ив. Два разсказа: 1) Въ отсутствіи хозяина, 2) На полѣ.
Лазарева, И. А. Исторія Порѣцкой волости.
Егунова. Мы—дѣти.
Погодина. Мысль о классическомъ образованіи въ Россіи.
Маноцкова. Сонъ.
Борисова, В. В. Письмо (Набросокъ).
Коцюбинскаго. Трудись.
Ф—ръ, Н. Моя жена.
Мареса. 1) Вопросъ, 2) Отрывокъ и 3) Старая повѣсть.

Лейненберга. Два разсказа. Ф. де-Роберти (съ итальянскаго).
Добровольскаго, А. Н. Евангеліе сердца.
Гарцевича, Е. Самоубійца.
Чистяковой, О. Посельщики.
Штевенъ. Прогрессъ и бѣдность. Генри Джорджа.
Смирнова, Н. Эрнстъ Мессонье.
Субботина. Нѣсколько словъ по поводу учен. гр. Толстого о жизни.
Гржимайло. Голосъ изъ провинціи.
Соколова, М. Позитивизмъ передъ суд. здраваго разума.
Богомолова, Х. К. Разсказы путевого сторожа.
Корженевскаго. Вольная Русь.
Герасимова, Н. В. Самосудъ.
Попова. Винтаревъ (Разсказъ).
Ладыженскаго. Старые счеты (Очеркъ).
Михайлова, Влад. Кривой Рогъ (Очеркъ).
Михайлова, М. И. Семейная тайна.
Капустиной, Н. Ничей (Очеркъ изъ деревенской жизни).
Лебедева, В. А. Наброски мимоходомъ.
Безобразова, М. Кантъ, Шопенгауеръ и Гарманъ о женщинахъ.
Калениченко. Изъ Березовскаго края.
Провиденскаго. Записки помѣщика поневолѣ.
Гуровской. Одна.
Коншина. Изъ Варіацій на одну и ту же тему (Четыре наброска).
Вѣлоусова. Плевелы.
Эртеля, А. Д. По поводу статьи: „Письма объ искусствѣ". Г. Н.
Окулича-Казарина. Изъ воспоминаній о К. Д. Кавелинѣ.
Льдова. Сосѣдъ.
Тариовскаго. Подъ рождественской звѣздой.
Гроссгейма. Критическіе наброски.
Пермякова. По поводу статей „Рус. Вѣд." и „Спб. Вѣд.": агрономическ. смотрит.
Коннисскаго. Письма о Галичинѣ и галичанахъ.
Ушакова, В. П. Хлопиха.
Гололобовъ. Сектанты.
Инфантьева. Подарокъ (Разсказъ).
Шульгина, Я. Н. Малорусск. церковн. автономія въ XVII и XVIII вв.
Гальперина. Запоздалый отзывъ.
Яхонтова. Ведема-колдунъ.
Розенблюма. Лавочка (Очеркъ).
Сивинцева. Краткій очеркъ Самар. губ. въ сельско-хозяйств. отношеніи.
Мокіевскаго-Зубка. Вопросы безъ отвѣтовъ (очеркъ).
Исаевича. Земячки.
Линберга. Два разсказа: Русскіе люди, Обнищалые дворяне.
Косицкаго. Надо спасать.
Софіано. Отецъ. (Разсказъ Бьернсона)
Горы. Полевые всходы (Повѣсть).
Курбатова. Не поталанило. (Разск.).
Герке. Двѣнадцать братьевъ (Предан.).
Головина. Гнилое болото.
Погожева, А. В. Земская медицина и врачебная администрація.
Личкова. Земско-медицинское дѣло въ Саратовской губ.
Степаненко. Претерпѣвшій до конца.
Казанскаго, С. Должно ли машин. произв. непремѣн. урод. челов. личность.
Галанта. Письма изъ Вѣны.
Филиппова, Евг. Въ своемъ углу.
Барыбина. Промахи земскихъ кооператоровъ.
Васильева, А. Т. Митька.
Соколовскаго, В. В. По селамъ и захолустьямъ.
Байковича. Разбитое сердце (Разск.).
Скляра. Одинъ изъ многихъ.
Зубковскаго. Письма изъ Прибалтійскаго края.
Соловьевой, А. А. При шумѣ осенняго дождя (Очеркъ).
Самуйленка. Сонъ.
Булыгина. Благіе порывы (Повѣсть).
Шведова. По тракту.
Кельдехенъ. Въ бурю и непогоду (Повѣсть).
Павлова. Благодѣтель.
Марсальскаго. Пять ночей.
Пономарева, С. М. Голодные новоселы.
Шаганова. Новый годъ.
Теплова. Параша Козлова.
Жакмона. Кумысъ въ Оренбург. губ.
Кривенка, Ив. Шутка жизни.
Лопатина, А. Семья рыбака (Разск.).
Дубенской. Безъ заглавія.
Кармишкина. Минная утопленница (Очеркъ).
Лункевича. Поэтъ Надсонъ.
Шкляревскаго. Къ вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія.
Житловскаго. Библіограф. замѣтка о журналѣ „Восходъ".
Каменскаго. Бабушка Натуся (Разсказъ).
Воскобойникова. Къ вопросу о причин. паден. курса русск. бумаж. денегъ.
Завьялова. Нѣсколько словъ о нашей учебной системѣ.
Прилукера. Gechapt.
Остромъ. Тайна города А и города Б.
Желтенка. Разбитое счастье (Повѣс)
Аникина. Сфинксъ.
Преферанскаго. Старый вопрос
Добровольскаго. Романъ Антон Николаевны.
Лякида. Герой громкой исторіи.
Перцева. Подлость честнаго челов
Роммъ. Письма изъ Франціи.
Павловой, А. Продается (Изъ довъ Гюи-Мопассана).
К—скій, Д. Идеи и факты.

Ступишина. Кого винить (Драма).
Баратынскаго. Отрывки изъ записной книжки.
Обнорскаго. 1) Деньги или честь, 2) Смѣлый охотникъ, 3) Стихи.
Лебедева. Воспоминанія неудавшагося литератора.
Гейзе. Двойная любовь (Разсказъ) (Переводъ NN).
Демьянова. Ходокъ. (Этюдъ).
Ильинскаго. Месть судьбы.
Дорошенко. Недоля.
Шевича. О происхожденіи и лучшихъ свойствахъ челов. духа.
Черненкова. До чего договорился Гл. Успенскій, по слов. Оболенск., и что онъ говор. на самомъ дѣлѣ.
Соколова, Н. М. Тому Единому послужити. Гонецъ (Стихи).
Аксакова, А. Есть, милый Феликсъ, много на свѣтѣ. (Стихи).
Скрябина, Порченный.
Венюкова. Своя ли воля.
Максимова. Изъ опыта и исторіи земской школы.
Зубова. Богѣзнь нашего вѣка.
Безобразова. Сергѣй Сеньковскій.
Василькова. Четыре страницы.
Мировича. Сергѣй Деньковъ.
Тицолка. Военная невѣста.
Родонежской. Дякъ Халдей.
Федосѣева. Мишура.
Ганейзера. Ольга Кленова.
Сычугова. Не въ силѣ дѣло.
N. Письмо къ князю Васильчикову.
Амфи. Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ.
Жакмона. Новая раскольничья секта.
Дикгова. Бартенія.
Попова. Подъ гнетомъ судьбы.
Архангельской. По поводу женск. врачебныхъ курсовъ.
Коненкова. Съ береговъ Десны.
Карпинской. Малашка.
П. Забытый.
Лисовскаго. Жербчикъ.
Безкровнаго. Исторія болгарскаго возворенія.
Нѣсколько словъ о переселенцахъ.
Барро. Вечеръ.
Блументаля. Швейцар. промышлен.
М. Л. Возраженіе на ст. Капустина.
Пигарина-Бери. Схожее сходится.
Дорохова. Былыя встрѣчи.
Хилкова. Комедьянтъ.
Соболева. Петербургъ въ деревенской глуши.
Романова. Современный Каинъ.
Зависицкаго. Тишайшій.
Р—ова. Дана, но бита.
Любимова. Село Шарыпово.
Комарова. Курьезы таможеннаго обложенія.
Шрейдера. Призраки.
Нольде. Волчьи уши.
Князева. Не сбывшіяся мечты.
Бѣлозерскаго. Что есть истина.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Сочиненія" *И. Н. Кушнерева.*—„Наброски". *А. А. фонъ-Киттера.*—„Разсказы и легенды". *В. Фирсова.* 605

Критика и публицистика: „Изъ литературы и жизни". *Е. И. Утина.*—„Въ добрый часъ". Сборникъ въ пользу общества вспомоществов. нуждающимся ученицамъ Коломенской женской гимназіи.—„Сборникъ въ пользу недостаточн. студентовъ университета Св. Владиміра" 609

Философія, психологія и педагогика: „Вопросы Философіи и психологіи".—„Педагогическіе очерки". *А. Л. Крылова* 610

Исторія: „Опытъ исторіи Харьковскаго университета". *Проф. Д. И. Багалѣя.*—„Исторія Греціи со времени Пелопонесской войны". —„Преображенское и окружающія его мѣста". *П. В. Синицына.* 613

Путешествія: „Путешествіе Государя Императора на Востокъ". *Э. Э. Ухтомскаго.*—„Черезъ Черное море на Босфоръ". *П. П. Гнѣдича.*—„По Дунаю". „По Карпатамъ". *О. Перламента.* 616

Статистика: „Сводный статистическій сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ переписямъ". *Благовѣщенскаго.* 619

Естествознаніе: „Птицы Россіи". *Проф. М. А. Мензбира.* — „Физіологія растеній". *Проф. В. И. Палладина.* — „Разсказы о птицахъ". Для юношества. *Проф. М. Богданова* 622

Изданія для народа: Изданія общества распространенія народныхъ книгъ. 623

Справочныя книги: „Энциклопедическій словарь". *Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона* 628

II. Періодическія изданія.

„Русское Богатство", *октябрь.*—„Сѣверный Вѣстникъ", *ноябрь.*—„Вѣстникъ Европы", *ноябрь.*—„Дѣтское Чтеніе", *ноябрь и декабрь.* 629

III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1895 годъ.

IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 ноября по 1 декабря 1895 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,

коммиссіонера общества любителей россійской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. № 2—24).

Книжный магазинъ принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Книжный магазинъ журнала „Русской Мысли“ принимаетъ на себя составленіе народныхъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ. Книги по желанію могутъ быть высланы въ простыхъ дешевыхъ переплетахъ (для народныхъ книгъ переплеты отъ 4 коп.). Лица, выписывающія книги въ большомъ количествѣ благоволятъ сообщать самый точный адресъ для высылки книгъ самымъ дешевымъ способомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

— Потопъ. Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб.

— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

— Черезъ степи. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мицкевичъ, Адамъ. Крымскіе сонеты. Переводъ съ польскаго Л. Медвѣдева. М. 1895 г. Ц. 80 к.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.

— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремизова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Юнгфа, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 75 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Сѣвой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Наши волей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одоб. учен. комит. министерства народ. просв. для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 1-го вып. 50 к., II-го вып. 30 коп.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, обозначены *.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.

Короленко, В. Г. Убійцъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Преждесвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 3 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Абровъ, Н. Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Азбелевъ, И. П. Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

***Айволи, Э., д-ръ.** Гигіена возмужалости. Одесса., 1893 г. Ц. 40 к.

Александровъ, Д. А. Звонокъ. Юмористическій альманахъ и календарь на 1896 г. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.

Альгренъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмединген. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Алябьевъ, Б. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андрэ, М. Ф. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотнымъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.

— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Ц. 45 к.

— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.

— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Аргеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к

— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его письменами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтіарова, А. По роднымъ краямъ. Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.

— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.

— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.

— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.

— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.

— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.

Беаэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.

Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Бернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Бернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.

Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Библіотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Библіотека-кронка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.

Бильдерлингъ, А. Просвѣтители Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блекслей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Блекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.

Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.

Боборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.

Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.

Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

***Боголюбовъ.** Новыя врачебныя средства. Москва, 1895 г. Ц 75 к.

Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Боровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.

Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.

Брассъ, Леонъ. Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Брикъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Брусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на веленевой бум. 60 к.

Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц 1 р.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 130 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.

— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.

Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.

Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, волоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.

— Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.

— Руководство къ ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.

Бузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьк., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Вѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Вэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна 7 руб. 50 к.

Вэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.

В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.

— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.

— Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община. М., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Артельныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.

— Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.

Вальтеръ, проф. Море и его жизнь. Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предисл. Тимирязева. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.

Ванклинъ, Альфредъ. Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 60 к.

— П. Е. Астафьевъ, его философскія и публицистическія взгляды. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— О религіозной философіи Вин[illegible]а

Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.
— Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
— Рѣчь передъ защитой диссертаціи: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.
— Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 40 к.
— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Посада. 1894 г. Ц. 3 р.
— Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ". Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Вегеле, Францъ. Данъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Вейнбергъ, Павелъ. Новые разсказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. 1, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
*— На Сѣверной Двинѣ. Изд. 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
*— Автобіографіи нѣсколькихъ незамѣч. русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.
*— Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
— Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Спб., 1893 г. Ц. 3 р.

Винкельманъ, І. І. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.

Виноградовъ. Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
— Книга 8-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Владиславлевъ, М. Учебникъ логики. Одобренъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія какъ руководство для гимназій. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
— Книга для учителей. Ц. 60 к.
— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
— Разсказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.
— На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.
— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей (Изд. 4-е Спб. Ц. 2 р.
— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
— Турки. Спб., Ц. 40 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 руб. 35 коп.

Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.
— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.

* **Въ память Лавуазье.** Рѣчи проф. Н. Д. Зелинскаго, И. А. Каблукова и проф. И. М. Сѣченова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для студ. 30 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. п. 5 р. и Т. II п. 5 р. М., 1888 г.
— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

* **Гайсбергъ, С. Ф.** Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гано, А Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
— Магнетизмъ и электричество. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговыя сдѣлки. Ред. привдоц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мірового процесса или философія бессознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Истор. ром. Въ 3 част. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част. Изд. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 руб 50 коп.

Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г Ц. 75 г.

Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.

Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣ-

лись московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

***Гефель, д-ръ,** Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая библіотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гиляровъ, А. Н. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Глинскій, А. Г. Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Глинскій, Б. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.
— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.

Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Машины и станки для обработки картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.,

Горацій Сатиры. Перевод. съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.

Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.

Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Гравинкель. Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.

Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 80 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX

вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.

Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.

Гримо, Э. Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.

Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.

Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

***Гроссъ, Г.** Экономическая система Карла Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.

— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.

— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.

— Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.

— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.

— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Грузинцевъ, А. П. Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.

Грэхэмъ. Ж. Ж. Руссо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.,

Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен изд. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.

Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.

***Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ.** Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 руб. 25 к., въ роск. перепл.—1 руб. 75 коп.

Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

— Отважный предводитель негровъ Бютъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.

— Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.

— Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

— Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.

Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Данилевскій, В. Я., проф. Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Данилевскій, Н. Я. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.

Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Деппъ, Г. Ф. Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Пер.

рѣчь противъ Филиппа. Изд. 8-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Добкевичъ, Б. Конспектъ по уголовному процессу. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.
Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
Додэ, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.
***Дорнблитъ, О., д-ръ.** Гигіена умственнаго труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 коп.
Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
Дрэперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.
Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 8-го доп. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Дю-Прель, Карлъ. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
Европейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Коппе, Франсуа: „Генріетта". Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ". Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери". Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.
***Ежегодникъ.** Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Жиро, П., проф. Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Жюль Вернъ. Гекторъ Сервадакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.
Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
Забѣлинъ, И. Куncево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
***Записная книга на 1896 г. Съ дѣлою**

стр. въ коленкоров. пер. 1 р. 20 к., съ 1/2 стр. вдоль въ коленкоров. пер. 1 р., съ 1/2 стр. поперекъ 75 к., съ 1/2 стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.

Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г Ц. 30 коп.

Зеландъ, Н. Здоровье и счастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Справочникъ по русскомъ правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.

— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ А.С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.

— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“ М., 1894 г. Ц. 35 к.

— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Цѣна каждой части 1 руб.

*— Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.

Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1895 г. Ц. 30 коп.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.

Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.

Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Свадьба Іоланты и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Привѣдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.

— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.

— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Переводъ Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Игра футоломъ съ политипажами въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Изъ дневника Аміеля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.

Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Поросовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 189[illegible]/3 г.

Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.

Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ

30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.

Ингремъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.

***Ирусъ, П., д-ръ.** Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.

Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

***Какъ живутъ люди въ Швейцаріи.** Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6 к.

Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.

Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

***Каринскій, М.** Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.

Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,

— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего ученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра". М., 1891 г. Ц. 60 к.

— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц 20 к.

— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кацколино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.

— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.

Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.

Клау, Ѳ. Ѳ. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

***Клемперерь, д-ръ.** Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Киейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобелль. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Леффлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.

Козловъ, А. А. Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р.

— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к.

— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни". М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

— Свое слово. Философско - литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника". Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.

Козлинина, Е. И. Обезоленныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Колеръ, І., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.

— Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко - русскій технический словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

***Корнигъ, И. Г., д-ръ.** Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

Коропчевскій, Ц. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Обработка и удобреніе чернозема. Сбн., 1892 г. Ц. 2 р.

— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиственн. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско - хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Крафтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.

— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 руб.

— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

***Крестный календарь на 1896 г. Гатцука.** Ц. 15 к.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А. Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.

Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.

Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ соба-

Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.

— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.

— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

— Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кудрявцевъ, В. Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.

Кудрявцевъ-Платоновъ, сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждаго 1 р. 50 к.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.

— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два выпуска 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб. 1875 г. Ц. 2 р.

Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

— Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.

Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Лаоси. „Тао те книгъ". Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Коннисск. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.

— Радости жизни. 2-е испр. и доп. изд. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

— Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

***Лебо Эжень.** Трактатъ о человѣческой физіономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Лёвенфельдъ. Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.

Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.

Ле-Бонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.

Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Леонтьевъ, Н. І. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Лессингъ, Г. Минна фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.

— Драматич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.

Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. І. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. І. Ц. 3 р.

Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Исторія Рима отъ основанія города. Книги І и ІІ. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.

— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.

Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

***Листъ, Ф.** Наказаніе и его цѣли. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.

Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть І. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть ІІ. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть ІІІ. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.

Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.

— Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.

Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.

— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.

— Бѣшеная лошина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.

Любимовъ, Н. А. Исторія физики. Ч. І. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 руб.

Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. І (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. ІІ (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.

Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.

Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.

Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.

Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб., 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.

— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.

Мальтусъ, Т. Р. Опытъ закона о народонаселеніи. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.

— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

— Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Весеннія грозы. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мантегацца, П. Физіологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Физіономія и выраженіе чувствъ. Перс. франц. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

*— Физіологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

*— Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.

*— Гигіена красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.

*— Лицемѣрный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.

*— Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.

Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.

— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.

Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.

Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.

Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.

*Мейеръ, Аксель, д-ръ. Гигіена бездѣтнаго брака. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.

Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Международная библіотека. № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е изд. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц. 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луйо Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существов. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семья. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопенгауэръ о возрастахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бине. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюменинъ. Что такое соціальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гацфельдта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мёбіуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георгъ Брандесъ. Ц. 15 к. № 33. Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 к. № 34. Фулье, А. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Ц. 15 к. № 35. Летурно, Ш. Прошедшее и будущее литературы. Ц. 20 к. Гижицкій Г. Основы морали. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.

Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц 2 р.

Мекензи, Уоллесъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.

Менабиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.

Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.

Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.

Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.

Миллеръ, В. П. Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Милль, Джонъ-Стюартъ. Основанія политической экономіи. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Михайловъ-Викторовъ. Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб.. 1895 г. Ц. 1 р.

Михеевъ, В М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Мольеръ, Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.

Молло, М. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.

— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М.,1894 г. Ц. 60 к.

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.

— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.

— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.

Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мороховецъ, Левъ, проф. Изм. Моск. унив. Физико-химическія основы біологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физіологической техникой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.

Москвичъ. Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р.

Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.

Мункъ, І., д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Мусселіусъ. В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Мюссе, А. Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.

Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія сказки. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— „На добрую память" изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.

***МДС.** Врачебное искусство и медицинская наука. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.

N. N. Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.

Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ-Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана и др. Ц. 70 к.

Народныя русскія сказки и загадки. Собрани сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.

Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Немировичъ-Данченко, В. Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

— На краю свѣта. Другъ за другъ. Ц. 1 р.

жизни на краннемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Немировичъ-Данченко, Влад. Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нивелирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.

Николаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Нимейеръ, Павелъ, д-ръ. Геморрой. Причины болѣзни, способы лѣченія и предупрежденія ея. Пер. В. Бороздича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.

Нордау, Максъ. Вырожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ поискахъ за истиной (парадоксы, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Нотнагель, Г. д-ръ. Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г Ц. 4 р.

Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.

Нюренбергъ, А. М. Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. 80 к.

— Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.

Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Импер. моск. общ. сельск. хоз. М., 1895 г. Ц. 15 к.

Очеркъ исторіи греческой философіи Целлера. Перев. съ нѣмецкаго М. Некрасова, подъ редакц. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ). М., 1894 г. Ц. 20 к.

Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ". Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метаморфозъ".

— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. и доп. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.

Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психол. общ. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, и дрессировка. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл. — 1 руб. 60 к.

— Изъ исторіи моего учительства. Какъ

я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Образовательныя игры, занятія для дѣтей Вл. А. Попова: 1) „Подвижныя животныя". (Для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки. Два выпуска. Ц. каждому выпуску, заключающему въ себѣ по 4 таблицы съ 11-ю экз. животныхъ, 45 коп.—2) „Рисованіе по трафаретамъ": Цвѣты (шесть картонныхъ шаблоновъ различныхъ цвѣтовъ). Животныя (шесть карт. табл. различн. животныхъ). Ц. каждому конверту 35 коп.—3) „Тѣневые портреты русскихъ писателей". (Для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ). Ц. 40 коп.—4) Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ писателей, съ приложеніемъ краткихъ біографій писателей, портретовъ ихъ и самихъ произведеній: а) „Цыгане", А. С. Пушкина; б) „Мазай и зайцы", Н. А. Некрасова; в) „Дѣдушка", И. С. Никитина. Ц. каждой картинкѣ 45 коп.—5) „Ручныя тѣни". Ц. 15 коп.—6) „Затруднительное путешествіе". Ц. 15 к.—7) „Лихіе наѣздники". Ц. 10 к.—8) „Замысловатый квадратъ". Ц. 25 коп. — 9) „Мудреный кругъ". Ц. 25 коп. — 10) „Русская подвижная азбука для школъ". Цѣн. 35 коп.—11) „Русская подвижная азбучка". Ц. 15 к.—12) „Русская азбука на кубикахъ. (6 алфавитовъ на 35 кубикахъ, въ красивой коробкѣ). Ц. 50 коп.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей" (Біографическая библіотека). Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккаріа, Берне, Бэконъ, Бѣлинскій, Карлъ Бэръ, Беранже, Бетховенъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боккачіо, Бомарше, Боткинъ, Джіордано Бруно, Ричардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовы, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Гракхи, Грибоѣдовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковскій, Ивановъ (художн.), Іоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кантъ, Кантемиръ, Каразинъ, Карамзинъ, Карлейль, Кеплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсэ, Контъ, Коперникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лаплассъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лобачевскій, Лойола, Локкъ, Ломоносовъ, Ляйель, Маколей, Мейерберъ, Микель-Анджело, Миль, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольеръ, Монтескьё Томасъ Моръ, Моцартъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Ришелье, Ротшильды, Руссо, Сакіа-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультонъ, Струве, Стэнли, Сѣровъ, Теккерей, Толстой, Торквема, да, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли-Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Эліотъ, Юмъ, Ѳедотовъ

***Павоне, К., д-ръ.** Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.

Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Паркъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.

— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

Пель. Фальсификація и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

Педаевъ, Д. Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.

Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.

Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Переводъ Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.

***Перковскій, П.** Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.

Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.

Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М. 1895 г. Ц. 1 р.

— Систематическое обученіе практическимъ пріемамъ столярнаго ремесла

2-хъ частяхъ. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1890 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Петерсонъ, О. Семейство Бронтё (Керреръ, Элисъ и Актонъ Белль). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшіе женск. курсы.

Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.

Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.

Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.

Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.

— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.

— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.

***По Эдгаръ Баллады и фантазіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.

— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.

— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).

Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.

Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.

Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

***Посновъ, А.** Руководство къ правильной постановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.

— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Одинъ. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Починъ. Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.

— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Приготовленіе протравъ для дерева и подѣлка простыхъ породъ дерева. 2-е доп. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Программы домашняго чтенія на 1894—1895 г. Комиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.

Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

***Путеводитель по желѣзн. дорог. и пароходн. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.

Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

***Пфлюгеръ, Э. Ф. В.** Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.

Рабовъ, С., проф. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.

Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ". Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи" Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.

*Раменскій, Н. Братья-изгои. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.

*Рашевскій, И., д-ръ. Замѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-ое изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейтцъ, В. Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.

— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.

Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣм. д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к

— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Рикардо, Давидъ. Начала политической экономіи. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.

Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.

Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.

Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

*Робертъ, Карлъ. Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.

Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.

Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій ореографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію“ академика Як. Грота. Изд. третье исправл., Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 к.

Рудакій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.

Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьк., 1894 г. Ц. 30 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Русская библіотека. № 6. Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣевъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.

Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.

Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый томъ отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р

— Съ натуры. Очерки и разсказы. [illegible], Ц. 1 р.

Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“.

Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.

Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.

Сборникъ общества любителей россійской словесн. на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.

Свѣтухинъ, М. И. Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Святловскій, В. В.. Фабричная гигіена (153 рис.) Спб., 1891 г. Ц. 4 р.

Севедъ, Риббингъ. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.

— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.

Сёлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Сервантесъ. Славный рицарь Донъ-Кихотъ Ламанчій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

***Серебренниковъ, В.** Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 80 к.

Сикорскій. Заикание. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.

Симсонъ, Э. О невидачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 85 коп.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.

Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.

Скворцовъ, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Складная карта Европейской Россіи. (Пособіе при изученіи географіи и для самообразованія.) Изданіе Вл. А. Попова. Ц. 60 к.

Сковорода, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.

— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. Цѣна за оба тома 4 руб.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.

— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели". Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ. А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Снегиревъ. Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убійство Висновской. Г. Шакбижъ. Убійство Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.

***Соколовъ, Н.** Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сперанскій, Сергѣй. Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.

— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.

Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.

Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Станюковичъ, К. М. Откровенные. Ром. въ двухъ част. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе леватскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 6 р.

Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.

Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.

— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Пов. М, 1893 г. Ц. 30 к.

Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.

Стороженко, Н. И., проф. Поэзія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.

Страховъ, Н. Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.

Струве, Генрихъ. Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.

Судебныя драмы. Жанъ Деламонъ. Ц. 30 к.

— Грекъ Кетоло. Поэтическое сумасшествіе. Ц. 30 к.

— Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.

— Убійство Бефани. Ц. 40 к.

— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.

— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.

— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.

— Ольга Палемъ (Убійство студента Дов нара). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 8 р.

Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Сѣровъ, А. Н. Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.

Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и оцинкованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.

Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.

Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императ. военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.

Терешкевичъ. Дядя Черныхъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.

Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе земледѣлія растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.

— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. 9 изд. Ц. 40 к. М., 1892 г.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.

— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.

— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.

— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 30 к.

— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.

— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.

— Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.

— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ моск. унив. Психическія эпидеміи. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.

— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.

— Международный конгресъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.

— Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.

— Мерячение и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.

— „Ходите въ свѣтѣ" и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Торминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, п. 2 р.; ч. II, п. 2 р. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-

общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успѣнскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Фалькенбергъ. Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папьемаше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюня 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

***Ферре.** Фотогравированіе безъ фотографіи. М., 1895 г. Ц. 75 к.

***Ферри, Энрико.** Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Амер[ики] и испанскаго завоеванія. Пер. Н[иколаева]. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. [II]. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Г. Практическій мыловар[ъ]. Практическое руководство къ фабрик[аціи] всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшим[ъ] усовершенствованнымъ пріемамъ. Сп[б.] 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ без[конечности]. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
— Грамматика древн. церковнаго языка. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Пер. съ нѣм. М., 1895 г. Ц. 40 к.

*Фонъ-Іерингъ, Рудольфъ. Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
*— Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

*Фредерикъ, Л., проф. Практическія упражненія по физіологіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

*Фрэпонъ, Г. Акварель. Морскіе виды. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Фурнье, А. Леченіе сифилиса. Пер. Говсѣева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фэйе. Происхожденіе міра. Критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 доп. изд. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Хрущовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.
— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота"). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
— Рѣчь за Архія, поэта 1891 г. Ц. 30 к.
— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.
— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.
— Рѣчь въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Ц. 60 к.
— Рѣчи противъ Каллины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.
— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.

Чешихинъ, Всев. Жуковскій, какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.
— Стихи. Ц. 1 р.

Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Опыты по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.
— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.
— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.
— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 8 р. 50 к.

Чуевскій, И. А., д-ръ. Конспектъ физіологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шамуринъ-Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскош. перепл. съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.

Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.

Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна кажд. вып. 50 коп.
— Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.

Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.

Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц 2 р., т. III ц. 3.

Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Всеобщая исторія литературы. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3, 4 и 5 вып.

Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб , 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.

Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.

Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Шилтовъ, А., проф. Среди бо божниковъ. (Посмертныя записки в ча-философа). Харьковъ, 1895 г. 40 к.

Шильдбахъ. Дѣтская гимнасти Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

Шимко. Патріаршій казенный архи М., 1894 г. Ц. 1 р.

Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.

Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ час., цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.

***Шмитцъ, Л., д-ръ.** Половая жизнь человѣка. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.

Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сченсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фрауштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1893 г.

Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовый садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).

***Шредеръ.** Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.

Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.

— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.

— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ш., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.

Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.

Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.

— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.

Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.

Экштейнъ, І., проф. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.

***Экштейнъ.** Въ карцерѣ. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.

— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.

Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.

Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Южаковъ., С. Н. Афганистанъ исо-

***Юмъ, Давидъ.** Іеремія Бентамъ. Биб. Экономіи. Москва, 1896 г. Ц. 1 руб.

предѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г.—15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.

— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р 50 к.

Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.

Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.

---

*Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 35 коп.

Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ,

въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 вып. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 коп.

Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго разсчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.

C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.

Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 выпускъ, съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.

Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.

Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.

— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

Heitzmann, C., D-r. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.

Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.

Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г Ц. 50 к.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.

Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Paul Julius Mocbius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М. 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.

Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к

Salomonsen, C., проф., и Черевковъ, д-ръ. Руководство къ практической (технической) бактеріологіи. Общая и спеціальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.

Schrader, W Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.

Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к

Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книжки.

Французскія азбуки:

L'Abe des tout petits Couveture en couleurs. Av. 6 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 8 коп.*

L'Abc du premier âge. Couverture en couleurs. Av 24 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 30 коп.*

L'Alphabet usuel. Av. 24 grandes gravures en couleurs par Adrien-Marie; in 4°. *Цѣна 65 коп.*

L'Album Alphabet. Av. 27 belles illustrations en couleurs par. E. de Liphart et de nombreuses gravures en noir.; grand in 4°. *Цѣна 1 р. 25 к.*

—

Альбомы для дѣтей.

Первая серія.

in 4°. Цѣна по 65 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 7 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Le dormeur éveillé, illustré par Chovin.
Les animaux domestiques, illustr. par Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
Au Pays des leurs, illustré par Gambard.

—

Вторая серія.

in 4°. Цѣна по 40 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 8 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua. ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Третья серія.

in 4°. Цѣна по 20 коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par. Chovin.

—

Четвертая серія.

in 8°. Цѣна по 13-ти коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jazet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Пятая серія.

in 4°. Цѣна по 8-ми коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'rough, ill. par Clérice
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. par Chovin.
Abc des tous petits, ill. par Bouisset.
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

—

Шестая серія.

in 16°. Цѣна по 5-ти коп.

3 гравюры въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. par Godefroy.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefroy.
Le Bain de Minet, ill. par Bouisset.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
La petite Ménagère ill. par Bouisset.

—

Седьмая серія.

in 4°. Цѣна по 1 руб.

Содержитъ около 30 иллюстрацій въ краскахъ. Цвѣтная картонная обложка.

Le Voyage de mademoiselle Rosalie, illustré par A. Marie.
Bambins et bambines, ill. par E. Harding.

—

Восьмая серія.

in 4°. Цѣна по 1 руб. 75 коп.

La journée de Bébé. illustrat. par Bouisset. Texte par Arnaud.
Heureux âge, ill. par Harding.
L'Album des enfants sages, illust. par Harding.

—

Книжки для дѣтей отъ 6—8 лѣтъ.

Дѣтская библіотека, форматъ in 16°. *Цѣна каждаго тома безъ перепл., цвѣтн. обложка 40 коп., въ перепл. 65 коп.*

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriveau.
Bébés en vacances, par M-mé Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bons points de Bébé, par M-me de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me Marie de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes poupées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Galouil.
***La plage de Wimereux,** par M-me Balleyguier.
***Les enfants de cigarette,** par Théo-Critt.
***Les bonheurs de bonshenrs de Pauline,** par M-me de Bosguérard.
Le théatre de Polichinelle, par le papa de Nénette.
***Une partie de plaisir,** par Roger Dombre.
***Les mémoires d'un chèvre,** par M-me la comtesse de T.
Les vacances de Paul, par M-me J. de Sobol.

Обозначенныя * имѣются только въ переплетѣ.

—

Книжки для дѣтей отъ 7—10 лѣтъ.

D'Hervilly, L'age d'or de l'enfance. Histoires morales et amusantes, illustré. Цѣна 4 руб.
Marel, Le petit monde. Enfantillage et poésies, illustré. Цѣна 3 руб.

—

Книги для юношества отъ 10—12 лѣтъ.

Bibliothèque blanche.

Каждый томъ многоч. иллюстр въ текстѣ, въ переплетѣ по 1 руб.

Dickens Ch. L'Embranchement de Mugbiy.
Dumas (A.). La Bouillie de la comtesse Berthe.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller (Eugène.). Récits enfantins.
Musset, (P. de). M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac (E). Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes,de Grand'Maman.
Sand (George). Gribouille.
Stahl (P.-J). Les Aventures de Tom Pouce.
— Contes de la tante Judith.
Verne (Jules). Un Hivernage dans les glaces.

—

Отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. съ зол. обр. 1 р. 75 к.

Anfossi. Le secret de sir William.
„ Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Les Rodimbot.
„ M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un hautcoeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Bovet. Histoire d'un garçon.
Garnoy. La nuit de Noël.
Dumont. Fables pour les petits.
Jane. Les 28 jours de Suzanne.
Monceau. Mon petit frère.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Witt. Les héros modestes.

—

Отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famile in 8°, илл. *Каждый томъ въ переплетѣ съ зол. обр. по 3 р.*

Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Carnoy. Les légendes de France, ill. par É. Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par P. Nac.
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

Первая серія, по 25 коп.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm Dremm. — Puck. — Mein Miezi. — Ede

börnchen auf Reisen.—Fürs Herzblättchen.—Im Freien. — Der Kinderomnibus.—Hucke-Puck.—Ein treuer Hausfreund.— Eisenbahn ABC.

—

Вторая серія, по 30 коп.

Bekanntes und Unbekanntes.—Was Vöglein singt.—Was ich weiss! — Zoologischer Garten.

—

Третья серія, по 45 коп.

Ein Besuch bei Grossmama.—Der Schneemann. — Unsere Kameraden. — Arche Noahs.—Ringel, Ringel, Rosenkranz.— Puppen-Gesellschaft.—Die wunderliche Kutsche.— Robinson Crusoe.— In der Maienzeit.—Prinzessin Tausendschön.— Guckkasten.—Wer nicht „liebes Kindchen" sein will.—Spielzeug Alphabet.— Garten Freuden.

—

Четвертая серія, по 60 коп.

Feierstündchen.— Von Nah und Fern.— Kleine und grosse Freunde. — Allerlei Gesellschaft.

—

Пятая серія, по 90 коп.

In Pelz und Flaum I (Der Thiere König). In Pelz und Flaum II (Eine Kleine Wohlthäterin —Lustige Reigen.—Lieblings Kurzweil.—Komische Clowns.— Unsere Lieblingsthiere.—Familie Fangemaus.—Musjo Clown.—Ein Ausflug auf's Land.—Rothköpfchen.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Aus der Märchenwelt. Eine Auswahl d. schönsten deutschen Märchen gesammelt von Gebr Grimm, Bechstein und Anderen. Mit 10 bunten Bildern und vielen Textillustrationen вмѣсто 1 p. 25 к 1 p.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Hänschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging, Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden вмѣсто 2 p. 85 к.

Buch der Jugend, das., Bd. VII geb. вмѣсто 4 p. 2 p. 50 к.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln" und „Noch 50 Fabeln") cartonirt zusammen вмѣсто 3 p. 60 к. 1 p. 50 к.

Deutsche Jugend. Gediegenste Auswal, von Bildern, Erzählungen, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. вмѣсто 3 p. 60 к. 2 руб.

Jugend deutsche. Illustrirte Jugend und Familienbibliothek f. Knaben und Mädchen hrsg. v. Lohmeyer, вмѣсто 2 p. 70 к. 1 p. 50 к.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt, in Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Original zeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, вмѣсто 1 p. 80 к. 1 p.

Krüger. Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, вмѣсто 1 p. 50 к. 85 коп.

Lottka. Kindertäume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. вмѣсто 3 p. 1 p. 50 к.

Schanz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer., Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, вмѣсто 2 p. 50 к. 1 p. 50 к.

Strässle, Franz. Kleine illustrirte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, вмѣсто 3 p. 1 p. 50 к.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Ill. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonnirt, вмѣсто 1 p. 20 к. 75 к.

—

Нѣмецкія азбуки.

Dietlein, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrirte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Auschauungs unterrichte verbundenen ersten Sprech., Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus. въ папкѣ 60 к.

Eisenbahn A. B. C. mit vielen bunten Bildern. 25 к.

Gurcke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von O. Speckter, въ папкѣ 45 :

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Untorricht. въ папкѣ 35 к.

Schlimbach. Fibel, въ папкѣ 35 к.

—

Нѣмецкіе классики.

По удешевленнымъ цѣнамъ.

Въ плащевыхъ переплетахъ.

Chamisso. Werke въ 1 томѣ 1 p. 25 к.
Goethe. Werke въ 4 томахъ 4 p.
Hauff. Werke въ 2 томахъ 2 p. 50 к.
Heine. Werke въ 4 томахъ 4 p.
Kleist, Werke въ 1 томѣ 1 p. 25 к.
Körner. Werke въ 1 томѣ 1 p. 25 к.
Lenau. Werke въ 1 томѣ 1 p. 25 к.
Schiller. Werke въ 4 томахъ 4 p.
Shakespeare. Werke въ 4 томахъ 4 p.

—

Новѣйшіе нѣмецкіе романы 1895 года.

„Collection Knoebel".

Balucki, M. Der Bürgermeister v. Pipidowka 1 p.
Dostojewsky, Arme Leute 1 p.
Freiburg, C. A. Offiziere ohne Epauletten 75 к.
Galitzin, D. Der Rubel. 1 p. 50 к.
Greg, C. Der Spuk von Wiolsk. 1 p.
Jokai, M. Ein Frauenhaar. 1 p.
Mauthner, F. Xanthippe. 1 p. 50 к.
— Die Sonntage d. Baronin. 1 p. 50 к.
Péne, H. de., Zu schön 1 p.
Salias, E. A. Fürstin Pauline 1 p. 50 к.
Schifkorn, F. Vom deutschen Stamme. 1 p. 50 к.
— Rufer im Streite 1 p. 50 к.
Sienkiewiez, H. Um's Brod. 1 p.
Sloet, L. Der Raugraf 1 p.
Smital, A. Die Familie Kobisan 1 p.
Zehren, C. Ueber Klippen 1 p.
Zola, E. Liebesblätter 1 p.
— Die Eroberung von Plassans 1 p. 25 к.
— Die Sünde des Priesters. 1 p.
— Zum Paradies der Damen 1 p. 50 к.
— S-e Exc. Eugen Rougon 1 p. 25 к.
— Die Lebensfreude 1 p. 25 к.
— Das Glück d. Familie Rougon 1 p.
— Der Todtschläger. 1 p. 25 к.
— Der Bauch von Paris 1 p.
— Renata 1 p. 25 к.
— Der häusliche Herd 1 p. 50 к.
— Der Wunsch einer Verstorbenen. 1 p.

—

Французскіе романы.

(Новости и новыя изданія послѣднихъ двухъ лѣтъ 1894 и 1895).

Каждый томъ 1 р. 60 к.

Bourget. André Cornélis.
— Un Cœur de Femme.
— Cosmopolis.
— Un Crime d'amour.
— Le Disciple.
— L'Irréparable.
— Pastels.
— Nouveaux Pastels.
— Physiologie de l'Amour moderne.
— Sensations d'Italie.
— La Terre promise.
— Outre mer 2 т.
Coppée. Mon franc parler.
Feuillet. Le roman d'un jeune homme pauvre.
— Histoire de Sibylle.
— Journal d'une femme.
France. Le Crime de Sylvestre Bonnard.
— Thaïs.
— L'Etui de nacre.
— Le jardin d'Epicure.
— Lys rouge.
— Le pus de St. Claire.
Gup. Mariage de chiffon.
— Petit Bob.
— Professional lover.
— Ces bons Normands!
— Les gens chics.
— Ce que femme veut?
— Coeur d'Ariane.
— Leurs âmes.
— Sans voiles!
Halévy. L'abbé Constantin.
— M-me et Monsieur Cardinal.
— Les Petits Cardinal.
— Mariage b'amour.
Harvieu. L'armature.
La vraie. M-me Sans-Gêne.
Lepelletier. Madame Sans-Gêne.
— I (La Blanchisseuse).
— II (La Maréchale).
— III (Le roi de Rôme).
Loti. Aziyadé.
— Madame Chrysanthéme.
— Mariage de Loti.
— Mon frére Yves.
— Pécheur d'Islande.
— Le Poman d'un Enfant.
— Le Desert.
— Jérusalem.
Maël G. Dernière pensée.
— Ce qu'elle voulait.
— Toujours à toi.
— Un roman de femme.
— Une femme d'artiste.
Marguerite. Amants.
— Jours d'épreuvé.
— La force des choses.
— Ma grande.
— Pascal Géfosse.
— Sur le retour.
— La tourmente.
— Fors l'honneur.
Maupassant. Piérre et Jean.
— Clair de lune.
— La Main gauché.
— Fort comme la mort.
— La maison Telliér.
— Une vie.
— Miss Harriet.
— Les sœurs Rondoli.
— Sur l'eau
— La vie errante.
— Au soleil.
— M-lle Fifi.
— Lo Horla.
— Contes du jour et de la nuit.
— Monsieur Parént.
— Toine.
— Bel-ami.
— Yvette.
— Mont Oriol.
— Notre coeur.
— Musotte (Piéce).
— La paix du menage (Piéce).
Mérimée. Carmen.
— Colomba.
Ohn . Le lendemain des amours.

Ohnet. Docteur Rameau.
— Serge Panine.
— Comtesse Sarah.
— Noir et rose.
— Les dames de Croix-Mort.
— La grande Marnière.
— Le droit de l'enfant.
— Volonté.
— Dernière amour.
— Dame en gris.
— Licé Fleuron.
— L'ame de Pierre.
— Nemrod et C-ie.
— Maître des forges.
— Dette de haine.
O'Monroy. Les Petites Manchaballe.
— Place au théâtre.
— H-res Crânes,
— M-me Manchaballe.
— H-res tendres.
Prévost. Chonchette.
— Mademoiselle Jaufre.
— Cousine Laura.
— La Confession d'un Amant.
— L'Automne d'une Femme.
— Lettres de Femmes.
— Nonvelles Lettres de Femmes.
— Les Demi-Vierges.
— Scorpion.
— Notre compagne.
Schultz. Ce qu'elles peuvent.
— Jean de Kerdren.
— La nouvaine de Colette.
Zola. Au Bonheur des Dames.
— La débâcle.
— L'argent.
— Bête humaine.
— Germinal.
— Pot-Bouille.
— L'assommoir.
— Le Docteur Pascal.
— Lourdes.
— Une page d'amour.
— Conquête de Plassans.
— L'oeuvre.

—

Collection Knoebel.

(format in 18°).

á volume I R. 60 K.

Barracand. Vicomtesse.
Beauclers. Une tourmente.
Blondel. L'heureux village.
Coynart. Stérile.
Debay. Déception.
Dumont. Le Prince Rougé et Noir et sa cour (Monte-Carlo).
Glouvet. Croquis de femmes.
— Etude Chandoux.
— Fille adoptive.
— L'Idéal.
— Marie Fougère.
— Le père.
Toudouze. Le vertige de l'inconnu.
Toudouze. Livre de bord.
— Ma douce.

—

Collection Guillaume illustrée in 18°.

á volume 1 *R. 60 K.*

Daudet. L'Evangéliste.
— Les Femmes d'Artistes.
— Frommont jeune et Risler aîné.
— Jack.
— L'immortel.
— Robert Helmont.
— Rois en exil.
— Rose et Ninette.
— Sapho.
— Souvenirs d'un homme de lettres.
— Tartarin de Tarascon.
— Trenté ans de Paris.
Flammarion. Uranie.
Goncourt. Soeur Philomène.
Zola. Faute de l'abbé Mouret.

—

Новые французскіе романы по значительно удешевленнымъ цѣнамъ.

Каждый томъ вмѣсто 1 р. 60 к.—75 к.

Affaire Crawford. Nouv. scandales de Londres.
Audebrand. Sacripants de Paris.
Badin. Amours honnêtes.
Barol. Les usuriers de Paris.
Blaize. Les planches.
Bloch et Sagart. Paris qui danse.
— Paris qui dort.
Boucheron. La divine comédie française.
Calonne. Bérengère.
Cassot. Le chant d'alouette.
Chantal. L'argent et l'amour.
Chantal. Flora Fuchs.
Claudin. Les sabots du comte Brocoli.
Conti. Haines de femmes.
Coffignon. La Mode.
— L'Estomac.
Delcourt. Ce qu'on mange à Paris.
Depret. Premier ami.
Deslines. Tourguéneffe inconnu.
— La terre dans le roman russe.
Destrem. Drames en 5 minutes.
Djallil. Mars et Goguette.
Fonvielle. Mort de faim. Etude sur les nouveaux jeuneurs.
— Les endormeurs. La vérité sur l'hypnotisme.
Grand-Garteret. Crispi, Bismarck et la Triple-Alliance en carricatures Nombr. illustr.
Ho›ier-Grison. Pigeons et vautours.
Juilliot. La contre-allée.
Laffon. Monde des courses.
Legrand. L'homme de 40 ans.
Liesta d'Ambaloges. L'amour et l'honneur.

Malie. Les trente femmes de la balladi.
Malle. L'amour pour rire.
Montet. La vie fantasque.
Mousk. Le monde qui fait la fête.
Nazim. Le jockey.
Oswald. Les maris de Dolorés.
Peyrebrune. Les roses d'Arlette.
Pradel. Pomponne.
— Le secret du squelettr.
Quand j'étais ministre.
Racot. Portraits d'aujourd'hui.
Rambaud. La vertu de M-lle Drichet
Robida. La part du hasard.
Roddaz. Le fils de la Toupin.
Rudaïns. Dzinn.
Summer. Un scandale d'hier.
Thiaudière. Trois amours singuliers.
Verdier. Sans reproche.
Villimer. Les femmes qui viennent e les femmes qui s'en vont.
Zed. Mondes parisiens.
— La société parisienne.

—

Иллюстрированные юмористическіе альбомы.

Первая серія. Цѣна альб. 1 р. 75 к.

Caran d'Ache. Album I, II, III.
— Bric à Brac.
— Le prince Kozakokoff.
— A la découverte de la Russie.
— Fantaises.
Rires et grimaces.

—

Вторая серія. Цѣна альб. 2 р. 25 к.

Bac. La femme intime.
— Les fêtes galantes.
— Nos femmes.
Gerbault. Parisiennettes.
Guillaume. Bonshommes I, II.
— P'tites femmec.
— Mémoires d'une glace.
Guillaume. Faut voir.
Autour de la femme (Vie parisienne).
Etudes sur la toilette „
Fantaisies feminines „
Femmes d'aujourd' hui „
Élégances parisiennes „
Les Coulisses de l'amour „

—

Французскіе классики.

Изданіе съ примѣчаніями, напечатан. крупнымъ шрифтомъ.

Первая серія, in 8°. Цѣна каждаго тома вмѣсто 2 р. 50 к.—1 р.

Boileau. Oeuvre poétiques. 1 vol.
Delavigne. Poésies. 1 vol.
La Bruyère. Caracteres. 1 vol.
La Fontaine. Fables. 1 vol.
Raline. Oeuvres dramatiques. 3 vol.

—

Вторая серія, in 4°, въ 2 столбца. Цѣна каждаго тома вмѣсто 5 р.—2 р. 50 к.

Barthélémi. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce 1 vol.
Corneille (Pierre et Thomas) Oeuvres. 2 vol.
Courrier, P. L. Oeuvres complètes et inédites. 1 vol.
Delavigne. Oeuvres complètes, 1 vol.
La Fontaine. Oeuvres, 1 vol.
La Harpe. Cours de littérature ancienne et moderne, 3 vol.
Montesquieu. Oeuvres complètes 1 vol.
Staël, M-me de. Oeuvres complètes. 3 vol.

—

Изящныя миніатюрн. изданія съ рисунками.

Азбелевъ. Японія и Корея. Ц. 75 к.
Бурже, П. Изъ-за любви. Изд. 2-е. Ц. 50 к.
— Святой. Ц. 50 к.
Грильпальцеръ, Фр. Сафо. Цѣна 75 к.
Додэ, А. На сценѣ. Ц. 50 к.
— Сцена и кулисы. Ц. 50 к.
Ибсенъ, Г. Маленькій Эйольдъ. Цѣна 50 к.
Казотъ, Ж. Влюбленный дьяволъ. Ц 50 к.
Коппе, Ф. Двѣ женщины. Ц. 60 к.
Между прочимъ. Сборникъ разсказовъ. Ц. 80 к.
Мюссе, А. Фредерикъ и Бернеретта. Ц. 50 к.
Рамо, Ж. Янъ. Ц. 60 к.
Салввъ, И. А. Уютный уголокъ. Повѣсть. Ц. 80 к.
Тэрье, А. Роза Лина. Ц. 50 к.

—

Иллюстрированныя художественныя изданія по значительно удешевленнымъ цѣнамъ.

Альбомъ геліогравюръ съ картинъ русскихъ художниковъ съ поясннтельнымъ текстомъ профессора А. Н. Шварца. 24 геліогравюры, исполненныя въ знаменитой мастерской В. Ангерера въ Вѣнѣ, съ лучшихъ картинъ: Ф. А. Бронникова, В. В. Верещагина, К. Гуна, И. М. Крамского, А. И. Корзухина, К. Е. Маковскаго, В. Е. Маковскаго, П. В. Неврера, Г. Мясоѣдова, И. Н. Пряшникова, В. Д. Полѣнова, А. Рицдони, Г. И. Семирадскаго, В. И. Якобія. Цѣна въ роскошной папкѣ вмѣсто 35 р. 20 р.
Album du mon. de illustré. La Russie et les Russes 26 выпуск. по 30 к.
L'art français 1789—1889, подъ редакціей Antoine Proust, 100 гравюръ (50 фотогравюръ „en taille douce" и 50

eaux-fortes) внѣ текста, многочисленныя фотогравюры и гравюры на деревѣ и цинкѣ въ текстѣ, 4⁰, въ перепл., вмѣсто 32 р. 50 к. 18 р.

Bob. Beyschlag, Willkommen! 12 картинъ изъ семейной жизни въ геліогравюрахъ. Оригиналы исполнены акварелью и масляными красками. In folio, въ оригинальномъ перепл. Цѣна вмѣсто 15 р. 10 р. Содержаніе: Stilles Glück, Home, sweet home! Flüblingsbiüthen, Urgrossmütterchen, Gratulanten, Symphonie. Long ago! Ameise und Grille, Carneval, Neckereien, In der Fremde: a) Der Ring an meinem Finger! b) Das erlösende Wort. Прекрасный подарокъ для дамъ.

Catalogue illustré de la société nationale des Beaux-arts. Salen au Champ de Mars. 1890, 1891, 1892, 1893, 1894. Каждый томъ вмѣсто 1 р. 75 к. 1 р. Этотъ оффиціальный каталогъ содержитъ снимки съ картинъ, скульптурныхъ работъ, рисунковъ, гравюръ и т. д., выставленныхъ au Champ de Mars въ Парижѣ.

Художественно - литературн. сборникъ „На память“. Цѣна вмѣсто 5 р. 2 р. 50 к.

Denktäler der Kunst zur Uebersicht ihres Eutwickelungsganges von den ersten künstlerischen Versuchen bis zu den Standpunkten der Gegenwart bearbeitet von W. Lübke u. C. Lützow. 208 Tafeln in Lithographie, darunter 7 in Farbendruck und erklärender Texband. Geb in Hlbfrz, вмѣсто 30 р. 20 р.

Die Königliche Gemälde-Gallerie zu Dresden, съ объяснительнымъ текстомъ Hermann Lücke. 100 геліогравюръ внѣ текста, форматъ in-folio (44×34 стм.) и многочисленныя иллюстраціи въ текстѣ. Выходитъ 10 вып. по 7 р. 20 к. По подпискѣ каждый выпускъ по 5 р. 50 к. До сихъ поръ вышло 5 выпусковъ.

Dictionnaire de l'Ameublement et de la décoration. Съ XIII-го столѣтія до нашего времени, сост. г-нъ Henry Havard. 4 роскошныхъ тома, in 4⁰, по 600 стр., въ 2 столбца, содержащій каждый болѣе 800 гравюръ въ текстѣ и 64 большихъ отдѣльныхъ хромотипографій. Въ картонномъ переплетѣ. Цѣна вмѣсто 110 р. 80 р.

Albert Dürer et ses dessins, par Ch. Ephrussi. Большой томъ in—4⁰, болѣе 100 рисунковъ въ текстѣ и многочислен. гравюры внѣ текста, безъ переплета, вмѣсто 30 р. 15 р.

Exposition russe de l'industrie et des beaux-arts à Moskou en 1882 (Всероссійская промышленно-художественная выставка въ Москвѣ въ 1882 году). Великолѣпный альбомъ in folio oblong, содержащій 85 фотогравюръ и 26 стр. текста на нѣмецк., французскомъ и англійскомъ языкахъ, въ красивой папкѣ. Цѣна вмѣсто 25 р. только 6 р.

Figaro Photographe. Единственное изданіе, по случаю первой международной фотографической выставки 48 стр., in folio. Масса иллюстрацій внѣ текста. Цѣна вмѣсто 2 р. 1 р.

Figaro-Salon, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894. Цѣна вмѣсто 54 р. 27 р. Figaro-Salon выходитъ ежегодно при открытіи Парижской художественной выставки: каждый годъ состоитъ изъ 5—6 выпусковъ (1886—1889 изъ 5, а 1890—1894 изъ 6. Авторомъ текста до 1891 года былъ A. Wolff, а послѣ смерти этого талантливаго критика его замѣн. Ch. Yriarte.

☞ Для желающихъ ознакомиться съ этимъ изданіемъ у насъ имѣются нѣсколько разрозненныхъ выпусковъ, которые и продаются отдѣльно по 50 к. ☜

Figaro-Salon 1886, 1887, 1889, 1890, 1892. Каждый годъ отдѣльно, вмѣсто 6 р. 3 р.

Frauenlob. Женскія фигуры, полныя граціи и красоты, въ костюмахъ различныхъ столѣтій. 14 фототипій съ пастелей г. Bob. Beyschlag, 4-е изданіе in folio, въ пер. Цѣна вмѣсто 7 р. 20 коп. 5 р.

Der Gesangverein „Brüllaria“ und sein Stiftungsfest, 15 иллюстрацій въ краскахъ Luawig Bechstein и стихотвореніе Rudolf Baumbach, folio въ оригинальномъ переплетѣ, вмѣсто 15 р. 10 р. Это изданіе содержитъ комичныя сцены изъ нѣмецкихъ музыкальныхъ собраній („Gesangverein“), имѣло въ Германіи необыкновенный успѣхъ; въ 3 мѣсяца продано было болѣе 10.000 экземп.

Goethe, W. v. Faust. Eine Tragödie. Erster Theil. Illustrirt in 50 Compositionen von Alexander Liezen Mayer mit Ornamenten von R. Seitz. Gebdn. m. Goldschnitt, вмѣсто 9 р. 6 р.

Grundriss der Keramik in Bezug auf Kunstgewerbe. Описаніе развитія керамики съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Прекрасный руководитель для ремесленныхъ школъ, фабрикантовъ, лѣпщиковъ, коллекціонеровъ и художниковъ, составилъ Fr. Jaenicke, 476 иллюстрацій и 2.634 марки и монограммы. Въ картонномъ переплетѣ, цѣна вмѣсто 25 руб. 20 к. 12 р.

Eduard Grützner. Ein Franziskaner-Convent. 20 характерныхъ типовъ монаховъ францисканскаго монастыря, въ геліогравюрахъ in 16⁰ въ переплетѣ. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Frater Petrus, der Pförtner, der Provinziale, Pater Gregorius, der Guardian, Pater Dominicus, Pater Kilian, Pater Cölestin, Pater Angelicus, der Physiker, Pater Aloysius, der Prediger, Pater Pius, der Religionslehrer, Pater Spiritualis, der Beichtvater, Pater Bonaventura, der Bibliothekar, Pater Barnabas, der Visitator, der alte Pater Blasius, Frater Urban, der Pförtner, Frater Anselmus, der Koch, Frater Vitalis, der Küchengehilte, Frater Jacobus, der Braumeister, Frater Benedict, der Bäcker, Frater Crispinus, der Schuster, Frater Anselmus, der Schneider.

Curlitt, Cornelius. Die internationale Kunstausstellung zu Berlin 1891. 10 p.

Georg Hahn, Folge mir nach! Изданіе „Gedenke Mein", имѣвшее громадный успѣхъ, дало поводъ къ изданію, соотвѣтствующему продолженію къ картинамъ г. Hoffmann подъ названіемъ: „Folge mir nach", состоящее изъ 12 фототипій съ картинъ Georg Hahn. Цѣна, въ роскошной папкѣ, вмѣсто 16 руб. 12 руб.

Henne am Rhyn, O. Die Kreuzzüge und die Kultur ihrer Zeit. Illustrirt von G. Doré. Gebdn. mit Goldschnitt. Цѣна вмѣсто 12 р. 7 руб. 50 коп.

Herbs und Winterblumen. Описаніе осенникъ и зимнихъ туземныхъ цвѣтовъ, г. Carus Sterne. Съ 71 раскраш. карт. и 106 гравюр. на деревѣ г. Schermaul. Въ роскошномъ переплетѣ, съ золот. обрѣз. Цѣна вмѣсто 11 р. 5 р.

Histoire de la société française pendant la revolution, par Ed. et Jules Goncourt. Роскошный томъ, in 4°, изданный на веленевой бумагѣ, содержащій многочисленные рисунки различныхъ видовъ репродукціи, какъ-то: хромотипографіи, фототипіи, темные и цвѣтные „fac-similés" и т. д. Цѣна безъ переплета въ пестрой обложкѣ вмѣсто 15 руб. 12 руб., въ переплетѣ 14 руб.

Heinrich Hoffmann, Gedenke Mein! Альбомъ, in folio, 15 фототипій съ рисунковъ карандашомъ профессора Heinrich Hoffmann'a. Великолѣпный праздничный подарокъ религіознаго содержанія; онъ можетъ доставить истинное-наслажденіе прекрасно переданными важнѣйшими моментами жизни Спасителя. Цѣна въ роскошной папкѣ, вмѣсто 16 руб. 12 руб.

Homère Iliade, франц. пер. Emile Pessoneaux, съ 24 большими фототипіями Henri Motte. Форматъ in 4°. Цѣна вмѣсто 20 руб. 12 руб.

Hottenroth, F. Trachten, Haus-, Feld-u. Kriegsgeräthschaften der Völker alter und neuer Zeit. 2 тома въ переплетѣ. Цѣна вмѣсто 72 руб. 45 руб. Желающимъ пополнить русское изданіе этого сочиненія предлагаемъ отдѣльно томъ II въ перепл. вмѣсто 36 руб. 23 руб., безъ перепл. вмѣсто 30 руб. 18 руб.

Im Wandel der Zeiten. Собраніе новѣйшей нѣмецкой лирики, съ 10 отдѣльными фотогравюрами, многочисл. гравюрами на деревѣ и виньетками. Предисловное стихотвореніе г. Erieda Schans. Форматъ in 4°. Красивый переплетъ съ гравюрой на обложкѣ и золотымъ обрѣзомъ. Цѣна вмѣсто 12 руб. 5 руб.

Fritz August von Kauldach, Studien. 12 прекрасныхъ снимковъ (фототипій), in folio, съ пастелей и рисунковъ этого знаменитаго художника, въ переплетѣ, вмѣсто 7 руб. 20 коп. 5 р.

Knaus, Ludwig. Photogravüren und Zeichnungen nach Originalen des Meisters. Begletender Text von Ludwig Pietsch. Цѣна вмѣсто 40 руб. 25 руб.

Кремль въ Москвѣ. Очерки и картины прошлаго и настоящаго. Составилъ Фабриціусъ. Содержитъ 344 стр. текста, напечатаннаго крупнымъ шрифтомъ на веленевой бумагѣ, 76 рисунковъ (цинкографій), исполненныхъ по оригиналамъ художниковъ: А. В. Виневскаго, С. И. Свѣтославскаго, И. Левитана, и 14 фотогравюръ, исполненныхъ въ фотографіи Панова. Цѣна вмѣсто 10 руб. 5 руб. Въ роскошномъ переплетѣ 6 руб.

Le Kremlin de Moscou, par M. P. Fabricius. Кремль въ Москвѣ. Въ перепѣ. 6 руб., безъ перепл. 5 р.

Kretschmar, A. u C. Rohrbach. Die Trachten d. Völker vom Beginn der Geschichte bis z. 19. Jahrhundert, geb. Цѣна вмѣсто 75 руб. 35 руб.

La peinture au musée de Florence, par Lafenestre et Richtenberger. 400 стр. текста и 100 фототипій, in 8°, въ переплетѣ 4 руб.

Le musée national du Louvre, pat Lafenestre et Richtenberger, 379 стр. текста и 100 фототипій, in 8°, въ переплетѣ 4 руб.

Liebes Volk. Дѣтскія фигуры изъ поэзіи и природы, 12 фототипій съ пастелей Rob. Beyschlag'a, folio, въ переплетѣ, цѣна вмѣсто 7 р. 20 к. 5 руб. Едва ли кто превзойдетъ извѣстнаго художника Rob. Reyschlag'a въ созданіи чудныхъ дѣтскихъ и женскихъ типовъ. Они исполнены полно граціи и красоты и заставляютъ каждаго видѣвшаго ихъ невольно залюбоваться ими. Своими послѣдними двумя произведеніями „Frauenlob" и „Liebes Volk" художникъ пріобрѣлъ себѣ еще большую славу. Издатель способствовалъ ему, давъ прекрасную репродукцію.

Lossow, Cötterdekameron, въ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, вмѣсто 6 руб. 4 руб. Ничто въ этомъ родѣ не можетъ сравниться съ знаменитымъ произведеніемъ H. Lossow. Это восхити-

тительный образецъ искусства „Sans-Gêne", которымъ мы обязаны граціозному характеру смѣлаго и остроумнаго художника женскихъ моделей. Леда, Даная, Венера и т. д., болѣе во вкусѣ Люціана, чѣмъ Гомера—вотъ классическій сюжетъ, которымъ воспользовался артистъ.

Madame de Pompadour, par Ed. et Jules Goncourt. Новое изданіе, пересмотрѣнное и добавленное неизданными письмами и документами. 402 стр. текста, 55 прекрасныхъ гравюръ на мѣди, 2 хромолитографіи. Форматъ in 4°. Изданіе распродано у издателя. Цѣна вмѣсто 20 руб. 12 руб.

Hans Makart. Die Altmeister der Kunst Люнети въ придворномъ музеѣ въ Вѣнѣ. 13 роскошно изданныхъ фототипій, in-folio, въ перепл., вмѣсто 7 руб. 20 коп. 5 руб.

Malerei auf d. Münchener Jubilaums-Kunst-Ausstelung Photogravür-Ausgabe. Mit begleitend. Text v L. Pietsch. Mit Illustrationen und 86 Tafeln. Цѣна вмѣсто 50 руб. 28 руб.

Meissonier, par Gustave Larroumet. Etude suivie d'une biographie par Philippe Burty. Этотъ сборникъ содержитъ самыя выдающіяся и многія еще не изданныя работы этого знаменитаго французскаго художника, а именно: многочисл. иллюстр. въ текстѣ, 10 фотогравюръ „en taille douce" и болѣе 70 гравюръ на деревѣ, цинкѣ и т. д. внѣ текста, in 4°, въ перепл. 5 руб.

Mémoires de Benvenuto Celinini, писанные имъ самимъ. Переводъ L. Leclanché, замѣтки указанія M. Franco. Издано на слоновой бумагѣ съ 9 гравюрами „à l'eauforte" внѣ текста, гравированныхъ Laguillermie и съ многочисл. иллюстр. (съ золотомъ и серебромъ) въ текстѣ, in 8°, вмѣсто 25 руб. 10 руб.

Milton, John. Das verlorene Paradies. Deutsch. von Ad. Böttger. Illustrirt von G. Doré geb. m. G. вмѣсто 30 руб. 18 руб.

Le Musée de Luxembourg, съ объяснительнымъ текстомъ Léonce Benédite, хранителя Люксембургскаго музея. Многочисленные рисунки въ текстѣ и болѣе 60 гравюръ и геліогравюръ внѣ текста. Новое удешевленное изданіе in 4°, въ 9 руб.

Nos oiseaux, par André Theuriet, 112 иллюстрацій Giacomeli въ текстѣ и внѣ текста, на веленевой бумагѣ in 8° jésus. Цѣна вмѣсто 10 руб. 6 руб. Тоже самое въ коленк. перепл. спеціальн. заготов., съ золотымъ обрѣзомъ 8 руб.

L'Ornement polychrome, par A. Racinet. Богатое иллюстрированное изданіе въ краскахъ, съ золотомъ и серебромъ, содержитъ около 2000 мотивовъ всѣхъ стилей: древній, азіатскій, средне-вѣковой, ренесансъ, XVII и XVIII столѣтій. Историческія и практическія объясненія съ замѣтками и общими указаніями. I. Серія 100 картинъ. Вмѣсто 80 руб. 50 руб. II. Серія 120 картинъ. Вмѣсто 100 руб. 70 руб.

Le panorama Salon. Texte par Thiébault—Saison 1895, 7 выпусковъ по 30 коп., въ переплетѣ 3 руб. 50 к.

Paris-Noël 1892—1893, 1893—1894 и 1894—1895 гг. Прекрасный самостоятельный рождественскій журналъ съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ и приложеніями. Форматъ in-folio. Цѣна каждаго вмѣсто 1 руб. 75 коп. 1 руб.

Edgar Poë. Histoires extraordinaires. 2 тома in 8°. Каждый томъ содержитъ 12 гравюръ внѣ текста. Переводъ Ch. Baudelaire (a. r.). Цѣна за оба тома вмѣсто 25 руб. 15 руб.

Repin. Сборникъ самыхъ выдающихся произведеній извѣстнаго русскаго художника И. Е. Рѣпина. Многочисленныя репродукціи сдѣланы различными способами, какъ-то: гравюры рѣзцомъ и въ офортъ, ксилографіи, фотогравюры, цинкографіи, фототипіи и литографіи, какъ въ одинъ, такъ и въ нѣсколько цвѣтовъ. Цѣна вмѣсто 12 руб. 8 руб.

The Royal academy pictures 1895. Снимки съ картинъ англійской академической выставки. 5 выпусковъ, болѣе 200 иллюстрацій. Цѣна 4 руб. 25 коп.

Русскій художественный архивъ 1892—1893 гг., состоящій изъ 6 выпусковъ и заключающій 344 стр. in 4° чрезвычайно интереснаго текста, 60 большихъ превосходно исполненныхъ фототипическихъ снимковъ съ картинъ русскихъ художниковъ и съ различныхъ произведеній искусства, многочисленныя иллюстраціи въ текстѣ и заглавныя буквы, исполненныя по стариннымъ оригиналамъ. Цѣна вмѣсто 12 руб. только 6 руб. Въ роскошномъ переплетѣ 8 руб.

Schiller F. v. Das Lied von der Glocke. Illustrirt in 17 Compositionen von A. v. Liezen Mayer mit Ornamenten von Kramer. Ausgeführt in 6 Kupferstichen. Gebdn, in Goldschn. Цѣна вмѣсто 9 руб. 6 руб.

„Современныя нимфы". Альбомъ содержитъ 12 изящно исполненныхъ геліогравюръ, изображающихъ 12 нимфъ соотвѣтственно 12 мѣсяцамъ года. Геліогравюры исполнилъ Ф. Карлъ въ Вѣнѣ по оригиналамъ Г. Зибенъ. Въ изящной папкѣ вмѣсто 15 руб. 10 руб.

Sommerblument. Описаніе тузем-

ныхъ лѣтнихъ цвѣтовъ, Carus-Stern'a, съ 77 раскрашенными картинами и 124 гравюрами на деревѣ г. Schermaul. Въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Цѣна вмѣсто 11 руб. 5 руб.

Stoddard, John L., Portfolio. Photographies des Villes, Paysages et peintures célèbres, 16 выпусковъ по 30 коп., въ переплетѣ 6 р. 50 к.

Strathmann, C. Fin de siècle. 16 Launige Karrikaturen. Вмѣсто 15 руб. 12 руб.

Wallace, L. Les tableaux célèbres du monde. Collection de reproductions photographiques de chefs-d'oeuvre modernes comprenant deux cent cinquante-six beaux spésimens de l'art Americain. Français, Anglais, Allemand, Autrichion, Italien, Suédois et Russe, provenants des principaux Musées de collections particulières célèbres ou des ateliers d'artistes éminents, 16 выпусковъ по 30 коп.

Die Welt, in der man sich langweilt! Zwölt Compositionen non Fred. Bjarke und Titel & Schlufsbild von H. Lossow in Mappe. 12 руб.

Весселли, О распознаваніи и собираніи гравюръ. Пособіе для любителей. Переводъ С. С. Шайкевича. Съ двумя таблицами монограмъ. Цѣна вмѣсто 3 руб. только 1 руб. 50 коп.

Zick, Aphrodite und ihr Gefolge, въ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, вмѣсто 6 руб. 4 руб.

Этимъ своимъ созданіемъ художникъ „Золотого вѣка" налегаетъ еще болѣе, согласуясь съ сюжетомъ, на веселый жанръ изъ миѳологической жизни. Героиня Венера и ея свита. Намъ не приходится сожалѣть, что здѣсь отчасти примѣшивается фантазія самаго художника. Можно только поздравить иллюстратора съ созданіемъ: Борьба любви, Танецъ нимфъ, Сюрпризъ въ купальнѣ, Хорошая добыча, такъ какъ онѣ превосходны.

Zick, Bacchus und sein Gefolge, въ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, вмѣсто 6 руб. 4 руб.

Бахусъ и его свита—это третій альбомъ изъ той серіи античныхъ сюжетовъ, которымъ художникъ сумѣлъ дать современное вдохновеніе. Сюжетъ такъ увлекателенъ, что не удивительно, что художникъ имъ воспользовался. Всякая грубость сдѣсь изъята. Веселый кортежъ, Вакханки, Нимфы, даже Фавны и Сирены дышатъ граціей въ ихъ классической наготѣ.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова.

Русскія.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.

Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на ½ г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.

Будильникъ. Журналъ сатирическій, съ каррикатурами. Москва. Еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на ½ г. 6 р.

Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на ½ г. 6 р.

Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.

Волгарь. Ежедневн. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.

Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.

Волынь. Газета; 3 раза въ недѣлю. Житоміръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.

Восточное Обозрѣніе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.

Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники" Ц. съ дост. и пер. 10 руб.; на ½ г. 6 руб.

Всемірная Иллюстрація. Бо[льшой] иллюстрированный журналъ. В[ыходитъ] еженедѣльно съ ежемѣс. л.-прилож. „Трудъ". Ц. съ дост. 17 р. пер. 18 р.

Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7

Вѣстникъ Европы. Журналъ ис[торіи], политики и литературы. 12 нум[еровъ] въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост[авкой] р., съ пер. 17 р.

Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячн. журн. Ц. 4 р.

Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.

Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.

Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.

Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Екатеринбургская Недѣля. Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.

Живописное Обозрѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣсяч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.

Journal de St.-Pétersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., $^1/_2$ года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 к.

Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.

Зодчій. Художественно - техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.

Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсячн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.

Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., $^1/_2$ г. 7 р.

Край („Kraj"). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., $^1/_2$ г. 5 р., съ пер. 12 р., $^1/_2$ г. 6 р.

Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ доставк. и пер. 8 р.

Лучъ. Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ еженедѣльнаго журнала „Иллюстрированный Міръ". Безъ прилож. 3 р.

Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $^1/_2$ г. 10 р. 50 к.

Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.

Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.

Недѣля. Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей". Ц. съ пер. и дост. 9 р.

Нива. Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.

Новое Время. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $^1/_2$ г. съ достст. р., съ перес. 10 р.

Новое Слово. Ежемѣсячный журналъ. Подписка съ октября 1895 г. Спб. Ц. 10 р. съ дост. и перес.

Новороссійскій Телеграфъ. Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $^1/_2$ г. 8 р.

Новости. Ежедневн. политич. и литературн. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., $^1/_2$ г. 9 р.; съ перес. 17 р., $^1/_2$ г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., $^1/_2$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $^1/_2$ г. 6 р.

Новости Дня. Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., $^1/_2$ г. 5 р. 50 к.

Новь. Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.

Нувеллистъ. Музыкальный журналъ. съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.

Образованіе. Ежемѣсячный журналъ. Спб. Ц. 5 р. съ достав. и перес.

Осколки. Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.

Петербургская Газета. Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $^1/_2$ г. 5 р.; съ пер. 10 р., $^1/_2$ г. 6 р.

Петербургская Жизнь. Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.

Петербургскій Листокъ. Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., $^1/_2$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $^1/_2$ г. 6 р.

Природа и люди. Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 5 р.

Правительственн. Вѣстникъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., $^1/_2$ г. 8 р.

Развѣдчикъ. Журналъ библіографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.

Развлеченіе. Журналъ литературн. и юмористич., съ политиважами. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.

Ребусъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Родина. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.

Русское Богатство. Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.

Русскій Вѣстникъ. Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.

Русскій Инвалидъ. Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборн." 13 р.

Русское Обозрѣніе. Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.

Русскія Вѣдомости. Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., 1/2 г. 6 р.

Русь. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями; ц. 8 р.

С.-Петербургскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.

St.-Petersb. Herold. Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.

St.-Petersburg.Zeitung. Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.

Свѣтъ. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.

Сельскій Вѣстникъ. Еженедѣльная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

Сенатскія Вѣдомости съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.

Стрекоза. Художественно-юмористич. журналъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; 1/2 г. 6 р.

Судебная Газета. Еженедѣльная газета. Ц. въ годъ 7 р.

Сѣверный Вѣстникъ. Литературно-научный и политическій журналъ. 12 №№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к., съ пер. 13 р. 50 к.

Сѣверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.

Сынъ Отечества. Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.

— Второе изданіе безъ приложен. 4 р.

Тифлисскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

Чтеніе для солдатъ. 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.

Школьное Образованіе съ приложеніемъ „Сборника". Еженедѣльная общепедагогическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.

Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ карикатуръ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ премію 7 р. 65 к.

Польскія.

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.

Biblioteka najcelniejszych utworow literatury europejskiej. 12 zeszytów, rs. 6.

— romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6 kop. 80.

— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.

Biesiada literacka. Pismo literackie illustrowane. 52 num, rs. 6 z dodatkiem powieści, rs. 8.

Bluszcz. Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 13; wydanie III rs. 16.

Czasopismo Techniczne, miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.

Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literasko-artystyczny, zawiera utwory zagranicznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.

Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.

Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.

Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.

Gazeta przemysłowo - rzemieślnicza, pismo tygodniewe, rs. 5 k. 20.

Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.

Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.

Gazeta Swiateczna. 52 numera, rs. 8.

Gazeta Warszawska codziennie, rs. 12.

Izraelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.

Kolce Tygodnik humorystyczny, rs. 8.

Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwa przyrodników imienia „Kopernika". Lwów, 21 reszytów, rs. 6.

Kraj, tygodnik polityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.

Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.

Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.

Kurjer Poranny. Wychodzi codzień, rs. 8.

Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Swiateczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.

Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.

Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.

Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcya d-ra Benni, rs. 6.

Mucha. Tygodnik humorystyczny illustrowany, rs. 5.

Niwa. Dwutygodnik naukowy, literac i artystyczny, rs. 9.

Ogrodnik Polski. Dwutygodnik illustrowany, rs. 8.

Prawda. Tygodnik polityczny, społecz i literacki. Pod redakcyą Aleksand Swiętochowskiego. 6. rs. 10.

Przegląd tugodniowy życia społecz go, literatury i sztuk pięknych, rs. z dodatkiem rs. 12.

Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniow rs. 5.

Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych. Miesięcznik, rs. 8.
Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.
Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs 6.
Romans i Powiesc. 52 numera, rs. 4.
Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.
Sylwan piśmo poświęcone leśnictwu, rs. 5.
Tygodnik illustrowany, pośw. literaturze, nauce i sztukom pięknym, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.
Tygodnik mód i powiesci. Z dodatkiem illustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.
Tygodnik powiesci. Poznań, rs. 4.
Tygodnik Romansów i Powieści, rs. 4.
Wędrowiec. Pismo illustr., obejmujące podróże, rs. 8.
Wiadomosci farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.
Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe illustrowane dla dzieci, rs. 5.
Wiek, dziennik polityczny i społeczny. rs. 12.
Wszechswiat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod. redakcyą B. Znatowicza, rs. 10.
Zdrowie, miesięcznik poświęcony hygjenie, rs. 5.
Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

Въ книжномъ магазинѣ Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

Къ Рождественскимъ праздникамъ заготовленъ большой выборъ дѣтскихъ книгъ для подарковъ, между прочимъ:

Киселевой, М. Двѣ королевы. Повѣсть. Съ рисунк. Шрейбера. Ц. 1 р. 50 к.

Киселевой, М. Разсказъ изъ греческой миѳологіи. Съ рис. Шрейбера. Ц. 1 р. 50 к.

Киселевой, М. Утро жизни. Съ рисунками Шрейбера. Ц. 1 р. 50 к.

Киселевой, М. Ларька.—Геркулесъ.—Подкидышъ.—Нянина сказка. Съ рисунк. Шрейбера. Ц. 1 р. 50 к.

Потоскаго, А. Дѣдушка Назарычъ. — Мірскія дѣтки. Съ рисунк. Н. Каразина. Ц. 80 к.

Потоскаго, А. Неспособный человѣкъ. Быль. Съ рис. Н. Каразина. Ц. 80 к.

Потоскаго, А. Штуцерникъ.—Ничипоръ.—Зачины-вороты и его потомство. Съ рис. Н. Каразина. Ц. 80 к.

Потоскаго, А. Сибирлетка, полковая собака. Съ рис. Н. Каразина. Ц. 80 к.

Полѣновой, М. Лѣто въ Царскомъ Селѣ. Ц. 1 р. 75 к.

Гофманъ, Ф. Бѣдный мальчикъ. Съ рис. Шрейбера. Ц. 1 р. 25 к.

Бобровскій. Разсказы монмъ дѣтямъ. Съ рис. В. Шнака. Ц. 80 к.

Гальтъ, М. Исторія одного маленькаго человѣка. Ц. въ роскошномъ тисненомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ 2 р.

Спеліусъ, З. Сказки. Перев. съ шведскаго. Съ 24 рис. Ц. въ роскошномъ тисненомъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 р.

Гранстремъ, Э. Два героя. Ц. въ роскошномъ тисненомъ коленкорокомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 р.

Гранстремъ, М. Въ лѣсахъ Флориды.—Приключенія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Ц. въ роскошномъ тисненомъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 р.

Гранстремъ, Э. Елена-Робинзонъ. — Приключенія одной дѣвочки на необитаемомъ островѣ. Съ рис. Крюкова и др. Ц. въ роскошномъ тисненомъ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. обрѣз. 2 р.

Ликдэ, А. Въ Океанѣ звѣздъ. Съ рис. Ц. въ перепл. 1 р. 75 к.

Гранстремъ, Э. Снѣжный Король. Сцены изъ тридцатилѣтней войны. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

Гранстремъ, Э. Столѣтіе открытій въ біографіяхъ замѣчательныхъ мореплавателей и завоевателей XV и XVI вѣковъ. Съ рис. и картою путешествій. Ц. въ роскошномъ тисненомъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 р.

Гранстремъ, М. Синее знамя. Историческій разсказъ временъ нашествія монголовъ. Съ 65 рис. и картой походовъ. Ц. въ перепл. 8 р.

Гердбергъ. Исторія Греціи и Рима. Съ волипажами въ текстѣ и отдѣльными рисунками и картами. 2 т. Ц. 6 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 8 р.

Петрушевскій, А. Разсказы про Суворова. Съ портретомъ. Ц. 60 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 35 к.

Петрушевскій, А. Разсказы про Петра Великаго. Ц. 50 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 25 к.

Соколина. Быть и казаться. Три повѣсти изъ дѣтской жизни. Съ 27 иллюстраціями. Ц. 2 р.

Желиховской, В. Кавказскіе разсказы. Съ 33 иллюстраціями по оригин. рис. Шарлемана. Ц. 2 р. 50 к.

Рогова, О. Рѣпосчетъ. Преданія о духѣ исполинскихъ горъ. Съ 6 хромолитогр. Ц. 2 р.

Каразинъ, Н. Мои сказки. Съ иллюстраціями автора. Ц. 4 р. 50 к.

Капнистъ, И. Графиня. — Утренніе лучи. Фантастическіе эскизы. Ц. 50 к.

Женневре, А. Маленькій разнощикъ. Съ рис. художн. Жоффруа. Ц. въ роскошномъ тисненомъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 р.

Ливингстонъ-Моди, М. Маленькій милліонеръ. Съ рис. Ц. въ роскошномъ тисненомъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 р.

Колонбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ рис. художн. Мари. Ц. въ роскошномъ тисненомъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 р.

Поступила въ продажу «Приходская Библіотека» подъ редакціей В. И. Шеина

Единскій, М., свящ. Подвижники и страдальцы за вѣру православную и землю русскую. Ц. 30 к.

Житіе, подвиги и чудеса преп. и Богонос. Отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго и всея Россіи чудотворца, основателя Троице-Сергіевой лавры съ краткимъ описан. торжества 500 лѣтія его блаженной кончины. Ц. 30 к.

Коваль, Т. Практическое пчеловод

Переводъ съ англ. Маракуева, В. Н. Ц. 30 к.

Маракуевъ, В. Н. Сельскій огородъ, плодовый и ягодный садъ. Ц. 30 к.

Наумовичъ-Іоаннъ. Завѣтныя три липы. Истор. повѣсть для народа. Перелож. съ галицко-русск. нар. Давидовичъ. Ц. 30 к.

Наумовичъ, І., свящ. Максимъ богачъ или Судъ Божій. Разск. съ галицко-русск. нар., перелож. А. Давидовичъ. Ц. 30 к.

Никонъ, свят., патр. всеросс. и основан. имъ Новый Іерусалимъ. Ц. 30 к.

Псалтирь съ толков. для нар. чтенія, т. І. „Шестисалміе и Богослужебные часы". Ц. 30 к.

Псалтирь съ толков. для нар. чтенія, т. ІІ. „Каѳизмы, первая, вторая и третья". Ц. 30 к.

Наумовичъ, І. Псалтырникъ. Повѣсть изъ галицко-русск. нар. жизни. Ц. 20 к.

Наумовичъ, І. Сироты. Ист. пов. для народа. Съ галицко-русск. нарѣч., перелож. А. Давидовичъ. Ц. 20 к.

Наумовичъ, І. Четыре путеводителя доброй жизни: Страхъ Божій, Мудрость, Трезвость, Трудъ. Ц. 20 к.

Оксеновъ, А. Народная поэзія. Былины, пѣсни, духовные стихи, съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ. Ц. 30 к.

Петрушевскій, П. Святыя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи. Вып. І. Ц. 40 к.

Петрушевскій, П. Святыя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи. Вып. ІІ. Ц. 30 к.

Поддубный, И. Русская земля (Природа страны, населеніе и его промыслы). Ц. 30 к.

Пушкинъ, А. С. Избр. сочин. съ объясн. статьями. А. Филонова. Ц. 35 к.

Пушкинъ, А. С. Избр. соч. Т. ІІІ. Ц. 30 к.

Сельскіе хоры. Сборн. для школъ и нар. пѣнія. Ц. 75 к.

Сениговъ, І. П. Герои древней Греціи. Ч. І (Троянская война). Ц. 30 к.

Сениговъ, І. П. Герои древней Греціи. Ч. ІІ (Странствованія Одиссея).

Тарапыгинъ Ѳ. Сельскохозяйственныя бесѣды. — Скотоводство (лошадь, корова, овца и свинья). Ц. 30 к.

Ученіе Отцовъ Церкви православной о вѣрѣ и жизни христіанской. Ч. І. Ц. 30 к.

Басни и Баснописцы съ жизнеописаніями и примѣч. А. Филонова.

Пересылка — по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ — съ наложеннымъ платежомъ.

Объ изданіи Почтово-Телеграфнаго Журнала въ 1896 г.

Изданіе Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ, „Почтово-Телеграфный Журналъ" имѣетъ два отдѣла — оффиціальный и неоффиціальный и выходитъ: первый отдѣлъ еженедѣльно, а второй — разъ въ мѣсяцъ.

Въ программу оффиціальной части журнала входятъ всѣ правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся почтово-телеграфнаго вѣдомства и затѣмъ свѣдѣнія: о развитіи телеграфной и телефонной сѣтей; объ открытіи новыхъ почтовыхъ, телеграфныхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденій; дополненія и измѣненія въ тарифахъ внутренней и международной корреспонденціи и въ Почтовомъ Дорожникѣ; о почтово-телеграфныхъ сберегательныхъ кассахъ, объ эмеритурѣ, статистическія данныя, инструкціи, отчеты по ревизіи учрежденій и проч.

Неоффиціальный отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ оригинальныя, компилятивныя и переводныя статьи: 1) ученаго, историческаго и техническаго содержанія, по телеграфіи, телефоніи, электрическому освѣщенію, тягѣ и сообщенія изъ области электротехники Электротехническаго Института; 2) по почтовой части; 3) юридическія: по разработкѣ русскихъ почтовыхъ и телеграфныхъ законодательствъ; 4) статистическія; 5) біографическія — о знаменитыхъ дѣятеляхъ, посвятившихъ себя почтовому или телеграфному дѣлу; 6) библіографическіе матеріалы; 7) свѣдѣнія о почтовыхъ и телеграфныхъ конгрессахъ, о выставкахъ, о привиллегіяхъ и проч.

Цѣна журнала: безъ доставки 5 руб.; съ доставкою по городской и пересылку по иногородней почтамъ — 5 руб. 60 коп въ годъ.

За напечатаніе объявленій: страница 8 руб.; 1/2 страницы — 4 руб.; 1/4 страницы — 2 руб. и 1/8 страницы 1 руб.

Подписка принимается только на годъ и исключительно въ Главномъ Управленіи почтъ и телеграфовъ (Почтамтская ул., д. 7) ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 11 до 5 час. пополудни. Деньги за журналъ надлежитъ, на основаніи правилъ счетоводства для распорядительныхъ управленій, вносить въ Казначейство, а Главному Управленію присылаются квитанціи.

Въ случаѣ недоставленія нумеровъ журнала, заявленія объ этомъ должны быть препровождаемы въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія о неполученіи ихъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ
НА ПОЛИТИЧЕСКИ-ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„ЕНИСЕЙ".

Выходитъ въ Красноярскѣ три раза въ недѣлю.

Программа газеты:

1. Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями.—2. Отдѣлъ оффиціальный, важнѣйшія правительственныя распоряженія.—3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей, совмѣстно съ интересами сибирскихъ губерній, соприкасающихся съ нимъ губерній, соприкасающихся съ бассейномъ рѣки Енисея, а также вопросы русской политики на Востокѣ.—4. Статьи и очерки по вопросамъ Енисейскаго края и соприкасающихся съ нимъ губерній Сибири,— по городскому и земскому хозяйству, статьи по сельскому хозяйству, экономическія, торговыя, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности.—5. Обзоръ общественной жизни Сибири и Россіи. Городская хроника. Театръ и музыка.—6. Политическія извѣстія, общія и, въ частности, касающіяся Азіатскихъ странъ.—7. Корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисея и соприкасающихся съ нимъ губерній, а также сообщенія изъ Россіи.—8. Научный отдѣлъ,— открытія и путешествія по Сибири и ея окраинамъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.—9. Литературное обозрѣніе,— критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи.—10. Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, наброски, летучія замѣтки и стихотворенія.—11. Судебная хроника, безъ обсужденія рѣшеній.—12. Смѣсь Отвѣты редакціи.—13. Справочный отдѣлъ: судебныя свѣдѣнія, святцы, рыночныя цѣны, свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ пароходовъ, поѣзда желѣзныхъ дорогъ, недоставленныя телеграммы и т. п.—14. Объявленія казенныя и частныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи—Енисей, собств. домъ, Воскресенская ул., въ Ачинскѣ—въ отдѣленіи конторы при типографіи Е. Ѳ. Кудрявцева; въ Минусинскѣ—въ отдѣленіи редакціи „Енисей"; въ Томскѣ—въ отдѣленіи редакціи „Енисей", Почтамтская ул., домъ Окулова, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Иркутскѣ—въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Петербургѣ и Москвѣ—въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель Е. Кудрявцевъ.

ПОДПИСКА
НА НЕОФФИЦІАЛЬНУЮ ЧАСТЬ
Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.
на 1896 годъ.

Неоффиціальная часть „Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" будетъ выходить въ 1896 году, по примѣру текущаго года, два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ, въ видѣ отдѣльнаго изданія.

Въ текущемъ 1895 году въ газету входили слѣдующія рубрики: передовыя статьи, мѣстная хроника, сообщенія изъ уѣздовъ, общія извѣстія, разныя извѣстія и фельетонъ (очерки, разсказы и пр.). Кромѣ того, отъ времени до времени помѣщались: простыя (общедоступныя) бесѣды, бесѣды съ читателемъ о текущей жизни и библіографія. Въ будущемъ 1896 году, кромѣ этихъ рубрикъ, предполагаются: письма изъ Петербурга, краткія обозрѣнія иностранной жизни и обозрѣніе газетъ и журналовъ. Въ мѣстномъ отдѣлѣ будетъ обращено особое вниманіе на возможно широкое развитіе отдѣла корреспонденцій.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.
НА ОДНУ НЕОФФИЦІАЛЬНУЮ ЧАСТЬ
СЪ ДОСТАВКОЙ ИЛИ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ . . . . . 3 р. — к. | На 3 мѣсяца . . . . . 1 р. 25 к.
На полгода . . . . . 2 „ — „ | На 1 мѣсяцъ . . . . . — „ 50 „

Подписка принимается въ г. Новгородѣ, въ редакціи „Губернскихъ Вѣдомостей" (при Берискай типографіи).

ГОДЪ ВТОРОЙ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА. ГОДЪ ВТОРОЙ.

НА

политическую, общественную, торгово-промышленную и литературную газету

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

на 1896 годъ.

Единственный и первый, со времени присоединенія къ Россіи Закаспійскаго края, мѣстный органъ, выходящій ТРИ раза въ недѣлю.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе Закаспійскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Особое вниманіе редакціи „Закаспійскаго Обозрѣнія" будетъ въ 1896 году обращено на привлеченіе постоянныхъ корреспондентовъ въ возможно большомъ количествѣ изъ городовъ и мѣстечекъ Туркестанскаго края вообще и Закаспійской области въ особенности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 8 руб.; на полгода—5 руб.; на три мѣсяца—3 руб. 50 коп.; на одинъ мѣсяцъ—2 рубля.

ЗА ГРАНИЦУ 12 РУБЛЕЙ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи газеты „Закаспійское Обозрѣніе", Асхабадъ, Анненковская улица, домъ К. М. Ѳедорова.

Всѣ новые годовые подписчики на 1896 годъ, внесшіе полную годовую плату, имѣютъ право на полученіе газеты со дня подписки до 1-го января 1896 года

БЕЗПЛАТНО.

За редактора издатель К. Ѳедоровъ.

Warszawa, *Krakowskie-Przedmieście* 7

KURYER CODZIENNY

PISMO ILLUSTROWANE, NAJTAŃSZE Z POLSKICH

WYCHODZI CODZIENNIE.

STAŁE WSPÓŁPRACOWNICTWO BOLESŁAWA PRUSA.

(ALEKSANDRA GŁOWACKIEGO).

Warunki prenumeraty na prowincyi:

miesięcznie 75 kop., kwartalnie rs. 2.25, półrocznie rs. 4.50, rocznie rs. 9.

W razie potrzeby dodatki nadzwyczajne.

Powieści najpoczytniejszych Autorów polskich i obcych.

Wydawcy GEBETHNER i WOLFF.

Дозв. Цензур. — Варшава. 17 Ноября 1895 г.

Вышелъ № 11 журнала

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“,

ИЗДАВАЕМАГО

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

СОДЕРЖАНІЕ: Высочайшій манифестъ.—1) Бобровая шапка *А. А. Винницкой.*—2) Слезы. Стихотвореніе. *А. М. Ѳедорова.*—3) Врагъ. Разсказъ. *Д. Мамина-Сибиряка.*—4) Трудовая теорія стоимости и норма прибыли. *Н. Брусиловскаго.*—5) Камчатка. Современные нравы. *Леона Дода.*—6) Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. *І. Мельшина.*—7) Терекъ бѣдный, что тоскуешь. Стихотвор. *Allegro.*—8) Судьбы крестьянской общины въ Германіи. *Л. Зака.*—9) Студенты. Изъ семейной хроники. *Н. Гарина.*—10) Мултанское жертвоприношеніе. *В. Г. Короленка.*—11) Мнѣ снилось сегодня... Стихотвореніе *П. Я.*—12) Народно-хозяйств. наброски. *Н. А. Карышева.*—13) Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго.*—14) Новыя книги.—15) Дневникъ журналиста. *С. Н. Южакова,*—16) Изъ Франціи. *Н. К.*—17) Изъ Германіи. *А. Коврова.*—18) Хроника внутренней жизни. *Н. Ѳ. Анненскаго.*—19) Отчетъ секретаря и казначея „Литературнаго фонда“.—20) Отчетъ конторы редакціи журнала „Русское Богатство“ по сбору пожертвованій.—21) Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г.

Подписная цѣна: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.; безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала—Бассейная ул., 10. **Въ Москвѣ**—въ отдѣленіи конторы—Никитскія ворота, д. Гагарина, квартира библіотеки Бѣляевой.

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе допускается разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Для городскихъ подписчиковъ безъ доставки допускается разрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ—до 1-го сентября.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики „Русскаго Богатства“, уплатившіе подписную сумму сполна, пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Редакторы: П. В. Быковъ, С. И. Поповъ.

Открыта подписка на *1896* г.

НА МОРСКУЮ И ГОРОДСКУЮ ГАЗЕТУ

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Газета выходитъ три раза въ недѣлю.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ города Россіи.				безъ доставки.			
На годъ. .	8	р. — к.		На годъ. .	7	р. — к.	
„ 11 мѣс.	7	„ 50	„	„ 11 мѣс.	6	„ 50	„
„ 10 „ .	7	„ 25	„	„ 10 „	6	„ 25	„
„ 9 „ .	6	„ 50	„	„ 9 „	5	„ 50	„
„ 8 „ .	6	„ —	„	„ 8 „	5	„ —	„
„ 7 „ .	5	„ 25	„	„ 7 „	4	„ 25	„
На 6 мѣс.	5	р. — к.		На 6 мѣс.	4	р. — к.	
„ 5 „	3	„ 75	„	„ 5 „	3	„ 25	„
„ 4 „	3	„ —	„	„ 4 „	2	„ 50	„
„ 3 „	2	„ 50	„	„ 3 „	2	„ —	„
„ 2 „	1	„ 75	„	„ 2 „	1	„ 25	„
„ 1 „	1	„ —	„	„ 1 „	—	„ 70	„

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ КРОНШТАДТѢ; въ конторѣ редакціи.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ; въ книжныхъ магазинахъ Стасюлевича, „Новаго Времени“, Фену, Риккера и въ конторѣ объявленій Метцль.

Вступивъ въ 35-й годъ своего существованія, морская и городская газета „КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ будетъ, по прежнему, прежде всего служить морскому дѣлу, которому она посвятила свое изданіе, не забывая, въ то же время, интересовъ и нуждъ Кронштадта, какъ города, военнаго и коммерческаго порта и крѣпости.

Redaktor
Dr. Józef Wolff.

Wydawcy
Gebethner i Wolff.

NAJPOPULARNIEJSZE PISMO OBRAZKOWE POLSKIE

TYGODNIK ILLUSTROWANY

ORGAN SPOŁECZNY. LITERACKI, ARTYSTYCZNY I NAUKOWY.

Od N. R. ***powiększa objętość o 50.000 wierszy druku,*** czyli dawać będzie w każdym numerze: 20 dużych stron tekstu i illustracyi około 1000 rocznie), okładkę kolorową i dodatek bezpłatny powieściowy 16-to stronowy).

Prócz tego prenumeratorzy Tygodnika nabywać mogą po znacznie zniżonej cenie wydawnictwa książkowe i albumowe, których wykaz wraz z numerem okazowym wysyła się na żądanie bezpłatnie.

Obecnie drukuje ***Tygodnik Illustrowany*** powieść egipską

BOLESŁAWA PRUSA

p. t.

„FARAON“

której początek nowi prenumeratorowie od N. R. 1896 mogą otrzymać za nadesłaniem kop. 25.

Po ukończeniu „Faraona“ rozpocznie „Tygodnik“

JUBILEUSZOWĄ POWIEŚĆ

HENRYKA SIENKIEWICZA

którą Autor „Ogniem i mieczem“ przeznaczył dla „Tygodnika“.

Warunki prenumeraty ***Tygodnika illustrowanego*** wraz z bezpłatnymi dodatkami wynoszą z przesyłką pocztową:

Kwartalnie rs. 3, półrocznie rs. 6, rocznie rs. 12.

Adres redakcyi: **Krakowskie-Przedmieście 17, w Warszawie.**

Дозв. Цензъ. — Варш. 16 Ноября 1895 г.

„Жизнь и Искусство“.

Кіевская ежедневная, литературная, политическая и художественная газета

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ

будетъ издаваться въ 1896 году по прежней программѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:	На 1 годъ.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
Съ пересылкой и доставкой. . .	8 р.	5 р. — к.	3 р. — к.	1 р. — к.
Безъ доставки	6 „	3 „ 75 „	2 „ 75 „	— „ 75 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р., къ 1 мая—2 р. и къ 1 іюля—2 р., а для служащихъ въ администр., судебн. обществ. и частн. учр. по 1 р. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ главной конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная ул., № 8 А.

Редакторъ-издатель М. Е. Кранскій.

Открыта подписка на 1896 годъ
на ТРИ изданія:

I.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„НОВОСТИ ДНЯ".

XIV годъ изданія.

Газета отводитъ на своихъ столбцахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской жизни, отмѣчая событія въ возможной полнотѣ и яркой, живой и общедоступной формѣ.

Помимо обширной мѣстной хроники, въ „НОВОСТЯХЪ ДНЯ" помѣщаются ежедневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, изъ провинціи и крупнѣйшихъ заграничныхъ центровъ—изъ Парижа, Берлина, Лондона и друг. Ежедневно помѣщается беллетристическій фельетонъ.

Желая, кромѣ того, дать читателямъ иллюстраціи къ тому богатому матеріалу, который помѣщается въ ежедневной газетѣ „НОВОСТИ ДНЯ", редакція, благодаря постоянно возростающему успѣху газеты, нашла возможнымъ дать

всѣмъ своимъ подписчикамъ БЕЗПЛАТНО

другое свое изданіе — еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕМЬЯ".

Несмотря на то, что „СЕМЬЯ" служитъ **безплатнымъ** приложеніемъ для подписчиковъ „НОВОСТЕЙ ДНЯ", журналъ этотъ представляетъ собою вполнѣ изящное изданіе, въ которомъ помѣщается много интереснаго текста и масса портретовъ (іерарховъ православной церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусствъ и т. д.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня. Какъ читатели могутъ сами судить по примѣру прошлыхъ лѣтъ, „СЕМЬЯ" по размѣрамъ своимъ и богатству содержанія не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Въ 1896 г., въ виду предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, «СЕМЬЯ» дастъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этому знаменательному событію.

Въ будущемъ же году предстоитъ открытіе всероссійской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. „СЕМЬЯ" посвятитъ выставкѣ рядъ своихъ номеровъ, и на ряду съ описаніемъ будетъ помѣщенъ альбомъ рисунковъ и иллюстрацій по всѣмъ отдѣламъ будущей выставки.

Для ознакомленія съ журналомъ „СЕМЬЯ" можетъ быть высланъ любой номеръ его БЕЗПЛАТНО.

Подписная цѣна на „НОВОСТИ ДНЯ" вмѣстѣ съ еженедѣльн. журналомъ „СЕМЬЯ", въ годъ 10 р., на шесть мѣсяцевъ 5 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р.
Въ Москвѣ въ годъ 8 р.

II.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕМЬЯ“.

IV годъ изданія.

Несмотря на свою дешевизну, журналъ „СЕМЬЯ“ представляетъ собою вполнѣ изящное изданіе, въ которомъ помѣщается много интереснаго текста и масса портретовъ (іерарховъ православной церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусствъ и т. п.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня.

„СЕМЬЯ“ выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) Изящная литература: романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія — оригинальныя и переводныя. 2) Научныя обозрѣнія и критика: литературная, театральная, художественная и музыкальная. 3) Историческія очерки и путешествія. 4) Біографія. 5) Спортъ всѣхъ видовъ. 6) Изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды и смѣсь. 7) Задачи, шарады, ребусы, игры, ноты. 8) Почтовый ящикъ. 9) Снимки съ картинъ современныхъ художниковъ. 10) Иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ. Портреты выдающихся дѣятелей. Рисунки, объясненія къ рисункамъ. Виньетки и пр. По размѣрамъ своимъ и богатству содержанія „СЕМЬЯ“ не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Въ 1896 г., въ виду предстоящаго Священнаго Коронованія **Ихъ Императорскихъ Величествъ**, „СЕМЬЯ“ дастъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этому знаменательному событію.

Въ будущемъ же году предстоитъ открытіе всероссійской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. «СЕМЬЯ» посвятитъ выставкѣ рядъ своихъ номеровъ, и на ряду съ описаніемъ будетъ помѣщенъ альбомъ рисунковъ и иллюстрацій по всѣмъ отдѣламъ будущей выставки.

Подписная цѣна въ годъ 3 руб.

III.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Новости Иностранной Литературы“.

VI годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячными книжками и даетъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и пр.

Подписная цѣна въ годъ 3 р., съ журналомъ «СЕМЬЯ» 5 р., вмѣстѣ всѣ три изданія 13 р.

Адресъ: Главная контора газеты «Новости Дня» и журналовъ «Семья» и «Новости иностранной литературы»: Москва, Красныя ворота, соб. домъ.

Издатель *А. Липскеровъ*.

год изданія 84-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** год изданія 84-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета **1896.**

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

печатается ежедневно (въ 2-хъ изд.) въ количествѣ **48,500** экземпляровъ.

первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты, кромѣ статей по современнымъ вопросамъ, сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета *Сынъ Отечества* въ первомъ (большомъ) изданіи

на годъ съ доставкою. **8** на годъ съ доставкою.

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52 НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрировннаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 году Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ газетѣ „Сынъ Отечества“ будетъ помѣщенъ рядъ оригинальныхъ рисунковъ и описаній, относящихся къ этому событію.

ВСЕРОССІЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА также займетъ видное мѣсто въ газетѣ, какъ въ рисункахъ, такъ и описаніяхъ.

2) **ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ „МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ“** замѣняютъ **„МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ“**.

3) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** (съ картою Россіи) разсылается при первомъ нумерѣ.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Всѣ годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“ въ 1896 году получатъ **безплатно и безъ всякой приплаты за пересылку**

ИЗБРАННЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛЮБИМАГО РУССКАГО ПИСАТЕЛЯ

А. МИХАЙЛОВА,

гдѣ, между прочимъ, будутъ помѣщены: портретъ, біографія автора и два большихъ романа, произведшихъ при своемъ появленіи громадную сенсацію въ литературномъ мірѣ, а именно:

I) „ЖИЗНЬ ШУПОВА“.—II) „ЛѢСЪ РУБЯТЪ—ЩЕПКИ ЛЕТЯТЪ“.

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ изданій—ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 руб.—На полгода 4 руб. 50 коп.—На три мѣсяца 2 руб. 50 коп.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ газеты **„Сынъ Отечества“ выходитъ ежедневно листами малаго формата.** Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы **одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.**

НА ГОДЪ съ доставкою. **4** НА ГОДЪ съ доставкою.

Кромѣ того на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ Особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

На годъ 4 руб. || На полгода 2 руб. || На три мѣсяца 1 руб.

Съ подпискою просятъ обращаться исключительно въ главную контору:

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное объявленіе высылается изъ конторы по требованію безплатно.

1896. ОТКРЫТА ПОДПИСКА. 1896.

на большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

Въ наступающемъ 1896 году въ журналѣ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ и его ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ, несмотря на громадные расходы, вводятся важныя и существенныя улучшенія, дающія возможность нашимъ подписчикамъ имѣть два самостоятельныхъ литературныхъ изданія, не возвышая прежней подписной цѣны:

52 Иллюстрированныхъ нумера, гдѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскош. бумагѣ, съ большими гравюр. лучшихъ художниковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 году Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, а также открытія въ Нижнемъ-Новгородѣ „Всероссійской художественно-промышленной выставки“, журналъ „Живописное Обозрѣніе“ дастъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этимъ событіямъ.

ПРИ НУМЕРАХЪ ЖУРНАЛА, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА БУДЕТЪ ВЫДАНО:

1) 52 нумера—„Хроника событій за недѣлю“.—2) 12 нумеровъ „Парижскихъ новѣйшихъ модъ“ съ рисунками. — 3) 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ (новость).—4) 12 выкроекъ въ натуральную величину.—5) Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шеротью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—6) Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7) 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—8) Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ВМѢСТО БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ ВЪ 1896 ГОДУ БУДЕТЪ ВЫДАНО:

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ,

въ составъ которыхъ входятъ новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія русскихъ и иностранныхъ писателей, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Тома эти будутъ выходить ежемѣсячно (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанными, въ форматѣ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Каждый томъ будетъ состоять изъ новыхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ каждомъ томѣ, между прочимъ, обязательно будетъ помѣщенъ ОДИНЪ вполнѣ законченный романъ или повѣсть, изъ коихъ нѣкоторыя будутъ иллюстрированы извѣстными художниками и дополнены портретами писателей и выдающихся личностей.

Несмотря на новыя весьма цѣнныя улучшенія въ нашемъ изданіи, ставящія его, по богатству и разнообразію литературнаго и художественнаго матеріала, внѣ всякихъ сравненій съ существующими однороднымъ изданіями,

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

на годъ (съ доставкою въ Спб. и по Имперіи) 8 р., безъ доставки въ Спб. 7 р.,—Въ Москвѣ—7 р. 75 к., на полгода (съ доставкою) — 4 р. 50 к., на три мѣсяца—2 р. 50 к., за границу на годъ—16 р.

Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается по соглашенію съ глав. конторой.

Съ подпиской и требованіями просятъ обращаться въ главную контору журнала: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, безплатно.

4 р. за годъ. БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА. 1 р. три мѣс.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

безусловно независимый органъ печати со строго выдержаннымъ направленіемъ. Свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета является *наиболѣе полнымъ* выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичный и провинціальной общественой жизни, фельетона, телеграммъ, корреспонденцій и пр.,—по своей **полнотѣ и свѣжести** совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ **другихъ большихъ столичныхъ газетъ.** Въ ней принимаетъ участіе цѣлый рядъ **извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей**, произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

ЕЖЕДНЕВНО:

Руководящія статьи, посвященныя политическому положенію дня, **общественнымъ и экономическимъ вопросамъ. Знамя газеты**—стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ, касающихся какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей, входящихъ въ составъ Русской Имперіи. Всѣ телеграммы, новости и отголоски **общественной жизни. Дневникъ. Столичная хроника**, изъ залы суда, театръ, музыка и изящныя искусства. О чемъ говорятъ и пишутъ. **Отклики.** Пріобрѣвшія заслуженную извѣстность **Ежедневныя бесѣды** нашего даровитаго сотрудника г. **Далина** о вопросахъ и **нуждахъ провинціи**, о дѣятельности нашего земскаго и городского самоуправленія и о нуждахъ нашей помѣщичьей и крестьянской деревни. Масса собственныхъ корреспонденцій. Хроника провинціи. Сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ главныхъ центровъ политической жизни: **Парижа, Берлина, Вѣны, Лондона, Рима, Константинополя** и изъ славянскихъ земель. Политическая хроника. **Заграничная жизнь. Фельетоны** беллетристическіе; музыкальные и театральные наброски, литературные очерки, сельско-хозяйственныя и научныя бесѣды.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

со всѣми приложеніями и

съ пересылкой въ Россію:

На годъ . . .	4 р.	На 3 мѣсяца декабрь или январь . . .	1 р.
„ полгода . .	2 „		35 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

С.-Петербургъ, Невскій, 28.

УКРАШЕНІЕ ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРОВЪ

нашей газеты, состоящихъ каждый изъ 12 страницъ (изъ коихъ восемь печатаются по формѣ еженедѣльныхъ журналовъ и на бѣлой глазированной бумагѣ), составятъ въ наступающемъ году спеціально написанныя для „Биржевыхъ Вѣдомостей“ новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ современныхъ лучшихъ русскихъ художниковъ слова:

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

большой романъ въ 4 частяхъ

„ВѢЧНЫЕ МИРАЖИ“

(изъ жизни русскихъ за границей).

Графа Е. Л. Салиаса

большой романъ въ 2 частяхъ

„ИЗЛОМАННЫЕ ЛЮДИ“

(изъ жизни московской родовой и денежной аристократіи).

Сергѣя Атавы

послѣднее предсмертное произведеніе

„КОЗЕЛЪ“.

12

ПОВѢСТЕЙ и РОМАНОВЪ

слѣдующихъ хорошо извѣстныхъ читающей публикѣ русскихъ писателей:

І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго), большой романъ *„Въ одинъ невзрачный день“*. **І. Н. Потапенко**, большой романъ *„Старое и юное“* и повѣсть *„Простая случайность“*. **К. С. Баранцевича**, повѣсть *„Дама изъ мезонина“*. **А. А. Лугового**, повѣсть *„Павла Львовича перевели“*. **П. А. Линева**, повѣсть *„Разсчетъ“*. **А. В. Круглова**, повѣсть *„Донъ-Кихотъ“*. **Н. П. Аксакова**, историч. повѣсть *„Макаръ-Богатырь“*. **Е. О. Дубровиной**, больш. романъ *„Свое и наносное“* и повѣсть *„Русалка“*. **Слово Глаголь**, *„Искатели правды“*. **Н. А. Соловьева**, пов. *„Душа проснулась“* и рядъ другихъ произведеній беллетристическаго литературнаго и научнаго содержанія, вошедшихъ въ воскресные номера 1895 г., высылаются желающимъ, какъ особая

ПРЕМІЯ

за 1 рубль (включительно расходовъ по пересылкѣ всѣхъ воскресныхъ нумеровъ 1895 г.) новымъ годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ, выславшимъ подписныя деньги не позже 20-го декабря.

ВЫСТАВКА „БУДИЛЬНИКА".

Редакція журнала „Будильникъ", желая ознаменовать 32-й г. своего существованія, открываетъ въ 1896 г. выставку общечеловѣческихъ курьезовъ, людскихъ благоглупостей и житейскихъ „перловъ" нашей обыденной жизни. Въ виду этого

Сцены „Плоды просвѣщенія" сняты съ натуры фотографомъ-художникомъ К. А. Фишеромъ.

Выставка „Будильника" представляетъ 50 №№, а каждый № слѣдующіе отдѣлы: Карикатуры на серьезную тему и карикатуры смѣхотворныя. Свѣтящіеся фонтаны краснорѣчія на злобы дня. Поразительныя картинки провинціи въ рисункахъ и описаніяхъ. Домашній театръ—пародіи собственныхъ драматурговъ. Звонки—калейдоскопъ маленькихъ шутокъ въ стихахъ и прозѣ. Политическія шалости карандашомъ и перомъ. Новость — Оригинальные иллюстрированные юмористическіе разсказы изъ русской жизни и Новѣйшая новость — „Нижегородская выставка". Тузы и двойки экспонентовъ выставки. Веселый путеводитель. Кромѣ того, въ каждомъ №—Приложенія: 1) новѣйшія пьесы текущаго веселаго репертуара и 2) забавные разсказы иностраннаго производства и собственнаго розлива.

Подписныя деньги адресовать: Москва, редакція „Будильникъ".

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ"

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОСТОЯННЫЯ РУБРИКИ ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩІЯ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5) Телеграммы. 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7) Корреспонденціи. 8) Новости науки, литературы и искусства. 9) Театръ и музыка. 10) Внутреннія извѣстія. 11) Земская и городская хроника. 12) Внѣшнія извѣстія. 13) Судебный отдѣлъ. 14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.). 15) Библіографическія замѣтки. 16) Смѣсь. 17) Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьковскихъ Вѣдомостей".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К	Р. К.
Съ пересылкой	10 —	9 50	9 —	8 —	7 —	6 20	5 75	5 —	4 —	3 —	2 10	1 20
Съ доставк. въ Харьковѣ	9 25	8 50	8 —	7 —	6 50	5 50	5 —	4 —	3 50	2 50	2 —	1 —
Безъ доставки	8 25	8 —	7 50	6 50	6 —	5 25	4 50	3 75	3 —	2 25	1 50	— 80

24-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 г.** 24-й годъ изданія.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ОХОТНИЧЬИ ЖУРНАЛЫ:

„ПРИРОДА и ОХОТА"

и

„ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА".

Подписчики получатъ 12 книгъ журнала „Природа и Охота" (выходъ ежемѣсячно) и 50 №№ „Охотничьей Газеты" (выходъ еженедѣльно).

Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портретами охотниковъ, портретами собакъ, фотографіями сценъ изъ охотничьей жизни съ натуры, объяснительными чертежами, виньетками и проч.

Въ журналахъ печатаются: Разсказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи, съ описаніемъ способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и уженья, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч. породъ собакъ борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дрессировки и натаски, лѣченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ, кружковъ и отдѣльныхъ охотниковъ. — Статьи съ описаніемъ образа жизни, мѣстонахожденія и привычекъ звѣрей, птицъ и рибъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи объ охотахъ на звѣря и птицу, о количествѣ дичи, о прилетѣ и отлетѣ, о случаяхъ на охотахъ и проч.—**Ветеринарный отдѣлъ:** о болѣзняхъ собакъ и болѣзняхъ дичи.—**Юридическій отдѣлъ:** рѣшеніе и обсужденіе сложныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ охотничьей юридической практикѣ. **Судебная хроника. Правительственныя распоряженія** касающіяся охоты, уженья, охотничьихъ и рыболовныхъ промысловъ. — **Новости** текущей охотничьей жизни у насъ и за границей. — Библіографическія замѣтки.—Обзоръ иностранной охотничьей литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты.—Объявленія.

ПРЕМІЯ 1896 года — „Альбомъ охоты".

„Альбомъ охоты" будетъ напечатанъ на веленевой бумагѣ, in 4°. Въ него войдутъ: 1) портреты сотрудниковъ журналовъ „Природа и Охота" и „Охотничья Газета", группы членовъ охотничьихъ обществъ, военныхъ обществъ охоты, выдающихся охотниковъ и собаководчиковъ, портреты выдающихся заграничныхъ писателей, спортсменовъ и собаководчиковъ, охотниковъ-промышленниковъ Европейской и Азіатской Россіи. 2) Фотографическіе снимки съ современныхъ, выдающихся по красотѣ и полевымъ качествамъ охотничьихъ подружейныхъ собакъ, борзыхъ и гончихъ, комнатныхъ и сторожевыхъ собакъ. 3) Виды охотъ въ Европейской и Азіатской Россіи, а также иностранныхъ охотъ. **„Альбомъ охоты"** представитъ въ иллюстраціяхъ полную картину охоты въ ея современномъ состояніи и портреты современныхъ охотниковъ. **„Альбомъ Охоты"** печатается въ ограниченномъ количествѣ, лишь для подписчиковъ, отъ которыхъ подписныя деньги поступятъ въ Редакцію до 1-го февраля 1896 г. Въ видахъ возможно большей полноты и содержательности **„Альбома охоты"**, Редакція приглашаетъ всѣ охотничьи общества и всѣхъ охотниковъ принять участіе въ изданіи присылкою портретовъ (если возможно снятыхъ въ характерной для мѣстности охотничьей обстановкѣ съ добычею, проводниками, псовичами и проч.) и фотографическихъ снимковъ съ собакъ въ стаяхъ, смычкахъ, сворахъ, одиночно,— снимковъ съ охотничьихъ павильоновъ, садочныхъ стрѣльбищъ, охотничьихъ приваловъ, охотничьихъ сценъ и проч. Заявленія о желаніи помѣстить въ „Альбомъ охоты" фотографіи, должны быть присланы не позднѣе 1-го февраля 1896 г., самыя же фотографіи не позднѣе 1-го марта.

Подписная цѣна: { На годъ съ доставкой и пересылкой **15** руб. / За границу . . . . . **20** „

На пересылку преміи высылается добавочный рубль.

Лица, желающія одновременно съ подпиской на 1896 годъ пріобрѣсти журналъ и газету за 1895 годъ, получаютъ изданія за оба года за 27 рублей съ пересылкой и 25 рублей безъ пересылки, причемъ всѣ вышедшія книги и №№ газеты за 1895 г. высылаются и выдаются немедленно.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Дмитровка, домъ Денисовой.

Редакторы-Издатели: { А. П. Сабанѣевъ. / Н. В. Турчинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербургскія Вѣдомости“

въ 1896 году.

Приступая къ редактированію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», князь Э. Э. Ухтомскій считаетъ необходимымъ заявить, что онъ будетъ относиться къ своей совершенно самостоятельной задачѣ безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ и партійныхъ чувствъ. Задача газеты служить по мѣрѣ силъ выраженіемъ запросовъ и истинныхъ нуждъ государственной, общественной и народной жизни, черпая данныя для того въ постоянномъ общеніи съ людьми положительнаго идеала. Редакція намѣрена давать возможно полный критическій обзоръ религіозной и литературно-художественной жизни Запада во всѣхъ ея существенныхъ проявленіяхъ, но на ряду съ тѣмъ особенно выяснять значеніе и необходимость русскаго поступательнаго движенія въ Азіи, гдѣ наше грядущее главенство должно быть разсматриваемо какъ просвѣтительно-историческая миссія. «С.-Петербургскія Вѣдомости» будутъ открыты всему трезвому и гуманному, выше всего ставя вопросы о благѣ, достоинствѣ и величіи Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.				Съ казенн. прибавл.	
	На годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	На годъ	6 мѣс.
Безъ доставки	14 р.—к.	8 р.—к.	4 р.—к.	1 р. 50 к.	16 р.—к.	9 р.—к.
Съ достав. по гор. почтѣ	16 „ — „	9 „ — „	4 „ 50 „	1 „ 80 „	18 „ — „	10 „ — „
Съ пересылкой иногород.	17 „ — „	10 „ — „	5 „ 50 „	2 „ — „	19 „ — „	11 „ — „
За границу	26 „ — „	14 „ — „	8 „ — „	3 „ — „	28 „ — „	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ князя Э. Э. Ухтомскаго, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель *Князь Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскій.*

Туда же можно обращаться за роскошнымъ иллюстрированнымъ изданіемъ сочиненія князя Э. Э. Ухтомскаго:

Путешествіе на Востокъ нынѣ благополучно царствующаго

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Цѣна каждой изъ 4 отпечатанныхъ брошюрованныхъ частей 6 руб.

За каждыя 2 части въ общемъ переплетѣ 16 руб.

ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ

ВЫШЛА ПЕРВАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НОВОЕ СЛОВО".

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Восточный магазинъ". Повѣсть. П. Засодимскаго. 2) „Артели для подрядныхъ и наемныхъ работъ". В. В. 3) „Безъ особенныхъ правъ". Повѣсть. Д. Мамина-Сибиряка. 4) „Изъ записокъ Н. В. Шелгунова". 5) „На край свѣта". Ив. Бунина. 6) „Загадка". Разсказъ. Гейнца Товота. Перев. съ нѣмецк. З. Журавской. 7) „Родина". Стихотвореніе А. Колтоновскаго. 8) „Декадентство въ морали". Л. Оболенскаго. 9) „Бесси Кострель". Повѣсть мистрисъ Гумфри Уордъ. Пер. съ англійск. 10) „Общественныя профессіи". Соч. Герберта Спенсора. 11) „Въ разлукѣ". Изъ дневника. Стихотв. А. Колтоновскаго. 12) „Современная женщина". Романъ Эллы Хепвортъ Диксонъ. Пер. съ англ. В. Мисоловой. 13) „Участіе общественнаго элемента въ отправленіи правосудія". В. Бинштока. 14) „Взыскующіе града". Изъ наблюденій надъ русскимъ читателемъ. Н. Рубакина. 15) „Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ". Критическія письма. А. Скабичевскаго. 16) Новыя книги. 17) Обзоръ заграничной жизни: I. Римскій и Седанскій юбилеи. II Интересы дня. III. Между журналами и газетами. В. Т. 18) Научная хроника: Астрономія. Химія. Біологія. Н. Э. 19) Обозрѣніе внутренней жизни. I. Письма изъ провинціи: Письмо первое—Я. Абрамова; письмо второе — изъ Чернигова; письмо третье — изъ Кіевской губерніи. Н. Н. II. Изъ юридической области. Раскольничьи браки. III. Обо всемъ (фельетонъ). Сѣдого, 20) Некрологъ Н. В. Стасовой. 21) Приложеніе: Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Соч. Ж. Жюссерана. 22) Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, Н. А. Рубакинъ А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимиряевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.)** и др.

Годовая подписка на ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ (отъ 25—30 печ. лист.) Новое Слово принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г. Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 10 р., безъ пересылки на годъ 9 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к., за границу на годъ 12 р.

Адресъ конторы редакціи: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв 1. Отдѣленіе конторы: Спб., Невскій пр., д. 54, Библіотека Черкесова.

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подьяческая, д. 24).

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ.

За редактора А. А. Слѣпцовъ. Издательница О. Н. Попова.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Открыта подписка на пятое изданіе собранія сочиненій Н. А. Добролюбова

Въ четырехъ томахъ съ біографіею и портретомъ автора.

Изящное изданіе, дополненное письмами Н. А. Добролюбова и библіографическимъ указателемъ.

Цѣна по подпискѣ на все изданіе 6 руб. Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится 2 руб., по выходѣ II и III тома по 2 руб. По выходѣ въ свѣтъ IV тома цѣна будетъ повышена. Томъ I выйдетъ въ началѣ декабря.

Подписка принимается въ конторѣ изданій, Спб., Невскій, 54, библіотека Черкесова, въ конторѣ журнала Новое Слово, Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), 15, кв. 1, и въ библіотекѣ А. Т. Рубакиной, Спб., Большая Подьяческая, № 24.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору журнала Новое Слово.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Открыта подписка на общедоступное изданіе собранія сочиненій Чарльза Дарвина.

Въ двухъ томахъ, съ портретомъ Ч. Дарвина.

Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ.

Томъ I. Вступительная статья проф. К. Тимирязева. Путешестіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Перев. Е. Бекетовой, подъ ред. проф. Бекетова. Происхожденіе видовъ, новый переводъ проф. К. Тимирязева.

Томъ II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. И. Сѣченова.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ.

Цѣна по подпискѣ на все изданіе **3 рубля.** Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 1 руб., при полученіи I и II тома по рублю. По выходѣ въ свѣтъ II тома цѣна будетъ повышена. Томъ I выйдетъ въ концѣ ноября.

Подписка принимается въ конторѣ изданій, Спб., Невскій, 54, библіотека Черкесова, въ конторѣ журнала **Новое Слово**, Спб., Спасская ул. (уголъ Надеждинской), 15, кв. 1, и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной, Спб., Большая Подъяческая, № 24.

Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору журнала Новое Слово.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Условія подписки съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города: на годъ—7 руб., 11 мѣс.—6 руб. 50 коп., 10 мѣс.—6 руб., 9 мѣс.—5 руб. 50 коп., 8 мѣс.—5 руб., 7 мѣс.—4 руб. 50 коп., 6 мѣс.—4 руб., 5 мѣс.—3 руб. 50 коп., 4 мѣс.—3 руб., 3 мѣс.—2 руб. 40 коп., 2 мѣс.—1 руб. 70 коп., 1 мѣс.—90 коп., ½ мѣс.—50 коп.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 руб., до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный взносу срокъ.

Для ознакомленія—№№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 числа мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40 %. За объявленія не менѣе 100—150 разъ—уступка 50%.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз. или по 50 к. съ 100 экз.

1-го ноября вышла ноябрьская книжка иллюстрированнаго ежемѣсячнаго журнала для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) **Бѣлолобый.** Разсказъ. **Ант. П. Чехова.** Съ тремя рисунками художника В. И. Андреева. 2) **Ручей и его исторія** (По Элизе Реклю). VII. Источники долины. VIII. Пороги и водопады. IX. Излучины и водовороты. (Продолженіе). **Д. А. Коробчевскаго.** 3) **Птицы.** (Стихотвореніе). **Л. М. Медвѣдева.** Съ двумя рисунками. 4) **Голодъ.** (Исторія одного волка). Разсказъ. Гл. I—III. **И. Н. Потапенка.** Съ двумя рисунками художника В. И. Андреева. 5) **О книгахъ и сочинителяхъ.** Х. Книги законовъ. Насмѣшливыя сказки про Ерша Щетинника и Шемякинъ судъ. Стоглавъ. Домострой. (Продолженіе). **В. Н. Ладыженскаго.** 6) **Слѣпой** (Изъ „Слѣпого музыканта“ **В. Г. Короленка**). Гл. IX—XIV. (Окончаніе). Пересказано **К. В. Лукашевичемъ.** Съ двумя рисунками художника Николаева. 7) **Олимпійскій праздникъ.** (Продолженіе). **С. В. Зенченка.** Съ двумя рисунками. 8) **На чужбинѣ.** Разсказъ. **В. В. Огаркова.** Съ двумя рисунками. 9) **Кабардинскія сказанія о Кавказскихъ вершинахъ.** 1. Эльбрусъ. 2. Машука. 3. Бештау. Съ тремя рисунками художника П. Литвиненка. 10) **Дѣдушка „Дѣтскаго Чтенія“ и его время.** (Николай Ивановичъ Новиковъ). **В. Е. Ермилова.** 11) **Благодѣтель человѣчества.** Съ портретомъ Пастёра. **В. Б.** 12) **По бѣлу свѣту:** Птичье царство на берегахъ сѣверной Норвегіи. Отношеніе норвежцевъ къ русскимъ. 13) **Новости изъ книгъ и журналовъ. Различныя свойства растеній.** 14) **Шарады, загадки и ребусы и т. д.** 15) **Рѣшенія.** 16) **Объявленія.**

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская, д. Гиршмана, кв. 40, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна съ пересылкою: на годъ—6 р., на полгода—3 р.; **безъ пересылки:** на годъ—5 р., на полгода—2 р. 50 к.

Открыта подписка на 1896 годъ.

Издательница Е. Н. Тихомирова. **Редакторъ Д. И. Тихомировъ.**

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

библіотеки журнала „Дѣтское Чтеніе“.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. За Дунаемъ, вторая книжка: Старый фельдфебель. Наканунѣ. Въ походъ. Подъ Плевну. Въ битвѣ. Ночное сраженіе. Счастье Токмакову. Дома. Днемъ на міру (печатлѣніе офицера). Одинъ ночью (тоже). Прапорщикъ Марья Петровна. Картины зимняго похода. Въ горной бурѣ. Надъ бездной. Метель утихла. Бивакъ. На Балканахъ. По льду. Охотники. Бѣглецы. Собака. Настоящій герой. Враги. Цѣна 40 коп.

Его же. Гаврюшкинъ плѣнъ. Повѣсть для дѣтей, со многими рисунками, изящное изданіе, цѣна въ папкѣ 75 к., въ бумажкѣ 65 к.

Д. Н. Мамина-Сибиряка. Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста: Старый воробей, Пріемышъ, Постойко, Сѣрая шейка, Упрямый козелъ, Медвѣдка, На пути, Елка, Зеленая война, Лѣсная сказка, Искорки. Со многими картинками. Въ папкѣ ц. 75 к., въ бумажкѣ—60 к.

Его же: Акъ-Бозатъ. Разск., съ картинками худ. А. Степанова. Изящ. изд., ц. 30 к.

Его же: 1) Земля не принимаетъ. 2) Ангелочки. Ц. 10 к.

Его же: Послѣдняя треба. Съ картинками. Ц. 10 к.

Складъ книгъ въ редакціи «Дѣтское Чтеніе». Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА

НОВУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„КАЗБЕКЪ".

Газета будетъ выходить во Владикавказѣ три раза въ недѣлю по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Дѣйствія и распоряженія правительства. 2) Статьи по экономическимъ, этнографическимъ, бытовымъ и другимъ вопросамъ, касающимся Кавказа вообще и Терской области по преимуществу. 3) Хроника: мѣстныя происшествія, извѣстія внутреннія и внѣшнія, съ указаніемъ ихъ источниковъ. 4) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ и телеграммы. 5) Судебная хроника безъ обсужденія рѣшеній. 6) Фельетонъ, новости изъ области наукъ и искуствъ, повѣсти, разсказы, очерки оригинальные и переводные, статьи популярно-научнаго содержанія. 7) Смѣсь, справочныя свѣдѣнія и объявленія.

Подписная цѣна: съ доставкой во Владикавказѣ на годъ 6 руб., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. и на 1 мѣс. 75 к., съ пересылкой по почтѣ на годъ 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс. 1 р., отдѣльный нумеръ 5 к.

Подписка и объявленія принимаются у издателя

Сергѣя Іосифовича Казарова.

Издатель *С. Казаровъ.* **Редакторъ** *А. Голубейко.*

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЙ ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Газета телеграммъ, распоряженій мѣстнаго начальства, объявленій и рекламъ.

ИЗДАНІЯ XII ГОДЪ.

Въ 1896 году „Листокъ" будетъ выходить попрежнему по воскресеньямъ обязательно, и въ случаѣ накопленія матеріаловъ и ежедневно большимъ форматомъ и въ большомъ количествѣ. „Листокъ" будетъ раздаваться въ г. Екатеринославѣ безплатно въ магазинахъ, гостиницахъ, конторахъ, банкахъ, на вокзалахъ жел. дорогъ, пароходныхъ пристаняхъ и проч. Кромѣ того, „Листокъ" будетъ высылаться безплатно въ разныя мѣста Екатеринославской, Херсонской, Полтавской, Харьковской, Таврической и Кіевской губ., въ С.-Петербургъ, Москву, Варшаву, Кавказскій, Балтійскій, Юго-западный край и за границу.

Независимо отъ безплатной раздачи и разсылки, для желающихъ получить „Листокъ" регулярно—подписная цѣна на годъ 3 руб., на 6 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 коп. съ доставкой и пересылкой.

Пріемъ объявленій производится: въ г. Екатеринославѣ, въ главной конторѣ редакціи „Екатеринославскаго Листка", Харьковская ул., д. Таврическаго, кв. В. И. Гурлянда. **Объявленія** изъ С.-Петербурга, Москвы, Прибалтійскаго края, Царства Польскаго и изъ-за границы принимаются исключительно въ конторѣ торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Сытова, и въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 11.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

большая литературная, политическая и коммерческая газета

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Открыта подписка на 1896 годъ.

Нашъ девизъ: служеніе интересамъ всей Россіи, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій.

Въ теченіи двадцати-трехъ лѣтъ своего существованія подъ личнымъ и непосредственнымъ руководствомъ собственника газеты „Одесскій Листокъ“ успѣлъ пріобрѣсти широкій кругъ читателей на всемъ обширномъ югѣ Россіи.

Направленіе газеты хорошо извѣстно постояннымъ читателямъ ея.

Редакція „Одесскаго Листка“ зорко слѣдитъ за всѣмъ, что можетъ интересовать читателя въ политической и общественной жизни какъ Россіи вообще и ея Юга въ особенности, такъ и далеко за ея предѣлами. Въ этомъ отношеніи по полнотѣ своего содержанія и по качеству сообщаемаго матеріала наша газета ни въ чемъ не уступаетъ выдающимся столичнымъ изданіямъ.

Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ слѣдующій обширный списокъ лицъ, принимающихъ постоянное, фактическое (а не фиктивное) участіе въ ней: П. В. Безобразовъ (бывш. профессоръ Императорскаго Московскаго университета), Н. И. Борисовъ, И. Е. Булгаковъ, М. И. Британъ, А. Я. Безчинскій, А. К. Гермоніусъ (Финнъ), С. Т. Герцо-Виноградскій (баронъ Икскъ), П. Т. Герцо-Виноградскій, М. П. Гольденбергъ, Надежда Гликсбергъ, П. Д. Гроссулъ-Толстой, В. М. Дорошевичъ, К. А. Дешкинъ, І. Захаровъ, П. Кузьменко, С. В. Лазаровичъ, В. Я. Лучинскій, Ольга Лурье, Ѳ. Мельниковъ, А. И. Никольскій, Л. Е. Оболенскій, А. С. Попандопуло, Д. П. Пиленко, Е. Л. Рекало, М. Ф. Ставраки, А. А. Сантагано-Горчакова, Н. И. Тезяковъ, Г. В. Ѳедоровъ, Д. В. Ѳедоровъ, В. В. Чуйко, Я. Л. Чертокъ, А. А. Цѣновскій, И. В. Шиловскій (Діонео), А. А. Ярошко и друг.

„Одесскій Листокъ“, кромѣ своей полной хроники общественной, городской, административной, военной, судебной, думской, земской, даетъ ежедневно массу телеграммъ отъ собственныхъ корреспондентовъ (въ теченіи цѣлаго года, а не только предъ подпиской) и отъ Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

Ежедневно и обязательно въ каждомъ нумерѣ газеты печатается одинъ изъ фельетоновъ общественной жизни, литературно-критическихъ, сельско-хозяйственныхъ, по вопросамъ философіи, научныхъ, музыкальныхъ, беллетристическихъ и др., а также фельетонные наброски „злобъ дня“ Кишинева, Николаева, Херсона, Елисаветграда и прочихъ городовъ Юга и Крыма. Сообщая выдающіеся факты общественной и политической жизни Россіи, Европы, всего міра, мы ставимъ себѣ задачей—придавать имъ яркое, всегда безпристрастное и всегда правдивое освѣщеніе.

Во время предстоящихъ въ наступающемъ году торжествъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ „Одесскомъ Листкѣ“ будутъ ежедневно помѣщаемы телеграммы и сообщенія изъ Москвы, относящіяся къ этому знаменательному событію.

Въ будущемъ же году въ Нижнемъ-Новгородѣ открывается Всероссійская выставка, подробнѣйшія свѣдѣнія о которой въ телеграммахъ и сообщеніяхъ будутъ ежедневно воспроизводимы въ нашей газетѣ.

На 1896 годъ въ портфелѣ редакціи уже имѣются слѣдующіе разсказы извѣстнаго журналиста, пишущаго подъ псевдонимомъ „Дяди Власа“: 1) „Старая гвардія“, 2) „Умирающая газета“, 3) „Легенда о происхожденіи одесситки“, 4) „Куміръ“, 5) „Знаменитость“, 6) „Передовая статья“, 7) „Мужъ царицы (изъ-за кулисныхъ типовъ)“, 8) „Мужья“, 9) „Проданный выстрѣлъ“, 10) „Гладіаторъ“, а также разсказы и повѣсти многихъ другихъ авторовъ.

Кромѣ литературнаго и публицистическаго матеріала, въ газетѣ ежедневно помѣщаются коммерческія свѣдѣнія—какъ то: цѣны на хлѣбъ, колоніальные товары, на скотъ, курсы на денежныя бумаги и на монету на русскихъ и заграничныхъ рынкахъ, и все прочее, что можетъ интересовать коммерсанта. Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Юга редакція имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ.

Такимъ образомъ, газета выполняетъ свое назначеніе—служить самому широкому кругу читателей, и наши постоянные читатели знаютъ, что мы никогда не останавливаемся передъ дальнѣйшими улучшеніями газеты какъ по ея содержанію, такъ и по внѣшнему ея виду.

Такъ, съ наступающаго 1896 года обращено будетъ особенное вниманіе на улучшеніе внѣшняго вида газеты, съ каковою цѣлью, несмотря на крупную затрату, доводящую до двадцати тысячъ рублей, выписана новая ротаціонная машина Маринони изъ Парижа (печатающая до 10 тысячъ экземпл. въ часъ), нынѣшніе шрифты замѣнены будутъ болѣе крупными и четкими, безъ ущерба для количества печатаемаго матеріала, и приняты вообще всѣ мѣры къ тому, чтобы изданіе наше даже и въ мелочахъ шло на встрѣчу желаніямъ публики.

Подписная цѣна газеты съ правомъ безплатнаго чтенія всѣмъ русскихъ, иностранныхъ газетъ, получаемыхъ въ кабинетѣ для чтенія.

Въ городѣ съ доставкою на домъ: **10** р. на годъ, **6** р. полгода, **3** р. **50** к. три мѣсяца, 1 р. **20** к. въ мѣсяцъ.

На города съ ежедневною высылкою по почтѣ: **12** р. въ годъ, **7** р. полгода, **3** р. **80** к. три мѣсяца, 1 р. **30** к. въ мѣсяцъ.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ ОДЕССКАГО ЛИСТКА

Въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя „Одесскаго Листка“ В. В. Навроцкаго, рядомъ съ Городскимъ театромъ.

Редакторъ-издатель В. В. Навроцкій

ВЫШЛА ШЕСТАЯ КНИЖКА ЗА 1895 ГОДЪ ЖУРНАЛА

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Содержаніе: некрологъ Е. А. Покровскаго.—I. Оригинальныя и переводныя статьи. Воспитатели внуковъ. П. А. Котлярова.—Нѣкоторые пріемы нравственнаго обученія во Франціи. Перев. съ франц. И. Городецкаго.—Вліяніе ручного труда на характеръ. (Рѣчь Ф. Адлера). Перев. съ англ. И. Городецкаго.—Къ вопросу о преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. П. Вранешгеймъ.—Музыка, какъ воспитательный элементъ. К. Чернецкаго.—Педагогическіе курсы въ г. Чердыни.—Н. Синицына —Совмѣстное обученіе учащихся обоего пола въ Соединенныхъ Штатахъ. А. Волкова.—Частная школа совмѣстнаго обученія для учащихся обоего поле въ Гельсингфорсѣ. А. В.—II. Критика и библіографія. Педагогическіе журналы во Франціи. Ив. Городецкаго.—Классные столы Кіевской 1-й гимназіи. Д-ръ Закъ.—Jahrbuch für Jugend und Volksspiel von E. Schenckendorff und Dr. mep. E. A. Schmidt. Нейфельдъ.—III. Мелкія сообщенія. Школьное образованіе физически или духовно ненормальныхъ дѣтей.—Обученіе дѣвушекъ веденію хозяйства въ Пруссіи.—Къ вопросу о переэкзаменовкахъ.—Смертность учителей по даннымъ общества страхованія жизни. Сонъ у дѣтей. IV. Хроника. Общее собраніе Общества попеченія объ улучшеніи быта учащихся въ начальныхъ училищахъ гор. Москвы.—Къ вопросу о всеобщемъ обученіи.—Рецидивы безграмотности.—Опытъ устройства библіотекъ при народныхъ школахъ Виленскаго округа.—Расширеніе курса церковно-приходскихъ школъ.—Разумныя развлеченія, какъ средство противъ народнаго пьянства.—По закону и по душѣ.—Школьные попечительства.—Паны дерутся, а у мужиковъ зубы трещатъ.—Опытъ устройства сельскаго пріюта съ обученіемъ мастерствамъ и практикою сельскаго хозяйства,—докладъ И. Е. Новикова.—Гигіеническое будущее школы.—Учительскія семинаріи въ Соединенныхъ Штатахъ.—Свѣжо преданіе, а вѣриться съ трудомъ.—Почтовый ящикъ.—V. Приложеніе. Художественное воспитаніе въ дѣтской. Проф. К. К. Ланге. Перев. съ англ. И. Городецкаго. (Окончаніе).—VI. Объявленія.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Годовое изданіе, состоящее изъ 8 книжекъ, стоитъ безъ доставки 5 р., съ доставкой 6 р., полгода 3 р., за границу 7 р. 50 к.—Гг. иногородніе просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала (Москва, Кудринская Садовая, Софійская дѣтская больница, кварт. главнаго доктора).

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры за прежніе (1890—1894) года продаются въ конторѣ редакціи по 4 р. и по 5 р. съ пересылкою.

За редактора Д-ръ Н. Ф. Михайловъ.
За издателя наслѣдники Е. А. Покровскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.
на
„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
ГАЗЕТУ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ и ПОЛИТИЧЕСКУЮ.
ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„Восточное Обозрѣніе“ издается три раза въ недѣлю. Въ остальные дни выпускаются бюллетени Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ оффиціальный — важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ и за границей. 4) Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ Европейской Россіи, Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатскихъ государствъ. 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы. 9) Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10) Фельетонъ. 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣс. 1 р.; за границу за годъ—11 р., полг.—6 р. 50 к., три мѣсяца—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 40 к. Газета съ приложеніями за годъ: въ Россіи—10 р., за границу—14 р. За ежедневные бюллетени особо доплачивается 3 р. Объявленія по 10 коп. за строчку петита на 4-й стр. и 20 коп. на 1-й.

Адресъ: Иркутскъ, редакція газеты „ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

За издателя наслѣдники Н. М. Ядринцева. Редакторъ И. И. Поповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.
НА
СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ,
газету общественно-политическую и литературную.
(Годъ изданія девятнадцатый).

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ послѣпраздничныхъ дней. Въ случаѣ особой важности извѣстій, будутъ выпускаемы особыя прибавленія къ воскресному № и разсылаться по понедѣльникамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ—6 р., 6 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—75 к. Допускается разсрочка платы: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 августа 2 руб.

Новые годовые подписчики, внесшіе подписную плату раньше 1 декабря, получаютъ газету за декабрь безплатно. Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца. За перемѣну адреса 15 к., а при перемѣнѣ городского на иногородній 30 к. Объявленія на 1-й стр. 20 к. строка, на 4-й—10 к., абонементныя имѣютъ значительную скидку. Приложенія при газетѣ разсылаются по 10 руб. отъ 1000 экземпляровъ.

Редакторъ *В. В. Гулевичъ.* Издатель *В. В. Азанчевскій.*

Открыта подписка на 1896 годъ

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“:

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и пр. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

☛ По поводу предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ „Южномъ Краѣ“ своевременно будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ рисунковъ, относящихся къ этому событію; во время коронаціи ежедневно будутъ печататься телеграммы и сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ Москвы. ☚

Годовымъ подписчикамъ «Южнаго Края» на 1896 годъ будетъ выданъ

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ,

относящихся къ торжеству Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

Подписная цѣна на 1896 годъ:

съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

съ доставкою въ Харьковѣ:

10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ — въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

Вышли и разосланы подписчикамъ

I, II, III, IV и V-й выпуски

„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ"

Іоганна Шерра.

Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Вейнберга.

Содержаніе V выпуска: Средневѣковой театръ. Отд. 2-й. Франція: Провансальскіе трубадуры.—Сѣверо-французскіе труверы.—Сатира, какъ противуположность романтизму: Рабле. — Начатки французской національной литературы. — Французскій классицизмъ (16 рис. въ текстѣ). Отдѣльныя приложенія. Портреты: 1) Мольеръ и 2) Расинъ.

Подписка продолжается. Все изданіе будетъ заключаться въ 20 выпускахъ, что составитъ два большихъ тома, около 1000 страницъ, со множествомъ гравюръ и картинъ, печатанныхъ черною и цвѣтными красками, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложеній. Всѣ клише для этого изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штуттгартѣ (Германія). Отдѣлы русской и славянской литературъ будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно.

Изданіе закончится весною 1896 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки 6 р. Съ доставкой и пересылкой 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ въ ноябрѣ 4 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 1 руб. до уплаты полной стоимости. Первый выпускъ можетъ быть высланъ отдѣльно за 50 коп.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ книжный магазинъ „Русской Мысли", Москва, Большая Никитская, д. № 2—24.

Издатели Д. В. Байковъ и К°.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на общественно-литературную газету

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ"

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Подъ новою редакціей приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы поставить изданіе на надлежащую высоту въ смыслѣ строгаго выбора предназначаемаго для печатанія матеріала; въ этихъ видахъ къ сотрудничеству въ газетѣ привлечены вполнѣ опытныя и свѣдущія въ газетномъ дѣлѣ лица. Въ 1896 подписномъ году въ „Минскомъ Листкѣ", помимо отдѣловъ, существующихъ въ любой столичной газетѣ, будутъ помѣщаться критическіе фельетоны, посвященные обозрѣнію выходящихъ въ Россіи журналовъ. Редакція газеты озаботилась также о томъ, чтобы подписчики „Минскаго Листка" получали своевременныя свѣдѣнія о предстоящихъ въ будущемъ году празднествахъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и объ открывающейся въ Нижнемъ-Новгородѣ всероссійской художественно-промышленной выставкѣ; для этой цѣли она будетъ выпускать съ 1 января 1896 года, въ видѣ прибавленій, Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства четыре раза въ недѣлю, исключая очередные нумера газеты. Такимъ образомъ, безъ увеличенія подписной платы, подписчики „Минскаго Листка" на 1896 г. будутъ имѣть почти ежедневную газету. Телеграммы будутъ печататься общаго содержанія и коммерческія; въ прибавленіяхъ будутъ помѣщаться также разнаго рода объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой—на годъ 4 р., на 9 мѣс. 3 р., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к. и на 1 мѣс. 75 к., безъ доставки и пересылки—на годъ 3 р., на 9 мѣс. 2 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р. и на 1 мѣс. 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ городѣ Минскѣ губ.

За редактора издатель К. И. Зиковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

„Всемірная Иллюстрація“

ВОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1896 г. занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы. **28-й г. изд.**

Ни одинъ журналъ въ Россіи не можетъ сравниться со „Всемірною Иллюстраціей“ ни по изяществу, ни по полнотѣ, ни по объему; ГРАНДІОЗНАЯ ЗАДАЧА предстоитъ „Всемірной Иллюстраціи“ въ будущемъ 1896 году и редакціей приняты уже теперь всѣ мѣры для успѣшнаго ея выполненія—роскошно иллюстрировать два великихъ историческихъ событія:

1) Священное коронованіе ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и 2) Всероссійскую промышленно-художественную выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Доведя въ настоящее время художественную часть журнала до возможной высоты, редакція сдѣлаетъ все возможное относительно улучшенія и литературнаго отдѣла, въ которомъ читатели встрѣчали и встрѣтятъ имена выдающихся нашихъ беллетристовъ и ученыхъ.

Редакція „Всемірной Иллюстраціи“, не щадя средствъ, намѣрена обрадовать своихъ подписчиковъ рѣдкою и цѣнною во всѣхъ отношеніяхъ **безплатною преміей**, дать: 1) Сочиненія графа Л. Н. ТОЛСТОГО изъ послѣдняго періода его дѣятельности, съ богатыми иллюстраціями лучшихъ русскихъ художниковъ, воспроизведенными со всею роскошью типографскаго искусства, отпечатанныя цвѣтными красками, будетъ заключать въ себѣ такіе шедевры какъ: „СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА“, „ВЛАСТЬ ТЬМЫ“ и рядъ избранныхъ разсказовъ. 2) **ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ** со строгимъ выборомъ относительно интереса и красоты выполненія. Такимъ образомъ „Всемірная Иллюстрація“ за 1896 г. будетъ драгоцѣннымъ и вполнѣ современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

Въ литературномъ отдѣлѣ „Всемірной Иллюстраціи“ примутъ участіе: М. Н. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, П. И. Вейнбергъ, Д. В. Григоровичъ, М. В. Крестовская, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Я. П. Полонскій, А. А. Потѣхинъ, К. К. Случевскій, В. С. Соловьевъ, А. Н. Чеховъ и друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ „Всемірной Иллюстраціи“ примутъ участіе: Е. М. Бёмъ, Н. Бенуа, К. О. Брожъ, М. П. Клодтъ, В. Е. Маковскій, В. И. Навозовъ, А. К. Рябушкинъ, К. А. Савицкій, Е. П. Самокишъ-Судковская, Н. С. Самокишъ, И. И. Шишкинъ и друг.

15 р. *безъ дост.* — **Подписная цѣна журнала „Всемірная Иллюстрація“ на 1896 годъ** СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ и ПРЕМІЕЙ съ доставкой въ С.-Петербургѣ—17 руб. — **18 р.** *съ перес.*

При подпискѣ безъ доставки въ МОСКВѢ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ. Въ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала „Вѣстникъ Винодѣлія“ В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

ЦѢНА РОСКОШНОМУ ИЗДАНІЮ (на веленевой бумагѣ): безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Всемірной Иллюстраціи“: С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Каталогъ всѣхъ изданій фирмы „Книгоиздательство Германъ Гоппе“ высылается по требованію **безплатно.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

Техническій сборникъ и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

7-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній, усовершенствованій и вообще новостей по всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ матеріаловъ.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и химическая технологія, желѣзно-дорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусства, электротехника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографіи выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и библіографія; смѣсь: замѣтки о новостяхъ техники, практическіе совѣты, испытанные составы и т. д.; справочный отдѣлъ: отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, торговыя и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи; правительственныя распоряженія; приложенія: чертежи, книги, брошюры спеціальнаго характера.

Въ предстоящемъ 1896 г. предположено редакціей дать на страницахъ журнала возможно болѣе мѣста описанію „Всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ“.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. по 16 руб. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№.

Пробные №№ высылаются по первому требованію, съ наложеннымъ платежомъ, по 1 р. 50 к.

---

16 р. въ годъ съ перес. и дост., за полгода 9 р.

Подписка принимается: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Допускается разсрочка. Учащимся—скидка въ 25%.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., домъ № 71.

Редакторъ-Изд. Учен. Инж.-Мех. К. А. Казначеевъ.

Редакторы: Инж.-Техн. А. М. Кудрявцевъ. Мех.-Стр. А. И. Сюзевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

11-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ изданіе съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ нумерѣ двухъ листовъ исполнительныхъ чертежей и образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

Въ „Рем. Газ." будутъ даны описанія новостей Всероссійской промышленной и художественной выставки въ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА" необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т.-е. во всякомъ семействѣ.

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫБРАТЬ или ЗАКАЗАТЬ нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какимъ современнымъ требованіямъ онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи „Ремесленная Газета" оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ издѣлій. Въ ней постоянно помѣщаются рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ по слѣдующимъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Русселя), сапожно-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному и пр. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ „Ремесленной Газетѣ" будетъ помѣщенъ рядъ описаній различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА" въ теченіе истекшихъ 10-ти лѣтъ успѣла пріобрѣсти огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того ОБИЛІЯ полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

1) 50 №№ ВЪ ГОДЪ, содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ, и 2) сто листовъ приложеній (замѣняющихъ премія къ „Ремесленной Газетѣ"), которыя отдѣльно стоятъ въ розничной продажѣ свыше 20 р. с. 3) Изящно иллюстрированный настѣнный календарь.

Редакція въ состояніи давать все это своимъ читателямъ лишь въ виду ихъ многочисленности и широкаго развитія своего дѣла.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ВЪ ГОДЪ 6 руб. съ пересылкой и доставкой (за полгода 4 руб.).

„Ремесленная Газета" РЕКОМЕНДОВАНА Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальныхъ училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Долгоруковская ул., домъ № 71.

Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ К. А. Казначеевъ.

VII г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. г. изд. VII.

на ежедневную газету

6 р. въ год. „РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“ 3 р. 50 к. на 6 мѣс.

Открывая подписку на 1896 годъ, „Русскій Листокъ“ начинаетъ 7-й годъ изданія. „Русскій Листокъ“ попрежнему считаетъ своею первою и главною задачей служеніе ПРАВОСЛАВІЮ, САМОДЕРЖАВІЮ и НАРОДНОСТИ—этимъ тремъ несокрушимымъ базисамъ благоденствія русскаго народа—и будетъ такъ же, какъ и прежде, служить истинно-русскимъ интересамъ.

Въ „Русскомъ Листкѣ“ есть слѣдующіе отдѣлы: Дѣйствія и распоряженія правительства; Распоряженія и назначенія по духовному вѣдомству; Факты и слухи; Дневникъ происшествій и приключеній изъ жизни городовъ всего міра; Военный Листокъ; повседневныя событія московской жизни; повседневныя событія петербургской жизни; Телеграммы; Желѣзнодорожный Листокъ; Театръ и музыка и Изъ міра искусствъ; День за день, Обо всемъ и По городамъ и селамъ; Мелочи; Всякая всячина; Мимоходомъ; Пѣсни дня; По Россіи; Торгово-промышленный листокъ и По сельскому хозяйству; Разныя извѣстія; биржевыя, рыночныя и справочныя свѣдѣнія.

Ежедневно же въ фельетонахъ „Русскаго Листка“ печатаются интересные романы лучшихъ беллетристовъ, изъ которыхъ многіе уже пріобрѣли незыблемыя симпатіи читающей публики, а также помѣщаются повѣсти, разсказы, сценки и т. д.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разосланъ роскошно-изданный „Коронаціонный альбомъ“, для котораго извѣстнымъ художникамъ заказана масса снимковъ съ важнѣйшихъ моментовъ предстоящаго высокорадостнаго событія. Альбомъ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 2 р. 50 коп. Затѣмъ—за ту же плату—„Русскій Листокъ“ время отъ времени даетъ своимъ подписчикамъ художественно исполненные портреты Особъ Императорскаго Дома и выдающихся государственныхъ дѣятелей. Въ наступающемъ подписномъ году „Русскій Листокъ“ будетъ выходить въ такомъ же громадномъ форматѣ и будетъ заключать въ своихъ столбцахъ тотъ же разнообразный матеріалъ, какъ и въ истекшемъ. На будущій годъ въ распоряженіи редакціи имѣются слѣдующіе интересные романы: В. Ривала—„Докторъ“, ром. въ 2-хъ частяхъ; Н. Аѳанасьева—„Путемъ преступленія“; А. П. Павлова—истор. романъ „Темное дѣло“; А. Д. Апраксина—„Крахъ банка“ и мн. др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

6 р. въ годъ, 3 р. 50 к. за 6 мѣсяцевъ, 70 к. за 1 мѣсяцъ. Разсрочка подписной платы не допускается. Почтовыя марки не принимаются.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Варсонофьевскій пер., д. Поповой.

1896 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ 57 г. изд.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

И

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го января 1896 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ въ пятьдесятъ седьмой годъ своего существованія и будетъ выходить, какъ и прежде, аккуратно перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями большого нотнаго формата. Въ „НУВЕЛЛИСТѢ“ въ теченіе года будутъ помѣщены: 1) Салонныя пьесы русскихъ и иностранныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки. 2) Новые любимые танцы (вальсы, польки, мазурки, кадрили). 3) Русскіе романсы. 4) Легкія пьески для дѣтей для фортепіано. 5) Легкія пьесы для скрипки съ фортепіано. 6) Дѣтскія пѣсенки. Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ въ 400 страницъ—до 100 музыкал. номеров

Музыкально-театральная газета будетъ выходить въ продолженіе музыкал сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театр

Редакторъ-Издатель Н. Бернардъ.

ПРЕМІЯ. Каждый подписчикъ на „НУВЕЛЛИСТЪ“ получитъ безплатно премію ПОЛНУЮ ОПЕРУ въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80 нумеровъ и ДВА ПОРТРЕТА выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна на годъ—5 р., съ пересылкой или доставкой—6 р., за грани съ пересылкою—8 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конт „НУВЕЛЛИСТА“ при музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, Большая Морская, № Въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный, № 10.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1896 ГОДЪ
НА
„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
(изданія годъ XXII).

Въ 1896 году „Самарскій Вѣстникъ“ будетъ издаваться, какъ и въ предшествовавшіе годы, ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за табельными и двунадесятыми праздниками, по нижеслѣдующей программѣ:

1) Дѣйствія и распоряженія правительства.

2) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“.

3) Статьи по общественнымъ вопросамъ и по вопросамъ, непосредственно касающимся интересовъ г. Самары, Самарской губерніи и Поволжскаго края.

4) Городскія извѣстія и сообщенія о выдающихся событіяхъ и происшествіяхъ, отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ и другихъ общественныхъ собраній, судебной палаты, окружнаго суда и уѣздныхъ съѣздовъ; рефераты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, отчеты о театральныхъ и друг. зрѣлищахъ. Волжская хроника.

5) Фельетоны и очерки мѣстной, поволжской и общерусской жизни; беллетристическія произведенія, историческіе эскизы, стихотворенія и проч.

6) Корреспонденціи и сообщенія отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ городовъ и селеній Самарской губерніи, а также изъ Петербурга, Москвы и губерній Волжско-Камскаго района.

7) Иностранныя извѣстія и очерки заграничной жизни.

8) Обозрѣніе успѣховъ наукъ, искусствъ и промышленности. Сел. хозяйство.

9) Критика и библіографія.

10) Торговый отдѣлъ. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ печататься свѣдѣнія о состояніи самарскаго и другихъ выдающихся торговыхъ русскихъ и иностранныхъ рынковъ по свѣдѣніямъ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“, биржевыхъ комитетовъ и собственныхъ корреспондентовъ.

11) Календарныя свѣдѣнія. Указатель дѣлъ, назначаемыхъ къ разбирательству въ окружномъ судѣ и уѣздномъ съѣздѣ.

12) Казенныя и частныя объявленія и рекламы.

Въ 1896 году редакція „Самарскаго Вѣстника“ будетъ освѣщать и разрабатывать, главнымъ образомъ, мѣстные земско-экономическіе и бытовые вопросы родного Самарскаго края, удѣляя также на страницахъ своего органа мѣсто статьямъ общекультурнаго характера и по общегосударственнымъ вопросамъ, насколько сіи послѣдніе будутъ имѣть отношеніе къ жизни провинціи и ея многоразличнымъ нуждамъ и потребностямъ.

Подписная цѣна:

Для подписчиковъ городскихъ и Самарскаго уѣзда:
за годъ 5 рублей, ½ года 3 рубля, 1 мѣсяцъ 50 коп.
Для подписчиковъ иногородныхъ:
за годъ 6 руб., ½ года 3 руб. 50 коп., 1 мѣсяцъ 60 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Самарѣ: 1) въ главной конторѣ редакціи, Алексѣевская улица, домъ Назарова, и 2) въ книжномъ магазинѣ В. П. Ушакова, близъ Алексѣевской площади, д. Попова (тамъ же можно получать и отдѣльные №№ газеты по 5 коп.).

Въ Сызрани: въ конторѣ типографіи Синявскаго.
„ **Хвалынскѣ:** при типографіи и книжной торговлѣ Н. К. Платонова.
„ **Челябинскѣ:** у дантиста А. А. Балашевой, Уфимская ул., д. Унгвицкихъ.
„ **Абдулинѣ:** у М. К. Марканова.
„ **Бугурусланѣ:** у И. В. Серебрякова.
„ **Николаевскѣ:** у В. И. Тоцкаго.
„ **Уфѣ:** торговля Н. К. Блохина.

Редакторъ-издатель Н. К. Реутовскій.

XII годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1896 годъ

XII годъ изданія.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ

„ВОКРУГЪ СВѢТА".

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 еженедѣльн. иллюстриров. №№, заключающихъ въ себѣ болѣе 3000 столбцовъ интереснѣйшаго текста и до 500 рис. лучш. русск. и иностранн. художниковъ.

БЕЗПЛАТНО

12 ТОМОВЪ ежемѣсячныхъ, иллюстрированныхъ лучшими заграничными художниками, заключающихъ въ себѣ вторую половину

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ МАЙНЪ-РИДА.

Въ 1896 году будутъ выданы слѣдующіе 14 романовъ этого писателя:

1) *Ползуны по скаламъ.*
2) *Стрѣлки въ Мексикѣ.*
3) *Вождь гверильясовъ.*
4) *Островъ Борнео.*
5) *Жилище въ пустынѣ.*
6) *Молодые невольники.*
7) *Огненная Земля.*
8) *Приключенія юнги Вильяма.*
9) *Охотники за растеніями.*
10) *Ямайскіе марроны.*
11) *Золотой браслетъ.*
12) *Мальчики на сѣверѣ.*
13) *Дѣти лѣсовъ.*
14) *Молодые путешественники.*

Первая половина собранія сочиненій Майнъ-Рида выдана подписчикамъ въ 1895 году.

Кромѣ того годов. подписчики при доплатѣ одного рубля получатъ **2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,** состоящія изъ двухъ большихъ художествен. картинъ (олеографій).

Картины, размѣромъ каждая 20¼ вершковъ въ длину и 13½ вершковъ въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи братьевъ Кауфманъ въ Берлинѣ.

1) ВХОДЪ ВЪ БОСФОРЪ
ВЪ СОЛНЕЧНЫЙ ЮЖНЫЙ ДЕНЬ.
Съ картины профессора Лагоріо.

2) ЦАРИЦЫНЪ ПАВИЛЬОНЪ
ВЪ ПЕТЕРГОФѢ ПРИ ЛУННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.
Съ картины художника Кондратенко.

Оригиналы этихъ картинъ пріобрѣтены спеціально для преміи 1896 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ изданіе съ приложеніемъ **ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ** собранія сочиненій **МАЙНЪ-РИДА,** съ доставкою и пересылкою **4 р.**

съ двумя картинами 5 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля и къ 1-му іюля по 1 руб.

Подписчики, желающіе получить, кромѣ журнала „Вокругъ Свѣта" съ приложеніями за 1896 г., еще **ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ** сочиненій **МАЙНЪ-РИДА,** выданную подписчикамъ въ 1895 году, состоящую изъ 12 томовъ, заключающихъ въ себѣ слѣдующіе романы:

1) *Затерявшаяся гора.*
2) *Островъ дьявола.*
3) *Квартеронка.*
4) *Переселенцы Трансвааля.*
5) *Всадникъ безъ головы.*
6) *Водяная пустыня.*
7) *Пропавшая квартира.*
8) *Морской волкъ.*
9) *Охотники за черепами.*
10) *Дочери скваттера.*
11) *Прогулка бобровъ.*
12) *Охотники за жирафами.*

доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ съ доставкой и пересылкой **2 р.**

Адресъ: Москва, Валовая улица, домъ Т-ва И. Д. Сытина, въ редакцію журнала „ВОКРУГЪ СВѢТА".

Журналъ издается Высочайше утвержд. Т-вомъ И. Д. Сытина.

Девятый годъ изданія.

Открыта подписка на 1896 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

(52 НОМЕРА ВЪ ГОДЪ).

Редакція даетъ *безплатныя приложенія*: альбомы и сѣмена. Въ журналѣ помѣщаются, по мѣрѣ надобности, рисунки и чертежи и даются *безплатно* отвѣты на вопросы сельскихъ хозяевъ.

Сотрудники журнала: *русскіе сельскіе хозяева-практики, профессора и спеціалисты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.*

Безплатное приложеніе къ „Вѣстнику" на 1896 годъ:

АЛЬБОМЪ ДОРОГОБУЖСКАГО СКОТА

разошлется всѣмъ подписчикамъ въ январѣ 1896 года, которые внесли полную годовую плату за журналъ на 1896 г. (шесть рублей). Этотъ альбомъ состоитъ изъ 10 художественно выполненныхъ фототипій.

Въ 1895 году редакція дала подписчикамъ, какъ безплатное приложеніе, „Альбомъ ярославскаго скота", состоящій изъ 10 художественно выполненныхъ фототипій.

Программа журнала: Статьи по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.—Корреспонденція.—Хроника.—Библіографія.—Вопросы и отвѣты.—Торговыя извѣстія.—Объявленія.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по субботамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	съ пересыл.	безъ пересыл.
На годъ, съ 1-го января	6 руб.	5 руб.
На полгода	3 „	3 „

На годъ съ пересылкой за границу 7 рублей. Отдѣльный номеръ 20 коп., а съ заказною пересылкой 30 коп. Цѣна полнаго экземпляра „Вѣстника" за 1895 годъ, вмѣстѣ съ „Альбомомъ", 6 рублей, за 1891—1894 годы по 3 рубля, а за 1890 и 1889 годы по 4 рубля за каждый годъ, съ пересылкой.

Адресъ редакціи: *Москва, Леонтьевскій пер., домъ Варженевскихъ.*

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

За печатаніе объявленій платится за строку мелкаго шрифта по 10 коп. за каждый разъ (длина строки = $2^1/_4$ верш.). **За пересылку** при журналѣ прейсъ-курантовъ, каталоговъ, объявленій, взимается 80 к. отъ каждой сотни экземпляровъ, вѣсомъ не тяжелѣе 1 лота экземпляръ; за каждый добавочный лотъ 40 к., съ сотни экземпляровъ. **За перемѣну адреса** городского на иногородній или обратно платится 1 рубль, если перемѣна сдѣлана въ первой половинѣ года, и 60 коп.—во второй половинѣ; за перемѣну городского на городской и иногороднаго на иногородный—20 коп. Статьи, присылаемыя для помѣщенія въ журналѣ, могутъ быть сокращаемы. Статьи, доставленныя безъ всякихъ условій относительно вознагражденія за нихъ, считаются безплатными. О новыхъ книгахъ по сельскому хозяйству, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Редакторъ-издатель *И. П. Петровъ.*

Еженедѣльный иллюстр. популярно-научный журналъ

ПРИРОДА

ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЙ.

Издается съ 1889 г.—Изданія годъ VII.

Подписной годъ начинается съ 1 ноября

№ 1-й выйдетъ 2 ноября 1895 г.

Содержаніе: Жизнь и дѣятельность Т. Эдиссона. (Біограф. разск. съ рис.).—Зарожденіе и таяніе льдовъ. Ром. *Н. Соколова*. — Метаморфозы земли. *Камилла Фламмаріона*.—Русскія колоніи въ Турціи. † Д-ра *А. В. Емельянова*.—Исторія луны. *І. Т.*—Со всѣхъ концовъ свѣта. — Изъ области естествознанія. — Изъ обл. техники. *Приложеніе*: „Исторія чудеснаго въ новѣйшее время". *Л. Фигье*. Пер. съ франц. *М. Гогунцова*.

И ЛЮДИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
5 РУБ. съ доставк. и пересыл. во всѣ города Россіи. Безъ доставки 4 руб. за границу 8 руб.

Журналъ „Природа и Люди" знакомитъ читателей, въ живомъ и занимательномъ изложеніи, съ чудесами природы и подвигами человѣческаго ума въ различныхъ отрасляхъ науки и промышленности; сообщаетъ, въ общедоступной формѣ, точныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; раскрываетъ прошлое человѣчества и рисуетъ картины будущаго прогреса людей; наконецъ, служитъ общепонятнымъ истолкователемъ современной жизни.

Годовые подписчики въ теченіе 1896 года получатъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№ Каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (16 страницъ плотной печати), заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не исключая мелкихъ, и 8—12 худож. рис.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, изящно отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 160 до 200 страницъ убористой печати.

Какъ по содержанію, такъ и по иллюстраціямъ журнала „ПРИРОДА и ЛЮДИ"—единственное изданіе въ русской печати, и цѣнность одного приложенія превышаетъ подписную цѣну на журналъ „ПРИРОДА и ЛЮДИ", такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать безплатно столь цѣнное приложеніе, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА"

и въ наступающемъ году будетъ состоять изъ слѣдующихъ популярныхъ сочиненій:

1. **Амуръ.** По источник. обработ. Ф. Волгинъ (со многими. худож. иллюстр.).
2 и 3. **Вокругъ свѣта на велосипедѣ.**— Т. Стивенса. Перев. съ англійскаго.
4. **Гигіена популярная.** По Эрисману, Доброславину и друг. Сост. Ѳ. Сергѣевъ.
5 и 6. **Жизнь въ морѣ.** Проф. К. Келлера. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. проф. А. М. Никольскаго (съ 200 роскошн. иллюстрацій).
7. **Исторія чудеснаго въ новѣйшее время.** Л. Фигье. Пер. съ фр. М. Гогунцова.
8. **Карлики и великаны.** Э. Гарнье.
9. **Джонъ Буль и его колонін.** Максъ о Релль. (Путевые очерки и неброс.).
10. **Міры дѣйствительные и воображаемые.** Камилла Фламмаріона.
11. **Пѣвчія птицы.** И. Святскаго (съ рис.).
12. **Южный полюсъ.** Де Фонвіелля. Пер. съ франц. (со мног. худож. иллюстр.).

Издатель *П. Сойкинъ*.—Редакторъ *С. Груздевъ*.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА **ПРИРОДА и ЛЮДИ**
С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. д.

Разсрочка допускается не иначе, какъ при подпискѣ 3 р. и къ 1 мая остальные. Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся; за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. остались въ небольшомъ колич. экземпл., цѣна которыхъ въ брошюров. видѣ со всѣми прилож. 4 р. за каждый годъ, а въ роскошномъ переплетѣ 5 р. Перес. за 10 фун. по вѣсу и разстоянію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на издающуюся въ Ростовѣ-на-Дону ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ".

VI годъ изданія.

Газета выходитъ по программѣ, раздѣленной на отдѣлы:

I. Правительствен. распоряженія. II. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства и собственныхъ корреспондентовъ. III. Спеціальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя с.-петербургской биржи. IV. Передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ. V. Политическое обозрѣніе. VI. Иностранныя извѣстія. Заграничная жизнь. VII. О чемъ пишутъ. VIII. Злобы дня. IX. Летучіе листки. X. Сказки жизни. XI. Маленькій фельетонъ. XII. Хроника общая, мѣстная и изъ отдѣленій редакцій. XIII. Изъ залы суда. XIV. Корреспонденціи. XV. По Россіи. XVI. Смѣсь. XVII. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. XVIII. Театръ и музыка. XIX. Наука и литература. XX. Библіографія. XXI. Торговыя свѣдѣнія. Биржа. XXII. Справочный отдѣлъ. XXIII. Объявленія и рекламы.

Въ Приазовскомъ Краѣ помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки по Россіи:

Безъ доставки (въ городѣ):		Съ доставкой и пересылкой (городск. и иногор.):	
На годъ	8 р. — к.	На годъ	9 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ	5 „ — „
„ 5 „	3 „ 75 „	„ 5 „	4 „ 25 „
„ 4 „	3 „ — „	„ 4 „	3 „ 50 „
„ 3 „	2 „ 25 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 2 „	1 „ 50 „	„ 2 „	2 „ — „
„ 1 „	— „ 80 „	„ 1 „	1 „ — „

За пересылку газеты за границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 коп. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа.

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписавшихся съ 1-го января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) полугодичная—при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р. и 2) въ три срока — при подпискѣ 4 р., къ 1-му мая 3 р. и къ 1-му сентября 2 р.

Въ предупрежденіе задержки въ высылкѣ первыхъ нумеровъ „Приазовскаго Края" въ будущемъ году, въ виду затрудненія при печатаніи многихъ адресовъ, тщательной ихъ провѣрки и группировки, контора редакціи проситъ **ПОДПИСЫВАТЬСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Ростовѣ-на-Дону—въ главной конторѣ газеты **Приазовскій Край** и

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ: Въ Таганрогѣ — у П. Ф. Каменева, типографія Рази, въ Новочеркаскѣ—у Н. В. Туркина, Комитетская улица, въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Ѳ. Галладжіанцъ, въ Маріуполѣ — у М. Н. Фалькевича, въ Александровскѣ-Грушевскомъ — у С. И. Розенштейна, въ Ейскѣ — у К. Л. Петрова, въ Новороссійскѣ—у Э. Маринаки, писчебумажный магазинъ, въ Ставрополѣ (Кавк.)—у Я. В. Абрамова, въ ст. Каменской—у Э. Розена, аптекарскій магазинъ, въ ст. Константиновской Об. В. Д.—у П. В. Сидорова, въ Азовѣ—у В. П. Золотарева.

Редакторъ-издатель *С. Х. Арутюновъ.*

„REWUE DES REWUES“

ET

Revue d'Europe et d'Amérique

Considérablement agrandie, parait les 1-er et les 15 de chaque mois. Elle es devenue *indispensable* à tous ceux qui veulent se tenir au courant du mouvement littéraire, artistique et scientifique du monde civilisé.

„Avec elle on sait tout, tout de suite“ (Al. Dumas fils), „car la *Revue des Revues* est extrêmement bien faite et constitue une des lectures les plus intéressantes, les plus passionnantes et les plus amusantes“ (Francisque Sargeu); „rien n'est plus utile que ce résumé du mouvement de l'esprit humain“ (E. Zola); „elle a conquis une situation bril'ante et prépondérante parmi les grandes Revues français et étrangères“ (*Les Débats*), etc.

La *Revue des Revues* donne des articles *inédits* dos principaux écrivaine français et étrangers; les *meilleurs* articles des Revues du monde entier; des romans et des nouvelles; des articles richement *illustrès*; des *caricatures* politiques (les *meilleurs dessins* des humoristes européens); une revue des *livres*, des découvertes et inventions, etc., etc.

On s'abonne: chez tous les libraires, dans tous les bureaux de poste et par l'envoi d'une carte postale à la *Revue*, qui se charge de l'éncaissment.
La *Revue* offre de NOMBREUSES PRIMES à ses abonnés.

France. . . . . 14 francs par an, 9 francs par six mois.
Étrangers . . . 18 — — 12 — —

Rédaction et Administration: Paris, 32, rue de Verneuil.

1896. XII годъ. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1896. XII годъ.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Годъ 9 р., ½ года 4 р. 50 к., 3 мѣс. 2 р. 25 к., 1 мѣс. 75 к.

Подписка принимается въ Томскѣ, въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Объявленія изъ Европейской Россіи и изъ-за границы для «Сибирскаго Вѣстника» принимаются въ конторѣ Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, д. Спиридонова, и въ Петербургѣ: Б. Морская, № 11.

XII годъ изданія.

Открыта подписка на 1896 годъ

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“,

выходящую **два** раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго газета носитъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:	Р.	К.	Съ доставкой и пересылкой:	Р.	К.
На годъ	4	50	На годъ	5	50
» полгода	2	50	» полгода	3	—
» 3 мѣсяца	1	50	» 3 мѣсяца	1	75

Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками.

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакція *Сѣвернаго Кавказа.*

XXXI. ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. XXXI.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ВЪ 1896 ГОДУ

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ ТОМЪ ЖЕ

БОЛЬШОМЪ ФОРМАТѢ

и съ тѣми же рубриками.

Редакція стремится доставить читателямъ: своевременныя, точныя и разнообразныя какъ общія, такъ и мѣстныя краевыя извѣстія; отклики на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ общественной жизни гор. Астрахани, Астраханской губерніи и всего Волго-Каспійскаго района; обзоры жизни городовъ: Царицына, Камышина, Саратова, Самары, Казани Симбирска, Нижняго, Баку, Тифлиса и друг.; оригинальная и переводная беллетристика; новости наукъ и искусствъ; новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и проч.

Редакторы-издатели: *Н. Л. Росляковъ.* *В. И. Склабинскій.*

Подписная цѣна съ пересылкой:

На годъ 7 р. 50 к., на полгода 5 р., на 3 мѣс. 3 р. 25 к., на 1 мѣс. 1 р. 25 коп.

Подписка принимается: въ Астрахани, въ конторѣ редакціи „Листка“, и въ Прикаспійскомъ магазинѣ, по Эспланадной улицѣ, домъ Сергѣевыхъ.

Открыта подписка на 1896 годъ

на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

Четырнадцатый годъ изданія.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ. **Обзоръ текущей прессы и журналистики. Ежедневныя политическія телеграммы. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края.** Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширеніе этого отдѣла. **Казанская хроника:** земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п. **Судебная хроника. Библіографія. Театръ и музыка:** отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. **Ежедневное обозрѣніе текущей и международной жизни. Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство. Торговый отдѣлъ:** корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и внѣшней торговли. На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. **Фельетоны и беллетристика.** На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и **общедоступныя статьи научнаго содержанія,** составленныя спеціалистами. Тиражи выигрышей, спр. отдѣлъ, объявленія и проч.

Въ ВОЛЖСКОМЪ ВѢСТНИКѢ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

П. Ф. Анненскій, А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашаринъ, А. Н. Барановъ, И. И. Бабушкинъ, А. П. Батуевъ, Н. Н. Блиновъ, М. П. Бородинъ, проф. Буддэ, проф. А. В. Васильевъ. С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), И. А. Гаркави, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ф. Гусевъ, В. В. Добрышинъ, П. Добротворскій, С. Я. Елпатьевскій, П. В. Засодимскій, А. П. Ивановъ, В. Е. Ильковъ, И. П. Ивановичъ, А. П. Караскевичъ, Коригольдъ, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, проф. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Ланге, Д. Е. Лаппо, А. Г. Любарскій, проф. Л. В. Мандельштамъ, Н. К. Михайловскій, проф. Н. А. Мисловскій, А. Д. Мисовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, В. П. Онгирскій (В. Ленскій), Островская, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, П. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугиновъ, В. Н. Соловьевъ, проф. Н. В. Сорокинъ, В. С. Сѣрова, И. И. Степановъ, А. Н. Хардинъ, Н. Г. Шебуевъ, проф. А. Е. Штукенбергъ, Е. К. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ, проф. Н. Н. Ѳарсовъ и друг.

Подписная цѣна:

Для городскихъ подписчиковъ: съ доставкой:	Для городскихъ подписчиковъ: безъ доставки:	Для иногородныхъ подписчиковъ:
На годъ . . . . 7 р. — к.	На годъ . . . . 6 р. 25 к.	На годъ . . . . 9 р. — к.
„ полгода. . . 4 „ — „	„ полгода . . . 3 „ 25 „	„ полгода . . . 5 „ — „
„ 3 мѣсяца . . 2 „ 25 „	„ 3 мѣсяца . . 1 „ 75 „	„ 3 мѣсяца . . 2 „ 75 „
„ 1 мѣсяцъ . — „ 75 „	„ 1 мѣсяцъ . — „ 60 „	„ 1 мѣсяцъ . . 1 „ — „

Допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюня 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1896 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1-го января 1896 г.

Подписка принимается въ главной конторѣ **Волжскаго Вѣстника** на Покровской ул., д. Перяковой, а также въ ея отдѣленіяхъ: при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, городской Пассажъ), А. А. Дубровина (Гостиный дворъ) и К. П. Алексѣева (Гостный дворъ), а также въ зданіи Биржи у секретаря, въ Симбирскѣ—въ отдѣленіи конторы (Бѣляевскій пер., д. Руне), въ Вяткѣ—въ книжномъ магазинѣ Тиханова.

Требованіе на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція **Волжскаго Вѣстника.**

Редакторъ Н. В. Рейнгардтъ. **Издательница Л. П. Рейнгардтъ.**

Открыта подписка на 1896 годъ
на духовно-академическіе журналы

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ
и
ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

1) „ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за-границей.

2) „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“—двухмѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ *приложенія* къ журналамъ редакція издаетъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно: подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (болѣе 900 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за ОДИНЪ РУБЛЬ, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 руб. 50 коп., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1896 г. будетъ изданъ ВТОРОЙ ТОМЪ въ двухъ книгахъ, съ приложеніемъ художественно исполненнаго красками снимка съ древнѣйшаго изображенія лика св. Іоанна Златоуста.

Новые подписчики, желающіе получить и ПЕРВЫЙ ТОМЪ, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ два рубля, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ — 2 руб. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

а) *За оба журнала* 7 (семь) руб., съ приложеніемъ „ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА“—8 (восемь) руб. съ пересылкою.

б) *Отдѣльно* за „Церковный Вѣстникъ“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ „ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА“—6 руб. 50 коп.; за „Христіанское Чтеніе“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ „ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА“—6 руб. 50 коп.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ „ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА“—10 руб. 50 коп.; за каждый *отдѣльно* 7 (семь) руб., съ приложеніемъ „ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА“—9 рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (*Пески, уголъ 7-й улицы и Дегтярной, д. № 26—30, кв. № 8*), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія и редакціи, гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церковномъ Вѣстникѣ“.

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТ. ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XV. „НАБЛЮДАТЕЛЬ.“ ГОДЪ XV.

Вступая въ пятнадцатый годъ своего существованія, журналъ будетъ издаваться подъ прежнею редакціей, въ томъ же прогрессивно-національномъ направленіи.

„Наблюдатель“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: за годъ безъ доставки 12 руб., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 13 руб., съ пересылкою внутри Россіи 14 р., за границу—17 руб. За полгода: безъ доставки—6 руб.; съ доставкою—6 руб. 50 коп., съ пересылкою въ Россіи 7 р., съ пересылкою за границу—9 руб. За три мѣсяца: безъ доставки—3 руб., съ доставкою и пересылкой въ Россіи—3 руб. 50 коп., за границу—5 руб.

Вслѣдствіе допущенія редакціею подписки на полгода и на три мѣсяца безъ возвышенія платы, разсрочка подписной суммы сохраняется только для гг. служащихъ (по мѣсяцамъ и третямъ года) за поручительствомъ гг. казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка—50 коп. съ годоваго экземпляра. При подпискѣ полугодовой и трехмѣсячной уступки не полагается.

Для сельскаго духовенства, для учителей народныхъ школъ, для студентовъ и слушательницъ высшихъ учебныхъ заведеній подписная цѣна: за годъ съ пересылкой 12 руб., за полгода—6 руб., за три мѣсяца—3 руб. Подписка съ разсрочкой и уступкой адресуется исключительно въ главную контору журнала.

Въ первомъ полугодіи журнала будутъ напечатаны романы: „Грѣхи отцовъ“ *А. К. Шеллера* (А. Михайлова), „Кровь“ *І. І. Ясинскаго*, „Прометеево потомство“ (изъ исторіи завоеванія Абхазіи) *Д. Л. Мордовцева* и проч.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго просп., № 11), въ конторѣ „Новаго Времени“ и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ (Фену, Вольфа, Цинзерлинга, Стасюлевича и др.); въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ университета) и въ отдѣленіи конторы „Новаго Времени“; въ Одессѣ—въ книжныхъ магазинахъ Распопова и „Новаго Времени“; въ Кіевѣ—въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Идзиковскаго и Литова; въ Харьковѣ и Саратовѣ въ книжн. магазинахъ „Новаго Времени“; въ Тифлисѣ—въ „Центральной книж. торговлѣ“ и въ книжн. магазинахъ Евангулова и Сузанаджана; въ Томскѣ—въ книжн. магазинѣ Макушина; въ Вильнѣ—въ книжн. магазинѣ Стракуна; въ Смоленскѣ—въ книжн. магазинѣ Клестова; въ Тулѣ—въ книжн. магазинѣ Протасова; въ Житомірѣ—въ кн. магазинѣ Савчука; въ Казани—въ книжн. магазинахъ Дубровиной, Башковыхъ и „Восточная Лира“.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

Годъ XXXVIII. САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ Годъ XXXVIII.

политическій, литерат.-художеств. и сатирическій съ каррикатурами

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“.

Открыта подписка на 1896 годъ!

Развлеченіе вступаетъ въ **ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ** годъ своего существованія.

Развлеченіе въ данное время является самымъ старымъ сатирическимъ журналомъ.

Развлеченіе стремится всегда, на сколько возможно, сохранять традиціи добраго стараго времени—времени процвѣтанія общественно-сатирическаго направленія.

Развлеченіе безпощадно бичуетъ зло, разоблачаетъ разныя „дѣла и дѣлишки“, смѣется надъ всѣмъ, что достойно смѣха и съ веселымъ остроумнымъ задоромъ отмѣчаетъ комическія стороны жизни.

Развлеченіе въ наступающемъ **1896** году не измѣнитъ своимъ настойчивымъ стремленіямъ и будетъ не только **Будильникомъ** совѣсти, мысли и здравыхъ общественныхъ отношеній, но и подаритъ читателей шаловливымъ, какъ **Стрекоза** мотивомъ. Надѣвая маску Шута, оно будетъ всегда говорить горькую правду въ глаза, звать на свѣтлую дорогу добра, правды и истины и постарается сметать **Осколки** всей нечисти, заграждающей путь къ широкому просвѣщенію и нравственному усовершенствованію и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить для читателей истиннымъ **Развлеченіемъ**.

Развлеченіе употребитъ всѣ силы на улучшеніе какъ внѣшняго такъ и внутренняго качества журнала.

Развлеченіе дастъ въ **1896** году 50 №№ журнала, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 1500 рисунковъ и каррикатуръ, не менѣе 1500 разсказовъ сатирическаго и юмористическаго содержанія, массу стихотвореній и мелочей на злобу дня и кромѣ того дастъ юмористическое обозрѣніе столичной и провинціальной жизни.

Развлеченіе заручилось согласіемъ лучшихъ писателей-юмористовъ и художниковъ, произведенія которыхъ будутъ непрерывно помѣщаться въ будущемъ **1896** году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ

На годъ . . . . . 6 р.
На полгода . . . . . 3 р.

Пробный нумеръ высылается за три семикопѣечныя марки.

Подписка принимается:

Въ Главной Конторѣ журнала **Развлеченіе**, на Страстной площ., въ домѣ Чижова; а также въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

За неисправную доставку журнала Контора отвѣчаетъ только предъ лицами, приславшими деньги непосредственно на имя редакціи журнала.

Адресовать: Москва, журналу „Развлеченіе“.

Редакторъ **Н. Соѣдовъ**.

Редакція журнала „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ въ будущемъ **1896** году имѣетъ возможность исключительно своимъ подписчикамъ за **1 р. 50 к.** выслать самое полное собраніе сочиненій **М. Ю. Лермонтова** въ шести томахъ, изданное подъ редакціей профессора **П. А. Висковатова**. Въ этомъ изданіи помѣщены не только всѣ произведенія М. Ю. Лермонтова, но и всѣ документы и отзывы, которые такъ или иначе касаются жизни и дѣятельности поэта. Изданіе съ 8-ю роскошными портретами, гравированными на сталѣ Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ; въ книжныхъ магазинахъ это изданіе стоитъ **ТРИ** рубля.

Открыта подписка на 1896 годъ
на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ БЕСѢДА,

(Второй годъ изданія).

Въ 1896 году **Русская Бесѣда** будетъ издаваться въ томъ же духѣ и служить тѣмъ же цѣлямъ, какъ и въ 1895 году. Она останется органомъ такъ называемаго *славянофильскаго*, или точнѣе—**русскаго народнаго направленія**. Признавая святость церковныхъ преданій и свѣтлыхъ историческихъ завѣтовъ и желая Русскому народу и Государству жить и развиваться въ полномъ согласіи съ ними, **русское народное направленіе**, которому служитъ „**Русская Бесѣда**“, ставитъ выше всего требованія *правды Божіей* и *христіанскую свободу духа и жизни*. По законамъ этой *правды* и *свободы* оцѣниваются и опредѣляются нами всѣ внутреннія отношенія и порядки Общества и Государства и ихъ внѣшнія отношенія и дѣла.

„**Русская Бесѣда**“ съ безплатнымъ приложеніемъ „**Благовѣстъ**“ выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками отъ 12 до 14 листовъ

По слѣдующей программѣ:

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и за границей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 9) Библіографія и критика. 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Въ приложеніи „**Благовѣстъ**“ помѣщаются статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „**Русскую Бесѣду**“ съ „**Благовѣстомъ**“ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣстности Россіи и за границу: *на годъ* шесть руб., *на полгода* три руб. **Допускается разсрочка** по одному рублю въ мѣсяцъ, безъ надбавки. **Высылается** и съ наложеннымъ платежомъ. Цѣна отдѣльной книжки въ розницу **1 руб.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Редакціи „**Русской Бесѣды**“: *С.-Петербургъ, Гороховая ул., д. 15;* въ конторѣ журнала: Троицкая ул., д. 18; въ С.-Петербургскомъ Слав. Обществѣ, Площадь Александринскаго театра, д. 9, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени, Карбасникова и др.

Редакторъ В. **Драгомирецкій.**

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся, соч. Ѳ. Журова, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 руб. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др., въ С.-Петербургѣ: у Вольфа, Суворина и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: „Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ но и для начинающихъ преподавателей“. См. „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“ 1876 кн. 10-я, стр. 103-я (такового одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ). Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.) Ѳ. Журова. Цѣна 25 к. Адресующіеся за которою-либо книгой прямо къ автору въ г. Шую, Ѳедору Гавриловичу Журову, за пересылку не прилагаютъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на ежедневную политическую, литературную и общественной жизни

ГАЗЕТУ

ВОЛЫНЬ

Кромѣ цѣлаго ряда улучшеній, предпринятыхъ новою редакціей для пополненія всѣхъ отдѣловъ, размѣръ газеты увеличенъ съ четырехъ столбцовъ на пять. Имѣя намѣреніе и въ будущемъ году прилагать всѣ усилія къ улучшенію изданія, редакція озаботилась привлеченіемъ новыхъ литературныхъ силъ.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ „Волыни“ состоятъ: *С. Н. Кулябка, А. М. Когенъ, Е. Южный* (псевдонимъ), *А. И. Купринъ, Е. И. Любичъ-Лозинскій, А. А. Козицкій-Фидлеръ, Е. Богданова* (псевдонимъ), *Г. И. Коровицкій, П. А. Тулубъ, Н. А. Тулубъ, В. А. Бернацкій, Н. М. Порядинскій, г. Эфъ* (псевдонимъ) и друг. Кромѣ того намъ обѣщали свое сотрудничество: *В. И. Немировичъ-Данченко*, разсказъ котораго появится въ одномъ изъ декабрьскихъ номеровъ, и *Г. М. Мачтетъ*.

Независимо отъ этого, редакція озаботилась приглашеніемъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Волынской губерніи и крупныхъ центровъ юго-западнаго края.

Подписная цѣна:

На годъ: съ доставкой и пересылкою 5 руб., на полгода—2 руб. 60 коп., на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп. и на 1 мѣс.—75 коп. Гг. иногородные подписчики требованія на газету благоволятъ адресовать: г. Житомиръ, въ редакцію газеты „Волынь“.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: при подпискѣ—2 руб., къ 1-му іюня—2 р. и къ 1-му октября—1 руб.

За редактора Е. А. Фидлеръ.

ВЫШЛА (5-ая) НОЯБРЬСКАЯ КНИГА ЖУРНАЛА

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

Содержаніе: *Корелинъ*. Этическій трактатъ Лоренцо Валлы „Объ удовольствіи и объ истинномъ благѣ“.—*А. А. Козловъ*. Сознаніе Бога и знаніе о Богѣ.—*Н. Я. Гротъ*. Основанія экспериментальной психологіи.—*Л. М. Лопатинъ*. Явленіе и сущность въ жизни сознанія.—*Влад. С. Соловьевъ*. Безусловное начало нравственности.—*Л. Е. Оболенскій*. Попытка научнаго примиренія моральныхъ разногласій.—Отрицатели морали.—*В. А. Гольцевъ*. Памяти Гуго Гроція.—*Ѳ. А. Зеленогорскій*. Ив. Г. Шадъ.—*М. А. Б—чъ*. По поводу статьи г. Козлова: Анализъ послѣдняго произведенія гр. Л. Н. Толстого: „Хозяинъ и работникъ“.—*Критика и библіографія.—Психологическое Общество.—Извѣстія, замѣтки* и проч.

Открыта подписка на 1896 г. (VII г. изд.).

На годъ безъ дост.—6 р., съ дост.—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а на льготныхъ условіяхъ—только въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, уг. Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. НА ЖУРНАЛЪ

XVI ГОДЪ. **„ОСКОЛКИ“** ГОДЪ XVI.

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи **Н. А. Лейкина.**

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“ съ карикатурами, вступая въ шестнадцатый годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1896 году подъ тою же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1895 году. Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій, помѣщая на своихъ страницахъ въ теченіе года до 1000 юмористическихъ и карикатурныхъ, художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до 1,300 юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ, а именно: легкихъ фельетонныхъ набросковъ изъ текущей жизни, разсказовъ, сценъ, шаржей, пародій, очерковъ, анекдотовъ, шутокъ, изреченій, каламбуровъ, шарадъ, загадокъ и пр. Время отъ времени, редакція предлагаетъ ребусы, шарады и загадки на премію.

Всѣ годовые подписчики получатъ въ концѣ 1896 года, “безплатную премію“—**Букетъ стариннаго юмора** съ исторически-вѣрными иллюстраціями.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой: на годъ съ безплатной преміей **9** р., на полгода безъ преміи **5** р., на три мѣс. безъ преміи **3** р., за границу на годъ **10** р. Безъ доставки и пересылки: на годъ съ безплатной преміей **8** р., на полгода безъ преміи **4** р. **50** к., на три мѣсяца безъ преміи **2** р. **50** к.

За пересылку премія приплаты не полагается. Допускается разсрочка подписной платы черезъ господъ казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ главною конторой журнала „Осколки“. Подписавшіеся съ разсрочкой получатъ премію лишь по уплатѣ всей подписной суммы. Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-издатели *Н. Лейкинъ* и *Р. Голике.*

ГОДЪ XVI. ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 Г. ГОДЪ XVI.

на иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

„Дѣтскій Отдыхъ“ особенно рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при святѣйшемъ синодѣ допущенъ къ пріобрѣтенію для фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи допущенъ въ четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства.

Въ предстоящемъ году обѣщались принять участіе въ журналѣ, кромѣ большинства прежнихъ его сотрудниковъ: А. Д. Алферовъ, В. Н. Беркутъ, Н. В. Богоявленскій, П. И. Вейнбергъ, П. Г. Виноградовъ, Н. Г. Вучетичъ, И. В. Діонео, В. П. Засодимскій, А. Н. Корчагинъ, Н. А. Котляревскій, С. П. Моравскій, И. Н. Потапенко, А. Н. Реформатскій, С. Г. Смирновъ, Ѳ. А. Смирновъ, М. Н. Сперанскій, В. К. Черкасъ.

Въ первыхъ книжкахъ журнала будутъ помѣщены: „Милочка“, разсказъ В. Засодимскаго. „Полканъ Собакевичъ“, повѣсть А. Круглова. „Холодное сердце“, повѣсть К. Лукашевичъ. „Радушное“, повѣсть С. Орловскаго. „Путешествіе по Туркестану“, Н. Богоявленскаго. „Допотопный міръ животныхъ“, А. Корчагина. „Происхожденіе химіи“, А. Реформатскаго.

Подписчики 1896 г. получатъ безплатное приложеніе: **альбомъ рисунковъ по географіи Россіи.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА **1896** ГОДЪ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ **6** р., на полгода **3** р. **50** к. Безъ доставки въ Москвѣ **5** р. **50** к. Подписка принимается: въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій пер., д. Мамонтова, магазинъ „Дѣтское Воспитаніе“; въ конторѣ объявленій Н. Печковской (Петровскія линіи), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и другихъ городовъ.

Редакторъ *Я. Л. Барсковъ.* Издатель *А. И. Мамонтовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(*XV годъ изданія*)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„РОДНИКЪ“

И ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

„Воспитаніе и Обученіе“.

Родникъ въ 1896 г. будетъ издаваться подъ тою же редакціей, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 14 лѣтъ.

Родникъ выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Въ 1896 году въ Родникѣ, между прочимъ, будутъ помѣщены: вторая часть очерковъ изъ морской жизни К. М. Станюковича, подъ названіемъ Вокругъ свѣта на „Коршунѣ“, и новая біографическая повѣсть В. П. Авенаріуса: **Жизнь и приключенія Гоголя-студента.**

Вмѣстѣ съ Родникомъ можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ Воспитаніе и Обученіе, посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

Родникъ рекомендованъ и одобренъ ученымъ и учебнымъ комитетами: Мин. Нар. Просв., Святѣйшаго Синода, собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Глав. Управл. военно-учебныхъ заведеній. Удостоенъ почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ. Мин. Нар. Прос. признанъ необходимымъ для выписки въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и учительскія библіотеки народныхъ школъ за всѣ годы его существованія (т.-е. съ 1882 г.).

Условія подписки на 1896 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой.	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ «Родникъ»	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На «Родникъ» и педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	6 »	3 » — »	1 » 50 »
За границу	8 »	4 » — »	2 » — »
Отдѣльно на педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	2 »	1 » — »	— » 50 »

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Русскомъ книжномъ магазинѣ» Н. Н. Морева.

За издателя Н. Моревъ. Редакторъ Алексѣй Альмединингенъ.

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ съ картинками «Читальня Народной Школы» (9-й годъ изданія). Цѣна съ доставкой и пересылкой 3 рубля въ годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1896 НА ГОДЪ.

IX-й год изданія. **„СѢВЕРЪ“** IX-й год изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Съ 1896 года журналъ „Сѣверъ“ будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ на высокаго достоинства бумагѣ и въ изящной обложкѣ. Въ художественномъ отношеніи цѣль редакціи—это приблизиться по выполненію къ такимъ первокласснымъ европейскимъ журналамъ, какъ „The Graphic“, „Figaro Illustré“ и „Moderne Kunst“. Имѣя послѣднее въ виду, редакція въ 1896 г. намѣрена сдѣлать изъ „Сѣвера“

первый въ Россіи журналъ, иллюстрированный красками.

Приступая къ такому дорогому и роскошному изданію и въ то же время желая сдѣлать его общедоступнымъ, редакція, въ видѣ опыта, оставляетъ и на 1896 годъ ту же подписную цѣну, а именно:

На годъ (безъ отдѣльной преміи): Со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.** Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской **6 р. 50 к.** Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **7 р.** Съ пересылкой за границу **11 р.**

На годъ (съ отдѣльной преміей): Со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ **7 р.** Безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской **7 р. 50 к.** Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской имперіи **8 р.** Съ пересылкою за границу **12 р.**

Разсрочка подписной платы допускается.

Въ **1896 г.** журналъ „СѢВЕРЪ“ дастъ на своихъ страницахъ слѣдующія, уже имѣющіяся въ портфелѣ редакціи произведенія: „Умирающій левъ“, историческій романъ изъ временъ Кавказской войны, Вас. Ив. Немировича-Данченко; „Похожденія Слезкина въ Парижѣ“, романъ И. Я. Павловскаго (Яковлева); „За мольбертомъ и кистью“, романъ изъ жизни художниковъ, Н. А. Александрова; „Старые часы“, повѣсть К. К. Случевскаго; „Влюбленный въ жену“, повѣсть А. В. Круглова; „Литераторъ Полѣсовщиковъ“, психологическій этюдъ А. В. Амфитеатрова (Old Gentleman); „Потерянный день“, повѣсть І. І. Ясинскаго; повѣсть гр. Е. А. Саліаса. Кромѣ того, въ журналѣ принимаютъ участіе: А. Н. Майковъ, А. П. Чеховъ. И. Н. Потапенко, П. П. Гнѣдичъ, Н. Кочетовъ, А. Корниескій, О. Чумина, Л. Львова, М. Славинскій, профессоръ Н. Сорокинъ, профессоръ Н. Ф. Соловьевъ, К. Фофановъ и другіе извѣстные литераторы.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ,

то-есть 12 томовъ, объемомъ около 200 печатныхъ листовъ въ годъ.

Для приложеній къ журналу „Сѣверъ“ въ редакціи уже находятся: „Лазурный край“—Вас. Ив. Немировича-Данченко, иллюстрированный извѣстными иностранными художниками; „Іерусалимъ“—Пьера Лоти, съ иллюстраціями. „Галилея“ того же автора. „За кулисами у художниковъ“ очерки Н. А. Александрова, съ иллюстраціями художниковъ: К. Айвазовскаго, А. Бочарова, М. Зичи, И. Келлера-Виліанди, Л. Лагоріо, Лаверецкаго, В. Маковскаго, А. Мещерскаго, П. Сверчкова, М. Шишкова, И. Шредера и другихъ.

„Парижскія моды, хозяйство и домоводство“

Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ: **12** отдѣльныхъ выкроекъ, изъ которыхъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.

12 БЕЗПЛАТНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ,

то-есть по одной преміи въ мѣсяцъ. Преміи эти будутъ воспроизведены красками новѣйшими усовершенствованными способами.

Кромѣ всего вышеозначеннаго, въ 1896 г. подписчики журнала „Сѣверъ“ получатъ отдѣльную художественную премію—портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы **АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ**, исполненный олеографическимъ способомъ, того же размѣра и художественнаго достоинства, какъ и портретъ Е. И. В. Государя Императора НИКОЛАЯ II (премія 1895 года).

За редактора *Н. А. Александровъ*. Издатель *Н. Ѳ. Мертцъ*.

Главная контора и редакція журнала „Сѣверъ“—Спб., Екатерининская ул., № 4.

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“:

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(III годъ изданія).

52 №№ и 6 книгъ.

Цѣль журнала — содѣйствовать распространенію научныхъ знаній. Журналъ не принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ „популярныхъ“; тѣмъ не менѣе, изложеніе, по возможности, отличается общедоступностью. **Отдѣлы:** антропологія, соціологія, опытная психологія, лингвистика, біологическія и физико-химическія науки, геологія, астрономія и др. Научныя новости, дѣйствія ученыхъ обществъ. Математическій листокъ.

Въ 1895 году принимали участіе, между прочимъ, слѣдующіе авторы:

Магистръ зоол. *В. А. Вагнеръ*, секр. моск. общ. люб. естеств. *Г. А. Кожевниковъ*, проф. *Н. Кузнецовъ*, проф. Неаполитанск. унив. *Фр. Нитти*, проф. *А. Трачевскій*, проф. *В. М. Шимкевичъ*, *П. Ю. Шмидтъ* (Спб. зоол. каб.), лаборантъ *А. Филипповъ* (лаб. Спб. унив.), *Ф. Харитоновъ* (членъ московск. психол. общества), проф. *Н. Холодковскій* и друг.

Въ 1896 году въ числѣ приложеній будутъ даны соч. Дарвина: „**Происхожденіе человѣка и половой подборъ**“ (Путеш. на кораблѣ *Бигль*, Автобіографія) и „**Выраженіе ощущеній**“; „Теорія зрѣнія“ (популярн. лекціи) Гельмгольца и „Палеонтологія“ Годри.

Условія подписки: на годъ семь руб. съ перес. и доставкой, на полгода четыре руб., четверть года два руб. Адресъ редакціи и главной конторы: **С.-Петербургъ, Надеждинская, 43 (Манежный, 7), кв. 15.**

Ред.-изд. д-ръ философіи **М. Филипповъ.**

М. М. Филипповъ: ФИЛОСОФІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Изъ оглавленія: *Изъ I части.* Метафизика и наука. Древность. Средніе вѣка. Новое время. Ламаркъ. Преформисты и эпигенетики. Бэръ. Палеонтологія. Дарвинизмъ. Витализмъ. Рефлексъ, инстинктъ, разумъ. Соціальная эволюція. Семья и собственность. Прогрессъ умственный и нравственный. Экономическій матеріализмъ. О субъективномъ методѣ. Развитіе личности и учрежденій. *Изъ II части.* Вещество и сила. Критика матеріализма. Превращеніе энергіи. Энтропія. Начало наименьшаго дѣйствія. *Изъ III части.* Границы познанія. Позитивизмъ, агностицизмъ, критицизмъ.

Подписная цѣна (большой томъ, роскошное изданіе въ 700 стр. съ рис. и табл.) **пять** руб. (съ перес. **шесть** р.). **По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ увеличена.** 1-й вып. вышелъ. Всего 4 выпуска.

Подписчики по желанію пользуются разсрочкой: при подпискѣ **три** руб., затѣмъ по выходѣ второго выпуска еще **три** рубля (съ пересылкой).

Книгопродавцамъ, доставляющимъ подписку, уступка 30 коп., причемъ пересылку, доставку и отвѣтственность передъ подписчиками редакція принимаетъ на себя. Въ случаѣ же, если иногородній книжный магазинъ подписывается на свое имя, уступка магазину 25% съ подписной цѣны. Пересылка—на счетъ заказчика.

CADEAU aux LECTRICES de la PENSÉE RUSSE

(Русская Мысль).

BON pour un Numéro du Journal de Modes «LA SAISON», le seul au monde donnant 100 Gravures inédites de Modes et de Travaux de Mains par Numéro.

Détacher ce coupon et l'envoyer avec son adresse, à l'Administrateur de La Saison 30 Rue de Lille, Paris.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 5-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ (съ 1 января 1896 г. по 1 января 1897 г.

НА

„ВѢСТНИКЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ"

И ГОРНАГО ДѢЛА ВООБЩЕ.

Журналъ имѣетъ выходить, по-прежнему, 2 раза въ мѣсяцъ, въ размѣрѣ отъ одного до трехъ печатныхъ листовъ, считая въ томъ числѣ и чертежи.

Въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе члены редакціоннаго комитета, состоящаго изъ гг. горныхъ инженеровъ: *Н. С. Боголюбскаго, В. Е. Власова, Н. С. Волконскаго, М. В. Гирбасова В. Д. Кощовскаго, Н. Г. Лебедева, В. С. Реутовскаго, Э. К. Фреймана, М. А. Шостакъ*, и *Г. М. Яцевича*. На сотрудничество изъявили согласіе профессора Императорскаго Томскаго университета: *А. М. Зайцевъ* и *Ф. Я. Катунинъ* и многіе изъ горныхъ инженеровъ.

Задача изданія,—возможно полное удовлетвореніе потребностей золотопромышленниковъ въ смыслѣ знакомства ихъ со всѣмъ новымъ и выдающимся какъ въ области техники, такъ и въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ хозяйства, исторіи и статистики. Въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи и по другимъ отраслямъ горнаго дѣла, и въ особенности по тѣмъ, которыя дѣлаютъ болѣе яснымъ положеніе золотопромышленности.

Согласно поставленной задачи, въ справочномъ отдѣлѣ журнала будутъ своевременно помѣщены свѣдѣнія о всѣхъ заявкахъ, о пріискахъ, зачисленныхъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и объявленныхъ свободными для новыхъ заявокъ (въ Сибири и на Уралѣ), также всевозможныя распоряженія начальства Восточной и Западной Сибири и Урала.

Кромѣ того, въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ будутъ помѣщены свѣдѣнія о количествѣ добытаго золота въ 1895 г. во всей Имперіи по каждому пріиску отдѣльно.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Общее обозрѣніе. II. Горное и заводское дѣло. III. Прикладныя: минерал., геологія и геогноз. IV. Исторія, хозяйство и статистика золотопромышленнаго и горнаго дѣла вообще. V. Механика золотого дѣла. VI. Горное законовѣдѣніе. VII. Узаконенія и распоряженія правительства. VIII. Новости и извѣстія. IX. Финансовое изложеніе пріисковъ и золоторуднаго дѣла. X. Корреспонденція. XI. Почтовый отдѣлъ. XII. Библіографія. XIII. Справочный листокъ. XIV. Объявленія.

Въ поименованное содержаніе журнала войдутъ какъ оригинальныя статьи, такъ и переводныя. Все лучшее, уже имѣющееся на иностранныхъ языкахъ или могущее появиться, составитъ, по возможности, необходимый матеріалъ журнала. Статьи, помѣщаемые въ журналѣ, будутъ изложены общедоступно.

Подписная цѣна (съ пересылкой или доставкой).

На годъ	9 р.	На 3 мѣсяца	3 р.
„ полгода . . .	5 „	„ 1 мѣсяцъ	1 „

Подписка принимается: въ Томскѣ—1) въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина и 2) въ конторѣ редакціи журнала (Затѣевскій пер., д. Г. Я. Цама); въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ коммиссіонера казенныхъ горныхъ заводовъ, Малая Морская, д. № 9; въ Иркутскѣ въ редакціи *Восточнаго Обозрѣнія* и въ магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-издатель горный инженеръ *В. С. Реутовскій*

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

NOV 29 62 H